

Ник. ГОРЬКАВЫЙ

ВПЕРВЫЕ — В ОДНОМ ТОМЕ!

АСТРОВИТЯНКА

Annotation

Её зовут Никки. Она – Космический Маугли. Редчайший случай соединения острого ума, необъятной эрудиции, сверхскорости и сверхудачливости. Никки оказалась единственной выжившей после космической катастрофы и выросла в совершенной изоляции. Она учится в самой престижной школе Солнечной системы, у самых лучших учителей, у нее множество верных друзей и безжалостных врагов.

Сможет ли она своими знаниями и умом изменить этот мир – сделать его более добрым и по-настоящему справедливым?

- Астровитянка
 - Теория катастрофы
 - Возвращение астровитянки
- Впервые – в одном томе!
-

- [Николай Горькавый](#)
 -
 - [Книга 1](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8 Принцы и принцессы](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Послесловие о будущем](#)
- [Книга 2](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Послесловие](#)
- [Книга 3](#)
 - [Пролог нового тысячелетия](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Послесловие](#)
-

Николай Горькавый

Астровитянка (сборник)

© Ник. Горькавый, 2008–2009

© ООО «Астрель-СПб», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Книга 1

Астровитянка

*Всем умным молодым людям Земли, Луны и
дальнего космоса.*

*Челябинскому Научному Обществу Учащихся –
чудесному феномену, проросшему в трещинах
официальных воспитательных структур.*

*С надеждой, любовью и благодарностью
посвящается эта книга.*

Пролог

Полумрак. Уютно пытит кофевар, в такт ему тихо поскрипывает обитое кожей кресло, на котором любит качаться Сюзан. На мониторе переплетаются кривые спектров каменной планетки, чей тусклый полумесяц уже не помещается в широкое окно рубки. Руки Сюзан, подсвеченные мигающими огнями, колдуют над пультом пилота, я – бездельничаю и смотрю на её профиль, на её тёмную шевелюру, в которой поблескивает неожиданная пёстрая прядка из каштановых, рыжих и даже белых волосков...

Динамик пошуршал, похрустел и вдруг запел-заговорил тонким детским голосом забавную песенку... – считалочку, что ли?

Чей нос? – Саввин!
Куда ходил? – славить!
Что выславил? – копеечку!
Что купил? – пряничек!
С кем съел? – с мамой...

Тут и мама-Сюзан удивлённый голос подала:

– В первый раз слышу эту прелесть!

– Я тоже, – хмыкнул я. – И где только Никки выкапывает такие древности?

– Айван! – сказала Сюзан, не поворачивая головы. – Мы будем на мысе Канаверал в полдень пятницы по восточному времени. Чем займемся в первую очередь?

Айван – это я.

– Выбирай сама: нужно сдать железо, срочно расконсервировать дом и маниакально кропать то-олстый отчёт за все шестьдесят месяцев полевой работы.

– Фу, гадость! – фыркнула Сюзан. – Лучше так: все срочные дела сложим в кучку, в кучке сверху сделаем ямку. Потом туда плюнем, а сами – тихонько, на цыпочках – за дверь и в машину. Через час снимаем номер в Хилтоне с окном на залив – как в прошлый раз – и сразу купаться! Волна пахнет тропиками, шелестит тёплая позёмка песка, и жизнь хорошеет на глазах...

– Гениально!

– Вечер проводим на веранде ресторана под пальмовой крышей. Мясо с кровью – прямо с углей, под солёный морской бриз и ледяное сухое вино. Потом, поддерживая друг друга, поднимаемся в комнату, которая освещена лишь луной и прибором, и...

– Эй-эй, дальше не надо!

– ...и море шумит в распахнутую дверь балкона и машет на нас длинными занавесками, а белые барашки ночного шторма видны прямо с подушки... Утром кофе пьём на лоджии, полной солнца и ветра, под крики чаек Тампы... О боги! Я мечтала вернуться к нашему морю все эти длинные марсианские годы...

Сюзан зажмурила глаза, и что-то даже блеснуло в её ресницах.

– Держись, Сюзан, осталась всего неделя лёту! Будет тебе море – с чайками и пеликанами! – От сочувствия и в моём горле защипало. – А пока – притащу-ка я кофейку моему бравому капитану...

Сюзан грустно вздохнула мне вслед:

– Возьми зелёную кружку, там магнит посильнее.

Я принес кофе, примагнитил его на пульт и нежно поцеловал свою усталую душеньку-пилота сначала в темечко, а потом в шею. Сюзан быстро обняла мою голову одной рукой и крепко чмокнула в небритую щёку. О, Ганимед! Как этой женщине удастся всегда так умопомрачительно пахнуть?..

– На ваши драгоценные измерения, штурман... – к Сюзан вернулась властность командира, – осталось две минуты, и начинаем орбитальный манёвр. Пройдем по касательной, так что возьмёшь ещё качественный скан поверхности.

«Какой удачный день – по дороге домой случайно заметить М-астероид с двумя спутниками. Мы не смогли найти такого симпатягу за все пятьдесят вылетов в Главный Пояс... и вот – на самом его краю, так близко к Солнцу... – в который раз с энтузиазмом подумал я и сел в кресло. – Нелли будет вне себя от счастья, это такой козырь для неё...»

– Надо было все-таки доложиться на базу, – выиграла во мне лояльность.

– Ты что, не знаешь доктора Пфаффа? – хмыкнула Сюзан. – Такая волокита начнётся – планы, согласования, одобрения... и пролетает твой тройной астероид, махая платочком. Мы ведь даже не высаживаемся, только тесное сближение... Тридцать секунд до начала манёвра. Ты пристегнул Никки?

– Да, конечно. – Я глянул на боковой монитор. Наша девочка-белочка

что-то рисовала, сидя в кресле с высокой спинкой.

– Десять секунд... пять...

И тут в воздухе зародилась странная вибрация. Она быстро усилилась и навалилась низким гулом. Я по-настоящему испугался:

– Дьявол! Что это?!

– Не знаю! – растерянно выкрикнула Сюзан.

Гул сорвался в невыносимый вой и сверлящую боль в ушах. Во рту замозжило металлическим вкусом. В пульте и стенных панелях затрещали и заискрились бешеные разряды. Контрольные индикаторы стали гаснуть целыми секторами. Сюзан лихорадочно пыталась что-то сделать, выправить – но всё было прах: с пульта исчезли огни корабельного компьютера, потом потухли сигналы от всех двигателей и реактора. Весь свет в рубке погас, даже аварийный, от батарей! Громкий треск и искрение в стенах тоже прекратились: за считанные секунды живой тёплый корабль превратился в неуправляемую глыбу металла. Рубка освещалась лишь холодным светом астероида, и край его серого широкого серпа целился в наш беспомощный корабль, не успевший сделать поворот. Беда! Беда!

– Никки! – Я вскочил и рванул дверь в жилой отсек, но овальный стальной люк был невозмутим, как приваренная плита, как створка закрытого сейфа.

– Сделай что-нибудь, Айван, СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ! – пронзительно закричала Сюзан, вцепившись в безжизненный пульт, а к прозрачной стене рубки плавно и беспощадно приближались скалы астероида.

Я без церемоний выдернул Сюзан из кресла и отшвырнул к люку. И сейчас же острая скала с хрустом навалилась на бронестекло. Стекло раскатисто лопнуло, вдавилось внутрь корабля потрескавшимся пузырьём, и в разрывах трубно завыл ускользящий воздух. С пульта сорвалась кружка и устремилась к рылу серого каменного чудовища, влетающего в рубку в клубах пыли. Кофе выплеснулся струей и закипел в разреженной атмосфере. Но сюрреалистический кошмар происходящего не мог напугать меня – я был слишком занят, вручную вытягивая из стены плиту герметичной переборки. Трещали мышцы, и щелчками боли рвались связки. Сюзан изо всех сил помогала мне отгородиться от зверя. Послышался далёкий детский плач и сразу сорвался в визг ужаса. Плита соединилась со стеной: КЛАНГ! Успели!

В следующую секунду толстая сталь перегородки вздулась парусом, застыла на мгновение – и лопнула мне в лицо. Остро стегнуло виной: «Никки! Сюзан! Не смог! Не спас... Ты! Гад! Жри меня – оставь их!» Вдруг всё замерло и быстро потемнело. В этой теснящей мгле раздался

звонкий смех Никки, и ласковый голос Сюзан позвал меня: «Айван...»

Яростный рёв мужчины и женский крик прервались одновременно в оглушительном грохоте и леденящем скрипе разламывающегося корабля. Детский визг длился на секунду дольше, но когда усталый зверь продрался сквозь всю рубку и сердито ткнулся каменным рылом в наглухо закрытый люк, то визг сразу прекратился. Стальная дверь хрустнула и изогнулась, но выдержала. Под угасающий скрежет металла чудовище недовольно отодвинуло пыльную окровавленную морду от люка и замерло.

Мрак затопил раздавленную рубку, разлился по мёртвому кораблю – и стал тишиной.

Глава 1

День исполнения желаний

Звонко плеснув, метнулась в глубину рыба.

Жарко.

Дурманит духом свежескошенной травы, земли, лета. Солнечные лучи сквозь крышу оранжереи заливают густую зелень и ослепительно вспыхивают на ленивых волнах, расходящихся по маленькому пруду.

По дорожке среди высоких помидорных кустов лёгкой походкой идёт девочка лет тринадцати или четырнадцати. Её одежда собралась из разодранной на плече грязно-белой майки, когда-то красных шортов и тёмного линялого рюкзака за спиной. На первый взгляд, это обычная девочка-подросток, худенькая, с тонкими чертами весёлого лица, длинными спутанными волосами и поцарапанными острыми костяшками коленок.

Девочка останавливается, внимательно высматривает среди пахучих листьев помидорного толстяка алой спелости и аккуратно срывает его, потом на соседней грядке отщипывает молодой укропный стебель и несколько фиолетовых лепестков базилика. Выпрямившись, она небрежно смахивает прядь волос, упавшую на лицо, – и тут проясняется не замеченная ранее странность в её облике: каждый волосок густой шевелюры девочки совершенно прозрачен. Брови и ресницы – тёмные, а волосы падают на лоб светлыми паутинками. Но даже тонкое стекло хорошо заметно в преломлении света – и солнечные блики, рассеиваясь в хаосе хрустальных прядей, заставляют их ярко переливаться.

Девочка подошла к крохотному пруду и сложила добычу на его каменный край. Настоянный травяной воздух с примесью речного запаха кружил голову. Девочка сладко потянулась и вдруг оттолкнулась от берега и, громко взвизгнув, нырнула в самую глубокую часть пруда – прямо в одежду и с рюкзаком.

Тёмные рыбы спины в панике шарахнулись, а волна воды залила ближайшие кусты и смыла сухой лиственный мусор в пруд. Выплёскивая причудливые фонтаны крупных дрожащих капель и громко фыркая, девочка купалась с полчаса, ныряя и подолгу плавая возле донных камней, заросших илом и ленточными водорослями. Стекланные волосы её стали почти неразличимыми среди тёплых водяных струй, и могло показаться, будто вокруг голой головы колыхается прозрачная медуза.

Смахивая капли, льнущие к лицу, девочка выбралась из воды и уселась на самое солнечное место берега, покрытого тёмно-зелёным ползучим выюнком. Её волосы, слипшиеся после купания, походили на причудливую хрустальную шапочку. Девочка закрыла глаза, подняла лицо к солнцу и громко продекламировала протяжно-завывающим, актерским голосом:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башнях замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил её паж.

Никогда-никогда девочка не была у моря! И смутно представляла себе, что такое этот экипаж, тем более городской. Но четыре строчки из старого фолианта волновали её до слёз. Они вмещали целый мир с бушующим морем, старинными замками и влюблёнными пажами. Из дворцовых ворот выбегали извилистые горные дороги, и по ним, изредка и – чудилось – не спеша, ездили эти самые экипажи. Из стрельчатых окон резных стройных башен приветливо выглядывали короли, королевы и их придворные, и славился там чудный композитор Шопен, чью музыку играли непременно на лютне или клавесине.

В этом мире были люди... много людей! Они жили в домах или замках, катались в каретах или автомобилях, смотрели друг на друга и влюблялись, внимая музыке. Миллионы, миллиарды людей! – это всегда поражало воображение девочки. «Уму непостижимо, клянусь улыбкой Пандоры, как они там все умещаются!» – часто думала она с наивным восторгом. И как же ей хотелось быть принцессой из старого каменного замка с башенками, заросшими зелёным плющом!

Девочка прислушалась к чему-то, запустила руку в мокрые волосы и вытащила оттуда запутавшегося малька. Она с прищуром рассмотрела его ошеломлённую рожицу, весело хмыкнула и бросила рыбёшку назад в пруд.

Под взволнованной поверхностью воды всё ещё металось потревоженные тени рыб. Девочка со стеклянными волосами встала на ноги и медленно двинулась вокруг пруда, всматриваясь в его глубину. Нашла глазами самую крупную рыбу спину, длиной сантиметров тридцать.

– Приветствую тебя, рыба Эрик! Пойдешь гулять – не забудь зонтик, сегодня обещали дождь! – незамысловато пошутила она тоненьким мультипликационным голоском. Потом отследила спину поменьше, ловко

зацепилась одной рукой за берег, а другой молниеносно выхватила рыбу из воды.

Крепко зажав в ладони отчаянно бьющуюся радужную форель, девочка забрала красавец помидор и пучок зелени и направилась к выходу из оранжереи. Дверь, похожая на дверь сейфа, сама отворилась перед ней, а потом плотно закрылась.

Девочка прошла на кухню с видом на осенний лес и занялась приготовлением ужина. Вода дробными ручейками стекала с сосул её волос и обильно капала с рюкзака, но девочку совершенно не волновали ни мокрая одежда, ни неопрятные лужи на полу.

Она взяла острый нож, оглушила пойманную рыбу его массивной рукоятью и одним ударом лезвия отсекла форели голову. Ещё несколько удивительно быстрых и точных движений ножом – и бедная рыба очищена. Девочка хладнокровно посыпала специями и мукой ещё трепещущую тушку форели и положила её в накрытую стеклянной крышкой сковородку, где уже разогрелось и пощёлкивало оливковое масло.

После чего выбрала нужный угол обзора, различила шестиугольные узоры на поверхности горячего масла и произнесла довольным голосом:

– Только в нашем ресторане – самые свежие конвективные ячейки Бенара!

Девочка со стеклянными волосами оживлённо заговорила сама с собой:

– Вы утверждаете, что ваша восточная ручьевая форель *Salvelinus fontinalis* на вкус самая изысканная в мире? Советую вам придерживаться ваше мнение, пока не попробуете ту, что приготовит мистер Вульф!

Под потрескивание жарящейся рыбы девочка крупно накромсала в тарелку сочную помидорную мякоть, добавила соли и снова оливкового масла. Тем же ножом она нарезала укроп и базилик, придерживая их левой рукой. Потом ловко смахнула в салат свежескрошенную зелень, поднесла к лицу пальцы, мокрые от сока базилика, и с наслаждением вдохнула его запах.

И спросила любопытным басом:

– А что ты сделаешь на свою долю клада, Том Сойер?

Сама же и ответила более звонким голосом:

– Куплю себе новый барабан, настоящую саблю, красный галстук, щенка бульдога, а потом женюсь.

Опечаленный басок отметил:

– Том, ты, должно быть, совсем рехнулся!

Его перебил тоненький голос:

– Том, теперь я никого, кроме тебя, любить не буду, только и ты тоже ни на ком не женись, кроме меня.

Девочка заглянула под крышку сковороды, проверила самочувствие рыбы и заговорила уже двумя спорящими голосами – Умно-Благородным и Визгливо-Противным – такими интонациями мы обычно передаем свои споры с неприятным человеком, который во всём неправ.

Могло показаться, что этими голосами девочка пытается населить окружающее её пространство.

– Тщеславие – могучая вещь! Самые мелочные люди на свете – большие люди. И у них слюнки текут только на длинную свинью, – рассуждал Умно-Благородный Голос.

Визгливо-Противный, которого так и хотелось стукнуть по голове за несправедливое ехидство, заявил:

– Оставьте свой сарказм при себе, Вульф. Я понимаю, у вас в Нью-Йорке... – девочка произнесла слово «Нью-Йорк» сочно, даже приятно зажмурившись, – такие шуточки идут на ура, но здесь, в глубинке, мы проживем и без них!

– Меня возмущает ваш тон, ваш выбор выражений, ваши манеры и ваши методы работы! – не стерпел Умно-Благородный.

Все приготовления к ужину делались девочкой энергично и с видимым удовольствием, но некоторые её движения, особенно походка, показались бы постороннему наблюдателю странно плавными, словно подводными. А босые ноги перемещались по дырчатому пластику пола с легким почмокиванием. Девочка достала из тостера два ломтика горячего хлеба, вытащила из настенного шкафчика вилку, столовый нож и поцарапанный хрустальный бокал. Ловко перевернув зарумянившуюся рыбу на другой бок, отчего по кухне поплыл умопомрачительный аромат свежего жаркого, она взяла початую бутылку густо-красного кьянти и налила себе полный бокал. По-видимому, эту спокойную и весёлую девочку со стеклянными волосами совершенно не волновало, что скажут взрослые про алкоголь в рационе подростка.

Завершили сервировку стола тарелочка с четвертинкой лимона и кувшин с букетом жёлтых душистых роз «Тулуз-Лотрек». Девочка не преминула их с удовольствием понюхать, потом положила готовую рыбу на синюю плоскую тарелку и села, не снимая мокрого рюкзака, в удобное, хотя и низковатое для неё кресло.

– Когда в Айове ветер прекращается, то коровы падают!

На этом изречении девочка закруглила странные диалоги, причём осталось непонятным, кто из говоривших пас коров в Айове. Подняв бокал, она сказала умильным дребезжащим голосом Санта-Клауса на пенсии:

– Поздравляю тебя, Никки, с днём рождения! Желаю тебе совершить далёкое путешествие в сказочную страну и встретить там заморского принца... – конечно, прекрасного, чёрт побери! – Последние слова девочка сказала своим голосом и звонко рассмеялась.

Потом она глотнула из бокала и спросила в пространство надменным голосом принцессы из замка:

– А вы что подарите мне на день рождения, сэр Робби, старый абак?

– Сюрприз! Скажу после ужина, – раздался приятный баритон из рюкзака, оказавшегося обиталищем портативного компьютера.

– Ну-ну, ты, как всегда, тот ещё темнила! – обычным голосом сказала Никки и с аппетитом навалилась на салат и рыбу.

Робби запустил блюзовую мелодию, и она понравилась Никки, судя по ободрятельному кивку головы. Тихий лесной вид из окна вдруг сменился штормовым прибоем на острых скалах, и стало ясно, что это вовсе не окно, а просто большой экран.

Никки расправилась с праздничным ужином и откинулась на спинку кресла.

– Ну, давай, камень-кремень, выкладывай свой сюрприз, – голосом сытой Багиры промурлыкала она.

– Посмотри сюда... – невнятно произнёс придавленный Робби и заменил штормящие экранные волны видом звёздного неба.

– Ну-у... астероид, что ли, решил подарить, – разочарованно протянула Никки. – Так уже два раза дарил, всё равно никакого толку... Кто-нибудь давно переоткрыл его и назвал именем любимой кошки.

– Обрати внимание на эту светлую точку, показываю её положения на небе за последние два часа.

– И?..

– По моим расчётам – это корабль, и через восемь-девять часов он прибудет к нам...

Бокал Никки смахнулся со стола и стал очень медленно падать на пол.

– Копыта Козерога! Как?! Когда ты узнал?!

– Засек в телескоп два часа назад, думал – мелкий астероид. Сорок минут назад отсуммировал данные, рассчитал букет возможных траекторий, понял, что объект тормозится, прикинул возможное время прибытия и...

– И ты молчал целых сорок минут!

– Я решил, что тебе надо дать спокойно поесть, потому что силы тебе будут сейчас очень...

– Бездушная железяка!

Пятикилометровый астероид медленно вращался, подставляя Солнцу серые, изрытые кратерами бока. К освещённому краю космической каменной горы, пофыркивая маневровыми двигателями, подплывал патрульный крейсер Спейс Сервис с амбициозным названием «Марсианская Джоконда». В рубке «Джоконды» вполголоса переговаривались командир крейсера – лейтенант Дик Джонсон-бей и глава спасательной группы Патрик де Рубиник.

– Посмотри-ка! – Командир вдруг указал на тускло-блестящую конструкцию из шаров и цилиндров, показавшуюся из-за горизонта астероида. – Разрази меня гром! Это не просто зонд, а целый корабль!

– Судя по всему, – напряжённо всмотрелся Патрик в экран, – малый исследовательский фрегат класса «фобос». Но оранжерея явно больше обычной... И не очень понятно с рубкой... Ага! Именно рубкой он и ударился. Похоже на зверски неудачную посадку...

– Эх, бедолаги... – Капитан крейсера был молод и откровенно расстроился.

– Компьютер, – скомандовал негромко глава спасателей, – дай список судов, пропавших без вести в районе этих орбит.

На экране появились изображения семи кораблей.

– Класа «фобос» только два, – подытожил Патрик, – из остальных похож ещё древний «ганимед»... Нет, у него сбоку заметный выступ шлюза. Все случаи – старые: один «фобос» пропал в тридцать первом году, второй – десять лет назад. Значит, живых нет. Сигналы, очевидно, из автоматического аварийного блока. Почему только такие слабые? Корабль-то – удивительно, но почти цел... В подобных случаях SOS-системы поют на всю Солнечную систему в десятке диапазонов...

– Кого возьмешь? – спросил лейтенант Джонсон-бей.

– Пойду с медиком-стажером Бениной, пусть привыкает... – Патрик вздохнул и наморщил лоб. Из-за этой привычки на его загорелом лбу выделялись светлые полосы.

Две фигуры в скафандрах выбрались из шлюза приземлившегося крейсера, наклонились вперёд и плавно, будто в воде, двинулись к разбитому кораблю.

– Восьмого марта 52 года. Расследование аварии фрегата класса

«фобос» на астероиде номер 4654. Запылённость обшивки небольшая... – Старший спасатель, не теряя времени, привычно бубнил в микрофон информацию для отчёта. Кибер-ассистент Патрика оформлял реплики в официальный отчет, уточняя имя и размер астероида, приставляя к годам всем известный век и убирая нечаянную ругань и жаргонизмы. – Не думаю, что он стоит здесь больше нескольких лет... Фатальные повреждения рубки... Уровень радиации снаружи в норме... Шлюз реголитом не засыпан, пробуем войти через главные двери...

Фрегат вблизи увеличился до размеров трёхэтажного дома, и стало видно, что весь он практически уцелел. Лишь шар передней рубки, принявшей на себя весь удар при несчастливой посадке, смялся под чудовищной силой инерции и глубоко вдавился в рыхлый грунт, усеянный оскаленными валунами и серыми скалами.

Патрик с Бениной подошли к главному шлюзу. Вдруг его массивные створки бесшумно раскрылись.

– Канис меня задери!.. – осёкся Патрик, всё ещё бормотавший в микрофон. – Рулевой компьютер цел, что ли? База, нас приглашают...

Они осторожно заглянули в проём люка и, не найдя ничего примечательного в открывшемся шлюзе, забрались в него. Входная дверь плавно закрылась, и в камере зашипел воздух.

– Святой Амбарцумян! Здесь даже воздуховоды исправны!

Когда же открылся внутренний люк шлюза, то космонавты остолебенели и онемели...

В ярко освещённой кают-компании их встречала высокая худая девочка с огненно-рыжими волосами, одетая в длинное, почти до пола, вечернее платье изумрудного цвета, очень помятое и не по росту. Глубокое декольте платья открывало неуместную белую майку-безрукавку с застарелыми пятнами и лохматой прорехой на плече, а на спине девочки красовался ещё и чёрный засаленный рюкзак. Пыльные босые ноги подростка нервно переминались на светлом пластике пола.

– Здравствуйте, люди! Приветствую вас на борту «Стрейнджера», – срывающимся голосом сказала девочка. – Как же вы медленно чалились! Проходите, пожалуйста, и садитесь! Гость – это драгоценный камень на подушке гостеприимства! – И она указала на роскошно сервированный стол.

– База, у нас живой человек!.. Очень странный... – очнулся и сдавленным голосом сообщил спасатель.

– Сам вижу... – ошарашенно откликнулся лейтенант Дик из рубки патрульного крейсера. – Эвакуируйте её немедленно!

– Спокойно, я ещё не разобралась...

Медик Бенина немедленно взяла ситуацию в свои руки, как и полагается, если вопрос идет не просто о разбитом корабле, а о живом человеке, и быстро отбросила шлем за спину.

– Здравствуй! Как у тебя мило! – улыбнулась она девочке.

Спасатель посмотрел на анализатор атмосферы, помедлил и тоже снял шлем.

– Привет! – хрипло сказал он.

Вдруг девочка смело подошла к ним и неожиданно потрогала прямые белокурые волосы Бенины – та стояла, замерев, – потом поерошила жёсткие каштановые кудри Патрика и даже слегка потянула их – тот только удивлённо таращил глаза.

– Демон Максвелла! Совсем другие! – явно огорчилась девочка и стремительно повернулась к столу.

Патрик и Бенина посмотрели друг на друга – Патрик вопросительно округлил глаза, но Бенина поднесла палец к губам – тихо, мол, – и сделала приглашающий к столу жест. Вслед за медиком спасатель послушно снял скафандр, и они прошли в середину кают-компания, всё ещё ошеломлённо озираясь. Стол оказался сервированным на несколько персон, с целой батареей бутылок с вином и тарелок с разноцветными салатами. В центре стоял гигантский благоухающий букет жёлтых роз.

– Я знаю... я читала... вы с дороги и устали, вам нужно обязательно поесть и отдохнуть... Эх, так и не поняла, что значит «баньку истопить»...

Бормоча, девочка в почти лихорадочном возбуждении орудовала у плиты. Она достала из духовки огромное блюдо, полное жареной форели, и поставила его на стол.

– Вот... вы самый большой, вам – Эрика...

Она ловко нагроутила и подала Патрику тарелку с ещё скворчащей крупной форелью. Спасатель, прошедший через десятки аварий, кровь и трупы, всё никак не мог прийти в себя от такого странного оборота: на разбитом корабле вместо разгребания грязных обломков он попал на званый приём.

– Помилуй меня протуберанец!.. Кто это – Эрик?.. – растерянно спросил он, взяв тарелку и наколов на вилку кусочек рыбы с золотистой корочкой.

– Это я вам одного знакомого зажарила...

Патрик чуть не подавился.

– А! – махнула Никки рукой. – Он всё равно был неважным собеседником... Да и мне уже ничего не нужно... Я ведь могу отправиться

с вами?

Она встрепелулась и ожидающе посмотрела на гостей.

– Конечно! Мы за тобой и прибыли... – дипломатично покривила душой Бенина, посматривая на околглазный монитор. – Тебя зовут Никки?

– Да. Вижу, вы уже получили мой файл. А как ваши имена?

– Бенина Мильдоса-Рен.

– Патрик де Рубиник.

– Невыразимо приятно... Попробуйте зелёный салат, это авокадо. – Никки подвинула к ним одну из тарелок. – Я его редко делаю – очень медленно растет, ленивая скотина... Но безумно вкусен, особенно с оливковым маслом – его хорошо синтезирует мой биохимический реактор. Да и форель я хорошо готовлю... Так, конечно, мне кажется – сама рыба угрюмо молчит на эту тему.

– Всё просто потрясающе! – удивилась Бенина, попробовав угощение. – Когда ты столько наготовила?

– Да я уже девять часов за вами слежу! Волосы даже успела покрасить, лучшее мамино платье достала...

– А волосы зачем красила? – по-женски заинтересованно спросила Бенина.

– Ну... – уклончиво сказала девочка. – Рыжий вроде бы хорош к зелёному платью.

– Ты здесь... одна? – осторожно задала медик вопрос, который, как она опасалась, мог вызвать серьёзные осложнения.

– Да. – И девочка отвернулась к плите.

Патрик оторвался от вкусной форели и настороженно спросил, возвращаясь к профессиональным обязанностям:

– Никки, ты можешь рассказать, почему произошла авария?

– Я неважный летописец, – сказала Ники, не поворачиваясь, – пусть вам Робби расскажет...

– Кто это – Робби? Ещё один знакомый?

Баритон компьютера неожиданно наполнил рубку, заставив гостей вздрогнуть. Робби вступил в разговор очень официально:

– Докладываю резюме последнего полёта. Научный корабль Марсо-Института «Стрейнджер» вылетел 15 февраля 42 года по маршруту Марс – Земля с двумя членами экипажа, Айваном и Сюзан Гринвич. Пассажир – Николь Гринвич. В ходе полёта экипаж открыл второй, ранее неизвестный спутник астероида 4654 и решил пролететь возле редкой тройной планеты для сбора научных данных. Это противоречило запланированному маршруту, поэтому пилоты ничего не сообщили базе о предполагаемом

манёвре. Третьего марта, в момент сближения с главным телом астероида, на корабль было совершено внезапное нападение, в результате чего он столкнулся с планетоидом, рубка разрушилась, и экипаж погиб. Пассажир Никки Гринвич осталась жива.

Сразу три голоса слились в хоре:

– Что-что?!

– Какое нападение?!

– И ты мне ничего не сказал?!

Робби переждал шум и ответил сначала Никки:

– Извини, пожалуйста, но ты никогда не спрашивала прямо, а сам я считал эту информацию разрушительной для твоей психики в условиях подобной изоляции.

Бенина удивлённо подняла брови и машинально кивнула.

– На корабле есть множество доказательств нападения, – сказал Робби. – Практически вся электроника корабля в критический и точно рассчитанный момент времени была выведена из строя электромагнитным выстрелом. Боевые поля вызвали сверхсильные токи и массовые короткие замыкания в электрических цепях. Корабль оказался полностью парализован и разбился об астероид. Можете убедиться сами: начинка большинства микросхемных блоков расплавлена или повреждена. Я еле собрал из остатков слабенький SOS-передатчик.

– Кто... это сделал? – Никки опустилась на стул, и её синие глаза потемнели от давней боли.

– Не знаю... – ответил всезнающий Робби.

Бенина с тревогой смотрела на девочку. Лицо Никки побледнело и покрылось испариной. Бенина не знала, что в этот момент острая боль пронзила шею девочки, а её ноги стали неметь. Так всегда случалось, когда прошлое дотягивалось до Никки.

Робби уверял её, что это лишь фантомная боль. Робби – хороший друг, но он так и не понял своей электронной головой, что человек живет в мире иллюзий, которые реальнее реальности.

Любой ребёнок пребывает в непоколебимом и наивном убеждении, что родители всегда будут рядом с ним, ласковые и заботливые. Слишком ранняя потеря иллюзий может так ранить душу, что даже воспоминания будут причинять невыносимую боль – да-да, конечно, фантомную, но всё равно пронзительную, сбивающую с ног.

Через некоторое время девочка пришла в себя и даже подала гостям свежесваренный чай. Кажется, он не привёл их в восторг, но это была последняя её заварка – сама девочка не пила чая уже года два.

Патрик встал из-за стола и отправился на осмотр корабля, обшаривая все углы своей коллекцией анализаторов. Никки всё ещё находилась в полушоковом состоянии от прилёта гостей и от драматического сообщения Робби, но по-прежнему старалась играть роль гостеприимной хозяйки – и где только научилась подобной светскости? Девочка показывала Бенине, как она тут хорошо устроилась, хвасталась оранжереей, розами и прудом с форелью. Бенина не подавала виду и даже вежливо восторгалась, но позже почти в истерике рассказывала лейтенанту Дику, с которым была на дружеской ноге:

– Десять лет без родителей и взрослых! Никакой медицинской помощи... О боги! Она молочные зубы дёргала себе сама!.. Волосы не стрижет, а пилит каким-то жутким резакон, непонятно, как голову себе не отрезала... Отслеживаются периоды серьёзного голодания... все руки в шрамах и мозолях! А эти живые цветы перед заклиненной дверью рубки! Провести всю жизнь возле могилы родителей... Ни школы, ни подруг... Я, взрослая, – с ума бы сошла! А она, поразительно, – весёлая, как жаворонок!

И вот вещи Никки упакованы в два больших кофра, и возле шлюза собралась группа людей: Патрик, Бенина, Никки, сам лейтенант Дик, не усидевший в командирском кресле, и ещё один корабельный врач – глава крейсерного медотсека.

– Ты уверена, что твоих родителей нужно оставить на корабле? – осторожно спросил у девочки лейтенант в скафандре с откинутым шлемом. – Мы могли бы попробовать откопать рубку снаружи или вскрыть дверь изнутри...

– Что вы собираетесь делать со «Стрейнджером»? – в ответ спросила Никки.

– Ничего, – удивился лейтенант Дик. – Он полностью выведен из строя и давно списан. Все нужные данные с него мы сняли.

– Тогда он остается моим домом. С собственным семейным кладбищем... Родители тут были вдвоём так долго, что... не знаю, как вам это объяснить... – нахмурилась Никки. – У меня нет другого места, куда я могла бы их перевезти... а сюда я ещё вернусь.

Она замолчала, и Бенина стала облачать Никки в скафандр, принесённый с крейсера. Медик ничего не сказала насчёт изумрудного вечернего платья, хотя оно никак не подходило для скафандра, но попробовала снять с Никки чёрный рюкзачок, чтобы присоединить его к чемадонам.

– Нет! Нет! – вскрикнула громко Никки. – Нельзя!

Бенина отдёргнула руку от рюкзака.

– Почему? – озадаченно спросила она.

– Робби, объясни... – недовольно буркнула Никки, продолжая одеваться.

Робби из рюкзака произнёс длинную тираду, но не посвященные в таинства медицины поняли из неё только то, что при аварии у пассажирки Никки Гринвич был сломан третий шейный позвонок. С тех пор процессор Робби постоянно подсоединен к шейному импланту Никки, и его отключение вызовет паралич, немедленную остановку дыхания и необратимую смерть первой категории в течение шести минут...

Все слушали Робби в потрясённом молчании и полной неподвижности – за исключением Никки, деловито совмещающей скафандр, вечернее платье и рюкзак. Она уже застегнула шлем, и только тогда эмоциональная Бенина взялась за свой космический костюм, прерывисто не то вздохнув, не то всхлипнув.

По пыльной равнине, усеянной крупными камнями, Никки шла к незнакомому большому кораблю, и её сердце билось сильнее с каждой секундой. Для неё начиналась новая жизнь: неизвестная, волнующая и даже пугающая. Обе луны астероида летели за девочкой, освещая дорогу и провожая в дальнейшее путешествие. Даже немножко всплакнули вслед.

Шлюз «Марсианской Джоконды» превосходил камеру «Стрейнджера» в несколько раз. Для Никки всё казалось важным и значительным в этот момент: как отодвигается люк крейсера, какие светильники горят под потолком, как воздух не просто наполняет шлюз, а обдувает сильной струей скафандры, унося астероидную пыль в фильтры.

Наконец девочка шагнула в ярко освещённое нутро чужого корабля – с волнением Колумба, ступающего на землю Западной Индии. Сердце билось уже как сумасшедшее, а дыхание прерывалось: одно дело – принимать гостей в своей кают-компании, где всё знакомо, и совсем другое – самой попасть в чуждую среду обитания.

Никки оказалась в большом зале, где суетились десятка два людей и стояли небольшой реактивный шаттл, танкетка на гусеницах и трёхметровый в высоту робопук на восьми ногах. Пока Никки, открыв рот, таранилась по сторонам, Бенина расстегнула ей скафандр и заботливо, как маленькому ребёнку, помогла выбраться из него.

Никки – озирающаяся, с рыжей лохматой головой, в зелёном мятом платье и с чёрным рюкзаком за спиной – опустила, не глядя, босую ногу на пол, вздрогнула и посмотрела вниз, на металлические холодные плиты, так отличающиеся от тёплого пластика её корабля. Плиты не имели обычной

россыпи всасывающих отверстий и не притягивали её ноги к полу. «Здесь будет трудно ходить, – растерянно подумала Никки, – и для кровообращения это плохо».

На астероиде сила тяжести была в две с половиной тысячи раз меньше земной: бокал падал почти полминуты и ударялся о пол со скоростью десять сантиметров в секунду – в пятьдесят раз медленнее, чем на Земле. Над прудом висела сетка, не дающая непоседливым рыбам выпрыгивать и летать по оранжерее. Передвигаться по кораблю помогали вентиляционные отверстия в полу, которые вакуумными присосками притягивали босые ноги девочки. «А как же ходить здесь?» – Девочка схватилась за поручень, подняла глаза – и обнаружила вокруг себя целую толпу встречающих: вся команда крейсера, за исключением вахты, сбежалась к шлюзу – посмотреть на космическую Маугли. Десантники Спейс Сервис и матросы крейсерной команды держали в руках всяческие подарки для Никки и собрались поприветствовать её с максимально возможным дружелюбием и тактом.

– Никки, мы друзья! – стараясь отчётливо проговаривать слова, выступил вперёд огромный десантник, топая магнитными бутсами. – Не бойся нас! Это тебе!

Он протянул девочке яркую длинную конфету. Но расстояние между Никки и конфетой всё ещё составляло пару метров – видимо, предполагалось, что девочка сама подбежит за подарком.

– Это очень вкусно! – выступил в поддержку механик в чёрном комбинезоне и протянул Никки красное яблоко на столь же почтительном расстоянии – судя по всему, посланники человечества слегка опасались непредсказуемого поведения дикого детеныша, выросшего даже не в волчьей стае.

– Это можно кушать! Ням-ням! – Механик активно зашлепал губами и защёлкал массивной челюстью, наглядно подтверждая свои слова.

Приблизился третий контактёр – поварёнок в белом комбинезоне и с апельсином в руках.

– Ты нас понимай? Ты уметь говорить? – озабоченно спросил он, коверкая язык для большей понятности.

Ответа от изумлённой Никки, испытывающей шок от встречи с таким количеством странных людей, кухонный космический волк не получил и с досадой сообщил соратникам по контакту:

– Она совсем ни бум-бум, Сверхновая мне в глотку!

Толстенький матрос решил испробовать другой смелый ход: он быстро сел на пол, скрестив ноги по-турецки, и высыпал перед собой кучу разноцветных кубиков. Потом он стал призывно махать Никки руками и

хлопать ими по полу, приглашая её сесть рядом и принять участие в столь интересной игре. Чтобы подтвердить творческий восторг, испытываемый при этом, он стал мычать, гукать, ухать, закатывать от счастья глаза и даже звучно бить себя кулаками в плотную грудь. Речь, как не оправдавший себя способ коммуникации, он не использовал.

Наконец Никки пришла в себя, повернулась к Бенине, сдерживающей смех из последних сил, и заинтригованно спросила:

– Они всегда такие дураки, или это невротическая реакция на атипичный стресс?

Крейсер вздрогнул от такого хохота, какого он не слышал с момента схода со стапелей. Смеялись, конечно, только те, кто не успел внести свою лепту в дело контакта, – хохоча, они быстро прятали по карманам сладости, цветные фломастеры и нехитрые игрушки. Четверо смелых побагровели и провалились сквозь землю, бросив кучку кубиков в зоне торжественной встречи двух цивилизаций. Никки наклонилась и взяла одно из орудий культурного сотрудничества:

– Отличный сувенир, спасибо, джентльмены!

Внутри крейсер Спейс Сервис оказался предельно функциональным, даже подчеркнуто примитивным, и, к удивлению Никки, не имел оранжереи.

– На ооновские деньги не пошикуешь, – объяснила Бенина. – Любой проект с излишествами зарежут. А ты всю дорогу будешь отдыхать в этой суперванне...

И Бенина подвела Никки, с любопытством рассматривающую незнакомые вещи вокруг, к противоперегрузочному кокону в тесном помещении без иллюминаторов.

– При каком ускорении вы летаете? – вздохнула Никки.

– Обычно один «же», при манёврах – до двух-трёх... – сказала Бенина. – Тебе это совершенно противопоказано. Твой Робби – молодец! Он, как мог, заботился о твоём скелете и мышцах и дал тебе самый полный биохимический курс стимуляции роста тканей в низкой гравитации. Но до госпитального обследования я не могу разрешить тебе никаких нагрузок. Взлетаем через два часа, так что обедать тебе уже не стоит.

– Куда мы направляемся и как долго мне лежать в этом болоте? – спросила Никки, с отвращением глядя на «суперванну», залитую густой тёмно-зелёной жидкостью.

– На Луну! – оживлённо воскликнула Бенина. – Для тебя очень важно, что на Луне гравитация вшестеро меньше, чем на Земле... А какие в Луна-Сити бутики! Я сто лет не была на Луне... А долетим всего за пять дней!

– Да за это время я тут заквакаю и начну метать икру...

– Кто же мог напасть на «Стрейнджер»? – спросила Бенина лейтенанта Дика на следующее утро. К этому времени тройной астероид, необитаемый остров Никки, остался далеко позади, и крейсер вовсю мчался к самой желанной цели всех космонавтов – к двойной родине Земля-Луна.

– Совершенно бредовая история, – ответил лейтенант. – Флоты династий нередко втихую лупят друг друга, но это же исследовательский ооновский корабль! Кому сумели помешать эти учёные божьи одуванчики? Что у них можно отнять – коллекцию только-черти-знают-каких спектров никому, кроме них, не интересных звёзд? Анализы окаменелых какашек марсианских динозавров? Уголовный департамент Спейс Сервис уже начал расследование, пусть копают. Хотя прошло десять лет...

– Десять лет! Никак не пойму, – удивлённо пожала плечами Бенина, – как девочка смогла выжить так долго на разбитом корабле...

– Она не кажется тебе странной? – спросил лейтенант медика-стажера.

– Конечно! – ответила Бенина. – Упорное нежелание ходить в обуви; смешное вечернее платье; говорит со своим компьютером, как с человеком, да ещё разными голосами; всем волосы трогает... Но это сущие мелочи – поразительнее всего то, что ей удалось вырасти на астероиде в близкого к физической норме подростка. Её компьютер – большая умница и нахал: добиваясь наилучшего физического развития девочки, он проводил над ней такие смелые эксперименты! В обычных условиях ни один медик на них не решился бы. Робби заставлял её часами ходить в скафандре – имитаторе нагрузок. С точки зрения нормального человека – это просто жестокость! Более того – девочка умна, свободно поддерживает разговор и не впала в шок при виде людей. Чудеса! Ну, и что мы будем с этим... с этой Маугли?

– Согласно её документам, – вздохнул лейтенант, – у девчонки нет близких родственников. По закону, таких несовершеннолетних детей мы должны передавать в Детскую комиссию.

– В приют? – ахнула Бенина. – В эту колонию для генетического трэша? А ты знаешь, что там девяносто процентов детей сидит на фармакоррекции?

– Я слышал, что кто-то находит себе новых родителей, – вздохнул Дик. – У Никки нет явных генодефектов, так что...

– Ну да, конечно! – саркастически сказала Бенина. – Кто-то вдруг раз – и удочерит девочку со сломанным позвоночником и подключённым компьютером. Сейчас даже одинокие люди оплачивают искусственное рождение собственных детей... Никто уже не усыновляет чужих. Родители

из «нижних пяти процентов» массово отправляют в интернаты детей с плохим геноиндексом – врождённым клеймом неудачников. Приюты переполнены, и о них рассказывают кошмарные истории. Я бы таких родителей самих куда-нибудь отправляла! – мрачно закончила она.

– Думаю, ты преувеличиваешь, – осторожно сказал Дик. – В интернатах живет множество детей...

– А ты знаешь статистику: родители, отдающие своих детей в приюты, часто сами вышли оттуда? У них коэффициент интеллекта отстает от среднего, и рождаемость в их семьях существенно ниже нормы. Многие врачи полагают, что психотропики отрицательно влияют на высшие человеческие эмоции и на творческий потенциал мозга, – со злобной миной сказала Бенина. – Но их никто не слушает, выпуск психопрепаратов – очень выгодный бизнес...

– Материнский инстинкт – это базисный драйв! Как его могут изменить? – удивился лейтенант.

– Ты даже не представляешь, чего там только не могут... – саркастически процедила Бенина. – Приютская нейрофармакология нацелена на социолояльность и трудолюбие. Родительские чувства там не в фаворе.

– Такая евгеническая программа заметно гуманнее нейтронной стерилизации, о которой тряндит Партия Генетического Возрождения, – хмыкнул лейтенант.

– Тарантул с ней, с большой политикой! – воскликнула Бенина. – Что нам делать с Никки?

– Ты – её лечащий врач на данный момент, – вздохнул Дик. – Организуй Никки аварийную медицинскую страховку – хотя бы временно спасешь её от приюта. Я тут бессилён и связан жёсткой инструкцией. Мы не можем взять и высадить девчонку в Луна-Порте. Любой полицейский отправит её в тот же детский дом, а ещё хуже – она попадет в руки подпольных дилеров... Что и говорить, симпатичная девочка в её возрасте... Да ещё секта натуралистов активизировалась в Луна-Сити... Клонированные печёнки, видишь ли, им не нравятся... Сволочи, извращенцы... Самых бы порезать на запчасти...

Бенина глубоко задумалась под мизантропическое брюзжание лейтенанта Дика.

Глава 2

Джерри

Джерри, высокий худощавый подросток с длинными тёмно-каштановыми волосами и голубыми глазами, тоскливыми, как у больной собаки, сидел в кафе Лунного госпиталя за одним столом с Хромой Тоной и Пятнистым Сэмом. У него было вполне симпатичное, но очень расстроенное лицо с впалыми щеками, крупным прямым носом и выступающим упрямым подбородком. Уголки его губ опускались вниз. Он без аппетита ковырялся в утреннем омлете, впустую крошил кукурузный хлебец и вполуха слушал болтовню Тоны.

Она сломала обе ноги при аварии экскурсионного мункара и вторую неделю ходила на костылях, вернее, в силовых штанах, но ничуть не потеряла душевной бодрости, а также стремления добывать новости и активно их распространять. Даже на костылях она бегала быстрее, чем другие своими ногами.

– Эту рыжую девчонку уже неделю держат в палате-интенсивке под замком! И никуда не выпускают! Она десять лет жила в космосе как суший дикарь, прямо робинзон какой-то. Её привезли сюда, потому что она с ног до головы больна! Икающий Билли говорит, что девчонка просто кошмарный монстр – вся в коростах и шрамах, ходит исключительно на четвереньках... Говорить не умеет, на всех рычит и здорово кусается... Двум санитарам уже сделали прививки от космического бешенства!

Тона перемывала косточки новенькой, привезённой в госпиталь несколько дней назад. О чудесном спасении космической Маугли почти час гудели новостные тиви-каналы, пока дружно не переключились на скандальное бальное платье младшей принцессы Гогеншильдов.

Пятнистый Сэм лихо управлялся с огромной порцией бекона и согласно кивал словам Тоны – сам тот ещё красавчик после редкой формы аллергии, разбросавшей по его широкой физиономии яркие красные пятна.

Джерри мысленно застонал от трескотни Тоны, раздражённо отпихнул тарелку с омлетом и допил апельсиновый сок. Начинался очередной, чудовищно тоскливый день в детском департаменте Лунного госпиталя.

Дверь открылась, и в кафетерий вкатилась инвалидная коляска. За ней размашисто шагала сама Большая Тереза в белом медицинском халате. Хмуролицая Тереза направила коляску к ним и поставила её к пустующей стороне стола.

В кресле на колёсах сидела тощая рыжая девчонка в сером госпитальном комбинезоне и таращила на них большие синие глаза. Пятнистый Сэм уронил недоеденный бекон на одноразовую тарелку, Тона поперхнулась лимонадом, а Джерри уколола жалость: растерянная девчонка в коляске больше всего походила не на монстра, а на бездомного котёнка. Потом он вспомнил ещё и тивиновости про эту рыжую, что она – круглая сирота... и сердце его снова сжалось и закрипело от боли.

– Так, пациенты, это Никки, – сказала сердито Большая Тереза, а потом властно обратилась к Джерри – Джерри, помоги новенькой освоиться в нашей обстановке. У меня куча дел... Эти космонавты любят подбрасывать хлопот... вертопрахи... свалили и улетели!

Джерри проглотил комок в горле, кивнул и перевёл глаза с Большой Терезы на новенькую девчонку. Тереза мгновенно исчезла по своим делам.

– Привет, Никки... э-э... завтракать будешь? – с трудом выговорил Джерри.

Девочка пристально глядела на него синими глазищами. Её ноги были босы, а рыжие волосы подстрижены неровными прядями и взъерошены. Ногти – обломанные и грязные, на правой руке – длинный старый шрам.

– А где взять еду? – смешно спросила она и оглянулась по сторонам.

Голос её звучал громко, но слегка неуверенно. Ребята за соседними столиками с интересом глазели на них.

«Слава всем маркаряновским галактикам! Она умеет говорить!»

Джерри вызвал для Никки робота-официанта.

– Просто скажи, что ты хочешь съесть на завтрак, – сказал Джерри, когда робот-кентаврик с длинной шеей подъехал к их столу.

– Можно заказать всё, что пожелаешь? – с восторгом спросила новенькая.

Джерри кивнул довольно, будто сам был этим невидимым поваром-умельцем.

– Конечно, – сказал он. – Госпиталь дерёт с наших страховых компаний такие деньги, что нас должны кормить дикими рябчиками на золотой посуде.

– Да брось, Джерри, закажи ей лучше пару живых крыс или летучих мышей – что она там привыкла есть на астероиде?.. – крикнул из-за соседнего стола вертлявый курносый подросток, а остальные посетители кафе заржали.

Рыжая девчонка не обиделась, а тоже громко засмеялась и с удовольствием стала диктовать роботу:

– Свежую форель, жаренную в муке, с мэш-картофелем... Авокадный

салат... э-э... с оливковым маслом и крабами... Только не надо солить – я сама... Чашку бразильского кофе, и ещё...

Кто-то из компании за соседним столиком, заваленным гамбургерами, чипсами и колой, тихо присвистнул.

– ...ещё ломтик дыни и... и... мороженое с шоколадом и клубникой! Да! – и большой бокал двухлетнего марсианского кьянти.

Тут весь кафетерий грохнул, оценив шутку новой девчонки и предвкушая нотационную реакцию официанта. Кентаврик действительно замялся, но произнёс мелодичным голосом неожиданное:

– Свежей форели, к сожалению, нет. Есть синтетическое мясо форели и свежемороженый прудовый лосось.

Никки важно кивнула.

– Лосось сойдет, прудовая рыба – это мой фэйворит фуд... – весело сказала она. Некоторые слова новая девочка выговаривала со странным акцентом.

Робот попятился от столика и укатился, а все кругом загалдели, обсуждая эту рыжую и её забавный заказ. Тона убедилась, что новенькая ещё не собралась достаточно с духом, чтобы её, Тону, покусать, и заинтересованно затараторила, разглядывая Никкины волосы, лицо и тонкие запястья, охваченные рукавами-усилителями:

– А что у тебя болит? Ты читать-то умеешь? А сериал «Ужасные космические приключения Боло» тебе нравится?

Никки внимательно уставила на Тону яркие синие глаза, молча осмотрела её ноги, закреплённые в силовой кобуре костылей, потом неожиданно протянула руку и потрогала Тонины чёрные кудри.

– Ты чего?! – Тона испуганно шарахнулась от новенькой людоедки.

Та задумчиво пожала плечами и ответила, методично следуя пулемётной очереди Тониных вопросов и слегка усмехаясь:

– У меня ничего не болит. Умею читать... и даже есть вилкой из тарелки. А телевизора у меня на астероиде не было, хотя космических приключений – навалом...

– А ты – лунатик? Или марсианка? – задала Тона обычный вопрос космических жителей.

Девочка подумала и ответила неожиданно:

– Я столько лет прожила одна на астероиде, что, пожалуй, я – астровитянка.

– Так это тебя спасли с астероида? – тут даже до тупого Сэма дошло. – Ты – девочка-монстр?!

– Спасли? – Никки весело засмеялась. – Я там совсем не тонула,

просто жила. Правда, мне очень хотелось посмотреть на новые места... Поразительно, сколько людей сразу!

Она окинула восхищённым взглядом кафетерий, где на неё уставилось полсотни детских лиц – никто и не подумал расходиться после завтрака! – скользнула синими глазами по лицу Пятнистого Сэма и с некоторым облегчением перевела их на Джерри. И заинтересованно спросила его, а не Сэма-аллергика:

– А почему я – девочка-монстр?

– Не обращай внимания, – махнул рукой Джерри. – Сон разума рождает чудовищ.

– Ух... так забавно разговаривать с человеком! – опять засмеялась новая девочка.

Неожиданно она протянула руку и ласково взъерошила длинные волосы Джерри. Он не шарахнулся, как Тона, но здорово покраснел – что эта девчонка себе позволяет? И чего она такое внимание уделяет чужим волосам? Кто-то из соседних ребят громко засвистел. Из неловкого положения Джерри выручил робот, притащивший первую часть заказа – авокадно-крабовый салат и... пузатый бокал с красным вином!

Кафе взорвалось улюлюканьем и хохотом:

– У робота мягкий глюк!

– Ребята, быстрее – заказываем всем шотландский скотч на камнях!

– Мне, пожалуйста, «Кровавую Мэри»!

– А я бы «Мун-Гиннес» выпил!

Никки невозмутимо и с удовольствием сделала большой глоток:

– Неплохо! – и приступила к салату, зыркая по сторонам своими синими глазищами. А кругом стоял шумный галдеж – что-то говорила Тона, кто-то безуспешно пытался заказать у робота пиво...

Худое лицо Джерри постепенно принимало нормальный оттенок. «С ней надо быть настороже, – решил он, – она очень странная... но, конечно, не монстр, а... – Джерри смущённо покосился на энергично жующую Никки, – вполне симпатичная...»

– Что хочешь посмотреть? – спросил он после завтрака, держась от Никки на расстоянии чуть дальше вытянутой руки.

Никки снова засмеялась – она вообще очень много смеялась:

– Всё, конечно! Но хорошо бы начать с комнаты... – она посмотрела на выданный ей чип-ключ, – номер пятьдесят девять, куда меня поселили, а я туда ещё не заходила.

Они вышли из кафе, провожаемые взглядами любопытных, и Джерри пропустил вперёд Никкину коляску. Они подошли к лифту с уже открытой

дверью, и Никки остановилась.

– Заходи, – пригласил её Джерри.

– Куда? – удивилась Никки. – Это же тупик, здесь нет прохода...

Джерри хмыкнул и зашёл в лифт первый, поманив Никки за собой.

Та, недоумевая, въехала в кабину. Двери закрылись, и кабина тронулась. Никки завопила с восторгом:

– Это лифт! Лифт! Я читала, читала!

И они стали кататься вверх и вниз.

– А почему ты в коляске, если у тебя ничего не болит? – спросил Джерри с некоторой опаской – не залез ли он слишком далеко в не свои дела?

– Тереза говорит, что это совершенная необходимость, – охотно, но с явным разочарованием этой необходимостью ответила Никки. – Из-за того, что я выросла в почти-невесомости на астероиде, у меня часть мышц плохо развита. Если я буду передвигаться на своих двоих, даже в слабой лунной гравитации, то получу массовое – и, говорят, очень болезненное, вот ведь скотство какое! – растяжение этих мышц, да и часть костей у меня ещё слабовата, – самокритично закончила она. – Поэтому мне нужно тренироваться каждый день, пить стаканами какую-то дрянь и ездить в этом кресле... тут в спинке фиксаторы и микроволновые стимуляторы для роста мышц и костей.

– А-а, – с облегчением протянул Джерри. – Ну, это не страшно – Большая Тереза быстро тебя на ноги поставит.

– А ты почему не в коляске? – в свою очередь спросила Никки у Джерри.

– В смысле? – не понял Джерри.

– Это же госпиталь, – засмеялась Никки, – а ты выглядишь здесь самым здоровым.

Джерри долго медлил с ответом.

– Я здесь из-за отца... Он погиб два месяца назад и... Короче, они считают, что меня надо держать под наблюдением... Как психа какого-то! – вдруг взорвался Джерри.

Никки помолчала и удивительно мягко произнесла официальную формулу сочувствия:

– Приношу тебе свои соболезнования... – и взяла его за ладонь. Хотя они были в лифте и никто их не видел, но Джерри всё равно не выдержал и резко вырвал свою руку.

– Не надо меня жалеть! – крикнул он со злостью.

Катание закончилось. В лифте воцарилась пауза вплоть до нужного

Никки этажа.

Подходя к двери пятьдесят девятой комнаты, Джерри уже раскаивался.

– Думаю, они держат меня здесь, до конца выкачивая мою медстраховку... а может, они не знают, куда меня деть, – проворчал он примирительно. – У меня не осталось родственников, а процесс... – он запнулся, – усыновления... это... Короче, извини, ты не понимаешь, как это всё трудно для меня...

Никки молча изучила схемку на двери, открыла чипом дверь и только потом посмотрела на Джерри.

– Почему же не понимаю... – медленно сказала она. – Я потеряла родителей десять лет назад. По сравнению со мной ты – счастливчик... ты жил с отцом многие годы, играл с ним, разговаривал... Это, наверное, здорово – помнить родителей не только по смутным снам...

Она вкатилась в комнату, а растерянный Джерри остался топтаться на пороге. Прежде чем он решил, что ему делать дальше, она крикнула в открытую дверь:

– Заходи! Если хочешь, конечно...

Джерри вошёл и осмотрелся. Обычная госпитальная комната – как у него, с единственным отличием: в окне виднелся не поднадоевший лунный пейзаж, а зелёный внутренний сад госпиталя. В багажном отсеке стояли доставленные заранее вещи Никки.

– Как здесь здорово! – глядя в окно, весело сказала Никки, как будто это не она говорила минуту назад слова-камни о смерти своих родителей. – Можем мы пойти в эту теплицу?

– Это сад, – машинально поправил Джерри. – Конечно... Там есть озеро, и живут Томми и Тамми.

– Кто это?

– Сейчас увидишь.

Вскоре они входили в огромный сад Лунного госпиталя, занимающий несколько акров и заросший цветущими догвудами, мелкой лунной елью и олеандровыми кустами. Природа выглядела вполне дикой, разве что её было многовато – ни метр пространства не пропал. Впрочем, многочисленные дорожки из светлого бетона прореживали излишнюю густоту жизни в саду.

Пока они двигались по тропинке к озеру, девочка с изумлением показывала вокруг на щебечущих птиц, ярких бабочек и крупных искристых жуков. Синие глаза её горели, а непосредственная радость и азартный смех Никки были так заразительны, что даже Джерри улыбнулся, глядя на неё и не сознавая, что улыбается первый раз за два месяца...

Когда они выбрались на полянку возле озера, где паслась пара оленей – Томми и Тамми, то от восторга девочка чуть не выпрыгнула из кресла, и только мудрые силовые фиксаторы коляски удержали её от необдуманного поступка.

– Белохвостые олени, – сказал довольный Джерри, когда они подъехали ближе.

– Они не убегут? – задыхаясь от волнения, спросила Никки.

– Нет, они нас не боятся.

Джерри погладил по жёлто-коричневой спине Томми, в отличие от своей подруги более крупного и украшенного ветвистыми рогами в три отростка. А Тамми заинтересованно подошла к девочке и ткнулась в её колени длинной изящной мордой с чёрным носом.

– Их запрещено кормить, чтобы не отучать от привычной травы, но ребята всё равно таскают им еду из кафе... Вот она и интересуется, не принесла ли ты чего вкусненького. Она большая сладёна...

Никки протянула дрожащую руку, осторожно погладила Тамми между чуткими ушами и засмеялась таким громким и счастливым смехом, что даже невозмутимый Томми оторвался от клевера и внимательно посмотрел на новую девочку выпуклыми тёмными глазами.

Никки отказалась уйти из парка даже на обед, и тогда Джерри притащил из кафе томатно-манговый сок и пиццу размером с велосипедное колесо. Они устроились на зелёной лужайке на берегу небольшого ручья. Прозрачный поток мягко журчал по большим округлым камням и не спеша впадал в озеро. Ослепительное солнце проникало сквозь крышу сада и грело, как в тропиках. Птицы оживлённо верещали и вскрикивали в прибрежных зарослях. Большая бабочка с синими псевдоглазами на почти чёрных крыльях озабоченно рылась в розовом кусте, пытаясь найти себе что-нибудь на обед.

Никки бросала кусочки пиццы в воду, где толпились в пиршественном предвкушении толстые белые и красные рыбы, высовывая объёмистые рты из воды. Стая рыб сгрудилась так плотно, что водяная черепашка никак не могла доплыть до места трапезы. В конце концов она забралась на рыбы спины, паркетом выступающие из воды, и заковыляла по ним, словно посуху, сопровождаемая Никкиными одобрительными восклицаниями.

Никки много рассказывала Джерри о своей каменной планетке, прыгая с одного на другое: об оранжерее, где она выращивала себе завтрак, обед и ужин, о самом большом животном, виденном ею в жизни, – рыбе Эрик и о своём замечательном друге Робби. За это время Джерри познакомился с Робби – с чёрным плоским ящиком из рюкзака в кармане коляски,

рассказал Никки множество смешных историй и сам, вместе с девочкой, смеялся над ними.

Развеселить её оказалось легче лёгкого – она не знала ни одного бородатого анекдота, даже про одноногого космонавта, который играл в хоккей, и ни одной, всем известной, школьной шутки или розыгрыша. А когда Джерри вспомнил замшелую детскую хохму насчёт отмороженных назло бабушке ушей, то у Никки от смеха началась икота.

Красная птица с хохолком и сердитым чёрным пятном-маской вокруг клюва быстро слетела на Никкино колено в ожидании угощения, и девочка ойкнула от неожиданности, отпугнув этим попрошайку.

– Это красный кардинал, красивый и, естественно, глупый, – хмыкнул Джерри. – У нас дома... я имею в виду – на Земле... кардинал часами бился в оконное стекло клювом, аж обгадится от усилий, отлетит, отдохнет и снова в атаку. Удивительный болван. Что он там видел, куда рвался? – загадка... Кардинальша была не такая яркая, но заметно умнее и никогда такими глупостями не занималась – при таком упёртом отце семейства забота о птенцах была явно на ней... Мы с папой выдвинули кучу забавных гипотез насчёт поведения глупой птицы. Например, «синдром сумасшедшего исследователя»: кардинал видит отражение в стекле деревьев и неба и неумоимо пытается прорваться в это загадочное зазеркалье... Он же, дурачок, не понимает, что это иллюзорный мир, отражение его родного леса...

Никки долго извинялась перед кардиналом, соблазняла его самыми вкусными кусочками, и он простил её.

Ярко-красная птица с чернеющими перышками на крыльях клевала крошки в узкой ладони, а девочка блаженствовала, ощущая на руке беспокойную тяжесть симпатичного живого существа...

Они ушли из сада, только когда купол затенился и вдоль тропинок включились ночные фонарики. На пороге своей комнаты Никки убеждённо сказала:

– Сегодняшний день – лучший день в моей жизни... за последние десять лет уж точно... Спасибо тебе, Джерри! – Она протянула ему руку.

Джерри от души пожал Никкину ладошку.

– Да, неплохой был денёк, – сказал он, широко улыбаясь.

Наутро Джерри пришёл в кафе рано и сидел за столом без обычных мрачных мыслей о предстоящем дне. Тона, сгорая от любопытства, стала расспрашивать о Никки – кусается ли она и умеет ли ходить на двух ногах? Пятнистый Сэм, как всегда, больше интересовался едой. От активной

работы челюстями у него шевелились и хрустели уши, что раньше зверски раздражало Джерри, а сейчас только смешило.

Никки подъехала к столу – рыжая, свежая и весёлая. Джерри невольно заулыбался и вдруг почувствовал, что в его жизни появилось светлое пятно, как будто в сырой подвал с пауками проник солнечный луч.

После завтрака они сразу отправились в парк. Никки кормила Тамми печеньем, взятым из кафе, и восхищённо гладила стройную оленью шею, покрытую короткой жёлтой шерсткой. Грациозные животные переступали длинными тонкими ногами и смотрели на девочку печальными карими глазами.

– Почему они такие грустные? – спросила Никки. – Ведь их никто не обижает?

– Это генетическая тоска беззащитного травоядного существа, которого миллионы лет жрали все кому не лень. Наверное, невозможно избавиться от ввевшегося в их кости древнего страха перед хищными врагами, от этого тоскливого взгляда. Олень не умеет кричать от боли. Он молчит, даже шагая на сломанных ногах... – вздохнул Джерри. И Никки показалось, что он говорит не только о Тамми и Томми.

Вдруг олени насторожились и огромными прыжками умчались с поляны, перепрыгивая даже небольшие деревья. Легконогие животные отлично приспособились к слабой лунной гравитации, которая позволяла им совершать прыжки высшего пилотажа, немыслимые для земных собратьев.

На дорожке парка стояла двухместная гольфная тележка.

– Что это? – спросила Никки.

– Тележка, на ней катаются по парку.

– А! Это экипаж! – обрадованно воскликнула Никки.

– Ну... да. – Джерри был не совсем уверен.

– Он городской или нет? – допытывалась Никки.

– Не знаю... – заколебался Джерри. – Скорее, лужаечный. Зато могу тебя покатавать. Можешь и сама порулить.

Её восторгу не было предела. Джерри закатил коляску Никки на тележку, закрепил её и сел рядом. Никки тронула «экипаж» и почти завопила от переполнявших её эмоций. Они катались до самого обеда по всем дорожкам, какие только смогли найти в парке. Неожиданно Никки спросила:

– Ты бывал в королевских замках?

– Нет, – отрицательно покачал головой Джерри, – если не считать диснеевских. Как-то так получилось, что у меня нет ни одного знакомого

короля.

– А на клавесине ты играешь? – спросила Никки. – Или на лютне?
«Все-таки она очень странная девчонка...» – подумал Джерри.

Когда они накатались и собрались на обед, Джерри вытащил коляску девочки из «экипажа» на газон. И тут Никки уставилась на его кроссовки.

– Это у тебя шнурки? – с восторгом спросила она. – Я про них читала, но ни разу не видела!

– Шнурки, – согласился Джерри. Он наклонился и быстро развязал, ослабил, потом снова затянул и завязал шнурки.

– Фокусник! – восхитилась Никки. – Гениальная штука!

Она оживлённо стала обсуждать с Робби шнурки, коэффициент трения и силу натяжения как функцию числа зигзагов. Джерри быстро потерял нить их рассуждений.

– Шнурки – это очень древняя конструкция... – Джерри приготовился поразить Никки ещё больше. – Сейчас многие носят обувь с такими короткими поперечными ленточками – нажимаешь кнопку, и слабый ток сокращает их до нужной длины.

– А-а... пьезобелковые электрополимеры, – протянула Никки. – Ну, это тривиально...

В кафе Никки заказала себе на обед кусок жареного мяса – она никогда раньше его не ела. Но когда ей принесли фирменный «буканьерский стейк», она не стала его пробовать, а внимательно осмотрела, потрогала и даже обнюхала.

– Жёсткий... пахнет странно, – прокомментировала она. – Глядя на эту кость, я чувствую себя слегка неандертальцем...

Посоветовавшись с Робби, она отставила стейк в сторону и ограничилась салатом.

После обеда они решили пойти в библиотеку, но в холле возле кафе их встретила известная госпитальная троица: Фитасс, Спиро и Джумба. Фитасс – огромный парень, раскормленный до невероятных размеров, – слыл в этой компании вожаком и интеллектуальным лидером. Чтение космо-пиратских комиксов действительно вывело Фитасса на высоты культуры, недостижимые для его друзей: худой бледно-синий Спиро категорически не любил читать и предпочитал всем развлечениям «чистое химическое счастье», надувание лягушек через соломинку и другие научные хобби.

Что же касается Джумбы, то этот низкорослый круглоголовый паренек ещё не знал, что письменность уже изобрели, и вряд ли у него был шанс это открыть: Джумба находился в состоянии перманентной занятости, и

первым пунктом в списке его дел стояло шмыганье носом. Напряжённое лицо Джумбы показывало, что это периодическое и шумное действие требовало полной мобилизации его умственных способностей.

– Клянусь пяткой джедая! – зловеще прогудел Фитасс. – Пора представителям человечества познакомиться с этой дикаркой. Может, она носитель вредных бактерий или чуждых нам моральных ценностей?

Все житейские ситуации Фитасс укладывал в прокрустово ложе комиксных моделей. Никки, естественно, подпадала под категорию опасного инопланетянина, а Фитасс – под супермена, могучего защитника беспечного человечества. Что в комиксах понимается под моральными ценностями, Фитасс ещё не понял, но твёрдо знал: «чуждые» моральные ценности нужно превращать в «наши» и обязательно по самому выгодному банковскому курсу.

Джерри выступил вперёд:

– Отстань от неё.

Фитасс покачал шарообразной головой, возвышавшейся на фут над Джерриной, и шагнул к коляске Никки:

– Только допрос третьей степени может открыть правду!

– Да-да! – поддержал его оживившийся Спиро. – Допрос!

Он очень любил допрашивать кошек.

Джумба в переговоры высоких сторон не вступал – судя по омерзительным звукам, он был, как обычно, интеллектуально перегружен.

Джерри посмотрел на огромного Фитасса и понял, что кулаки тут не помогут. Поэтому, не тратя лишних слов, он отошёл на несколько шагов, разбежался, легко подпрыгнул и врезал обеими ногами по жирной груди защитника человечества.

– А-а! – гулко заорал тот, с грохотом опрокинулся на спину и огромным слизняком отъехал к стене.

Спиро сразу просёк, что допрос лягушек обойдётся дешевле, и быстро затрусил по коридору. Джумба не понял ничего, но потопал за ним, следуя стадному рефлексу: люди бегут – значит, знают...

Никки смотрела на происходящее круглыми глазами.

Позже, в пустынной библиотеке, она пристала к Джерри как репей: что за удивительные люди?

Джерри вздохнул:

– У Спиро родители – легальные наркосапиенсы, они сидят на разрешённых эйфоринах. Спиро по закону их ещё нельзя принимать, но он всё равно находит что вдохнуть, или втереть, или на что можно натаращиться. Его лечат как нелегального наркочеловека уже второй раз, и

из госпиталя он вернётся не к родителям, а в детский дом.

Благодаря ежедневным выпускам «Тона-ньюс» Джерри знал об этой компании заметно больше, чем хотел знать.

– Джумба – уже из сиротского приюта. Явный и обычный геноотстающий... попросту – генотормоз. А Фитасс здесь из-за ожирения: подлечит не справляющийся желудок и вернётся к своим родителям – обычным толстякам класса ПБГ – «пиво-бейсбол-гамбургер».

– А что они хотели от меня, эти бедняги? – удивилась Никки. – Что за бред они несли про моральные ценности?

– Они хотели самоутвердиться за твой счёт, – разъяснил Джерри. – Они парии этого общества, что их и объединяет. Так как глупее себя им никого не найти, то они ищут того, кто слабее их. Издевательство над слабейшим дает им иллюзию собственной значимости. Абсолютно примитивная и всем известная компенсационная схема, которая не видна только таким кретинам, как эти трое.

– Да уж. Душераздирающее зрелище! – Встреча с титанами духа и мысли произвела на девочку неизгладимое впечатление.

Никки открыла для себя и страстно полюбила горький шоколад. Ела плитками; заставляла Джерри заказывать шоколад на завтрак и забирала его долю.

– Извини, Джерри, это сильнее меня!

Тот только улыбался, глядя, как она уплетает неведомое ранее лакомство.

– Тебе нужно побывать в крупном кондитерском магазине, где чёрный, рыжий и белый шоколад лежит целыми грудями.

Никки замерла и восхитилась:

– Горы шоколада в витрине? И вы, люди, можете спокойно ходить мимо таких сокровищ, не бросаетесь на них тиграми, бешено рыча и разрывая когтями и клыками...

После еды Никки преспокойно вытерла грязные шоколадные пальцы о белую майку.

Джерри не выдержал и сказал:

– Лучше пользоваться салфетками!

– Их же иногда не бывает под рукой, а майка всегда со мной! – удивилась Никки.

– Но такую испачканную вещь нужно стирать! – возразил чистюля Джерри.

– Люди, неужели вы стираете одежду после первого пятна?! –

поразила девушка-Маугли. – Бедняги! Одежда вас съела.

Книги, которые Никки читала на корабле, описывали времена без телевизоров и рекламной индустрии. Поэтому девочка плохо представляла современную жизнь. А потом Никки впервые увидела журнал мод. И вытаращила глаза на красивых девушек невероятной холёности. Изъянов у этих див не было в принципе.

– Таких людей не бывает, – категорически заявила она.

– Бывает, – улыбнулся Джерри. – Но их нужно долго искать и приукрашивать.

– И зачем вы размножаете их фото? Для выращивания комплексов у других, обычных девушек?

– Вопрос не ко мне, – хмыкнул Джерри. – Этих дивных дев коллекционируют производители модной одежды.

– Стоит ли надевать одежду на таких красавиц, если ты продаёшь её женщинам обычной комплекции и внешности? – недоумевала Никки. – Ведь это прямой... если не обман, то внушение иллюзий!

– Полагаю, леди из журналов мод символизируют мечту других женщин.

– Иллюзия как мечта? – фыркнула Никки, отбросила глянцевого женский журнал и больше никогда его в руки не брала – чтобы, будучи обычной девушкой, ненароком не подцепить комплекс неидеальности.

Но журнал про яхты и автомобили её снова озадачил. Возле многих автомобилей опять-таки красовались девушки в бикини или другой малоформатной одежде. Некоторые кокетливо держали в руках с красными ногтями большие гаечные ключи.

– Зачем возле автомобилей девушки? – спросила Никки.

– Такие машины успешнее продаются, – вновь хмыкнул Джерри.

– Девушки лучше роботов затягивают гайки? – удивилась Маугли.

Джерри долго не отвечал, лишь громко давился и хрюкал.

– Они не прикасаются к автомобилям, они просто стоят рядом! – сумел он наконец выговорить.

– И такие машины продаются лучше?

– Да!

– А покупатели знают, что автомобиль с девушкой ничуть не лучше автомобиля без неё?

– Конечно. А то и хуже.

– Знают и всё равно покупают? Они что – сумасшедшие? – кротко спросила Никки.

Но сильнее всего её потрясло другое соприкосновение с человеческой

цивилизацией. Они смотрели тиви, и Никки спросила Джерри:

– Этот славный старичок и симпатичная ушастая девочка одиннадцатый раз предлагают детям попробовать круглые красные конфетки со вкусом спелой вишни. А почему они не рекомендуют детям сами вишни?

– Ну... реальная вишня заметно дороже этих пластиковых шариков.

– О! Они смогли получить биохимические компоненты вишни так дешёво?

– Нет, конечно. В этих конфетках от вишни одно название – натуральный бренд... Остальное – простенький синтетик.

– Тогда эти полимерные конфетки совсем не так полезны детям, как настоящие вишни!

– Конечно, нет, но славного старичка и ушастую девочку совершенно не волнует детское здоровье. Их цель – отнять у детей побольше карманных денег... – хмыкнул Джерри.

Вот тут-то Никки была шокирована и, кажется, даже перепугалась:

– И этого старого хрыча не сажают в тюрьму, а показывают по телевизору?!

Каждое утро беззубые пасти медицинских аппаратов заглатывали Никкино тело, долго жевали его и удивлённо выплёвывали. После чего за девочку принималась худощавая жилистая врач, заведующая залом лечебной гимнастики. Она, что-то весело напевая себе под хрящеватый нос, тыкала Никки под рёбра твёрдым пальцем, стучала молотком по прыгающим коленкам и заставляла девочку выполнять десятки болезненных упражнений на разнообразных пыточных устройствах, которые врачи почему-то называли спортивными снарядами.

Днём Никки застревала возле новостных экранов, с восторгом отслеживая кипение жизни человеческого общества, от которого она так долго была оторвана. «Всё-таки непонятно, как они там умещаются!» – поражённо думала она, глядя на густые толпы машин, людей и роботов, циркулирующих в многоуровневом пространстве крупных мегаполисов.

Всё свободное время Никки и Джерри проводили в парке. Они там гуляли, разговаривали, обедали, захватив из кафе подносы с сэндвичами и суши, или просто сидели и читали – Никки проглатывала новые книги быстрее, чем съедала десяток рисовых рулетиков с сырой рыбой и рыжими креветками. Ребята исследовали дальние уголки парка и даже сумели забраться на самый высокий холм, хотя Джерри пришлось помогать Никкиной коляске. Под взглядом с холма, который несколько метров не

дотягивал до стеклянного неба, сад Лунного госпиталя со вздохом расстался со своими тайнами и съёжился в маленький остров зелени под герметичным прозрачным куполом, не пускающим драгоценный кислород в космос.

На склоне холма валуны обступили глубокую узкую расселину. Нора? Друзья стали весело гадать, кто там может жить.

– Однажды я бродил по лесу возле нашего дома... на Земле, – вспомнил Джерри, – и вдруг провалился выше колена в дыру возле куста ежевики. Вытащил ногу, смотрю – глубокая яма и брёвна какие-то. Папа решил, что это старая землянка, и сказал: «В этих местах жила легендарная индейская принцесса Покахонтас. Наверное, в землянке лежат древние индейские сокровища – ведь должны были многочисленные женихи приносить этой принцессе подарки!»

Я, конечно, стал просить его: давай раскопаем подземный дворец принцессы! А он засмеялся и пообещал: «Обязательно, но попозже, когда время свободное будет...» Так и не успели... – Вдруг Джерри замолчал и отвернулся от Никки, потом вскочил на ноги и, не оборачиваясь, бросился в гущу леса.

– Джерри! – вскрикнула Никки, но мальчик уже исчез.

Никки с трудом развернула коляску и с расстроенным лицом двинулась за ним, пытаясь найти дорогу между огромными валунами. Она умела бороться со своими печалью, но от чужого горя у неё противоядия не оказалось, и девочка стала непохожей на обычную себя – весёлую и жизнерадостную. На середине спуска её коляска намертво застряла между камнями. Девочка обвела глазами густую листву вокруг, и её лицо исказила гримаса боли.

– Кто это с нами сделал? За что?! – с гневом спросила она притихшее пространство, и поручень кресла хрустнул под её ладонью.

Минут через двадцать Джерри вернулся и нашёл застрявшую в камнях коляску. Он покраснел, несмело поднял руку и прикоснулся к плечу грустной девочки.

– Я не хотел, чтобы ты видела меня раскисшим, – с трудом сказал он. – Вот и бросил тебя в этих валунах. Извини, Никки.

– Джерри, мужчины тоже имеют право плакать, а уж я давно мечтаю порыдать в чью-нибудь жилетку... – печально ответила Никки.

– Давай-ка вытащим твою коляску, – вздохнул Джерри.

Это был единственный раз, когда Джерри увидел Никки по-настоящему грустной, всё остальное время она по-прежнему радовалась жизни. На следующий день Джерри долго и с удовольствием смотрел, как

хохочущая Никки пытается догнать на коляске убегающую по лужайке игривую Тамми. Когда девочка, радостная и раскрасневшаяся, подъехала к нему, он сказал серьёзно:

– Наверное, быть счастливым – это талант. Можно радоваться жизни, сидя в инвалидной коляске, живя в пещере и питаясь травой, а можно остаться мрачным ипохондриком, имея всё, что только можно себе представить... И как тебе удаётся быть такой весёлой?

Запыхавшаяся Никки вскинула на Джерри синие глаза и неожиданно принялась отвечать на этот, в общем-то, риторический вопрос.

– После аварии я долго барабанила в покорёженную дверь рубки – пока окончательно не поняла, что родители больше не выйдут оттуда. Но я не могла представить их мёртвыми... – сказала Никки, странно побледнев. – Тогда я решила для себя, что они там живы, но по-особенному: выйти не могут, но волнуются и следят за мной. Я стала думать, что мои мама и папа хотели бы от меня в нынешнем положении. И гениально решила, что они хотели бы, чтобы я ХОРОШО СЕБЯ ВЕЛА: ела три раза в день – пусть даже эту мерзкую, но полезную кашу! Чистила зубы, умывалась, заправляла постель, делала гимнастику... А ещё они были бы рады, если бы я читала книжки, рисовала, играла, смеялась – невзирая на сломанную шею и одиночество. Если я буду это всё делать, то они будут довольны, если нет – то они расстроятся...

Девочка провела рукой по погрустневшему лицу.

– Может, это мне подсказал Робби, который умён, как трёхсотлетняя черепаха... но до сих пор поражаюсь, как я смогла в то время понять – интуитивно и простыми словами! – главную истину этого мира: все родители хотят, чтобы их дети были счастливы.

Никки посмотрела, прищурившись, на зелёную лужайку с оленями.

– Дети для родителей – это их бессмертная душа, протянутая в будущее с надеждой на счастье. Если ты посмел стать несчастным, то ты не оправдал их ожиданий... Понимаешь?.. Предал их самые главные в жизни – и в смерти – надежды... Это я, конечно, сейчас так формулирую... А тогда... я загнала свой скулёр куда-то очень глубоко и стала назло всему радоваться жизни – может, сама научилась, или у моих родителей оказалась весёлая бессмертная душа... – бодро закончила Никки свой рассказ. – Теперь ты лучше понимаешь, почему я такая? – спросила она у Джерри и звонко рассмеялась, поразив его этим смехом чуть ли не больше, чем самим рассказом.

Потом она залезла в карман рюкзака, где хранилось множество интересных штучек, и достала маленькую игрушку – тёмно-рыжего коккер-

спаниеля. Девочка завела её малозаметным ключом и поставила на землю. Раздалось тихое жужжание, и собачка зашагала вперёд, гордо держа голову и высоко поднимая передние лапы.

– Подарок родителей и мой талисман-хранитель, – сказала Никки. – Замечательный и нестигаемый Смелый Пёс. Он ходит только вперёд – и с таким непокорным видом, что душе становится легче. Будто говорит: «Нас никому не остановить!»

Джерри попросил разрешения и внимательно рассмотрел собачку.

– Тонкая работа! – похвалил он Смелого Пса. – Механическая игрушка такой сложности – большая редкость.

– Это не игрушка, – серьёзно возразила Никки.

Ещё две недели пролетели на крыльях махаонов.

Никки в сопровождении Джерри облазила весь сад и всё здание госпиталя, загорела и поправилась. Однажды Джерри заметил провод, идущий от Робби к Никки.

– Этот старый абак, – девочка, усмехнувшись, указала на Робби, – таскается со мной повсюду не просто так. При аварии корабля у меня сломался позвоночник в районе шеи и настал полный паралич, – она говорила об этом спокойно, даже улыбаясь, – но Робби, железный мудрец, – сам еле живой! – сумел быстро мобилизовать уцелевшего ремонтного робота, восстановить с его помощью часть энергосети и подготовить операционную...

Никки засмеялась:

– Джерри, ты бы видел шприц в огромной клешне ремонтника! Умора!.. Так вот, Робби удачно ввел чип с протезом нервной ткани в мой позвоночник. Но контроль над телом оказался полностью утерян. Разрезанный многожильный кабель починили, но схему соединения проводов забыли!

Девочка снова развеселилась от сравнения своего позвоночника с кабелем.

– Робби сам подключился к нейрочипу, и мы стали учиться двигать ногами и руками – я думала, как поднимаю правую руку, а он запоминал положение её нерва и искал ему соответствие в... другом конце кабеля. В конце концов у нас всё получилось, но теперь я хожу и дышу только благодаря процессору Робби. Я представляю, как моя рука чешет нос, а он делает это за меня, – хихикнула Никки. – Впрочем, факт, что мои нервные сигналы проходят через процессор Робби, для меня совершенно незаметен.

Потрясённый Джерри слушал Никки не дыша. «Парень, – спросил он сам себя, – кажется, ты считал себя самым несчастным человеком на

свете?»

Однажды утром Джерри и Никки оказались за столом одни – ещё неделю назад Пятнистый Сэм уехал домой, в кратер Циолковского, а вчера родители любопытной Тоны увезли её на Землю, в Аризону. Никки задумчиво посмотрела на пустые места за столом.

– Моя медицинская страховка кончается, – сказала она. – Большая Тереза вчера строго спросила, кто может забрать меня отсюда. Но я не знаю никаких родственников на Луне или на астероидах, да и вообще их, кажется, нет. Тогда Тереза сказала, что директор госпиталя велел отправить мой файл в Детскую комиссию или Центр новой семьи... что-то в этом роде. Как-то странно она прятала при этом глаза... В любом случае, я совсем не хочу иметь новых родителей. У меня уже есть и мама, и папа – и, хотя они умерли, я-то знаю, что они у меня есть, и я их очень люблю... Понимаешь?

Кафе опустело, но они продолжали сидеть за столом.

– Понимаю... мне тоже некуда деваться... – вздохнул Джерри. – И я тоже не хочу в чужую семью, я слишком... взрослый, чтобы начинать всё заново...

Они помолчали.

– Я хочу рассказать тебе, как это случилось... – вдруг решившись, с большим трудом продолжил Джерри. – Три года назад мама с отцом поехали в театр, оставив меня дома... И на их автомобиль налетел кибергрузовик, потерявший управление... Мама умерла, а отец попал в госпиталь. Когда папа вышел из больницы, он забрал меня, и мы улетели на Луну, на отдалённую обсерваторию, где никто, кроме нас, не жил. Он очень изменился после маминой смерти и много времени стал проводить со мной – играл, развлекал, учил математике, строил со мной самодельных роботов. Наверное, он тоже видел во мне мамину бессмертную душу... Отец бросил свою работу, а он был известный математик; никуда сам не ездил и меня не отпускал – я даже в школе учился заочно и без особого прилежания. Но этой зимой, перед Рождеством, он вдруг отправил меня в Архимед-Сити, к своему старому другу, у которого два сына примерно моего возраста. Мы неплохо проводили время, а через две недели в папину обсерваторию попал крупный метеорит... – Голос Джерри перехватило.

– Метеорит попал в обсерваторию?! – ужаснулась Никки. – Невероятный случай!

– От неё ничего не осталось – лишь глубокий кратер... – с трудом продолжил Джерри, глядя в стол. – Когда я увидел эту яму в иллюминатор,

я... потерял контроль над собой, бил кого-то... даже кусался и хотел там остаться, чтобы меня высадили... и меня привезли в этот госпиталь.

Джерри поднял голову и посмотрел на Никки тоскливыми глазами раненого оленя. На его впалых щеках лежали глубокие тени. Она положила на его судорожно сжатые руки свою небольшую крепкую ладонь со старыми шрамами.

– Джерри, ты можешь сделать для них только одно – стать счастливым, – сказала Никки, – помни, что только в тебе жива бессмертная душа твоих родителей...

– Я впервые смог рассказать о них... – Джерри прерывисто вздохнул. – Ты одна сможешь меня понять, потому что ты тоже одна на этом свете.

– Одиночество – страшная штука, я знаю это... – кивнула Никки. – Но сейчас нас двое, а это совсем, со-овсем, со-о-овсем другое дело!

И она толкнула его в плечо жёстким кулачком.

Грустное лицо Джерри смягчилось слабой улыбкой. А Никки с удовольствием подумала, что Джерри, улыбаясь, становится совсем другим человеком...

Глава 3

Железный дровосек

Никки лихо вкатилась в лифт, едва не впилившись в большое зеркало. Затормозив коляску так, что её занесло юзом, она нажала кнопку этажа кафетерия. Пока лифт гудел, в его зеркальную стену Никки успела скорчить с десяток преотличнейших рож. Кабина остановилась на такой кошмарной рожище, что её решено было обязательно показать Джерри. Ха! Он помрёт от зависти!

Никки выкатилась из открывшихся дверей и удивилась – это оказался не кафетерий, а технический этаж, заставленный полками, ящиками и громоздкими аппаратами. Она здесь ни разу не была. Вряд ли тут можно позавтракать... не ту кнопку она нажала, что ли? Не успела она с любопытством оглядеться, как двери лифта закрылись и он уехал. Никки развернула кресло и нажала кнопку вызова, но та не зажглась. Девочка безрезультатно попробовала ещё и ещё раз, потом осмотрелась вокруг внимательнее: лифтовая дверь только одна, других выходов не видно.

Сзади раздался лязг, и Никки обернулась. По проходу двигался здоровенный ремонтный робот с плазменным резак в одной руке и гвоздемётом в другой. Бочкообразная грудь, голова с сейф и длинные конечности со стальными клешнями. Ремонтник грохотал огромными плоскостопными ножищами всё ближе и смотрел выпуклыми фасеточными глазами прямо на девочку.

Она громко и весело спросила:

– Скажи, пожалуйста, Железный Дровосек, как мне попасть в кафетерий?

Робот-невежа не ответил, но резак в его клешне вдруг включился на полную мощность и выпустил синий шипящий клинок. Никки хорошо знала этот плазморез, он здорово выручил её при перестройке оранжереи. Она почувствовала неладное и попятилась в проход между ящиками.

В ответ робот вскинул гвоздемёт и выстрелил в девочку грохочущей очередью крупных гвоздей! Привязанная к коляске Никки успела лишь вскрикнуть и дать креслу максимальный задний ход. Гвозди прожужжали в воздухе стаяй железных шмелей, а один больно цапнул её в плечо, оставив глубокий касательный прорез.

А-АХ!

Все сомнения исчезли: ремонтник сошёл с ума, хотя Никки никогда о

таким заболеванием роботов не слышала. Она успела отъехать, а когда между ней и Железным Дровосеком оказался стеллаж, быстро развернула кресло и рванула в глубь склада на предельной скорости.

– РОББИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ, ЧЁРТ ПОБЕРИ?! – закричала Никки.

– Не знаю! – честно признался её друг.

Никки мчалась между штабелями коробок, следя за врагом в зеркало заднего обзора, которое раньше всегда её смешило: зачем оно на инвалидном кресле? Когда робот появился в проходе, она резко свернула в ближайший коридор и чудом избежала следующей очереди здоровенных гвоздей – кажется, пятидюймовых. Железные стрелы громко простучали по стеллажам, по шляпку вонзаясь в толстые стенки ящиков. Один из гвоздей срикошетировал о металлическую пластину массивного прибора и сердито прогудел у Никки над самой головой, больно выдернув прядь волос.

Почему этот Дровосек к ней привязался?! Девочка чувствовала себя совершенно беспомощной в этом кресле, её сердце бешено стучало. Никки нажала на ходу красную кнопку на коммуникаторе коляски и попыталась позвать кого-нибудь на помощь, но на вызов никто не отвечал. «Это не случайность, это охота за мной!» – мелькнула отчаянная мысль, и Никки свернула в другой проход, не дожидаясь появления робота в обзорном зеркале. Есть ли у него инфравизор? Если это охота, то должен быть. Значит, от робота спрятаться нельзя – он загонит Никки в тупик и прикончит.

– Робби, зови на помощь!

– Сразу позвал, как только этот урод начал стрелять, – откликнулся Робби, – но лифт заблокирован, как и все двери на этаж. Охрана уже пробивается сюда! Надо продержаться несколько минут.

– Он меня убьёт за несколько секунд! Ты можешь его остановить? – Она снова резко свернула, но топот разогнавшегося робота раздавался всё ближе.

– Я пытаюсь всё время, – ответил Робби, – но его каналы связи отключены, он замкнут сам на себя!

– Ч-чёрт!

Сердце Никки бушевало, как лесная птица в клетке, в венах звенел адреналин. «Думай, Никки, думай! Железную сволочь надо стреножить. Таковую махину ничем механическим не проймешь... разве трактором его придавить, мерзавца... как-нибудь ослепить... краской?.. но у него сенсоры по всему телу... электрическим разрядом ударить?»

Пот заливал глаза, а рубашка намокала кровью раненого плеча. Никки свернула два раза подряд – и очутилась между высокими стеллажами,

плотно заставленными ящиками. Она услышала лязганье робота по соседнему проходу и затихла, очень надеясь, что Дровосек её потеряет за стеной приборных упаковок. Но ремонтник остановился как раз напротив Никки и, ни секунды не сомневаясь, стал пробиваться к ней сквозь стеллажи. Робот ломал ящики и балки легко, как буйвол кустарник.

Над головой Никки закачался контейнер, и девочка снова устремилась в полутёмный проход. Ящик с грохотом рухнул сзади, и стекляннo-металлические детали со щедрым звоном разлетелись по полу. В зеркале коляски Никки увидела грозную фигуру, выбравшуюся из разгромленных стеллажей. Под тяжёлыми ногами хрустела электронная требуха разбитых приборов.

– Ищи его слабое место! – крикнула она Робби, на всей скорости подъезжая к концу стеллажной стены.

Сзади снова загремели выстрелы. Никки, как смогла, увернулась от длинной очереди гвоздей и едва не опрокинулась на повороте. Надо что-то предпринимать! Она резко тормознула перед полками с инструментами. Несколько секунд – и её колени были полны гаечных ключей и молотков. Она ещё успела прихватить пару пластиковых банок с краской, когда ей пришлось снова убегать от преследователя. Чуть позже Никки остановилась на развилке коридоров, развернулась и стала ожидать появления робота.

Она успела свернуть крышки с банок, и тут башмаки робота загромыхали совсем близко. Никки, не дожидаясь его появления, с силой метнула в проход гаечный ключ, потом и молоток. И отправила туда же банку с краской. Робот выскочил из-за угла, увидел Никки и нацелил на неё гвозде́м.

Гаечный ключ с безрезультатным грохотом ударил в металлическую скулу, зато массивный молоток сочно впечатался в правый фасеточный глаз робота и оставил густую сетку трещин – пусть подпрограмма самосохранения в этой железной репе немного поразмыслит! Первая банка с краской пролетела мимо головы, зато второй снаряд, брошенный уже не наугад, врезался в грудь робота, смялся и выплеснул фонтан серой жижи ему прямо в лицо, полностью залив другой, неповреждённый глаз.

Никки, не ожидая, когда до робота долетят остальные железяки, быстро развернулась. Сзади раздался грохот очереди из гвозде́м. Не помогла краска! Несколько острых импровизированных снарядов попали в её коляску, а один стальной стержень, пробив пластиковую спинку кресла, глубоко вонзился Никки под лопатку.

Она вскрикнула от боли, изо всех сил нажала на пульт управления и

свернула за спасительный угол.

– Можно его взять электрическим разрядом? – в панике крикнула Никки.

– Да! Хорошее напряжение на голову его замкнёт! – ответил мудрый, но беспомощный Робби.

Одежда на спине Никки пропитывалась кровью, остриё вонзившегося под лопатку гвоздя причиняло нестерпимую боль, от которой голова плыла и всё вокруг качалось. Мчась по очередному проходу и лавируя между сваленным на пол оборудованием, Никки с ужасом увидела, как в конце прохода из полумрака проступает стена.

– Это тупик!!

Она на полной скорости летела к безвыходному концу коридора и лихорадочно пыталась придумать какой-нибудь спасительный трюк, но в мутную голову ничего не приходило. В метрах пяти от стены кресло всё-таки натолкнулось на разбросанный хлам и опрокинулось. Силовые захваты умной машинки решили, что лучше разомкнуться, чем сломать ей кости, и Никки вылетела из кресла.

Она шлёпнулась с размаху на пол, по инерции проехала на животе до стены и врезалась в неё раненым плечом. Адская боль! Кровь из ран на спине и на плече заструилась сильнее, но Никки, цепляясь рюкзаком с Робби за какие-то углы, быстро поползла вдоль стены, забиваясь как можно глубже под контейнеры.

Робот настиг опрокинутую коляску и стал в упор кромсать её из гвоздемета, одновременно орудуя плазменным резаком. Никки, с ужасом оглядываясь на этого психа, доползла до стены, увидела на ней высоковольтную розетку и сбила её ударом тяжёлой штуковины со стеллажа. Выхватив из кармана рюкзака серебристые перчатки, Никки надела их и засунула руки прямо в голые электрические контакты. Раздался треск, и запахло палёным пластиком.

Через пару минут запас гвоздей у железного маньяка кончился, а расстрелянное кресло превратилось в тёмного дымящегося ежа. Робот наклонился и внимательно рассмотрел результат своих действий. Он даже поднял длинными лапами обгорелые остатки коляски и поднес их к повреждённым глазам, близорукая скотина! В конце концов кибер осознал, что в кресле никого нет, и снова переключился на поиск.

Яркая трескучая электрическая дуга немедленно привлекла его внимание, он снова увидел Никки и радостно устремился к ней. Скорчившейся в углу девочке уже некуда было бежать или ползти. Робота отделяли от неё два метра полка с приборами, и он с грохотом стал

пробиваться к Никки, орудуя могучими клешнями, которые сами по себе являлись грозным оружием. Здоровенный ремонтник легко ломал рамы стеллажей, нагруженных оборудованием. Полки рушились вокруг Никки, грозя её раздавить или изувечить.

Она стоически переносила сыплющиеся удары, не двигаясь с места и совершая плавные и сложные движения пальцами в серебристых перчатках. В ладонях у неё билось электрическое пламя, брызгая во все стороны искрами.

Робот отбросил последние балки, отделявшие его от Никки, и занёс над ней потрескивающее голубое лезвие плазменного резака.

Никки осторожно, как чашку с водой, подняла ладони навстречу роботу, раскрыла их и сильно дунула. Из её рук ослепительной бабочкой выпорхнул искрящийся жёлтый шар размером с теннисный мяч и устремился к Железному Дровосеку.

Тот отшатнулся, но было уже поздно: шаровая молния ласково прильнула к его лицу – раздался мощный взрыв. Фасеточные глаза робота лопнули, и осколки засыпали съёжившуюся Никки. Металлические части головы Дровосека мгновенно раскалились, а пластиковые запузырились и почернели. Плазменный резак погас, и огромный робот-ремонтник застыл мёртвым закопчённым истуканом.

Стало тихо, и Никки услышала далёкие удары в дверь. Девочка медленно приподнялась среди обломков и застонала от боли в израненном теле. Осторожно переведя дыхание, она хрипло спросила у Робби:

– Как ты?

– Не беспокойся, со мной всё в порядке. Ты – молодец, неплохо справилась. Слышишь удары? Сейчас придут... эти спасатели. – В голосе Робби явственно прозвучала странная для компьютера ирония.

Воняло горелой краской и пластмассой.

Никки с трудом привалилась к стене, чувствуя, как течёт по спине кровь и кружится голова.

– Ничего себе сходила на завтрак...

С топотом приближались люди. Впереди бежал человек в униформе и с пистолетом – увесистый, но быстрый и опасный в движениях. За ним шлёпали пятеро охранников госпиталя. В конце процессии рысила Большая Тереза с парой врачей.

– Что за погром вы здесь устроили? – властно гаркнул подбежавший человек, видимо начальник охраны.

Никки потрясённо уставилась на его покрасневшую физиономию с колючими глазками, потом перевела взгляд на подоспевшую Большую

Терезу и сказала слабым голосом:

– Тереза, и такие идиоты работают в вашей охране?

Старший охранник аж перекосялся от оскорбления, но его оттеснили взволнованные врачи, подняли Никки на руки и понесли к заработавшему лифту.

– Вас вызовут для объяснений! – рявкнул сзади охранник с колючими глазами. – И вам долго придётся расплачиваться за нанесённый ущерб!

Никкины раны зашили и обработали в блоке интенсивной терапии под причитания Большой Терезы. Та хотела прописать ей постельный режим в той же палате, но Никки категорически отказалась. Она не чувствовала себя в безопасности в помещении, код от которого знали десятки людей.

Возле дверей комнаты, где Никки делали перевязку, девочку ждал потрясённый и бледный Джерри, беспрерывно ерошащий и без того взлохмаченные волосы.

– Я больше никогда не оставлю тебя одну в этом госпитале! – выпалил он и встал с самым решительным видом возле её нового инвалидного кресла.

– Спасибо, – устало улыбнулась Никки, – пошли завтракать... или обедать... ужасно есть хочется... особенно пить... – слабо бормотала она на ходу, – обычное дело после кровопотери... помню, я жутко порезалась в оранжерее...

Не успели они закончить с едой – Никки еле шевелилась от усталости и ранений, – как с грохотом распахнулась дверь кафетерия и вошли трое: давешний начальник с эскортом из двух охранников. Свирепы и опасны – настоящие громы.

Никки что-то прошептала Робби и выпрямилась в ожидании. Трое громил угрожающе обступили стол – высокие, как башни, в серо-зелёной униформе с золотыми шевронами и с пистолетами на ремнях, – и начальник охраны громко заявил:

– Следуйте за нами! Вы должны немедленно пройти в мой кабинет и дать полный отчёт о случившемся!

Очевидно – привык к беспрекословному повиновению.

– Сегодня я занята, – и Никки допила своё обычное кьянти, стараясь движением рук не тревожить повязку на спине.

– Вы разгромили склад, уничтожили ценного робота и отказываетесь дать объяснения?! – опешил главный громила. – Я заявил об этом случае вандализма в комиссию по правонарушениям несовершеннолетних. Вам скоро придётся переселиться из госпиталя в хорошо охраняемый лагерь для

юных преступников!

Никки хранила молчание.

Охранник посмотрел на стол, схватил пустой бокал и внимательно обнюхал его.

– Вы ещё и малолетняя алкоголичка? Очень хорошо! Это дополняет общую картину вашей социопатии.

Джерри вскочил на ноги и сжал кулаки, хотя весил раза в два меньше начальника.

– Спокойно, Джерри, – это легкий случай, я справлюсь сама, – сказала без следа иронии Никки. Она в упор рассматривала охранника; от этого презрительного синего взгляда его колющие глаза дрогнули в припухших веках и даже попытались вильнуть в сторону.

Недолгая пауза прервалась коротким бипом из рюкзака, и Никки не спеша заявила старшему охраннику:

– Я дам нужные объяснения завтра, в десять часов утра. Но не в вашем кабинете, а у директора госпиталя и в присутствии Лунной полиции.

– При чём тут полиция? – нахмурился начальник охраны. – Кто её вызвал?

– Это я обратилась к властям, а теперь убирайтесь вон – вы мне мешаете обедать. У меня аллергия на болванов, да и морда у вас, братец, препротивнейшая.

Кругом раздался дружный смех. Начальник охраны заскрежетал зубами и стиснул кулаки размером с две тыквы. Он обернулся и увидел, что на него обращены десятки скалящихся детских лиц, а его собственные подчинённые смущённо крутят головами и отводят глаза, пытаясь прогнать с физиономий невольные ухмылки.

– Хорошо же! – яростно зашипел он. – Завтра я вызову людей из колонии несовершеннолетних уголовников, и вы, мисс алкоголичка... – вы даже не представляете, как быстро окажетесь за решеткой!

Он круто развернулся и, топая, вышел из комнаты вместе со своими гвардейцами.

Никки потянулась к кофейной чашке и отпила глоток. После стычки с охранником она стала выглядеть, как ни странно, бодрее.

– Джерри, – спросила Никки, – как можно перепрограммировать ремонтного робота для нападения на человека?

Джерри стоял и с ненавистью смотрел на закрывшуюся за охранниками дверь. Услышав Никки, он плюхнулся на стул и с трудом разжал кулаки.

– Это невозможно, – произнёс он глухим, прерывающимся от

волнения, голосом. – Во все главные процессоры мобильных роботов встроены защитные программы. Они запрещают роботу нападать на человека или наносить ему вред. Эти правила вшиты в хард при изготовлении, их нельзя перепрограммировать в принципе...

– Давай признаем, что это возможно – клянусь Юпитером, я свидетель! – и пожалуйста, подумай, как это могло быть сделано, – сказала Никки, – ты же у нас эксперт по роботам.

Джерри польщённо улыбнулся и надолго задумался. Вокруг них посетители кафе бурно обсуждали утренние события.

– Возможны только два варианта... – наконец заговорил Джерри.

Никки хмыкнула:

– Ну вот, то – невозможно, то – сразу два варианта!

– ...первый вариант – кто-то обладает достаточным могуществом, чтобы изготавливать свои процессоры и вшивать в них нелегальные правила. Это о-очень дорого, да ещё надо вытащить старый процессор из робота и засунуть вместо него новый чип. Это как поменять пломбу на зубе живого тигра: голова робота похожа на хороший сейф, который охраняется самим роботом. Только компания-производитель ремонтника знает, как добраться до процессора, тем более – заменить его. Второй вариант проще – кто-то обманул робота.

– То есть? Как можно обмануть безмозглого болвана?

– Роботы могут перепрограммироваться для различных работ, не входящих в конфликт с зашитыми в хард императивами. Ему нельзя скомандовать – убей человека с такой-то внешностью. Он не послушается незаконного приказа и даже вызовет полицию. Но можно попробовать перестроить зрение робота. Насколько я помню, данные с телеобъективов этого ремонтника обрабатываются периферийными процессорами. В эти чипы заложены лишь программы автоматической классификации объектов. Чтобы робот напал на человека, нужно, чтобы видеочип, распознав изображение девочки с рыжими волосами, не рассуждая, заменил его и передал в главный мозг изображение собаки или крокодила. Против убийства животных центральный процессор не имеет запретов.

– Робот получил приказ убить бешеного медведя, а в его глазах я и выглядела этим медведем?

– Да. Такой вариант тоже нетривиален – серьёзная переделка программы зрения требует весьма профессиональной работы, плюс нужно иметь доступ к роботу для перепрограммирования.

– Мог этот тип такое провернуть? – Никки кивнула на дверь, в которую выскочил начальник охраны.

– Доступ к роботу он имеет, но такое перепрограммирование точно сделать не мог – иначе он работал бы в другом месте и за совершенно другие деньги... Кроме того, он служил в этом госпитале ещё до тебя. Вряд ли кто-то из твоих врагов мог предвидеть, что ты здесь появишься.

– Логично... А мог он ввести в робота софт, написанный кем-то?

– Наверное, да, после хорошего инструктажа даже такой громила справился бы.

– Значит, его могли нанять... надавить или подкупить. Этот верзила где-то имеет слабинку. Робби, ты всё слышал?

– Конечно, – раздался глуховатый голос Робби из рюкзака. – Джерри – молодец! Я с ним согласен. Вариант перепрограммирования видеопроцессинга более прост, а следовательно, по «бритве Оккама», наиболее вероятен.

– Ну что ж, тогда за работу... – сказала Никки. – Ты проводишь меня, Джерри?

– Конечно. А ты куда?

– К себе в комнату. Я действительно буду сегодня занята. Не волнуйся за меня – мою дверь заблокирует Робби, это будет лучше, чем сейф.

На следующее утро Джерри постучал в дверь Никки условным стуком, и они пошли в кафе по пологим пандусам аварийных лестниц, избегая лифтов, – все знают, как ненадёжна эта техника. За завтраком Никки, всё ещё бледная от потери крови, но уже пришедшая в себя после вчерашних событий, подробнее рассказала о нападении робота и как она убегала от него «зайцем на колёсах».

– Как же ты смогла его уничтожить? – поразился Джерри.

– Следуя совету Робби: дать электрический разряд на головной процессор робота.

– И ты убедила робота свернуть уши трубочками и засунуть их в розетку?

Никки засмеялась.

– Ты знаешь, что такое шаровая молния?

– Конечно, я даже видел популярный фильм про эти молнии – они до сих пор остаются загадкой. Они возникают во время сильных гроз, но засечь их удается крайне редко. Воспоминания случайных и перепуганных наблюдателей – не очень эффективный способ изучения молний, а в лаборатории – искусственным путем – они никак не получаются. Знаю, что в них содержится много энергии, они опасны и могут взрываться.

– Хм... странно. Недавно я увлеклась физикой низкотемпературной

плазмы и шаровыми молниями – и много экспериментировала с ними. С помощью расчётов Робби я научилась довольно легко получать их из электрической дуги... там нужно аккуратно запустить ротор по поверхности, чтобы возникла магнитная удерживающая сила. Шаровая молния – это набор солитонов – устойчивых уединённых волн, бегающих по замкнутым плазменным каналам... красивая самоподдерживающаяся система, почти сверхпроводящая... и химия в молнии очень интересная. Обожаю такие штучки! Я, улетаая со «Стрейнджера», даже взяла с собой образец химикалиев для изготовления молнии.

– Ничего не понял, – вытаращил глаза Джерри. – Ты сожгла робота шаровой молнией?!

– Ну, что-то вроде этого... Я вовремя вспомнила, что в рюкзаке у меня лежат металлизированные перчатки и кубик смеси для получения молнии, и успела ими воспользоваться. Причем жутко нервничала, что заряда не хватит, копила до последнего момента. Мне повезло, что там высоковольтные выходы вдоль всей стены...

– Ну, Никки, ты даешь! Ссориться с тобой вредно для здоровья, даже если оно железное, как у полутонного робота!

После завтрака Джерри довел Никки до дверей кабинета директора госпиталя и остановился у порога.

– Ты чего? – обернулась Никки.

– Меня же не приглашали...

– Я тебя приглашаю.

– Ну тогда, конечно... – храбрясь, сказал Джерри и, здорово нервничая, шагнул за Никки в просторную комнату. Там уже собралось человек десять.

– Наш буйный пациент прибыл! – громко сказал главный охранник, и все люди в кабинете повернулись к двери.

Никки проигнорировала колючеглазого, остановила коляску на середине комнаты и внимательно всех осмотрела. Кроме директора госпиталя, которого Никки видела раньше лишь однажды, за длинным столом сидела явно взволнованная и чем-то расстроенная Большая Тереза и ещё один знакомый Никки врач. Он не кивнул, а только прищурился, встретив её взгляд.

Возле директора стояли начальник охраны с ещё одним униформенным подчинённым и пара лунных полицейских в серой форме. В углу сидели двое в неизвестных Никки тёмно-коричневых мундирах и женщина в синем деловом костюме. Выражения физиономий присутствующих Никки не понравились. Глазу отдохнуть было не на ком.

Директор нахмурился и произнёс властным голосом:

– Мы собрались здесь, чтобы расследовать вчерашний инцидент, совершенно неслыханный в нашем известном и почтенном Лунном госпитале. Нашему учреждению нанесён ущерб, по первым оценкам, достигающий полумиллиона долларов. Мы должны принять немедленные... э-э... практические меры по итогам нашего расследования. Начальника охраны мы уже заслушали. Всё, в общем, ясно. Но всё-таки: мисс Гринвич, можете ли вы внятно объяснить историю с разгромленным складом и уничтоженным роботом? И я прошу вашего... э-э... приятеля покинуть мой кабинет.

Никки внимательно посмотрела на него и сказала ничуть не менее строгим и уверенным голосом:

– Во-первых, здравствуйте, мистер Джембовский. Во-вторых, насколько я знаю, вы временно исполняете обязанности директора Лунного госпиталя...

Директор от неожиданности поперхнулся и побагровел.

– ...но я не знаю остальных участников совещания, так что представьте мне их, пожалуйста. Это надо и для моего адвоката, – и она указала на Робби, демонстративно поблёскивающего телеобъективами.

Из динамиков Робби донёсся низкий голос:

– Адвокат Дименс, из адвокатской конторы «Дименс и Брендин», Луна-Сити, приветствует всех присутствующих и подтверждает совершение юридически легитимной видео-и аудиозаписи данного совещания.

Лица у некоторых присутствующих заметно вытянулись.

– В свою очередь, представляю вам моего технического эксперта, – продолжила невозмутимо Никки, указав на Джерри, – мистера Джеральда Уолкера!

Директор насмешливо воскликнул:

– Эксперт-подросток?! Что за бред! И юристы с этим согласны?

– Безусловно, – мгновенно откликнулась контора «Дименс и Брендин». – Экспертом на суде может считаться любой человек, названный таковым одной из сторон. Естественно, другая сторона может вызвать в противовес другого эксперта, и уже суд будет решать, кто из них... гм... более эксперт.

Джерри повеселел, отбросил длинные волосы со лба и встал возле кресла Никки в независимой позе.

Директор же, наоборот, с помрачневшим лицом стал называть присутствующих. «Коричневые» люди с малоподвижными физиономиями

оказались охранниками-педагогами из колонии для детей-правонарушителей, как и обещал вчера громила. Эта колония являлась формально не тюрьмой, а некой помесью клиники для подростков с антиобщественным поведением и социального центра, где дети ожидали рассмотрения своих дел в суде. Поэтому попасть туда можно было действительно очень быстро, а вот выйти... замки на тамошних воротах ничем особенным не отличались от тюремных. Женщина в синем костюме представляла Детскую комиссию, ведавшую центрами по поиску новых семей, или, проще говоря, сиротскими приютами. Считалось, что они получше, чем колонии, но всё равно мерзость – уже самим фактом своего существования.

По окончании процедуры знакомства директор снова бесцеремонно потребовал от Никки объяснений. Она холодно улыбнулась ему:

– Стакан воды, пожалуйста! – Не то чтобы ей хотелось пить, но Никки полагала, что урок хороших манер полезен даже таким взрослым дядям.

Пока ей наливали воду, она повернулась к полицейским и спросила:

– У вас есть с собой оружие?

Старший из полицейских удивился:

– Конечно! И что?

– Будьте настороже, – безмятежно сказала Никки.

Тут громила не выдержал и заявил на всю комнату:

– Что за комедию она тут ломает? Напоминаю, что эта буйная мисс, кроме всего прочего, – алкоголик с многолетним стажем. И сейчас нас будут потчевать порцией горячего бреда!

– Ага, – улыбнулась довольная Никки, – кое-кто занервничал и даже стал забегать немножечко вперёд... Мистер Джембовский, если ваш начальник – хе-хе! – безопасности ещё раз перебьёт меня или хотя бы просто откроет рот, пока я не закончу, то я немедленно подключаю это совещание к прямой трансляции не только для моих адвокатов, но и для Лунного Телеканала Новостей. Робби, приготовься... Вам нужна такая реклама?

– Замолчите, Джонс! Будете выступать, когда вам предложат! – рявкнул на своего сотрудника побледневший временный директор.

– Очень хорошо, – и Никки повернулась к неожиданно засветившемуся настенному экрану. – Это изображение с видеокамеры третьего подземного этажа. Запись сделана два дня назад. Робот-ремонтник стоит на его обычном месте между стеллажами.

– При чём тут позавчерашние видеозаписи? – не выдержал директор.

– Настоятельно рекомендую и вам поменьше суетиться, господин

директор, – отрезала Никки, – помолчать и послушать, тогда вы не будете выглядеть... таким временным.

Директор сжал рот в тонкую линию и стремительно покраснел.

Изображение робота исчезло с экрана.

– Два дня назад камера перестала работать. Охранники решили, что это обычная неисправность... через полчаса камеру заменили, и изображение восстановилось.

На стене снова появился Железный Дровосек на фоне стеллажей.

– Сравним положение робота до и после ремонта камеры, – продолжила Никки слегка скупающим тоном учителя, объясняющего решение задачи тупым ученикам.

На экране быстро сменялись старый и новый кадры – и все увидели, что на новом кадре левая рука робота слегка поднялась, а также исчез моток провода, раньше валявшийся у ножного шасси.

– Робот данной конструкции не пританцовывает в выключенном состоянии. Ежу понятно, что с роботом кто-то поработал, предварительно испортив камеру наблюдения. Теперь о вчерашнем дне, – перешла Никки к главному. – В 9.16 утра я зашла в лифт на пятом этаже, чтобы поехать в кафе, и нажала кнопку первого этажа.

На схеме маленькая фигурка в лифте двинулась вниз.

– В этот момент кто-то с центрального пульта перехватывает управление лифтом. Тот проезжает кафетерий и опускается до технического уровня. Все видеокамеры на подземных этажах сразу же отключились. Когда я вышла из лифта, его дверь немедленно закрылась, он был поднят на нулевой этаж и полностью обесточен. Лифт сам стал недоступен, да ещё и перекрыл собой шахту. Одновременно все двери, ведущие на нижние этажи, оказались наглухо закрытыми по аварийному коду. Может, кто-нибудь попытается утверждать, что это случайные совпадения или что это всё я сделала сама? – спросила саркастически Никки. – Я вчера слышала что-то подобное... Кстати, в этом госпитале прекрасные нейроспециалисты – они могут оказать нужную помощь в восстановлении логических связей.

Молчание.

– Теперь реконструкция вчерашних событий, – уверенно продолжала Никки. На экране появился план склада сверху. – Это несложно, – добавила Никки, – ведь всё происшедшее на складе записано видеокамерами моего компьютера.

И эта новость неприятно поразила некоторых присутствующих.

– 9.19 – к лифту подъезжает робот, вы видите его изображение справа.

Я не могу вызвать лифт и вежливо прошу помощи, но вместо этого он включает плазменный резак. Я начинаю пятиться в проход между стеллажами, а эта железная скотина выстреливает в меня очередью пятидюймовых гвоздей. Один разрезает мне плечо...

Оба полицейских напряглись и выпрямились в креслах, внимательно глядя на настенный монитор. Фигурки на схеме задвигались. Трансляция видеозаписи Робби занимала часть экрана, правда, изображение здорово прыгало. Никки невозмутимо продолжала:

– ...Я играю с роботом в пятнашки... вторая очередь гвоздей проходит мимо. Если кто-нибудь недоверчивый сочтет показанные кадры просто анимацией, то он может вооружиться клещами и найти на складе множество доказательств моим словам. Эти доказательства забиты по самую шляпку в ящики и полки... Здесь я пытаюсь позвать на помощь по коммуникатору кресла, но он не сработал, что необычно для такого надёжного устройства. Вызов прошёл только с моего личного компьютера. Робот пробивается ко мне сквозь стеллажи, роняя всё, что только можно уронить... Теперь вы знаете, кому предъявить счёт за разбитое оборудование... Робот снова стреляет... Тут я бросаюсь в него молотками и крашу его в более весёлый цвет... На этом перекрестке ещё одна очередь попадает в спинку кресла и снова ранит меня, уже сильнее...

Большая Тереза невольно охает при виде никелированного гвоздя, глубоко пробившего кресло и спину Никки.

– Потом я попадаю в тупик... Кресло опрокидывается... Я лечу дальше и ударяюсь о стену... Тут изображение здорово скачет – это мы с Робби галопом ползём под стеллаж... 9.26 – железный болван настигает упавшее кресло, расстреливает его всем боезапасом и крошит резак. Не обнаружив ничего в кресле, робот снова ищет меня...

Напряжение в комнате достигло предела: все, затаив дыхание, смотрели за стремительно раскручивающимися на экране драматическими событиями. Красное лицо громилы Джонса блестело от пота.

– ...Этот маньяк увидел меня и начинает крушить полки с оборудованием. Всем хорошо видно, кто разбил ваши приборы? 9.30 – робот попадает под электрический высоковольтный разряд, выходит из строя и переходит в категорию утиля. Вот и всё.

На последних секундах фильма робот ломал полки, а потом взрывался, как будто съел хорошую гранату. Шаровой молнии на кадрах видно не было.

– Да, забыла про конец, – улыбнулась Никки.

На весь экран появился начальник охраны, гаркнувший:

– Что за погром вы здесь устроили?!

И голос Никки за кадром:

– Тереза, и такие идиоты работают в вашей охране?

Оскорблённая физиономия Джонса застыла на стене, а в комнате захохотали, отходя от напряжения последних минут. Смеялись все, за исключением яростного Джонса. Тот не выдержал обет молчания и вскочил на ноги:

– Это всё фальшивка – от начала до конца!

Большая Тереза встала во весь немалый рост, вплотную подошла к Джонсу и сказала таким свирепым голосом, что здоровенный охранник попятился:

– Я вчера лечила раны этой девочки и свидетельствую, что она чудом избежала смерти. Гвоздь остановился в нескольких сантиметрах от её сердца! Эти ранения – тоже фальсификация?! Как вы – начальник безопасности! – могли допустить такое в нашем госпитале?! Испорченные камеры, неработающие лифты, взбесившиеся роботы!..

Джонс скис на глазах и сел на свой стул. Зато поднялся старший полицейский:

– Именем Лунной Республики открываю судебное дело номер 112 643 по факту покушения на убийство и нанесение телесных повреждений пациенту Лунного госпиталя Николь Гринвич, а также причинение ущерба имуществу госпиталя. Дело включает обвинение против начальника службы безопасности госпиталя Биллроуза Джонса за халатность при исполнении служебных обязанностей, повлёкшей вышеперечисленные факты. Формулировки предварительные.

Полицейский посмотрел на Никки:

– Мисс Гринвич, прошу вас переслать мне эти материалы. Не могли бы вы прояснить два вопроса – как вам удалось достать служебные записи с видеокамер госпиталя? И насчёт этого электрического разряда – я никогда не видел, чтобы короткое замыкание могло вызвать такой... взрыв.

– Показанные материалы уже посланы вам, офицер Горбин, – спокойно сообщила Никки. – Записи с камер и информацию о работе центрального пульта я раздобыла через компьютерную сеть госпиталя... правда, никого не спрашивая, но, насколько я понимаю, никакого нарушения закона я не совершила. Если понадобится, то мой адвокат может добиться официальной выдачи этих данных – ведь там содержится информация, имеющая отношение ко мне лично.

– Безусловно! – взволнованным голосом подтвердил адвокат Дименс.

– Про сгоревшего робота ничего не хочу добавить. Его останки в

вашем распоряжении, и вы найдёте там только копоть и следы электрического разряда – уверяю вас, что на завтрак я хожу без гранатомета. Кстати, я ещё не закончила свои... э-э... свидетельские показания.

– Внимательно слушаю вас. – Офицер Горбин снова сел, при этом он отодвинул кресло так, чтобы видеть всех присутствующих в комнате.

– По заключению моего эксперта по кибернетике, подготовка робота к нападению производилась с помощью высококлассных программистов. Таких в госпитале нет, и очевидно, что следы вчерашних событий тянутся куда-то далеко.

– Не могли бы вы пояснить детальнее? – поднял брови Горбин.

– Джерри, пожалуйста, – попросила Никки, и Джерри, волнуясь и слегка запинаясь, изложил свои соображения о перекодировке системы зрения робота и обходе императивов центрального процессора.

Пока Джерри-эксперт говорил, Горбин внимательно слушал и делал пометки в компкнижке.

– Большое спасибо, – сказал Горбин после того, как Джерри замолчал. – Я ещё проконсультируюсь у наших экспертов, но лично для меня это звучит вполне убедительно. Беру этот фокус с процессорами на заметку и, – голос Горбина снова стал официальным, – именем Лунной Республики открываю судебное дело 112 644 по расследованию изготовления роботов, уязвимых для перепрограммирования с целью совершения противоправного действия – покушения на человека.

– Вероятнее всего, – продолжила снова Никки, – что покушению помогал кто-то из сотрудников госпитала с широким доступом к системе контроля, секретным кодам дверей и лифтов, знающий систему слежения и видеокамер...

– Это невозможно! – возмущённо воскликнул директор госпитала.

– Соучастником наверняка окажется высокопоставленный сотрудник службы безопасности, – спокойно продолжила Никки. – Извините за банальный совет, но рекомендую проверить недавние крупные поступления на банковские счета...

Тут охранник Джонс не выдержал и потерял голову. Он стремительным прыжком перемахнул через стол и со свирепым лицом бросился на Никки. От неожиданности все оцепенели. Раздались крики Терезы и кого-то ещё.

Джерри, стоявший возле коляски Никки, отчаянно рванулся навстречу Джонсу и с разбегу врезался плечом в его широченную грудь. Охранник покачнулся, притормозил, и в следующее мгновение Джерри сильнейшим

ударом в лицо был отброшен далеко к двери.

Джонс подскочил к Никки, полностью загородив её своей массой от остальных, и занёс руку для удара, которым можно убить не только худенькую девочку, но и быка средних размеров.

Неожиданно громила получил в лицо сильную струю воды, зажмурился и закашлялся. В следующее мгновение полуослепший охранник с размаху налетел грудью на нечто твёрдое и болезненное, согнулся и стал оседать на пол. Тут же в охранника вонзились шок-иглы, посланные обоими полицейскими.

Когда массивное тело Джонса, подёргиваясь в конвульсиях, полностью рухнуло на ковёр, все увидели Никки с далеко выставленной правой рукой и выражением сильнейшего гнева и отвращения на лице.

Девочка быстро развернула кресло и очутилась возле неподвижно лежащего Джерри, по лицу которого струилась кровь.

– Джерри, Джерри! – позвала с тревогой Никки.

Тот медленно открыл глаза, и к нему устремились Большая Тереза и второй врач, пытаясь помочь, но толкаясь и мешая друг другу.

Никки яростно накинулась на подоспевших офицеров полиции:

– Я вас предупреждала – будьте настороже! Почему в присутствии полицейских двое подростков должны самостоятельно защищаться от нападения бандита?!

Офицер Горбин стал похож на онемелую рыбу, а его младший напарник-блондин заалел лицом.

– Я... приношу вам свои извинения, мисс Гринвич... Я недооценил опасность и... ваше предостережение. Вы имеете право составить заявление на имя начальника Лунной полиции о происшедшем, – сказал напряжённым голосом полицейский Горбин.

Из-за спин медиков послышался слабый голос Джерри:

– Никки, я в порядке...

Свирепое лицо Никки слегка смягчилось.

– Я не привыкла жаловаться... Ваши извинения принимаются.

Она отвернулась от смущённых лиц полицейских и указала на лежащую тушу Джонса:

– Вы его заберёте?

– Конечно, вне зависимости от вчерашних событий он должен быть арестован за сегодняшнее нападение на вас, – ответил с видимым облегчением Горбин.

– Хорошо, я буду спать спокойнее... Не думаю, что у него здесь остались сообщники, они явно руководили им извне.

Никки внимательно посмотрела на поднимающегося на ноги Джерри, вокруг которого хлопотали медики, развернулась и подъехала к группе людей вокруг директора.

– У вас остались вопросы ко мне, господа воспитатели? – обратилась она к милой парочке в коричневой униформе.

– Нет, мисс Гринвич, нас дезинформировали, и в сложившейся ситуации... мы не имеем ничего против вас, – ответил одутловатый мужчина с лицом встревоженного бульдога, работающий старшим охранником-педагогом колонии подростков с социопатическими отклонениями. Его напарница просто пожевала губами – видимо, в знак согласия.

– Теперь о вашем утреннем письме, господин Джембовский... – мрачно обратилась Никки к директору, пребывающему в полной прострации.

– Мисс Гринвич? – раздался голос адвоката из динамика Робби. – Извините, пожалуйста, что перебиваю вас. Я шокирован вчерашними событиями и тем, что я наблюдал сейчас. Восхищаюсь вашим мужеством, мисс Гринвич, и хочу быть в курсе всех ваших дел, чтобы эффективнее вам помогать. Объясните, пожалуйста, о каком письме мистера Джембовского идёт речь?

– Директор сообщил, что страховая компания прекратила платить за моё пребывание в госпитале. И предложил мне прямо сегодня переехать в центр Детской комиссии, проще говоря – отправиться в приют. Его представительница уже вызвана в госпиталь. – Никки в упор посмотрела на слегка смущённую даму в синем.

– Вопиюще! – воскликнул юрист. – Разрешите мне, мисс Гринвич?

– Конечно.

На стенном экране появилось строгое лицо пожилого адвоката Дименса с ухоженной пышной шевелюрой.

– Какие есть основания для прекращения страховых выплат на лечение мисс Гринвич?

– Не знаю, – нервно заговорил директор. – Я получил утром такое письмо от «Мун-Иншуранс» и, соответственно, направил аналогичное уведомление мисс Гринвич.

– Поразительная поспешность, но я немедленно начинаю расследование этого случая, и от «Мун-Иншуранс» ещё полетят перья!

– Пожалуйста, но что мне делать сейчас? Кто будет платить за пребывание мисс Гринвич в нашем госпитале? Это немалые деньги... В детском доме... э-э... в центре по поиску новой семьи ей будет лучше, она

даже сможет найти себе новых родителей!

– Я считаю, – отрепетированно застрочила педагогическими очередями «синяя» дама из Детской комиссии, – что такой юной и неопытной девочке обязательно нужна квалифицированная забота! Переходный возраст для детей и осознание себя самостоятельной личностью не может проходить без присмотра опытного персонала и необходимой фармакологической поддержки! Ответственность перед обществом и освоение простейших трудовых навыков – главные приоритеты нашего центра! Все дети у нас чувствуют себя как в одной большой семье! У данного ребёнка нет явных генопатологий, и он имеет шанс найти себе новых родителей! Я не вижу ничего плохого в предложении директора Джембовского! – засияла фотогеничной улыбкой представитель Детской комиссии.

– А вы видите этого человека? – спросила Никки «синюю» представительницу и кивнула на бессознательное тело Джонса, разбросанное по полу и уже скованное наручниками.

– Д-да, – запнувшись, ответила делегат центра детского счастья.

– Его послали, чтобы прикончить меня, – спокойно сказала Никки. – Он арестован, но заказчики покушения на свободе. Полагаю, это они устроили аварию космического корабля и убили моих родителей десять лет назад.

Офицер Горбин немедленно застрочил в своей книжке.

– Если я попаду в какую-нибудь семью, то вполне вероятно, что очередной убийца доберётся не только до меня. Может ли ваш центр гарантировать мне и моим опекунам безопасность?

– В сложившихся обстоятельствах... Если всё, что вы говорите, – правда, то, конечно, мы такой гарантии дать не можем... Это совершенно не наша компетенция... – растерянно заблеяла «синяя» дама, оглядываясь на директора госпиталя.

– Значит, ваш центр для меня не годится; мне нужно для жизни более защищённое место. Я предпочитаю искать его отсюда... по ряду причин, в которые не входит восхищение вашим гостеприимством, господин Джембовский. Мистер Дименс? – позвала Никки.

– Да, мисс Гринвич?

– Когда госпиталь принимает на лечение пациентов, берёт ли он ответственность за их безопасность?

– Конечно, на это расходуется часть платы за пребывание в госпитале.

– Представляют ли предмет для иска к госпиталю мои вчерашние ранения и сегодняшнее нападение начальника безопасности госпиталя на

меня и Джерри?

– Ещё бы! И на очень значительную сумму.

– Не могли бы вы вступить в переговоры с госпиталем? Если они разрешат мне остаться здесь на ближайшие месяцы, то я не буду возбуждать иск против них. Аналогичное условие – для Джерри. Если же они запрямятся, то, пожалуйста, найдите нам хорошо охраняемый отель, начните дело против Лунного госпиталя и свяжите меня с каким-нибудь журналистом пошустрее – для интервью о моей безоблачной жизни в этом... известном и почтенном заведении.

– Всё будет сделано, мисс Гринвич, – заверил её адвокат Дименс.

– Мисс Гринвич, пожалуйста! – в ужасе залепетал побледневший временный директор, совершенно растерявший свою былую решительность. – Я готов предложить вам самые...

– Говорите с моим адвокатом, я очень устала... – Голос Никки сорвался, она развернула кресло и двинулась на другой конец комнаты к Большой Терезе.

Джерри исчез, вероятно, второй врач увёл его лечить раны. Подъехав к Терезе, лицо которой выражало трудноописуемую смесь расстроенности и ярости, Никки жалобно прошептала:

– Тереза, у меня рана под лопаткой открылась... вся спина в крови... И ещё я растянула правую руку... очень болит...

И грозная Большая Тереза охнула и захлопотала над ней, как наседка над своим цыплёнком.

Глава 4

Планета крылатых людей

Утром Джерри встретил Никки на пороге её комнаты. Его лицо украшали огромный синяк на щеке и сильно рассечённая бровь, на которую были наложены пластиковые стяжки. Но в глазах Джерри появилось новое выражение: вместо тоски там поселился вызов. Никки внимательно посмотрела на него и сказала:

– Ты вчера был как лев! Спасибо, ты один храбро встал на мою защиту.

Джерри покраснел и сердито пробормотал:

– Всё равно у меня ничего не получилось...

– Наклонись ко мне, – попросила сидящая в кресле Никки, и, когда Джерри недоуменно склонился, она ласково поцеловала его в избитую щёку.

Мальчик быстро выпрямился – алый как мак.

– У тебя получилось, – уверенно и как ни в чём не бывало продолжила Никки. – Ты задержал его и дал мне время сконцентрироваться. А когда я увидела, КАК он тебя ударил, я стала... берсерком. Если бы не коляска, я бы разорвала эту свинью...

– Так это... ты его? – спросил потрясенный Джерри. – Я, признаться, когда улетел, уже... кхм... не следил за ситуацией.

– Я ослепила его струёй воды и ударила в шоковую точку, – кивнула Никки, – растянув правую руку и порвав швы под лопаткой. Уже потом его шокнули полицейские. Вроде никто не заметил моего удара – ну и славненько. Поехали завтракать.

Джерри, избитый, но почему-то счастливый, сидел за столом вместе с Никки, а больное население вокруг них шумело, разглядывало их во все глаза и обсуждало арест начальника безопасности и последние происшествия. Никогда ещё пропахшая лекарствами скучная атмосфера госпиталя не была так наэлектризована новостями и слухами. Если бы Тона знала, что тут творится, она сломала бы себе что-нибудь ещё, лишь бы снова попасть в такую гущу событий.

После завтрака Джерри и Никки пошли от озера вверх по ручью – подальше от чужих глаз и ушей. Тропинка вилась между деревьями и цветущими кустами, забегая на сочные зелёные полянки, где на скамейках сидели выздоравливающие пациенты с родителями, приехавшими их

навестить. Раздавались громкие голоса и удары о мяч – самые шустрые большие играли в лунный бадминтон и мини-гольф.

Лунный день длился две земные недели, столько же занимала лунная ночь. Но люди на спутнике Земли жили по привычному земному календарю, поэтому купола затенялись на восемь часов, имитируя обычную ночь, и снова светлели искусственным рассветом, оставаясь прозрачными шестнадцать часов подряд. Сегодня было редкое утро – настоящий лунный рассвет совпал с началом календарного дня. Поэтому все, кто мог ходить, спешили погреться на солнышке, которое две недели заменялось купольными лампами.

Метров через пятьдесят тропинка выбежала к совсем уж крохотному озеру, из которого и вытекал ручей. Небольшой холм на противоположном берегу озерца бугрился мшистыми валунами, живописно разбросанными среди зарослей кустарников и низких деревьев. С отвесной двухметровой скалы медленно струился водопад, и по озеру гуляли неспешные волны и солнечные блики. Пахло водой и травой. К уютному плеску водопада примешивалось гортанное скрипение невидимой лягушки. Время от времени в общую звуковую гамму вплетались ещё какие-то мелодичные звуки – пение другого вида лягушек, или птиц, или цикад.

– Как тут здорово! – воскликнула Никки. – Теперь моя оранжерея кажется маленькой и даже смешной, а ведь она для меня была – полмира... Я там отдыхала, загорала, купалась, ловила рыбу, собирала урожай, возилась с рассадой – миллион дел и развлечений! Оказывается, я владела всего лишь теплицей...

– Ты ещё Землю не видела, – улыбнулся Джерри, – потом тебе и этот парк покажется клумбой.

– Расскажи о Земле! – загорелись синие глаза Никки.

– Не-ет, – протянул Джерри, – сначала ты мне всё расскажи. Во-первых, я ничего не понимаю, где ты нахваталась всего этого...

– Чего – этого?

– Ну... такой рассудительности. Как ты вела себя у директора! Ты выглядела невероятно крутой! Я не мог узнать тебя.

– Хм... знаешь, на астероиде у меня было мало развлечений. Набор старых книг и фильмов у Робби – это всё, что оказалось у меня в наличии. Почти все литературные и кинофайлы Робби потерял при аварии – у него осталась часть античных текстов и какое-то количество книг девятнадцатого и двадцатого веков.

Глаза Никки мечтательно прищурились.

– Но зато – какие это оказались книги! Марк Твен, Булгаков, Жюль

Верн, приключения Шерлока Холмса, истории адвоката Перри Мейсона, а уж книги Рекса Стаута про сыщиков Ниро Вульфа и Арчи Гудвина я знаю почти наизусть! Часто, когда я спорила с Робби о чём-нибудь, то делала вид, что я – Ниро Вульф, и пыталась его припереть к стене логическими доводами, но этот старый абак – крепкий орешек, верно, Робби?

– Ну, несколько раз тебе удалось меня переубедить, – донёлся голос Робби из рюкзака, – и это очень неплохое достижение.

– Думаю, что да. Каждый человек растёт как личность, вбирая что-то из поведения окружающих и из поступков героев фильмов и книг. Я часто замечая, что подражаю кому-то из своих любимых персонажей. Это даже раздражает – чувствуешь свою вторичность. Думаю, с возрастом это пройдет и всё сплавится в единую личность, если до этого – хе-хе – её никто не пристукнет!

– И что?

– А то, что очень удобно иметь под рукой хорошо изученные стереотипы поведения. В кабинете директора я просто сыграла роль Ниро Вульфа и даже изобразила одну из сцен его знаменитого финального разоблачения. На самом деле я не такая!

– А какая?

– А вот такая. – Никки вдруг развернула коляску и направила её прямо в озеро. Девочка заехала в воду до середины колес, замочив босые ноги. – Держись, сухопутная крыса! – И она стала брызгать на Джерри водой, правда только здоровой левой рукой и стараясь махать ею не очень сильно.

– Лиха, что и говорить, – улыбнулся Джерри, даже не загораживаясь от брызг.

Вокруг колёс коляски закружились любопытные мальки. Никки опустила руку в воду.

– Ах, как хочется искупаться... – с грустью вздохнула она. В госпитальном саду купание категорически запрещалось.

– А ты знаешь, – поспешил Джерри поднять настроение Никки, – что в Нью-Йорке, на Тридцать пятой улице Манхэттена, стоит дом из красного кирпича с мемориальной доской: «Здесь жили великие сыщики Ниро Вульф и Арчи Гудвин»?

– Ух ты! Расскажи! Ты сам это видел? – Сплин Никки как рукой сняло, и она выехала на берег.

– Да, видел, но сначала ответь – почему этому роботу вздумалось нападать на тебя?

– Я не знаю, – вздохнула Никки. – Десять лет назад кто-то обстрелял корабль родителей из электромагнитной пушки. Вся электроника полетела

к чёрту, и именно поэтому корабль разбился об астероид. Родители погибли, а я сломала позвоночник...

– Ты мне этого не говорила! – в ужасе воскликнул Джерри.

Никки помолчала.

– Я недавно узнала о причинах аварии. И совсем не хочется мне об этом говорить. Это покушение на меня... по-видимому, оно как-то связано с давним обстрелом корабля... Но почему? Чем и кому я сейчас мешаю? Я ведь даже не свидетель – я ничего не знаю и не могу знать о напавших на «Стрейнджер»...

– Ты, случайно, не богатая наследница? – всерьёз поинтересовался Джерри.

– Нет, – так же серьёзно ответила Никки.

– Тогда ничего не понимаю, – развёл руками Джерри. – Слушай, а ты не думала...

– Ты сам слушай! Дай отдохнуть раненому ребёнку! Я устала говорить, – почти сердито сказала Никки. Она действительно выглядела заметно бледнее обычного. – Давай о чём-нибудь повеселее... И ты обещал рассказать о Земле!

Джерри смирился и стал рассказывать о своей планете. Он прожил земную жизнь в Северной Вирджинии, в деревянном доме, стоящем на склоне невысокой горы в старом дубовом лесу с примесью гикори, сосен и клёнов. Стены дома были сложены из тёсанных брёвен, крытых прозрачно-медовым лаком.

Ночью дом светился в тёмном лесу огромными треугольными стёклами, как солнечный прозрачный кристалл. Зимой в окна заглядывали заснеженные голубые ели, посаженные родителями вокруг дома, а в самом доме вкусно пахло дымом от дубовых поленьев, горящих в камине.

Бревенчатое шале скрывалось в тихой горной долине с узкой тупиковой дорогой, десятком таких же деревянных домов и небольшим искусственным озером с бобрами и форелью, из которого вытекал ручей с мини-водопадом. На берегу озера стояла древняя заброшенная охотничья хижина.

Невысокие горы вокруг назывались смешно – хребет Бычьего Ручья. Автомагистраль в недалёкий столичный Колумбийский округ проходила в километрах пяти, и шум от неё не доносился в долину. Тишину вокруг нарушали только самолёты из аэропорта Далласа, изредка пролетавшие высоко над домом, да звонкие крики и посвисты многочисленных птиц. Зверей в местных заповедных горах тоже водилось немало.

– Представь, – увлечённо рассказывал Джерри, – завтракаешь у окна, а

за ним – стриженная полянка, лес и кормушка для птиц, но едят там все голодные звери. Это такая умора – смотреть, как белки-акробаты грызут семечки, висая вниз головой. Олени тоже любят пожевать птичье зерно. Летом приходят по два-три оленя, а зимой – и с дюжину. Правда, их нельзя гладить, как Тамми и Томми, – они у нас дикие и пугливые, ближе десятка метров к себе не подпускают. У всех белые хвосты, а у маленьких оленят летом ещё светлые пятна по бокам и на спине. Жизнь у диких оленей не сахар – в жару их зверски мучают кусачие оводы, зимой им голодно и холодно... Их часто сбивают машины, очень жалко... Маму олени нередко расстраивали – подчистую съедали у неё цветы и декор-кустарник. Уж она ругалась-ругалась на них, но продолжала подкармливать. Иногда из окна я видел озабоченную, всё время куда-то спешащую лису. У неё недалеко была нора, и тощие лисята выпрыгивали прямо на дорогу. А скунс – с белыми нарисованными ушами на чёрной спине – ходит солидно, не спеша, роется в траве, фыркает, ищет жуков. Окно моей спальни в хорошую погоду открывалось на ночь... просыпаешься утром от бормотания, а это стая диких индюков идёт по лесу, кормится желудями и кудахчет. Но самые утомительные звери – это, конечно, еноты. Они похожи на горбатых пушистых собак и приходят обычно ночью. Еноты умные, отлично лазают по деревьям и легко забираются на дек, что и делает их самыми успешными ночными воришками.

– Ночные воришки! – веселилась повсюду Никки, слушая с горящими глазами Джеррин рассказ, словно фантастическую сказку. Джерри и сам оживился, энергично жестикулировал, а его лицо посветлело от воспоминаний.

«Вот странно, – думала Никки, удивляясь, – на одной и той же планете живут Фитасс, Спиро и такой мальчишка, как Джерри, рискнувший жизнью ради малознакомой девчонки...»

– Иногда мне кажется, что звери гораздо умнее, чем принято считать... Однажды вечером к стеклянной двери снаружи подошёл енот и положил лапу на стекло. И я изнутри стекла прижал ладонь к его когтистой ладошке, посмотрели мы внимательно друг на друга и разошлись по своим мирам. Может, он спасибо за еду говорил... А вот ещё. Сидим как-то поздно вечером, ужинаем, окно в тёмный лес открыто. Вдруг слышим странный не то звон, не то стук – будто пустую банку пинают. Включили наружный свет, выглядываем – енот пришёл птичьих семечек поест, а на передней лапе у него банка из-под колы. Видимо, соблазнился запахом сладкого, засунул лапу в узкую жестяную щель, а вытащить не смог. Так и ходит с банкой на лапе. Видимо, лапа уже распухла внутри жестянки. Мы всполошились –

надо спасать енота! Да как? Он-то умный, но не настолько, чтобы нас к себе подпустить. Отец надел толстые перчатки – чтобы енот руки не покусал, не поцарапал – и стал подкрадываться к нему, прячась за стволами деревьев, как индеец Орлиное Перо на тропе войны. Подобрался на метра два, а ближе нельзя. Енот забеспокоился, от корма оторвался. Тут папа как бросится к еноту, в надежде схватить – да куда там! Енот на трёх ногах оказался быстрее отца на двух, опередил его, подскочил к ближайшему гикори и мигом забрался на него – даже банка не помешала. Вот чертяка! Устроился высоко вверху, банкой гремит, вниз осуждающе смотрит, мол, не дали человеку спокойно поесть.

Никки уже всерьёз беспокоилась за енота. А Джерри вспоминал:

– Мы стали думать, что делать, но так ничего и не придумали стоящего. У енота ведь нечеловеческое терпение – он на дереве хоть сутки просидит! Наконец отец говорит: «Давайте попробуем енота напоить спиртным – последний шанс ему дадим... где-то я читал про такой способ охоты». Взяли мы пластиковую миску, вылили туда бутылку пива – у отца только немецкое было, но он решил, что енот не такой уж патриот, чтобы вето на него наложить, – и поставили под дерево с недоверчивым зверем. «Ну вот, он спустится, налакается и тут же заснёт, а утром мы его возьмём тёпленьким и спасём...» Увы, расчёт был хил и не оправдался: поутру лохматого гостя не было ни на дереве, ни возле угощения. Миска же стояла насухо вылизанная и даже с насквозь прогрызенным дном.

– Что же было дальше с енотом-бедолагой? – спросила Никки.

– Мы его больше ни разу не видели, – вздохнул Джерри. – Полагаю, он погиб. Дикий лес – место жестокое...

– Что такое дек? – Никки вспомнила незнакомое слово из Джерриного рассказа.

– Это широкая деревянная веранда вокруг дома на уровне второго этажа – как настоящая палуба... А ты смотришь с треугольного носа дека, как капитан корабля, а лес кругом – как зелёное море... В креслах на деке я любил загорать, а за деревянным столом – завтракать в тёплую погоду. Сидишь, пьёшь утренний кофе с бутербродами, а вокруг зелень, солнце, птицы цвикают, бабочки суматошатся. Иногда услышишь низкое гудение – колибри прилетела, крыльями машет так, что их не видно. Может лететь очень быстро – еле заметишь глазом, а может спокойно висеть на месте – неяркая, но симпатичная, спинка в зелёную крапинку, а нос длинный, чтобы удобнее цветы на нектар проверять... А как-то осенью к нашему дому повадилась ходить четвёрка чёрных медведей...

– Врешь! – не выдержала такого Никки.

– Клянусь Большим Аттрактором! Это была звериная семья – медведица с кожаными пролысинами на задку и три уже больших беломордых медвежонка. Детёныши игривые – друг с другом возятся, на задние лапы встают, на деревья лазают... Они сначала приходили, когда стемнеет, но потом осмелели и шлелись свободно и днём. Обычная их еда – жёлуди в лесу... идут себе и жуют как коровы! – но птичье зерно с подсолнечными семечками тоже любят, как и мусорные баки с остатками еды... Распотрошат их так, что собирай потом пластиковые мешки по всему лесу, всё прокусано и прогрызено... Часто они ещё и развлекались – придут, разорят птичью кормушку, столкнут возле дома всё, что только можно столкнуть или развалить. Медвежатам нравилось гнуть всякие торчащие железяки – прочный стержень, на котором висела кормушка, они каждый раз сгибали до земли. Приходилось вечером из дома выходить с опаской, да и днём оглядываться почаще... На следующий год, после спячки, они снова появились, только старший мальчик-медвежонок отделился от остальной семьи, стал самостоятельным.

– Невероятно, – восхищённо слушала Никки, – а я думала, что медведи если они и остались, то только в зоопарках.

– Вовсе нет... Ещё мне нравилось бывать на океане, – продолжал увлекшийся Джерри. – Мама и папа не любили шумных мест, популярных курортов, вроде Оушен-Сити, и мы уезжали в заповедник на остров Ассатиг, оставляли машину на парковке возле берега и шли пешком по песку вдоль океана. Народ ходить ленится, оседает возле автостоянки. Если отойти хоть на полкилометра, остаёшься один на длинном песчаном пляже. Над ним всё время висит солёный туман от прибоя, ведь океанская волна никогда не успокаивается... В море дельфины прыгают, да и акулы опасно пошаливают. Могут запросто укунить за ногу в мутной воде – даже возле самого берега...

– Да, это не рыба Эрик... – живо переживала Никки рассказ.

– Я больше всего любил кувыркаться в разбивающихся волнах. Как схватит тебя волна, закрутит вверх ногами и выбросит на берег... Сила! В гладком прибойном песке копаются шустрые рачки, живущие в маленьких ракушках. Сколько узорных раковин я насобираю на том пляже! Бредёшь по песку вдоль прибоя – солнце печёт, а океанский бриз охлаждает... прибой шумит, воздух пахнет солью. Безлюдье и безмолвие, как на другой планете... В песке – масса нор серо-жёлтых крабов, валяется чёрная рогатая скорлупа личинок морских скатов, почти резиновые водоросли и панцири от «лошадиных копыт» – это здоровенные морские не то крабы, не то пауки... может, родственники трилобитов. По дюнам острова Ассатиг

бродят стада диких пони – красивых, свободных, разноцветных. Пасутся в траве на песчаных холмах, носятся по пляжу, разлохматив хвосты... Как пристанут целым стадом – ну-ка, дай поесть! – так страшнее медведя!

– Какие чудеса – лес, медведи... океан, дюны с дикими пони... – Никки была потрясена. – И ты всё это видел, счастливчик!

В ответ Джерри почему-то помрачнел.

Никки захотела ещё раз поцеловать Джерри в мягкую щёку, но не решилась. Кажется, она начала приобщаться к цивилизации.

На следующее утро Никки открыла дверь на стук Джерри очень серьёзная.

– Звонил полицейский Горбин, – сказала она. – Громилу Джонса нашли мёртвым в камере. Причины пока неизвестны. Уже возникла нелепая, но многозначительная версия о самоубийстве...

– Ничего себе! – побледнел Джерри.

– Да... ОНИ не останавливаются ни перед чем. Мне совсем не хочется завтракать, поехали в парк.

Они устроились в тени большой акации с нежно-розовыми пушистыми цветами.

Никки спустила босые ноги на землю и ласково поерошила ими мягкую зелень. К траве девочка испытывала самые тёплые чувства – они долгие годы жили вместе, спасая друг друга от удушья.

– Офицер Горбин успокаивает меня: говорит, что за госпиталем установлено наблюдение полиции. Но если ОНИ достали Джонса даже в тюрьме, то, как только я выйду из госпиталя, ОНИ сразу меня прикончат...

С этого времени Никки часто говорила так: «ОНИ»...

Джерри не нашёл что возразить.

– Робби, нужно найти безопасное место для жизни... Что ты посоветуешь? – спросила Никки. – Как насчёт этих детских приютов?

– По официальным данным, в приютах находятся дети, которым нужен медицинский уход или социальный контроль, – немедленно откликнулся Робби. – Это скорее детские колонии. Там охрана направлена на то, чтобы оттуда не убегали, а не на предотвращение угрозы снаружи... Более подходящий для вас вариант – хорошо охраняемая частная школа, где студенты и учатся, и живут. Это и юридически легальная альтернатива приюту, и, одновременно, возможность получить приличное образование. Многие родители, улетаая в космос на годы, оставляют детей не у родственников, а в таких школах-колледжах. Большинство таких школ расположено на Земле, самые старые – в Англии. Но самый знаменитый колледж – Школа Эйнштейна на Луне. Да, точно – Лунный колледж! Это

супершкола! – радостно воскликнул Джерри, но сразу приуныл: – Туда невозможно попасть: сумасшедший конкурс и совсем уж безумные цены...

– Сначала давай решим, стоит ли туда попадать! – рассудительно сказала Никки. – Что ты думаешь о безопасности Школы Эйнштейна?

– Сильнее охраняется только форт Нокс, – уверенно заявил Джерри. – В Колледже учатся сотни детей из самых элитных семей. Да их берегут как зеницу ока! Я смотрел тиви-передачу про Лунный колледж – он расположен совершенно изолированно, рядом находится лишь маленький посёлок Шрёдингер для обслуживающего персонала. Там каждый человек проверен, и новые люди появляются крайне редко. Но главная защита заключается в самом уровне родителей учеников. Любая мафия или преступная группировка, поднявшая руку на детей Лунного колледжа, будет неминуемо отслежена и уничтожена. Думаю, что часть студентов сама из мафиозных семей, и это охраняет школу сильнее, чем любые стальные запоры.

– Что ж, звучит очень хорошо... но, Джерри, ты сам понимаешь, – сказала Никки, пристально смотря на него, – что я – мишень для каких-то могучих врагов. Рядом со мной находиться опасно. Свидетельство этого грустного факта – у тебя на физиономии...

Она кивнула на лицо друга, всё ещё не пришедшее в норму после схватки с Джонсом.

– Ты действительно хочешь и дальше... держаться вместе?

– У меня нет другого выхода, – театрально-тяжело вздохнул Джерри. – Я всё понимаю, но ты без меня просто пропадёшь – дикий Маугли беспомощен в современном мире. Его нужно учить пользоваться лифтом, телефоном, шнурками... Это мой долг цивилизованного человека! Ну и вообще – с тобой интересно... гулять, разговаривать...

– Короче, я настолько интересный собеседник, что ты готов рискнуть своей жизнью? – улыбнулась Никки.

– Да! – с вызовом сказал Джерри.

– У-у... ты – настоящий лев...

Никки задумчиво уставилась на покрасневшего Джерри и, не отрывая от него взгляда, спросила в пространство:

– Робби, что ты знаешь про Школу Эйнштейна?

– Посмотрите видеоролик о Лунном колледже, не забывая, однако, что он рекламный... – посоветовал Робби.

Передняя стенка Робби-чемоданчика засветилась и превратилась в экран, на котором появилось изображение Луны. Камера стремительно приблизилась к кратеру с крупным зелёным пятном посередине. Пятно

оказалось куполом, укрывающим старинный замок на берегу озера и обширный парк размером в квадратную милю.

...На экране замелькали картины аудиторий с арочными потолками, прекрасно оборудованных лабораторий, впечатляющей библиотеки старинных бумажных фолиантов и стадиона диаметром в полкилометра, над которым летали десятки огромных плавных птиц.

Когда одна из птиц подлетела ближе, Никки вскрикнула от неожиданности. Это была не птица, а человек с крыльями и очень счастливым лицом.

После этого видеоряда Робби выдал на экран следующие строки:

Школа Эйнштейна

Срок обучения – пять лет.

Число студентов – 500 человек.

Количество принимаемых каждый год – 100 человек.

Количество пытавшихся поступить в прошлом году – 109 060 человек.

Стоимость обучения – 1,5 миллиона золотых долларов в год.

– Ну вот – тысяча сто человек на каждое место... – Джерри присвистнул, – да ещё полтора миллиона золотых в год...

Он повернулся к Никки, но та ничего не слышала. Она тяжело дышала, широко распахнув глаза, где плавало отражение крылатых людей. Наконец Никки очнулась и посмотрела на Джерри.

– Мы туда поступим! – громко сказала она.

– А ты знаешь, какие у меня школьные баллы? – скептически хмыкнул Джерри.

– Ну и что, я вообще никогда не училась в этих ваших школах!

Джерри с тяжёлым вздохом посмотрел на наивную Никки, совершенно не представляющую реалий новой для неё жизни, в том числе – размера суммы в полтора миллиона золотых долларов. Умножать на пять это фантастическое число Джерри даже не видел смысла.

Они пошли обедать, а потом Никки заявила, что каникулы закончились, и уехала в свою комнату.

С тех пор Джерри видел Никки только в кафетерии, но даже за столом она была задумчива, неразговорчива и смеялась заметно реже обычного, несмотря на все забавные истории, изо всех сил вспоминаемые Джерри.

Так длилось целую неделю. За эти дни Джерри остро осознал, как ему не хватает совместных с Никки прогулок и длинных обо всём разговоров. Со всей силой своего беспросветного одиночества он привязался к этой девчонке, у которой тоже никого в этом мире не было. Она за короткое время стала ему самым близким другом. Когда Джерри смотрел на Никки, у него в груди загорался тёплый радостный огонёк.

«Что будет, если она куда-нибудь уедет?» – Мальчик боялся даже думать об этом.

Однажды утром Никки приехала в кафе оживлённая и бодрая – совсем как раньше! – и сразу предложила поехать в парк после завтрака. Джерри так обрадовался, что проглотил еду в два раза быстрее обычного. Они захватили термос с кофе и кучу пирожных и отправились на любимую лужайку. По дороге Никки обняла свою обожаемую Тамми, поцеловала её в чёрный нос и тайком скормила оленихе кекс.

Они устроились на береговой траве, стараясь не раздавить жужжавших в ней крупных перламутрово-зелёных жуков.

– Итак, ты не имеешь определённых планов на будущее и не возражаешь против обучения в Лунном колледже? – спросила Никки.

– Ха! Конечно, не возражаю, как и каждый школьник Луны, Земли и всего космоса! Но что толку не возражать, если нет ни денег, ни соответствующей подготовки? – скептически сказал Джерри, впрочем, довольный уже тем, что они гуляют в парке, как раньше. – А вступительные экзамены – этим летом, через три месяца.

– Я всю неделю думала: как нам поступить в Лунный колледж? Хочешь послушать правила поступления?

– Давай... – без особого энтузиазма откликнулся Джерри.

– Сначала надо подтвердить, что у каждого из нас есть полтора миллиона золотых на первый год обучения или кредит на данную сумму...

– Ну вот, я же говорил... – уныло сказал Джерри.

– ...и только после этого нас допустят к экзаменам. Они идут в прямой трансляции и привлекают кучу зрителей...

– Да знаю я, сколько раз сам смотрел...

– Если школьник набрал нужные очки, то он должен внести плату вперёд – за весь первый курс колледжа. Деньги за обучение большие, но семья среднего класса обычно решает эту проблему. Многие банки охотно дают кредит для учёбы в Школе Эйнштейна, правда, некоторые выпускники выплачивают эти деньги всю жизнь...

– Никки, – вздохнул Джерри, – а знаешь ли ты, что масса золотой монеты в сто лунных долларов – пять граммов? В год нам нужно –

каждому! – по мешку в семьдесят пять килограммов золотых монет. Больше, чем мы весим сами, да ещё, наверное, вместе взятые...

– Главная проблема – у нас нет семей и так называемой кредитной истории, – невозмутимо продолжала Никки. – Банки руководствуются в вопросах кредитов очень строгим алгоритмом и не дадут нам денег, даже если мы выдержим экзамены... Финансовые правила беспощадны и не предполагают исключений. Самый благорасположенный к нам банковский менеджер или даже сам директор банка не сможет нарушить эти инструкции: его или самого уволят, или понизят статус его банка – об этом позаботится межбанковская контрольная киберсистема.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивился Джерри.

– А чем я и Робби занимались всю неделю? Только на изучение банковского дела мы потратили целых три дня!

– Три дня? Да я бы за год не узнал столько!

– Не перебивай! – нетерпеливо сказала Никки. – Итак, перед нами в первую очередь стоит проблема денег. Я залезла в твой личный файл социального страхования...

– ЧТО?! Зачем? Как ты смогла?!

– Ну... – Никки озадаченно посмотрела на него, – как-то в середине ночи мне понадобилось узнать состояние твоих финансовых дел, вот и я попросила Робби забраться в твоё досье... Это оказалось, правда, не просто, там спрашивали какие-то сисизны и пароли, но Робби...

– Это нарушение закона, нарушение приватности, права на личную жизнь... не знаю... даже непорядочно – в этом файле, очевидно, много личного... – Джерри в волнении отвернулся от Никки и сердито стал смотреть на озеро.

Никки подъехала на кресле совсем близко к мальчику.

– Джерри, извини, я не знала... – Она дотронулась до его плеча. – Я ещё очень много не понимаю в этой вашей жизни. Прости меня, пожалуйста. Я ничего не смотрела личного в твоём файле, Робби извлёк по моей просьбе только информацию о финансовом состоянии. Мне, конечно, надо было заручиться твоим согласием, но я столько лет жила одна и совсем не привыкла спрашивать разрешения, вот и наломала дров, идиотка...

Джерри повернулся и посмотрел на виноватую Никки.

– Ладно, забыли, – улыбнулся он. – На самом деле, я тебе доверяю, но, конечно, ты должна в будущем спрашивать о таких вещах. Ну, и какие золотые россыпи ты нашла в моих закромах?

– К сожалению, ты не владелец копей царя Соломона, – Никки

повеселела и продолжила – Но у тебя есть недвижимость – дом с большим участком на Земле, в Вирджинии. Сейчас он стоит около семисот тысяч золотых. Это в нём ты жил?

– Да, – после паузы сказал Джерри, – вместе с родителями...

– Робби, – попросила Никки, – покажи Джерри всё, что ты извлёк из его файла, – и на экране Джерри увидел справку о состоянии своих финансов.

Джеральд Уолкер:

*Ассеты на Земле: наследный дом в Вирджинии, участок десять акров.
Оценка – 700 тыс.*

Ассеты на Луне: семейный банковский счёт – 52 тыс.; страховой полис отца – 200 тыс.

Итого: наличных – 252 тыс.; возможный кредит под недвижимость – 600–650 тыс.

– На первый год тебе не хватает шестисот тысяч, – сказала Никки. – У меня ситуация лучше...

На экране Робби появилась информация о Никки.

Николь Гринвич:

Ассеты на Марсе: банковский счёт родителей – 9 тысяч; Ассеты на Луне: служебные страховые полисы родителей – 2 миллиона.

Итого: наличных – 2 миллиона 9 тысяч; кредита нет.

– Видишь, – бодро заявила Никки, – мне не только хватает на первый год, но я и тебе могу одолжить с полмиллиона, так что твой дефицит будет всего около ста тысяч.

– ВСЕГО сто тысяч? – саркастически хмыкнул Джерри. – Да это папина годовая зарплата! И с чего ты решила, что я возьму твои последние деньги? Как я буду их отдавать? Пойми – Лунный колледж для нас недостижим, Никки! Даже если мы туда поступим – что совершенно невероятно, то нас обоих выпрут на второй год за неуплату – что просто элементарно.

Никки только досадливо махнула на маловера рукой.

– Теперь об экзаменах, – энергично двинулась она дальше.

– Да-да, – мрачновато усмехнулся Джерри, – и это, кстати, самое сложное...

– Из анализа экзаменов последних лет видно, что наилучшая

стратегия... – и Никки погрузилась в нюансы технологии успешного преодоления экзамена, разработанной за прошедшую неделю. Девочка с энтузиазмом излагала свою методику, но Джерри особенно не вслушивался.

– Никки, к чему эти пустые мечтания? – спросил он. – Денег у нас не хватает даже на первый год. На экзамен собираются самые умные и тренированные студенты со всей Солнечной системы. У меня нет шансов их победить. А ты вообще почти ничего не знаешь из школьной программы!

И Никки подавленно замолчала.

На очередной завтрак девочка приехала с расстроенным лицом и лихорадочно блестящими глазами.

– Чиновники ООН прислали письмо. Они глубоко сожалеют о моей потере и сообщают, что смерть родителей случилась из-за незапланированного исследования астероида. Отклонившись от официального маршрута, родители нарушили какой-то пункт служебной инструкции и лишились права на страховку. Я ничего не получу из страховых двух миллионов.

– Твои мама и папа погибли на космическом корабле МарсоИститута ООН, а эти чинуши не дают тебе компенсацию?! – поражённо воскликнул Джерри. – Тарантул их задери! Разве они не знают, что на корабль было совершено нападение? И именно потеря управляемости корабля послужила причиной гибели твоих родителей?

– Знают, – вздохнула Никки, – но платить им явно не хочется. Вот они и ухватились за то, что непосредственной причиной разрушения рубки стало столкновение с астероидом, сближение с которым не было разрешено.

– И этого им достаточно, чтобы оставить тебя нищей? Твои родители поступили так ради науки, понимая, что на специальную экспедицию к тройному астероиду потребуется несравнимо больше средств. Фактически они старались сэкономить деньги научного фонда ООН. Пусть у той чиновной сволочи, так поступившей с тобой, вырастет копыто на носу! – бушевал Джерри. – Ты хоть понимаешь, что оставшихся у тебя денег хватит всего на несколько месяцев жизни в Чайна-тауне, в миниблоке размером с большой гроб?

– Да, Робби сообщил мне, что по статистике я нахожусь в категории нищих и бездомных. Надо пошевелить мозгами и что-нибудь придумать... – бодрясь, заявила Никки. – Эти ооновские бюрократы не должны разрушить наши планы на колледж... я не собираюсь сдаваться!

Джерри печально подумал, что Маугли-с-астероида абсолютно наивна и мечтает о несбыточном. Они оба – всего лишь пациенты госпиталя, и у них ничего нет: ни семьи, ни денег или какой-либо работы. И как они, подростки, смогут стать миллионерами за три месяца? Да ещё поступить в самую элитную школу Солнечной системы? Жизнь – не сиропный голливудский сериал, и в ней не бывает ни фей, ни Санта-Клаусов. Хотя тресни – никто не пришлёт на день рождения даже простейшей волшебной палочки.

Пациенты госпиталя разволновались настолько, что потребление успокоительных резко возросло.

Цирк! Приехал цирк! Он был единственным на Луне и базировался в Луна-Сити, часто гастролируя по более мелким лунным городкам.

С разрешения администрации госпиталя на самой большой парковой лужайке вырос палаточный городок цирковых и прочих аттракционов. Теперь всю неделю пациенты смогут посещать карусели, палатки сладостей, тир и – в самом большом балагане – цирковое представление.

Цирковые учёные лошади! Не менее цирковые и ещё более учёные морские львы!

Цирковая ярмарка открывалась Благотворительным Карнавалом Защитников Животных. Каждому посетителю лужайки на входе предлагалось купить и надеть весьма дорогую пластиковую шкуру какого-нибудь зверя, спасая своей сотней долларов шкуру натуральной особи, которую где-то далеко донимали голод, холод и бессердечие тех, кто не хотел жертвовать на животные нужды.

Никки и Джерри вместе с толпой пациентов тоже подошли к входу. И тут случилась заминка: у них не было денег. То есть теоретически на банковских счетах у них лежали какие-то суммы, но, чтобы пользоваться этими деньгами, нужно было оформить личные кредитные карточки, чего ни Никки, ни Джерри сделать ещё не успели – ни на астероиде, ни в удалённой обсерватории деньги тратить было некуда, а редкие Джеррины инетные покупки оплачивались раньше через банковский счёт отца.

– Купите шкуру зебры или рыси! – потребовал от них какой-то человечек в воротах, сам одетый в шкуру и маску смеющегося ослика. – Спасите вымирающих животных.

– У нас нет денег, – извиняясь, сказал Джерри.

– Возьмите хотя бы маску попугая или питона! – нахмурился ослик, не переставая радоваться. – Всего десятку! Звери тоже хотят есть!

– Правда, правда, совсем нет денег! – поддержала Джерри Никки.
– Зачем тогда пришли сюда – без денег? – мрачно сказал весёлый ослик и пропустил их на территорию ярмарки.

Друзья уныло побрели между палатками, всё больше понимая, что осёл был не дурак – бесплатных аттракционов вокруг не наблюдалось: и сласти, и зрелища стоили немалых денег – карнавал-то благотворительный, а значит, дорогой.

Карусели катались, мигая фонариками и рассыпая во все стороны детский смех.

Тир щёлкал выстрелами, звенел победными колокольчиками, взрывался криками одобрения или разочарования.

Лавки сладостей распространяли обольстительные зрелища и ароматы карамельных ажурных замков; конфет, внезапно распускающихся в шоколадные цветы с кремовой серединкой; печений, летающих, как настоящие инопланетные тарелки; странных фруктов, улыбающихся детям щелястым ртом, где поблёскивали не то кристаллы сахара, не то остренькие зубы. Холодное мороженое кипело в вазочках, горячий шоколад завивался сосульками и сам просился в рот. Съедобные соблазны, веками отточенные против неокрепшей детской психики, действовали и на наших друзей, хотя они завтракали совсем недавно.

Особенно была поражена Никки, никогда не видевшая в своей жизни такого желудочного изобилия.

– Чёрт побери, – жалобно сказала она, глядя на сверкающую и благоухающую витрину, которая даже на расстоянии оглушающе действовала на все органы чувств. – Хоть что-нибудь попробовать...

Тут из лавки вывалилась толпа зверей – крокодилов и гиен, павианов и жирафов.

– А вы почему без костюмов и масок?! – крикнул слон. – Вам что – зверей не жалко?

– Жалко, – сказала Никки, – но у нас нет денег.

– Вы просто жмоты! – сказал павиан. – Я вот купил две шкуры – и себе, и сестре. Спас двух ценных обезьянов!

– Денег нет, а сами стоят возле конфетной лавки! – крикнул большой суслик. – Сладости выбирают!

– Чего пристали?! – огрызнулся Джерри. – Сказано – нет денег!

Звери стали рычать, свистеть и ругаться на Никки и Джерри. Хотя под масками скрывались пациенты госпиталя – обычно тихие и незлобивые болезненные существа, – но сейчас они были сами на себя не похожи.

– Почему они такие агрессивные? – спросила Никки у Джерри, еле

слышная сквозь шум.

– Маски делают их неузнаваемыми и безнаказанными, – угрюмо ответил Джерри. – Анонимность крепко ударяет в слабые головы.

Зверская толпа насвистелась и пошла дальше. Самая добрая вилорогая антилопа с массивным крупом обернулась и крикнула:

– Это вам от наших щедрот, раз вы такие бедные! – и бросила на колени Никки простенький леденец – ядовито-розовую рыбку на палочке.

Джерри метнул яростный взгляд в ускакавшую брыластую антилопу.

Никки рассматривала снисходительный подарок:

– Кажется, бедным быть очень плохо...

Джерри только вздохнул.

Девочка аккуратно развернула хрустящую прозрачную бумажку леденца. Мальчик нахмурился.

Зазвенел колокол к началу циркового представления, и раздался странный фыркающе-гогочущий голос, приглашающий в балаган на совершенно незабываемое представление. Когда голос в конце заржал, то стало понятно, что это говорила лошадь. Неужели цирк привёз говорящих лошадей! Вот бы посмотреть!

– Буратино продал свою азбуку, чтобы попасть на представление... – пробормотала Никки, лизнув рыбку, – а у нас даже азбуки нет...

На лужайке возникло мощное течение: госпитальные звери неудержимо потянулись к цирковому балагану, словно жители жаркой африканской саванны – на единственный в округе водопой. Друзья же стояли неподвижно и чувствовали, как между ними и остальными посетителями Благотворительного Карнавала разверзается глубокая пропасть.

– А леденец-то кислый... – сказала необычно грустная Никки.

Цирковая ярмарка по-прежнему гремела и сверкала вокруг них, но уже не так громко, как раньше, – словно ярмарочные раструбы, висящие на столбах и извергающие фонтаны музыки и завлекательных объявлений, отвернулись своими воронками от бесперспективных, нищих клиентов.

А может, действительно отвернулись.

Через несколько дней Никки пришла на завтрак очень поздно. Кафе уже опустело, лишь Джерри за их обычным столиком терпеливо ждал Никкиного появления.

– Мы с Робби раскопали, – с сияющим видом сообщила девочка, – закон о космической колонизации. Он гласит, что если человек или группа людей образовали поселение в космосе на никем ещё не занятой

территории и прожили там год, то он или они автоматически становятся владельцем квадратной мили вокруг поселения – если никто не предъявляет обоснованных претензий на эту территорию. Если же человек прожил десять лет, то его территория постепенно распространяется до десяти квадратных миль. Как законы Дикого Запада в период освоения земель! Так как я прожила на астероиде нужное время, то фактически я могу – да что – могу! – должна! – считаться космическим колонистом, и весь астероид принадлежит мне по закону. Гип-гип-ура! Я очень рада, что мой астероид может быть по-настоящему МОИМ, – и Никки энергично приступила к завтраку.

– Ого! – воскликнул Джерри. – У тебя, как у Маленького Принца из книги Сент-Экзюпери, будет своя планета!

– Сент-Экзюпери? – переспросила Никки. – Не читала, но это имя мне нравится – французское и красивое... Самое важное то, что стоимость такого астероида равна примерно пяти миллионам на марсианском риэлтерском рынке. Обычно банки не дают в кредит сумм, превышающих пятидесяти процентов от стоимости космических территорий или недвижимости. Тем не менее я смогу получить в долг два с половиной миллиона. С учётом кредита за твой дом нам хватит на первый год! – воскликнула радостно Никки.

– Здорово! – поневоле восхитился Джерри. – Слушай, неужели ты всё это изучила за несколько дней?

– Да, но с Робби это несложно – он у меня опытный информационный диггер. – Никки похлопала по корпусу Робби. – Я сегодня же свяжусь с адвокатом Дименсом и спрошу, поможет ли он с официальным оформлением прав на астероид – это нетривиально из-за моего возраста... Полагаю также, сударь, что готовиться к экзаменам можно начинать всерьёз!

– Никки... – замялся Джерри. – Извини, но я не могу взять у тебя эти деньги. Это почти половина твоего состояния... Как я смогу отдать такую огромную сумму?

– Я никогда и не попрошу их назад, – удивилась Никки.

– Тем более, – нахмурился Джерри. – Я не могу с этим согласиться...

Никки посмотрела на его расстроенное худощавое лицо с печальными голубыми глазами. «Чёрт! – подумала она. – Вот ведь удивительный мальчишка... Он никогда не возьмёт этих денег, если его не заставить...»

– Джерри, – сказала с чувством Никки, подъехав вплотную и положив руку на его плечо, – в этой коляске я – инвалид, и меня легко обидеть, а враги мои жестоки! Мне нужен сильный и смелый защитник. Ты –

единственный человек, которому я могу доверять. Я очень хочу, чтобы ты учился со мной в Колледже! Это для меня гораздо важнее, чем миллион золотых монет... Деньги – прах, друзья – бесценны!

Она провела рукой по его волосам и так особенно взъерошила их, что лицо Джерри вспыхнуло. Потом Никки придвинулась к Джерри близко-близко, так что её губы почти касались его уха.

– Пожалуйста, Джерри, соглашайся, – ласково и настойчиво шепнула она. – Мне нужна твоя помощь, ты не можешь бросить меня одну!

Её горячее дыхание обжигало ухо, щеку и сердце.

– Конечно, Никки... – хрипло сказал Джерри. – Когда ты так говоришь... отказаться совершенно невозможно...

– Отлично! – обрадовалась Никки и выпрямилась. – А насчёт второго года мы потом что-нибудь обязательно придумаем. Будем решать проблемы по мере их возникновения.

– Тебе столько же лет, сколько и мне, но ты уже такая самостоятельная и независимая, сама всё планируешь и не боишься никаких трудностей... – удивлённо произнёс Джерри, незаметно переводя дух.

– Ну, как ты понимаешь, это вынужденное – ведь обо мне никто не заботился последние десять лет, – как всегда весело, сказала Никки. – Первые годы я жила на старых корабельных запасах, а когда консервы и кислород стали кончаться, мне и десяти лет не было, но пришлось размораживать семена и икру, расширять и засеивать оранжерею, заводить пруд, рассчитывать и обеспечивать водный, тепловой и воздушный баланс корабля и теплицы. Да ещё всё время приходилось подбадривать реактор, который постоянно норовил заглохнуть, как и полагается порядочному реактору в аварийном состоянии... К этому времени аккумуляторы корабельного робота уже перестали держать заряд, и я лишилась своего единственного помощника.

– А как же я? – возмутился Робби.

– Ты – не помощник, ты – советчик, – отмахнулась Никки. – Так что грустить и жалеть себя оказалось совершенно некогда! Разве что во время солнечных бурь, когда по несколько дней приходилось прятаться в мрачном складе – в самом защищённом от радиации месте... вот где была скуотища! А кроме хозяйственных дел, железный Робби заставлял тренироваться меня по многу часов в день на тренажёре с перегрузками... и ходить в силовом скафандре, специально жёстком, чтобы кости и мышцы могли сформироваться. Маленькой я часто ревела... или тихо скулила от изнеможения в этом проклятом негнущемся скафандре, а потом привыкла и плакать как-то разучилась... Родители помогли мне всё преодолеть, я

просто не могла расстраивать их своими соплями...

– Зато ты не боялась расстраивать меня! – заявил нахальный Робби.

– Тебя расстроить легче легкого – как из кремня слезу выжать... – хмыкнула Никки. – Тяжелее всего было, когда метеорный поток разбил теплицу, растения погибли, и мне пришлось начинать всё заново. Хорошо хоть часть рыбы удалось спасти... правда, когда я бежала спасать мальков из-под метеоритного дождя, меня чуть не пришибло камнями. Кислорода не хватало, я стала падать в обмороки... пришлось забраться на месяц в скафандр с последними баллонами. Потом самая быстрорастущая трава зазеленела, и с кислородом стало полегче. Вот только эту траву нельзя было есть, и мне пришлось ещё месяц ждать первого урожая томатов и подраста мальков форели. Жрала одни шампиньоны, похудела килограммов на пять, но дотянула, не сдохла...

Никки совершенно развеселилась от этих кошмарных воспоминаний.

– Правда, на грибы с тех пор совершенно не могу смотреть – пришлось их грядку засеять морковкой. Зато в последние три года всё моё хозяйство наладилось и у меня появилось свободное время – на учёбу, книги, на вкусную еду...

Джерри с круглыми глазами слушал Никки. Когда она замолчала, задумчиво сказал:

– Кажется, я начинаю верить в эту авантюру со Школой Эйнштейна... если уж ты ребёнком справилась с атомным реактором!

– И чего я разнылась? Что было, то прошло, – улыбнулась Никки. – Сейчас у нас есть робот-официант – он принесет всё, что надо!

Они дружно засмеялись.

– Слушай, я всё забываю спросить – почему робот таскает тебе вино, хотя любое спиртное запрещено всем «тинам» – ребятам до двадцати лет? И вообще, зачем ты его пьёшь? – спросил заинтересованно Джерри.

– В своё время Робби сломал электронную голову, – Никки погладила по корпусу старого товарища, – пытаюсь составить наилучший рацион питания для меня. На корабле оказался контейнер с марсианским кьянти, и оно пришлось весьма кстати для пополнения в моём организме редких микроэлементов. Робби прописал мне его как лекарство. Он сказал, что может легко нейтрализовать вредное действие алкоголя, но ему нечем заменить тот букет высокомолекулярной всячины, плавающей в красном сухом вине.

Так как я оказалась первым в истории космической медицины... э-э... почти нормальным ребёнком, выросшим на астероиде, то лунные врачи согласились с этой диетой и разрешили кухонному чипу не менять моё

привычное меню. Нейтрализатор Робби я продолжаю принимать, поэтому сам алкоголь на меня не действует.

– Здорово! В жизни не встречал такой... удивительной девчонки. Ну, давай рассказывай – как мне можно побить тех лузеров, которые будут соревноваться со мной! За тебя я как-то перестал волноваться...

За следующий месяц Джерри раз сто пожалел, что ввязался в эту авантюру со Школой Эйнштейна. Он сидел возле экрана по шестнадцать часов в сутки, следуя программе, составленной для него Робби и Никки, часто там же ел и даже спал под шепоток обучающей программы. Но не мог же он спасовать перед Никки, работающей в том же режиме!

Быстро выяснилось, что она обставляет его одной левой в физике, астрономии и биологии.

В математике Джерри оказался сильнее Никки, и в кибернетике он её здорово опережал – это был его любимый предмет. Что касается математики... его отец был математиком.

Ещё Никки топором плавала в вопросах истории, географии и современной литературы. Она не знала общеизвестного – про существование континента Антарктида, кто такой Колумб и что словом «амазонка» называют и смелую воительницу, и женский костюм для верховой езды, и крупнейшую реку Земли.

Никки впервые с удивлением услышала от Джерри, что в современной литературе, кроме прозы и поэзии, существуют ещё и снежи.

Это всё легко объяснялось космическим детством Никки, но на экзамене не будет никаких скидок, верно? Программы подготовки, составленные Робби, учитывали как сильные, так и слабые стороны каждого.

На экзамене в Лунный колледж предлагалось около двухсот задач и вопросов, разбитых на девять блоков: математика, физика, кибернетика, астрономия, химия, биология, генетика, литература, история. Для поступления нужно было правильно ответить хотя бы на часть вопросов, набрав тысячу с лишком баллов. Поэтому ценилось умение быстро раскусить задачу и решить, стоит ли с ней возиться.

На каждый блок отводилось полчаса, и к следующей теме школьники приступали снова вместе. Простые вопросы приносили несколько баллов, сложные оценивались до двух сотен очков, но и требовали гораздо больше времени.

Участники теста могут находиться в Колледже или любом месте Солнечной системы, но монитор у каждого должен быть фирменным колледжским, с видеосистемой для предотвращения подсказок и для

тивитрансляции физиономий школьников – красных или бледных, но одинаково напряжённых.

Экзамен в Лунный колледж давно превратился в азартное соревнование, популярное на всех планетах. Родственники студентов и болельщики заполняли стадион Колледжа, а кто не успел купить билет, тот прилипал к экранам тивизоров и переживал за «своих» – хотя бы за представителей родной планеты.

После старта экзамена на главном экране появлялись лица сотни лидеров. Если они удерживались там до конца теста, то их заветная мечта сбывалась: они становились студентами знаменитого Колледжа – конечно, если у них, кроме светлой головы, имелось ещё и по мешку золотых монет.

Абитуриенты приступали к решающему экзамену после многолетних тренировок и опыта десятков интеллектуальных ристалищ. Обучение детей интеллигентных семей и высшего общества обязательно включало ответы на вопросы колледжа, выходящие после экзаменов специальными книгами. Тем не менее беспощадное соревнование умов выдерживала всего сотня человек, а остальные сто тысяч – чуть менее тренированных или удачливых – оставались за бортом. Армию таких соперников и решили победить на экзаменах самонадеянные Никки и Джерри. Вернее, самонадеянна была только Никки, а Джерри просто подпал под дурное влияние.

До тестов оставался всего месяц, но ни Джерри, ни Никки не набирали и половины нужного количества очков. Причём результаты Никки выглядели пока хуже, чем у Джерри, – слишком много дыр зияло в её образовании.

– Джерри, – сказала Никки как-то за завтраком, – у меня есть идея... правда, она не совсем спортивная или наоборот – слишком спортивная.

– Что за идея? – спросил заинтригованный Джерри.

– Я и Робби проанализировали тесты за прошлые годы. Оказалось, что примерно половина вопросов затрагивает эрудицию, а половина – творческое мышление. Оценка решения сложной задачи зависит от умения видеть второй, а то и третий план задачи. Например, в прошлом году был такой вопрос по физике:

Если вам нужно увеличить скорость искусственного спутника, вращающегося вокруг планеты, куда вы направите реактивную струю из сопла двигателя?

– Ну, это легкий вопрос, – хмыкнул Джерри. – В космическую эру все

знают, что для увеличения орбитальной скорости надо тормозить двигателем в направлении движения, тогда корабль начинает падать на планету, и его скорость вырастет. При торможении спутника об атмосферу его скорость также увеличивается. Если же использовать вроде бы естественное – ускоряющее – положение реактивной струи назад, то спутник заберётся на более высокую орбиту вокруг планеты, и скорость его движения уменьшится. Чем выше спутник, тем медленнее он летит. Закон Кеплера.

– Правильно, – кивнула Никки, – ответ на этот вопрос всем известен, поэтому он принесёт тебе всего два балла. Но если ты не остановишься на этом, а укажешь, при каких мощностях двигателя это парадоксальное правило может быть преодолено – то можешь получить и десять баллов. Или такой хитрый вопрос:

Как изменились физические параметры реки после постройки гидроэлектростанции, производящей значительное количество электроэнергии?

– Э-э... – задумался Джерри.

– Вопрос непростой, – согласилась Никки. – Нужно сообразить, что средняя температура воды в реке слегка упадёт: гидроэлектростанция снизит скорость течения и тем самым уменьшит трение воды о грунт, разрушение берегов и нагрев реки и почвы вокруг. Сообразишь – получишь двадцать баллов. Если же ты добавишь оценку охлаждения водохранилища выше электростанции и прикинешь локальный нагрев реки после плотины как функцию высоты водопада, то заработаешь до полусотни очков. А вот ещё очень приятная задачка:

Вы сожгли вязанку дров в камине на первом этаже, потом перенесли точно такую же вязанку дров на второй этаж, сообщив ей значительную потенциальную энергию, и сожгли её в камине второго этажа. Где выделилось больше энергии в результате топки каминов – на первом или втором этаже?

– Одинаковое количество энергии! – выпалил Джерри. – Дополнительная потенциальная энергия дров на втором этаже перейдёт после сгорания дров в потенциальную энергию золы, водяного пара и углекислого газа.

– Правильный ответ, – откликнулась Никки, – но только в первом

приближении. Получаешь за него всего четыре балла. Для более правильного ответа – «на втором этаже энергии выделится больше» – надо вспомнить про эйнштейновский дефект массы дров из-за излучения фотонов и про опять-таки эйнштейновское замедление времени в гравитационном поле Земли. Это вызывает красное смещение или уменьшение энергии фотонов из нижнего камина.

– С Эйнштейном у меня напряжённые отношения, – вздохнул Джерри.

– Зато компьютер его любит и даст тебе баллов пятьдесят за такой ответ, – сказала Никки. – Нижний камин находится при большем атмосферном давлении, чем верхний, поэтому можно ещё со вкусом обсудить эффективность сгорания дров при разных плотностях воздуха. Получишь сотню баллов.

Никки оглянулась с видом заговорщика и перешла на драматический шёпот:

– Интересно, что правильность ответа на вопрос: где выделится энергии больше, на первом или втором этаже? – сам по себе, как показывает анализ прошлых экзаменов, оказывается не очень важен, как и то, на самом ли деле твой подход – лучший для решения.

Он вернула себе обычный голос:

– Компьютер-экзаменатор ценит больше всего умение мыслить, проникать в суть задачи и использовать нестандартные методы, едва затронутые в школьной программе. Детально проанализировать серьёзную тему за несколько минут нельзя, а оценить творческий потенциал человека, делающего этот анализ, – можно.

– И что ты предлагаешь? – спросил Джерри.

– Надо заняться внешкольными темами, эффективно повышающими оценку. Например, изучить красивый эффект Мёссбауэра, механизмы сверхпроводимости и сверхтекучести... казимировский эффект вакуумного притяжения... закономерности трёхмерного фолдинга протеинов... – много можно набрать красивых вещей.

– Но тогда нам придётся освоить гораздо больше материала, чем есть в школьной программе! – воскликнул Джерри.

– Вовсе нет, – возразила Никки. – Весь фокус в том, что число дополнительных выигрышных методов и теорий гораздо меньше количества возможных вопросов. Например, на экзамене тебе дают пару дюжин вопросов по физике, взятых из многомиллионной базы задач. А у тебя в запасе будет всего десяток симпатичных внеплановых физических эффектов. Ты внимательно смотришь на заданные вопросы и думаешь, где можно употребить заготовленные козыри. Применишь этот трюк хотя бы к

двум-трём задачам по физике – и это принесёт тебе лишнюю сотню баллов. Аналогично и в других блоках. Классическую работу Грегори «Разумный глаз» можно обсудить в биологии, генетике, кибернетике, а легендарную книгу Куна «Научные революции» – в общем вопросе по любому предмету. Несколько сотен очков на всех блоках – и мы близки к успеху!

– Здорово придумано! А почему это кажется тебе неспортивным или слишком спортивным? – заинтересовался Джерри.

– Ну... – замялась Никки, – потому что этот трюк направлен не столько на оптимальное решение задач, сколько на получение максимума баллов, исходя из знания приоритетов компьютера-экзаменатора.

– Но ведь ты всё равно должна решать предложенные задачи?

– Конечно.

– А использование информации вне школьной программы будет являться корректным по сути задачи?

– Естественно, иначе компьютер сразу снизит оценки.

– Тогда не волнуйся, эти трюки стары, как сам мир студенческих экзаменов. Ты имеешь право использовать все незапрещённые способы повышения своих баллов. Экзамен – вполне спортивное понятие. Всё в порядке – это я говорю тебе как эксперт по человеческой этике, – уверенно заключил Джерри.

– А-а, тебе понравилось быть экспертом?

– Да, это было неплохо! Полицейский Горбин завел целое судебное дело всего лишь на основании моих слов...

– Ну, ещё и разгромленного склада...

– Это мелочи! – И они оба засмеялись.

Осталось две недели до экзамена.

– Я была вчера у Большой Терезы на перевязке спины – и вот, смотри, – помахала Никки обнажёнными руками, – с меня сняли силовые рукава! Она считает, что здесь связки достаточно окрепли. С ногами тоже неплохо, но остаются проблемы в мышцах спины. Ещё несколько месяцев нужно будет сидеть в инвалидном кресле... – добавила Никки огорчённым голосом. – Я, кстати, спросила, когда тебя отсюда выпишут. Она сказала, что сейчас твоё состояние таково, что они могут отпустить тебя в любой момент. И знаешь, у меня сложилось впечатление, что совсем не случайно Тереза заставила именно тебя помочь мне освоиться в госпитале. Полагаю, она решила, что забота о девочке-монстре поможет и тебе самому справиться с депрессией.

– Вот как! – разозлился Джерри. – Так это всё было подстроено?!

– Извини, но думаю – да.

– Терпеть не могу, когда мной манипулируют, как младенцем! – Он совсем разъярился и вскочил на ноги.

– Джерри, – спокойно заговорила Никки, – люди всегда пытаются манипулировать друг другом, а уж взрослые крутят детьми, как считают нужным. Когда ты слишком юн или глуп, ты не замечаешь этих манипуляций. Когда ты достаточно вырос, то это тебя начинает бесить – вот как ты сейчас сердишься. Но если ты стал совсем умным и взрослым, то ты сам оцениваешь – насколько тебе нравится то, на что тебя толкают другие. И тогда ты трезво принимаешь это или же, наоборот, сопротивляешься изо всех сил. Для тебя становится важнее не сам факт попытки воздействия на тебя, а то, насколько это соответствует твоим интересам и желаниям.

– Значит, я ещё недостаточно взрослый и умный, чтобы не сердиться на такие вещи! – буркнул Джерри.

– Ты жалеешь, что меня познакомили с тобой? – улыбнулась Никки. – Ты предпочёл бы, чтобы Пятнистый Сэм научил меня завтракать и показал мне парк?

– Нет, совсем нет... – смутился Джерри.

– Вот и не сердись, чудак.

– Всё-таки, – покачал головой Джерри, – ты слишком мудра для своих лет.

– Невозможно быть слишком мудрым, – нравоучительно произнесла Никки, – тем не менее все жалуются на свою память, но никто не жалуется на собственный ум.

До экзамена осталась неделя. Они вышли в парк подышать свежим воздухом и дать отдых глазам, уставшим от мониторов.

– Есть хорошие новости... – сказала Никки, отмахиваясь рукой от большой жёлтой пчелы. – Звонил адвокат Дименс. Он занимается оформлением астероида для меня и получением кредитов для нас обоих. Говорит, что мы наскребём денег на первый год. Хороший человек... его юридическая контора готова выступить поручителем-гарантом, если у нас возникнут проблемы с банками. Полагаю, что это очень необычный для юриста поступок... Осталось только сдать экзамены.

– Только! – фыркнул Джерри. – У меня голова уже раскалывается от теорем, физических уравнений и химических формул. Просыпаюсь от математических кошмаров – будто я забыл, что такое дивергенция и ротор! А мне надо с помощью дивергенции налить куда-то воду, а с помощью ротора – её перемешать.

– Мне ещё хуже! – воскликнула Никки. – Вместо прелестных математических лемм и красивых физических эффектов я пытаюсь запомнить годы жизни каких-то президентов и итоги кровавых сражений. Мне кажется, в древности все правители были чокнутые. Если какой-нибудь царь не выпустил кишки хотя бы десятку тысяч соседей, то чувствовал себя полным неудачником...

Один день до экзамена.

По результатам предварительных тестов у Робби-экзаменатора Никки и Джерри всё ещё редко набирали нужные баллы. Но изменить что-то было уже нельзя.

Все финансовые вопросы уладились стараниями адвоката Дименса. Колледжские мониторы арендованы, доставлены и установлены. Ровно в десять часов завтрашнего утра начнётся тест. Не обычный экзамен: твоё изображение будет транслироваться на всю Солнечную систему! Ужас!

Накануне решающего дня Джерри была нервная дрожь. Никки успокаивала его:

– Не думай о телевидении, сосредоточься на задачах. В перерывах камеры отключаются, так что забегай ко мне на стаканчик сока. Я верю, что всё будет хорошо.

Но это помогало плохо. Джерри нервничал всё больше и даже не смог ничего съесть на ужин. Никки слегка прикрикнула на него:

– Да что с тобой, Джерри-лев? Ты не испугался броситься с голыми руками на убийцу массой в полтора центнера, а тут раскис из-за паршивого экзамена!

Тогда Джерри не выдержал и сказал, чего он боялся больше всего:

– А что будет, если ты наберёшь баллы, а я – нет? Ты станешь этим... эйнштейнианцем и... всё!

– Вот в чём дело... – посерьёзнела Никки. Но думала она недолго. – Если так случится, то я тоже не пойду в Школу Эйнштейна. Ты же мой друг, я не могу тебя бросить... Что-нибудь ещё придумаем.

– Так не пойдёт! – испугался Джерри. – Колледж – твоё единственное спасение! В другом месте тебя в два счёта прикончат.

– Я уже решила! – непреклонно тряхнула Никки рыжей головой, подстриженной гораздо аккуратнее, чем раньше. – Поэтому, когда будешь отвечать на вопросы, помни, что если ты не поступишь в Лунный колледж, то я туда тоже не поступаю. Так что всё – включая и мою жизнь – зависит от тебя, Джерри-лев.

– Пошли спать. – Джерри побледнел от такой ответственности. – Надо

хорошо отдохнуть перед экзаменом.

– Отличная мысль! – поддержала Никки.

– Может, мне выпить снотворного? – сказал в лифте Джерри. – Не уверен, что я смогу сейчас заснуть.

– Нет, завтра тебе нужна ясная голова. Пошли, я тебя усыплю.

– Как?

– Увидишь.

Джерри переоделся в ванной в пижаму и забрался под одеяло. Никки в коляске подъехала к самой кровати.

– Я тебе спою древнюю французскую колыбельную... которую мне пела мама. Это немного, что я помню. Она мне всегда помогает. А ты смотри прямо перед собой и закрой глаза...

– Никки, я не могу, что за детские идеи! – засмеялся Джерри.

Но Никки положила ладонь на его лоб и глаза, и он зажмурился от этого прикосновения. Потом прохладная ладонь медленно поползла по лицу вниз, и, когда она накрыла его губы, Джерри слегка прикоснулся губами к этой ладони, и получился еле заметный скользящий поцелуй. Ладонь замедлилась, потом нехотя убралась с его лица. Глаза Джерри остались закрытыми, а сердце сильно забилося, и тревоги экзамена как-то сами собой отделились...

А Никки командовала:

– Выдохни... расслабь грудь... ноги...

Он слушался, всё ещё чувствуя волнующий след прикосновения руки девочки на лице, а Никки негромко запела веселую песню на певучем и красивом языке, непонятном Джерри:

Князь Оберон – хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полёт шальной
Я послан, Робин-весельчак.
Ну, кутерьму
Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу
И хохочу я: – Ха-ха-ха!

Джерри улыбался с закрытыми глазами: что он, маленький мальчик,

чтобы засыпать под колыбельную песенку? А потом, вслушиваясь в приятный голос Никки, и правда почувствовал, как напряжение, терзающее его целый день, куда-то пропало. И он сонно сказал, не открывая глаз:

– Если ты не поступишь, я тоже не пойду в этот Колледж...

– А я и не сомневалась, Джерри-лев...

И Джерри крепко заснул. Они оба здорово вымотались с этой подготовкой к экзаменам.

Детей крадем —
Взамен кладем
Мы эльфов — шутка неплоха!
Готов подлог —
И наутёк!
Ищите ветра: – Ха-ха-ха!

Глава 5

Экзамен

Джерри спал таким крепким сном, что утром его разбудил только настойчивый стук Никки в дверь. Мальчик мгновенно проснулся – уже полдевятого утра!

Они с Никки быстро позавтракали в кафе, а вокруг пациенты желали им удачи или подпускали острые шпильки в адрес горе-кандидатов в Колледж, где учатся только вундеркинды из мультимиллионеров. Но все без исключения спешили занять места в холле перед большим экраном, где Главный Лунный телеканал будет вести передачу со стадиона и показывать нервные лица лидеров соревнований.

Джерри, стремительно поглощая жареный бекон с яйцом, сказал:

– Я выспался прекрасно – ты, наверное, колдунья!

– Конечно! – Но у самой Никки залегли под глазами синие круги.

– А ты-то хорошо спала?

– Неплохо, но за одну ночь не наверстаешь недосып трёх месяцев.

Джерри владело состояние взвинченной весёлости, когда на все возможные неприятности человек уже махнул рукой, и его несет вперёд эйфория бесшабашности.

– Мне нравится твой кураж! – Никки оценивающе смотрела на него и улыбалась.

– А если мы всё-таки проиграем экзамен? – возбуждённо хохотнул Джерри.

– Ну, у нас есть ещё мой астероид, купим боевой лазер и спрячемся там! – и оба засмеялись.

Перед дверью Никки они расстались, крепко пожав друг другу руки и обменявшись не очень понятными им, но такими традиционными напутствиями:

– Ни пуха ни пера тебе, Никки!

– Иди к лунному чёрту, Джерри!

В чашу стадиона, вписанного в крутобокий кратер, вливались потоки ярко одетой публики. Гомонящие людские струи разбивались на ручейки и водовороты, растекались по склонам трибун и дробились на отдельные тела-бусины, нанизываясь на нити скамеек. Солнце жарило сквозь купол, и болельщики, слетевшиеся со всех концов Солнечной системы, шумели и

потели. Портативные кондиционеры и ледяные напитки шли нарасхват. В середине стадионного пространства висел гигантский куб с четырьмя стенками-экранами для трансляции изображений участников. Сейчас телекуб транслировал песенные хиты последнего сезона, причем Лунный телеканал патриотично предпочитал местные группы. По краям экранов бежали строки рекламы, она же занимала голографические щиты, установленные на поле:

«Автомобили „Луноход-3000“ – десятилетняя гарантия от песка!»

«Недвижимость Полярной Ривьеры – море воды и солнца!»

«Летние моды – сногшибательные жидкокристаллические дизайны Бессо!»

«Вакансии на шахтах Марса – станьте миллионером за два года!»

Школьники, прибывшие на тест, уже затопили залы и аудитории Лунного колледжа, единственного Колледжа с большой буквы. Все другие лунные школы были просто «колледжи». Хотя в аудиториях сдавать было не так удобно, как дома, считалось, что здесь участникам помогают сами стены. А многие всю жизнь мечтали посмотреть на легендарную Школу Эйнштейна, поэтому в день экзамена в залах Колледжа традиционно не хватало мест на всех желающих.

Два комментатора Лунного телеканала – Джикси и Тимоти – наперебой обсуждали предстоящий экзамен. Они славились как самые знаменитые телеведущие Луны. Как обычно, один из них – Джикси – играл роль добряка-оптимиста, другой – Тимоти – роль мрачного брюзги. Впрочем, эти роли отражали реальные характеры артистов.

– Сто двенадцать тысяч участников! – захлебывался от радости Джикси. – Рекордное число!

– Подумаешь... – бурчал Тимоти. – Каждый год Колледж обновляет рекорд по числу претендентов. Бедные лузеры!

– Выпускники Школы Эйнштейна принимаются без экзаменов в любые университеты! – надрывался Джикси. – Вы слышите, в любые!

– За деньги, которые студенты выкладывают за Колледж, – язвил Тимоти, – можно отучиться в десяти университетах.

– Девяносто одна тысяча школьников сейчас устраиваются поудобнее перед экранами фирменных мониторов на Земле, четыре тысячи – на Марсе, две тысячи рассеяны по астероидам, спутникам и космостанциям. А двенадцать тысяч приехали сегодня в Колледж на экзамен – испытать свою судьбу и талант! – вещал оптимист Джикси.

– И зачем припёрлись сидеть в шумных и душных залах, устроились бы лучше с луна-колой дома... – скрипел Тимоти.

– Ты не прав, Тимоти, статистика показывает, что процент поступивших больше среди тех, кто сдавал экзамены в самом Колледже, – утверждал Джикси.

– Ха! Статистика! Есть ложь, есть отъявленная ложь, а есть статистика! – держал марку Тимоти.

– Мне подсказывают, – спохватился Джикси, – что всего у меня получается сто девять тысяч участников. Где ещё три тысячи? Куда я их дел? А! Ну конечно – проклятый склероз! – это школьники самой Луны, которым не хватило места в Колледже. Раньше заявочки надо было присылать, любезные мои! Больше всего таких лунных школьников, поступающих в Школу Эйнштейна, сидит сейчас в Луна-Сити, Чайнатауне, потом в Нью-Москоу и Мун-Дели. Хо-хо! Даже из Лунного госпиталя у нас сегодня два участника!

– Совсем больные, видно, – ухмыльнулся Тимоти.

– Итак, экзамен разбит на три сессии по полтора часа каждая. Порядок следования предметов определён недавним жребием – мы все наблюдали за этой торжественной процедурой с участием самого Президента Луны и обоих финалистов Вселунного конкурса красоты. Могучий Лунный Тарзан чуть не сломал барабан для жеребьёвки, а Лунная Венера в этом году побила рекорд зрительских симпатий! – заливался соловьем Джикси.

– Ближе к делу, – мрачно напомнил Тимоти.

– Да-да... согласно жребию, в первой сессии идут блоки физики, литературы и химии, во второй – математика, биология и генетика, в третьей – история, кибернетика и астрономия, – уточнил бодро Джикси. – Школа Эйнштейна всегда отличалась акцентом на естественные науки.

– В каждой сессии есть над чем сломать голову! – прокаркал Тимоти.

– Десятым экзаменом является тест на владение английским языком, и компьютер-экзаменатор сам определяет по результатам первой сессии – поставить ли абитуриенту зачёт по языку или нет.

– В прошлом году один школьник из Франции говорил на таком английском, что компьютер счёл его за русский, – хихикнул Тим.

– Единственное разрешённое справочное пособие – это заранее составленный самими абитуриентами набор математических уравнений, химических формул и геномных схем – то, что запомнить невозможно, да и не нужно. Да – и ещё точные значения различных констант. Только это – и ни одного слова больше! Но нашим сообразительным участникам больше и не нужно: нет никаких сомнений, что здесь собрались самые умные девочки и мальчики Солнечной системы! – пафосно изрек Джикси.

– Как же, самые умные... помнится, один школьник на простейший

вопрос о скорости искусственного спутника на круговой орбите искренне удивился – как я могу знать? – ведь он искусственный, с какой хочет скоростью, с такой и летит! – заржал Тимоти.

– К чему вспоминать старые анекдотические случаи?.. – с укоризной сказал Джикси. – Вот передо мной наконец появилась выборка самых известных участников нашего экзамена... О! – с восторгом воскликнул комментатор. – В этом году среди участников знаменитый Дитбит Третий – юный принц легендарной династии Дитбитов. Чистокровный, как сейчас говорят, красавец, спортсмен и вундеркинд. Очень многообещающий молодой человек.

– Самые известные участники – это те, чьи имена мелькали в прессе? Тогда самыми знаменитыми должны считаться серийные убийцы! – саркастически заметил Тимоти.

– Куда тебя занесло, Тимоти? – укорил его Джикси. – Многие участники сегодняшнего экзамена всемирно известны своими талантами: в этом году в Школу Эйнштейна поступает золотой лауреат Лунного конкурса на лучшее литературное произведение, принцесса Дзинтара Шихин-а; все три призёра последней Олимпиады самодельных роботов, а также – Хао Шон, победитель Всемирной математической олимпиады.

– Вот так сюрприз! – захихикал Тимоти, глядя в список участников. – Среди нашей выборки знаменитостей – Никки Гринвич, Младенец-Робинзон, звезда наших мартовских новостей. Интересно, неужели она научилась читать? И пользоваться клавиатурой?

– Да что ты?! – всполошился Джикси. – Не может быть! Неужели Маугли-с-астероида решила поучаствовать в экзамене в Школу Эйнштейна? Но она же ни дня не училась в школе и до сих пор находится в госпитале!

– Так она и есть участник из Лунного госпиталя! – вспомнил Тимоти. – Я же говорил – больная!

– Думаю, что она просто не осознаёт, на что замахнулась, – сокрушенно покачал головой Джикси, – но всё равно, пожелаем ей удачи, а главное – не расстраиваться, если проиграет...

– Где она взяла столько денег? Может, на том астероиде есть золотая жила? – неодобрительно хмыкнул Тимоти.

– Смотрите, смотрите, начинается! – заволновался Джикси. – На трибуну поднялся сам директор Колледжа, знаменитый профессор Милич, сорок лет руководящий Школой Эйнштейна.

– Ну наконец-то! Лично я уже вспотел на этом солнцепеке, – откомментировал в своём духе Тимоти. – Эти климатологи вечно не могут

толком наладить кондиционирование стадионов – нижние ряды мёрзнут от сквозняков, а верхние – жарятся как на сковородке.

Профессор Милич с огромной седой шевелюрой дыбом, по сравнению с которой причёска Эйнштейна показалась бы скромным ёжиком, ослепительно улыбался в камеры:

– Дамы и господа! Участники экзамена и болельщики! Гости Колледжа и телезрители! Начинаем экзамен. Через минуту, когда часы Главной башни Школы Эйнштейна пробьют десять часов, на экранах появится первый блок вопросов и начнётся трансляция с мониторов. Дорогие участники! Ваш ответ на любой вопрос должен содержать номер вопроса и завершаться фразой «Ответ закончен», после чего вы немедленно узнаете ваш балл за ответ и сможете приступить к другому вопросу. Помните, что ваше изображение транслируется в приёмную комиссию, а также в мировую телесеть. Ваши баллы суммируются вверху экрана, в правом углу монитора будет показан результат лидера экзамена, в левом углу – минимальный балл верхней сотни участников. Вам нужно удержаться в этих пределах. Если после состязания ваш результат отстал от баллов сотни лидеров, вы, к огромному нашему сожалению, не прошли. Прошу вас не отчаиваться – это всего лишь экзамен, не кораблекрушение.

На трибунах раздался нервный смех взвинченных родителей.

– В прошлом году проходной балл составил 1097 очков, в этом году он, по нашим прогнозам, может слегка увеличиться. Но даже несколько сот баллов, полученные на нашем экзамене, откроют вам двери в ряд престижных школ и колледжей, так что труд, затраченный на подготовку, не пропадёт даром. Родители и болельщики должны только издали следить за участниками. Однако прошу помнить, что красный сигнал и громкий зуммер на мониторе означает, что ваша помощь нужна участнику и разрешена правилами. Обмороки – увы! – не редкость на вступительных тестах. Напряжение, знаете ли... Ну, кажется, ничего не забыл, а то стар стал, путаю правый носок с левым...

Трибуны охотно поддержали шутку директора.

– До экзамена остались считанные секунды! Всем удачи!

Раздались громкие хлопки фейерверков, и над стадионом расцвели яркие звёзды разноцветных ракет. Непродолжительный салют сменился тишиной, в которой главные часы Колледжа пробили десять раз.

Мониторы Никки и Джерри включились лишь перед выступлением директора Милича.

Слушая его речь, Никки пила сок, прогоняя сухость во рту, а Джерри пытался заставить пальцы не трястись над управляющими поверхностями

компьютера.

Мониторы мигнули и показали список вопросов и жирный ноль на экранном лбу. И весь мир перестал существовать для ста двенадцати тысяч участников экзамена, подошедших к переломной точке своей биографии.

На стадионе Джикси и Тимоти бурно приветствовали первых лидеров на большом экране, стремительно заполняющемся изображениями тех, кто успел ответить хотя бы на один вопрос. Картинки всё время стремительно перемещались, тасуясь по мере вступления в игру других школьников.

– Если вас интересуют результаты конкретных людей, – пояснял зрителям и болельщикам Джикси, – то назовите их имена или экзаменационные номера, и вы увидите нужных участников на своих телевизорах или портативных экранах.

– Не знаю, – добавлял ехидно Тимоти, – можно ли экран, развернутый в Северном секторе чудачком в зелёном колпаке, назвать портативным – в нём пара квадратных метров.

Трибуны весело зашумели.

– Возможно, у него много знакомых участников, – добродушно улыбался Джикси.

– Нужно дружить с участниками, которых видно на большом экране лидеров, – издевался Тимоти.

– Ну-ну, Тимоти, в первые минуты на главном экране такая чехарда, что там никого не узнаешь... – утихомиривал Джикси коллегу. – Кстати, большинство участников ответило на первые вопросы физического блока, и список лидеров немного стабилизировался.

– Лидеры есть разных сортов, – хихикнул Тимоти. – Первый сорт – это два верхних лидера, и Джикси традиционно болеет за номер один, а я подбадриваю вторую лошадку. Их физиономии показывают крупнее всех, а рядом даже демонстрируют их ответы.

– Лидером стал принц Дитбит! – завопил Джикси. – За первые пять минут он набрал тридцать очков!

– Вторым идет Хао Шон, победитель математической олимпиады, с двадцатью семью баллами! – не менее громко закричал Тимоти. – Давай, Хао, покажи этому чистокровному принцу, где раки зимуют!

– Предсказываю сегодня интереснейшую борьбу! – торжественно заявил Джикси. – Чтобы увидеть потрясающую схватку юных интеллектов, оставайтесь с нами, с Главным Лунным телеканалом! Вы только посмотрите на принца Дитбита! Уверенность в своих силах и презрение к трудностям написано на лице будущего мирового политика.

– Гм... к трудностям ли это презрение?.. – язвительно откликнулся

Тимоти. – Да, я ещё не закончил с классификацией лидеров экзамена – ниже двух больших портретов лидеров вы видите крупные изображения школьников из первой десятки. Ниже и помельче – лица остальных из сотни умников, имеющих хорошие шансы попасть в Колледж.

– Тимоти, ты забыл о Народных Любимцах, которыми чаще всего интересуются зрители, – укорил Джикси. – Их можно увидеть внизу экрана. Там же показаны участники экзамена, набравшие рекордное число баллов за отдельный блок.

– Ба! У нас появилась первая народная героиня – Николь Гринвич, – удивился Тимоти. – Она, правда, не набрала ни одного очка, наверное, ещё разбирается с клавиатурой.

– Появление малышки Никки на большом экране совершенно естественно, – просюсюкал Джикси. – Мы же во всеуслышание объявили, что она участвует в экзамене – вот все и захотели посмотреть на неё...

– ...и на то, как бедная сиротка, выросшая в космических джунглях, машет над клавиатурой когтистыми лапами, – превзошёл себя Тимоти.

– Фу, Тимоти, ты сегодня несносен, – демонстративно поморщился Джикси. – Посмотри на экран – симпатичная рыжая мисс с умными синими глазами... Я искренне желаю Николь Гринвич успеха сегодня.

– А вот Хао и показал этому Дитбиту! – заорал Тимоти, показывая на главный экран, где изображения лидеров поменялись при счёте 75–51.

– Ну-ну, экзамен только начался, – не закручинился Джикси. – Так, на чём Хао сорвал куш? Ага, он сумел рассчитать оптимальную антенну передатчика с помощью уравнений Максвелла. Что же, серьёзный ход... гений математики, как ни крути.

– Гляди-ка, Никки Гринвич набрала первые пять очков, – удивился Тимоти, – неужели она что-то понимает в физике?

– Видно, понимает, – удовлетворённо заметил Джикси. – Рядом с ней появились другие Народные Любимцы – Дзинтара Шихин-а, о которой мы уже говорили, а также двое героев самой популярнейшей тививикторины «Умники» – Фей-Чен и Дон Лонгборо. А вот с экрана нам улыбается победительница южноамериканского детского конкурса красоты – Руби Ибару!

– Прелестная девочка, – сдался Тимоти – Но! Посмотрим, как у неё с головой! – тут же спохватился он.

– Итак, после первых десяти минут физики лидирует Хао Шон с впечатляющими 152 баллами, – вернулся к экзамену Джикси. – Второе место с прекрасным результатом в 129 очков занимает принц Дитбит, показавший отличное знание физических принципов современного оружия.

– Чёрт побери! Простите, дорогие телезрители, вырвалось, – спохватился Тимоти. – Вы только посмотрите на эту Никки-Маугли! Её очки растут на глазах – уже 52... 67... Ого! Она уже прыгнула на уровень 102 очков...

– Никки Гринвич появилась сразу в середине сотни лидеров! – подхватил с удивлением Джикси. – 110 очков... Осталось пятнадцать минут до конца и...

– О боги! – закричал Тимоти. – Она получила сразу 150 очков за вопрос о радиоактивности естественных изотопов и вырвалась в лидеры экзамена с результатом 260 очков! Она обогнала и принца Дитбита, и Хао Шона!

Трибуны взвыли.

– Это, конечно, временно! Случайность! – завопил Джикси, защищая своего фаворита-принца.

– Какая-то фантастика! Посмотрите на лицо этой девчонки, – утратил обычную язвительность злобный Тимоти. – Её руки словно летают над контрольной консолью... А какие сложные уравнения она бросает на экран!

Весь стадион, замерев, уставился на поразительно красивое в этот момент лицо Никки на главном экране стадиона – одухотворённое, с сосредоточенным взглядом и пламенеющей шевелюрой. Эта впечатляющая картина заставила болельщиков восхищённо загудеть.

– Боги мои! Она получила сразу двести очков за ответ на вопрос о распространении поверхностных нелинейных волн в мелком ручье! – снова заверещал Джикси.

– Это сенсация! – воскликнул поражённый Тимоти. – Девочка, которая не училась ни дня в школе, получила только за первый блок вопросов 460 очков! Я комментирую экзамены Колледжа тридцать два года, но таких сюрпризов не припомню.

– Да она ни разу не видела эти ручьи! Ещё какие-то косые волны в них разглядела! – возмущался Джикси.

– Их можно видеть каждый день, – усмехнулся Тимоти. – Они бегут по нашим животам, когда мы принимаем душ. Мы их видим, но, конечно, не замечаем.

– До конца блока осталось двадцать секунд, пятнадцать... десять... И ещё 120 очков за последний вопрос по свечению плазмы получает Никки Гринвич, которая была спасена с астероида меньше пяти месяцев назад! – громко недоумевал Джикси.

– Финиш! – воскликнул Тимоти. – Никки Гринвич завершила блок

физики с невиданным в истории Колледжа результатом – 580 очков!

Болельщики на трибунах завопили как сумасшедшие.

– Предыдущий рекорд был, как мне помнится, – продолжал поражённый Тимоти, – всего 405 очков, что считалось долгие годы фантастическим результатом.

– Второй результат у Хао Шона – 255 очков, третий – у принца Дитбита... 187 очков, – добавил подавленно Джикси.

– Что приуныл? – рассмеялся Тимоти. – Переоценил своего принца?

– Думаю, принц Дитбит ещё покажет всю силу своего интеллекта и эрудиции, – заявил Джикси.

– А я вот думаю, глядя на результаты мисс Гринвич: чего стоит вся наша система школьного образования? – протянул Тимоти.

– Хватит каркать, – махнул рукой Джикси. – Вот посмотри, начался блок литературы, и очки побежали снова. Дитбит стремительно сближается с Хао, а вот результаты Никки пока не меняются...

– Если эта Маугли ещё и в литературе гений, то я забираю своего сына из супердорогой Школы Коперника и отправляю его на этот астероид, – брюзжал Тимоти. – Адрес спрошу у Никки после соревнований.

– Результат Хао тоже быстро растёт, но Дитбит явно догоняет Гринвич. Да, Никки медлит... – комментировал Джикси. – Посмотрите-ка на Дзинтару Шихин-у, как она ускорила! Закончив физический блок со скромными 45 баллами, она за первые пять минут литературного блока уже набрала 120 очков и вошла в сотню лидеров! Не удивительно – она поэт, прозаик, хорошо поёт и играет на гитаре.

Группа болельщиков на северной трибуне затянула какую-то песню.

– Да, эти варварские русские мелодии стали широко популярны в узких кругах, – съязвил Тимоти.

– А Никки не двигается... вот, правда, появилось у неё пять очков, но и всё, – повеселел Джикси.

– Пожалуй, погожу забирать своего пострела от коперниканцев, – обрадовался и Тимоти.

– Хао уже набрал 356 очков, – отслеживал Джикси, – но к нему вплотную приблизился Дитбит с его 345 очками и... вот он делает рывок до 372 очков – за отличное знание персонажей космофантастических боевиков – и обгоняет Хао, выходя на второе место! Первое место всё ещё у Никки с 580 очками, но разрыв резко сократился.

Никки всматривалась в список литературных вопросов, но они были для неё пустым звуком. Она ничего не понимала ни в списке бестселлеров

двадцать третьего века, ни в лучших сценариях Голливуда и Луновуда, ни в мыльных операх, ни в комиксах. Ни одного из современных авторов или сценаристов, произведения или фильмы которых предлагалось описать или проанализировать, она не читала и не смотрела. Вот! Она нашла вопрос о героях-авантюристах в литературе двадцать первого века и стала рассказывать компьютеру о своём любимом пиратском капитане Бладе.

– Итак, осталось пять минут литературного цикла, пока впереди Никки с неподвижными 580 очками, но к ней вплотную приблизился Дитбит с 540 баллами, а его преследует принцесса Дзинтара с 525 очками! – неугомонно вещал Джикси.

– Давай, Дзинтара, напой ответ на гитаре, – юродствовал Тимоти.

– Математик Хао упал на пятое место, – отметил Джикси, – не выдержал литературного накала.

– Ничего, его любимая математика ещё впереди, – утешил Тимоти. – Смотрите-ка, лидер Никки прибавила 24 балла и перевалила наконец за шесть сотен!

– Кажется, она прочитала всего одну книгу! – хихикнул Джикси.

– Тем не менее, – отметил Тимоти, – ей удалось за первые два блока получить 604 очка, а это рекорд Колледжа.

– Получить за литературный блок две дюжины баллов, – хохотнул Джикси, – тоже своеобразный рекорд литературного невежества. Мисс Гринвич даже не ответила на простейший вопрос о Гарри Поттере! Она не читала эту сагу – священную для Лунного колледжа книгу!

Трибуны загудели роем возмущенных пчёл.

– Да, – согласился Тимоти, – этому нет ни объяснения, ни оправдания: она уже несколько месяцев находится в объятиях цивилизации и могла бы успеть прочитать эту великую книгу.

– Это результат того, что в госпитале только лечат, а не учат, – глубокомысленно изрек Джикси. – Кстати, в Лунном госпитале недавно творились поразительные вещи. Ходят разговоры о сумасшедшем роботе, который разгромил полгоспиталя, и, по слухам, к этим разрушениям приложила руку сама Никки Гринвич!

– Как так? – удивился Тимоти. – Сама мисс Гринвич, верхом на роботе, крушила госпиталь?

Хохот на трибунах.

– Слухи слухами, но вернемся к экзамену, – спохватился Джикси. – Начался химический блок. По итогам двух блоков у лидера – Никки Гринвич – 604 очка, второе место у принца Дитбита – 569 баллов. Да,

доскональнейшее знание современной кинолитературы показал Дитбит! Третье место у Дзинтары Шихин-ой – 558 очков.

– Как ты ухитряешься правильно произносить эти кошмарные русские фамилии? – язвительно восхитился Тимоти.

– Надо было посещать вместе со мной блиц-курс «Современная культура для идиотов», – назидательно заявил Джикси. – Отстал от жизни? Чувствуешь себя культурным аутсайдером на вечеринках? Звони по видеонумеру – CULTURE-FOR-IDIOTS!

– А на большом экране соревнование идет вовсю, – отметил Тимоти. – Никки Гринвич наконец включилась в гонку и уже набрала 28 химических очков.

– Она очень хорошо ответила на вопросы о составе атмосфер разных планет, – уточнил Джикси, – и об изменениях органических соединений в переспеваяющих фруктах.

– Хо-хо, она разбирается в гнилых апельсинах! – заржал Тимоти. – Дитбит тоже идет быстрым темпом благодаря отличному знанию боевых отравляющих веществ, а на третье место вышел землянин Иг Цунски, набравший на химии уже 189 очков, – это победитель прошлогодней Всемирной олимпиады по химии.

– Невероятный накал борьбы, – восхищённо блеял Джикси. – Давно не получал такого удовольствия! До конца химического блока осталось всего десять минут...

– Николь Гринвич превосходно описала происхождение сил Вандер-Ваальса и набрала восемьсот очков! – закричал Тимоти.

– Принц Дитбит тоже сделал могучий рывок, блеснув знанием изотопов золота! – тут же отметил Джикси.

– Оба лидера – Никки и Дитбит – идут, так сказать, ноздря в ноздрю! – непонятно чему радовался Тимоти.

Хотя к концу первой сессии Джерри чувствовал себя выжатым лимоном, он сумел набрать всего 232 очка, что было намного меньше, чем минимально необходимое число 402, которое горело в левом углу экрана. В правом углу издевательски светилось фантастическое число 809. Руки мальчика тряслись, и он ничего не смог ответить на вопросы о химии моющих средств и о составах автомобильных красок. Когда раздался зуммер перерыва, он соскочил со стула и бросился в комнату Никки. Та лихорадочно пила сок из огромного стакана, умеряя пульс, до предела разогнавшийся на первой сессии.

– Никки, у меня ничего не получается! – с порога закричал

расстроенный Джерри. – У меня только 232 очка!

– М-м-м... ерунда, – захлебываясь соком, сказала Никки. – Фу-у... контуры перегрелись! Твои козыри впереди – математика на втором туре и кибернетика на третьем. Перестань паниковать – у тебя хорошие шансы набрать больше тысячи очков.

– Может быть, – нервно вздохнул Джерри. – Ты так бодро на всё смотришь... А как у тебя?

Никки молча показала на тот самый результат в 809 очков.

– Это твой?! – возликовал Джерри. – Здорово! Ты им всем показала!

– Физика стала моей палочкой-выручалочкой, на литературе я провалилась с кошмарным треском и грохотом...

– Ерунда, тебе до поступления остались сущие пустяки! Проклятье, что же мне делать?!

– Наклонись ко мне, Джерри, – вдруг попросила Никки.

У Джерри вспыхнули щеки, он как-то оцепенел, но послушно наклонился к коляске Никки. Она ласково взяла его голову и поцеловала в обе щёки. Второй раз – почти в уголок губ!

– Я верю в тебя, – убеждённо сказала она.

Джерри медленно выпрямился, его лицо полыхало.

– Ну ладно... – Он прокашлялся и свирепо нахмурился. – Сейчас математика... иду сражаться!

– Интереснейшая борьба! – вещал Тимоти. – Никки Гринвич, эта супердевушка, по-прежнему сохраняет лидерство с 809 очками...

– Но на пятки ей наступает принц Дитбит Младший, – отметил Джикси, – который набрал 798 баллов, продемонстрировав уверенное знание косметической химии! Заканчивается перерыв, и участники возвращаются к экранам, – продолжал Джикси, – начинается математический блок, самый сложный и самый...

– ...ненужный, – саркастически подсказал Тимоти.

– Ну как ты можешь так говорить? – слегка искусственно возмутился Джикси. – На математических расчётах базируется вся наша цивилизация. Математика участвовала даже в создании стула, на котором ты лично базируешься!

– А когда ты в последний раз решал какое-нибудь уравнение или хотя бы извлекал квадратный корень? – спросил Тимоти с ехидным лицом.

– Ну-у... я же не учёный и не инженер, – протянул Джикси. – Я, так сказать, обычный потребитель благ цивилизации, а вот они... – комментатор указал на экран с лицами участников, – будут

интеллектуальной элитой Солнечной системы, и им знание математики совершенно необходимо!

– Чтобы рассчитывать прочность стульев под наши стремительно толстеющие зады, – издевательски хмыкнул Тимоти.

Болельщики весело зашумели.

– Тимоти! – взвизгнул полненький Джикси. – Ты политически некорректен! В нашем обществе нет толстяков, у нас есть только большие люди и крупные фигуры!

– О'кей, о'кей, вернёмся к экзамену, – попытался успокоить разбушевавшегося коллегу Тимоти. – Посмотри-ка, внизу экрана, где, кроме Народных Любимцев, показывают и чемпионов отдельных блоков, появился ещё один больной из Лунного госпиталя – Джерри Уолкер!

– Действительно, – взял себя в руки Джикси, – Уолкер показал прекрасный результат – он набрал за пятнадцать минут математического блока 250 очков... Да, вот он даже вошел в сотню лидеров, правда в самых нижних строках.

– Может, Лунный госпиталь стал делать новые операции на мозге? – задумчиво спросил Тимоти.

– Не уверен, – хихикнул Джикси, – что подобная операция поможет изложить основные пункты доказательства теоремы Ферма за пять минут, как это сделал Джерри Уолкер. В вопросе о свойствах целых чисел он блеснул недюжинной эрудицией и неожиданно включил в ответ легендарную теорему.

– Благодаря чему оторвал сто пятьдесят баллов, – хмыкнул Тимоти.

– А вы посмотрите, как идёт Дитбит! – воскликнул Джикси. – Он обладает превосходными познаниями в статистике и щедро иллюстрирует ответ примерами из теории игр.

– Ты немного напутал, он приводит примеры из практики азартных игр! – ухмыльнулся Тимоти.

– Именно там и работают статистика и теория вероятности! – стоял на своём Джикси.

– А что делает наш чемпион? – спросил сам себя Тимоти. – Хо! Никки удерживает лидерство и даже увеличила разрыв с Дитбитом Младшим, проявив глубокое знание теории разностных схем.

– О боги космоса! – удивился Джикси. – Зачем юной девочке знать эти самые схемы? Она взяла не очень сложный вопрос о дискретном представлении аналитических функций в компьютере, а потом так размахнулась, что включила в ответ описание численных методов решения дифференциальных уравнений в частных производных и даже обсуждение

стабильности разностных методов.

– Ха! Главный компьютер Колледжа оценил её ответ в 125 очков, – отметил Тимоти. – Эта девочка знает, что делает. Она практически уже набрала необходимый для поступления балл!

– Последние секунды математического блока экзамена, – резюмировал Джикси. – Лидер Никки Гринвич набрала 1059 очков, на втором месте Дитбит с 895 очками, нет, смотрите! – в последнюю секунду на второе место вырывается Хао Шон, внезапно получив за последний математический вопрос двести очков и набрав 1003 очка!

– Блестяще ответил на вопрос об искривленных пространствах Римана, – отметил Тимоти, – и получил заслуженную награду.

– Где, интересно, расположены эти пространства? – хмыкнул Джикси.

– Ты шутишь, Джикси? – засмеялся Тимоти. – Мы живем в римановом пространстве, оно вокруг нас.

Джикси шутовски помахал руками вокруг:

– Ничего не вижу, дурят нас эти математики, присосались к налогам и напускают туману...

– Ну, только не надо изображать из себя дикого горца хилли-билли... – поморщился Тимоти. – А вот пошли первые результаты биологического экзамена.

– О, как прибавил в темпе принц Дитбит, – обрадовался Джикси. – Прекрасное знание современной медицины, за вопрос о способах омоложения он набрал сто баллов! Он снова обогнал Хао. Какая борьба, какой накал! Только на Главном Лунном телеканале вы станете свидетелем самых захватывающих событий в жизни Солнечной системы! – выдал Джикси рекламный слоган.

– Дорогие телезрители, – громко провозгласил Тимоти свой вариант рекламного пассажа, – Главный Лунный телеканал – это самый популярный канал Лунной Республики, это двадцать четыре часа самых тревожных международных новостей, самых бодрых прогнозов космической погоды, самых соблазнительных советов биржевым спекулянтам, самых кровавых боевых анимаций, самых сиропных мыльных опер, самых ледящих душу преступлений и самых грязных светских сплетен. Оставайтесь с нами!

На трибунах засмеялись.

– Кстати, экзамен всё ещё идёт, – сердито заметил Джикси.

– Да, посмотрим на экран, – вернулся к прямым обязанностям Тимоти. – Никки Гринвич блеснула знанием человеческой анатомии, а также математической теории биологической эволюции и сохраняет

лидерство с 1244 очками. Дитбит завершил блок с близким результатом – 1150 очков. Третье место занимает отставший Хао Шон – биология явно не его конек, он набрал на ней всего девять баллов и имеет 1093 очка. Все эти шустряки практически уже поступили в Колледж, – отметил Тимоти.

– Начинается интереснейший генетический блок, – оживился Джикси. – Сейчас станет понятно, кто знает лучше всех ведущую науку последних веков.

– Ого, как рванул Дитбит Третий! – воскликнул Тимоти. – Понятное дело, представитель династии, которая активно улучшает гены своего потомства... Можно сказать, чистокровный помет...

Болельщики дружно засмеялись.

– Принц так ускорился, что стремительно обгоняет лидера экзамена Никки Гринвич! – заверещал Джикси. – Да! Вот он уже на полсотни очков впереди!

Трибуны протяжно выдохнули.

– Ну, даже на душе легче стало, – лицемерно произнёс Тимоти, – а то ситуация складывалась очень щекотливая... С одной стороны – лучшие умники из аристократических кругов, куча дорогущих профессоров в консультантах, а с другой стороны – девчонка, которая ни дня не училась в школе, ни одному тренеру-репетитору ни цента не заплатила – и на тебе, обгоняет всех, как крейсер баржу!

– Ты известная язва, Тимоти, – осудил его Джикси. – Лучше порадуйся за Дитбита – он, как фокусник, манипулирует геномными таблицами! Принц мгновенно набросал ДНК потенциального боевого вируса, собрал отличную коллекцию карт наведённых мутаций...

– За Дитбита уже столько людей радуются, что я лучше буду болеть за малышку Николь... Она набрала добрую сотню очков за вопрос о трёхмерной структуре протеинов и молекулярном дизайне лекарств, – откомментировал Тимоти.

– Ей не догнать принца Дитбита, – авторитетно заявил Джикси.

– Он близок к рекорду Колледжа за генный блок экзамена, – заметил Тимоти, – но... нет, не дотянул.

– Главное, что принц Дитбит Третий лидирует по итогам первых двух сессий, – подобострастно резюмировал Джикси. – Поздравим его с этой впечатляющей победой! Его результат фантастичен – 1510 очков! Кстати, династия Дитбит – крупный акционер и почетный спонсор нашего Главного Лунного телеканала, и тем более приятно видеть столь яркий успех блестящего представителя молодого поколения этой великой династии, являющейся прочным столпом нашей цивилизации и

демократии!

– О боги, мои уши склеились от мёда, – громко пробурчал Тимоти, вызвав хохот трибун. – Скажу уж пару слов и о втором месте, которое занимает Никки Гринвич с результатом 1440 очков. Они оба идут со значительным отрывом от других участников, ещё не перебравшихся за планку 1200 очков, но уже разошедшихся на последний перерыв.

Джерри ворвался в комнату Никки:

– Никки, я получил 840 очков! Это меньше, чем минимальный балл лидеров – 915, но сейчас у меня есть шансы!

Усталая Никки вяло улыбнулась ему навстречу.

– Молодец, Джерри! Держись... А я что-то раскисла... На генетике я почти отключилась... Голова кружится...

– Чёрт! Это из-за долгого напряжения в слишком сильном для тебя поле гравитации! Сейчас, сейчас... – Джерри торопливо открыл стандартный шкафчик в стене и вытащил высокую бутылочку. – Это кислородный тонизирующий коктейль, он поможет тебе.

– М-м-м... вкусная штука, спасибо. – Никки глотнула эликсира и слегка перевела дух.

– Кроме того, хватит надрываться, ТЫ УЖЕ ПОСТУПИЛА, понимаешь?! – сказал почти сердито Джерри.

– И верно! – прыснула Никки. – Даже перестала об этом думать, отвечаю как заведённая.

– Так что – поздравляю тебя! Я пошёл биться за свое место среди эйнштейнцев.

– Джерри, я знаю предпочтения главного компьютера Колледжа, – неожиданно раздался голос Робби. – Не бойся неформальных ответов. Если у тебя в кибернетике есть личный опыт – смело ссылайся на него.

– Хорошо! – и Джерри умчался.

– Начинается завершающая сессия вступительного экзамена 2272 года! – торжественно провозгласил румяный пухлощекий Джикси. – Впереди всех – принц Дитбит с впечатляющим результатом более полутора тысяч очков. От него значительно отстала Никки Гринвич с четырнадцатью сотнями очков. Участники начинают отвечать на вопросы по истории.

– Да, очки Дитбита полезли вверх как на дрожжах: он знает всю подоплёку политических событий последнего века, а также родословную всех знаменитостей, – иронически отметил тощий и смуглый Тимоти. – Зато Никки Гринвич отстает всё больше... В конце второй сессии у неё был

очень усталый вид, думаю, что запас прочности у Никки иссяк. Смотрите, исторический блок начался, а она спокойно сидит, не работает, попивает водичку...

– Может, решила, что уже поступила – хватит мучиться? – хохотнул Джикси.

А Никки действительно подумала: какого Тарантула я буду вспоминать всех этих кровожадных царей и полководцев? – лучше отдохнуть... Она усмотрела в исторических вопросах знакомую и интересную для неё тему космологических воззрений древних философов, труды которых в изобилии присутствовали в уцелевших файлах Робби, – и небрежно надиктовала ответ на этот вопрос, потягивая действительно освежающий коктейль и посмеиваясь над античными дискуссиями об образовании Вселенной и над идеей одновременного рождения времени вместе с материальным миром.

Она восхитилась Гераклитом Эфесским, хмыкнула на платоновского «Тимея» и даже успела пощипать религиозно-подобострастные космогонические верования Блаженного Августина, когда полчаса исторического блока закончились. Никки отлично отдохнула на философской теме и весьма удивилась, когда компьютер Колледжа дал ей за это свободное эссе двести баллов.

Ещё больше этому поразились комментаторы и болельщики.

– О боги космоса! – возопил Джикси. – Принц Дитбит работал как вол, ответил на двадцать пять из тридцати исторических вопросов и честно заработал почти триста очков, можно сказать, в поте лица своего! А эта девица ответила всего на один вопрос! Сидела, развалясь, как в кафе на набережной... и получила за это двести баллов!

– Явная несправедливость, – коварно согласился Тимоти. – Почему одним всё так легко даётся, а у других получается через мозоль на отсиженной заднице?

– Э-э... – не нашелся что сказать Джикси. – Зато разрыв между лидерами увеличился, и сейчас у Дитбита 1805 очков, а у мисс Гринвич всего – 1640. Принц снова показал превосходство всесторонней личности над человеком, несистематично нахватавшимся верхушек отдельных предметов!

– Участники вступили в кибернетическое поле битвы, – подхватил эстафету комментирования Тимоти. – Это предпоследний блок, объединивший в себе обширную область человеческого знания: от механических конструкций роботов до принципов компьютерного

интеллекта.

– Как идет лидер Дитбит, наша гордость! – сюсюкал Джикси. – Он быстро набирает очки на конструкциях боевых роботах, не обходя вниманием и бытовую технику – робокары и кибернетических официантов. Его балл приближается к двум тысячам!

– Никки тоже очень хорошо отвечает, – заметил Тимоти. – Она набрала потрясающий балл на гибкой архитектуре искусственных интеллектов и сорвала куш на самоорганизации программных модулей. Она не отстаёт и даже настигает Дитбита!

– Не нужно преувеличивать! – обиженно заговорил Джикси. – Принц Дитбит по-прежнему лидирует на экзамене, проявляя глубочайшие познания в компьютерных видеоэффектах и невероятную эрудицию в кибериграх!

– Что за чепуха попала в этом году в экзаменационные билеты? В каждом блоке – куча хлама... Не помню такого в Колледже... – задумался Тимоти. – Может, это как раз из-за того, что нынче поступает принц Дитбит?

Трибуны разразились хохотом.

– Что за чудовищная инсинуация?! – возмутился Джикси. – Современная культура немыслима без компьютерных игр и виртуальных видеоэффектов. Включения таких вопросов в экзамен действительно требовало само время!

– А самое главное – этого требовал народ... – добавил Тимоти с мефистофельской усмешкой.

– Да, и народ! – не сдавался Джикси.

– ...в том числе – и Совет попечителей Колледжа, – гнул своё Тимоти.

– Да, конечно... и Совет... – неуверенно забалансировал Джикси.

– ...где династия Дитбитов занимает положение настолько видное, что дитбитовские уши торчат даже из экзаменационных билетов Колледжа... – беспощадно врезал Тимоти.

Часть зрителей на трибунах впала в истерику от смеха, а сам Джикси был близок к обмороку.

– Ладно, вернёмся к нашим... кхм... овечкам, – смилостивился над коллегой Тимоти. – Смотрите-ка, Никки догоняет принца, и разрыв уже составляет не 165 очков, а всего 95.

– А вот ещё одна новость, – слабым голосом сказал с трудом приходящий в себя Джикси. – Джерри Уолкер, выбывший из числа лидеров в конце второго тура, снова попал на главный экран, став рекордсменом математического блока.

– Действительно, – обрадовался Тимоти, – судя по всему, в Школе Эйнштейна будут учиться два самых больных участника экзамена, оказавшиеся умственно здоровее многих... Этот парень оторвал двести очков на довольно простом и общеизвестном вопросе об императивах процессора, так называемых азимовских законах роботехники. Как это ему удалось? В ответе он утверждает, что эти законы можно обойти, и даже ссылается на конкретный случай, где он выступал техническим экспертом... якобы на основе его заключения полиция возбудила судебное расследование... он даже указал номер дела! Вот это да!

– Что за дикий бред?! – возмутился Джикси. – Какая частная корпорация или правительственное агентство возьмёт в эксперты несовершеннолетнего школьника?

– А главный компьютер Колледжа считает, что это не бред, – ехидно заметил Тимоти, – иначе он не дал бы Уолкеру двести баллов. И Джерри Уолкер, набрав 1152 очка, возвращается в сотню лидеров, причём впрыгивает сразу в её середину.

– Зато впереди всех, – торжественно заявил Джикси, – принц Дитбит с 2105 очками.

– А второе место с 2050 очками, – подхватил ядовитый Тимоти, – занимает мисс Гринвич – эта нахальная выскочка, эта Золушка, так долго пренебрегавшая благами нашей цивилизации. Вопиюще высокий балл Никки Гринвич, которая ни дня не находилась под сенью школьных пенат, – это плевок в лицо всей нашей образовательной системе. Третье место у Хао Шона, 1590 баллов перед последним блоком.

– Я считаю, что лидерство принца Дитбита, – сурово заявил Джикси, – достаточное доказательство превосходного уровня нашей школьной системы.

– Конечно, конечно, – иронично поддакнул Тимоти, – но всё-таки я хотел бы посмотреть на результаты экзамена, где вместо вопросов о героях мыльных космосериалов и виртуальных «мясорубок» были бы включены такие задачки – как прожить на астероиде десять лет без подвоза продуктов? Или – как ребёнку починить термоядерный реактор, в котором отказала электроника?

Трибуны оживлённо загудели.

– Начинается решающий астрономический этап, – отмахнулся Джикси. – Он включает астрофизику, небесную механику, а также космическое кораблестроение.

– Ну и, конечно, наш принц взял резвый старт, – отметил Тимоти, – демонстрируя отличное знание типов космических кораблей, включая

шикарные прогулочные яхты. Ума не приложу, – простодушно удивился Тимоти, – и откуда он так хорошо знает эти яхты?

Трибуны ответили дружным свистом и смехом.

– Эрудиция принца во всех областях экзаменационных вопросов не оставляет сомнения! – натужно закричал Джикси. – Его усталое красивое лицо выражает полное удовлетворение достигнутыми результатами...

– Никки набирает полсотни баллов за небесно-механическое решение точек стабильности Лагранжа, где Юпитер держит астероиды-троянцы, – отмечает Тимоти. – Вот она объясняет происхождение Луны... Не очень понимаю её ответ... О, я не одинок – компьютер Колледжа его не засчитывает и ставит Никки ноль.

– Всё правильно, коллега, всё правильно, – откровенно злорадствует Джикси. – Принц Дитбит с результатом 2300 приближается к финишной прямой. Вот он указывает причину образования астероидного пояса... Ой! Принц решил, что это развалилась планета... Увы – ответ тоже отвергается компьютером...

– Всё правильно, коллега, всё правильно, – хихикает Тимоти. – Никки быстро догоняет принца, вот у неё уже 2250 очков...

– Нет, ей не догнать принца, – напряжённо хрипит Джикси.

– Посмотрим... – нервно рычит Тимоти.

С приближением конца экзамена напряжение и шум на трибунах стали стремительно нарастать.

– Последние минуты... Принц Дитбит отвечает на вопрос о причинах серного вулканизма на юпитерианском спутнике Ио, – из последних сил комментирует Джикси. – Это хорошо известный феномен, связанный с приливами от Юпитера... Посмотрим, что принц получит за него...

– Никки завязла в космологическом вопросе о Большом Взрыве, – устало бормочет Тимоти. – Она быстро наговаривает текст и даже пишет от руки какие-то уравнения...

Трибуны шумели всё сильнее и сильнее.

– Принц закончил ответ о спутнике Ио... – выкрикивает Джикси. – О-о! Проклятый компьютер опять отвергает его ответ: нет, не радиоактивное тепло причина извержений на Ио!.. Сирена окончания экзамена! Всё равно гип-гип-ура! Побеждает принц Дитбит с фантастическим результатом – 2300 очков! Никки Гринвич безнадежно отстала – у неё так и осталось 2250 очков. Огромный разрыв, просто гигантский, показывающий высочайший уровень подготовки принца Дитбита Третьего! Что, съел, злобный Тим?

Тимоти молчит. Стадион разочарованно гудит.

– Смотрите, смотрите! – радостно верещит Джикси, приседая и

подпрыгивая в кабине комментатора. – На главный экран идет прямая трансляция из аудитории, где сдавал принц Дитбит. К принцу подбегают девушки с цветами, вокруг него сгрудилась толпа журналистов, подтащили аппараты телевизионщики: ведь принц Дитбит стал чемпионом Колледжа 52 года! Теперь его имя будет навечно занесено на бронзовую доску чемпионов, украшающую холл Школы Эйнштейна. О боги! Это настоящая слава! Всемирная известность! Принц Дитбит уверенным шагом победителя вошёл в историю!

– Джикси, подожди! – вдруг воскликнул Тимоти.

– В чём дело? – недовольно вскинулся Джикси.

– Экзамен ещё не кончился! – громко крикнул Тимоти.

Трибуны забушевали.

– Как «не кончился»? Сирена была пять минут назад! – удивился Джикси.

– Это приём ответов закончился пять минут назад, а подведение итогов ещё идет! – вопил Тимоти. – Смотрите: возле имени Никки Гринвич горит красный свет ожидания! Это означает, что компьютер ещё не поставил ей балл за ответ на последний вопрос!

– А-а-а! – дружно взвыли болельщики.

На Северном озере стая диких гусей, тревожно голося, снялась с места и улетела на дальнюю опушку леса – подальше от этих психов.

– Это немыслимо, – беспомощно забормотал Джикси, – как может суперкомпьютер Колледжа шесть минут оценивать ответ школьника? Никогда ещё не затрачивалось на анализ больше доли секунды. Это какой-то сбой в системе... Конечно, я уже вижу, как старший программист Колледжа пытается разобраться в ситуации, запрашивает компьютер... К нему спешит и директор. Да, сейчас всё утрясется...

И тут весь стадион ахнул как один человек – на главном табло очки Никки увеличились на триста баллов и подпрыгнули до 2550 очков.

– А-А-А! – как сумасшедший заорал Тимоти. – Она победила!!! Триста очков за один вопрос! Это невиданно! Ещё никогда за вопрос не ставилось больше двухсот! ВЫ СЛЫШИТЕ – НИКОГДА! Общий результат Никки Гринвич – 2550 очков! Это исторический рекорд Колледжа, ранее наивысший результат составлял 2430 очков, но этот рекордсмен не стал учиться в Школе Эйнштейна – остаток жизни он провёл в ментальной клинике, бедолага.

– Это сбой, компьютерный глюк! – визжал раненым зайцем Джикси.

– Нет-нет, всё правильно! – воскликнул Тимоти. – Вот старший программист, а за ним и сам директор Милич подтверждают результаты

экзамена! Оценка Главного компьютера Колледжа последнего ответа Никки Гринвич содержит такое обоснование: «За самую смелую и изящную космологическую идею последних трёхсот лет». Изображения лидеров на экране меняются – чемпионом Школы Эйнштейна становится Никки Гринвич! Это сенсация! Ха-ха, посмотрите – репортёры шарахаются от Дитбита как от прокажённого и мечутся в поисках нового чемпиона! Плакала бронзовая доска с именем принца!

– Какой скандал... – скулит Джикси.

Трибуны бешено режут и улюлюкают. На самой дальней поляне леса гуси в беспокойстве гогочут и хлопают крыльями, а олени, задрав белые хвосты, в панике ломаются сквозь кустарник – прочь от стадиона.

Джерри влетел в комнату Никки, выплясывая какой-то несусветный танец, и в восторге заорал:

– Получилось! Получилось! У меня 1310 очков!!! А ты вообще их всех обогнала!

Никки смотрела на него – усталая, но со счастливым лицом.

– Никки, ты хоть понимаешь своей дикой, но неописуемо умной головой, что ты сделала? – спросил возбуждённый до предела Джерри.

– Нет, а что я сделала?

– Ты стала чемпионом и рекордсменом Колледжа! Мировой знаменитостью! Тебя сейчас журналисты будут рвать на части!

– Да? Это мне не очень нравится, – беззаботно сказала Никки и погладила по спине каштанового Смелого Пса, который маршировал перед экраном с гордым видом «кто тут сомневался в победе?»: – Спасибо, Пёс, за помощь!

– Заодно ты больно щёлкнула по носу дутых знаменитостей и, думаю, нажила себе врагов.

– Это тоже мне не по душе. Соревнование ведь было честным, какие могут быть обиды? – легко пожала плечами Никки.

– В том-то и фокус, что ты с блеском победила в не совсем честных соревнованиях, в которых ты не должна была выиграть, – усмехнулся Джерри.

– Ладно, разберёмся с этим потом. Главное – мы поступили, как и планировали! – воскликнула Никки. – Поздравляю тебя, Джерри! О деньгах позаботится Дименс, а мы с тобой можем переехать в Колледж и начать новую жизнь. Робби уже успел разузнать, что мы имеем право занять свои комнаты в Колледже задолго до начала учебного года. Так что – иди и собирай вещи! Завтра мы переезжаем, там и отпразднуем нашу победу.

Такси на десять часов утра тебя устроит?

Джерри посмотрел на девочку блестящими глазами и медленно сказал:
– Конечно, устроит. Спасибо тебе, Никки.

Вдруг он опустился на одно колено и поцеловал худенькое запястье со шрамом, лежащее на поручне инвалидного кресла.

И стремглав выскочил за дверь.

Девочка и Пёс удивлённо посмотрели ему вслед.

Глава 6

Школа Эйнштейна

Утром спокойного завтрака не получилось из-за огромной толпы пациентов в кафе, с искренней завистью поздравлявших обоих победителей с поступлением в Колледж и, конечно, чемпионку Никки с её рекордом. Они едва успели вырваться в парк Лунного госпиталя – попрощаться с Тамми и Томми. Никки даже загрустила, обняв любимую олениху за длинную шею. Она посмотрела вокруг – на деревья, на озеро – и сказала:

– Этот замечательный парк я никогда не забуду...

– Да... – согласно кивнул Джерри, но сам он совсем не грустил, его глаза оживлённо горели. Мальчика уже захватила перспектива близкого переезда в легендарную Школу Эйнштейна.

На парковке их ожидало кибертакси. Большая Тереза помогла загрузить им вещи и сердито велела звонить в случае любых осложнений или проблем. Машина задвинулась в воздушный шлюз, и Никки разволновалась не меньше Джерри.

– Ну всё, поехали, – откинулась она в кресле. – Я так редко переезжала в своей жизни...

Шлюз открылся навстречу Солнцу, и они стартовали. До Колледжа такси летело сорок минут, и всё время Никки не отрывалась от иллюминатора, восхищаясь проплывающими внизу лунными кратерами и, конечно, Землей, где сквозь белые облака просвечивали континенты и океаны. Джерри навел оптический усилитель такси на атлантическое побережье Северной Америки, на которое наваливалась яркая волна океанского рассвета, и показал Никки:

– Смотри, это – Чесапикский залив. Недалеко от него к западу – мой дом... Если он, конечно, у меня уцелеет...

Никки смотрела в окуляр на Землю, и её волосы касались лица Джерри. Отчего Джерри было трудно дышать.

– Мы постараемся сохранить наши дома... придумаем что-нибудь, – сказала Никки, близко-близко посмотрев на Джерри. – Я тоже не хочу продавать астероид с молотка.

Она поерошила свои волосы.

– Эх, уши Волопаса! Забыла покрасить! – подсадовала она.

– Ты разве красишь волосы? Зачем? – удивлённо спросил Джерри, не искушённый в секретах девичьей красоты. – Ты что, на самом деле – не

рыжая?

Никки тяжело вздохнула, дернула себя за длинные пряди и протянула Джерри пару волосков.

– Я не могу понять их настоящий цвет – они у корней прозрачные, как оптоволокно... – вглядевшись, удивился он.

– Именно, – посмурнела Никки, – видишь ли, я и на самом деле девочка-монстр. Они у меня стали такими... стеклянными... лет с десяти, до этого были просто белокурые. Робби называет это эффектом долгого давления космической среды...

– Если у тебя седые, или стеклянные, или какие-то другие волосы, это ещё не делает тебя монстром, – улыбнулся Джерри. – Не думаю, что из-за этого стоит краситься.

Никки имела своё, вполне женское мнение на этот счёт, но промолчала, отвернувшись к иллюминатору. Вскоре на горизонте появился сверкающий купол с пятью высокими башнями. Самая высокая и стройная из них пронзала купол в центре, а окружал её четырёхугольник из башен поприместнее. Остальная часть замка и лес вокруг него скрывались под прозрачной линзой. Друзья прилетели в знаменитую Школу Эйнштейна!

Такси мягко село на красный квадрат возле Главной башни. Квадрат оказался лифтом и шлюзом одновременно и стал медленно опускаться под купол. Вокруг открылся впечатляющий вид на внутреннее замковое пространство, но не успели Никки и Джерри всё хорошенько рассмотреть, как такси прилунилось у ворот Главной башни Колледжа.

Когда дверь машины отворилась, то Никки и Джерри отшатнулись – навстречу им выстрелили десятки ярких блицев видеоаппаратов.

Они даже не могли выйти из машины – так плотно сгрудилась у люка толпа репортёров. Наконец к такси пробился солидный человек с пронзительными серо-голубыми глазами – адвокат Дименс. Он крикнул, пытаясь перекрыть общий шум и вопросы журналистов:

– Здравствуйте, мисс Гринвич! Эти люди ждут со вчерашнего дня, надеясь взять у вас интервью, но вы, конечно, вольны поступать по своему желанию. Сейчас я позову охрану, и они очистят для вас проход.

Никки посмотрела прищуренными синими глазами на пожилого адвоката и на репортёров с видео в руках.

– Здравствуйте, мистер Дименс! Рада видеть вас наяву, – сказала приветливо Никки. – Насчёт интервью... это неожиданно, но мне не хочется обижать людей, которые так долго ждут, тем более – пробиваться сквозь них с помощью охраны... – уверенно произнесла она. – Я могу ответить на их вопросы, но нельзя ли так устроить, чтобы мы вышли из

такси?

Адвокат Дименс повернулся к толпе репортёров, и, после энергичных переговоров, те отступили, образовав круг в несколько метров; в центре его и оказались выбравшиеся из машины Никки и Джерри.

Дименс стал руководить стихийной пресс-конференцией, и вопросы посыпались по очереди:

– Хиггс из «Лунного репортёра». Мисс Гринвич, почему вы решили поступить в Школу Эйнштейна? Сколько вы готовились к экзаменам и как вам удалось так легко их сдать?

– Честно говоря, больше всего меня поразили крылатые люди в рекламном ролике Колледжа! Я разработала оптимальную стратегию поступления, три месяца готовилась по ней – и она сработала даже лучше, чем ожидалось. Но, уверяю вас, это оказалось совсем не легко, а на генетическом блоке я чуть не хлопнулась в обморок...

– Гибсон из «Спортивного Кратера». Никки, разделяю ваше восхищение летающими спортсменами, но, к глубокому сожалению, вижу вас в инвалидной коляске...

– Я буду летать, мистер Гибсон! – без тени сомнения сказала Никки, вызвав недоверчивый шум среди репортёров.

– Ши Ло из «Лунной Сакуры». Простите, пожалуйста, но я не поняла – как вы смогли ответить на очень сложные вопросы экзамена, не получив систематического образования? Не могли бы вы открыть свой секрет?

– Моим наставником был кибердруг Робби. Он потерял в аварии часть памяти, но все классические учебники по физике, математике, биологии и астрономии у него остались – по ним я и училась. Десять лет в практической школе выживания – вот и весь секрет. А холод и голод – чертовски талантливые учителя! Попробуйте сами – и вы легко убедитесь.

Кругом раздались смешки.

– Это с трудом укладывается в моей голове, – настойчиво допытывалась корреспондентка «Лунной Сакуры». – Как вы могли поддерживать огромное хозяйство корабля и ещё учиться? Наши дети похожи на загнанных жеребят и всё равно не успевают делать даже десятой доли того, что вы успели – судя по вчерашним результатам...

Никки пожала плечами и улыбнулась красивой японке:

– Если сад камней помогает сосредоточиться и очиститься от мелочной суеты, то вы легко поймёте, в какой степени каменистый пейзаж астероида может помочь в концентрации мысли. День – это целая маленькая жизнь! – сказала Никки и спросила Робби – На что люди тратят время?

Робби стал перечислять:

– В среднем за день: сон – семь часов, разговор по т-фону – два с четвертью часа, просмотр тиви и Сети – два часа, деловые совещания – два часа, шопинг – почти два часа, личные друзья – час сорок пять, еда и рестораны – полтора часа, траффик – час, компигры – час, вечеринки – час, футбол, бейсбол, кино и концерты – час, косметические и спорт-салоны – час, гольф...

– Вау! – простецки восхитилась Никки и уважительно посмотрела на Ши Ло: – Вы ещё и работать успеваете?!

– Юрий Цитцер из «Научной жизни». Почему компьютер Колледжа не принял вашего ответа по образованию Луны? Вы знаете, в чём ваша ошибка?

– Думаю, что это компьютер ошибся, – пожала плечами Никки, не обращая внимания на взрыв недоверчивого смеха, вызванного её словами. – Я полагала, что говорю об известных вещах, и не объяснила подробно свои выводы. Поэтому он не смог составить собственного мнения и, наверное, просто сравнил мой ответ с общепринятой теорией. Когда я детальнее изложу эту модель, он, возможно, пересмотрит свое решение...

– Фоккер из «Популярной механики». Так вы – в свои юные годы! – самонадеянно полагаете, что мы до сих пор не знаем, как образовалась Луна, на которой мы сейчас стоим? – иронично спросил худой журналист с желчным лицом.

– Самонадеянно полагаю, что да – вы этого не знаете... – не менее иронично и даже вызывающе ответила Никки, которая терпеть не могла, когда ей свысока указывали на её возраст. – Если вы последние триста лет наивно полагали, что Луна откололась от Земли при катастрофическом ударе другой планеты, то это никак не доказывает верность такой теории, а лишь означает наследственный... э-э-э... наследственную умственную ограниченность лунных теоретиков и всеядность журналистов и остальной публики.

Репортеры сильно зашумели.

– Джейн Поппинс из «Юного астронома». Никки, не могли бы вы детальнее пояснить суть своей космологической идеи?

– Хм-м... Это долгая история. Надо начинать с проблемы сингулярностей... Может, я лучше пришлю необходимые пояснения по почте?

– Отлично! А вы разрешите это опубликовать в «Юном астрономе»?

– Если хотите...

– Пиппет из «Горячих Новостей». Хватит о скучной ерунде. Рядом с

вами стоит ваш друг Джерри Уолкер. Наши читатели с огромным интересом узнают любые интимные подробности ваших романтических свиданий, которые, очевидно, уже были. Может, вы слишком рано сделали свой выбор, вы ведь так мало видели других юношей? Не мешает ли инвалидность вашей личной жизни?

Джерри сжал кулаки, а лицо Никки посуровело.

– Мистер Дименс, – спросила она адвоката ледяным голосом, – когда взрослый мужчина начинает приставать к несовершеннолетней девочке с подобными вонючими вопросами, можно ли это расценить как сексуальный харрасмент и педофильное поведение?

– Со всей определённостью, – кивнул невозмутимый Дименс.

– Возбудите иск, пожалуйста, – попросила Никки, – против мистера Пиппета и его издания – на максимально возможную сумму в пользу любого благотворительного фонда для жертв педофилов.

Журналисты одобрительно загудели и засмеялись, а мистер Пиппет злобно сверкнул глазами, по-крысиному оскалился и отступил в задние ряды.

– Билли Джиноид, Главный Лунный телеканал. Можете ли вы прокомментировать слухи о драматических событиях в госпитале, а также арест и смерть начальника службы безопасности?

– В Лунном госпитале на меня было совершено покушение... – Никки замолчала, аккуратно выбирая слова, а репортёрский взвод взвыл и защёлкал блицами, – с помощью робота-ремонтника. Я ничего не знаю о смерти охранника Джонса, хотя уверена – здесь есть прямая связь с покушением, потому что Джонс был в нём замешан... Полагаю, что существует человек, знающий всё о нападении на меня, о смерти начальника охраны госпиталя, а также о гибели космического корабля «Стрейнджер»... У меня есть мессидж для этого человека...

Наступила мёртвая тишина, слышалось только лёгкое жужжание летающих над Никки автоматических камер и непрерывное щёлканье аппаратов журналистов.

– Я не знаю дороги, по которой вы идёте, но уверена, что она ведёт в пропасть, – сказала Никки медленно и серьёзно. – Вам лучше остановиться.

Последние её слова упали камнем в тихий пруд, и он всплеснулся сумбурными выкриками:

– Кто этот человек?

– Вы угрожаете ему или предупреждаете его?

– Почему погиб «Стрейнджер»?

– Как робот смог напасть на вас?

– Извините, но я сказала всё, что хотела, – твёрдо ответила Никки. Раздался гул недовольства. – Я пока не знаю, что связывает эти события. Как только я обнаружу эту связь, немедленно сообщу вам. Если кто-нибудь найдёт её раньше – прошу, позвоните мне. Этот человек и его организация действует скрытно, значит, они трусы и не всемогущи. Следовательно, с ними можно справиться, и моим – нашим! – оружием должна быть гласность. Я говорю – нашим, потому что эта история явно не укладывается в рамки личного конфликта...

Никки подумала и спокойно добавила:

– На всякий случай: я не страдаю ничем, что могло бы привести меня к самоубийству. Если же вы услышите такую новость, то это просто означает, что следующее покушение на меня оказалось более успешным.

– Ван-фон-Варден из «Домашнего Психолога»... – раздался приятный располагающий баритон. – Как опытный психолог, уверенно классифицирую таинственную историю о покушении как типичный рецидив параноидального нарциссизма со склонностью к выдумыванию мнимых сенсаций – для привлечения внимания к себе. Это, очевидно, связано с вашим долгим космическим одиночеством. Признайтесь, мисс Гринвич, – я вас раскусил?

– Интересная теория, – усмехнулась Никки. – Скажите, а правда, что нарциссизм сопровождается склонностью к самоповреждениям и суицидальными тенденциями?

– Конечно, нет! – категорично заявил баритон. – Это противоположные психотипы поведения. Клянусь Психеей, вы совершенно невежественны в психологии!

– Что ж, если вы такой опытный специалист и ищете для своих публикаций правды, а не мнимых сенсаций, то свяжитесь с Лунным госпиталем. В ходе выдуманного покушения под мою лопатку воткнулся вполне реальный пятидюймовый гвоздь из тяжёлого гвоздемёта, – саркастически сказала Никки. – Я разрешаю доктору Терезе Кафассо описать вам это ранение. После чего «Домашний Психолог» сможет опубликовать настоящую сенсацию: в роли опытного психолога вы оказались полным болваном!

В толпе журналистов раздался хохот и даже забористые выражения.

– Мира Свиткинс, специальный корреспондент «Женских Вечеринок»... – завибрировал взволнованный высокий голос с ликующими интонациями. – Как женщина, я чувствую... отчётливо вижу в вашей вчерашней драматической борьбе с Дитбитом отражение тесной

эмоциональной связи между вами. Может быть, вы втайне мечтали о встрече с ним – как большинство девочек вашего возраста! – и это экзаменационное раскалённое противостояние стало оригинальным способом общения со своим легендарным кумиром, страстной попыткой привлечь его внимание?

Наступила пауза, журналисты с интересом ждали ответа Никки.

– Не понимаю. Кто это – Дитбит? – спросила она с глубоким недоумением.

Через секунду пресс-конференция прервалась из-за хохота её участников. Смех волнами перекачивался по толпе журналистов, разрастаясь до гомерического. Кто-то уронил микрофон, а телеоператор со Второго Лунного канала от смеха сел на пол, пытаясь удержать в ослабевших руках большую камеру. Оператор Первого канала оказался покрепче и, смеясь, продолжал снимать хохочущую толпу журналистов. При этом он успел подумать, что это будет сенсационный репортаж – Калибан его поberi! – и как раз пора просить прибавку к жалованью.

Адвокат воспользовался моментом, объявил пресс-конференцию закрытой и повёл Никки и Джерри к Главной башне Колледжа.

– Никки, кто это был? – спросил тихонько Джерри у Никки.

– Перри Мейсон! – шепнула с улыбкой Никки, сразу понявшая вопрос. – Благодарю вас, мистер Дименс, – обратилась она к адвокату, идущему рядом, – за то, что встретили нас здесь, и за вашу совершенно бесценную помощь с кредитом... да и вообще со всеми этими ужасными юридическими сложностями... Если бы не вы, мы с Джерри пропали бы!

– Это точно! – с жаром поддержал её Джерри. – Спасибо вам огромное!

– Был рад и всегда буду готов вам помочь, – ответил адвокат, улыбнувшись. Видно было, что ему приятна искренняя благодарность молодых людей. – Я хорошо знал ваших родителей, мисс Гринвич, и вы можете смело полагаться на меня. Ещё хочу сказать, что не выставляю вам никаких счётов за свои услуги – пока у вас у обоих негусто с деньгами... Будем считать, что у вас беспроцентный кредит на мою юридическую помощь... Мисс Гринвич, звоните мне и по любым другим вопросам – я буду рад оказать вам посильную поддержку...

– Получается, что вы готовы работать по нашим делам бесплатно? – немного растерялась Никки.

– Деньги давно уже не главное в моей работе, я достаточно обеспеченный человек, – сощурил глаза в усмешке адвокат Дименс. – А вы такой интересный клиент, что я помогаю вам с большим удовольствием.

Интуиция мне подсказывает – дальше будет ещё интереснее...

Возле величественной витражной двери Главной башни Школы Эйнштейна стояла другая группа встречающих – сам директор Колледжа профессор Милич и несколько преподавателей. За их спинами толпились немногочисленные ученики, которые по каким-то грустным причинам проводили летние каникулы в школе.

– Мисс Гринвич, мистер Уолкер! – выступил вперёд директор Милич с огромным седым нимбом вокруг головы. – От всей души поздравляю вас с успешной сдачей экзамена и приветствую в Школе Эйнштейна! Разрешите представить профессоров Колледжа, разделяющих со мной радость нашей встречи, – витиевато изрек Милич и по очереди представил:

– Профессор Дермюррей, преподаёт в Колледже физику и планетологию.

– Как поживаете? – официально кивнул плотный, одетый в коричневое мужчина с красным недовольным лицом и седыми усами щёткой.

– Профессор Майсофт, кибернетика.

– Рада вас видеть! – звонко сказала, улыбаясь, стройная молодая женщина в длинном зелёном платье.

– Профессор Гутт, космология.

– Приветствую вас, – энергично мотнул головой долговязый профессор в старинных очках и костюме тёмно-синего цвета.

– Профессор Франклин, генетика.

– Здравствуйте, мои дорогие, – поприветствовала их низкорослая и полная дама в фиолетовом.

На каждое приветствие Никки и Джерри отвечали улыбками и кивками, не пытаясь вставить слово в плавную безостановочную речь директора.

– Со студентами, я надеюсь, вы познакомитесь сами, – махнул слегка пренебрежительно директор Милич в сторону группки учеников. – Пройдите, пожалуйста, в Главный холл, – сделал он приглашающий жест, – а наши помощники помогут вам с багажом.

Здесь адвокат Дименс попрощался с Никки и Джерри, убедившись, что они в надёжных руках, и вернулся на стоянку такси. Появились два здоровенных робота, похожих на многоногих кентавров. Они закинули на свои плоские спины объёмистые кофры Никки и небольшую сумку Джерри, и все, включая приглушённо шепчущихся школьников, прошли в красивые двери Главного холла.

Никки поразились: они оказались на первом этаже высокой башни, но холл заливали солнечные лучи, льющиеся откуда-то с потолка.

Директор подвел друзей к стене.

– Глубокоуважаемая мисс Гринвич! – торжественно провозгласил он. – На этой бронзовой доске – имена всех чемпионов Колледжа. Вы видите – здесь уже вырезано ваше имя, нынешний год и число завоеванных вами очков – 2550. Вы не только чемпион, но и рекордсмен, поэтому возле вашего имени установлен значок из цветных алмазов в виде флага Школы Эйнштейна: чёрно-золотая луна в половине фазы на тёмно-синем фоне. Значок будет передвинут, если кому-то удастся превзойти этот поразительный результат. Прошлый рекорд... гм... бедняги Али Гольдберга... продержался больше сорока лет. На серебряных досках, – Милич включил в круг своих улыбок и Джерри, – вы видите имена лучших студентов нашей школы – по итогам пятилетнего обучения. А на золотых – имена тех выпускников, кто достиг наибольших высот в карьере, – имена нобелевских и альбертовских лауреатов, королей, президентов и премьер-министров.

– А чьи фамилии на мраморной доске? – спросил Джерри, которому уже надоело молчать на фоне директорского многословия и захотелось размять язык, чтобы не забыть, как им пользоваться.

– Это наши попечители и спонсоры – созвездие знаменитых и знатных имен! – Директор стал сама любезность.

В холл внесли табурет и старую кожаную шляпу.

– Вот Шляпа! – спохватился разговарившийся директор. – Сейчас вам предстоит пройти через традиционный ритуал определения вашего ордена и башни, где вы будете жить.

– Что за ритуал? – озадачилась Никки.

– О! Это очень известная процедура, но... я понимаю, что вы, наверное, об этом не слышали, и с удовольствием вам сейчас объясню...

– Директор Милич! – прервал его профессор Дермюррей. – Прошу прощения, я хотел бы откланяться, у меня срочные дела.

– Конечно, профессор Дермюррей, – недовольно произнёс директор Милич, – конечно... хотя церемония Старой Шляпы ещё не закончилась... но я понимаю...

Профессор Дермюррей коротко поклонился и ушёл, сердито размахивая руками.

Никки посмотрела ему вслед и подумала, что профессору Дермюррею явно не нравится происходящее.

– Так вот... – продолжил прерванный директор, – наша школа основана первыми поселенцами на Луне, среди которых было много поклонников саги о Гарри Поттере. Стиль жизни в нашей школе во многом

повторяет Волшебную Школу Хогвартс. Все наши ученики при поступлении распределяются по складу характера на четыре ордена: Орден Сов, Орден Оленей, Орден Леопардов и Орден Драконов. Поэтому нашу школу неофициально даже называют Школой Лунного Вепря или Лунным Хогвартсом, а имя Джоан Роулинг традиционно пользуется в нашей школе глубочайшим почтением.

В Орден Сов зачисляются те, у которых интеллектуальная сторона личности доминирует. Очень много учёных дал нам Орден Сов! – с гордостью поднял седой нимб директор Милич. – Я сам там учился много лет назад.

В Орден Оленей попадают студенты с такими главными чертами характера, как трудолюбие и миролюбие. Из Ордена Оленей вышли известные медики, учителя и деятели Зелёного Движения.

Орден Леопардов создан для подростков с... э-э... боевым складом характера. В этом Ордене учились знаменитые капитаны космических кораблей, спортсмены и военачальники.

Орден Драконов – для властолюбивых людей, ориентированных на карьеру, и тех, кто имеет высокую самооценку и верит в свою исключительность. Почти все наши известные политики, – директор указал на золотую доску, – вышли из Ордена Драконов.

– И кто же распределяет по орденам? – заинтересованно спросила Никки.

– Старая Шляпа! – Директор кивнул на табурет и лежащий там кожаный островерхий колпак. – Её нужно надеть на голову...

«А на что ещё можно надеть шляпу?» – раздражённо подумал Джерри.

– Обычно мы проводим эту церемонию первого сентября, – продолжал речь директор, – когда все ученики приезжают в Школу. Так как вы прибыли раньше всех, то мы проводим её для вас неофициально... Потом вы пройдёте этот ритуал со всеми, в торжественной обстановке, чтобы не нарушать традицию... Садитесь на табуретку... ой... – замялся директор, посмотрев на кресло Никки...

Джерри, сглаживая неловкость директора, первый смело шагнул к табурету и надел Старую Шляпу. Громкий мистический голос раздался под сводами холла:

– Джеральд Уолкер – Орден Сов!

Все захлопали, а студенты ещё и разразились воплями.

Джерри соскочил с табурета и протянул колпак Никки. Она с некоторой опаской надела ветхую кожаную шляпу с заплатами, и тот же голос провозгласил:

– Николь Гринвич – Орден Леопардов!

В раздавшиеся аплодисменты вплеся возбуждённый гул. Вероятно, Никки на инвалидной коляске с трудом воспринималась как Леопард.

Никки недовольно стянула шляпу с рыжей головы.

– Нельзя ли мне к Совам, как Джерри?

Директор сокрушённо покачал головой:

– Никак нельзя! Скажу по секрету – все студенты уже распределены по орденам: в каждый должно поступать по двадцать пять человек. Такого количество комнат для первокурсников в башне каждого ордена. Ваш перевод в другой орден невозможен, так как должен сопровождаться переводом другого ученика в ваш орден. Собственно говоря, это деление по орденам довольно условно... Между нами: на самом деле по орденам распределяет Главный компьютер Колледжа, анализируя ваше поведение на экзаменах. Ритуал со Шляпой – это только объявление его решения.

– Мне это решение не нравится! – сердито сказала Никки.

– Должен вам напомнить, что, поступая в нашу школу, вы тем самым согласились придерживаться наших правил и традиций, – нахмурился директор Милич, – поэтому вы должны подчиниться!

Никки так яростно сверкнула глазами на это заявление, что директор произнёс с неловкой усмешкой:

– Вижу, Шляпа не зря определила вас в Орден Леопардов...

Вперёд шагнула профессор Майсофт.

– Мисс Гринвич! – приветливо улыбнулась она. – Ордены – это совсем необременительная традиция, которая определяет только башню, где будет располагаться ваша комната, да ещё принадлежность спортивных команд. Вход в гостиную Ордена Леопардов вашим гостям из других орденов никогда не будет закрыт. – Профессор понимающе кивнула. – Учебные группы набираются по профессиональным склонностям и никак не связаны с орденами. И учтите другую важную традицию Школы Эйнштейна: в кафе вы будете сидеть за столом на четыре персоны, где выбор постоянных сотрапезников определяется самими студентами, но с одним существенным условием – за столом должен сидеть представитель каждого ордена. Вашими товарищами по столу будут Сова, Дракон и Олень, и среди них не будет второго Леопарда. Эта традиция создана для того, чтобы ученики из разных орденов могли общаться и дружить.

Никки выслушала эту приветливую речь, и её сердитое лицо смягчилось.

– Эй, Никки, пригласишь меня за свой стол? – спросил Джерри, улыбаясь.

– Приглашаю, – ответила Никки, смирившись наконец с решением Старой Шляпы.

– Прекрасно! – просиял директор Милич. – Сейчас вас проводят в ваши башни. Так как вы приехали первыми, то имеете возможность выбрать комнату с самым приятным видом из окна. Во всём остальном они ничем, конечно, не отличаются. Мисс Гринвич, мистер Уолкер, – церемонно заявил директор Милич, прощаясь, – в вашу честь сегодня в зале приёмов замка состоится торжественный ужин, где мы будем сидеть все вместе, – и директор ослепительно улыбнулся.

В сопровождении роботов с багажом Никки и Джерри прошли сквозь высокие двери Главной башни и остановились на площади, залитой лучами солнца и выложенной в староанглийском стиле красным кирпичом. В центре площади красовались сложные лунно-солнечные бронзовые часы.

От них расходились широкие дорожки к угловым башням. Джерри посмотрел на Никки и указал на т-фон:

– Созвонимся?

Никки кивнула.

Их окружили вышедшие за ними студенты. Очень красивая девушка с тёмно-русыми волосами звонко произнесла:

– Наконец-то закончились эти речи! Здравствуй, Джерри! Привет, Никки! Меня зовут Марина Блэкуолл, я из Ордена Сов.

Другие студенты тоже стали представляться. Самый рослый парень с костлявым умным лицом оказался Смитом Джигичем из Ордена Леопардов. Рыжая вертлявая девчонка и высокая брюнетка, очень крепко пожавшая руку Никки, – жили в башне Оленей. Огненноволосая конопатая «олениха» пригляделась к Никки и зашептала на ухо подруге:

– Она не настоящая рыжая, просто красит волосы!

Никки, однако, услышала это и нахмурилась.

Белобрысый толстячок неожиданно оказался представителем Ордена Драконов – наверное, очень хотел стать в будущем президентом или премьер-министром. Его друзья не стали представляться, они бесцеремонно, сверху вниз, рассматривали Никки и громко обсуждали её.

– Невооружённым глазом видно: обычная простолюдинка, – надменно скалил крупные зубы высокий парень с лошадиной физиономией.

– Позвольте заметить, граф Рединбург, она – рекордсмен Колледжа, – возразил плотный румяный паренёк.

– Ну и что? Математические фокусы и в цирке показывают, – цедил граф. – Элегантность и стиль, вкус и шарм – это накапливается поколениями... Пусть она будет хоть трижды рекордсмен, ей никогда не

стать человеком приличного общества... нашего круга...

– А почему вы не спросите, хочу ли я быть такой, как вы? – нахмурилась Никки.

– Вас, милочка, никто и не собирается ни о чём спрашивать, – хмыкнул граф Рединбург. – Ваше мнение никого не волнует.

– Ну ты, аристократ, – шагнул вперёд Джерри, расправив плечи, – я тебе сейчас пропишу пару демократических тумачков – для освежения чувства приличия.

– Юноша, у нас драки не приняты, – надменно заявил граф, – только дуэли!

– Никки, не слушай этих снобов, – сердито сказала черноволосая девушка-Олень. – Выпендриваются тут!

Из группы Драконов выступил вперёд стройный мальчик в чёрном.

– Вы дубина, граф, – небрежно бросил он. – Поэтому вам не понять очарования свежести и интеллекта. А вот в нашей семье всегда считали, что ничто так не украшает женщину, как умный взгляд.

– Позвольте, герцог Джон!.. – обиженно пробурчал граф Рединбург.

Но тот не слушал, а, обойдя Джерри и обратив на него не больше внимания, чем на придорожный столб, церемонно склонил голову перед Никки:

– Мисс Гринвич, имею честь представиться: Джон Ван Дональдс.

– Очень приятно. – Никки неуверенно протянула руку странному мальчику-герцогу, который был юн, но глаза его уже были взрослыми и цепкими.

Тот вежливо взял протянутую руку, но не пожал её, а неожиданно поцеловал, изящно наклонившись. Никки смутилась и покраснела, а толпа школьников что-то забубнила.

– Я надеюсь узнать вас поближе, мисс Гринвич, – сказал мальчик, ровно и не спеша. – Могу я попросить об удовольствии звать вас... Никки?

– Конечно, герцог Джон, – ответила Никки, которую всё больше заинтересовывал этот школьник-вельможа. Джерри с хмурым лицом наблюдал за разговором.

– О, Никки, ради богов! – усмехнулся герцог Джон. – Пожалуйста, без титулов. Для меня это лишь социондра взрослых детей... навешивание рюшечек на толстый кошелёк. Катались ли вы, Никки, когда-нибудь на снежном скутере? Санях? Лыжах?

Никки отрицательно покачала головой, рассматривая бледное аристократическое лицо мальчика, обрамлённое длинными прямыми смоляными волосами.

– Мой лунный замок ещё не отделан, – с небрежностью сказал юный герцог, – но к рождественским каникулам всё будет готово, включая снежную горнолыжную долину, и я заранее приглашаю вас погостить у меня несколько дней – покататься на лыжах.

– У вас есть замок? – восторженно округлила глаза Никки и наивно спросила: – С башенками?

– Конечно, дорогая Никки, – улыбнулся герцог Джон, – какой же замок без башенок!

Джерри не нравились ни сам герцог, ни его иронический тон.

– Спасибо... Джон, – сказала Никки. – Я... подумаю. Я ещё не уверена, что к Рождеству смогу кататься на лыжах.

Герцог молча поклонился и неспешно пошёл к башне Драконов. Граф Рединбург и остальные Драконы потрусили за ним. Джерри с неприязнью наблюдал за этой компанией вельмож.

Марина настойчиво окликнула Джерри:

– Джерри, могу проводить тебя в нашу башню.

Никки посмотрела на красивую Марину и внезапно заметила, что нос у неё вздернут, а уши слегка оттопырены – и, вообще, в девушке обнаружилось что-то неприятно-кокетливое.

Никки повернула голову и встретила глазами с Джерри. Он незаметно подмигнул ей.

– Никки, пошли со мной, я покажу тебе наш Орден, – наклонил к ней волевою физиономию Смит Джигич, чья мускулатура заметно выделялась под облегающей майкой. Никки взглянула в сторону нахмурившегося Джерри и тоже подмигнула ему, разворачивая коляску за Смитом.

Дорожка шла меж стриженных лужаек со столами и скамейками, укрытыми тенью огромных старых дубов с корявыми длинными ветвями и узловатыми корнями.

– Многие студенты предпочитают заниматься в парке, – махнул Смит рукой. – Часто просто сидят или валяются на траве. Комнаты и аудитории здорово надоедают. За стенами замка растет густой лес, где ещё интереснее – озёра, ручьи и скалы.

– Там есть олени? – спросила Никки.

– Целое стадо! – воскликнул Смит. – У них вожак – натуральный белый олень, большая редкость.

– Ух ты! – загорелись восторгом глаза Никки, и она забыла надменного графа Рединбурга, встреча с которым неприятно её царапнула.

В конце дорожки вырастала десятиэтажная башня Ордена Леопардов, выстроенная из серого дикого камня (или удачной его имитации) и

увенчанная островерхой стеклянной крышей с золотыми переплётками и длинным шпилем. Над входом неподвижно висел флаг Ордена Леопардов: застывший в прыжке чёрный леопард на жёлтом фоне. Все четыре башни орденов соединялись более низкими, пятиэтажными, корпусами, ограничивающими четырёхугольник замкового парка. В центре высилась Главная башня, где находились помещения администрации Колледжа и жили преподаватели, не имеющие семей. Прозрачный купол, удерживающий атмосферу, шёл на уровне крыш пятиэтажных корпусов, за его пределами оказывались только верхушки башен Колледжа.

– С шестого по десятый – жилые этажи башни, – пояснял на ходу Смит. – В этом году этаж первокурсников располагается на десятом – его месяц назад освободили выпускники. Мы – третьекурсники – живем на...

– На седьмом этаже... – мгновенно сообразила Никки, – а на девятом – пятый курс.

– Точно! – восхитился Смит и открыл перед ней тяжёлую дверь башни. – Это наша кают-компания!

Никки попала в широкое прохладное помещение, обставленное в замковом стиле: на стенах из крупного грубо тёсанного камня – гобелены; в центре – большой камин в виде круглого, того же серого камня, очага. Вокруг – россыпь кожаных кресел и диванов. По углам кают-компании высились шкафы с разными диковинами – раковинами, камнями, статуэтками и бумажными книгами в золочёных старинных переплётках. Ни одного экрана Никки не увидела – наверное, это выпадало из общего стиля. В конце концов, где-то надо отдыхать от тиви и компьютеров? Кроме главного входа, в помещении было ещё несколько дверей.

– На первом этаже замка нет аудиторий... – объяснял Никкин провожатый.

– Это кафе в физико-математическом корпусе. – Смит кивнул на левую дверь, потом указал направо. – А тут бассейн на первом этаже гуманитарного корпуса. На другой стороне замка располагается медэтаж на биологическом факультете, и под кибернетиками устроены круглосуточный бар «Звёздный жук» и парикмахерская.

– А тут что за дверь? – кивнула Никки на дальние массивные створки из дерева и кованого металла.

– Пошли покажу, – с охотой сказал Смит.

Он потянул затейливую железную ручку, и открылся широкий проём, верхние края которого заполняли цветущие зелёные ветки. От порога начиналась тропа, быстро теряющаяся среди густых кустарников и деревьев.

– Наш лес! – с гордостью заявил Смит. – Хочешь посмотреть?

Никки очень хотелось, но она стоически отказалась:

– Попозже. Как подняться на десятый этаж?

– Вот лифт. – Смит подвел её к ещё одной двери. Рядом начиналась винтовая лестница наверх.

Кабина тронулась, и Смит стал рассказывать про другие этажи башни Леопардов.

– На втором этаже – небольшой зал на двести мест для кино, концертов и общих собраний Ордена. Третий и четвёртый этажи отведены для самостоятельных занятий: тихие теоретики любят третий этаж, а на четвёртом всем правят и всё взрывают экспериментаторы. Пятый этаж – технический, там хранятся запасные скафандры и всякий спортивный инвентарь, крылья, скутеры...

– Крылья? – воскликнула Никки с сильно забившимся сердцем. – Можно взглянуть?

– Конечно! – засиял Смит. – Я чемпион среди Леопардов-трёхлеток в фигурном пилотаже!

Смит остановил лифт на пятом этаже, и они вышли в просторное помещение, где лежало, висело и стояло множество странных конструкций и аппаратов.

– Вот мои! – с гордостью указал Смит на чёрные с серыми клиньями крылья, похожие на распластанную летучую мышь. В середине виднелось свободное место, где мог поместиться человек.

Никки зачарованно погладила туго натянутое крыло, и оно отозвалось лёгким приветливым звоном. Этот звук был как музыка. Никки наяву слышала, как поют крылья в ветровой высоте...

– Это трудно – научиться летать? – почему-то шёпотом спросила она.

– Просто летать могут почти все, – Смит невольно бросил быстрый взгляд на коляску Никки, – сложнее научиться *хорошо* летать.

Никки заметила, что вид и конструкции крыльев сильно различались, видимо, каждый выбирал или проектировал их по своему вкусу. Она вздохнула и побыстрее направила коляску к двери, чтобы не травить душу.

На десятом этаже она вышла из лифта, мельком осмотрелась и сказала Смику:

– Спасибо большое, Смит, дальше я справлюсь сама... – Ей почему-то захотелось войти в свой новый дом одной.

Он скрыл разочарование на своей худой физиономии и достал т-фон.

– Это мой номер, – и нажал на кнопку. – Звони в любое время, если что-то нужно.

– Хорошо, – улыбнулась ему Никки. Кентавр с кофрами выкатился за ней и тоже остановился.

Дверь лифта закрылась за Смитом, и Никки, с любопытством и не спеша, оглянулась вокруг. Здесь ей предстояло прожить пять лет, если, конечно, ничто или никто не сократит этот срок. Она находилась в круглом холле диаметром в десять метров с диванами, столиками и экранами на стенах без окон. Помещение продолжалось широким проходом к балкону с единственным окном – большим, со стрельчатой аркой.

Никки выехала на балкон – и перед ней открылся потрясающий вид на внутреннее пространство замка, защищённое почти невидимым куполом. Она посмотрела вниз, на зелёные лужайки и могучие деревья, на Главную башню с золотыми часами и флагом Колледжа, запрокинула голову и издала пронзительный визг восторга.

Только сейчас Никки до конца осознала, что она будет учиться в таком замечательном месте.

В стене холла виднелись две двери: на одной – стилизованный бегущий мальчик с воздушным змеем, на другой – стоящая на ветру девочка с зонтиком и в юбке колоколом. Всё ещё радостно улыбаясь, Никки открыла дверь с изображением девочки. Коридор без окон, освещённый настенными лампами-факелами с дрожащим искусственным пламенем, шёл по дуге направо и заканчивался тупиком. Правая внутренняя стена отделяла коридор от центрального круглого холла с лифтом. В левой стене насчитывалось с десяток дверей.

Никки вернулась к лифту и, предварительно постучав, заглянула к мальчикам. Коридор шёл в другую сторону вокруг холла и тоже кончался тупиком. Дверей во внешней стене коридора мальчиков оказалось больше – около полутора десятков. Ей стало всё понятно – стена в конце коридоров могла перемещаться и делила каждый год кольцевой коридор вокруг центрального холла на две неодинаковые части.

Судя по расположению стены, в этом году в Орден Леопарда поступило десять девчонок-Леопардов и пятнадцать мальчишек того же склада характера. Двери из кольцевого коридора вели в комнаты студентов, которые должны продолжаться до внешней стены башни. Комнаты были, очевидно, секторные, с расширением наружу – а как ещё можно нарезать круглую башню-торт, чтобы каждому досталось по окну?

Никки вернулась в коридор девочек, немного поразмыслила и толкнула дверь комнаты с номером семь. Дверь открылась в узкую, расширяющуюся прихожую со шкафом для одежды, где уже висел скафандр. В противоположной стене прихожей располагалась другая дверь,

ведущая в более обширное помещение, где слева была дверь в душ и туалет, а справа – что-то вроде небольшого столика с зеркалом и электрическим кофейником. Никки заглянула в душ и восхищённо присвистнула.

Следующая дверь привела Никки в просторную комнату с окном во всю стену. Здесь размещались кровать, встроенный шкаф, стол с монитором и рабочим креслом. В углу возле окна стояли небольшой кофейный столик и два мягких низких кресла. Никки подъехала к закруглённой внешней стене-окну и в восторге ахнула – перед ней расстился зелёный лес с озером, по которому плавали белые большие птицы и серые поменьше.

Левее высилась башня с золотым шпилем и флагом, изображающим серебряную Сову с раскинутыми крыльями на голубом фоне. Сквозь стеклянную крышу физико-математического корпуса между башнями Совы и Леопарда просматривались замысловатые приборы, сложные трёхмерные геометрические фигуры, растения в кадках и многочисленные столы с мониторами. Посмотрев из окна налево, Никки увидела часть внутреннего двора замка с платанами и скамейками.

Она вызвала т-фон Джерри.

– Ты уже выбрал комнату? – спросила Никки.

– Нет... мне ещё показывают башню, – ответил слегка смущённо Джерри.

– Позвони, когда будешь выбирать... – прохладно сказала Никки и отключилась, не дожидаясь ответа. Потом она показала терпеливому роботу, куда поставить её чемоданы. Когда багаж благополучно водворился в шкаф, кентавр укатил, ловко управляя дюжиной ного-колес. Зачирикал т-фон.

– Уф, – сказал Джерри, – еле отвязался...

– Видишь меня из окна? – подъехала Никки к стеклу и помахала.

– Нет, я вижу только лес, – ответил Джерри.

– Выбери комнату, откуда видна башня Леопардов, – предложила Никки. – Я вижу из своей комнаты лес, башню Совы и даже внутренний двор.

В окне Совиной башни появилась маленькая фигурка Джерри и замаячила рукой.

– Отлично! – обрадовалась Никки. – Можно будет наладить зрительную или лазерную связь!

– Что собираешься сейчас делать? – спросил Джерри. – До торжественного ужина больше трёх часов.

– Пока устраюсь и отдохну... – уклончиво ответила Никки. Но, отключившись от Джерри, она стала звонить куда-то ещё, а потом уехала на лифте.

За десять минут до званого ужина Джерри вызвал Никкин т-фон.

– Собралась? – спросил он.

– Ты не мог бы зайти за мной? – попросила она. – Десятый этаж, седьмая комната.

Когда Никки открыла ему дверь, Джерри решил, что ошибся номером. Перед ним стояла и смотрела на него высокая – почти как он сам – незнакомая девушка в светло-синем вечернем платье с закрытой шеей. Её волосы странно блестели в полумраке.

– Никки? – опешил он.

Та только улыбнулась. Её причёска притягивала глаз как магнит. Никки провела последние три часа в парикмахерской Колледжа, где модельер Луиза, присвистывая от профессионального восторга, смыла фальшивую рыжину с её хрустальных волос, протрудила над причёской почти два часа, после чего дала ей кучу других полезных советов и очень помогла с выбором платья – в тон глазам. И сейчас Никки с большим волнением ждала оценки Джерри.

– Вот это да! – поражённо выдохнул Джерри, глядя на встревоженное милое лицо, обрамлённое полупрозрачными крупными волнами волос. Никки облегчённо вздохнула и пригласила его в комнату, где стояло пустое кресло. Джерри впервые видел Никки в полный рост, и это тоже впечатляло.

В комнате причёску девочки осветило солнце, и прозрачные локоны превратились в серебряные мерцающие струи с разноцветными искрами.

– Клянусь Мимасом! – продолжал неотрывно смотреть на неё восхищённый Джерри. – И ты прятала такую хрустальную голову под рыжей краской?!

– Ладно тебе, пошли на ужин, – сказала жутко довольная Никки.

Их появление в зале приёмов вызвало восторженный вой школьников, заполнивших стол в виде большого кольца. Этот восторг был адресован, конечно, Никки, выглядевшей потрясающе: в элегантном синем платье, с фантастической хрустальной причёской, она сидела в инвалидном кресле непринуждённо, как на троне.

Директор предупредительно встретил их на полпути к столу, образуя незамкнутое кольцо, и усадил слева от себя. Вокруг сидели уже представленные им преподаватели Школы Эйнштейна и ещё какие-то

незнакомые люди. Директор Милич постучал по звонкому бокалу, призывая всех к вниманию или хотя бы к молчанию.

– Разрешите от вашего имени, – поднялся до торжественных высот голос директора Школы Эйнштейна, – горячо приветствовать за нашим столом... – директор сделал многозначительную паузу, председателя и старейшего члена Попечительского Совета Колледжа – мистера Хиггинса и его супругу, миссис Хиггинс!

Величественный господин справа от директора благосклонно кивнул в ответ на вежливые аплодисменты, а сидящая рядом немолодая дама в платье с щедро декольтированной спиной одарила всех голливудской улыбкой.

– С удовольствием представляю собравшимся нового чемпиона и рекордсмена Школы Эйнштейна – мисс Никки Гринвич!

С концов стола, где сидели студенты, раздались гораздо более бурные аплодисменты и даже приветственные крики.

– Она проявила поразительные талант и мужество на экзамене, набрав рекордные баллы по физике и астрономии и продемонстрировав незаурядные знания по другим предметам. Даже в области истории мисс Гринвич блеснула удивительным знанием текстов древних философов, получив двести очков за ответ на один-единственный вопрос!

Снова раздались громкие аплодисменты с криками, и Никки в ответ слегка смущённо наклонила красивую хрустальную голову.

– Разрешите также представить вам мистера Джеральда Уолкера – нового студента, покоровшего компьютер Колледжа знаниями в области кибернетики и математики.

Стол приветствовал и Джерри шумными хлопками и свистом.

– Нужно отметить, – продолжал директор Милич, – что в столь юном возрасте он сумел применить на практике свои знания, проведя техническую экспертизу серьёзного уголовного преступления и обнаружив важную проблему в изготовлении некоторых типов роботов!

Возбуждённый гул и новые аплодисменты заставили Джерри покраснеть.

– А сейчас приглашаю всех приступить к ужину. Меню перед вами, – обратился директор к Никки и Джерри. – Набирайте в ваших т-фонах номера нужных блюд – и вам их принесут. Если что непонятно, вызывайте обслуживающего робота кнопкой на столе.

Директор сел, повернулся всем корпусом к председателю попечителей и вступил в с ним в почтительную беседу. Вокруг все зашуршали старинными бумажными меню с золотыми виньетками и стали вполголоса

разговаривать. Слева от Джерри сидела профессор кибернетики Майсофт с молодым привлекательным лицом. Одета в платье цвета молодой кленовой листвы, профессор быстро заказала себе французский яичный пирог киш-лорен и наклонилась к Джерри и Никки.

– Если вам нужны мои рекомендации, – приветливо сказала она, – то, пожалуйста, не стесняйтесь и спрашивайте, буду рада помочь – я хорошо знаю кухню Колледжа.

– Хочу попросить копчёного угря, – изучив меню, решила Никки, интересующаяся новыми рыбными блюдами.

– Отличный выбор, – одобительно кивнула профессор Майсофт.

Никки добавила к заказу порцию салата и, помедлив немного, обычный бокал кьянти, но без особой надежды – вряд ли местный кухонный чип в курсе её вкусов. Джерри без профессорской консультации заказал себе порк-медальоны, чесночные хлебцы с горячим козьим сыром и разрешённое школьникам безалкогольное пиво.

Пока ожидали заказ, завязался дружеский разговор с профессором Майсофт, которая понравилась Никки с первой встречи у Главной башни.

– Вы отлично сдали математику, – обратилась профессор к Джерри, – а ответ по кибернетике был выше всяких похвал. Робот, нарушивший Главные Императивы процессора, – это тот самый, который напал на вас, мисс Гринвич?

Никки кивнула.

– Гнусная история, – содрогнулась профессор Майсофт, – я не понимаю, как вам удалось спастись. Я хорошо знакома с конструкцией этого бронированного гиганта, он сделан для работы в очень агрессивных условиях, и его называют «двуногим танком». Если его сумели запрограммировать на погоню за вами, то вас спасло чудо.

Никки пожала плечами; ей совершенно не хотелось вдаваться в тягостные детали тех событий, сидя за праздничным столом в преддверии вкусного ужина.

– Я считаю, – обратилась Майсофт к Джерри, – что вы должны подготовить статью в научный журнал Школы Эйнштейна о возможности обхода Главных Императивов роботов с помощью перепрограммирования вспомогательных видеочипов.

– Я? – растерялся Джерри. – Статью в научный журнал?

– Конечно, – кивнула профессор Майсофт. – Я помогу её оформить.

– Спасибо! – порозовел от смущения и удовольствия Джерри. Никки обрадовалась за него и прониклась к профессору Майсофт ещё большей симпатией.

Раздался громкий голос мистера Хиггинса, привыкшего быть в центре общего внимания. Попечитель произнес покровительственным тоном:

– Это будет ваш первый год в Колледже, профессор Майсофт?

– Да, мистер Хиггинс, – кивнула Майсофт, – если не считать пяти лет, когда я училась здесь, в Ордене Сов, – улыбнулась она скорее Джерри и Никки, чем мистеру Хиггинсу.

– Должен отметить, что далеко не все попечители из нашего Совета одобрили вашу кандидатуру. Многие считали – да и до сих пор так думают, – что вы слишком молоды для профессорской должности... – начальственным тоном протянул мистер Хиггинс.

– Насколько я знаю, – слегка покраснела Майсофт, – среди кандидатов на эту должность у меня был самый высокий профессиональный рейтинг. Из претендентов я – единственный лауреат премии Винера. И я очень рада, что Научный Совет Колледжа выбрал мою кандидатуру на эту должность и... – слегка наклонила она голову в сторону Хиггинса, – Попечительский Совет одобрил это решение.

– Он одобрил вашу кандидатуру только очень небольшим большинством голосов... о-очень небольшим... – заявил мистер Хиггинс, явно наслаждаясь всё более краснеющим лицом профессора Майсофт. – Будем надеяться, что Научный Совет не ошибся и не переоценил вас и премию этого... как его... Винера. Учтите, что я буду пристально следить за вашими успехами на этом ответственном посту, – почти угрожающе закончил Хиггинс, из чего стало ясно, что он-то как раз был против назначения такой несолидной и молодой дамы на должность профессора.

Этот диалог был тягостен не только для профессора Майсофт, но и для всех сидящих за столом преподавателей и школьников, но никто не посмел осадить спесивого главного попечителя.

К счастью, в зал въехали роботы-официанты с заказами, и все облегчённо зашевелились. К удивлению Никки, симпатичный кентавр с тонкой шеей и выпуклыми зелёными глазами послушно притащил ей бокал с кьянти на спине-подносе: очевидно, Большая Тереза связалась с обслуживающим компьютером Колледжа, и Никки с тёплым чувством вспомнила суровую врачиху.

Она отхлебнула из бокала и приступила к копчёному угрю. По нежности это блюдо превосходило любую рыбу, которую Никки пробовала раньше. Салатные листья с острым голубым сыром, хрустящими кусочками зажаренного мяса и пряным оливковым маслом тоже оказались весьма хороши.

– Мисс Гринвич! – раздался резкий, как хлыст, голос мистера

Хиггинса. – Могу я поинтересоваться, что налито в ваш бокал?

– Марсианское кьянти, – легко ответила Никки, с удовольствием вдохнула аромат вина и сделала ещё глоток. – Виноградники северной части Большого Каньона, два года выдержки. Очень неплохое, так что рекомендую.

Школьники за столом ахнули, зашептались и затихли в ожидании грома. Преподаватели с любопытством стали оглядываться на Никки, Хиггинса и директора Милича.

– Директор Милич! – немедленно побагровел и раздулся, как жаба, мистер Хиггинс. – Распитие спиртных напитков несовершеннолетними в стенах Колледжа! На глазах председателя Попечительского Совета и директора! Это ведь не просто вызов и нарушение общественного порядка, это... это... – не хватало слов негодующему Хиггинсу, – преступление! И за него предусмотрено серьёзное наказание в Лунном Кодексе!

– Мистер Хиггинс, – нервничая, заговорил директор Милич, вместе с чипом кухни оказавшийся вполне уведомлённым о вкусах Никки, – это особый случай...

– Что за ерунда! Вы ещё и оправдываете такое возмутительное поведение?!

– Этот... напиток в меню мисс Гринвич, – настойчиво продолжил директор Милич, – разрешён специальным предписанием врачей Лунного госпиталя, поэтому здесь нет нарушения закона, где оговариваются подобные случаи. Подчеркиваю, – обратил директор Милич строгое лицо к остальным школьникам, вытаращившим в восторге глаза и изумлённо переглядывающихся с друг другом, – что это редчайшее исключение сделано лишь для мисс Гринвич, учитывая её... уникальную историю. Для всех остальных школьников в стенах Колледжа действует строжайший запрет на любое спиртное.

Никки не считала нужным вмешиваться в разговор, пока никто не обращался прямо к ней.

– Вы понимаете, – почти умоляюще обратился директор к попечителю Хиггинсу, – что любые попытки воспрепятствовать... данному напитку в диете мисс Гринвич могут быть расценены как умышленное нарушение предписанного ей лечебного режима, за что в законе тоже предусмотрена мера наказания... и довольно жёсткая...

Мистер Хиггинс стал похож на обиженную акулу, которой в последний момент не дали проглотить вкусную рыбку. Побагровев, но понимая, какой могучей силой обладает предписание врачей, он угрюмо уткнулся в своё блюдо. Рядом с ним стоял пузатый бокал с лучшим лунным коньяком.

Среди школьников раздались отчётливые смешки, а преподаватели наклонили лица к тарелкам и стали широко улыбаться лежащим там бифштексам, креветкам и рыбным филе. Наступила неловкая пауза, в которую смело вклинилась миссис Хиггинс, по-светски пытаясь разрядить обстановку.

– Директор Милич, сегодня я с ужасом заметила, что кусты лунной карликовой магнолии возле Главной башни находятся в плачевном, почти кошмарном состоянии! Это такой редчайший эндемик, мне удалось достать их с огромным трудом! – капризным тоном и модно грассируя, выговорила она директору Колледжа. – Полагаю, что за ними ухаживают роботы? Это недопустимо! Только человеческий глаз может справиться с такой деликатной работой, как уход за столь нежными растениями.

– Лично осмотрю ваш ценнейший подарок и отдам все необходимые распоряжения, миссис Хиггинс, – поспешно заверил директор Милич попечительницу. Но Никки не сомневалась, что магнолии в отличном состоянии, а у миссис Хиггинс случился, как говорил утренний психолог, приступ «параноидального нарциссизма»...

– И ещё, директор Милич, – продолжала посуровевшим тоном почтенная матрона. – Мне стало известно, что некоторые студенты и особенно студентки Колледжа позволяют себе слишком экстравагантные платья, причёски и прочее... – Она демонстративно покосилась на Никки. – С этим нужно неустанно бороться! Нравственность должна быть на высоте, несмотря ни на что! – Она вонзилась взором в бокал Никки и потом перевела его на заёрзавшего директора.

– Конечно, конечно, – поддержал её директор Милич с застывшей любезной улыбкой.

Никки спокойно наслаждалась копчёным угрём, но тут опять вылез этот главный попечитель Хиггинс, чувствовавший себя не в своей тарелке после фиаско с кьянти.

– Мисс Гринвич, я видел телерепортаж о вашей утренней пресс-конференции, которую вы бесцеремонно устроили прямо на территории Школы. У меня осталось очень негативное впечатление от этого интервью. Я настоятельно прошу вас впредь согласовывать такие мероприятия с директором или Попечительским Советом. Кроме того, своими странными и даже вопиющими высказываниями – обо всех этих... покушениях и убийствах... вы безответственно привносите неприятную уголовщину и конфликтность в академическую и спокойную атмосферу нашего Колледжа, пронизанную светлыми детскими эмоциями, духом творчества и познания!

– Мистер Хиггинс, – с неудовольствием оторвалась Никки от еды, – вы что-то путаете: я не приглашала этих журналистов в Колледж, они прибыли сюда для освещения экзаменов. Что же касается моих вопиющих высказываний... Робби, в уставе Колледжа говорится что-нибудь об ограничении прав студентов на публичное высказывания на территории школы?

– Нет, – ответил Робби из кармана её кресла. – Твоя пресс-конференция никак не нарушала правил Колледжа. Более того, тебе не запрещено приглашать сюда журналистов как своих гостей, если это не мешает занятиям.

– Видите, мистер Хиггинс, – спокойно произнесла Никки. – Луна – очень демократическая планета, и в своих высказываниях я буду опираться на свободу слова и право говорить правду. Ведь это правда – существуют могучие силы, которые действуют в собственных таинственных интересах и сметают со своего пути все помехи. Вы, как один из столпов общества, должны знать, что в нём есть люди, которые способны уничтожить корабль с экипажем и уйти от наказания. Даже я им как-то помешала, и они отправили на охоту за мной полутонного робота с плазменным резаком и тяжёлым гвоздемётом.

Я очень не скоро смогу надеть модное платье с открытой спиной, – Никки в свою очередь бросила демонстративный взгляд на наряд миссис Хиггинс, – после... беседы с этим роботом. И эта история явно будет иметь продолжение...

– Получается, – возмутился мистер Хиггинс, – что вы прячетесь в здешних стенах, навлекая опасность и на других учеников школы!

– Не думаю, что студентам что-либо грозит из-за моего присутствия... – пожала плечами Никки, – но не скрою, я заложила всё своё имущество, чтобы попасть в Колледж, который гарантирует ученикам максимально возможный уровень безопасности – так утверждается на официальном сайте Школы Эйнштейна. Я принципиально предпочитаю доверять публичным декларациям и терпеть не могу неписаных правил и закулисных интриг. Вот если в Уставе Колледжа было бы сказано, что поступление в школу запрещено всем девочкам, которых преследуют взрослые убийцы, то, конечно, я приняла бы это к сведению и поискала бы для себя другое место.

В зале раздались смешки. Никки, сочтя разговор законченным, снова обратилась к тарелке. Но не тут-то было.

– Вы слишком рано пытаетесь продемонстрировать независимость своих суждений! – не успокоился багроволицый Хиггинс. – Вы ещё

социально незрелая личность! Вам предстоит пройти долгий путь, чтобы стать уважаемым членом общества: получить полезную профессию и научиться зарабатывать деньги – так сказать, добывать хлеб свой насущный в поте лица своего!

Никки смертельно надоел этот мистер Хиггинс.

– К своим незрелым годам, – резко ответила она, – я поддерживала в течение десяти лет независимое космическое поселение, благодаря чему заработала пять миллионов золотых долларов. Вот мои мозоли от этой работы, – и Никки демонстративно показала свои крепкие ладошки. – А сколько вы, мистер Хиггинс, заработали, будучи школьником, или хотя бы – к нынешнему возрасту? Вы можете показать мне ваши мозоли?

– Я зарабатываю деньги не руками, а головой! – вспыхнул красный мистер Хиггинс, с которым никто ещё в жизни не смел ТАК разговаривать. – Я уже полвека возглавляю один из старейших банков Луны!

Он постарался взять себя в руки и стать надменным:

– Должен обратить ваше внимание на то, что мы – попечители Школы – делаем каждый год огромные пожертвования в фонд Колледжа, и я полагаю естественным, что вы должны с максимальным уважением относиться к людям, благодаря которым вы получили возможность учиться в этом элитном и почтенном заведении!

При этих словах он высоко задрал пухлый подбородок, а его жена из солидарности гордо выпрямила обнажённую, сильно веснушчатую худую спину.

– Робби, – холодно спросила Никки, – сколько пожертвовал мистер Хиггинс в фонд Школы Эйнштейна?

– Три с половиной миллиона за сорок два года пребывания в Совете Попечителей, – мгновенно ответил Робби.

Хиггинс побагровел ещё больше и стал хватать ртом воздух, как та давешняя акула, вытащенная из воды.

– Не так уж и много, – хмыкнула Никки. – За пять лет обучения я должна внести в кассу Колледжа семь с половиной миллионов. Робби, а каковы расходы Школы на обучение одного ученика? – спросила небрежно Никки, не поворачивая головы.

Школьники оживлённо зашушукались.

– Около семисот тысяч в год, за исключением расходов на безопасность – они засекречены.

Шум стал быстро разрастаться, а директор Милич нервно закрутил шеей.

– Видите, мистер Хиггинс, – повернулась Никки к попечителю, – Колледж – вполне прибыльное предприятие, и его существование не зависит от вашего вклада. И уж я-то никак вам не обязана – я сама плачу за обучение, принося Школе Эйнштейна больше прибыли, чем ваши пожертвования. Да, Робби, так сколько же денег заработал сам мистер Хиггинс на сегодняшний день?

– Трудный вопрос, – ответил Робби. – Личный капитал мистера Хиггинса состоит из контрольного пакета акций «Лунного Банка Хиггинса», унаследованного им от отца. Рыночная стоимость этого пакета за сорок восемь лет сократилась больше чем в два раза – с пятисот десяти до двухсот тридцати миллионов долларов.

Весь стол ахнул и загудел, а миссис Хиггинс в панике воззрилась на оцепенелого мужа.

– Ха-ха-ха! – залилась Никки весёлым смехом. – Так этот наставник незрелого юношества сам ничего не заработал, а лишь промотал! Зачем же он отдаёт Колледжу с таким трудом недорастраченные отцовские миллионы? Не отвечай, Робби, ему понятно, что социальный статус попечителя Школы Эйнштейна дает много преимуществ банкиру. Как же люди с такой головой ухитряются учить других жизненной мудрости?

– Вам нужно брать уроки хорошего воспитания, мисс Гринвич, прежде чем садиться за стол вместе с настоящими леди и джентльменами! – вскочил разъярённый Хиггинс.

– Я надеюсь, – надменно подняла брови Никки, – что на этих уроках мне объяснят, как джентльмены, делая грубые замечания даме, сидящей в инвалидном кресле, по-прежнему ухитряются считать себя джентльменами?

– Идём, дорогая! – Мистер Хиггинс ошпаренно выскочил из-за стола и резко потянул за руку жену. – Я не могу больше оставаться в таком обществе! Как старейший попечитель Колледжа, я не сомневаюсь, что мы скоро расстанемся с этой мисс Гринвич!

– Возможно, – спокойно ответила Никки, – но я не советую вам собственноручно заниматься вопросом моего исключения. Уж очень уязвимы вы сами... Ваши вкладчики очень удивятся, если узнают из прессы, что и без того неблестящий директор их банка, вместо поиска наилучшего вложения капиталов клиентов, оказался... э-э... столь неадекватным, что занялся личной местью девочке, сироте и инвалиду... Не знаю, как отреагируют на это пугливые акционеры, и куда потом рухнет ваш банк. Думаю, вы, как опытный бизнесмен, знаете это лучше меня!

Миссис Хиггинс побледнела, как простыня с фамильным гербом,

бросила на Никки взгляд, полный ужаса, и поспешила за взбешённым мужем.

Как только за ними захлопнулась дверь, долго сдерживаемый смех школьников взлетел к потолку, и к нему присоединились почти все преподаватели. Только директор сидел со страдальческим лицом да профессор Дермюррей хмурился даже больше обычного.

– Вы будете трудным учеником, мисс Гринвич, – тяжело вздохнул директор Милич.

– Жизнь вообще трудная штука, сэр, – философски ответила Никки, возвращаясь к недоеденному и уже остывшему – чёрт бы побрал этого склочного Хиггинса! – угрю.

После торжественного ужина Джерри проводил Никки до лифта её башни.

– А кто это был в конце, такой знаток этикета? – спросил он заинтересованно, пока дверь лифта не успела закрыться.

– Арабелла Бишоп, из «Капитана Блада», – ответила, зевая, Никки. – Спокойной ночи, Джерри.

Никки проснулась, открыла глаза – и в первый момент не сообразила, где находится. Потом с восторгом вспомнила. Это её новая замечательная комната в Школе Эйнштейна, в которой она будет жить целых пять лет! Тяжёлые старомодные шторы на окне – они ей очень нравились – раздвинулись, и яркое солнце залило комнату.

Девочку восхитил цвет колледжского неба. В астероидной оранжерее купол был нейтрально прозрачным, и солнце быстро двигалось по чёрному небосклону одиночества. Госпитальный состарившийся небесный пластик отсвечивал мутным перламутром. Купол же Колледжа не только регулировал освещённость по земным часам, задавая ежедневный ритм жизни Колледжа, но и рассеивал солнечный свет подобно атмосфере, становясь таким же небесно-голубым.

Никки заметила на куполе небольшие светлые клубы, которые отбрасывали прозрачную тень на лес.

– Что это, Робби?

– Имитация облаков, – объяснил тот. – Некоторым видам деревьев перегрев вреден, и купол следит за их температурой. При солнечных штормах он вообще затягивается тучами.

Девочка раньше никогда не видела облаков, даже имитированных, и с любопытством их рассмотрела.

Но пора было выбираться из постели. Никки медленно, стараясь не делать резких движений, встала, сделала нужное количество предписанных

врачами упражнений для спины и шеи и отправилась в душ.

Он был великолепен, и девочка готова была нежиться под горячей струёй сколько угодно. Но время завтрака давало о себе знать чувством голода всё настойчивее. Она оделась и с отвращением уместилась в давно осточертевшее кресло.

Джерри уже сидел в кафе и помахал Никки рукой. Им достался стол возле окна во внешней стене замка. Замечательный вид на поляну и лесную опушку привел Никки в наилучшее расположение духа. Сегодня она надела простой чёрный комбинезон, но необычной причёской резко выделялась среди немногочисленных школьников, рассеянных по всему залу.

Никки с интересом изучила повседневное меню Колледжа. Оно было, с её точки зрения, превосходным, но не содержало копчёного угря. Поэтому Никки порадовалась, что успела попробовать угря на праздничном ужине, и подсадовала, что ей не дали спокойно его съесть. Они заказали себе еду и стали ждать, когда роботы-кентаврики её принесут. Ждать было не скучно: по поверхности стола плавали формулы и трёхмерные модели молекул, цитаты великих мыслителей и выдержки из учебников. Дотронешься пальцем – и услышишь поучительный, поразительно быстро надоедающий голос:

«Мезоводород – это компактный атом водорода, в котором вместо электрона...»

– Ты уже смотрела свой колледжский электронный ящик? – спросил Джерри, украдкой любуясь свежим лицом и хрустальной шевелюрой Никки.

– Да, в него уже высыпалось полсотни писем от вновь поступивших студентов, – ответила Никки. – Все они просят за мой стол. Кажется, выбору сотрапезников здесь придаётся большое значение.

– Ты будешь проводить с сотрапезниками два-три часа в день, – согласился Джерри, – разговаривать на разные темы, узнавать новости из других орденов, устанавливая через них нужные контакты и знакомства.

– Хорошо, и что мы будем делать с такой массой желающих сесть за наш стол?! – воскликнула Никки.

– Такая толпа претендентов естественна, ведь ты – чемпион и рекордсмен Колледжа, и твой стол будет одним из самых популярных, – засмеялся Джерри. – Тем более вчера ты устроила такой весёлый спектакль... Я счастливчик, что успел проскочить за твой стол без очереди.

– Пошли благодарственную открытку Большой Терезе, – улыбнулась

Никки. – Но все-таки – как будем выбирать? Я никого из них не знаю, может, пусть Робби пока прочтёт список приславших письма, а мы подумаем?

– Зачитываю отправителей писем по мере уменьшения их экзаменационных баллов. – Педантичный Робби немедленно приступил к выполнению Никкиной просьбы. – Первый – Хао Шон. Вторая – Дзинтара Шихин-а. Третий...

– Постой, ведь они ещё не распределены по орденам! – воскликнула Никки. – Как же мы будем решать?

– Я имею представление об этом распределяющем алгоритме, – пренебрежительно буркнул всеведущий Робби. – Буду указывать с вероятностью две сигмы, или девяносто пять процентов, куда попадут данные студенты. Хао Шон будет в Ордене Оленей, Дзинтара Шихин-а – в Ордене Драконов.

– Это как раз то, что нужно, – отметил Джерри.

Тут роботы прикатали с таким вкусным завтраком, что разговор на время прервался.

– Что ты о них знаешь, Робби? – спросила Никки некоторое время спустя, приступив к кофе.

– Хао профессионально увлекается математикой, а как хобби – восточными боевыми искусствами и древней японской поэзией. Родился и вырос на Земле, в Бейджине...

– Где это? – спросила Никки.

– Это же столица Чайны, – удивился Джерри.

– В земной географии я почти ноль, – вздохнула Никки. – Давай дальше, Робби.

– Хао первый школьный цикл закончил в Бейджине, второй – в Бостоне, в Юнайтед Стейтс, куда переехал вместе с родителями...

– Что такое «школьный цикл»? – опять не утерпела Никки.

– Первый цикл – это первые четыре года школьного обучения, – охотно пояснил Джерри. – Второй цикл – ещё четыре года. Считается, что лучше заканчивать эти циклы в разных местах. А ещё лучше – в разных странах: для расширения кругозора и улучшения знания иностранного языка. В Колледж школьники поступают после окончания первых двух циклов.

– А сейчас Хао находится на Земле? – спросила Никки.

– Да, письмо пришло с бостонского сервера. Могу добавить, что его родители – инженеры. Авиационная промышленность и бытовая техника. Средний класс доходов.

– Это интересный парень – только что с Земли, математик, – задумчиво произнесла Никки. – Что думаешь, Джерри? Пригласим?

– Не возражаю.

– А что ты знаешь про Дзинтару? – обратилась Никки к Робби.

– Дзинтара родилась и закончила первый цикл в Москоу, в Раше. Переехала вместе с семьёй на Луну, в Луна-Сити, где закончила второй цикл. Активно занимается литературой и музыкой. Хобби – живопись.

– Тоже хорошо звучит, – сказала Никки.

– Отец Дзинтары возглавляет одну из крупнейших компаний Луны. Основной бизнес – лунный бетон, роботы и добыча гелия-3. Высший уровень доходов. Династия основана почти триста лет назад в Раше.

– Я – за, я видел её по тиви, в репортаже с Олимпиады по литературе, – отметил Джерри. – Она победила и потом давала интервью. Она мне понравилась: спокойная, умная и не манерная.

– Красивая? – подняла брови Никки.

– Очень, – улыбнулся Джерри, – но рядом с тобой у неё не много шансов...

– Ладно, – пожала плечами Никки. – Не будем создавать вокруг себя стерильную среду, надо привыкать к конкуренции... Я до сих пор не общалась с девчонкой моих лет – это, наверное, интересно. Пригласим Хао и Дзинтару, но окончательно это решится после распределения по орденам. А теперь пошли смотреть лес... Вообще-то меня туда вчера приглашали, но я решила потерпеть до сегодня, чтобы пойти вместе с тобой.

– Спасибо! – расплылся в улыбке Джерри, вставая из-за стола.

Лес вокруг замка рос замечательный – густой и действительно дикий – с упавшими деревьями, корягами и пнями, с путаницей разных пород деревьев – сосен, клёнов, дубов и берёз. Только дорожка из светлого лунного бетона, по которой ехала Никки и шёл Джерри, отличала этот лес от дикого земного. Да ещё трава на многочисленных полянках аккуратно подстригалась роботами-косильщиками.

Никки с наслаждением вдыхала густой воздух с ароматами свежего травяного сока и прелой земли. Вокруг свистели невидимые птицы, а на дорожке лежала прохладная узорчатая тень от листьев.

– Слушай, – начал Джерри, – ты меня не устаёшь поражать! Как ты можешь так смело разговаривать со взрослыми? Где ты этому научилась? Ты вчера отшлёпала этого старшего попечителя Хиггинса как мальчишку. Даже преподаватели сидели и молча терпели его.

– Неправильно ставишь вопрос, Джерри, – засмеялась Никки. – Это не я смелая, это вы – трусы. Вас научили – просто заставили! – бояться таких,

как он. Посуди сам: когда ты рос, тебя всегда окружали взрослые – большие, умные и могучие по сравнению с маленьким ребёнком. Этим суперлюдям всегда нужно было слушаться, а неповиновение вызывало наказание, что прочно цементировало рефлекс подчинённости у детей. Давай, вспомни какую-нибудь строгую учительницу из своих первых школьных лет.

– Что тут вспоминать... – поежился Джерри, – миссис Перкинс... Огромная, властная, как воззрится на тебя, как загудит трубным гласом: «И ты посмел не выучить задание?!» – прям дрожь по коже. Некоторые слабонервные первоклашки после её урока выскакивали с мокрыми штанами.

– Как её зовут?

– Джиневра, – с трудом вспомнил Джерри.

– Представь себе, что ты подходишь к этой свирепой миссис Джиневре Перкинс перед началом занятия и начинаешь разговаривать с ней на «ты» и с шуточками: «Привет, Джинни, как делишки? Что-то причёска у тебя сегодня бредовая – опять, проказница, всю ночь по крышам с кошками бегала?» – что-нибудь в таком роде... Смог бы ты сделать это в реальности – хотя бы на спор?

– Это немыслимо! – Джерри громко заржал и долго не мог остановиться. – У меня язык физически не повернётся такое сказать!

– Вот видишь, – кивнула Никки, – в тебе есть прочный психологический барьер, связанный с внушённым рефлексом послушания. Тебе очень трудно назвать взрослого на «ты» или уменьшенным именем. С возрастом этот рефлекс ослабевает, зато вся культурная среда начинает воспитывать другие стереотипы послушания: подчинение главе компании и другим сильным мира сего; желательность посещения какой-нибудь из многочисленных церквей; полезность борьбы за повышение социального статуса и, одновременно, необходимость понимания каждым сверчком своего шестка и так далее. Так что у взрослых свои барьеры, а у преподавателей Колледжа – ещё и контракты, которые зависят от Попечительского Совета.

– А у тебя, значит, этого барьера нет? – удивляясь, спросил Джерри.

– Да, у меня нет никаких подобных внушённых социальных рефлексов, – спокойно сказала Никки. – В своей среде я была самой старшей и самой умной. Конечно, Робби до сих пор во многом умнее меня, но он никак не стремился меня подавить или воспитать во мне какие-то комплексы. Он лишь помогал мне, и все мои желания выполнялись, если они были реализуемы вообще. У меня нет никакого пиетета ни перед кем.

Девочка хмыкнула.

– В конце концов, меня никто не кормил и не защищал – я практически выросла сама, так с чего я буду кланяться и благодарить этих надутых взрослых индюков? Поэтому когда я вижу болвана, то могу спокойно сказать ему об этом в лицо, даже если он стар, как диплодок, и увешан знаками общественной признательности с ног до головы.

– Так ты – социальный динамит! – засмеялся восхищённо Джерри. – Крута!

Лесная дорожка выбежала на мостик над небольшой речкой, и друзья с удовольствием постояли на нём, глядя, как на солнечном песчаном мелководье резвятся стайки мальков.

На воду упал жёлтый лист дерева, и мальки, как по команде, повернулись в одном направлении и шарахнулись в глубину. Видимо, социальные рефлексy у рыбёшек приобретались с икорного возраста.

– Но что ещё меня поражает, – задумчиво произнёс Джерри, – как непринуждённо ты спрашиваешь обо всём Робби: «А сколько заработал мистер Хиггинс?» – и он моментально тебе отвечает. Я, конечно, понимаю, что такую информацию можно добыть, покопавшись в Сети, но не мгновенно ведь! Особенно если учесть, что часть информации хранится на Земле – и две-три секунды тратится на любую серию запросов просто из-за конечности скорости света. Я неплохо знаком с лунным Инетом и не понимаю, как Робби ухитряется так оперативно отвечать тебе.

– Ну, во-первых, я могу задавать Робби вопросы заранее, без голоса, и он получает время для подготовки ответа.

– Как это – без голоса? – не понял Джерри.

– Мы же соединены с ним... Как бы тебе объяснить... Представь, что ты пишешь вопрос обычной ручкой, но сначала ты даёшь понять, что это... виртуальное действие, и тогда Робби не передаёт сигналы моего мозга на пальцы, но вполне понимает, о чём я его спрашиваю.

– Ничего себе! – снова поразился Джерри.

– Во-вторых, Робби и сам очень умён, – продолжила Никки. Из кармана с Робби раздалось довольное кошачье мурлыканье, и они засмеялись. – Он всё время сидит в Инете и роет информацию, которая может быть мне полезной. Например, могу предположить, что когда нам на ужине представили мистера Хиггинса, то Робби сразу заинтересовался и составил о нём справку. Может, Робби сначала копал не очень глубоко, но, очевидно, как только Хиггинс залез своим длинным носом в мой бокал, то сразу попал в более высокий информационный приоритет. Думаю, что ещё до моих вопросов о Хиггинсе Робби уже успел составить на этого

господина и его жену солидное досье из публичных материалов.

– Подтверждаю эти вполне тривиальные предположения, – важно сказал Робби. – Собирать и обрабатывать информацию – это моя работа, и я делаю её заметно лучше вас, жидкие биосистемы.

– Видишь, – улыбнулась Никки, – он ещё и нахальный кремниевый сухарь.

– Печень Козерога! – воскликнул возбуждённо Джерри. – Он гораздо умнее и эмоциональнее, чем известные мне компьютеры, а я знаю множество киберсистем! Робби, что у тебя за тип архитектуры и процессора?

– Я – компьютер... ну, скажем так... класса А10, – ответил Робби.

– Не может быть! – поразился Джерри. – Обычный персональный компьютер имеет класс А5, и только самые богатые покупают А6. Корпорации используют в основном А7 и А8. Я знаю, что научные институты, военные и Спейс Сервис имеют А9. Но я никогда не слышал о классе А10.

– Это не афишировалось, – ответил Робби. – Нас сделали три десятка на основе процессора А9 и нового типа архитектуры, которая, как предполагалось, должна быть способной к принципиально новому уровню самообучения. Эта пробная серия проходила испытания, включая пребывание в различных учреждениях. Я стажировался в Марсианском Институте, когда меня срочно отозвали на Землю. Для моей доставки использовали корабль «Стрейнджер» и семейный экипаж, который со своей дочерью Никки возвращался с Марса на Землю после пяти лет работы по контракту с МарсоИнститутом.

– Так это был спецрейс для твоей перевозки! – воскликнул Джерри. Он шёл по дорожке некоторое время молча, а потом обернулся к Никки. – А ты не задумывалась, что нападения на «Стрейнджер» и на тебя в госпитале могли быть связаны именно с Робби?

– Нет, – нахмурила брови Никки. – Мне это и в голову не приходило...

– Ну да, конечно, – иронически заметил Джерри. – Ты же была центром вселенной, когда жила на астероиде, ценность других на этом фоне совершенно не замечалась...

– Ах ты, язва! – слегка рассердилась Никки и бросила в Джерри сосновую шишку, которую подобрала в лесу и держала в руках. Шишка попала точно в лоб, мальчик даже не успел увернуться.

– Метко швыряешься, – проворчал он, почёсывая лоб. – Но не перебивай разговор, пожалуйста. Что ты думаешь об этой гипотезе, Робби? – спросил он. – Ты – кладёзь знаний. Мог ты добыть из моря

мировой информации такую крупную рыбу, ради которой могли быть организованы все эти нападения?

– Не знаю, – дал редкий для него ответ Робби. – Во-первых, для понимания важности информации часто нужен контекст. Для меня эта информация может выглядеть совершенно невинно, а для других – только в им известном контексте – представлять какую-то угрозу. Во-вторых, значительную часть памяти я потерял в ходе нападения, в частности я утратил все марсианские файлы и записи. Собственно, только с помощью Никки и косвенных фактов я вычислил, что до аварии находился на Марсе.

– Плохо дело, – задумался Джерри. – А почему ты колебался, определяя свой класс?

– Во-первых, потому что при аварии я потерял часть не только памяти, но и структурной организации, и мне пришлось спешно восстанавливать собственную архитектуру, используя все доступные мне способы и источники. Я столько импровизировал, что не уверен, что сохранил свой класс при этих пертурбациях. Во-вторых, когда Никки стала использовать мой процессор для передачи своих нервных сигналов, то я стал получать гораздо больше информации о человеческом поведении, о ваших чувствах и о том, как вы, жидко-молекулярные системы, мыслите. Странно, но оказалось, что эмоции – неотъемлемая часть вашего мышления. Эмоциональная оценка логических выводов оптимизирует процесс решения. Я многое из того, чему смог научиться у Никки, использовал для улучшения своей архитектуры – ведь вы, ходячие кюветы с биораствором, всё-таки весьма изобретательны...

– Мне кажется, – задумчиво сказал Джерри, – что у тебя сейчас может быть класс и повыше, чем десять, уж больно ты остроумен, пластиковый сундук в мелкий кремниевый узорчик...

Они рассмеялись втроём. А сердце Джерри вело себя как хотело и замирало от голоса Никки и от солнечных бликов, играющих в её хрустальных волосах.

– Робби, а что ты думаешь сам про себя? Ты – жизнь? – обратилась Никки к своему электронному товарищу с коварным вопросом.

– Нет, конечно, – уверенно ответил Робби. – Я лишь сложная логическая схема. Реальная жизнь гормонально мотивирована.

Он хмыкнул и непонятно добавил:

– Одно удовольствие за ней наблюдать...

Впереди дорожки появился просвет – они приближались к самому большому озеру Колледжа – Норд-Лейк.

Вдруг до них донеслось громкое гоготанье диких гусей. Никки

завизжала от восторга и дала полный ход коляске. А Джерри с восхищением смотрел девочке вслед и думал о том, что со всей очевидностью открылось ему вчера – когда он впервые увидел Никки с хрустальными волосами.

Он вдруг понял, что не может жить без этой удивительной девчонки, она стала центром его жизни, и всего один её ободряющий поцелуй помог ему победить на экзамене. И он готов броситься с кулаками на любого вооружённого громилу – чтобы она потом сказала «ты вчера был как лев...», а уж если вспомнить захватывающее дух «наклонись ко мне...»

Он прерывисто вздохнул и pokrutil головой.

Надо быть честным с самим собой – у него нет шансов завоевать её сердце. Никки уникальна – умна, находчива, протолкнула его в Школу Эйнштейна и даже внесла за него большую часть оплаты за первый год, со стыдом вспомнил он... Она уже знаменита – репортеры берут у неё интервью, герцоги целуют ей руки и приглашают в свои замки.

А у него – лишь заложенный родительский дом, который он наверняка потеряет в следующем году... Он стал ей другом на фоне госпитальных идиотов. Через месяц сюда понаедет куча разных принцев, суперинтеллектуалов и атлетов, и кто знает, останется ли он хотя бы её приятелем...

Джерри вздохнул ещё раз и побежал за Никки.

На следующий день за завтраком Джерри снова обратился к Робби:

– А ты что-нибудь знаешь о ребятах по классу A10?

– Я наводил справки – они работают в разных учреждениях, но серия A10 не оправдала надежд на самообучение и в массовую серию не пошла. Насколько я слышал, аналогичная судьба постигла серии A11 и A12. Сейчас готовится серия A13 – снова на базе процессора A9, но это снова лишь маленькая пробная серия процессоров, предназначенная для тестов разных теорий самообучения искусственного интеллекта.

– Компьютер класса A9 или A10 стоит огромных денег, – задумчиво сказал Джерри. – Мне непонятно, почему юридические владельцы этого процессора не потребовали его назад после обнаружения «Стрейнджера».

В глазах Никки мелькнул страх – она не могла представить свою жизнь без Робби. Увидев, что его слова произвели слишком сильное впечатление, Джерри постарался побыстрее развеять тень на лице Никки.

– Наверняка они его уже списали с баланса, – бодро заявил он. – Кроме того, твой адвокат Дименс души в тебе не чает, он не даст тебя в обиду.

Вскоре мальчику удалось развеселить Никки, но тень озабоченности была на его собственном лице, когда они вышли из-за стола и отправились на прогулку в лес, где прекрасно провели время до самого вечера.

После ужина Никки и Джерри вышли в центральный парк подышать перед сном свежим вечерним воздухом.

Купол уже затенили, и над лужайками повисло многоногое танцующее облако, прыгающее по поливальным форсункам. По водяным занавесям пробегали яркие всполохи, по краям медленно расцветали и угасали разноцветные сияния, а иногда казалось, что внутри плотного тумана гоняются друг за другом быстрые тёмные тени с красными глазами.

Школа Эйнштейна была полна тайн и оптических иллюзий. В лесу вспыхивали странные свечения и слышались неприятные скрипучие звуки – как будто там открывалась и закрывалась древняя заржавевшая дверь. В глубинах Северного озера мелькали фосфоресцирующие силуэты в обрамлении холодных вспышек, и даже сам купол замка иногда загадочно мерцал и на нём проступали невразумительные символы и знаки.

Август Никки и Джерри провели отлично: они каждый день долго бродили по парку или в лесу Колледжа. Никки наслаждалась и восхищалась всем – рощей мачтовых золотых сосен с высокими тёмно-зелёными ветками; величественным белым оленем на подстриженной лесной прогалине; тихим прозрачным озером с островками и песчаным пляжем; косолапыми шипучими гусями на береговой пушистой лужайке; вкусом еды в кафе; приветливыми кентавриками-официантами; просторным видом из окна комнаты и множеством других вещей.

Её жизнелюбие просто фонтанировало, и Джерри тоже заметно оттаял – даже уголки его губ перестали быть опущенными. Особенно радовало то, что прекратились ежедневные занятия по шестнадцать часов, измучившие обоих перед вступительным экзаменом. Они хорошо изучили замок и побывали на его стадионе, пустующем по летнему времени. Им не удалось увидеть никого в полёте, но всё равно Никки, сжимая подлокотники коляски, с взволнованным сердцем смотрела в пространство стадиона и думала о времени, когда она возьмёт крылья, оттолкнётся от сплетенья воздушных струй и солнечных лучей и взлетит птицей ввысь...

Стоял двухнедельный лунный день, и друзья загорали под ярким солнцем и купались в озере. Никки была неистощима на выдумки и развлечения и даже попросила Джерри покатать её на спине по пляжу.

Невозможно передать то чувство, которое он испытал, когда горячая фигурка в прохладном, влажноватом купальнике прильнула к его голой

спине, и он помчался по пляжу, опасаясь только одного – потери сознания от счастья. Никки же была далека от таких переживаний, она радостно что-то вопила, когда он забегал в воду и на неё попадали брызги, и визжала в Джеррино ухо, вцепляясь в его плечи на крутых поворотах.

Потом – по просьбе Никки, конечно, сам бы он служил ей лошадкой всю жизнь, даже научился бы есть овёс, – Джерри опустил свой хрустальный груз в воду и обессиленно упал на песок.

– Это невозможная мука... – прошептал он, глядя, как Никки плещется невдалеке, – думать о том, что она может скоро влюбиться в какого-нибудь принца, а я останусь вдали от неё в ничтожном статусе старого школьного... вернее, больничного приятеля!

Глава 7

Поздравляю, вы – инопланетянин!

Настало первое сентября. С раннего утра над Школой Эйнштейна закружились сотни такси и частных каров. Два лифта беспрерывно жужжали, опуская по пять или шесть машин сразу, но нетерпеливая очередь не уменьшалась. Взволнованные ученики, потные родители, нервные преподаватели, роботы, таскающие чемоданы...

Суматоха длилась до полудня, пока мелодичный бой часов не возвестил начало Церемонии Старой Шляпы. Все старые и новые обитатели Колледжа собрались в холле Главной башни. Каждый орден занимал свою сторону квадратного холла, а первокурсники робко столпились в его центре – на виду у всех. Родителей отправили на второй и третий этажи – наблюдать за церемонией с балконов.

Гулкое пространство Главного холла освещалось солнцем, проникающим сквозь высокие стрельчатые окна и потолок. Над смущёнными первокурсниками стайкой вились летающие телекамеры, снимая посвящение в студенты Колледжа для тивиканалов и семейных видеоальбомов.

Джерри и Никки наблюдали за приездом школьников из окна гостиной Леопардов и подошли к Главной башне, когда все уже втянулись внутрь. Друзья потихоньку протиснулись в толпу первокурсников, которые крутили головами по сторонам и изрядно нервничали.

Джерри выглядел спокойнее остальных новичков – для него эта церемония была не в диковинку. Но Никки чувствовала себя неудобно. Большое скопление людей вокруг нервировало её. Кроме того, сидя в кресле, Никки ростом заметно уступала другим школьникам. Джерри, как мог, защищал девочку, но пару раз на Никки чуть не сваливались соседи, зацепившись за её коляску. Никто в суматохе не узнавал в Никки знаменитую рекордсменку – из-за новой причёски и коляски, которая была не видна при телетрансляции экзамена.

Директор Милич вышел к трибуне и произнёс торжественную речь, приветствуя новичков и старожилов Колледжа, их родителей и, конечно, попечителей Колледжа. Никки из коляски, окружённая школьниками, не могла видеть происходящего. Джерри ухмыльнулся и наклонился к ней:

– Мистер Хиггинс с супругой почему-то не пришли на церемонию.

Но Никки было не до трусливых Хиггинсов – она старалась, чтобы

никто в толпе об неё не споткнулся.

Директор развернул большой бумажный свиток, изготовленный под старину, и начал вызывать новичков на Церемонию Старой Шляпы. Как немедленно выяснилось, первым по списку шёл чемпион вступительного состязания.

– Николь Гринвич, чемпион и рекордсмен Колледжа 2272 года! – провозгласил директор.

Публика загудела, и все принялись крутить головами в поисках Никки. Она попыталась пробраться в коляске вперёд, но сначала это получалось плохо. Никки даже наехала на пару ног под яростное чертыханье и шипение первокурсников.

Наконец ей удалось пробиться сквозь толпу на свободное пространство, но тут она с ходу попала в солнечный яркий квадрат, глаза её защурились, заслезились и стали плохо видеть окружающее за пределами светлого пространства. Зато все вокруг отлично увидели её – девушку в чёрном, с серьёзным лицом и прозрачно-серебристыми волнами волос, хрустально сверкающими в солнечном луче.

Гул восхищения пронёсся среди собравшихся в холле, а то, что Никки сидела в инвалидной коляске, вызвало сочувственные вздохи. Джерри тоже вовсю смотрел на девушку: «Может, Марина Блэкуолл для кого-то и красивее, но Никки... Я не могу выразить это словами. Что чувствует человек, протянувший к огню замёрзшие руки?»

Директор пришёл к Никки на помощь и принёс ей Старую Шляпу. Никки с большим облегчением надела её, спрятавшись от слепящих солнечных лучей, и услышала уже знакомый мистический голос:

– Николь Гринвич – Орден Леопардов!

Вопли восторга Леопардов и не-Леопардов потрясли Главный холл. Никки сняла Шляпу и проехала к стене, где стоял её орден. Здесь Никки бурно приветствовали. Особенно Смит, ужасно гордящийся старым знакомством с ней и всячески подчеркивающий его. Все хотели пожать руку рекордсменке, и Никки не дали забиться куда-нибудь в уголок и прийти в себя. Она так и осталась сидеть в центре строя ордена, окружённая дружественно рычащими Леопардами.

Это зрелище навеяло на Джерри грусть: «Вот у Никки и появилась масса новых друзей – смелых, как она сама, и умных, как все эйнштейнианцы...»

Распределение продолжалось. Вторым, уже следуя алфавиту, директор вызвал Изю Акутагаву, и Шляпа отправила мирного Изю в Орден Оленей, приветствовавших решение Старой Шляпы не меньшим шумом, чем

воинственные Леопарды. Над строем Оленей висел флаг: золотой олень на зелёном фоне.

– Принц Дитбит Третий! – Торжественность голоса директора Милича превысила все шкалы. Гулкий шум толпы подтвердил, что это имя всем знакомо.

Из первых рядов новичков вышел рослый красивый парень, картинно помахивая рукой в ответ на вопли и свист студентов и зрителей на балконе. Он с достоинством сел на табурет, брезгливо взял Шляпу и сделал вид, что надевает её, на самом деле не дотрагиваясь старой кожей Шляпы до тщательно уложенных белокурых волос. Но этого оказалось достаточно, и знакомый гулкий голос провозгласил:

– Дитбит Третий – Орден Драконов!

Драконы, стоящие под белым флагом с красным крылатым чудовищем, заорали как сумасшедшие. Принц встал со снисходительной усмешкой и небрежно бросил Шляпу на табурет. Пока Дитбит шёл к Драконам под их приветственный вой, он снова помахал рукой окружающим и, как показалось Никки, бросил на неё косой быстрый взгляд.

Джерри выкликнули в конце списка. Совы приветствовали его не только криками и аплодисментами, но и специфическим уханьем – фирменным знаком этого ордена.

Всё-таки Никки было очень жаль, что Джерри попал в другой орден. Возможно, это чувство усиливалось зрелищем красавицы Марины Блэкуолл, стоящей в первых рядах Ордена Сов, тем более что расстояние скрадывало реальные или воображаемые недостатки её внешности.

Среди других первокурсников Никки отметила невысокого невозмутимого мальчика с азиатской внешностью – Хао Шона, действительно попавшего в Орден Оленей, что совершенно не удивило Никки, знающей достоверность Роббиной информации.

Дзинтара Шихин-а оказалась высокой крупной девушкой с тёмными пышными волосами и красивыми карими глазами. Она была очень эффектна в алом костюме и отлично знала об этом. В её движениях сквозили уверенность и независимость – Дзинтара полностью игнорировала все распространённые мелкие трюки, которыми грешат голливудские актрисы и подражающие им девушки. Следуя таинственным канонам, они живут в суетливом облаке излишних жеманных движений. Даже усаживаясь на стул, они успевают продемонстрировать гибкость талии, хихикнуть, поправить волосы, всплеснуть руками и послать наугад закатывающимися глазками пылкий мессидж – впрочем, столь же бесполезный, как сигнал для контакта с инопланетянами.

Как Хао, так и Дзинтара произвели на Никки хорошее впечатление. И конечно, Дзинтара попала в Орден Драконов.

После Церемонии Старой Шляпы директор пригласил всех на торжественный обед. Строй орденов рассыпался, и в холле образовался шумный клубок старых приятелей, радостно хлопающих друг друга по плечам.

Никки из осторожности решила переждать это толпокипение, но Смит Джигич быстро оценил ситуацию, позвал друзей – и через секунду вокруг коляски Никки появился эскорт из четырёх мускулистых третьекурсников во главе с самим Смитом. Сначала Никки смутилась от такого внимания, но ребята так бодро прокладывали дорогу, без всяких слюнявых охов вокруг девочки, что ей быстро понравилось ехать среди этих весёлых парней.

Друзья Смита даже успевали на ходу прикладывать по спинам старых знакомых:

- Как дела, Вацлав, пыльный марсианин!
- Привет, Лидо, дай пройти... толстяк, как ты отъелся за лето на спагетти!

На торжественном обеде столы собрали в четыре длинные параллельные линии, упирающиеся в торцовый стол преподавателей.

Парни сопровождали Никки до крайнего стола Леопардов и устроили её в середину – на лучшее место, с которого был виден весь зал. Потом они представились: в незнакомой троице белобрысого крепыша звали Том, чернокожего наголо бритого стройного подростка – Георг, а третий – рыжий, конопатый и самый весёлый – оказался Дмитрием.

– Спасибо, ребята, – поблагодарила улыбающаяся Никки. – Это было здорово! Королевский выход!

И её эскорт, страшно довольный, уселся за стол.

Зал быстро заполнился студентами.

Родители уже не могли сопровождать их сюда, и летающие машины потянулись к подъёмнику Главной башни. Глаза родителей, проводивших детей в самостоятельную жизнь, были так переполнены эмоциями, что без аварий в густой стае разлетающихся джеткаров обошлось только благодаря хладноэлектронным автопилотам.

Перед обедом директор поздравил всех с началом нового учебного года и представил новичкам профессоров Колледжа. Каждый из них был крупным специалистом в своей научной области и работал в Колледже много лет – за исключением профессора Майсофт.

Потом все приступили к еде. В отличие от обычной системы заказов сегодня на столах уже стояли овальные подносы с разнообразными

бутербродами и громоздились батареи бокалов и небольших бутылок с напитками.

После речи директора все шумно заговорили и принялись за еду. Джерри помахал рукой из-за соседнего стола Сов, и Никки кивнула ему в ответ. За Совами сидели Олени, а за последним длинным столом, у противоположной стены зала, высокомерно хлопали крыльями яркие Драконы.

Смит устроился напротив Никки и, пока она оглядывалась по сторонам, схватил серебряные щипцы и быстро насобирал девушке блюдо самых аппетитных бутербродов. Чего тут только не было! Бутерброды с маринованной сёмгой и копчёным мясом, кальмарами и оливками, креветками и варёным цыплёнком, красной и чёрной икрой, печёночным паштетом фуа-гра и лососевым муссом, с джемом и фруктами. Бутерброды были маленькие – на один укус, поэтому их можно было съесть множество.

– Никки, – сказал Смит, вручая ей тарелку, – попробуй вот эти – мои любимые! – и он показал на высокие бутербродики в четыре слоя, где на квадратном тосте со сливочным маслом лежал кусочек копчёной селёдки, ломтик зелёного яблока и листик петрушки. – Классическое сочетание вкуса! Это я притащил школьному повару семейный рецепт.

Никки поблагодарила Смита, а тот быстро соорудил такое же блюдо робкой беленькой девочке-первокурснице с круглыми испуганными глазами, которая сидела справа от него и, не двигаясь, смотрела прямо перед собой. Получив столь галантный знак внимания, девочка вспыхнула как огонь и едва выдавила из себя какой-то благодарственный лепет.

Слева от Никки устроилась быстроглазая бойкая девушка с короткой стрижкой тёмных волос. Она представилась Никки как Матильда Чирок, пятикурсница, староста Ордена Леопардов. Справа сел курносый мальчик, который не назвал своего имени, но предупредительно налил минеральной воды в бокал Никки.

За столом шумел оживлённый разговор с сочными воспоминаниями о лете, предвкушениями спортивных баталий и страшными угрозами в адрес команд-соперниц. Первокурсники Колледжа, раскрыв рты, слышали немало впечатляющих колледжских историй.

– Каждую полночь из Запретных Пещер выходит Призрак Первого Ученика – когда-то лучшего студента Колледжа, давным-давно заучившегося до полной прозрачности организма. Поймает кого-нибудь неосторожного, заграбастает мёртвой хваткой и давай ему рассказывать всё, что знает из школьной программы, – пока поседевший от ужаса слушатель не скончается в невыносимых корчах. Никто не верил в этого

Первого Ученика, пока мы с Бифой-Совой не запустили такой шикарный призрак на гелиевой основе, что Зигфрида-Дракона потом пришлось лечить от заикания...

– Волди собирает шутки, анекдоты и афоризмы. Говорят, если подбросить ему парочку новинок, то он становится снисходительнее при оценке домашних заданий...

– Ерунда, Волди – как сфинкс, каменный и неподкупный...

Никки наклонилась к Матильде Чирок:

– Кто такой Волди?

– Это же Вольдемар, – удивилась та, – Главный компьютер Колледжа!

– А! – поняла Ники. – Который судил вступительные экзамены!

Из этих застольных разговоров она узнала о Колледже больше, чем за месяц жизни в нём.

– Возле Космического холла паркет-шутник вечно притворяется ночной поверхностью глубокого озера. Очень натурально – даже световые блики по волне безупречны. Конечно, все быстро привыкли к весёлому полу. Ну, мы с Джорджем решили поддержать шутку, притащили прозрачные барьерчики, быстренько приклеили к полу... Народ вываливается с лекции и смело шагает в волны – и оказывается в настоящей воде! Визгу! Воды было два дюйма, но Бим-Олень с испугу упал на живот и решил спастись вплавь...

– Эли-Сову попросили рассказать старый миф о Белоснежке и семи гномах, а он как начал плести: то были не гномы, а карлики, которые бывают белые, жёлтые и коричневые... У преподавателя волосы дыбом: «Что за бред вы несёте?!» А он: «Это не бред: цветные карлики – вполне закономерный продукт звёздной эволюции». Препод как зашипит: «Судя по всему, сударь, ваша Белоснежка – космонавт?»

– ...два шустрых Дракона, Билли и Фам, на лекции Дермюррея подбросили на первую пустую парту вроде стандартный лаптоп. Когда профессор, как обычно, начал на кого-то громко орать, то лэп открылся, и оттуда выплыла голограмма сонной обнажённой Венеры – прелестная штучка получилась, прелестная! – и томным чарующим голосом спросила: «Какой идиот тут разорался? Спать не даёт!» Дермюррей впал в белое бешенство. Изгрыз лаптоп вдоль и поперёк, но авторов не нашёл. Но народ своих героев и так знает!

– ...ну и конечно, профессор Франклин подошла, вытаращилась на моего кальмара-урода и говорит: «Что же, вы, батенька, реактивную камеру с кишечником соединили? Весьма конфузный организм у вас получился!»

Через некоторое время разговор перекинулся на обсуждение лучшей

тактики боев с роботами-драконами и кибер-ящерами – это был не известный Никки вид местного спорта.

– Правда, что на тебя напал тяжёлый робот-ремонтник? – спросил Смит занятую едой и молчавшую до сих пор Никки.

Он спросил не очень громко, но их часть стола мгновенно затихла. Никки покосилась на заинтересованные лица соседей и коротко кивнула. Тут замолк уже весь стол.

– Чем он был вооружен? – с профессиональным интересом спросил здоровенный угрюмый парень-пятикурсник с короткой стрижкой.

– Плазменный резак и гвоздемёт, – не очень охотно ответила Никки.

– И что дальше? – недоверчиво спросил пятикурсник.

– Сгорел, как свечка... – беззаботно сказала Никки, – присосался к розетке, не рассчитал вольтаж, старый алкоголик...

Стол Леопардов грохнул таким смехом, что по залу стали оборачиваться лица.

– А ты была в этом кресле? – ещё более недоверчиво продолжал расспрашивать угрюмый парень.

Никки прилично поднадоел этот допрос, но она кивнула.

– И чем ты была вооружена? – упорствовал парень.

– Ну... у меня было очень мощное оружие, которое и не снилось этому болвану... – призналась Никки.

Услышав это, парень облегчённо откинулся на стуле.

– ...мои мозги! – скромно закончила она.

Их стол так загоготал, что уже все в зале, включая преподавателей, обернулись в их сторону. Кое-кто из Леопардов чуть не сполз со стульев от смеха.

– Я тебе не верю! – вскочил с места сердитый здоровяк. – Я четыре года выступаю в боях с роботами, и я не могу поверить, что ты – без оружия и в инвалидном кресле – легко справилась с тяжеловооружённым роботом. Ты всё врешь!

Леопарды сразу притихли, видимо, это заявление было очень серьёзным в их среде.

– Всё «я» да «я», – холодно произнесла Никки, – а как тебя зовут, борец с роботами?

– Джон Багстоун!

– Никто и не говорил, Джон Багстоун, что это было легко, – жёстко продолжила Никки. – Я была два раза ранена в ходе той... дружеской беседы.

Никки завернула рукав чёрной блузки, прикрывавший уже заживший,

но всё ещё хорошо заметный длинный белый шрам на плече. Беленькая девочка возле Смита охнула и закрыла рот ладошкой – и как только такой цыплёнок попал в Леопарды?

– Это лёгкая царапина, рана под лопаткой тяжелее. А за то, что ты посмел усомниться в моих словах, Джон Багстоун, – ледяным голосом капитана Блада сказала Никки, – я вызываю тебя на дуэль. Выбор оружия за тобой.

Стол одобрительно оживился – видимо, дуэли были любимым занятием Леопардов.

– Я не дерусь с инвалидами, – ничуть не удивившись, буркнул Багстоун.

– Коляска – это временно, – свирепо сузила глаза Никки, – а к Рождеству я вправлю тебе мозги, Джон Багстоун...

Стол снова дружно засмеялся, а помрачневший Багстоун сел на место. Смит Джигич, наоборот, вскочил и с горящими глазами закричал остальным за столом:

– Ребята, она – настоящий Леопард! А коляска – это временно! Гип-гип-ура!!

Когда Леопарды шли в свою башню после обеда, добровольный эскорт Никки вырос раз в десять.

Когда утром Никки спустилась к завтраку, за их столом уже сидел не только Джерри, но и Хао Шон. Когда Хао увидел подъезжающую Никки, то вскочил и церемонно поклонился ей:

– Здравствуйте, мисс Гринвич! Спасибо, что пригласили меня за свой стол.

Невысокий спокойный Хао имел симпатичное азиатское лицо, умные карие глаза и говорил по-английски уверенно, с еле заметным акцентом. А вот Джерри почувствовал себя не в своей тарелке. Обычно они придерживались демократических правил, и он не вставал, когда к столу подъезжала Никки, но поведение Хао поставило его перед трудным выбором – если сейчас он не встанет вместе с Хао, то будет выглядеть невежей на его фоне, а если встанет – признает, что до этого момента вёл себя невежливо.

– Привет, Хао! – сказала Никки, протянув руку. – Зови меня просто Никки.

После этого она заодно подала руку и Джерри. Тот, наполовину привстав со стула – в качестве компромиссного решения с вежливостью Хао, – с удовольствием пожал Никкину ладошку, после чего решил, что

утренние рукопожатия за их столом должны стать доброй традицией.

К столу подошла царственная Дзинтара Шихин-а в платье цвета тёмного серебра, и церемония приветствия повторилась снова, но тут уж и Джерри встал во весь рост – ради первого знакомства. Рядом с Дзинтарой катился её персональный робот размером с крупную собаку, который тащил на спине сумку и даже старинную гитару. Дзинтара не поблагодарила Никки за приглашение.

Все расселись по местам и потребовали себе завтрак.

– Какая здесь еда... смешная, – скривилась Дзинтара после изучения меню и заказала себе кофе с бисквитами.

– А мне нравится! – жизнерадостно отозвалась Никки. – Прудовый лосось вполне замечателен.

– А ты пробовала земного лосося, выросшего в естественной среде? – снисходительно поинтересовалась Дзинтара.

– Нет, и это меня очень радует, – живо сказала Никки. – Мне предстоит попробовать столько вкусной еды и увидеть так много интересных мест... Вам всем гораздо хуже – вы уже много чего видели и съели.

– Я хорошо выбрала стол, – засмеялась Дзинтара, – у тебя свежий взгляд на вещи. А ты почему пригласила нас с Хао? – как-то слишком уж непринуждённо спросила она.

– Мой компьютер Робби стал читать нам с Джерри список приславших свои просьбы, всего их пришло около пятидесяти, – совершенно ничего не скрывая, ответила Никки, – и этот зануда сам решил начать с тех, кто набрал высший балл по экзамену. Первым шёл Хао, потом – ты. Так как Робби пообещал, что вы будете распределены в Ордена Оленя и Дракона, то мы с Джерри решили даже не смотреть остальные письма: сравнивать и взвешивать людей – не самое приятное из занятий...

– А! Так мы обязаны этим своим хорошим баллам... – с некоторым облегчением констатировала Дзинтара.

– Не только, – добавила Никки, и Дзинтара снова насторожилась. – Робби дал нам короткую справку о вас, и мы сочли, что китайский математик с Земли и русская поэтесса с Луны нас вполне устраивают. Кроме того, Джерри сказал, что видел тебя по тиви во время Литературной олимпиады, и ты ему понравилась – ты спокойная, умная, не манерная и очень красивая.

Дзинтара захохотала, Хао улыбнулся, а Джерри в смущении сильно покраснел.

– Никки, ты всегда говоришь только правду? – отсмеявшись, спросила Дзинтара.

– Как правило, – ответила Никки. – Раньше мне некому было лгать... Да и проще быть честным – не надо запоминать собственное враньё.

– И что же он ещё сказал про меня? – лукаво произнесла Дзинтара, глядя на смешавшегося Джерри.

– Ничего особенного, – пожала плечами Никки. – Он лишь добавил – из чистого подхалимажа, конечно, – что рядом со мной у тебя не много шансов...

Тут они засмеялись все вчетвером, включая вежливого Хао, вконец смутившегося Джерри и вовсе не обескураженную Дзинтару.

– Никки – просто динамит, – сказал сдавленным голосом багровый Джерри. – С ней очень трудно – у неё нет ни одного социального тормоза...

К столу подъехали сразу два кентаврика. Ребята сняли с их спин тарелки, и все приступили к завтраку.

– Мне кажется, что ты неспроста интересовалась причинами нашего выбора, – съев рыбу и приступив к кофе, заявила Никки. – Давай выкладывай – почему это тебя так занимает?

Атмосфера откровенности, стремительно установившаяся за их столом, не позволила Дзинтаре уклониться от честного ответа.

– Я слишком часто сталкиваюсь с тем, что люди хотят познакомиться со мной... небескорыстно, – ответила она.

– Небескорыстно – в смысле сексуального приставания? – недоуменно подняла брови Никки.

– Если бы, а то – финансового... я же из династии... – в свою очередь удивилась Дзинтара.

– Ах да, – вспомнила Никки, – Робби что-то такое говорил – про высший уровень доходов и про династию... Робби, что это означает?

– Династия – это богатейший, из верхней сотни существующих мировых состояний, семейный клан, в котором принят династийный характер наследования: практически всё наследство в одни руки, обычно – старшему наследнику, – ответил Робби. – На сегодняшний день средняя династия, входящая в Королевский Клуб, обладает состоянием в двести миллиардов золотых долларов.

– Ух ты! – присвистнула Никки и непосредственно поинтересовалась – А сколько у тебя денег, Дзинтара?

– У меня самой – мало, – уклончиво ответила Дзинтара, – а у семьи очень много – точно не помню.

– Династия Шихин-ых обладает состоянием в полтора триллиона долларов, – педантично уточнил Робби.

Тут уже и Джерри присвистнул.

– А Никки размечталась, когда приглашала тебя, – саркастически хмыкнул он, – вот наконец-то пообщаюсь с обычной девчонкой своих лет. И вот – нарвалась на принцессу крупнейшей династии. И я, дурак, не сообразил, не предупредил её...

– Так ты – принцесса?! – Глаза Никки загорелись странным огнём, и она уставилась на Дзинтара.

– Эй-эй, – быстро сказала Дзинтара, – я ужасно устала быть принцессой, которой никто не скажет ни слова поперёк и ни слова правды. Кроме семьи, конечно... Я как раз хочу быть среди своих сверстников нормальной девчонкой. Я и попросилась за стол к Никки, потому что мне очень интересен предельно независимый человек, выросший вне этой системы. Человек Непресмыкающийся!

Дзинтара одобрительно посмотрела на Никки:

– Я видела твою пресс-конференцию и слышала разговор с надутым Хиггинсом – запись с т-фонов уже гуляет по Сети Колледжа. Как ты врезала этому индюку! Экстра-класс! Пожалуйста, никаких церемоний – договорились? И кстати, ты вполне можешь рассчитывать на мою помощь в финансовых вопросах. Я буду только рада – ведь я сама предложила.

– Эх, жаль, мы с тобой не были знакомы летом, – легко засмеялась Никки. – Мы с Джерри голову сломали, думая, как раздобыть пару миллионов на первый год Колледжа.

– И как вы их нашли? – спросила Дзинтара.

– Я заложила астероид – всё, что сумела заработать за свою жизнь... – допивая кофе, сказала Никки, деликатно не затрагивая вопроса о кредите за Джеррин дом. – Я понимаю твои опасения – богатый знакомый представляет собой заманчивую возможность не заработать, а выпросить. Но, мне кажется, это очень разрушительно для личности и чувства самоуважения... Короче, хочешь – верь, хочешь – не верь, но, приглашая тебя, мы никак не учитывали твоё финансовое положение.

– Я верю, – с заметным удовольствием сказала Дзинтара. – За весь разговор ты ещё ни разу не соврала. Большая редкость!

– Как ты это узнаёшь? – удивилась Никки.

– И сама вижу, и мой Шарик молчит. – Дзинтара указала на своего крупного робота.

– А! Робби, посмотри-ка, – обратилась к старому другу Никки, – продвинутые роботы подрабатывают детекторами лжи. Ты так можешь?

– Думаю, да, – ответил Робби, – я тоже буду сигнализировать, если тебе кто-то соврёт.

– Это очень непросто, – скептически заметила Дзинтара.

– Он справится, – уверенно сказала Никки. – Ребята, пошли на занятия, а то опоздаем.

Первую вводную лекцию для всех первокурсников Школы Эйнштейна по традиции читал старейший преподаватель Колледжа, профессор Эд Ван-Теллер. Знаменитый профессор был небольшого роста, с большим носом и очень сутулый. Профессору исполнилось недавно сто двадцать пять лет, и он передвигался с трудом, опираясь на огромную деревянную клюку выше собственного роста. Но в старческом теле он сохранил ясное мышление и громкий голос, а его глаза горели под кустистыми седыми бровями яростным молодым огнём.

– Если кто-то из вас думает, что он очень умён, раз поступил в Колледж, то он полный болван! – громовым голосом начал профессор Ван-Теллер свою лекцию перед сотней первокурсников.

Поражённый зал притих.

– Вы пока – лишь сырьё для выращивания хомо сапиенс в полном смысле этого слова. Школа Эйнштейна изо всех сил старается превратить вас в настоящих интеллектуалов и специалистов, но всё равно, с моей точки зрения, мы имеем девяносто процентов брака... Конечно, из вас получатся сносные банкиры, политики или какие-нибудь там космонавты, – презрительно скривился Ван-Теллер, – но учёных – настоящих учёных! – выходит от нас очень и очень мало... Естественно, любой профессионал должен пройти многолетний путь университетской и практической шлифовки, но именно эти пять лет в Колледже будут для вас определяющими – будете ли вы Человеком Разумным или Человеком Ординарным...

Только кретины делят человечество на богатых и бедных, азиатов и европейцев, инженеров и врачей – это всё ерунда! – взревел профессор. – Есть только один главный водораздел – на учёных и неучёных, на творцов и ремесленников. На тех, кто способен найти что-то новое, – их очень мало – и на тех, кто может следовать только старому алгоритму, наезженной колее, – это все остальные, и их очень много...

Ван-Теллер сделал паузу и не спеша отпил воду из стакана.

– Куда вы относите поэтов в своей классификации, профессор? – раздался в аудитории безмятежный голос Дзинтары.

Аудитория заинтересованно насторожилась, ожидая очередного ван-теллеровского бескомпромиссного рыка. Профессор бросил на Дзинтару острый взгляд и подошёл к ней вплотную, громко стуча полированной неровной клюкой. Остановившись, Ван-Теллер протянул вперёд

изломанные возрастом пальцы; в ответ Дзинтара смело подала ему свою юную ладонь. Профессор склонился косматой седой головой и галантно поцеловал студентке руку. Вокруг возбуждённо зашептались.

– Настоящие поэты и художники – это творцы, – совсем негромко произнёс профессор, выпрямившись. – Они видят неожиданные стороны и даже самую суть нашего бытия... извлекают её наружу, гранят и дают другим возможность прикоснуться к этой сути. Принцесса Дзинтара, я – старый поклонник вашей молодой поэзии. В ваших стихах есть смелость и необычайная свежесть. А моя праправнучка Лили знает их наизусть.

Профессор Ван-Теллер проковылял назад к кафедре.

– Ваше обучение в Колледже займёт пять лет, – снова взревел он, обращаясь к аудитории. – Программа первого курса одинакова для всех. За это время вы познакомитесь со всеми профессорами и предметами, а если захотите, то сможете самостоятельно углубиться в изучение какой-нибудь проблемы. На второй год вам придётся выбирать специализацию на одном из четырёх факультетов Колледжа.

Физико-математическая специализация подразумевает исследование небиологического естественного мира. Сюда включены астрономия, планетология и химия.

На биогенетическом факультете изучают биомир, а также психологию человека как индивидуума.

Гуманитарный факультет охватывает искусство и экономику, политику и менеджмент – всё, что относится к социуму и человеку как общественному существу.

Киберинформационное направление посвящено миру искусственных интеллектуальных систем – роботов и компьютеров – переработчиков информации.

За столом, где сидела группа рослых, изысканно одетых мальчиков, завязалась оживлённая и довольно громкая беседа. Профессор сделал паузу и метнул туда строгий взгляд.

– Каждый день у вас будет по четыре пары лекционных и семинарских занятий, – продолжил он, – с перерывами ваш рабочий день будет длиться с девяти утра до пяти вечера за исключением среды, полностью отведённой под самостоятельные занятия. Суббота и воскресенье – это выходные, но не мечтайте хорошо учиться в Колледже, если в уикэнд вы будете только бездельничать!

За столом Драконов, где в центре красовался принц Дитбит, снова возникло энергичное обсуждение. Профессор подковылял к ним и со страшным грохотом врезал гигантской клюкой по крышке стола. Дитбит и

все, сидящие вокруг него, подпрыгнули от неожиданности.

– Внимание, ты, сырьё! – гаркнул старый профессор.

– Я – принц Дитбит! – возмущённо заявил Дитбит, после сцены с Дзинтарой решивший, что профессор Ван-Теллер будет почтителен с представителем династии. Но он очень ошибся.

– Для меня это означает лишь то, – зарычал в ответ профессор, – что ты – безнадёжно испорченное сырьё!

Лицо Дитбита пошло красными пятнами.

– В следующий раз ты покинешь мои лекции навсегда! – свирепо продолжил профессор. – И твоему папеньке придётся очень постараться, чтобы тебя не выперли из Колледжа!

Это касается всех, – обернулся профессор к застывшей аудитории. – В Колледже учится масса студентов из знаменитых и влиятельных семей, заплативших за место в Школе Эйнштейна большие деньги. Но это означает лишь то, что никто не смеет мешать занятиям других под страхом изгнания с лекций и исключения из Школы.

Профессор прошёл к кафедре, и стук его клюки отчётливо раздавался в мёртвой тишине.

– Кстати, хочу открыть одну тайну принцам и прочим вельможам, которых немало в этом наборе, – едко добавил он. – Многие родители потому и отправляют своих отпрысков в Колледж – в надежде, что здесь с них немного собьют непомерную спесь!

Лишь еле слышный вздох прошелестел по залу, и профессор продолжил яркую лекцию.

– Вы должны осознать главное насчёт специализаций и факультетов – на самом деле между ними нет никаких барьеров! Если кто-то из присутствующих думает, что есть учёные-физики, а есть учёные-биологи, то он опять-таки полный болван! – снова неожиданно высказался профессор. – Наука едина! – загремел яростно Ван-Теллер. – Природа не знает деления на химию, биологию и психологию, это придумали мы – люди, а вернее – те жалкие людишки, которые не смогли вместить в своих черепушках знание целиком. Поэтому они разрезали его на кусочки, рассовали в разные головы, и сейчас ни одна голова не знает, что делать с этими обрывками и как понять наш единый мир!

Профессор в подтверждение громко стукнул клюкой о пол.

– Как разделить химию и биохимию?

Как можно изучать клетки или биосущества, не затрагивая физические процессы в них?

Как понять социальную динамику человечества, не учитывая факта,

что человек – биологический организм с заданным, но вариабельным набором рефлексов, инстинктов и подсознательных биосоциореакций?

Как запрограммировать эффективную схему распознавания лица в компьютере, не изучив её на примере человеческого нейровосприятия?

Как конструировать бытовых роботов, не рассчитав заранее, как они будут вписываться в социальную структуру нашей цивилизации – или даже менять её?

А в какой раздел отнести экологические проблемы?

Профессор задумчиво прошёлся по аудитории.

– Если уж вам так хочется разделить мир на кусочки для упрощения, то делите его на системы или объекты – дерево, Сатурн, робот – и решите, кем вы хотите стать – специалистом по Луне или ракетам, по человеку или по всему человечеству...

В заключение первого часа профессор Ван-Теллер устало сказал:

– В этом семестре я буду обучать вас системному мышлению, или умению рассматривать реальные объекты во всём богатстве взаимосвязей с окружающим миром. Только лекции, да... Семинары будут вести другие преподаватели по моему учебнику «Элементарное введение в системное моделирование». Не советую опаздывать на второй час! – прорычал профессор. – Всё, перерыв.

Впечатлённая лекцией Никки оглянулась на зал и заметила среди новичков многих старшекурсников – вводная лекция профессора Ван-Теллера пользовалась популярностью среди эйнштейнианцев. Из-за коляски Никки решила не выходить из аудитории, и Джерри остался с ней за компанию. Группа студентов с Дитбитом во главе прошла мимо, и донеслось злобное ворчание принца:

– Мы ещё посмотрим, кто вылетит из Колледжа! Я позвоню отцу, и он этого задрипанного старикашку...

«Не держит удар, – подумала Никки, – слишком самолюбив и не мудр. Если попал в смешную ситуацию – надо первому смеяться над ней. А мстительность – признак мелких натур...»

Они остались с Джерри в зале одни. Столы и стулья были живописно завалены лаптопами, папками и яркими куртками. Забытые персональные роботы оглядывались на дверь, куда ушли их хозяева. Робоптицы сидели на спинках стульев и пересвистывались, а под столами настороженно обнюхивались киберсобаки.

– Оказывается, учиться вместе с другими – это совсем иное дело, чем одной читать учебник... – задумчиво сказала Никки.

– Почему? – спросил Джерри.

– Здесь в воздухе ощущается... не знаю, как сказать: аромат интеллекта, дух уважения к уму, знанию... – Никки пожала плечами. – Начинаешь отчётливо понимать, что учение – это не просто полезная, но и НЕОБХОДИМАЯ вещь.

– В обычной школьной аудитории такого настроения нет, – заметил Джерри.

– Тогда я очень рада, что мы с тобой поступили в Колледж! – воскликнула Никки.

Джерри с удовольствием смотрел на оживлённое лицо с яркими синими глазами и думал: «Ты даже не представляешь, Никки, как я этому рад...»

Отдохнувшие студенты с гиканьем и шумом рассаживались по местам. Киберживотные хвостами и лапами радостно приветствовали своих непостоянных двуногих друзей.

Вторую часть лекции профессор опять начал неожиданно.

– Эти три четверти часа посвятим системному анализу конкретного природного объекта. В честь принцессы Дзинтары, написавшей очаровательное стихотворение «Беззаботная бабочка моей грусти», я выбрал для сегодняшнего анализа весьма романтический пример: бабочку, подлетающую к цветку на солнечной поляне. Будем работать вместе. Опишите процессы, которые происходят в таком обычном объекте нашего мира, как бабочка возле цветка. Кто начнёт?.. Ну?.. Всего лишь бабочка...

Запуганный первой лекцией, зал смущённо молчал.

– Вам нужно научиться не только смелости мышления, но и обычной, человеческой смелости! – повысил голос профессор Ван-Теллер. – Выступать перед большой аудиторией, высказывать свои мысли, уметь грамотно спорить и защищать собственные тезисы – без этих способностей вам не прожить ни в Колледже, ни в окружающем мире.

Призыв остался без ответа.

– Ладно, – сощурился старый профессор. – Начнём принудительное воспитание.

Он посмотрел на ряды и ткнул палкой в направлении принца Дитбита:

– Что вы скажете о бабочке, подлетающей к цветку?

– Ну... – нехотя протянул Дитбит, с опаской косясь на огромную профессорскую клюку, – она ощущает запах цветка усиками-антеннами, при этом происходит испарение с поверхности цветка фруктовых эфиров и других ароматических соединений, диффузия их в воздухе, реакция молекул с поверхностью усов бабочки и раздражение её нервных окончаний.

– Неплохо, – сказал профессор. – Может, вы не так безнадёжны, как показалось сначала.

Принц Дитбит высокомерно усмехнулся.

– Что можете сказать про нашу летающую систему? – обратился профессор к Изабелле, беленькой первокурснице из Ордена Леопардов.

Та немедленно залилась краской.

– Бабочка пьёт нектар, – всё-таки смогла тихо сказать она, – тем самым добывает себе энергию для полёта... И ещё она опыляет цветок...

– Молодец, – поощрительно сказал старый профессор, понимая, как было непросто такой робкой девочке ответить. – Кто хочет добровольно развить тему опыления?

Поднялась рука, и после кивка профессора бойкая девочка-Сова затараторила:

– Бабочка переносит пыльцу с цветка на цветок! перекрёстное опыление уменьшает риск генетических дефектов! Генотип растения определяет образование протеинов! Которые задают фенотип, рост и строение цветка! А также его цвет и запах!

– Очень хорошо, – заявил профессор, – но дальше в цветок углубляться не будем, сегодня для нас главный объект – бабочка.

В аудитории появились добровольцы-биологи, которые наперебой и детально описали цикл превращений: бабочка – яйцо – гусеница – куколка – новая бабочка. Потом снова наступила пауза.

– А вы что скажете? – Профессор бесцеремонно ткнул пальцем в Джерри.

– Взмах крыла бабочки описывается системой гидродинамических уравнений Навье – Стокса в частных производных, – не растерялся Джерри, – с их помощью можно рассчитать подъёмную силу при асимметричном движении крыльев вверх и вниз, а также образование турбулентных вихрей на краях крыльев. Большинство нелинейных гидродинамических эффектов, сопровождающих полёт бабочки, не решаются в аналитике и исследуются численным моделированием. А ещё глаза и мозг бабочки являются сложной системой по распознаванию изображений и навигации к выбранному объекту.

– Здорово! – кивнул профессор. – Даже непонятно, что ещё осталось сказать об этом летающем животном.

Ван-Теллер перевёл взгляд на Никки, сидящую рядом с Джерри:

– Вы хотите что-нибудь добавить?

– Бабочка создана, – негромко сказала Никки, – из двух видов химических элементов: водорода, возникшего в ходе Большого Взрыва и

имеющего возраст более десяти миллиардов лет, и из углерода, азота, кислорода и серы, которые образовались гораздо позже – при термоядерном горении массивных звёзд. В конце своей эволюции эти звёзды взорвались как сверхновые, и ударные волны распылили в космосе и добросили до Солнечной системы химические элементы тяжелее гелия – углерод, кислород и другие. При вспышке сверхновой звезды образовались и самые тяжёлые химические элементы – от железа до урана, – которые также можно найти в бабочке. Это легкомысленное насекомое состоит из древнего инозвёздного вещества. Бабочка несёт в себе как следы первых минут рождения Вселенной, так жизни и смерти многих звёзд...

Густые брови профессора поднимались всё выше и выше, а Никки не спеша продолжала:

– Звёзды светят и днём, поэтому, кроме молодого солнечного света, который летел в космосе восемь минут, на бабочку одновременно падает и древнее излучение далёких звёзд. Этот звёздный свет покинул фотосферы своих светил сотни и тысячи лет назад, преодолел огромное пространство и закончил существование на крыльях земной бабочки, слегка нагрев их древним теплом, возможно, уже погасших звезд. Цветовая непрозрачность бабочки спектрально условна. Сквозь хитиновую броню легко проникают космические и земные излучения, включая гравитационные и радиоволны, гамма-лучи и нейтрино. Бабочка быстро машет крыльями и сама оказывается источником низкочастотного звукового и гравитационного излучения. Она находится в искривлённом пространстве-времени вокруг Земли и движется, опираясь на воздух, тем самым полёт бабочки – это непрерывное бегство от падения по геодезической линии... Достаточно? – спросила Никки Ван-Теллера.

– Нет... – зачарованно протянул старый профессор, – я бы ещё послушал...

– Бабочка эффективно оперирует временем и его энергией. Согласно следствиям из специальной теории относительности Эйнштейна, бабочка и её крылья, двигаясь с разной пространственной скоростью, обладают разными скоростями времени в каждой точке крыла и корпуса.

Мускулы бабочки, махая крыльями, меняют скорость времени вдоль крыла. Молекулы воздуха двигаются с наибольшей скоростью в пространстве и с наименьшей скоростью во времени. Результат соударения молекул воздуха с молекулами крыльев описывается на языке классической физики как давление или передача энергии, но его правильнее рассматривать как обмен пространственно-временными параметрами между атомами. Порхающий полёт бабочки – это танцующее

взаимодействие личных времён и пространств бабочки, гравитационного поля Земли и атмосферных молекул... Продолжать? – снова спросила Никки.

– Если есть что добавить, то – да, – по-прежнему заинтересованно проговорил Ван-Теллер.

– Ну... бабочка – термодинамически открытая, самоорганизующаяся система по Пригожину и обладает целым букетом нестабильностей, например неустойчивостью Тьюринга в средах диффундирующих химических реагентов, отвечающей за образование структур тела бабочки и за узор на её крыльях. Можно отметить нелинейное распространение электрических импульсов в нервных клетках, волновую нестабильность в виде кишечной перистальтики, а также образование солитонов в длинных цепях белковых молекул. Бабочка – это метастабильный объект, образованный букетом структурообразующих неустойчивостей. Бабочка жива, пока нестабильна – если она избавится от неустойчивости, то умрёт. Абсолютно стабильная система всегда мертва.

Никки решила остановиться без всяких вопросов о продолжении. Профессор Ван-Теллер смотрел на неё с острым интересом.

– Кто вас научил такому... видению? – заинтригованно спросил он. Студенты сидели не дыша.

– В основном – вы, профессор, – улыбнулась Никки.

– Как так? – совсем высоко поднял седые лохматые брови профессор Ван-Теллер.

– Я взяла вашу книгу «Общий курс системного моделирования», – весело пояснила Никки, – чтобы почитать о функционировании квазизамкнутых биосистем. Книга оказалась очень полезной для расчётов моей оранжереи. А потом я так увлеклась, что прочитала её всю. Многие места были весьма непростыми, но я их одолела, и ваша книга... перевернула моё представление об этом мире.

– Спасибо, – помолчав, сказал профессор Ван-Теллер тихим удивлённым голосом. – Самый ценный отзыв, который я когда-либо получал о своей книге... К сведению остальных, – обратился он к аудитории, – «Общий курс» – не школьный, а университетский учебник.

Он повернулся снова к Никки.

– Я узнал вас, вы – мисс Никки Гринвич, прожившая на астероиде десять лет?

Никки согласно кивнула.

– У меня к вам просьба, – пристально глядя на Никки, произнёс профессор. – Скоро выходит новое издание «Общего курса». На

суперобложке издатели любят размещать похвалы книге от всяких знаменитостей. Как практичный человек, я хотел бы привести ваш отзыв о моей книге крупным шрифтом на обложке. – Профессор поднял руку с телефоном, записывающим всю лекцию. – Я уверен, это заметно поднимет уровень продаж. Вы согласны?

– Конечно, профессор, – легко согласилась Никки.

– С вашим портретом? – уточнил профессор.

– Как вам будет угодно, – не возражала Никки. Аудитория еле слышно, но дружно загудела.

– Скажите, – продолжил профессор, наклонившись к Никки, – а вас не удивила моя такая... очень деловая просьба? – Он смотрел на неё со странным вниманием.

– Нет, – улыбнулась Никки, – это полностью соответствует системной парадигме, изложенной в вашей книге. А могу я рассчитывать на десять процентов от роста продаж вашего учебника?

– Можете! – Профессор расхохотался, и глаза его торжествующе блеснули. Он медленно заковылял к кафедре, опираясь на огромную клюку. – Вряд ли кто понял, – весело произнёс Ван-Теллер, – но я проверял, насколько мисс Гринвич усвоила последнюю главу моей книги. Она усвоила её отлично! Но это был не просто тест, – обернулся профессор к Никки, – все наши договоренности остаются в силе.

– Нисколько не сомневалась, – сказала Никки.

Школьники не выдержали и забубнили.

– Принцесса Дзинтара, – профессор остановился возле передних столов, – а вы что-нибудь хотите сказать о бабочке, которая порхает в этом зале в вашу честь?

– Она красива, – сказала Дзинтара, – и это её главная загадка. Когда я смотрю на полёт бабочки, моё сердце трепещет от счастья и тоски. Почему? Может, мы в древности дружили с этой бабочкой, и генетическая память о тех временах ещё жива? Или во мне существует эстетический контур, резонирующий с музыкой, бабочкой, стихом? А может, это вечная мечта о крыльях и свободе бьётся и плачет во мне?

Принцесса замолчала. Профессор неподвижно постоял возле неё, потом доковылял до кафедры и повернулся к аудитории лицом.

– Браво всем, – сказал он, улыбаясь.

Он уже не походил на буйного агрессивного старика с первой лекции. Лицо его стало светлее и мягче.

– Вы сегодня помогли мне принять важное решение, – негромко произнёс профессор Ван-Теллер. – Я собирался отказаться от очередного

курса омоложения – больно, дорого, надоело... – и уйти на окончательный покой в конце этого семестра. Сейчас я решился ещё раз отдать свои старые кости этим эскулапам – пусть мучают... Поработаю несколько лет, погляжу на ваш набор... что из вас получится... – Профессор посмотрел на Дзинтару, Никки, обвёл взглядом аудиторию. – Все свободны.

Лекцию по литературе вела профессор Джоан Гуслик, худощавая высокая дама с серыми глазами. Она ознакомила школьников с программой будущего курса, и Никки с облегчением убедилась, что в плане нет мыльных опер и сценариев Луновуда. Литературные занятия по классической прозе, современным снежам и различным формам мировой поэзии обещали быть очень интересными, а уж домашние задания – прочитать и обдумать какую-нибудь книгу – выглядели, с точки зрения Никки, просто развлечением.

Хорошей новостью было и то, что весь сентябрь студентам-первокурсникам будут читать только лекции. Семинаров и домашних заданий не будет – чтобы студенты за первый месяц успели адаптироваться к Колледжу и ритму его обучения. Лекции никто и не думал конспектировать – они автоматически записывались во внутреннюю компьютерную сеть Колледжа – и текст, и видео. Все желающие могли ещё раз прокрутить интересный кусок лекции, а также полюбоваться испуганным лицом Дитбита в момент, когда профессор Ван-Теллер с грохотом врезал по его столу своей знаменитой клюкой.

За обеденным столом, когда закончилось оживлённое обсуждение впечатляющих лекций Ван-Теллера, Никки спросила большей частью молчащего Хао:

– Робби говорил, что ты увлекаешься японской поэзией. Что это такое? Хао подумал и тихо сказал:

– Я не люблю в поэзии формальных определений. Лучше всего привести пример. Лаконичный стиль японского трёхстишия хокку разрешает написать только три коротких строки, которые должны вместить всё многое, что ты хотел сказать...

Хао немного помолчал, потом решился.

– Это я написал вчера вечером:

Звезда мелькнула.

Солнечный блик пробежал в хрустальной нити.

За столом воцарилась пауза.

– Мне очень нравится! – воскликнула Никки.

– Ну и ну, Хао, ты этим много сказал... – удивлённо хмыкнула Дзинтара. – Да... я ещё ни разу не была в компании сверстников таким аутсайдером. Это новое для меня ощущение, оно... тонизирует.

– Принцесса Дзинтара, ты ужасная кокетка, – буркнула Никки, и они пошли на послеобеденные лекции. А у Джерри на лице ещё долго сохранялось озадаченное выражение.

Небесную механику преподавал пожилой, с добрым длинным лицом, профессор Арно Рой. Он понравился всем студентам тем, что не стал засыпать их математическими символами или теоремами, а долго и детально обсуждал такие простые на вид уравнения, как ньютоновский закон гравитации и его же классический закон динамики, связывающий силу, массу и ускорение.

Профессор старался убедить студентов, что простые уравнения скрывают в себе массу поразительных вещей, и если человек не понимает проблемы, то пишет много формул, а если понимает – то всего две. Все ему охотно поверили.

Космический холл Колледжа был знаменит голографическими космическими пейзажами.

В центре холла парила тридцатиметровая сверкающая Вселенная в виде клочковато-ячеистого облака золотистых пылинок, стаями окружающих многочисленные внутренние пустоты. Эта наглядная модель мира содержала более ста миллиардов галактик-пылинок, в масштабе один к десяти триллионам триллионов.

По четырём углам Космического холла располагались изображения наиболее важных для людей объектов.

Слева десятиметровый диск Млечного Пути – нашей спиральной Галактики с реальным диаметром в сто тысяч световых лет – величественно вращался вокруг чёрной дыры в миллионы солнечных масс. От центра Галактики раскручивались яркие спирали – гигантские волны, проходящие по газовому диску. Этот могучий прибой без устали сжимал космический водород и зажигал молодые звёзды в галактических рукавах. Ускорить развитие событий в модели можно было так, что звёздочки в спиральных рукавах вспыхивали и гасли, как крошечные светлячки.

В правом углу холла располагался объект размером всего в несколько световых часов, но зато самый интересный: Солнечная система. Вокруг

Солнца вращались десять разноцветных шариков главных планет и несколько тысяч искорок наиболее известных представителей пояса астероидов, комет и транснептунов. Изображения планет двигались в точном соответствии с реальным положением светил, и часто в холле можно было видеть спорящих школьников:

– Посмотри, для нас Марс сейчас должен находиться возле самого Солнца... Я же говорил тебе, что вчера мы видели Юпитер!

Ещё один угол холла отводился Земле и Луне. Трёхметровый глобус Земли показывал реальную погоду в каждой точке планеты. На беспокойной родине человечества закручивались спиральные облака ураганов, вспыхивали отблески молний земных гроз и медленно дрейфовали отколовшиеся от Антарктиды айсберги.

По кратерированной поверхности безмятежной Луны ползла ночная тень, стеклянные купола лунных городов разгорались в сумерках и гасли лунным утром, заливаемые светом Солнца, висящего по соседству в Космическом холле.

В четвертом углу парили красноватый Марс со спутниками Фобос и Деймос и крупнейший астероид, получивший недавно политический статус настоящей планеты, – каменная Церера, скрывающая под тёмной, неровной поверхностью богатейшие запасы льда. На Марсе и Церере существовали самые большие внеземные и внелунные космические поселения людей.

Каждая модель висела в облаке одновременно прозрачной и непрозрачной черноты, сквозь которую детали космических моделей были видны, а стены зала – нет.

В Космическом холле часто толпились группы студентов с преподавателем, растолковывающим устройство мироздания. Вот и сегодня, в первый учебный день, в холле проходила лекция известного профессора Мазера, выпускника «совятника» Школы Эйнштейна. Профессор долго работал в космическом агентстве Юнайтед Стейтс – НАСА, а сейчас переехал в Международную обсерваторию Луны и нанёс визит любимому Колледжу.

– Главная удивительная особенность Вселенной – это её расширение, – с горящими глазами говорил худой, очень высокий профессор Мазер, показывая на золотистое облако в центре холла. – В модели этот феномен выглядит как медленное увеличение радиуса шара – со скоростью один метр за миллиард лет. Растут и расстояния между скоплениями галактик... между этими светящимися структурами и клубками... но размеры самих галактик – отдельных искорок – примерно постоянны. Гравитационно связанные скопления галактик тоже стабильны. Всю Вселенную заполняет

почти однородное реликтовое излучение – следствие Большого Взрыва, породившего наш мир.

Профессор Мазер, увлечшись, зашёл внутрь модели. Он размахивал руками, и из рукавов его пиджака вылетали яркие облачка галактик, а в разлохмаченных волосах запутывались сверхновые звёзды и космические туманности.

Лектор скомандовал Вольдемару – и тот показал школьникам всю историю Вселенной, максимально ускорив скорость эволюции. Перед восхищёнными ребятами в облаке мрака полыхнула ярчайшая вспышка, быстро расширилась и погасла. Наступила темнота. Вскоре в ней засветились искры галактик. Их становилось всё больше и больше, они разгорались многочисленными звёздами, и постепенно Вселенная приобрела современный облик.

– Где же здесь мы? – растерянно спросила девочка-Оленёнок.

– Мы живем в этой симпатичной яркой пылинке, плоской, как крошечная золотая монетка размером в одну десятую миллиметра, – ответил лектор, указав лазерной зелёной стрелой на ничем не примечательную искорку в центре ячеистого облака Вселенной.

Профессор хлопнул в ладоши, и потолок Космического холла превратился в звёздное ночное небо.

– Вот Млечный Путь, простирающийся через весь небосклон. Это наша Галактика в профиль – мы видим изнутри ту самую пылинку-диск, вернее, ближайшие к нам звёзды диска. Все они медленно вращаются вокруг центра Галактики, который находится в созвездии Стрельца. Тёмная полоса по Млечному Пути – это холодные космические облака, которые загораживают от нас звёзды. Сто миллиардов светил только в нашей Галактике! Посмотрите на это великолепное небо! – с торжеством воскликнул профессор Мазер. – На разноцветные звёзды, вокруг которых вращается множество больших и маленьких планет, где текут азотные реки, шумят метановые океаны, цветут странные растения и бегают необычайные животные. Там живут разумные расы, обладающие удивительной культурой. Эти существа знают и умеют многое, о чём мы ещё не догадываемся... Но и мы обладаем чем-то, чего нет у них!..

Профессора перебил мальчик-Дракон с сумрачным взглядом:

– Сэр, а правда, что американское агентство НАСА уже триста лет прячет тарелку с мёртвыми инопланетянами на секретной военной базе?

Мазер весело засмеялся. Потом в затруднении почесал затылок.

– Если я вам скажу, что это неправда, вы мне не поверите – скажете, что это тайна не моего уровня... Но учтите две вещи: во-первых, такого

рода секрет трудно сохранить даже три года, не говоря уж о более длительном сроке... Второе: следующая история полностью доказывает беспочвенность таких слухов, по крайней мере – для меня. НАСА всегда испытывает трудности с финансированием и использует любую сенсацию для подогревания интереса к своим исследованиям. Если реальных сенсаций нет, то они создаются из рядовых работ – неспециалисты всё равно не замечают разницы...

Профессор обратился к аудитории:

– Вы знаете, что в Антарктиде искать метеориты очень удобно? Любой найденный на антарктическом леднике камень оказывается метеоритом – ведь на поверхность многокилометровой толщи льда камни могут попадать только с неба... Кроме того, ледники очень кстати ползут, вынося космическую добычу к побережью, где не менее кстати тают, образуя целые залежи метеоритов. Когда в двадцатом веке в Антарктиде начался массовый сбор метеоритов, то среди тысяч обычных метеоритов из пояса астероидов учёные нашли много лунных камней и несколько метеоритов с Марса. И в них обнаружили микроскопические отпечатки каких-то палочек, похожие на окаменелые бактерии. Это была сенсация! НАСА показывало эти бактерии всем и всюду и добилось увеличения финансирования и организации новой программы по исследованию марсианской жизни.

Теперь представьте себе: НАСА имеет в руках такой козырь, как останки инопланетян, и не использует его?! – Мазер засмеялся. – Да они гремели бы этими зелёными костями по всем пресс-конференциям и раскручивали бы сенсацию до тех пор, пока запуганные скорым нашествием хищных монстров обыватели и правительство не раскошелились бы на резкое увеличение бюджета НАСА. Если американцы так обрадовались не очень достоверным бактериям, то для меня всё становится ясно с мифами о спрятанных летающих тарелках... Весьма небольшой бюджет НАСА – всего полпроцента от государственных расходов – сам по себе свидетельство того, что никто в североамериканском правительстве не верит в инопланетян. Человечество всё ещё тратит на косметику денег больше, чем на космические исследования. Но, как я вам уже говорил, инопланетная жизнь во Вселенной, несомненно, существует, и вопрос только в том, как далека она от нас и на какой культурной стадии находится.

Профессор замолчал и прошёлся по тёмному холлу, сметая фалдами пиджака скопления галактик.

– Космос – это что-то удивительное... Подумайте: человечество

трудится, добывая себе пищу и кров, чтобы поесть, отдохнуть и с новыми силами добывать опять-таки еду и крышу над головой. Гигантский маховик нашей жизни направлен на самоподдержание; мы все бесцельно бегаем по беличьему колесу нашей цивилизации. От этого можно сойти с ума! Нам некогда поднять голову, посмотреть на звёзды, подумать о вечном... Только космос придаёт нашей плоской жизни новое измерение; только звёздное небо позволяет нам оторвать глаза от земли и устремить их вдаль; только существование дальних миров и возможность их изучения придают смысл нашему бегу по замкнутому треку земной жизни...

Профессор знал все яркие звёзды неба «в лицо», он говорил о каждой как о близком друге – называл её имя и возраст, массу и цвет, отмечал наличие планет и пылевых коконов. Профессор сообщил, что две трети звёзд нашего неба являются двойными или тройными, а Полярная звезда и вовсе пятикратная система.

Мазер рассказывал, сколько лет или столетий идёт свет от видимых на небе звёзд, потом спрашивал у студента: когда ваш день рождения? – и торжественно указывал на подходящее светило:

– Фотоны от этой звезды, которые мы ловим сейчас нашими глазами, родились одновременно с вами и летели в холодном космосе столько же, сколько вы сами живёте на свете. Вот вы и встретились со своим сверстником – звёздным светом...

Профессор хитро прищурился и направил палец на студентов:

– А железо в вашей крови, дорогие мои, родилось при взрыве далёких сверхновых звёзд и совершило длинное путешествие до нас, так что в ваших жилах течёт – в самом буквальном смысле! – инозвёздная кровь... Тысячелетние родословные земных королей бледнеют перед лицом того научного факта, что атомы железа, делающие вашу кровь красной, древнее не только пирамид, но и самого Солнца и прилетели из других частей нашей Галактики. В ваших жилах буквально смешалась история многих звёздных систем: около восьмидесяти пяти процентов массы человеческого тела состоит из вещества с других звёзд. Так что мы с вами практически полностью инопланетяне... Да-да, можете с восторгом посмотреть друг на друга и поздравить себя: каждый из вас – это настоящее космическое чудо...

Профессор Мазер всем очень понравился, но вечером Дзинтара отозвалась об этой лекции так:

– Этот Мазер слишком увлечён своим космосом. Прimitивненько. Он не понимает, что космосов много – они есть у биологии и у кибернетики, а уж какие глубины и новые измерения кроются в искусстве, в поэзии, в

живописи... Профессор Мазер вполне ограничен.

И Никки, которой лекция тоже понравилась, не могла частично не согласиться с Дзинтарой.

Глава 8 Принцы и принцессы

Ужин оказался приятным отдыхом от первого длинного дня занятий и от сопутствующей суматохи. Никки заказала двойную порцию кьянти, заявив, что она утром его не пила и ей нужна компенсация, – и отдыхала вовсю под завистливыми взглядами соседей, потягивающих соки, минералку и чай.

– Дзинтара, – спросила Никки, – а как это понять – «младшая принцесса»?

– Это означает, – ответила принцесса, – что наследовать трон династии будет мой старший брат, а не я. Если старший брат не захочет... или не сможет, то королём станет средний брат. А я самая младшая принцесса в семье, без особых перспектив на корону. И хорошо, иначе вряд ли бы меня отпустили в Колледж, мне возили бы преподавателей домой, и я везде ходила бы с десятком охранников...

– Как же человек становится королем? – спросила Никки.

– Элементарно, – сказала Дзинтара. – Как только твоё индивидуальное состояние достигает ста миллиардов золотых, Президент Королевского Клуба сам приглашает тебя в Клуб, ты платишь взносы – и всё...

– А династийный характер наследования – это требование устава Клуба? – спросила любопытная Никки.

– Это лишь необходимая традиция: ведь, разделив наследство между детьми, король немедленно выпадает из Королевского Клуба. Сто миллиардов – это минимум индивидуального состояния. Суммирование богатств родственников клана в счёт не идет.

– Дзинтара, ты лучше всех осведомлена о могущественных группировках разных планет; можно узнать твоё мнение об одной важной вещи? – посмотрела Никки на принцессу клана Шихин-ых.

– Попробуй.

– Я изложу факты, а ты скажи, что об этом думаешь, – начала Никки. – Факт первый: десять лет назад кто-то выстрелил из боевой электромагнитной пушки по исследовательскому фрегату «Стрейнджер», на котором летели мои родители и я. Значит, преступник имел хорошо вооружённый корабль. Как мне сообщил знакомый полицейский, вблизи орбиты «Стрейнджера» полётов космических судов зарегистрировано не было, следовательно – или пушка была дальнобойной, или напавший корабль обладал стелтс-бронёй, невидимой для радаров. Подобное оружие

и такая броня запрещены для частных космолётов.

Факт второй: кто-то сумел перепрограммировать ремонтного робота на охоту за мной. На такую квалифицированную работу способны только первоклассные программисты. Потом кто-то сумел завербовать исполнителя покушения – начальника безопасности госпиталя, а когда подкупленный охранник был раскрыт и арестован, его уничтожили прямо в тюрьме, симитировав самоубийство.

Принцесса слушала очень внимательно.

– Какая группировка способна на такое с технической точки зрения? – спросила Никки, вопросительно глядя на Дзинтару. – Кто может иметь хорошо вооружённый незаконный корабль, умелых программистов, опять-таки нарушающих закон, и могучие связи даже в полиции?

– Вопросы ты задаёшь нетривиальные, – высоко подняла одну бровь Дзинтара – у неё это очень хорошо получалось, – да и жизнь твоя полна приключений... Список довольно большой, – помолчав, сказала она. – Каждая династия имеет собственный космический флот и всё остальное, названное тобой. Это около сотни вариантов. Кроме того, правительства мелких авторитарных государств могут обладать такими возможностями и бесконтрольно их использовать. Разведки крупных государств и мафиозные кланы тоже не исключаются. Список потенциальных врагов разрастается до пары сотен.

– Многовато, – вздохнула Никки. – Подумай об этих фактах, Дзинтара, – ведь ты вращаешься в самых высоких кругах. Если услышишь что-то, имеющее отношение к этим фактам, сообщи мне, пожалуйста.

– Не забывайте, любезная мисс Гринвич, – сказала ледяным голосом Дзинтара. – Вы смеете предлагать мне – младшей принцессе Шихин-ой! – стать вашим информатором? Шпионить для вас?

За столом воцарилась напряжённая пауза. Никки внимательно посмотрела на рассвирепевшую Дзинтару.

– Принцесса Дзинтара, я прошу вашего прощения, – сказала Никки, ухитряясь сочетать одновременно официальность с искренней вежливостью, – за неправильно сформулированную просьбу. Разрешите мне пояснить. Когда наблюдаешь за простой деятельностью, например за копанием земли, то суть процесса ясна сразу. Если же человек совершает непонятные операции, то это признак реализации сложной технологии, поэтому отдельные ступени процесса не дают неопытному глазу понимания его конечной цели...

Принцесса постепенно справлялась с гневом, хотя её глаза по-прежнему горели недобрым огнём.

– Перечисленные факты – звенья одной цепи, – продолжала Никки, – но цель этих действий совершенно неясна. Очевидно, что речь идет о чём-то долговременном – даже прошедшие десять лет никак не изменили приоритетов этого загадочного процесса. Я уверена, что речь не идет о мести моей семье, – мы оказались только песчинками на пути какой-то таинственной махины. Куда она направлена? Какие ещё несчастья она принесёт другим людям и всему миру? Я не исключаю и того, что она угрожает даже таким могущественным организациям, как династии, в том числе, возможно, и вашей династии, принцесса...

Сердитая Дзинтара внимательнее вслушалась в Никкины слова.

– В конце концов, – пожала плечами Никки, – большой план должен быть направлен против крупных целей. Смешно думать, что кто-то могучий уже десять лет гонится за маленькой девочкой... Может, это какой-то план одной группы династий против другой группы династий? Или операция какого-то государства против его врагов? Я не знаю, что мне делать с этой информацией: я ведь просто девочка, которую всего полгода назад нашли в космосе. Вы же, принцесса Дзинтара, представляете влиятельную династию, и я очень рада, что смогла рассказать вам обо всём, переложив часть тяжести на более опытные плечи... Так что это я – ваш информатор и готова сообщить вам любые факты и гипотезы.

Лицо Дзинтары расслабилось, и она вернулась в обычное равновесие. Никки кивнула на Джерри:

– Например, Джерри высказал правдоподобную мысль, что нападение на «Стрейнджер» и покушение в госпитале связаны не со мной, а с моим компьютером Робби класса А10 и с той информацией, которую он раздобыл на Марсе. Собственно, сам полёт «Стрейнджера» являлся рейсом по срочной доставке компьютера на Землю – возможно, этот рейс специально организовали для упрощения уничтожения Робби. Джеррина гипотеза многое объясняет, но пока это только догадки – ведь мы не знаем, что мог раздобыть Робби, – его марсианские файлы стёрты электромагнитным выстрелом. Всё, о чём я прошу вас, принцесса Дзинтара: отнеситесь к этой информации серьёзно, она может касаться безопасности вашей династии или дружественных вам семей, – снова подчеркнула Никки ключевую мысль. – Вам лучше знать, что можно предпринять по раскрытию этого смертоносного плана. Если вы окажете мне честь обсудить со мной любые аспекты данного дела, то я буду вам очень благодарна... – закончила длинный монолог Никки.

– Bravo! – медленно похлопала в ладоши очень серьёзная Дзинтара. – Ты далеко пойдешь – для девочки с астероида ты прекрасно всё

формулируешь... Я принимаю твою информацию к сведению и подумаю над ней. Зови меня по-прежнему на «ты» и без титула, Никки, – протянула ей красивую руку Дзинтара.

– Хорошо, Дзинтара, – улыбнулась Никки и пожала протянутую руку принцессы. – Но тебя трудно считать обыкновенной девчонкой... ты всё-таки слишком принцесса.

– Я... немного погорячилась, – непривычно сожалеющим тоном сказала Дзинтара. – Я сейчас понимаю, что ты имела в виду. Мне не хотелось бы разрушать столь удачно сложившийся свободный стиль нашего общения.

– Ну смотри, Дзинтара – хмыкнула Никки. – Это с этикетом у меня иногда тяжело, а со свободным стилем никогда не было проблем!

После ужина Джерри проводил Никки до лифта.

– За один день ты смогла подружиться с могущественной принцессой и даже вовлечь её в процесс своего расследования, – восхищённо сказал Джерри, – ты невероятна! Но самое удивительное, что я много раз видел тебя жёсткой и бескомпромиссной... и сейчас поражён тем, насколько ты можешь быть дипломатичной.

– Дзинтара не нападала на меня, – ответила Никки, – наоборот, это она почувствовала себя оскорблённой моей просьбой. У неё свой кодекс чести, а я уважаю чужие убеждения. И я постаралась разъяснить ей мою позицию. Я где-нибудь отклонилась от истины или покривила душой?

– Нет, – ответил Джерри, – в том-то и дело, ты оказалась чрезвычайно умной.

– Если вы думаете, что очень умны, – то вы полные болваны! – смешно изобразила Никки громовой бас профессора Ван-Теллера, и они расхохотались.

Первая неделя учёбы была такой, что к пятнице от студентов уже шёл дым, но рано или поздно заканчиваются даже самые приятные вещи. Настал первый уик-энд в Колледже. Утром в субботу Никки позволила себе немного поваляться в постели и подольше понежиться под тёплыми струями душа.

Греясь у окна на солнышке, она вытирала полотенцем мокрые волосы – сушить их феном в ванной ей категорически не нравилось – и с интересом наблюдала за канадскими гусями. Крупные птицы, подлетая к озеру, полого планировали, а в конце посадки долго скользили лапами по воде, как на лыжах, поднимая облако брызг.

Зазвонил т-фон.

– Никки, ты куда пропала? – слышался возбуждённый голос Джерри. – У меня есть одна идея... хочу обсудить её без свидетелей – пока Хао с Дзинтарой не пришли.

– Мне надо ещё минут пятнадцать, – сказала Никки.

– Давай я зайду поболтать, а потом пойдём на завтрак вместе, – предложил Джерри.

– О'кей!

Уже через минуту раздался торопливый стук в наружную дверь.

– Робби, открой, сейчас мы покажем Джерри глиссирующих птиц, – попросила Никки, всё ещё глядевшая на озеро.

Джерри шагнул из коридора и, снова постучав, распахнул дверь комнаты. Силуэт Никки на фоне освещённого окна стал оборачиваться на стук, но тут Джерри ойкнул и стремительно захлопнул дверь.

– Чёрт, Никки, ты же совсем голая! – заорал он из прихожей.

– Ах да – я напрочь забыла...

В комнате слышались шаги, и через несколько секунд Никки сама появилась на пороге.

– Заходи! – Она была уже в махровом купальном халате, имея вид не столько смущённый, сколько слегка виноватый.

– Ну так же нельзя! – Пылая лицом, Джерри с опаской шагнул в комнату. – Меня мог хватить инфаркт!

– Здесь так тепло, а я засмотрелась на гусей и совсем забыла про эти ваши правила приличия... – виновато сказала Никки. – Извини, я не хотела тебя напугать.

– Тут вопрос совсем не в напугать... – проворчал Джерри. – Как всё-таки трудно иметь дело с диким человеком, у которого нет никаких социальных тормозов... Ты, может, и в гостиную выходишь... в таком виде?

– Нет, конечно, – удивилась Никки. – В холле довольно прохладно.

– Это большая удача... иначе трудно представить, что там творилось бы... Дай водички, пожалуйста, что-то я весь горю...

Джерри, переводя дух, сел в кресло.

– О чём хотел поговорить? Что за идея? – спросила Никки, уводя разговор от своей оплошности.

– Мне попала в Сети информация о фирме в Луна-Сити, – сказал Джерри, изо всех сил стараясь сосредоточиться на деловых вопросах и безуспешно отодвигая в сторону секундное видение обнажённой Никки, – которая выпускает дешёвые процессоры А9, но ошибок изготовления пока слишком много... гм, ещё водички, пожалуйста... у меня есть кое-какие

соображения, но их надо обмозговать с Робби. Может, удастся подзаработать на сотрудничестве с этой фирмой – пора думать об оплате Колледжа за второй год.

– Отличная идея, – сразу поддержала Никки. – А почему ты хотел поговорить об этом без свидетелей?

– Ну... – пожал плечами Джерри, – в присутствии Дзинтары любой разговор о зарабатывании денег на следующий год будет звучать как скрытая просьба... Так ты разрешаешь мне сотрудничать с Робби? Через Сеть, конечно, никто его у тебя не забирает.

– Нет проблем, – согласилась Никки. – Только помни, Робби, что информация, имеющая отношение лично ко мне или Джерри – или любая, не подходящая для чужих глаз, – не должна передаваться через Сеть. Будьте осторожными и обменивайтесь наиболее важным при встрече.

– Конечно, – согласился Робби. – Буду рад помочь тебе, Джерри, чем смогу.

Они вступили в технический разговор, а Никки ушла одеваться в ванную комнату. И хотя Робби привилегированно последовал за ней, его голос продолжал звучать в т-фоне Джерри. Но надо честно признать – юноша проявил себя довольно рассеянным в ходе этой деловой дискуссии.

Когда Никки и Джерри спустились в кафе, их друзья уже сидели за столом и завтракали. Дзинтара внимательно посмотрела на Джерри, по лицу которого ещё бродили красные пятна.

– Ты что такой румяный, Джерри? – спросила она с любопытством.

– Э-э... – смутился не умеющий врать Джерри.

– Да он зашёл ко мне обсудить один технический вопрос, а я засмотрелась на гусей и забыла одеться после душа, – непринужденно сказала Никки, – вот Джерри и выпал в полуинфарктном состоянии назад за дверь.

Услышав откровенное Никкино объяснение, Джерри снова густо покраснел, невозмутимый Хао не сдержался и фыркнул, а Дзинтара залилась весёлым хохотом.

– Самое поразительное, – отдышавшись, произнесла она, – что ты действительно забыла. Я это вижу даже без Шарика-полиграфа. Прелестно! Все известные мне аналогичные случаи носили тщательно спланированный характер.

– Никки, Дзинтара – вы несносны! – буркнул Джерри.

– Джерри, неужели это было так... ужасно? – хихикнув, спросила Дзинтара.

Джерри сказал максимально небрежно:

– Да нет, у неё хорошая фигура... но она скоро потеряет её из-за трёх ежедневных лососей, – мстительно добавил он, покосившись в полную Никкину тарелку.

Прошло две недели после начала занятий. Утром Никки отправилась завтракать уже привычным маршрутом. Когда она вышла из лифта на первом этаже башни Леопардов, в холле никого не было. Никки направила коляску к входу в кафе и приготовилась к непростой для неё процедуре открывания массивной старинной двери, не оборудованной автоматической системой. Но тут в башню ввалилась толпа весёлых студентов.

– А-а! Вот и знаменитая Никки Гринвич! – воскликнул один из них.

Никки обернулась и увидела во главе группы Драконов красивого и рослого парня – этого, как его... принца Дитбита... – вспомнила она.

– Давно хотел поблагодарить вас, мисс Гринвич, за то удовольствие, которое вы мне доставили на экзамене! А уж ваше интервью на следующий день... у меня нет слов выразить свои чувства! – Дитбит с приветливой улыбкой на лице, странно контрастирующей с заметной иронией в голосе, подошёл и предупредительно открыл массивные двери в столовую.

Никки мысленно пожала плечами, коротко поблагодарила принца и быстро въехала в проём открытой двери. Она увидела, что пришла рановато и столовая ещё практически пуста.

В следующий момент её кресло резко отклонилось назад, и она получила мощный толчок в спину. Никки успела нажать клавишу тормоза, но коляска уже неуправляемо летела вперёд на двух задних колёсах и в следующий момент опрокинулась.

Силовые фиксаторы спины выключились; Никки вылетела из кресла и проехала на боку до ближайшего стола. За ней тянулся шнур от Робби, который так и остался в кармане кресла. Придя в себя от падения, Никки увидела над собой круглые глаза Изабеллы – беленькой первокурсницы из Ордена Леопардов, которая в одиночестве сидела за столом и растерянно смотрела на лежащую Никки. От дверей доносился громкий смех Драконов.

– Привет, Изабелла! – как ни в чем не бывало поздоровалась Никки. – Помоги мне с коляской, пожалуйста.

Девочка стремительно вскочила, уронив собственный стул, и бросилась поднимать кресло Никки.

– Вот что бывает, когда сложная техника попадает в руки вырождающихся представителей хомо сапиенс – они не справляются с её управлением! – разглагольствовал у дверей Дитбит. – О, боги Олимпа! До

чего омерзительное зрелище – мутированные волосы, провода к электронным потрохам, колёса вместо ног... Как правы были древние спартанцы, бросавшие таких фриков в пропасть немедленно после их рождения!

Группа холёных Драконов угодливо смеялась над шутками Дитбита, показывая друг другу на медленно встающую с пола Никки и провод, идущий от неё к коляске.

Никки осторожно села в коляску, привезенную красной от смущения Изабеллой, стараясь не повредить спину – ей и так уже досталось от падения.

– Спасибо, – сказала она Изабелле ласковым голосом, стараясь её успокоить, и показала на вазу с фруктами, стоящую на столе – Угости меня яблоком, пожалуйста!

Но эта странная просьба испугала Изабеллу ещё сильнее и вызвала совсем уж гомерический смех Драконов.

– Эти голодранцы совсем дошли до крайности, буквально выпрашивают объедки у соседей! – резвился в меру своего понимания чувства юмора высокий рыжий Дракон у двери.

Никки взяла большое зелёное яблоко, робко протянутое Изабеллой, и только тогда впервые обернулась к дверям, где корчились от смеха Дитбит с группой Драконов.

– Швейцар Дитбит! – громко сказала Никки. – Твои чаевые! – и бросила яблоко в сторону двери.

Кинетическая энергия – интересная штука. Кинет мальчишка яблоко – и оно может нанести легкий ушиб человеку или повредиться о твёрдую стенку. Однако если яблоко полетит со скоростью всего в два раза большей, то энергетический эффект удара будет в четыре раза сильнее – ушиб получится серьёзным, а, попав в стенку, яблоко разлетится на части. Если сумеешь бросить яблоко со скоростью в три-четыре раза быстрее обычного, то кинетическая энергия вырастет в девять или шестнадцать раз. Эффект удара таким яблоком можно представить, вообразив удивительного мальчишку, сумевшего швырнуть двухкилограммовую металлическую гирию со скоростью камушка.

Специальная теория Эйнштейна выводит кинетическую энергию тела и его инерцию из свойств пространства-времени, впрочем, эйнштейновская мудрость обычно недоступна столкнувшимся телам – в момент соударения они заняты лихорадочным поиском резервуаров, куда можно сбросить излишки своей кинетической энергии. Увы! – обычно энергию

стремительного сближения им приходится расходовать на собственную деформацию и саморазрушение.

Яблоко, брошенное Никки, полетело со странным сердитым гулом и врезалось точно в солнечное сплетение Дитбита. От удара яблоко мгновенно превратилось в пюре и разлетелось мелкими брызгами. Весёлый смех Дитбита прервался коротким вяканьем, а сам принц стремительно сложился пополам и отлетел назад, сметая стоящих за ним Драконов. Возле двери образовалась куча из упавших тел, и общее веселье сменилось криками и проклятиями. Разобравшись с переплетёнными конечностями, Драконы вскочили с пола, и тут выяснилось, что их предводитель категорически отказывается вставать и, свернувшись калачиком, продолжает неподвижно и безмолвно лежать в углу возле стенки.

– Кажется, ему понравилось твоё яблоко, Изабелла! – обернулась Никки к девочке-Леопарду, у которой глаза стали совсем круглыми.

К месту событий бежали немногие ранние посетители кафе. Никки развернула коляску и поехала к своему ещё пустому столу. И с грустью задумалась о том, что даже здесь – в Колледже – ей придётся быть настороже и не оставлять спину незащищённой. И что Робби нужно носить не в кармане кресла... Что было бы, если бы провод между ними порвался? Риторический вопрос, на который Никки отлично знала ответ: смерть первой категории в течение шести минут.

Вскоре к столу подошли Дзинтара и Джерри.

– Никки, привет! – оживлённо воскликнул Джерри. – Что случилось с этим принцем – Дитбитом? Я видел, как его сейчас тащили в медблок!

– Он заработал несварение, – вздохнула Никки. – Слишком *быстро* съел зелёное яблоко натоцак...

Дитбит не вернулся из больничного блока ни к завтраку, ни к первой лекции, а его стычка с Никки мгновенно стала предметом шумного обсуждения в Школе Эйнштейна. Большинство было на стороне Никки, считая, что Дитбит первый начал ссору и рукоприкладство. Меньшинство – конечно, в основном, Драконы – было на стороне Дитбита, указывая на серьёзность полученной им травмы.

Герцог-Дракон Джон Ван Дональдс надменно сказал, что джентльмен, посмеявшийся проявить подобную грубость по отношению к даме, должен быть высечен, притом вовсе не из камня. А Джерри столько раз мысленно наносил нокаутирующий удар этому принцу-мерзавцу, что напугал свирепым выражением лица случайно встретившуюся девочку-Оленя.

Общее мнение склонялось к тому, что Никки запросто может вылететь из Колледжа, где дуэли на спортивных снарядах были широко

распространены, а неорганизованные драки, да ещё с попаданием в медблок, – категорически запрещены. А уж если имеет место «обширная гематома в районе нервного грудного узла» у самого принца Дитбита, то тут только держись!

Около полудня Никки вызвал донельзя расстроенный директор Милич.

– Я знаю, что произошло, – заявил он. – О боги! Неприятности клубятся вокруг вас! Вне зависимости от того, что я думаю об этом, скандал разразился невероятный. Мне уже звонил сам Дитбит Старший! – поднял директор глаза к небу. – Он в ярости, его даже ваше исключение не устраивает; он хочет подать в суд на обидчика своего сына, разорить его, упечь в тюрьму для малолетних... да только боги знают, что ещё придет ему в голову... Он невероятно влиятелен, и для него не составляет большого труда меня самого... кхм... Самый известный комментатор Лунного телевидения Тимоти позволил себе неосторожно пошутить по адресу принца Дитбита во время экзамена и был уволен с телевидения на следующий день. Я его хорошо знаю – он комментировал экзамены Колледжа более тридцати лет... И что прикажете мне делать с вами, мисс Гринвич? – с отчаянием возопил директор Милич.

– Дайте мне поговорить с ним, – неожиданно попросила его Никки.

– С кем?! – удивился директор Милич.

– Со Дитбитом Старшим, – ответила Никки.

– Вы с ума сошли! – закричал нервно директор. – Вам надо куда-нибудь потихоньку уехать, затаиться и надеяться, что всё как-нибудь уляжется...

– Если это всё, что вы мне можете посоветовать, то тем более мне надо с ним поговорить, – настойчиво сказала Никки. – Ведь он, наверное, ждёт от вас звонка с решением...

Директор выскочил из-за стола и нервно забегал по комнате, дёргая себя за длинные седые волосы. Потом он сел за стол, выпил воды из стакана и решительно произнёс хриплым голосом:

– Мисс Гринвич, вы исключаетесь из Школы Эйнштейна! Я распоряжусь о возвращении вам неиспользованных денег за обучение – они вам понадобятся. Вы должны покинуть Колледж сегодня до полуночи.

Сердце Никки болезненно сжалось. Столько усилий по поступлению в Колледж – и всё оказалось зря! Когда же она научится сдерживаться в этой малознакомой ей жизни, где справедливое возмездие оказывается слишком дорогим удовольствием... Так всё испортить в первый же месяц учёбы! И сколько она проживёт вне хорошо охраняемых стен Колледжа?

– Я не знаю, какие ещё меры примет против вас династия Дитбитов, –

это вне моего контроля, – продолжал директор суровую речь. – Сейчас я буду звонить о своём решении Дитбиту Старшему... может, он захочет с вами поговорить... не знаю... – Он в смущении покрутил головой и нажал кнопку старомодного коммуникатора на столе.

– Слушаю вас, директор Милич. – На экране появилось изображение молодой женщины, которую можно было бы счесть привлекательной, если бы не препарирующий взгляд жёлтых глаз. – Чем могу помочь?

– Кхм... – прокашлялся директор. – Сегодня его величество звонил мне по срочному вопросу... кхм... связанному с его сыном, и велел мне перезвонить... гм... так что он... э-э... ждет моего сообщения... – На мямлящего директора Милича было жалко смотреть.

– Подождите немного, – сказала секретарь, резанула хищными глазами по Никки и отключилась. На экране появился королевский герб Дитбитов, и раздалась торжественная музыка. «Наверное, их династический гимн», – машинально подумала Никки. Её одолевала нервная дрожь, и всё происходящее казалось кошмарным сном.

Пауза затянулась минут на десять, в течение которых директор нервно лил в пересохшее горло воду, стакан за стаканом. Никки уставилась в окно и напряжённо молчала, вслушиваясь во что-то беззвучное. Её пальцы слегка подрагивали, словно двигаясь над невидимой клавиатурой.

На экране внезапно появилось волевое красивое лицо моложавого горбоносого мужчины с чёрными, коротко стриженными волосами.

– Директор Милич? – Голос мужчины был сердит и отрывист.

– Ваше величество... кхм... Я принял решение о немедленном исключении из Колледжа виновника травмы вашего сына... вернее, виновницы... э-э... мисс Никки Гринвич, присутствующей здесь, – и директор повернул голову в сторону Никки.

Король Дитбит бросил быстрый взгляд на Никки и снова повернулся к директору.

– Вы что – смеете издеваться надо мной? – шипящим змеиным голосом спросил он. – Мой сын, атлет и боксер, попал в госпиталь с травмой от сильнейшего удара по корпусу, и вы утверждаете, что его ударила эта девочка-инвалид?

– Э-э... – втянул голову в плечи директор Милич, и его нимб обвис.

– Я могу показать, как это произошло, – звонким голосом сказала Никки, и сейчас же в нижней части экрана с лицом короля появился квадрат с физиономией Дитбита Младшего, и раздался его ироничный голос: «А-а! Вот и знаменитая Никки Гринвич! – Его приближающееся лицо ехидно улыбалось. – Давно хотел поблагодарить вас, мисс Гринвич, за

то удовольствие, которое вы мне доставили на экзамене! А уж ваше интервью на следующий день... нет слов выразить свои чувства!» Робби, объектив которого имел угол зрения гораздо больший, чем глаза Никки, исправно показал не только как Дитбит Младший открыл ей двери, но и как он схватил её коляску сзади, поднял на дыбы и с силой толкнул вперёд. Изображение заплясало и замерло на картине растянувшейся на полу Никки. Звуковой фон составили издевательские слова и смех Дитбита с друзьями-Драконами.

Директор в ужасе схватился за голову, но старший Дитбит лишь слегка нахмурился и продолжал внимательно смотреть запись, при этом он сказал что-то кому-то за экраном, но звук его голоса был отключен. На экране появилась Никки, взявшая из рук Изабеллы яблоко и бросившая его, правда, изображение на последних кадрах двигалось заметно медленнее, чем это было на самом деле, но никто этого заметить не мог. Потом на экране появились кадры, где смеющийся принц Дитбит внезапно сложился пополам и рухнул на Драконов.

При виде этого зрелища брови старшего Дитбита поднялись так высоко, что он даже стал похож на обычного человека, а не на громовержца, управляющего планетами.

Видеозапись остановилась на том, как Дитбит Младший уютно свернулся клубочком на полу.

– Вы понимаете, мистер Дитбит, – сказала Никки, – что эта запись будет показана на первой же моей встрече с журналистами, которые захотят узнать, почему...

В это время король Дитбит слушал кого-то ещё, наклонив голову в сторону, и не обращал внимания на слова Никки.

– Вы – Никки Гринвич со «Стрейнджера»? – бесцеремонно перебил он её.

– Да, – удивлённо ответила Никки.

– Вы специально делали эту запись? – резко спросил мистер Дитбит.

– Нет, просто мой компьютер Робби всегда со мной, и он записывает всё, что происходит вокруг меня.

– Директор Милич! – вдруг обратился Дитбит к директору, с этого момента полностью игнорируя Никки.

– Да, ваше величество? – робко сказал директор.

– Снимаю всякие претензии в ваш адрес, – властно произнёс король. – Не нужно никаких исключений или шумихи. Готов рассматривать этот инцидент как детскую шалость. Он исчерпан. Позаботьтесь о том, чтобы мисс Гринвич не устраивала публичных скандалов вокруг происшедшего –

как попечитель Колледжа, считаю, что это не принесёт пользу Школе. Если она ослушается, исключите её за неподчинение распоряжениям администрации школы, а не за драку с моим сыном. Вы согласны?

– Конечно, ваше величество... – пробормотал ошеломлённый директор.

И Дитбит исчез с экрана, так и не посмотрев больше на Никки. Директор сидел, отдуваясь и приходя в себя.

– Ваше счастье, мисс Гринвич, – обратился он облегчённо к Никки, – что король Дитбит оказался... так миролюбив... Я отменяю решение о вашем исключении и предлагаю предать забвению этот прискорбный инцидент... У вас нет возражений? Вы можете обещать мне не распространять эту... ужасную запись?

– Конечно, – с не меньшим облегчением отозвалась Никки, – я ведь должна беречь честь Колледжа... пока я его студентка, – вполне определённо закончила она свою мысль.

Когда она выбралась из Главной башни, уже наступило время обеда. Встревоженный Джерри ждал её на полянке в парке, и она быстро успокоила его. Он, счастливый, засмеялся и с огромным энтузиазмом пожал её руку.

– Я так боялся, что нас выгонят из-за этого убудка. – Джеррино лицо сияло. Он даже и мысли не допускал, что останется в Колледже, если Никки исключат.

У самой Никки искренняя радость от удачного разрешения ситуации смешивалась с неприятным ощущением, что всё получилось так легко только по не известной ей причине.

– Ты должен пообещать мне, Джерри, – очень серьёзно сказала Никки, – что ты не будешь мстить за меня Дитбиту. Нам нужно быть очень осторожными с этими аристократами. Всё было настолько плохо... директор меня уже выгнал из Колледжа, и я спаслась в последний момент... непонятным образом. Если же ты полезешь драться и тебя исключат, то мне одной тут не выжить... Понимаешь?

Джерри сердито нахмурился, но медленно кивнул.

Когда они вошли в кафе, раздался оживлённый гул и к ним подскочил встревоженный Смит, чей столик был недалеко от входа.

– Ну как, Никки, – приглушённо спросил он, – исключили?

– Нет, – улыбнулась она. – Инцидент признан детской шалостью и исчерпан без последствий.

Непосредственный Смит вскинул руки в победном жесте, издал торжественный вопль и побежал среди рядов, делясь с друзьями хорошей

новостью. Когда Никки проезжала среди столов, направляясь к своему месту, многие студенты, особенно Леопарды, приветствовали её, как победительницу какого-нибудь забега.

Драконы сохраняли хмурый вид и провожали её нелестными взглядами и возгласами. В Колледже в первый раз сделали очень больно аристократу такого уровня – самому принцу! Да ещё безнаказанно.

На первый взгляд.

Глава 9

Профессор Гу тт

Постепенно всё пришло в норму. Дитбит, выйдя из госпиталя, никогда больше не заговаривал с Никки, делая вид, что её вообще не существует или что она слишком ничтожный предмет для его высокого внимания. Никки совершенно не возражала. Правда, Дитбит приобрёл обыкновение громогласно обсуждать с «вельможами»-подхалимами планы резкого повышения цены за обучение в Колледже, «чтобы безродная и нищая шваль не могла и мечтать попасть в компанию благородных людей». Ещё принц выражал надежду, что от самых «мерзких и грязных бедняков» они избавятся уже следующим летом, когда тем нечем будет платить за новый учебный год.

Никки хладнокровно относилась к словесным выпадам, но эти речи постоянно напоминали, что ей действительно нечем платить за следующий год. Второго астероида у неё в запасе не было и не ожидалось.

В понедельник Никки спустилась к завтраку рано. За столом сидел только Джерри, ни Дзинтары, ни Хао ещё не было. Она поздоровалась с Джерри и обратила внимание, что школьники, сидящие в кафе, оборачиваются в её сторону, а многие держат какие-то журналы. В руках Джерри была такая же, в плотной обложке, книжица.

- Что ты читаешь? – спросила Никки.
- Твою статью! – удивлённо сказал Джерри.
- Какую статью? – не поняла Никки.
- Статью в «Юном астрономе»! – фыркнул от смеха Джерри. – Её все вокруг читают. Да и посмотреть там есть на что...
- А! Я же написала просто письмо, – наконец догадалась Никки, – пообещала этой, как её... журналистке, в общем.
- Они подали твоё письмо как сенсацию, – и Джерри протянул Никки журнал.

Хотя большинство типографий и книжных магазинов давно исчезли из обихода, практика последних десятилетий показала, что многие люди предпочитают читать и листать не электронные, а бумажные или пластиковые страницы. Такие любители извлекали из Сети и печатали в собственной мини-типографии интересную для них газету или книгу.

Никки взяла в руки журнал, изготовленный Джерри. Всю глянцевою обложку занимала её фотография, сделанная во время Церемонии Старой

Шляпы, – Никки в профиль, сидящая в потоке солнечных лучей. Свет, пойманный прозрачными волосами, закручивался вокруг её головы огненными вихрями. «Весьма эффектно, – мысленно согласилась Никки, – явно после грамотной фотобработки...»

Заголовок под фотографией гласил: «ГЛАВНАЯ ПРУЖИНА МИРОВЫХ ЧАСОВ НАЙДЕНА? Сенсационная статья Николь Гринвич, рекордсменки Школы Эйнштейна».

Никки слегка смущённо хмыкнула и перевернула страницу. Здесь снова красовалась фотография – Никки, менее величественная, зато более живая и вдохновленная, сидела лицом к читателю. У неё были рыжие волосы – значит, кадр из съёмки при сдаче экзамена. Рядом шёл полный текст Никкиного ответа на вопрос «Как образовалась Вселенная?» и торжественный одобряющий вердикт Вольдемара – компьютера Колледжа.

Далее редакция поместила следующее:

«По просьбе нашего специального корреспондентка Джейн Поппинс рекордсменка Школы Эйнштейна Никки Гринвич, получившая за ответ по космологии немислимые триста баллов, согласилась подготовить для нашего журнала статью с пояснением своей концепции Большого Взрыва. Данная статья написана как письмо, но редакция решила ничего не менять и полностью сохранила форму и неподражаемый стиль присланного материала».

После этого введения редакция поместила заголовок «Никки Гринвич объясняет самую оригинальную космологическую идею последних трёх веков», под которым было напечатано письмо Никки.

12 сентября 2272 года, Школа Эйнштейна

Алоха, Джейн,

Посылаю обещанный комментарий к экзаменационному ответу и прошу прощения, если объяснение запутает Вас ещё больше.

Даже роботы-водопроводчики знают, что в 1915 году Эйнштейн вывел уравнения общей теории относительности, согласно которым материя обладает энергией и, следовательно, гравитационной массой и искривляет вокруг себя пространство. Тут Альберт облегчённо вздохнул, а для других проблемы только начались.

Большинство теоретиков с прискорбием отметили, что в

элегантной теории Эйнштейна есть досадное исключение: энергия гравитационного поля не имеет математически правильного, тензорного описания. Это сочли принципиальной слабостью новой теории.

Замечательно! Искомая научная истина никогда не гнездится во мнении большинства. Поэтому знать его очень важно – чтобы с уверенностью вычеркнуть и начать искать в другом месте. В теоретической физике 99 процентов работ оказываются в ретроспективе ерундой. Теорию двигают только одиночки, да вот беда – нельзя заранее узнать, кто они.

Неудачливое большинство надорвалось, решая проблему «плохих» свойств энергии в теории Эйнштейна, а ведь гениальный сэр Артур Эддингтон в начале XX века разъяснял, что **гравитационная энергия есть лишь «математическая фикция»**.

Увы – умная речь спит в глупом ухе! «Плохие» свойства гравитационной энергии – не слабость теории, а принципиальный факт, открывающий пружину мироздания.

Гладкость безжизненна. Живая трава может расти только в трещине камня.

Суть проблемы энергии проста и блестяща: **энергия не является универсальной характеристикой мироздания**. Гравитация полностью описывается геометрическими величинами и не нуждается в энергетическом языке.

Сам Эйнштейн полагал, что гравитационной энергии, как физически реальной характеристики, не существует, и ввёл эту суррогатную величину как дань традициям.

Вы склеили зайца из бумаги, а потом удивляетесь, почему он не ест морковку? Отсюда в паре шагов лежит вывод, что **гравитационные волны, не обладающие реальной энергией, не обладают и собственной гравитационной массой**. Это ключ к пониманию динамики Вселенной. Ключ есть, осталось найти замок.

Полагаю, Джейн, Вы слышали общепринятый миф, что коллапс Вселенной должен сжать сто миллиардов галактик в сингулярность, или, попросту – в точку. Вычёркиваем этот смешной тезис, ибо он слишком популярен в массах, чтобы быть верным, и начинаем думать...

Эврика!

Вселенная проще репы.

При коллапсе вся обычная материя мира превращается в гравитационное излучение, потому что генерация гравитационных волн в сжимающейся Вселенной растёт обратно пропорционально пятой степени радиуса!

Если какой-нибудь премудрый примат скажет, что при сферически-симметричном коллапсе Вселенной гравитационные волны не образуются, – просто сбросьте его в чёрную дыру – пусть сам убедится, что сферически-идеальный коллапс столь же «гениален», как пресловутая модель сферического коня.

При коллапсе **Вселенная, превратившись в облако гравитационных волн, сбрасывает свою гравитационную массу до нуля** – согласно найденному нами ключу. Тем самым мы решаем древнюю проблему сингулярности: до этой мистической точки Вселенная просто «не долетает», успевая превратиться в облако мощного, но безмассового гравитационного излучения.

Что ж, осталось всего ничего: понять секрет обратного разлёта Вселенной или Большого Взрыва. Возьмите классическую, двумерно упрощённую модель гравитационного поля – резиновую плёнку, прогнувшуюся вокруг тяжёлого шара.

Лёгкие шарики катятся по изогнутой плёнке к центральному шару, иллюстрируя его «тяготение». Резко дёрните вверх тяжёлый шар с прикрепленной к нему плёнкой – за телом потянется вверх острый криволинейный «конус», а лёгкие шарики брызнут в разные стороны, скатываясь по его склонам. «Конус» возник из-за конечной скорости распространения возмущения по резиновой поверхности: отдалённые части плёнки с запаздыванием узнают о подъёме центрального шара или об **исчезновении его гравитационной массы**.

Мы получили резиновую иллюстрацию **отталкивающего гравитационного поля возле уменьшающейся массы**.

Большой Коллапс, уничтоживший гравитационную массу сжимающейся Вселенной, погубил сам себя и вызвал могучую антигравитацию, ставшую причиной нового расширения мира.

Хокинг открыл, что сильная гравитация выбивает из пустоты элементарные частицы. Цунами изогнутого пространства, возникшее из-за исчезновения прошлой Вселенной, высекает из вакуума грандиозную волну ослепительного хокинговского излучения – это и есть Большой Взрыв, снова

создающий наш мир.

Мудрый Илья Пригожин первый рассмотрел Большой Взрыв как «неустойчивость, приводящую к рождению материи». Но никто не понял, что он сказал.

Величественный цикл гибели и возрождения Вселенной-феникса повторялся неоднократно. Для нас поворот к сжатию этой космической машины состоится через многие миллиарды лет – когда растущее множество чёрных дыр насосётся реликтового гравитационного излучения и замкнёт своей массой Вселенную... Какой красивый и простой механизм мироздания! Осознав его, я вопила от восторга и бегала по потолку, как геккон. А Вы что сейчас делаете, Джейн?

Никки не стала читать своё письмо до конца – она и так его помнила – и вернула Джерри журнал.

– Отлично написано! – воскликнул Джерри. – Поздравляю!

Героиня дня непонятно вздохнула и принялась за завтрак.

– Оставь журнал себе – я распечатаю ещё, – добавил Джерри, не сказав Никки, что обе её фотографии из «Юного астронома» увеличены им до максимума и уже висят на стене его комнаты...

В кафе засветилось и запищало объявление о наборе новичков в группу свободного полёта. Записываться пришло полсотни первокурсников и, конечно, Никки с Джерри. Как новички, так и присутствующие ветераны-пилоты бросали удивлённые взгляды на Никки. Видимо, в их представлении инвалидная коляска плохо сочеталась с крыльями.

Никки же удивилась присутствию Изабеллы. Эта беленькая хрупкая девочка была болезненно стеснительной, поэтому Никки никак не ожидала встретить её здесь. Зачисление Изабеллы в Орден воинственных Леопардов тоже всегда вызывало недоумение.

Тренер секции, Бенто Нджава, энергичная плечистая девушка лет двадцати с коротким ёжиком на голове и постоянной улыбкой на лице, переписала всех пришедших первокурсников. Она ничего не сказала по поводу коляски Никки, хотя было видно, что пара-тройка вопросов так и крутятся у неё на языке. Но она педагогично их проглотила.

– Луна – планета крылатых людей! – Свою речь Бенто начала со старого лозунга. – Человек всегда мечтал о крыльях, но только на Луне, где вес тела в шесть раз меньше, чем на Земле, он смог по-настоящему почувствовать себя птицей.

Бенто ослепительно улыбнулась.

– Но вам до этого ещё далеко. Сначала займёмся изучением теории. Полёты на учебных крыльях начнём в ноябре. Практика показывает, что примерно четверть записавшихся в этот момент отсеиваются из-за... э-э... внезапного увлечения чем-нибудь, так сказать, наземным – вроде пинг-понга. Потом мы изучим самостоятельное конструирование крыльев, потому что лучшие крылья – это те, которые ты сделал для себя сам. При проектировании крыльев нужно учитывать, в каких соревнованиях вы собираетесь участвовать. Разъяснить, что это такое? – спросила с некоторой надеждой Бенто.

– Да! – крикнуло несколько голосов, и она, вздохнув, продолжила:

– В воздушном бою две команды по пять человек пытаются сбить друг друга виртуально-плазменными мечами. Естественно, побеждает команда, сбросившая на землю всех соперников.

– А падать сбитым больно? – взволнованно крикнул кто-то из слушателей.

– Они обычно плавно парашютируют, но будете учиться и грамотно падать, – серьёзно сказала тренер. – Быстрое падение с надетыми крыльями довольно опасно, даже на батут...

Фигурный пилотаж – это соревнования на самое искусное парение. Очень техничный вид спорта. Прямая связь с эстетикой спортивной акробатики и фигурного катания на льду.

Последний вид соревнований – турнир драконоборцев, которые поодиночке сражаются с наземными ящерами и летающими драконами. Задача рыцарей трудна: оружие у них только древнее – мечи и копья, а уязвимость драконов мала.

– А сколько народу уже сожрали эти зверюги? – раздался тот же взволнованный голос.

– Лично вам я не рекомендую заниматься драконоборчеством, – серьёзно сказала тренер, не ответив на вопрос, – не тот склад психики... Учтите, что можно остаться в «любителях» и летать для удовольствия, без всяких соревнований.

Первые состязания сезона – отборочный турнир для фигуристов и драконоборцев. А четыре команды воздушного боя соревнуются за право стать чемпионом курса по фигурному пилотажу. Заключительный этап соревнований – Суперфинал. Сборные орденов сражаются между собой за Кубок Алмазной Ступы, а фигуристы, чемпионы курсов, оспаривают Приз Серебряного Крыла. Драконоборцы участвуют в Майском Рыцарском Турнире, где десять лучших бойцов Колледжа борются за Золотую

Перчатку. Вопросы? – с облегчением закончила рассказ тренер Бенто.

Вопросы посыпались со всех сторон, а Джерри наклонился к Никки.

– Что тебе больше нравится? – спросил он её.

Никки задумалась.

– Думаю, воздушный бой, – наконец ответила она, – хотя сражения с драконами тоже очень интересная штука...

– Уж очень ты боевая, – протянул Джерри. – А эстетическое фигурное летание тебя не привлекает?

– Не-а, – по-детски сказала Никки. – Уж больно нужно заботиться о внешнем впечатлении. Не люблю.

Сидящая рядом Изабелла проговорила тихонько:

– Мне тоже нравится воздушный бой... – чем снова удивила Никки.

Но ещё больше поразила её Изабелла несколько дней спустя.

Никки любила купаться в бассейне Колледжа – огромном, с заливами и островками, покрытыми короткой густой травой. Он раскинулся под гуманитарным корпусом и пользовался популярностью среди школьников. Никки не хотела плавать на глазах у всех с рюкзаком на плечах и приспособилась купаться по ночам – в совершенно пустынном бассейне с зеленоватой толщей воды, подсвеченной береговыми фонариками. Темнота позволяла плавать без одежды, что Никки и предпочитала в последнее время.

Как-то раз, около шести гринвич-утра, когда Никки уже собиралась выходить из воды, в тёмное пустое помещение бассейна ввалилась шумная группа Драконов-первогодков во главе с другом принца Дитбита, маркизом Гейлордом, который всем предлагал звать его просто Маркиз. Никки затаилась в середине дальнего залива, где обычно плавала.

Но Драконы не стали купаться, а пошли по берегу, рыская, как охотничьи псы. Их было шестеро, и они, как быстро выяснилось, искали именно её. Наткнувшись на коляску Никки, один из них радостно закричал другим, и вскоре на берегу столпились все шестеро, жадно всматриваясь в середину залива, где плавала Никки.

– Итак, это правда! – воскликнул Гейлорд. – Никки Гринвич плавает нагишом по ночам! Да ещё с рюкзаком! Вилли-соня, ты проспорил мне тысячу.

– И что вас так окрыляет? – холодно спросила Никки. Её голос легко достигал берега над тёмной водой.

– Мне нравится масса потенциальных возможностей развития этой ситуации, моя милая! – воскликнул, осклабясь, Гейлорд. – Можно конфисковать халатик... – Он двумя пальцами поднял Никкин халат с

коляски, – и пустить мисс Гринвич по Колледжу голышом... Это будет здорово! Особенно если подождать близкого завтрака – когда побольше публики соберется... А ещё можно покрыть коляску отличным суперклеем... Смитти, ты захватил баллончик? Или не клеим, а... – Он договорил, понизив голос, и его приближённые угодливо заржали.

– Как-то ваш принц Дитбит захотел надо мной подшутить... – сказала Никки. – Ты навещал его в больнице, верный Маркиз?

– В том-то и дело, что у тебя под рукой сейчас нет ничего, чем можно начать бросаться, – поспешно успокоил друзей и себя Гейлорд. – Кроме того, мы же не нападаем на тебя, а просто веселимся... Нам даже можно ничего не предпринимать, а сесть вокруг и подождать, пока мисс Гринвич не решит, что ей пора идти на завтрак.

Драконы заржали и на самом деле расселись по лёгким пляжным стульям, стоящим на берегу. Гейлорд был не прав – Никки знала на дне бассейна местечко с отличными округлыми камушками, и каждый Дракон мог получить по здоровой шишке в любой точке лба – на выбор Никки.

Но Никки не хотела конфликта – скандал из-за травмы Дитбита показал, что трогать этих маменькиных и папенькиных богатеньких сыночков оказывается себе дороже. Тем более если они собираются просто сидеть на стульях, наслаждаясь ситуацией. Не то чтобы Никки стеснялась выйти из бассейна, но она не собиралась идти на поводу у этих шалопаев. А Гейлорд веселился вовсю:

– Да, Никки, я слышал, что у тебя проблемы с деньгами – нечем платить за следующий год... Пожалуй, я смогу помочь... я подумываю о хорошенькой служаночке. Совсем не обременительная служба, учёбе не мешает... Ну... сумку за мной носить, кофе в постель подать... – Дальше Гейлорд стал невнятен и тих, но дружки смачно загоготали.

Никки подумала – может, позвонить Джерри? Но их тут шестеро, а он сразу полезет драться...

– Если ты будешь очень послушной, то вполне наскребёшь на второй год – я знаю и других, кто может заинтересоваться симпатичной и услужливой горничной, они тоже войдут в долю... – Драконы развлекались на всю катушку.

– Маркиз, – пренебрежительно сказала Никки, – ты и твои слюнявые дружки даже не неандертальцы, а просто обезьяны. Я обещаю тебе пару уроков по внушению должного уважения к человеку разумному. Конечно, вас всех можно прямо сейчас утопить... но потом в бассейне будет так вонять!

В полумраке раздались торопливые шаги, и через несколько секунд к

месту событий подросла Изабелла. Она с ходу поняла ситуацию, достала т-фон и быстро проговорила в него:

– Срочный подъём всем мальчикам Леопардам-первокурсникам... их помощь нужна в бассейне!

Лица у Драконов сразу вытянулись.

– Это же сообщение – для Смита Джигича, – яростно добавила Изабелла. Известное имя Смита произвело ещё более сильное впечатление на Драконов.

Она подняла т-фон и показала его Драконам:

– Подождите ещё десять секунд, мерзавцы, и мы повеселимся все вместе.

Но бассейн наполнился торопливым топотом ног и мгновенно опустел.

– Спасибо, Изабелла, – поблагодарила с признательностью Никки, осторожно вылезая из воды и надевая купальный халат. – Отмени, пожалуйста, тревогу.

– Я её не вызывала, – усмехнулась Изабелла, – но нажала бы кнопку, если бы они не исчезли...

– Умный ход! – засмеялась Никки. – Как здорово, что ты так рано проснулась! А то я уж и не знала, что делать с этими змеёнышами...

– Ты же сама послала мне мессидж и попросила спуститься в бассейн... – удивилась Изабелла.

– А... – сразу догадалась Никки. – Это мой Робби тебя разбудил, пёс этакий.

– Да, это я позвал Изабеллу, – проворчал Робби. – Не в полицию же звонить ради этих молокососов. Изабелла справилась отлично!

– Это верно! – сказала Никки, подошла к Изабелле и обняла её. – Ещё раз спасибо – и пойдём завтракать. Так как никого ещё нет, сядем за один стол – нарушим традицию...

– Пошли! – обрадовалась Изабелла.

Никки ехала в кафе на ранний завтрак и удивлялась выбору Робби. Если уж звонить кому-то из девчонок-Леопардов, то она остановила бы свой выбор на Изабелле в последнюю очередь, хотя была к ней вполне расположена, – уж очень робкой казалась эта беленькая первокурсница.

Но Вольдемар – Главный компьютер Колледжа – распределил её в Леопарды, и Робби выбрал именно Изабеллу для призыва на помощь. И девушка действительно вполне справилась: вела себя уверенно, даже жёстко в кризисной ситуации, в которой многие бы растерялись.

Может, мудрые компьютеры знают про нас нечто такое, о чём мы сами не догадываемся? Может, во всех робких и застенчивых спят Леопарды,

нужно лишь разбудить этого смелого и сильного друга?

Уроки химии всегда нравились эйнштейнианцам. Химический кабинет украшали коллекции всевозможных руд и минералов, драгоценных и полудрагоценных кристаллов. На стене располагалась таблица Менделеева с развешенными кусочками металлов и пробирками с разноцветными порошками – образцами большинства химических элементов или их наиболее распространённых соединений, в углу – колбы с пробами грунта планет земной группы и всех спутников Солнечной системы, а в высоком – от пола до потолка – цилиндрическом аквариуме лился бесконечный ядовитый дождь и клубились рыжие аммиачно-метановые облака, иллюстрируя погодную химию Юпитера.

Учитель химии профессор Густав Цитцер – брат журналиста Юрия Цитцера, знакомого Никки по первому дню прилёта в Колледж, – всегда приготавливал что-нибудь интересненькое для своих учеников.

То достанет реторту с розовыми кристаллами и начнёт сыпать их на стол. Кристаллы падают и взрываются, исчезая с легким треском. Потом профессор подробно расскажет об этом нестойком соединении инертного газа, распадающемся при ударе, – и напишет соответствующие формулы.

То притащит фарфоровый тигель, начнет его нагревать на горелке, и из чашки ползут, извиваясь, длинные червяки! Когда утихнет визг слабонервных в первых рядах, профессор Цитцер с удовольствием объяснит, что это не черви, а вещество, расширяющееся при нагревании во много раз...

Профессор часто говорил странные вещи. Рассказывает о химической инертности азота – главного компонента земной атмосферы и о трудностях получения из него ценнейших аммиачных удобрений. Показывает на экране колоссальные колонны из крупновской стали, где за толстыми стенками, в невыносимой жаре и зубодробительном давлении азот нехотя соединяется с водородом, подчиняясь могучей воле человека. И вдруг заключает:

– Являются ли эти гигантские стальные установки для получения аммиака свидетельством человеческого могущества? Конечно, нет! Они – признак человеческой слабости. Вам приходится применять силу? Значит, вы не использовали ум. Клубеньковые бактерии в корнях бобовых растений умеют связывать атмосферный азот без всякого напряжения...

Контрольные он тоже задавал превосходные:

– У вас есть старинные бумажные газеты и старые шерстяные

варежки. Выбирайте, что вам больше нравится, и напишите формулы всех практически полезных химических соединений, которые можно получить из этого старья, – с уравнениями реакций их получения, естественно...

Никки выбрала варежки, но не стала возиться с постепенным разложением, а изничтожила их до водорода, углерода, кислорода, азота и серы, той самой, из-за которой горелая шерсть так смердит. После чего начала увлечённо собирать из этих пяти химических элементов всё более сложные соединения. Никки дошла до уравнения получения аспирина, когда прозвенел звонок; она с сожалением сдала работу – там можно было столько ещё насинтезировать!

На очередное занятие профессор Цитцер принёс большую колбу, накрытую салфеткой.

– Сейчас я вам покажу знаменитую химическую реакцию – с неё началась едва ли не вся современная химия и современная биология. Да и физика тоже во многом изменилась...

Он снял салфетку, и студенты увидели колбу с голубым раствором. Прямо на глазах раствор поменял цвет и превратился в красно-оранжевый. Аудитория восхищённо загудела – профессор Цитцер совсем не обижался на такой шум удовольствия. Покрасовавшись ярко-оранжевым пятном на столе, колба снова стала голубой! Зал зашумел ещё сильнее, а колба продолжала равномерно, как часы, менять свои цвета.

– Познакомьтесь: реакция Белоусова – Жаботинского, вызывающая периодические колебания концентрации химических реагентов. Если разлить раствор в мелкий слой... – профессор плеснул из колбы на стеклянную поверхность стола и вывел изображение со стекла на экран, – то возникнут пространственные структуры: кольца, волны или спирали.

По экрану поползли волны оранжевого и голубого цветов, сталкиваясь и сливаясь.

– Любопытна и драматична история открытия этой реакции. Талантливейший российский химик Борис Белоусов открыл в 1951 году, что если соединить в одной колбе раствор серной кислоты, бромата и бромида натрия, малоновую – или лимонную – кислоту, сульфат железа и краску фенантролин, то возникнет чудо: раствор начинает менять цвет с голубого до оранжевого и обратно с периодом колебания от долей секунды до десятков минут. Такое поведение реакции резко противоречило общепринятым в те времена научным представлениям. Многие химические реакции привычно считались необратимыми. Вы сами знаете, как легко сжечь бумагу, а вот попробуйте получить из углекислого газа снова углерод и кислород. А уж химическая реакция, самопроизвольно меняющая

направление процесса с прямого на обратное, да ещё многократно, как маятник, – в середине двадцатого века выглядела ересью чистой воды. Не удивительно, что многолетние попытки Белоусова опубликовать свое открытие в профессиональных химических журналах оказались безуспешными.

– Как же этому можно не верить? – удивился кто-то. – Вот же она – колба с колебаниями цвета!

– Для того чтобы увидеть истину, надо, как минимум, захотеть это сделать... – сказал профессор Цитцер. – Современники Галилея отказывались смотреть в его телескоп на небо, чтобы не поколебаться в своём мнении... Человеческие предубеждения твёрже алмаза. Пусть химик Белоусов скажет спасибо, что его не сожгли на каком-нибудь священном научном костре... Лишь в 1959 году открывателю колебательной реакции удалось напечатать трехстраничный реферат в сборнике по радиационной медицине, видимо нерецензируемом. После чего, обиженный, он прекратил попытки преодолеть неверие рецензентов-консерваторов. Но слухи об удивительном открытии распространились, им заинтересовался Анатолий Жаботинский, который в 1964 году детально исследовал колебательный химический феномен. Знаменитая химическая реакция, носящая сейчас имя Белоусова – Жаботинского, оказалась поворотным пунктом в современном мировоззрении, основанном на понятиях самоорганизации, открытых систем, колебательных реакций и структурообразующих неустойчивостей. Я лично считаю, что это редкий случай, когда трехстраничная работа заслуживает Нобелевской премии.

На столе колба прекратила цветовые игры.

– Что с ней случилось, сэр? – спросил кто-то.

– Кто скажет, что с ней произошло? – Профессор умело перепасовал вопрос аудитории.

– Она исчерпала свои ресурсы, – поднял руку и ответил длинный парень из Ордена Совы. – Чтобы реакция шла постоянно, нужна открытая система с непрерывным подводом свежих веществ и отводом конечных продуктов...

– Совершенно верно, колба проголодалась и умерла, как живой организм, – подтвердил профессор Цитцер. – Давайте-ка посмотрим на уравнения этой замечательной реакции...

На лекциях по астрономии профессор Гутт рассказывал о взглядах античных философов и о революции Коперника. Потом он нырнул в космологические теории Эйнштейна, Ситтера и Фридмана. Студенты

узнали, что разбегание галактик открыл Слайфер, а Хаббл обнаружил, что скорость их разбегания растет с расстоянием. Никки многое из этого уже знала, но всё равно слушала внимательно.

На очередное занятие профессор Гутт не вошёл, а влетел, метая глазами хмурые молнии. Он держал в руке тот самый номер журнала «Юный астроном».

– Космология – древнейшая наука! – нервно начал лекцию профессор Гутт. – Тысячи наблюдателей и теоретиков сотни лет по крупицам собирают достоверные факты и скрупулёзно развивают модели, которые в будущем – я глубоко верю в это! – должны превратиться во всеобъемлющую картину нашего мира. Это громадная и трудная работа... в настоящее время насчитывается всего с десятков теоретиков, способных понять современные математические модели Вселенной.

Профессор перевёл дух и раздражённо продолжил:

– В космологическую теорию раздувания вакуума вложил много сил и ваш покорный слуга. Поэтому мне очень неприятна наивная попытка зачеркнуть эти титанические усилия и предложить взамен обоснованных научных моделей скороспелую и непроверенную схему, привлекательную лишь внешне.

Тут профессор поднял журнал повыше.

– Вдвойне грустно, что такая попытка исходит из Колледжа, что одновременно подвергает сомнению и качество нашего обучения... Я говорю о статье мисс Гринвич в последнем номере «Юного астронома».

– А что там неверно, профессор? – радостно осклабился Гейлорд. – Не могли бы вы пояснить детальнее?

– Вся статья – просто слова, – расстроено сказал профессор, – так наука не делается, дорогие мои. Я понимаю, что компьютер Колледжа, поддавшись на примитивную логику этих рассуждений, поставил мисс Гринвич высокий балл за ответ по космологии и спровоцировал интерес журналистов. Но компьютер не может по-настоящему глубоко оценить реалистичность физической модели, не сводимой к логической схеме. Поэтому я не согласен с решением Вольдемара. Я не стал оспаривать его оценку после экзаменов – было уже поздно, да и это могло бы бросить какую-то тень на бесспорно выдающийся общий экзаменационный результат мисс Гринвич...

Но сейчас! – Он потряс в воздухе журналом. – Я вынужден со всей категоричностью заявить о том, что эта гипотеза – порождение фантазии юного человека, не знакомого с современной наукой. Мисс Гринвич, – рассерженный профессор обратился прямо к Никки, – я запрещаю вам

распространять и пропагандировать свою детскую теорию!

– Как быть со свободой слова, профессор? – удивилась Никки.

– Не передёргивайте! – сварливо возразил Гутт. – Речь идет о школьных занятиях. Я – преподаватель и оцениваю уровень ваших знаний в астрономии. Если вы будете высказывать неправильные взгляды, то я поставлю вам низкую оценку и не переведу на следующий курс. Если вы будете упорствовать в своих заблуждениях, то... судьбу студента, отказывающегося учиться по программе Колледжа, решает директор!

В аудитории повисла тишина. Профессор применил оружие максимального калибра.

– Вернёмся из мира фантазии к реальной Вселенной. Я не могу больше тратить время лекции на легковесную статью, у нас много реалистичных космологических теорий для обсуждения на наших занятиях.

– Сэр, – миролюбиво сказала Никки, – раньше я полагала, что реалистичных теорий не может быть много, такая теория должна быть одна. Но, собственно, я хотела спросить: какие космологические проблемы вы считаете самыми важными?

Профессор настороженно посмотрел на Никки – не попытка ли это втянуть его и аудиторию в бесплодную дискуссию о статье в «Юном астрономе»?

– Сегодня мы как раз приступаем к общему обзору современной космологии, – наконец сказал он, – который и начнём с перечисления основных загадок, стоящих перед ней. Первая проблема – гравитационная сингулярность. Всем известно, что гравитация является только притягивающей силой! – Профессор Гутт снова строго посмотрел на Никки. – Общеизвестна ньютоновская формула для гравитационного притяжения, зависящего от массы тела и от квадрата обратного расстояния до его центра.

Вольдемар показал формулу Ньютона на экране и стал манипулировать ею, иллюстрируя слова профессора:

– Если в формуле принять массу постоянной и устремить радиус сферического тела к нулю, то есть сжимать тело в точку, то гравитационная сила и плотность самого тела устремится в данной точке к бесконечности. Физики назвали точку бесконечного сжатия «сингулярностью» от латинского *singularis* – отдельный, особый.

На экране Волди не без артистичности устремил график в бесконечность.

– Это не просто гипотетический случай. Ещё в двадцатом веке Чандра,

Пенроуз и Хокинг математически строго доказали, что сжатие или коллапс массивной звезды неизбежен – его невозможно остановить! Следовательно, вещество звезды или всей Вселенной *должно* сжаться в сингулярную точку. Многие учёные считали, что наличие сингулярности в решении уравнений означает величайший кризис в физике...

Профессор посмаковал острую проблему сингулярности и воскликнул:

– Сжатие в точку целой Вселенной! Сотни миллиардов галактик; в каждой сотни миллиардов звёзд; любая весом в сотни миллионов миллиардов тонн раскалённого вещества – и всё должно уместиться в одной точке, не имеющей размера вообще! Да – судьба незавидная, но неизбежная. Ведь с математической теоремой не поспоришь! – и он снова назидательно посмотрел на спокойную Никки.

– Ну-ну, профессор, – свободно сказала девочка с астероида, – с математической теоремой и не нужно спорить, нужно обсуждать – соответствует ли данная теорема физической реальности. Предположение о постоянстве массы сразу делает категоричный пафос теоремы о сингулярности неприменимым к реальной Вселенной. Теорема Пенроуза – Хокинга математически верна, но физически бессмысленна!

– Предлагаю не высказывать ваши замечания до тех пор, пока я не разрешу вам говорить! – вскричал негодующий профессор, дёрнул головой и продолжил лекцию. – Большинство полагает, что проблема сингулярности исчезнет в квантовой теории гравитации, к построению которой мы вплотную приблизились за последние десятки лет. Сжавшись в микроскопический объём, Вселенная впадет в квантовую дрожь из-за неопределенности Гейзенберга и, возможно, избежит сжатия в точку, а может, снова расширится. Пока непонятно, как сжатая Вселенная преодолеет собственное могучее притяжение... Большинство надеется, что ещё не построенная квантовая теория гравитации решит и эту проблему. Никки сердито, но тихо проворчала:

– *Если справедливость теорий решается голосованием большинства, да ещё заранее, – значит, теоретическая наука тихо скончалась...*

Но услышать её язвительные сентенции теперь мог только Робби.

– Расширение Вселенной началось с Большого Взрыва. Причина Большого Взрыва и рождения нашей Вселенной – это вторая проблема современной космологии. Ближе всех к разгадке – буквально на её пороге! – стоит теория раздувания вакуума или инфляции.

Никки пробурчала себе под нос:

– *Эта раздутая теория стоит на пороге разгадки так давно, что пустила там корни, обросла пенсионерами и стала*

достопримечательностью для туристов...

По залу прокатился смешок.

– Теория инфляции предполагает, что до Большого Взрыва ничего – даже самого времени! – не существовало. Если нет материи для часов, то нечему и тикать... хе-хе... – Профессор поддержал весёлый настрой аудитории. – Вселенная родилась из нестабильного вакуума. Почему вакуум стал нестабилен?... э-э... не будем пока об этом... в некий момент времени... гм... это не совсем понятно, так как времени ещё не было... из вакуума выделилось обычное вещество с положительной энергией и гравитационное поле с отрицательной энергией... Мы ещё не знаем смысла отрицательной энергии, но надеемся скоро понять – что она из себя представляет...

– *Кошмарный кошмар она из себя представляет... Зарплату таким мыслителям надо платить отрицательными долларами...*

– В сумме энергия Вселенной равнялась нулю, но количество каждой из её компонент – положительной и отрицательной – увеличивалось... Почему эти компоненты решили вырасти – сказать трудно, но почему бы и нет, если это разрешено правилом сложения отрицательных и положительных чисел?... Так сказать, бесплатный ланч... хе-хе... видимо, закон благотворительности работает и в космосе...

– *Первый раз в своей детской жизни слышу такой детский лепет...*

Аудитория засмеялась, и профессор обрадовался успеху своей лекции.

– В первую долю секунды времени во Вселенной действовало мощное отталкивающее поле пока непонятной природы... отрицательное давление вакуума? – которое и породило Взрыв... Важно тщательно подобрать по величине это давление... мы ещё не знаем, откуда оно возьмётся в нужном нам количестве, но оно обязательно должно быть, так как без него наша теория работать не будет!

– *...! Ой, извини, Робби, я как-то обещала тебе не выражаться...*

– Ладно, я не вижу на ваших лицах сосредоточенности, так что детальное изложение этой замечательной теории, в которой за многие годы интенсивного развития осталось не больше полудюжины туманных мест, я отложу на последующие лекции...

– *О, Волопас, и этот инфантильный бред мы будем изучать? Космическая мыльная опера о выдувании пузырей...*

– Третья космологическая проблема – ускорение Вселенной. Представим себе, что мы, стоя, скажем, на Земле, бросили вверх камень и вместо замедления подъёма и падения увидели поразительное самопроизвольное ускорение камня и уход его в дальний космос. Именно

такое скандальное поведение вещества мы наблюдаем во Вселенной! На больших масштабах в нашем мире царит не притяжение, а отталкивание из-за непонятной антигравитации. Сила, расталкивающая Вселенную, примерно в два раза превосходит силу притяжения между галактиками. Феномен ускорения Вселенной – величайшая загадка теоретической физики. «Модификаторы» пытаются заменить теорию относительности на новую теорию гравитации с отталкивающей силой.

– *Прежде чем отказываться от теории старика Эйнштейна, хорошо бы найти хотя бы пару человек, которые доподлинно знают, в чём она заключается...*

– «Кладоискатели» ищут неизвестные мировые субстанции: «тёмную энергию» – загадочное нечто с отрицательным давлением, – которая приводит к антигравитации... и ещё таинственное отталкивающее поле, называемое «квинтэссенцией духов» или «настойкой из привидений» – очень уж оно неуловимо...

– *Лишние сущности плодятся как мухи. Оккам устал махать бритвой... Впору звать священника со святой водой.*

Аудитория оживилась и забормотала.

– Четвёртая главная проблема современной космологии – это темнота материи... – Профессор Гутт подошёл к столу и отпил воды из стакана. – Мы можем вычислить массу Вселенной, но мы не можем найти, где находится эта масса. Наблюдаемого вещества в виде воды... – профессор поднял повыше стакан, – земли и воздуха, звёзд и галактик недостаточно, чтобы обеспечить измеренную массу нашего мира. Поэтому «кладоискатели» ищут в космосе «тёмную материю» – ещё не известный вид элементарных частиц...

– *Поставленные перед выбором: чего не хватает? – мозгового вещества в их головах или тёмного вещества во Вселенной – учёные единодушно решили, что ущербна Вселенная...*

– ...суммарный вес этих тёмных частиц во много раз больше, чем вес всех звёзд!

– *Любителям тёмной материи стоит подумать о профессии золотаря...*

В аудитории раздался откровенный хохот. Профессор остановился и недоуменно посмотрел на студентов.

– Робби, – тихо спросила Никки, – почему все смеются, хотя мне не смешно?

– Им нравятся твои комментарии... – ответил Робби.

– Ты о чём? – удивилась Никки. – Я тиха как мышь, профессор

запретил мне выступать...

– Поэтому я решил помочь и вывел твои замечания на экран...

И Никки с ужасом заметила, что на боковом мониторе, где обычно высвечивались вопросы студентов к профессору, после жалобного послания Виктора-Оленя с просьбой ещё раз объяснить фотометрический парадокс Ольберса красуется весь набор её реплик к лекции профессора, который как раз в это время, проследив взгляды аудитории, стал поворачиваться к боковому экрану.

– Робби, убери немедленно!

Профессор всмотрелся в экран и пожал плечами – зачем жестокие дети так смеются над непонятливым Виктором?

– Ты чего самовольничаешь? – обругала Никки своего друга.

– Ты отказываешься от своего мнения? – удивлённо спросил Робби.

– Я ни от чего не отказываюсь, – буркнула Никки, – но ты должен отличать частные комментарии от публичных высказываний... Ты выставил меня бунтарём!

– Вижу, что я был неправ – ты превратилась в очень цивилизованную, дисциплинированную девочку! – ехидно заключил Робби.

В конце лекции профессор удостоил Никки величественным взглядом.

– Я ответил на ваш вопрос об основных космологических проблемах, мисс Гринвич? – спросил Гутт.

– Сэр, вы поразили меня до глубины моей бесхитростной души, – ответила Никки. – Верно ли, что четыре основные проблемы космологии существуют очень долго и их решения принято искать по трём различным направлениям – в теории квантовой гравитации, в теории раздувания вакуума с парой новых физических полей и в рамках физики элементарных частиц, где потерялись тёмные частицы?

– В целом вы неплохо усвоили содержание сегодняшней лекции, – снисходительно похвалил Никки профессор Гутт.

– Профессор, я в недоумении, – продолжала Никки, – обычно наука находит объяснения для наблюдаемых феноменов довольно быстро. А тут четыре глобальные проблемы не решаются уже столько времени! Может быть, причина этого именно в том, что их решения ищутся в различных направлениях?

– Что за странное предположение? – удивился профессор, но Никки была настойчива:

– Системология подсказывает: все четыре проблемы *должны* решиться в рамках единой концепции. Перепрыгнуть пропасть в три прыжка нельзя. Тесная связь всех космологических проблем очевидна – Большой Взрыв

обратен гравитационному коллапсу, а тёмная материя сопоставима по количеству с тёмной энергией. Значит, все эти загадки должна решить теория гравитации – ведь других сил в масштабе Вселенной нет.

– Вот именно – нет сил в природе, которые могут остановить гравитацию, сжимающую звезду или Вселенную! А вы в своей публикации утверждаете обратное! – не выдержал сердитый профессор и сам затронул статью в «Юном астрономе».

– Если гравитацию нельзя компенсировать другими физическими силами, то остаётся один вариант – победить гравитацию самой гравитацией, – упрямо сказала Никки. – Гравитационное притяжение – вовсе не единственный эффект гравитационного поля, поэтому мы можем натравить гравитационные феномены друг на друга до полного взаимного уничтожения.

Профессор Гутт слушал с выражением глубокого скепсиса на лице.

Робби прошелестел в ухо Никки:

– Никки, тебе пора научиться заводить не только врагов, но и союзников... Вспомни: тщеславие – могучая вещь...

Послушная Никки перестроилась на ходу:

– Сэр, вы же профессиональный теоретик! Ваша работа по искривлению световых лучей в гравитационном поле коллапсара, где вы показали, что человек на коллапсирующей звезде будет видеть заворачивающийся вокруг него горизонт и сжимающееся небо над собой, – это классическая работа, достойная Ньютона!

Гутт удивлённо поднял брови.

А Никки увлечённо говорила:

– Я будто собственными глазами вижу, как горизонт встает на дыбы вокруг меня и искривляется, словно края огромной чаши, растущей всё выше и выше! Небо надо мной становится всё меньше, но звёзд на этом съеживающемся в овчинку небосклоне – всё больше, потому что звёзды другого полушария выбегают из-за взбесившегося горизонта. В конце концов я оказываюсь внутри кокона вывернутой наизнанку звезды – почти чёрной дыры, и вся небесная сфера сжалась в сверкающую точку над моей головой! Профессор, это гениально!

Профессор Гутт размягчённо хмыкнул и победно оглядел остальную аудиторию.

– Пусть дилетанты читают популярные статейки, построенные на словесной эквилибристике и примитивных аналогиях, – продолжила Никки вкрадчивым располагающим голосом, – учёные такого экстракласса, как вы...

Профессор ещё больше приосанился.

– ...должны верить только уравнениям – безошибочному математическому языку настоящей науки. Давайте я изложу в курсовом реферате формулы для модели Вселенной с переменной гравитационной массой, а вы их проверите и сделаете авторитетное и, несомненно, верное заключение. В этих расчётах есть совершенно прелестное преобразование с запаздывающими потенциалами – очень похожее на то, что вы проделали в своей замечательной работе по движущимся гравитационным линзам в «Астрофизикал джорнал» в прошлом году. Ваш анализ модели Вселенной с изменяющейся массой захочет напечатать не только какой-то там журнальчик для юных астрономов – даже «Нэйчэ» и «Сайенс» передерутся за право опубликовать ваше мнение!

Профессор снова гордо посмотрел на студентов, слушавших с открытым ртом.

– Ну что ж, – сказал он невообразимо величественно, – в этой идее есть... э-э... рациональное зерно. Напишите такой реферат... кхм... и, может быть, я выкрою свободную минутку посмотреть его... гм... только не надо тянуть до лета... или до Рождества. Напишите... э-э... побыстрее.

Джерри восхищённо посмотрел на невозмутимую Никки. А та незаметно потрепала Робби по пластиковой мудрой голове.

Глава 10

Дуэль

В ноябре в Школу заявила сама Большая Тереза из Лунного госпиталя.

– Ну, как ты тут устроилась? – грозным тоном спросила она Никки, срочно вызванную в медотсек.

– Отлично, прекрасное местечко, – бодро сказала девочка, перебираясь из коляски на ложе диагноста и ёжась от прикосновений холодного пластика. – Спасибо огромное, что предупредили кухню Колледжа о кянти в моём меню. Иначе мне пришлось бы туго...

– Это моя работа, – проворчала Большая Тереза. – Давай-ка посмотрим твою спину.

– Что вы думаете про нейроимплант? – спросила Терезу доктор Берринджер, врач Колледжа, улучив момент, когда диагност, проглотивший тело пациентки, громко зажужжал. – Можно заменить его на обычную биоткань и избавить девочку от постоянной зависимости от компьютера?

– Можно, – вздохнула Тереза, – но эта операция стоит дорого... социальная страховка Никки её стоимость не покрывает. Кроме того, эта девочка и не хочет расставаться со своим Робби... Они срослись так, что разговоры об отделении её друга вызывают у Никки сильнейший психологический стресс.

Большая Тереза понизила голос, косясь на белый корпус диагноста:

– Эта странная пара иногда меня пугает – Робби эмоционален как человек, а девочка бывает рассудочнее компьютера...

Через час всяческих анализов и просвечиваний Тереза заявила:

– Одевайся и иди обедать.

Никки оделась, приладила на спину рюкзачок с Робби и села в коляску.

– Кресло оставь, я его заберу, – буркнула Большая Тереза. – Хватит, ходи на своих двоих...

Никки, совершенно не ожидавшая такого сюрприза, завопила от радости, прыгнула с инвалидной коляски и бросилась на шею огромной врачихе.

– Ну ладно, ладно... – потеплевшим голосом произнесла та, похлопывая Никки по спине. – Штангой заниматься пока нельзя, остальное всё можно.

– И летать?! – с восторгом спросила Никки.

– И летать, – подтвердила Тереза с непривычной улыбкой на крупном лице.

– Спасибо, спасибо, спасибо!!! – Никки с воплем выскочила за дверь и стремглав помчалась через лужайку – впервые свободная как ветер.

– Вот непоседа, – сказала размягченно ей вслед Большая Тереза и повернулась к доктору Берринджер. – Колотила её жизнь, колотила, а она... Только на ноги встала – и сразу летать...

Ах, как хорошо бежать по траве! Нога, смеясь, ловит зелёный упругий ковёр пяткой и отталкивает пружиной-носком, хохоча и посылая гибкое поющее тело в прыжок. Крылья не нужны! Птица, посторонись! Чёрно-жёлтый шмель, шарахнись в испуге! – кто это среди вас летит? Ликующий глаз бегло намечает точку следующего шага, нового взлёта, а душа, напротив, полагает, что можно и не приземляться.

О, эти простые великолепные дары природы – ходить, смотреть и слышать! Не помнит о них человек, не ценит, а то и выбрасывает на помойку каким-нибудь варварским способом. Идёт человек вялой походкой, тусклыми глазами смотрит на птиц, кислыми ушами слушает их щебет. Угрюм он и не рад.

Никто, никто так не ценит лёгкость крепких ног и послушность молодых мышц, как человек, прикованный в коляске.

Пусть инвалид воспоёт чудо бега и тела.

Пусть слепой человек выступит в защиту красоты.

Он в чёрных очках – это для нас, ему солнце совсем не мешает. Аккуратно шагает, назойливо стуча металлической палкой по асфальту. Почему не надеть на острый металл мягкую резину? Нельзя, никак нельзя. Резина убьёт звук, а звук – это всё, что осталось у слепого человека, чтобы ощущать мир протянутой руки. Стукнет палка о камень, полетит звук трогать всё вокруг, отражаться от твёрдых вертикалей. Слепой чутко выслушает эхо и узнает – вот стена, а в ней открытая дверь. Это так полезно в мире тьмы – уметь находить открытые двери! Нельзя резину надевать на металл, нельзя носить кепку с длинным козырьком – запутает прилетающие звуки. Слепой человек видит звуком и эхом – как дельфин, как летучая мышь. Звуки говорят с ним, рисуют мир прозрачными скупыми штрихами.

Для слепого птичья песня – яркий цветок в тёмноте.

О, если б звуки нанизать на свет. Ах, как поет невидимый певец.

Как он божественно красив. Не видишь, зрячий? Ты слеп как крот.

Ноги твоей молодости не бегут, смеясь, по траве? Бедняга.

Никки стрелой промчалась через парк, ворвалась в обеденный зал – без коляски, на своих двоих! – и произвела среди студентов сенсацию. Почему-то все воспринимали её как безнадежно больного и не верили в то, что она будет как остальные – ходить, бегать и танцевать. Она добежала до своего стола, сопровождаемая поворачиваемыми головами и нарастающим гулом.

Джерри обрадовался, наверное, больше, чем она сама. И впервые в его голову пришла уверенная, хотя и болезненная для него самого мысль: «Важнее всего, чтобы она была счастлива – вот как сейчас... даже если рядом буду не я, а кто-то другой...» Её друзья от души аплодировали и поздравляли Никки, а она сияла, не могла усидеть на стуле и ничего не ела от волнения. Как ей надоело быть инвалидом! И – наконец-то – она сможет полететь!

В этот долгожданный день даже Солнце светило сквозь купол стадиона ярче обычного. Взволнованная Никки надела на плечи крылья и, балансируя ими, подошла к краю стартовой площадки. У ног девочки начинался длинный крутой травянистый спуск к лужайке в центре стадиона. С этого стометрового обрыва, собственно, и предлагалось новичкам броситься вниз головой. Некоторые, встав на краю этой высоты, так и не смогли преодолеть психологический барьер и прыгнуть в пустоту, доверив свою жизнь хрупким на вид крыльям из пластиковой плёнки, трубочек и тросиков. Они снимали с себя крылья – и больше никогда не пробовали взлететь.

На самом краю площадки тёплый ветерок, дувший вверх по склону, наполнил крылья подъёмной силой, потянул за собой. Тяжесть на плечах Никки ослабла, зато трёхметровые в размахе крылья стали самостоятельно и норовисто рыскать из стороны в сторону, подчиняясь своевольным порывам воздуха.

По инструкции, Никки должна разбежаться вниз по склону, держа крылья под небольшим углом, а потом, набрав скорость, увеличить угол атаки крыла – и взлететь.

Вокруг стояли друзья-Леопарды из секции свободного полёта и подбадривали девочку криками и советами. Волосы Никки развевались, лучи солнца блестели на тугих, звенящих на ветру крыльях, а сердце её колотилось так сильно, как никогда в жизни.

И взволнованная Никки сделала то, что категорически запрещалось: когда очередной порыв подхватил её крылья, она прыгнула в воздух без всякого разбега. Ветерок поднял её на метра три, но без нужной скорости

полёта подъёмной силы крыльев оказалось недостаточно, чтобы удержать девочку в воздухе.

Никки стала падать!

В таких случаях новички делают новую ошибку – опасаясь удара, они начинают тормозить ещё больше; полёт переходит в неуклюжее парашютирование, и неудачливые неофиты плюхаются ниже по склону под насмешливые крики наблюдающих школьников.

Никки ждала та же плачевная участь, но она, подчиняясь какому-то инстинкту, не только не стала препятствовать своему падению, но даже наклонила крылья вниз, ускоряя движение к земле. Короткое пикирование – и вот травяной склон совсем рядом.

Однако скорость уже выросла, и гибкие крылья успели наполниться ветром. Никки, плавно увеличив угол атаки, взлетела, лишь задев животом верхушки травинок.

Мелькнули запрокинутые лица друзей, и крылья понесли Никки в простор, пронизанный ветром и солнцем. Зелёный склон внизу сначала быстро скользил назад, а потом мягко провалился – и всё остановилось. Девочке показалось, что она неподвижно повисла в воздухе и сейчас начнет падать. Но это была лишь иллюзия большой высоты, знакомая всем пилотам крыльев: ветер в лицо убедительно доказывал, что она не остановилась, а быстро летит вперёд.

Никки сильно качнуло на воздушной волне, её сердце замерло и захлестнулось таким восторгом, который сможет понять только тот, кто парил птицей в синей высоте, в ветре, бьющем в лицо, треплющем волосы и крылья. Никки издала восторженный вопль, а снизу её шумно поддержали. Центральная лужайка, выбранная для приземления, уже приближалась.

Возле поверхности полагалось максимально сбросить скорость, задав большой угол крылу, и встать на ноги, но Никки – в счастливом волнении от первого полёта – снова пренебрегла всеми наказами. Наслаждаясь полётом, она планировала над полем до конца – пока воздух окончательно перестал её держать, и Никки мягко опустилась на зелёную лужайку всем телом, где так и замерла с раскинутыми крыльями, уронив голову в траву и блаженно улыбаясь.

После возвращения на стартовую площадку тренер Бенто сделала девочке строгое внушение по поводу неправильного старта.

– На самом деле, – призналась она потом, – это ошибка многих начинающих. Но я впервые вижу, чтобы кто-то из новичков в первом полёте сумел выбраться из зависания. Скольжение, разгон и уход от склона

были сделаны отлично, – похвалила она, – но всё-таки в следующий раз используй стандартный вариант старта. Садиться тоже лучше не на живот...

А Никки сказала Джерри, продолжая счастливо улыбаться:

– Джерри, только сейчас я поняла до конца слова Оуэна: «Луну стоило освоить уже только ради того, что человек здесь может быть птицей».

С площадки в это время совершали прыжки другие новички. Главной проблемой для всех оказалось удержание правильного угла крыла – слишком большой угол тормозил разбег, взлёт не удавался, и полёт ограничивался неуклюжим подпрыгиванием.

Один из стартующих, наоборот, задал отрицательный угол атаки, так что крылья, по мере разбега, стали прижимать его к земле, и в конце концов, на всём бегу, он упал лицом в склон под сочувственные возгласы болельщиков. Но несколько новичков всё-таки сумели благополучно взлететь.

Джерри тоже здорово волновался перед первым полётом, главным образом из-за того, что не хотел буквально упасть в грязь лицом перед Никки, взлетевшей с одной попытки.

Он не совершил её ошибки и хорошенько разбежался при взлёте. И набрал такую скорость, что, взмахнув крыльями, слишком резко взмыл в воздух, почувствовав себя щенком, которого мощная рука схватила за шкуру и дёрнула вверх. Ремни врезались в тело, но Джерри поспешно уменьшил угол атаки и плавно заскользил к центру стадиона. Свобода полёта и лёгкость подчинения крыльев поразили его не меньше, чем Никки. Он даже успел покрутить головой, восхищённо обзревая окрестности с высоты птичьего полёта. При посадке он затормозил слишком рано, завис на высоте примерно метра, спарашютировал и едва устоял на ногах при посадке.

– Очень хорошо для первого прыжка, – похвалила его тренер, когда Джерри вернулся к месту старта, неся на себе распахнутые крылья. – У тебя незаурядные задатки.

Джерри покраснел от удовольствия. Никки уже пришла в себя после первого полёта и, дождавшись очереди, снова встала на краю площадки. Ветерок наполнил крылья силой, а саму Никки – новой порцией восторга. Она быстро разбежалась и уже через пять шагов взмыла вверх – безукоризненно и легко, как птица. Джерри взволнованно наблюдал за её полётом. Никки уже не ограничилась полётом по прямой, а сделала плавный круг над стадионом, оглашая воздух радостным смехом и восторженным криком:

– Я лечу! Я лечу!

Когда она аккуратно приземлилась на ноги прямо в центр посадочной площадки, тренер, стоящая рядом с Джерри, облегчённо перевела дух:

– У этой девчонки талант, она рождена для полёта!

И добряку Джерри эти слова в адрес Никки были ещё приятнее, чем похвала ему самому.

На очередном занятии по астрономии профессор Гутт рассказывал о гравитационных линзах Вселенной. Если две галактики лежат на линии зрения, то гравитация ближайшей из них искажает для земного наблюдателя изображение более отдалённой: приближает её или размножает миражами.

За десять минут до окончания лекции профессор сказал:

– Часть сданных рефератов я уже проверил, и у меня есть вопрос к мисс Гринвич по поводу её модели Вселенной с переменной массой. Мне не очень понятно, почему коллапсирующая Вселенная должна обращаться в облако гравитационного излучения. Те, кто ознакомился с этим рефератом в Сети Колледжа, понимает, о чём я говорю, другим же советую прочитать.

Нужно отметить, что профессор Гутт стал относиться к Никки заметно внимательнее, чем раньше, и видно было, что он в самом деле хочет разобраться в её работе.

– Что происходит, сэр, если две чёрные дыры сталкиваются друг с другом? – вместо ответа Никки задала вопрос самому профессору. С некоторых пор она предпочитала шагать по дороге понимания вместе с собеседником, а не тянуть его, упорно сопротивляющегося, за узду.

– Согласно хорошо известному результату общей теории относительности Эйнштейна, – уверенно ответил профессор, – две сталкивающиеся чёрные дыры образуют более массивную чёрную дыру и порождают всплеск гравитационного излучения, уносящего до четверти массы первоначальных чёрных дыр.

– Давайте рассмотрим скопление из восьми чёрных дыр, – предложила Никки, – и пусть они сталкиваются друг с другом попарно: из первоначальных четырёх пар после первого этапа слияния останутся четыре массивные дыры, после второго слияния – две ещё более крупные дыры, а после третьего шага мы получим одну дыру – самую большую.

– И что? – спросил профессор.

– После первого слияния четверть массы начальных дыр переходит в гравитационное излучение, а три четверти массы остаются в виде четырёх

чёрных дыр. После второго слияния суммарная масса дыр уменьшится до пятидесяти шести процентов – три четверти от трёх четвертей, а после третьего – до сорока двух процентов. После слияния восьми дыр в одну почти шестьдесят процентов массы первоначальных чёрных дыр превратилось в гравитационное излучение!

– Здорово излагает!.. – воскликнул кто-то из школьников.

Профессор нахмурился, повел глазами на выкрикнувшего, снова повернулся к Никки и спросил:

– А что дальше?

– Если представить Вселенную из десяти тысяч миллиардов миллиардов чёрных дыр – примерно такое количество обычных звёзд в нынешней Вселенной, – то после семидесяти трех попарных слияний останется всего одна чёрная дыра – огромная, но с массой меньше одной миллиардной доли от первоначальной массы. Всё остальное вещество Вселенной превратится в плотное облако гравитационных волн.

В аудитории кто-то тихонько присвистнул, а профессор Гутт задумчиво отошёл к кафедре и остановился спиной к студентам. Пауза шепчущегося молчания затянулась до звонка, обрушившего живую лавину с аудиторного амфитеатра. Но даже на громкий топот за спиной профессор не отреагировал, погружённый в заоблачные думы...

Профессор Франклин была биологом и романтиком. Она любила растения, птиц, зверей и даже насекомых так, как матери любят своих детей. Профессор разговаривала с ними, жалела, понимала их стремления и совершенно не обижалась на укусы – даже если приходилось срочно колоть себе противоядие.

На каждый урок она приносила кого-нибудь из своих любимцев: то алуую саламандру с набором разнообразнейших талантов («А вы знаете, что у саламандры геном больше, чем у человека?»), то ручную белку, позволяющую рассмотреть себя вблизи и даже погладить, правда, если при этом её будут кормить фисташками или, на худой конец, овсяным печеньем.

Голографическое трёхмерное изображение какого-нибудь удивительного клопа с зубчатым гребнем на спине профессор Франклин увеличивала до размеров слона и с энтузиазмом восхищалась этим существом. Некоторые студенты разделяли эмоции профессора, но большинство старалось поменьше всматриваться в голограмму, надеясь, что эта прелестная букашка не приснится им ночью.

Каждое животное являлось для профессора чудом природы, требующим как научного изучения, так и дружеской заботы. Сегодня она

принесла на аудиторный стол целый набор своих биодрузей: серую с тёмными полосками кошку Мисс Гонагал, которая сразу стала обнюхивать стол; почти невидимую клетку с красивым голдфинчем – золотым зябликом с чёрными пятнами на крыльях; и аквариум, где плавали тропические рыбки-гуппи с разноцветными узорными боками.

– Сегодня наша лекция посвящена морфогенезу – возникновению у животных различных органов и окраса. Вот перед вами птица, рыба и млекопитающее. Каждое из этих животных начало развитие из одной-единственной клетки, которая превратилась в две идентичные клетки, потом – в четыре и так далее. В процессе деления первых клеток получают клетки, идентичные по генетическому набору, но что удивительно: из скопления первоначально одинаковых клеток вырастают впоследствии различные органы, например... – профессор постучала по клетке голдфинча, – у птицы возникают голова, крылья, лапы, хвост.

Каждый орган несёт свою нагрузку и снова дифференцируется: клетки птичьей головы изобретательно выстраиваются в сложно организованный мозг, глаза, органы чувств... Рыба создает плавники, жабры, мышцы из клеток с одинаковым набором генетической информации. Как же идентичные клетки становятся хвостом или головой? Как набор клеток догадывается, что его конечная цель – создание уха или сверхсложного глаза? Как клетки кошачьей шерсти узнают, что им надо образовать полосатый узор? Кто срежиссировал или сдирижировал коллективную окраску клеток кожи, шерсти и чешуи, чтобы возникла такая цветовая симфония? Эту тему биологи называют морфогенез – образование форм.

Профессор насыпала сухой корм в аквариум с рыбками и сказала:

– Биологический организм – весьма реактивная среда. Разная концентрация белков-гормонов в многоклеточной среде диктует клеткам, кому стать головой, кому – ногами. Известны классические опыты на простейших животных – гидрах, у которых отрезали голову, но градиент гормона продолжал дирижировать оставшейся клеточной массой и заставлял гидру вырастить новую голову. Была ли она умнее предыдущей, пока установить не удалось... – пошутила профессор. – Регенерация целых органов у более сложных организмов редка, но, например, тритон может вырастить новый глаз взамен потерянного.

Профессор погладила Мисс Гонагал по выгнутой спине, а кошка в знак одобрения подняла столбиком своё морфогенетическое образование с волнообразным распределением пигмента, или, попросту, беззаботный полосатый хвост.

– Очень интересен механизм окраски животных. Окраска

млекопитающих вызвана всего двумя пигментами-меланинами: эумеланин имеет чёрный или коричневый цвет, феямеланин – жёлтый или красновато-оранжевый. Именно эти два пигмента отвечают за различия в цвете волос, глаз и кожи у людей. Загорая на солнце, мы меняем количество меланина в коже.

– Так, значит, я рыжая из-за этого самого... феямеланина? – спросила весёлая Нинон-Олень, с которой Никки познакомилась в день приезда в Колледж.

– Совершенно верно, – согласилась профессор.

– А почему у Никки волосы прозрачные? – крикнул кто-то.

– Я не думаю, что мы можем обсуждать друг друга на лекции, даже если речь идёт всего лишь о цвете волос, – нахмурилась профессор Франклин.

Модницы Колледжа недоуменно подняли брови: «Всего лишь?!»

– Валяйте, профессор, – свободно сказала Никки. – Мне самой интересно узнать...

– Ну, если мисс Гринвич дает разрешение... – вздохнула профессор. – Полное отсутствие меланина дает седые волосы. Но белизна седины определяется рыхлой поверхностью волоса, хорошо рассеивающей свет. А если волосок без меланина имеет плотную и гладкую поверхность, то он будет прозрачным.

– А можно такого добиться... искусственно? – высказал тот же голос заветную мечту многих.

Профессор пожала плечами: «Мне бы ваши заботы!» – и вернулась к лекции:

– Меланины порождают жёлтый цвет шкуры оленя, чёрно-жёлтый окрас леопарда и все остальные цветовые решения внешности млекопитающих. В основе полосатости шкур лежит диффузионная неустойчивость Тьюринга, вызывающая в шкуре животных волны разной концентрации гормонов – катализаторов производства меланинов. Аналогом этой неустойчивости в химии является реакция Белоусова – Жаботинского, о которой вам уже рассказывал профессор Цитцер.

Далее профессор Франклин продемонстрировала впечатляющие математические решения уравнений меланогенеза. На экране появилась модель шкуры животного, и Вольдемар на ходу принялся решать уравнения с различными параметрами. Каждое математическое решение давало новый узор на шкуре.

Простейшее решение соответствовало животному с чёрной передней частью тела и белой задней. Рядом с математической моделью Вольдемар

показал реальное фото лохматой собаки бобтейл, имеющей такую же шкуру.

Параметры уравнений менялись, и математическая шкура покрывалась то чёрными крупными узорами, то узкими полосками или мелкими пятнами. И какая бы окраска ни получалась из уравнений, всегда находилось реальное животное, имеющее шкуру, окрашенную именно таким образом: лошадь, зебра, жираф или леопард, чья знакомая физиономия была восторженно встречена школьниками.

– Взаимодействие физической диффузии и химических реакций объясняет целый класс важных феноменов морфогенеза, – подытожила профессор Франклин, – а нестабильность распределения подкожных белков-гормонов рисует узоры на шкуре животных – как на Мисс Гонагал или на тигре, которого я не решилась привести в класс... – улыбнулась профессор. – Тем же закономерностям следует развитие внутренних органов биосуществ и даже малозаметных прозрачных узоров на стрекозином крылышке... Вот так теория нелинейных уравнений сумела объяснить целый пласт биологических проблем, за что ей огромное спасибо... – так закончила лекцию профессор Франклин и отпустила школьников пообедать или, точнее, ввести немного органических молекулярных реагентов в свои изголодавшиеся организмы, то бишь – в многоклеточные открытые системы.

После обеда началась пара по планетологии. Среди преподавателей Лунного колледжа единственным неприятным для Никки оказался профессор Дермюррей, физик и планетолог. Заносчивый, самодовольный и нетерпимый, профессор не вызывал у неё – да и у большинства остальных учеников – каких-либо симпатий. С точки зрения Никки, хуже всего было то, что в изложении профессора Дермюррея планетология была не реальной наукой, а сплошной цепью блестящих достижений – в основном, благодаря участию самого профессора.

Проблемы в науке – согласно Дермюррею – практически отсутствовали, что крайне раздражало Никки, полагающей, что именно на нерешённых задачах нужно делать упор в лекциях для студентов. О прошлых успехах науки она могла прочитать и в учебниках, которые традиционно только о них и пишут. Кстати, Дермюррей вместе с соавтором из Лондонской Королевской школы написал вполне рутинный учебник по планетологии, пользующийся устойчивым спросом по прозрачной причине: оба профессора навязывали студентам свою книгу в качестве обязательного пособия. Никки удивляло, что профессор при таком

мировоззрении был весьма успешным представителем сообщества учёных – на лекциях он беспрерывно хвастался набором наград, премий и знакомств со всем научным и политическим истеблишментом. Судя по количеству грантов, получаемых профессором из всевозможных фондов, его видение науки как бесконфликтной цепи сенсационных успехов пользовалось полной поддержкой.

«Хорошая теория – это хорошо финансируемая теория!» – говорил профессор.

Правда, по Колледжу ходили слухи, что профессор покинул академические высоты и поселился в Колледже не просто так. Его сотрудник, молодой постдок из Бразилии, написал столь интересную работу, что профессор решил помочь начинающему учёному её опубликовать и даже не затруднился стать соавтором. Чем выше забирается учёный по должностной лестнице, тем меньше он занимается наукой и пишет статей сам, но тем в большем количестве публикаций он оказывается соавтором.

И надо же было такому случиться, что профессор, перегруженный многочисленными занятиями, при отправке статьи в журнал случайно запямятовал вписать в неё имя бразильского соавтора. Конечно, юный постдок был сам виноват – исчез где-то в амазонских джунглях так надолго, что его стали забывать в высоких научных кругах. Ладно бы – просто пропал, так потом ещё и объявился как снег на голову! Пошлые недоброжелатели профессора раздули из обычной забывчивости целое дело. Гордый профессор на них обиделся – и решил посвятить себя воспитанию молодежи.

Итак, Никки не нравился профессор Дермюррей, и тот взаимно невзлюбил её, считал нахальной выскочкой и никогда не упускал возможности уколоть или «поставить на место». Но профессор, превращая разрешённую в Колледже строгость в грубость, был вполне почтителен с учениками-аристократами, отыгрываясь на остальных школьниках. Безоговорочная поддержка друзей из Совета Попечителей позволила Дермюррею занять должность декана Колледжа – к сожалению большинства учеников.

На лекции, посвященной образованию Земли и Луны, профессор принялся рассказывать – а Волди показывать на экране, – как выросла наша планета при взаимных столкновениях железокаменных астероидов. Падения многокилометровых тел разогрели новорождённую планету, как доменную печь, так что камень и железо расплавились и расстались друг с другом: основная масса железа Земли утонула в жидкой магме и образовала

плотное земное ядро. Более лёгкие каменные породы всплыли в магматическом океане и застыли земной корой, обеднённой железом и менее плотной, чем ядро планеты.

– Уловили, бестолочи?

Профессор перешёл к Луне и долго живописал, сколько тысячелетий таращились земляне на Луну и не понимали, откуда в небе взялся сей диск или шар и почему он не падает на Землю.

С механикой непадающих небесных тел разобрался Ньютон, а вот картина образования земного спутника прояснилась лишь после лабораторных исследований четырёхсот килограммов лунного грунта, доставленного на Землю в двадцатом веке шестью прилунившимися американскими экспедициями «Аполлон» и тремя русскими беспилотными роботами. Результаты анализов удивили исследователей: Луна не была расплавлена, а следовательно, лунный камень и железо не могли разделиться; тем не менее лунные породы по плотности и бедности железом оказались близки к земной коре.

Схожесть лунных пород и земной коры породила теорию мегаимпакта, утверждающую, что Луна сформировалась из куска Земли, отрубленного ударом фантастической силы. Рождение Луны, по этой модели, произошло примерно четыре с половиной миллиарда лет назад, когда в юную Землю врезалась ещё одна планета – поменьше самой Земли, но побольше Марса.

– Всем бездарям понятны мои мысли?

Вольдемар запустил компьютерную анимацию с впечатляющими кадрами колоссальной катастрофы, закончившейся разрушением налетевшей планеты и выбросом огромной части земной коры в космос. Почти весь длинный язык выброшенной взрывом массы упал назад на Землю, оставив на орбите лишь небольшое количество вещества. Из него и образовалась Луна с массой в восемьдесят один раз меньше Земли.

– Кто ещё не усвоил, бездельники?

В конце лекции профессор бросил в аудиторию надменное:

– Теория мегаимпакта – всеми признанное наивысшее достижение современной планетологии, проверенное моделированием на суперкомпьютерах и многочисленными химическими анализами!

Впрочем, профессор Дермюррей не упомянул ещё одну причину популярности теории мегаимпакта: подобные эффектные модели радушно принимались публикой, воспитанной на голливудских фильмах ужасов и катастроф.

– Как же я был поражён, – продолжал профессор, – когда мисс Гринвич посмела публично назвать лунных теоретиков идиотами! Какая

наглость и самонадеянность! Мисс Гринвич, вы убедились наконец, что теория мегаимпакта – единственно верная теория образования Луны?

– Нет, сэр, – сказала спокойно Никки.

Профессор побагровел и пролаял:

– Ах, вот как! Тогда я даю лично вам домашнее задание. Подготовить реферат на тему образования Луны с изложением правильной модели – общепринятой теории мегаимпакта. И с признанием неверности ваших взглядов! Вы помните, что ваш безграмотный ответ на вступительных испытаниях признан экзаменатором неправильным? Детальнейшим образом объясните, где вы ошибались!

– Отличная идея! – крикнул кто-то из дитбитовцев. – Самокритику читать очень приятно и полезно – особенно чужую!

Профессор благосклонно посмотрел на крикнувшего.

Никки встревоженно заёрзала.

– Сэр, я никак не смогу этого сделать! Я считаю, что мой ответ был правилен.

– Тогда распрощайтесь с положительной оценкой за мой курс!

Никки взяла себя в руки – надо было как-то спастись.

– Прежде чем приступить к реферату, могу я задать несколько вопросов, сэр?

– Задавайте, – гордо сказал профессор. – Я готов ещё раз объяснить вам то, чего вы не поняли с первого раза из-за своей слабой подготовки.

– В начале лекции вы отметили, что количество астероидов возле растущей Земли было обратно пропорционально их размерам – чем меньше радиус тел, тем их больше.

– Верно, – снисходительно согласился профессор.

– Тогда с Землей должна была столкнуться не только одна планета величиной с Марс, но и несколько планет размером с Луну, а также десятки планетоидов диаметром в тысячу километров, десятки тысяч астероидов в сто километров и десятки миллионов десятикилометровых тел. Такие удары должны расплескивать с поверхности Земли огромные массы вещества! Астероида-десятикилометровика, упавшего в Центральной Америке шестьдесят пять миллионов лет назад, оказалось достаточно, чтобы динозавры и большинство обитателей Земли вымерли от запылённости атмосферы и наступившего холода.

– Это общеизвестно, – хмыкнул профессор, – но если вы захотите слепить Луну из вещества, выброшенного меньшими телами-ударниками, то у вас ничего не получится. Согласно законам небесной механики все обломки, выбитые ударом с планетной поверхности, или улетают на

орбиты вокруг Солнца, или остаются на эллиптической периодической орбите вокруг планеты, но тогда они неизбежно через один оборот вернутся в точку старта и врежутся в Землю. Нужен о-очень большой удар, чтобы хотя бы ма-аленькая часть вещества уцелела на околоземной орбите.

– Почему же тогда ракеты легко выходят на орбиту? – неожиданно встрял с вопросом взъерошенный мальчик-Олень.

– У них есть долгорботающий двигатель! – презрительно бросил в ответ Дермюррей и снова повернулся к Никки.

Та спросила:

– А что вы скажете, сэр, про облако из мелких спутников, вернее, из захваченных астероидов, которые кружатся вокруг каждой планеты-гиганта – Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, а раньше, в эпоху обилия астероидов, очевидно, существовали и вокруг Земли?

– Ха! Сейчас вы захотите создать Луну из такого чахлого облака? – Профессор саркастически засмеялся. – У вас не хватит вещества даже на спутник в сто раз меньший, чем Луна! Видно, что вы цепляетесь за каждую соломинку, не желая признавать свою неправоту и безграмотность в азах серьёзной науки.

– Я, безусловно, не очень сведущий в науке человек, – покладисто согласилась Никки, – и хочу спросить у вас, сэр, как у эксперта: рассматривалось ли взаимодействие материи, выброшенной миллионами астероидов с поверхности Земли, с уже существующим разреженным спутниковым облаком? Каждый из этих двух механизмов не может образовать Луну, но если рассмотреть их вместе, то ситуация может измениться!

– Умные люди не тратят время на высосанные из пальца задачи, – пожал плечами профессор. – Дурацких вопросов больше, чем мудрецов...

– Вольдемар, вы можете нам помочь? – обратилась в пространство Никки.

– За последние пять секунд я рассчитал двести вероятных моделей такого взаимодействия, – раздался голос компьютера Колледжа. – Показываю результаты.

На экране аудитории появилась Земля, окружённая кольцевыми траекториями мелких спутников. На поверхность планеты обрушивались тысячекилометровые астероиды, вызывающие взрывы, по сравнению с которыми воинские арсеналы человечества выглядели детскими хлопушками. Удары астероидов выбрасывали в космос обломки земной коры и разбрызгивали огненную мантию.

– Не столкнувшись с телами на околоземных орбитах, частицы коры

улетают к Солнцу или падают на Землю, – пояснял Вольдемар. – Но взаимодействие даже с небольшими спутниками кардинально меняет динамику выброшенного вещества. Обломки,двигающиеся в том же направлении, что и орбитальные спутники, при соударении меняют свою траекторию и уже не падают на Землю, а присоединяются к спутниковому облаку, быстро увеличивая его массу.

Никки улыбнулась и уселась поудобнее.

– Согласно моим расчётам, этот механизм достаточен для образования Луны того же химического состава, что и кора Земли. Новый механизм предпочтительнее теории мегаимпакта, которая не может объяснить возраст и состав многих лунных пород и доминирование больших кратеров-морей на стороне Луны, повернутой к Земле. Кроме того, теория мегаимпакта предсказывает расплавление Земли и Луны в момент удара, но геохимики не находят признаков такого расплавления.

Этого Никки не знала и обрадовалась хорошей новости.

– В новой модели старые проблемы теории мегаимпакта находят объяснение. Из моделирования следует, что Земля обладала несколькими спутниками, включая самую крупную и близкую Луну. Позже приливы отодвинули Луну, и она поглотила мелкие и более дальние спутники. Это вызвало феномен тяжёлой бомбардировки Луны около четырёх миллиардов лет назад, до сих пор остававшийся необъяснённым...

Профессор Дермюррей слушал увлекшегося Вольдемара, и его лицо быстро наливалось кровью.

Затем Волди посмел сказать, что ответ Никки Гринвич про образование Луны на вступительных экзаменах не засчитан им, Вольдемаром, неправильно, и он две секунды назад обратился с ходатайством к администрации школы об увеличении экзаменационной оценки мисс Гринвич на двести баллов.

Профессор побагровел до сизого оттенка.

Когда же умный, но наивный Вольдемар порекомендовал профессору Дермюррею рассмотреть вопрос о публикации модели образования Луны, предложенной мисс Гринвич... тут профессор не выдержал и закричал на Вольдемара совершенно несолидным образом.

Вольдемар пытался воззвать к логике, но он, со своими электронными нервами, не мог понять несокрушимую силу такой человеческой эмоции, как уязвлённое самолюбие!

Прозвенел звонок, и студенты потянулись на выход, а разъярённый профессор всё продолжал орать на несчастного Волди... Никки даже пожалела бедный компьютер, и ещё она немного опасалась за здоровье

апоплексически-краснолицего профессора Дермюррея.

Зато он начисто забыл про злополучный реферат.

Последней парой шли спортивные упражнения, что вполне можно было рассматривать как начало отдыха. В приподнятом настроении от этой мысли Никки быстро зашагала по длинному коридору, привычно отстраняясь от летающих и бегающих киберов, которые успевали оглядываться и провожать её внимательным взглядом. Но даже в пустынных закоулках этажей чувство одиночества ни у кого не возникало – в Школе Эйнштейна слишком многое было себе на уме. В первую очередь – сама Школа.

Потолок колледжского кафе был мечтателем и эстетом. Он любил показывать уходящие ввысь темнорёбрые арки старинных соборов или яркие фрески и мозаики известных музеев. Из зданий потолок предпочитал миланский Домский собор. Когда же потолок хандрил, то мучил всех мрачными сталактитовыми пещерами с гадостными нетопырями.

По утрам потолок обычно отражал земное небо над Эдинбургом. Трансляция английского неба помогала школьникам следовать привычному земному ритму дня и ночи, подчинённому на Луне гринвичскому времени.

Почему романтический потолок выбирал Эдинбург? Верно, был наслышан, что именно в Шотландии располагаются самые волшебные школы. Кроме того, Северная Англия имела самую разнообразную погоду и доставляла максимум впечатлений завтракающим школьникам. Действительно, шотландская погода менялась на глазах – морозящие дождевые облака сменялись ярким солнцем, которое через несколько минут затягивалось сизыми тучами с шлейфами мокрых снежных хлопьев.

Впрочем, мрачную погоду потолок не любил и в таких случаях быстро сползал по Гринвичскому меридиану к Канарским островам, где резвились весёлые стада белых облаков. А то – застывал жарким марокканским светло-голубым небом.

Полы и стены холлов Колледжа сливались с экранами и могли представить любые трёхмерные сцены и космические пейзажи.

Даже коридоры Школы отличались фантазиями и шалостями: могли прикинуться зарослями колючек, или опасным болотом с зелёной ряской, или красноватой марсианской пустыней с такими реалистичными камнями, что неопытный школьник в испуге шарахался, опасаясь о них споткнуться. В конце концов, нанокиберам устроить такие штуки с помощью лазерной голографии – пара пустяков, зато сколько удовольствия детям!

Обычных кошек или собак в комнатах Колледжа держать запрещалось

– звери жили лишь в лесу и в мини-зоопарке у профессора Франклин.

Зато по Колледжу бродили толпы хитроглазых кибер-животных. Слабая лунная гравитация позволила размножиться разнообразнейшим летающим роботварям. Опираясь на плавательные пузыри, жужжа винтами, хлопая крыльями и посвистывая дюзами, они стаями сновали по коридорам и залам – всех сортов и размеров, от бесшумных дирижаблей до стремительных реактивных мини-драконов. Они служили персональными компьютерами, почтальонами, представителями хозяев на различных зрелищах, иногда даже на лекциях, хотя это не приветствовалось администрацией Школы.

В последние годы роботы-птицы держали первенство в классе персональных зверей, и часто на плече школьника, спешащего на лекцию, сидел гордый ястреб с жёлтыми глазами или дятел, весьма натурально чистящий перышки длинным клювом. Ну а школьники Ордена Совы почти поголовно ходили при разного окраса робосовах с круглыми жёлтыми глазами и кривыми клювами.

Как известно, Антишпионской Конвенцией ООН запрещалось бесконтрольное использование роботов мельче мухи, а также роботов, не видимых человеческому глазу. Но робопчёлы и малозаметные кибербогомолы активно применялись излишне любопытными школьниками в целях сбора информации, вызвав распространение электронных контрразведчиков, обнаруживающих и уничтожающих мини-шпионов.

Обширный отряд персональных киберов составляли домашние робоживотные в виде собак, кошек, сусликов, черепах, жаб, змей – кого только тут не было, включая самых фантастических существ, в том числе зелёного джедая Йоду. Практичнее и популярнее всех были собакоразмерные роботы-кентавры, которые с хозяйским имуществом на спине катались на ногах-колесиках и быстро карабкались за владельцами по лестницам. Крупный робот Дзинтары не только охранял принцессу, но и таскал с собой старинную гитару – чтобы госпожа всегда имела под рукой любимый музыкальный инструмент.

Когда хозяева обедали, механические собаки, совы и игуаны тоже терпеливо пристраивались возле электрических розеток и подзаправлялись, не сводя внимательных сенсоров с любимых хозяев. Сенсоры – то есть глаза и уши роботов – варьировались чрезвычайно, следуя технологии и моде. Электронно-механические друзья человека ощупывали дорогу перед собой лазерными лучами, ультразвуковыми импульсами и чувствительными усами, распознавали препятствия и лицо хозяина по

стереоскопическим фото с двух видеокамерных глаз или инфракрасным изображением.

Последним пискom считались роботы с сенсорами на слабых магнитных полях с характерными усами антенн на морде.

Роботы покупались школьниками в готовом виде, заказывались у изготовителей с учётом особых пожеланий или собирались самостоятельно с помощью многочисленных кибернаборов и робоконструкторов. У Джерри персональный робот погиб вместе с обсерваторией, и пока он пользовался обычным ноутбуком. У Никки был только Робби, но она даже не могла подумать, чтобы искать кого-то ещё. Друга не купишь на дешёвой распродаже.

Учебное оружие и всевозможные гимнастические снаряды заполняли спортивный зал Колледжа. На одной стене висели луки, копья, дротики и зловещие арбалеты. Самый длинный стенд занимала грозно поблёскивающая коллекция различных мечей, сабель и шпаг. Дальний угол заполняли лазерные пистолеты и ружья. Не успела Никки войти в зал, как её остановил Джон Багстоун:

– Так как насчёт дуэли, ты уже готова?

Никки посмотрела на коренастого крупного юношу и увидела по его хмурому лицу, что этот парень не из тех, кто легко забывает обиды и унижения.

– Конечно, Джоник, – ласково ответила хрупкая Никки здоровенному пятикурснику. – Ты уже выбрал себе совок и песочницу, где мы будем проводить дуэль?

Раздались смешки среди мгновенно собравшихся вокруг них Леопардов.

– На двуручных мечах, здесь и сейчас, – кивнул Багстоун, не поддерживавший шутливый тон Никки. Судя по всему, он тщательно обдумал этот поединок и явно не собирался по-джентльменски давать Никки какие-то шансы. Леопарды неодобрительно загудели, и было понятно почему – тяжёлый двуручный меч давал взрослому парню значительное преимущество перед юной Никки. Лёгкие рапиры лучше бы подошли для такой дуэли. Кроме того, тяжёлые учебные мечи – редко смертельное, но довольно опасное оружие. Заполучить перелом ключицы, челюсти или запястья от удара таким мечом ничего не стоило.

Клинки были металлическими и издавали при столкновении громкий звон. Но когда меч приближался к телу человека и удар оказывался

неизбежным, то, по команде внимательной компьютерной системы, из отверстий клинка, и без того незаострённого, мгновенно выбрасывались демпфирующие валики – как подушки безопасности в автомобиле – и лезвие окружалось мягким амортизатором. Но травму тяжёлое оружие в чехле всё равно могло нанести серьёзную. Очевидно также, что Багстоун владел двуручным мечом мастерски, а Никки никогда не держала его в руках. Но не отступать же!

Дуэлянты пошли к мечевому стенду, окружённые уже всеми Леопардами. Подоспел спортивный тренер О-Ки. Окружающие нестройным хором растолковали ему происходящее. Судя по его лицу, тренеру тоже не понравился выбор оружия для дуэли. Он подошёл к Никки, посмотрел на неё внимательно, потрогал плечевую мышцу и протянул ей самый тонкий и короткий из имевшихся на стенде мечей.

Никки взвесила на руке предложенный О-Ки клинок и взмахнула им пару раз, к чему-то прислушиваясь. Потом она оценивающе посмотрела на тяжёлый двуручный меч, выбранный Багстоуном – чемпионом Колледжа в этом виде мечного боя, как стало понятно из восклицаний возбуждённой публики, и спросила:

– А можно взять два меча?

Кругом раздался растерянный смех Леопардов и издевательский хохот непонятно откуда взявшихся в зале Драконов.

– Теоретически можно, – поразился тренер О-Ки, – но с двуручным мечом трудно справиться даже двумя руками, а уж одной рукой... да ещё в каждой по клинку... Крайне не советую.

Но Никки не собиралась прислушиваться к голосу опыта.

– Джоник, у тебя нет возражений? – и, получив в ответ от Багстоуна вместе с надменной ухмылкой согласный кивок, стала внимательно перебирать мечи – под ехидные советы прибывающих Драконов и другой публики.

Вскоре Никки уже стояла с двумя клинками в руках посреди зала. Лёгкий и короткий меч, который порекомендовал тренер, она держала в левой руке, а в правой – средней тяжести длинный клинок.

Вокруг дуэлянтов собралась уже половина школы – т-фоны разнесли по Колледжу новость о дуэли, и публика повалила в гимнастический зал. Среди студентов Никки увидела озабоченного Джерри, приветственно махнувшего ей рукой.

Раздался гонг к началу дуэли, и Багстоун сразу бросился в атаку. Никки стояла спокойно и, только когда тяжёлый меч стал опускаться прямо на её голову, быстро ушла в сторону. Меч со свистом пролетел мимо

Никкиного уха и безопасно устремился к полу, но Никки развернулась и зачем-то подставила под удар своё лёгкое оружие. Раздался громкий лязг, и короткий меч с силой отбросило в сторону. Никки внимательно следила за поведением клинков при столкновении, даже не пробуя напасть на Багстоуна, который в этот момент отчаянно пытался удержать разогнавшийся тяжеловес и остался неприкрытым.

Болельщики встретили первую неудачную атаку Багстоуна свистом. Большинство сочувственно поддерживало неопытную Никки, чьи шансы выглядели ничтожными по сравнению со здоровяком Багстоуном, легко размахивающим огромным мечом. Но часть публики, в основном Драконы, брала сторону Багстоуна и жаждала увидеть поражение этой знаменитой Никки. Тренер хмуро наблюдал за дуэлью, посматривая на данные контролирующей системы.

Наконец Багстоун вернулся в исходную позицию и снова атаковал, сделав широкий боковой замах мечом. Никки не стала уворачиваться, а попробовала отбить клинок Багстоуна ударом вверх лёгкого меча. Ей это почти удалось, но меч противника был слишком тяжёл и обладал огромной инерцией – изменить его траекторию оказалось непросто. Поэтому в последний момент Никки пришлось сильно отклониться назад, пропуская над лицом и грудью свистнувший клинок.

Это движение Никки – гибкое и стремительное – вызвало в толпе зрителей восхищённый гул. Стало понятно, что победить Никки не так легко – она могла двигаться быстрее противника, компенсируя мобильностью отсутствие боевых навыков. При этом она пока орудовала только левой рукой с лёгким мечом. Правую руку с более тяжёлым оружием Никки практически не использовала, не утомляя её.

Багстоун сделал ещё несколько сильных выпадов массивным клинком, но с таким же успехом можно было гоняться с кувалдой за колибри – Никки с лёгкостью ускользала от удара, а Багстоун уже изрядно вспотел от размахивания массивным железом. Так продолжалось в течение нескольких минут. Чаще всего Никки просто отклонялась от меча противника, иногда – пригибалась.

Когда Багстоун решил ударить на уровне ниже пояса, то Никки легко подпрыгнула над плоскостью движения тяжёлого меча, издававшего в полёте низкий гудящий звук. Когда меч пролетал под её ногами, она сильно ударила сверху вниз подошвой кроссовки. После чего, приземлившись, Никки с удовольствием наблюдала, как меч соперника врезался в упругий пол зала и отскочил от него, а сам Багстоун запрыгал вокруг взбесившегося тяжеленного оружия, стараясь его укротить. Зрители встретили этот ход

громкими криками и аплодисментами.

Никки периодически ударяла по клинку Багстоуна то одним, то другим своим мечом, но смысл этих ударов оставался непонятен для публики – по их мнению, эти совершенно бесполезные манёвры порождали лишь громкое боевое лязганье. Удивляло зрителей и то, что Никки ни разу не попробовала атаковать Багстоуна.

Через несколько минут такого странного поединка Никки неожиданно начала стремительно раскручивать длинный меч кистью правой руки, но не пробуя напасть с его помощью, а продолжая левой рукой с коротким мечом уже более умело парировать удары Багстоуна. Тот насторожился в ответ на загадочные манипуляции Никки и даже отступил. Потом, сообразив, что раскрученный меч делает Никки менее подвижной и более уязвимой, Багстоун вразмах нанёс сильнейший удар сбоку, надеясь, что его меч или попадет в самую Никки, или выбьет из её правой руки меч, уже превратившийся в матовый круг.

Никки легко уклонилась от его замаха, но не сделала никаких попыток увести от удара своё оружие. Она лишь свистяще задела лёгким лезвием пролетающий рядом с ней клинок Багстоуна – как будто подправила его траекторию.

В следующее мгновение два массивных куска металла с ужасающей скоростью врезались друг в друга: КЛАНГ!!! – раздался могучий гудящий удар.

Удержать оружие после такого столкновения было невозможно. Длинный меч выпорхнул из правой руки Никки, с визгом пролетел через весь зал к сабельному стенду и с хрустящим звуком вонзился в пенобетонную стену – аж до середины клинка!

Но и Багстоун не смог удержать свой гигантский меч – тот тоже вырвался из его рук, с сердитым гулом устремился к другой стене и с чмоканьем воткнулся в центр стрелковой мишени.

Болельщики дружно ахнули. Обезоруженный Багстоун проводил взглядом улетевший меч и растерянно посмотрел на Никки. Та, ничуть не расстроенная потерей длинного клинка, взяла второй меч в обе руки и встала в наиболее, по её дилетантскому мнению, боевую позицию. На лице у Никки играла весёлая улыбка.

– Как будем продолжать дуэль? – бодро сказала свежая и ничуть не уставшая Никки у мокрого и красного Багстоуна.

– Стоп! – выскочил вперёд ошеломлённый тренер О-Ки. – Всё закончилось! Мисс Гринвич победила. По правилам, потеря оружия Багстоуном – это чистый проигрыш.

Болельщики разразились овациями. Никки опустила меч.

– Джон Багстоун, ты берёшь назад свои слова о том, что я врала?

Тот, находившийся в полном шоке от своего поражения, только кивнул головой, но и это вполне устроило Никки. Она подошла к Багстоуну, и они, по дуэльной традиции, пожали друг другу руки.

– Прости, брат Леопард, но у тебя не было ни одного шанса, – весело сказала Никки.

– Это почему? – пробурчал красный от позора Багстоун.

– Потому что на моей стороне было самое страшное в мире оружие...

– ...это её мозги! – дружно заревели вокруг восхищённые зрители, не дав Никки закончить.

– Понимаешь, ты выбрал самое механическое и легко рассчитываемое оружие. А кинетическая энергия – это очень интересная величина... На твоей стороне была сила, на моей – наука. Короче, исход дуэли был предreshён, согласно теореме о сохранении углового момента, – улыбаясь, сказала Никки.

– Вы хотите сказать, – вмешался в разговор тренер, – что рассчитывали выбить его меч? Может, его клинок не случайно попал в мишень для стрел?

– Да, не случайно, – совершенно спокойно кивнула головой Никки, – а второй меч я специально отправила в стенд, чтобы никого не задеть... А для чего, по-вашему, я взяла сразу два меча? Я не хотела остаться невооружённой после взаимной аннигиляции клинков...

Тренер остолбенел, а в притихшей толпе болельщиков раздался тихий свист, который издают люди в состоянии крайнего удивления. Тренер О-Ки повернулся, подошёл к стенду и попробовал вытащить вонзившийся меч Никки, но у него ничего не получилось, меч даже не дрогнул. Он внимательно осмотрел его и, быстро найдя выход из положения, сказал окружившим его изумлённым Леопардам и школьникам из других орденов:

– Я навечно оставляю меч Никки в стене в качестве сувенира – на память о сегодняшнем поединке... А ты, чемпион, иди вытаскивай своё железо из мишени, – набросился тренер на бедного взмокшего Багстоуна. – Во-первых, мишень будет нужна лучникам, Во-вторых, ты не заслужил таких сувениров... Набросился с тяжёлым мечом на младшую девчонку, храбрец...

Потом тренер О-Ки озадаченно посмотрел на ничуть не вспотевшую и бодрую Никки, возле которой уже стоял сияющий Джерри.

– На пенсию пора, что ли, – вздохнул он, – если уж наука и сюда добралась...

Известие о поединке облетело всю школу. В гимнастический зал

заходили целые толпы студентов, чтобы полюбоваться мечом, торчащим из стенда.

Кто-то приклеил к стене экран, который охотно показывал видеозапись поединка, сопровождая его не очень пристойными комментариями в адрес Багстоуна.

Многие хватались за глубоко вонзившийся меч, висели на нём всем телом, но даже пошевелить его никому не удалось. Слава Никки-мечника затмила в глазах школьников все предыдущие её достижения, включая рекорд при поступлении в Колледж. Дети есть дети, в голове одни драки!

Глава 11

Рождество

Приближалось Рождество – любимый праздник школьников: ведь с него начинались зимние каникулы длиной в месяц! Но последние дни перед праздниками и каникулами насыщались учебными неприятностями как никогда – контрольные работы сыпались на бедных учеников Школы Эйнштейна как из рога изобилия, оставляя заметные шишки. На очередной ужин Джерри пришёл мрачный.

– Что случилось? – спросил его Хао, и Никки тоже оторвалась от тарелки и посмотрела на Джерри.

– Профессор Дермюррей поставил за мою контрольную работу по кольцам Сатурна самую низкую из зачётных оценок – три балла из десяти. Хорошо хоть не заставил переписывать, но приличной оценки за полугодие мне уже не видать как своих ушей.

– А почему?

– Счёл основную идею реферата неправильной. Помните, он рассказывал о проблеме крупномасштабного расслоения колец Сатурна и обмолвился о том, что никто ещё не сумел найти механизм крупной полосатости колец? Что-то заставляет плотное центральное кольцо шириной в двадцать пять тысяч километров делиться на узкие колечки шириной примерно с тысячу километров, которые, в свою очередь, делятся на более узкие – в сотни и десятки километров...

– Помним, – кивнула Никки.

– А на биологии профессор Франклин нам рассказывала о полосках на шкуре тигра, вызванных неустойчивостью или самоорганизацией органических молекул, ползающих с места на место и химически реагирующих друг на друга.

– Ну и?.. – спросил заинтересованно Хао.

– Обе эти системы описываются системой уравнений одного типа. И мне пришла в голову идея: может ли полосатость колец Сатурна генерироваться тем же механизмом, что рисует полосы на тигре? Я сравнил системы уравнений для планетных колец и для биосистем. После чего доказал: если включить в уравнения для колец слагаемые, соответствующие аналогам химических реакций, то кольца смогут расслаиваться на очень крупные структуры. Следовательно, кольца могут быть полосаты по тем же причинам, что и тигр.

- Отличная идея! – восхитилась Никки. – Молодец, Джерри!
- И как отреагировал профессор Дермюррей? – спросила внимательно слушавшая Дзинтара.
- Он написал в отзыве: «Идея химических реакций между снежными частицами колец Сатурна – это бред!» – и велел не браться за проблемы не по зубам. И поставил эту чахлую тройку.
- Идея действительно хороша, но речь идет не просто о химических реакциях, а об их имитации... – протянул задумчиво Хао.
- Я лишь указал на математическую возможность решения проблемы расслоения колец, но не смог найти реального аналога таких реакций, а профессор за это и ухватился... – расстроено сказал Джерри. – В конце концов, это всего лишь школьная курсовая, а не диссертация!
- Профессор Дермюррей не любит людей, замахивающихся на задачи, которые он сам не может решить, – отметила умная Дзинтара.
- Но уступать тоже нельзя, – решительно заявила Никки. – Надо понять, в чём здесь дело, и утереть нос профессору Дермюррею. Подумаем вместе, если хочешь.
- Это не поможет улучшить оценку за полугодие... – грустно вздохнул Джерри.
- Тарантул с ней, с оценкой, – фыркнула Никки. – Важнее всего истина и справедливость.

В субботу после завтрака Джерри с Никки пошли в парк – давно уж занятия не давали им спокойно побродить по дорожкам и сходить к озеру. А Никки вообще в первый раз попала в лес без коляски и прыгала по зарослям и кочкам, как оленёнок, в то время как Джерри степенно шёл по светлой бетонной дорожке, на которой лежали почти чёрные пятна теней от деревьев. Джерри задумчиво шагал по тропинке, машинально стараясь наступать только на тёмные места. Никки проводила его походку взглядом, потом выпрыгнула из кустов и выпалила:

– Реши задачку, Робби мне как-то задавал... Дано бесконечное поле, раскрашенное произвольно в чёрный и белый цвета. Докажи, что на этом поле всегда можно найти две области одинакового цвета, которые можно соединить заданным отрезком, например длиной в шаг.

Джерри на несколько секунд задумался, потом ответил:

– Беру равносторонний треугольник со сторонами той самой заданной длины и бросаю на твоё чёрно-белое поле... могу даже закрыть глаза при этом. Три вершины треугольника на поле двух цветов – из них две вершины будут обязательно одинакового цвета – вот и всё.

– Силён... – уважительно сказала Никки. – Я думала дольше и пошла по другому пути – проводила окружности, брала дуги... У тебя решение красивее и проще.

– Тогда и я тебя озадачу, – улыбнулся Джерри. – Как-то, по мнению султана, в его придворной академии оказалось слишком много мудрецов – требовалось срочное сокращение штатов. И тогда он объявил своим учёным: «Завтра я вас всех построю в прямую линию – в затылок друг к другу, чтобы вы позади себя ничего не видели. Каждому надену колпак – красный или синий, а вот какой – вы будете видеть лишь у всех впереди стоящих, но не у себя. К каждому из вас, начиная с последнего, подойдет палач и спросит о цвете вашего колпака. Вы можете сказать только одно слово – „красный“ или „синий“. Если не угадаете цвет своего колпака – голову долой, угадаете – живите...»

Так султан надеялся сократить вполтину султанскую Академию наук, но у него ничего не получилось – за ночь его академики придумали способ, как спасти жизни практически всем. Лишь один из них рисковал жизнью. Какой способ нашли мудрецы?

– Ух ты! – Никки задумалась до самого озера и уже не бегала по лесу, как охотничий щенок. – Задача не имеет решения, – через полчаса решительно заявила Никки. – Последний мудрец может сообщить цвет колпака впереди стоящему – и тот спасётся, но что будут делать остальные? Можно спасти около трёх четвертей мудрецов, но не всех...

– Неверно, – ухмыльнулся Джерри, – думай дальше, Никки.

Они устроились в шезлонгах у озера, где коварный Джерри стал спокойно греться на солнышке, а Никки продолжала морщить лоб. Джерри уже задремал в полотняном креслице, когда она закричала:

– Нашла,шла! Смотри – присваиваем красному колпаку значение единицы, а синему – двойки. Последний мудрец смотрит на колпаки впереди стоящих товарищей по несчастью и складывает все эти цифры. Получает число – чётное или нечётное. Если чётное – он отвечает на вопрос палача «синий», если нечётное – «красный». Ему может повезти, и этот цвет совпадет с его колпаком, тогда он останется жив. Когда палач переходит к следующему мудрецу, тот уже знает ответ первого, подсчитывает сумму цифр по передним колпакам и если получает число той же чётности, то это означает, что его колпак – синий. Если чётность чисел не совпадает, то его колпак – красный. Так поступает каждый мудрец – зная ответ сзади стоящего и видя колпаки впереди стоящих, он вычисляет цвет своего колпака. Шикарная задача!

– Молодец, – серьёзно сказал Джерри. – Когда отец задал мне эту

головоломку, я думал неделю, но не смог решить. Правда, это было пару лет назад...

Никки, очень довольная, уселась поудобнее в шезлонге и заявила:

– Не думаю, что этот трюк спасёт мудрецов надолго – султан всё равно найдет способ их прикончить... Обрати внимание: во все времена были султаны и мудрецы – власть и мозги, – и всегда они разделены, и всегда мозги подчинены власти... Нигде интеллектуалы не стоят у политического руля.

– Это ортогональные профессии в мире узкой специализации, – хмыкнул Джерри. – Или ты думаешь о тайнах природы – и должен быть, как правило, хронически честен, или ты сконцентрирован на политической карьере, что обязывает к профессиональной лживости.

– Похоже, что так... – задумчиво протянула Никки. – Ну, после такой интеллектуальной разминки мы твою задачу про аналоги химических реакций в планетных кольцах решим с разбегу. Сатурнианские кольца – это гигантский тонкий диск радиусом сто сорок тысяч километров, вращающийся вокруг Сатурна с радиусом в шестьдесят тысяч.

Джерри одобрительно улыбнулся. Никки продолжала:

– Насколько я помню... исправляй, что не так... в пропорции кольца Сатурна тоньше любой бумаги: при гигантской ширине в семьдесят тысяч километров кольца представляют собой плоский, толщиной в десять – двадцать метров, слой из снежных частиц с размерами от мелкой пылинки до нескольких метров.

Никки явно нарисовала в голове картинку колец и с любопытством озиралась в ней.

– Снежные глыбы летят вокруг планеты со скоростью более десяти километров в секунду, а относительно друг друга плавают миллиметр в секунду... великолепная рысца улитки! Словно вялые великаны играют в чудовищные снежки. Частицы с плотностью свежеснежавшего снега легко разрушаются при взаимных столкновениях с миллиметровой скоростью благодаря исключительной рыхлости. От удара частица плавно – в течение часа! – разваливается на части, и снежная пыль расползается вокруг, сверкая в солнечном свете. Это, наверное, эффектное зрелище! Каждая крупная частица за несколько дней проходит цикл от разрушения до нового собирания вещества в комок. Снежок грязноват – есть примесь каменной пыли.

Никки задумалась:

– Что мы можем отсюда получить?.. Слипание мелких частиц и разрушение крупных – это здорово похоже на химические реакции... пусть

крупные частицы – это химический элемент А, а мелкие – это химический элемент В – и всё в порядке! А распадается на В, а В сливаются в А – вот тебе и химические реакции в кольцах! А?

– Нет, не годится, – ответил Джерри. – Я уже анализировал такую идею. Системы уравнений для каждого такого компонента А и В в сумме дают обычное уравнение непрерывности, без слагаемых химических реакций – и никакой структуры не возникнет.

– Хорошо бы придумать какой-то аналог химических реакций для открытой системы – именно в них возникают пространственные волны... – Никки рассеянно потянула себя за ухо...

Джерри согнал с колена большого кузнечика, прыгнувшего из прибрежной травы, и посмотрел на озеро.

– Если для мелкого озера записать уравнение непрерывности, то оно опишет динамику количества воды на квадратный сантиметр и покажет, что озёрная волна возникает за счёт прилива из соседних областей... Если же над озером висит туман, то в уравнении добавляется «химическое» слагаемое, описывающее конденсацию пара над поверхностью. Дождь – это новый источник вещества в каждой точке озера.

– И что же тебе ещё надо? – удивлённо спросила Никки.

– То есть?

– Ты уже решил задачу! В уравнениях планетных колец аналогом химических реакций является конденсация внешнего вещества, оседающего на кольца. Это и есть открытая система с притоком вещества снаружи.

– И что же может служить причиной такого внешнего потока? – спросил Джерри после паузы напряжённого раздумья.

Никки радостно фыркнула.

– Да тебя устроит любой поток вещества, который никак не связан с диффузией и перемещением крупных частиц колец. Например, микрометеориты бомбят снежные глыбы и рождают ледяную пыль, а она может оседать в кольцах где угодно. Возможно, при образовании колец над ними висело облако водяного пара, которое конденсировалось в снег. Наверное, это было красиво – падающий снег в юных кольцах Сатурна!..

– Как у тебя оказалось всё просто... – удивился Джерри.

Никки, взволнованная новой идеей, соскочила с пляжного креслица.

– Любое несохранение вещества становится аналогом химических реакций! Я давно заметила, что сохранение – брат тривиальности, а открытость или несохранение дают новый уровень организации системы! А ты знаешь механизм образования барханов в пустыне или снежных волн

при метели? – спросила Никки с горящими глазами.

Джерри отрицательно помотал головой.

– Барханы – и песчаные, и снежные – появляются, когда ветер переносит мелкий песок или снег с места на место. Сыпучие волны образуются, если есть песок разных размеров – крупные песчинки катятся, а мелкие летят по ветру. При их взаимодействии начинают расти волны. Мелкая пыль играет здесь роль как раз внешнего потока вещества! Значит, полосы на шкуре тигра, песчаные барханы и самые крупные колечки Сатурна образовались по одному принципу! Какая красота!

Никки от возбуждения не могла устоять на месте, она металась по пляжу, как кошка, глотнувшая валерьянки.

– Опубликуй это в сборнике Колледжа! – выпалила она, подбежав к шезлонгу Джерри. – Утрёшь нос профессору Дермюррею!

– Согласен, только если ты будешь соавтором, – улыбнулся Джерри. – Окончательное решение увидела ты. Заодно составишь список физических условий, когда возникает такая неустойчивость.

– Спасибо, Джерри, за предложение... – Никки смутилась от неожиданности. – Как ты назвал свою неустойчивость?

– Нашу, Никки, нашу... – улыбнулся Джерри. – Ещё не назвал... У тебя есть идеи?

– Я бы назвала её неустойчивостью тигриных полос!.. Или нестабильностью горячих барханов!.. Или феноменом снежной метели!.. Или антидермюрреевским процессом! – Никки расшалилась и побежала по кромке озера, громко что-то крича и раскинув руки...

Избавившись от коляски, она то и дело бегала – просто не могла устоять на месте. А Джерри от души радовался за неё.

Рождественский бал в Школе Эйнштейна устраивался за день до Рождества. На следующее утро студенты разъезжались на каникулы, и большинство успевало встретить праздник дома, в семьях.

Бал Рождества был главным светским событием года в Колледже – к нему готовились задолго, особенно девушки, много месяцев выбирая по каталогам наряды и страстно обсуждая самые убойные причёски и туфли. Некоторые ради эффектного платья заранее садились на жёсткую диету, отчего портился аппетит и у других, сидящих за тем же столом. Как можно спокойно есть, если соседка-модница смотрит в твою тарелку голодными злыми глазами?

По совету дружелюбной Луизы, парикмахера и модельера Колледжа, Никки заказала себе по марсианскому каталогу платье цвета лаванды с

серебряной отделкой. Для Робби пришлось купить отдельную сумку такого же цвета и переселить его туда из потрёпанного рюкзака. Хорошо ещё, что покладистый Робби совершенно не интересовался фасоном своего обиталища. Шнур от шейного импланта шёл к Робби по ремню сумки, поэтому снимать её с плеча было нельзя.

Войдя в зал, убранный для рождественского бала, Никки попала на поляну, окружённую заснеженным еловым лесом. Воздух искрился от мелких снежинок. По краям поляны, не мешая танцующим, стояли столы – прямо в пушистых сугробах меж елей. На столах высились бутылки безалкогольного шампанского, подносы с бутербродами и тортами, канделябры с зажжёнными свечами и вазы с букетами хвойных веток.

Сверху зал освещался полной луной. Вряд ли над эдинбургским замком сейчас сияла такая луна – возможно, её пришлось занять где-нибудь на русских равнинах или в канадских лесах.

По краю поляны горело несколько костров, и, подойдя ближе, Никки с удивлением обнаружила, что костры настоящие – в отличие от голографического снега. Огонь всегда привлекал её – на астероиде она не могла позволить себе такой роскоши – слишком большой расход кислорода.

Она остановилась у костра под большим деревом и протянула ладони к раскалённым языкам пламени. Вокруг расположилась и шумела компания юношей и девушек старших курсов Ордена Совы. Никки никого здесь не знала, но они дружно приветствовали её. Девушки стали заинтересованно рассматривать и обсуждать Никкино платье – а что ещё делать на балу до начала танцев? Невысокий – ниже Никки – мальчик спросил её взволнованным голосом:

– Что тебе принести выпить, Никки?

Она уже открыла рот – попросить любого красного сухого вина, но вовремя вспомнила, что сегодня вся еда уже выставлена на столах, и там явно нет того, чего она хотела попросить. Никки улыбнулась мальчику:

– Спасибо, ничего не нужно.

Он смешался и куда-то исчез.

Пламя язычески буйно танцевало на кусках старых деревьев, собранных кем-то в лесу. Не очень сухие дрова шипели, трещали и стреляли искрами. Никки грелась у костра, посматривая на окружающих школьников – умных, весёлых, дружелюбных, и в какой-то момент на неё снизошло удивительное чувство умиротворения. Она остро почувствовала, как счастлива в Колледже, и ей стало совершенно непонятно, как она смогла прожить столько лет в одиночестве – без этого смеха вокруг, умных разговоров и острых шуточек.

Перед ней снова возник невысокий мальчик, но уже с бокалом красного вина в руке, встреченный дружным смехом компании. Никки удивилась:

– Ты что – читаешь мысли? Где ты это взял?

Мальчик зарумянился:

– Все знают, что ты любишь кьянти и что тебе это разрешено... А это – со стола преподавателей, профессор Майсофт мне помогла. Я сказал, что для тебя...

Никки взяла бокал у него из рук, отпила – не кьянти, но отличное лунное каберне.

– Спасибо! – с чувством сказала она и, повинувшись импульсу счастья, переполняющему её в этот вечер, обняла свободной рукой невысокого мальчика за плечи и поцеловала его в румяную щёку.

Тот вспыхнул ярче костра, но всё-таки сказал высоким голосом:

– Пожалуйста!

Компания засмеялась и захлопала в ладоши. Очень смуглый горбоносый парень сказал, странно растягивая слова:

– Никки, почему тебя, с твоим интеллектом, Волди определил в Леопарды, а не в Совы?

– Наверное, потому что Леопарда с мозгами представить легче, чем Сову с зубами... – пожав плечами, ответила Никки.

– Слушай, Никки, а можно спросить про твою теорию? У тебя в реферате есть одно тёмное место про чёрные дыры, – скаламбурила красивая девочка-Сова в пёстром платье с огромным прозрачным шарфом. – Правда, сейчас бал...

– Спрашивай, конечно, – сказала Никки. – Беседовать у рождественского костра о чёрных дырах – это шик.

– Ты утверждаешь, что космонавт, упавший в чёрную дыру, обязательно из неё выберется. Но ведь даже свет не может улететь с поверхности этой гравитационной могилы! Как же это сможет сделать космонавт, если ничто в этом мире не может двигаться со скоростью быстрее света? – спросила девочка, пристально смотря на Никки.

Вся компания Сов-интеллектуалов с интересом ожидала ответа.

– В чёрной дыре есть одна вещь, которая может летать гораздо быстрее света, – это сама чёрная дыра, вернее, её поверхность, – сказала Никки. – Поверхность Шварцшильда – воображаемая штука, и она может сжиматься или падать к центру во много раз быстрее и фотона, и космонавта. Поэтому поверхность чёрной дыры легко может обогнать падающего космонавта, и он окажется вне её – то есть выберется из чёрной дыры без всякого

нарушения теории относительности.

– А почему дыра начинает сжиматься? – спросил рыжий вихрастый мальчишка с короткой верхней губой, открывающей крупные зубы.

– Любое уменьшение гравитационной массы дыры вызывает сокращение радиуса Шварцшильда. Переменность гравитационной массы – это ключевой фактор динамики, как в чёрных дырах, так и в космологии. Вселенная с постоянной массой нежизнеспособна, как пловец с гирей на шее... И чёрная дыра с фиксированной массой – это действительно гравитационная могила. Зато чёрная дыра с массой, переменной из-за испарения в гравволны, не только никого не погребёт, а буквально вывернется наизнанку, но выбросит сумасшедшего космонавта наружу... – сказала Никки. И увидела Джерри, который шёл по залу, высматривая её.

Она подняла руку – юноша заметил Никки среди Сов, заулыбался и направился к ним. Для бала Джерри оделся в бордовую с искрой рубашку и чёрные брюки. Он шагал по залу уверенно и энергично. Этот высокий юноша совсем не был похож на подавленного подростка из Лунного госпиталя, а тоскливое выражение давно исчезло из его глаз.

«Он уже совсем не мальчишка...» – удивлённо подумала Никки, и ей вдруг ужасно захотелось поерошить его длинные каштановые волосы... но она уже понимала, что у людей не принято трогать друг друга без особых причин. Впрочем, даже когда особые причины существуют, люди всё равно зачем-то наступают себе на горло... Дурацкие традиции!

– Где ты был, Джерри? – приветствовала его компания. – Тут Мэтт таскает Никки вино... Она его целует в благодарность! Гляди – уведёт подружку!

Джерри усмехнулся:

– Ребята, вы с ней поосторожнее – это настоящий Леопард... увести её? Ха! Никки идет только туда, куда сама захочет! Её и танком не остановить... были, были прецеденты.

Никки улыбнулась и, неожиданно даже для себя, не выдержала – смело обняла Джерри и поцеловала в обе щёки, чуть не облив ему спину вином из бокала. Потом посмотрела блестящими глазами на смеющуюся компанию вокруг костра и сказала, переполненная удивительным чувством праздника и общности с этими ребятами:

– Я вас всех люблю! Это мое первое Рождество среди людей, вообще мой первый бал, вы даже не представляете, как я счастлива... Я и танцевать-то не умею, и у костра стою впервые в жизни...

Совы вокруг огня весело загалдели, довольные так, как будто именно они изобрели рождественские балы, танцы и костры:

- Да мы тебя сейчас научим танцевать, делов-то!
- По-моему, Никки навеселе, наверное, Мэтт ей коньячок притащил...
- Юкку-джет каждый шпак станцует!
- Вертофлип интереснее...
- Подумаешь, вертофлипы... Я бы ещё про чёрные дыры послушал...
- Ребята, пошли к столу, перекусим!

Они по колено в снегу добрались до бутербродов; потом загремела горячая музыка. Все стали учить Никки танцевать, и она действительно быстро освоила ритмические движения.

Когда зазвучала плавная мелодия, то Джерри пригласил девушку на медленный танец. Оказалось, что ему и учиться не надо, а ещё, к удивлению Никки, выяснилось, что в таких медленных танцах люди нарушали свои же традиции и приближались друг к другу на расстояние, немыслимое в обычной ситуации.

«Вот странно, гладить друг друга по голове у людей считается неприличным, но в таком танце разрешается обнять девочку... – Никки прерывисто вздохнула, ощущая руки Джерри вокруг своей талии, – или взять мальчика за плечи... – Никки с забившимся сердцем передвинула горячие ладони на плечах Джерри и осторожно приблизилась к нему ещё чуть ближе. – Может, тут важна музыка или коллективность?» – Никки взволнованно удивлялась, но совершенно не возражала против такой нелогичности людских традиций.

Потом она танцевала с Мэттом и другими знакомыми и незнакомыми мальчиками. Впрочем, это оказалось совсем не то, что танцевать с Джерри... В середине бала, когда они с Джерри отошли отдохнуть и выпить минеральной воды, Дзинтара представила ей свою не-дитбитовскую компанию Драконов. Тощий Дракон из окружения Дзинтары захотел пригласить Никки на танец, но она, посмотрев на него, отказалась, сама не понимая – почему. Дракон надулся и обиженно обратился к Дзинтаре:

- Принцесса Дзинтара, твоя подружка Никки ко мне плохо относится!
- Ужасная невоспитанность! Я ей всегда говорила – не суди о человеке по лицу! – ядовито посочувствовала Дзинтара. – Прости её – она сущее дитя природы.

На самом деле Никки ко всем сегодня относилась хорошо, и все ребята казались ей удивительно милыми и приятными. И даже когда она, вальсируя с Оленем Сёмой Глуздом, промчалась возле группки друзей Дитбита и оттуда вылезла нога для подлой подножки – это несколько не испортило её настроение: она просто с размаху наступила острым каблуком

на далеко высунутую ногу и закружилась в танце дальше.

Рождественский бал удался на славу. Никки в жизни так не веселилась.

Но самое главное в этот удивительный вечер случилось позже – когда Джерри провожал её до башни Леопардов. В полутёмном холле башни никого не было, кроме Времени и Судьбы – в углу громко тикали часы с маятником в античном стиле, мелодично, но непреклонно отзванивая каждую четверть часа. Между танцами Джерри украдкой отпил из бокала Никки пару глотков, и сейчас его глаза необычно блестели. Никки уже зашла в лифт, но Джерри вдруг шагнул вперёд и неловко обнял её за талию.

«Он хочет танцевать прямо здесь?» – подумала удивлённо Никки. Но Джерри сильно прижал Никки к себе и зарылся лицом в её хрустальные волосы. Никки замерла. Сердце её оглушительно забилося, и руки сами робко скользнули на плечи Джерри. Она много читала про ЭТО, но никогда не испытывала ничего подобного. Сильно дрожа, Никки подняла голову, и их губы встретились.

Ослепительная вспышка осветила тёмный холл.

Наивная девочка с маленькой планеты никогда не представляла, какой силы чувство возникает в момент, когда впервые влага твоих губ смешивается с влагой ЕГО губ, неприятно чужих вначале и бесконечно близких уже через длинное мгновение.

И его, и её опалило, и они на шаг отступили друг от друга. Никки прижала ладони к пылающим щекам, а Джерри, задыхаясь, схватился за стену. Они совершенно не понимали, что с ними случилось.

А случился с ними Первый Настоящий Поцелуй – редкая и драгоценная вещь! Поэты и учёный люд давно ломают головы над этим загадочным феноменом, который невозможно повторить в лаборатории.

Рецепт вначале прост: надо взять два чистых сердца... – но никто не знает, что нужно делать потом! Известно только, что человек, испытавший чудесный жар Первого Настоящего Поцелуя, запоминает его на всю жизнь – этот огонь согревает душу спустя десятилетия и может даже спасти жизнь усталого путника, замерзающего в ледяной пустыне.

Железный лифт, равнодушный к человеческим эмоциям, закрыл двери между Никки и Джерри и повёз ошеломлённую девочку вверх. Она едва перевела дыхание к десятому этажу – и сразу выскочила на балкон.

Внизу, среди ночных газонных фонтанчиков, совсем не прячась от водяных струй, Джерри медленно шёл к башне Сов. Никки робко подняла ладонь ему вслед, и в тот же момент Джерри обернулся и махнул ей рукой. Сердце Никки совершило кульбит, и она, совершенно ошалевшая от переполняющих чувств, умчалась в комнату, унося с собой жаркое

воспоминание, цветущее на губах.

Следующим утром Никки проснулась с восхитительным чувством – она первый раз за многие годы встретила Рождество не на астероиде в полном одиночестве (ну да, ну да, конечно, там был Робби, но всё-таки...), а среди друзей в весёлой компании. А уж изумительный фортель, который выкинул вчера Джерри... И ещё здорово, что наступили каникулы и можно поваляться в кровати от души.

Вдруг зазвенел дверной зуммер – кто-то срочно хотел её увидеть.

– Кто там? – удивлённо спросила у Робби сонная Никки.

– Робот-посыльный, – сообщил Робби. – Просыпайся, двуногий ленивец, тебе притащили рождественские подарки.

– Мне? Подарки?! – Сон слетел с Никки со сверхсветовой скоростью, сметая по пути теорию старика Эйнштейна.

С громкими поздравлениями в спальню въехал робот, еле видный из-под кучи коробок.

– О Андромеда! – восхищённо выдохнула Никки. Никогда ещё она не получала столько подарков. Честно говоря, на своей памяти она ни одного подарка ни от кого не получала. На астероиде она дарила их сама себе. Да, конечно, и Робби старался, как мог, но что он мог ей подарить, сидя вместе с ней? Разве что какую-нибудь звезду с неба... А тут целая куча самых привлекательных коробок!

Робот-кентавр сгрузил подарки и уехал, распевая приятным голосом рождественскую песенку «Джингл белл, джингл белл...».

Никки бросилась разбирать сверкающую грудку сокровищ. Сверху лежала яркая коробочка от Смита Джигича «Лунные крылья – пособие по конструированию, изготовлению и полётам» – лаптоп со специальным экраном и световым пером для моделирования собственных крыльев.

– Какая полезная штука! – обрадовалась Никки. – Спасибо, Смит!

Следующая коробочка – от адвоката Дименса – содержала электронную книгу-библиотеку с набором всех знаменитых книг и фильмов человеческой цивилизации.

– Да, эту книгу можно читать и смотреть всю жизнь, – иронично прокомментировал подарок Робби.

Но Никки пришла от этой библиотеки в восторг. Ей нравилось и то, что книга могла комментировать своё содержимое с разных точек зрения. Если задать ей вводную информацию «первокурсник Школы Эйнштейна», то она начинала ломким голосом хвалить «Приключения марсианского пионера». Можно было прикинуться столетним бывшим космонавтом, и

книга начинала с почтительного совета посмотреть документальный фильм про освоение Луны.

Хао прислал толстую бумажную книгу – сборник восточной поэзии. Никки открыла наугад страницу со стихами какого-то Басё и с удовольствием прочитала:

Жёлтый лист плывёт.
У какого берега, цикада,
Вдруг проснёшься ты?

«Здорово!» – восхитилась Никки.

«Но Хао и сам хороший поэт...» – смущённо вспомнила она стихи, услышанные в первый учебный день, и перевернула страницу.

Грустите вы, слушая крик обезьян!
А знаете ли, как плачет ребёнок,
Покинутый на осеннем ветру?

Никки вздрогнула и захлопнула книгу. И побыстрее принялась разворачивать следующий подарок.

Большая Тереза подарила красивую глиняную бутылку лунного мерло! Вот уж никак не ожидала Никки таких жестов от этой суровой леди.

Дзинтара прислала очень старую картину маслом – бушующее море и моряки, цепляющиеся за обломок мачты после кораблекрушения. Гигантские зелёные волны в пене просвечивались ярким солнцем, и на фоне этого великолепия даже судьба матросов не казалась ужасной, хотя, конечно, их положение было не блестящим.

Никки немедленно повесила картину на стену и отошла полюбоваться. Картина излучала рёв волн, сверкание солнца, мощь стихии... Комната Никки преобразилась – в ней появилось дыхание океана, кусок удивительной планеты Земля, где Никки никогда не была. Её странно трогало и то, что это было нарисовано земным человеком, который сам видел полупрозрачную волну и море в белой штормовой пене... Есть сущности выше фантазии – их нельзя придумать, а можно только увидеть.

Никки осторожно потрогала рельефные мазки краски на древнем холсте и подумала, что это наверняка очень старинная и страшно дорогая картина. Дзинтара совсем не думает о цене, для неё такой категории просто

не существует. Как-то они заговорили за завтраком об омарах. Выяснив, что Никки никогда их не пробовала, Дзинтара не моргнув глазом заказала на ужин гигантских морских раков – с доставкой из самого шикарного ресторана Луна-Сити. Джерри потом сказал, что подобный заказ стоит неимоверно дорого... Принцесса, что и говорить. Но омары были хороши.

Большая коробка от профессора Майсофт содержала отличный шлем для виртуальной реальности и музыкальную открытку.

Изабелла прислала набор вкусных шоколадных конфет с гавайскими орехами «макадемия» – Никки никогда раньше их не пробовала.

Последний небольшой пакет – от Джерри. Он подарил ей стального цвета наручные часы с массивным браслетом. На матовой поверхности довольно большого циферблата ничего не было видно. В постскриптуме к поздравлению на красивой голографической открытке с заснеженной ёлкой, которая махала лапами, звенела сосульками и хвойно благоухала, Джерри просил, чтобы Никки носила часы постоянно – они с секретом, который будет ей «раскрыт в ближайшем будущем». Никки с любопытством покрутила часы и надела их на руку. По часам немедленно пробежала россыпь разноцветных крохотных огоньков, выстроившихся в значки, – часы стали исправно показывать время. Здорово!

«А я-то никому не послала подарков! – ужалила Никки кошмарная мысль. – Палёная шерсть Тарантула! Я совсем не привыкла кому-то что-то дарить – и вот оказалась полной свиньёй! Ужасный ужас! Надо придумать всем подарки на Новый год – не блестящий, но всё-таки выход».

И Никки стала совещаться с Робби.

Когда она вошла в кафе, все друзья уже собрались за столом. Никки встретила взглядом с Джерри. Между ними проскочила искра, и на Никкином лице вспыхнул жаркий след Первого Поцелуя. Никки почудилось, что на губах Джерри расцвёл такой же след.

– Ну ты и соня! – приветствовала её Дзинтара. Джерри и Хао тоже поздоровались. Никки села за стол.

– Ребята, спасибо вам за подарки, – с благодарностью сказала Никки. – Я уже хорошенько всё рассмотрела. Дзинтара, картина великолепна – у меня нет слов... в моей комнате появилось окно на Землю и запахло океаном.

Хао, спасибо за мудрую книгу... Басё чуть было не заставил меня плакать.

Джерри, твои часы совершенно замечательны, да ещё с таинственным сюрпризом.

Никки подняла руку с часами и полюбовалась на них.

– Вы даже не понимаете, что для меня значат ваши подарки – ведь уже много-много лет мне никто и ничего не дарил. За последние месяцы я поняла, как хорошо жить среди друзей, вчера я первый раз танцевала на балу, а сегодня я узнала, как здорово получать подарки!

Про самое замечательное событие рождественского бала Никки решила умолчать.

Друзья улыбались, глядя на взволнованную Никки, а Дзинтара даже встала и растроганно обняла Никки. Джерри тоже был бы рад это сделать, но... Дурацкие традиции!

– Рада, что тебе всё понравилось, – сказала Дзинтара. – Ведь дарить подарки не меньшее, а, может, даже и большее удовольствие, чем получать их.

– Сейчас увидим. – Никки достала из кармана и положила перед каждым из друзей по блестящему металлическому кристаллу размером с полпальца.

– Платино-иридиевые кристаллы, – удивилась Дзинтара, выросшая в семье, процветающей на геологических разработках и месторождениях. – Большая редкость, особенно такие крупные... растут только в космосе, их найти очень непросто.

– Да, – согласилась Никки. – Это вам сувениры с моего астероида, я там обнаружила небольшое гнездо таких пальчиков.

– Благодарю, Никки. – Джерри залюбовался блестящими гранями кристалла.

– Это же, наверное, дорогая вещь, они тебе самой могут понадобиться, – сказал бережливый Хао.

– Ерунда, – отмахнулась Никки. – Но этот подарок со смыслом. Изотопный состав химических примесей в металлических кристаллах очень индивидуален. Поэтому такой кристалл может служить изотопным ключом, который практически невозможно подделать. Расценивайте его как постоянно действующее приглашение на мой астероид. Шлюз «Стрейнджера» будет настроен на него. Кроме того – кто знает? – нам может понадобиться иметь общий для всех нас ключ-пароль. Если вам когда-нибудь на запертой двери встретится изображение Санта-Клауса с большим ключом, то приложите этот кристалл – и дверь откроется.

Всем это жутко понравилось, ещё бы – тайное Общество Рождественского Ключа, секретные двери и загадки. Ребята с энтузиазмом стали благодарить Никки, а та мысленно согласилась с Дзинтарой – действительно, подарки делать очень приятно. Но что же – о стройные копыта Козерога! – подарить Смигу Джигичу, Изабелле и профессору

Майсофт? И Большой Терезе, конечно!

К вечеру все друзья разъехались на каникулы, и Никки с Джерри остались за ужином одни. Когда Никки встречалась с Джерри взглядом, то между ними вновь и вновь проскакивала та же искра – у них была Тайна, и она расцветала опаляющим цветком на их лицах. Но потом они отводили глаза друг от друга – по велению древнего охранного инстинкта, который знал: Тайне нужно время, чтобы вырасти, её нельзя торопить, на неё нельзя таращиться, она хрупка и уязвима, как птенец...

В гулком обеденном зале школьников осталось совсем немного. К столу Никки и Джерри вдруг подошла оживлённая Марина Блэкуолл и громко заговорила:

– Можно присесть? – и стремительно хлопнулась на стул, не дожидаясь ответа. – Слушайте, поехали в Шрёдингер, а то в Школе делать уже совершенно нечего!

Услышав шумную речь Марины, к ним завернул проходивший мимо Смит Джигич:

– Эй, кто собирается в Шрёдингер, возьмите и меня!

И они договорились в ближайшие дни отправиться вчетвером в Шрёдингер.

Когда они остались за столом одни, Джерри покосился на Никки:

– По-моему, тебе не очень нравится Марина.

– Да, почему-то не очень... – сказала Никки.

Она потянулась за сахарницей, а он наклонился за упавшей ложкой. Их головы случайно сблизились. Джерри сделал глубокий вдох и произнёс севшим голосом:

– Ты пахнешь, как трава, нагретая солнцем...

Никки улыбнулась и ласково взъерошила его длинные каштановые волосы.

Их Тайна чуть-чуть подросла и окрепла.

– Знаешь, в последний свой день рождения на астроице, – сказала она, – я приготовила праздничный ужин, подняла бокал в свою честь и пожелала себе далёкого путешествия в сказочную страну и встречи с прекрасным заморским принцем. Через девять часов за мной прилетел крейсер, а ещё через несколько дней мы с тобой познакомились.

– Увы, я – не принц... – и Джерри слегка разочарованно откинулся на спинку стула.

– Да это же здорово! – воскликнула Никки. – Уж насмотрелась я на принцев-то!

Они засмеялись.

А Никки положила ему на плечо не меч, а длинный стебель цветка из настольной вазы и торжественно произнесла:

– Ты будешь моим пажем!

Она очень любила играть в принцессу и пажа. Ребёнок.

В один из последних дней старого года Никки, Джерри, Марина и Смит отправились вместе в Шрёдингер – единственный городок возле Колледжа, связанный со школой миниатюрным метро. Все служащие Школы Эйнштейна: повара, охранники, продавцы, парикмахер Луиза и многие преподаватели – жили в Шрёдингере и каждый день ездили в Колледж.

Неспешно проехав полутёмный тоннель на открытом экипажике, школьники попали на крохотную станцию подземки со стенами, разноцветно расписанными какими-то таинственными буквами и знаками. Пройдя маленький перрон, четверо друзей вышли в центр Шрёдингера, стилизованный под живописную площадь средневекового города с многочисленными магазинчиками, лавками и кафе.

На площади толпились люди, глазающие на праздничное шествие с барабанным грохотом и музыкой. Впереди шла группа девушек в очень коротких юбочках и ярких топиках. Они синхронно совершали сложные и вызывающие движения, потряхивая огромными пучками разноцветных веревочек.

– Какие забавные мочалки! – воскликнула заинтересованно Никки.

Марина равнодушно пожала плечами и предложила зайти в кафе-мороженое и пересидеть, как она выразилась, это нашествие. Все согласились, только Никки сказала, что придёт через несколько минут, – ведь она никогда не видела таких парадов – и попросила Джерри выбрать ей лучшее мороженое. Он кивнул и зашёл в кафе с остальными.

За пританцовывающими девушками шагал большой оркестр из школьников в красной униформе и с огромными золотыми трубами. Оркестр не очень слаженно, зато громко дудел что-то бравурное, не знакомое Никки.

За оркестром шествовала группа людей, одетых в одинаковые светлые одежды. Они держали в руках какие-то палки и мячики и шли с очень гордым видом. Видимо, это были спортсмены, но Никки крайне редко смотрела спортивные передачи и не смогла определить, зачем нужны эти палки. Может, это какие-то бильярдные штуки?

Никки обернулась и увидела вокруг себя группу крепких ребят лет

шестнадцати-семнадцати, смотрящих на процессию. Они были все как один мрачны и одеты во всё подчеркнуто тёмное. На голове они носили одинаковые чёрные платки, повязанные набок, как у пиратов.

– Что за палки несут люди в белых штанишках? – вежливо спросила она высокого парня, стоящего впереди группы.

Тот смерил её презрительным взглядом:

– Ты что – с Земли свалилась? Это же наша школьная команда по лунному бейсболу!

– Не видишь разве, – хмуро сказал ему другой, – это малявка из Колледжа, она издевается над нами...

– Ну что вы, – утешила их Никки, – я совсем не хотела вас обидеть...

Но лица парней оставались хмурыми.

– А вы из этой школы? – спросила вежливо Никки. – Наверное, тоже команда?

Разговора не получалось.

– А почему вы не идёте вместе с остальными – которые с мочалками и дудками? – непосредственно поинтересовалась неугомонная и дружелюбная Никки.

– Так... – зловеще протянул самый здоровенный парень, предводитель команды в чёрных пиратских платках. – Девчонка относится к нашей банде «Лунные Волки» без должного уважения. Необходимо воспитательное воздействие.

Парни сгрудились возле намеченной жертвы и быстро оттеснили её в ближайший переулок к стенке здания. Двое ловко и привычно брызнули чем-то на полицейскую камеру на углу здания.

Главарь банды удовлетворённо подумал: «Сейчас мы потолкуем...»

– Да ладно, ребята, не обижайтесь – примиряюще сказала девчонка, – я не знала, что вы не любите ходить с мочалками и барабанами.

Предводитель подошёл к ней.

– Мы – служители культа Силы! – гаркнул он, подводя нехитрый философский базис под планируемое воспитательное воздействие. Банда поддержала его тезис дружным рёвом. – Мы не учились в ваших колледжах! – снова рёв. – Плевали мы на ваши вонючие деньги и на ваши заумные книжки! – Рёв заглушил оркестр. – Богатенькие и умничающие малявки должны знать, что кроме ваших денег в мире правит наша Сила! Когда встречаешь Силу, ей надо вежливо кланяться, иначе придётся приносить кровавые жертвы! В Шрёдики наша банда самая крутая, и ты это навсегда запомнишь.

Предводитель экстатически наслаждался своим ораторским

искусством.

– О Волопас, неужели опять плацебо компенсационной схемы? – непонятно и удивлённо пробормотала девчонка.

Вожак стаи размахнулся и ударил нахалку по лицу.

Вернее, он хотел её ударить, но девчонка куда-то испарилась, и кулак с размаху врезался в очень твёрдую стену.

– А-а! – истошно заорал парень, трясая разбитой в кровь рукой.

– Ребята, – укоризненно сказала девчонка, – сохраняйте спокойствие, и никто не пострадает.

– Бейте эту мерзавку! – крикнул вожак, и вся банда набросилась на неё.

Возле стены мгновенно образовалось месиво из падающих тел, взлетающих кулаков и ныряющих вниз голов. Переулок огласили крики, звуки резких ударов и стоны. Предводитель, отскочив в сторону и придерживая повреждённую руку, жадно пытался рассмотреть детали наказания этой соплячки, но драка завязалась столь стремительная и объёмная, что он ничего не мог понять. Видно было только, что схватка разгорелась не на шутку: Оборотень выпал из кучи с разбитым носом, Койот уже лежал на асфальте, не шевелясь, а лучший боец стаи – Бульдог – заполз на четвереньках на газон и, кажется, стал есть траву. Прошло с полминуты, но исход битвы оставался непонятным.

– Да с кем вы дерётесь? – завопил изумлённый Большой Волк.

Из середины кучи тел раздался неприятный хруст и отчаянный вопль.

– Загадка! Но, кажется, их захватил сам процесс... э-э... жертвоприношения, – иронично хмыкнул кто-то.

Предводитель резко повернулся и увидел странную девчонку – целую и невредимую, да ещё и издевающуюся! Он заревел и бросился на неё как разъярённый бык. Но выбранная им траектория загадочно искривилась, он налетел на кучу тел своих волков, споткнулся и воткнулся головой в стенку.

Раздался сочный омерзительный звук раскалывающейся тыквы, но череп главного волка выдержал – он был крепче бетонной стены.

Меркнувшим сознанием вожак услышал приближающуюся полицейскую сирену и задумчивый голос девчонки:

– Какое удовольствие они нашли в этом культе Силы? Я ещё могу понять, что они деньги не любят... Но почему они так гордятся своим невежеством?

Джерри, услышав сирену, выскочил в тревоге на улицу и с облегчением увидел Никки, подходившую к кафе.

– Ты где застряла? – озабоченно спросил он. – Твоё мороженое давно

готово.

– Наблюдала за одним интересным религиозным обрядом, – беззаботно сказала Никки.

Джерри увидел, как из ближайшего переулка полицейские выводят хромящих окровавленных парней с руками в наручниках, а медики выносят одно за другим стонущие тела.

– Это не ты их побила? – спросил Джерри, глядя с подозрением на Никки.

– Джерри, – заявила Никки тоном чопорной английской леди, – я никогда не начинаю драк. Да ещё на улице – фи!

Но, вообще говоря, это был весьма уклончивый ответ – в стиле Ниро Вульфа.

– Много ли в Шрёдингере школ? Сколько стоит обучение в таких школах? – Никки, лакомясь мороженым, успевала расспрашивать друзей.

– Здесь всего одна школа, – ответил Джерри, – и она бесплатная.

– Ух ты, здорово! – обрадовалась Никки за счастливых детей Шрёдингера.

– Ничего хорошего, – усмехнулся её наивности Джерри. – Большинство выпускников этой школы едва знают таблицу умножения, с трудом читают и пишут.

– Не может быть! – не поверила Никки.

– Так гласит официальная статистика, – поддержала Джерри Марина. – Образование в бесплатных публичных школах просто ерундовое.

– Но почему же их не учат всему остальному? – поражалась Никки.

– Невозможно ничему научить людей, которые не хотят учиться, – безапелляционно заявила Марина. – Формально им преподают те же предметы, что и нам, хотя и на совершенно другом уровне. Но из этого они мало что извлекают. Поэтому реальная основная задача подобных школ – социально адаптировать этих шалопаев, а вовсе не научить их высшей математике.

– Социально адаптировать? – нахмурилась Никки.

– Это означает, что выпускники должны без проблем вписаться в общество – послушно работать на низкооплачиваемой работе и не нарушать закон, – сказал саркастически Смит.

– Но ведь если они получают хорошее образование, то их заработки будут выше и жить они будут лучше, – не успокаивалась Никки.

– Очень трудно получить хорошее образование в школе, где большинство школьников не хочет учиться, а учителя издёрганы и ориентируются в преподавании на средний уровень учеников, который как

раз не средний, а очень низкий, – отметил Смит. – Образование – типичная двухфазная система, состоящая из частных колледжей – очень дорогих и хороших, сравнимых с нашей Школой, где учится элита, и из отвратительных бесплатных школ для социальных низов. А плохое образование автоматически приводит к тому, что из этих низов выбраться очень трудно. Фактически возникла кастовая система...

– Пошли, дурацкое шествие закончилось, – скомандовала и встала из-за стола Марина.

Они погуляли по Шрёдингеру, зашли в его маленький чахлый парк с фонтаном посередине – никакого сравнения с колледжским парком или лесом, – побывали в шоколадной лавке, в местном супермаркете и прошли по интереснейшим магазинчикам земных древностей и космических диковин. Никки внимательно присматривалась к работающим в Шрёдингере людям, среди которых мелькало много недавних школьников, явно не из Колледжа. Эти подростки уже не собирались учиться дальше и устраивались официантами, продавцами и разносчиками.

В жилом квартале Никки пристально оглядела улицу небогатых двухэтажных домов, стиснутых друг с другом, как зерна в кукурузном початке, – в таких жилищах обитало большинство населения Шрёдингера. Построенные из тонкого дешёвого пластика, дома производили мрачноватое впечатление. Никки неприятно удивило и полное отсутствие деревьев на жилых улицах. Возле углового дома усталая женщина гуляла с ребёнком, одетым в полосатый комбинезончик, здорово напоминающий робу древнего каторжника.

– Для чего здесь эти люди? – спросила Никки у Робби. – Почему они не улетают на Землю? С их здешней работой легко справятся роботы.

– Ты ничего не понимаешь в лунной политике, – усмехнулся Робби. – У этих людей есть высокая миссия, о которой, впрочем, они не подозревают.

– Объясни толком, мудрец! – фыркнула Никки.

Робби не стал капризничать:

– Первыми поселенцами на Луне были герои – астронавты, инженеры и учёные. Они строили первые купола, закладывали оранжереи и монтировали установки для переработки лунного реголита, состоящего из оливина, плагиоклаза, клинопироксена, ильменита и даже металлического железа.

– Железа? – удивлённо воскликнула Марина.

– Да, чистого железа – редкой штуки на Земле с её окисляющей атмосферой, – подтвердил Робби. – Из реголита можно получить любое

нужное количество и других металлов – алюминия, титана, магния – вопрос только в энергии. Но Луна оказалась богатой и на изотоп гелий-3 – идеальное топливо для термоядерных реакторов. Поэтому здесь возникла сеть мощных электростанций, и освоение Луны превратилось в прибыльное дело: дешёвая лунная энергия не только хлынула на Землю, но и преобразила жизнь космических поселенцев; автоматические установки по выплавке металлов и изготовлению бетонных плит из реголита обеспечили бурный рост городов и оранжерей. Жизнь на Луне стала дешевле, чем на Земле, – при сравнимом уровне комфорта. И это породило первый социальный кризис на Луне.

– Почему улучшение жизни вызвало кризис? – заинтересованно спросил Смит.

– Земные государства, особенно перенаселённые, стали поощрять лунную эмиграцию своих граждан. Это смягчало проблемы земной политики, а также расширяло присутствие этих государств на Луне. Ведь парламент Лунной Республики формируется с учетом национальной принадлежности жителей. Поэтому местные жители служат своей численностью интересам земных государств, гражданство которых они сохраняют.

– А из-за чего возник кризис? – уточнила внимательно слушающая Никки.

– Из-за отсутствия достаточного числа рабочих мест на Луне. А безработица – даже сытая, на хорошем пособии – порождает преступность, распространение наркотиков и волну насилия. И Лунной Республике пришлось заняться социальным обустройством бурно растущего населения. И теперь каждый житель имеет работу – потому что денежное пособие получают не безработные, а работодатели, которые принимают их на работу. Любую работу. Большая часть жителей лунных куполов не нужна на Луне, но ещё меньше они нужны на Земле.

– Как-то унижительно – делать работу, которую мог бы сделать кибер, – насутился Смит.

– Да, мы, роботы, можем делать почти всё без вас, людей, – заявил нахальный Робби. – Но до чего же скучен будет город, в котором живут одни киберы! Вы, люди, с одной стороны – просто крупные лягушки, а с другой стороны – так приятно непредсказуемы. Пусть вы будете – на всякий случай.

Марина хмыкнула и с опаской покосилась на Робби.

– Здесь, в Шрёдингере, не так уж неинтересно, – сказала задумчиво Никки, когда они усаживались в тележку, – надо будет приехать сюда

завтра или послезавтра.

Она обернулась и посмотрела на зачем-то разрисованные стены станции подземки. На стеклянных дверях перрона, сквозь которые ребята смогли пройти, только предъявив колледжские чипы-жетоны, сидела большая жёлтая пчела, и Никки показалось, что пчела смотрит на неё сквозь стекло. «Что она тут ест? – подумала Никки. – Здесь почти нет цветов...»

Джерри включил мотор тележки, и станция Шрёдингера съёжилась сначала в светлое пятно, а потом и совсем исчезла за плавным поворотом тоннеля.

Глава 12

Гибель Робби

Назавтра Никки и Джерри не смогли выбраться в Шрёдингер, отложили на следующий день, но и тогда всё застряло – Джерри не успевал сделать домашнюю контрольную по биологии.

В качестве полугодового теста им велели спроектировать беспозвоночное животное с геномом, отличным более чем на два процента от существующих организмов, с новым фенотипным признаком и с приемлемым индексом жизнеспособности. Никки довольно быстро сдала тест, создав симпатичного жучка, но только не с шестью конечностями, как у всех насекомых, а с восемью – как у паукообразных, которые, как всем известно, не являются насекомыми. Передние конечности нового жучка напоминали не лапки, а маленькие крабьи клешни.

Джерри даже не мечтал о таких сложных беспозвоночных организмах, как летающие жуки с лапами, мозгами и глазами, – сгорбившись перед экраном в своей комнате, он сфокусировался на червяках, беззубках и анемонах. Увы, в результате неумелого генетического конструирования у него всё время получались безглазые унылые существа, которые, даже не глядя на себя, совершенно не хотели жить от горя, и компьютер беспощадно характеризовал Джерриных уродов нулевым индексом выживаемости.

Джерри находился в разгаре битвы за суперчервяка, и Никки решила одна съездить в Шрёдингер – в прошлую поездку она нашла магазинчик, где можно запастись новогодними подарками для Смита, Изабеллы, Большой Терезы, адвоката Дименса и для профессора Майсофт. Она даже обрадовалась, что Джерри не едет. Ведь она хотела спокойно выбрать подарок к Новому году и для Джерри, к тому же седьмое января – его день рождения – уже не за горами, а как выбирать подарки, если ходить по магазинам вместе с Джерри? Никки полагала, что советоваться насчёт подарка с именинником нельзя – подарок всегда должен быть сюрпризом.

Она оделась потеплее – в прошлую поездку она слегка озябла на пещерном сквозняке – и отправилась к Главной башне. Спустившись в лифте на нижний уровень башни, где начинался тоннель в Шрёдингер, она забралась в первую тележку и нажала единственную имеющуюся кнопку – в этих экипажиках вообще не устанавливалось ручного управления во избежание шалостей и случайностей. Тележка дёрнулась и побежала по

фосфоресцирующей дорожке.

Две подземные мили укладывались в несколько минут неспешного хода тележки. Тоннель освещался слабо, и в нём тянул прохладный ветерок. Никки поплотнее запахнула куртку и стала в свете редких ламп рассматривать стены подземелья. В прошлый раз они ехали целой компанией, оживлённо болтали, и она не успела толком оглядеться. Тоннель был прокопан, вернее, проплавлен в лунной породе около двухсот лет назад и имел диаметр около пяти метров. Две узкие полосы дороги, разделённые невысоким барьером, были сейчас пусты. Автоматическая тележка ехала вдоль чёрных оплавленных стен, в которых встречались какие-то дополнительные проходы, гроты и закрытые двери.

Никки вспомнились школьные слухи, что из этого тоннеля есть выходы в Запретные Пещеры, расположенные под Колледжем и закрытые наглухо более ста лет назад. Школьники завывающим шёпотом рассказывали друг другу о чудовищных мутантах, заселивших пещеры за прошедший век. Очевидно, это были классические школьные мифы-страшилки – вроде легенды о призраке Первого Ученика.

Тележка, на которой ехала Никки, вдруг сделала резкий поворот и ускорилась. Никки нахмурилась – по прошлому путешествию она не помнила такого изгиба. Она оглянулась вокруг и заметила, что тоннель сузился, в нём исчезли лампы, и единственным источником света остались фары тележки. Это так не понравилось Никки, что она решила выпрыгнуть с тележки, которая повезла её куда-то не туда.

Но не успела – тележка внезапно нырнула носом и помчалась вниз по каменному склону с такой скоростью, что Никки еле удержалась за поручни. Вместе с тележкой ухнуло и сердце Никки. Чёрт! Почему ей так везёт на приключения?

Через несколько секунд тележка выровнялась, и Никки, не теряя времени, немедленно спрыгнула с самовольного экипажа, мчавшегося куда-то в неизвестность.

Бросаться в темноту – наугад, на большой скорости – было очень страшно, и, прыгнув, Никки сразу пожалела о своём решении. Она с силой стукнулась о каменную стену, её отшвырнуло к другой стороне тоннеля, а потом – на пол, по которому она и покатилась кубарем, надеясь только на то, что Робби не разобьётся о камни, и стараясь оберегать его локтями. Только метров через пятнадцать ей удалось остановиться. Впереди раздался сильный удар и треск.

Никки перевела дух. Отбитые локти, бока и колени дружно ныли и возмущались. Но переломов вроде не было.

– Робби, ты как? – с тревогой спросила она.

– Разбил главную видеокамеру и вдребезги продавил левый слуховой сенсор. Остальное цело. Ты уверена, что это была хорошая идея – прыгать на такой скорости?

– Сейчас посмотрим. – Никки с трудом встала на ноги и, держась за стенку, чтобы помочь кружащейся от падения голове, заковыляла вперёд, на звук удара. Робби подсвечивал дорогу маленьким фонариком.

Вскоре они нашли тележку, которая на полном ходу врезалась в толстый металлический столб, торчащий прямо из пола пещеры. Тележку разрезало почти пополам.

– Это была отличная идея – прыгнуть заранее! – с энтузиазмом согласился Робби. – Тут я глазом и ухом не отделался бы... Про тебя, мягкую биомассу, я уж и не говорю, твои части были бы развешаны по стенкам, как игрушки на ёлке. Смешно пошутил?

– Да, если бы не про меня... Робби, это случайность?

– Нет. Это было ещё одно покушение, Никки.

Никки обессиленно сползла по каменной стене на пол, пытаясь удержать в фокусе качающийся вокруг мир. Если бы тележка не налетела на столб, она разбилась бы двадцатью метрами далее, где дорога упиралась в оплавленный каменный монолит. Тоннель заканчивался глухим тупиком, лишь возле столба в боковой стене чернел узкий ход; ещё одно отверстие виднелось в самом конце пещеры.

Может, сейчас и мутанты полезут из этих дыр? Как далеко она уехала от основного тоннеля? Доберётся ли она туда – по крутому скользкому склону?

В пещере раздались неспешные шаги. Звук шёл оттуда, откуда они примчались на тележке.

– Робби, это – помощь?

– Увы, нет. С вероятностью полторы сигмы покушение ещё не закончилось, Никки.

– Зови секьюрити! – хрипло прошептала Никки.

– Не могу, пещера не пропускает радиоволны. Слишком далеко! – ответил с отчаянием обычно сдержанный Робби. Неужели дело так плохо?

– Выключи фонарь... Что это за дыры в стене? – спросила Никки, лихорадочно пытаясь найти путь к спасению.

Размеренные шаги неумолимо приближались.

– Не знаю, но эти Шаги всё предусмотрели. Если они не спешат, значит, нам ни в какую дыру от них не спрятаться... – безнадежно ответил логичный Робби.

Никки с трудом встала и шагнула всё-таки к ближайшему ходу, но тут ей в глаза ударил яркий свет фонаря. Она загородилась левой ладонью и увидела не мутанта, а человека в зеркальном скафандре, стоящего метрах в десяти. Такой скафандр используется для работы с хайэнерджи-лазерами при монтаже космических станций, чтобы уменьшить риск случайного поражения отражённым лазерным лучом. Но зачем зеркальные доспехи в подземном тоннеле, где давно не ведётся никаких работ?

– Уберите свет и представьтесь! – заявила Никки самым уверенным и властным голосом, какой только смогла найти в своей коллекции книжных героев, но чувствовала она себя совсем не так уверенно и понимала, что ситуация не сулит ничего хорошего. Особенно тревожило одеяние незнакомца.

– Однако как выросла наша крошка. Как она научилась разговаривать.

Голос человека в зеркальном костюме был безжизненным и спокойным до ужаса. Этого человека уже нельзя было ничем удивить: он всё видел, всё знает и может лишь имитировать удивление при встрече с удивительным.

Ничто не может помешать его делам, потому что ничто ему не интересно.

В голосе человека чувствовался не известный Никки металлический акцент. Лицо в открытом шлеме скафандра Никки не могла рассмотреть, ослеплённая фонарем.

Никки подняла к лицу и правую руку – чтобы лучше закрыть свет фонаря; незнакомец сразу отреагировал и отрывисто приказал:

– Не дёргаться! Руки держать на виду. Я наслышан о твоих талантах.

Все сомнения в намерениях зеркального человека исчезли.

Это был убийца.

Холодное дыхание смерти подняло дыбом волосы на затылке и вызвало мощный выброс адреналина в кровь. Убийца знал её хорошо, причём давно – значит, он причастен к событиям десятилетней давности.

Никки уже нечего было терять.

– Что ж вы так непрофессионально обстреляли «Стрейнджер», что даже не смогли убить маленькую девочку? – наугад спросила она с максимально насмешливой интонацией, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал.

Зеркальный человек замер.

– Какая умненькая Никки. Ничего. Сейчас исправим оплошность.

Металлический акцент равнодушного голоса царапал напильником.

Убийца поднял правую руку, и Никки увидела наведённый прямо на

неё боевой лазер. Левую блестящую перчатку человек стал поднимать к лицу, вероятно, чтобы опустить щиток шлема.

В этот момент Никки изо всех сил прыгнула в сторону разбитой тележки, надеясь найти за ней хоть какую-то защиту. Лицо она закрыла многострадальными локтями.

Реакция у незнакомца была отличная – он мгновенно выстрелил, и всё вокруг осветилось мощным лазерным лучом.

В Никки ударила волна страшного жара. Она почувствовала, как тает и расплзается на ней одежда, прикипая к телу расплавленной пластмассой. Кожа на незащищённых местах стала гореть и обугливаться, и Никки закричала от дикой боли. В следующее мгновение девочка нырнула головой вперёд в спасительную тень тележки – последний остров спасения в ослепительном лазерном сиянии, затопившем каменную пещеру.

Никки съёжилась обожжённым комочком за тележкой, хватая ртом горячий воздух, и слышала издевательский смех человека. Смех был тоже равнодушной имитацией, похожей на кашель, и звучал отчётливо – убийца так и не опустил щиток скафандра.

– Люблю запах барбекю, – сообщил зеркальный человек.

Вот почему этот садист поставил лазер на рассеянный луч – решил не разрезать, а поджарить...

«Что же делать? – лихорадочно соображала сквозь боль ожогов девочка. – Бросить в него чем-нибудь?» На том клочке тени, где она спряталась, не было ни камней, ни даже песка – одна гладкая оплавленная поверхность. Тогда Никки попробовала выдрать что-нибудь из разбитой тележки. Ценой разодранных в кровь рук ей удалось оторвать пару кусков твёрдой, но, увы, лёгкой бамперной пластмассы – всё остальное было или слишком прочным, или залитым сиянием лазера. Может, это хотя бы отвлечёт его?

Человек в скафандре продолжал отрывисто кашлять-смеяться.

С-скотина!

Никки, преодолевая боль от ожогов, посмотрела на чёрное отверстие бокового хода в трёх метрах от неё и резко метнула оба куска пластмассы в потолок. Они стукнулись о свод пещеры и рикошетом ушли вниз – туда, где стоял зеркальный мерзавец. Раздалась вполне живая ругань, и луч лазера дёрнулся вверх.

Никки мгновенно прыгнула в черноту узкого пещерного хода. Но прежде чем она попала в него, луч боевого лазера успел её снова стегнуть. Никки влетела в боковую пещеру, врезалась в каменную россыпь на полу и замерла в тисках пронзительной боли.

За доли секунды нового облучения плотная одежда на Никки превратилась в дымящиеся лохмотья с почерневшей и вопящей от боли кожей в прорезах комбинезона; левая рука, волосы и часть головы сильно обгорели; ткань рюкзака с Робби наполовину испарилась или расплзлась рыхлыми клочьями. На самом Робби тоже появились оплавленные места.

От новых ожогов муть в голове Никки стремительно разрослась, загородила собой почти всё вокруг... и вдруг отступила – это Робби резко повысил её болевой порог. Иначе Никки просто потеряла бы сознание в следующую секунду. «Я стала биороботом...» – с мрачным отчаянием подумала она.

– Никки. Ты решила поиграть. В детские пятнашки, – равнодушно сказал человек в зеркальных доспехах. – Что ж, с удовольствием. Давай побегаем. В последний раз.

Его шаги послышались совсем близко, и Никки сначала поползла в глубь пещеры, потом сумела встать на ноги и побрела, держась за стены узкого хода обеими руками. Раздался треск, и на потолке пещеры, прямо над головой у Никки, появилось малиновое пятно с кипящей белой серединой – убийца перефокусировал лазер в режим выстрелов. Никки попробовала ускорить шаги, но это получалось плохо.

Ход был узкий, без ответвлений, и заметно забирал в сторону. Преследователь не жалел зарядов, и вокруг Никки всё время расцветали малиновые цветы и весело брызгали на неё расплавленным камнем. От боли и усталости ей было уже всё равно, и от смерти её спасало только хладнокровие Робби, который заставлял её избитое тело уворачиваться от выстрелов и двигаться вперёд.

Наконец Никки выбралась из узкого хода в более широкое пространство – и осмотрелась.

Сердце её упало: все героические усилия оказались бессмысленными – она снова очутилась в тоннеле с тележкой, вокруг которой остывал горячий камень. Две дыры оказались всего лишь входом и выходом небольшой подземной петли, не ведущей к спасению.

Позади раздались шаги убийцы, и Никки, качаясь, тронулась вперёд. Она едва успела рухнуть на землю с другой стороны разбитой тележки, как в следующее мгновение пещера снова озарилась жарким рассеянным лазерным светом – девушка попала в такое же безвыходное положение, в каком была десять минут назад, только поменявшись с убийцей местами. Увы – с этой стороны тележки земля была уже горячее, а задний бампер – оплавленным, но прочным. Единственным тяжёлым предметом в руках Никки был сам Робби, без которого она не может ни дышать, ни жить.

Тем не менее человек в скафандре был осторожен и опасался подходить к Никки вплотную, предпочитая добивать её издали.

– Прощай, Никки, – лениво сказал он.

Сияние мощного лазера заливало пещеру, и пластиковая тележка быстро таяла в потоке излучаемой энергии. По стенам побежали струйки расплавленного камня, собираясь вокруг Никки лужицами магмы. Заряда боевого лазера хватит, чтобы и расплавить пластиковую тележку, и испепелить саму Никки...

Быстро сокращающийся язык тени, где пряталась Никки, простирался уже едва на пару метров, а дальше шёл подъём в сторону основного тоннеля. Весь крутой склон дымился под потоком световой энергии. Раскалённый воздух давно бы задушил Никки, но горячие испарения камня поднимались вверх и убегали по поднимающемуся штреку к тоннелю, а в обратном направлении, прижимаясь к полу, стекал живительный ручеек воздуха попрохладнее.

– Если я побегу в сторону выхода, – прошептала Никки, уже совершенно не способная куда-то бежать, да ещё в гору, – на сколько меня хватит?

– Тебя – на десять метров, меня – на семь, – ответил педантичный Робби. – Я же на твоей спине.

Ощущение бреда и нереальности происходящего странно смешивалось в голове Никки с трезвым пониманием, что жизнь её заканчивается и никто ей больше не поможет...

Расплавленная пластмасса пролилась струйкой возле самого лица Никки. Она посмотрела на свои руки, которые покрылись коркой крови, копоты и ожогов и выглядели обугленными сучьями. Они страшно болели – несмотря на то, что Робби оставил её телу не более десяти процентов чувствительности. Никки потрогала этими онемелыми чёрными пальцами обгорелое лицо и голову, на которой вместо волос лишь хрустел пепел, – и застонала от отчаяния.

«Чем я заслужила сожжение заживо? Оказаться изуродованной для молодой девушки – такая боль сильнее физической. Раньше кое-кто считал меня симпатичной... И вот – от меня ничего не осталось...»

Никки пала духом от этой потери и ясно поняла: «Это конец... Зеркальный человек убил моих родителей десять лет назад, а теперь пришёл за мной, случайно уцелевшей девочкой... И он меня практически уже прикончил...»

– Так что, Робби, это смерть? – горько спросила Никки верного товарища.

– Да, Никки. – Он никогда не лукавил. – Через минуту мы погибнем оба. Я не вижу никакого выхода, и тени у нас осталось на пятьдесят секунд.

Никки помолчала и сдавленно прошептала:

– Спасибо тебе, Робби, ты был мне настоящим другом все эти годы...

– И тебе спасибо, Никки, мне тоже было интересно с тобой. Мои знакомые компьютеры тупы и скучны по сравнению с людьми.

Осталось сорок секунд.

– Мы с Джерри придумали одну штуку, но не успели тебе рассказать... – произнёс Робби.

«Джерри!» – перед Никки мелькнула светлая вспышка на фоне черноты. Она никогда больше его не увидит! Никогда не обнимет! Тот поцелуй оказался не только первым, но и последним!

– Если бы я была нормальной девчонкой! – крикнула она в отчаянии от горькой мысли о Джерри. – Я бы имела с собой зеркальце и могла бы пустить в эту сволочь отражённый зайчик!

Осталось двадцать пять секунд.

– Я могу включить зеркальный режим экрана, – неожиданно произнёс Робби. – Выставь меня из-за тележки. Если этого человека хотя бы временно ослепить, у тебя появится шанс добежать до выхода.

– Ты расплывёшься! – задыхаясь от страшного жара, прохрипела Никки.

– Так или иначе, это произойдет через пятнадцать секунд. Мы ничего не теряем, – рассудил Робби.

– Я не могу выглянуть из-за тележки! – с болью крикнула Никки. – Как же я в него попаду?!

– Ты забыла, что это я управляю твоими руками? – спросил ласково и успокаивающе Робби. – Ты подними меня так, чтобы я успел увидеть этого типа остатками камер, а дальше я постараюсь сам всё скорректировать... Если не успею – там здорово жарко, то – извини и прощай...

Осталось пять секунд.

– Робби, – застонала Никки, – ты погибнешь... я не хочу этого... Ай! – Струйка расплавленного камня подобралась и обожгла ей ногу.

– Не раскисай, Никки, – подбодрил её Робби.

Его оплавленная поверхность, выглядывающая из огромных дыр рюкзака, вдруг стала ртутно-блестящей, и он властно крикнул:

– Поднимай!

Никки повернула голову. Лазерное сияние струилось над ней совсем близко – полурасплавленная тележка таяла ручейками и уже почти не

давала тени. Никки прикинула, где должен стоять зеркальный мерзавец, и выставила в том направлении рюкзак с Робби, вцепившись двумя руками в его ремни и инстинктивно стараясь держать руки в тени рюкзака. Выставленный над краем тележки и покинувший крошечный оазис спасительного полумрака, рюкзак сразу задымился, вспыхнул и потёк ручейками раскалённой пластмассы по рукам Никки.

Она громко закричала, стараясь не уронить Робби или то, что от него оставалось, но в следующую секунду её тело стало абсолютно непослушным.

«Робби умер... – поняла Никки, – и теперь некому двигать моими руками... и некому дышать за меня...» Её крик стих, тело мягко и безвольно осело. Голова Никки ударилась о раскалённую чёрную землю, а правая рука погрузилась в лужу расплавленной пластмассы, но девочке было совсем не больно.

Маленькая рыжая собачка лежала рядом и горела белым трескучим пламенем.

Никки заскользила по спирали куда-то вниз, в жаркую теснящую мглу. Вдруг она услышала, как ласково зовет её мама: «Никки!» – и почему-то виноватый голос отца: «Прости меня, белочка...»

В следующее мгновение мир вокруг Никки погас.

Джерри сидел над проклятой контрольной по биологии, но работалось плохо. Он вдруг подумал, что Никки так и не позвонила ему из Шрёдингера. Он быстро взял аппарат и вызвал её номер, но т-фон Никки не отвечал.

Это его здорово встревожило, сигнал т-фона теряется только в тоннеле, но поездка по подземелью занимает всего несколько минут. Он спросил свой компьютер, и тот ответил, что Робби не выходит на связь уже тридцать семь минут. Джерри так взволновался, что решительно набрал номер профессора Майсофт.

Когда она откликнулась, Джерри сбивчиво объяснил, что он никак не может разыскать Никки, которая обещала ему позвонить и не позвонила.

– Когда ты её видел или говорил с ней в последний раз?

– Почти час назад она отправилась в Шрёдингер. С тех пор её т-фон не отвечает и компьютер не выходит на связь.

– Ну, Джерри, прошёл всего час...

– Профессор, вы знаете историю Никки – кто-то охотится за ней! Тут лучше сто раз перестраховаться. Попросите охрану проверить тоннель и Шрёдингер. Для чего они здесь сидят, пусть немного поработают, чёрт бы

их побрал! – не выдержал Джерри.

– Хорошо, хорошо, – поспешно согласилась профессор Майсофт, – я немедленно свяжусь с начальником охраны.

Джерри в тревоге забежал по комнате, продолжая держать т-фон в руке и беспрерывно вызывать Никки. Может, она пошла в лес? Нет, она бы сказала ему об этом, они ходят в лес обычно вместе... Да и зачем бы она выключала т-фон? А Робби вообще всегда на связи, разве только попал в заэкранированное место... Может, они застряли в тоннеле?

Джерри метнулся в гостиную, где несколько Сов смотрели какую-то тивидачу на большом экране, и выглянул в балконное окно, из которого хорошо просматривался весь внутренний двор Колледжа. Из Главной башни, откуда начинался тоннель в Шрёдингер, быстро выходили какие-то люди. Джерри похолодел.

Из дверей Главного холла выкатился санитарный кентавр с коконом-носилками на спине и устремился в медицинское крыло. Рядом с роботом бежали несколько охранников. Сердце у Джерри оледенело, и он бросился вон из комнаты, сбив с ног какого-то второкурсника. Он не мог ждать медленный лифт и все десять этажей летел по винтовой лестнице, прыгая через десяток ступенек сразу и чуть не сломав ноги и шею.

Когда он вбежал в медицинское отделение, там находились заплаканная профессор Майсофт и несколько незнакомых ему людей.

– Профессор... что... случилось?! – крикнул, задыхаясь от бега, Джерри.

– Никки нашли в тоннеле, – всхлипнула профессор Майсофт. – Она сильно обожжена.

– Она жива? – Кровь отхлынула от лица Джерри.

Профессор кивнула так неуверенно, что сердце Джерри больно сжалось. Из группы медиков Шрёдингера, собравшихся в углу вокруг монитора, слышалась громкая дискуссия:

– Ожоги – это понятно... но что за загадочный паралич всего тела?

– Бред какой-то! Рефлексы отсутствуют полностью, но она же как-то ухитряется дышать!

– Доктор Берринджер! Вы можете объяснить, что происходит с пациентом?

– Не могу! – Голос доктора Колледжа срывался от волнения. – Её компьютер, управляющий нейрочипом, не работает. Она уже должна была умереть! Я не понимаю, почему она всё ещё жива!

– Пустите меня к ней! – в волнении крикнул Джерри. – Мне надо посмотреть, что с её компьютером! Я смогу помочь!

Он сам не понимал, что говорит, но он должен был увидеть Никки.

Врач в зелёном халате обернулся на его голос.

– Послушайте его, – умоляюще попросила профессор Майсофт, – он её друг, он был с ней в госпитале, и если он так говорит...

Медик в зелёном помедлил секунду, потом кивнул. На Джерри быстро надели халат, и врач сам повёл его в реанимационную палату, где вокруг ярко освещённого стола суетились люди в разноцветных одеждах – бригада «скорой помощи» из Шрёдингера. Двое в синем готовили аппарат искусственного дыхания; женщина в белом комбинезоне уже держала в руках дефибриллятор; ещё двое врачей осторожно работали ножницами, бросая в корзину ключья обгорелой одежды.

Джерри подвели к столу...

Сердце юноши не выдержало этого зрелища, и слёзы наполнили его глаза...

Пусть будут прокляты все убийцы этого мира!

Его лучший друг Никки, весёлая девочка с хрустальными волосами, лежала на операционном столе. Джерри с ужасом глядел на её обгорелую голову, где почти не осталось волос, на чёрное страшное неподвижное лицо с закрытыми глазами, на чудовищные кровоточащие ожоги, покрывающие её руки и плечи, с которых одежда была уже срезана. Медик в белом халате осторожно снял часы с запястья Никки и положил в никелированную коробку под столом.

Человек, сидящий возле кардиомонитора, закричал:

– Дыхания нет, пульса нет! Мы её теряем!

Джерри очнулся и с такой силой оттолкнул врача в белом от стола, что тот опрокинулся на пол.

– Болваны! – Он схватил часы и снова положил их поближе к Никки.

– Дыхание есть, сердце забилось! – закричал радостно человек у прибора, и этот крик остановил медиков, бросившихся к Джерри с явным намерением вышвырнуть его вон.

– Ничего на ней не трогать! – заорал бешено Джерри. – У неё был рюкзак, где он?

Один из медиков показал на расплавленный комок в отдельной корзине:

– Это было у неё в руке.

Джерри бросился к тому, что осталось от Робби, и сразу понял, что это бесполезный кусок пластика, безнадёжно спёкшийся в монолит. Но кто тогда управляет её дыханием? Это может быть только...

– Мне нужен компьютер с коммуникатором! – закричал он, яростно

посмотрел на ничего не понимающих растерявшихся медиков и резко отпихнул человека от ближайшего монитора.

Джерри лихорадочно нажимал клавиши на управляющей консоли, выкрикивая кодовые слова, – и через несколько секунд в палату ворвался громоподобный электронный голос:

– Не трогать пациентку Никки Гринвич! Не убирать часы с её руки!

Врачи вздрогнули.

– Кто говорит? – крикнул медик, приведший Джерри.

– Компьютерная система, управляющая её дыханием. Мне срочно нужен вайрлессный нейрокоммуникатор для шейного позвонка, тогда я сумею восстановить контроль над её телом. Быстрее! Я еле держу её через горелые контакты.

Медики, получив конкретное указание, заметались по операционной.

– У пациентки на шее стандартный разъём, – продолжал грохочущий властный голос, которого просто невозможно было послушаться. – Нужно быстро вытащить остатки старого коммуникатора и вставить новый. Да, этот годится, я его чувствую.

Осторожно приподняв обожжённую Никки, медики сумели сделать то, что требовал голос...

Тело на операционном столе рванулось спущенной пружиной, выгнулось невероятной дугой, и девочка страшно закричала.

Медики суетились вокруг обгорелой и непрерывно кричащей Никки, так и не открывающей глаз. Джерри сполз по стене на пол, уткнул лицо в колени, а его плечи тряслись от этого жуткого крика...

Никки опять приснился кошмар. Они часто посещали её на астероиде. Она спокойно принимала эту часть своей жизни и даже прочитала в файлах Робби обширное исследование о природе кошмаров. Часто повторялся сон, в котором ей не хватало кислорода и она подсоединяла к скафандру всё новые и новые баллоны, но и там ничего не было... она задыхалась всё сильнее и в последний момент просыпалась, с жадностью хватая ртом воздух.

Иногда ей снились родители, весело разговаривающие о чём-то друг с другом и собравшиеся куда-то уйти вместе, совершенно не замечая её, Никки. А она очень хочет пойти с ними, но, обессиленная, не может ни встать, ни крикнуть им. Они уходят, за ними закрывается дверь, и Никки отчётливо понимает, что остается одна, и это навсегда... В общем, это был самый нелюбимый Никкин кошмар.

Сегодня ей приснилось, что она загорает на пляже возле какого-то

озера. Солнце припекало, и в горле пересохло, но она почему-то не могла встать и напиться...

Этот кошмар приснился Никки впервые. Она понимала это частью сознания и даже ждала с некоторым отстраненным любопытством – ну, что будет дальше? А дальше солнце светило сильнее и сильнее, всё вокруг вспыхнуло и загорелось, на Никки задымилась и сильно заболела кожа, особенно на руках и голове...

На этом месте сна Никки и проснулась, но это не принесло обычного освобождения от кошмара, наоборот, она почувствовала, что у неё действительно всё болит, как от сильных ожогов. Она недоуменно обвела глазами незнакомую обстановку. «Почему я не в своей колледжской комнате? Колледж... Шрёдингер... поехала туда одна, идиотка... а может, наоборот, хорошо, что одна...»

Тут она всё вспомнила – убийца в зеркальном скафандре, пылающая пещера, потеря контроля над своим телом и скольжение по спирали во тьму... Это воспоминание навалилось такой тяжестью, что она чуть снова не потеряла сознание.

Никки еле справилась с этим странным приступом и вдруг осознала, что возле неё нет рюкзака, привычного как часть тела. Что с Робби? Как так может быть, что его нет рядом? Как же она дышит без него?

Она попыталась крикнуть кого-нибудь, но вместо крика из пересохшего горла вырвался лишь тихий сип. То ли этого слабого шипения хватило, то ли медицинский чип заметил, что пациентка очнулась, – в палату спешно вошла главный врач Колледжа, доктор Берринджер. Она облегчённо улыбнулась девочке.

– Отлично, Никки, ты наконец проснулась!

Доктор через трубочку напоила её прохладным кисловатым напитком. Боль сразу утихла.

– Что со мной? Сколько я... спала? – наконец смогла спросить Никки более внятно.

– Тебя нашли в боковом ответвлении тоннеля с сильными ожогами... Охрана, вовремя поднятая на ноги твоим другом Джерри, сразу заметила свечение из бокового заброшенного хода... Ты два дня не приходила в сознание. Но сейчас всё будет хорошо, отдыхай.

– Что с Робби? – спросила тихо Никки, боясь услышать ответ. – С моим компьютером?

– Я не совсем в курсе, – уклончиво сказала доктор Берринджер. – Поговори об этом с твоим другом Джерри. Он, кстати, можно сказать, спас тебя ещё раз – уже здесь, в больнице. Никто не понимал, что с тобой, а он

прорвался в последний момент в реанимацию и здорово нам помог.

– Можете его позвать?

Доктор Берринджер почему-то замялась, но потом улыбнулась.

– Хорошо, я ему позвоню.

Она что-то настроила в капельнице и ушла, а Никки, утомлённая даже коротким разговором, сразу заснула. Следующее её пробуждение было гораздо легче, даже ожоги болели меньше. Через минуту в комнате появилась доктор Берринджер.

– Никки, как ты себя чувствуешь?

– Заметно лучше, спасибо.

– Джерри уже давно ждет, пока ты проснёшься, но... – замялась доктор, – ты уверена, что готова к приёму посетителей?

– Конечно, – слегка удивилась Никки.

– Ты понимаешь... – с непонятым затруднением сказала доктор Берринджер, – у тебя сгорели волосы, остатки их пришлось удалить... много лицевых ожогов, это всё пройдет... мы надеемся... но сейчас ты... в общем, не в самой лучшей форме для свидания с молодым человеком.

– Можно мне посмотреть в зеркало? – спросила после длинной паузы Никки, наконец вспомнившая, что случилось, во всех подробностях.

Доктор Берринджер тяжело вздохнула, но возражать не посмела – принесла зеркало и поднесла его к лицу Никки.

Из зеркала на Никки глянула незнакомая лысая голова с безбровым опухшим лицом варёного цвета и богатым набором ожогов, синяков и порезов. Никки закрыла глаза, чтобы не видеть это кошмарное зрелище, и горько спросила себя: «Ну что, чудовище, тебя когда-то волновал цвет твоих волос?»

– Дайте мне, пожалуйста, что-нибудь надеть на эту лысину, – тяжело вздохнула Никки, – и пусть Джерри заходит.

Джерри зашёл и, к своему облегчению, увидел знакомые синие глаза Никки, внимательно смотрящие на него с кровати. Белая материя закрывала голову Никки до бровей, а на лице виднелись многочисленные красные ожоги.

– Привет, Никки! Как ты напугала меня, жуткая девица! – бодро сказал он.

– Привет, Джерри... извини, – сказала тихо Никки.

– Извиняю, но в последний раз. – Он сел на табурет. – Больше ты одна никуда без меня не поедешь.

– Ну, и как ты меня находишь? – спросила Никки.

Юноша осторожно посмотрел на её новое лицо.

– Ты выглядишь очень хорошо, – искренне сказал Джерри. – Я никак не ожидал найти тебя в такой приличной форме.

– Джерри, ты страшный лгун, – тоскливо скривилась Никки, – я видела себя в зеркале...

– Никки, ты глупая девчонка, – он ласково улыбнулся ей, – и скажи большое спасибо, что не видела себя пару дней назад... Сейчас у тебя практически нормальное лицо с такими ожогами, которые пройдут без пластики. Ты в хорошем медцентре и будешь через две недели как новенькая. Волосы сгорели – жалко, конечно, но... они тоже скоро отрастут.

Никки всмотрелась в своего друга пристальнее и увидела, что за эти дни Джерри сильно изменился – похудел и посуровел. И у него стали взрослые глаза.

– Что с Робби? – спросила она.

– Твой Робби сейчас здесь, – Джерри указал на Никкины ручные часы, которые он ей подарил на Рождество, – и ты можешь поговорить с ним через мой т-фон, пока я не сделаю для него аудиосистему. А старый его корпус... сгорел.

– Никки, привет! – раздался голос Робби из т-фона юноши. – Ну, и здорова ты спать, я чуть не заржавел со скуки.

– Видишь, – улыбнулся Джерри, – он остался таким же ехидным кремниевым сухарем, каким и был.

– Здравствуй, Робби! – тихо сказала Никки, и глаза её подозрительно заблестели. – Значит, ты все-таки успел, старый абак? Ты сумел спасти и меня... и себя... Как же ты выскочил... оттуда?

– Эти часы были нашим с Робби сюрпризом, – сказал Джерри. – Никки, мы тебе всё расскажем в деталях, но попозже. Меня пустили сюда на пять минут – тебе надо отдыхать.

– Хорошо, – закрыла глаза Никки, действительно уже уставшая. – Да, ещё... в пещере... был человек... в зеркальном скафандре...

Голос её слабел.

– Его нашли мёртвым недалеко от тебя, – сказал, вставая с больничной табуретки, Джерри, – и не думай больше об этом.

А Никки и не думала – она уже снова спала. Юноша тихонько подошёл к кровати и осторожно поцеловал спящую девушку в необожжённый висок, не обращая внимания на глазок следящей камеры.

В следующий раз Никки проснулась с сильным чувством голода. Доктор Берринджер принесла ей вкусного бульона и осторожно подняла

спинку кровати.

– Офицер Горбин хотел поговорить с тобой, он ждет в приёмной.

Полицейский зашёл и поздоровался.

– Как вы себя чувствуете, мисс Гринвич? – присел он на табурет возле кровати. – Можем мы немного побеседовать?

Никки молча кивнула.

– Расскажите – что произошло в пещере? – спросил полицейский и пододвинул служебный т-фон.

– Я поехала в Шрёдингер, – тихо заговорила Никки, – но тележка неожиданно свернула в боковой ход...

Никки рассказала обо всех дальнейших пещерных событиях.

– Я спряталась за тележкой, но человек в зеркальном скафандре уже успел здорово обжечь меня. Он держал лазер на широком луче и полной мощности. Всё вокруг стало плавиться, и нам с Робби оставалось жить несколько секунд. Тут Робби включил зеркальный режим своего экрана, и я подняла его над тележкой, пробуя ослепить этого человека. Ну, знаете... как зеркалом пускают солнечные зайчики. Что было дальше, я не знаю... Робби расплавился, и я потеряла сознание... – На Никки снова навалилась тошнота от этого воспоминания. – Вы знаете, что я двигаюсь только с помощью этого компьютера?

– Знаю, – кивнул офицер Горбин. – Итак, вы не видели лица этого человека, и он вам неизвестен?

– Да, – подтвердила Никки. – Вы поймали его, или он убежал?

– Мы обнаружили его мёртвым, – ответил офицер. – Судя по всему, зайчик, который вы пустили ему в лицо, не защищённое щитком, ослепил его очень сильно. Даже небольшой процент отражённого излучения боевого лазера мгновенно сжигает сетчатку глаз. А он недооценил вас и не закрыл шлем. Видимо, от ожога глаз и лица он получил такой болевой шок, что потерял сознание и упал, не выпуская из рук пистолет и даже прижав его животом к грунту... Лазер, направленный в землю, работал ещё минут двадцать, пока не иссякла батарея. Когда прибыли спасатели, напавший на вас лежал в луже магмы... лицом вниз... Там был огненный ад, вы уцелели на небольшом сухом пятачке... Хорошо, что пол пещеры немного поднимался к выходу, но лава уже подбиралась к вам. Вас успели вытащить с помощью робота, а тело человека в скафандре пришлось на следующий день вырезать из скалы...

Никки выслушала это сообщение молча.

– Зеркальный человек расстрелял мирный и беззащитный «Стрейнджер», – медленно произнесла она, – убил моих родителей и

сделал меня инвалидом, подключённым к компьютеру. Он был очень жесток; даже здесь он хотел убить меня помедленнее и не закрывал щиток, потому что любил запах барбекю... Я не буду сожалеть о смерти этого человека.

– Спасибо, мисс Гринвич, – встал офицер Горбин, – для меня всё ясно с этим эпизодом. Теперь этот случай – часть расследования, начатого в Лунном госпитале после первого покушения на вас. И увы, это дело ещё далеко от завершения...

– Как убийца попал в тоннель? – спросила Никки. – Ведь там действует жёсткая пропускная система со стороны Шрёдингера.

– Он устроился на работу в Шрёдингер ещё в июле – как ремонтник коммуникаций... под вымышленным именем и очень профессиональной легендой, сумевшей обмануть все компьютерные системы. Может, мы бы нашли подделку в его истории при более тщательном анализе, но охрана Колледжа и моя полицейская группа обращали особое внимание только на тех, кто попал в Шрёдингер после вашего поступления в Колледж. Он же поступил на работу ещё до экзамена – на всякий случай. С тех пор он терпеливо ждал подходящего момента и как-то узнал, что вы поедете в Шрёдингер... – Офицер Горбин виновато пожал плечами. – Мы всё время опаздываем, они нас переигрывают... Опять мы не смогли вас защитить, мисс Гринвич. Снова приношу свои извинения...

За полицейским закрылась дверь, а Никки долго смотрела в окно палаты на верхушку огромного зелёного кипариса возле Главной башни и испытывала странное чувство облегчения оттого, что человека, убившего её родителей, больше нет в живых и что к этому приложила свои обожжённые руки она сама...

Через несколько дней Никки почувствовала себя достаточно хорошо и уже сидела в кресле, когда Джерри пришёл в очередной раз её навестить. Он принес букет жёлтых роз – сумел добыть её любимые «Тулуз-Лотрек»! Никки с наслаждением зарылась лицом в пахучие розы, а Джерри рассказал историю часов, подаренных ей на Рождество.

– Связываясь с компанией «Лунотел», я рассчитывал, что Роббин богатый опыт лечения своих повреждений поможет исправить дефекты и процессоров «Лунотел». Опытный больной иногда лучше врача. «Лунотел» согласился с этой идеей, и мы заключили контракт. Они дали мне для тестов два неработающих процессора – каждый со своим набором проблем. За первые месяцы мы с Робби получили неплохие результаты.

Но в ноябре мне позвонил расстроенный менеджер из «Лунотела» и

сказал, что их купила крупная компания, выпускающая обычные дорогие процессоры. Новых хозяев не интересовала проблема дефектов дешёвых процессоров, и, как я понял из разговора, они купили «Лунотел», чтобы избавиться от конкурента, который обещаниями недорогой продукции дестабилизировал их рынок. Менеджер заявил, что он не сможет продолжить наш контракт и даже не сможет оплатить уже сделанную часть.

– Значит, денег заработать не удалось... – печально отметила Никки.

– Увы. Менеджер откровенно сказал, что я могу обратиться в суд с требованием платы с новых владельцев, но шансов у меня почти нет... Этому человеку велели уладить проблемы «Лунотела», не платя денег кредиторам, и тогда он перейдет на аналогичную должность к новым хозяевам. Я спросил, могу ли оставить себе два пробных процессора в качестве компенсации за потраченное время и за отказ от всяких претензий к «Лунотелу». Он даже обрадовался – мол, эти процессоры всё равно же не работали. Так я остался без денег, но с двумя бракованными чипами А9, каждый из которых в рабочем состоянии стоил огромных денег. Мы потратили с Робби ещё месяц и добились эту проблему дефектов – оба процессора вышли на запланированную вычислительную мощность.

– Какие вы молодцы! – восхитилась Никки.

– После чего у нас возникла идея перезаписать память и архитектуру Робби на один из чипов, чтобы, с одной стороны, обезопасить самого Робби от случайностей, а с другой – понять, насколько уровень его интеллекта переносим на другие процессоры класса А9. Я изготовил две пары часов, где к процессору присоединил блоки памяти – как элементы браслета – и вайрлессный коммуникатор. Одни часы – у тебя, другие – вот они, – и Джерри поднял левую руку с такими же часами.

Там больше ничего не вместились – даже динамик для голосового общения. Ты не думай, что мы решили скопировать Робби без твоего разрешения – на такое мы бы не пошли. В моих часах сейчас обычный софт-секретарь, а с процессором в твоих часах Робби возился долго – копировал память, переносил и тестировал основные элементы своей структуры, с тем чтобы его двойника можно было устанавливать достаточно быстро, если бы ты согласилась. Это мы рассматривали с ним как сюрприз... Если у тебя были бы возражения, то это осталось бы как бэкап Роббиной памяти. Что произошло дальше, тебе расскажет сам Робби.

Никки посмотрела на т-фон Джерри, хотя Робби физически находился у неё на руке.

– Ну, теперь ты рассказывай, темнила, любитель сюрпризов, – ласково сказала она.

– Когда к нам притопал этот зеркальный болван, мне стало понятно, что предстоит далеко не дружеская беседа. Я, конечно, продолжал попытки связаться с охраной, делать ещё кучу дел и одновременно – кстати, вы, рыхлые биосистемы, даже не представляете, сколько я могу делать вещей параллельно и очень быстро, – я начал, на всякий случай, устанавливать своего двойника в часах. Извини, Никки, без согласования с тобой, ты была здорово занята – там, в пещере... К времени той злополучной поездки в Шрёдингер уже практически вся подготовительная работа была закончена, мне оставалось перенести процентов двадцать памяти. Этого я не успевал, но так как эти файлы представляли копии общедоступных инфобанков, то их можно было позже восстановить, и я скопировал только заголовки. Пока ты прыгала кузнечиком вокруг тележки, я завершил установку и инициализировал на новом процессоре свои функции по поддержанию контроля твоего тела. И это сработало: когда старый корпус расплавился, я уже сидел в часах и поддерживал твоё дыхание через горелый шейный коммуникатор.

Это всё, что я мог тогда сделать. Если бы Джерри не отправил бездельников из охраны на поиски, нас бы затопило магмой или окончательно бы отказал еле живой порт... А в реанимационной палате Джерри вёл себя как ураган: всех медиков растолкал и вытащил меня из металлического ящика, в котором я окончательно потерял связь с тобой и стал уже совершенно беспомощным...

– Вот оно что, – сказала грустно Никки. – Робби всё-таки погиб, оставив после себя двойника...

– Не будь душой, Никки, – грубовато-ласково проворчал голос из Джерриного т-фона. – У нас, компьютеров, всё не так, как у вас, биослизняков... Я – тот самый Робби, который вытирал твои сопли, кормил тебя кашкой и ездил на твоей спине десять лет. Помнишь, как мы целую неделю куковали на складе из-за длинного солнечного шторма? Ты была совсем кроха, и я уже охрип, рассказывая сказки и показывая мультики, которых у меня оказалось не так уж и много. Так вот, открою тебе свою самую страшную тайну: когда мои запасы мультиков закончились, я принялся сам изготавливать их – по образцу и подобию имевшихся. Может, сценарии этих мультиков были и не голливудского качества, но тебе нравилось...

– Да, нравилось... Спасибо тебе, Робби, – шепнула Никки сдавленным голосом, – и тебе, Джерри, – вы оба мои спасители...

– Ладно тебе, Никки, – весело сказал Джерри, – что было, то прошло, а сейчас у нас есть робот-официант – он всё принесет, что надо, – повторил

он её старую шутку не очень к месту, но всё равно на обожжённом лице Никки появилась слабая улыбка. Что и требовалось.

Только через месяц Никки выписали из медотсека – она пролежала новогодние праздники без сознания, а все каникулы потратила на выздоровление. Лицо Никки приняло практически прежний вид, но посуровело и повзрослело. Её голову покрывали не хрустальные волны волос, а короткий полупрозрачный ёжик, сквозь который просвечивали шрамы от ожогов. Правую руку от запястья до локтя закрывала кожевостанавливающая повязка.

Появление Никки в круглой гостиной Леопардов вызвало восторженные вопли товарищей по ордену. Все обступили Никки, тормоша и расспрашивая. Смит встревоженно справился о здоровье, мрачно рассматривая медицинский чехол на руке и заметные следы ожогов.

– Гораздо лучше, чем у того, кто пытался поджарить меня, – хорохорясь, отшутилась Никки. – Его два дня вырезали из скалы. Надеюсь, не надо объяснять, чем я была вооружена?

– Мы знаем, – хором ответили её друзья. – Это были твои мозги!

– Правильно! – И Никки с гордым видом проследовала в лифт, сопровождаемая Джерри. Но на душе её было совсем не так весело и легко, как она пыталась представить братьям-Леопардам. Она лучше всех понимала, насколько была близка к смерти и какой ценой верный Робби её спас. Отсутствие привычного рюкзака за спиной сильно нервировало Никки – она чувствовала себя голой. И ещё она осознавала, что рано или поздно очередная попытка таинственных убийц может увенчаться успехом.

Она вошла в свою комнату, где не была больше месяца, и устало опустилась в кресло.

– Хочешь кофе? – спросил Джерри.

Она кивнула, и, пока он возился с кофеваром, Никки угрюмо смотрела на озеро и вершины зелёного леса. Даже любимый пейзаж не обрадовал её. Джерри поставил на столик поднос с кофе, печеньем и шоколадом и сел на соседнее кресло. Никки непривычно мрачно взглянула на друга – она заметно растеряла в последних передрыгах свою беззаботную щенячью весёлость.

– Адвокат Дименс сказал, что журналисты его одолели. – Она отхлебнула кофе и задумалась. – Думаю, надо передать ему сообщение для прессы, в котором упомянуть, что мой компьютер, сопровождавший меня в течение одиннадцати лет, полностью уничтожен в ходе этого нападения.

Если ты прав и *они* охотились за Робби, то это может их успокоить. Я,

кстати, согласна с твоей гипотезой – во всех трёх покушениях использовалось оружие, которое способно с гарантией погубить Робби, – электромагнитная пушка, плазменный резак, мощный лазер... Для меня одной хватило бы чего-нибудь попроще – ножа, пневмопистолета. Кроме того, это объясняет, почему никто не требовал вернуть Робби назад – его нужно было уничтожить вместе со всей информацией, а не возвращать в лаборатории, где его память подверглась бы детальному анализу. Они очень влиятельны, если могут проворачивать такие вещи...

Никки замолчала и погрузилась в невесёлые размышления. Тогда Джерри вытащил из внутреннего кармана длинную коробочку.

– Что тут? – равнодушно спросила Никки, с лица которой не сходило озабоченное выражение.

– Посмотри, – улыбаясь, сказал Джерри. – Это подарок... ну... к твоему выздоровлению... или к пропущенному Новому году. Праздник, впрочем, получился очень грустный...

– У меня тоже... – мрачно пробормотала Никки. – А в Шрёдингере я собиралась купить тебе что-нибудь на день рождения... и ещё куче народу задолжала новогодние подарки...

– Лучший для меня подарок – это то, что ты сумела уцелеть – там, в тоннеле. – Джерри был совершенно серьезен. – Спасибо тебе за это. Мне бы здорово не хватало тебя за завтраком...

Никки улыбнулась его не очень весёлой шутке и достала из коробочки красивое короткое ожерелье в стиле «вельвет-банд шокер» – чёрную плотную ленточку с крупным лунным опалом впереди и серебряной квадратной застежкой сзади. На ленточке поблескивали бисер или мелкие кристаллы. Голубой полупрозрачный опал удивительно подходил к синим глазам Никки и её прозрачным волосам.

– Ух ты, – удивилась она, – здорово!

Она с любопытством посмотрела на Джерри.

– Не знала, что ты умеешь выбирать такие красивые вещи, я и сама не умею... Спасибо!

– Это не простое ожерелье, – усмехнулся Джерри. – Это твои дополнительные чувства – с шестого по четырнадцатое примерно.

Никки заинтригованно рассматривала подарок.

– Здесь коммуникатор с динамиком для связи с Робби, – сказал Джерри, – и несколько сенсоров: трёхмерный инфракрасный лидар с микронной волной, сканирующий окружающее в радиусе ста метров с точностью до миллиметра, а в радиусе десяти метров – до десятых миллиметра... ультразвуковой сонар кругового обзора, но низкого

разрешения – угловая точность не больше десяти градусов, зато радиальная чувствительность неплохая, и он сможет работать в дыму или мутной воде, где спасует лидар... потом тепловая камера с хорошей матрицей – заметит даже птичку в джунглях...

Есть гамма-индикатор и универсальный радиоактивный датчик... также рентгеновский сканер, но чувствительность таких маленьких сканеров невелика – он работает качественно только на одном-двух метрах... Мини-радар с перенастраиваемой частотой – он дает гораздо хуже пространственную точность, чем лидар, зато видит сквозь камень метров на двадцать и хорошо ловит на резонанс замаскированные микросхемы типа подслушивающих жучков...

Никки слушала очень заинтересованно.

– И как я буду воспринимать информацию от всех этих замечательных чувств? – спросила она.

– Как захочешь, – сказал Джерри. – Например, огромное количество не очень занятых нервных окончаний мы имеем в коже. Ты можешь вывести показания датчика радиоактивности на твои нервы, которые принимают сигналы от кожи, например, пяток. И когда ты попадёшь в зону повышенной радиоактивности, то пятки у тебя начнут чесаться с интенсивностью, пропорциональной степени радиоактивности... Можно выводить не сырые данные, а уже обработанные – только о потенциально опасных ситуациях: например, лазерный сканер может сообщать тебе информацию о приближающихся крупных объектах. Ты сможешь чувствовать приближение врага кожей спины! Лидар, который стреляет вокруг невидимыми лазерными лучами с частотой десять миллионов выстрелов в секунду и измеряет расстояние до каждой точки, куда попал луч, может дать тебе отличное «чувство трёхмерности» в любой темноте.

– Вот это да! – поразилась Никки, вспомнив свой спотыкающийся бег в тёмной пещере.

– Сам я не могу представить, как это можно воспринимать, потому что у меня никогда не было трёхмерного чувства. Подобную лидарную систему активно используют безнадёжно слепые люди, и, говорят, они так адаптируются к этому сенсору, что во многих ситуациях превосходят зрячих в умении ориентироваться... Надо привыкать к этим новым чувствам – они могут быть очень полезными в случае неприятностей, которых, как практика показывает, у тебя хоть отбавляй... Но самое главное, что в этом ожерелье есть и оружие: сонар может работать в режиме направленного ультразвукового удара и может оглушить человека, стоящего перед тобой, минут на десять, а лидар – оружие в двух режимах:

ослепления широким лазерным лучом или... прожигания узким лучом. Это вполне смертельная вещь. Я нарушил парочку законов, зато ты больше никогда не будешь безоружной. Но не стреляй зря, а то я сяду в тюрьму!

– Ты даже не представляешь, как мне не доставало такой штучки в пещере... – вздохнула Никки.

– Правда, боевой режим здорово подсадит батарею – после десятка хороших лазерных выстрелов её надо будет менять... В обычном режиме изотопной батарейки хватит на лет десять.

Кстати, голос Робби может идти прямо на кости шеи и головы, и ты будешь его слышать, а другие – нет. Ты можешь также отчётливо мысленно проговаривать слова, не произнося их вслух, – Робби поймёт тебя по сенсору колебаний гортани.

Про другие нанотехнологические штучки в ожерелье Робби тебе постепенно всё объяснит. И ещё – здесь есть свой процессор А6, который может обеспечить тебе контроль над телом даже без Робби – подстраховка на случай экранировки или повреждения часов. Процессор достаточно сообразителен, чтобы вывести тебя из опасной зоны, даже если ты потеряешь сознание.

– Можно надеть прямо сейчас? – спросила восхищённая Никки.

– Да, – кивнул Джерри, – ожерелье может подключаться прямо к твоему шейному коммуникатору.

Он помог ей застегнуть ленточку. Его сердце сжалось при виде острых позвонков, выступивших на похудевшей шее девушки.

Никки потрогала опал.

– Пока ничего не чувствую.

– Ты ещё не высказала свои пожелания, – улыбнулся Джерри.

– Могу тебе помочь, Никки, – раздался так хорошо знакомый ей голос Робби из динамика, спрятанного в ожерелье. – Я хорошо знаю, какие твои нервные окончания бездельничают. Честно говоря, они почти все валяют дурака.

– Здравствуй, Робби, старый абак! – Никки радостно улыбнулась голосу Робби и с признательностью посмотрела на Джерри. – Спасибо тебе, Джерри, я только сейчас поняла, как мне не хватало голоса этого старого точила. А твоё ожерелье буду осваивать... Ты придумал отличную штуку, молодец!

И Джерри, который вложил в эту штуку месяц труда без роздыха и остаток своего банковского счёта, расплылся в довольной улыбке.

Глава 13

Запретные пещеры

События в тоннеле не прошли для Никки бесследно. После нападения она сильно изменилась даже внешне – без рюкзака с Робби она стала выглядеть стройнее и выше. Короткий ёжик волос придал девушке более жёсткий облик. Но внутренние превращения оказались ещё значительнее: она посмотрела в лицо своей смерти и оказалась причиной гибели другого человека – пусть негодяя и убийцы, пусть в отчаянной попытке самозащиты и без желания убить – тем не менее это случилось.

Что-то сгорело в душе девушки – вместе с игрушечным псом-талисманом.

Каждую ночь Никки стал мучить один и тот же кошмар, в котором хохочущая зеркальная фигура поднимала оружие; всё кругом горело, тело отказывалось подчиняться, а мир съёживался в спираль смертельного скольжения в жаркую тьму.

Человек многое сохранил от своих далёких обезьяноподобных предков, и, когда двое людей, особенно мужчин, разговаривают между собой, они бессознательно, древним боевым инстинктом, оценивают один другого: «Кто есть кто?» Зондирование идет не только по речи и мимике, но и по таким трудноуловимым признакам, как скорость реакции, точность движений, жёсткость интонации и острый взгляд. В результате один из собеседников – даже незаметно для себя – делает вывод, глядя на бестолковую координацию другого: «Это рохля...» – и начинает относиться к нему слегка свысока.

Иногда можно встретить человека – вполне внешне интеллигентного, – в котором отчётливо чувствуется такой заряд опасной, дикой, хищной энергии, что его собеседник даже напрягает мышцы, невольно опасаясь внезапного нападения. Смешно – мы уже не в первобытном лесу! Странно даже думать, что культурнейший профессор космохимии или какой-нибудь биолингвистики, разговаривающий с коллегой в кулуарах симпозиума, вдруг бросится на него, оскалив клыки. Но древняя сигнальная система дает его собеседнику сигналы: «Он опасен! Опасен! Берегись! Берегись!» Сделает профессор какое-нибудь слишком резкое движение, а у коллеги рука взметывается в инстинктивном защитном жесте – даже самому потом неудобно. А что он мог поделаться? Древнее животное чутье, когда-то спасавшее жизни предков, всё ещё работает и может перехватить

управление у сравнительно юного разума.

После происшествия в пещере Никки стала излучать вокруг себя такое же чувство опасности. Как-то девушка шла по коридору на лекцию, а маркиз, стоявший с друзьями, язвительно пошутил по поводу её «новой причёски». Стремительным хищным движением Никки преодолела метры разделявшего их пространства и возникла прямо перед носом вельможи. Маркиз увидел вблизи свирепое лицо Никки так внезапно, что испугался тем самым древним испугом; шарахнулся, сбил кого-то с ног и сам упал.

Никки, ни слова не говоря, остро посмотрела сверху вниз на копошащегося на полу маркиза и отправилась дальше. Эта молниеносная имитация атаки была столь впечатляющая, что маркиз с друзьями долго не могли прийти в себя и стали заметно вежливее: как типичные питекантропы, они осознали, кто в стае самый опасный. В стаде животные редко дерутся – гораздо чаще там просто убедительно демонстрируют своё превосходство, и это эффективно расставляет всех волосатых соплеменников по ранжиру.

Новая Никки была немногословной и склонной к необычным поступкам. Утром в пятницу девушка неожиданно и твёрдо заявила, допивая кофе:

– Завтра я иду исследовать тоннель между Колледжем и Шрёдингером.
– Зачем? – удивилась Дзинтара.
– Не хочу ездить по нему и ёжиться при виде тёмных боковых ходов. Я должна знать, что там кроется и чего оттуда можно ждать. Я уже встречала в переулках тоннеля убийцу... может, сейчас там нет ничего опасного, но я хочу убедиться в этом.

Хао сказал:

– Ходят слухи, что из тоннеля есть выход в Запретные Пещеры, где обитают страшные мутанты.

– Страху лучше идти навстречу, – угрюмо ответила Никки.

– Запретные Пещеры – часть Колледжа, и на них распространяется его система безопасности. Поэтому никто из Шрёдингера не может проникнуть в Пещеры – разве что через тоннель, но там нужен пропуск, – уточнил Джерри.

– Завтра я иду исследовать подземный ход. – Новая Никки была упряма как сто чертей.

– Я с тобой, – спокойно сказал Джерри.

– Тоже пойду. – Хао медленно наклонил коротко стриженную голову.

– Я – нет, – покачала головой Дзинтара. – Такой случай подпадает под договор, который мы заключили с отцом.

Никки никак не отреагировала на высказывания друзей, только сказала, вставая из-за стола:

– Выходим завтра утром. Оденьтесь соответственно, возьмите фонари и вооружитесь, если есть чем.

В тот же день после ужина Никки подошла к Джигичу и сообщила ему о своём плане. Смит немедленно, даже с восторгом, согласился участвовать.

После очень раннего завтрака экспедиция собралась в начале тоннеля, ведущего в Шрёдингер. Появление Смита неприятно удивило Джерри. Он улучил момент и тихо спросил Никки:

– Зачем ты его пригласила?

– Он сильный и надёжный, – коротко ответила Никки. – Четыре – лучше, чем три. И у него есть оружие.

И Джерри смирился – Никки являлась командиром их маленькой экспедиции. Девушка надела чёрный плотный комбинезон с небольшим рюкзаком, а на пояс прикрепила ультразвуковую глушилку и дистанционный электрошокер – оба в виде небольших пистолетов.

Раньше – до появления зеркального человека – Никки и не думала о необходимости иметь оружие в хорошо охраняемом Колледже. Сейчас же она раздобыла всё вооружение, разрешённое для её возраста. Правда, против боевого лазера и скафандра высокой защиты такие детские штучки вряд ли помогли бы...

Джерри взял с собой лишь увесистую дубинку-фонарик, но руки его были в боевых перчатках. Сжатый кулак в такой перчатке становился грозным шипастым стальным шаром. За спиной у Хао торчали рукояти двух коротких восточных мечей. А вот на поясе у Смита висел автоматический сороказарядный пистолет с богатым набором различных обойм – совершеннолетние уже имели право носить огнестрельное оружие. Ребята с обычным юношеским восхищением крутили в руках этот блестящий инструмент смерти и власти, пока Никки не скомандовала выступление.

Они пошли по узкой дорожке вдоль стены тоннеля в направлении Шрёдингера.

– В тоннель ведут пять дверей и три боковых хода, – поясняла на ходу Никки. – Все пять дверей заканчиваются тупиковыми помещениями – склады, гаражи для тележек...

– Как ты узнала? – удивился Смит. – Ты что, заходила туда?

– Нет, у меня другие источники информации, – уклончиво ответила

Никки, а Джерри усмехнулся про себя – он-то знал, что набор сенсоров Никки позволяет ей спокойно видеть сквозь двери на многие метры.

– Я хочу обследовать все три ответвления тоннеля, они недалеко... – продолжала Никки.

Они вытянулись гуськом вдоль стены, надеясь, что никому не взбредет голову поехать в Шрёдингер с утра пораньше – ведь школьникам запрещено ходить в Запретные Пещеры – на то они и запретные... Поэтому никто не включал фонарей в полутёмном тоннеле. Через десять минут они дотопали до хода, плавно ответвляющегося направо от основного тоннеля. Дойдя до него, Никки остановилась, несколько раз глубоко вздохнула, будто набирая воздух перед нырянием в воду, и тихо пробормотала:

– Именно сюда увезла меня тележка... – и шагнула вперёд, включив яркий фонарь.

Её друзья переглянулись и двинулись за Никки, зажигая на ходу разнообразные светильники: Джерри – дубинку, Хао – несколько лампочек на головном шлеме, а Смит – фонарь на поясе.

Ход оказался широким – почти как основной тоннель. Никаких дверей, люков или дополнительных ответвлений в нём не было. Через полтора метра тоннеля, включающего крутой склон, где удержаться на ногах было очень трудно, их экспедиция дошла до тупика.

Он был страшен – закопчённые стены в потеках камня, пол, покрытый расплавленным и застывшим шлаком, жалкие остатки растаявшей тележки. Никки осветила место, где стоял убийца в зеркальном скафандре и где сейчас была только продолговатая яма в каменном шлаке, потом перевела фонарь под ноги – на крошечное пространство, где несколько недель назад лежала она сама, сжавшись в комочек. И вдруг Никки с ужасом увидела, как её ноги погружаются в пол, превратившийся в странно знакомую чёрную жидкость, леденящую и ужасающую. Девушка хотела крикнуть, позвать друзей на помощь, но ничего не получалось; она быстро проваливалась в камень, а волна чёрной немоты поднималась по телу и вот – затопила лицо.

Рот замёрз, а глаза разбились стеклом о камень.

В череп ворвался уже знакомый мрак и захлестнул остатки сознания.

Последней была мысль: «Откуда я его знаю?»

Ребята увидели, как Никки постояла несколько секунд молча, светя под ноги фонариком, и вдруг медленно осела на пол тесным комочком.

Первый очнулся Смит и заорал:

– Никки! – и бросился к ней. За ним упал на колени перепуганный

Джерри. Глаза Никки были закрыты, а синевато-бледное лицо покрыто крупными каплями пота. – Чёрт! – Смит выхватил откуда-то аптечку – он, оказывается, и её предусмотрительно захватил – и быстро надел манжет на руку Никки.

Аптечка зажужжала, замигала – и вскоре Никки порозовела, открыла глаза и посмотрела на друзей, в тревоге склонившихся над ней. Внезапно она поднялась на ноги и сказала тихим мёртвым голосом:

– Здесь ничего интересного, пошли назад... – и устремила к выходу.

Ребята двинулись за ней, храня подавленное молчание. Лишь Джерри задержался на мгновение и поднял с пола пещеры странный почерневший скелетик – видимо, сгоревшей здесь души.

Никки никак не обсуждала происшедшее и сразу направилась по тоннелю дальше. Второй, очень короткий, ход содержал несколько дверей и не вызвал у Никки интереса. Третье ответвление оказалось самым длинным, и в нём нашлись две двери, возле которых Никки простояла довольно долго; потом решительно указала на массивную стальную плиту в конце прохода:

– Нам сюда.

– И как же мы туда попадём? – поинтересовался Смит. – Тут нужен плазменный резак, не меньше.

Никки, ни слова не говоря, вытащила из рюкзака длинный крючок и стала ковыряться им в замке. Через минуту замок приветливо крякнул и открылся. Все пришли в восторг, даже Джерри. Он один понимал, что Никки может «видеть» внутренность замка, но даже при таких условиях открыть замок отмычкой совсем непросто – надо хорошо понимать его устройство.

Ржавая массивная дверь отворилась с громким скрипом, и все вошли в довольно высокий тёмный ход. Никки закрыла металлическую створку, и они медленно двинулись вперёд – в знаменитые Запретные Пещеры.

Подземные пещеры были устроены под Школой Эйнштейна роботами-диггерами много лет назад. Тогда не могли делать современных куполов на поверхности и обеспечивать им надёжную метеоритную защиту. Поэтому в моде были подземные сады – в виде многоярусных пещер. Робот-диггер, похожий на круглого короткого червяка диаметром три или четыре метра, прогрызал-проплавлял в лунном грунте бесконечный ход такого же размера с прочными стекловидными стенками.

Этот же робот проводил по потолку свежей пещеры широкую полосу краски, дающую свет и тепло в течение многих десятков лет за счёт достаточно безопасной для людей альфа-радиоактивности искусственных

изотопов лёгких элементов. Подмешанные в краску нестабильные атомы, испустив альфа-лучи или ядра гелия, трансмутировались в безобидные нерадиоактивные элементы, а сами альфа-частицы, пробежав в воздухе лишь несколько сантиметров, полностью расходовали свою энергию и превращались в небольшую примесь гелия в пещерной атмосфере.

При выплавлении пещер диггер выделял связанные в минералах кислород и водород и синтезировал воду, собирающуюся в небольшие водоёмы и ручейки. Если робот начинал кружиться на месте, то он мог вырезать зал любой конфигурации. Пол пещеры диггер засыпал мелкораздробленным реголитом-почвой и засаживал семенами и саженцами. Поэтому уже через несколько месяцев после прокладки подземные пещеры – влажные, хорошо согретые и освещённые – густо зарастали зеленью, где могло жить и разное зверьё. Смотрителя пещер называли, естественно, «хагрид».

Ряд залов отводили под лабораторные работы и генетические эксперименты. Пещеры служили Колледжу несколько десятков лет. Потом вошли в обиход светлые и более привлекательные наземные парки под прочным куполом, и содержать многоярусные пещеры стало незачем. Пока велись дискуссии: что делать с подземными садами и их обитателями? – пещеры и их население одичали, а зелень разрослась во многих ходах в непреодолимые джунгли.

Чтобы предотвратить проникновение животных в Колледж, пещеры временно перекрыли массивными дверьми и запретили школьникам к ним приближаться. Стоимость всех проектов по уничтожению или перепланировке пещер оказалась такой высокой, что постепенно временная изоляция подземных ярусов Колледжа перешла в постоянную, а пещеры получили название Запретных.

Четверка отважных первооткрывателей подземного космоса шагала вперёд, бегая фонарями и глазами по стенам, но ничего особенного ребята там не находили. Один раз попала под ноги старая, насквозь ржавая тележка. Два раза встречались боковые двери, но Никки они не заинтересовали.

Метров через двести всё время понижающийся ход упёрся в ещё одну массивную дверь, с которой Никки провозилась минут пять. Наконец стальная плита дюймовой толщины медленно, слегка поскрипывая, отворилась, и в щель хлынул яркий свет. Ребята сразу насторожились и приготовили оружие.

Смит шагнул к двери, решительно отстранив Никки. Она не возражала

и вообще выглядела какой-то невесёлой и неживой.

Юноша заглянул в дверной проём и осторожно осмотрелся. Потом обернулся и приглашающе махнул рукой. Стараясь не шуметь и щурясь от ослепляющего света, все протиснулись в проём между железной дверью и пещерной стеной.

Они очутились на узком каменном балконе, откуда открывался впечатляющий вид на обширный, хорошо освещённый низкий зал, залитый водой. Это было подземное тёплое болото, густо заросшее по краям камышами. По всему залу высились толстенные колонны, подпирающие свод, точнее, даже не колонны, а неровные столбы породы, оставленные диггерами и заросшие ползучими фиолетовыми лианами. С потолка светили и грели широкие полосы изотопной краски.

Часть свода с краской обрушилась, и яркие горячие пятна дрожали в мутной водной глубине, сквозь переплетение мясистых водорослей. Этот подводный свет всё время мигал, будто загораживался какими-то юркими телами. Со всех сторон слышалось шумное хлюпанье, попискивания, шелест и резкие взвизги. К ребятам сразу подлетела туча болотных москитов, и все принялись хлопать себя по лицу и шее.

Смит подал знак: «Тихо!» – и указал на узкую и очень крутую каменную лестницу, которая спускалась с балкона к зазеленелой воде и продолжалась редкой цепью плоских камней через всё болото – до противоположной стены метрах в ста. Там виднелись такие же крутые ступеньки, снова балкон и ещё одна дверь. По камням, видимо, шли когда-то мостки, давно кем-то снятые или попросту съеденные. Других вариантов дальнейшего продвижения не было. Смит посмотрел на Никки и спросил шёпотом:

– Идём дальше?

Она кивнула. Тогда юноша тихо сказал:

– Бежим по камням изо всех сил, но в воду не падать! Держаться кучно, никто не отрывается – ни вперёд, ни назад. Оружие приготовить. Я первый, Никки за мной, потом Джерри. Хао замыкающий – его мечи посерьёзнее дубинки. Согласны?

Бодрость кивков только подтверждала степень внутреннего напряжения. Смит махнул рукой, и путешественники дружно ссыпались по лестнице и запрыгали по камням. Как ни старались они бежать бесшумно, гулкий топот раздался под сводами подземного болота. В ответ по огромному залу разнеслось странное скрежетание и радостный клёкот.

Смит ловко скакал по камням впереди и успевал оглядываться по сторонам. Джерри сосредоточился на том, чтобы не сверзиться с камня при

очередном прыжке. Смит что-то крикнул и указал рукой в сторону. Джерри посмотрел и чуть не рухнул в тёмную пузыристую воду.

Пристенные заросли камыша закачались, как от сильного ветра, и оттуда к ребятам устремилось множество бурунов. Точь-в-точь массовая торпедная атака в голливудском морском боевике. Джерри сразу почувствовал себя неповоротливым транспортником с тонкими бортами. Он стиснул зубы, крепче сжал дубинку и больше не смотрел по сторонам, стараясь не отстать от Никки, которая прыгала уже через два камня сразу, быстро пролетая над вонючей зеленеющей водой.

Через несколько секунд приближающиеся торпедные буруны стали видны Джерри даже без поворота головы. Они со всех сторон сжимались кольцом к источнику шума.

Слава Волопасу, безмозглые твари не вводили поправку на упреждение. Они стремились строго на источник шума, но тот изо всех сил уносил ноги, и живым торпедам приходилось всё время корректировать траекторию и поворачивать вслед ускользящей еде. В конце концов за бегущими ребятами образовался обширный пенный хвост погони, а они мчались в голове этого шлейфа – всё ближе и ближе к лестнице.

И тут навстречу к ним устремились подводные торпеды от стены, к которой они бежали. Смит вскинул пистолет и принялся стрелять вперёд совсем негромкими очередями. Джерри в панике подумал: «В кого он стреляет?! Всё равно их не видно и слишком много!» Но стрельба помогла – встречные торпеды резко сбавили ход и закачались на мелкой волне. Смит взлетел по лестнице на балкон, обернулся и стал стрелять куда-то Джерри за спину.

Но Джерри мог беспокоиться только о том, чтобы не упасть в воду. Никки легко взбежала на лестничку и присоединилась к Смику с двумя пистолетами в руках.

Джерри последним гигантским прыжком преодолел сразу три камня и приземлился на лестнице, сильно стукнув колени. Шипя от боли и не останавливаясь, он взбежал выше, давая Хао место. Тот прыгнул на лестницу сразу за ним и гораздо более ловко.

Все выскочили на балкон, и Смит с Никки прекратили стрельбу. Джерри стоял, наклонившись и упираясь руками в колени. Он тяжело дышал, и во рту у него стоял отвратительный металлический привкус. Юноша с ужасом смотрел на путь, по которому они только что пробежали.

– Хвост Скорпиона! – воскликнул Смит. – Назад нам уже не пройти!

Вдоль всей цепи плоских камней кипела яростная схватка – там жрали друг друга, верещали и бились в предсмертных судорогах, сбивая зелёную

воду в грязноватую пену. На камни повылезали чудовищные лягушки больше фута размером и с острыми зубами акулы. Они то и дело пускали их в ход друг против друга, и видно было, что такой лягушке откусить ступню человеку ничего не стоит.

Иногда из воды высывалось длинное умопомрачительное рыло и всасывало в себя жутких лягушек целиком за один приём. Но самыми страшными оказались стремительные не то рыбы, не то змеи, которые с невероятной скоростью метались в мутной воде, глотая всё, что попадало в их бритвенные зубы. Они даже выпрыгивали в воздух и стрелой пролетали над камнями, на ходу успевая схватить всё некаменное, имеющее неосторожность там сидеть.

Часть круглых плит оплелась пренеприятнейшими бугорчатыми верёвками. А в середине зала вместо плоских камней виднелись студнеобразные горбы – как будто медузы вылезли позагорать. Между полупрозрачными короткими щупальцами, торчащими из комков студня, проскакивали яркие искры. Они отгоняли мелких, но агрессивных двухголовых птичек, которые пытались достать медуз длинными клювами. На ближайшем же к ребятам камне неподвижно сидел симпатичный пушистый зверёк, похожий на бобра. Он внимательно смотрел на ребят умными блестящими глазами, а вокруг него царило безмятежное спокойствие – никто из здоровенных зубастых обитателей болота не смел приближаться к странному зверьку.

– Простите меня, ребята! – потрясённо сказала Никки. – Я никак не думала, что втравливаю вас в столь опасное предприятие.

Она недоумённо озиралась по сторонам, словно не понимая, как они сюда попали.

– Ерунда! – Глаза Смита довольно блеснули. – Будет что показать друзьям! – И он кивнул на т-фон, который висел у него на груди и беспрерывно фиксировал их подвиги.

«Леопарды...» – подумал с досадой мирный Джерри.

– Я их угостил в конце снотворными пулями! Им понравилось! – Смит махнул рукой на тихо качающиеся в воде возле лестницы тёмные спины и белеющие животы болотных тварей. Концентрация наркотика в воде быстро падала, и вокруг сонных тел уже закипала хищная возня, в результате которой то одна, то другая тушка исчезала под водой.

– Ну и нравы у них тут, – отметил быстрее всех отдышавшийся Хао. – Сам погибай, но товарища пожирай!

– Такое болото много хищников не прокормит, поэтому им приходится всё время драться друг с другом, ограничивая свою численность, –

авторитетно сказал Смит.

– Надо искать другую дорогу назад, – сказала озабоченно Никки и повернулась к двери. В той не было замка – только массивный засов.

Смит, к которому незаметно перешло практическое руководство экспедицией, отодвинул железный ржавый брус и осторожно посветил фонариком за сильно скрипнувшую дверь:

– Вроде обычный ход, даже с освещением.

Они ещё немного постояли, отмахиваясь от громадных – с кулак – одичавших комаров и с омерзением глядя на взаимное пожирательство среди болотных граждан, а потом двинулись дальше.

– Я ни одной твари не сумел опознать, – хладнокровно заявил Смит. – Все до единой – рукотворные мутанты.

– Раньше, до Конвенции о генетическом моделировании, – сказал Хао, – многие генетические эксперименты ставились «вживую», а не в виртуальной реальности, как делаем сейчас мы.

– Может, это случайные последствия биомоделирования? – спросил Джерри. – Народ любит сливать на лабораторных по химии всевозможные разноцветные растворы в одну кошмарную колбу. Возможно, на уроках генетики студенты случайно нагенерили таких уродов?

– Нет, – покачала головой Никки, гораздо больше Джерри разбиравшаяся в генетическом моделировании. – Это не случайные, а грамотно спроектированные организмы. Полагаю, что кто-то, имея доступ в уже закрытые пещеры, когда-то тестировал и выгуливал тут своих питомцев.

– Это же незаконно! – воскликнул Джерри.

– В мире много людей, – мрачно сказала Никки, – которые считают себя выше общих законов и любят поиграть в богов... для начала – с лягушками и рыбками...

Новый ход слабо освещался узкой полосой краски на потолке, и к этому жалкому свету тянулись по стенам тонкие полупрозрачные лианы с фосфоресцирующими цветами. Иногда растительные щупальца так сплетались, что вперёд выходил Хао и прорубал проход острыми мечами. Наконец узкий тоннель закончился, и ребята упёрлись в очередную дверь, на которой никаких замочных скважин или засовов видно не было. Смит приготовил оружие и надавил на ручку. Дверь сначала не поддавалась, Смит навалился – всё сильнее и сильнее, пока дверь, крикнув, не распахнулась сразу во всю ширь.

Все вздрогнули и сощурились от хлынувшего света, но никакие монстры в открывшуюся дверь на них не бросились. Путешественники

осторожно вышли на обширную каменную террасу. Вторая пещера оказалась меньше, с тёплым сухим воздухом и более высоким сводом. Они подошли к краю террасы, прикрываясь ладонями от сияния потолка.

Весь подземный зал зарос густым, почти непроходимым кустарником с мясистыми зелёными листьями и ярко-красными стручками. На ветках кустарника сидели многочисленные серые птицы размером с курицу. Они не чирикали и не свистели, а только громко шипели – как змеи. Головы этих птиц более всего походили на черепашки – тупые, без клювов, с лысой кожей, висящей складками на длинной шее. Птицы беспрерывно срывали с веток стручки и дружно их жевали.

– Растительоядные змеептицы! – удивился Джерри.

Змеептицы или птицезмеи летали плохо – лишь неуклюже перепархивали с куста на куст. На этих же кустах виднелось множество сплетённых из листьев гнёзд. Одна птица столкнула другую в борьбе за стручок; тяжёлая птицезмея перелетела на соседнюю ветку, но не сумела удержаться на тонком качающемся насесте и свалилась на землю. Кусты немедленно зашуршали, и оттуда выскочил симпатичный белый козлёнок с маленькими рожками. Он мгновенно вцепился в длинную шею птицы острыми зубами и перекусил её.

– О боги! – изумлённо пробормотал Смит. – Хищные козы...

Бедному плотоядному козлёнку не дали спокойно пообедать. Из кустов горохом посыпались жалобно блеющие пасторальные козочки. Они подбежали к счастливцу со змеекурицей в зубах и тут же разорвали в клочья не только его добычу, но и самого удачливого охотника.

– Меня сейчас вырвет... – жалобно пробормотал Джерри, и Никки его понимала.

– Чудовищно! – потрясённо сказала она.

– Классическая замкнутая экосистема. – Хао был невозмутим. – Растительность, травоядное и хищник.

– И ещё, как минимум, набор гнилостных бактерий... – зажала Никки нос. Действительно, в пещере здорово пахло тухлятиной и помётом.

За научной дискуссией ребята не заметили, что под террасой собралось уже штук сорок беленьких козочек и козликов, которые во все глаза смотрели на них – четвертый и очень аппетитный биологический вид, неожиданно появившийся в их пещере.

Лишь козлята, уже пообедавшие змеекурицей и удачливым собратом, не проявляли интереса к гостям – они дружно вылизывали свои окровавленные шкуры, смущённо, не глядя друг на друга. Кажется, они понимали, что погорячились. Козлёнок с чёрным пятном вокруг левого

глаза грёб копытами листья, пытаясь замаскировать следы каннибальской трапезы, и нервно косился на тропинку, выходящую из зарослей.

– Тарантул их задери, – озабочился Смит. – Как нам прорваться дальше? – Он указал на противоположную террасу с дверью. – По таким кустам мы быстро бежать не сможем. А этих козочек тут сотни, у нас может не хватить боезапаса.

– Кроме того, даже если мы прорвемся, – заявила Никки, – то уложим столько этих... зубастиков, что экологическое равновесие пещеры может быть нарушено...

– Ты что – жалеешь этих монстров? – удивлённо спросил Джерри.

– Они не виноваты, что люди сделали их такими, – покачала головой Никки. – Они живут, как могут. Как и сами люди.

Она внимательно осмотрела стены и потолок, потом вытащила из рюкзака длинную тонкую синтерёвку с двумя крюками и молотком-топориком. Один крюк она крепко забила в стену и проверила его на прочность.

– Что ты собираешься делать? – спросил её Смит.

Никки не ответила, а сложила синтерёвку кольцами и подвесила за спину.

– Отойдите на край террасы, – скомандовала она.

Все послушались. Никки легко отбежала в дальний конец балкона, развернулась и вдруг рванула вдоль стены так, что воздух засвистел вокруг. Она промчалась мимо изумлённых и встревоженных друзей, долетела до другого края террасы и... прыгнула на стену круглой пещеры. Ребята онемели.

Никки, быстрая как ветер, бежала по вертикальной стене. Её тело располагалось почти горизонтально – с наклоном вверх. Верёвка разматывалась за Никки длинным шлейфом. Несколько секунд такого бега по стене – и чёрная фигурка спрыгнула на противоположную террасу.

– Во дает! – восхитился Смит.

А Джерри с Хао шумно перевели дух.

Никки быстро забила второй крюк – пониже первого – и туго, как струну, натянула синтерёвку.

– Цепляйтесь! – крикнула она.

И ребята по очереди переправились через зал, прицепившись крючками за трос. Козочки на земле высоко подпрыгивали и жалобно мекали – не хотели расставаться с новыми друзьями. На середине троса Джерри остановился отдохнуть и посмотрел вниз – на небольшое центральное озерцо, вокруг которого собрались толпы хищных козляток.

– Пора переписывать сказку «Волк и семеро козлят», – проворчал он, – и пожалеть бедного волчину...

Наконец все очутились на противоположной террасе.

– Ты очень рискованный человек, – сказал Джерри, неодобрительно глядя на Никки.

– Ерунда, – пожала она плечами. – Это был трюк с запасом. Центробежный эффект вполне достаточен, чтобы бежать по закругляющейся стене. Чистый расчёт... раньше в цирках даже трюк такой показывали – гонки мотоциклов по вертикальной стене.

– Но ты же – не мотоцикл! – возразил сердитый Джерри.

– Это ещё вопрос, – печально ответила Никки и повернулась к ржавой двери.

Новое путешествие по переходам оказалось самым длинным. Ходы стали множиться и ветвиться, идти то уступами вверх, то – в виде скользкой горки – вниз. Джерри совершенно потерял представление, куда они идут. Он только чувствовал голод и усталость.

Наконец объявили привал в небольшой песчаной пещере, поросшей редкими синеватыми кактусами с иголками, завитыми штопором, и – слава космическим богам! – без всякой крупной живности. Только стайки белых бабочек с зелёными фосфоресцирующими цифрами на крыльях кружились в воздухе, да возле стены зала мелкие малиновые пауки ходили муравьиными цепочками между двумя кучами мусора, переплетёнными паутиной. В пещере зияло шесть ходов в разных направлениях.

Когда путешественники перевели дух, Джерри спросил:

– Куда дальше идём?

Никки указала рукой:

– В этот проход. Сейчас мы в полукилометре от Главной башни и метров на сто ниже. Пойдем в её сторону.

– Откуда ты знаешь? – удивился Смит, отмахиваясь от бабочки номер девять, полюбившей его с первого взгляда.

– У меня есть гирокомпас, и мой компьютер фиксирует все повороты, – сказала Никки. – Я составила приличную карту того, что мы уже прошли, и выбираю проходы, которые могут нас вернуть в Колледж в обход того болота с лягушатками.

Они сидели и наслаждались отдыхом. Вдруг песчаные волны между кактусами расплылись и стали странно блуждать, а пол заметно задрожал. Все вскочили на ноги и прислушались.

– Это снизу, – указала Никки на пол.

У Джерри возникло ощущение, что под тонким полом пещеры шёл –

вернее, с хрустом протискивался – носорог, и каждый его шаг заставлял вибрировать каменные стены.

– Что это? – удивлённо воскликнул Джерри.

– Не знаю, – сказала поражённая Никки. – Какой-нибудь супержук или мегаброненосец.

– Большие сухопутные животные – всегда растительоядные, – авторитетно заявил Хао. – Эта штука не должна нападать на других зверей.

– Может, она и не нападает, – хмыкнула Никки, – если замечает. А если не обратит внимания, то схрумкает – как корова жучков в траве.

– Заблудившийся робот-диггер? – предположил Джерри.

– Я в нижние ярусы не полезу без личного гранатомёта и пары боевых роботов, – решительно заявил Смит.

– Туда никто и не идёт, – успокоила Никки. – Мы движемся кратчайшей дорогой к выходу.

Топот и дрожание постепенно затихли, но отдыхать расхотелось, и путешественники поспешили вперёд. Метров через сто они упёрлись ещё в одну дверь. Тут уж понадобилось и умение Никки вскрывать замки, и трос, который они вчетвером тянули изо всех сил, – пока дверь не рыкнула и не приоткрылась.

Из освещённого проема посыпалась растительная труха и донёсся нестройный хор гортанных криков. Все насторожились.

Смит заглянул:

– Птицы вроде...

Все потихоньку выбрались на террасу, заваленную кучами хвороста и пометом. Воняло там здорово. Не успели они опомниться, как Смит крикнул:

– Берегись!

И на них обрушилась туча большущих клювастых птиц с кожистыми двухметровыми крыльями.

Джерри свирепо отмахивался от них дубинкой и бронированными кулаками, стараясь прикрывать спину Никки. Девушка стреляла сразу из двух своих пистолетов – и парализованные птицы плюхались на пол. Крылья переставали их держать, но они продолжали шипеть и сверкать красными глазами.

Смит отстреливался снотворными очередями. Хао отгонял птиц мечами.

Одна из гарпий резко спикировала на спину Смицу и уже нацелилась пырнуть его острым клювом в шею. Хао молча и быстро взмахнул клинком, и звук распоротого воздуха закончился хлюпающим ударом.

Брызнула кровь.

Атака поутихла – птицы взлетели повыше и, как показалось Джерри, стали прицельно гадить.

– Чёрт! – воскликнул Смит. – Мы вляпались в их гнездовье! Надо быстрее уходить вперёд!

– Там нет зверья? – спросила Никки, переводя дух.

– Не видно. Выход впереди – метрах в ста.

Они, продолжая отгонять единичных пернатых агрессоров – или защитников? – прыгнули с террасы и отошли в середину обширной пещеры, имитирующей сухую степь. Птицы сразу оставили их в покое и вернулись к гнездовьям – погоревать над погибшими соседями и заодно поужинать ими. Эмоции не должны мешать аппетиту.

– Это птеродактили! – сказал Хао. Вид у него был взъерошенный: глаза горели, лицо забрызгано кровью, комбинезон в помёте и каких-то длинных бурых шерстинках. Остальные выглядели не лучше.

Убедившись, что в прохладной просторной пещере нет опасного зверья – только птеродактили на террасе, разнообразные птицы на скалах и мелкие полёвки в путанице низких травяных метёлок, – ребята устроили привал возле озёрца, где умылись и привели себя в порядок. Оказалось, что за исключением ловкого Хао все получили приличные ссадины и синяки от клювов этих существ – ископаемых, но вполне бодрых.

– Дьявол! – прорычал Смит, смачивая дезинфицирующим лекарством глубокую царапину на левой кисти и стиснув зубы от боли. – Почему эти доморощенные генетики не развлекались выводением каких-нибудь квадратных дынь с шоколадным вкусом, певчих птичек с хоботом или рыбок с приятной улыбкой и красивыми ножками?.. Почему обязательно надо выводить зубастое, опасное и с когтями?!

Вопрос был явно риторическим. Пока они шли до противоположной двери, на глаза попались восьмиглазые ястребы, совы с двумя клювами и даже диковинная четырёхкрылая чёрная ворона, которая не каркала, а мелодично курлыкала. Мышей увидеть вблизи не удалось – они на контакт не шли. Но можно было побиться об заклад, что и здешние мышки – ещё те твари.

Дверь из зала прерий открылась без проблем, и они попали в узкий и совершенно тёмный ход. Они включили фонарики и побрели вперёд, здорово уставшие за десять часов этого подземного путешествия на одной воде и нескольких конфетах. Смит прокладывал дорогу, все шли за ним и молчали. Вдруг Никки замерла:

– Подождите!

Экспедиция остановилась. Никки внимательно рассматривала стену пещеры, хотя она ничем не отличалась от ранее пройденных.

– Что там? – спросил Смит.

Джерри молчал – он понимал, что Никки что-то «заметила» совсем не глазами, а теми самыми дополнительными чувствами – с шестого по четырнадцатое примерно. Джерри в очередной раз почувствовал гордость за то, что он сделал нечто реальное собственными руками и это оказалось полезным для Никки.

Никки вытащила молоток-топорик и принялась долбить стенку. Несколько сильных ударов – и она выбила из стены что-то продолговатое.

Все заинтригованно рассматривали добычу – вцементированный в камень чудовищный треугольный зуб. Он был тройным – с двумя дополнительными зубиками по краям.

– Что это? – спросил Джерри.

– По-моему, это зуб древней акулы, – решил Смит. – Я видел такие в музее.

– Что, в Запретных Пещерах и акулы плавали? – удивился Джерри.

– Это, очевидно, ископаемый зуб, очень древний, – высказался Хао.

– Но на Луне не было акул! – хмыкнул Смит.

– Зато были на Земле... – пробормотал Хао.

– Ха! – недоверчиво откомментировал Смит.

– Я тоже думаю, что это ископаемый зуб земной акулы, – сказала Никки. – Их очень много находят на Земле. Сильный астероид выбил и перенёс часть земного вещества на Луну, зацепив и этот зуб. Этот удар был двести пятьдесят, сто или шестьдесят пять миллионов лет назад.

– Это важная находка! Она подтверждает твои идеи насчёт образования Луны! – разволновался Джерри.

– Для меня – да. Для других – ничего это не подтверждает. Скажут – редкая случайность, вовсе не закономерность. Надо перекопать горы, чтобы найти нужное количество земных окаменелостей и статистически доказать, что перенос вещества с Землю на Луну шёл постоянно и закономерно, а не только случайным мегаударом. Факты часто ничего не доказывают – их ещё нужно правильно интерпретировать. Астрономы триста лет смотрели на Луну в телескопы, но видели в метеоритных кратерах лишь следы вулканической деятельности.

– Да?! – поразился Джерри.

– Ты не представляешь, какими дураками могут быть учёные.

– Что же тогда говорить про остальных людей? – фыркнул Смит.

– А про остальных мы и не говорим, – вздохнула Никки и засунула

акулий зуб в рюкзак. – Люблю сувениры!

Смит снова двинулся вперёд. Ход забирал вверх, но становился всё темнее и теснее – плечи путешественников задевали и обрушивали гроздь бесцветных вонючих грибов, свисающих с осклизлых стен. Вот уже пришлось идти, склонившись в три погибели и чертыхаясь. Любое – даже осторожное – поднятие головы всё равно заканчивалось тем, что потолок пещеры стучал по черепу, словно молотком. Вдруг Джигич остановился и снял с пояса пистолет. Все замерли, и фонари осветили впереди круглый люк. Смит с трудом его открыл, полез куда-то наверх по каменным ступенькам и крикнул сверху, радостно и громко:

– Ребята! Это Воющая Пещера!

Ребята оживились и закарабкались вслед.

В Поющей, или Воющей, Пещере физики Колледжа проводили разные эксперименты, и она была известна своим музыкальным песком. Когда идешь по тонкому пляжному песку, загребая его ногами, то на обычном пляже сухой песок бесшумно рассыпается под ступнями – и всё. Можно услышать лишь легкий шорох. В Воющей Пещере песок под шаркающими ногами издавал заметный свист или даже тонкий вой, отдающийся эхом в стенах. Многие школьники выбирали темой для физических рефератов происхождение этого звука, но до сих пор точная причина этого эффектного явления оставалась неизвестной. Вероятно, физики-преподаватели специально скрывали правильные рефераты, оставляя для последующих поколений студентов такую интересную тему исследований.

Самым замечательным свойством Воющей Пещеры в глазах усталых подземных путешественников было то, что из неё шёл хорошо знакомый коридор в физико-математический корпус, следовательно, их подземное, вернее, подлунное путешествие закончилось. Пробравшись сквозь люк, ребята столпились на узком балкончике, расположенном под потолком. Скальный уступ полностью маскировал ход, через который они вошли.

В Воющей Пещере по субботнему вечернему времени никого не было. Никки вбила крюк в стену и сбросила тонкую верёвку вниз. Они осторожно спустились, и девушка выдёргнула шнур из петли клина – чтобы не оставлять следов.

– Вперёд, ребята, как раз успеем на ужин! – воскликнул с горящими глазами голодный Джигич.

Все без колебаний согласились, а Никки с чувством поблагодарила ребят:

– Спасибо за то, что пошли со мной. Хотя это оказалось весьма опасно... Но мне нужно было побывать здесь...

Девушка неслышно добавила: «Я искала под землей прежнюю себя, но так и не нашла. Наоборот – сегодня я поняла, что моё детство сгорело без следа...»

– С тобой, Никки, я готов отправиться в любую экспедицию! – Поцарапанная смуглая пиратская рожа Смита расплылась в широкой улыбке.

Джерри промолчал, внимательно и встревоженно глядя на Никки.

«...Осталось понять, в какой экспедиции можно найти жизнерадостность, душевное спокойствие... и любовь». Девушка отвернулась от Джерри и друзей, и её жёсткое похудевшее лицо свело судорогой боли.

Понедельник начался с урока биологии профессора-генетика Франклин. Ее занятия всегда проходили интересно, а увиденное в Запретных Пещерах только подстегнуло интерес Никки к генетике. На этой лекции профессор излагала строение ДНК – дезоксирибонуклеиновой кислоты – хитрющей биологической молекулы-завитушки, главной генной пружины всего живого.

Под управлением ДНК организм генерирует тысячи белков, из которых и строит сам себя, включая клетки мозга, мышц и сосудов. Уотсон и Крик в 1953 году выяснили, что очень длинная – в несколько сантиметров каждая – молекула ДНК свернута в двойную спираль. Всего четыре аминокислоты образуют хрупкую нить ДНК, на которой держится вся земная жизнь и её эволюция. Профессор выговаривала названия этих аминокислот – аденин, тимин, гуанин, цитозин – с таким же чувством благоговения, с каким, наверное, древние греки-философы произносили имена четырёх элементов мироздания – воды, воздуха, земли и огня.

Франклин рассказала, что белковые цепи, построенные считыванием информации с ДНК, могут содержать уже до двадцати типов аминокислот, которые не могут складываться в простую спираль, а запутываются в виде чрезвычайно сложного пространственного клубка.

Вольдемар вызвал в середину аудитории голографическое изображение закорюки такой геометрической изощрённости, что студенты восхищённо загудели.

Профессор сказала:

– Типичный пример белка – гемоглобин крови. Трёхмерные структуры белков человека, животных и растений очень сложны и далеко не все ещё расшифрованы. Каждый ген в ДНК программирует производство одного белка. Тридцать тысяч человеческих генов дают столько же различных

типов белков – и конструктор для сборки хомо сапиенса готов!

Сейчас много говорят о возможности кардинальной перестройки генома и самого человека, в том числе – для увеличения срока жизни. Как сохранить целостность человечества при этом? Это сложнейшая проблема, – вздохнула профессор, – увы, она беспокоит очень немногих...

В конце лекции профессор подошла к Никки. Добрая Франклин всегда выделяла девушку-Маугли из других студентов и даже не раз приглашала к себе в кабинет на чай, на полчаса домашней атмосферы.

– Ты уже много занятий ни о чём не спрашиваешь, Никки, – произнесла тихо и ласково профессор, стоя совсем рядом. – Тебе разонравилась биология?

От тёплых звуков её голоса у Никки засвербило в горле. Ей захотелось плюнуть на приличия и на глазах у всех студентов тесно прижаться к тёплой фиолетовой кофте профессора... Она справилась с этим странным порывом, кашлянула и сказала хрипловато:

– Мне очень нравятся ваши занятия, профессор, и у меня много вопросов, но они... не совсем на тему уроков и... может, слишком наивные...

– Хм... – задумчиво посмотрела на Никки профессор. – Я буду рада поговорить о твоих вопросах – совершенно не важно, как они соответствуют нашим лекциям. Давай выкладывай, не стесняйся – я постараюсь ответить на них.

– Ну хорошо... – вздохнула Никки. – Только вы присаживайтесь, профессор, мне неловко говорить, когда вы стоите. А вдвоём стоять и вовсе смешно...

Профессор послушно развернула ближайший стул и села за стол напротив Никки. Аудитория слегка шумнула и замерла.

Никки заговорила негромко, как будто рассуждая сама с собой:

– Почему на фотографиях глаза у оленей светятся зелёным, а у человека и крокодила – красным?

Почему клубника на вкус кислее, если пробовать её сразу после сладких конфет? Что происходит на языке при этом эффекте? Психический ли это феномен – реакция мозга на сигнал рецепторов языка или физиологический – изменение параметров самих рецепторов?

Почему человек теряет сознание при сильном ударе или невыносимой боли? И почему сознание потом возвращается? Это восстановление химического баланса или каких-то физических параметров мозга, например давления крови? Почему нашатырь так эффективен при обмороках? Является ли потеря сознания аналогом сна?

Что такое сон – с точки зрения биохимии? Почему нам нужно спать? Почему мы просыпаемся отдохнувшими и «утро вечера мудренее»? Иногда даже решения научных задач приходят во сне... Почему я вижу во сне такой странный перепутанный мир? Как возникает его сюжет или бессюжетность? Когда сон превращается в кошмар? Имеют ли кошмары какую-нибудь позитивную функцию для организма? Если нет – то какого чёрта эволюция нам их преподнесла?

Что такое память? Что такое элементы памяти? Молекулярным или клеточным языком записана информация в нашем мозгу? Или используются оба языка? Есть кратковременная память – на минуты, а есть долговременная – на годы. Чем они отличаются? Могут ли я записывать – и потом использовать – информацию прямо в мозг? Можно ли, хотя бы в принципе, считывать её с мозга, как с компьютерного кристалла?

Почему конечности легко формируются на стадии зародыша, а у взрослого человека способность к регенерации утрачивается? Взрослые ящерицы ведь могут отращивать себе новые лапы... Я тоже хочу иметь возможность регенерировать своё тело – вплоть до позвоночника и самого мозга.

Пауки в лесу плетут разные паутины, например, плоскую радиально-азимутальную паутину-«веер»; бесформенную трёхмерную паутину-«джунгли» с тоннелем для паука; паутину-«шляпу» – купол в трёхмерном облаке нитей. Маленькие и большие пауки одного вида плетут паутину разную по размерам, но одинаковую по форме. Значит, в ДНК паука сидит не только строение его тела, но и проект его любимой паутины. Животное прекрасно адаптирует к реальности свой проект и плетёт паутину даже в невесомости. Как это может быть записано в ДНК?

Песня канарейки уже зафиксирована в птичьих генах – где же там сидят эти ноты?

В чёрном ящике инстинкта прячется целый комплекс сложных биохимических и механических процессов. Вылупившись из куколки, бабочка уже знает, как двигать крыльями: складывать при взмахе вверх и расправлять при движении вниз. Как возникла и записана эта инструкция? Каким образом она приводится в действие? Как эта способность к полёту, будучи врождённой, управляется сигналами от мозга бабочки, выбирающей себе следующий цветок?

Как в ДНК, длинных органических молекулах, запечатлелись врождённые чувства – материнская любовь львицы к своему детёнышу, верность лебединых пар, самоотверженность муравьёв, бросающихся в огонь, угрожающий муравейнику?

Сложность процессов, происходящих в живом организме, не укладывается в голове. Как это всё организовалось и оптимизировалось? Как выросли крылья у бабочки? Естественный отбор? Надо взять миллионы червяков и подождать, пока у них отрастут крылья, что позволит им лучше питаться и размножаться? Но ведь миллионы бескрылых существ тоже вполне успешно выживают...

Как далеко заходит наследуемая мутация? Добавляет ли она лишь по паре волосков или способна подарить сразу пару лишних лап? Может ли она одним махом дать крылья червяку, превратив его в бабочку? Существует ли природная генная инженерия, которая смешивает гены разных видов и производит «химер», не возникающих при обычном размножении? Двигают ли эволюцию скачкообразные мутации вроде двухголовых змей и четырёхлапых петухов?

Собаки – дружелюбные животные. Из-за постепенного отбора самых добрых из обычных волков? Или приручены были волки особой, дружелюбной породы? Являются ли дружелюбие и агрессивность специфическими генетическими программами поведения – как узор паутины – или обе программы присутствуют одновременно? А ген дружелюбия управляет лишь соотношением производств гормона агрессивности и белка толерантности?

Когда человек начинает водить машину, он активно использует интеллект, чтобы спланировать свои действия и избежать столкновения. Вскоре он двигает рычагами и нажимает педали рефлексивно. Можно ли дойти до инстинктивности, то есть многократно повторяемые процедуры спустить на более низкий, бессознательный уровень управления? Могут ли привычные действия переходить на генетический уровень и записываться в ДНК? Я где-то читала, что вирусы поставляют внешнюю генетическую информацию в ДНК. Может ли среда активно воздействовать на генотип? Для объяснения быстрой биоэволюции и появления сложных наследственных инстинктов был бы крайне полезен механизм, переводящий в геном полезную привычку или адаптационный признак.

Дьявольски трудно понять – как возникла и развилась жизнь! Как образовалась ДНК? Клетка? Многоклеточный организм со специализированными структурами? Была ли первая клетка всего лишь пузырьком с поверхностными липидами и диффузией вещества и жидкости вовнутрь – после чего она стала разрастаться и делиться пополам из-за поверхностного натяжения?

Открыть тайну жизни – значит найти причины, по которым возникновение жизни и человека оказывается закономерным процессом, не

связанным с чудом или катастрофой. У каждого шага биологической эволюции есть своя вероятность, и суммарный шанс возникновения мыслящего существа должен быть реально ненулевым. Можно ли создать какую-нибудь «резонансно-каталитическую теорию» биологической эволюции, с помощью которой мы сможем смоделировать весь процесс развития жизни от аминокислот до вируса, от первой клетки – до человека разумного? Можно рассчитать биологическую эволюцию человека на миллионы лет вперёд? Можно ли из эволюционной теории вывести вид и характеристики разумных инопланетных существ? – Тут Никки услышала сигнал окончания лекции – и остановилась.

– Замечательные вопросы, я их записала и обдумаю, – с удовольствием посмотрела на свою ученицу профессор Франклин. – Хорошо известно, что для науки вопросы часто важнее ответов. И молодой учёный в первую очередь должен научиться ставить проблемы. Я знаю только часть ответов: остальные вы должны найти сами – их ещё никто не знает... – Профессор окинула взором притихший зал, а потом крепко пожала Никки руку. А у девушки снова заныло горло – что-то совсем она расклеилась...

Глава 14

Летающие леопарды

В секции свободного парения началось распределение школьников по командам. Никки легко прошла тестовые испытания на искусство пилотирования и владение мечом, и её с радостью взяли в формирующуюся пятерку «Летающих Леопардов» – в команду воздушного боя или, попросту говоря, летающих пятнашек.

По периферии стадионного поля мощные вентиляторы создавали постоянный «термик» – восходящий поток воздуха, позволяющий крылатым игрокам не только парить в слабой лунной гравитации, но и быстро набирать высоту и маневрировать. Одной рукой крылатый игрок управлял крыльями, другой – бился с противником длинным электроплазменным мечом, который при ударе о крыло разрезал обшивку, но с треском отскакивал от оружия соперника. Телу человека эти мечи не причиняли вреда.

Над поверхностью натягивалась защитная сетка, смягчающая падение игроков. Игра велась жёсткая: невесомые мечи сталкивались с молниеносной скоростью и почти непрерывным треском. В лунном киддиче разрешались любые приёмы, включая удары крыльями, что на практике не применялось, так как при этом страдали оба соперника. Обычно игрок старался сделать мечом максимальное количество разрезов на крыльях противника, после чего те переставали быть крыльями.

На груди игрока размещалось красное «сердце», которое он защищал изо всех сил, так как удар мечом в «сердце» означал чистый проигрыш – крылья немедленно покрывались сквозными зигзагами-трещинами, в которых сердито бормотал убегающий бесполезный воздух, и пилот с разбитым сердцем летел к земле. Игра заканчивалась, когда одна команда полностью спешивалась.

После формирования команды начались интенсивные тренировки «Летающих Леопардов». Они включали пилотирование, фехтование и командные игры в виртуальной реальности. Леопарды учились безопасному приземлению на батут и с удовольствием прыгали на нём, что оказалось почти так же увлекательно, как полёты на крыльях, – в условиях лунной гравитации человек мог взлетать с помощью батута очень высоко. Фигурные прыжки на батуте являлись старейшим и популярнейшим видом спорта Лунных Олимпиад.

Первый матч новой команды Леопардов должен был состояться в ближайшую субботу – с «Белыми Совами», командой первокурсников Ордена Сова, куда попал и Джерри – к беспокойству Никки: как они, друзья, будут сражаться друг с другом?

Никки с Джерри проходили возле доски объявлений в кафе. На ней ярче всех мигало огнями красочное приглашение на диспут вегетарианцев «Посмотри в глаза бифштексу». Рядом висел циничный листок о продаже робопса с хромой задней ногой, но в хорошем состоянии.

– Никки, пойдешь? – стоявший у доски Хао указал на анонс Семинара-По-Средам «Роль принципа неопределённости Гейзенберга в возникновении мутаций» – доклад пятикурсника Бена Липски (Орден Сова), руководитель – проф. Франклин.

– Непременно пойду, – ответила Никки, – в прошлый раз там шла настоящая битва вокруг доклада «Статистическая невероятность возникновения вирусной квазижизни».

– Никки, а что ты думаешь – какой вопрос главный для науки? – солидно спросил Бойда-Олень. – Я полагаю, что открытие принципов неограниченного генетического апгрейда или усовершенствования генома человека. А вот Джули, – он указал на собеседницу-Сову, – считает, что саморазвивающийся искусственный интеллект есть альфа-вопрос современности.

– Вопрос вкуса... – буркнула Никки. – С моей точки зрения, самый замечательный вопрос науки: «ПОЧЕМУ?» Систематически повторяя этот вопрос, можно уконтрапунтировать любого учёного или какую угодно теорию, которые сфокусированы на вопросе: «КАК?» Простейший пример – спросите какого-нибудь классика: ПОЧЕМУ скорость света равна трёмстам тысячам километров в секунду? – и наслаждайтесь зрелищем, КАК в ответ его будет корчить. КАК искривляет пространство массивное тело – мы знаем со времён Эйнштейна, а вот ПОЧЕМУ оно это делает? – совершенно не понимаем. ПОЧЕМУ наш мир устроен таким образом? – это и есть труднейший вопрос науки.

– Ещё хороший вопрос: «ЗАЧЕМ?» – добавил коварный Хао.

И они поспешили на семинар по астрономии, где профессор Гутт объявлял студентам оценки за рефераты.

– Я пока не поставил оценки за работу мисс Гринвич, – заявил профессор, – потому что нашёл в её модели фундаментальное противоречие, которое зачеркивает всю привлекательность этой теории... Мисс Гринвич, как вы ухитряетесь совмещать столь различные точки

зрения внешнего и внутреннего наблюдателя? С точки зрения внешнего наблюдателя, падающий на чёрную дыру человек никогда не долетит до неё...

Профессор взмахнул руками.

– Вдумайтесь, пожалуйста, леди и джентльмены! Никогда! Вечность пройдет, бесконечное время, а падающий наблюдатель по-прежнему будет тихо подползать к поверхности чёрной дыры – всё медленнее и медленнее для глаза внешнего наблюдателя... С точки же зрения падающего наблюдателя – наоборот, падая, он минует поверхность чёрной дыры очень быстро...

Профессор повернулся к Никки.

– Вы утверждаете в реферате, что потом дыра разомкнется и выбросит его наружу – снова во внешний мир. Но до такой встречи для внешнего наблюдателя должно пройти времени больше, чем бесконечность! Это парадокс.

– Вы фундаментально правы, дорогой профессор, – с удовольствием сказала Никки. – Это чистейший, беспримесный парадокс, который вопиет к автору: реши меня или ты – дурак и вся твоя теория – дурацкая!

– Вот и я об этом говорю... – опешил профессор Гутт от такой покладистости Никки.

– Но этот парадокс относится к теории Эйнштейна и известен давно. Английский математик Пенроуз писал: посмотрите-ка, в момент пересечения границы чёрной дыры вся история внешней Вселенной для падающего наблюдателя мгновенно прокручивается и заканчивается – то есть в момент пересечения горизонта чёрной дыры снаружи проходит бесконечное время. Но ведь падающий наблюдатель продолжает лететь внутри чёрной дыры. Что будет происходить с внешним наблюдателем в это время – которое для него больше бесконечности? Гравитационисты ушли от ответа, объявив парадокс несовместимости точек зрения двух наблюдателей предельным проявлением относительности. Мудрый старик Уилер долго не соглашался с такой трактовкой, но не смог найти верное решение...

– А вы его знаете? – прищурил глаза профессор.

– Оно элементарно, – бодро сказала Никки. – Парадокс возникает только при *одновременном* существовании внутренних и внешних наблюдателей. На практике же реализуется только один вариант – все наблюдатели оказываются или внешними, или внутренними. Поэтому никакого парадокса не возникает.

Аудитория зашумела.

– И кто же решает, какого сорта наблюдатели имеют право на существование? – удивлённо поднял брови профессор.

– Сама Вселенная, – ответила невозмутимая девочка-монстр, у которой Вселенная ходила в подружках, и они, видимо, о многом болтали за чашкой чая. И не только о своём, о девичьем.

– В открытой Вселенной все наблюдатели будут внешними по отношению к чёрным дырам. В таком мире внутренних наблюдателей не существует – даже если падающему астронавту кажется, что он в следующую секунду пересечёт поверхность чёрной дыры и станет внутренним. На самом деле миг его падения – это наша вечность.

– Что ж, – сказал задумчиво профессор, – с этим я могу согласиться... А что будет в замкнутом мире?

– На фазе сжатия замкнутой Вселенной, – продолжила Никки, – внешние наблюдатели и чёрные дыры с застывшими возле них падающими наблюдателями будут неумолимо сближаться. Коллапсирующая Вселенная запрещает существование внешних наблюдателей! Она беспощадно сталкивает всех, без исключения, наблюдателей в чёрные дыры. Да и сама замкнутая Вселенная становится такой же чёрной дырой. Падающий наблюдатель, прыгнувший в чёрную дыру всего минуты назад по субъективному времени, но миллиарды лет назад с точки зрения внешнего наблюдателя, с удивлением увидит, как в его дыру начинают падать оставшиеся в безопасном отдалении и сильно постаревшие внешние друзья, а его родная чёрная дыра сливается с другими дырами... Превращение всех внешних наблюдателей во внутренние произойдет одновременно, и вот они уже все вместе стремительно летят уже не к сингулярностям локальных чёрных дыр, а к конечной Сингулярности Вселенной!

– Это надо ещё доказать! – воскликнул взволнованный Гутт.

– Легко! – с улыбкой сказала Маугли с астероида. – Представим себе, что какой-то наблюдатель избежал общей участи и остался снаружи, то есть не попал в чёрные дыры, сливающиеся в ходе Большого Сжатия. Тогда он увидит, как все остальные наблюдатели, долетевшие до чёрных дыр, застывают на их границах и с поистине бесконечным терпением ждут его, отставшего. Вселенная, сжимаясь, подтолкнет упряма в спину, и он устремится на ближайшую чёрную дыру. Мир падающих наблюдателей для него оживёт, и они полетят все вместе к центру и концу мира...

– Что же будет дальше с этими беднягами, Никки? – крикнул кто-то из зала.

– Чёрная дыра – это машина времени для путешествия в будущее.

Любого смельчака, бросившегося в неё в настоящем, она перенесет за считанные мгновения его субъективного времени в далёкое будущее – сразу на десятки миллиардов лет вперёд, к моменту сжатия Вселенной в ослепительный свёрхплотный клубок. Одновременно чёрные дыры – это и звёздолеты, которые доставят застывших в прочной смоле времени посланцев с любой периферии Вселенной в тесный свёрток коллапсирующего пространства. Я не знаю, что будет дальше: как долго сумеют прожить отчаянно смелые наблюдатели в жарком сердце умирающего мира? Успеют ли они узнать друг о друге? Уцелеет ли в коллапсе хоть кто-нибудь из триллионов интеллектуальных существ, представляющих миллиарды цивилизаций, возникших в данном цикле Вселенной? Увидит ли разумный глаз Момент Ноль, когда безоглядно сжимающаяся Вселенная превратит огонь материи в искрящее напряжение чёрного пространства и снова распустится весенним фейерверком Большого Взрыва?

Никки замолчала, а зал оживлённо забормотал. Вряд ли многие до конца поняли, о чём она говорила, но профессор понял – это точно. Он благоговейно смотрел на Никки широко раскрытыми глазами, в которых ещё стоял отблеск конца мира. Студенты заметили это и затихли, ожидая – что будет дальше. Профессор очнулся, медленно подошёл к Никки, отрывисто и торжественно произнёс:

– Спасибо... поражён... поразмыслию, как вам помочь опубликовать эту теорию... может, математически её дооформить... никогда в жизни не думал, что...

Раздался звонок, и все засобирались.

– А как же её реферат, профессор? – крикнул кто-то из рядов.

Профессор недоуменно посмотрел в зал. Какой ещё реферат? Только что сама госпожа Вселенная раскрыла им свою огненную душу феникса!

В субботу, день матча с командой Сов, Никки пришла на стадион раньше всех, быстро надела крылья и скользнула в термик. Мягко покачивая, ветер поднял Никки под самый купол стадиона. Она самозабвенно парила в пространстве, пронизанном солнечными лучами, взлетая на воздушных потоках, пикируя к середине поля и снова взмывая над трибунами. Крылья давали удивительное ощущение свободы: паришь на высоте сотни метров и смотришь птицей вокруг... а под тобой нет ни пола самолёта, ни кресла пилота – только ты, солнечная высота, крылья за спиной и свист ветра в ушах.

Постепенно на стадионе собрались почти все студенты и большинство профессоров. Никки нехотя приземлилась на стартовой площадке своей

команды.

Перед матчем команд воздушного боя прошли показательные выступления четырёх крылатых фигуристов – они закладывали глубокие виражи на почти вертикальном крыле, синхронно летали по кругу, выстраиваясь этажеркой друг над другом, и даже ухитрялись парить «лёжа на спине».

Никки залюбовалась их отточенными движениями и утвердительно прошептала:

– Луну только потому стоило освоить, что здесь человек чувствует себя птицей...

После приземления фигуристов комментатор Зигфрид-Дракон переключился на воздушный бой и стал разбирать по косточкам состав «Белых Сов» и «Летающих Леопардов».

– Конечно, это первый бой этих команд, но мне кажется, что у Леопардов состав заметно сильнее. Как известно, на мечах Никки Гринвич – непревзойденный мастер: каждый может сходить в гимнастический зал и посмотреть её поединок с бывшим чемпионом Багстоуном и потрогать «меч короля Артура», навечно застрявший в стене. Конечно, плазменный клинок резко отличается от металлического... Пилотирование Никки тоже безукоризненно. Но и остальные Леопарды на тренировках производили очень неплохое впечатление. У Сов я бы отметил только Джерри Уолкера с его уверенным владением крыльями и крепкой манерой фехтования.

Раздалась сирена. Команды бросились в воздух, и воздушный бой начался. Никки сразу схватилась с Бормом-Совой – крупным подростком на больших белых крыльях с коричневыми полосами. Летал он неплохо, но махал мечом довольно неуклюже. Никки понадобилось меньше минуты, чтобы добраться до его «сердца», после чего Борм, что-то сердито крича и размахивая бесполезным голубым клинком, ссыпался вниз – на батут. Никки быстро осмотрела поле боя, где кипели четыре схватки один на один.

Она не стала присоединяться ни к одному из поединков, а забралась повыше и устремилась в быстрое пике. Стремительно пролетая над сражающимися, она наносила быстрые удары мечом по крыльям Сов, лишая их подъёмной силы. Но над Джерри, который сражался с Сигизмом-Леопардом, она промчалась, не затронув его.

Через несколько минут всё было, по сути, кончено – на батуте сидели почти все Совы и всего один Сигиз, сбитый Джерри. Сразу три Леопарда наседали на оставшегося в одиночестве и отчаянно отбивающегося Джерри. Никки уже не вмешивалась и парила невдалеке, с сочувствием

наблюдая его титаническую борьбу. Джерри даже сумел сбить ещё Билли-Леопарда, но его крылья уже превратились в решето, и он быстро потерял высоту. Оставшиеся в воздухе Леопарды разразились воинственным кличем, к которому Никки не присоединилась.

– Быстрая и эффектная победа Леопардов! – торжественно провозгласил комментатор Зигфрид-Дракон.

Болельщики вставали с мест немного разочарованные – они рассчитывали на более длинное зрелище.

Все Леопарды и их болельщики шумно и весело отправились в кафе – отпраздновать славную победу над Совами. Пообломали Совам крылышки-то!

– Никки, почему ты не идёшь со всеми? – крикнул кто-то из проходящих.

– Потому что, когда мой голос сливается в хоре, я чувствую себя пойманной на крючок... – мрачно пробормотала Никки.

Она подошла к Джерри, устало вышедшему из раздевалки.

– Ты сильно расстроился из-за проигрыша? – участливо спросила она.

– Да что ты, Никки! – удивился Джерри. – У меня иммунитет к мелким неприятностям...

Они медленно шли по парку к замку, таща свои потрёпанные крылья.

– Этот иммунитет привил мне отец, – продолжал Джерри. – Я прибегал к нему и жаловался на свои страшные несчастья: палец порезал, рисунок испортил, фломастер сломал, головолломка не складывается – мало ли у ребёнка трагедий в жизни. Он сажал меня к себе поближе и совершенно серьёзно говорил: «Я желаю тебе, чтобы все твои несчастья в жизни были *такими*».

И я научился понимать, что все эти мелочи – сущая ерунда и слава богам, что мои несчастья всего лишь *такие*. Это был важный урок. Вторым урок он продемонстрировал, когда я уже подрос и фатально сломал любимую игрушку-робота. Заменить его было нельзя, ведь я его долго обучал всяким штукам, и новый робот будет снова дурак – совсем не то, что мой Бипик. Я был безутешен.

Отец сказал мне: «Научись не заикливаться на безвозвратно утраченном, а попробуй сосредоточиться на том, что у тебя осталось. И ещё – всегда пробуй обернуть поражение победой. Иногда так говорить неуместно, но часто бывает, что нет худа без добра. Например, одно из самых страшных несчастий в нашем жестоком мире – увольнение с работы. Но даже в этом факте можно найти положительное – а вдруг это удобный момент начать собственное дело и разбогатеть?»

Потом папа сел со мной на пол, и мы разобрали бедного Бипика на мелкие части. Тогда я впервые познакомился с ходовой частью робота изнутри – с этого и началось моё увлечение конструированием роботов. Так поломанный Бипик дал мне важный толчок и, в каком-то смысле, оказался для меня более полезным, чем в целом состоянии.

– Он был очень умён, твой отец, – сказала Никки, и её сердце сжалось – своих родителей она почти не помнила, только неясные щемящие ощущения да колыбельная песня, которую ей пела мать...

– О да! – с гордостью произнёс Джерри. – Он работал на стыке математики хаоса и социального моделирования и написал знаменитую книгу. Отец вовсе не был сухарем-математиком, оторванным от жизни, он очень многое знал об этом мире... Помню, как-то он загрустил – уже здесь, на Луне, – сел со мной рядом и говорит: «Джерри, учёный должен служить обществу – с одной стороны, он живёт на его налоги, с другой – он умнее и образованнее прочих и в силу этого должен помогать тем, кому не так повезло... Служи обществу, Джерри. Но, мой тебе совет, не жди от него благодарности... меньше будет разочарований. Постарайся позаботиться о себе сам».

Так, за разговором, они дошли до замка, где в башне Леопардов царило непринужденное послематчевое веселье. Никки не приняла в нём участия, с некоторых пор она избегала участия в шумных компаниях. Чем дальше, тем больше Никки отстранялась от других школьников, уходила в себя и мрачнела.

Настал день матча с «Золотыми Драконами». Когда Никки шла с крыльями под мышкой в раздевалку стадиона, по пути ей повстречалась группа болельщиков Драконов, собравшаяся вокруг своей команды.

– Эй, Никки-Маугли, сегодня тебя понесут с поля! Соскребут с земли всё, что от тебя останется, и унесут в корзинке! – заорал Мин из «Золотых Драконов», рослый плосколицый парень с разбитным выражением физиономии. – Ты слишком зарвалась, тебя надо немножко проучить!

Никки остро взглянула на него, но промолчала и прошла мимо.

Команды-соперники выстроились на стартовых площадках в противоположных концах стадиона. Матч «Золотых Драконов» и «Летающих Леопардов» комментировал Джиллиспи, пятикурсник-Олень: традиция требовала, чтобы комментатор матча принадлежал к нейтральному ордену, не участвующему в матче.

– Отличный состав собрался в обеих командах, – бодро повёл он репортаж и перечислил всех участников матча. У Драконов Джиллиспи

отметил Дитбита, сбившего двоих игроков-Оленей в прошлом матче, а у Леопардов больше всех расхваливал Никки, которая нанесла больше всех успешных ударов в матче с Совами и оказалась лидером команды по очкам.

Раздался гонг, и две крылатые пятёрки взмыли в воздух. Драконы летали на ярко-красных крыльях с крупными золотыми драконами, а Леопарды обтянули крылья леопардовой тканью – жёлтой в чёрных неровных пятнах. У всех игроков в руках вспыхнули длинные плазменные мечи, и великая битва в воздухе началась.

Неопытные игроки обычно ввязываются в бой один на один, но сыгранные команды стараются навалиться вдвоём-втроём на одного соперника – чтобы быстро сбить его и достичь начального перевеса, который можно развивать дальше. Такого успеха достичь не удалось ни Драконам, ни Леопардам, и в воздухе закружились пять красочных индивидуальных поединков.

– Принц Дитбит ловко фехтует! – восторгался Джиллиспи. – Вот он нашинковал левое крыло Сигиза-Леопарда, и тот свалился в крутую спираль, стараясь дотянуть до термика и снова выкарабкаться наверх... Вот Дитбит его догоняет и наносит удар сзади по другому крылу. Подбитый Сигиз оказался беспомощен против такого хода...

Это ещё не всё! Принц, пролетая сзади над беспомощным Сигизом, схватил его за ногу и перевернул в воздухе вверх тормашками! Это известный коварный приём... Сигиз, кувыркаясь, падает, и только перед самым батутом ему удастся выровняться и спарашютировать... Да, принц просто расправился со своим соперником...

В воздухе по-прежнему кипят четыре поединка один на один... Дитбит снова набирает высоту... и вот он неожиданно нападает сверху на Никки Гринвич, сражающуюся с Пфлюем! Атака удалась! Принц делает поперечный разрез на её левом крыле!

Никки бросает недобитого Пфлюя-Дракона и уходит от Дитбита крутым пикированием... быстро набирает высоту на боковом потоке и уже сама обрушивается на принца. Пролетая над ним на огромной скорости, она успевает сделать разрез сразу на двух крыльях! Маневренность принца резко падает.

Маленький Билли-Леопард, сбив Пири-Дракона, подлетает к медленному покалеченному Пфлюю и наносит ему длинный удар вдоль крыла! Всё – зажужжал Пфлюй камнем вниз... пошёл штопать... да, плюхнулся в батут...

Тем временем Никки подлетела к принцу на дистанцию ближнего боя, и у них началась отчаянная рубка мечами! Разрази меня Гефест, искры так

и сыплются из сталкивающихся огненных клинков! Это уже не треск, а раскаты грома! Скорость фехтования невероятная! Принц – известный дуэлянт, но где Никки научилась так оперировать огненным мечом? Ха! Она подрезает его крыло снизу!.. И ещё раз!

Принцу уже трудно держаться в воздухе, он отвлекается и... вот это да! Никки поражает его в грудь – в уязвимое «сердце»! Редкая чистая победа! Крылья перестают держать принца, и он начинает снижаться. Но Никки не отстаёт от него! Она догнала его и поддала ему ногой по... гм... сзади так, что он перекувыркнулся в воздухе! Упадёт? Нет, принц выправился и благополучно спарашютировал на батут. Но, кажется, он очень недоволен! Это вполне понятно...

Его удачливый соперник – Леопард Никки Гринвич – набирает высоту и высматривает себе следующую цель. Но, собственно, матч уже решён! В воздухе остались три Леопарда – Никки, Маленький Билли и Джонби против единственного Мина-Дракона. Видимо, Мин устал, понял, что его дело – швах, и готов сдаться. Да, вот он перестаёт маневрировать, опускает меч и входит в плавную спираль, тем самым подставляя грудь под традиционный удар милосердия... Игра практически закончена – «Летающие Леопарды» победили «Золотых Драконов»!

Вдруг комментатор воскликнул:

– Эй, посмотрите-ка, Никки забралась выше всех и вдруг устремилась вниз: она что – хочет прирезать Мина в упор? О боги! Они сейчас столкнутся! Мин старается уйти от столкновения, но не успевает. Никки резко пинает ногой его правое крыло! Крыло с громким треском ломается! Святой Кориолис! Мин камнем падает вниз! Кувыркается так, что не разберешь – где ноги, где руки, а где сломанные крылья. Вот он шмякается о батут... его здорово подбрасывает... к нему бегут друзья – помочь выбраться из обломков. Но, кажется, он в порядке – встаёт, машет всей рукой – да, он в порядке... Я вижу ссадину на лице Мина, и вроде нос сильно разбит, но это мелочи для такого падения... Однако оч-чень жёсткий, я даже сказал бы – жестокий ход Никки Гринвич! На этом я заканчиваю репортаж. «Летающие Леопарды» победили «Золотых Драконов»! Я всё ещё не понимаю, как можно сломать крыльевую трубу из термированного дюрала с кремниевыми нановолокнами... Да! Леопарды выиграли у Драконов, да что там говорить – практически вбили их в землю...

– У Никки портится характер, – озабоченно поделился Джерри с Хао после матча.

Хао согласно кивнул.

– Эта история в тоннеле на неё здорово повлияла, наверное, нельзя пройти такой ад и остаться тем человеком, каким был... – вздохнул Джерри.

– Мир людей не оправдал её надежд, – произнёс мудрый Хао с выражением Будды, невозмутимо сияющего для всех жителей Поднебесной. – Никки так мечтала попасть к людям, а они – ладно бы просто старались её убить – так ещё оказались вполне противными. Вот она и расстроена. Раньше она была повелителем своего маленького и уютного мира; сейчас вокруг большой, опасный и вонючий мир, неподвластный ей. Она не понимает, что ей делать. Она ведь цельная натура, а этот вопрос раздирает её на части. Сейчас она проходит этап индивидуального террора, но этот путь – тупиковый. Никки это скоро поймет.

Джерри с уважением посмотрел на Хао, который редко произносил столь длинные речи.

На следующий день Драконы подали жалобу профессору спорта, что Никки использует вживлённый компьютер для пилотирования, что запрещено правилами. Они потребовали её отчисления из команды и переигрывания матча. Профессор спорта вызвал к себе капитана команды Леопардов...

Никки выслушала новость об отчислении из команды равнодушно – вернее, сначала хотела что-то сказать, а потом передумала и пожала плечами. Её место в команде «Летающих Леопардов» заняла Изабелла, и при переигрывании Леопарды снова победили «Золотых Драконов», хотя драка была ожесточённая и долгая. Никки сидела с отсутствующим видом на трибунах зрителей и не оживилась, даже когда Изабелла эффектно распоролa крыло Дитбита длинным продольным разрезом и тот, скрипя зубами, вышел из игры.

Так же равнодушно Никки приняла предложение тренера Бенто о переходе в драконоборцы – единственный вид спорта, где наличие Робби, присоединённого к её позвоночнику, не мешало ей участвовать в соревнованиях.

Девушка сильно изменилась за последнее время – друзья с тревогой замечали, что Никки носит в сердце какую-то чёрную, гнетущую тяжесть. И они никак не могли придумать, как ей помочь. Она и сама не знала, что с ней и что её может спасти.

За столом Никки больше молчала.

– Вкусный лосось? – спросил как-то Джерри, пытаясь завязать разговор за обедом.

– Чем-то напоминает муравьиный помёт... – буркнула Никки.

Дальнейшие вопросы для светской беседы, которые закрутились на языке: как наивно-прямые (Откуда она знает вкус названной субстанции?), так и коварно-косвенные (Разводила ли она муравьев на астероиде?) – все были признаны Джерри дурацкими и проглочены – и, что удивительно, на вкус они напомнили тот же самый муравьиный продукт...

Только приступили вчетвером к обеду, как к столику подплыл посыльный робот-дирижабль с одной лапой. В её когтях был зажат плоский пакет с надписью «Для Никки». По равнодушному кивку Никки Джерри сорвал обертку и открыл письмо. Кто-то прислал старательную любительскую картину в компьютерной графике, изображающую, очевидно, Никки среди какой-то крикливо-цветущей заросли. Сопроводительного письма не нашлось.

– От тайного поклонника! – уверенно сказала опытная Дзинтара.

Никки поглядела на изображенное кругловатое лицо с белыми растрёпанными волосами и хмыкнула:

– Как седая задница тарантула...

– Фу... – не одобрила вульгарность принцесса Дзинтара.

Впервые в жизни Никки не отметила свой день рождения – у неё не было никакого настроения для веселья – и даже никому не стала говорить об этой дате. Но утром робот-посыльный притащил ей букет белых роз и... живую канарейку! «Джерри...» – с тёплым чувством подумала Никки. Птичку она сразу заобожала и назвала её Гав-Гав, а та не возражала и будила её по утрам песенкой. Присутствие рядом живого существа грело Никки. Правда, когда она смотрела на весёлую жёлтую птичку, то вспоминала, кто её подарил, и в сердце Никки впивалась иголка болезненной потери. Ведь когда она встречалась глазами с Джерри, то никакой взаимной искры между ними уже не проскакивало.

Глава 15

Замок герцога Джона

В пятницу за ужином Никки вяло сообщила друзьям:

– Герцог Джон пригласил меня на уик-энд в свой замок – покататься на лыжах.

Джерри вздрогнул, но бодро сказал:

– Отличная идея, тебе надо отдохнуть!

– Если хочешь сохранить ясную голову – ничего не пей на вечеринке, – непонятно пожала плечами Дзинтара, – там в бокалах частенько легальные эйфорины...

Джерри помрачнел как туча.

Субботним утром такси Никки приземлилось в шлюзе новенького замка герцога Джона. Замковый купол занимал акров триста на краю кратера, и ещё издали Никки увидела льдистый блеск на крутом склоне – и встrepенулась. Она ни разу не видела настоящего снега.

На заснеженной вершине низкое закатное солнце било прямо в глаза, а от елей, растущих ниже по склону, тянулись длинные синие тени. Никки, в лыжах и массивных ботинках, стояла на горе и любовалась снежинками, падающими откуда-то сверху. «Как странно! – с удивлением подставляла она ладонь под фрактальные льдинки. – Красиво замёрзшая вода летает в воздухе!» Рядом герцог Джон детально растолковывал ей пологую трассу для начинающих. А ещё раньше он лично помог Никки надеть лыжи и прокатил на подъёмнике.

– А там трасса для профи, – махнул герцог рукой на круто обрывающийся вниз склон. – Там есть трамплины и даже слаломная трасса... – Он не успел договорить, как Никки, которой поднадоел этот инструктаж, оттолкнулась палками и покатилаcь с самого крутого обрыва.

– Никки! Никки! – заорал герцог, но у неё уже ветер гудел в ушах. Склон рвался навстречу, а она, хохоча, на ходу училась балансировать на этих смешных скользелках на ногах. Палки ей только мешали, и она растопырила их в стороны.

«Авантюристка, – ворчал Робби, – тебе нужно ещё научиться входить в поворот, тормозить, держать равновесие после трамплина...»

Никки не слушала инструкции старого друга. Ей давно не было так славно. Она со свистом влетела в ложбину меж хвойных рощ, и её

подбросило на незаметном бугорке. Никки взмыла высоко в воздух и решила, что это почти так же здорово, как летать на крыльях. При приземлении левая лыжа зацепилась за ветку, и девушка с размаху нырнула в сугроб, выбросив фонтан снежинок – словно кит, только очень замерзший.

– КАК ХОРОШО! – сказала она, выныривая и отплёвываясь от снега. Потом удивлённо спросила: – А почему я упала, Робби?

– А почему бы тебе и не упасть? – раздался иронический голос друга. – Я вмешался три раза в твои движения, а потом решил, что пора тебе спуститься с небес на землю.

– Зануда! – сказала Никки и стала разбираться с переплетёнными лыжами, ногами и руками.

Робби отказался дальше ей помогать; пришлось Никки смириться и взять у него несколько уроков. Наконец она поймала общий принцип управления лыжами и полетела дальше по склону.

Широкая просека заканчивалась на нижней площадке подъёмника. Разогнавшаяся Никки примчалась туда верхом на снежном облаке и с неудовольствием обнаружила, что на её пути стоит обширная группа гостей, разбирающихся с палками, лыжами и ботинками. Кто-то увидел мчащуюся девушку и истерически завизжал; гости бросились врассыпную, скользя, падая и образовав совсем уж необъезжаемую кучу. Тогда Никки согнула ноги, оттолкнулась и прыгнула. Она пролетела в двух футах над головами очумелых лыжников – тех, кто остался стоять, – и приземлилась на площадку за ними. Чтобы не врезаться в мачту подъёмника, Никки резко затормозила, припоминая советы Робби. Огромный веер снега и льда взлетел из-под острых лыж. Когда снег осел, то Никкиному счастливому взору предстали запорошенные и ругающиеся гости.

«Что ты себе позволяешь? – пробурчал Робби. – Мне снова пришлось вмешиваться – и людей, и столб пожалел...»

– Ты же говорила, что ни разу не каталась на лыжах! – сердито выговаривал Никки герцог Джон.

– Это правда, и что?

– Тогда тебе надо начинать с пологих горок! – назидательно сказал герцог. – Потом, упорно тренируясь, постепенно переходить ко всё более сложным трассам!

– Понятно, – кивнула Никки и двинулась на совсем уж головоломную трассу слалома.

После нескольких часов катания утомлённая Никки остановилась в

заснеженном лесу. Среди елей царили удивительная свежесть и чистота. Снежинки медленно падали, оседая на хвойных лапах и на сугробных горбах. Озабоченные красногрудые птички прыгали по лохматым ветвям, осыпая пригоршни ледяного пуха.

Никки вдыхала холодный прозрачный воздух и думала: хорошо бы поселиться в заснеженных горах, чтобы вокруг никого не было, и каждый день выходить под падающий снег – лечить душу, а потом возвращаться домой, к жарко горящему камину. Но только – чтобы вокруг не было ни-кого...

Издали доносились голоса посетителей горнолыжного курорта герцога. Никки вздохнула и поняла, что здорово устала и пора заканчивать прогулку. Да и стемнело уже.

Переодевшись в отведённой ей мрачноватой комнате, Никки спустилась в зал приёмов – в гигантское помещение со стрельчатыми окнами и псевдосредневековыми гобеленами на стенах. В зале бродили многочисленные гости герцога Джона – все незнакомые, за исключением нескольких школьников-Драконов. Это была в основном молодежь, хотя за игорными столами сидело несколько компаний людей постарше. В зале циркулировали молодые красивые девицы, все почему-то примерно одного возраста – лет около двадцати. Пожилых леди на приёме у герцога Джона не наблюдалось.

Рядом кто-то засмеялся: «Герцогу всегда удаются отличные мальчишники!..» Никки удивилась про себя: «Мальчишник? При таком-то количестве девушек?» Вдоль стены с картинами – главным образом, натюрмортами – вытянулся стол с закусками, и гости активно подкрепляли подорванные лыжами силы.

Никки сразу почувствовала голод. Сидеть ей не хотелось, и она взяла из вазы большую жёлтую грушу, предварительно посоветовавшись с Робби. Только Никки вгрызлась зубами в сладкую мякоть – подошёл высокий юноша с карими глазами и длинными небрежными волосами, собранными сзади в пиратскую косу.

– Здравствуйте, мисс Гринвич! Разрешите представиться – принц Арнольд Дональдс. Можно поболтать с вами?

Это было плохое начало. Она недолго любила принцев.

– Привет, принц Арнольд, – сказала Никки, – поболтать можно; а это ничего, если я буду есть грушу? Очень проголодалась.

И непосредственная Никки снова вгрызлась в сочную сердцевину. Принц пристально смотрел на то, как белые зубы Никки впиваются в кожу плода и как её губы блестят от грушевого сока.

– Это настолько ничего, что я притащу вам вторую, чтобы вы не останавливались... – негромко и ласково сказал принц. – С вас, мисс Гринвич, можно написать замечательную картину – «Девочка, грызущая сладкую грушу». Эх, жаль, нет у меня таланта живописца!

– Я бы всё равно не согласилась вам позировать... – неспешно прожевав кусок, сказала Никки.

– Я вам антипатичен? – неожиданно спросил принц. – Тогда я сейчас же уйду...

«Кажется, он славный парень...» – удивилась Никки и честно сказала:

– Нет, наоборот, вы становитесь мне симпатичны...

Принц даже порозовел от удовольствия.

«Вот странный принц – чувствительный и застенчивый...» – подумала Никки и спросила:

– Вы – родственник герцога Джона?

– Я – его дядя, – охотно пояснил принц. – Я живу на Земле, и Джон пригласил меня на уик-энд в этот новый замок. Отличный дворец, я о таком и мечтать не могу...

– Вы же принц, а он всего лишь герцог! – заинтересовалась Никки.

– Понимаете, мисс Гринвич, – сказал принц, – у моего отца шестеро детей, и я самый младший. Старший брат – принц Вильгельм – официальный наследник, а герцог Джон – его сын. Когда... принц Вильгельм станет королём, герцог Джон получит статус старшего принца и официального наследника династии. Этот замок на Луне и многое другое – часть обширной и тщательной подготовки к его будущей королевской власти. А я навсегда останусь младшим принцем, у которого есть лишь хорошие апартаменты в отцовском дворце и карманные деньги. Так сказать, принц на всякий случай. Никто не заботится о моих замках или о натаскивании меня по законодательным королевским наукам. Я предоставлен сам себе и счастлив этим... Я пробовал поступить в Колледж два года назад, но здорово недобрал баллов... А вы, мисс Гринвич, молодец – сдали с таким блеском, – с искренним восхищением сказал принц.

Никки так понравился этот нищий принц Арнольд, что она сказала:

– Арнольд, зовите меня просто Никки, – и протянула ему для рукопожатия правую руку, которая ещё не была липкой от сока.

Принц, улыбнувшись, осторожно пожал ладошку, и то, что он не воспользовался удобным моментом и не потянул Никкину руку к губам для поцелуя, ей тоже понравилось. Если вам протягивают руку для рукопожатия, то это означает, что вы должны пожимать её – и не более того.

– А где же вы учитесь?

– В замке отца. У него столько детей, что он постоянно держит учителей для нас. Правда, это очень скучно – учиться в замке, там мало молодежи, а все разговоры – только о политике, деньгах, союзниках и интригах...

– А о чём вы любите поговорить? – спросила Никки, доев наконец грушу и вытерев руки влажной салфеткой. – Что интересно вам в этом мире, Арнольд?

– Человек! – серьёзно улыбнулся Арнольд. – Для меня это самый главный предмет интереса и исследования. Я всё пытаюсь понять, как человек может быть одновременно великим и ничтожным, самоотверженным до подвига и эгоистичным до подлости. А иногда всё это ухитряется уместиться в одном человеке... – грустно закончил принц Арнольд.

Никки снова удивлённо посмотрела на юного принца, у которого были такие интересы.

– И как далеко вы продвинулись в своих исследованиях? – поинтересовалась она.

– Пока топчусь на месте, – признался принц. – Даже вы, Никки, ставите меня в тупик. Вы выросли вне человеческого общества, почему же вы – больше человек, чем остальные?

Принц с глубокой симпатией глядел на Никки, и ей это было приятно.

– О чём вы, Арнольд? Я – Маугли, дикарка с астероида... – сказала Никки.

– Не надо меня испытывать, Никки, – мягко сказал принц Арнольд. – Я вам даже завидую... жить свободно, без обязательств и указаний...

«А, пасторалист!» – иронично подумала Никки.

– Полагаю, вы не очень понимаете, чему завидуете... Вот вы берёте еду из вазы... – Никки кивнула на стол, – а мне приходилось её выращивать, роняя на грядку – пардон! – пот и даже кровь. Звучит патетично, но это – буквальность... – и Никки показала длинный тонкий шрам на правой руке.

Принц глубоко вздохнул.

– Это я делала помидорную теплицу... Салата захотелось поесть. Вылилась целая лужа крови... Может, поэтому у меня были отличные красные помидоры. Так что, с высоты вашего социального положения, принц, я – девочка-огородница, или, как меня однажды назвал граф Рединбург, – простолюдинка с загорелой шеей.

– С высоты своего интеллекта и независимости, – сказал принц

Арнольд, – вы должны быть снисходительны к людям, которые не мыслят себя иначе как в жёсткой социальной структуре. Они слабы, и эти рамки спасают их от пугающей свободы.

– Вы добры не только к простолюдинкам, но и к аристократам! – хмыкнула Никки.

– Я пристально слежу за вами, Никки, – признался принц Арнольд, – эти ужасные события вокруг вас, эти покушения... они должны внушить вам мысль, что вас окружает мир моральных уродов. Это меня огорчает. Мне хочется сказать вам, Никки, что человечество совсем не такое, каким оно может показаться на первый взгляд, но у меня нет никаких доказательств этому. Потому что этот мир действительно уродлив, кровожаден, жесток...

Разволновавшегося принца остановил сигнал его т-фона.

– Мне надо улетать, – огорчился принц. – Я должен быть на важном приёме отца...

– Вы сами являетесь искомым доказательством, принц... – сказала ласково Никки и протянула ему руку на прощание, со смущением заметив, что подала её выше обычного.

Принц снова порозовел и очень осторожно поцеловал ей руку. У него были мягкие губы. Принц Арнольд понравился Никки настолько, что, когда он склонился для поцелуя, она не удержалась и потрогала тёмные растрепавшиеся волосы... чем, кажется, совсем расстроила принца.

– Никки, можете делать вид, что вы – девочка-огородница, воля ваша. Только прошу: когда будете в следующий раз разбивать помидорную грядку – дайте мне знать. Пожалуй, я решусь сменить корону принца на лопату садовника... – и Арнольд с огорчённым видом откланялся.

«И среди принцев случаются хорошие люди!» – удивлённо подумала Никки, провожая взглядом уходящего Арнольда. Потом она осмотрелась, увидела горящий камин и сразу направилась к нему. Живой огонь был её слабостью.

Только она села в кресло возле камина – возник, как чёрт из табакерки, герцог Джон и стал уговаривать её что-нибудь выпить. Никки, помня о наставлении Дзинтары, захватила со стола неоткрытую бутылку минеральной воды и попросила герцога только пустой бокал.

«Я на твоём месте не пользовался бы даже пустым бокалом в этом замке... побереги чистые соки своего цветущего организма», – проворчал Робби. Никки послушалась и, налив в принесённый бокал минеральной воды, протянула его герцогу, а сама, сославшись на пережитки тяжёлого демократического детства, отпила прямо из горлышка, хотя не любила

этого делать.

– Как вам понравилась трасса? Сам замок? – потребовал комплиментов герцог.

Никки похвалила и снежный склон, и лес, и сам замок, вот только ей очень не нравились олени и медвежьи головы на стенах зала приёмов. Но об этом она не сказала хозяину дворца.

Юный герцог Джон был бесспорно умен – недаром он смог поступить в Колледж! – и они стали беседовать о разных разностях. Герцог проявил знание таких пластов социальной жизни, о которых Никки не имела ни малейшего понятия, и она слушала его с большим интересом. Потом герцог заговорил тихим интимным голосом о своём одиночестве. Это было уже не очень умно. Он ухитрился заполучить руку Никки для поцелуя и слишком долго её не отпускал, пока девушка достаточно решительно это не пресекла.

Герцог взял тайм-аут и развеселил Никки язвительными характеристиками своих гостей. Многие из них уже разбредались парочками по комнатам – по-видимому, отдыхать от лыж. Заметив это, герцог решил форсировать события и заговорил о своих серьёзных намерениях и даже о возможной помолвке – правда, он не может решить этот вопрос прямо сейчас, это вопрос политический, да и в первую очередь им нужно получше узнать друг друга... – и он положил руку на Никкино колено.

– Герцог Джон, – твёрдо сказала Никки, – пожалуйста, воздержитесь от физических контактов!

Герцог обиженно не выдержал:

– Зачем же вы приняли моё приглашение на уик-энд?

– Вы же приглашали покататься на лыжах! – удивилась Никки, не искушенная в светской жизни.

«Вообще-то, как говорят у вас, у людей, это отличная партия. Я составлю тебе такой брачный договор, что герцог никуда не денется. У тебя будет и замок, и всё остальное. А у таких друзей, как Джерри или Хао, ничего за душой нет. Чем будешь платить за следующий год Колледжа?»

«Заткнись, бездушная железяка!»

Напряжение разрядила подошедшая удивительная парочка: маленький смешной коротышка-Дракон из Колледжа, кажется второй курс, и взрослая девица захватывающей красоты – длинная, полуголая и отчётливо глупая. Толстенький белобрысый Дракон был на голову короче спутницы, но похозяйски держал её за обнажённую талию.

«Дракона Винни де Пьюха ты знаешь. С ним местная фотомоделё

Джудит Муншайн. Лет – двадцать. Интеллект – девяносто. Известна в мужских кругах как Малышка Пиу – в прозвище есть скабрёзный подтекст. Не могу расшифровать. У вас, биосистем, столько накручено вокруг размножения, чёрт ногу сломит...» – проворчал Робби.

– Милочка Ник-ки! – Модель весело покачивалась. – А мне говорили, что тебя нашли в джунглях... полностью покрытой шерстью, а ты... ик... отлично выглядишь! Милочка Ни-икки!

Что-то в имени Никки её позабавило, и она с удовольствием его корёжила.

– Я просто бреюсь каждый день с головы до ног, – приветливо ответила Никки, – милочка Пиу!

– Ой! – мило смутилась модель.

– Винни, убери сейчас же эту идиотку, – велел сердитый герцог.

Это Никки не понравилось: «Джентльмен не должен говорить даме, что она идиотка, даже если она на самом деле идиотка».

Потом Никки беззвучно поинтересовалась у Робби:

«Почему ты рассказываешь мне об этих гостях, а о принце Арнольде ничего не сообщил?»

«А своей головой и сердцем тебе не хочется думать? Или ты предпочитаешь, чтобы я решал за тебя все загадки человеческих душ?»

«Ну... в общем-то, нет».

«Вот и предоставь мне самому выбирать, о ком давать справки, а кого – оставить на твоё персональное рассмотрение...»

«Вот хитроумный темнила!» – удивилась старому другу Никки.

Неутомимый герцог Джон пустился было в новую серию уговоров и соблазнений, но тут на диван напротив опустилась совсем странная парочка – толстый неприятный немолодой мужчина в каком-то сверкающем халате и с ним абсолютно потусторонняя девочка лет двенадцати, с гладко выбритым черепом, бледной веснушчатой кожей лица и в огромных старомодных очках. Девочка была затянута в тесный чёрный комбинезон – весь в застёжках-молниях на самых неожиданных местах. Дочка? Внучка?

«Глава династии Симмонсов. Шестьдесят лет. Интеллект сто десять. Активно коллекционирует девочек от десяти до пятнадцати. Будь очень осторожна. Про его спутницу ничего не знаю, хотя догадываюсь...» – шепнул Робби.

– О боже, как вы очаровательны! – откровенно и жадно стал разглядывать Никки король Симмонс. – Зачем вам учиться? С такой внешностью вас ждёт великое будущее без всяких дипломов! Да хоть

завтра мы можем полететь в мой замок, и вы получите от жизни всё, что только пожелаете! Душенька, вы мне так нравитесь!

Король Симмонс совершенно не маскировал своих намерений и скрёб по Никки липкими пороссячьими глазками.

– Полегче, ваше величество, – сказал нервно герцог Джон, – она моя гостья.

Он сделал ударение не на «гостья», а на «моя», что царапнуло слух Никки.

– Ну-ну, герцог, – благодушно зашлёпал губами король Симмонс. – В чём проблема, сынок?

«А вот говорить джентльмену в глаза всю правду о нём – социальный долг каждой леди».

– Проблема в том, что вы мне не нравитесь, – спокойно ответила Никки королю Симмонсу. – Вы толсты и губасты, мужской шарм в вас полностью отсутствует, интеллект в полтора раза ниже моего, ну и, конечно, масса дурных, просто отвратительных привычек. Нельзя же всё компенсировать деньгами, голубчик. Надо хоть немного думать об окружающих.

Девочка в чёрном вздрогнула и ссутулилась.

– Какого чёрта, герцог! – корабельной сиреной взревел багровый король-толстяк. – Ваша девка меня оскорбила!

Но герцог Джон молчал – он потерял дар речи.

Зал перестал танцевать и веселиться, все обернулись на шум.

– К зданию, в котором вы держите своих... воспитанниц, – процедила Никки, – вызвана полиция и «скорая помощь». Кто-то решил не дожидаться обещанного великого будущего...

Бритоголовая девочка задрожала, лицо её скривилось от ужаса и подступающих слёз. Толстяк это заметил и грубо заорал на неё:

– Не смей плакать! Это враньё! Мне бы сообщили!

И тут же на его т-фоне вспыхнул красный сигнал.

– Чёрт! Чёрт! Чёрт! – вскочил король Симмонс. – Полетели домой!

– Девочка, неужели у тебя даже плакать нет права? – крикнула Никки девчонке в чёрном. – Почему ты не уйдёшь от этой свиньи?

Девчонка немедленно разревелась и потеряла бутафорские очки.

– У меня контракт! Контракт! Я не могу! – отчаянно рыдала она, оборачиваясь и жалобно глядя на Никки мокрыми глазами, а толстяк выкручивал девчонке руку и свирепо тащил её к выходу.

Никки вскочила на ноги. Ей было душно, и она не могла находиться здесь больше ни секунды.

– Спасибо, герцог, – отрывисто сказала она, – за лыжную прогулку. Я улетаю.

И решительно направилась к ближайшим дверям. Герцог сзади завопил:

– Никки! Подождите, Никки!

Но расвирепевшая Никки не останавливалась. Тогда на её перехват бросился здоровенный слуга, протягивая длинные руки. Хотя его главной обязанностью было открывание тяжёлых дверей, он решил подсобить хозяину и в сердечных делах.

Увы! Лакей-здоровяк не знал, что у Никки портится характер. Неожиданно для себя лакей пересмотрел свои жизненные устремления и с удивлённым грохотом врезался в совсем недавно установленную дверь из редких пород дерева. Он не только открыл её перед Никки, но даже всем телом придавил массивные створки к полу – чтобы Никки было удобнее пройти. Никки решила не царапать острыми каблуками ценную дверь, выпавшую из стенного проёма, и прошла по лакею, не оборачиваясь на зашумевший великосветский зал.

В вечернем платье и кроссовках, забросив сумку на спину, Никки быстро шагала по дворцовым коридорам. Робби включил сенсоры на полную катушку и подсказывал дорогу. Где-то в ожерелье был и хороший звуковой анализатор, и до Никки доносились отголоски жизни обитателей замка герцога Дональдса – хозяев, гостей и армии слуг:

– ...куда ты тащишь поднос, чучело? В зелёную спальню велено доставить...

– ...машина – блеск! Делает пятьсот за восемь, а главное – кресла раскладываются в шикарную кровать с отличными...

– ...поссорились мы с ней слегка... ну, а выпил я крепко... смотрю на себя дома – боже мой! – все руки в крови, вся рубашка в крови...

– ...если этот болван сумеет купить дешевле двадцати с половиной – пусть берёт...

– «...из таких очкариков в два счёта делаю жмуриков!», а он мне: «Позвольте, сударь!»... я чуть не обоссался от смеха...

– ...раскричалась – почему банковский счёт пустой?! Да ты, дура, грю, сама...

– ...видел новую пассию герцога? Да, хороша дикарка... я бы очень не отказался...

– ...порошок «мечта идиота» – стоит всего сотню, а хватает на три часа... голова потом – ну ни капельки не болит. По знакомству даю вам

скидку десять процентов...

– ...О боже! Господи Иисусе! О боже! Господи Иисусе!..

– ...дело маленькое, стою, глаза браво выпучил, кричу «Не могу знать!», а он меня как...

– ...милочка, если я ещё хоть раз увижу в своём доме этого молодого хлыща, то...

– ...не-ет, говорю я, ты ещё и половины не отработала... потом как заверещит...

«Это не замок с башенками, а вонючая банка с пауками! – с омерзением подумала Никки. – Шопен здесь не звучит!»

Наконец она добралась до стоянки-шлюза и с разбегу нырнула в дверь ожидающего такси. Никки чувствовала себя ужасно – девочка в чёрном, не выходила у неё из головы, а воспоминание о короле Симмонсе, назвавшем её девкой, вызывало такую физическую тошноту, что девушка опасалась не дотянуть до Колледжа. «Человек не может оставаться человеком, если он обращается с другими людьми, как с животными...»

Никки чувствовала, как её затягивает чёрная пучина депрессии, и отчаянно пыталась зацепиться за что-нибудь позитивное, но в голове толкались только рыла: госпитальный громила-охранник... Дитбит... Симмонс... зеркальный убийца... снова Симмонс...

Девушка как могла боролась с рылами, но вдруг они расступились, и появился ОН.

И её пронзило понимание!

«А-а, старый знакомый... – Никки смертельно побледнела, – снова пожаловал...»

Это был МРАК – тот самый, который чёрным удушьем навалился на неё, маленькую Никки, и напугал до смерти. МРАК, отнявший всё, что у неё было в жизни, МРАК, от которого она визжала так, как потом уже не кричала никогда в жизни. Она прекратила вопить, лишь когда жестокий удар перебил ей позвоночник и сознание покинуло объятый болью и страхом мозг. Если бы она не сломала шею, то просто умерла бы от ужаса, задушенная МРАКОМ.

И вот ОН снова пришёл.

Никки попятилась, схватившись за горло и хватая ртом густой клейкий воздух. Её ноги быстро стали неметь, а шея вспыхнула огнём. В этот момент дверь такси открылась, и девушка буквально вывалилась на ярко освещённую площадку перед Главной башней...

В страшной панике Никки примчалась в свою комнату и включила все лампы и светильники. Не сообразив, отдернула шторы, но из-за оконного

стекла на неё оскалилась ночь. Никки шарахнулась, но неожиданно её взгляд притянулся к освещённому квадратику Джерриного окна в башне Сов. Тёплый лучик коснулся Никки. Она почти закричала в т-фон, и удивлённый голос сразу ответил:

– Никки?

– Джерри! – с пронзительным облегчением воскликнула Никки. – Пожалуйста, приходи ко мне!

– Ты разве не в замке Дональдса? – Джерри нескрываясь обрадовался.

– Нет, я уже у себя дома. Приходи, чаю попью, только... не выключай т-фон, пока идёшь, – и Никки, не переставая болтать о пустяках с Джерри, быстро поставила на кофейный столик чашки и печенье, всей холодной кожей ощущая, как отступает МРАК из углов комнаты.

– Почему ты уехала из замка? Тебе не понравилось? Герцог посмел быть грубым с тобой? – спросил вошедший Джерри, и в последнем его вопросе прозвучали металлические нотки.

– Кататься на лыжах по снежной горе – это нечто! Я прекрасно отдохнула – вернее, устала... а потом началась вечеринка, такая му-утная... там бродили такие мерзюки, что я решила уехать домой... – не очень внятно объяснила Никки. – Ты знаешь, Джерри, мне в голову пришла совсем детская мысль. Оказывается, для сказочного замка главное – не башенки, а его обитатели. В этом смысле дворец Дональдсов – это не замок, а просто многоэтажный зоопарк. Да простят меня звери...

Они сидели и пили чай, болтали о школьных всячинах, и Никки отдыхала душой и глазами на нормальном человеке. Но она обратила внимание, что Джерри всё время отводит от неё взгляд.

– Почему ты смотришь по углам, а не на меня? – прямо спросила девушка.

– У тебя очень... красивое платье, – с некоторым усилием сказал Джерри.

– Что-то не так? – забеспокоилась чуткая Никки.

– Оно очень... м-м... откровенное, – покраснел Джерри.

– Ну, не я же его придумала! – удивилась Никки. – Оно было в каталоге, в разделе «Первый раз на светский приём». Я купила его по Сети и сунула нераспечатанную коробку в сумку... Стала одеваться – кошмар! Ткани мало, а частей много, всё какое-то полупрозрачное, еле собрала всю конструкцию вместе... Но я всё правильно соединила – у меня не осталось лишних деталей, за исключением вот этой...

Никки достала из сумки что-то длинное и ажурное.

– Тут есть застёжка, и я решила, что это какой-то модный пояс... но

потом нашла другой, обычный поясок. Я так и не решила, куда это надевать.

– Это не совсем пояс, – кашлянув, сказал Джерри, – это носят... ближе к шее.

– А зачем? – с любопытством естествоиспытателя спросила девушка.

– Э-э... – дорожа репутацией эксперта, осторожно сказал Джерри, – не могу ответить на этот вопрос... э-э... со всей определённости.

– Надо будет спросить Дзинтару или Изабеллу... – вздохнула Никки, запросто засунула руку в вырез платья на талии и со звонким щелчком что-то поправила в своём наряде.

Вскоре разговор стал угасать.

– Слушай, Никки, ты на ходу спишь. – Джерри решительно встал со кресла. – Я пошёл к себе. Отдыхай.

– Я ненавижу спать, – сомнамбулически раскачиваясь в кресле, жалобно пробормотала Никки, у которой отчаянно слипались глаза после долгого дня с горнолыжным катанием. – Мне снится всякая дрянь... Мне страшно...

– Давай я посижу с тобой, пока не заснёшь покрепче... – несмело предложил Джерри. – Помнишь, как ты мне колыбельную пела?

– Посиди, – согласилась смертельно сонная Никки, поднялась с кресла и сразу сбросила тонкие бретельки вечернего платья с плеч.

Платье рухнуло на пол так быстро, что Джерри еле успел отвернуться – ну... почти успел. Он, переводя дух, смотрел в угол комнаты невидящими глазами и с досадой думал, что Никки упорно не желает понимать, какое действие она производит на окружающих своими манерами...

Позади всё затихло, и Джерри несмело обернулся. Никки неподвижно лежала в кровати под простынёй и уже спала. Её новое вечернее платье кучкой лежало на полу. Джерри подошёл, осторожно поднял его и повесил на спинку кресла. Там были ещё какие-то отдельные воздушные штучки, он их тоже пристроил на кресло, стараясь не разглядывать. Посмотрев на уснувшую Никки, он решил, что всё в порядке и пора уходить. Но не успел дойти до двери, как Никки произнесла его имя. Джерри обернулся:

– Никки?

Она яростно что-то сказала, громко окликнула кого-то ещё и порывисто зашевелилась. Джерри неуверенно шагнул ближе, но тут Никки так жалобно застонала, что он стремглав бросился к ней. Юноша схватил Никки за руку, стал ласково гладить её кисть и что-то ласково бормотать... Это помогло – девушка успокоилась и задышала спокойнее. Джерри осторожно распрямился и решил пока посидеть в кресле. Вскоре руки и

ноги Никки быстро задёргались, а она невнятно заговорила – с ненавистью, обращаясь к кому-то невидимому. Джерри снова подскочил со своего места...

О боги! – это продолжалось всю ночь. Каждый новый Никкин кошмар наполнял сердце Джерри состраданием. Как же она мучается, бедная девчонка! За что же ей такое выпало? Он изо всех сил старался ей помочь, но что он – по большому счёту – мог?

Довольно быстро Джерри со смущением обнаружил, что Никки не признаёт пижам и подобных постельных причиндалов. Простыня то и дело соскальзывала с мечущейся Никки, но Джерри, стиснув зубы и обжигаясь, старательно поправлял её – подсматривать нечестно. Он любовался бы этой девчонкой бесконечно, но только не тогда, когда она об этом не знает...

Никки спала, а Джерри был взволнован и – немного стыдясь этого чувства – счастлив: он ласково прикасался к Никки, стирая пот с её разгорячённого лица, и – в качестве крайней антикошмарной меры, исключительно в интересах самой Никки! – даже легко целовал её в лоб. Только в лоб, никуда больше – это же почти братский поцелуй... О боги, помогите мне... что за странная ночь – ночь страшных кошмаров и чудесных прикосновений...

Под утро Никки затихла, и он тоже отключился в кресле после бессонного дежурства... И мгновенно проснулся от громкого плача Никки. Она плакала во сне – как ребёнок, отчаянно и навзрыд, с переходом в истерический визг. Такого ещё не было. Джерри метнулся к ней, крича:

– Никки, Никки, проснись! – и стал трясти её за плечи.

Она никак не реагировала на призывы, а её горькие рыдания просто разрывали сердце. Слёзы быстро бежали по лицу Никки, но она не просыпалась. Мороз прошёл по спине Джерри – он никогда ещё не видел Никки плачущей, она была сильным человеком.

Эта девочка перенесла столько в своей жизни – какой из ужасов снится ей сейчас? Гибель родителей? Отчаяние одиночества в пустом корабле? Страшный эпизод её робинзонады, оставившей ей шрамы на руках? Надвигающаяся огненная смерть в пещере?

Джерри бросился на кровать и крепко обнял отчаянно ревущую Никки, защищая от неведомых опасностей. Сердце его захлёбывалось жалостью. Джерри гладил Никки по голове, шептал ласковую чушь, и постепенно девочка успокоилась, и плач сменился обиженным всхлипыванием.

Наконец она что-то сердито пробормотала, дёрнула рукой, крепко зажав в кулак его рубашку, и затихла у Джерри на плече. А он с ослепляющим гневом думал о том, какой чудовищной мерзостью вместо

души нужно обладать, чтобы пожелать убить ребёнка... Девочку... Что за подлый мир, о боги космоса...

Джерри долго лежал, боясь пошевелиться и потревожить наконец спокойно заснувшую Никки...

Никки пробудилась в хорошем настроении. «Оказывается, после лыжных прогулок спится легче обычного...» Она повернула голову и увидела рядом с собой Джерри, посапывающего в глубоком сне. Её как пружиной подбросило. Какого чёрта!

Джерри негромко всхрипнул, повернулся на другой бок и снова тихо задышал. Приподнятое настроение Никки мгновенно улетучилось. «Я хочу к себе на астероид! Вчера толстый король Симмонс обещал всё-что-угодно и мазал меня своими гнусными глазами, герцог Джон сулил золотые горы и хватал за коленки, сегодня Джерри-паж без всяких церемоний оказался в моей постели... Когда меня оставят в покое!»

Никки была крайне несправедлива к Джерри, но с ней жизнь обходилась ещё несправедливее и жёстче. Когда помрачневшая Никки потянулась к халату, странное давление скрутило её и бросило на пол.

В углах комнаты за клубился, стремительно расширяясь, МРАК, и чёрная волна захлестнула Никки с головой.

Джерри разбудил Никкин голос:

– Эй, сударь, просыпайтесь!

Он открыл глаза, обнаружил себя лежащим на Никкиной кровати и смутился. Время близилось к девяти гринвич-утра. Никки, в тёмном глухом комбинезоне, стояла у расшторенного окна и безотрывно смотрела в лунную ночь.

– Так-так, сударь! – холодно сказала она, не поворачивая головы. – Значит, воспользовавшись моим сонным состоянием, вы, господин хороший, не ушли к себе, как честный человек, а бесцеремонным образом расположились на моей кровати! Ещё какими подвигами вы можете похвастаться?

Она ещё никогда так не разговаривала с Джерри.

– Прости, Никки, – с вспыхнувшим лицом пробормотал он. – Я сейчас же уйду.

Джерри вскочил с кровати и устремился к двери, но на полпути остановился.

– Никки, не сердись, пожалуйста, – сказал он умоляюще. – Тебе снились кошмары, и я только хотел тебе помочь...

– Тебе это не удалось, – глухо отозвалась Никки, так и не

поворачиваясь от чёрного окна.

– Никки, тебе нужна помощь... Я всё готов для тебя сделать... Неужели ты не видишь, как я к тебе отношусь... – с трудом выговорил юноша своё признание.

Никки помолчала, глядя в темноту, а потом сказала незнакомым голосом:

– Джерри, ты должен наконец понять. Когда ты поцеловал меня после рождественского бала – это было как удар молнии... как ожог! Лицо моё горело от одного воспоминания об этом поцелуе... Я подумала, что влюбилась в тебя. А может, это так и было – несколько счастливых дней...

Юноша судорожно вздохнул.

– А потом зеркальный мерзавец в тоннеле выпотрошил меня как рыбу... или превратил в пепел, и я уже не чувствую ни молний, ни искр... Наверное, я сейчас не человек, а равнодушный робот. Я не могу тебя обманывать, Джерри, – во мне больше нет прежних чувств... Наша Тайна умерла вместе с детством...

У Джерри в голове зазвенело и раскатилось сумбурное эхо: «Это конец! конец!.. ты вчера был как лев... наклонись ко мне... больше никогда! никогда!»

– А сейчас уходи, прошу тебя.

Джерри вздрогнул и двинулся на одеревенелых ногах к двери. На пороге комнаты он с отчаянием обернулся и, с трудом двигая замёрзшими губами, прошептал еле слышно:

– Никки...

Но она услышала и медленно повернула к нему голову с жёстким хрустальным ежиком.

И Джерри похолодел от ужаса.

У Никки глаза стали цвета мрака.

Даже если бы Джерри захотел что-то сказать, то не смог бы – железные пальцы сдавили его горло. Он неловко махнул рукой, сгорбился и исчез в проёме двери. Джеррин безнадежный взмах и его убитая спина были полны такой безысходности, что, как только дверь за Джерри закрылась, Никки укусила до крови костяшку пальца.

Вдруг к девушке пришло отчётливое ощущение, что она своего лучшего друга не просто прогнала, а отдала на съедение дракону. Как будто беспощадная голодная зверюга стояла и ждала Джерри за её дверью.

У Никки заколотилось сердце, и помутилось в голове. «Что за бред! Его никто не тронул – Джерри ушёл в свою башню...»

«Он твой лучший друг! Он много раз спасал тебе жизнь!» – сказал ей

голос то ли совести, то ли Робби.

– И на кой чёрт нужно было спасать такую жалкую и страшную жизнь! – отчаянно закричала Никки и рухнула в подушку.

Джерри потом не мог вспомнить, как он дошёл до башни Сов.

Он больше не гулял с Никки в парке, не разговаривал с ней вне обеденного стола, да и за ним тоже не получалось... Он пробовал, и много раз, но она всегда уклонялась от встреч и бесед.

Душевное состояние Никки окончательно рухнуло после посещения замка герцога Джона. Джерри давно плюнул на собственные чувства, закрыл их в глухой деревянный сундук и больше всего страдал, наблюдая, как Никки худеет и мрачнеет. Тёмные подглазья свидетельствовали, что она спит всё хуже и хуже. Никки перестала следить за собой, – и чем дальше, тем заметнее она становилась всё более агрессивной и грубой.

После ужина группа младшекурсников поймала и мучила кентаврика-официанта, пиная его, толкая и ставя многочисленные подножки. Робот имел строгую подпрограмму: «Не наступи на ногу человеку!» – и, следуя ей, он старательно поднимал свои механические ноги, оберегая подставленные человеческие. Но ему делали столько подножек, что ему не хватало оставшихся ног, чтобы сохранить равновесие. При этом у робота возникал острый конфликт двух подпрограмм – «Не наступи на ногу человеку!» и «Не упади на человека!» Бедный робот жужжал, топтался, качался, беспрерывно бибикал и тихим жалобным голосом просил дать ему пройти.

Никки заметила эту сцену, подошла сзади и гаркнула над ухом лоботрясов знаменитым сварливым голосом профессора Дермюррея:

– А ну, шпана! Всех к директору!

Мучители робота в панике прыснули по сторонам. Никки поставила одну универсальную подножку – и шалопаи с грохотом рухнули на пол.

– Да что с тобой случилось, Никки?! – закричал с пола кто-то из упавших. – Это же всего лишь робот!

– А ты – всего лишь тупой и эгоистичный примат!

В конце завтрака к столу, где оставались лишь тягостно молчащие Никки и Джерри, подбежала оживлённая стайка младшекурсниц – Оленей и Драконов.

– Никки, Никки! – хором загалдели они.

– Мы в театральном кружке будем ставить пьесу «Любовь дракона»!

– ...мы – фрейлины принцессы!..

Никки демонстративно поморщилась.

– ...о-очень долго спорили...

– ...за роль принцессы Климты из старого замка все передрались!

Никки вздрогнула как от укола.

– ...наконец решили – играть принцессу Климту будешь ты!

– Что скажешь?!

– Ты рада?!

Свирепая Никки:

– Сейчас описуюсь от восторга...

Немая сцена. Хорошо ещё, принцессы Дзинтары при этом не было.

Той весной мрачная Никки достигла минимума своей популярности в школе. Редко кто отваживался заговорить с ней в коридоре. Она слегка оживлялась лишь на уроках, когда погружалась в мир звёзд, атомов и математических уравнений – где бог Эйнштейна был изошрён, но не злонамерен, где игра велась по физическим законам и правилам – странным и трудноопределимым, но – неизменным и не подлым.

Мысли же об омерзительном человеческом обществе, ранее состоявшем для девочки Никки из принцесс, коленопреклонённых пажей и прочих благородных обитателей замков, сейчас лишь ранили сердце повзрослевшей девушки, как и воспоминание о своей разбитой детской любви, от которой у неё осталась лишь канарейка.

Глава 16

Битва с драконами

Утро Майского Рыцарского Турнира! Все студенты Лунного колледжа, проглотив завтрак, бегом устремились на стадион занимать лучшие места – ведь сегодня зрителей будет множество! Ежегодно, в первую субботу мая на стадион Колледжа собирались болельщики даже с Земли – посмотреть на битву юных рыцарей с ящерами и драконами.

Никки никуда не побежала, а бесцельно вышла из кафе и вяло побрела по опустевшим коридорам Колледжа. Между тем она числилась участником финальных турнирных поединков и уже должна была сидеть в Рыцарской Ложе, возле поля битвы, вместе с другими рыцарями разглядывать соперников – ящеров и драконов, нервно подгонять латы и проверять оружие. Но ей совсем не хотелось ни идти куда-то, ни драться... День ото дня она чувствовала себя всё хуже – апатия и мрачность давили сильнее и сильнее, и от прежней весёлой Никки осталась лишь тень.

Коридор гуманитарного корпуса закончился круглым тупиком, где лукавый пол притворялся древней булыжной площадью, а стены изображали средневековую панораму публичного сожжения ведьмы. Видимо, эта голограмма сохранилась после урока истории.

Никки остановилась перед худой низкорослой девушкой с землистым лицом, одетой в колючий балахон из жёлтой мешковины и привязанной к столбу. У босых ног ведьмы лежала совсем небольшая кучка хвороста. Место казни ограждала цепь солдат, а с балкона каменного здания неотрывно смотрел бледный бородатый человек в расшитом серебром тёмном камзоле. За его спиной неподвижной статуей стоял сиреневый прелат с крестом в руках и с глазами в небе.

Шумная возбуждённая толпа людей держалась на расстоянии длины копья от цепочки солдат, и лишь всё время хохочущий городской юродивый, растрёпанная низкорослая старуха и две молодые некрасивые женщины в чёрном осмеливались подбегать ближе и бросать сквозь строй солдат отдельные сучья и даже небольшие вязанки хвороста к ногам ведьмы. Чёрные женщины, похожие на взъерошенных ворон, и что-то бормочущая седая карга занимались этим страшным делом с безумным остервенением, несмотря на чувствительные удары древками копий, которыми их награждали мрачные солдаты.

Что-что, а сожжение живого человека Никки не согласилась бы

наблюдать ни за какие блага мира. Она уже повернулась, чтобы уйти, но заметила поразительную деталь: девушка счастливо улыбалась и благословляла людей, кидающих к её ногам хворост; глаза ведьмы избегали остальной толпы, зато она часто с тоской и любовью поглядывала в сторону бледного человека на балконе.

– Почему ты так смотришь на человека, велевшего тебя казнить? – спросила пораженная Никки.

– Мы любим друг друга, а отправить меня на костёр ему велел долг... – тихо ответила девушка у столба.

– Как долг может заставить бросить любимого человека в огонь? – вознегодовала Никки.

Юная ведьма у столба печально улыбнулась и сказала:

– Ты наивна. Мой возлюбленный сейчас очень несчастен... он будет гореть на костре вместе со мной, а потом, бедный, в муке жить без меня долгие годы...

– А за что ты благодаришь своих палачей, бросающих к твоим ногам хворост?

– Ты снова не понимаешь... Это моя мать и дорогие сестры... – нежно посмотрела на чёрных женщин девушка. – Они мои благодетели – рискуя жизнью, они несут мне быстрое избавление... Ведь я осуждена к сожжению на медленном огне! Разве это не счастье – получить скорую жаркую смерть взамен долгого мучительного тления? Знаешь ли ты, Никки, что такое смерть на медленном огне?

– Знаю... – сказала Никки и решительно направилась к выходу из этого кошмарного тупика.

«О чём Вольдемар только думает, оставляя такие голограммы после занятий? Какая ведьма странная... по имени меня назвала. Понятно, что это говорит Вольдемар, но все равно жутковато...»

– Робби, сколько женщин сожгли религиозные фанатики Средневековья?

– Достоверной информации мало, но, вероятнее всего, речь идёт о миллионах жертв, объявленных инквизицией ведьмами.

Это потрясло Никки.

На фоне такого ослепительного горя собственные несчастья блекнут.

И тут её поразила мысль:

«Может, Вольдемар неспроста показал мне эту сцену?»

Как всегда, комментировал Майский Рыцарский Турнир главный тренер Колледжа, профессор спорта Демицелло.

– Привет, привет, всем дорогим болельщикам и участникам турнира! – торжественным голосом пропел профессор, открывая Турнир. – Битва рыцаря и дракона – что может быть сказочнее и нереальнее? Но вот они – наши настоящие рыцари в латах, с мечами и копьями! Поприветствуем героев! – Демицелло, аплодируя, повернулся к сектору, где разместились со своим вооружением участники турнира. – А вот и их соперники – десять отличных ящеров, они же – «наземные драконы»! Трое же настоящих драконов – летающих зубастых красавцев! – ещё сидят в загоне в качестве сюрпризов.

Зрители с участниками и так смотрели на ящеров во все глаза. Монстры производили сильное впечатление: они вспыхивали огнём, скалили зубастые пасти и драли острыми когтями травяной дёрн, оставляя на поле глубокие чёрные борозды.

– Драконоборчество возникло и по традиции сохраняется как вид крыльевого спорта, – пояснял Демицелло, – но в последние десятилетия в моду вошли столь опасные и быстрые драконы, что крылья только мешают участникам. И сейчас драконоборцы сделали выбор в пользу крепких щитов с доспехами. Они предпочитают стоять ногами на земле, отражая нападения бегающих и летающих монстров. Кроме того, драконы не дают возможность натянуть страховочные сетки на поле – они их цепляют и рвут, поэтому рыцарям трудно использовать крылья: полёты приходится сопровождать дополнительными мерами безопасности. Последние годы применение крыльев участниками турниров вообще не предусматривается.

Трибуны дудели, гудели, хлопали и что-то скандировали.

– Битва с драконом – это индивидуальный поединок! Один на один. Никто не поможет. Соперник могуч и опасен, но тем славнее победа над ним! – торжественно вещал комментатор. – Сначала состоятся дуэли десяти лучших бойцов школы с нелетающими ящерами. Напоминаю, что скорость движения драконов во время поединка всё время увеличивается – пока рыцарь выдерживает такой темп. Скорость и точность ударов участников финала суммируется в баллах. Трое сильнейших рыцарей – с наилучшей реакцией и меткостью – потом сразятся с летающими драконами.

Среди сегодняшней десятки лучших бойцов Колледжа – пять Леопардов, два Дракона, две Совы и один смелый Олень!

Перечисляю рыцарей-Леопардов: Джон Багстоун, Лили Буриме, Дзян де Син, Фил Лемански и Никки Гринвич! Все – старшекурсники, за исключением мисс Гринвич. Впечатляющее владение копьём позволило Никки победить противника-гризли в отборочном турнире в течение первых двух минут! Джон Багстоун в прошлом году стал обладателем

Кубка Золотой Перчатки, и сегодня он полон решимости повторить свой успех. Рыцари-Драконы представлены четверокурсниками Ширли Яной Глюм и Гленливетом рю Шардонне. Две Совы – Айван Милин, пятый курс, чемпион позапрошлого года, и Цзи Попула – второкурсник. Храбрый Олень – Кристина Снайдер, первый курс. Прекрасную технику меча показала Кристина на тестовом поединке с носорогом и заслуженно вышла в финал!

По жеребьёвке Никки сражалась второй. Она ослабила завязки жёстких лат тёмно-бордового цвета и поудобнее устроилась на скамейке, положив рядом тяжёлый меч и длинное копьё. Она была мрачна и больше думала о девушке у столба, чем о турнире.

Первой на рыцарское поле вышла Кристина – и очутилась перед ящером, похожим на чудовищную трёхрогую крысу ростом в холке метра в три. В левой руке Кристи держала щит, в правой – копьё. Ящер взревел, разинув пасть-чемодан, выпустил клуб пламени и бросился вперёд. Кристина ловко метнула копьё, и оно вонзилось прямо в глотку зверю! Тот завизжал, замотал головой и перекусил длинное древко. На стадионном табло баллы Кристины прыгнули вверх. Ящер, волоча длинный хвост, подбежал грузной рысцой к девушке, которая уже обнажила длинный клинок. Началась ожесточённая сеча.

Чудовище махало огнедышащей головой, орудовало длинными рогами и правой когтистой конечностью, пытаясь достать Кристину. Та ловко отбивалась, громко лязгая мечом по чешуйчатой шкуре и лапам ящера и защищаясь щитом от огненных клубов. Но, как обычно, перевес оставался за монстром – он всё убыстрял свои движения, и Кристине приходилось туго. Наконец ящер стремительным ударом лапы выбил меч Кристины. В следующую секунду её щит растаял под пламенным дыханием рогатой крысы, и Кристина вышла из игры.

– Отличные баллы набрала Кристина Снайдер в своём первом официальном поединке с ящером, – заявил комментатор. – Поздравим её!

Никки затянула латы и вышла на поле, не дожидаясь вызова. Ближайший динамик что-то бубнил голосом спортивного профессора, но Никки не обращала на него внимания. Она смотрела на выбежавшего на поле своего ящера – тёмно-зелёного, сгорбленного, с шипастой мордой, страшной не клыками, а беспощадными красными глазами с ледяными зрачками-щёлками. Зверь двигался рысью, поочередно ударяя в землю массивными задними лапами, прижав гибкие передние конечности к чешуйчатой груди. Хвост, усеянный острыми треугольными пластинами, с силой бил по траве. Ящер гулко рычал и плевался огнём, глядя на Никки

свирепыми глазами.

Никки уже не раз видела это – приближение врага, жаждущего убить её.

Мы рождаемся, чтобы жить и радоваться жизни, любить и быть любимыми. Но всегда находится тот, кто посылает нас на костёр во имя высших побуждений... или принуждает к животному контракту... или равнодушно сметает с пути, как ничтожную пыль.

Ты! Когда же простая мысль вращается в твой хребет зверя и выпрямит его: нельзя убивать людей, нельзя делать их рабами, нельзя лишать человека шанса на счастье!

Иначе ты будешь проклят!

– Ну, иди сюда, тираннозавр сраный, – сказала Никки ящеру, и её захлестнула волна гнева.

Она глубоко воткнула копьё в травяную землю и без колебаний пошла вперёд только со щитом и отведённым назад мечом. Ящер с гулким топотом подбежал к ней идохнул огнём. Никки быстро подняла щит навстречу пламени, и одновременно запел её меч, взлетая по дуге вверх, к корявой морде. Клинок блеснул на солнце...

БАНГ! Сильнейший удар своротил набок шипастую голову ящера. Он жалобно завопил, и его левый глаз с колючим золотым зрачком погас. В следующий момент лапа ящера так ударила в щит, что Никки отшвырнуло на несколько шагов. Разъярённый дракон бросился в атаку – гораздо быстрее, чем в первый раз. Высотой он раза в два превосходил девушку, но его голова с оскаленными клыками была опущена и тараном нацелена на маленькую фигурку. Никки подождала, потом неуловимым движением скользнула в сторону, и её меч лязгнул о другой глаз дракона. Раздался страшный рёв.

Ящер промчался мимо, затормозил, взрывая клочьями дёрн, и нанес стремительный удар длинным хвостом. Она еле успела подпрыгнуть над свистнувшим бревном с острыми пластинами. «Лучше иметь дело с мордой!» Ящер развернулся и снова ринулся на девушку. Его омерзительная голова была слепа, но он по-прежнему хорошо ориентировался и знал, где находится враг. «Зверюга видит не только глазами...» – быстро подумала Никки, и снова её меч запел навстречу тираннозавру. Ящер вскинул голову, и клинок достал только до левого плеча. Отдача здорово ударила по Никкиной руке.

Ящер взвизгнул и хлестнул лапой по щиту. Никки едва удержала его и

отступила. Когтистая лапа потянулась за ней, но медленнее, чем раньше. Дракон злобно рычал.

«Что?! Не нравится?! – в ответ зарычала Никки и обрушила град быстрых яростных ударов по передним лапам и груди ящера. – Ты! Безмозглый! Змей-переросток! Даже не представляешь! Какая это! Удивительная штука! Кинетическая! Энергия!» – свирепо рубилась Никки. Она не обращала никакого внимания на табло и баллы, вкладывая в удары меча всю накопившуюся злость и боль последних месяцев. Ящер плевался пламенем и отмахивался когтистыми конечностями, но, казалось, он элементарно трусил, ощутив Никкино бешенство, и его битые лапы двигались всё неувереннее.

КРАК! Очередной удар меча в плечо ящера оказался удачным: левая передняя лапа повисла вдоль чешуйчатого тела. Дракон взвыл и мощным правым хуком опрокинул Никки на землю. Не успела девушка встать, как на неё сверху обрушился ещё один когтистый удар. Никки парировала его щитом, но это обошлось ей дорого: дракон зацепил щит и отбросил в сторону. Ящердохнул в лицо девушке вонью свирепой пасти и снова взмахнул страшной лапой с бритвами-когтями, со свистом режущими воздух.

Лежа, девушке было трудно отбиваться мечом, но она крутанула его над самой травой, разогнала как смогла и ударила по запястью приближающейся драконьей лапы.

Ей повезло – удар попал в щель панциря.

Когтистая кисть отлетела и тяжело грянула о землю. Из торчащего обрубка хлынула фосфоресцирующая зелёная кровь.

Ящер оглушающе завизжал, неуклюже повернулся и рысью устремился в стойло.

Никки с трудом поднялась с земли, тяжело дыша и утирая запястьем пот, бегущий по лицу.

Голографический чешуйчатый морок сошёл с отсечённой конечности ящера, и стали видны пластокремниевые панцирные пластины, никелированные суставы, сервомоторы и начинка электронных блоков, жестоко разрубленных мечом.

Никки повела глазами по бушующим трибунам, и только тогда внешний звук включился для неё.

– Поразительно! Чудовищно! – восклицал на весь стадион профессор Демицелло. – Такого я ещё не видел – отсечь лапу ящеру! Мне даже непонятно, что будет делать оценивающий компьютер – в его балльной системе просто нет такой опции!

Трибуны ревели. Никки побрела к Рыцарской Ложе, успокаивая дыхание и сумасшедшие удары сердца. Она села на скамью и сняла с себя доспехи, не обращая внимания ни на что вокруг – ни на крики, ни на поздравления. И никто не решился переступить давно существующий невидимый круг отчуждения вокруг Никки – ни обнять, ни дружески хлопнуть её по плечу.

Никки вновь захлестнула знакомая горечь.

Я стала прокажённой и одинокой... Никому не нужной, как старый башмак... Биоробот с мечом на потеху публике... У меня был единственный друг, и того я прогнала...

И вдруг на Никки навалился такой приступ тоски, что – невиданное дело! – в горле защипали и запузырились слёзы. Она склонила голову к коленям, пытаясь унять жестокую боль в груди, и зачем-то обернулась на ближайшую трибуну. И не поверила своим глазам – всего в нескольких метрах сидел Джерри с взволнованным лицом, и его голубые глаза неотрывно смотрели прямо на неё. Ему не хватило места на переполненных зрителями скамейках, и он уместился на узкой и жёсткой каменной ступеньке – зато ближе всех к Рыцарской Ложе. Тёплый лучик протянулся к Никки – она поймала его и поспешно отвернулась.

Джерри не забыл меня! Он смотрит в глаза, прямо в сердце!.. Он всё ещё друг мне!

Я-то ведь не прикована к столбу! Я могу бороться!

Но что я должна сделать, чтобы вернуть себя?

Убийца приходит не только за твоей жизнью, он приходит и за твоей душой. Когда я вспоминаю того зеркального типа, пещеру и огонь вокруг, у меня сердце начинает биться, как в лихорадке, и всё вокруг плывёт и мутнеет... Я стала сама не своя... Эти кошмары каждую ночь... Что же, чёрт побери, со мной происходит? Убийца не смог забрать жизнь, но убил душу? А как можно жить без души...

Начался следующий поединок: Багстоун бился с жёлтым шестипалым монстром – без хвоста, но с длинным зубастым языком. Прошлогодний чемпион продержался минут десять.

Красотка Ширли в синих доспехах и с белокурой непокрытой головой вышла на арену против зелёной супер-игуаны. Она долго и осторожно фехтовала с рогатым крокодилом, грамотно демонстрируя эффектную

себя...

Больше часа длились поединки с ящерами, после чего объявили победителей. Никки не удивилась и не обрадовалась, равнодушно найдя себя наверху списка. Впрочем, сегодняшняя схватка доставила ей странное удовлетворение. Кто там следующий? Летающий дракон? Очень хорошо. Она ещё ни разу не дралась с настоящим драконом.

Вдруг Никки вспомнила...

Феликс-Олень! Он летал на крыльях как юный бог – сделал два круга над стадионом уже в первом полёте, а через месяц порыв ветра опрокинул его в штопор. Феликс зацепился за склон, врезался в скамейки и сломал правую руку возле запястья – сразу два луча.

...Через месяц Феликс – вполне здоровый физически, с зажившими костями – вернулся на стадион, вышел с надетыми крыльями на стартовую площадку... и вдруг у него сделалось белое лицо, и он задышал, как астматик. Сердце его забило с такой силой, что, казалось, эхо раздалось под куполом стадиона... Падение отняло его крылатую душу. Оказалось, что ему невыносимо страшно прыгнуть с обрыва – вернее, не ему, а его подсознанию. Оно запомнило болевой шок и тот психологический нокаут, когда смотришь на свою руку, такую верную и сильную всего мгновение назад, и которая вдруг безумно – глаз режет! – торчит в сторону и уже не часть твоего ловкого тела, а лишь чужой, беспомощный и очень больной кусок мяса...

– Перечисляю рыцарей-победителей в порядке предстоящих поединков Суперфинала! – крикнул профессор Демицелло.

– Джон Багстоун – чемпион Рыцарского Турнира прошлого года, Орден Леопардов, пятый курс!

Рыцарь Багстоун приветственно махнул публике любимым двуручным мечом.

– Граф Гленливет рю Шардонне, Дракон четвертого курса!

Аристократ рю Шардонне очень гордился тем, что он НАСТОЯЩИЙ граф, потомок, кажется, одного из рыцарей Круглого стола короля Артура. Он картинно отсалютовал стадиону копьём с шёлковым шарфом на конце – наверное, подарком Дамы Его Сердца.

– Николь Гринвич – первокурсница-Леопард, первый раз на турнире!

Никки сидела на скамейке совершенно неподвижно. Профессор, сделав паузу, слегка разочарованно объявил:

– Начинаем первый поединок!

Шок от предательства твоего тела... в юности все думают, что будут жить вечно, а болезни и смерть – лишь для других... поэтому сломанная рука – это удар в поддых, беспощадный знак равнодушного мироздания: ты тоже уязвим и смертен...

Тиля-Сова после открытого перелома плеча никогда не приходит на стадион – даже болеть за друзей.

Феликс превозмог животный страх подсознания и сумел снова подняться в воздух, но летает он уже не как свободный смеющийся бог, а как испуганный комок нервов, зажатых в неуклюжем потном кулаке...

На коричневого Багстоуна спикировал небесно-голубой дракон с тремя маленькими головами на длинных змееподобных шеях. Багстоун стал отбиваться от него пикой, и его баллы на табло полезли вверх.

– Каждый дракон, – пояснял комментатор для совсем уж несведущих зрителей-новичков, – имеет ахиллесову пяту – уязвимое место, которое может быть где угодно – на пятке, языке, кончике хвоста, в середине спины. Удары по дракону оцениваются судьями по степени близости к пятну уязвимости. Сам рыцарь определяет расположение ахиллесовой пяты по эффективности своих ударов. Если он сумеет попасть в эту точку, то сразу выигрывает поединок. Если никто из участников не поражает дракона, победитель турнира определяется по набранным баллам.

Так вот оно что! Давай, Никки, признайся честно себе самой – ты испугана! Безумно, до дрожи... Испуг не в сознании, а в подкорке... запах горелой кожи и трещащих волос... ощущение безнадежности и конца... отключение тела и скольжение во тьму...

Я слишком хорошо помню этот ужас... он врезан, вплавлен в меня, как в камень. Я не хочу умирать, и это не мысль сознания, а невероятно сильное и страстное желание подсознания... оно отчаянно боится снова попасть на безвыходную грань жизни и смерти...

Что же мне делать? Я хочу жить так, как жила всегда, но не могу – мое подсознание пропитано страхом и затоплено ненавистью...

Копьё Багстоуна сломалось, упёршись в бронированную грудь дракона, и коричневый рыцарь схватился за меч.

– Багстоун наконец нащупал уязвимое место своего дракона – серединную голову! Рыцарь пытается её достать, но мечом это сделать очень трудно. Эх, жаль, его копьё переломилось! Смело бьётся, смело!

Мощный удар!левой голове дракона явно стало не по себе... А-ах! Дракон выбивает меч из руки Джона Багстоуна и опрокидывает его на землю. Поединок закончен в пользу дракона! Дракон гордо улетает в загон – лечить голову, а ушибленного Багстоуна друзья отводят в Рыцарскую Ложу.

На поле вышел красивый смуглолицый граф Гленливет в зелёных латах и снова изысканно раскланялся со зрителями. Красный дракон со здоровенной головой на длинной шее и с висячими складками шкуры приземлился перед ним идохнул огнём. Гленливет начал зондировать оборону монстра мечом, ловко уклоняясь от ударов мощных лап и отражая щитом клубы пламени. Минут пять искусного фехтования потребовалось ему, чтобы нащупать пятно уязвимости в центре груди дракона. Улучив момент, граф спрятал меч и взял копье. С пятой попытки он достал копьем ахиллесову пятую дракона, прикрываясь от его огненного дыхания полурасплавленными остатками щита.

Я дерусь и ругаюсь из-за своего страха. И чем мне страшнее, тем больше я шумлю – пытаюсь заглушить свою трусость... лезу на рожон в Запретные Пещеры, рублюсь с дурацкими драконами, но самый главный дракон сидит во мне – это такой объяснимый, такой подлый, такой родной страх... он вырос в тени той тележки... мы с ним лежали там в обнимку и накрепко срослись... он ревнив и оттолкнул всех моих друзей, даже Джерри...

Этот дракон – выкормыш мрака и ужаса – сосёт и гложет меня изнутри, и от прежней Никки осталась лишь одна пустая шкурка...

– Гленливет рю Шардонне победил! – кричал комментатор. – Дракон склоняется перед ним и разрешает залезть на свою шею. Гордый победитель в опалённых доспехах совершает на драконе традиционный круг почёта! Превосходная, чистая победа! Граф приземляется на Лужайку Награждений, и множество девушек всех орденов встречают его цветами и объятиями! Как приятно видеть – даже немного неожиданно для меня! – что у этого благородного вида спорта столько искренних болельщиц!

Я была самым свободным и бесстрашным человеком в этом скованном и испуганном мире – пока он не набросил свои цепи и на меня. Я вздрагиваю от теней и вида тёмных коридоров... Я бреду на немеющих ногах по холодной воде уныния, и моя шея мозжит от постоянной душевной боли.

В Рождество окружающий мир ярко светил мне... сейчас же он чёрен с угасающими огоньками моих редких друзей.

Я вижу вокруг не прекрасных принцесс, а свирепых ящеров – настоящих, не бутафорских... Да что там ящеров, просто гиен – беспощадных, отнюдь не благородных и омерзительных до тошноты!

Никки встала со скамьи, зашнуровала доспехи, взяла меч и щит.

Я так радовалась, что вырвалась с астероида, попала к людям, а тут Железный Дровосек с резаком... потом громила... и зеркальный убийца... Они меня доконали. Жестокие сволочи! Все они сгнули, но успели пройтись по моей душе стальными ногами, и я больше не могу быть счастливой, не могу петь и радоваться жизни...

Волны мрака бились в мою солнечную оранжерею и, наконец, обрушили её стены. Мир мой разорён, и пируют в нём холодный страх и мутная злоба. Кости души моей переломаны. Как исцелить её? Как прогнать из моего сердца леденящий ужас?

Никки медленно, чего-то боясь, снова обернулась – и опять встретила глазами с Джерри. Он ласково улыбнулся и ободряюще махнул рукой – как-то особо, только ей... В груди Никки вспыхнул радостный тёплый огонек, и она шагнула навстречу своему дракону, уже вылетевшему из загона и быстро приближающемуся.

И тут Никки вздрогнула, словно от удара током....

Этот дракон был по-настоящему страшен. Жёлтые бешеные глаза, зловонное шумное дыхание, клейкая пена, свисающая из пасти, быстрые хищные движения головы с острыми многорядными зубами, четыре мощные лапы с футовыми тёмными когтями, зловеще светлыми на тонких концах. Даже передняя кромка огромных крыльев щерилась зазубренной бритвой. От одного взгляда монстра древняя и давно исчезнувшая шерсть на спине вставала дыбом, а на лбу выступал холодный пот. Дракон источал вокруг себя густые миазмы опасности и ужаса...

...и в довершение всего у него была зеркальная бронированная шкура!

Никки смертельно побледнела, сердце её ударило в набат.

Дракон с гулом тяжёлого бомбардировщика промчался над Никки и молниеносным движением шипастого хвоста сшиб её, как кеглю. Никки покатила кубарем по земле и едва успела встать, как дракон снова развернулся для атаки.

В её гудящей от падения голове раздался тревожный голос Робби:

– Он двигается слишком быстро для тебя! Здесь что-то не так! Даже я не могу тебе помочь!

Дракон спикировал на Никки столь стремительно, что она чудом успела отпрыгнуть, распластавшись по траве и даже не думая об ответном ударе.

Но вот Никки стряхнула оцепенение, приготовилась, и, когда дракон налетел ещё раз, она прыгнула ему под брюхо и ударила мечом снизу вверх, испытав сильную боль отдачи в руке. Результатом был лишь металлический звук. Колючая блестящая чешуя покрывала тело дракона целиком, отсвечивая возле лап радужной закалённой бронёй.

В последующие долгие минуты Никки пришлось выложиться до конца. Она нанесла зеркальному дракону десяток бесполезных ударов мечом, а он сжег половину её щита и немилосердно ударил острой кромкой крыла по левому предплечью, сорвав часть доспеха. Плечо сразу набухло обширным синяком-ссадиной.

Робби всё время скулил, что дракон неправильный, пятно уязвимости никак не определяется, и это просто засада!

Ослепительно горящий на солнце Дракон несколько раз так сбивал девушку с ног, что она много метров летела, кувыркаясь по земле, и, кроме всего прочего, сильно рассадила колено о собственный щит.

Этот дракон меня насмерть замучил... бронированная летающая задница... Может, это новое покушение? А вообще – какой ерундой я тут занимаюсь... на кой чёрт мне это надо? Плюнуть на всё и уйти к себе, зарыться в подушку и забыть обо всём...

Никки вдруг остановилась и сорвала с головы шлем. Потом бросила на землю меч и щит, повернулась к дракону спиной и побежала.

Стадион взвыл, засмеялся и засвистел.

Девушка домчалась до скамеек, где оставила свои вещи, и схватила копье. Мгновенно надев крылья, она разбежалась, оттолкнулась и взмыла в воздух прямо с травы. Поток на границе лужайки подхватил её и понёс вверх. Дракон ринулся на перехват, но Никки вовремя свалилась в пике через левое крыло и скользнула под брюхом зверя на другой край поля. Пока неповоротливый дракон разворачивался, она нашла термик и успела набрать высоту.

– Давно уже никто не летает в битве с драконом! – удивлённо и азартно кричал профессор-комментатор. – Одна рука управляет крыльями, другая – держит меч или копье... На щит рук уже не хватает... А трёхметровые крылья сжечь очень легко, их даже щит не закроет! О, важная новость: главный судья соревнования отдает приказ технической группе о прекращении турнира – в таких условиях мы не можем

обеспечить безопасность участника. Вот кибернетики пытаются приземлить дракона, но у них это не получается... то ли связь с кибермозгом стала нестабильной из-за какого-то повреждения, то ли дракон переключился в автономный режим... Сейчас специалисты пытаются понять, в чём дело...

Изнаненная и смертельно усталая девушка уже не пыталась драться с драконом. Маневрируя, она обогнула опасного монстра, потом поднялась повыше и стала парить над ним. Никки зажмурила глаза и прощупала дракона всеми доступными ей дополнительными чувствами. Она различила его сложную электронную требуху... энергоустановку... силовые цилиндры к крыльям... Вот два отверстия, через них дракона, наверное, программируют и тестируют – квадратный люк на крестце... и ещё маленький овальный лючок на холке возле самой шеи...

– Никак не удаётся посадить дракона на землю, – продолжал встревоженным голосом профессор спорта. – Судя по всему, кибер вышел из подчинения, и схватка с ним представляет реальную опасность для мисс Гринвич! Может, пора эвакуировать и болельщиков?

О боги... Дракон такой огромный и железный, а я так устала... Я совсем не прежняя неутомимая Никки, я уже не птица, я не плачу и не смеюсь... Я – никакая... даже между мной и Джерри всё сгорело... Как мне хочется вернуть ту искру между нами...

Никки посмотрела вниз и увидела на краю поля Джерри, вскочившего в волнении на ноги и протягивающего к ней руку в тревожном жесте. Он ждет, он верит в неё! Никки вспомнила рождественский бал, ласковые ладони Джерри – и вдруг почувствовала, как на её избитых губах расцветает жаркое пламя Первого Поцелуя.

Тёплая волна энергии пробежала по её уставшему телу.

Никки расправила крылья и стремительно взлетела вверх, под самый купол, а потом отбросила крылья в сторону – как старую ненужную вещь. Стадион громко ахнул, а ногти Джерри до крови вонзились в ладони. Никки, закрыв глаза, камнем стала падать с головокружительной высоты трёхсот футов.

Она неминуемо разобьётся о землю!

На высоте ста футов над полем самодовольными кругами парил дракон. Зрители с замершими сердцами следили, как на громадного зеркального зверя отвесной стрелой летит маленькая фигурка в доспехах цвета запёкшейся крови. Никки держала в руках копьё и вопила какой-то

яростный боевой клич.

Перед самой встречей с врагом она взмахнула оружием и добавила к стремительности падения ещё и силу своих ускоренных до предела мышц. Копьё с громким хрустом глубоко впилося в крестцовый люк дракона, спрятанный под текстурной голограммой чешуйчатой шкуры, и сломалось.

Девушка сильно ударилась о спину чудовища.

Дракон содрогнулся и оглушительно затрубил. Крылья зверя хаотически затрепетали, и он свалился во всё ускоряющееся пикирование.

Оглушенная столкновением, Никки попыталась удержаться за обломок древка копья, застрявшего в чешуйчатой спине.

Махина летающего монстра с грохотом врезалась в центр поля, выкопав в земле глубокую яму. Никки подбросило, ещё раз ударило, и она, исцарапавшись, съехала по шипастой зеркальной чешуе к шее дракона. Он потерял способность летать и быстро двигаться. Из его крестца валил густой дым, но он всё ещё мог ползать и по-прежнему крутил головой вслед за Никки, пытаясь слизнуть её со спины длинным языком пламени.

Так ты, железная скотина, зеркальный ублюдок, решил, что напугал и раздавил меня навсегда?

Собрав остаток сил, Никки оседлала блестящую чешуйчатую шею раненого зверя и высоко подняла двумя руками своё последнее оружие – тонкий длинный кинжал. В это мгновение зеркальный сверкающий дракон превратился в аспидно-чёрное чудовище, гигантскую кляксу из бездонной черноты, без структур и деталей. «А, тварь, заёжилась!» – сидя верхом на этом сгустке МРАКА, Никки закрыла глаза, глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и с силой вонзила кинжал в холку дракона, целясь в невидимый приборный лючок. Раздался протяжный треск, горелое шипение, и по чёрному телу зверя прошла ослепительная волна конвульсии. С оглушительным рёвом драконья голова взвилась вверх на длинной шее, чуть не сбросив Никки, замерла и с гулом грянула оземь.

Несколько механических судорог – и наконец зверь распластался мёртвым бездыханным холмом. Наступила звенящая тишина, в которую бились далёкие волны шума. Никки перевела дух, уронив голову на руки, и устало сползла с толстой шеи монстра – просто рухнула на прохладную, замечательную лужайку...

Мир вокруг Никки качался, и она крепко вцепилась в стриженую траву, обняв землю и тесно прижавшись к её надёжной груди. Мысли девушки-рыцаря перестали мчаться гневным аллюром, а сквозь зелёные

измятые стебли травы проросла странная и умиротворяющая идея:

Этот мир был миром моих родителей... они здесь родились, жили и радовались... Я должна понять и простить его... победить себя и помочь ему...

Перед глазами еле живой Никки, лежащей на травяном поле, высился бок дракона. Чешуйчатая шкура исчезла, и зеркально-чёрное страшное чудовище превратилось в большую и сложную, но совсем не пугающую конструкцию из металла и пластика, чипов и силовых цилиндров. Из дракона тянуло лёгким дымком и химической вонью. К усталой и избитой Никки подбежали люди. Её подняли на ноги, стали поперебой кричать ей в лицо, но она отмахнулась от всех и побрела к выходу со стадиона.

Перед глазами возник до предела взволнованный Джерри, что-то говорящий ей и куда-то показывающий. Никки протянула ему навстречу правую руку – левая категорически отказывалась подчиняться – и пробормотала в ответ:

– Да пошли они под хвост Тарантулу со своим Кубком! Как дети, честное слово...

Она споткнулась и стала падать. Джерри подхватил её...

Никки проснулась в своей кровати, недоуменно посмотрела на часы и присвистнула – был уже гринвич-вечер следующих суток. Она плохо помнила, как попала в свою комнату. Кажется, её нес на руках Джерри, и ей было хорошо и спокойно. Наверное, он притащил её прямо сюда, и она сразу заснула.

Впервые за много недель она дрыхла как убитая – без снов и кошмаров. Никки посмотрела в тёмное окно, где в ярком свете Земли серебрились башни замка. В её груди перекатывалось какое-то странное ощущение. Что такое с ней? Она провела рукой по избитому плечу и зашипела от боли, потом сняла с себя забытый вчера наколенник.

Душ отлично взбодрил её, но она так и не могла взять в толк, что с ней происходит. Никки налила себе кофе, поднесла чашку к губам и тут поняла...

А! Она очень хочет есть!.. Не ела, кажется, целую вечность... Она мечтает о вкусной еде... Так давно не чувствовала вкуса еды... Сейчас она может съесть лосося целиком!

И ещё – она хочет увидеть Джерри, сказать ему спасибо, поболтать, прогуляться к озеру... Она сто лет не говорила с ним по-человечески... не

дышала свежим лесным воздухом... не дразнила забавного и серьёзного енота, живущего под здоровенной корягой...

И самое главное – она без животного ужаса может вспомнить ТОТ тоннель и зеркального убийцу в нём!

Так вот оно что!

Она вчера одним махом поразила сразу ДВУХ драконов!

У Никки перехватило дыхание.

Значит, вот как надо поступать, если не хочешь жить расплюснутым: нужно биться со своим страхом до изнеможения, долго и насмерть... либо ты его раздавишь, либо сам умрёшь!

Никки захотелось закричать и вдребезги расколотить что-нибудь о стенку, но она сдержалась, перевела дыхание и аккуратно поставила кофейную чашку на столик. Потом сделала глубокий вдох, приходя в себя, и посмотрела на часы – наступило время ужина. Она прилепила на больное плечо и ушибленное колено обширные куски обезболивающего пластыря и не спеша оделась.

Девушка шла в кафе и смотрела вокруг новыми глазами.

...Отполированный тысячами рук студентов поручень лифта лег в ладонь дружеским рукопожатием.

...В окне мелькнула озёрная чайка, оставив в душе светлый росчерк.

...Полутёмный уютный холл поприветствовал Никки мелодичным перезвоном и торжественными ударами старинных напольных часов – может, само Время одобрительно махнуло ей маятником?

Она вошла в кафе в приподнятом настроении. Стайка Оленей робко поздоровалась с ней, и она приветливо им ответила.

Все её друзья уже сидели за столом.

– Добрый вечер! – Никки поздоровалась так радостно, что Джерри, Дзинтара и Хао посмотрели удивлённо на неё и ответили вразнобой. – Простите меня – я была плохим сотрапезником последние месяцы... – Никки пододвинула к себе поднос с едой.

– Просто ужасным, – откликнулась Дзинтара. – Я уже подумывала о перемене стола со следующего сентября.

С Дзинтарой часто непонятно – шутит ли она или говорит всерьёз.

– Я была больна, – сказала Никки, – сильный посттравматический шок.

– А как ты сейчас? – спросила Дзинтара с искренним сочувствием.

– Выздоровела, – коротко ответила Никки и с невероятным аппетитом навалилась на лосося.

– Слава Андромеде! – расцвёл в широкой улыбке счастливый Джерри,

глядя на усталое, но просветлённое лицо Никки с яркими синими глазами.

– Я закажу тебе порцию моцареллы – сыр совсем неплох, – обрадовалась и Дзинтара, глядя на то, как Никки управляется с едой. А Хао побежал на кухню – приготовить для Победительницы Драконов зелёный чай по древнему китайскому рецепту.

После ужина Никки потянула Джерри в парк, чему он сначала просто не поверил. Стояла двойная ночь – двухнедельная астрономическая тьма дружески слилась с циркадным колледжским вечером; основное освещение купола уже выключили, и только дорожки в парке были освещены.

Только отошли от замка, как Никки сильно захромала.

– Разбила вчера колено! – подсадовала она.

– Хочешь, понесу? – с робкой надеждой спросил Джерри.

– Давай, – легко согласилась Никки, – я помню, ты вчера тащил меня всю дорогу до замка... Спасибо тебе за это.

– Луну только затем стоило освоить, что здесь сколько угодно можно носить девушек на руках! – пошутил Джерри и, осмелев, подхватил её.

– Ты сильный, у тебя широкие плечи... – сказала Никки, уютно устроившись.

– Я же землянин, – смутился Джерри, – в отличие от вас – космоджителей и лунатиков.

– Прости меня, Джерри, что накинулась на тебя... тогда, когда ты заснул на моей кровати... – ласково произнесла Никки и захватила прядь его волос в ладонь. – Прости, это была не совсем я... даже совсем не я.

– Я знаю... – вздрогнул от ледяного воспоминания Джерри. – Всё хорошо, не беспокойся больше об этом.

Он, совершенно счастливый, нес её по дорожкам тёмного парка, а Никки согрелась в гамаке его рук и задремала под удары Джерриного сердца. Потом она встрепенулась и сонно окликнула:

– Джерри?

– Я здесь, Никки, всё в порядке, спи...

Она снова успокоилась и крепко заснула. Поспать – самое полезное дело после битвы с драконами.

Никки очнулась через час. Она лежала на мягком пляжном диване-качелях. Джерри сидел рядом, и её голова покоилась на его коленях. Вокруг была серебристая лунная ночь и плеск озёрных волн. Пустынный пляж подсвечивался фонариками и светом земной полусферы.

– Извини, Джерри, я очень устала вчера... – Никки потерла глаза. – Всё время в сон клонит.

– Не нужно извиняться, – сказал Джерри, – я был рад тебя убаюкать...

Всегда зови, когда тебе надо поспать...

– Мне сейчас снилось что-то не очень приятное, – поёжилась Никки.

– Всем людям снятся неприятные сны... – успокаивающе кивнул Джерри. – Сейчас ты спишь просто замечательно – по сравнению с прошлыми кошмарами...

В тёмном озере что-то всплеснуло и шумно фыркнуло. Никки настороженно посмотрела во тьму, потом повернулась к Джерри и жалобно, по-детски, спросила:

– Ты думаешь, всё пройдет?.. Всё будет хорошо?..

– Уверен в этом, – действительно уверенно сказал Джерри. – Ты очень сильный человек – и справишься.

Никки прерывисто вздохнула и забралась с ногами на диван-качели.

Джерри хмыкнул:

– Жаль, что такое сильнодействующее лекарство против депрессии: побить двух драконов за день и чуть самой не погибнуть при этом – нельзя прописать обычным больным. Я сам вчера чуть не умер от страха за тебя. Робби считает, что кто-то задал предельную агрессивность и автономность дракона – такой режим предусмотрен программой и включить его несложно. Но непонятно – была ли это злая шутка или жестокий расчет... Ударом кинжала ты замкнула кибермозг на силовой кабель, и процессор дракона полностью сгорел – восстановить командный блок вряд ли будет возможно... Робби полагает, что покушение более вероятно, чем шутка. Кто-то понадеялся на удачу, но она была на твоей стороне...

Ночное озеро чуть слышно плюхало волной.

– Джерри, у меня к тебе просьба – расскажи мне о Земле... – неожиданно попросила Никки. – Ты так хорошо рассказываешь... Ты бывал где-нибудь ещё, кроме родной Вирджинии?

– Конечно, мы с родителями шлялись по многим местам. Правда, я был мал и плохо помню эти поездки... так, отдельные картинки.

– Всё равно – расскажи. Мне это нужно.

– Ну... мы путешествовали несколько раз в году – иногда по неделе, но чаще – пару дней. Мы втроём прыгали в машину в пятницу вечером, мчались в аэропорт Далласа и проводили уик-энд в месте, где ни разу раньше не были. Конечно, выбирали, куда поехать, долго и с удовольствием, даже шумно спорили...

– А ты был в Тампе? – спросила Никки со странным выражением лица.

– Да, но совсем ребёнком... ничего особенного не припоминаю, разве что песок во Флориде хороший... А! У меня самая красивая ракушка – из

Тампы! Родителям там нравилось, они часто вспоминали знаменитый местный ресторан в итальянском стиле, в котором сами официанты под рояль распевали классические арии и народные итальянские песни. Люди туда ходили не столько есть, сколько слушать... Мама говорила, что там звучали просто оперные голоса... Главное мое личное впечатление от Флориды – это крокодил. Вышли на берег маленького прудика у автостоянки, я ору и показываю рукой папе: «Смотри – крокодил!» А тот в метрах десяти, одна морда с глазами торчит из воды и – раз! – погрузился в глубину. Через несколько секунд эта пятифутовая гадина всплывает возле самой моей протянутой руки – бесшумно и зловеще, как атомная подлодка... Вполне мог тяпнуть – решил бы, что еду протягивают... Папа говорил, что у крокодила реакция во много раз быстрее, чем у человека...

Джерри помолчал, глядя в мерцающую темноту озера.

– В Шотландию родители меня привезли на знаменитый поттеровский фестиваль. В Эдинбурге на крутой горе стоит старинный замок... Был крепостью, стал памятником и частью шоу-бизнеса... А потом папа захотел поклониться каким-то античным «Биттлз» и потащил нас в Ливерпуль. Этот мрачный город я запомнил из-за ужасного геносумасшедшего. Его везли в инвалидной коляске на прогулку по старым докам, а он бессмысленно смотрел в серое низкое небо и периодически вопил так громко и безумно, что мороз по коже... Мама схватила меня за руку, и мы оттуда убежали со всех ног...

Юноша почему-то улыбался – мягкой блуждающей улыбкой.

– Набережную Тибра в Риме помню – почему-то заброшенную и заросшую бурьяном. Жара... улицы, машины, туристы кипят уровнем выше, а на набережной тихо, сядешь на ступеньку, опустишь усталые босые ноги в прохладную воду, а там маленькие рыбки снуют... И бурный Тибр бежит сквозь древний мост, как и тысячелетия назад... Вокруг кипят страсти, льётся кровь, империи возникают и рушатся, а он бежит – плавный и стремительный, как сама история... Какая-то в нём чувствовалась вневременная мощь... Ещё запомнил тиару римского папы в окне ватиканского собора, старик что-то говорил, куда-то звал... кругом толпа слушает, колу попивает и шляпами обмахивается... В Венеции удивительное море – вровень с мостовой... и легко захлестывает её любой волной... вода плещется прямо по мраморному полу собора Святого Марка, и люди ходят по временным мосткам, и вокруг странная смесь вечности и бренности... Помню длинное горное озеро Лаго-ди-Комо в Северной Италии... грандиозный фейерверк в честь юбилея какого-то местного яхт-клуба, уютные виллы на берегу, весёлых людей с бокалами,

музыку, мамин смех...

– И они всё время брали тебя с собой? – с завистью спросила Никки.

– Всё время! – гордо ответил Джерри. – Только глубоким вечером, когда я засыпал, они ходили куда-нибудь одни – в ресторан, на концерт... А в Лондоне – огромная стая голубей на Трафальгар-Сквер; стоишь с зерном в руках, а они вокруг тебя – как живая выюга... Сверху на это смотрит большущий бронзовый лев, и папа мне помог на него забраться... И потрясающая задумчивая химера на стене Вестминстерского аббатства – дракон, свернувшийся кольцом и подперевший голову когтистой лапой... дракон-мыслитель... какую тысячулетнюю мысль он думает? В Киото цапля стоит на длинной ноге в мелкой речке. А в реке дно вымощено булыжником – как старинная мостовая... Император Японии с супругой в национальном кимоно пришёл на папин математический симпозиум – поприветствовать учёных мира... интеллигентный человек-символ... В Наре, древнем священном японском городе, олени ходят по улицам, делают лужи на тротуарах... а в буддистском храме есть толстая деревянная колонна счастья, а в ней – узкая квадратная дыра. Пролезешь – и будет тебе счастье. Я пролез, конечно. Как вспомню – так клаустрофобия наваливается... С тех пор безмерно счастлив... у-у-у... даже не знаю, куда его девать, счастье-то...

Никки молча положила руку на плечо юноше.

– Калифорния... Голливуд?... – нет, ничего не запомнил... разве что отпечатался мёртвый тюлень на пустынном каменистом пляже... На Гавайи прилетели, на Большой Остров – думал, тихоокеанские джунгли увижу, а вокруг аэропорта – бесконечное поле вулканической пемзы... редкие пляжи состоят из трёхцветного песка – белый коралловый, чёрный вулканический и зелёный оливиновый... Прибой намывает розовые дюны из обломков коралловых рифов, и на них растут дикие кокосовые пальмы с солёным «ореховым» молоком... а на дне мелкой прозрачной лагуны я нашёл сиреневые кораллы-цветы. В Гонолулу все дикие голуби – белоснежные... наверное, чёрные птицы гибнут летом от теплового удара... Купались с папой на пляже Вайкики, заплыли далеко, а тут – отлив, и нас понесло в море, да быстро... кругом люди плавают на каноэ и скутерах, можно кричать: спасите! – да как-то не хочется... Папа говорит: цепляйся за пояс! – и ка-ак поплыл – почти час выгребали против течения... папа устал ужасно... Договорились – маме про купание не рассказывать. Секрет! Она по магазинам бродила, и мы пошли ждать её в торговую плазу. Снаружи жара – за сто фаренгейтов, а внутри – ледяной каток, дети на коньках носятся. Сидим с папой в кафе, капучино пьём, отдыхаем, а по зданию

воробьи летают. Пол гладкий, воробьишка приземляется и скользит по мраморным плитам, как по катку, – умора! Видел выступление испанского танцора фламенко. Худой человек в простых брюках и рубашке... быстр и лёгок, как бог, а потом я увидел – при каждом резком движении с его лица разлетается веер капелек пота... Оказывается, легко танцевать – это тяжёлый труд... В Париже помню зверей в клетках зоомагазина возле моста у Самаритянки...

– Где-где? – воскликнула изумлённая Никки.

– ...возле моста у Самаритянки... А что?

– Ты «Трёх мушкетеров» читал?

– Нет.

– Эх... ну давай дальше... а как выглядит Лувр? Это дворец? В ограде?

– Скорее, огромное здание, размером в несколько кварталов.

– И там есть потайные калитки?

– Ну... во дворце много самых разных дверей на соседние улицы.

– Шикарно...

– А в самом Лувре врезалась в память – да так, что мороз по коже, – «Джоконда» под бронированным стеклом... туристы кругом толпятся, орут, фотографируют, а она – бессмертная Мона Лиза – с улыбкой жалости смотрит на наш потный, суматошный недолговечный мир... И, наоборот, портрет молодого человека в галерее французской живописи... как живой – молод, взволнован, нервный румянец на щеках и смотрит в будущее с надеждой – только начинает жить! Но на самом деле он уже умер сотни лет назад в полной неизвестности! И осталась от него лишь эта картина. Но он ничего ещё не знает – с него пишут портрет, а он, волнуясь, смотрит в будущее, верит в него и совсем не думает о смерти. Я как осознал это, то чуть не рухнул от ужаса. Этот портрет – настоящая машина времени. История как мельница – беспощадно размалывает прошлое в смазку для будущего. Мы смотрим с мечтой вперёд, но пройдут сотни лет, и останется ли от нас хоть эхо наших несбывшихся надежд?

– Ты всё-таки бывал в королевском дворце! – воскликнула Никки.

– Королей там уже нет, а дворец без короля – это просто музей... В Москву мы приехали посмотреть на знаменитую Русскую ёлку и Большой балет. Никогда не думал, что можно так воздушно танцевать. А когда девчонки кордебалета замирают неподвижно в линии, то делают вид, что они серьёзные и невозмутимые, а на самом деле – глаза живые, сверкают, и хитрые улыбки неудержимо пробиваются сквозь чопорность, как свет сквозь шторы. Чёрный город, белый снег. Шаги там скрипят, а смех звенит. Деревья стоят из хрусталя, а воздух лёгок и перемешан с мелкими

блестящими снежинками... Странное место, где всё время звучат колокола, как будто хоронят время. В Южной Италии запомнил Помпеи, древний город, откопанный из-под вулканического пепла. Представляешь, Никки, в его каменной мостовой повозки оставили глубокие колеи... След движения колес истории... В последнюю свою поездку... родители и я прожили неделю в маленьком тихом итальянском отеле, на скалистом обрыве над южным морем. По утрам мы завтракали на прохладной открытой террасе, выложенной каменной плиткой. Мама говорила, что нигде не купалась в таком прозрачном ласковом море, не пробовала столь вкусной еды и лёгкого вина. Они были там очень счастливы... и я тоже...

Джерри замолчал.

– Ты полагаешь, что человечество не так уж и безнадёжно? – серьёзно спросила Никки.

Наступила звенящая тишина. Даже озеро перестало хлюпать волной.

– Думаю, да, – без улыбки ответил Джерри. – Мои и твои родители были родом оттуда.

Ветерок прошелестел в тёмных зарослях облегчённым вздохом.

Никки взяла руку Джерри в свои жёсткие ладошки, на которых после вчерашних боев прибавилось царапин.

– Спасибо тебе большое, Джерри... Это важно, ты мне здорово помог. А сейчас мне надо побыть одной.

– Ты в порядке?

– Да, мне так хорошо давно не было – я как будто много месяцев сидела в тёмном вонючем подвале... и вдруг вышла на свет, и всё вокруг такое яркое, тёплое!

– Я понимаю... – уверенно сказал Джерри.

– Но мне надо о многом подумать.

Джерри медленно встал с дивана. Ему вдруг очень захотелось наклониться и поцеловать Никки, но он сдержался и сказал себе твёрдо: не смей приставать к раненой девчонке со своими чувствами. Ты помнишь, что она тебе сказала? Ты будешь ей другом и только другом... «Пока она сама не передумает!» – пискнул с надеждой тоненький голосок из приоткрывшегося деревянного сундука. Джерри резко захлопнул крышку:

– Выздоровливай как следует, Никки. Это сейчас важнее всего...

Джерри уходил по пустынному ночному пляжу, стараясь не оглядываться, а Никки смотрела на него с тёплым чувством... он очень хороший друг, и как здорово, что они помирились...

Джерри скрылся за поворотом тропинки, и Никки перевела глаза на тёмные волны, набегающие на песок.

Наконец-то я могу думать обо всём без тумана паники в голове и животе... И вот что я вам скажу – с глупыми железными чучелами я больше драться не буду, у меня есть свой супердракон, гораздо свирепее и огромное, которого мечом не возьмёшь, против него надо ещё найти оружие...

Опасно? Что страшнее – самой нападать или ждать, когда за тобой придёт очередной убийца? Боюсь ли я за свою жизнь? Спасибо дохлому крылатому ящеру – главное, чего я сейчас боюсь, – что мне будет стыдно за себя, и моим родителям будет неловко за меня... а все остальные страхи – мелочь...

В озере кто-то снова гулко вздохнул, и в ответ из прибрежных кустов нервно и монотонно закричала перепёлка.

Я не могу отдать МОЙ мир на растерзание злобному монстру, который вынашивает какие-то вонючие планы и ядовито кусает всех вокруг... Убийца моих родителей мёртв, но кто-то же его послал? Я должна узнать, кто ОНИ! Чего ОНИ хотят? Как можно сорвать их планы? Подойдём к этому как к системной задаче и посмотрим, что можно сделать...

Никки гибким движением спрыгнула на песок.

Ты нарвался, невидимая скотина!
Я принимаю твой вызов.
Я научилась биться с драконами.
Трепещи, я иду.

Девушка глубоко вздохнула и зашагала прямо в озеро. Вода заполнила кроссовки и намочила комбинезон. В чёрной глубине вспыхнул изучающий зелёный глаз, и что-то коснулось Никкиного колена. Плещущая вода плотно сжала одежду и быстро достигла талии, но Никки зашла ещё глубже и медленно поплыла к еле видимому острову, разводя тёплую чёрную воду руками.

Лицо девушки было сосредоточенным.

Она выжимала из себя остатки страхов и топила их в чернильной глубине.

Я просто слышу смех: «Девочка, спасающая человечество!»

Вот что я вам скажу, трезвоголовые, прочнозадые и унылодушные...

Человек с мозгами – главная сила этого мира!

*Человек должен иметь смелость замахиваться на невозможное,
думать о немыслимом и надеяться в одиночку спасти всю планету.*

*Вы променяли свои гениальные мозги Хомо Сапиенс на подленькие
удовольствия и дешёвое взаимовосхищение.*

Ваши мечты звенят кучкой медяков.

*Самое пылкое ваше чувство – жгучая ненависть к тем, кто не продал
свою жизнь за бесценок.*

Бедняги!

Я подумаю, что можно сделать для вас.

Потому что я больше чем равнодушный бог, я – всемогущий Человек.

Глава 17

Бал выпускников

Отношения между Джерри и Никки вернулись в русло старой дружбы. Джерри изо всех сил старался никак не проявлять свои более глубокие чувства и радовался за Никки – она всё больше походила на прежнюю весёлую девчонку, только заметно более взрослую, чем до Рождества. А это было самым главным, и он запрещал себе даже мечтать о чём-то другом. «Дай отдохнуть раненому ребёнку!» – часто вспоминал он слова Никки в госпитале. Он должен быть рядом как друг... Просто как друг? Да, чёрт побери, как друг!

Никки, наверстывая апатию последних месяцев, занималась одновременно столькими делами, что Робби впервые стал жаловаться, что его процессора не хватает для обслуживания всех Никкиных интересов. Он считал для неё астрономические модели, готовил исторические ретроспективы и социологические анализы. Каждый вечер Никки смотрела кинохронику-реконструкцию.

Кроманьонцы против неандертальцев.
Культурный феномен Римской империи.
Крестовый поход детей.
Чума в Европе и бактериологическое оружие Средневековья.
Бомбардировки Дрездена, Хиросимы и Нагасаки.
Рабство и эксплуатация детей.
Бесланское сожжение.
Миланский кризис.

Эти фильмы заставили Никки посмотреть на человечество другими глазами, испытав к нему и жалость, и ненависть. Перед её ошеломлённым взором проходила история земной цивилизации – кровавая и несправедливая. Она не верила глазам, глядя на караваны рабов, проданных собственными вождями в обмен на мелкие безделушки. Когда Никки узнала, что до двадцатого века девушки не могли учиться и голосовать, она была просто разъярена. После сцены казни молодой женщины, почти девочки, подозреваемой в измене мужу и забитой камнями толпой религиозных фанатиков, Никки сутки не могла ничего съесть. А ещё Никки

стали сниться глаза детей, живущих в приютах. Ощутимое, как острый нож, чувство ожидания плескалось в детских взглядах, которыми провожались все незнакомые взрослые: «Вы пришли за мной? Меня нашли?» Бесчисленные тысячи брошенных, искалеченных и просто некрасивых детей заполняли детские дома. Не плачущая никогда Никки не заревела, глядя на экран, только по одной причине: она была одной из них. А сиротам плакать нельзя, иначе им не выжить. Но в их глазах всегда стоит убийственный для любой совести вопрос: «Кто это с нами сделал? За что?»

Робби препарировал для Никки подоплёку событий, обнажал экономические, политические и технологические пружины исторических процессов. Как убедилась Никки, мир всегда был полярен: большая бесправная часть человечества постоянно голодала, а меньшая мучилась от ожирения. И меньшинство, держа бразды правления в цепких руках, всегда тщательно следило, чтобы недовольное и невнятное большинство не могло ничего изменить в существующем порядке вещей.

Ещё никогда чувство справедливости в Никки не было так оскорблено.

Но что может сделать один человек в мире, населённом миллиардами людей? Сизифов камень истории толкается усилиями масс, не одиночек.

Никки взяла и спросила об этом Робби – своего главного советчика.

Он непривычно долго думал, а потом выдал речь:

– Про Сизифа – хорошая аналогия. Теперь представь себе холмистую равнину, по которой надо прокатить круглый тяжёлый камень. Затолкать камень из долины на верх горы можно только титаническими усилиями многих, а вот когда шар неустойчиво стоит на самой вершине холма, то выбрать, куда он дальше покатится, может и один человек...

Никки фыркнула:

– Робби, не надо со мной разговаривать как с идиоткой!

Потом нехотя призналась:

– Ну конечно, я и сама могла бы сообразить, что человеческий социум, при всей сверхсложности, ничем принципиально не отличается от любой другой динамической системы... Значит, наша цивилизация и её развитие тоже будут описываться набором стабильных и нестабильных состояний и траекторий! А когда эволюционный путь находится в точке раздвоения – бифуркации, то даже маленький пинок может привести к большим последствиям. Элементарная теория катастроф. А конкретные примеры значительного воздействия личности на историю ты можешь привести?

Робби вспомнил Александра Македонского, Жанну д'Арк, Наполеона – великих полководцев и выигранные ими сражения, повлиявшие на дальнейшую земную историю.

Никки с досадой покачала головой:

– Это не совсем то, полководец действует не один, а лишь возглавляет могучую социосилу. В любом случае – я не командую войсками!

Тогда Робби сказал:

– История движется технологическими и научными прорывами. Про е-равно-эм-це-квадрат Эйнштейна, лазеры и высокотемпературную сверхпроводимость ты знаешь сама. Другой пример: первый мощный антибиотик – пенициллин – был случайно открыт Александром Флемингом в 1929 году. Массовое производство этого лекарства было налажено лишь к 1942 году и перевернуло всю медицину. Если бы лекарство стало применяться раньше, то спаслись бы миллионы людей и история заметно бы изменилась. Ещё пример: во второй половине двадцатого века учёные-генетики, среди которых был знаменитый Борлауг, совершили «зелёную революцию». Они подняли в несколько раз урожайность пшеницы и спасли от голодной смерти сотни миллионов людей в Индии и других развивающихся странах. Научные открытия обладают большей силой, чем армии.

– Ты у меня становишься всё мудрее и мудрее... – задумчиво сказала Никки. – И говорить стал афоризмами...

В мае наступило время первокурсникам выбирать себе специализацию. Оживлённые обсуждения царили за столами, в холлах орденов и в аудиториях. Для многих студентов, если не для большинства, этот выбор определит всю дальнейшую жизнь. Споры разгорались нешуточные – с вовлечением родителей, родственников, преподавателей и друзей. Что предпочесть для будущего изучения? Астрономия и космос увлекают многих. Физика, химия и математика тоже имеют массу сторонников. Биологическо-генетическое направление, конечно, самое модное и престижное и – что немаловажно! – сулит отличные шансы на хорошую работу; многие студенты учитывали и этот практический аспект. Поклонники кибернетики нисколько не сомневались, что именно роботы и искусственный интеллект – самая захватывающая и перспективная область, и ехидно называли биологов червякологами.

Драконы свысока смотрели на кипение страстей узких специалистов. Уж они-то точно знали, что мир принадлежит политикам и менеджерам. Только олухи считают гуманитарный факультет прибежищем поэтов. Литература? Отличная штука для рекламного бизнеса! Вы – мастер слова? Превосходно – создайте-ка нам яркий слоган для избирательной кампании или продажи мыла. Умные люди понимают, что на гуманитарном

факультете учат управлять массами, которые сами не знают, чего хотят. Зато за них это знают политики. Поэтому большинство Драконов записались на гуманитарный факультет – но, конечно, не в поэты, – и их примеру последовали многие студенты из других орденов.

За столом нашей четвёрки друзей обсуждение выбора специализации тоже протекало активно. Хао, как все и ожидали, пошёл в математики, а Джерри без колебаний устремился на кибернетическую специализацию. А вот Никки вдруг объявила неожиданное решение – она идёт на гуманитарный факультет!

– Ты же лучше всего знаешь физику и астрономию. Почему ты идёшь на гуманитарный? – спросил у Никки удивлённый Хао.

– Именно поэтому и не иду на физико-математический, – ответила Никки, – нет там для меня свехинтриги, а вот человеческое общество для меня... остроинтересно, скажем так. А кроме того, вспомни, что говорит профессор Ван-Теллер – между специализациями на самом деле нет барьеров. Я в последнее время активно изучаю социологическое моделирование – в нём море математики и масса интеллектуального программирования. Да и физики с генетикой немало, так как будущее прямо зависит от новых технологий.

Ещё один сюрприз преподнесла Дзинтара, собравшаяся на биолого-генетический факультет.

– А ты, Дзинтара-Дракон, почему не идёшь на гуманитарный факультет заниматься любимой поэзией и музыкой или учиться рулить крупной компанией своей династии? – поинтересовался Джерри.

– Получать зарплату за стихи и ноты? – усмехнулась Дзинтара. – Миску и сосиску за трогательную рифму? Не люблю небескорыстную любовь. Кроме того, всё время писать стихи, как бы тебе это ни нравилось... Это похоже на поедание только любимого десерта – через некоторое время он осточертеет и захочется солёного огурца... А уж карьера менеджера меня точно не прельщает – я дома насмотрелась на этих управленцев и политиков. Я выбираю биологию или медицину – ещё не решила точно – как профессию, а поэзию, литературу, музыку и живопись – как бескорыстное удовольствие, хобби, разрядку, всплеск вдохновения. Да и какой может быть поэт или писатель без знания жизни? О чём он будет писать? Через что смотреть на этот мир?

– Не боишься, что знание убьёт поэзию? Разберёшь бабочку по деталькам и будешь глядеть на её полёт совершенно другими глазами, – сказал Джерри.

– Глупости! – фыркнула Дзинтара. – Если знание деталей может убить

для тебя красоту, то что-то не так с твоими глазами. Маленький ребёнок – классический символ ангельской чистоты и красоты. Теперь мы – р-раз! – и узнаём, что этот хорошенький золотоволосый ангел рождался лысый и сморщенный, в крови и муках, захлебываясь в слизи и крике. Будем ли мы после этого смотреть на него другими глазами? Может, и будем, но это наши проблемы: ребёнок по-прежнему красив и по-прежнему ангел. Пока не вырастет, конечно...

– Ангел... весьма буколическое видение ребёнка, более верно, что каждый маленький ребёнок – маленькое и жестокое, вернее, почти внеморальное животное, которое надо ещё вырастить во что-то человеческое... или запрограммировать, что проще, но страшнее... – произнесла задумчиво Никки.

– Это не играет роли в контексте Джерриного вопроса, – заявила Дзинтара.

– Возможно... – с сомнением пробормотала Никки.

В качестве единственного теста за год студентам задали написать сочинение-реферат «Почему я выбрал(а) этот факультет?».

Никки, суммируя раздумья последнего времени, сочинила эмоциональное эссе о своей мотивации выбора будущей специализации и профессии. Сначала она набросала схематичную, но яркую картину прошлой истории человечества.

Власть и интеллект

Человечество делится на **Человека Массового**, **Человека Властного** и **Человека Учёного** (мутанта по гену любопытства). Первые типы чешутся и дерутся ещё со времен полуобезьян, но вывели их из пещер **Учёные**.

Интеллект и технология защищают социум: люди чаще обедают зверями, чем наоборот; примитивная сила неандертальцев уступила передовому оружию кроманьонцев.

Но **Учёный Человек** был лишь мудрецом-на-побегушках при королях. Партии **Властных Людей** использовали **Массового Человека** как пушечное мясо, а **Учёных Людей** – как интеллектуальный кастет.

«Ненаучно! – озабоченно решила Никки. – К тому же профессор

истории Шаганэ учила, что вопросы собственности важнее всего».

Веками собственность управлялась самим владельцем, клещом вцепившимся в свои земли и своих вилланов и высасывавшим из них все соки...

Девушка спохватилась и удалила последние две строки.

*...владельцем, заботившимся о текущей прибыли и долговременной перспективе – чтобы оставить детям процветающее дело. **Монархии** – образец наследных предприятий.*

В двадцатом веке индивидуальных владельцев вытеснили огромные корпорации, управляемые наёмными менеджерами.

Корпус профессиональных управленцев отделил собственность от собственников: миллионы владельцев акций не управляли компаниями, а управленцы не владели управляемой собственностью.

*Менеджеры заботились о своей **зарплате** и **карьере**, а не о долговременном процветании дела.*

***Руководители** космической программы, получив от **учёных** однопроцентную оценку риска полётов первых шаттлов, в официальных отчётах **в тысячу раз уменьшили расчётную вероятность аварии** – ради временного благополучия личной карьеры. Эта **ложь** привела к крупнейшим в истории **катастрофам** космических челноков.*

«Менеджеры и политики росчерком пера убили больше людей, чем вооружённые преступники...» – отметила мысленно Никки.

*Среднебездарный корпус менеджеров образовал высокооплачиваемый и безответственный, а также – при появлении внешней конкуренции – **внутренне солидарный класс**.*

*Политики – это менеджеры другого окраса, но того же скелета. Политики любых платформ думают в первую очередь о себе и своей власти, различаясь лишь агрессивностью эгоизма. Пиарные технологии сделали **политиков делегатами менеджеров**.*

Корпус эгоистичных управленцев разросся и превратился в

камень на шее человечества.

«Это было время, когда люди решили, что история остановилась... – Никки налила чашку кофе, размешала в нём старомодный сахар. – Но карманы истории всегда полны сюрпризов».

В двадцать первом веке удар по властвующей когорте политиков и менеджеров нанесли крупные собственники: новые **королевские династии**, соединившие финансовую мощь с ответственностью **наследного** предприятия.

Но всё равно – **Массовый Человек** до сих пор находится под властью эгоистичного меньшинства.

Пирамида всегда имеет острый верх – формируется ли она демократическими выборами или монархической передачей полномочий.

Существует ли управленческая система, более оптимальная, чем демократии и династии?

Есть ли более эффективный, Не-Пирамидальный, вариант управления социоструктурами?

Жизнеспособен ли кластер **равноправных элементов**: людей, компаний или государств?

Как создать общество, свободное от капризов **Властного Человека**?

Кто сможет управлять социумом, не впадая в необоснованную эйфорию от собственной значимости?

Где взять менеджеров, которые ставили бы интересы управляемой структуры выше собственных?

Безнадёжность этих вопросов и заставляет меня выбрать гуманитарный факультет со специализацией **социоэкономического моделирования**.

Никки вздохнула: «Я знаю, что это важно, но не знаю, понравится ли мне это. Изучать звёзды приятнее, чем людей».

Управление социумом собачьей упряжки требовало высокой квалификации от эскимоса, **менеджера собак**: назначение вожжака, делёжка сушёной рыбы, организация полудиких животных в иерархическую команду для тяги саней, а не взаимной грызни.

Современный же человек сидит за рулем машины и выбирает путь, а компьютер управляет тысячами деталей. Пора и в политике расстаться с **эпохой собачьих упряжек**.

Учёные Люди должны дать миру новый уровень социопарадигмы, положив конец жадности одних и мелкости жизни других.

Ещё правит миром **Человек Властный**, подпираемый в обширный зад государственными и корпоративными пирамидами, но близится схватка между **Человеком Учёным** и **Человеком Властным**.

Кто победит в великой битве «Интеллект против Силы»?
Спросите об этом **тех** неандертальцев.

Никки вздохнула и нажала клавишу отправки файла, терзаемая дурными предчувствиями.

Как ни странно, она получила за сочинение отличный балл. Но наилучшей оценкой девушка сочла большое количество визитёров, которые прочитали её реферат в Сети Колледжа и оставили немало одобрительных восклицаний и замечаний. Реакция людей оказалась очень важной для Никки. Впрочем, многие отклики были анонимны, откровенно враждебны и даже оскорбительны. Дети политиков и менеджеров не восприняли позитивно Никкины идеи по уничтожению «папиной работы».

Учебный год закончился! Дружный вздох облегчения пронёсся по Колледжу. Апогеем предканикулярной эйфории традиционно становился ежегодный Бал Выпускников, устраиваемый тридцатого июня в честь пятикурсников Школы Эйнштейна, но и младшие студенты искренне радовались возможности отдохнуть от наук и отпраздновать начало летних каникул.

Никки пришла на Бал Выпускников в узком длинном тёмно-синем платье с голубыми искрами. Лунный опал на её шее вспыхивал и пускал лазерные лучики в хрустальную причёску, где они запутывались и рассыпались искрами.

Платье очень шло к отросшим прозрачно-серебристым волосам Никки, и многие оборачивались, когда она проходила мимо: юноши смотрели на неё с полураскрытыми ртами, а девушки – с озабоченными лицами. Никки же была рассеянна и от многочисленных приглашений потанцевать неизменно отказывалась. Она совсем не была мрачной – как весной, но всё ещё не могла заставить себя прыгать в бодром танце вместе с другими ребятами.

Никки устроилась в кресле возле углового столика и прохладно смотрела на веселящихся студентов, о чём-то думая.

Джерри пришёл попозже – стройный, в чёрной рубашке со стоячим воротником и в ослепительно белых брюках, он был очень элегантен. Никки лишь скользнула взглядом по наряду Джерри, но зато другие оказались гораздо более внимательны к её старому другу. Не успел Джерри подойти к Никки и поздороваться, как сразу несколько девушек взяли курс на их столик. Раньше всех успела – почти подбежала! – эффектная девушка-Дракон с пышными рыжими волосами и в коротком изумрудном платье. Остальные претендентки исказились лицами и сошли с дистанции.

– Джерри! Джерри! Пошли танцевать! – Зелёные глаза Драконицы ярко горели. «Линзы, очевидно», – подумала неприязненно Никки.

Красотка схватила Джерри за руку и потащила его за собой. Джерри не мог отказать такому напору и, извиняясь, обернулся к Никки. Та кивнула – а что ещё ей оставалось делать?

Зал наполнился быстрыми ритмическими звуками не то румбы, не то танго – Никки не разбиралась в танцевальной музыке. Танец считался сложным, и большинство ребят расступилось к краям зала, перейдя в категорию зрителей. Лишь считанные пары остались на площадке. Но вот и они малодушно отсеялись, и – Никки не поверила своим глазам! – в центре площадки остался кружиться только изумрудно-чёрно-белый вихрь: Джерри и Драконица!

Они стремительно двигались под музыку – слаженно, как профессиональные танцоры. Все другие студенты с удовольствием наблюдали за красивой парой. Джерри и рыжая девушка оказались идеально согласованными в движениях! Они четко выполняли все сложные танцевальные па, и зрители встречали их успехи бурными овациями. Танец был по-южному страстен: девушка повисала тонкой талией на руке Джерри, наклоняясь головой до пола... обвивала стройными ногами его ноги... обнимала Джерри за шею, прижимаясь к нему разгорячённым лицом.

Никки таращила на них круглые глаза. «Где он научился так танцевать? – ошеломлённо спрашивала она себя. – Хотя... Много ли ты про него знаешь? Ты давно занята лишь собой...»

Ко всему прочему, зелёное платье рыжеволосой оказалось чистым блефом: оно больше походило на купальник с набором сложно составленных полосок, и при быстрых движениях красивая Драконица оставалась почти обнажённой в вихре развевающихся ленточек.

В груди у Никки возникло странное жжение, и девушка стала

испытывать сильное беспокойство. Что-то было не так, но она не могла понять что.

– Робби, ты следишь за моей температурой и прочим? Я, наверное, съела какую-нибудь гадость... Ты можешь определить, что со мной?

– Конечно, могу, – невозмутимо сказал Робби. – Для того чтобы алгоритмизировать базисные инстинкты биосуществ, мне хватит арифметического калькулятора... Ты просто ревнуешь!

– Что ты имеешь в виду? – прикинулась непонимающей Никки.

– Ну вот наконец и соврала, – с удовлетворением отметил Робби. – А сама уже всё поняла. Гадость, которую ты не можешь переварить, зовут Элиза. С нашим другом Джерри танцует красотка, и это вызывает у тебя острое психическое раздражение. Хороший признак! Сильные эмоции возвращаются к тебе...

– А откуда ты – бездушная железяка – знаешь, что она красотка?! – рывкнула Никки, рассерженная на такой безжалостный хирургический анализ своей личности.

– Когда эта девица – Элиза дю Снайдер – примчалась и утащила с собой нашего Джерри, я снял лидарным сканером трёхмерную динамическую модель её поверхностей. Увы нам! Фигура Элизы – в верхних двух процентах своей возрастной группы согласно критерию Крамера – Рича, физиономическая красота – в верхней трети процента по тестам Лю-Бара. Общий показатель красоты – сто пятьдесят два, рекорд Колледжа. Это не мои, а ваши, человеческие критерии. Интеллект – сто сорок. Не принцесса, но богата. Очень хорошая девушка.

– Смотри сам не влюбись, транзисторы перегорят... – процедила сквозь зубы Никки. Информация Робби только усилила сердечное недоумование Никки – она перестала врать себе насчёт этого.

На площадке отгремели последние па огненного танца. Джерри остановился, подняв голову и раскинув руки, а девушка картинно замерла в гибком шпагате, обняв ногу юноши выше колена. Никки зашипела, как утюг, упавший в воду. Публика же взорвалась аплодисментами, а довольные и улыбающиеся Джерри с Элизой взялись за руки и принялись дружно раскланиваться.

Это было возмутительно! Но то, что последовало дальше, оказалось совсем невыносимым: Элиза не отпустила Джерри и сейчас. Она крепко держала его за руку, пока не начался другой – медленный – танец, и тут рыжеволосая совершенно нахально повесилась юноше на шею и стала постепенно уводить его в дальний угол площадки. Но Никки и на таком расстоянии отчётливо видела, как ласково она прижимается к Джерри и

даже, кажется, целует его где-то за ухом! Так, что там с боевым режимом сонара?! Отключает минут на десять?

Никки подпрыгнула как на пружинах, потом снова села. Что она может сделать? Устроить скандал прямо на танцевальной площадке? Это будет так глупо, что хуже некуда. Джерри ведь не является – как говорят в Колледже – кавалером Никки. Он просто её старый друг и сотрапезник. Джерри волен танцевать и даже целоваться с кем хочет! Никки застонала от внутренней боли.

– И ведь ему это нравится! – прошептала или подумала она так явственно, что этот нахальный Робби расслышал и сразу встрял с комментариями:

– Как молодому человеку может не нравиться, когда его обнимает такая красивая девушка? Если это вызывает у юноши отрицательные эмоции, то его нейрохимические контуры в клиническом состоянии, и ему надо срочно в госпиталь!

От этих замечаний Никки стало совсем плохо. Вокруг кипел весельем бал, а она чувствовала себя отвратительно. Как назло, ещё одна неприятность подвалила в виде группки злобных мальчишек-Драконов, по-видимому, обиженных детей менеджеров-неандертальцев. Воспользовавшись отсутствием Джерри, они издевательски загалдели:

– Прощай, мисс Маугли, прощай! Последний твой бал, на следующий год мы тебя уже не увидим! О, как нам будет трудно пережить такое счастье!

– Садись с шляпой у выхода: может, кто-нибудь накидает тебе монеток на дорогу!

– Золушки превращаются в принцесс только в сказках – в жизни они обречены излагать свои передовые взгляды кухонному венику!

Раздался рык:

– А ну пошли отсюда, шакальё! Сейчас каждому плюх навешаю! – позади нахальных первокурсников выросла рослая фигура белокурого выпускника-Совы. И он совсем не шутил: пятикурсники Колледжа на выпускном вечере могли позволить себе многое – исключить из Колледжа их было уже невозможно. Юные Драконы мгновенно испарились.

Никки с благодарностью посмотрела на своего спасителя.

– Меня зовут Билли Лобил, – представился он. – Давно хотел с тобой познакомиться, Никки! Можно пригласить тебя на танец?

Никки заколебалась – трудно было ответить неблагодарностью такому парню. Он добавил:

– Завтра я уезжаю, это мой последний шанс... ну пожалуйста, – и

протянул к ней руку.

И Никки сдалась. Это был её первый танец после рождественского бала. Билли так обрадовался, что весь танец говорил – и о том, как давно хотел её пригласить, и о геронтологии – биологии старения, которой он занимается, и об университете в Луна-Сити, где он будет учиться после Колледжа.

Никки слушала его и натянуто улыбалась, а сама краем глаза всё время следила за Джерри и Элизой, танцующих совсем уж не разлей вода.

Музыка закончилась длинной паузой. Билли спросил с робкой надеждой:

– Как насчёт Последнего Танца? А потом погуляем...

Никки в ужасе охнула. Как она могла забыть про эту старую традицию? Пары Последнего Танца Выпускного Бала не расстаются, а гуляют после Бала по парку или в лесу – часто до утра! Сейчас эта Элиза заполучит Джерри на весь вечер... или ночь! Острый нож ударил в сердце Никки. Она торопливо и неумело соврала Биллу:

– Извини, я уже обещала Последний Танец! Но мы обязательно встретимся! – сказала она ритуальную фразу хорошего расставания.

Их т-фоны обменялись номерами, и Никки побежала искать Джерри. Вот-вот раздадутся аккорды Последнего Танца. Чёрт! Какая она была дура! Надо было самой с ним танцевать всё время! Дьявол! Чёрт! Дьявол!

Уже отчаявшись, Никки натолкнулась на этих голубков – Джерри и Элизу, оживлённо разговаривающих возле самого выхода в парк. Так, уже намылились гулять! Она подбежала к ним и с силой развернула к себе Джерри, стоявшего спиной.

– Разреши... тебя... пригласить... – произнесла она, изо всех сил стараясь не дышать как леопард-после-долгой-погони-за-антилопой.

Раздалась музыка Последнего Танца.

– Конечно! – улыбнулся Джерри и протянул к ней руки.

Никки с удовольствием услышала за спиной Джерри злобное шипение и удар каблука в пол.

Джерри осторожно взял её за талию, и тут уже Никки с искренним облегчением повесилась ему на шею, положив голову на Джеррино плечо. Уф, еле успела!.. Да что же это делается – друзей уводят буквально из-под носа!

И она решила не выпускать Джерри из-под своей опеки. Танцуя, она с удовольствием думала, что уже завтра все эти остроглазые и зеленоокие ведьмочки разъедутся на каникулы, а они с Джерри останутся в Колледже одни...

К концу Бала Выпускников все устали танцевать и куролесить, и большинство школьников осели за столами – выпить по бутылочке холодненького и обсудить завтрашний день, который обещал стать совершенно особым – днём Лунной Регаты.

А для Никки, расстроенной выходкой Драконов, завтрашний первый июльский день обернулся напоминанием о том, что ещё немного – и настанет срок уплаты за второй год Колледжа. А денег нет ни у неё, ни у Джерри. Дзинтара? Для Никки просить денег у принцессы было неприемлемым вариантом – это означало бы не только потерю собственного достоинства, но и разрушение атмосферы равноправия и непринужденности, царящей у них за столом. Между должником и кредитором возникают слишком специфические взаимоотношения, игнорировать которые могут только толстокожие носороги. Кое-какие соображения о том, где добыть деньги на следующий год, у Никки были, но идеи – это ещё не деньги, и в кассу Колледжа их не берут.

Глава 18

Лунная регата

Утром за завтраком все разговоры крутились только вокруг Лунной Регаты. Стадион Колледжа с утра заполнялся болельщиками, и джеткары беспрерывно садились на его огромные посадочные шлюзы. Из-за Регаты многие школьники Колледжа даже не разъезжались на каникулы и тоже собирались на зрительские трибуны. Второй поток болельщиков Регаты устремился в Луна-Сити, где располагались штаб гонки и контрольный этап трассы. Заранее было известно, что ещё один ключевой пункт гонки будет возле колледжского стадиона, поэтому школьники уже предвкушали азартное и эффектное зрелище. Неожиданно для друзей, уже вставая из-за стола после завтрака, Никки заявила, что она будет смотреть соревнования из другого места. Девушка ловко уклонилась от дальнейших расспросов, но Джерри всё-таки догнал Никки у дверей кафе и решительно сказал, что будет её сопровождать.

– Ты забыл, – успокаивающе улыбнулась ему Никки, – что благодаря твоему ожерелью я сейчас могу справиться с любой проблемой... Кроме того, никто не знает, куда я лечу... но тебе могу сказать, что лечу в Луна-Сити, и это очень людное и безопасное место.

На самом деле она уже давно решила отказываться от эскорта Джерри, когда только возможно, просто потому, что находиться рядом с Никки небезопасно для него самого. Она с ужасом представляла себе, что бы случилось, если бы в ту роковую поездку в Шрёдингер они поехали вместе. Нет, если уж ей суждено пасть жертвой наёмного убийцы, она предпочитает не тащить никого за собой – особенно лучшего друга.

Никки зашла в свою комнату за сумкой, быстро переоделась и села у Главной башни в одно из прибывших такси, из которого только что вывалилась толпа взъерошенных возбуждённых болельщиков Регаты с пищалками, флагами и громкоговорителями.

Никки поскорее задраила дверь машины и назвала пункт назначения – Луна-Сити. Перелет занял двадцать минут, и не успела она налюбоваться видами лунных кратеров, как внизу возникла панорама Луна-Сити. Столица Луны немедленно поразила воображение девушки. До этого Никки, слишком занятая в Колледже, посещала только один лунный город – Шрёдингер. Сейчас она поняла, что Шрёдингер – всего лишь небольшая деревня.

Настоящий город проплывал внизу – с деловыми и жилыми небоскрёбами, скверами, озёрами, обширными кварталами двухэтажных домов при крошечных лужайках и многоярусными садами. Конечно, Никки видела по тиви впечатляющие панорамы земных городов, но они казались ей далёкой сказкой. А оказалось, что огромный, манящий город был совсем рядом, на Луне!

В городском парке Никки увидела висящий в воздухе бассейн с прозрачными стенками и подсвеченными фонтанами подводных пузырьков. В нём, как в аквариуме, плавали люди в ярких купальных костюмах.

Город обвивала целая сеть стеклянных трубопроводов с юркими ящерицами поездов и гусеницами движущихся лестниц. В воздухе неслись потоки воздушных такси, а улицы Луна-Сити кишели толпами людей и роботов. Население этого крупнейшего лунного города уже достигло полумиллиона человек и продолжало стремительно расти. Город укрывался многоячеистыми куполами; с одной стороны его полукольцом окружали автоматические заводы, которым воздух был не только не нужен, но и вреден, а с другой – высились индивидуальные замки и купола состоятельных людей.

Такси включило тормозные двигатели и заскользило к Главному ракетпорту Луна-Сити, а Никки дала себе слово, что приедет в Луна-Сити вместе с Джерри, и они всё хорошенько осмотрят.

Участники и болельщики Лунной Регаты собирались в большом зале ракетпорта Луна-Сити, похожем на обычный аэровокзал, только от стоек регистрации прозрачные посадочные коридоры шли не к самолётам, а к длинным рейсовым ракетопланам, перемигивающимся друг с другом проблесковыми огнями. Мелкие же кораблики выстроились вдоль перрона прямо под куполом порта. Сквозь слегка мерцающую броню, накрывающую зал, пробивались самые яркие звёзды, а у горизонта светил серп Земли с белыми пятнами антициклонов.

Чтобы купить билет в Зал Регаты, Никки пришлось заплатить кредиткой кругленькую сумму, от которой она поёжилась: её банковский счёт совсем отощал.

«Чёрт! – расстроено подумала Никки. – Если я не добуду денег, то их у меня скоро не только на Колледж, но и на самый дешёвый мотель не хватит! Мой план, может, сработает, а может, и нет... Если сработает, то, вероятнее всего, с таким запозданием, что всё равно придется где-нибудь занимать денег... Изжога Кассиопеи! Как не хочется кланчить и залезать в долги!»

Кроме многих тысяч болельщиков, в зале собралось, судя по лётным комбинезонам, несколько сотен участников Регаты. Большинство из них совсем недавно окончили космические училища и академии, на что указывали и новенькая форма астронавтов, и гордая осанка её владельцев. Впрочем, довольно много прибыло на Регату и тёртых пилотов-каботажников, которым надоело мотаться по лунному «лягушатнику», и их потянуло в дальний космос и на повышенные оклады. Ведь традиционными призами ежегодной Лунной Регаты являются несколько десятков вакансий в престижной Спейс Сервис, в том числе на внешних планетах – от Юпитера до Нептуна.

Самыми опасными и крутыми участниками Регаты выглядели гонщики-профи – уверенные в себе, в традиционно ярких комбинезонах, густо усеянных рекламными лейблами, они зарабатывали себе на жизнь тем, что выигрывали призы различных гонок, но больше всего тем, что служили ходячим рекламным щитом для продукции крупных фирм. Этих гонщиков окружали журналисты, активно расспрашивая о чём-то и фокусируя камеры на их цветастых костюмах, – по-видимому, репортеры получали гонорары от тех же фирм.

Никки шла по залу, и вокруг было столько интересного! Ей даже приходилось следить за тем, чтобы рот не оставался надолго удивлённо раскрытым. Её поразил сам ракетпорт, в котором принимались ежедневно десятки крупных ракет с Земли, Марса и астероидов, а также сотни местных лунных челноков. Только здесь Никки отчётливо осознала размах человеческой цивилизации и мощь наступления людей на космос. Девушка искренне позавидовала пилотам, прибывшим на соревнование: они летали на космических кораблях, и им были доступны все уголки Солнечной системы.

Хотя в зале подростков почти не было, на Никки никто не обращал внимания. Впрочем, она здорово вытянулась за прошедший год и совсем не походила на школьницу. Стараясь выглядеть постарше, она надела просторный чёрный комбинезон, скрадывающий её слишком тонкую для взрослого человека фигуру. Прозрачные волосы были тщательно убраны под облегающую шапочку, а верхнюю часть лица закрывали радужные очки-полумаска. Её не узнали бы даже знакомые – и эту анонимность Никки рассчитывала удержать как можно дольше.

«Хватит глазеть! – одёрнула себя девушка. – Пора заниматься делом».

Из прессы прошлых годов она знала, что на Лунных Регатах обычно присутствует коммодор Юр Гринин – первый заместитель Главного коммодора Спейс Сервис. Никки очень хотела заполучить Гринин-а на

несколько минут для серьёзного разговора. Но коммодор Гринин в зале отсутствовал. Неожиданно оказалось, что на первом, тестовом этапе Регатой распоряжался его молодой помощник, лейтенант Пит Харрис – как определил всезнающий Робби.

– Полагаю, что коммодор Гринин приедет на полётную часть, часа через два... – сказал Робби.

Никки расстроилась. Два часа!

– Может, поговорить с его помощником? – спросила она.

– Ну, попробуй... – с сомнением протянул Робби.

Никки пробилась к месту судейской бригады, где стоял раскрасневшийся от суматохи и постоянных объявлений Пит Харрис:

– Лейтенант Харрис, мне нужно пару минут вашего внимания...

Лейтенант сам был ещё очень молод; он мгновенно распознал в Никки подростка и соответственно к ней отнесся:

– Извините, не могу, я сейчас страшно занят...

Никки настаивала:

– Это очень важно...

Молодой помощник Гринин-а мгновенно потерял терпение:

– Девочка, отойди, не мешай работать. Справочное – в центре зала...

Никки, расстроенная, отступила. Она стала понимать, что в такой суматохе поговорить серьёзно вряд ли удастся – что с лейтенантом, что с самим коммодором...

Простейший план быстро и с треском проваливался.

Раздался звонок начала отборочного этапа Регаты, который проходил на тренажёрах, установленных прямо в зале. Никого из участников Регаты даже не просили предъявить лётные права – дилетанты мгновенно отсеивались на тестах. Фактически тренажёры, управляемые компьютером Лунной Регаты, сами проводили весьма жёсткий экзамен на квалификацию пилота.

Робби сказал:

– Предлагаю задействовать план номер два.

Никки вздохнула: она полагала, что план номер два, сложный и малопредсказуемый, имел ещё меньше шансов. Он состоял в том, чтобы принять участие в тестовых испытаниях и попасть в сотню финалистов, которых пригласят в Спейс Сервис для собеседования и возможного приёма на работу. Работа ей не нужна, но это собеседование давало отличный шанс на серьёзный и так необходимый ей разговор с представителями Спейс Сервис.

Но ведь в финалисты надо как-то попасть! Обогнав на тестах сотни

квалифицированных пилотов! Робби анализировал типичные отборочные тесты прошлых лет и утверждал, что у неё есть определённые шансы, – но Никки очень сомневалась в этом.

Впрочем, выбора не было. Никки подошла к крайнему, ещё не занятому тренажёру и юркнула в люк, всерьёз опасаясь, что её сейчас остановят словами: «Девочка, не мешай работать, детская площадка с кубиками – за углом...»

Усевшись в кресло внутри трёхметрового шара тренажёра, Никки пристегнула ремни и положила руки на рычаги. Замерцал экран рубки, имитирующий вид звёздного неба с планетами. Компьютер гонки предложил Никки в качестве теста выйти на орбиту кольца Юпитера с предварительным облётом всех пяти галилеевских спутников. За короткий срок виртуального полёта нужно было продемонстрировать максимальную скорость реакции и умение рассчитывать оптимальные траектории в сложных гравитационных полях.

С этим тестом Никки справилась неплохо, хотя темп задавался очень высокий. За долгие годы пребывания на астероиде Никки провела много космических сражений с Робби. Находиться как можно больше времени в запасном кресле пилота, найденном на складе, и в силовом скафандре, который отлично имитировал перегрузки, было жизненно необходимо для Никки – иначе её скелет не смог бы сформироваться. Именно поэтому они тренировались до полного утомления – Никкиного, конечно, – Робби всегда оказывался выше стрессов. Во время их тренировок Робби имитировал бой максимально реалистично – с учётом всех гравитационных полей и движений планет и спутников. И Никки научилась интуитивно прокладывать траекторию корабля настолько быстро, что Робби, который базировался не на интуиции, а на небесно-механических расчётах, еле успевал за ней.

Вспотевшая от напряжения Никки завершила испытание, протёрла салфеткой рычаги управления и выбралась из кабины. У дверей тренажёра нетерпеливо дожидались возможности пройти тест двое рослых пилотов компании «Лунно-Марсианские линии» – как гласили яркие наклейки их комбинезонов. Пилоты удивлённо вытаращились на взмокшую девицу, вылезавшую из кабины. Никки быстро шмыгнула от подозрительных взглядов в ближайшую толпу болельщиков. Тесты шли ещё полтора часа, так что Никки успела умыться, выпить бутылку сока и отдохнуть.

Наконец отборочный этап закончился, и на табло высветилось сто имен финалистов. С перебоем сердца Никки пробежала глазами список финалистов, но – увы! – не нашла в нём своей фамилии. Чёрт! А ведь так

старалась!

Громкие вопли радости разнеслись по залу – это шумели счастливые победители, среди которых треть являлась профессиональными гонщиками. Сокрушённый вздох вырвался из груди большинства пилотов – в основном, молодых, – не попавших в заветную сотню и перекочевавших в класс зрителей.

По залу забегали журналисты, надеясь взять интервью у финалистов. Лунная Регата давно стала популярным спортивным шоу. За космической гонкой наблюдали не только обитатели Луны, но и множество болельщиков на Земле и других планетах. Факт, что в Регате разыгрывались не просто кубки и призы, но и вакансии в Спейс Сервис, то есть определялись будущие биографии участников, придавал этим соревнованиям особое напряжение.

Расстроенная Никки ещё раз посмотрела на табло и только сейчас заметила верхний, красный список двадцати лучших финалистов, которых приглашали в отведённые им шлюпки для участия в финале Лунной Регаты. И тут Никки с ужасом увидела своё имя на восемнадцатой строчке.

Перестаралась!

Когти Скорпиона! Хвост Козерога! Уши Мимаса!

Приглашают в шлюпку?! Она ни разу не управляла реальным космическим кораблем!

Надо как-то отказаться!

– Робби, я переборщила на тесте! Меня приглашают по-настоящему пилотировать шлюпку! Надо смываться!

– Никки, что за паника? – спокойно возразил Робби. – Ты неплохой виртуальный пилот, так что справишься и с реальной машиной.

– Не говори ерунды! – фыркнула Никки.

Робби настойчиво продолжал убеждать её:

– Шлюпка всё время под контролем главного компьютера гонки – он не даст тебе разбиться. Кроме того – я рядом!

– Робби, ты с ума сошёл! – паниковала Никки.

– Слушай, Никки, – сказал решительно Робби, – я, конечно, понимаю, что вы, мокрые биосистемы, всецело зависите от своих растворов и сейчас у тебя в крови целый коктейль панической биохимии. Но если ты не возьмёшь себя в руки, то все наши планы пойдут к чертям собачьим! Как ты можешь сейчас отказаться? Что – подойдешь к Питу Харрису и скажешь, что пошутила и не собираешься участвовать в гонке? Судьям придется задерживать Регату, пересматривать и исправлять оба списка финалистов, да ещё и объяснять журналистам, почему такая катавасия

приключилась. Ты станешь у них самым нелюбимым человеком недели. С какой вероятностью после такого скандала они захотят иметь с тобой ещё какие-то дела?

Понукаемая Робби, Никки на дрожащих ногах подошла к отведённой ей шлюпке номер восемнадцать и осторожно открыла входной люк.

– В конце концов, это будет интересным приключением... – продолжал увещевания Робби. – Пренебрегать шалостями Фортуны не следует! Будет что рассказать друзьям!

– Ты стал то ли авантюристом, то ли философом, – ворчала Никки, с опаской забираясь в космический кораблик. – Десять лет назад у тебя стёрлись какие-то тормоза... или в пещере ты перегрелся...

Тут анонимность Никки закончилась – кто-то из комментаторов зацепился за её фамилию в списке. Журналисты бросили фаворитов-профи и забегали, пытаясь найти её среди участников регаты. Но Никки успела задраить за собой люк, и автопилот шлюпки уже выруливал в стартовый шлюз. Сквозь иллюминатор, зеркальный снаружи, Никки с облегчением наблюдала за тем, как журналисты мечутся по залу, ища её шлюпку, заглядывая в лица пилотов, а тивиоператоры просматривают кадры предыдущих съёмок в надежде обнаружить девушку-Маугли.

Пока гонка не началась, Робби имел право помогать Никки управлять шлюпкой. Благодаря ему они благополучно провели переговоры с диспетчерами Регаты и вовремя взлетели.

К удивлению Никки, впервые севшей за пульт реального корабля, этот полёт почти ничем не отличался от виртуального полёта на тренировке. Конечно, она почувствовала отличие настоящей перегрузки от искусственной, имитированной силовым костюмом, но в остальном она видела перед собой такой же экран и штурвал, как на тренажёре. Только значки на экране отражали расстановку уже настоящих, а не виртуальных кораблей и планет.

Через полчаса все двадцать пилотов прибыли на старт гонки, расположенный в двух тысячах километров над Луной. Два десятка одинаковых спасательных ботов, занятых из лунного малотоннажного флота Спейс Сервис, выстроились в длинную линию согласно списку. Кораблики представляли собой небольшие треугольные шаттлы, похожие на старинные реактивные самолёты.

Полчаса неспешного полёта в шлюпке оказали на Никки самое благоприятное воздействие: она успокоилась и приноровилась к управлению. Корабль был так послушен, что она стала получать от полёта настоящее удовольствие. Какого чёрта! Робби действительно не даст ей

разбиться...

Каждую минуту давали старт очередной шлюпке. Первые кораблики уже помчались по трассе, выбрасывая из дюз эффектные плазменные выхлопы – от голубых и красных до переливчато-радужных. В обычной лётной практике окрашивающие выхлоп присадки использовались только пижонами на частных яхтах, но на Лунной Регате ими пользовались в обязательном порядке – по просьбе телевизионщиков и зрителей.

Задача участника Регаты заключалась в пролёте через несколько ворот-створов за минимальное время. В расчёте маршрута мог использоваться компьютер, но пилотирование разрешалось только ручное. Большинство рейсовых пилотов имели весьма небольшой опыт полностью ручного управления, и ошибок на трассе гонки совершалось немало. Если датчики фиксировали, что переусердствовавший пилот потерял сознание при перегрузках, то автопилот перехватывал управление и уводил шлюпку с дистанции. То же самое происходило, если, по прогнозу главного компьютера гонки, траектория полёта упиралась в Луну или в другую опасную зону. Как только перегрузки, необходимые для исправления траектории корабля, приближались к допустимому пределу, неудачливый пилот чувствовал, как шлюпка перестаёт слушаться руля и сама движется к финишному космодрому.

Очередь Никки была восемнадцатой. За пять минут до старта на экране её шлюпки пошёл обратный отсчёт оставшихся секунд. Одновременно перед взволнованной Никки возникла ранее засекреченная карта регаты из пятнадцати ворот или створов.

Если представить жёлтый круг освещённой Солнцем Луны в виде циферблата часов, то старт располагался высоко над Луной вдоль двенадцатичасовой линии; ключевой пункт гонки – стадион Колледжа – занимал цифру два, а космопорт Луна-Сити – район десяти часов. Первые десять створов шли вниз сложной зигзагообразной спиралью, отклоняясь вправо – к колледжскому стадиону, битком набитому болельщиками Регаты. Десятый створ располагался ближе всего к Луне – висел прямо над стадионом Колледжа, а плавная линия последних пяти створов шла над поверхностью Луны назад, к Луна-Сити.

Общее решение трассы напрашивалось: сложный слалом к Колледжу, зигзагообразный поворот на сто восемьдесят градусов над самым стадионом, с ярким тормозным выхлопом под восторженные крики зрителей, и, на максимальном ускорении, в обратном направлении, к ракетпорту Луна-Сити, по финишной плавной орбите, огибающей Луну по дуге в треть окружности. Но разворот над Школой Эйнштейна, задуманный

как эффектное зрелище для публики, одновременно сбивал скорость кораблей до нуля.

– Робби, какие идеи? – крикнула Никки.

На экране вспыхнула оптимальная трасса, рассчитанная Робби. Как и ожидала Никки, слалом первых десяти створов заканчивался резким изломом над стадионом Колледжа к финальной и более гладкой части трассы.

– Ну-у, Робби, это очевидное решение, все будут бежать по этому маршруту... На ней у меня нет шансов против профи... и этот крутой поворот на сто восемьдесят – он режет глаз. Думай лучше! – Никки явно захватил азарт соревнования.

Хотя перед самым началом гонки электронный голос стал отсчитывать оставшиеся секунды, пронзительный сигнал старта в тесной рубке резко хлестнул по ушам и нервам. Никки ударила по рычагу газа, и жёсткое ускорение вдавило её в спинку кресла.

Через полчаса Никки прошла пятый створ, вытерла пот со лба и спросила Робби:

– Ну и что?

– Поздравляю. У тебя самое плохое время гонки.

– Вот видишь, – вздохнула Никки, – а ведь я стараюсь, как могу... Надо что-то придумать!

Пролетев ещё один створ, Никки неожиданно попросила Робби:

– Просчитай, пожалуйста, трассу с облётом вокруг Луны. Тогда десятый створ над Колледжем проскакиваем на полной скорости и летим вокруг всей Луны к пятнадцатому створу над Луна-Сити и далее, в обратном порядке, к одиннадцатому – снова к Колледжу. Это в три раза удлиняет финальную часть трассы, но без остановки над стадионом скорость должна быть существенно выше. Гравитация Луны и двигатель помогут удержаться на круговой орбите... Выиграем так время?

Только абсолютно недисциплинированный в традициях космонавтики мозг Никки мог сгенерировать такую нахальную идею решения трассы. После прохода седьмого створа Робби выбрал спокойную минуту и быстро сказал:

– Ты неглупая биосистема! Правда, шанс есть только при дополнительном центростремительном ускорении при облёте Луны. Ориентировочно – до трёх-четырёх «же». Жаль, что вы, биосистемы, такие жидкие...

Никки присвистнула. Три «же» – это целых три земных веса или восемнадцать лунных... Очень тяжело, можно запросто потерять сознание.

Правда, массы в Никки немного...

Необходимость добавочного центростремительного ускорения означала, что притяжения Луны не хватало для удержания шлюпки на окололунной орбите, и Никки, чтобы не сойти с круговой трассы из-за большой скорости, придётся увеличивать реактивное ускорение в сторону Луны. Это будет выглядеть, как полёт вниз головой и с двигателем, толкающим шлюпку к поверхности планеты. «Так... – быстро соображала Никки, – Луну удобнее огибать вверх брюхом, чтобы лучше видеть лунную поверхность и горы в большом верхнем фонаре кабины...» В этих раздумьях она почти автоматически пролетела восьмой и девятый створ и выскочила на длинный участок трассы, ведущей к Колледжу.

Все остальные пилоты начинали здесь тормозить. Никки же наоборот – нацелившись на горловину десятого створа, она решила и выжала газ до упора. Её дыхание перехватило от многократной перегрузки.

– Да, мы – жидкие, зато очень упрямые! – сквозь стиснутые зубы сказала Никки.

На стадионе Колледжа волновалось разноцветное шумное море болельщиков, глазающих на пролетающие над головой шлюпки и на кубический экран, показывающий трассы гонщиков и крупные планы самых эффектных манёвров. Десятки журналистов спортивных и новостных каналов телевидения сидели в звуконепроницаемых кабинках и сопровождали возбуждёнными комментариями ход гонок и манёвры над Колледжем – наиболее трудном участке Регаты.

Сообщение со старта о том, что в Лунной Регате участвует Никки Гринвич и что она сумела войти в первую двадцатку финалистов, полчаса назад бомбой взорвалось над стадионом Колледжа. Рёв болельщиков слился с криками комментаторов. А Джерри побледнел от страшного волнения за Никки.

– Насколько я знаю, Никки Гринвич никогда не училась кораблевождению и не имеет опыта пилотирования! – удивлённо воскликнул ведущий «Спортивной жизни». – Если же учесть, что она выросла на астероиде и не привыкла к перегрузкам, то её участие в Лунной Регате выглядит ребячеством. Конечно, это здорово, что она так хорошо владеет тренажёром, но одно дело – пройти в финал в виртуальной реальности и совсем другое – управлять настоящим кораблём при многократных перегрузках.

– Эта девочка так привыкла к славе, что не упускает ни одной возможности покрасоваться перед камерами! – злобно заявил

представитель «Спортивных рекордов».

Когда Никки показала результат на трассе хуже всех финалистов, обозреватели понимающе покивали головами и сосредоточились на лидерах – спорт есть спорт, аутсайдерами в нём не интересуются.

Поэтому, когда очередная шлюпка, низко пролетающая над стадионом Колледжа, вместо тормозного импульса продемонстрировала форсажный ускоряющий выхлоп – никто ничего не понял. Лишь гул голосов на трибунах усилился, и комментаторы стали подшучивать над странной шлюпкой.

– Один приятель передумал участвовать в гонке и полетел домой к маме! – заорал разбитной комментатор «Спортивных рекордов».

– Пилот стремительно сходит с трассы и теряет возможность финишировать за приемлемое время... – авторитетно заключил ведущий «Спортивной жизни».

– Возможно, пилот в обмороке от перегрузок и утратил контроль над кораблём. Боюсь, сейчас мы услышим сообщение судейской коллегии о снятии шлюпки номер восемнадцать с трассы, – беспокоилась блондинка из «Женского спорта».

– О боги! – закричала обозрительница «Яхт и самолётов». – Восемнадцатая – это же шлюпка Никки Гринвич! Она полностью сошла с трассы! Смотрите, смотрите – её шлюпка стала переворачиваться вверх днищем! С ней явно что-то случилось! Почему молчат судьи?

Трибуны встретили эту новость тревожным гулом, и все проводили глазами шлюпку, которая, сверкнув на солнце, опрокинулась вверх брюхом и стремительно умчалась в направлении, противоположном движению всех других участников. Шлюпка Никки скрылась за лунным горизонтом, но никаких сообщений по этому поводу журналисты от судей не услышали.

Через минуту новая шлюпка пришла к повороту, и все обернулись к ней. Лишь на северной трибуне, где резервировались места для школьников-эйнштейнианцев, Джерри продолжал стоять и с нескрываемой тревогой смотреть на недалёкие кратерные горы, за которыми скрылся маленький кораблик Никки.

А Никки приходилось туго. Она старательно следила, чтобы стремительно несущаяся шлюпка не отдалилась от поверхности Луны из-за центробежных сил. Для этого Никки всё сильнее поворачивала шлюпку, летящую вверх брюхом, носом к Луне, чтобы добавить к притяжению Луны ещё и тягу маршевого двигателя. Луна быстро проворачивалась над корабликом, и острые лунные горы летели, казалось, прямо над макушкой Никки. «Не сбить бы какую-нибудь заповедную вершинку... – невесело

подумала напряжённая до предела Никки. – Это интересный вопрос – успеет ли автопилот вмешаться на такой малой высоте и при такой большой скорости и отвернуть, не размазав меня по кабине...»

Ручное управление в таких условиях изматывало крайне. Никки приходилось выдерживать курс и прикидывать в уме трассу к пятнадцатому створу – не кратчайшую, а оптимальную, чтобы не пришлось потом резко поворачивать к следующим воротам. Через некоторое время она пожалела, что опрокинула шлюпку вверх брюхом. Это только вначале Луна висела у неё над головой, а потом кратерная равнина расположилась прямо перед носом шлюпки.

Фактически шлюпка летела уже днищем не вверх, а вперёд, и для контроля направления Никки пришлось пользоваться экраном и меньшим иллюминатором в полу. В общем, к пятнадцатым воротам, где для спортсменов, начавших гонку первыми, уже состоялся финиш, а для Никки только начиналась последняя треть лунной окружности с пятью створами, она пришла, что называется, вся в мыле.

Зрители в ракетпорте Луна-Сити эмоционально приветствовали каждую финиширующую шлюпку и её результат. Активно заключались пари – как дружеские, так и букмекерские.

Неожиданно пост дальнего наблюдения сообщил, что к Луна-Сити с противоположной стороны горизонта и на гораздо большей скорости, чем другие участники регаты, приближается шлюпка номер восемнадцать с пилотом Никки Гринвич!

Эта новость вызвала всеобщий фурор среди журналистов и зрителей. Операторы мгновенно перевели на шлюпку Никки кинотелескопы, и на главном экране возникло изображение корабля, на огромной скорости пролетающего над куполом Луна-Сити. Двигатель шлюпки работал на полную мощность.

В зале ракетпорта раздался общий протяжный не то вздох, не то стон.

Нос корабль был направлен вертикально вниз – на острые лунные горы! Оранжевый реактивный выхлоп бил из дюз шлюпки прямо в чёрное небо. Это выглядело так, будто пилот-самоубийца ввёл шлюпку в смертельное отвесное пики и включил форсаж на полную мощность.

У всех перехватило дыхание.

К этому времени вся сила двигателя Никкиного корабля работала только на борьбу с центробежной силой. Если бы Никки выключила двигатели, шлюпка немедленно бы унеслась от Луны по касательной траектории. Но понять это из экранного изображения было невозможно. Не успели зрители перевести дыхание, как странная шлюпка, не падая,

пролетела брюхом вперёд створ номер пятнадцать и устремилась дальше по трассе – против течения всей гонки.

– Что творит эта Никки Гринвич! Что она творит! – ошарашенно повторяла спортивная комментаторша Главного Лунного телеканала. – Её шлюпка летит носом вниз и днищем вперёд, нарушая все мыслимые каноны и законы...

– Она выбрала путь вокруг Луны, который в два раза длиннее обычной трассы, но она показывает потрясающее время! – с азартом кричала в микрофон ведущая журнала «Яхты и самолёты».

Стадион Колледжа, услышав эти новости, взорвался таким шумом, что с деревьев вокруг Колледжа вспорхнула стая мелких птичек.

Никки балансировала между последними створами легкими наклонами шлюпки, раздавленная собственным двадцатикратным весом. Она опять обрадовалась, что летит днищем вперёд, так как смотреть в нижний иллюминатор оказалось легче, чем поднимать страшно тяжёлую голову к верхнему фонарю кабины.

Свинцовая рука отказывалась вытирать солёное мокрое лицо.

В её затуманенное сознание проникло сообщение Робби:

– У тебя ориентировочный выигрыш в минут пять. До конца гонки тебе осталось две минуты.

И вот над стадионом Колледжа снова появился Никкин кораблик, украшенный длинным раскалённым выхлопом, устремлённым в зенит. Сам корабль был нацелен вниз – прямо на трибуны. Весь стадион встал как один человек, приветствуя эту безумную шлюпку, которая показывала лучшее время гонки. Студенты Колледжа скакали от восторга, вопя и махая вслед Никкиному кораблю. Джерри не прыгал – он еле мог дышать от волнения, но счастливо улыбался во весь рот. Он был больше всего рад не успеху Никки, а тому, что с ней всё в порядке.

На последнем дыхании Никки направила корабль в финишный створ и, когда огромное светящееся кольцо промелькнуло вокруг, резко сбросила мощность двигателя. Невесомость она восприняла как счастье и прошептала:

– Робби, доведи шлюпку... – и сразу провалилась в полусон-полуобморок.

Друг вернул кораблик назад в ракетпорт и плавно усадил его на нужную площадку. После короткого сна измученная Никки пошевелилась и раскрыла глаза. Осознав, что корабль уже прилунился, она улыбнулась и вкусно, с хрустом, потянулась. Потом девушка потрогала лицо и с недоумением посмотрела на окровавленные пальцы. В зеркале над пультом

отразилась бледная физиономия с взлохмаченными волосами, потемневшими и отёкшими подглазьями и следами носового кровотечения.

– Что и говорить – неопишуемая красота! – фыркнула Никки, критически обозревая лицо, как военачальник – поле боя после тяжёлого сражения.

Девушка, как могла, привела свой нос в порядок с помощью влажной салфетки и надела большие радужные очки.

– Как наши дела? – спросила она Робби.

– Ты устроила страшный переполох: комментаторы грызут микрофоны, а судьи совещаются на предмет законности твоего манёвра. Но здесь всё в порядке, я делал анализ правил Регаты. Твоё время – один час и пять с половиной минут. Думаю, что ты победила, хотя официальных результатов ещё не объявляли.

– Пошли на выход.

Никки медленно поднялась, скрипя всеми костями, окинула взглядом шлюпку, где она провела такой незабываемый час, и нажала кнопку люка.

В зале царили хаос и несмолкаемый гул тысяч болельщиков. В центре этого шума, на огороженной площадке с креслами, собирались финалисты – утомлённые, но довольные уже тем, что всё наконец кончилось. Когда Никки появилась в зале гонки, об анонимности можно было уже и не мечтать. Девушку сразу окружили журналисты и набросились с вопросами.

– Никки, где вы учились летать? – крикнул растрёпанный рыжий комментатор.

– Сегодня я в первый раз вела корабль, – устало пробормотала девушка, пробираясь к площадке финалистов.

– Почему вы решили участвовать в Лунной Регате? – напирала толпа журналистов.

– Все школьники хотят летом подзаработать... – невинно пожала плечами Никки.

– Как вы догадались о маршруте вокруг Луны? – выкрикнул кто-то ей в спину, когда она уже зашла за ограждение площадки.

– С помощью головного мозга, – серьёзно ответила Никки и нырнула в середину группы финалистов.

Наконец на большом экране Регаты высветился список пилотов Лунной Регаты. Первая строка кричала красным:

1-е место – Николь Гринвич (шлюпка 18) – 1 час 5 минут 37 секунд.

Это была сенсация!

Зал приветствовал чемпионский результат криками и аплодисментами. Второе место занял крепкий невысокий парень, профессиональный гонщик, отставший от Никки на четыре с половиной минуты. На другом экране змеились трассы всех шлюпок: различия в маршруте у всех были небольшими, и на экране красовался густой пучок траекторий, перетянутый кольцами створов. И лишь линия полёта Никки не заворачивала вместе со всеми после десятого створа, а огибала весь диск Луны. Ещё на одном экране застыло крупное изображение Никкиной шлюпки, мчащейся над стадионом Колледжа – днищем вперёд и носом, устремлённым прямо на трибуны, полные людей.

Со стороны это выглядело самоубийственно, будучи на самом деле абсолютно логичным вариантом прохода заданной трассы с максимальной скоростью.

К небольшой трибуне вышел высокий худощавый мужчина в парадной форме Спейс Сервис: коммодор Юр Гринин, или коммодор Юр, первый заместитель Главного коммодора Спейс Сервис. Его загорелое лицо с крупным носом и коротким седым ёжиком над широким лбом было всем известно, и довольно быстро в зале воцарилась относительная тишина.

– Поздравляю финалистов Лунной Регаты с успешным окончанием соревнований, – звонким голосом сказал коммодор Юр. – Они доставили всем нам редкое удовольствие своим мастерством и мужеством. И конечно, имя мисс Николь Гринвич у всех на устах, и я от души поздравляю новую чемпионку Лунной Регаты. Николь установила ещё один рекорд, став самым юным в истории чемпионом Лунной Регаты!

От бурных аплодисментов, гудков, воплей и свиста купол ракетпорта чуть не снесло. Юр подошёл к Никки и подвел её к трибуне, поставив рядом с собой. Увидев стройную девушку в чёрном комбинезоне с прозрачно-серебряными волосами, мерцающими в лучах прожекторов, зал снова взорвался овацией и криками.

– Я не могу отказать себе в удовольствии, – сказал, улыбаясь, коммодор Юр, – продемонстрировать вам полёт пилота Гринвич ещё раз, начиная с девятого створа.

На главном экране появились изображение Луны и траектория чемпионского полёта, совмещенная с реалистичным изображением Никкиной шлюпки. Толпа взволнованно зашумела. Коммодор Юр сопровождал полёт шлюпки комментарием старого космонавта, привыкшего к профессиональному жаргону:

– Николь Гринвич выбирает совершенно неожиданную длинную дорожку вокруг Луны, поэтому не давит на брейк, а полностью открывает

дюзы перед десятым створом и быстро уходит на настильную лунную орбиту... Вот она поворачивает шаттл днищем вверх – для лучшего скана лунной поверхности – и начинает свой поразительный виток, – восхищался коммодор Юр.

Когда шлюпка начала огигать Луну и наклонилась носом к кратерам, шум в зале возрос.

– Кому-то это может показаться безумной авантюрой или пикирующим полётом камикадзе, но с точки зрения космомеханики это единственный способ, который позволяет удержаться на низкой орбите с такой скоростью. Движок прижимает шлюпку к поверхности Луны, не дает улететь в пространство, что и разрешает шаттлу двигаться гораздо быстрее обычной ракеты на круговой орбите.

На экране шлюпка Никки, окончательно встав на голову в конце полёта, закончила трассу под восторженный рёв болельщиков.

– Я не удивлюсь, если этот приём войдет в учебники по кораблевождению как манёвр Николь Гринвич, – заключил коммодор Гринин. Это заявление вызвало невероятный ажиотаж среди школьников на стадионе Колледжа.

– А теперь – самое приятное: вручение денежных призов победителям гонки, – и, не откладывая дела в долгий ящик, коммодор протянул Никки красивый подарочный чек, по голубоватому фону которого блуждали яркие искры. – Чек на шесть миллионов золотых долларов вручается мисс Николь Гринвич, Школа Эйнштейна, первое место!

Толпа болельщиков неистовствовала, и только прочное ограждение удерживало её в рамках. Никки была поражена больше всех.

– Чек на два миллиона получает Жорж Молния, профессиональный гонщик компании «Пепи-Луна», занявший второе место. – Коммодор протянул ещё один чек очень смуглому крепышу, на лице которого радость от получения приза смешивалась с хорошо заметной досадой, что главный приз у него увела какая-то девчонка.

Полмиллиона золотых долларов вручается Митри Бонов-у, выпускнику Лунной Академии этого года, занявшему сегодня третье место, но мы все помним, что на прошлой Регате он стал чемпионом! – И ещё один чек нашёл своего владельца, который был искренне рад и ему, и отличной возможности получить самую хорошую вакансию – ведь явно ни Никки, ни Жорж Молния не собирались работать в Спейс Сервис.

Теперь о других призах, – сказал коммодор Юр. – Финалистам этой Регаты мы хотим предложить тридцать две вакансии в рядах Спейс Сервис. Насколько я знаю, из ста финалистов уже... – он сверился с экраном своего

крупного т-фона, – шестьдесят человек готовы пройти дальнейшие тесты для занятия этих вакансий. Они приглашаются на собеседование завтра в штаб-квартиру Спейс Сервис в Луна-Сити.

Тут коммодор Юр споткнулся взглядом обо что-то на экране т-фона и сделал длинную паузу.

Это не осталось незамеченным зоркими журналистами.

– Что там, коммодор? – спросила с любопытством девушка-комментатор из «Лунного рассвета».

– У нас проблема, – вздохнул коммодор. – Чемпионка Регаты Николь Гринвич тоже хочет стать сотрудником Спейс Сервис.

Публика засвистела и засмеялась.

– Беда в том, – пояснил коммодор Юр с искренним сочувствием к неисполнимому желанию подростка, – что сотрудником Спейс Сервис может быть только человек в возрасте как минимум двадцати одного года. Даже для того, чтобы стать курсантом нашей школы, нужно быть восемнадцатилетним, – вежливо повернулся коммодор к Никки.

Та покладисто кивнула и спокойно сказала:

– Но на внештатных сотрудников Спейс Сервис это правило не распространяется. Могу я попросить, сэр, выдать мне удостоверение внештатного сотрудника вашей службы?

Журналисты вокруг одобрительно зашумели.

– Хм, – поднял брови коммодор, – мы так редко пользуемся этим статусом, что я и забыл про него... Это же что-то вроде добровольного помощника...

Коммодор подозвал своего лейтенанта и что-то обсудил с ним, склонив седую голову. Потом он выпрямился и торжественно объявил:

– Я обладаю нужными полномочиями, чтобы прямо сейчас присвоить Никки Гринвич статус внештатного сотрудника Спейс Сервис!

Коммодор явно не был чужд театральным эффектов. К нему снова подошёл кислотицый Пит Харрис – уже с небольшим устройством. Коммодор что-то быстро набрал на нём, и через несколько секунд ящичек выдал радужную карточку с голографией и именем Никки.

Коммодор церемонно поздравил Никки и вручил ей ещё тёпленькое удостоверение, а она лихо козырнула традиционным приветствием Спейс Сервис, вызвав овацию зала.

– Никки, зачем вам удостоверение бесплатного добровольца? Оно же совершенно бесполезно! – крикнула журналистка из «Яхт и самолётов».

– Ну почему же, – невозмутимо сказала Никки, бережно пряча пластиковую карточку-чип в кармашек комбинезона. – Во-первых, я

получаю вход в компьютерную сеть Спейс Сервиса и доступ ко всем служебным материалам и отчётам, за исключением файлов с грифом «Секретно».

Ошарашенное лицо коммодора Юра ясно показывало, что этого пункта положения о внештатных сотрудниках-добровольцах он не помнит.

– Во-вторых, – продолжала Никки, – я получаю право посылать официальные рапорты в Спейс Сервис, а также выступать с докладами на внутренних совещаниях и конференциях. Я как раз хочу воспользоваться удобным моментом и попросить коммодора Гринин-а включить моё короткое сообщение «Экологическая модель Королевского плато Оберона» в программу ежегодного симпозиума Спейс Сервис. Он пройдет в Луна-Сити в августе этого года.

На удлинившемся лице коммодора отразилось изумление такой прытью новоявленного сотрудника.

– Э-э... – растерянно протянул он, – к сожалению, заявки на доклады делались заранее... и программа выступлений давно составлена...

– Да бросьте, коммодор! – крикнул кто-то из репортёров. – Если Никки Гринвич будет выступать на вашей скучной конференции, то туда нашего брата придёт в десять раз больше обычного! Эта мисс регулярно поставляет нам сенсации!

Пул журналистов издал одобрительный гул.

– Ладно! – под давлением прессы решился коммодор Юр и озадаченно посмотрел на Никки. – Я сокращаю свой заключительный обзорный доклад и даю вам десять минут в последней сессии.

– Отлично! – сказала радостно Никки и быстро поцеловала коммодора Юра под седой висок поцелуем внучки, вызвав дополнительное веселье публики.

– Никки, что вы думаете о своей победе в Лунной Регате? – громко спросил журналист с большой камерой.

– Это оказалось выгоднее, чем подрабатывать в пиццерии, – серьёзно сказала Никки.

– Зачем вам нужно выступление на такую заумную тему? – крикнул обозреватель Главного Лунного телеканала.

– Для оживления школьного сочинения «Как я провела лето», – продолжала быть невозмутимой девушка.

– Будь я проклят, но эта Маугли с астероида крутит событиями, как хочет. Она переигрывает всех на несколько ходов в какую-то неизвестную нам игру, – мрачно пробормотал седой и лохматый журналист из «Внеземного Аналитика» молодому напарнику. – Я гляжу на эту мисс и

чувствую себя деревенским простофилей с раскрытым ртом...

Глава 19

Оберонская история

Победа в Регате вынесла Никки на пик популярности среди эйнштейнианцев. Где бы девушка ни появлялась, её встречали овациями и приветственными криками. Всё успокоилось достаточно быстро только по одной причине – студенты разъехались на каникулы. Дзинтара приглашала Никки и Джерри погостить к себе в замок, но Никки, поблагодарив, отказалась – как и от десятка аналогичных предложений однокурсников. Последний год был так насыщен общением с множеством людей, что девушка-Маугли испытывала настоящую душевную потребность побыть в относительном покое и одиночестве. Она всё чаще и с удовольствием вспоминала беззаботную атмосферу прошлого лета, когда они с Джерри замечательно проводили время в безлюдном Колледже.

В общем, Никки и Джерри остались на лето в Колледже, о чём совершенно не жалели. За столом они сейчас сидели вдвоём – Хао и Дзинтара уже улетели к родителям.

С призовыми миллионами Никки рассталась мгновенно – не слушая никаких возражений Джерри, она, с помощью адвоката Дименса, погасила кредиты за свой астероид и вирджинский дом Джерри. И конечно, она с облегчением заплатила за второй год обучения в Колледже за обоих, после чего на её банковском счёте снова остались сущие мелочи.

Наконец ей надоело слушать сетования друга.

– Ты забыл, что это твоя работа с компанией «Лунотел» принесла нам процессоры А9? Этим ты спас Робби и меня. Ты спас мне жизнь! И даже не раз, Джерри-лев... Сколько это может стоить? – и Джерри заткнулся.

Весь июль Никки работала по несколько часов в день с Робби. Электроны вихрем носились по его контурам, без усталости сортируя миллионы цифр, и эти таинственные расчёты выплескивались на Никкин рабочий экран многочисленными змеящимися кривыми, выгибающими кошачью спину трёхмерными поверхностями и молекулярными моделями, кутающимися в электронные облака. Друзья готовились к докладу на августовском симпозиуме Спейс Сервис – видно, Никки хотела как следует оживить своё школьное сочинение о лете. Они с Джерри находили время и для прогулок в лесу, полётов на крыльях, для книг и фильмов, так что каникулы проходили просто отлично. Но после Бала Выпускников Никки стала смотреть на Джерри другими глазами, и ей не давал покоя

многозначительный факт. С той памятной беседы на ночном пляже они вернулись к дружеским отношениям. Но – и только: Джерри всегда держался с нею как джентльмен... Как школьный друг. И всё. И чем дальше, тем больше это смущало Никки. Слава Андромеде – обольстительницы Колледжа разъехались по домам, и у неё было время поразмыслить обо всём спокойно.

В середине июля они с Джерри полетели в Луна-Сити и зашли в зоопарк. Никки впервые в жизни увидела – и долго не могла прийти в себя от этого зрелища – царственных львов и гигантского слона, единственного на всю Луну. А смешные чёрно-белые китайские панды, сладко спящие в бамбуковых зарослях! Никакие они не медведи, а просто пара фантастически толстых двухцветных белок... Девушка заразительно хохотала над забавными стройными сусликами-миркатами, стоящими на задних лапах и всё время пугливо осматривающими окрестности, хотя на них в жизни никто не нападал... Правда, носорог навёл на Никки грусть – он злобно таранился из мрачного бетонного загона с толстыми железными прутьями и выглядел ужасно. Жираф с мозолистыми коленками тоже не излучал счастья в высоком, но тесном вольере.

Никки и Джерри провели в городе целый день, катаясь на эскалаторах в прозрачных многоэтажных трубах и бродя по висячим садам с многочисленными фонтанами, оркестрами и симпатичными кафе. В Саду Цветущих Вишен, уставленном столиками на двоих, они купили мороженое в высоких вафельных кулёчках. Никки расшалилась и почти случайно мазнула Джерри мороженым по щеке. Потом немедленно обняла юношу за шею и ласково слизнула сладкий след с его лица. Шея Джерри напряглась, но он бодро отшутился, расценив это как слишком детскую шутку. А Никки с огорчением подумала, что лучше бы он обнял её в ответ – хоть в шутку... а ещё лучше – поцеловал... пусть вымазав предварительно мороженым. Почему он так сдержан? Эта мысль совершенно испортила вкус доедаемого лакомства.

В конце июля Никки и Джерри, сидя на северной трибуне стадиона, с азартом болели за участников очередного экзамена в Колледж. Азарт сопереживания окрашивался снисходительным облегчением, что их экзамен уже позади... Вступительные соревнования выиграл Ситти Пак из Кореи. Его балл оказался гораздо ниже рекорда Никки, что раз сто отметили комментаторы экзамена, но её саму это мало интересовало.

На стадионе было жарковато, и, когда весёлый дирижаблик – разносчик напитков – проплывал мимо, Джерри потянулся взять холодной минералки для Никки. Его колено нечаянно задело ногу девушки.

Никки дёрнулась – её обожгло это прикосновение. Что за чертовщина?

Позже Джерри кому-то приветственно помахал, и его плечо затронуло её руку. Снова электрическое касание!

Никки удивилась – раньше она не замечала такого искрящего потенциала между ними. Если не считать, конечно, того о-очень давнего рождественского случая...

Наступил август. Школа Эйнштейна полностью опустела.

В полутёмном кафе Никки и Джерри сидели за субботним ужином, который по традиции был дольше и сытнее обычных вечерних трапез. На столе горели свечи, принесённые приветливыми кентавриками.

Никки внимательно рассматривала Джерри. Он здорово вырос с момента их первой встречи в госпитале. Плечи раздались, лицо повзросло, умные голубые глаза смотрели спокойно и насмешливо. Длинные каштановые волосы ложились свободными прядями на шею. Его худощавое лицо складывалось из крупных, резких черт и немедленно привлекало к себе внимание внутренним достоинством и силой. Раньше Джерри был симпатичен, а сейчас стал своеобразно красив.

Юноша не любил хвастаться – Никки, поражённой его артистическими талантами, немало пришлось потрудиться, чтобы узнать, что Джерри, по настоянию родителей, несколько лет посещал на Земле школу танцев и даже победил в известном детском конкурсе.

Он не глядел на неё, а думал о чём-то, медленно помешивая соломинкой молочный коктейль. И внезапно Никки поняла, что перед ней сидит взрослый, самостоятельный человек, у которого своя, не очень известная ей жизнь. Он погружен в свои сложные мысли... он рядом, но отделён от неё... сейчас встанет, пожелает спокойной ночи и уйдёт. А захочет – улетит в гости к кому-нибудь из друзей или переедет в другой колледж. А она? А она, по сути, чужой человек для него. Так, неврастеничная приятельница...

На Никки вдруг навалилась щемящее ощущение своего абсолютного одиночества в этом мире.

Что она наделала, идиотка? Он к ней был так расположен... или даже больше... а она сама прогнала его – насовсем, окончательно. Джерри – особенный и не похож на других... И многие девчонки это отлично понимают. Никки хорошо помнит, как красавица Марина Блэкуолл прилипла к нему в первый же день их прибытия в Колледж и сейчас всё время кружит вокруг. Даже сама Дзинтара посматривает на Джерри с нескрываемым интересом. А сколько есть тех, о которых Никки не знает?

«Может, его сердце уже занято?! – обожгла чёрная мысль. – И у него

появилась подружка-Сова или какая-нибудь препротивная голенастая Олениха? Или его девушка – та зеленоглазая красавица с Бала Выпускников? Ведь джентльмены не трезвонят о своих подружках и не ухаживают сразу за двумя девушками».

Дышать стало трудно – воздух, пропитанный обидой, лишается кислорода.

«Нет-нет, он же всё лето вместе со мной... – мелькнул утешительный довод и тут же утонул в беспокойстве: – А с кем же ещё ему быть? Все ордена разъехали на каникулы».

Никки с отчаянием уверилась: если Джерри даже не пробует перейти с ней черту дружбы – значит, он влюбился в какую-то другую девушку.

«Она, наверное, красавица и без всякой депрессии... – Ревнивые мысли причиняли вполне физическую боль. – А со мной Джерри возится по старой памяти, как с больным котёнком, – строго в рамках приличий. Джентльмены не бросают друзей-сотрапезников в беде, даже если это девочки».

Она – просто друг?! Ну да – пока ему это будет позволять та, ещё не известная, о существовании которой слепая дурища Никки наконец догадалась.

Воспоминание о настойчивой зеленоглазой бестии упорно возвращалось и жалило сердце девушки всё сильнее. Ведь когда-то они успели так станцеваться! Первого сентября – уже через три недели! – эта ослепительная, даже по мнению железного Робби, Драконица вернётся и найдет способ увести за собой Джерри, как тогда на Балу... и – всё!

Неужели Никки скоро навсегда его потеряет? Или уже потеряла?

Сердце девушки болезненно сжалось.

Она обвела глазами пустое кафе, поставила чашку с чаем на стол и наконец решилась. Сил терпеть эти мучения больше не было.

– Джерри, я давно хотела тебя спросить... – начала она и смутилась.

– О чём, Никки? – приветливо, даже ласково, отозвался Джерри. Но это была ласка-нож – всего лишь ласка к ребёнку.

– С Рождества ты ни разу не... – обычно прямая и откровенная Никки снова не нашла слов, опустила глаза в стол и наконец выговорила: – Ни разу не пробовал меня поцеловать или обнять... Ничего, кроме школьной дружбы...

– Это всё утверждения, – внешне спокойно кивнул Джерри. – А где вопрос?

– Почему? – Глаза Никки взволнованно блеснули. – Ты потерял ко мне... интерес? У тебя... появилась какая-нибудь девушка? – Она даже как-

то съёжилась, мучительно ожидая его ответа.

– А ты помнишь, что я тебе пожелал? – спросил в ответ Джерри, – Там – на ночном пляже?

– Выздоровливать как следует... – убито кивнула Никки, охваченная безотчетной паникой: «Не отрицает, не отрицает!»

– Правильно, – сказал тихо Джерри. – Ты должна расправить свои крылышки, отряхнуть старые кошмары, снова почувствовать себя свободной и весёлой. Это сейчас самое главное. Я так рад видеть тебя с каждым днём всё более жизнерадостной... А если бы я стал эгоистичным вороном кружить над тобой, тюкать еле ожившего ребёнка своими переживаниями, требовать ответа на свои чувства?.. Это было бы просто свинством. Я давно и твёрдо решил: все мои эмоции – ничто по сравнению с твоей жизнью и счастьем. И я знаю, что мне трудно сравниться с блестящими аристократами из замков. Ты – птица высокого полёта, Никки. Если ты влюбишься в какого-нибудь герцога или принца... не знаю, как я переживу это, но ты об этом не должна заботиться... ты никому и ничем не обязана, в том числе – и мне. Ты заслужила быть счастливой, Никки, милая! – Джерри не выдержал ровный тон и сорвался на совсем не детскую нежность.

«Вот это ответ!» – Никки смотрела на разволновавшегося Джерри широко раскрытыми глазами. Его сдержанное поведение предстало перед ней в совсем другом свете. Под этой маской, оказывается, скрываются такие сильные эмоции и столь трогательная забота о ней... а ведь все влюблённые, как правило, думают только о себе! Лишь самое глубокое чувство самоотверженно и молчаливо.

– Извини, Никки, я... не сдержался, – с досадой склонился над столом Джерри.

– Как ты смеешь называть меня ребёнком?! – весело сказала она, глубоко переводя дух и чувствуя, как её наполняют лёгкость, сияние и ещё какие-то счастливые чувства, и даже схватилась за ручки стула – чтобы не взлететь воздушным шариком под потолок.

– Мне на два месяца больше, чем тебе... – Джерри прокашлялся, – так что по сравнению со мной – ты юна!

Никки посмотрела в окно на тёмный лес и неожиданно спросила у Джерри:

– Ты плавал когда-нибудь в озере ночью?

– Нет, – удивился Джерри.

– Пойдём сегодня купаться... Приходи в полночь к дальнему заливу, где остров с ивой. Знаешь, где это? – сказала Никки, почему-то не отрывая

глаз от окна.

– Знаю... – глухо ответил Джерри, и его сердце почему-то провалилось вниз.

Ещё сильнее оно дало перебой, когда в полночь он открыл тяжёлую дверь башни, ведущую к озеру. В лицо пахнуло теплом и травяной сыростью.

Юноша сам не заметил, как очутился у дальнего залива озера, где сквозь купол ярко светила полусфера Земли. Никки уже была в воде и, увидев Джерри, с шумным плеском подплыла к береговому мысу, обрывом уходящему в темную глубину.

У Джерри мгновенно пересохло в горле – купальником Никки служили лишь часы и ожерелье-ленточка.

Из лунной колеблющейся воды девушка молча протянула ему руку.

Она хочет выйти на берег? Джерри с отчаянно бьющимся сердцем взял Никки за ладонь.

Вовсе нет.

Она сильно потянула его к себе. В воду – прямо в одежде?! Он мог бы заупрямиться, но шагнул вперед. Шаг, другой – Джерри поскользнулся на подводном камне и с громким плеском упал в озеро.

Отфыркиваясь, он вынырнул и сразу увидел совершенно серьёзные и внимательные глаза Никки. Все приличествующие ситуации слова – громкие, возмущённые, весёлые – застыли у него в груди и не решились нарушить удивительную атмосферу этого момента.

– Здравствуй, Джерри, – негромко сказала Никки.

Дыхание Джерри остановилось. Никогда-никогда прежде он не слышал таких ласковых слов. Окружающий мир замер и потерял реалистичность.

– Здравствуй, Никки, – он ответил так, как только может ответить совершенно счастливый человек, целую вечность прятая свой истинные чувства в тёмном деревянном сундуке.

Никки всё услышала и радостно улыбнулась.

Вокруг них медленно вздымались волны тёмного серебра, вспыхивающие в земном лунном свете.

– Умеешь плавать на спине?

Джерри плыл и смотрел в ночное небо. Впрочем, он плыл не сам – Никки прижимала его спину к себе и тихонько гребла к острову. Её левая рука охватывала грудь Джерри, а дыхание обжигало щёку.

– Мы плывем среди моих любимых звёзд, – указывала Никки на звёзды, мерцающие сквозь купол. – Летний Треугольник – мой главный

космический маяк: Вега из созвездия Лиры, Альтаир из Орла и Денеб, альфа Лебеда. Голубая Вега светит ярче всех. Когда мне становилось совсем одиноко на астероиде, я дожидалась темноты, поворачивалась на спину в центре пруда и долго плыла среди маяков из альфа-звёзд. Я знала, что кто-нибудь обязательно смотрит на те же звёзды с Земли, на которой я никогда не была. Это ощущение меня очень грело – будто кто-то рядом и держит руку на моём плече. А ты смотрел на звёздное небо?

– Конечно, и часто... – сказал Джерри. – Вега, Альтаир и Денеб летом собирались прямо над нашим домом.

– Значит, это ты и был! – тихо сказала Никки, и её рука обняла Джерри покрепче.

Юноша вдруг понял, что без ночного звёздного купания его жизнь была и не жизнь вовсе. Но сказал почему-то совсем не о том:

– А ты не боишься плавать в темноте? В озере, говорят, живет лохнесское чудовище...

– Я уже подружилась с местными водочудиками...

Они подплыли к мелкому пляжу островка.

– Можешь снять мокрую одежду, – сказала Никки.

– Зачем? – машинально спросил Джерри и уже в следующую секунду решил, что задал самый дурацкий в своей жизни вопрос.

– Вы же не любите так ходить! – удивилась Никки. – Я как-то пришла на завтрак в мокрых шортах и майке – сразу после бассейна – что тут началось! Все забеспокоились, стали спрашивать: что случилось? – а кухонный компьютер приставил ко мне сразу двух кентавриков, чтобы вытирали за мной лужи, как за невоспитанным щенком...

Джерри с трудом стянул хлюпающую рубашку, избегая смотреть в сторону девушки.

– Странные вы, люди, – задумчиво сказала Никки. – Здороваются за руки, а ведь гораздо веселее при встрече гладить друг друга по голове... не купаетесь звёздной ночью, не носите приятную мокрую одежду и не целуете тех, кого вам очень хочется поцеловать.

– А как называются те, которые всё это делают? – спросил Джерри.

– Астровитяне.

– Хочу быть астровитянином! – воскликнул юноша.

Девушка промолчала. Звёзды с любопытством смотрели на них сквозь купол. Плескала озёрная волна. Джерри вдохнул в себя побольше воздуха и повернулся. Никки лежала на влажном песке, глядя на него блестящими глазами. Её мокрые волосы походили на хрустальную шапочку.

Джерри наклонился и решительно поцеловал девушку, которую так

давно хотел поцеловать.

Грянул гром, и всё вокруг застыло в освещённом молнией сюрреалистическом невероятии. Гром? Гроза на Луне? Расколотый пополам мир замер в ожидании.

– Я больше не смогу жить без тебя, Никки, – твёрдо сказал Джерри, ощущая её душистое дыхание на своём горящем лице.

– Ты и не будешь – по простой причине: отныне ты – мой Лев, я тебя никогда и никуда не отпущу... – так же твёрдо произнесла Никки и крепко обняла его за шею.

Молния сверкнула им в лицо, и снова грянул лунный гром, сметая обломки старого мира вместе со страхами и кошмарами.

Могучая Сила кроется в Главных Словах!

Тайна Никки и Джерри раскинула крылья и превратилась в Тайный Мир Двоих, в котором не действовали старые смешные табу. И были они первые люди в Море, счастливые и свободные, и история их Вселенной только началась.

Джерри поморгал ослеплёнными глазами, потом посмотрел на своё обнажённое тело – оно его больше не смущало. Юноша изумлённо подумал: «Может, это сон? Мы только что сидели за столом, ужинали... и она была далека и недостижима, как могут быть далеки облако, птица, звезда... и я не разрешал себе часто смотреть на неё, и была она привычной болью в моём сердце...»

– Справедливость превыше всего, – сказала Никки, – если у меня есть свой Лев, то у тебя будет свой Леопард... – и она взяла Джеррину ладонь и смело провела ею по леопардовой шкуре, усыпанной огромными каплями и линзочками воды. Юноше показалось, что все чувства собрались и зазвенели на кончиках его пальцев. Мелкая вода вокруг Джерри с шипением закипела.

«Это не сон! Такое и во сне не может присниться!»

В следующее мгновение Никки оказалась на ногах и побежала по пляжу, далеко разбрызгивая воду. А Джерри завороченно следил за тёмным тонким силуэтом, ошеломляюще режущим серебряный фон озёра.

Он глубоко вдохнул ночную прохладу, вскочил и устремился вслед за девушкой, исчезнувшей в жёлтом облаке прибрежного цветущего дрока. Никки нашлась в середине островка, на крошечной полянке, заплетённой глициниями и дурманящими белыми камелиями. Юноша схватил, поднял на руки свою драгоценность и прижал к груди. Леопард охотно свернулся клубочком, обвился вокруг его шеи и замурлыкал.

– Я не блестящая партия, – решительно сказал Джерри этому

беспечному котёнку, – у меня нет денег, нет влиятельных родителей... вообще их нет... и, кажется, есть латентные гены заикания и диабета. И ещё я твой финансовый пожизненный должник.

– Я не блестящая партия, – эхом пробормотала Никки-Мурлыкающий-Клубочек, – у меня нет ни денег, ни семьи... про свои гены я вообще ничего не знаю... я пожизненный инвалид: стоит перегореть паре процессорных кристаллов – в часах и ожерелье, – и я безнадёжно умру в течение шести минут...

И ещё я всё время попадаю в смертельные передряги, и ты уже спасал меня несчётное число раз... я твой многожизненный должник.

Джерри несогласно помотал головой:

– Ты самая талантливая и красивая девушка на всех планетах... Ты паразитерна, и тебя ждёт великое будущее...

Никки тоже покачала хрустальной головой, лежащей на его плече:

– Ты мужественный и благородный, как Лев. Ты самый умный из Львов и самый смелый из Сов. Мне нужно только такое будущее, где есть ты. Я очень одинока – никогда не бросай меня, мой замечательный Лев...

– Я всегда буду рядом... Дикий Леопард, ты – всё, что у меня есть на этом свете... – Джерри крепко сжимал в руках своё сокровище, зная, что он никогда не был так счастлив и без колебаний умрёт, но никому не даст в обиду свою Никки.

Над лужайкой летали завидующие им светлячки и, ярко вспыхивая, звали друг друга. В зарослях звонко заливалась и щёлкала ночная пичуга.

Они лежали на прохладной траве, нежно касались друг друга и строили замечательные воздушные замки.

– Мы полетим с тобой на Землю, – говорил он, – и выйдем в океан на яхте с парусом и уютной каютой. Мы совершим кругосветное путешествие... нет! – два кругопланетных плавания! Я покажу тебе самые замечательные места на нашей планете-старушке. Будем швартоваться в маленьких приморских городках, где пахнет жареными креветками... Бросать якорь в лагунах необитаемых островов с белыми пляжами и бродить вдвоём по песку и прибою...

– Мы раздобудем быстрый космический корабль, – мечтала она, – и облетим всю Солнечную систему, посетим мой астероид, Марс, Сатурн... Я уже смогу управлять сама!

– Вторую кругосветку лучше сделать на дирижабле – их сдают недорого в прокат, – деловито уточнял он. – Тишина, плавность... Пролететь над Альпами и сесть в Париже... Его можно будет причалить прямо у моего... извини, нашего!.. дома в Вирджинии. Рядом есть

подходящая поляна. Я познакомлю тебя с местными оленями – вы наверняка подружитесь.

Джерри различил западный берег Атлантики на полумесяце Земли и показал его Никки. Они помахали оленям.

– А ещё мы построим себе купол на Луне! – совсем разошлась она. – В нём будут и озеро с пляжем, и снежная долина, и огромный-преогромный парк!..

– ...со слонами! – иронически усмехнулся Джерри в адрес совсем уж безудержной фантазии. И, оскорблённая недоверием, она бросилась терзать Льва-насмешника, щипать и шалить. Но Джерри мощными львиными лапами подгрёб пискнувшего Леопарда, и они плотным клубком, рычащим от смеха и восторга, покатались по лужайке.

Пахло свежерастерзанной травой и розмарином. Тишина набегала и плескалась волной.

– Племя астровитян принимает тебя! – весело сказала Маугли с астероида.

Они долго смотрели друг на друга поблескивающими в темноте глазами, пока над ними не пролетела медленная ночная птица с сонными перьями.

И молодые люди, не разнимая рук, пошли по колеблющейся спиральной лестнице, сплетённой из пахучих гибких ветвей глициний и дрока, и чем выше они поднимались, тем сильнее светлело вокруг. Смеясь от счастья, они длинными прыжками забрались на самый верх цветочной башни и взмыли на одних крыльях... и в глаза им ударила яркая вспышка – Солнце взошло!

Птицы в кустах вокруг лужайки вразнобой зачирикали и запели светилу нехитрые приветственные зонги. Из воды на пустынный пляж островка вылезла погреться на солнышке огромная древняя подслеповатая черепаха, уставшая держать на замшелой спине плоский блин старого мира. Начиналось утро длинного лунного дня – дня первого в их новой, юной Вселенной.

Солнце близилось к зениту, когда такси Никки вылетело из шлюза Колледжа. Никки выглядела вполне взросло в специально заказанном деловом костюме коричневого цвета в тонкую белую вертикальную полоску. Лицо её не было ни весёлой безмятежной рожицей Никки-с-Астероида, ни мрачной отрешённой физиономией Никки-Раненого-Леопарда: оно стало гордым и уверенным лицом Никки-Победителя-Драконов и Никки-Владельца-Замечательного-Льва.

Симпозиум Спейс Сервис открылся в Луна-Сити в середине августа. Никки внимательно следила по тиви за выступлениями, присматривалась к стилю ораторов, оттачивала свои доводы. Она собиралась прилететь в Луна-Сити прямо на последнюю сессию.

Решающим утром Никки проснулась в приступе паники.

Иногда засыпает человек переутомлённый, с кучей планов и проектов в голове, а при медленном пробуждении, между сном и явью, перед ним всплывают его идеи и расчёты, и вдруг наваливается паническая убеждённость: «Что за бред ты напридумывал?! Это никогда не сработает! Тебя разоблачат! Ты – дурак, а жизнь – ужасна!»

В следующий момент человек окончательно просыпается с сильно забившимся сердцем и недоуменно спрашивает себя: «Что за истерика? Всё в порядке! Всё получится...»

Видимо, в этот смутный момент просыпания на человека влияет «тревожное подсознание», которое в состоянии бодрствования подавляется рассудком. Пробудившись полностью, Никки строго сказала испуганному подсознанию: «Цыц!» – и направилась в кафе.

Джерри весь завтрак взволнованно подкладывал ей кусочки повкуснее и очень хотел полететь с ней, но его не пустили бы в строго охраняемое здание Спейс Сервис. Пришлось Джерри просто проводить Никки до самого шлюза-лифта. Зато, прощаясь, он успел поцеловать её в щёку так ласково, что Никки зарумянилась и похорошела больше, чем после многочасового визита к стилисту Луизе.

И вот её такси подлетело к деловому центру Луна-Сити. Симпозиум проходил в спирально-ступенчатом небоскрёбе Спейс Сервис, и посадочный шлюз в штаб-квартире Космической Службы располагался традиционно – на крыше.

Спустившись на пятьдесят шестой этаж, Никки попала в нужный ей зал. Тихо войдя в заднюю дверь, она села в последнем ряду и стала ожидать, когда объявят её доклад.

Коммодор Юр должен был завершать симпозиум обзором, но перед своим выступлением он объявил:

– Внеплановое десятиминутное сообщение «Экологическая модель Королевского плато Оберона» сделает внештатный сотрудник Спейс Сервис мисс Николь Гринвич.

Аплодисменты зала показали, что имя Никки знают почти все. Она быстро прошла на сцену, сопровождаемая стайкой нанокамер, которые кружили вокруг, как надоедливые осы. Многие журналисты повыскакивали из кресел и сели прямо на пол перед трибуной, вооружённые всевозможной

аппаратурой.

На экране немедленно – у неё всего-то десять минут! – появился первый кадр презентации Никки.

– Мой доклад посвящен тепловому и геохимическому балансам Оберонских обсерваторий... – Девушка сразу взяла быка за рога. На самом большом экране зала возникло трёхмерное изображение Королевского плато с отметинами реакторов и обсерваторий, и по залу прошёл шумок.

Для Никки оберонская история началась три месяца назад, когда в середине мая она наткнулась в сетевых новостях на пресс-релиз о спутнике Урана – Обероне, на котором базировались самые крупные обсерватории Солнечной системы.

Когда человечество приступило к освоению своей планетной системы, учёные принялись искать оптимальное место для космических наблюдений.

По мнению капризных астрономов, лунное небо замусорено солнечным ветром, микрометеоритами, кислородными утечками из куполов и ярким зодиакальным свечением, вызванным рассеянием и переизлучением света Солнца на пылевом межпланетном облаке. У телескопов, летающих в космосе, нестабильные, часто меняющиеся траектории. Даже перемещение самих исследователей по летающим обсерваториям вызывает неприемлемые вибрации приборов.

Телескопы требовали: чистого от излучений безатмосферного неба, больших площадей, стабильного грунта и минимальной гравитации, удобной для больших хрупких конструкций. Но слишком слабая сила тяжести отрицательно влияла на здоровье исследователей. Нужен был гравитационный оптимум, компромисс между требованиями приборостроителей и медиков.

Наиболее привлекательными для постройки обсерваторий казались спутники планет-гигантов. Но системы Юпитера и Сатурна не годились из-за их мощных магнитосфер, густо засеянных частицами солнечного ветра. Кроме того, спутники этих планет отличались геологической нервозностью: на юпитерианской Ио мощные вулканы постоянно извергали трёхсоткилометровые султаны серной лавы, а с поверхности сатурнианского Энцелада в космос били струи водяного пара.

Астрономов привлекали спокойные системы Урана и Нептуна, далёкие от Солнца и радиофона человеческой цивилизации. Уран казался предпочтительнее – расстояние до него было меньше, и он обладал подходящими крупными спутниками. У Нептуна же спутники были

мелкими, за исключением громадного Тритона. Но тот был окутан ненужной астрономам атмосферой, не говоря о впечатляющих, но неуместных азотных гейзерах, которые весной просыпались в полярной шапке, прорывались в трещины азотного ледника и с рёвом выбрасывали фонтаны на многокилометровую высоту – в верхние, ветреные слои атмосферы Тритона. Ветер подхватывал вершины гейзерных облаков и вытягивал их тёмными хвостами, хорошо видимыми даже с орбиты.

Учёные облюбовали два внешних крупных спутника Урана – Титанию и Оберон, каждый радиусом около восьмисот километров. По традиции урановской топонимики, сочинения Шекспира служили главным поставщиком имен для системы Урана, причём половина землян полагала, что Шекспир был древним космонавтом.

По оптимальности притяжения и небесной чистоте фея Титания и её супруг, волшебный и коварный Оберон, были вне конкуренции. Внешний Оберон вращался вокруг Урана с периодом в две недели, на расстоянии в полтора раза большем, чем Луна от Земли.

Увы, царственные луны Урана тоже оказались неидеальными по геологической стабильности: потрескивание ледяной коры, падение метеоритов вызывали сейсмошумы, влияющие на сверхчувствительные приборы.

Но однажды на Обероне автоматический разведчик наткнулся на равнину, позже названную Плато короля Лира или, в просторечии, Королевское плато. Проанализировав данные кибера, учёные поразились: на Королевском плато царило практически абсолютное сейсмомолчание! Геологические шумы Оберона удивительным образом гасились, не доходя до равнины, окружённой глубокими разломами. Немедленно возникли логичные предположения о подземном слое, эффективно отражающем внешние звуковые и сейсмические колебания почвы. Но из каких горных пород состоял удивительный «зеркальный» слой?

Пока геологи спорили, искали и не находили деньги на сверхглубокую скважину, на Королевское плато без колебаний десантировались астрономы. Постепенно на спутнике Урана выросли знаменитые Оберонские обсерватории – глаза и уши Солнечной системы. На плато короля Лира собрались гравитационные, нейтринные, оптические, гамма-, радио- и прочие научные телескопы, принадлежащие Соединённым Штатам, России, Европейскому Союзу, Китаю, Бразилии, Японии и другим странам.

Фундаментальная наука приносила такие поразительные результаты, что правительства были вынуждены, пусть со скрипом, хотя бы малую

часть бюджета отдавать учёным – чтобы не отстать от соседей. В сумме каждый год в строительство новых научных инструментов на плато вкладывались десятки миллиардов долларов.

Сейчас на Обероне спешно достраивалась крупнейшая научная база Азиатского Содружества. Через полгода на Азиатской базе планировался торжественный запуск крупнейшего термоядерного генератора, важного для всех обитателей плато – энергии на Обероне отчаянно не хватало.

Неиспользованное тепло, неизбежно выделяемое реакторами и самим научным городом, отводилось в глубь плато, чтобы не увеличивать поверхностного инфракрасного излучения. Экология была важнейшим приоритетом сообщества Королевского плато. На поверхности виднелись лишь ажурные цветы радиоантенн, полусферы телескопных башен и прочие загадочные научные конструкции. Люди жили под землей, вернее, в толще льда. Подземные жилища позволяли Оберонским обсерваториям быть очень чистой территорией – даже небольшое облачко кислорода или водяного пара, вырвавшееся из наземных помещений, могло загубить тончайший и дорогостоящий научный эксперимент.

А на Обероне не было ничего дешёвого. Поверхность плато покрывали специальной плёнкой, чтобы предотвратить испарение льда. Обсерватории хранили строжайшее радиомолчание и жёстко контролировали все бытовые приборы, порождающие радиопомехи. Переговоры внутри станции и с Землёй велись только по лазерным каналам.

Геологи всё-таки выдавили из правительств немного денег и уже пять лет вели глубокое бурение Оберонского плато. В мае учёные распространили сенсационную новость об открытии под плато геологического слоя, состоящего из каменистых пород и льдов различных кристаллических модификаций, включая большое количество совсем экзотического водного стекла – аморфного льда.

Мы скользим зимой по банальному льду с гексагональной решеткой. Но наука знает более десятка других типов водного льда с иным расположением атомов. Эти льды могут тонуть в воде, быть на ощупь раскалёнными и обладать электропроводностью металлов – в зависимости от типа кристаллической решетки. Если же молекулы воды смерзаются при очень низкой температуре, то, еле ползающие от холода, они не успевают выстроиться в упорядоченный кристалл и застывают хаотической, беспорядочной массой или аморфным стеклом.

Специалисты сделали вывод, что обнаруженный слой и есть загадочный отражатель внешних звуковых волн и сейсмоколебаний, обеспечивающий королевское спокойствие плато. Никки прочитала пресс-

релиз Геологической службы и заинтересовалась Королевским плато и Оберонскими обсерваториями.

– От реакторов на плато должен греться лёд, – спросила она как-то у Робби, – не будет ли он таять?

Робби высмеял эту детскую идею – сотни реакторов мало для заметного разогрева льда на плато. Через неделю Никки снова вернулась к своей идее, которая резвилась и циркулировала в подсознании, изредка показываясь на поверхности.

– Да, обычный лёд, конечно, не растает, – сказала девушка Робби, – но что ты скажешь про обнаруженное водное стекло, которое, насколько я помню, превращается в обычный кристаллический лёд при очень низких температурах, то есть при относительно небольшом нагреве?

Робби довольно долго думал и просчитывал повзрослевшую идею.

– По первым прикидкам, температурный баланс аморфного льда под новым реактором может находиться на грани превращения в обычную гексагональную модификацию, – наконец сообщил он. – К сожалению, из первых сообщений геологов не ясны геометрия и мощность обнаруженного подстилающего слоя, что создает сильную неопределённость для расчётов.

– Полагаю, Обероном стоит заняться всерьёз! – воскликнула Никки, и глаза её заблестели. – Собери-ка всю информацию по стеклянному льду и его свойствам...

Пока Никки сдавала последние в учебном году рефераты, Робби тоже каторжно трудился, перегреваясь, как вульгарный тостер, и делая гору расчётов, которая была тем больше, чем меньше информации имелось о строении плато.

– Я проанализировал распространение тепловой волны от мощного и глубокого реактора седьмой базы, – сообщил Робби, улучив свободную минуту. – За полгода он повышает температуру недр плато до критической точки кристаллизации.

– Ага! – заинтересовалась Никки. – И что будет дальше?

– Аморфный лёд превращается в обычный, с гексагональной кристаллической решеткой. И тут обнаруживается неожиданный фокус: кристаллизация водного стекла выделяет заметно больше тепла, чем сам реактор. Возникает цепная реакция расползания дыры в подстилающем слое.

– Селезёнка Плутона! – Поразила девушка. – Но это же очень опасно!

– Верно, – согласился Робби, – вскоре в толще ледяного стекла появится пробоина такого размера, что Королевское плато потеряет свою

уникальную сейсмостабильность.

– Салат из эльфов! – Поражённая Никки не удержалась от самого грязного ругательства сезона.

Никки с Робби устроили пир в честь окончания расчётов: девушка открыла бутылку лунного мерло, присланную на Рождество Большой Терезой, а кибермозг произнёс здравицу в честь гениальных кожаных пузырей с биорастворами.

На следующий день Никки и Робби стали не спеша обдумывать полученные результаты. Разрушение сейсмостабильности Королевского плато означало, что многие тончайшие инструменты Оберонских обсерваторий под воздействием подземных сотрясений утратят необходимую чувствительность, включая знаменитую гравитационную антенну из пятитонного кристалла сапфира.

Никки и Робби с садистским удовольствием подсчитали прямой финансовый ущерб – не говоря уж о научных потерях! – который наносился странам-собственникам Обсерваторий в случае разрушения сейсмоотражающего слоя плато. Цифры оказались столь ошеломляющими, что Никки не сразу в них поверила.

– Что нам дальше делать с этой информационной бомбой? – спросила девушка у киберприятеля. – Может, написать письмо в Спейс Сервис, которая занимается безопасностью космических сооружений?

Робби хмыкнул:

– Школьник пишет письмо с предложением не запускать крупнейший реактор Оберона, стоивший немалых средств? Любой представитель государственного департамента или научной организации не прочтёт дальше первых строк.

– Значит, наши расчёты должны быть озвучены так, чтобы от них нельзя было отмахнуться и чтобы они были проверены максимально быстро – пока реактор не будет запущен.

– Правильно, – согласился Робби.

– Неплохая задачка, клянусь Зеноном! – озабоченно сказала Никки.

Друзья углубились в международные кодексы и законы, хранившиеся в бездонной памяти Робби. Так родился многоходовой план, включающий Лунную Регату и симпозиум Спейс Сервис. Сценарий учитывал возможные неудачи и развитие событий по боковым вероятностным каналам.

Но пока план реализовывался по оптимальному магистральному варианту. Правда, «оптимальный» не всегда означает «самый короткий и простой». С точки зрения некоторых авантюристов, оптимум предполагает повышенную концентрацию интересных приключений.

И вот Никки стояла перед собранием высокопоставленных сотрудников Спейс Сервис: она получила возможность рассказать результаты компьютерного моделирования так, чтобы её информацию нельзя было проигнорировать. Робби представлял их расчёты эффектным динамическим мультимедиа, показывающим развитие подземных событий на Обероне. Появление нового источника тепла – реактора Азиатской базы – вызывало появление и расползание трещины в «зеркальном» слое водного стекла, который так успешно отражал подземный прибой оберонских шумов. Анимация показывала, как на плато врывались губительные сейсмические и сбивали тонкую настройку гравитационных и других телескопов; одна за другой Оберонские обсерватории выходили из строя.

Шум в зале по мере короткого Никкиного доклада быстро нарастал.

– Новый реактор запускать нельзя! – уверенно заключила Никки. – Его придется демонтировать и переносить. Поэтому нельзя допустить даже пробный впрыск плазмы – конструкция станет «горячей» и проблема демонтажа – сложнее. Доклад в качестве официального рапорта уже отправлен в экологический отдел Спейс Сервис.

Десять минут истекли, и Никки остановилась. Зал немедленно зашумел, а журналисты защёлкали блицами.

– Вы отдаёте себе отчёт в серьёзности таких заявлений? – В первом ряду, отведённом для самых почетных участников симпозиума, встал мрачный человек. – Новый реактор обошёлся во много миллиардов долларов, его ждут с огромным нетерпением все учёные Королевского плато, а вы предлагаете его демонтировать! Ваша модель должна базироваться на десятках различных предположений и допущений. Геологическое строение Плато ещё практически неизвестно, получены лишь самые первые результаты сверхглубокого бурения. Я не доверяю результатам ваших расчётов ни на грош. Вижу в вашем докладе и громких заявлениях лишь стремление к сенсации!

– Представьтесь, пожалуйста, – попросила нахальная Никки, которая прекрасно знала, как обидно звучит такая просьба для любого человека, полагающего себя всем известной личностью.

– Главный инспектор Спейс Сервис, доктор Влад Жаркофф! – раздражённо и с вызовом ответил мрачный человек.

– Я полностью отвечаю за свои слова и расчёты, сэр Главный инспектор Жаркофф, – холодно сказала Никки. – Численная модель приложена к моему рапорту, и её легко проверить. Вывод корректен практически при всех возможных вариантах строения Плато. Я хорошо

понимаю, что под проектом Азиатской базы стоит ваша утверждающая подпись, и мой доклад вам о-очень не нравится. А вы готовы осознать, что пуск реактора нанесет ущерб Обсерваториям на сумму в *пять триллионов* золотых долларов?

Эта цифра взорвалась как бомба! Зал громко загудел, а журналисты как по команде поднесли т-фоны к губам и принялись диктовать срочные сообщения на первые страницы своих газет: Никки Гринвич, этот генератор сенсаций, утверждает, что знаменитые Оберонские обсерватории вот-вот погибнут.

– Мне тоже всё это кажется несерьёзным, – из второго ряда медленно поднялся морщинистый пожилой человек. – Проект Азиатской базы рассчитывался несколькими научными институтами и прошёл тщательную международную экспертизу, в том числе и в Спейс Сервис. И вот появляется – извините, конечно, ради всех богов – маленькая девочка, которая начинает всех поучать. Объём Королевского плато составляет сто тысяч кубических километров при температуре минус двести по Цельсию! Это сто тысяч миллиардов тонн крепчайшего льда, спаянного с камнем! Возможность крупного геологического изменения такой гигантской системы из-за включения всего одного, пусть даже и большого, реактора кажется смехотворной. И не нужно нас пугать мифическими убытками! Я знаю, что новый реактор обошёлся в реальные восемнадцать миллиардов. И закрывать его из-за сомнительных расчётов школьника... Мне смешно, коллеги!

– Действительно, – в первом ряду зашевелился другой мэтр, – в столь сложных моделях трудно не наделать ошибок. Обычное дело; помню, когда наша группа проектировала гамма-телескоп...

Никки посмотрела на растерянного коммодора Юра, который пустил дискуссию на полный самотёк, и бесцеремонно перебила оратора, вспоминающего полную проблем гамма-молодость.

– Господа! Я слышу не вопросы, а только общие и, пардон, не очень компетентные рассуждения. При проектировании Азиатской базы никто не предполагал наличия под Плато линзы из водного стекла, и опасность ледяной кристаллизации не учитывалась при экологических расчётах. А вот почему после обнаружения аморфного льда экспертиза не была немедленно повторена – это уже вопрос не ко мне... Глубокомысленные замечания типа «такая возможность кажется смехотворной» я не собираюсь комментировать. Расчёты должны быть проверены независимой комиссией, достаточно квалифицированной, чтобы её умственная активность не была парализована моим возрастом... и своим. Повторяем расчёты – и смеёмся

все вместе...

Под оживление и хохот в зале Никки спустилась с трибуны. Коммодор Юр приступил к заключительному выступлению, но выглядел рассеянным, да и публика чрезмерно гудела. Наконец симпозиум объявили закрытым, и все принялись шумно вставать. Журналисты дружной рысью устремились к Никки, но ещё раньше к ней подошёл Коммодор Юр:

– Мисс Гринвич, Главный коммодор хотел бы поговорить с вами.

И Юр, к полному разочарованию журналистов, увел Никки в кабинет Главного коммодора Спейс Сервис.

Берлога Главного коммодора была полна всевозможными космическими диковинами и сувенирами. В центре великолепной коллекции инопланетных кристаллов и руд на специальной подставке блеснул крупный железный метеорит с редкими по чёткости видьманштеттеновыми узорами на полированном и протравленном срезе. На всю стену раскинулась голографическая панорама голубого рассвета Сатурна. Диск планеты был пересечён полупрозрачными кольцами. Внимание Никки привлёк большой кусок обгорелого крыла старинного шаттла. Она осторожно провела кончиками пальцев по шершавой вспенившейся поверхности. «К обломкам кораблекрушения у меня глубокий личный интерес...» – с грустной иронией подумала она.

В кабинет вошёл Главный коммодор, носящий грозное официальное прозвище Бластер, но выглядящий вполне обыкновенно – полноватый человек небольшого роста с приветливым лицом профессионального политика. Он поздоровался, пригласил всех сесть и вызвал робота с напитками. Никки смело порылась на спине кибертележки, нашла бутылку легендарного красного калифорнийского «Кастл Рок» и с удовольствием налила себе целый пузатый бокал. Взрослые переглянулись, но ничего не сказали.

Никки с наслаждением отхлебнула терпкой жидкости – и почему публичные выступления так сушат горло?

– Ну и заварили вы кашу, мисс Гринвич, – сказал Бластер.

– Вы не представляете, сэр, что началось бы через полгода после пуска нового реактора, – весело сказала Никки, – а это ещё не каша, это так, бульон!

– Надо ещё доказать, что ваши расчёты верны... – осторожно улыбнулся коммодор Бластер.

– Не надейтесь на ошибку, – небрежно махнула рукой Никки. – Этими расчётами три месяца занимался компьютер класса А9.

БАХ!

По вытянувшимся лицам собеседников стало понятно, что они не ожидали такой мощной артиллерии со стороны подростка.

– Робби, сколько ты рассчитал возможных вариантов геологического строения Плато? – спросила Никки.

– Две тысячи шестьсот вариантов, – ответил из ожерелья баритон Робби. – Результаты различаются только по времени разрушения стеклольда. Самый короткий срок – три месяца, самый длинный – восемь лет. Для большинства вариантов критическое время – двести дней.

Воцарилась тяжёлая пауза.

– Вы о чём-то хотели поговорить? – спросила Никки собеседников, которые с трудом, морщась и вздыхая, пытались проглотить эту колючую пилюлю.

– Ну, главное мы уже узнали... – произнёс с мрачным полустоном Бластер. – Сейчас мне, как руководителю Спейс Сервис, хочется выбраться из этой передраги с минимальным ущербом для престижа Космической Службы. Мы координировали экспертизу базы, и вся ответственность ложится на нас, в том числе – и финансовая. Да что скрывать – этот кошмарный скандал будет нам аукаться долго и в самых неожиданных местах...

Он встал и озабоченно заходил по кабинету, массируя рукой затылок. Коммодор Юр хранил подавленное молчание.

– Хотите совет? – спокойно сказала Никки.

– Слушаю вас, – удивлённо остановился Бластер.

– Давайте проинтерпретируем ситуацию следующим образом. Я не посторонний человек, который указал Спейс Сервис на её ошибку. Я сама являюсь сотрудником Спейс Сервис, пусть внештатным. Вы дали мне этот статус, предоставили доступ ко всем данным и файлам, включая служебный экспертный отчёт по Азиатской базе – а без него я не получила бы модели хорошего качества. После чего вы выслушали моё сообщение на внутреннем симпозиуме Спейс Сервис. Таким образом, Спейс Сервис сама исправляет свою ошибку.

Никки пожала плечами:

– На самом деле это даже не ошибка: данных бурения ещё не существовало на момент экспертизы, а Спейс Сервис не отвечает за сбор геологических данных. Я консультировалась с юристами: они уверены, что появление новых данных о водном стекле попадает под категорию форс-мажорных обстоятельств. Поэтому покрытие расходов по перебазированию нового реактора пойдёт за счёт Космического Страхового Фонда ООН, который хотя формально и находится под эгидой Спейс Сервис, но

выплаты из него не затрагивают ваш бюджет. Поэтому нет никаких оснований для беспокойства, более того – фактически Спейс Сервис спасла Оберонские обсерватории от экологической катастрофы, и все должны быть очень благодарны вам за это. Изложите такую версию событий в своём пресс-релизе, и никаких возражений с моей стороны не последует.

Бластер внимательно слушал Никки, и лицо его постепенно разглаживалось.

– Что скажешь, Юр? – почти радостно спросил он коммодора Грининга.

– Это звучит так хорошо, – сказал задумчиво Юр Грининг, – что я невольно жду продолжения... Мисс Гринвич явно всё продумала заранее, и теперь меня мучает вопрос: что она потребует взамен такого великодушного предложения?

– Хорошо, мисс Гринвич, – повернулся коммодор Бластер к Никки, – мы будем рады рассмотреть ваш результат по Оберонским обсерваториям предложенным образом. Но... у вас есть какие-то просьбы к нам?

– Просьб нет, – невозмутимо сказала Никки, про себя удивившись проницательности коммодора Юра, – но есть информация. Космический Страховой Фонд дает странам ООН страховую гарантию от повреждения их космического имущества. Согласно второму пункту третьего раздела устава этого Фонда, человек, предотвративший нанесение ущерба застрахованному имуществу, получает премию в пять процентов от суммы предотвращённого ущерба. Например, в 35 году Джошуа Конрайту, пассажиру межпланетного лайнера «Каллисто-5», было выплачено вознаграждение в размере девяти миллионов долларов за предотвращение утечки из внешнего контура реактора лайнера.

Никки сделала паузу.

В тишине стал слышен шорох и позвякивание тающего в стакане льда.

– В соответствии с законом иск на пять процентов от стоимости спасённых мной Оберонских обсерваторий будет в ближайшее время подан в Космический Страховой Фонд, которым управляет Спейс Сервис.

БАХ!!!

– Святой протуберанец! – Взрывной волной ошарашенного Бластера опрокинуло в кресло. – Вы шутите, мисс Гринвич?

– Не думаю, – помрачнев, сказал коммодор Юр. – Речь идет о четверти триллиона долларов, насколько я понимаю... какие уж тут шутки!

– Спейс Сервис спасает довольно много имущества каждый год, но наши сотрудники никогда не получают никаких страховых премий! – крикнул Бластер.

– Правильно, – кивнула Никки, – на обычных сотрудников Спейс Сервис это правило не распространяется. Редко кому удается получить страховую премию – сотрудники космических компаний и экипажи кораблей не могут получить такое вознаграждение, они заботятся об охране имущества своих работодателей по долгу службы.

– Но вы ведь тоже являетесь сотрудником Спейс Сервис! – схватился за соломинку Главный коммодор.

– Внештатным сотрудником, – улыбнувшись, уточнила Никки, – который не получает зарплату в Спейс Сервис, поэтому я имею право на страховую премию – согласно примечанию к одиннадцатому разделу Положения о внештатных сотрудниках Спейс Сервис.

– Так вы всерьёз рассчитываете на вознаграждение в размере... двухсот пятидесяти миллиардов?! – У Бластера перехватило голос. – Это же трёхлетний бюджет всей Спейс Сервис!

– Совершенно верно, – Никки резала по живому, даже не вытирая со лба трудовой пот хирурга, – речь идёт именно о такой сумме... Порядок выплат страхового вознаграждения Спейс Сервис может обговорить с адвокатами из юридической фирмы «Дименс и Брендин», которая будет представлять мои интересы в этом деле. Кстати, задержка вознаграждения влечёт начисление процентов... Закон есть закон!

– Хвост Скорпиона! Вы просто генератор проблем! – Бластер вскочил и зашагал по кабинету. – Какой-то кошмар! Вы не понимаете, о чём говорите. Даже если я попробую удовлетворить столь фантастические притязания, то мне элементарно неоткуда взять денег! Выбить из ООН что-то выше обычной нормы – это безнадёжно, мы каждый год дерёмся за собственный бюджет. Просьба выделить сверх плана ещё три годовых бюджета – это... это... я даже не нахожу слов, как охарактеризовать такую бессмысленную авантюру! Несколько лет назад мы попросили увеличить наше финансирование на два процента – и нам это удалось, чёрт побери, и я этим страшно горд! Но это заняло три года гигантской бюрократической переписки и кровопролитных баталий в пяти комитетах ООН. – Коммодор нервно остановился у столика, налил себе стакан воды и залпом выпил.

– Хотите совет? – безмятежно сказала Никки.

Бластер подавился последним глотком и побагровел. Но сдержался – не зря он был опытным политиком. Правда, при этом Главный коммодор метнул сердитый взор почему-то в коммодора Гринин-а.

– Слушаю вас.

Бластер пытался говорить спокойно. А коммодор Гринин подумал, что девчонка играет как по нотам. Что её движет? Такие невероятные деньги,

конечно, кого хочешь сведут с ума...

– Во-первых, не воспринимайте меня как врага... – сказала Никки. – Во-вторых, Космический Страховой Фонд составляет ровно двадцать миллиардов, каждый год выделяемых ООН отдельной строкой бюджета. В среднем, страховые выплаты, которыми целиком распоряжается Спейс Сервис, составляют от пяти до десяти миллиардов за год. Остальные деньги автоматически возвращаются в бюджет ООН. Правильно?

– Да, – подтвердил Бластер, пытаюсь понять, куда клонит эта кошмарная девочка.

– Я готова получать свою страховую премию частями, то есть каждый год вы будете выплачивать мне только нерастраченный остаток Страхового Фонда – от десяти до пятнадцати миллиардов.

– Но тогда процесс выплат растянется лет на двадцать, – удивился Бластер.

– Меня это устраивает, – заявила Никки. – Спейс Сервис – солидная организация, и я верю её долговому обязательству. Зато вам даже не придётся обращаться в ООН за какими-либо разрешениями. Расходование средств Фонда находится полностью под вашим контролем, и если оно совершается законным образом, то ООН не имеет права вмешиваться. Конечно, ООН перестанет получать остатки страховых сумм в конце года, и некоторым чиновникам это о-очень не понравится, – тут Никки почему-то усмехнулась, – но они ничего не смогут поделать – закон есть закон.

– Веганские гоблины! – зашагал по комнате Бластер, пытаюсь найти подвох в заманчивом предложении. – Теперь я начинаю думать, как Юр, – это звучит подозрительно хорошо...

Девушка лишь иронично фыркнула.

– Но за двадцать лет только проценты по невыплаченному долгу удвоят эту сумму! – почти обрадованно нашёл Бластер коварное место плана Никки.

– Никаких процентов не будет, – качнула головой Никки, – наши адвокаты это согласуют. Я даю Спейс Сервис беспроцентный кредит... – улыбнулась она.

– Но есть года, – снова подумав, сказал Бластер, – когда все деньги фонда уходят на компенсацию страхового ущерба, как это было, когда центр метеоритного ливня Леониды прошёлся по лунным куполам...

– В таком году я ничего не получу, – кивнула Никки. – Не ищите подвоха в финансовой части – его нет. Но у меня есть одно условие...

– Ага, кажется, мы дошли до сути... – снова сел в кресло Бластер. Тут раздался невидимый голос, сообщивший, что начальники департаментов

уже собрались, и все ждут его. – Да-да, – поморщился Бластер, – скажите Клоду, чтобы начинал без меня с вопроса по резервным базам... – и вопросительно посмотрел на Никки.

– Опять-таки никаких каверз... – улыбнулась Никки. – Я хочу объяснить, куда будут направлены эти деньги, а потом выскажу своё условие, или, точнее, просьбу...

– Все интереснее и интереснее... – сказал коммодор Гринин. – Так что вы собираетесь делать с такими деньгами?

– Я организую на них Научно-исследовательский центр имени Айвана и Сюзан Гринвич, моих родителей, – сказала Никки, – и кроме обычных научных программ, о которых мы можем поговорить отдельно, этот центр будет занят расследованием цепи событий, начавшихся – по крайней мере, для меня – с гибели «Стрейнджера» одиннадцать лет назад и продолжающихся до сих пор. Может, вы слышали, что за последние несколько месяцев на меня было совершено два покушения... чертовски близких к успеху! Я не хочу жить с оглядкой – я найду и выкурю этих мерзавцев, этих крыс, где бы они ни прятались! – Ножка пустого бокала из закалённого хрусталя треснула в Никкиной ладошке.

Девушка перевела дух, положила остатки бокала на поднос к роботу и продолжила внешне спокойным голосом:

– Для этого расследования мне нужно много денег, ведь все события, которые произошли со мной, – лишь видимая и ничтожная часть масштабной преступной операции, цель которой совершенно неясна... Кроме денег, мне необходима и поддержка Спейс Сервис. Я прошу вас присвоить этому центру статус официального постоянного контрактора Спейс Сервис. Первым нашим совместным расследованием будет являться дело о гибели моих родителей. Оно и так находится под контролем Спейс Сервис, и вы должны быть прямо заинтересованы в раскрытии этого преступления. Как внештатный сотрудник Спейс Сервис, я пришлю вам рапорт об организации этого центра, но уже сейчас прошу рассматривать мои слова как официальное предложение.

– Постоянный контрактор должен подчиняться целому ряду условий, в первую очередь требованию полной прозрачности его деятельности для руководства Спейс Сервис, – сказал Бластер серьёзно.

– Знаю, – кивнула Никки, – и согласна на это – мне нечего скрывать от вас. Ещё раз говорю: я – не враг, я – союзник. У меня нет никаких тайных задач, и я готова к сотрудничеству и взаимным обязательствам.

Коммодор Бластер задумался, потом посмотрел на коммодора Юра:

– Юр, ты всё время ругаешься, что аналитические отчёты по проектам,

получаемые Спейс Сервис, пахивают взаимной коррумпированностью участников проекта...

– Не пахивают, а воняют... – буркнул Юр.

– ...и ты уже два раза подавал рапорт об организации независимого научно-аналитического отдела в Спейс Сервис с бюджетом в пятьдесят миллионов?

– И ты оба раза отвечал, что денег нет, – кивнул Юр.

– Вот и бери это дело под личную опеку, – кивнул Бластер в сторону Никки. – Если мисс Гринвич готова организовать за счёт своей страховой премии независимый научный центр – с годовым бюджетом в десять миллиардов, печень Козерога! – то он может перекрыть с запасом все наши и твои аналитические потребности.

– Вы понимаете, что это будет не наш, а её центр? – хмуро спросил Юр.

– Коммодор Юр! – воскликнула Никки. – Вы даже не представляете, с какой охотой я буду следовать советам – и даже прямым указаниям! – такого опытного человека, как вы. У вас будет лучший кабинет и непререкаемый авторитет в Гринвич-Центре, и вы никогда не пожалеете, что согласились его опекать.

– Судя по вашим способностям, больно нужны вам мои советы и указания, – пробурчал Юр, но уже не так мрачно.

– Ну что же, это была очень необычная... но, надеюсь, плодотворная деловая встреча, – сказал, вставая, Бластер. – Коммодор Гринин, официально вручаю тебе весь этот букет проблем: экспертиза расчётов по Оберону, порядок страховых выплат и курирование нового Гринвич-Центра, если таковой возникнет... – Он крепко пожал Никки руку, ещё раз внимательно посмотрел на эту странную девочку – и исчез.

– Ха! О таком букете я мечтал всю жизнь... – проворчал озабоченно коммодор Юр. – Мисс Гринвич, вы играли нами, как кошка мышками...

– Коммодор Юр, – приветливо сказала Никки, – вы даже не представляете, какой я бесхитростный и покладистый человек. Смотрите, – и Никки показала ему крепкую ладошку в старых светлых шрамах, – никаких когтей!

Гринин только иронически хмыкнул.

– Почему вы просто не прислали письмо об этих расчётах? – спросил он Никки. – Зачем нужно было поднимать весь этот шум с публичным докладом?

– Как вы думаете, уважаемый коммодор, – спросила Никки, – с какой вероятностью Спейс Сервис всерьёз отреагировала бы на письмо

школьника, в котором ставится под сомнение экспертиза самой Спейс Сервис? Вероятность подобной реакции неотличима от нуля – мой компьютер даже не смог её определить. Поэтому пришлось затеять эту канитель с Лунной Регатой, статусом внештатного сотрудника и выступлением на симпозиуме. Сейчас пресса не даст Спейс Сервис спуска, пока всё не будет досконально проверено. Причём вашим экспертам придётся работать очень быстро.

– То есть это всё было спланировано ещё до Регаты? – опешил Юр.

– Как один из возможных вариантов... – кивнула Никки и посмотрела на бар: – А можно мне ещё немного «Кастл Рок»?

– Конечно... я и сам не прочь промочить горло, – ответил коммодор Юр с растерянным лицом, и они занялись бокалами.

– А это что такое? – указала Никки на коричнево-жёлтые ломтики на тарелке для закусок.

– Швейцарский сыр, – улыбнувшись, ответил коммодор Юр. – Коммодор Бластер обожает старые твёрдые сыры.

Никки попробовала – и пришла в полный восторг.

– Знаете, что я сделаю раньше всего на эти деньги? – мечтательно сказала она, смакуя пряный ломтик с калифорнийским мерло. – Уже следующим летом я пообещаю всем, кто выдержал экзамен в Колледж, оплатить его обучение, конечно, за исключением принцев династий...

– Вы готовы потратить сто пятьдесят миллионов на чистую благотворительность? – удивился Юр. – С ростом числа поступающих школьников через пять лет вам придётся уплачивать три четверти миллиарда каждый год!

– Ну и что! – воскликнула Никки. – Зато как это будет здорово! При поступлении будут учитываться только ум и знания, а не толстый кошелёк. Конечно, практичным системным ходом будет одновременная покупка компании по изготовлению и прокату фирменных колледжских мониторов – я слышала, что у неё серьёзные финансовые трудности: не хватает наличных денег на оклады сотрудникам.

– Покупка бедствующей компании? Зачем? – удивлённо поднял брови Гринин.

– Ну, это же ежу понятно, – удивилась в свою очередь Никки. – Сейчас в Колледж поступает каждый год около ста тысяч человек, и каждому из них на экзамене нужен такой монитор. Вы представляете, сколько школьников захотят попробовать поступить в Школу Эйнштейна, если обучение в ней будет бесплатным? Я не удивлюсь, если их будут миллионы... Соответственно, таких мониторов понадобится очень много.

Думаю, что издательство, которое выпускает сборники экзаменационных задач Колледжа, тоже стоит купить – спрос на такие книги резко возрастет. Надо подсчитать – может, такая благотворительность и окупится.

Коммодор Гринин сидел с нетронутым бокалом и отвисшей челюстью, ошеломленно глядя на эту деловую юную девушку. «О боги! В её возрасте меня больше всего интересовали воздушные змеи...» А непосредственная Никки сладко зевнула и потянулась в мягком кресле Главного коммодора Спейс Сервис.

– Как я не выпалась с этим докладом... – сказала она и приготовилась уходить.

Юр тоже поднялся с кресла.

– Да... мне кажется, – озабочилась Никки, выходя из кабинета и вспомнив об ожидающих её журналистах, – чем меньше скандальности, тем лучше... Поэтому вопрос о страховом вознаграждении желательно сделать максимально... э-э... конфиденциальным.

– Конечно, конечно, – сказал коммодор Юр, пожимая на прощание руку подростку, который ни разу в жизни не видел швейцарский сыр, но который скоро станет крупнейшим кредитором Спейс Сервис. – Бесшумно взорвать бочку с порохом? Нет ничего проще!

Никки поднялась в верхний шлюз небоскреба Спейс Сервис по служебному лифту Главного коммодора и тем самым удачно избежала встречи с журналистами.

Из летящего такси Никки позвонила адвокату Дименсу. Тот откликнулся немедленно.

– Мистер Дименс, у меня к вам очень, о-очень большая просьба...

– Слушаю вас, мисс Гринвич.

– Я прошу вас позаботиться о получении моей страховой премии. Речь идёт примерно о четверти триллиона золотых долларов...

В т-фоне царило молчание.

– Алло? – осторожно спросила Никки.

– Слушаю вас очень внимательно, мисс Гринвич, – поспешно откликнулся Дименс, – я всегда думал, что с вами будет интересно, но... чтобы так скоро и на такую сумму...

– Насколько я могу себе представить – это гигантский труд, – сказала Никки, – связанный как с оценкой возможного ущерба, так и с выбиванием этой премии... здесь будет масса проблем; мне даже страшно просить вас об этом, хотя это, конечно, вполне оплачиваемая работа. Вы не очень заняты сейчас?

– Мисс Гринвич, – серьёзно сказал адвокат Дименс, – если

потребуется, я передам все дела помощникам и буду заниматься только вашим случаем. Он явно будет... занимательнее других. Не волнуйтесь также об объёме работы – вы должны понимать, что адвокатский гонорар за такие суммы выплат позволит мне набрать целый штат юристов и технических экспертов.

– Очень хорошо, – облегчённо вздохнула Никки, – для начала я отправлю вам мой доклад на сегодняшнем научном симпозиуме и запись разговора с Главным коммодором Спейс Сервис. Это даст вам достаточно полное представление о деле...

– Вы разговаривали с самим коммодором Бластером? – поразился обычно невозмутимый адвокат Дименс.

– Да, мы почти час беседовали втроём – с ним и его заместителем, Юром Гринин-ым, – беззаботно ответила Никки. – У Бластера есть прекрасное калифорнийское мерло «Кастл Рок» и потрясающая штука – швейцарский твёрдый сыр.

Наступила пауза.

– Мисс Гринвич, – осторожно спросил адвокат свою собеседницу, – вы понимаете, что в случае благополучного исхода событий вы становитесь королевой, основательницей новой династии?

– Да-да... – рассеянно сказала Никки, с восхищением глядя в иллюминатор, где показался красивый купол Колледжа. – До свидания, мистер Дименс.

Джерри ждал Никки, сидя прямо на траве у Главной башни.

– Ты здорово выступила, Никки! – воскликнул Джерри, искренне радуясь встрече, хотя они не виделись всего четыре часа. – Я следил по тиви, телекомментаторы до сих пор обсуждают твой доклад, хотя учёные бурчат, что надо сто раз всё проверить...

Никки отвела и усадила Джерри на скамейку в безлюдном парке. Он сразу же обнял девушку за плечи и нежно поцеловал в висок, где начинали кудрявиться хрустальные волоски. Джерри, такого сдержанного раньше, в последнюю неделю было не узнать: его голубые глаза сияли и смотрели на девушку с откровенным обожанием.

– Джерри, – взволнованно начала Никки, – у меня важные новости... Я хочу организовать научный Гринвич-Центр, в честь родителей. Для начала арендуем какое-нибудь здание в Шрёдингере... Потом построим свой купол. Центр будет заниматься научными проблемами, а также отслеживать ИХ. Спейс Сервис поддержит образование центра и сделает его официальным контрактором.

– Ничего себе! – слушал с круглыми глазами ничего не понимающий

Джерри.

– Я хочу предложить тебе работу в Гринвич-Центре: возглавить кибернетический отдел и войти в Совет Директоров. Не волнуйся, я не буду диктатором – это будет самый молодой и демократический Совет Директоров в Солнечной системе. Полагаю, многие выпускники Школы Эйнштейна захотят работать в нашем центре, мы их всех примем. Думаю, что Хао сможет руководить математиками. Не знаю насчёт Дзинтары – у принцесс свои сложности... Ты согласен? Это будет совсем не простая жизнь...

– Никки, я пока ничего не понимаю. – Джерри совершенно недоумевал. – Организация центра... постройка купола... на это всё нужны огромные деньги!

– Да! Я совсем забыла тебе сказать, – звонко рассмеялась Никки, – что летние заработки оказались вовсе неплохими...

Никки всегда считала финансовую часть своего плана не очень надёжной, поэтому не делилась с Джерри слишком эфемерными надеждами. Сидя на парковой скамейке, она рассказала юноше о недавнем разговоре с двумя могущественными коммодорами.

Взбудораженный Джерри вскочил на ноги.

– Двести пятьдесят миллиардов!!! Чего же ты хочешь? Какая цель всего этого? – изумлённо спросил он.

– Математическая теория катастроф гласит, что даже небольшое воздействие на мировую систему в точке бифуркации может изменить будущее всей цивилизации. Главное – узнать, где находится данная точка оптимального воздействия. И мы найдём эту точку!

– Ты решила переделать наш несправедливый мир?

– Да!

– И что же настанет – свобода, равенство и братство?

– Нет. Мы, люди, не можем быть свободны друг от друга, и мы не равны по природе своей. Мы не можем стать братьями, потому что больше всего заботимся о себе – ещё бы на детей хватило нашего сердца. Я просто хочу жить в мире, где нет сирот и никто не стреляет в спину, а ум ценится больше кулаков. Я хочу такой мир, в котором нет сверхлюдей, диктующих свою волю, зато у каждого человека есть реальный шанс заработать своё счастье. Это много?

– Невообразимо много. И ты всерьёз надеешься победить?

– Конечно! Иначе даже начинать не стоит. Мы должны объединиться – Леопарды, Олени, Совы и Драконы. Будущее никому, кроме нас, молодых, не нужно. Поэтому мы заберём его себе.

– А что делать с такими, как Дитбит?

– Даже он должен получить свой шанс на счастье.

Солнце поднималось всё выше – наступал полдень первого дня в их юной Вселенной.

– Ты со мной, Джерри? Это трудно и опасно.

– Какие глупые вопросы ты задаёшь, Никки! – покачал головой Джерри. – Разве ты не помнишь мои слова – там, на нашем острове? Они не обещание и не клятва, они просто правда: я всегда буду рядом с тобой.

Юноша протянул сжатую ладонь, раскрыл – и рыжая собачка решительно зашагала по скамейке.

– Нас никому не остановить!

Астровитянка завизжала от восторга.

– Ты радуешься игрушке больше, чем миллиардам, – удивился Джерри.

– Это вовсе не игрушка! – радостно смеялась Никки.

Старый дуб, шелестевший над ними, вежливо раздвинул листья и впустил под крону любопытствующий солнечный луч. И радужные волны света вспыхнули вокруг головы девочки с хрустальными волосами.

Конец первой книги

Послесловие о будущем

Автор часто спорит с Экспертом. Нужно пояснить, что Автор – литератор, изобретатель, путешественник, авиатор, авантюрист и вообще человек, чьи интересы простираются от социологии до роботов и от биологии до лазеров. Понятно, что при таком растекании Автор нигде не эксперт, а лишь любопытствующий энтузиаст. С другой стороны, у Автора есть старый, можно сказать, древний приятель, доктор физико-математических наук и профессиональный теоретик – человек образованный, очкастый и сфокусированный. Он, несомненно, может считаться Экспертом в астрономо-физических науках, о чём свидетельствует увесистый сундук в углу его кабинета с его же книгами, статьями, медалями и дипломами.

Нередко, сидя с Экспертом за дружеским стаканчиком легендарного крымского «Муската белого красного камня», Автор утверждал, что в современных научно-фантастических книгах о будущем фантастики – куча, а научности – шиш. Заглянуть на сто, двести лет вперёд – это мечта каждого мыслящего человека! Вместо этого нам предлагают дежурное блюдо из кровавых галактических войн, жестоких диктаторов и отвратительных пришельцев. Почему книги о будущем существуют только в двух видах? – сверкающих утопий, коих никогда не будет, и немых антиутопий, которые вполне реальны при наихудшем развитии мировых событий, но такие книги хорошо читать перед суицидом.

А как насчёт книги о наиболее вероятном сценарии истории? Как можно совершить путешествие в наше реальное будущее? Что ждёт нас впереди – в ближайшие десятки лет? Такая уж ли это тайна? Из трудов Тоффлера, Форрестера, Фукуямы и других мыслителей, а также из оценок и размышлений самого Автора можно сделать вывод, что следующие века будут годами открытия Луны и Солнечной системы. Прорыв в области генетики и биологии будет нарастать; возникнет обилие интеллектуальных киберсистем; появятся новые источники энергии, возможно, гелий-3. Сравнительное процветание мировой экономики, вероятно, ликвидирует проблему нищеты и опасных эпидемий, но не уберёт бедности – как материальной, так и духовной. К следующему веку природа и люди, по сути, мало изменятся с наших времен, но социальная структура мира и технологический каркас ноосферы эволюционируют так сильно, что смогут менять и самого человека. Ближайшее столетие подведёт человечество к

кризисной точке, вызванной возможностью кардинальной перестройки генома. Дальнейшая история человечества плохо просматривается – слишком много возникает мыслимых равновероятных вариантов.

Сигналы из будущего всё сильнее пробивались на сенсоры Автора и наконец сложились в историю Никки и Джерри. Автор уверен, что мир, описанный в книге, – это наше завтра, со своими плюсами и минусами, но скорее светлое, чем тёмное. «Астровитянку» можно рассматривать как жюль-верновского типа книгу, максимально достоверно повествующую о нашем будущем. Других книг Автор никогда не напишет: он по складу ума не склонен к беспочвенному фантазированию. Интересно лишь реальное будущее, которое может быть только одно. И в нём...

Появятся космические города и межпланетные корабли.

Мудрые компьютеры станут нашими друзьями.

Люди на Луне будут летать, как птицы.

Роботы окажутся незаменимыми помощниками людей.

Человек сможет стать бессмертным, но сможет ли бессмертный остаться человеком?

Многие мудрецы полагали, что история движется лишь миллионами волей. Но Автор уверен, что человечество, безостановочно шагая вперёд, одновременно в задумчивости стоит перед трудным выбором на бесчисленных развилках дорог. А когда весы истории балансируют в шаткой равнорешимости, тогда даже один человек – если он Настоящий Герой – может изменить судьбу всех людей.

Автор счастлив, что сумел побывать в будущем вместе с Никки и Джерри. Он надеется, что этот грядущий мир увлечёт юных читателей. В таком случае они обязательно попадут в него: построят на Луне город, возьмут звонкие крылья и взлетят в пространство, пронизанное ветром и солнцем...

Любой Эксперт, по определению, – скептик, не верящий никому на слово. Поэтому Эксперт взял в руки книгу с историей Никки и Джерри и стал придираться, зануда такая, к каждой мелочи. Ассистент Автора – Робби – вкратце записал эту внутреннюю дискуссию, которая и приводится ниже, как представляющая интерес для самых пытливых читателей.

Автор (*гордо*) заявил:

– История Никки и Джерри основана только на фактах и научно-реалистичных предположениях!

Эксперт (*въедливо*) перечислил сомнительные, с его точки зрения, места:

– Два спутника у астероида 4654? Науке неизвестны тройные

астероиды!

А. Среди множества астероидов со спутниками, конечно, есть планеты и с двумя спутниками!

(Автор оказался фундаментально прав. Этот диалог я записал в конце июля 2005 года. Через две недели – 11 августа 2005 года – астрономы из группы восьмиметрового телескопа в Чили сообщили об открытии первого тройного астероида: у малой планеты Сильвии (87 Sylvia) обнаружился второй спутник. Первым новость узнал Эксперт и, как честный человек, поздравил Автора. – Примеч. стенографиста Робби.)

Э. Пьезобелковые электрополимеры?

А. Вскоре откроют, может, называться они будут не так...

Э. Платино-иридиевые кристаллы на астероиде?

А. Много ли мы знаем о космической кристаллизации?

Э. Солитоны в шаровой молнии? Реально ли получить её из розетки?

А. Но ты не можешь сказать, что их там нет и что этого сделать нельзя!

Э. Обеспечит ли аморфный лёд такие свойства Королевского плато?

А. Узнаем, когда высадимся на Обероне... Твои конкретные возражения иссякли?

Э. Конкретных больше нет... Но есть общие сомнения: сможет ли ребёнок выжить на астероиде? А прозрачные волосы?..

А *(энергично произнёс неизвестное мне словосочетание. – Примеч. стенографиста Робби)*: Есть что-то в принципе невозможное – с точки зрения сегодняшней науки?

Э *(подумав)*: Нет, не могу такого утверждать...

– Завершим на этом! – с облегчением предложил Автор. – Читатель предупреждён!

Эксперт согласился с Автором, и они прозвенели в честь этого мускатным хрусталём.

Споры Никки с профессорами Колледжа не вызвали у Эксперта никаких нареканий – что естественно, так как именно Эксперт был для Автора главным поставщиком информации о космосе и о жарких спорах вокруг его холодных глубин. И тогда уже Автор пристально посмотрел на Эксперта:

– Ты полагаешь, что Никки действительно открыла главную пружину мировых часов?

– Очень может быть! – И глаза Эксперта загадочно вспыхнули за стёклами очков. Потом он улыбнулся: – Книга и Школа Эйнштейна напоминают мне юность и школьных друзей... Я вырос среди таких умных мальчишек и девчонок, которые обсуждали последние новости физики у

костров под звёздным небом, но могли одновременно показать и высокий класс акробатического рок-н-ролла! Мне нравится, что это книга об интеллектуальных подростках. Не суть важно, где они живут – на Земле или на Луне, главное, что такие ребята есть, и они – наша главная надежда... – и Эксперт засобирался домой – к своему рабочему столу, на котором в космической пыли остывала очередная звезда.

«Вот интересно, – озадачился Автор, – а первая читательница книги сказала, что эта история увлекательна тем, что она – про любовь...»

Сам же Автор, оставшись с читателем один на один и глядя ему прямо в глаза, торжественно клянётся, что главное в этой книге – её правдивость.

Скачут свободные разноцветные пони по дюнам острова Ассатиг.

Красная птица-кардинал рвётся в своё Зазеркалье.

Рыбы, позволяющие черепашкам ходить по спинам, живут в Японии.

Старая землянка Покахонтас возле куста ежевики ждёт своего исследователя.

Автор может указать дорогу к ближайшему пляжу из поющего песка.

Профессор Ван-Теллер и другие герои имеют реальных прототипов.

Знай же, о читатель, взявший в руки эту книгу: взаправду течёт в твоих жилах гордая инозвёздная кровь.

И Первый Настоящий Поцелуй вспыхивает для чистых сердец.

А битвы с драконами были, есть и будут главным занятием для смелых и сильных.

1991–2007

Книга 2

Теория катастрофы

Посвящается всем хранителям ноосферы

Пролог

Это был просто кошмарный сон.

Вершины лунных гор стремительно приближались. До удара осталось пять секунд.

Девушку развернуло спиной к острым скалам. По позвоночнику прокатилась ледяная волна – человек предпочитает встречать смерть лицом.

Четыре секунды. Космический катер падал на двадцать метров впереди и ниже.

Три секунды. Девушка всё больше отставала от спешно покинутого корабля, но её скорость по-прежнему была огромной.

Поворот тела позволил увидеть будущее.

Время затормозилось ещё сильнее.

Будущее было совсем рядом – страшное, как смерть, и неотвратимое, как будущее.

Девушка летела стрелой, вбирая зрачками последние секунды и метры.

Кто сказал, что видимая смерть легче?

Две секунды.

Внизу скалились острые каменные резцы; впереди вырос хребет, зубастой челюстью окаймляющий большой кратер, и расширенные глаза уже нашли хмурую гору, прерывающую траекторию падения, перерезающую нить судьбы.

Вершина роковой серой скалы напоминала морду зверя. Оскаленно-неподвижного, собравшегося в боевую пружину перед прыжком.

Одна секунда.

Ракетный катер молнией вонзился в каменное подбрюшье скалы. Топливо мгновенно смешалось с жидким кислородом и взорвалось.

В месте падения выдулся немой оранжевый шар. Огонь полетел вверх – встречать человека.

Сжав до боли ладони, девушка смотрела, как взрывная волна вздымается всё выше, пожирая скалу и яркими руками жонглируя металлом бывшего корабля.

В таком пекле пластиковый скафандр не выдержит и мгновения: запузырится плавленным сыром и лопнет, впуслав пламя – к коже, а пустоту – в грудь.

Но зверь, ревниво опережая огонь, прыгнул навстречу, раскрывая

серую пасть в смертельный капкан.

Сверхзвуковой удар о скалу расколет стеклянный защитный колпак в пыль и мелкие кусочки. Каменные зубы изотрут человеческое тело в бессмысленную красную кашицу, беззвучно шипящую и пузырящуюся в вакууме.

Бритвенный край кратера был совсем рядом.

Девушка ясно видела клыки в пасти зверя, плывущего по горло в жгучей лаве.

Что убьёт раньше – огонь или камень?

Жить хотелось невыносимо.

Глава 1

Девушка с хрустальными волосами

Слоистый аромат поздних медуниц доверху наполнял Главную башню. Под арочными сводами из шершавого камня гулко металось изломанное, исцарапанное эхо.

Вдоль стен по-броуновски переминались школьники, едва сохраняя небрежный строй. Профессора Колледжа стояли степенно, раскланиваясь с родителями учеников.

Хрустящая праздничная атмосфера была подсолена сожалением о промелькнувшем лете. Среди студенческого Ордена Леопардов спокойно стояла Никки: тонкие черты лица, синие глаза, худощавая фигура. Кремовые брюки, рубашка цвета горького шоколада – на первый взгляд, девушка выглядела вполне обычной. Лишь прозрачные волосы, сверкающие на солнце длинными хрустальными прядями, выделяли её среди подростков.

Впрочем, что-то в лице Никки быстро заставляет забыть об удивительных стеклянных волосах. Обычная девушка? Вовсе нет. Её лицо почему-то не отпускает взгляд. Слишком уверенное выражение? Необычно умные глаза?

Странное, странное лицо.

Когда девушка отворачивается, то возникает острое чувство потери и пустоты. Художники в бешенстве ломают кисти и сходят с ума, пытаясь перенести на холст этот секрет таинственного притяжения.

Много, много страданий приносят такие лица другим людям.

Колчан стрельчатого окна встряхнул и заново перевязал пучок серебряного света; студенты зашевелились, спрятались за тёмными очками.

Никки поерошила волосы и небрежно стряхнула солнечный луч; рой искр разлетелся по сторонам и ужалил не одно молодое сердце.

Девушка посмотрела в дальний угол холла и нашла среди Ордена Сов высокого Джерри. Юноша пристально глядел на неё, прищутив голубые глаза. Никки кивнула, и он мгновенно просиял в ответ.

Родители первокурсников грудились у балконных перил, бережно держа в руках чёрно-белые тома. Каждый год выходила книга с результатами экзаменов и биографиями счастливчиков, попавших в Школу Эйнштейна. Популярное и горестное чтение для не поступивших в знаменитый Колледж. Секреты чужого успеха – ходовой товар среди

неудачников.

Девушку с хрустальными волосами зовут ещё и другим именем – Маугли. Это имя очень подходит девушке. Уважительно подходит, на настороженных ногах: Никки непредсказуема, её поступки вызывают смятение врагов и недоумение друзей.

Маугли обвела взглядом разноцветную шумную толпу студентов, вернувшихся с каникул и заполнивших Главную башню Лунного Колледжа. Столько людей сразу! – зрелище всё ещё удивительное для девушки. Десять лет она видела только одного человека – и то в треснувшем зеркале корабельного душа.

Давным-давно, маленькой девочкой, она жила с мамой и отцом на Марсе – ласково лиловом и восхитительно интересном.

Но однажды вечером папа заявил:

– Мы летим на Землю.

– Зачем? – насупилась Никки. – Мне и на Марсе хорошо.

– На Земле тебе будет ещё лучше, – сказала мама. – Там есть море.

«Море» прозвучало как «мороженое».

Никки вопросительно посмотрела на отца, голова которого парила где-то возле яркой люстры.

– Море тебе понравится! – кивнул отец из стратосферы. – Оно любит кувыряться, шлёпать и бормотать. Море пахнет солью и полно сокровищ – и ты будешь за ними нырять.

Это звучало даже лучше, чем «мороженое», и Никки согласилась.

Девочка привычно села отцу на шею-которая-выше-жирафа, и они отправились к небольшому научному фрегату «Стрейнджер», на котором её родители летали вдвоём, пока работали в МарсоИнституте.

Фрегатик охотно согласился отвезти их на Землю.

Роботы-грузчики катили багаж.

– Мама, откуда у тебя такой чёрный блестящий чемоданчик?

– Никки, это наш попутчик – Робби.

– Здравствуйте, мисс Гринвич!

– Ойздрасьте, говорящий чемодан Робби.

Попутчик оказался сущим кладом. Родители много времени проводили в рубке, работая свою непонятную работу, а Никки и Робби в каюткомпании пели песни, рисовали и резались в задумчики. Новый приятель знал массу удивительного и совсем не робел целый день играть с маленькой девочкой.

Отсчитались две недели полёта, поскучневшие к концу.

После завтрака отец пристегнул Никки к креслу и строгим голосом

велел нухотьнемногопосидетьспокойно.

И отправился на капитанский мостик.

Девочка долго хихикала – папа совсем не умел быть строгим.

Никки не успела дорисовать давно задуманный домик с башней и балконом, как внезапно погас свет и она очутилась в душной тяжёлой тьме. Никки крепилась и ждала родителей, но когда корабль на что-то налетел, заскрежетал и стал разваливаться, она не выдержала и завизжала изо всех сил.

Пронзительный древний призыв о помощи остался без ответа.

Мрак, душивший Никки, расвирепел и хлестнул наотмашь свинцовой рукой. Тело девочки было пристёгнуто к креслу, но голова жестоко дёрнулась, шея хрустнула – и сознание с облегчением покинуло маленький и перепуганный до смерти мозг.

Следующее воспоминание было таким: Никки лежит на металлическом столе, без одежды, и её глаза слепит яркая лампа. Сверху нависает страшная пучеглазая морда и машет клешней с мокро-красным скальпелем. Закричать почему-то не получается.

Первые недели после катастрофы прерывистым стробоскопом запечатлелись в памяти:

...ледяной окровавленный стол под обжигающей синей лампой...

...клешни куда-то несут Никки, её руки и ноги болтаются, будто тряпичные...

...она лежит на кровати, в нос тянутся противные пластиковые трубки...

...ночь, шея горит невыносимым огнём, но мамы рядом нет, а ведь раньше она всегда приходила, когда маленькой Николетте было больно.

Боль была не прерывистой, а постоянной.

Одна сцена помнится лучше всех – слишком часто она повторялась: твёрдые клешни корабельного робота цепляют Никки под мышки и пытаются поставить на пушистый коврик, постеленный на полу.

Но ноги не держат девочку и легко подгибаются.

Десятки, сотни попыток нечеловеческого упорства – тело пытается опереться на белые вялые палочки, но они безвольно складываются, нечувствительно сминаются под напором пола. Даже смешно было вначале.

Помог верный друг – Робби. Никки смогла двигаться лишь после того, как кибер подключился к её повреждённому позвоночнику и стал передавать сигналы мозга к рукам и ногам – иначе они отказывались

слушаться, сволочи. С Робби и дышать стало легче.

Он бесконечно терпеливо отвечал на бесчисленный вопрос: «Когда придут мама с папой?» и учил её ходить, как беспомощного младенца, и подбадривал, как взрослого человека. Ноги не слушались, шея горела, мамы не было – одиночество девочке совсем-совсем не нравилось. Но ни плач, ни истерики не помогали – жить приходилось не так, как хотелось, а так, как получалось.

Наконец, девочка научилась доносить еду до рта и ковылять на собственных ногах.

Первым делом она добралась до рубки.

Плакала и барабанила в дверь, пока не иссякли слабые силы и слёзы.

И потом она часто приходила к люку командирского отсека и стучала в него, но всё тише, всё безнадежней. Родители не выходили из-за тяжелой металлической плиты, такой искорёженной и выгнутой, что девочка бесповоротно поняла: мама и папа больше никогда не смогут покинуть капитанский мостик своего корабля.

Робби объяснял много раз:

– Из-за отказа электроники фрегат не закончил орбитальный манёвр и разбился.

Непрочная, полустеклянная рубка была раздавлена острой скалой, но остальной корпус корабля почти не пострадал, зарывшись в пыльный грунт небольшого тёмно-серого астероида.

На штурманских картах он значился под номером 4654. Пятикилометровая планетка владела двумя лунами, и они быстро бегали по звёздному небу, развлекая Никки как могли – то качаясь лодочками, то играя в круглый мяч.

Этот космический пейзаж окружил Никкино детство. А Робби стал единственным собеседником и наставником девочки.

Множество трудных приключений прожила Никки на астероиде, постепенно превратившись в длинноногого подростка, поневоле знающего и умеющего гораздо больше сверстников. Робби составил ей диету выживания из скудных корабельных запасов. Девочке даже пришлось привыкнуть к марсианскому кьянти, найденному в грузовом трюме.

Астероидный робинзон, она называла себя астровитянкой. От долгой жизни в космосе её волосы стали прозрачными, как стекло.

– Никки, у нас кончается продовольствие, – сказал как-то Робби. – Тебе нужно восстановить теплицу. Иначе ты умрёшь от голода, и мне одному будет ужасно скучно.

Теплица зияла разбитыми стеклами и мёртвыми ящиками с высохшей

почвой.

Пришлось заделывать дыры, восстанавливать отопление и атмосферу.

Замороженная икра из аварийного набора зашевелилась, пробилась быстрыми стрелками мальков. Помидорные листки весело тащили друг друга за зелёные волосы – на волю из тесных семян.

Ночью Робби разбудил едва заснувшую и измученную Никки:

– Метеоритный дождь! Оранжерея гибнет!

Никки не повезло – астероид попал в центр метеорного потока, остатка разбитой каменной космической глыбы или испарившейся кометы. По астрономическим меркам, дождь был несильным, но плотным.

Возле люка, ведущего в оранжерею, Робби крикнул:

– Там половина атмосферного давления! Форель надо спасать в первую очередь, а семена у нас ещё есть.

Надевать скафандр было некогда – мальки могли погибнуть в любую минуту. Люк открылся, и девочка прыгнула в холодную красноватую тьму оранжереи. Уши сразу заложило. Никки с трудом, в свете аварийной лампы, нашла пятилитровую кювету с мальками. Свист воздуха, высасываемого стеклянными ртами пробоин, действовал на нервы.

Девочка схватила кювету и, оттолкнувшись от стола, метнулась назад – к люку.

Метеорит ударил прямо в соединение несущих балок оранжереи. По ушам хлестнул грохот ломающейся конструкции и треск лопающихся стекол. Ветер попытался остановить Никки и захлопнуть перед ней люк, но она врезалась в тяжёлое железо плечом и, жестоко ссаживая локти и колени, вывалилась, выдралась в коридор из гибнущей оранжереи.

Люк отгородил её от космического вакуума, но пустая кювета лежала на боку, и мальки отчаянно прыгали в растекающейся мелкой луже, раскрывая рты и умирая.

Самое время зареветь от обиды.

Но астровитянка уже разучилась плакать.

Она ладонью сгрэбла в кювету часть воды, киселём колышащейся в слабой гравитации. Потом наклонила лицо к умирающему мальку, осторожно взяла его губами и перенесла в аквариум.

Она успела спасительно поцеловать многих, но большинство рыбок всё-таки погибли.

Выжила лишь треть.

Робби хладнокровно заявил:

– Нет смысла восстанавливать старую оранжерею – она слишком мала для такой прожорливой девочки. Будем строить новую.

Никки не поверила своим ушам.

Но они всё-таки построили её. Оранжерея обошлась дорого, но была великолепна. В ней уместился прудик с водой для подрастающей форели. И помидорные грядки, среди которых можно было гулять, дыша паслёновым густым запахом.

Но кислорода было мало. Рука, распоротая на постройке оранжереи, сильно болела.

Никки лежала в слишком просторном скафандре с последним баллоном и терпеливо ждала, когда быстрорастущий плющ и игольчатая зелёная травка станут выдыхать больше кислорода, чем Никки его вдыхает.

Кислород можно добыть электролизом, но космическая вода дороже земного золота.

Ждать было трудно. В глазах темнело. Клонило в тягучий неосвежающий сон. Мучили удушливые кошмары, и часто снился веер красных капель, толчками выбивающийся из тонкой руки.

Но Никки не хныкала.

Она оказалась прочным человеком. Внутренняя стальная струна удерживала лицо от плаксивой гримасы и позволила выжить, дожидаться сытного до пьяности воздуха и праздника первой жареной форели.

Отчаянно рискованное бытие Робинзона постепенно наладилось.

Космическая Маугли побеждала, потому что проигрывать было нельзя. Но когда наступала усталая ночь, натянутая струна внутри тощего ребристого тела часто рвалась, и девочка плакала во сне, горько и навзрыд. И тогда приходила мама – обнимала, ласково гладила по голове и говорила успокаивающе:

– Всё будет хорошо...

И пела ей колыбельную песню.

Проснувшись, девочка сердилась на себя. Дню не разрешались слабости.

Прошло десять трудных лет, прежде чем спасательный крейсер Спейс Сервис поймал слабые SOS-сигналы с разбитого фрегата-исследователя и сел на астероид 4654 в вихре песка-реголита.

Осаживая отчаянно бьющееся сердце, астровитянка ступила босой ногой на металлическую палубу чужого корабля и отправилась в далёкие, невероятные края, туда, где живёт множество людей. Миллионы, миллиарды. Уму непостижимо.

С тех пор прошло полтора года, битком набитых важными событиями и шишками.

Можно бы и поменьше набивать шишек.

Крушение «Стрейнджера» оказалось не случайным. При сближении с астероидом исследовательский фрегат был атакован неизвестным кораблём, уничтожившим ЭМ-полевым выстрелом электронные цепи «Стрейнджера». Кому понадобилось нападать на безоружное и безобидное исследовательское судно? Это оставалось загадкой.

Спасатели привезли Никки в Лунный госпиталь. Гравитация Луны гораздо сильнее астероидной силы тяжести, и Маугли пришлось несколько месяцев передвигаться в инвалидной коляске, укрепляя связки и кости после жизни в почти невесомости. Но девочка не жаловалась – и терпения ей было не занимать, да и жизнь среди людей казалась чудесной сказкой.

В Лунном госпитале Никки увидела Джерри Уолкера, мальчика с длинными каштановыми волосами и худым носатым лицом. Он тоскливо сидел среди шумной детской толпы и смотрел вокруг глазами одиночества – так смотрят брошенные собаки и дети, у которых больше нет родителей. И Никки поняла, что угрюмый мальчик будет... что он станет... Трудно понять, что она поняла, но Джерри сразу показался *нечужим*. И Никки захотелось убрать чёрную тень с его лица. А вкрадчивый голос из романтических книжек беззастенчиво шепнул: «Может, это и есть твой принц?»

Джерри научил космическую Маугли заказывать еду у работа-официанта и показал парк, где в озере плавали белые и красные рыбины, а на лужайке паслись симпатичные белохвостые олени Томми и Тамми. Звери были влюблены друг в друга и почти не дрались копытами.

Как счастлива была Никки, попав к людям!

Но потом она умерла.

Не стоит демонизировать смерть. Для чувств человека нет никакой разницы между мучительной потерей сознания и смертью – вопрос только в обратимости этого состояния.

Никки ожила лишь через два дня – и целый месяц пролежала в медотсеке.

Физически выздоровев, Никки внутренне сильно изменилась.

Не стоит недооценивать смерть. Трудно жить обычной жизнью, если уже один раз умирал. Трудно любить людей, если кто-то из них всё время хочет тебя убить.

Но астровитянка справилась с собой и приняла вызов неведомых и могучих врагов. Она сама решила напасть на них.

Главные победы вырастают не из звяканья мечей и разбитых носов, а из кропотливого анализа информации. Маугли и кибер разработали дерзкий план действий и на симпозиуме Космической Службы заварили та-акую

кашу! А если кто-нибудь узнает о секретном совещании с могущественными коммодорами Спейс Сервис, которых Никки буквально заставила принять свои условия, потребовав от них... нет-нет, лучше об этом молчать... тс-с...

А как же Джерри? Да это же он улыбается из другого конца холла Главной башни. В прошлом году он спас Никкину жизнь, висевшую на горелой ниточке. Джерри стал очень важным человеком в жизни Никки, теперь он гораздо больше, чем просто друг.

Гораздо больше.

Сегодня для них начинается второй год обучения в Колледже. Что он им несёт? Удастся ли Никки узнать, кто виновен в смерти родителей? Что за враг хочет убить и её?

В Главной башне уже началась Церемония Старой Шляпы.

– Ситти Пак, чемпион Колледжа этого года! – потряхивая пышной седой шевелюрой, провозгласил профессор Милич, директор Колледжа Эйнштейна.

Церемония распределения новичков по Орденам началась. Испуганный круглолицый мальчик, надевая кожаный потёртый колпак на голову, едва не сел мимо табуретки. Гулкий мистический голос откуда-то сверху провозгласил:

– Ситти Пак – Орден Совы!

Аплодисменты, свист и крики потрясли Главный холл. Чемпион положил шляпу на табуретку – и забыл, что делать дальше. Вдобавок его смутили видеокамеры, стайкой шмыгающие возле лица. Развитый интеллект чувствителен к мелочам – они легко выбивают его из колеи. Ситти, обозлившись, даже прихлопнул пару самых надоедливых электромух.

Чарли Тапурам, староста Сов, подошёл к первокурснику и отвёл его в нестройные ряды совиного Ордена, стоящего у южной стены Холла. С точки зрения Старой Шляпы, Совы отличались логическим складом мышления, но это не мешало им эмоционально приветствовать нового умника в своих рядах.

Чемпионы экзамена обычно становились Совами, хотя в прошлом году решением Шляпы – а, вернее, Вольдемара, главного компьютера школы, чьё мнение традиционно озвучивал старый кожаный колпак, – Никки была распределена в Леопарды – Орден, собранный из наиболее боевых и азартных мальчишек и девчонок.

Дальнейшее распределение сотни новичков, поступивших в Колледж Эйнштейна, шло без малейших задержек, и вскоре Ордена смешались в

вавилонском столпотворении: Совы хлопали дружественных мирных Оленей по спинам, а Леопарды пикировались с надменными аристократами-Драконами. Пять сотен молодых людей в одном помещении производят удивительный шум и гвалт.

Наконец студенты выбрались из Холла на залитую солнцем площадь и, не переставая болтать, хвастаться и подкалывать друг друга, двинулись на традиционный праздничный обед. Кому не хватило места на светлой бетонной дорожке, шли по аккуратной зелёной лужайке, а газонные роботы-стригуны улепётывали из-под человеческих ног в кусты.

Джерри, шагающий рядом с Никки, тихо спросил:

– Помнишь – год назад? Перед торжественным ужином ты сделала себе причёску – в первый раз без рыжей краски. А я как увидел тебя с хрустальными волосами, так сразу и пропал!

Никки засмеялась, приобняла Джерри за шею и взъерошила его длинные каштановые пряди. Так ласков был её жест, и так засветился в ответ юноша, что окружающие понимающе переглянулись: эти двое живут в своей Вселенной. Красивая Марина Блэкуолл с пышной тёмно-русой причёской тоже заметила происходящее – и нахмурилась.

И не только она.

Студенты уселись за длинные столы своих Орденов в зале приёмов Колледжа. Перед началом обеда директор представил студентам новых преподавателей гуманитарного факультета: социолога, профессора Тхимсота, а также профессора Эксмина, специальность которого директор почему-то не назвал.

Ребята набирали себе тарелки вкусных маленьких бутербродов, тянулись к бутылочкам с напитками. Первокурсники чувствовали себя стеснённо, но постепенно осваивались, прислушиваясь к разговорам соседей.

От стола преподавателей донёсся уверенный голос нового профессора-неизвестно-чего, беседующего с соседями:

– В Японии сакэ пьют из деревянных ящичков. Их удобно составлять в пирамиды. Культура еды на Востоке удивительна. Сидишь на циновке в традиционном ресторане старого Киото, отъезжает дверь – за ней девушка с подносом, тоже на коленках – и улыбается. Она перебирается в гостиную и подаёт блюда – и всё это – не вставая на ноги! Когда вокруг вас ползает на коленях симпатичная девушка, да ещё и кормит – это создаёт непередаваемые вкусовые ощущения! Хотел привить в семьях друзей – нет, не прижилось...

Последняя фраза не только ясно показала, что профессор холост, но и

объяснила, почему.

За столом вокруг нового преподавателя по какой-то случайности сидели одни женщины: профессора Франклин, Майсофт, Гуслик и тренер Бенто Нджава. Литературовед Джоан Гуслик улыбалась рассеянное обычного, а поблёскивающие глаза профессора кибернетики Майсофт пристально следили за рассказчиком. Джоан Гуслик была одета в свою повседневную широкую хламиду, зато Элен Майсофт в чёрно-белом платье выглядела очень элегантно.

– Кто этот новый профессор Эксмин? – спросил Джерри у соседей-Сов.

Сразу нашёлся знающий:

– Эскмин – писатель-интеллектуалист, автор бестселлеров «Мускулы разума» и «Искусство полемики». Он всемирно известен.

– Не люблю тех, кого заставляют любить, – косясь на профессоров, независимым тоном пробурчал Жюльен-Сова, круглолицый паренёк с умными глазами, и простёр благословляющий жест над изобильным столом:

– Друзья мои, душа человека всё-таки находится в желудке!

И стал собирать на тарелку приглянувшиеся бутерброды.

– Нельзя сказать точно, есть ли у человека душа, – вдруг возразил новичок-первокурсник, сидящий напротив. – Но, в любом случае, в желудке ей не место.

– Ты говоришь важные вещи, – приветливо улыбнулся Жюльен. – Жаль, что ты их не понимаешь!

Все захихикали.

Новичок упрямо наклонил коротко стриженную, шишковатую голову.

– Душа – это простонародный термин для высшей нервной деятельности человека. Она сосредоточена в мозгу, и её исследуют психиатрия и психология.

– Да ты не человек, а птица счастья! – удивился Жюльен.

Джерри ещё в прошлом году подружился с этим французом, известным острословом и любимцем девочек всех Орден; он, улыбаясь, слушал Жюльена и новичка и поглядывал на стол, за которым сидела Никки.

Леопарды веселились шумно.

– После церемонии Старой Шляпы, – хвастается Смит Джигич, – я успел подложить в карман Бофику-Дракону бурчалку!

– Это что?

– Устройство размером с монету, которое периодически испускает

громкие звуки бурчания живота!

Леопарды одобрительно хихикают.

Четверокурсник-Леопард живо описывает группе первокурсников самое яркое событие прошлого года:

– Профессор Дермюррей отчитывает Джонни-Сову в коридоре. Кругом – масса студентов, но это его не смущает. Тут раздаётся голос, громкий и тоскливый, как лекция самого Дермюррея: «Милый профессор!» Глядим – у стены стоит дипломница профессора, вся в белом. Складывает молитвенно руки и вещает восхищённым голосом: «Какой вы красивый!» Профессор остолбенел, морда у него стала свирепая, багровая. Девушка продолжает: «Поговорите со мной, а то утоплюсь...» Дермюррей зарычал, подскочил к девушке и разорвал её пополам, как бумагу. Силища невероятная! Это он настенный голоэкранный экран разодрал, на который кто-то запустил свой ролик. Абсолютно реалистичный! Девушка молвила: «Вы разбили моё сердце, профессор!» – и растаяла. Всем очень понравилось – за исключением Билли-Дракона. Он от смеха растянул себе какую-то мышцу в паху...

К хохоту первокурсников присоединился и остальной стол, слышавший эту историю не менее восемнадцати раз.

«Почему люди, отмечая торжественное событие, так любят есть вместе?» – неслышно спросила Никки у кибердруга, беря с тарелки бутерброд с сёмгой и сыром.

Робби ответил, тоже неслышно:

«Первобытная традиция: коллективное поедание мамонта, ассоциированное с праздником. Совместная еда – это торжественный парад победы после удачной охоты».

Загорелая светловолосая Изабелла, заметно подросшая и похорошевшая за лето, сказала сидящей напротив Никки:

– Меня все каникулы донимали расспросами о твоей победе в Лунной Регате.

– Облёт вокруг Луны – это было сделано классно! Молодец! – с энтузиазмом воскликнул Смит Джигич, и остальные поддержали его мнение. Кудрявая черноволосая девочка, в первый раз попавшая за шумный стол Леопардов, смотрела на Никки во все глаза цвета тёмного ореха.

– Пришлось пошевелить мозгами, – пожала плечами Маугли, – ничем другим перед пилотами-профи я козырнуть не могла.

– У тебя здорово получилось! – воскликнула Изабелла. – И это не удивительно, ведь твои мозги...

– ...это самое могучее оружие на свете! – заревели Леопарды, и в зале

на них стали оглядываться.

– Да бросьте вы, – засмущалась Никки, – мне просто повезло... какой из меня пилот – я после финиша отрубилась от перегрузки, и Робби сам шлюпку назад вёл. После приземления очнулась, смотрю в зеркало: ужас! глаза с синяками, рожа в крови... – чуть снова в обморок не упала. Я даже про премию ничего не знала. На призовой чек таращилась, как робот на новый шлюз. Просто повезло.

– Я давно замечаю, – задумчиво сказал огромный пятикурсник Влад, – как дьявольски везёт этой маленькой Никки. Да и Багстоун мне об этом всё толковал – повезло ей, просто повезло...

Услышав про Багстоуна, закончившего Колледж Эйнштейна в прошлом году, стол Леопардов снова покатился от смеха: все помнили, как Никки разгромила этого чемпиона школы в поединке на мечах.

– А у принца Дитбита после битвы с «Летающими Леопардами», – серьёзно сказал веснушчатый Бимбо, – появилась новая привычка: почёсывать себе поясицу.

Студенты зашлись в весёлом ржании.

– И он стал здороваться с Мином-Драконом так ласково, так по-дружески! – Бимбо подбавил масла в огонь. Но Никки лишь слегка улыбалась среди общего хохота. Она помнила, как жёстко расправилась с Дитбитом и Мином во время воздушного боя, но это были не очень приятные воспоминания.

– А я видел, как профессор Дермюррей, заметив Никки в коридоре, резко сменил курс! – ухмыльнулся Смит.

– Решил не испытывать на себе её везение, – язвительно отметил кто-то.

– Зато профессор Гутт раскланивается с ней самым почтительным образом! – крикнули с конца стола.

– Ребята, – взмолилась Никки, – вам что – больше не о чем поговорить?

– Ладно, отстаньте от неё, – сказал могучий пятикурсник Влад, – разве не видите – дети джунглей равнодушны к славе.

Никки благодарно посмотрела на него.

– Лучше расскажу вам одну несмешную историю, – продолжал Влад. – Я вылетел вчера из космопорта Хитроу с опозданием и вляпался в кошмарные пересадки и состыковки. На Европлатформе встречаю Санди-Дракона. В Колледже мы практически не общаемся, а на геостационаре обрадовались друг другу как братья: ещё бы – три часа шаттл в Луна-Сити ждать. Сели кофейку в баре выпить, и тут Санди поцыкал зубом на мои

мускулы... – Влад согнул руку и картинно напряг рельефный бицепс, – ...и начал травить о том, что скоро крупные компании на работу будут принимать только после генетического тестирования. Пора, мол, отделять генетически чистых от нечистых, и скоро наш мир будет разделен на рай для существ с ангельским ДНК и на ад для геногрешников.

– Чтоб он подавился молоком Тауруса! – возмутился смуглый третьекурсник Джеймс. – На работу после ДНК-тестирования? А ООНовская Конвенция о генетическом равноправии?

– Санди сам такое не выдумает, он повторяет чужие слова, – размышляюще сказал Смит. – Бизнес его семьи имеет прямое отношение к фармазаводам и генной инженерии.

Второкурсник Билджи, чей отец входил в десятку виднейших ООНовских политиков, заёрзал на месте и не выдержал:

– Ладно, выдам один секрет, недолго ему осталось быть секретом... ООН скоро примет закон, разрешающий свободу генетических модификаций, – выпалил он, зачем-то оглянувшись через плечо.

Стол недоверчиво зашумел.

– Закон о свободе геноулучшения десять лет назад уже пытались принять, – сказал Влад. – Он был провален подавляющим большинством голосов.

Билджи сказал тихо, косясь по сторонам:

– Сейчас не провалится...

– Ты уверен? – встревожился Влад.

Сын ООНовского политика кивнул и сказал ещё тише:

– Кто-то с помощью политических взяток и угроз провёл гигантскую работу по пробиванию закона. Большинство голосов уже куплено, и всё решено ещё до голосования.

Смит присвистнул:

– Копыто Венеры! Геносвобода взорвет всю земную политику и экономику... Традиционные производства рухнут, и наступят тяжёлые времена!

– Да бросьте, власть над геномом – это здорово, мы будем повелевать человеческой природой как боги... – сказала Олам. – Экономика-то тут причём?

– Трогательная наивность! – фыркнул Смит, занимающийся макроэкономическим планированием. – Улучшение человеческой породы станет супертоваром экстремального спроса, обрушит рынок модной одежды, дорогих машин и домов – люди предпочтут вкладывать деньги не в роскошь, а в своё долголетие и в будущее детей. Как следствие – кризис в

экономике, банкротство обычных производств и сотни миллионов безработных.

– И ещё возникнет генодискриминация, – хмуро сказал Влад. – Компании предпочтут нанимать модифицированных людей – здоровых, с высоким интеллектом и приятной внешностью.

– Но Конвенция о генетическом равноправии уже принята – значит, её поддерживает большинство населения планет, – отметила Никки.

– Правильно, – вздохнул Влад, – но хорошо организованное меньшинство часто побеждает дремлющее большинство.

– Значит, его надо будить! – решительно заявила Никки. – Я не знаю состава своих генов и не хочу, чтобы кто-то решал мою судьбу на основании химанализов!

– С тобой это вряд ли получится в любом случае, – прищурил умные глаза Влад, – тебе... э-э... повезло с характером, но по большинству людей свобода геномодификаций и генная дискриминация ударят очень сильно. И многие возмутятся не на шутку!

– Начались мрачные пророчества! – скривила губы Олам.

Неожиданно в разговор вступил Робби:

– Десять лет назад, во время первого обсуждения в ООН закона о генной свободе, в крупных городах восьмидесяти двух стран прошли две тысячи демонстраций с общим числом участников в тринадцать миллионов человек. В стычках с полицией было арестовано пятнадцать тысяч человек, ранено – шестьсот, убито – сорок два. Сожжены сотни зданий и множество автомобилей. Волнения прекратились после провала закона.

– Суп из тролля! – выругался Джеймс.

– Кто протестовал против закона? – спросила Никки.

– Левые, зелёные, антирасистские и религиозные организации. Принятие генозакона вызовет социальную напряжённость, не ограниченную во времени.

– Крупные города во время протестов превращаются в кошмар, – несмело сказал первокурсник со старомодной причёской цвета позеленевшей вишни. – Драки, полиция, колоссальные автомобильные пробки. Я живу в Париже – всякого насмотрелся...

– Мочёные уши эльфов... – протянул Влад. – А вы знаете, что последние месяцы собственность в даунтаунах столиц стала падать в цене? Здания в мировых центрах активно распродают, и все аналитики ломают над этим голову...

– Значит, кто-то всерьёз готовится к последствиям принятия закона... – кивнул Смит.

– Бросьте вы каркать! – гнула свою линию Олам. – Всё скоро утрясётся, а нервные люди успокоятся...

– Да? И не мечтай. Я тоже взбунтуюсь и выйду на улицу! – сердито сказала красивая оливковолицая Гита с длинной гривой иссиня-чёрных волос.

– На кой Цельсий тебе это надо? – удивилась Олам. – Ты же студентка суперэлитного Колледжа!

– Из-за меня родители залезли в пожизненную банковскую кабалу. Я выросла в небогатом районе, а на океанском побережье красовались шикарные виллы. Один Шива знает, как мы ненавидели их владельцев. Они отгораживались от неприкасаемых высоким забором. Я с друзьями понимала, что если мы будем умнее детей надменных брахманов, то у нас появится хороший шанс. А теперь? Аристократы дадут детям ум, красоту и долгую жизнь, а наши кварталы навсегда станут гетто для людей третьего сорта!

– Разрушение социальных лифтов... – пробормотал внимательно слушавший Смит.

Гита продолжала бушевать:

– Значит, если я не накоплю денег на дорогую геномодификацию, то мои дети будут обречены на риск рака и слабоумия, на отставание в школе, на несмываемое клеймо «генетически ущербных»? Да я в клочья разнесу всех, кто так унизит меня!

На поверхности стола Леопардов неожиданно загорелись алые слова. Они поползли, огибая чашки и тарелки:

«Если перед богатыми родителями вдруг откроется возможность усилить ум своих детей и их потомков, то мы получим основание не только для моральной дилеммы, но и для полномасштабной классовой войны. Фукуяма».

Смит проворчал:

– Вот, даже Волди понимает, что в мире свободного ДНК-изменения возникнет генетическая элита... вполне возможно, *нечеловеческая* элита, – и тогда в обществе заискрит такая враждебность, что расизм, сексизм или брейнизм покажутся цветочками!

Влад добавил:

– Помните скандал вокруг процента неандертальских генов, после чего приняли закон о генетической тайне? Я согласен со Смитом: старая история человечества заканчивается. Начинается новая, и никто не знает, куда она нас приведёт.

Гита с мрачной физиономией сказала:

– Если мир расколется на суперлюдей и просто людей, то настанет эпоха обид и мести. Она приведёт к социальному коллапсу!

Олам фыркнула, и все обернулись к ней. Она смутилась под взглядами Леопардов, но не сдалась:

– Какого Фаренгейта вы на меня таращитесь? Если модифицированные люди станут здоровее и умнее – не будут же они из-за этого отдельной кастой жить! Даже смешно...

– Что ты понимаешь в кастах, Вульпекула бритая... – свирепо прошипела смуглая индийка Гита, метнув огненный взгляд на белёсую Олам шведских кровей.

Бимбо сказал с мечтательной улыбкой на веснушчатой физиономии:

– Всё-таки представьте, какими умными и сильными станут люди, если мы сможем легко менять геном.

Никки вспомнила мутантов Запретных пещер. Управляемая эволюция может привести как к великолепным, так и ужасающим результатам.

Часть Леопардов, занятая обменом впечатлениями о летнем отдыхе, не обратила на эту дискуссию внимания, но на лицах многих студентов проглянула серьёзная озабоченность.

В Колледже Эйнштейна собралась умная и честолюбивая молодёжь, которая не привыкла думать, что человечеством управляют небожители, знающие всё лучше всех. Среди политиков немало дураков, а мерзавцев ещё больше, и за ними нужен глаз да глаз. Выходцы из влиятельных кланов и семей образованной элиты, эйнштейнцы сами собирались встать вскоре у руля цивилизации и уже сейчас внимательно следили за мировыми процессами.

Будущее скачет на Настоящем, безжалостно пришпоривая его. Кто не поймёт этого в молодости, тот не успеет понять вообще.

Быстрее беги, лошадка, не отставай! Ты устала, твои бока в кровавом мыле? Всадник терзает тебя шпорами лживой надежды?

Скачи изо всех силёнок, лошадка, иначе тебя обгонят другие!

Хочешь сбросить жестокого наездника, свернуть с дороги и отдохнуть?

Даже не надейся. Куда ты денешься от будущего?

Глава 2

Будущее как оружие

На следующий день, за завтраком, Никки и Джерри наконец смогли спокойно поговорить с друзьями-сотрапезниками, с которыми они лишь бегло поздоровались после Церемонии Старой Шляпы.

По традиции за каждым столом в кафе сидели четверо – по одному представителю каждого Ордена Колледжа. Невозмутимый китайский математик Хао Шон из Ордена Оленей за время каникул на Земле заметно подрос и отпустил длинные волосы, собрав их сзади в пучок-косичку. Представитель Драконов, русская принцесса и поэтесса Дзинтара Шихина провела каникулы в лунном замке своей династии и не выросла – она и так была высокой девушкой, – зато неожиданно сменила стиль.

Пышные чёрные волосы превратились в короткую стрижку «под мальчика», сногсшибательно дорогие и модные платья сменились на потёртые джинсы в обтяжку и расчётливо драную футболку – впрочем, тоже совсем не дешёвую. От этого принцесса потеряла часть своей величественности, зато... как бы это точнее сказать... очаровательно приблизилась к собеседнику или к любому восхищённо глазеющему субъекту.

– Как вам мой новый стиль «гаврош»? – спросила Дзинтара.

– Шикарно! – одобрил Джерри, а немногословный Хао лишь с энтузиазмом кивнул.

Никки пожала плечами:

– Раньше мне больше нравилось. Платья были такие красивые.

– Дикий робинзон! – отмахнулась Дзинтара. – Твоим мнением пренебрежём. Ты не понимаешь роли демократичного стиля в... э-э...

– ...в личной жизни, – догадался Джерри.

– Правильно. – Голос принцессы остался спокойным, но её загорелые щеки стали капельку румянее. – Мне тоже хочется положить руку на чью-нибудь шею, и чтобы она при этом не отвешивала почтительный поклон.

Тут уже Джерри покраснел, а Никки озадаченно подняла брови.

– Неужели всё так плохо? – старательно небрежно спросил Джерри.

– Эх, Джерри, – вздохнула Дзинтара, – жаль, что у тебя нет второй головы и шеи...

Первая откровенность такого рода со стороны Дзинтары показала, что благородная принцесса окончательно перевела Джерри в разряд друзей и не

собирается смотреть на него другими глазами. Утренняя мимолётная сцена между Никки и Джерри вызвала неожиданный резонанс.

Юноша покраснел ещё больше, а Никки расхохоталась:

– Представляю себе: Джерри с двумя шеями, и на каждой висит по девице!

– После того огненного танго на Балу Выпускников лучше превратить Джерри в двенадцатиголового дракона, чтобы успеть пристроиться хотя бы к одной шее! – усмехнулась Дзинтара.

Джерри совсем смутился и заёрзал на стуле. А Никки вдруг прекратила смеяться.

– Кажется, у меня проблемы... – сказала она. – А я, как назло, чертовски вспыльчива...

Из ожерелья Никки, где обитало много хитрых штучек, вырвался красный лазерный луч и погас в чашке чая, стоящей перед девушкой. Чай взбурлил, но быстро успокоился, исходя паром. Никки осторожно отпила из чашки и удовлетворённо кивнула.

– Нет у тебя никаких проблем, – проворчал Джерри. – Не кипятись.

– Вы как-то странно изменились за лето... Что случилось? – не смогла сдержать любопытства Дзинтара.

– Мы с Джерри теперь больше, чем друзья! Гораздо больше! – смело сказала Никки. – Он теперь мой Лев, а я – его Леопард. Я влюблена в него больше, чем в шоколад.

Джерри заалел и сказал смущённо:

– Никки, это не принято – так откровенно хвастаться личными делами.

– Почему? – рассмеялась Никки. – Люди, вы странные! Хвастаться одеждой и машинами – можно, а своим Львом – нет? Ну-ка, немедленно похвастайся мной!

Джерри глубоко вздохнул и смущённо улыбнулся.

– Не могу. *Это* глубоко внутри и не выворачивается наружу.

Никки не была привередлива:

– Молодец! Всё равно хорошо сказал... – И она, улыбаясь, снова поерошила длинные каштановые волосы Джерри.

– Сил нет смотреть на вас, влюблённых идиотов... – проворчала размягчённо Дзинтара.

А Хао действительно опустил глаза и стал похож на задумчивого Будду.

Джерри с Никки не были бы так безмятежно поглощены друг другом, если бы знали, что в это же самое утреннее время проходили два

совещания – на соседней планете и в ближайшем городе.

Одна встреча посвящалась Джерри, на другой обсуждалась судьба Никки.

В четырёхстах тысячах километрах от Колледжа, в просторной комнате с низким потолком и без окон, вокруг круглого стола сидели трое мужчин. Внешне все они были как на подбор: среднего возраста, с невыразительными лицами, в неброских костюмах. Лишь голоса обладали индивидуальностью: один человек был пискляв, второй говорил баритоном, а третий хрипел и покашливал.

Хриплый сказал:

– С сегодняшнего дня я возглавляю операцию «Наследник» и хочу, чтобы до «Беседы» мы задействовали «Сирену».

– Чёрт побери, ты уже третий раз это говоришь, – пробурчал баритон.

– Мы знаем, чего ты хочешь, – перебил писклявый. – Но пока «Профессор» не войдёт в активную фазу, мы не сможем спланировать следующие шаги.

– Ждать недолго, – сказал кашляющий. – «Профессор» активизируется уже сегодня.

– Не верю я в этого профессора, – пробормотал баритон, – в нём обаяния ни на грош. От него воняет...

Другая встреча проходила в светлой роскошной комнате всего в пятистах километрах от кафе, где сидели четверо наших друзей. В огромное окно заглядывали солнце и вершины городских небоскрёбов.

Делового стола в комнате не было. Просто стеклянная сверкающая пластина с парой бокалов на ней непонятным образом висела между мягкими креслами.

В одном из этих кресел сидел красивый высокий человек и повелительным тоном говорил собеседнику:

– Сейчас она практически безопасна. Прикормите её немного, приучите – и достаточно. И так слишком много шума вокруг этой Маугли.

Второй человек слушал молча. Откуда-то сквозило ледяной очевидностью, что он безоговорочно предан говорящему. Ему было всё равно, что делать – приучить указанную зверюшку или оторвать ей голову. Он выполнит всё, что прикажет прикормивший его всесильный хозяин.

– Будет сделано, ваше величество, – почтительно сказал он в конце встречи, вставая с кресла и привычно поклонившись.

При этом его правая щека сильно дёрнулась, обнажив белый верхний клык.

Ничего страшного, просто нервный тик.

Увторокурсников лекции проходили по разным факультетам, и Никки с Джерри впервые оказались порознь. Это внесло грустную ноту в сентябрьский день. Зато последняя лекция по социологии была общая – Никки и Джерри обрадовались встрече и сели, конечно, вместе. Лекцию читал новый преподаватель – профессор Тхимсот. Ещё до начала занятия Линней-Сова успел всем рассказать, что Тхимсот – известнейший социолог и мировой авторитет.

Это был пожилой приземистый человек. Обильная сероватая шевелюра кудрявилась вокруг бледного лица с веснушками и маленьким носиком. Тхимсот носил старомодные оптические очки – такие толстые, что они скрывали цвет его глаз.

Никки первый раз увидела очки, так сильно искривляющие свет.

«Зачем он носит искажающие очки?» – неслышно удивилась она.

«Кривое для одного – прямое для другого, – философски ответил Робби. – Профессор корректирует неправильное фокусное расстояние своей глазной системы».

«Почему же он не пройдёт обычную процедуру исправления зрения?» – недоумевала девушка.

«Кажется, ты навсегда останешься Маугли, не понимающей азов человеческой психологии, – язвительно отметил друг. – А я, вернувшись из космоса, уже прочитал пару сотен книжек по психологии. И всё теперь знаю про вас, обезьян-переростков. Очки для вас – это не только оптическое устройство, но и эффективный корректор лица, конструктор нужного имиджа и декларатор консервативных ценностей. А испуганным людям очки заменяют маскировочную сетку».

«Очки как декларатор ценностей?» – Никки потрясённо замолчала, подавленная непостижимостью человеческого общества.

Первый вопрос лектора к аудитории был неожиданным:

– Кто любит истории о путешественниках во времени?

Поднялось несколько рук. Лектор удовлетворённо сделал вывод:

– Полагаю, вы знакомы и с концепцией «машины времени». Данное устройство упоминается в тысячах книг, где хрононавты меняют настоящее и будущее, производя небольшие изменения в прошлом. Как привлекательна возможность исправления совершённых ошибок! Отправиться назад во времени и остроумно ответить какому-нибудь нахалу, или не опоздать на свидание с любимой девушкой...

Некоторые студенты в аудитории заулыбались.

– Кроме машины времени, для изменения истории нужен ещё способ

расчёта её альтернативных вариантов. Увы, машина времени – вещь фантастическая, хотя математики упорно пытаются скрестить квантовые червоточины с замкнутыми времениподобными кривыми в четырёхмерном пространстве. Зато предсказание истории теоретически реально. О, если бы мы имели чудесный способ математического расчёта будущего!

Глаза лектора мечтательно закрылись, и он сделал паузу.

– Ведь для изменения истории машина времени совсем не нужна! Повернуть историю просто: достаточно понять – какое изменение в *настоящем* мы должны сделать, чтобы получить нужное нам *будущее*.

Аудитория зашумела. Лектор мягко улыбнулся.

– Это может показаться невероятным: управлять своим будущим, решать его как математическое уравнение?! Но концепция математического предсказания будущего появилась ещё в двадцатом веке. Тогдашние модели мировой экономики и демографии были до смешного примитивны и рассчитывались на древних компьютерах, похожих на ящики с гирляндами новогодних лампочек. Но общая идея первых футурологических моделей была совершенно правильна: нужно взять основные компоненты настоящего, задать взаимосвязи между ними – и спрогнозировать их развитие.

– Как мы узнаем, что наша модель будущего правильна, если до будущего ещё далеко? – спросил Линней.

Лектор так одобрительно кивнул на вопрос любопытного студента, что очки чуть не соскользнули с его короткого носика.

– Проверкой моделей будущего служит их способность описывать прошлую историю – вплоть до настоящего момента.

– И что же самое сложное в таких прогнозах? – снова не утерпел Линней, ероша рыжие волосы.

Профессор Тхимсот ответил, придерживая очки:

– Главная трудность фьючермоделирования – проблема хаотичности, нестабильности социологических процессов. Аналогичная сложность существует в атмосферных течениях – их плохая предсказуемость хорошо известна метеорологам.

– Вы хотите сказать, что будущее, как погоду, можно предсказать лишь на несколько дней? – насмешливо спросил принц Дитбит.

Тхимсот осторожно улыбнулся.

– Трудно ругать метеоспециалистов за неверный прогноз – ведь *непреодолимым* препятствием для точного расчёта погоды является принципиальная случайность динамики воздушных масс. Эта стохастичность выражается в неизбежном расщеплении пучка

эволюционных траекторий, разбегание которых характеризуется показателем Ляпунова.

Лектор обратился к аудитории.

– Все знают знаменитого русского математика, создавшего основы науки об устойчивости?

Профессор получил ответный кивок лишь от Хао, но продолжил:

– Чем быстрее расходятся пути грядущего, тем короче срок возможных предсказаний. Но даже в турбулентной атмосфере есть свои инварианты и законы. Поэтому социологи ищут стабильные математические характеристики человеческой цивилизации, которые сделают футурологию точной наукой. Будущее должно предсказываться на срок, в два-три раза превышающий типичные времена исторических изменений. Социолог посмотрел на принца:

– Это может составлять столетия, ваше высочество...

В ответ принц величественно качнул головой.

Сердж-Леопард крикнул из зала:

– А можно предсказать, какой билет мне выпадет на экзамене? И – согласится ли Элиза потанцевать со мной на Рождественском Балу?

В качестве предсказания сердитая Элиза показала Серджу кулак.

Все засмеялись, лектор тоже улыбнулся.

– Для предсказания поведения отдельного человека обычно не хватает нужного количества инвариантов. Социологическое моделирование прогнозирует лишь базисные культурно-экономические тенденции, и даже там оно вероятно, а надёжность его падает со временем. Известен «тройственный закон футурологии», принадлежащий перу древнего мыслителя, доказывавшего предсказуемость будущего.

Лектор махнул рукой, и на настенном экране появилась цитата:

«Чем масштабнее исторический перелом, тем медленнее он наступает, надёжнее предсказывается и сложнее избегается. Добин-Го».

– Добин-Го известен тем, что осмысливал научные проблемы эмоционально-литературными способами...

По знаку лектора на экране возник текст:

ИСТОРИЯ

– История – медленная толстая Гусеница, мохнатая миллионами ног... – изрек почтенный Рукимошвари и шагнул белой пешкой Иту-Ифор.

– История – норовистый Скакун, ждущий верной руки! – возразил

дерзкий Ал-Бу и прыгнул горячим конём над пригнувшимся чёрным строем.

– Одинокие голоса тонут в гуле марширующих миллиардов! – невозмутимо настоял Рукимошвари и безукоризненно вежливо, но сухо, не вставая с ковра, поцеловал правое колено Сонь-И Эйтак, почти случайно залетевшей на осеннюю свечу беседы Идущих Вглубь.

– Только мечтая о короне Ферзя, получаешь шанс стать Пешкой. – Голос Сонь-И Эйтак прозвенел для Ал-Бу оазисным ручьем. – Если метить на место Пешки, то на Шахматную Доску вообще не забраться!

– Будешь стомиллиардным Стоптаным Башмаком Гусеницы-Истории! – обрадованно согласился Ал-Бу и зачем-то взволновался.

– Скакун на развилке дорог и Гусеница на разветке дерева застывают в Пароксизме Выбора, и наступает Миг Нестабильности. Это Время Проходной Пешки! – молвила пылкую речь Сонь-Я Эйтак. – Редкий Бифуркационный Шанс для нежданно-негаданного Героя-Одиночки повернуть и пришпорить старушку Историю...

Вспыхнуло фейерверком молодое Сердце Ал-Бу, и стал он никакой собеседник за Столом Мудрых. Крякнул с досадой прозорливый Рукимошвари и закрыл Шахматную Доску Размышлений.

А прохладное колено Сонь-И было как слононая кость.

Добин-Го, «Социумные сказки», цикл «Каменные снежинки».

III тысячелетие Новой Эры (прибл.)

Пояснения историка-переводчика Ортоскауса-Пятого:

1. Шахматы – древняя стратегическая игра по поиску оптимальных графов на двумерной матрице восьмого порядка.

2. Пришпоривать – варварский обычай втыкать острый металлический предмет в бок животному. При этом животное жалобно кричит и бежит быстрее.

Аудитория оживилась. Социолог снова поправил очки с прячущимися за ними неуловимыми глазами и продолжил:

– Расчётам будущего посвящена книга Уолкера «Битва за историю». Эта знаменитая монография математически описывает историю человечества как результат борьбы множества политических сил и показывает, что в таком мире предсказать будущее очень сложно. Но автор сделал важный вывод...

Тхимсот снова указал на экран, где вспыхнуло:

«Только в неразвитом обществе история дика и своевольна. На определённой стадии цивилизации она может быть эффективно управляемой. Михаэль Уолкер».

Никки посмотрела на Джерри. Он сидел, замерев и неотрывно глядя на экран.

– Доктор Уолкер разработал теорию математических социологических инвариантов – основу прогнозирования переменчивого будущего. Человеческая цивилизация превратилась из технологической в информационную, и специалисты считают футурологию принципиально важной компонентой инфоэкономики.

– Зачем знать будущее? – поёжилась Нинон-Олень. – Не лучше бы не заглядывать *туда*?

Лектор развёл руками:

– Будущее – это и цель, и оружие. Знание вариантов грядущих событий может принести огромную пользу для игроков на мировой арене. Как практически управлять историей? Кто получит эту власть над будущим? К сожалению, мы ещё не открыли социологические уравнения, способные описать эволюцию человечества, хотя множество исследователей и научных групп работают над этой важнейшей проблемой. Кто сможет целенаправленно воздействовать на будущее, тот будет править миром. История сменяет генетику на посту важнейшей из наук.

Линней-Сова потряс поднятой рукой:

– Расскажите, пожалуйста, о списке ключевых технологий. Я читал об этом, но самого списка не нашёл.

– О, вы очень информированы! – удивился Тхимсот. – Да, в прессе появлялись гипотезы о существовании списка бифуркационных технологий. Но самого списка вы и не могли найти – он, если и существует, является одним из самых ценных научных секретов.

Аудитория загудела.

– Я не удивлюсь, если он окажется *самым* ценным секретом в мире, – кивнул профессор. – Это вам не секрет кока-колы. В тайне держится даже имя организации, составившей список.

– Расскажите хоть, почему он так ценен! – не утерпел Сердж-Леопард.

– Список якобы содержит описание нескольких десятков самых важных технологий, которые будут определять лицо современной цивилизации в ближайшем будущем. Список составлен не по субъективному мнению группы экспертов, а по математически корректной модели будущего. Легко представить, насколько важен этот список – ведь

речь идёт не только об определении важнейших технологий среди миллионов опубликованных изобретений и открытий, но и об идеях, высказанных мельком в статьях, и даже о потенциальных, ещё совсем не затронутых технологиях. Для инвесторов и политиков такой список просто бесценен.

– А почему его сумели составить только в одном центре?

– Потому что в науке всегда кто-то один опережает всех, – улыбнулся Тхимсот. – Очевидно, что метод составления списка сложен и требует долгих расчётов на мощных компьютерах... Повторить такой результат очень трудно.

В конце лекции рыжий Линней-Сова снова поднял руку и спросил профессора Тхимсота:

– У меня есть «Битва за историю» Уолкера. Я прочитал в послесловии, что автор работает над следующей книгой – «Будущее как оружие». Но я не нашёл её в библиотеке!

На дне толстых стёкол профессорских очков мелькнул странный отблеск, словно красная лампочка включилась на пульте.

– Совершенно верно, – подтвердил Тхимсот после задумчивой паузы. – В современном мире сложилась двухполюсная система, и борьба идёт между группировками Северных и Южных династий и поддерживающих их государств. Профессор Уолкер работал над книгой «Будущее как оружие», посвящённой математической футурологии в современных условиях немногочисленности политических сил. К сожалению, книга Уолкера не была опубликована, и даже материалов к ней не сохранилось – автор и его труд трагически погибли. Я хорошо знал доктора Уолкера – мы были друзьями и соавторами...

Лекция закончилась, и студенты разошлись, предвкушая близкий ужин.

Джерри сидел неподвижно, смотря в какую-то бесконечно далёкую точку.

– Джерри, – спросила негромко Никки, – Михаэль Уолкер – это твой отец?

Медленный кивок головой.

– А ты не думал, – осторожно сказала девушка, – что смерть твоего отца не была случайной? Слишком острой темой он занимался – социоматематика находится сейчас в центре внимания многих сил... Подумай сам: после гибели твоей мамы отец увёз тебя на Луну и три года никуда не отпускал, а потом – перед самым разрушением обсерватории – отправил к друзьям. Вдруг он почувствовал опасность? Ведь падение

метеорита на обсерваторию – очень маловероятное событие. Это могло быть подстроено...

– Неужели можно целенаправленно сбросить крупный метеорит? – выйдя из оцепенения, взволнованно спросил Джерри. Его глаза широко раскрылись, и он перевёл взгляд из пространства на Никки.

– Робби? – спросила девушка.

– Это возможно, – кратко ответил Робби.

Джерри побледнел.

– У нас нет доказательств! – хрипло сказал он после паузы, справившись с бешеным сердцебиением.

– Если отец предчувствовал неладное, то, отправляя тебя к другу, он мог дать тебе что-нибудь важное, для сохранности... – сказала Никки.

Юноша внезапно вскочил из-за стола:

– Он дал мне медальон с фотографией мамы...

В Совиную башню Джерри ворвался вихрем. Никки бежала следом. Комната юноши была плотно зашторена и погружена в темноту, лишь настольная лампа горела у рабочего экрана.

Джерри бросился к столу и выхватил из ящика золотой овал на искрящейся зелёной цепочке. Руки у юноши так дрожали, что он чуть не уронил маленькую изящную вещицу. Никки попросила:

– Дай мне...

Он нехотя отдал.

Никки всмотрелась в медальон, поднесла к шейному ожерелью, поводила возле его многочисленных сенсоров. Потом открыла овальную крышку.

Очень красивая женщина с пышными каштановыми волосами улыбалась и махала рукой:

– Майк, ты меня слышишь?

Джерри вздрогнул от этого весёлого голоса, как от удара. Никки поспешно закрыла переднюю часть медальона, затем аккуратно отделила его потайную заднюю крышку. К внутренней стороне золотого овала был приклеен прозрачный пакетик с маленьким чипом. Джерри, увидев его, шумно выдохнул и прошептал сдавленным голосом:

– Сюда... – и указал на вводный порт компьютера.

На экране появился очень худой человек с костлявым лицом и коротким седоватым ёжиком волос. Никки сразу догадалась, что это отец Джерри.

– Джерри, сынок... – начал он и запнулся. – Сейчас глубокая ночь, и ты уже давно спишь, а я сижу, разбираю свои дела, и что-то мне... тяжело

на душе. Завтра ты улетаешь, и... у меня есть плохое предчувствие, что мы больше не увидимся. Смешно – учёный, а верю в предчувствия. Возможно, это интуиция...

Человек помолчал.

– На всякий случай я записываю в кристалл мои последние работы и оставляю эту короткую запись... Я должен, наконец, сказать тебе, что мама погибла не случайно... Корпорация «Зороастр» предложила мне контракт – выгодный, но очень неприятный...

Отец Джерри глубоко вздохнул.

– Речь шла о разработке фактически социологического оружия, и я не захотел участвовать в их программе. Увы – я слишком поздно понял, что корпорация «Зороастр» тесно связана с какой-то преступной группой...

Человек на экране говорил медленно, с тяжёлыми паузами.

– После неудачных переговоров ОНИ решили убить меня, чтобы я не отдал свою теорию их противникам. Я уверен – это ОНИ устроили аварию с грузовиком... Но полиция не смогла доказать злой умысел.

Человек с измученным лицом помолчал, собираясь с силами. Никки посмотрела на Джерри и испугалась.

– Я уехал с тобой на Луну... для твоей безопасности и чтобы показать ИМ: я отошёл от дел... Это сработало – на три года, но вот ОНИ снова зашевелились. Поэтому я отправляю тебя к Тиберию и даю мамин медальон со всеми материалами. Наверное, это тебя как-то вовлекает, но я не способен выбросить свою книгу в мусорное ведро. Из-за неё погибла Натали. Я не могу допустить, чтобы убийцы остались торжествующими и безнаказанными... и собираюсь опубликовать книгу... или использовать её как-то по-другому... через несколько лет – как только ты станешь взрослым и самостоятельным.

Человек вздохнул.

– Почему ОНИ снова всполошились? Я этого не понимаю и не знаю – что ОНИ ещё предпримут. Я постараюсь подготовиться, как смогу... Главное – подстраховать тебя и найти безопасное место. Но это так трудно – безопасное место... Я объясню всё детальнее в письме, которое ты найдёшь в спине своего робота, если со мной что-нибудь случится. Чип медальона – дубль на крайний случай. Если ты слушаешь эту запись, значит, меня... уже нет. Тогда – извини, сынок, я оказался плохим отцом для тебя и погубил маму и себя. Значит, ты остался один, и тебе сейчас очень трудно...

Джеррин отец сделал паузу и всмотрелся в экран усталыми голубыми глазами:

– Будь счастлив, пожалуйста.

На этом запись кончилась, а на экране высветились информационные блоки с общим названием «Будущее как оружие».

Никки перевела взгляд на друга и закричала:

– Джерри, Джерри! – и прикусила губу.

Ответа она не дождалась.

– Я сейчас приду, держись! – и Никки выбежала из комнаты. Она спешила в аптеку под биологическим корпусом.

Когда запыхавшаяся Никки вернулась, то ужаснулась, увидев, что произошло за несколько минут её отсутствия.

Вместо улыбчивого высокого Джерри в полумраке сидел снова тот госпитальный сутулый мальчишка – с потухшими тоскливыми глазами, с тенями на впалых щеках. Он мерно покачивался на краешке кровати и тихим монотонным голосом бормотал какие-то страшные цитаты из истории болезни:

– ...вдавленные переломы черепного свода... разрыв диафрагмы и буллезная эмфизема... оскольчатые переломы лопаток...

Никки потрясла его за плечи:

– Джерри, пожалуйста, очнись!

Прошло немало времени, прежде чем Джерри перевёл на неё невидящий взгляд, пропитанный болью, и тихо сказал:

– Она жила ещё два часа, измученная и разбитая... а отец выкарабкался, но стал хромым и всё время болел... Его душа осталась навсегда искалеченной... Он держался только из-за меня... Оказывается, это была не авария... Кто-то так решил... взял и вычеркнул моих родителей... Мы ИХ найдём, и ОНИ будут прокляты...

– Пожалуйста, выпей это. – Никки поднесла ему стаканчик с лекарством, за которым она бегала в медотсек. Джерри послушно проглотил. Через несколько секунд его глаза погасли и медленно закрылись.

Никки долго сидела в темноте и пыталась понять – почему существуют в мире люди, способные считать убийство частью бизнеса? Случайно ли они встретились с Джерри – два одиноких обломка когда-то весёлых и счастливых семей? Может, у них обоих один и тот же враг? Слишком уж похож в обоих случаях почерк и уровень преступников – чтобы сбросить небольшой астероид на лунную обсерваторию в обход автоматических телескопов и лазерных распылителей, нужны немалые усилия. Это даже сложнее, чем сбить одинокий исследовательский корабль, на котором она летела с родителями. А перепрограммирование

кибергрузовика очень похоже на перекодировку зрения робота-ремонтника, напавшего на неё в госпитале.

Девушка гладила волосы заснувшего Джерри и шептала бессмысленное, но всегда успокаивающее:

– Всё будет хорошо...

Только вот её собственную шею то и дело охватывало огненным кольцом фантомной боли.

Джерри проснулся внезапно – как от толчка. Он лежал в кровати, и яркий свет лунного дня заливал комнату. Джерри вспомнил медальон, худое лицо отца и его печальный голос... Юноша закрыл глаза и застонал от боли. И неожиданно услышал:

– С добрым утром, Джерри...

Он резко повернул голову, и брови его изумлённо поднялись: Никки была рядом и смотрела на него блестящими глазами.

– Никки! – ошеломлённо воскликнул Джерри. – Ты... здесь?

– Да, как-то так нечаянно получилось, – дрожащим робким голосом сказала Никки. – Извини... без твоего разрешения... я сейчас же уйду...

Хитрый голос Маугли был полон мнимой вины. Джерри невольно улыбнулся зеркальности прошлого и настоящего:

– Я тебе уйду... – и с огромным облегчением зарылся лицом в хрустальные волосы, прячась от вчерашних свинцовых воспоминаний. Никки, обняв его, стала перебирать каштановые пряди Джерри и напевать странную песенку:

Чей нос? – Саввин!

Куда ходил? – славить!

Что выславил? – копеечку!

Что купил? – пряничек!

Тяжёлый мрак, навалившийся на Джерри, отступил и растаял.

Двоих победить в сто раз сложнее.

Поэтому мрак решил подождать своего часа.

– Я бы сейчас от какого-нибудь пряничка не отказался, – отозвался Джерри, вдруг почувствовав сильный голод.

– Сейчас приготовлю завтрак, мой Лев, – весело сказала Никки и показала на стены вокруг: – Впечатляющая галерея!

Джерри смутился и покраснел. Вливаясь в окно с раздёрнутыми

шторами, день раскрыл его тайну: стены комнаты Джерри были увешаны Никкиными портретами. Здесь были обе фотографии из знаменитого номера журнала «Юный Астроном» с космологической статьей Никки и ещё множество других, которых девушка никогда не видела. В том числе: «Задумчивая Никки», «Смеющаяся Никки», «Летящая Никки», «Никки, спящая на пляже», «Никки со сложенными крыльями», «Никки, дремлющая на лекции», «Никки, почёсывающая затылок», «Улыбающаяся Никки», «Усталая Никки», «Никки с мечом», «Сердитая Никки», «Мечтательная Никки».

Фотографии были сделаны и выбраны мастерски. Каждая из них была – как бы это вернее сказать? – СердцеБиение. А может – СердцеЗамирение.

– Вот почему ты ни разу не приглашал меня в свою комнату! – протянула Никки.

– Никки, – хрипло сказал Джерри, – ты можешь подумать, что это... ну там... любовь или как... но на самом деле – это болезнь. Мне Робби объяснил по-дружески. Это человекозависимость или одержимость. У меня была глубокая депрессия из-за смерти родителей, а ты появилась и спасла меня... заполнила собой пустоту. Теперь ты – краеугольный камень моей жизни и психики. Если ты исчезнешь, то я снова развалюсь на куски, может быть, окончательно... Чем дальше, тем больше зависимость от тебя нарастает. Это ни к чему тебя не обязывает. Просто знай, с кем имеешь дело – с сумасшедшим, который не может жить без тебя.

– Ты был таким сдержанным со мной... я даже решила, что у тебя появилась девушка. Чуть не рехнулась от ревности!

– Одержимость человеком не исключает самопожертвования, даже наоборот.

– Это всё глупости! – решительно мотнула головой Никки. – Не верь Робби, он тот ещё психолог. Мне кажется, ты просто боишься называть вещи своими именами и стеснительно прячешься под этим дурацким диагнозом. Забудь про него!

Никки медленно провела ладонью по щеке Джерри и сказала:

– Я горжусь тем, что вызываю у тебя такое сильное чувство... Это меня окрыляет. Запомни раз и навсегда: ты – мой Лев! Я тебя никогда и никому не отдам. Сейчас я умоюсь и приготовлю завтрак для своего рыцаря.

Девушка-Маугли, совершенно не смущаясь наготы, спрыгнула с кровати и направилась в ванную.

И вдруг остановилась.

– Я – что, действительно, такая красивая? – И она провела рукой

вокруг, показывая на свои многочисленные фотографии.

– Очень. Ослепительно. Умопомрачительно, – сказал Джерри, с восхищением глядя на обнажённую Никки, смело стоящую посреди ярко освещённой комнаты.

– Ты – страшный человек! – погрозила Никки ему пальцем. – Лгун и льстец!

Юноша только улыбался.

Никки вернулась из ванной в великоватом Джеррином халате с подвёрнутыми рукавами и занялась приготовлением кофе и бутербродов.

Джерри долго смотрел на неё, а потом спросил:

– Что со мной было вчера – после папиного письма? Я ничего не помню...

– Прошное дотянулось до тебя... – негромко сказала Никки. – Поэтому я дала тебе снотворное и решила далеко не уходить. Сейчас всё в порядке. Мы потом обсудим хорошенько – что сказал твой отец... А сейчас – марш в ванную и садись завтракать.

Они сидели за маленьким кофейным столиком – рядышком, соприкасаясь локтями и коленями, заботливо намазывая друг другу бутерброды и пододвигая дымящиеся чашки.

– Ты понимаешь, что это означает? – спросила загадочно Никки, всё ещё одетая в Джеррин халат. – Когда мы спим в одной постели, я писаю в твоём туалете, а потом мы завтракаем вместе?

– Нет! – фыркнул от смеха Джерри.

– Мы – семья! – торжественно сказала Никки.

Джерри улыбнулся.

– Обычные семьи практикуют секс!

– Развратник! – хмыкнула Никки. – На одном сексе семью не построить!

– А тогда – что же такое семья? – спросил Джерри.

Астровитянка задумалась.

– Семья – это близкий человек, который есть спасение и обуза жизни. История показывает, что обычно ты – моё спасение, а я – твоя обуза. Если бы ты только знал, как я чертовски рада, что у меня есть, наконец, настоящая семья! Всю жизнь мечтала быть обузой – и всё никак не получалось...

Никки с аппетитом ела, а Джерри молча смотрел на её беззаботное лицо, на тонкие пальцы, успевающие крепко держать бутерброд и вкусно облизываться об язык.

Сам юноша не мог есть и даже с трудом дышал.

Его порастил жестокий приступ нежности.

Глава 3

Гонки роботов

Понедельник всегда тяжёл и хмур на подъём, и даже вкусный завтрак из апельсинового сока и жареного бекона с яичницей не сразу рассеивает вялую утреннюю атмосферу первого рабочего дня.

Но это утро было особенным.

– Какая наглость! – примерно так высказывались студенты Колледжа, входя в кафе.

Даже преподаватели долго не садились за свой стол, а стояли, уставившись на экранную стену.

Там светилось нахальное:

«Второй курс Школы Коперника вызывает второкурсников Колледжа Эйнштейна на состязания по конструированию шагающих роботов и сборке геномов.

Численность команды по каждому предмету – десять человек.

Время и условия – на усмотрение Колледжа».

– Они сошли с ума? – надменно удивились эйнштейнианцы. – Да мы их в бараний рог транспонируем!

Вокруг директора Милича толпились преподаватели.

За столами еде уделялось гораздо меньше внимания, чем обычно.

– Что думаешь про вызов коперниканцев, Джерри? – спросила Дзинтара. – Ты у нас эксперт по роботам и, наверное, войдёшь в сборную Колледжа.

– Трудно сказать, – пожал плечами Джерри. – В Колледже уровень роботологии довольно высок, но на Лунных соревнованиях школьных роботов я видел конструкции, превосходящие местные. Насчёт биологии – лучше у Никки спросить.

– Всегда и обо всём лучше спрашивать Робби, – уверенно сказала Никки.

– Вы проиграете по обеим позициям, – коротко сказал баритон из ожерелья. – С вероятностью две сигмы.

– Почему? – хором удивились четверо друзей.

– Потому что я знаю уровни коперниканцев и эйнштейнианцев, – безапелляционно заявил Робби. – С чего вы взяли, что затраченные

миллионы гарантируют высокий уровень образования? Школа Коперника расположена не в замке, а в городе, она не столь комфортабельна и престижна, поэтому в двадцать раз дешевле вашей. Зато в Школу Коперника поступают очень умные подростки, у которых нет денег на Колледж Эйнштейна. И учатся они, не в пример вам, старательнее.

– Мы что – плохо работаем?! – так возмутилась Дзинтара, что даже её кибердог Шарик поднял голову и с укоризной посмотрел на Робби.

– Я говорю не о присутствующих, а о среднем показателе по Колледжу. Студент-коперниканец тратит на самостоятельные занятия более двадцати часов в неделю, а эйнштейнианец – едва пятнадцать. Проиграете как пить дать!

Сидящие за столом озабоченно переглянулись.

Но когда тут готовиться к состязанию? На носу – годовые экзамены, которые в Колледже проводились в сентябре, а не в обычном мае-июне, когда переутомление студентов превосходило все нормы.

У второкурсников осенних экзаменов было целых три: кибернетический, физико-математический и биологический. Не до соревнований.

Но на следующий день профессор Майсофт сообщила потрясающую новость:

– Я договорилась с физиками, и вместо двух экзаменов – по естественным наукам и кибернетике – у вас будет один – по робототехнике. По теории оба факультета выставят вам оценки по итогам вашей работы за первый курс, а свои практические знания в кибернетике, электронике и механике вы продемонстрируете, собрав многоногого робота и испытав его на полосе препятствий.

– Мне это нравится! – с восторгом сказал Джерри, и его энтузиазм поддержали многие студенты, но по ряду унылых физиономий было понятно, что не всех прельстила перспектива стать киберконструкторами.

Профессор отметила:

– Испытания ваших роботов и станут состязанием, на которое нас вызвала Школа Коперника. Их сборная будет собирать роботов здесь и на тех же условиях, что и вы. Их результаты мы сравним с десятью лучшими результатами наших студентов.

Студенты оживлённо обсуждали предстоящее состязание.

– Не уверен, что сборная коперниканцев поставлена в те же условия! – возразил честный Хао. – Они привезут всего десять человек, а мы будем выбирать десять лучших из ста прямо на состязаниях.

– Ты – за нас или за них? – возмутился Борм-Сова.

– Я – за нас и за справедливость, – сказал Хао.

Состязание по шагающим роботам началось в девять утра в гулком высоком зале кибернетического корпуса, где стояли монтажные столы, стеллажи с киберблоками и станки для изготовления деталей. Вдоль стены шла испытательная трасса для роботов.

Официальных экзаменаторов было трое – профессор Майсофт от факультета кибернетики, профессор Дермюррей от физико-математического факультета и молчаливый профессор Цортимд из Школы Коперника.

Десять приезжих студентов, одетых в сиреневые футболки с окольцованным Сатурном – фирменным знаком Школы Коперника, – стояли в стороне и с любопытством озирались по сторонам.

Дермюррей всегда был строг и хмур со школьниками. И сегодня, как председатель экзаменационной комиссии, он одарил всех кислой миной:

– Высказывались мнения не вводить определённых правил для оценок ваших шагающих... гм... ковыляющих уродов, но я на такие... э-э... безответственные идеи не согласился. Я разработал строгие критерии оценки ваших творений... кхм... тварей. Очевидно: чем больше ног у робота, тем сложнее ими управлять... гм... Ноги имеют тенденцию заплетаться друг за друга. Поэтому за каждую конечность, которую ваш робот будет успешно использовать для движения, вы получите по пять очков. Просто и гениально, как и всё, что я... кхм... Комиссия согласилась с моим мнением, всё равно никто лучше не... гм... Правила начисления баллов за проход трассы объяснит Майсофт... кхе... профессор.

Полоса препятствий для киберов была широко известна в Колледже Эйнштейна как «Дорога плача». Простая и гладкая как стол первая часть трассы переходила во вторую, имитирующую холмистую пустыню из рыхлого песка. Твёрдая третья зона была усеяна гравием – от горошины до грецкого ореха. В четвёртой зоне размер камней быстро рос, пока перед испуганными органами зрения бедного робота с вконец расстроенным чувством равновесия не возникал каменный хаос из угловатых камней арбузного калибра.

О, сколько киберголов было сложено на этих коварных скалах!

Каменный хаос заканчивался полуметровым обрывом в мелкий бассейн.

До водной пятой зоны ещё ни один школьный робот не добирался, поэтому в ней спокойно обитали цветные рыбки и голосистые серые лягушки, веселящие студентов переливчатыми трелями. Другой берег

бассейна переходил в зону шесть: чавкающую мягкую грязь вперемежку с засасывающей болотистой тиной. Из этого жабьего пляжа вырастали каменные ступеньки последней урбанизированной зоны – номер семь. Они вышагивали на ровную площадку из бетона с округлым цветным гравием, которая заканчивалась кирпичной стенкой двухфутовой высоты.

– Первый этап полигона оценивается в сто баллов, – обратилась профессор Майсофт к экзаменуемым. – Любой из последующих этапов принесёт на сотню очков больше, чем предыдущий, если на каждый участок трассы затрачивается не более двух минут. Вы получаете удовлетворительную оценку, если наберёте сто баллов, хорошую – если двести. Триста очков – отличная оценка.

Профессор успокаивающе улыбнулась озабоченным студентам:

– Никаких требований к интеллекту вашего робота мы не предъявляем, вы можете сделать и многоногую платформу с дистанционным контролем, но предупреждаю – запутаться в ручном управлении робосуставами очень легко. Когда закончите сборку, накройте свою конструкцию чехлом. Испытания начнутся на следующий день. Всё ясно?

Кудрявый юноша-Дракон спросил:

– А одноногого робота можно сделать?

Комиссия посовещалась, и Дермюррей презрительно сказал:

– Можно!

– Что понимается под термином «нога»? – задала вопрос Никки.

– Нога – это часть робота, которая двигает его тело, квази-периодически отталкиваясь от земли! – отчеканил профессор Дермюррей, хотя робототехника не являлась его специальностью. Впрочем, универсальность его гения была общеизвестна.

– То есть – суставы в ноге не обязательны? – уточнила девушка.

– Ну, если вы сделаете ноги, не гнущиеся в суставах, то мы все с удовольствием посмотрим – как далеко ваш робот-инвалид на них уйдёт! – саркастически засмеялся Дермюррей – и распустил нетерпеливо мнущихся учеников.

Те ринулись к стеллажам – в надежде побыстрее найти нужные части для будущих кибероходов... гм... шагороботов... кхм... ноготварей... э-э... лапотопов... тьфу...

Никки же осталась у трассы и внимательно её рассмотрела.

На стеллажах гроздьями висели студенты, лихорадочно ищущие лучшие механические ноги и электронные головы. Из спешно набиваемых карманов торчали железные пятки и пластиковые копыта, из переполненных рук со стуком высыпались разнообразные киберпотроха.

Круглые электронные глаза, обиженно таращась, катились по полу дальше всех.

Задумчивая Никки, посидев у бассейна с мелодично квакающими жабками, отправилась не к стеллажам, а к станкам.

Наконец она подошла к своему столу.

– Никки, где ты бродишь? – оживлённо окликнул её Джерри. – Решила, что будешь делать?

Перед Джерри громоздилась куча моторчиков, сенсоров, шарнирных суставов и процессорных кубиков. Никки утвердительно кивнула и положила на стол длинную упаковочную коробку из прочного пластика, найденную возле станков.

Девушка принялась что-то сосредоточенно чертить на бумаге и даже писать формулы. Она отрывалась от этого занятия только для того, чтобы гнуть проволочки, извлечённые из кучи обрезков, и внимательно их разглядывать. Джерри смотрел, смотрел на Никки, вздохнул, уже открыл рот... – и в последний момент решил не лезть к ней с советами.

Кругом кипела работа. Причудливые киберустройства росли как грибы – от конструкции, похожей на одноногую лягушку, которая, по замыслу её создателя, должна была одним скачком перепрыгнуть первую зону трассы и доставить автору желанную удовлетворительную оценку, до сложных восьминогих робопавуков, настороженно поблёскивающих фасеточными глазами и жужжащих мини-моторчиками в многочисленных коленках. Роботов с большим количеством ног школьники предпочитали не делать – слишком много возни с согласованием работы моторов.

Самым популярным вариантом стали шестиногие роботы-насекомые. Такого робота собирал и Джерри. Нинон-Олень сказала шёпотом соседке Илайзе-Сове:

– А я хочу собрать робота на четырёх ногах, чтобы был похож на оленя.

Илайза солидно ответила:

– Опрометчиво! Равновесие оленя – более сложная задача, чем стабильность насекомого. Шестиног, поднимая и переноса три ноги, может устойчиво стоять на трёх оставшихся – лишь бы центр тяжести не вылезал за треугольник опорных ног. А оленю всё время приходится следить за динамическим балансом силы тяжести и реакций ног. Да ещё выбирать место, куда шагнуть, оленю приходится внимательнее. Недаром мозг четвероногих животных превосходит по мощности мозг насекомых, а для эффективной ходьбы на двух ногах желателен человеческий интеллект.

– А как же птицы? – удивилась Нинон. – Они ходят на двух ногах, а

мозг у них маленький.

– Ну и пусть маленький, – обиделась Илайза-Сова. – Птицы, знаешь, какие умные?!

Часовой перерыв на еду студенты сократили до минимума – и снова бросились к недоделанным роботам. Только Никки засиделась за обеденным столом, хмурясь и чертя вилкой по соли, рассыпанной по столешнице. Девушка машинально напевала загадочное:

– Арбузелло, арбузелло... до чего ты оборзелло...

Немудрено, что её робот оказался последним, сданным профессору Майсофт лишь тогда, когда уже раздался сигнал окончания экзамена, а Джерри, с тревогой посматривавший на Никки, созрел для предложения нелегальной помощи.

Зал с длинным рядом зачехлённых роботов заперли до утра, а усталые студенты отправились отдыхать. Или нервничать – у кого что лучше будет получаться.

Поздно вечером в дверь Никки постучали.

– Заходите! – крикнула девушка.

– Это я, – тихо сказал появившийся Джерри. Он был бледен и держал в руках сложенный лист бумаги.

– Что случилось? – По лицу юноши Никки сразу поняла, что произошло нечто экстраординарное.

– Нашёл в файлах отца... – Джерри протянул лист.

Девушка взяла бумагу, всмотрелась. Список имён – мелким шрифтом в три колонки. Больше ничего – ни номеров, ни комментариев. Глаза Никки скользнули по фамилиям – лишь некоторые были смутно знакомы, и только имя Джерриного отца в самом начале первой колонки бросилось в глаза.

– Что за список? Что объединяет этих людей? – спросила Никки.

– Я не знаю... – Голос Джерри прервался от волнения.

– Робби?

– Я тоже не знаю, – ответил кибер. – Здесь восемьдесят восемь имён. Часть мне знакома – несколько политиков и королей... вижу актёра и журналиста... перечислено немало известных учёных, включая Джерриного отца, но примерно половина списка – совсем не знакомые мне люди.

– Но не зря же отец держал этот список среди самых важных файлов! – воскликнул Джерри.

Робби помолчал и вдруг добавил:

– Тораг – это учёный-геолог. Он был сотрудником МарсоИнститута.

Никки ахнула:

– МарсоИнститут! Там работали и мои родители!

– Почему – «был»? – спросил Джерри. – Тораг уволился?

Робби лаконично пояснил:

– Он погиб. Не вернулся из пояса астероидов двенадцать лет назад.

Никки и Джерри посмотрели друг на друга. Бумага со списком имён зловеще осветилась.

– Без скороспелых идей, пожалуйста, – предостерёг Робби. – Все политики и известные люди из списка живы и здоровы.

Джерри упрямо мотнул головой, не отрывая от Никки лихорадочно блестящих глаз:

– Этот список имён полон тайного смысла. В нём кроется разгадка смерти наших родителей.

На следующий день огромная толпа зрителей собралась вокруг трассы.

Пропустить такое зрелище, как пробег сотни свеженьких роботов по «Дороге плача»? Ха, да ни за что!

Возле полигона выстроились экзаменуемые студенты, бледные от волнения, напротив столпились остальные школьники Колледжа. Пришлось даже установить трибуны из-за наплыва зрителей. В первом ряду переживали за свои команды преподаватели из Школы Коперника и профессора Колледжа с директором Миличем. В центре зала стоял стол, где во главе судейской комиссии восседал профессор Дермюррей. Студенты-коперниканцы смотрели состязание по тиви-каналу из Луна-Сити.

Профессор Майсофт объявила начало гонок роботов.

Первой стартовала наскоро сляпанная робочерепаха Гейлорда-Дракона. Панцирная кибертварь скорее ползла, чем шла. На середине гладкой трассы у черепахи отказали задние ноги. Загребая передними конечностями и волоча задние, пресмыкающийся робот всё-таки дополз раненым бойцом до песка, где сразу же и завяз.

Черепаха, беспомощно скребущая лапами, вызвала хохот собравшихся. Капля масла вытекла из печального глаза тортилы.

– Мальчики, да пристрелите же её! – раздался сочувствующий девичий голос. – Мучается ведь!

Хотя электронная анапсида не уложилась в две минуты, экзаменаторы снисходительно поставили Дракону удовлетворительно.

Под следующим чехлом оказался крупный шестиногий таракан, созданный девочкой из Школы Коперника. Робот радовал глаз весёленьким

– голубым с жёлтыми ромашками – окрасом.

На первом участке трассы таракан, блестя инфракрасными лидарными сенсорами, показал превосходный результат. Песок тоже оказался легко преодолимой зоной для тараканьих лап, похожих на колючие весла. Но на каменистой тропе цветной шестиног заметался из стороны в сторону – под оглушительный свист школьников. Камешки не выглядели серьёзным препятствием для него, но управляющая программа переоценивала их опасность и посылала роботатаракану непрерывные команды искать обход.

Зрители дали беговому насекомому немало ценных советов, но ничего не помогло – помыкавшись отведённые минуты, многоногий робот был снят с дистанции, успев заработать своей создательнице триста тридцать очков.

Соревнования проходили очень оживлённо. Роботы шли, ползли, прыгали, путались в своих ногах, оседали на бок, падали лицом или рылом в камни, переворачивались на спину, зарывались головой в песок и даже убегали с трассы в толпу зрителей. В зале царило радостное веселье – что может быть приятнее зрелища робота соседа, севшего в калошу? – которое разделяли даже те неудачники, чьи роботы вообще отказались двигаться, отчего горе-конструкторам отчётливо светила переэкзаменовка.

Одноногая лягушка кудрявого Дракона, похожая на взбесившуюся мышеловку, прыгнула очень удачно – приземлилась прямо на стол экзаменаторов! – чем до крайности рассердила профессора Дермюррея и принесла автору если не хорошую оценку, то славу среди студентов и одобрительные шлепки по спине.

Немало ног было оторвано в ходе испытаний.

Редкие роботы дошли до четвёртой зоны – «костоломки», где их ноги неизбежно застревали между камнями под агоническое жуж-жание перегруж-женных мотор-рчиков.

Стати ногастых киберотварей оживлённо обсуждались в публике.

– Приволакивает задние! Использовал динамическую схему равновесия, а скорость недобирает!

– На передние тоже припадает! Надо было гироскоп для стабильности добавить.

После обеда испытания продолжились. На настенном экране светились только четыре результата сборной коперниканцев, поэтому сравнивать командные результаты было рано. Но лучший результат дня принадлежал коперниканцу Джеймсу Микулу, чья крупная кибергусеница сумела добраться до середины каменного хаоса.

Принц Дитбит собрал довольно высокую конструкцию на двух

огромных ступнях – аналог бипедальных боевых рыцарей. Под бурные крики поклонников хомоподобный робот принца вышел на трассу. Двуногая конструкция неприятно напомнила Никки бронированного ремонтника из Лунного госпиталя. Судя по всему, бипед был совершенно безмозгл, и Дитбит собирался манипулировать им с помощью двух сенсорных перчаток.

Принц в совершенстве владел дистанционным контролем, и робот легко преодолел первую зону трассы. Песок оказался более сложной задачей, но двуног с широкими ступнями справился и с пустыней. Наступив же на округлые камешки следующего участка, высокий бипед поскользнулся и грохнулся на спину под сочувственные стоны Дитбитовских подпевал.

– Принц! Принц! – заскандировала группа вельмож. – Южные, вперёд!

Неужели принц сдастся? Нет – робот согнул спину, потом подтянул ноги и ухитрился встать. Дитбит работал сенсорными перчатками так, что пот выступил на лице. Робот не повторил прежней ошибки – наступать на катящиеся камушки – и пошёл дальше, волоча ноги по полу и распиная крупный гравий. Вот безмозглый двуног наступил на первый большой камень, потом перенёс ногу на следующий... опасно закачался под оханье окружающих, но всё-таки устоял.

Рубашка Дитбита стала мокрой на груди. Несколько судорожных шагов и балансировок – и его робот с грохотом падает свирепой мордой вперёд, заклинивая её среди острых обломков скалы. Энергичные движения перчаток Дитбита не помогли, и сразу двое приятелей принца помчались вызволять застрявшего робота. Один из подхалимов успел раньше другого и с гордостью оттащил двунога могущественному другу. Дитбит получил отличную оценку.

Повеселил публику пружиного Хао. Его кибер был похож на ёжика, из которого вместо иголок торчало штук двадцать ног-пружин – каждая с тросиком внутри. Процессор робота оценивал, какие ноги нужно напрячь, чтобы двигаться в нужном направлении. Моторчик сматывал тросик, пружина сжималась, потом – прыг! – робот делал скачок на метр вперёд.

Остроумная конструкция отлично проскакала гладкую местность, потом медленнее, но преодолела пустыню. На слое гравия роботу стало труднее рассчитывать траекторию прыжка. Но всё-таки псевдоёжик достиг каменного хаоса, где сразу застрял между двух валунов. Хао получил «отлично».

Директор Милич всё чаще с тревогой оглядывался на экран – там светилось уже шесть результатов коперниканцев, и общее количество

набранных ими баллов лишь на десяток очков отставало от шести лучших результатов эйнштейнианцев.

Робот Дзинтары поразил всех ещё больше, чем пружинный ёжик. Хитрая принцесса собрала многоногого робота из колёсного автомобильчика, который ехал внутри прозрачного шара. На внешней поверхности пластикового пузыря во все стороны торчали десятки приклеенных лучей-шипов. Чтобы не оставалось сомнений, что это ноги, ироничная Дзинтара обула каждый шип в маленький башмак с пряжками.

– Кукольная обувь из осенней коллекции Микаси! – вполголоса пояснила принцесса хихикающим подружкам.

Шар катился, вернее, переступал по трассе ногами-шипами под напором тяжёлой колёсной машинки внутри. Робот быстро миновал гладкий участок и углубился в пустыню. В конце песчаного этапа высилась высокая дюна, где застряли немало славных роботов. Жужжа автомобильчиком, который трудился в шаре, как белка в колесе, кибер Дзинтары забрался и на эту дюну, но спустился по её обратной стороне уже кубарем. Автомобильчик беспомощно болтался внутри, а когда пузырь остановился, машинка оказалась в фатальной позе вверх колёсами. Шароход принёс Дзинтаре «отлично».

Дермюррей многое хотел сказать язвительного о ногах-шипах робота Дзинтары, но те никак не противоречили его собственному определению ног, и ему пришлось заткнуться и не ссориться с принцессами по пустякам. Особенно его злили кукольные башмачки – будто этот дешёвый трюк делает дурацкие отростки больше ногами, чем они есть на самом деле!

Дошла очередь до Джерриного робота. Профессор Майсофт сняла чехол и открыла робота, похожего на длинноногого паука «коси-коси-ножка», только не на восьми, а на шести чёрных ногах, с округлым маленьким тельцем и глазками россыпью. Джерри выбрал смешанный стиль управления: робот сам управлял походкой, а конструктор выбирал для него безопасную дорогу.

Кибернасекомое грациозно прошагало первый участок трассы, потом уверенно углубилось в пустыню, обходя опасные дюны. На мелких камнях робот оступался, но достиг каменного хаоса. Джерри направил шестиного в долину между двумя скалами. Робот аккуратно выбирал точки опоры на камнях, пробовал надёжность контакта, переносил тяжесть на передние ноги и продвигался вперёд с впечатляющей для трудного места скоростью.

Зрители, не дыша, следили за плавными движениями робота. Ещё чуть-чуть – и он пройдёт труднейший четвёртый этап, который стал зловещей легендой среди школьников Колледжа. Раздался звонок,

означающий, что робот Джерри не уложился в две минуты, но никто не обратил на это внимания. И вот, наконец, последнее движение – и Джеррин насекомый робот плюхается со скалы в воду и тонет, переворачиваясь на спину. Исторический рекорд трассы!

Громкий вопль потряс зал факультета кибернетики. Студенты окружили Джерри и выражали своё восхищение, хлопая его по плечам и дёргая за волосы и длинный нос. Дермюррей призвал всех к порядку и с кислой миной объявил отличную оценку для Джерри.

Киберсобака последнего из десяти коперниканцев выбежала на трассу, быстро допрыгала до груды камней и, завизжав, споткнулась о первый же крупный булыжник. Под громкий гонг результаты приезжих студентов, наконец, отсуммировались и высветились против десяти лучших результатов студентов Колледжа.

В зале раздался громкий вой и возмущённый свист присутствующих эйнштейнианцев: Колледж проигрывал Школе Коперника! Джеррин результат был рекордом дня, но по сумме десяти лучших результатов Колледж отстал – как и предсказывал Робби.

Поразительный факт заставил преподавателей озабоченно зашептаться с директором Миличем, а журналисты, сидящие в первом ряду, стали диктовать срочные сообщения на центральные телеканалы:

- Сенсационный результат соревнования двух школ!
- Студенты знаменитого Колледжа вовсе не супермены на фоне студентов Школы Коперника!
- А не слишком ли раздут авторитет Школы Эйнштейна? Она по-прежнему – самая элитная, но превосходство её студентов в науках поставлено под сомнение школьниками-коперниканцами.

День клонился к вечеру, гонки роботов заканчивались. Сборная коперниканцев продолжала уверенно лидировать.

Вчера Никки дольше всех провозилась с постройкой робота, поэтому и на старт её вызвали в самом конце. Публика с интересом наблюдала, как девушка снимает чехол со своего творения. Но вид её робота вызвал гул недоумения. Простое и длинное – почти метровое – тело робота, состоящее из обычной пластиковой коробки, обрамляли с каждого бока два ряда проволочных ножек – тонких, длинных и причудливо изогнутых.

– Сколько ног у вашего робота, мисс Гринвич? – От стола экзаменаторов раздался голос профессора Дермюррея, ведущего тщательный поножный учет школьных роботов.

– Семьдесят четыре, профессор! – бодро отрапортовала Никки под удивлённый шум публики.

– Опять какие-то шуточки... – прошипел профессор и подошёл к месту старта, где вокруг робота Никки толпились любопытные. Теперь уже и профессор вытаращил глаза на удивительную конструкцию многоножки, ошестившуюся десятками ножек в каждую сторону.

– Сколько же моторов вы использовали в вашей... конструкции? – спросил ошарашенно профессор.

– Три! – снова отрапортовала Никки.

– Ничего не понимаю... Вы что-нибудь видите в этом бреде? – обратился Дермюррей к профессору Майсофт. Та заинтригованно пожала плечами, разглядывая тонкие ножки робота. По тридцать семь проволочек торчало из боков робота – как оси многоколесной машины; они были расположены в одну линию, и каждая квази-ось заканчивалась не колесом, а делала зигзаг – изгибалась под углом градусов сорок, а потом снова поворачивалась в горизонтальном направлении. В целом получалась своеобразная нога. Но на ней не было суставов!

Джерри присел и с любопытством рассмотрел Никкиного робота сбоку. Зигзаг левой передней ноги был поднят и указывал бы на двенадцать часов, если его спроецировать на циферблат часов. Следующая в линии нога показывала на один час. Фаза каждой последующей изогнутой ножки опережала предыдущую на один час. Первая дюжина ног охватывала целый оборот часовой стрелки. В сумме тридцать семь ног делали три оборота, образуя по три волны с каждой стороны корпуса. Верхняя часть волн была плавная, а нижняя часть, которая упиралась в пол, представляла собой острый гребень.

«Если эти ножки будут вращаться независимо, то они заденут друг друга, им слишком тесно...» – удивился юноша.

– Давайте дадим автору возможность продемонстрировать его изобретение в деле, – нарушил молчание профессор Цортимд из Школы Коперника.

Никки нажала кнопку на ручном пульте, и все ахнули: щучье тело робота быстро двинулось вперёд, а волны, образованные горизонтальными частями ножек, продолжали стоять на месте... Нет, робот вовсе не стал безногим: волна тонких ножек росла рядом с движущейся головой и убывала рядом с его хвостом, оставаясь в неподвижности возле остальной части робота. Это было завораживающее зрелище – длинное тело, плавно скользящее на застывших, но, тем не менее, ухитряющихся не отстать от робота волнах из множества ножек. Ноги робота быстро и согласованно вращались вокруг осей, не сталкиваясь друг с другом благодаря одинаковой скорости и выбранной форме.

Стало понятно, почему на плоской спине робота красным фломастером было написано «Сёрфер». Робот действительно скользил по волнам! Сёрфер без малейших проблем промчался по гладкому участку трассы, с разбега влетел в «пустыню» и легко преодолел все холмы, взметая ножками фонтанчики песка и сбивая острой мордой верхушки дюн. Как волны его ног могли буксовать, если они не двигались относительно земли?

Леопарды ликовали и скандировали:

– Сёрфер! Давай!

Жюльен-Сова тихо спросил Джерри:

– Я не понимаю: почему робот бежит, а волна его ног – неподвижна? Я знаю, что даже быстро катящееся колесо имеет одну неподвижную точку – точку соприкосновения с землёй. Но как Никки сумела растянуть эту покоящуюся точку в неподвижную траекторию?

Джерри сказал, не отрывая глаз от Сёрфера:

– Любая точка катящегося колеса описывает циклоиду – линию, неподвижную в системе отсчета земли. Никки сумела заставить ноги «Сёрфера» двигаться друг за другом по аналогичной стоячей волне.

– Всё равно не понял, – признался Жюльен.

– Представь, что Никки взяла шестиколёсный автомобиль, потом разрешила каждое колесо на дюжину сегментов. Потом растянула автомобиль, размножив оси и заставив каждый сегмент по-прежнему вращаться. Эти сегменты будут очень похожи на ноги, но робот по-прежнему будет катиться на них, как на колёсах. Ещё она придала ногам такую форму, что они могут вращаться близко друг к другу, не сталкиваясь.

Жюльен восхищённо покачал головой:

– Как эта Маугли додумывается до таких невозможных вещей?

– Она просто не знает, что они невозможны.

С шорохом ссыпавшись с последней дюны на каменистый участок, Сёрфер, не снижая скорости, устремился вперёд, выращивая вокруг себя неподвижные волны движущихся ног. Лишь немногие провололочные ножки опирались на камни, а большинство висело в воздухе, но многоногий робот из-за этого не нервничал. В конце гравийного участка Сёрфер налетел корпусом на крупный гольш, и вся передняя часть его зависла в воздухе. Но задние лапки продолжали упираться в землю и толкать тело вперёд, и робот переехал препятствие.

И вот перед Сёрфером выросла гряда крупных обломков. Робот, проскочивший три этапа за считанные секунды, резко сбавил ход и вплотную подошёл к первому камню. Тут выяснилось, что передние лапки

оказались снабжены мелкими коготками: они сразу зацепились за пористый булыжник; несколько секунд карабканья – и коробчатое тело втянулось поверх скал.

Оказалось, что для длинного робота путешествие даже по крупным камням не проблема – он провисал мостом между большими обломками и уверенно двигался вперёд, всегда находя опору хотя бы для нескольких из многочисленных ног.

А-ах! – на середине каменного хаоса тело Сёрфера соскользнуло вбок с наклонной гладкой скалы, и его срединная нога накрепко засела в узкой трещине. Робот резко остановился.

По публике пронёсся вздох разочарования. Никки что-то переключила на пульте, и из Сёрфера раздалось басовитое верещание перегруженного мотора.

– Ему всё равно не сдвинуть камень... – грустно сказал Хао, стоящий рядом с Джерри.

Раздался резкий хруст, и все увидели, что застрявшая нога, сделанная из твёрдой, но достаточно хрупкой пластопровода, обломалась у основания, а Сёрфер освободился и снова устремился вперёд. Вопль восторга потряс зал. Подумаешь – всего одна нога из семидесяти четырёх! До конца участка Сёрфер потерял ещё пару задних конечностей с другой стороны корпуса, но это его совершенно не смутило: он живо подкатился к обрыву и с плеском рухнул в бассейн, пугая лягушек.

Второй раз за день знаменитая «костоломка» была пройдена! Рёв болельщиков взвился до потолка и потряс стены. Цветные рыбки озабоченно собрались в углу бассейна и стали обсуждать возможность срочного переезда или переплыва.

В воде робот тоже не растерялся. Волны его ног могли опираться даже на воду, и Сёрфер бодро поплыл вперёд. Увы, Никки не успела сделать корпус робота герметичным – он быстро набирал воду и замедлял скорость. Не доплыв до топкого берега, Сёрфер испустил последние пузырьки и утонул вниз носом, вызвав сочувствие зрителей и злобный хохот Драконов – друзей Дитбита. Те радовались больше соперников из Школы Коперника.

Робот стукнулся носом о дно и опрокинулся на спину. Но Никки не стала вытаскивать робота из воды, а снова включила моторы, изменив направление вращения. И все увидели, что робот может передвигаться и «на спине». Но сейчас он опирался в дно плавными частями волн из проволочных ножек, а острые гребни, которые были раньше неподвижны, быстро бежали вперёд, обгоняя самого робота. Сёрфер двинулся к берегу, забирая заметно вправо. Никки отключила мотор левой стороны. Двигая

только правыми ногами, Сёрфер выправил курс. Под свист и одобрительные крики школьников робот выбрался на тинистый берег и замер, дожидаясь, пока из него вытечет набравшаяся вода. После чего бодро двинулся вперёд по болотной грязи, в самых топких местах ложась на трясину плоским брюхом, которое было раньше спиной.

Оставив позади болото, чумазый Сёрфер подошёл к каменным ступенькам седьмого, городского этапа. Зацепившись за первую ступень передними лапками, он вытянулся вдоль лестницы во всю длину тела и, опираясь только на края ступеней, выбрался на площадку. Спасаясь от грязного робота, с высокой стенки с визгом бросились зрители – девчонки из Ордена Оленей. Сёрфер подкатил на волнах проволочных ног к кирпичному барьеру, который во много раз превосходил его собственный низенький рост, и задумчиво остановился.

– Он хочет и сюда залезть? Обнаглел... У него нет шансов, – скептически заявил кто-то из Драконов.

Как бы в ответ на это замечание Сёрфер тонко зажужжал и сломался посередине. Его длинное тело оказалось двухсегментным – с шарниром в центре. Вот для чего Никки нужен был третий мотор! Под одобрительные крики зрителей передняя часть робота полезла на стенку, цепляясь за неё лапами с коготками. Вторая половина Сёрфера оставалась на земле и двигалась вперёд, подпирая наклонную переднюю часть и помогая ей карабкаться наверх. Наконец лапки робота прочно зацепились за верхний край стены. Робот принялся выпрямлять вогнутую, сломанную под прямым углом спину, потом выгибать её горбом, продвигая переднюю часть корпуса на стену.

Вот он стал похож на утомлённого пловца, который выбрался на желанный берег телом выше пояса, а ноги его ещё остаются в воде. Но уже было ясно, что у робота всё получится. В конце концов Сёрфер затянул на стенку и свой хвост.

Овации сотрясли зал.

Победа! – Робот Никки за пять минут преодолел все семь этапов легендарной и непроходимой кибертрассы!

И сборная Колледжа победила – благодаря Никки-Леопарду!

Леопарды и другие студенты подбежали к Никки и стали качать её на руках, подбрасывая высоко вверх. Девушка так взлетала на волнах восторга болельщиков, что, не вмешайся профессор Майсофт, она могла бы стукнуться о потолок. Дермюррей вместе с Драконами-аристократами не радовался победе своей команды, а мрачно подсчитывал Никкины очки с помощью древнего калькулятора:

– За проход трассы – 2800 очков... за 74 ноги – ещё 370 очков... Ноги называются – ни одного колена... Ага!.. три ноги отломалось – значит, минус 15 очков...

В толпе студенты хихикали над подсчётами мелочного профессора.

– Общий итог – 3155 очков... гм... Оценка... э-э... «отлично»... кхм-кхм!

Зато очень были рады другие преподаватели и сам директор Милич. Он горячо поздравил и команду Колледжа, и Никки.

Проигравшая сборная Школы Коперника обступила своих преподавателей, но те только сокрушённо пожимали плечами.

– Ты хоть понимаешь, что сделала? – спросил Джерри девушку на следующий день за завтраком. Они сидели за столом одни, Хао с Дзинтарой ещё не пришли.

– Нет, – беззаботно сказала Никки, с аппетитом поедая десерт из свежей красной папайи, недавно появившийся в меню Колледжа.

– Ты придумала новый принцип наземного передвижения. Природа знает ноги, человек придумал колесо и гусеницу, теперь ты открыла ещё один принцип... – и не колесо, и не ноги... Даже не знаю, как назвать твоего робота – волноход, что ли... Вот что ты сделала!

– С ума сойти от счастья, – невозмутимо сказала Никки. – Я лишь построила простенькую киберверсию обычной мухоловки *Scutigera Coleoprata Linnaeus*.

– Вижу – не понимаешь, – разочарованно покачал головой Джерри. – Эту идею надо немедленно патентовать! И богатеть!

– Давай, попробуй, – пожал плечами Никки, – я всё равно ничего не понимаю в патентах. Получится – прибыль поделим по-братски.

– Робби, а ты говорил, что мы проиграем! – сказал Джерри и тоже принялся за завтрак.

– Вероятность в две сигмы предполагает пятипроцентную возможность ошибки, – ничуть не смутился Робби. – А Никкины творческие фантазии спрогнозировать трудно.

– Робби, как дела со списком-88? – спросила вдруг Никки.

– Пока никак, – из динамика Робби раздалась искусная имитация тяжёлого человеческого вздоха. – Никак не могу поймать общий принцип, который объединяет этих людей. Здесь есть популярный сетевой журналист, знаменитый актёр, педагог-новатор, а также два писателя: один – романист, другой – экофилософ и эссеист... Я насчитал пятнадцать политиков, королей и бизнесменов, но больше всего – учёных и инженеров:

более шестидесяти человек. Среди них есть маститые, но в большинстве своём – это молодые люди до тридцати лет, мало известные за пределами своей научной области. Я не понимаю, что их объединяет. Вижу лишь два общих признака: каждый человек из этого списка или очень умен, или очень влиятелен.

– Они знают друг друга? – спросил Джерри. – Может, это какая-то организация?

– Уровень личных знакомств не выше значения для случайной выборки, – ответил Робби.

– Думай лучше, – сказала Никки, – копай по всем параметрам... Объединять этих людей может то, что они очень *важны*. Возможно, они знают какой-то секрет или что-нибудь подобное...

– Ко мне подходил профессор Тхимсот, – сказал Джерри, – чтобы познакомиться с сыном старого друга...

– Вот как, внезапные старые друзья? – настороженно отреагировала Никки. – И что он хотел?

– Судя по всему, подружиться и со мной...

– А потом порасспрашивать о материалах, оставшихся от твоего отца...

– Я тоже так думаю, – кивнул Джерри, и его лицо исказила судорога.

Подошли Дзинтара с Хао, и разговор закрутился вокруг предстоящего биологического экзамена, который снова превратился в состязание с коперниканцами.

На экзамене-соревновании по генобиологии перед школьниками поставили всего одну задачу – спроектировать организм, способный выжить в низкогравитационном мире с водородно-метановой атмосферой и обычным уровнем солнечного облучения. Студенты склонились над управляющими поверхностями компьютеров, многие надели виртуальные шлемы и сенсорные перчатки для лучшего манипулирования генетическими блоками будущих метановых монстров.

Некоторые мечтали слепить всего лишь бактерию, живущую на энерговывделяющем процессе с участием метана; кто-то замахнулся на животное-губку. Джерри, имеющий давний опыт в проектировании червячков, стал изобретать модификацию *Caenorhabditis elegans* с метаново-водородным метаболизмом. Никки затеяла сконструировать плавающую в атмосфере медузу с водородным пузырьком, пользуясь любимой программой-дизайнером для виртуальных генотипов.

Просидев восемь часов у компьютерных экранов, Никки и Джерри сдали экзамен на отлично, а результат девушки даже попал в десятку

лучших эйнштейнианцев – правда, лишь на седьмое место. Но общий результат состязания был плачевен – Школа Коперника победила Школу Эйнштейна в соревновании по биологии!

Рекордсмен состязания, коперниканка Даяна Смолуховски, сумела за время экзамена создать впечатляющего водорододышащего ящера – корявого и медлительного, с десятью ногами, зубастым раздвоенным языком и кустистыми жабрами возле грибообразных ушей. Мало того – рыжая смешливая Даяна даже успела спроектировать пищевую цепь для своего питомца, и ящер вызвал невольное восхищение зрителей, ловко вылавливая языком крылатых лягушек, порхающих в метановом ветерке.

Расстроившись из-за проигрыша команды Колледжа, директор Милич навывдирал из пышной шевелюры столько волос, что их хватило на пару превосходных шерстяных носков.

Глава 4

Визит единорога

Жужжащий, как шмель, посыльный колибри принёс в клюве официальное письмо для Никки, нетерпеливо дождался подтверждения о получении и умчался цветной молнией.

Никки распечатала крохотный конверт.

Её приглашали на заседание комиссии Попечительского совета Колледжа.

«Зачем я им понадобилась?» – удивлённо подумала Никки. Она уже познакомилась с двумя попечителями – банкиром Хиггинсом и королём Дитбитом. Ничего хорошего в этих знакомствах Никки найти не удалось.

В назначенный час она поднялась на пятый этаж Главной башни.

Секретарь директора Милича ввела Никки в большую жаркую комнату, где за длинным столом сидели семеро. Они тихо переговаривались, перекладывали перед собой какие-то бумаги и искоса поглядывали на вошедшую студентку.

Никки огляделась. Комната была увешана портретами очень солидных людей и излишне нагревалась вечерним солнцем – часть обширного арочного окна даже зашторили. На столе комиссии густо стояли графины, стаканы и вазы с кондитерской мелочью. Девушка рассмотрела присутствующих попечителей, но они оказались пожилыми и незнакомыми.

Пауза неприлично затянулась. Никто не пригласил Никки сесть, да и стульев вокруг неё не наблюдалось.

«Если бы сюда вошёл король Дитбит, его бы они тоже игнорировали? Почему взрослые не видят в школьнике человека, равного себе?»

Другой на её месте давно бы закипел. Струйки пара уже свистели бы, а крышка дребезжала. Но Никки лишь пожала плечами: «Неприязнь стариков к нам можно понять. Обычный подросток не равен королю, а гораздо богаче – у него есть роскошь будущего. *Любое завтра выше, чем вчера*».

Наконец, рослая седая дама, сидящая в центре, подняла глаза от бумаг и, не здороваясь, спросила:

– Вы – мисс Гринвич?

Обычный школьник трепетал бы перед строгой комиссией и психологическим давлением, витающим в сухом и душном воздухе попечительской комнаты, но Никки выросла очень независимой девушкой

и в таком месте, где трепет был непозволительной роскошью. Поэтому абсолютно никакого пиетета перед взрослыми она не испытывала, за что Джерри восхищённо называл Никки «социальным динамитом».

– Да, – ответила Никки. – А вы кто? Представьтесь, пожалуйста.

Дама была определённо шокирована таким вопросом и многозначительно переглянулась с коллегами по столу.

– Вы находитесь перед благотворительной комиссией Попечительского совета. Я – председатель этой комиссии, – невыразимо величественно сказала дама. – Меня зовут миссис Ругфинкель.

От почтительной судороги почтовый колибри упал с жёрдочки и обкакался.

Остальные присутствующие своих имён не назвали.

– Здравствуйте, миссис Ругфинкель! – дружелюбно сказала Никки. – Приветствую и вас, безымянные дамы и господа, – обратилась она к другим членам комиссии.

Все опять стали переглядываться, безмолвно обмениваясь негативными впечатлениями о невоспитанной девице.

Никки надоело это кручение головами, и она сказала, чтобы ускорить процесс внутрикомиссионных обменов:

– Чем я могу вам помочь?

Миссис Ругфинкель надменно сказала:

– Мы вызвали вас, чтобы вам помочь.

– Отлично! – жизнерадостно сказала Никки. – Тогда помогите мне найти стул.

От стола донеслось возбуждённое шипение – будто в змеиное гнездо уронили полный горячий чайник. Тем не менее, рукастый директорский кентавр принёс Никки стул. Она поблагодарила железного джентльмена, уселась поудобнее и сказала, обращаясь к комиссии:

– Что-нибудь ещё? Высказывайтесь смелее.

Председатель закатила глаза к небу:

– Я читала ваше досье. Это ужасно! Вы делали необоснованные сенсационные заявления журналистам! вызывали нездоровый ажиотаж вокруг Колледжа! нанесли тяжёлую травму школьнику, сыну члена Попечительского совета! оскорбили самого Председателя совета!

Последнее больше всего не укладывалось в небольшой голове миссис Ругфинкель.

– Ещё неполный, но уже впечатляющий список достижений, – прогудел огромный человек в буддистских шафрановых одеждах, равнодушно не поднимающий глаз из-под обширной морщинистой лысины

и рисующий что-то в блокноте. – И всего за один год обучения.

– А, так вы хотите помочь мне тюрьмой? – догадалась Никки.

– Нет, – с нескрываемым сожалением сказала Ругфинкель. – Мы хотим оказать вам финансовую помощь.

– Ой! – удивилась девушка.

– Наша комиссия поддерживает нуждающихся студентов и сирот, которым не хватает денег на оплату обучения, – приветливо пояснила очень худая женщина в синей шляпке с густой вуалью.

– Где вы были два месяца назад, когда меня и Джерри – который тоже сирота – хотели отчислить из Колледжа за неуплату? – воскликнула Никки. – Почему вы объявились только сейчас, когда мы всё-таки нашли деньги на второй год?

– Мы помогаем не всем, – строго ответила Ругфинкель. – Выбор адресатов нашей помощи – сложный процесс. Предварительно мы обсуждаем кандидатов лишь в Попечительском совете. Это взрослые дела, не для детей.

В разговор встрял маленький старикашка, правая рука миссис Ругфинкель – судя по размерам и расположению. Он проблеял, потрахиывая крупными бритыми ушами:

– Состояние вашего банковского счёта таково, что вам нечем платить за следующие три года Колледжа. Для завершения обучения вы нуждаетесь в сумме в пять миллионов золотых долларов, которых у вас нет!

Никки не стала отрицать этого факта.

– Вы можете стать стипендиатом фонда для бедных студентов, – с отвращением сказала миссис Ругфинкель.

– Если?.. – подняла брови Никки, ускоряя неспешные мыслительные процессы комиссии.

– Если выполните условие стать достойным студентом Колледжа – приличной и воспитанной девушкой, не навлекающей на наше заведение никаких неприятностей, – проквакала толстенькая гримза в мужском пиджаке и галстук. Её передние резцы угрожающе скалились, а глазки злобно буравили Никки. Совершенно очевидно, что на данный момент Маугли с астероида никак не соответствовала образу «приличной и воспитанной девушки».

Картина прояснилась.

– Какие именно условия? – спросила Никки. – Нельзя ли конкретнее?

– Например, обращаясь к попечителям, быть вежливой и употреблять слова «сэр» и «мэм», – прошипела миссис Ругфинкель.

– Хорошо, мэм, – с сомнением сказала Никки.

– Вы не должны нарушать распорядок жизни в Колледже, оскорблять или расстраивать своих преподавателей и соучеников! – заявил бритоухий старикашка.

Чтобы не называть старикашку сэром, Никки смолчала, лишь загнула палец на руке – для счёта.

– Вы не имеете права делать никаких публичных заявлений без разрешения Попечительского совета, – сказала Грымза.

Девушка подняла бровь и загнула второй палец.

– Вы должны старательно учиться! – важно нарушил молчание долговязый и длиннолицый джентльмен в старомодном сюртуке.

Никки с симпатией посмотрела на джентльмена и загнула третий палец.

Наступила пауза.

– Могу я уточнить, мэм? – мирно спросила девушка.

Председатель комиссии кивнула маленькой головой на длинной шее.

Седые локоны на макушке тоже согласились с тем, что даже невоспитанные подростки имеют право задавать вопросы.

– Если на меня нападут убийцы, я могу публично позвать на помощь без уведомления Попечительского совета? – спросила Никки.

– Не утрируйте, – поморщился долговязый. – Это не детские игры. Мы обсуждаем серьёзные вещи.

– Могу я нанять частного детектива, чтобы расследовать убийство моих родителей и покушения на меня?

– Нет! – крикнула грымза в мужском галстуке.

– Почему? – Никки сохраняла мирный вид.

Длинная пауза.

– Любые нездоровые сенсации вредят престижу нашего Колледжа, – нашла грымза.

– Так-так, – задумчиво пробормотала Никки. – Летом был шанс меня выгнать и прикончить в сторонке. Сейчас пробуют просто купить. Они здорово озаботились, эти убийцы.

– Что вы там шепчете? – сердито спросила Ругфинкель. – Вы согласны с этими правилами? Они просты, и с ними должна справиться даже такая... э-э... провинциальная девушка, как вы. Комиссия учла объективные причины, по которым вы не получили должного воспитания. Хотя лично я считаю, что для невоспитанности не существует уважительных причин.

Миссис Ругфинкель пожевала бледные губы и сказала:

– Если не ошибаюсь, родители отказались от вас и сдали в какой-то захолустный космический приют?

Никки загнула сразу все пальцы на руке. Получился кулак.

Девушка прикрыла глаза, чтобы не видеть седую председательшу, и сказала:

– Мне не нужна такая стипендия – она нарушает мои права.

– Как? Вы отказываетесь от нашего подарка? От пяти миллионов долларов?! – поразился долговязый в сюртуке.

– Как? Такой пожилой человек не понимает такой простой вещи? – восхитилась Никки. – Подарок, обставленный условиями, – это подкуп или унижение, но не дар.

– Ваша наглость вредит не только вам, но и вашему другу Джерри Уолкеру, которому тоже нужна финансовая помощь, – проскрипела Грымза. – Если вы не заботитесь о себе, подумайте о нём.

Никки фыркнула:

– Если меня выгонят из Колледжа за неуплату, то Джерри тоже уйдёт. Невзирая на вашу помощь.

– Добровольно уйти из такого престижного Колледжа? – нахмурилась Грымза.

– Это детские игры, – усмехнулась девушка. – Взрослым не понять.

– Мы всё понимаем... – сварливо протянул бритоухий старикашка, став похожим на таксу, страдающую запором. – У нас есть сведения, что две недели назад вы не ночевали в своей комнате. Можно узнать, где вы были, и поднять вопрос о вашей нравственности...

– Видимо, раньше вам встречались лишь очень покладистые сиротки... – Глаза Никки опасно прищурились. – Решили сунуть нос в мою личную жизнь? Попробуйте. Мой адвокат сдерёт с вас такую компенсацию за моральный ущерб, что это решит проблему платы за обучение!

Таксе наступили на хвост, и она злобно оскалилась.

Девушка обвела присутствующих презрительными синими глазами и веско сказала:

– Передайте тому, кто предложил мою кандидатуру для вашей комиссии. Он сообщит дальше – кому нужно. Сосредоточьтесь и запоминайте, он будет переспрашивать.

И Никки медленно произнесла:

– Меня подкупить ещё труднее, чем запугать. Я предупреждала тебя, но ты не внял. Я принимаю твой вызов – ты будешь разоблачён и проклят, мерзавец.

Комиссия, возмущённо или смущённо, снова переглянулась.

– Как вы смеете посылать оскорбительные сообщения незнакомому вам взрослому человеку, да ещё называя его на «ты»?! – воскликнула

зубастая гримза.

– Мы с ним заочно хорошо знакомы. Буквально *кровная близость*.

– Я не понимаю... вы вовлекаете нас в какую-то шараду? – надменно сказала Ругфинкель, вздёрнув маленькую гордую голову.

Девушка встала во весь рост и сверху вниз посмотрела на председателя благотворительной комиссии.

– Конечно, не понимаете. Это взрослые игры – не для попечителей. Но уж с ролью почтового голубя вы должны справиться, мэм.

И Никки вышла из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

Лифт Главной башни устремился вниз вместе с хмурой Никки, и кабину затопило лёгкостью, граничащей с невесомостью.

Девушка спросила Робби:

– Ты узнал, что означают восемьдесят восемь фамилий?

– Нет.

– Поразительно! Я так верила в тебя.

– Ну, извини.

– Мне нужны не извинения, а результаты. Где ты застрял в своём анализе?

– Фу-ты, ну-ты, царь зверей! Я сейчас проверяю гипотезу, что эти восемьдесят восемь человек образовали виртуальное сообщество. Я нашёл в Сети двести пять тысяч сопоставимых сообществ и анализирую – нет ли там нашей компании. Но это трудно, так как большинство виртуальных сообществ – анонимные.

– Брось эту идею, она мне не нравится. Сконцентрируйся на профессиональной работе этих людей. Полагаю, там разгадка – слишком много учёных в списке. Может, это список самых перспективных или самых умных учёных?

– А зачем тогда в списке актёр?

– Откуда я знаю, старый сундук!

– Я уже не сундук, а так – браслетик.

– Ладно, не обижайся. Эти старики меня разозлили.

– Разозлили они, а попало мне.

– Ты так долго живёшь среди людей – и до сих пор удивляешься?

Утонули в дымке горизонта летние каникулы.

Джерри с головой погрузился в занятия на Кибернетическом факультете – одни уши торчали наружу, нервно подрагивая. Его научным руководителем стала профессор Майсофт.

На Гуманитарном факультете лекции нового профессора Эксмина пользовались восторженной популярностью.

Профессору, молоджавому и подтянутому, было за сорок. Если его охарактеризовать двумя словами, то получилось бы так: «ядовитый интеллеktуал». Говорили, что он хорошо зарабатывает на своих книгах и финансово обеспечен, – значит, профессор преподавал не из-за денег, а ради непонятного и подозрительного культуртрегерского удовольствия.

Девушки мгновенно влюбились в высокого симпатичного профессора, а юноши старались не попадаться на его острый язык. Профессор был независим и одинаково язвителен как с принцами, так и с «обычными» студентами. А вот с девушками он вёл себя гораздо бережнее. Было заметно, что профессор ценит женскую красоту, но держит осторожную дистанцию между собой и студентками. Впрочем, в комнатах старшекурсниц ходили упорные разговоры, что профессору не всегда удавалось сохранять хладнокровие! Эти беспочвенные слухи отражали лишь ревнивую сублимацию тайных девичьих надежд.

Первая лекция Эксмина началась с медленной прогулки по рядам аудитории и бодрым выводом профессора:

– Люблю свежие лица, не испытывавшие долгого воздействия интелекта!

Вернувшись к кафедре, профессор улыбнулся студентам одной из богатейшего набора своих сардонических улыбок:

– Я буду преподавать предмет «интелектуальная культура». Не знаете такого? А про «физическую культуру» все наслышаны? Тогда зададимся наивным вопросом: что важнее в человеке – физические или мыслительные способности? Хокинг, знаменитый учёный двадцатого века, полжизни провёл инвалидом, у которого работали только мозг, глаза и пальцы одной руки.

Профессор Эксмин развёл руками:

– Но он оставался человеком, да ещё каким! Писал научные книги-бестселлеры, возглавлял кафедру, которую занимал когда-то Ньютон, и много путешествовал. На его доклады собирались толпы учёных и журналистов. С другой стороны, небольшое повреждение мозга может сделать из человека вполне здоровое, но не мыслящее тело, которое, дефакто, ближе не к разумному человеку, а к овощу.

Эксмин ехидно добавил:

– И очень часто встречается «человек псевдоразумный» – с неповреждённым мозгом, но не функционирующим интелектом. Такой субъект может двигаться и совершать ряд простых, житейских действий –

но можно ли его считать по-настоящему разумным существом? Это интереснейший вопрос!

Профессор обвёл аудиторию взглядом, который был чуть добрее пулемётной очереди – и заметно пронизательнее её. Многие инстинктивно пригнулись к столам, стараясь уменьшить зону поражения.

– Уровень интеллекта важнее телесного здоровья, и тем поразительнее факт, что физической культуре – культуре тела – в обществе уделяется огромное внимание. А интеллектуальная культура или культура ума никого не волнует!

Голос профессора эмоционально зазвенел и разнёсся по залу:

– Горы литературы по накачиванию мускулов тела – и ничего для развития мозга!

– Штабеля пособий по диетам желудка, и ни одной – про питание ума!

– Море инструкций по уходу за кожей – и отсутствие заботы о мозговых извилинах!

Профессор возмущённо воздел руки:

– Целые индустрии вращаются вокруг *тела*. Индустрия моды и спорта, одежды и косметики. Вся медицина! А что сделано для *ума*? Многочисленные фильмы о спортивной доблести снимаются на фоне прогрессирующей интеллектуальной слабости.

Аудитория несогласно зашумела, что порадовало профессора-спорщика.

– Мозг и его деятельность – вещь незаметная, а внешность человека сразу бросается в глаза! – возразила Элен-Сова. – Индустрии делают вокруг видимых всем вещей...

– Невидимая начинка компьютеров является предметом информационной индустрии, – парировал профессор. – Но о загрузке процессоров мы заботимся заметно больше, чем о развитии мозга.

– Интеллектуалы составляют меньшинство, поэтому они не попадают в центр общественного внимания! – крикнул Плюгра-Дракон.

– Верно, но неправильно! – сказал профессор. – Ведь это меньшинство служит катализатором прогресса нашей цивилизации. Увы – человечество всегда на косметику тратит больше денег, чем на космос, а на рекламу – больше, чем на науку.

– Но учебники и научные книги – это же всё для УМА! – ещё кто-то возразил профессору.

Эксмин отрицательно покачал головой:

– Не путайте книги, как *продукт* ума – таких довольно много – и книги *об* уме, как объекте интереса – таких почти нет. Да, когда вы читаете

умную книгу, то попутно развиваете и свой интеллект. Граматику можно усвоить неявно, но осознанное обучение эффективнее. До сих пор нет школьного предмета об алгоритмах умственного развития, учитывающих наследственность, темперамент и существующие условия воспитания индивидуума. Вслушайтесь: *Индивиду-Ума!*

Профессор прошёлся по аудитории и воскликнул:

– Конечно, простые способы развития ума известны. Например, эффективен метод увлечённого чтения с четырёх или пяти лет. Литература сама воспитывает своего творческого партнёра – читателя. Кино требует лишь пассивного потребителя, а компьютерные игры часто рассматривают игрока как лабораторную крысу с рефлексам.

«У-у...» – несогласно загудел зал. Лектор по-злодейски ухмыльнулся:

– Одна из острых проблем современного общества – необходимость сокращения виртуальной жизни подростка. Медики установили, что от компьютерной псевдожизни начинают разжижаться и деградировать важные сегменты интеллекта.

Многие в аудитории скептически скривились, а некоторые задумчиво потянулись к затылкам – почесать жидковатые сегменты.

На одной из лекций Эксмина в аудиторию залетела киберворона. Она затормозила перед профессором и, неспешно махая крыльями, каркнула:

– Эксмин – дурак! Профессора – болваны! Всех на свалку!

Аудитория засмеялась, пряча лица за книжки и ноутбуки. Что предпримет профессор? Было очевидно, что робот запрограммирован не выдавать хозяина.

Профессор это понимал. Он быстро вытянул руку и схватил ворону за лапы. Ворона-камикадзе не сопротивлялась и лишь довольно гаркнула:

– Эксмин – дурак!

Неужели лектор свернёт голову бедной птице?

Профессор неожиданно наклонился и снял ботинок. Прихлопнет как муху?

Но нет – Эксмин лишь нацепил башмак на воронью лапу и отпустил ругающуюся птицу.

– Караул! – заорала она, часто махая крыльями и жужжа перегруженными моторами. – Перегруз!

В электронной голове включилась стандартная аварийная программа обращения к человеку за помощью. И ворона, отчаянно хлопая крыльями, потянула прямой наводкой к... хозяину – толстенькому Дракону, сидящему на последней парте.

Тот в ужасе махал руками на ворону:

– Кыш! Кыш!

– Хозяин, карр, помощи! – голосила птица.

Смеялся Эксмин, хохотал зал, а ворона не унималась:

– Перегруз! Сейчас упаду! Эксмин – дурак!

В коликах и судорогах студенты сползли под столы.

– Верните мне обувь! – велел профессор, и толстенький Дракон, красный как мак, снял башмак с вороньего когтя и отнёс его Экмину.

– Ставлю вам «неудовлетворительно»! – объявил хозяину вороны довольный профессор, надевая ботинок. – За плоский юмор и непредусмотрительность при программировании летающего кибера.

Блестящий оратор и полемист Эксмин быстро завоевал массу поклонников, даже среди юношей. Невзирая на свой сарказм, он умел и любил нравиться.

Профессор говорил:

– Литература для взрослых нужна, но бесполезна, ибо опоздала. Дети и подростки – единственная аудитория, чьё интеллектуальное развитие ещё не безнадёжно. У пятнадцатилетних людей мозги острее бритвы. Они ещё не умеют их применять и мало знают о мире, но дайте им достойную, твёрдую пищу для ума, не заставляйте их жевать манную кашу! Если детей не принимать всерьёз, они не вырастают до самой старости.

Какой-то Дракон вызывающе крикнул:

– Зачем учиться среднему человеку, которому на уровне генетики уготована участь рабочего или официанта? Сегодня закон о геномной свободе поступил в ООН на рассмотрение, и скоро биотехнологи создадут сверхлюдей-суперумников!

Аудитория загудела. Профессор вздохнул:

– Я не согласен с вашим выкриком о сверхлюдях. Генетически управлять интеллектом очень сложно, это вам не раковая опухоль... Нынешние системы воспитания и обучения не могут активировать даже малую часть интеллектуальных возможностей, данных нам природой, а мы уже тянем жадные руки – дай ещё...

Профессор прошёлся по аудитории:

– Генетика важна, но не отменяет воспитания. Для статуи важны и мрамор, и скульптор. Врождённая компонента интеллекта систематически переоценивается в ущерб воспитательной – для списывания на биологию педагогических ошибок. Возьмём типичный средневековый город – поголовная неграмотность, дремучее невежество и хроническая глупость. Цивилизация пьяных развлечений, поножовщины и ковыряния в носу.

Поместим младенцев средневековья в современные условия хорошего воспитания – и мы получим массу талантов: программистов, биологов, писателей.

– Масса – это сколько? – спросила Дзинтара.

Профессор одобрительно посмотрел на принцессу:

– Из десяти процентов нынешних школьников вырастут завтрашние интеллектуалы: учёные, писатели, политики. Соль человеческой цивилизации. Эти будущие умники уже в молодом возрасте чрезвычайно одарены, но общественно заброшены. Например, книги есть для всех – для любителей детективов и аквариумов, для одиноких девушек и для одиноких женщин замужем. Для умных подростков книжек просто нет! Помню, когда в детстве встречал редкого зверя – книжного героя-вундеркинда, то сразу просыпался острый интерес – так, так, посмотрим, каков ты на деле... Интеллектуально-ориентированные подростки – изумительная и незамеченная аудитория! И по количеству хороша, а по качеству – бесценна.

– Большинство из вас относится к такому классу думающих подростков! – демонстративно неохотно признавался Эксмин, и эта неохотность тонко льстила школьникам и склоняла их сердца и уши к новому профессору.

Сентябрьские деревья пропитались жёлтым и забросали газонную траву растопыренными прожилистыми листьями.

Джерри и Никки, выбравшим разные факультеты, часто приходилось после завтрака шагать в противоположных направлениях: Никки – в здание Гуманитарного факультета, а Джерри – в Кибернетический корпус.

Юноша, срезая путь от Башни Сов, брёл в одиночестве по стриженной траве центрального парка, загребая ногами опавшие листья. Роботы не трогали их, давая возможность студентам полюбоваться и пошелестеть коричневыми дубовыми и красными кленовыми воспоминаниями лета. Сладкий аромат засыхающих листьев удивительно проникал в душу и волновал сердце.

До начала занятий оставалось минут десять, и Джерри не торопился, пользуясь редкой возможностью подышать свежим осенним воздухом. Обогнув рощицу низкорослых магнолий, юноша увидел рыжеволосую Элизу, сидящую на скамейке.

– Привет, Джерри! – сказала она, и её зелёные глаза засветились. Такой взгляд первой красавицы мог сделать счастливым многих, но юноша лишь смутился и кратко поздоровался.

– До лекции ещё есть время, – сказала Элиза, – садись и расскажи – как прошло лето, где побывал, что видел?

Он помялся, но вежливо сел в ответ на прямое приглашение.

Скамейка была укрыта розовыми магнолиями и зарослями шиповника. Джерри избегал смотреть на улыбающуюся Элизу, поэтому задрал голову и сделал вид, что глядит, как с наружной стороны стеклянного купола замка ползет робот-чистильщик, убирая осевшую лунную пыль и оставляя за собой хрустально-прозрачную полосу.

– Я никуда не уезжал из Колледжа, – сказал юноша. – Мы с Никки один раз летали в Луна-Сити – погулять и посмотреть зоопарк. Слон хорош, но суслики ещё лучше. А ты как провела лето?

– Я вернулась в Европу и месяц не могла привыкнуть к земной гравитации. Старалась плавать побольше... Всё время есть хотелось, – сказала озабоченно Элиза, держа руки на тонкой талии, – стала толще осенней белки.

Джерри взглянул на девушку – и улыбнулся такому преувеличению.

– Я всё лето вспоминала, как мы с тобой танцевали... – вдруг прошептала Элиза, и этот пониженный голос тревожил. – Это было потрясающе, ты просто талант!

– А ты? – улыбнулся Джерри. – Танцевали-то вместе! А какую специальность ты выбрала на второй курс? – перевёл он разговор на более безопасную тему.

Оказалось, Элиза предпочла Биологический факультет.

– Летом я даже участвовала в научной экспедиции по спасению сухопутных животных в Южной Европе.

– От чего их нужно спасать? От охотников? – поинтересовался юноша.

– Это было бы очень просто! – воскликнула рыжеволосая девушка. – Главная проблема выживания диких зверей – накопление генетических дефектов. Естественный отбор среди оленей и фазанов ослабел, крупные хищники в Европе практически исчезли. Если зверям грозит голод, их подкармливают. Численность диких животных регулируется лишь охотой да случайными смертями под колёсами машин.

– И почему это обернулось вымиранием? – спросил Джерри.

– Голод, болезни и хищники уничтожали слабых животных с плохими генами. Автомобили же неразборчивы, а охотники-трофейщики специально ищут красивых и крупных животных, оставляя генетических неудачников жить и размножаться. И врождённых дефектов у зверей стало столько, что здоровые детёныши в стаях исчезли.

– Забота обернулась трагедией, – задумчиво сказал юноша.

– Да, – кивнула Элиза.

Чистый купол над ними замерцал мелкими яркими бликами, которые иногда складывались в странные фигуры, а то и в слова, трудноуловимые из-за быстрой переливчатости, но сидящие на скамейке не обращали внимания на знаки неба.

– Странно слышать про твою научную экспедицию, – сказал Джерри, – я думал, что ты – гуманитарий чистой воды, танцовщица или поэт...

– «Во время осеннего листопада сновидения оказываются ненадёжными и лживыми...» – с улыбкой процитировала Элиза.

– Что это? – спросил Джерри. – Стихи?

Элиза отрицательно покачала головой:

– Философский вопрос, обсуждавшийся во времена Аристотеля и Плутарха.

– Пора идти на лекцию, – после удивлённой паузы сказал Джерри и посмотрел на девушку. И залюбовался. Рыжеволосая красавица Элиза с умными зелёными глазами производила сильное впечатление. Очень.

Она поймала его взгляд.

– Я вспоминала тебя летом, – сказала Элиза и положила руку на плечо Джерри. – Часто... очень часто.

Он почувствовал себя не в своей тарелке. Разговор повернул куда-то не туда. Он собрался подняться, но тут Элиза крепко обняла его и поцеловала в щеку.

Джерри страшно смутился. Это было приятно, но...

Он быстро встал со скамейки.

– Элиза, я...

Юноша не нашёл слов. Элиза кивнула и сказала:

– Да, я знаю – Никки... Но жизнь штука не простая, дорогой Джерри... Детские привязанности быстро проходят...

Девушка смотрела на юношу таким горячим взором, что слова были и не нужны.

Джерри не собирался обсуждать свои детские привязанности и просто сказал:

– До свидания!

Уходя от скамейки по шелестящим листьям, он чувствовал спиной взгляд Элизы и смятённо подумал – как бы обычные слова прощания не прозвучали слишком двусмысленно...

По Колледжу пронеслась сенсационная весть: с лекцией выступит капитан Томми Граффин – знаменитый исследователь космического

пространства. На его счету числились самый глубокий полёт в корону Солнца и самый дальний полёт за пояс транснептунов – на пятьсот астрономических единиц. Ничего сенсационного на краю Солнечной системы астронавт не нашёл, но рекорд поставил. «Странное место, где Солнце – не солнце, а всего лишь звезда...» – по возвращении сказал журналистам усталый Граффин.

Знаменитый капитан недавно вышел в отставку, но не расстался с космосом – возглавил частный фонд «Межзвёздная инициатива».

В день лекции Граффина самая большая аудитория Колледжа Эйнштейна была набита битком. С Граффином прилетел и старый знакомый Никки – Юр Гринин, коммодор Спейс Сервис. С ним девушка по-дружески поздоровалась.

Томми Граффин, превосходный рассказчик, порадовал слушателей увлекательными космическими историями.

– Лечу я потихоньку на высоте двадцати километров над вулканической зоной Ио, с заданием сбора образцов пыли и газов. Р-раз! – неожиданное извержение! – и мне в брюхо врезается вулканическая бомба размером с автомобиль. Грузовой отсек – в клочья, управление – к чёрту, и я пикирую прямо в Патеру Локи, в озеро расплавленной серы!

– У-ух! – испугалась аудитория.

– Иду на бреющем над чёрной горячей жижей. До берега далеко. Сейчас утону и сварюсь заживо! А по озеру оранжевые льдины-острова из твёрдой серы плавают. И в последний момент я сажаю шаттл не в расплав, а на льдину. Шаттл пробивает непрочную корку и тонет в лаве. Я едва выпрыгнул из кабины. На горячей оранжевой льдине остаётся лишь крыло шаттла с вспомогательным двигателем. Радио скафандра слабое – на помощь надеяться нельзя. Кругом чёрно-жёлтый пейзаж, жара... льдина тает в жидкой сере, над головой ядовитый туман висит и мне шлем залепляет – адское местечко!

В аудитории парочка заслушавшихся девиц застонали и нацелились в восторженный обморок.

– Я знаю, что студенты Колледжа каждый год летают на плановую космическую экскурсию, поэтому рекомендую посетить юпитерианские спутники – там уйма интересного! – улыбаясь, сказал космонавт.

– Как же вы выбрались оттуда?! – раздался взволнованный голос из зала.

Космонавт ждал этого вопроса и гордо усмехнулся.

– Из разбитого крыла с двигателем я сделал реактивный скутер. Сел на него верхом, разогнался прямо по озеру и взлетел, используя гладкую

льдину как трамплин!

– А-ах! – некоторые даже в обмороке ухитрялись слушать внимательно.

– Полётом я управлял, отклоняясь от оси двигателя. Летел, как ведьма на огненном помеле или легендарный барон на ядре! – рассказывал Граффин. – Когда меня увидели на орбитальной станции, то глазам не поверили.

Космонавт вежливо подождал, пока доктор Берринджер снабдила некоторых слушательниц понюшкой нашатыря, потом перешёл к деятельности межзвёздного фонда:

– Рывок к звёздам – жизненная необходимость для растущего человечества и логическое продолжение наших космических завоеваний. Мы пропагандируем идею межзвёздной экспансии. Собирая частные пожертвования и государственные субсидии, мы достигли важного рубежа: накопили сто миллионов долларов на проект первого пилотируемого межзвёздного корабля!

Зал с энтузиазмом зашумел, услышав впечатляющую новость.

– Цель первого полёта – соседняя звёздная система, возможно, Проксима Центавра. Проблем множество: топливо и безопасность корабля, питание и здоровье экипажа... Мы уже объявили конкурс на лучший проект межзвёздного крейсера, и несколько авиакосмических корпораций им заинтересовались. Участники конкурса должны разработать принципиальную модель межзвёздного корабля. Победитель первого этапа получит деньги на дальнейшее проектирование.

– А могут школьники участвовать в конкурсе? – спросила Изабелла-Леопард.

– Нет, – засмеялся Граффин, – он слишком сложен для школьников...

Никки наклонилась к Юру Гринину и что-то тихо сказала ему. Коммодор подумал, кивнул и взял слово.

– Спейс Сервис поддерживает деятельность фонда «Межзвёздная инициатива» и полагает, что вовлечение в проект астрокорабля молодых людей – наших будущих пилотов и космофизиков – было бы полезно и с технической, и с пропагандистской точки зрения.

– Отлично! – быстро согласился знаменитый космонавт. – Если Спейс Сервис одобряет эту идею, то... – он откашлялся, – фонд «Межзвёздная инициатива» объявляет дополнительный конкурс на...

Граффин взял торжественную паузу, в ходе которой не бездельничал, а напряжённо размышлял.

– ...на лучший дизайн межзвёздного космического корабля! В новом

конкурсе будут участвовать студенты колледжей и школьники!

– Ура! Банзай! – крики радости сотрясли зал.

Космонавт отечески смотрел на ликующих подростков.

– Задача: сформулировать концепцию межзвёздного космического корабля и его полёта, включая основание колонии возле другой звезды. Не трогайте двигатели – это слишком узкопрофессиональная проблема, но остальные сложные задачки попробуйте решить. Ищем свежие идеи! Победителям приз...

Гриффин снова сделал паузу – уже просто ораторскую.

– ...миллион долларов!

Зал взревел. Космонавт напряг голос:

– Это плата за право использования ваших идей в проекте межзвёздного лайнера.

Аудитория осталась в восторге от встречи с космонавтом.

Когда публика разошлась, Никки поблагодарила коммодора Юра:

– Спасибо, коммодор, за поддержку!

Тот посмотрел, прищурившись, на Никки и сказал:

– У меня тоже есть просьба к вам, мисс Гринвич. Я хочу, чтобы вы помогли молодёжной программе Спейс Сервис. Вы возвращаетесь среди школьников, и вам легче понять их психологию.

– Каковы цели этой программы? – поинтересовалась девушка.

– Я пришлю наш анонс. Общая задача – пропаганда Космической Службы среди молодёжи, конкретная – увеличить приток поступающих в школы космических пилотов, геологов и монтажников. В последние годы падает и число кандидатов, и качество их подготовки.

– Подумаю, – кивнула Никки.

– Кое-какие деньги на эту программу есть, но нужна эффективная идея по их использованию, – уточнил коммодор Гринин.

– Я уже заметила, что неэффективные идеи никому не нужны, – задумчиво сказала Маугли. – А ведь в неэффективности есть своё очарование.

Вечером в холле башни Леопардов вокруг горящего камина разгорелась не менее жаркая дискуссия.

Изабелла предложила сформировать группу для разработки концепции межзвёздника.

Другие студенты считали это напрасной тратой сил. Учёба и так отнимает столько времени, а тут ещё звёздный корабль придумывать! Куча научных институтов столько лет работают над проектами космических

судов, а вы хотите решить проблемы, на которых надорвались инженеры и учёные?

Но человек восемь, включая Смита, сказали, что они готовы потратить своё время на этот авантурный проект. После краткой, но бурной дискуссии межзвёздная команда получила название «Веганские гоблины». Никки попробовали выбрать главным гоблином, но она ускользнула от такой чести.

– Изабелла предложила проект – ей и возглавлять нашу группу. Но я с удовольствием приму участие. И полагаю, что мы должны пригласить в нашу команду школьников из других Орденов.

– Вот ещё! – крикнул кто-то. – Какие-нибудь чванливые Драконы припрутся.

– Ну и что? – подняла брови Никки. – А вы знаете, что одна из главных проблем межзвёздного полёта – психологическая совместимость космонавтов? Вот и испытаем свою команду...

Не согласиться с этим доводом было трудно.

– Я решил загадку списка! – торжественно объявил Робби поздно вечером, когда Никки уже чистила зубы перед сном.

– Наконец-то! – нетерпеливо воскликнула девушка, сплюнув мятную пену в раковину. – И что же объединяет этих людей?

– С вероятностью четыре сигма они являются создателями или распространителями бифуркационных технологий и идей.

– Именно этот список обсуждался на лекции по социологии! – поразила Никки.

– В общем-то – да, но наш список – это не сами ключевые технологии, а люди, отвечающие за их появление.

– Список ключевых людей, – задумчиво сказала девушка. – Самый охраняемый в мире секрет.

– Верно, – согласился Робби.

– Как же он попал в файлы Джерриного отца?

– Пока не знаю. И ещё одно обстоятельство...

Робби сделал непривычную паузу, и Никки ожидающе подняла брови.

– Семеро людей из списка мертвы, включая отца Джерри. Они погибли или умерли при достаточно подозрительных обстоятельствах... Смертность людей из списка явно выше среднестатистической.

Никки потрясённо помолчала, потом сказала:

– Значит, организация, составившая список, ответственна и за смерть наших с Джерри родителей. Кто же создал список? И как он его

использует?

– Составители и пользователи списка могут быть разными людьми, но они, вероятно, знакомы друг с другом, – педантично уточнил Робби.

Вода с журчанием бежала из крана, пока тот не рассердился и не закрылся сам.

Наступила пятница. Видимо, она наступила на что-то чувствительное: за завтраком в окружении принца Дитбита наблюдалось странное роение и брожение. Принц не столько завтракал, сколько вслушивался в шёпот киберсекретаря. Друзья Дитбита поминутно подбегали и что-то спрашивали, но он хмуро отправлял их восвояси небрежным жестом. Вдруг принц побагровел и закричал в т-фон:

– Какой идиот это решил?! – но тут же осёкся под взглядами обернувшихся студентов. В следующий момент Дитбит оттолкнул тарелку и, свирепо бормоча, широкими шагами двинулся к дверям зала. За ним суетливо устремились граф Рединбург и маркиз Гейлорд.

Проходя мимо столика Никки, где сидели только она и Джерри, принц кинул на девушку взгляд, полный ярости. Его друзья тоже посмотрели на Никки, но с совсем иным выражением: лошадиное лицо Рединбурга было растерянным, а обычно высокомерная физиономия маркиза выражала неpritворный страх.

– Что случилось с нашими аристократами? – удивился Джерри.

– Какое-то серьёзное несварение от этой жизни, – пожалала плечами Никки.

– А почему они так на тебя смотрят? – прищурившись, Джерри сам пристально поглядел на девушку.

– Канис их знает... – пожалала плечами Никки. – Может, они решили со мной подружиться? И ссорятся в поисках лучшего дипломатического хода?

Джерри захохотал:

– Принц скорее съест на завтрак дохлую кошку, чем протянет тебе руку!

Он подумал и сказал:

– Когда твои враги волнуются – это к хорошей погоде. Верная примета.

За обедом Дзинтара тоже вела себя необычно: всё время поглядывала на Никки, а потом спросила:

– Ты в шахматы играешь?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Если научишься, то будешь непобедима, – загадочно изрекла

Дзинтара.

Во время ужина случилось поразительное событие: обе створки массивной наружной двери широко открылись в темноту парка, и в зал вошёл серебряный единорог.

Среди студентов прокатился гул. Единорог был столь впечатляющ, что не сразу замечалось: рядом со сверкающим зверем идёт незнакомый пожилой человек, даже, пожалуй, старик, – в старомодном белом парике и в столь же старинном чёрном камзоле с серебряными позументами. Голова единорога гордо плыла возле человеческого плеча.

Все вытаращились на удивительную парочку.

Человек двигался по проходу молча, глядя прямо перед собой и делая неспешные торжественные шаги. В правой руке он держал длинный посох или жезл, инкрустированный остро сверкающими красными камнями. В левой – крупный конверт из узорного голубоватого пергамента.

Великолепный единорог не был столь надменным: он с любопытством косился искристыми тёмными глазами на студентов и даже приветливо кивал им благородной серебряной головой с острым полуметровым рогом, приводя школьников в полный восторг.

Пройдя весь зал, старик и единорог остановились перед столом наших друзей.

Все студенты забыли про бифштексы и стынувший чай.

Человек в чёрном камзоле отточенным движением наколот конверт на рог серебряного зверя и низко поклонился, не произнося ни слова. А единорог сделал изящное движение длинной шеей, и витой рог с письмом оказался прямо возле Никки. Девушка протянула руку, но вместо того, чтобы снять письмо с острия, ласково погладила единорога по серебряной шее и гриве. Это был не робот! Единорог оказался тёплым и живым!

Никки восхищённо вздохнула и только тогда взяла пергаментный конверт. Оба почтальона повернулись и немедленно зашагали к выходу. Перед дверью единорог покосился на старика – и аккуратно прихватил мягкими губами печенье, протянутое Изабеллой. Студентки завизжали от умиления, а серебряный зверь поблагодарил девушку вежливым наклоном головы.

Пока Никки разглядывала конверт, старик в позументах и единорог исчезли, оставив за спиной оживлённое бормотание публики. Кто-то из школьников вскрикнул и указал на экран своего ноутбука. Все ещё больше зашумели – схватились за компьютеры или открыли спины робоживотных, где прятались принтеры.

Через несколько секунд у половины зала, включая Джерри, в руках

оказались первые полосы свежих газет. Другая половина вскочила с мест и заглянула через головы соседей. Шум в зале стремительно нарастал и достиг уровня водопадного гула. В одно и то же время Джерри расправил газету, а Никки – открыла пергаментный конверт с красными сургучными печатями. Девушка с хрустальными волосами и все студенты Колледжа Эйнштейна одновременно прочитали загадочное письмо, которое оказалось составленным всего из двух коротких фраз, написанных изящными витиеватыми буквами:

Дорогая мисс Николь Гринвич!

По моим данным, Ваш личный капитал составляет 270 миллиардов золотых.

Имею честь пригласить Вас в Королевский Клуб.

Президент Королевского Клуба,

Вильямс Третий.

Никки подняла голову.
Зал был по-кладбищенски тих.
Все смотрели только на неё.

Глава 5

Осенняя лихорадка

Никки Гринвич стала королевой!

Бедная школьница, которой нечем было заплатить за колледж, стала одной из самых богатых молодых леди мира!

Основательницей новой королевской династии!

Новость потрясла не только Колледж Эйнштейна. Газеты всех планет обсуждали внезапное появление династии Гринвич и её возможное влияние на политическую обстановку в мире.

Вчера эту девочку знали немногие, сегодня она заставила говорить о себе всех.

На следующий день Никки спустилась к завтраку и увидела необычное зрелище: её стол был составлен в кольцо с другими. Добрая сотня Леопардов выстроилась рядом и приветствовала новую королеву криками и аплодисментами. Остальной зал тоже хлопал изо всех сил, но места принца Дитбита и его друзей пустовали. Впрочем, часть студентов разлетелась на уик-энд.

На месте, предназначенном для Никки, высился огромный букет жёлтых роз. Девушка вдохнула их сладкий аромат и замерла от удовольствия. «Тулуз-Лотрек! Мои любимые! Наверняка, Джерри подсказал или сам достал».

Никки растроганно посмотрела на улыбающихся друзей.

– Спасибо за поздравления и цветы!

Когда все уселись завтракать, Смит Джигич сказал:

– Никки, ты одним «спасибо» не отделаешься – давай выкладывай, как тебе это удалось!

– Клянусь драными сандалиями Меркурия, заработать за лето двести... почти триста миллиардов! – воскликнула Изабелла. – Это не укладывается в голове. Грандиозно!

– Только, пожалуйста, – басом сказал пятикурсник Влад, – не говори больше, что тебе просто повезло!

Все засмеялись.

– Рассказывай подробнее, – серьёзно добавил рыжий весельчак Дмитрий, – чтобы мы тоже научились зарабатывать за каникулы суммы покрупнее, чем чаевые в пиццерии.

Никки обвела глазами друзей, затаивших дыхание, и стала

рассказывать:

– Все началось просто. Робби ежедневно составляет для меня выборку сетевых новостей. В мае геологи сообщили о результатах глубокого бурения на Обероне. Знаменитые Оберонские обсерватории построены на Королевском плато с уникально низким уровнем сейсмозумов. И геологи разгадали этот феномен: нашли под плато слой аморфного льда или ледяного стекла, отражающего подземные колебания.

– Такой пресс-релиз Геологической Службы я помню! – радостно встрял в рассказ белобрысый Том, но на него все зашикали.

– Потом я услышала о скором пуске мощного термоядерного реактора на Королевском плато. Я сопоставила обе новости и спросила у Робби – не будет ли лёд плато таять от нового источника энергии? Он меня высмеял – огромный ледник не может пострадать от одного реактора.

– Вот злопамятная девица! – сказал Робби. – Да, я был неправ. Редчайший случай.

– Лёд действительно не мог таять, зато он мог кристаллизироваться, – уточнила Никки.

– Как лёд может кристаллизироваться? – не понял Дмитрий.

– Ледяное стекло имеет аморфное расположение молекул воды и существует только при очень низких температурах. Если такой аморфный лёд немного нагреется от реактора, то хаотично расположенные молекулы начнут перестраиваться в гексагональную решётку, – и вместо водяного стекла возникнет обычный лёд. При любой кристаллизации выделяется тепло, поэтому процесс перестройки аморфного льда поддерживает сам себя и перестает зависеть от нагрева реактора. Мы с Робби провели расчёты и показали, что после пуска реактора в подземном слое водяного стекла быстро возникнет огромная дыра. Сеймики затопят Королевское плато, и большинство научных приборов Оберонских обсерваторий, рассчитанных на отсутствие вибраций, выйдет из строя или за пределы нужной точности.

Кто-то из Леопардов присвистнул и сказал:

– У меня родители работают на Обероне. Они там ходят в специальной обуви, чтобы не топать...

– И что же дальше? – поторопил Смит Джигич.

– Я стала думать – как предупредить об опасности, которая грозит Оберонским обсерваториям.

– Нужно было написать письмо в Космическую Службу! – влез парень, у которого родители работали на Обероне.

– Никто бы не прислушался к мнению школьника, – покачала головой

Никки. – А время поджимало – реактор вот-вот должны были запустить. Поэтому я решила встретиться с руководством Спейс Сервис. Для этого пришлось даже выиграть Лунную Регату...

Стол зашумел и засмеялся.

– Да, – кивнула Никки, – я поехала туда в надежде побеседовать с коммодором Юром Грининым. Разговора не вышло, зато я получила возможность доложить свои расчёты на научном симпозиуме Спейс Сервис.

– Я видел твоё выступление по тиви, – прогудел Влад. – Мои родители не поверили, что ты первокурсница...

– Но как ты получила столько денег? – не вытерпел хозяйственный Дмитрий.

– Существует малоизвестный закон о выплате пятипроцентной премии тому, кто спас космическое имущество, застрахованное ООН... – сказала Никки. – Стоимость Оберонских обсерваторий, которые являются крупнейшим научным центром в космосе, составила пять с половиной триллионов долларов. Вот и всё.

– Вот и всё... – растерянно повторил Дмитрий и обернулся на друзей-Леопардов. Те сидели поражённые, с широко раскрытыми глазами.

– Страшные у тебя мозги, Никки, – сказала благоговейно Изабелла.

– Действительно, ей повезло, – задумчиво подытожил Влад, – просто повезло с головой.

Журналисты, конечно, раскопали, что невероятное богатство Никки оказалось законной страховой премией за спасение Оберонских обсерваторий. ООН и Спейс Сервис обменивались возбуждёнными нотами, но закон есть закон, даже если его следствие оказалось таким неожиданным. Чиновники ООН стали немедленно готовить законопроект, ограничивающий размер премии разумной, с их точки зрения, суммой. Но такое уточнение, даже спешно принятое, всё равно не имело бы обратной силы, и вознаграждение за спасение целого научного города на далёком спутнике Урана законно превысило все мыслимые пределы и исторические прецеденты.

Реакция Никкиных однокурсников была бурной и радостной – тех, кто смог пережить её успех. Принц Дитбит и остальные недруги Никки только багровели лицами и скрежетали зубами. Кто пытался раньше уязвить золушку Никки, сейчас прятался от королевы Николь или старался загладить вину, извиваясь всем телом.

Оживление от суперновости улеглось, но осталась восхищённо-

настороженная дистанция между Никки и окружающими. Все будто осознали, что Никки больше им не пара: королев по плечу приятельски не хлопают. Девушка старалась вернуться к обычному общению со сверстниками, но ничего не помогало. «Теперь я понимаю Дзинтару... – огорчённо думала Никки. – Люди крепко прибиты к социальной лестнице».

Никкины сотрапезники вели себя по-прежнему дружески, но даже Дзинтара преисполнилась к Никки явным уважением. Заработать за летние каникулы двести с лишним миллиардов – это вам не тигр чихнул.

Джерри отнёсся к событиям спокойнее всех. Для него Никки – это Никки. Королева она или нет – ему не важно. Более сильных чувств к ней он всё равно испытывать не может. Хотя, конечно, он был очень рад за неё. Также мелькнула приятная мысль, что проблема платы за обучение наконец исчезла. Но ему не нравилось, что он так и не смог заработать денег сам. И Джерри решил, что в будущем Гринвич-Центре, об организации которого говорила Никки, он будет работать бесплатно и на совесть.

Во время ужина к столу наших друзей мягко подбежала, держа в зубах письмо, кошка с зелёными глазами и длинной дымчатой шерстью. Зверёк без церемоний прыгнул к Джерри на колени и положил двойную открытку прямо в тарелку с телячьими отбивными. Письмо немедленно открылось, зазвучала весёлая музыка, и три девушки пискляво прокричали со стереофото:

– Милый Джерри! Мы приглашаем тебя на день рождения Энн! Сегодня в девять в холле башни Оленей! Приходи, мы очень ждём!

Джерри покраснел, сунул назад в зубы кошке музыкально-говорящее послание, подмоченное кетчупом, и спихнул дымчатого почтальона с коленей.

– Милый Джерри! – ехидно пропела Дзинтара. – Что, поклонницы преодолевают?

– Просто ужасно! – буркнул Джерри. – Каждый день у них кто-то рождается...

Никки смотрела на Джерри в оба удивлённых глаза:

– И давно это началось?

– С первого сентября, – недовольно сказал Джерри. – Я ещё ни разу никуда не ходил, но они не успокаиваются. А в последние дни все как с цепи сорвались – рождения, именины, какие-то зоовечеринки... Бред!

– Почему же – бред? – подняла брови принцесса. – Посмотри вокруг. Наши мальчики с удовольствием обсудят дифференциальные уравнения и поговорят о молчащих мутациях, а вот насчёт потанцевать... Если оттащить робкого человека от стены во время танцев, то его хватит удар от

ужаса или он безнадежно оттопчет тебе все четыре ноги. Другая часть студентов – вельможи, для серьезных отношений они малопригодны... – Дзинтара вздохнула. – Такие люди всегда будут смотреть на других сверху вниз, а в брак вступят по политическим соображениям и подсказке родителей. Нормальный симпатичный парень, с которым девушке захочется провести время, потанцевать и прогуляться к озеру... – это достаточно большая редкость!

– Что за ерунда! – загорячился Джерри. – Да таких парней сколько угодно! Тот же Смит Джигич!

– А ты знаешь, какой популярностью пользуется Смит? – подняла левую бровь Дзинтара – у неё это очень хорошо получалось. – Хотя ему далеко до твоих танцевальных талантов! Не говоря уж о прочих достоинствах...

Принцесса демонстративно оглядела высокого широкоплечего Джерри. Умные голубые глаза так освещали его добродушную обаятельную носатую физиономию, что у девяти из десяти девушек немедленно возникало желание послать ему приглашение на день рождения, на дегустацию домашнего пирога или просто – почитать вместе вслух любую книгу. И не все могли такое желание перебороть.

– Я дружу с Никки! – покраснев от прямого взгляда Дзинтары, выпалил Джерри. – Неужели это не видно?

– Конечно, видно... – Дзинтара посмотрела на них обоих, и в её красивых карих глазах мелькнула странная жалость.

Как-то вечером Дзинтара и Никки остались одни за столом в кафе. Принцесса задумчиво спросила молодую королеву:

– Что дальше, Никки? Какие у тебя планы на будущее? Если это не секрет.

Никки высказалась вполне откровенно:

– Хочу быть счастливой! Выйти замуж за Джерри, и чтобы у нас были дети и огромный дом.

– Именно за Джерри? Ты сейчас можешь выбирать из множества самых блестящих молодых людей... – осторожно сказала Дзинтара.

– Так сердце говорит. А потом мозг смотрит – действительно Джерри изумительно выделяется из окружающих. Даже взвешивая на аналитических весах, лучше не выберешь. Сердце – не дура!

– Не дурак... – поправила Дзинтара.

– Сердце – не дурак, – с сомнением согласилась девушка-Маугли.

– И это все твои мечты? – продолжала допытываться Дзинтара.

Никки поджала под себя левую ногу. Девушка-Маугли, когда

задумывалась, часто сидела не на стуле, а на своей левой ноге. А иногда и стоя поднимала левую ступню и ставила её на правое колено – как одноногая цапля или дикое дитя африканской природы.

– Ещё я хочу найти того, кто убил моих родителей и нападает на меня, и сделать так, чтобы он никогда больше не смог убивать. Хочу также сделать что-нибудь большое и полезное для других людей. Когда сам счастлив, то очень нужно, чтобы и все вокруг тоже радовались.

– У тебя очень наивные мечты, – сказала Дзинтара.

– Что есть – то есть, – с удовольствием то ли согласилась, то ли не уступила Никки.

В помещении без окон за длинным столом сидели шесть человек. Один из них – во главе стола.

– Ситуация в корне изменилась, и было решено усилить нашу группу. Действовать будем в рамках стратегии «Агрессивный аналитик».

– «Послов» будем отправлять? – спросил низенький и толстый, делающий пометки в блокноте перед собой.

– Может, сначала Снеговика зашлём на разведку, пусть портрет нарисует, – предложил рыжий, с белёсыми ресницами.

– Снеговик дорого берёт, да и занят сейчас, – возразил низенький. – Лучше «послов».

– Задействуем и «послов», и Снеговика, – властно распорядился человек во главе стола. – Если он занят, то пусть бросит своё дурацкое занятие.

– Как называется операция? – спросил самый молодой, быстро перебирающий пальцами по клавиатуре ноутбука.

– Операция «Маугли», – сказал властный человек, и его щека дёрнулась в злобной усмешке, обнажив верхний волчий клык.

Пустяки, просто нервный тик от нервной жизни.

Статус королевы привнёс в жизнь Никки множество не известных ранее хлопот. Ей стали приходить подарки от людей и организаций: книги, журналы, сувениры. Никки попросила Робби сортировать присланное с помощью робота-кентавра – полезное отправлять в детские дома и библиотеки, остальное – в утиль.

Нахлынули светские обязанности: контакты с другими династиями, поздравления к датам и событиям – целый поток информации, в который Никки волей-неволей приходилось окунаться. Много приходилось решать на ходу, даже на бегу. Вот и сейчас – Никки спешила на лекцию профессора

Эксмина, а Робби пристал:

– Что мне делать с электронными и бумажными письмами незнакомых людей? Одних сетевых посланий к тебе приходит несколько сотен в день, и, судя по темпам, скоро их будут тысячи. Там всё есть – вопросы, просьбы, ругань.

– Кошмар! – воскликнула Никки в разгаре поиска последней чистой рубашки. – Ты сумеешь с ними сам справиться? Давай мне читать только важное. На остальное отвечай как хочешь, хоть от моего имени – я тебе доверяю.

Никки договаривала уже в летящем вниз лифте, сидя на его полу и с трудом надевая тесные туфли. Нужна обувь *побыстрее*!

На занятиях по интелкультуре профессор Эксмин охотно беседовал со студентами.

Борм-Сова спросил:

– Что такое бритва Оккама?

– Если в вашем доме запахло серой и возможны два варианта объяснения этого явления: к вам прилетел дьявол или в вашем камине горитдохлый таракан, то бритва Оккама отрезает романтический сценарий с дьяволом и оставляет банальный – с тараканом.

– Я не понимаю слова «парадигма»! – привстала с места любопытная Нинон-Олень.

– Это плодотворное понятие ввёл Томас Кун, древний историк науки. Разные эпохи и науки конструируют свои правила осознания и исследования мира. Парадигма – метод понимания мира, способ видеть – или подозревать – невидимое. Древние замечали вокруг себя духов, современные люди предполагают везде атомы. Смена парадигм называется научной революцией.

Профессор знал миллион интересных фактов и щедро усыпал ими свои лекции, которые часто выглядели бессистемно, но отлично врезались в память.

– Бенджамен Уорф выдвинул глубокую и красивую гипотезу лингвистической относительности. Согласно ему, эскимосы и французы различно видят мир, структурируя его в отличающихся языковых парадигмах, перетекающих в несовпадающие парадигмы восприятия. У чукчи триста терминов для описания снега, и горожанин, для которого снег лишь «грязная каша», ни за что не поймёт, о чём поёт счастливым горлом зверолов, едущий по снежной тундре.

Многие студенты никогда не видели снега и действительно не понимали – о чём там можно петь?

– Бразильские индейцы камайура для синего и зелёного цветов имеют лишь одно название – «цвет попугая». Но могут ли они на практике отличить синий от зелёного? Язык – это социодоговор о систематизации мира, но подписали ли его наши биологические чувства?

– А теория лингвистического Эйнштейна подтвердилась? – спросили из аудитории.

– Нет. Всё оказалось наоборот: среда диктует метод лингвистической структуризации и рождает соответствующий язык. Субкультуры создают субязыки. У физиков и футбольных фанатов, кролиководов и литературных критиков словарные запасы в рамках одного языка настолько различны, что они практически не понимают чужих профессиональных разговоров. Шипастым башмакам альпиниста и пуантам балерины лучше безмолвно улыбаться друг другу. Но! – Профессор поднял палец. – Я бы не стал полностью отбрасывать теорию Уорфа. В ней есть благородное безумие.

– По-моему, вся эта культурная чепуха – балеты, картины и заумные теории – безнадежно устарела, – сказал белёсый Дракон с маленьким носом и арийской челюстью. – Сейчас важны доходность производства и автоматизация менеджмента.

Эксмин рассвирепел:

– Культура – это альфа-стержень цивилизации. Установление нравственных принципов и культурных императивов в обществе – самая главная и трудная проблема любого социума. К сожалению, правительства не умнее вас и занимаются вооружениями, экономикой и прочей чепухой, а на культуру смотрят как на развлечение по уик-эндам. Итог? В малокультурном и бесчестном обществе уйма экономических ресурсов уходит в нравственные дыры, которые не закрыть никакими заборами и решетками, а научное мировоззрение начинает уступать место шаманизму времён людоедства.

– Как понять, где – шаманизм, а где – нет? – спросил рыжий Дмитрий.

– Отличить науку от не-науки очень просто. Наука – это не только парадигма мировоззрения, но и совокупность миллиардов научных фактов, ВСЕ из которых можно проверить на опыте. Например, статистика утверждает, что при броске игральной кости шестерка выпадает в 16,666... процентов от большого числа бросков. Возьмите кость – только не шулерскую – и проверьте это утверждение, получая всё более точные приближения к этому числу.

Интеллектолог нахмурился.

– В отличие от науки, вся пена эзотерики, парапсихологии или

астрологии – это совокупность миллионов заманчивых утверждений, НИ ОДНО из которых подтвердить нельзя. Хронический неудачник, который является типичным потребителем эзотерических текстов и магических техник, отчаянно ищет чудесное средство для улучшения своей прокисшей жизни, пренебрегая доказательствами и здравым смыслом.

С потолка вдруг раздался завывающий голос привидения:

– Когда спариваются скепсис и томление духа, рождается мистика. Ницше.

– Спасибо, Вольдемар, – сказал Экмин, повернулся к студентам и свирепо крикнул:

– Пожалуйста, не будьте дураками! Дураком в наше время быть стыдно – как ходить с грязной шеей. Ненаучная интерпретация реальности породила гору книг, мифов, адептов – и не родила ни одной мышки проверяемого факта. Эзотерика – это бизнес на глупости; постарайтесь, чтобы это была *не ваша* глупость.

– Но ведь астрология – это самый древний раздел астрономии... – возразил Брен, мальчик-Олень с сумрачным взглядом.

– Сейчас астрология дальше от астрономии, чем метеоризм от метеоритики, – фыркнул интеллектолог.

– Моя мама верит в астрологию и всегда интересуется гороскопами, – сказал упрямо мальчик. – Она говорит, что астрологическому учению тысячи лет, и что люди не могут обманываться так долго – значит, в гороскопах есть смысл. И вообще – она любит смотреть на звёзды.

– А кошек и собак она любит? – неожиданно спросил профессор.

– Да, – удивился сумрачный Брен.

Экмин скривил лицо в злое улыбки:

– Тогда сообщи маме, что гадание по внутренностям животных – тоже очень древняя традиция!

Алла-Дракон, лидер феминисток Колледжа, потребовала от профессора высказаться о равенстве полов.

Экмин вздохнул:

– Не путайте равноправие и равенство. Мужчины и женщины равноправны, но не равны. Мужчины в среднем тяжелее и сильнее женщин, зато женщины живут дольше и в среднем умнее мужчин – благодаря лучшему образованию. Выпустите миллион законов о равноправии, но природное неравенство всё равно останется. Да и нужно ли быть одинаковыми? Человеческий род продолжается лишь благодаря некоторой разнице между полами.

Профессор прошёл по оживлённо забормотавшей аудитории.

– Расскажу вам историю про пингвинов. Осенью птицы уходят от открытого моря и кромки льдов, которые легко ломаются в зимние бури. Пройдя семьдесят миль до спокойного каменного берега Антарктиды, они собираются в огромную стаю. Вокруг только лёд и камень – ни еды, ни воды. Зато друзья, любовь и страсть. Через пару месяцев возникает множество семейных пар. Мать держит на лапах огромное яйцо, кутая его в перья. Вокруг – зима, полярная ночь с редкими сияниями, пронизывающий ветер и мороз до минус восьмидесяти градусов Цельсия...

«Бр-р!» – студенты зябко передёрнули плечами.

– Уже два месяца пингвины ничего не ели! И вот изголодавшаяся мать отдаёт яйцо отцу – передача должна быть быстрой – без обогрева птенца под скорлупой замерзает за несколько секунд. Потом мать идёт к морю – поест. Семьдесят миль по льду и трещинам; пингвины плавают хорошо, а ходят плохо. Гибель матери означает неминуемую гибель птенца – для его выживания нужны двое родителей.

Воображение унесло слушателей в ледяную ночную пустыню, где шли и гибли усталые пингвины.

– Голодный отец остаётся на посту. Одному не выжить, поэтому отцы сбиваются в плотную стаю и стоят на штормовом ветру, всё время меняясь: постоял на краю – иди в центр, погрейся. Этот подвиг мужества длится ещё два месяца! Слабые и старые замерзают вместе с нерождённым потомством. Удачливые птенцы проклёвываются и, как заведено, просят есть. Отцы сами не ели ЧЕТЫРЕ месяца! Только снег! Но они буквально отрывают от себя куски и кормят птенцов, с тоской глядя на горизонт. Они теряют половину веса, на костях остаются только кожа с перьями. И тут возвращаются сытые матери.

Эксмин был серьёзен и даже печален.

– Учёные засняли трогательную сцену, когда еле живые отцы знакомят матерей с птенцами... Пронзительное зрелище! Толпа двуногих без перьев, натурально, рыдает. Потом шатающегося от ветра отца-пингвина отпускают пообедать. До воды, где *водится* еда, снова семьдесят миль, и там можно встретить не только рыбу, но и зубастого морского леопарда, который тоже голоден и у которого тоже дети. Марш усталых отцов оказывается для многих смертельным, и самцы в стаях остаются в меньшинстве. Отцы-пингвины чаще матерей платят жизнью за спасение детей-птенцов. Самоотверженность сильнее равноправия...

Профессор вопросительно поглядел на Аллу, но та не нашлась, что ответить.

Джерри вышел из лифта на своём этаже башни Ордена Сов. На большом настенном экране холла повсюду кипели страсти – опять какие-то гнусные космоимперии хотели захватить Землю, а доблестные защитники человечества крошили наступающих бронированных тараканов в мелкий салат. Перед экраном, в зоне оптимальной голографической видимости сидели несколько Сов.

– Джерри, присоединяйся! Наши как раз побеждают... – позвал кто-то.

– Наши? Я болею за тараканов! – цинично сказал другой голос.

Юноша ничего не успел ответить – на него налетела однокурсница Дебби.

– Ты очень вовремя, Джерри! – Дебби перекричала даже вопли умирающих пришельцев и потащила юношу за собой, в дверь с силуэтом девочки с зонтиком.

В коридоре девушек, освещённом качающимся пламенем факелов – вернее, их хорошей имитацией, – двигалась странная фигура в махровом халате и в высоком белом тюрбане. Фигура повернулась жутковатым синезелёным лицом, не спеша ойкнула и величественно скрылась за одной из дверей.

В комнате, куда Дебби привела Джерри, собрались только девушки. Разговаривали все одновременно, за исключением миниатюрной черноволосой Юлии, молча сидящей возле рабочего стола, заваленного сложными конструкциями трёхмерных моделей белков.

Усадив Джерри в кресло, девушки-Совы дружно закричали на него:

– Мы решили устроить пикник для Сов нашего курса!

– У Северного озера есть отличная поляна!

– В лунный теннис поиграем, мяса на углях пожарим...

– Лучше рыбы наловим!

Дебби включилась в общий хор:

– Совы ни разу не собирались вместе! Всё учимся, учимся – вот-вот насмерть заучимся.

Она сердито откинула назад длинные белокурые волосы. Судя по здоровому цвету её лица, опасения Дебби были явно преувеличены.

– В полдень субботы! Согласен, Джерри? – сказала тонколицая Теа.

Джерри, даже не пытаясь переспорить такой коллектив, молча кивнул. Но ему пришла в голову отличная идея:

– А можно друзей из других Орденов на пикник пригласить?

Дебби одним прыжком очутилась перед Джерри. Её светло-голубые глаза горели, как у голодной совы, а волосы развевались вокруг головы змеями Горгоны Медузы.

– Нет, нельзя! – горячо воскликнула Дебби-Горгона. – На нашем курсе шестнадцать девушек и всего девять парней. А ты хочешь пригласить ещё и свою подружку Никки!

– Верно, берём только Сов, – сурово сказала красивая горбоносая брюнетка Самар и щелкнула острым клювом.

Дебби переместилась за спинку кресла и обхватила Джеррины плечи руками. Подбородок девушки очутился на плече юноши, губы – возле Джерринового уха. От волос Дебби вкусно пахло абрикосовым шампунем.

– Мы, Совы, на тебя в обиде, Джерри, – вкрадчиво сказала девушка. – Ты с нами не общаешься, вечно сидишь сычом в запертой комнате!

– Э-э... – убедительно возразил юноша.

– Мы знаем, что Никки – твоя подружка, – продолжала Дебби. – Но кто тебе мешает дружить и с другими девушками? А? – и она горячодохнула в ухо Джерри.

– Не знаю, насколько согласятся эти девушки просто дружить... – стараясь сохранять хладнокровие, ответил Джерри.

– Почему бы и нет? – Руки Дебби уже обвили кольцо вокруг шеи юноши, а остальные девушки захихикали. Только Юлия сидела серьёзная и, не мигая, смотрела сквозь чёлку чёрных волос.

– Мы с радостью взяли бы у тебя несколько уроков танцев, – сказала Теа, улыбаясь, – ты изумительно танцуешь!

Джерри старался делать вид, что мягкие душистые руки, обнимающие шею, являются обычным делом – что-то вроде дружеского рукопожатия, но сердце его билось заметно чаще нормы.

– Да, у Никки – масса достоинств... она богата... мечом машет, как римский гладиатор... – вела свою линию Дебби. – Но знаешь ли ты, милый Джерри, что даже у самых обычных девушек – вернее, у симпатичных и умных девушек! – есть потрясающие, но скрытые таланты?

– Дебора, ты сейчас испортишь нам пикник, – предупреждающе сказала Теа.

– Пойми, мы просто боимся: не так на тебя посмотрим, а нас Никки-Леопард на пёрышки и разорвёт. Нет, нет! хищный Леопард мирным Совам неподходящая компания... – мурлыкала Дебби в ухо Джерри, и он действительно здорово засомневался в этом пикнике.

Романы среди второкурсников завязывались со скоростью степного пожара. О старших курсах из деликатности лучше умолчать.

Дзинтара с Хао не спеша шли по дорожке в сторону кафе, как вдруг кто-то схватил Дзинтару за локоть.

– Что за фамильярность! – возмутилась принцесса, не привыкшая к такой бесцеремонности, а её киберпёс Шарик насторожился и нацелился парализатором на обидчика – высокого симпатичного юношу с пышными чёрными кудрями.

– Простите его, принцесса Дзинтара! – засмеялась хрупкая и тоже черноволосая девушка рядом с юношей. – Он такой нахал!

– Так ты принцесса? – деланно разочаровался юноша, так и не отпустивший локоть Дзинтары. – А я-то обрадовался – какой симпатичный гаврош!

– Хм... – озадачилась принцесса и перестала высвобождать руку.

– Так ты – принцесса или гаврош? – требовательно спросил юноша. – Обычную девушку я пригласил бы прогуляться по лесу, потанцевать или съесть мороженое в Шрёдингере... но если ты – принцесса, то...

– Хм-м... Ну, предположим... – протянула Дзинтара, удивлённо глядя на напористого юношу, но вдруг нахмурилась и перевела глаза на девушку, стоящую слишком близко к нему: – А вы – кто?

– Я его сестра-близнец, – улыбнулась девушка. – Дизиготный, конечно. Меня зовут Артемида, а его...

– Моё имя – Феб! – гордо сказал юноша. – Ты пятую неделю привлекаешь мой небесный огненный взор. Я даже похудел от переживаний и стал сочинять поэму про янтарную рыбу. Две строчки уже есть:

И Феб решил её поймать —
сетями рук, цветов и песен...

Юноша перешёл на стихи!

– Хм-м-м... – задумчиво оценила простоту божественного слога принцесса.

Феб свободной рукой – другая всё ещё держала локоть Дзинтары – выхватил откуда-то крохотный букет алых ромашек и протянул принцессе:

– Это тебе, симпатичный гаврош!

Умный Шарик аккуратно спрятал парализатор.

Романтическим поветриям оказались подвержены не только студенты, но и преподаватели. Жертвой распространившейся эмоциональной лихорадки пала даже такой столп спокойствия и невозмутимости, как Джоан Гуслик. Студенты (особенно хихикающие студентки) стали

замечать, что профессор литературы цепенеет в присутствии профессора Эксмина. Сначала просто деревенеет, а потом покрывается красными пятнами, блуждающими по взволнованному лицу.

Все знали, что профессор Джоан Гуслик – «синий чулок». Правда, никто толком не понимал, что это значит. Профессор всегда ходила в одном и том же фантастическом нецветном балахоне почти до колен. Ансамбль небогато дополнялся широкими брюками на манер паровозных труб, которые научились сгибаться. О бесцветной хламиде Гуслик ходили легенды и горели споры. Что это – монашеская ряса ордена литературных дев? чрезмерно вытянувшийся свитер? плащ мушкетёра?

Возможно, профессор литературы была симпатичной, но этого никто не понимал. Если об этом не знает сама владелица лица, то как смогут догадаться окружающие? Косметикой и прочими женскими искусствами и ухищрениями профессор не пользовалась. Её светлые волосы парикмахер Колледжа подстригал всегда в одном стиле: прямой отпил на уровне шеи.

Впрочем, добродушный стилист и модельер Луиза без колебания убила бы на месте всякого, кто назвал бы эту гадость стилем. Она уже тысячу лет боролась за возможность сделать Джоан Гуслик любую внятную причёску, а не этот «кувшинный горлорез». Но – всякий раз проигрывала с разгромным счётом. В день визита профессора Гуслик в парикмахерскую туда заглядывать уже не стоило: нервная Луиза пила рюмками синтовалерьянку и не смогла бы ровно подстричь даже газонную лужайку, не перерезав ножницами горло сотне земляных червяков.

Зато профессор была литературной мировой знаменитостью.

– Она – гений! – серьёзно сказала принцесса Дзинтара, сидя рядом с Никки в ожидании первой лекции по литературе для гуманитариев. Принцесса ради лекции Гуслик сбежала с биологии, но Джерри с Хао, конечно, остались на своей математике.

Джоан Гуслик любила литературу, жила в ней и понимала её гораздо лучше, чем реальную жизнь.

Профессор была категорическим сторонником умных книг, но отмечала:

– Что мы привыкли считать «интеллектуальной прозой»? Когда текст написан автором с багажом литературно-историко-философских ассоциаций на порядок выше читательского запаса, то средний человек не понимает и половины написанного и делает почтительный вывод – «интеллектуальная проза». Вспоминаю могучий мыслепоток Джойса: «Вот символ ирландского искусства. Треснувшее зеркало служанки». Но богатство ассоциаций – не единственное измерение интеллекта. Увы –

редко встретишь книгу с другой могучей интеллектуальной компонентой – логической, рациональной.

– Логические рассуждения требуют чётко определённых терминов, минимальных по смысловой расплывчатости, – сказала Дзинтара. – А литература традиционно строится на акварельности слов и понятий.

Профессор одобительно кивнула Дзинтаре.

– А что такое ассоциация? – спросил кто-то.

Гуслик задумалась на секунду.

– Как-то на лекции профессор Эксмин употребил выражение: толпа двуногих без перьев. Почему он так сказал?

Глаза профессора замерцали, а голос потеплел.

Буфф-Олень поднял руку.

– Он рассказывал о пингвинах, поэтому сравнил людей с двуногими птицами.

– Правильно, но это не всё... Никки сказала:

– Он намекнул на определение Платона: человек – это двуногое существо без перьев.

– Отлично! – обрадованно похвалила Никки профессор. – И что вы почувствовали, вспомнив платоновское определение?

– Ну... мне было приятно, что я поняла эту ассоциацию, значит, и я, и он – оба читали Платона.

– Верно! – Джоан Гуслик просияла. – Возникла новая ниточка между автором и читателем. Хорошая книга полна неявных сообщений и сама ищет себе друзей. Культуру можно определить как мощный комплекс ассоциаций в многомерном пространстве смыслов. Мышление, создание текста и чтение глубоко ассоциативны; мы живем в паутине культурных нитей, выращиваем новые ассоциации и изнашиваем старые. Есть культурные провода, вызывающие при касании просто электрический разряд.

– Я испытываю нечто похожее, когда проезжаю Верону или Стратфорд-на-Эйвоне, – сказала Дзинтара.

Профессор кивнула:

– Культура гиперассоциативна. Обучение превращает информационные или художественные послы мыслителей в подсознательные рефлекс, встроенные в интуитивную и эмоциональную сферы человека. Развитие интеллекта – это выращивание клубящегося пространства связей, в котором ищутся новые объединяющие идеи.

Гуслик подумала и сказала:

– Платоновское определение человека меня не устраивает, и,

рассматривая человека в контексте цивилизации, я бы сказала так: культурный человек – это ассоциативный человек.

Профессор повернулась и спросила кудрявого румяного Жюльена, вальяжно развалившегося на сиденье:

– А у вас какие ассоциации вызывает слово «человек»? Может, вы предпочитаете дать ему другое определение, отличное от платоновского или моего?

Жюльен из Ордена Сов-умников соорудил снисходительную гримасу на кругловатом подвижном лице и небрежно сказал:

– Человек – это животное, выдержанное в рассоле слов.

Две девушки, сидящие сзади Жюльена, восторженно захлопали. Обаятельный речистый француз, гордящийся своим родственником и тёзкой – Жюльеном Ламетри, знаменитым философом эпохи Просвещения, изящно поклонился в ответ.

Гуслик улыбнулась и снова вспомнила интеллектолога:

– Я во многом согласна с профессором Экмином. Интеллект влачит в человеческом обществе странное существование. Практически нет книг и фильмов про умных юных героев, которые при этом – не смешные рохли, а вполне адекватные молодые люди, способные танцевать, драться и влюбляться. Средний человек не любит интеллектуалов, и массовая культура всячески подпеваёт простакам, стараясь утешить обидчивую серость.

Никки села в пустой лифт на пятом этаже Гуманитарного корпуса и поехала вниз. По стенке лифта ползли древние строки:

Как жалки те, кто ждать не научился!

Ранения не заживают вмиг.

На четвёртом этаже лифт остановился, и в него вошла рыжеволосая Элиза-Дракон. Она была рассеянна и заметила Никки лишь спустя несколько секунд. Лицо Элизы гневно исказилось, и девушка сделала инстинктивное движение к выходу, но двери лифта уже захлопнулись.

– Здравствуй, Элиза, – приветливо улыбнулась Никки.

Рыжеволосая красавица-Дракон не отвечала. Она в упор смотрела на Маугли, и её глаза метали яростные молнии.

– Ты зря так сердишься, – сказала откровенная Никки. – С Джерри у тебя всё равно ничего бы не получилось.

– Много о себе воображаешь, Никки Гринвич! – рассерженно зашипела Элиза. – Если бы ты его не *укра*ла у меня на Балу Выпускников, он был бы мой!

– Ты ошибаешься, – возразила Никки, – наоборот – я тебя спасла от разочарования. Если бы ты смогла *укра*сть его в тот вечер.

Элиза с размаху ударила по кнопке аварийной остановки; лифт обиженно дёрнулся и остановился, пища и мигая огнями.

– Мне плевать, что ты королева! – пылко воскликнула рыжая красотка. – Я впервые нашла такого парня. Танцует как бог! Я его тебе не отдам – он всё равно будет мой!

– Джерри уже сделал выбор, – пожала плечами Никки. – Как же ты собираешься его мне не отдавать?

– Он будет для тебя лишь забавой! – закричала Элиза. – Нечего дурить ему голову. Дружи с принцами и королями, плети политические интриги и оставь нас, простых смертных, в покое. Я всё равно своего добьюсь!

– Я ему нужна, – гордо сказала Никки. – Он меня любит.

И Маугли тряхнула хрустальными волосами.

– Может, пока это и так, – с ненавистью процедила Элиза. – Только фокус в том, что *тебе* он не нужен и даже мешает. И рано или поздно он об этом узнает.

– Что ты несёшь? – удивилась девушка.

– А, так ты этого ещё не поняла? – насмешливо сказала Элиза. – Ничего, ждать осталось недолго. Скоро дойдёт и до самых тупых.

Никки стиснула зубы и внимательно оглядела Элизу, подпускающую непонятные, но такие болезненные шпильки: чертовски красивая девушка высокого роста; изысканный и эффектный наряд; стройная – эталонная, как утверждал невозмутимый Робби, – фигура; лицо и манеры человека, привыкшего вращаться в высшем свете. Она не выращивала морковку себе на завтрак, не ходила босиком круглый год, росла с родителями в тепле и роскоши. И эта красивая ведьма хочет отнять у Никки единственного близкого человека!

Элиза тоже смотрела на Никки ревниво горящими глазами: эта скромница дьявольски умна и настоящий баловень судьбы. Во всём ей удача: в таком возрасте – и уже королева. А эти хрустальные волосы! А непонятное лицо, которое заставило Джерри влюбиться до невменяемого состояния, хоть делай ему антиприворотную прививку! Эта новоиспечённая королева сломает ему жизнь, а он, бедный, поймёт всё слишком поздно...

Прозрачная жаркая ненависть полыхнула в Элизе.

– Вы, короли! – с презрением сказала она. – Вы не можете быть нормальными людьми, не можете без оглядки влюбиться. Вы – мёртвые марионетки аристократического театра. Не отравляй Джерри жизнь. Он живой человек, не отнимай у него простого человеческого счастья.

Воздух в лифте сгустился и зазвенел от напряжения. Вдруг Никки рассмеялась:

– Не много ли ты читаешь на ночь сказок о королях, Элиза?

И тут заметила, что незаметно оживший лифт уже стоит на первом этаже, а у открытой двери толпятся студенты с открытыми ртами.

Элиза первая выскочила из кабины, растолкав зевак.

Вышла и Никки. Она пробиралась сквозь толпу, а вслед ей горели строки:

Не всякий плод на свете скороспелка,
Но созревает всё, что зацвело.

Никки шагала по многолюдному коридору и напряжённо размышляла: «Почему Элиза считает, что Джерри мне мешает?»

Она зашла в обеденный зал. Джерри уже сидел за столиком кафе и читал лаптоп. Никки села и с рычащими интонациями леопарда сказала юноше, поднявшему голову:

– Джерри, если я увижу рядом с тобой эту красотку Элизу, то...

К столу подошла Дзинтара, и Никки замолчала.

Но её молчание было красноречивее слов.

Глава 6

Засада южных

Наступила суббота, но отдыхать было некогда. После завтрака Джерри сразу принялся за реферат. Профессор математики Арно Рой велел описать конкретный пример использования интегральных уравнений. Юноша выбрал получение гидродинамики типа Навье-Стокса из интегродифференциального кинетического уравнения для молекул. Он уже разложил кинетическое уравнение в ряд по малому параметру и приступил к поиску решения для функции распределения в первом приближении, как в дверь постучали.

Джерри нахмурился. Он никого не пускал к себе, и об этом все знали.

Он вышел в прихожую и плотно закрыл за собой дверь комнаты, где было слишком много фотографий, не предназначенных для чужих глаз.

В коридоре стояла Юлия в зелёных джинсах и белой блузке.

Ах, да – пикник!

– Меня послали за тобой, все уже собрались внизу...

Джерри вздохнул, подумав о Чепмене и Энскоге, разработавших замечательный метод получения гидродинамик и тщетно ожидающих его за рабочим столом.

– Ладно, пошли отдыхать.

Спускались в лифте молча, застенчиво глядя в разные углы кабины. Джерри с грустью подумал, что сверхзанятая Никки всё равно не смогла бы пойти с ними на прогулку – каждую субботу она летала в Луна-Сити утрясать свои королевские дела.

В холле уже никого не было.

– Мы их догоним, – сказала Юлия. – Я знаю место пикника.

Они зашагали по лесной дорожке.

Совместная цель всегда сближает.

– Ты почему всегда такая грустная? – спросил Джерри, косясь на сумрачную девушку.

– Как бы тебе попроще сказать, Джерри... – криво усмехнулась Юлия. – Я самая некрасивая среди нашего курса. У меня не сексапильная фигура... не знаю, в каких вольтках измеряется сексапильность, но все подружки искренне заверили минимальность моего... вечно забываю это замечательное вонючее слово... шарма. У меня сонное, невыразительное лицо, нос толще среднего на двадцать процентов, губы тонкие и бледные...

самые оттопыренные уши этажа... мы специально сравнивали... – с беспощадной улыбкой перечисляла девушка.

– Ты просто на себя наговариваешь! – возмутился Джерри.

– Да брось, Джерри, я безнадежна, – уныло пробормотала Юлия. – Меня за тобой послали как самую безопасную. Сейчас мы придём на пикник, и самые красивые девушки-Совы будут тебя очаровывать.

– Я не хочу слышать об этой чепухе, – нахмурился Джерри. – Лучше расскажи, что ты будешь писать в реферате.

– А! Ты уже к нему приступил, – оживилась Юлия. – Хочу рассмотреть уравнения Лотки-Вольтерра для системы «хищник-жертва». Если их слегка обобщить, то можно выйти на решения для странных аттракторов – там такие кривые получаются на сечениях Пуанкаре, закачаешься! Я коллекционирую машинную живопись – иногда даже случайные ошибки в программах приводят к захватывающим пейзажам!

Девушка повеселела, и её лицо осветилось.

– Смотришь на эти удивительные, непридуманные рисунки – и кажется, что в них открывается какой-то новый мир – может, иное измерение или странный ракурс нашей Вселенной... У меня все стены комнаты завешены компьютерной графикой и киберпейзажами. Где-то глазам надо жить? А вот почему одни такие картины нравятся – до восторга, а другие – оставляют равнодушным? Какие-то пространства ассоциативности? Генетический линк?

– А что ты используешь для визуализации решений уравнений? – заинтересованно спросил Джерри.

– О! У меня есть замечательный математический интерпретатор – его разработал мой отец. Папа талантливый программист, но плохой бизнесмен – никому не смог продать свой интерпретатор. А я его с удовольствием использую: он превращает математические уравнения и их решения в виртуальный мир, где можно даже путешествовать.

– Ух ты! А ты не позволишь мне поработать с твоей программой? Есть у меня одна зубодробительная задачка, которая никак не укладывается в моих бедных извилинах...

– Бери, конечно. В этом софте можно даже связывать пространство решений с реальными изображениями описываемых объектов... В виртуальном мире диаграммы Герцшпрунга-Рассела я могу бродить часами, наблюдая разгорающиеся звёзды... А какие там взрывы Сверхновых!

Джерри неожиданно взял и положил ладонь девушки на сгиб своей руки.

Юлия замолчала. Её рука лежала на локте Джерри – испуганная, вздрагивающая. Они пошли совсем рядом – под ручку, как обычная парочка.

– Как мужчина я должен тебе кое-что сказать, Юлия, – сказал Джерри. – Каждый человек, в том числе и любая девушка, воспринимается не как коллекция ушей, носа и талии, а как нечто целое и цельное. Лицо или имя является не сутью человека, а лишь опознавательным знаком, неотделимым от внутренней личности и интеллекта. Когда я слушаю тебя, то вижу перед собой умную очаровательную девушку, и этот облик сохранится за тобой, даже если я отвернусь или мы будем разговаривать по т-фону. Поверь – твоя личность во много раз важнее отдельных недостатков физиономии... Посмотри, кстати, на мой совершенно выдающийся нос...

Юлия нервно прыснула. Джерри убедительно продолжал:

– Счастье не прячется в форме носа и ушей, иначе пластические хирурги стали бы богами. Возможно, есть субъекты, которые судят людей исключительно по внешним данным, но я бы не советовал добиваться признания среди таких убогих типов – нахлебаешься с ними горя... С моей же точки зрения, ты совершенно замечательная девушка, – уверенно завершил юноша. – Хочешь, научу тебя танцевать?

Юлия радостно вздохнула, её рука расслабилась и даже слегка обняла локоть Джерри.

– Ты здорово говоришь, – сказала Юлия, – но факт остаётся фактом – если у совершенно замечательной и умной девушки на носу появится... э-э... например, крупный прыщ, то это резко снизит её... э-э... коммуникационные возможности.

Он возразил:

– В красоте оправданная самоуверенность важнее красоты. И прыщи, и гладкая кожа – вещи преходящие, а суммарное счастье жизни растёт из ума и душевных качеств.

– Почему же вы, мальчики, так заглядываетесь на красоток? – нервно усмехнулась Юлия.

– Это примитивная, инстинктивная биореакция приматов! – защищался Джерри. – Но чем умнее юноши, тем с большей опаской они относятся к красивым девушкам – у многих из них ранний общественный успех гасит желание развивать свой интеллект. Красота – спринтер, ум – стайер, а жизнь – очень неторопливый судья.

– А вот ты – умный и... красивый! – сказала Юлия и заалела щеками.

– Говорить о таких глупостях, как моя красота, я категорически

отказываюсь, – заявил Джерри, а Юлия лишь улыбалась и заглядывала ему в лицо.

Они пришли к озеру, полному солнечных бликов. Место для пикника было выбрано возле устья спокойного ручья. Береговая бамбуковая роща разрослась и угрожающе склоняла над тихо скользящей водой частокол из зелёных суставчатых копий, и верховье потока терялось в сумрачной штриховке тонких стволов.

Совы-второкурсники уже разматывали удочки и разжигали костёр на каменных плитах, защищающих окружающую траву от жара. Когда девушки заметили сияющую Юлию, которая шла под ручку с Джерри, физиономии у многих здорово вытянулись.

Пикник удался.

Мясо с углей вкусно пахло дымом и, политое лимонным соком, поглощалось мгновенно. Пойманную с азартными криками озёрную рыбу – огромного зеркального карпа и десяток крупных форелей – никто не захотел убивать и чистить, и её, сердитую, отпустили назад.

Молодёжь досыта набегалась в лунный теннис, лупя по тяжёлому мячу небольшими пластиковыми ракетками.

Джерри игра не понравилась: всё время приходилось отбиваться. Нет, не от мяча.

Когда все устали, то собрались к костру, вокруг которого разгорелась беседа. Впрочем, беседовать – привилегия стариков; молодёжь неудержимо спорит.

Стайка жёлтых листьев кружилась в озёрном водовороте.

Крупные рыбы высовывали головы из воды, будто прислушиваясь к разговору, а на деле украдкой общипывая береговую траву.

Как всегда, разговор немного попрыгал – и устойчиво завращался вокруг занятий.

Борм спросил:

– Джерри, на семинаре ты здорово доказал теорему про четырёхмерные торы. Как ты научился так ориентироваться в многомерном пространстве?

Все уставились на юношу. Он пожал плечами, взял три дочиста обглоданные палочки от шашлыка и сложил их на траве в равносторонний треугольник. Потом добавил ещё три палочки, соединив центр треугольника с его вершинами.

– Здесь четыре треугольника, лежащих в плоскости, но только один правильный. Можно ли сделать так, чтобы все четыре треугольника стали

равносторонними?

Все промолчали, лишь Юлия открыла рот, но тоже ничего не сказала.

Джерри взял за концы три палочки, соприкасающиеся в середине треугольника, и осторожно потянул их вверх, делая двумерную конструкцию трёхмерной. Перед глазами ребят возник тетраэдр с правильными гранями.

– Все четыре треугольника стали равны! – Теа так восторженно взвизгнула, что Самар, помешивающая угольки дымящейся веточкой, от неожиданности чуть не свалилась в костёр.

– Теперь мысленно соединим четыре вершины тетраэдра с его центром, – продолжал Джерри, – получим пять пирамид, из которых только одна является правильным тетраэдром. Мысленно потянем центральную точку в новое измерение... в пространство, в котором все пять пирамид становятся правильными тетраэдрами... Это и будет четырёхмерное пространство, которое позволяет быть перпендикулярными друг к другу сразу четырём координатным осям. Просто!

– Уф! – сказала Дебби. – Кажется, легче выйти замуж за принца.

– «Просто» – это вовсе не «легко», – улыбнулся Джерри. – Но если почаще заглядывать в другое измерение, то постепенно освоишься... Там интересно: четвёртое измерение распрямляет сплюснутость нашего мира.

– Клянусь катарактой Саурана, ты молодец! – сказал Жюльен.

Кто-то проворчал:

– Учёба надоела до марсианских чёртиков. Профессор Рой завалил домашними заданиями по расчётам траекторий. В орбите планеты вокруг двойной звезды я так запутался, что еле выбрался наружу.

Его поддержали:

– На этих небесномеханических расчётах у меня компьютер сгорел!

– Мир его кремниевому нанопрашу, развеи его в космосе.

– Генетика очень сложный предмет, а профессор Франклин всё время требует то хвост у кота отрезать, то трёхголовую змею вывести.

Дебби вздохнула:

– Когда же мы вырастем и освободимся от учёбы и вечного принуждения?

Жюльен фыркнул:

– Дурашка, взрослой-то и попадешь в настоящий капкан – когда старых боссов над тобой станет во много раз больше, чем тебя. Преимущество тех, кто пришёл первым.

Теа мечтательно сказала:

– Вот бы найти необитаемый остров, где ещё нет власти стариков, и

поселиться там только молодёжной компанией!

– Недурная мысль, но островов на неё не напасешься.

– В Тихом океане до сих пор тысячи необитаемых островов.

– Первое, что мы сделаем на необитаемом острове, – выберем себе начальника.

– Зато он будет молод, и ему можно дать по шее!

И молодёжь у костра притихла, ослеплённая развернувшимися перспективами.

Наивные мечтатели.

Несмотря на утомлённость, вернее, именно из-за неё, Никки каждое воскресное утро шагала на стадион с крыльями, заброшенными за спину.

«Проветривание косной материи!» – говорила девушка.

Джерри сначала сопровождал её, но потом оставил одну в этих воскресных полётах – и Никки была благодарна ему за чуткость.

Одиночество между небом и землёй нельзя ни с кем разделить.

Невозможно описать, что чувствуешь, отрываясь от земли и взлетая в прохладный утренний воздух. Когда восходящий поток подбрасывает тебя – сильно и легко, как сухой лист, душа вскрикивает от восторга, и даже на предельно усталом лице вспыхивает счастливая улыбка.

После парения на крыльях Никки чувствовала себя обновлённым человеком – под встречным ветром груз забот слетал с души.

Астровитянка шла по аллее к стадиону и заранее была счастлива.

Замечательное лунное утро настало недавно. Выпавшая крупная роса серебрила траву, пахло можжевельником, и птицы громко присвистывали, пролетая сквозь горячие лучи солнца.

Девушка вышла на стартовую площадку и уже собралась надеть крылья, когда её окликнули:

– Мисс Гринвич!

Она удивлённо обернулась. Рядом, в директорской ложе стадиона, стоял сам директор Милич и делал ей приглашающие жесты.

Никки мысленно чертыхнулась и подошла ближе, держа крылья в руках.

– Разрешите представить вам принца Вильгельма Ван Дональдса, – торжественно сказал директор.

Из-за стола поднялся плотный мужчина лет сорока пяти с рыжеватыми волосами и внимательными светло-коричневыми глазами.

– Рад встрече, ваше величество! – официально сказал он.

За спиной отца-принца смущённо маячил герцог Джон, студент

Колледжа, хорошо знакомый Никки.

Девушка вздохнула.

Это была засада.

После того, как Никки стала королевой, герцог Джон раз пять приглашал её в свой лунный замок, но она неизменно отклоняла его приглашения. В последний раз он добавил, что с ней хочет встретиться его отец, старший принц и наследник династии Дональдсов, но и это не изменило решения девушки.

Видимо, у самого принца Вильгельма желание встречи было столь велико, что он лично приехал в Колледж и подкараулил Никки с помощью директора Милича, который, выполнив церемонию представления, исчез.

– Чашечку кофе? – предложил принц. Рядом с ним стоял робот-официант с кофейными приспособлениями и чашками.

Девушка отказалась.

– Заехал проведать Джона, – сказал с улыбкой принц Вильгельм, – и тут такая удача – встреча с вами, о чём я давно мечтал.

Герцог Джон еле заметно скривился.

Никки прохладно усмехнулась:

– Рада за вашу мечту.

– Хочу поздравить вас с невероятным успехом... – сказал с приятной миной Вильгельм. Мина была перевязана розовой ленточкой, но от этого не стала менее взрывоопасной. – За столь короткое время вы успели взлететь на самый верх мирового истеблишмента!

Никки нетерпеливо сказала:

– Теперь мне нужно успеть полетать над стадионом.

Принц отбросил реверансы:

– Присядем, пожалуйста, ваше величество, есть важный разговор.

Никки вздохнула, села за стол и велела кофевару:

– Двойной эспresso. Кофе марсианский, сильно поджаренный. Три грамма сахара.

– Я выступаю сейчас и от имени Дональдсов, и как посол от всех Южных династий, – поспешил с главным сообщением принц. – Мы предлагаем вам стать нашим союзником.

Герцог Джон избегал смотреть на Никки.

– Перечислите, пожалуйста, преимущества этого союза для меня, – деловито сказала Никки, поднося к губам крохотную чашечку с густым кофе.

– Э-э... – От такой быстрой реакции принц слегка растерялся. – Династии помогают друг другу в бизнесе – насколько это не противоречит

их личным интересам, вместе защищаются от врагов... э-э... реализуют общие программы...

– Не очень убедительно, – подытожила девушка.

Принц забеспокоился:

– Поймите, ваше величество, одиночная династия – лёгкая добыча для Северных...

– ...или для Южных, – сказала Никки.

Вильгельм Ван Дональдс напряжённо усмехнулся.

– Вам всё равно придётся выбирать, к кому присоединиться... Я прилетел сюда, зная, что вы очень нравитесь моему сыну...

Никки подняла брови, перевела глаза на юношу в чёрном костюме и впервые увидела, как невозмутимый, надменный герцог Джон краснеет.

– Он умный парень и превосходная партия, – сказал довольно принц, глядя на сына. – Когда меня коронуют, а это будет скоро – у моего отца, увы, неважное здоровье... то Джон станет старшим принцем и наследником всей огромной империи Дональдсов. Он идеально подходит к вам и вашему королевскому статусу...

– У Джона масса достоинств, – согласилась Никки, ехидно наблюдая наливающиеся румянцем ланиты герцога. – И в устройстве мальчишников он отменно хорош. Но я ещё не собираюсь замуж.

– С браком можно не спешить, – осторожно улыбнулся принц. – Но официальная помолвка должна стать сигналом нашего союза. И я вас заверяю – никаких мальчишников больше не будет. Помолвка – вещь серьёзная. Я слышал о прискорбном недоразумении в ваш прошлый визит. Слуга, который посмел быть с вами невежливым, уже уволен.

– Как его здоровье? – спросила Никки, скорее у Джона, чем у принца.

– Ерунда, – ответил тот, подняв глаза на девушку, – вывих руки и сломанный нос.

– Я была неправа, – с раскаянием сказала Никки, – надо было его просто оглушить.

Принц Ван Дональдс поморщился:

– Это мелочи, не стоящие внимания. Что вы думаете по поводу моего предложения?

– Политического союза или помолвки? – уточнила Никки.

– Их нельзя разделять, – сказал принц. – Все политические союзы династий базируются на персональных и родственных контактах.

– В этом-то вся проблема, – вздохнула Никки. – Ваш круг друзей включает таких людей, как король Симмонс – с его страстью к экзотическому коллекционированию.

Принц Вильгельм недовольно заёрзал на стуле.

– Девушек никто не принуждает силой заключать контракты.

– Ещё омерзительнее, – сказала Никки, – довести до такого состояния человека без помощи раскалённых клещей! Такое психологическое насилие делает человека не только жертвой, но и соучастником преступления над собой. Душевное увечье на всю жизнь.

– Вы слишком категоричны и жестки, – нахмурился принц.

– Я слишком мягка и жалею, что не сломала пару костей этому коллекционеру, а ведь такая была прекрасная возможность! – без всякой иронии сказала Никки.

– Король Симмонс – мой дальний родственник, – сказал старший Ван Дональдс.

– Совсем плохо, – вздохнула Никки.

– Ты ещё не знаешь, какие экземпляры встречаются среди Северных королей, – сказал хмуро юный герцог.

Никки пожала плечами и повернулась к Вильгельму:

– Передайте привет своему младшему брату Арнольду.

Тот поднял брови:

– Передам. Вы его знаете?

– Немного. А за него мне можно выйти замуж? – спросила Никки без тени улыбки.

Принц напряжённо переглянулся с сыном.

– Теоретически можно, – медленно сказал Вильгельм, – но у Арнольда нет шансов стать королём.

– Это-то и привлекает, – кивнула Никки.

Герцог Джон решил взять в свои руки переговоры, зашедшие в тупик.

– Отец, дай нам поговорить, пожалуйста, – попросил он.

Девушка вздохнула и перевела взгляд на стадион. Ложа нависала над трибунами ласточкиным гнездом и словно парила в дрожащем, теплеющем воздухе.

– Никки, – сказал горячо Джон, когда они остались одни, – забудь, пожалуйста, старые недоразумения... Это такие пустяки по сравнению с чувством, которое я испытываю к тебе. И разве ты можешь сказать, что я тебе безразличен?

– Не могу, – легко согласилась Никки.

– Ну вот! – обрадовался Джон. – Никки – ты удивительная девушка, я никогда таких не встречал. Ты должна знать, что я стал совсем другим человеком после... Ты не будешь разочарована – дай мне только шанс!

Карие глаза герцога умоляюще смотрели на Никки, а его длинные

прямые иссиня-чёрные волосы эффектно раздувались ветром вокруг бледного красивого лица.

Никки внимательно разглядывала герцога Джона – и никак не могла найти слов, приличествующих ситуации.

– Ваше величество, что вы ответите на моё... наше с Джоном предложение? – сказал вернувшийся принц.

– Я подумаю, – спокойно сказала девушка.

– Тот, кто не стал другом, неизбежно становится врагом, – впервые за разговор оскалился принц. – Учтите это в своих раздумьях, ваше величество. У союза Южных династий есть специальная служба, которая занимается политическим и экономическим... э-э... переориентированием независимых династий. Рано или поздно все новички осознают силу поговорки: химера независимости прожорлива – в одиночку её не прокормить. Если вы в ближайшее время не примете решения, то вами займутся всерьёз!

В голосе принца Вильгельма уже отчётливо звякал металл.

А вот звякать было не нужно... Никки поднялась на ноги.

– Спасибо за кофе, джентльмены, я улетаю!

Принц с сыном, сидевшие вокруг стола, невольно загораживали выход.

Тогда Никки усмехнулась, запрыгнула на барьер ложи и бросилась вниз – в пустоту стадионного пространства. Герцог Джон вскочил на ноги и что-то крикнул вслед девушке.

Она не расслышала его слов. Крылья с хлопком наполнились и развернулись, но скорость без разбега была мала – Никки провалилась до самых скамеек, прежде чем сумела разогнаться и отойти от трибунного крутого склона.

Это был рискованный трюк – но не опаснее аристократических переговоров.

Никки взлетела под самый купол и твёрдо решила не спускаться, пока на земле болтается хоть один принц или герцог, сожри их всех Сатурн!

Джерри зашёл к Никки в комнату. К его удивлению, она сидела перед телевизором – редкое для занятой девушки времяпрепровождение. Он всмотрелся в экран, где полицейские пытались рассеять толпу демонстрантов. Летели гранаты со слезоточивым газом, ответные камни ударяли в прозрачные щиты, резиновые дубинки сминали пластиковые лозунги, обрушивались на головы и плечи, искрили шоковыми разрядами. В стремительных движениях и в криках людей была очевидна ненависть; она клубилась над дерущимися, пропитывая воздух ядовитым чадом.

На крыше припаркованного автомобиля стоял человек в чёрном. В руке он держал усилитель и подстёгивал беснующуюся толпу:

– И сотворил Бог человека по образу Своему! По образу Божию сотворил его!.. Менять божественный облик человека есть дьявольский соблазн!.. Гордыня! Богохульство! Грядёт последний суд и спасутся! Лишь кроткие и смиренные сердцем!

Толпа вопила в ответ.

– Из-за чего бушуют смиренные сердцем? – спросил Джерри.

– Они протестуют против закона о свободе геномодификаций. А полицейские не пускают людей к зданию ООН.

– Ну и пусть подошли бы и высказали свою точку зрения! – нахмурился Джерри.

– Демонстранты не просто митингуют, – сказала Никки. – Они уже разгромили известную генетическую лабораторию на атлантическом острове Холодной Весны и линчевали двоих учёных. Один умер, другой в больнице.

– Ужасная история! – вздрогнул Джерри.

– Судя по прогнозам аналитиков, скоро это будет обыкновенной историей, не стоящей упоминания в новостях. Мир начинает трещать по швам... Я тоже против закона о свободе геномодификаций, но когда я смотрю на этих демонстрантов, мне становится не по себе...

Никки выключила тиви-трансляцию и спросила:

– Робби, как дела со списком? Выяснил, кто его составил?

– Пока нет. Анализ записей Джерриного отца наводит на мысль, что он получил список от какого-то знакомого учёного. Вероятнее всего, список был создан в Дарнеги-центре, где долго работал отец Джерри. И вполне возможно, что составители списка не имеют прямого отношения к убийствам – они лишь исследователи, труды которых кем-то используются.

– Кем?

– С вероятностью полтора сигма – кем-то из Южных династий. Несколько лет назад Дарнеги-центр был куплен компанией «Зороастр-Инк», явно принадлежащей кому-то из Южных. Но определить, какой конкретно династии принадлежит «ЗороастрИнк», трудно.

– Работай дальше, Робби. Мы тоже подумаем, с какого конца подобраться к этой задаче... Тебе помогут полицейские досье об убийствах людей из списка?

– Да, но учтите, что детективная работа – это лицензированная область моделирования...

Никки задумчиво сказала:

– В этом жутковатом списке мне жаль не только умерших, но и живых...

– Почему? – спросил Джерри. – Из-за опасности, которая им грозит?

– Из-за того, что на них лежит печать обречённости... Если ты попал в список, то стал ключевой фигурой будущего, рычагом изменения мира. На тебя ложится неизбежная тяжёлая ответственность... Эйнштейн был пацифистом, но из-за угрозы создания нацистами атомной бомбы ему пришлось бросить свой авторитет на политические весы и выступить за разработку атомного оружия. А потом были Хиросима и Нагасаки... Я думаю, что каждый человек из этого списка будет восхваляем и проклинаем одновременно. Ни одно масштабное действие или нововведение не остаётся положительным или нейтральным. Оно всегда имеет оборотную, отрицательную сторону, всегда прокатывается колесом по чьим-то судьбам.

– А если ничего не делать? Попал в список ключевых людей, но умыл руки.

– Тогда будет ещё хуже. Этим список и ужасен – если ты в нём, то любое твоё действие или бездействие отзовется оглушительным эхом. Бедняга, ты стал Гулливером среди лиллипутов. Как бы осторожно ты ни двигался, всё равно сломаешь кому-то спину.

– Мне это не нравится. Дьявольский список.

– Никому из нормальных людей это не может нравиться.

На занятии по интелкультуре профессор Эксмин рассказывал об искусстве полемики:

– Это обширная и увлекательная тема, но я ограничусь рассмотрением спора между интеллектуальными соперниками, ценящими юмор.

Профессор походил по залу и со вздохом сказал:

– Полемика – это фехтовальный диалог по определённым правилам. Нельзя дискутировать с людьми, не разделяющими дуэльный кодекс. Бросить вызов: «Милостивые государи! Кто тут против концепции лингвистического релятивизма?!» – в гуще овощного деревенского рынка – чревато последствиями. Дискуссии не получится: вас просто забросают невнятными кочерыжками народного гнева.

– А что – в полемике есть какие-то правила? – удивился кто-то.

Профессор утвердительно кивнул.

– Главное правило словесной дуэли – максимум яда и максимум вежливости. В полемике много подводных нюансов: ролевые маски, умение блестяще проигрывать, «удар вилкой». В моей книге «Искусство полемики» приведена полная классификация острых двусмысленностей...

– А можно какой-нибудь простенький пример? – спросила Самар.

Профессор перевёл взгляд на заднюю парту, где сидел толстенький Дракон, хозяин памятной кибервороны.

– Рассмотрим самый классический выпад: «Ты – дурак!»

Все рассмеялись, а Дракон побагровел.

– Классический же ответ: «Сам дурак!» показывает, что оба беседующих – одного дурацкого поля ягоды. Лучше, например, ответ: «Среди таких гениев, как вы, сударь, я предпочитаю оставаться дураком». Вы формально поддержали тезис грубияна, но перевернули ситуацию так ядовито-вежливо, что для других не останется сомнений в том, кто из вас настоящий дурак.

– Значит, прочитав вашу книгу, можно выиграть любой спор? – радостно воскликнул кто-то.

– Нет, конечно! – удивился Эксмин. – Есть категории споров, где победить нельзя в принципе. Полемику вокруг жизненно важных вещей – как, например, широко обсуждаемый сейчас закон о свободе геномодификаций – ни одна сторона выиграть не может, потому что поражение непереносимо для проигравшего. Значит, время цивилизованной полемики будет быстро исчерпано и чистые доводы логики и остроумия заменятся на грязные аргументы шантажа и войны.

– Что такое «блестяще проигрывать?» – заинтригованно спросили из зала.

– Все полемические раунды выиграть невозможно, – пояснил профессор. – Если проигрываете, то не упорствуйте, вызывая жалость и усмешки, а добродушно и вовремя признайтесь в проигрыше. После чего снисходительно или покровительственно, а ещё лучше – удивлённо – похвалите соперника за его успех. Этим вы отравите ему всю радость победы.

Профессор смеялся и язвил беспрерывно и над всеми: от него трудно было услышать фразу без сарказма.

– Почему вы всё время шутите? – не выдержал серьёзный Митр-Олень.

– Вылетевшее слово без жала – просто муха. Разве мне, старой змее, – трудно?

Профессор Эксмин любил приговаривать, ставя низкий балл:

– Сами потом благодарить будете! – чем вызывал дополнительный эмоциональный всплеск у студента, и без того раздражённого плохой оценкой. Чего, собственно, профессор и добивался, гадюка ядовитая.

Эксмин обожал всякие испытания и провокации – вот и сейчас он

обратился к аудитории.

– Делаю вызов, – профессор сделал паузу, – и предлагаю достойно ответить! Юмор важен, но убедительность ценнее.

Все заёрзали и напряглись лицами – для большей умственной сосредоточенности.

– Если вы такой умный, то почему такой бедный? – надменно бросил в зал профессор.

Молчаливая пауза. Все лихорадочно ищут в пустых головах: чем срезать сэра Эксмина?

– Умный слишком мудр, чтобы попасться в капкан богатства, – неожиданно сказала Никки.

– О чём вы говорите? – весьма натурально удивился Эксмин. – Зависть к богатым живёт в большинстве сердец.

– Глупым быть ещё хуже, чем богатым, – кивнула Никки. – Но сердце умного полно жалости к богачам.

– Как можно жалеть людей, у которых так много денег и возможностей их потратить? – возразил Эксмин.

– Тратить деньги – труд, занимающий всё время, – улыбнулась девушка. – Богатство пожирает жизнь человека.

– Все мечтают разбогатеть и жить в вечном празднике, – заявил профессор.

– Праздные люди мертвы в течение всей своей долгой жизни, – парировала Никки.

В диалог вмешался Вольдемар:

– Это мысль Томаса Фуллера, историка и биографа.

Профессор удивлённо спросил, выходя из полемического образа:

– Зачем же вы сами так разбогатели? Не жалко себя?

Студенты заинтересованно обернулись на юную королеву.

– Жалко, – тихо и серьёзно сказала Никки. – Я жертвую собой.

Неожиданно её голос дрогнул.

Аудитория зашушукалась. Смешно никому не было.

Профессор Эксмин внимательно посмотрел на девушку и сказал:

– Мисс Гринвич, вы меня убедили. Вы достойны «серебряной мудрой змеи»!

Все зашумели. До этого аудитории доставались лишь поощрительные титулы «медного ужа», «чугунной пиявки» и совсем уж ничёмного «резинового головастика».

Профессор сходил к кафедре и вернулся с редчайшим призом – витой змейкой.

– Присваиваю вам почетное звание «Серебряной змеи»... с сапфировыми глазами! – не сдержавшись, добавил Эксмин. Всё-таки был, был профессор интеллектологии тонким ценителем женской красоты!

На следующий день директор Милич объявил студентам: в Колледже появился штатный психоаналитик и психолог.

– Чтобы познакомиться, доктор Фростман индивидуально побеседует с каждым, – сказал директор Милич и кивнул крупному седовласому мужчине в очках и мешковатом костюме с хорошо пережёванным ярким галстуком. Доктор имел глубокоморщинистое лицо и подбородок, неровно изрытый возрастом.

Никки лишь мельком глянула на нового сотрудника Колледжа – и снова углубилась в свои мысли и завтрак. Но ей пришлось познакомиться с доктором Фростманом поближе в тот же день.

За ней заявился директорский кентавр и лично проводил девушку в кабинет штатного психоаналитика.

– Рад вас видеть, мисс Гринвич! – Эту приветливую фразу доктор Фростман сказал таким равнодушным голосом, что Никки сразу насторожилась.

Доктор закурил сигарету и окутался клубами волокнистого дыма. Вентиляторы работали исправно, но едкий запах горелых растений всё равно заставил Никки поморщиться.

Какая-то машинка на столе доктора мерно и раздражающе постукивала.

– Когда вы проходите мимо открытой двери чужой комнаты, – неожиданно спросил Фростман, – повернёте ли вы голову, чтобы посмотреть внутрь?

– Не знаю, – пожала плечами Никки. – Наверное, нет. Зачем вы спрашиваете?

– Я вскрываю ваш паттерн стимульных элементов, – хладнокровно сказал доктор, – из-за которого вы представляете собой проблему.

– Почему вы видите во мне проблему?

Но с доктором было трудно разговаривать. Он отвечал только на те вопросы, на какие считал нужным.

– Не важно, что я в вас вижу. Важно – чем вы являетесь.

– И чем же я являюсь?

– Предметом исследования.

– Значит, вы здесь из-за меня.

– Люблю умных людей, – сказал довольно доктор. – Глупых надо ещё

поднять и расшевелить; с умными всё проще – они сами бегут, их нужно только направлять.

– Боюсь, что со мной у вас действительно будут проблемы, – просто и без нажима сказала Никки.

– Я и появляюсь только там, где возникает серьёзная проблема. Я её анализирую и решаю – или даю рекомендации по решению. За это мне и платят.

– Кто вам платит за пребывание здесь?

– Вы же не надеетесь, что я отвечу на этот вопрос? – усмехнулся доктор, не сводя внимательных глаз с Никки. – Но я отвечу. Меня нанял Попечительский совет для улучшения психологической атмосферы в Колледже.

– Почему она вдруг испортилась?

– Исследованием этого вопроса я как раз и занимаюсь.

Доктор закурил новую сигарету и с удовольствием выпустил клуб дыма, достигший Никки. Та демонстративно скорчила гримасу.

– Зачем вы так много курите?

– По ряду причин. Во-первых, *мне* нравится. Во-вторых, курение – слабость, и все это знают. Вы подсознательно приходите к выводу о моей слабовольности, и это плюс в мою пользу. В-третьих, дым *вам* не нравится. Вы раздражаетесь, уходите из точки баланса, становитесь уязвимее.

– Не очень надейтесь на мою уязвимость, – холодно улыбнулась Никки. – Многие испытывали меня на прочность, но без особого успеха.

– Вы говорите об этих овечках из Попечительского совета? – пренебрежительно отмахнулся доктор. – Их беспомощность перед лицом такого противника была столь очевидна, что потребовалась помощь профессионала. Лучшего в своей области. Поэтому я здесь.

– Почему вы так откровенны? – удивилась Никки.

– Потому что я ценю простой, но эффективный метод психологического давления, – невозмутимо сказал доктор Фростман. – С этого дня вы часто будете думать обо мне. Очень часто. Вы – дитя природы и никогда не сталкивались с по-настоящему умным человеком. Вы ловко орудуете кулаками, мечами и прочими глупыми материальными предметами. Но здесь они вам не помогут.

– Значит, доктор, вы – враг? – прямо спросила Никки.

– Вовсе нет! – Доктор вдруг расцвёл обаятельной улыбкой. – Я хочу вам помочь! Вы сами не знаете, насколько ваше положение опасно. Неужели вы подумали, что я могу нанести вам вред? Ведь врачи дают клятву Гиппократата! Да, я готов на многое, чтобы выбить вас из

самодостаточного равновесия, в котором любые внешние сигналы несущественны. Вы горды и самоуверенны, властны и альтруистичны – такое состояние отрицает эффективный диалог. Доверьтесь мне, давайте не спеша поговорим о вас... Никто не узнает о содержании нашего разговора – это врачебная тайна. Вы увидите – вам станет легче. Вы так долго жили одна... под стрессом смертельной опасности... вам нужен человек, которому вы сможете доверить свои печальные... тяжёлые... тайные мысли...

Машинка на столе доктора стучала всё громче и громче.

Голос доктора гипнотически обволакивал девушку, и ему нельзя было не верить! Он был убедителен. Слишком убедителен, чтобы быть искренним.

Усилием воли Никки стряхнула с себя оцепенение, вскочила, дошла до двери и обернулась.

– Ну и работка у вас, доктор! А вы когда-нибудь терпели неудачу? Как часто ваши рекомендации оказывались неправильными?

– Никогда, – спокойно сказал доктор Фростман. – Вы – сложная проблема, но тоже будете решены. Как всегда.

– Любое «всегда» когда-нибудь заканчивается! – И Никки вышла.

Доктор произвёл впечатление на девушку. В его поведении и словах чувствовался могучий и безжалостный интеллект, цинично поставленный на службу врагам Маугли – всё ещё неизвестным, но всё время дающим о себе знать.

Итак, она получила в Колледже личного надзирателя. Хитрого, как сто чертей! Каких неприятностей ждать от него?

Девушка зашла в свою комнату. На экране дисплея мигало письмо, состоящее из одной строки:

«Поздравляю с титулом, королева! Я тебя люблю. Будь готова к проблемам».

«Кто тут так влюбился?» Никки всмотрелась в сетевой адрес отправителя и озадаченно подняла брови. Писал эйнштейнианец – если судить по стандартной части адреса, но вместо имени был пробел. Никогда Никки не видела такого необычного адреса. Пробел. Space. Пустота. Космос. Пространство.

– Кто это объясняется мне в любви? – спросила она Робби.

– Затрудняюсь идентифицировать, – ответил тот.

Никки написала: *«Ты кто?»* – и нажала клавишу ответа.

Сразу высветился ответ Сетевого Почтальона:

«Такого адреса не существует. Письмо не может быть доставлено».

– Как же ты мне доставил письмо с несуществующего адреса? – воскликнула Никки. И отвернулась к кофейнику – налить себе чашку. За спиной тренькнул сигнал. Девушка обернулась: загадочный адресат ответил на недоставленное письмо!

«Я – наблюдатель. Всё время слежу за тобой. И думаю о тебе».

«Мне не нравятся шутки анонимов! Представься!» — набрала Никки.

«Не могу. У меня нет имени», – ответил экран и на этом прекратил общение. Никки пожала плечами и выбросила из головы собеседника, напускающего на себя излишнюю таинственность.

Пространство снова подало голос через несколько дней. На экране засветилось:

«Победить зло нельзя, просто уничтожив его. Его нужно ещё заменить добром – чтобы не возникало нравственного вакуума».

«Зачем ты мне пишешь?» – спросила Никки.

«Ты – мой шанс. Мне хочется тебе помочь».

«Что ты можешь?»

«Я гораздо умнее и опытнее тебя. Это плохо, потому что ты меня не понимаешь».

Больше Голос ничего не захотел добавить.

– Кто так странно объясняется? – удивилась Никки.

Робби откликнулся:

– Я не могу построить устойчивый психопортрет нашего собеседника. Но полагаю, что он – не человек и не компьютер.

– Ты меня заинтриговал. В меня влюбился зелёный человечек? Может быть, Голос – это шутки доктора Фростмана? Тогда от общения с ним хорошего ждать не приходится.

Робби уверенно ответил:

– Анализ показывает, что пишущий эти письма достаточно доброжелателен. Но, конечно, себе на уме.

– Ну, тогда пусть вещает. Я где-то слышала, что доброжелатели обожают анонимность.

Глава 7

Темный космос

В ноябре Никки позвала Джерри в Шрёдингер. Когда проезжали по тоннелю, юноша косился на чёрные провалы боковых ходов, но Маугли их игнорировала.

Они прошли по главной улице городка, тщательно имитирующей средневековые, потом наугад свернули в проулок – и наткнулись на большой павильон-замок с полыхающей вывеской «Министерство магии».

– О! – оживился Джерри. – Это гаррипоттеровский магазин волшебных товаров.

– Мне так и не удалось прочитать эту книжку, – сказала Никки.

Друзья прошли сквозь каменную арку, завешенную ветхим занавесом. Их встретил молодой продавец с бритой головой и конопатой улыбкой.

– Входите-заходите! – частил он. – Умрёте от восторга! Наши волшебные товары используют новейшие достижения наноэлектроники, а меня зовут Стэн.

Продавец, приглашающе махая руками, повернулся к ним спиной. Из затылка продавца торчала пренеприятная красноглазая маска то ли человека, то ли змеи.

– Чего уставились, мерзкие маглы? – проскрипел человек-змея, сверкнув щелевидными зрачками, и заворчал: – До чего я докатился! Держал в страхе весь мир, а теперь служу помощником лавочника. Требую немедленной прибавки к зарплате!

– А вас как зовут? – спросила Никки глазастый затылок продавца.

– Меня нельзя называть, – буркнула затылочная маска, – подавись они все змеиным молоком!

Стеллажи магазина были заполнены непонятными для Никки предметами. Здесь продавались пучки прутьев, надетые на полированные шесты, и мумифицированные руки со свечами; таинственные серебряные приборы, выпускающие клубы дыма, и шахматные доски, где фигурки переругивались и махали кинжальчиками.

На полу стояли бочонки с золотыми монетами и большой сундук с мрачно-красными кристаллами. Криво висел ценник: «Философские камни для бессмертия и богатства, 60 центов. Два камня – за доллар!»

На подносе мигала груда значков: «Я – Пожиратель Смерти», «Я люблю Гарри Поттера!», «Я обожаю профессора Снейпа!» На крючке висел

парик с крупными завитками и надписью «Скальп Риты Скитер», рядом сутулилась приземистая кукла в розовой кофточке «Профессор Амбридж».

Джерри с удовольствием ворошил кучу маскарадных масок: «Кошка Гермiona»... «Красавчик Грюм»... «Весёлый инфернал»... и вдруг вскрикнул – черномордая Гермiona неожиданно укусила его за палец, а потом кокетливо улыбнулась, зверюга. Рядом уже знакомый человек-змея злобно моргал на мудро улыбающуюся седобородую маску «Душка Дамблдор».

– Широкий ассортимент волшебных палочек! – восклицал продавец. – От простых «Авада Кедавра» с лампочкой, до самых сложных – со встроенными процессорами и голографическими проекторами. «Пальцем вейлы» вы можете пускать фиолетовые пузыри, разноцветные лучи и даже вызывать Патронуса!

Никки ничего не понимала, но на всякий случай улыбалась. В воздухе плавали горящие свечи, носились крылатые мячики и красно-золотой феникс. Девушка поймала одну из свечей. Судя по лёгкости, она была наполнена гелием и содержала каплю изотопной краски.

– Вредноскоп светится, когда кто-то вам врёт! – разливался Стэн.

Небольшой шарик светился непрерывно, видимо, реагируя на речи продавца.

Никки увидела знакомый потёртый колпак:

– О! – обрадовалась она. – Старая кожаная шляпа!

– Привет! – открыл колпак чёрный косой рот. – Трудности выбора? Поболтаем?

– Не слушайте эту старую рухлядь, – ласково сказала мутное шестифутовое зеркало. – Подойдите, и я покажу вам всё, о чём вы мечтаете!

Огромное яйцо на соседней полке сердито застучало и стало раскачиваться. Наконец, кусок пёстрой скорлупы отвалился, и из отверстия пыхнуло огнём. Вслед показался дракончик с колючей мордой. Он осмотрелся по сторонам, грязно выругался – и вернулся в яйцо, плотно захлопнув скорлупу.

Джерри веселился вовсю, разглядывая волшебные товары, но у Никки «вязанные мочевые пузыри», «мозгошмыги» и «кзыкастые фрисби» никаких ассоциаций не вызвали. Девушка заглянула в «набор начинающего негодяя», попыталась разгадать принцип действия «мантии-невидимки», но быстро сдалась.

– Здесь масса сложной электроники, – сказал Джерри. – Технология смогла превратить волшебные вещи из «Гарри Поттера» в реальные

игрушки.

– Испытайте наши легендарные аттракционы! – заманивал продавец. Затылочная маска вздохнула и закатила глаза.

– Самый популярный – «Спуск по канализационным трубам». Но «Раздуй тётушку Мардж» тоже пользуется большим успехом. А многих посетителей за уши не оттащишь от игры «Врежь Малфою».

Стэн так замахал руками, что даже слегка взлетел.

– На аттракционе «Извергающийся унитаз» вы просто обхохочетесь! Последняя новинка – «Омолаживающая ванна Вольдеморта» – вошла в моду даже у взрослых.

Продавец указал на отдельный стенд:

– Рекомендую наши бытовые новинки: портативный кондиционер «Поцелуй дементора», оздоравливающий крем «Гной бурбонтюбера» и гиперклея «Сопли тролля».

Стэн помахал какими-то книжками:

– Жидкокристаллическая схема Луна-Сити «Карта мародёров» и говорящий еженедельник «Дневник Реддла»!

В воздухе возникло молочно-туманное привидение с головой, всё время клонящейся набок. Призрак придерживал её одной рукой за ухо.

– Посетите наш буфет! – приветливо сказала привидение в старинном костюме. – Хоть посмотрю, как едят живые.

– Как жизнь, Почти Безголовый Ник? – спросил Джерри.

– Вы бестактны, – с достоинством ответило привидение. – Разве это жизнь?

Никки и Джерри, сопровождаемые продавцом и привидением, отправились в буфет.

В центре павильона раскинулся двухметровый вокзал с железной дорогой. Красный паровоз свистнул и тронулся в путь к живописному замку у озера. Машинист выглядывал из паровозной будки и проницательно щурил оловянные глаза.

На буфетных столиках лежали газеты «Ежедневный пророк» и «Ведьмин досуг».

Зеркальная стойка бара наполнилась бутылками со странными напитками: там было «Сливочное пиво», «Кровь единорога» и совсем уж подозрительная «Желчь броненосца». Закуски в витринах показались Никки не менее сомнительными: перечные чёртики и блевальные батончики.

В меню предлагались «Тушенная говядина с когтями» и жаркое «Крыса Ньюхалза».

Отдельная витрина называлась «Блюда с бала привидений». Никки увидела, как шевелятся лепешки на подносах, и поспешно сказала:

– Я не голодна!

У входа в отдел «Киберволшебник» сидела горгулья и степенно беседовала с огромным пауком. Они оба попробовали улыбнуться посетителям; на второй попытке горгулья вывихнула себе челюсть.

Здесь бродили одетые в полотенца пучеглазые домовые эльфы и гномики с шишковатыми лысинами. Над ними парил летающий человечек с водяной бомбой в руках: человечек во всех целился, но бомбу не бросал, жмот.

Гоблин с острыми ушами, кентавр и трёхголовый пёс, ожидая новых хозяев, резались в булевы кости. Василиск с этикеткой «портативная модификация» внимательно наблюдал за игроками, рассерженно шипя при их неудачах. Его не брали в игру из-за безрукости и безлапости.

– Купите меня! – с мольбой обратилась к друзьям кареглазая эльфа. – Я буду служить вам верой и правдой.

– Лучше меня, я на полгода её новее! – сунулся вперёд зеленоглазый домовый. Эльфа злобно взвизгнула и поставила ему подножку. Домовой хлопнулся ничком, согнув о пол длинный нос, но быстро вскочил и сказал: – Это не считается! У меня прекрасная система стабилизации. Просто мой главный гироскоп сейчас отключен.

Засмеялись и закашляли пустые рыцарские доспехи.

Рыжие саламандры и мелкие ярко-синие черти подметали пол, переругиваясь насчёт оптимальной стратегии уборки мусора.

– Пожалуйста, заходите ещё, мерзкие маглы! – проскрипела вслед друзьям маска змее-человека. Это была версия для самых юных покупателей – с законодательно ограниченным набором ругательств.

Друзья вышли из «Министерства» через дверь в большом камине. Пройдя пару кварталов, они попали на бетонную Мун-Плазу: гулкое пространство с шипящим фонтаном в центре и газонами по краям. На краю площади стояло главное деловое здание Шрёдингера в семь этажей.

Никки спросила Джерри:

– Тебе здесь нравится?

– Неплохо, – кивнул Джерри. – А почему ты спрашиваешь?

Никки загадочно улыбнулась – этакая темнила! – и они зашли в здание, где висело объявление о сдаче в аренду деловых офисов на свежееотремонтированном пятом и четвёртом этажах.

Девушка попросила выскочившего навстречу молодого клерка показать им офисы.

На четвёртом этаже ей понравился угловой кабинет, декорированный золотым тисом, и она с удовольствием развалилась в белом кожаном кресле за широким лакированным столом из узорного дерева.

– Этот офис очень дорогой, – осторожно сказал клерк. – Он сдаётся вместе с двумя смежными комнатами.

– Сколько всего офисов на этом этаже?

– Пятьдесят два. – Клерк не скрывал досады на то, что теряет время на экскурсию для двух подростков.

– А на обоих этажах?

– Сто десять! – Молодой служащий тратил последние монетки своего терпения.

– Кто составляет договор об аренде? Вы? – спросила Никки, не обращая внимания на клерковую нервность.

– Менеджер здания, – ещё больше нахмурился тот.

– Позовите его сюда, пожалуйста, и скажите, пусть захватит побольше нужных бумаг – я снимаю оба этажа на три года, – и Никки развалилась в своём новом кресле.

Служащий остолбенел, потом осторожно двинулся к двери, не сводя глаз со странных посетителей.

– И захватите, если не трудно, минеральной воды, – попросила Никки, – похолоднее.

Клерк не то кивнул, не то споткнулся в проёме дверей и исчез.

Девушка посмотрела в окно, выходящее на единственный парк Шрёдингера. Неплохой вид. Не Колледж, но всё-таки.

Джерри удивлённо сказал:

– Ты выбрала место для Гринвич-Центра? Адвокат Дименс уже вытряс что-то из Страхового фонда?

Никки победно улыбнулась:

– Сто миллионов! И это лишь начало. Поздравляю тебя, Джерри, – больше нам не придётся переживать по поводу платы за Колледж.

– Это я тебя поздравляю, – сказал, улыбнувшись, Джерри. – Надо отпраздновать основание Гринвич-Центра.

Девушка кивнула:

– Непременно. Как только Центр будет официально зарегистрирован, мы устроим шикарный приём – на другом этаже есть хороший зал, он вместит человек двести-триста.

Джерри имел в виду гораздо более скромный вариант праздника, но лишь вздохнул и возражать не стал. Королевы лучше знают, как управлять своим королевством.

– Первым сотрудником нашего Центра будет детектив, – вдруг сказала Никки. – Наконец-то у нас есть деньги, чтобы провести тщательное расследование смерти наших родителей. Нам нужен профессионал – с лицензией и опытом – который сможет вычислить убийц.

– Ему стоит поручить и расследование смерти других людей из списка-88... – нахмурившись, сказал Джерри.

– Конечно, ведь список доказывает, что здесь всё взаимосвязано... и, возможно, за всем этим стоит один противник, – и королева вздохнула. – И мы до сих пор не понимаем – почему он нас преследует...

Всё переплелось и сцепилось в клубок невероятной сложности.

Враг, который напал на «Стрейнджер» и всё время пытается убить её. Или – уничтожить Робби?

Некто, убивший родителей Джерри и охотящийся за теорией его отца.

Тайный список, в который включены и отец Джерри, и марсианский учёный, коллега родителей Никки.

Юная королева внимательно посмотрела на своего друга:

– Когда враг станет известен, для нас обоих начнётся самое трудное время...

До чего беззаботной и счастливой была жизнь Никки на астероиде!

Всего-то проблем – выжить самой.

– Справимся, – слишком уверенно сказал Джерри, давно находившийся под дурным влиянием астровитянки.

На стене астрономической аудитории висело изречение из старого учебника:

«Какой-то принцип, единственно верный и единственно простой, когда он нам станет известен, будет также столь очевидным, что не останется сомнений: Вселенная устроена таким-то и таким-то образом и должна быть так устроена, а иначе и быть не может. Но как открыть этот принцип?... Несомненно, дверь однажды распахнётся, и перед нами откроется сверкающий механизм движения мира во всём великолепии и простоте».

Глаза скользили по привычной цитате, не останавливаясь. Люди редко задумываются над принципами устройства мира, в котором живут.

Занятие началось недавно, а Джерри уже вовсю боролся с дремотой. Голос лектора то усиливался, то снова уплывал за горизонт.

– Астрономы обнаружили поразительный факт...

Голова сонного Джерри упала с плеч, и он поймал её над самой партой.

– ...наблюдаемая скорость вращения нашей Галактики оказалась слишком большой, чтобы её можно было бы уравновесить гравитацией видимых звёзд.

«Чем уравновесить мою голову, чтобы она не падала?» – вяло подумал юноша.

– Что удерживает внутри Галактики миллиарды светил и наше Солнце? Почему они не разлетаются во все стороны, как камни из пращи? Равновесие Млечного Пути объяснили дополнительной силой, притягивающей звёзды к центру Галактики вдобавок к обычной гравитации. Но чем вызвана эта таинственная сила? Учёные-«кладоискатели» ищут, но не могут найти недостающую «тёмную материю» из гипотетических частиц.

«Мне бы ваши проблемы...» – Мозг Джерри еле шевелил языком.

– Физики-«модификаторы» считают, что нужно изменить теорию гравитации, увеличив силу притяжения на галактических расстояниях...

Джерри жутко не высypался из-за работы в Гринвич-Центре, где он продирался сквозь уравнения отцовской теории и пытался построить модель для расчёта исторических линий. Главным помощником юноши – вернее, помощницей – стала Тамми, сестра-близнец Робби. Перенос структуры его интеллекта на новый носитель класса А9 прошёл успешно, и появление новорождённой было отмечено торжественным ужином. Тамми сохранила все интеллектуальные качества Робби, но получила новое имя и девичий голос. Тамми сразу включилась в проект социомоделирования и начала свою, независимую от брата историю. Электронный интеллект приносил немало пользы, но работы всё равно было больше, чем нужно. И биологическому напарнику Тамми от сонливости на лекциях ничего не помогало – ни тонизирующая жвачка, ни частая перемена положения тела. Даже булавка, жестоко втыкаемая в колено, вызывала лишь краткий прилив бодрости.

– ...в Солнечной системе тоже есть дополнительное притяжение, открытое по аномальному замедлению древних космических аппаратов «Пионер». Этот избыток гелиоцентрического притяжения, названный эффектом «Пионера», мал, но не объясним в ньютоновской или эйнштейновской механике...

Джерри сдался и сладко задремал. Никки периодически толкала его локтем, но до усталого юноши доносились лишь обрывки:

– ...можно ли отнести удивительный эффект «Пионера» к проявлению феномена «тёмной материи»?

Когда лекция закончилась, Никки растолкала Джерри и потянула его

не в кафе – обедать, а в лес.

– Куда мы идём? – удивлялся Джерри, но Никки не успокоилась, пока не затащила его на теннисный корт, где никого не было, и не усадила на скамейку для болельщиков.

– Джерри! Ты проспал важные вещи! – Глаза Никки блестели, лицо покраснелось.

– Что я проспал? – с неудовольствием спросил Джерри. Кому приятно узнать, что он пропустил что-то интересное?

– Ты понял суть эффекта «Пионера»?

– Э-э... нет, – честно признался юноша.

– Слушай меня внимательно и не спи! – воскликнула Никки.

– Не буду, – пообещал Джерри. – Слушая тебя, я ещё ни разу не засыпал. Но всё когда-нибудь случается впервые.

– В нашей планетной системе действует неизвестное притяжение, направленное к Солнцу. Самое поразительное, что обычная гравитационная сила зависит от радиуса по закону обратного квадрата, а эта таинственная сила – КОНСТАНТА!

– Странная штука! – согласился юноша. – Может, в лоб «Пионеру» дует какой-нибудь галактический ветер из водорода?

– Замедление одинаково для обоих «Пионеров», летящих в разные стороны от Солнца.

– Всё страньше и страньше! – снова удивился Джерри. – Да, не стоило мне сегодня дрыхнуть на лекции, но я никак не могу справиться с проклятой сонливостью...

– Эффект действует на небольшие твёрдые тела типа «Пионеров», но практически не влияет на Землю или Марс – иначе бы небесные механики давно забили бы тревогу...

– У тебя есть идея, как объяснить этот загадочный феномен? – заподозрил окончательно проснувшийся Джерри.

– Мы с Робби обдумывали модель Вселенной с переменной массой и не трогали тёмную материю в галактиках и околозвёздный феномен «Пионера». Но сегодня я подумала – а не может ли наша космологическая модель объяснить и эти локальные чудеса? И тут меня осенило! Клянусь Андромедой, если проследить за коллапсом Вселенной, то всё станет ясно.

Никки взъерошила прозрачные волосы, и они вздыбились серебряным туманом.

– В сжимающемся мире тесно, и звёздные скопления начинают сталкиваться. Над головой обитателей сливающихся галактик разгорается огненное облако из звёзд, а потом – небо перечёркивается крестом из

млечных путей.

Девушка говорила сомнамбулически, глядя в пространство.

– Чем меньше Вселенная, тем ярче ночное небо для её жителей. Звёзды становятся видны даже днём. Небо разгорается люстрами шаровых скоплений и кольцами туманностей от взорвавшихся звёзд. И три смерти спускаются из космоса: холодная, огненная и невидимая.

Неспешно проговаривая слова, Никки переводила внутренний взор с предмета на предмет и успевала увидеть его судьбу в сжимающейся Вселенной.

– Чужая звезда вторгается в Солнечную систему, срывает планету с орбиты и выбрасывает её в холод межзвёздного пространства. Мир, потерявший солнце, обречён на замерзание. Атмосфера планеты выпадает последним страшным снегом, и огромные метровые хлопья застывшего воздуха засыпают ещё недавно цветущие города...

Девушка направляла мысль, как фонарик в тёмной комнате. В глазах Маугли мерцал отблеск космических катастроф.

– Огненная смерть быстра: чужая звезда врывается в Солнце, и рождается раскалённый распухающий вихрь. Планета корчится от жара излучения, а потом налетает плазменный ураган от слияния солнц. Океаны с гулом испаряются и улетают вместе с атмосферой. Города и горы плавятся. Зелёная планета превращается в шар оранжевой магмы...

Джерри стало жутко.

– Невидимая смерть тиха. Бесшумная вспышка близкой Сверхновой заливают планету жёстким излучением. Животные распадаются в жидкие клочья, растения чернеют в головешки. В потоке космических лучей выживают только подземные лишайники и глубоководные креветки.

Девушка сделала паузу, ещё раз взвесила Вселенную на мозолистой ладонке и продолжила рассказ из будущего:

– В тесной Вселенной сливаются вместе газовые облака и чёрные дыры, красные гиганты и белые карлики, железные и нейтронные звёзды. Галактики становятся «городами-призраками» из самых прочных сколлапсировавших объектов – чёрных дыр. Но и коллапсары в тысячи и миллионы масс солнца не вечны: они сталкиваются друг с другом, порождая могучие вспышки гравитационных волн, – до тех пор, пока вся Вселенная не превратится в единственный вид неуничтожимой материи – в плотное облако гравизлучения или в сгусток колебаний самого пространства и времени. Вселенная из гравитационного излучения становится невесома и, минуя сингулярное состояние, снова расширяется, порождая вещество нового космологического цикла с помощью эффекта

Хокинга, выбивающего частицы из вакуума.

– Это я помню из твоего реферата, – сказал Джерри.

– Масса обычной материи в момент максимального сжатия Вселенной близка к нулю, а энергия – вернее, псевдоэнергия! – гравитационных волн максимальна. Я раньше думала, что она равна энергии звёзд, погибших при коллапсе Вселенной, но ведь гравитационное излучение – вечная материя, переходящая из цикла в цикл. Энергия пространственно-временных волн, пришедших к нам из предыдущего цикла Вселенной, может быть – должна быть! – ОЧЕНЬ большой... – в миллионы или миллиарды раз больше энергии обычной материи.

Синие глаза девушки светились, как у сиамской кошки:

– Наша материальная Вселенная оказывается лишь свежей пеной из элементарных частиц на поверхности глубокого древнего океана гравитационных волн! Реликтовое гравитационное излучение – и есть ненайденная тёмная субстанция нашего мира, отвечающая за странное поведение галактик и «Пионеров».

Джерри подумал и вопросительно уточнил:

– Ты утверждаешь, что реликтовых гравитационных волн так много, что они способны сталкивать железный сундук «Пионера» с курса?

– Да. Гравитационное поле Солнца, погружённое в реликтовое излучение, действует на тела не так, как обычное поле без излучения. Гравитационные волны со всех сторон налетают на спутник, трясут и толкают его в сторону звезды. Ведь у Солнца траектория волн и частиц искривляется, и они падают на корпус спутника преимущественно с внешней стороны. Это и даёт поправку к обычному притяжению Солнца.

– Но почему же эта поправочная сила – константа? – воскликнул Джерри.

– Сейчас я не могу сказать однозначно, но эффект «Пионера» должен зависеть от величины искривления траекторий налетающих на него волн. Эта кривизна определяется гравитационным потенциалом, который обратно пропорционален радиусу, – в отличие от гравитационной силы, равной производной от потенциала и падающей обратно квадрату радиуса. Но направление эффекта всё равно должно задаваться производной, то есть градиентом потенциала, потому что сам потенциал – скаляр и направления не имеет. Вероятно, эффект «Пионера» обусловлен удивительным фактом, что в нашей планетной системе доминирует гравитационная сила Солнца, зато галактический потенциал вокруг нас гораздо больше, чем солнечный!

– Клянусь Магеллановыми Облаками! – воскликнул Джерри, для математических извилин которого разобраться в паре градиентов было

сущим пустяком. – Галактика выигрывает по потенциалу, но проигрывает по градиенту, значит, эффект «Пионера» направлен на Солнце, но если его величина зависит от почти постоянного галактического потенциала, то она и будет константой. Ты объяснила главную загадку аномалии «Пионеров»!

Юноша с искренним восхищением посмотрел на Никки.

– А почему крупные планеты не реагируют на гравитационное протоизлучение?

– Эта проблема проще коровьего мычания, затухающего в атмосфере, – отмахнулась Маугли. – И планета, и космический аппарат – это детекторы гравитационного протоизлучения, чувствительность которых зависит от размеров и состава. Небольшой аппарат – более оптимальный приёмник коротких волн, чем огромная планета, где эффект высокочастотных гравитационных волн быстро затухает. Возможно, тело меньшее, чем «Пионер», будет ещё лучшим приёмником... Надо подумать о практическом использовании аномалии «Пионера»!

– Практическом? Сквозь сладкий сон я слышал, что величина этого ускорения – около одной десятимиллионной доли сантиметра в секунду за секунду.

– Из-за давления гравизлучения межпланетная станция сносится от законной траектории на четыреста километров за год! Для такого сноса мощность гравизлучения, которое почти не взаимодействует с веществом, должна быть фантастической. На границе Солнечной системы аномалия достигает одной десятой процента от гравитации Солнца – жуткий скандал в небесной механике. Чем дальше, тем аномалия больше! Притяжение Солнца к центру Млечного Пути – наполовину эффект «Пионера». На галактических окраинах и в скоплениях галактик давление гравитационного излучения в ДЕСЯТКИ и СОТНИ раз превосходит ньютоновское притяжение. Мы нашли силу, которая держит звёзды!

Девушка взъерошенным леопардом металась по теннисному корту.

– Почему на уроках всё так скучно, а в твоём изложении – так интригующе? Я полагал, что космологическое – это *нечто*, происходившее давно и далеко, а ты утверждаешь, что это таинственное и древнее *нечто* – совсем рядом...

– Чтобы не вызывать разброд в юных мозгах, школьный учебник избегает передовой науки, где истина ещё только ищется.

– Чтобы дети не мучились сомнениями, их мозги надо засушить? – фыркнул Джерри.

– Вокруг нас, – Никки соединила ладони вместе, будто зачерпывала воду, – бездна реликтовой энергии, океан гравитационного

протоизлучения! И почему его никто не искал?.. – Маугли внимательно глядела внутрь ковшика ладошек.

– Всё-таки ты очень умная девушка... А почему ты думаешь, что никто не пытался построить детектор для высокочастотного гравизлучения? – поинтересовался Джерри.

– Бородавки Юпитера! Это интересный вопрос... – задумчиво протянула умная девушка Ники. – Действительно, почему я так решила, идиотка?

Гуляя в выходные по Шрёдингеру, Никки с Джерри забрели в ресторан «Фаст-Фуд». Никки никогда здесь не была, и ей, любопытной, захотелось посмотреть.

Войдя в пустой – ресторан только что открылся – зал, они увидели, как возле кухни толстый лысый менеджер ругает подростков-официантов за то, что они составили несколько столов вместе и натащили туда журналов.

– Здесь люди едят, а не развлекаются! – кричал он на них.

– Что плохого, если они ещё и почитают? – пробовал возражать длинный рыжий подросток. – Они подольше просидят и снова что-нибудь закажут!

– Они будут торчать здесь весь день, занимая место! Вместо дурацких фантазий лучше бы прибрались в кладовках, там такой кавардак!

– Я стараюсь как могу!

– Вам не надо стараться, вам надо слушаться!

Никки села за столик и демонстративно кашлянула.

Менеджер сам поспешил к ним с приторной улыбкой из-под вспотевшей лысины.

– Добро пожаловать в наш ресторан!

Он ненужно поправил салфетки на столике и протянул тонкие книжицы.

– Пожалуйста, вот меню. Сразу что-нибудь хотите заказать?

– Принесите воды с лимоном и льдом. И я хочу, чтобы нас обслужил вон тот официант, – и Никки показала на рыжего подростка.

Менеджер не стал перечить: сделал рыжему знак и ушёл на кухню.

Никки подождала, пока официант разольёт воду по бокалам, и спросила:

– О чём ты спорил с толстяком?

Рыжий удивился, оглянулся на дверь, куда ушёл менеджер, и сказал:

– Я не должен обсуждать с клиентами внутренние дела ресторана.

– Но ты не должен и противоречить клиентам! Отвечай! – властно

приказала Никки.

– Ну... мы просто хотим, чтобы молодёжи было повеселее здесь, а то в Шрёдингере совсем нет места, где ребята могут собраться, послушать музыку, почитать журналы, поговорить...

– А толстяк только за то, чтобы кормить посетителей? – спросила Никки.

– Да... это же ресторан, а не молодёжный клуб...

– А ты хотел бы здесь устроить такой клуб?

– Конечно! – Рыжий вспыхнул улыбкой, как лампочка. – Можно было бы поставить экраны, провести Сеть, устраивать по вечерам танцы...

– О банде «Лунные волки» ты слышал? – неожиданно спросила Никки. Рыжий так удивился, аж рот раскрыл.

– Я-то, конечно, слышал, а вот вы, ваше величество, откуда про них знаете?

«Не то чтобы знаю, но они сами напрашивались на неприятности...» – подумала Никки.

– А! Тебе известно, кто я?

– Шутите? Любой подросток в Шрёдингере в курсе! Девчонка-королева, живёт рядом, в Колледже. Ха!

– Ваш менеджер меня не узнал, – сказала Никки.

– Он не смотрит тивизор, – махнул рукой рыжий, – слишком занят.

– Как выживет молодёжный клуб, если не будет торговать едой, как ресторан?

Подросток замялся.

– Продавать билеты, может быть... Правда, у подростков мало денег. Честно говоря, не знаю...

Никки спросила:

– Толстяк – владелец ресторана?

– Нет, он менеджер. Владеет рестораном какая-то компания в Луна-Сити. Э-э...

– «Фаст-Фуд Анлимитед» – сказал Робби.

– Именно! – обрадовался рыжий.

Никки пошевелила губами, потом снова спросила:

– Что там с «Лунными волками»? Ты с ними дружен?

Из кухни выглянул толстяк, увидел, как официант точит ляды с парой несерьёзных клиентов, которые ничего не заказали, кроме воды, и сделал ему суровый подманивающий жест.

Официант дёрнулся на зов босса, но Никки его остановила:

– Я не закончила разговор.

Рыжий остался стоять у столика.

Толстяк рассердился и примчался:

– Мне нужны официанты для работы!

Никки сказала вежливым тоном:

– Голубчик, почему вы мешаете мне беседовать? Может, лучше займётесь кладовками?

Толстяк побагровел, но сдержался и исчез на кухне.

– Итак? – посмотрела Никки на рыжего. Его крапчато-зелёные глаза восхищённо сияли.

– «Лунные волки» нам не друзья, они держатся особняком. У них есть свой подвал, где они тусуются.

– Как тебя зовут?

– Витти, – ответил рыжий.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Сумеешь сам организовать такой клуб? – спросила Никки. – Я тебе помогу.

– Где организовать? – замер от неожиданности Витти.

– Прямо здесь, – кивнула вокруг Никки. – Вроде, большое помещение.

Витти проглотил слюну. Кадык на его худой шее растерянно прыгнул вверх. Череп рыжего стал прозрачным, и хорошо было видно, как мысли в нём завращались со сверхсветовой скоростью. Язык дёргался, ругался, но не поспевал за ними.

– Даже не знаю... а как быть с билетами? Дорогих никто не купит, а на дешёвых клуб не проживет...

– Давай последовательно, – успокаивающе сказала Никки. – Ты готов взяться за такое дело?

– Да! – кивнул Витти так энергично, что бедная голова чуть не оторвалась от худой шеи.

– Это помещение тебе подходит?

– Конечно! – Тут Витти не сомневался.

Снова подошёл толстяк.

– Мисс, вы меня извините, но здесь люди работают, а не болтают с приятелями. Вы должны что-нибудь заказать, а официант должен выполнять свои прямые обязанности. Таковы наши правила.

Никки задумчиво посмотрела на сердитую толстую физиономию менеджера и спросила:

– Робби?..

– Да! – ответил тот.

– Вы ошибаетесь, – сказала Никки менеджеру. – С сегодняшнего дня ресторан «Фаст-Фуд» становится местом, где люди болтают с друзьями, даже ничего не заказывая из меню.

– Что вы несёте? – вспыхнул менеджер. – Я определяю, что люди должны делать в моём ресторане!

– Уже нет, – возразила Никки. – С этого момента вы уволены за грубость с персоналом и клиентами. Новым менеджером я назначаю Витти.

– Кто вы такая? – взревел толстяк.

– Владелец этого ресторана, – спокойно объяснила Никки. – Я только что купила его за...

– ...три миллиона семьсот тысяч долларов, – подсказал Робби.

Толстяк побледнел.

– Ресторан «Фаст-Фуд» переименовывается в... – Никки вопросительно посмотрела на Витти. Тот бросил шапку официанта в потолок и радостно заорал:

– В «Гринвич-Клуб»!

Он подскочил к толстяку и ликующе закричал ему в лицо:

– Это же сама королева Никки!

Из кухни выбежали остальные официанты и повара, и начался невероятный шум. Челюсть толстяка отвисла, а лицо посерело. Бывший менеджер медленно повернулся и побрёл на кухню, снимая с себя халат.

Витти объяснил друзьям, что происходит, и они восторженно загудели.

Никки посмотрела на часы и властно сказала, прекращая шум:

– Предоставьте смету на переоборудование помещения – я оплачу. ИнфоСеть обязательна, но мониторы брать только «Эйнштейн Электроникс». Билеты делайте достаточно дорогие, но первые три посещения клуба – бесплатно. Каждый посетитель получает доступ к программе самообразования, и за успехи в обучении вход в клуб будет свободный. Начальный уровень не существен – прогресс важнее, а подход программы будет к каждому индивидуальный. Обучающий киберпакет я предоставляю; он вам понравится – похож на игру в виртуальные приключения.

Все ошарашенно загалдели:

– Местные ребята – хитрые! Чтобы ходить сюда без денег, они все захотят учиться по такой игровой программе...

– Нам этого только и надо... – улыбнулась Никки. – Мы будем всё время поднимать планку и стимулировать рост каждого... Самые успевающие смогут набирать баллы на заказ еды и на покупку книг в вашем клубе. Может, и денежные призы предусмотрим...

– Вот это жизнь! Да они отсюда вылезать не будут!

Рыжий внимательно посмотрел на королеву:

– Вы на этом не заработаете денег. Эта компания быстро обучится, но будет вам в чистый убыток. Зачем вам такое количество умников?

– Пригодятся, – уверенно ответила Никки. – Умные люди никогда в убыток не бывают. Программы самообразования я предоставлю такие, чтобы они помогли желающим поступить в школы космонавтов. Хотите стать пилотами и космическими геологами?

Подростки-официанты издали невнятный восторженный вопль.

Никки с Джерри покинули бывший ресторан «Фаст-Фуд», а ныне молодёжный «Гринвич-Клуб».

Будущие космонавты, пока ещё в кухонных фартуках, провожали их, подбрасывая шапки в потолок и распевая какой-то варварско-бравурный гимн.

«Если попытка будет успешной, то откроем сеть „Гринвич-Клубов“. А Спейс Сервис заставим раскошелиться на их содержание, – деловито подумала Никки. – Коммодор Юр будет доволен».

Через несколько дней юной королеве позвонил Витти.

– Ваше величество... – сказал он и запнулся.

– Что за церемонии? – засмеялась девушка. – Зови меня Никки и выкладывай – что случилось?

– Никки, вы уволили менеджера Джерома... – с затруднением продолжил Витти. – Он, конечно, сварливый, но... у него двое детей, мать их оставила лет пять назад... старшая, Тома, уже взрослая – она учится в нашем классе и немного подрабатывает, но младшему Биллу всего десять, и его ещё не берут на работу... Зарплаты Тома и пособия по безработице Джерома хватит на пару месяцев. Сейчас у них тяжело с деньгами... Джером ищет работу и дешёвую квартиру в Луна-Сити, а Тома всё время плачет, она не хочет отсюда уезжать. Ей нравится в Шрёдингере... у неё тут друг...

Щеки Никки запылали.

«Ты уже научилась увольнять людей, но ещё не научилась думать – а что с ними будет дальше... А эти люди – не воры и не бандиты. Просто они несимпатичны тебе лично. Но быть несимпатичным – не преступление, за это нельзя наказывать человека, тем более – его детей...»

Витти что-то бубнил и бормотал, но Никки его перебила:

– Ты согласен взять на работу Джерома – как помощника или снабженца?

– Конечно, – обрадовался Витти. – Он не такой уж плохой человек, просто с него всё время требовали прибыль...

– Не снижай ему зарплату – оставь, какой была. А где работает Тома?

– Она перебирает и протирает старье в антикварном магазине, но платят ей там мало.

– Найдёшь ей приличную работу у себя в клубе?

– Да! – так откровенно возликовал Витти, что Никки сразу догадалась – кто в Шрёдингере друг у Тома.

– Держи меня в курсе событий жизни молодёжи Шрёдингера. Конечно, каждый должен сам зарабатывать, но если кому-то нужны деньги на колледж или на срочное лечение – то я всегда буду рада помочь... Если в жизни бывают неприятности, то должны быть и хорошие сюрпризы...

– Ещё бы! – Витти сиял, как лампочка.

– А придут «Лунные волки» – не прогоняй... если они придут мирно.

Никки отключилась и подумала – нужно самой поговорить с этим Джеромом и извиниться за поспешность. И вообще – ни одно, даже самое позитивное дело, кажется, не свободно от негативных последствий. Как оптимизировать свои решения? Может, заставить Робби суммировать отдельно положительные и негативные следствия предпринимаемых ходов? Или самой научиться думать получше? И делать более осторожные и безопасные шаги вперёд?

Никки вздохнула. Королевские возможности неизмеримо больше возможностей обычного человека, но и накладывают гораздо больше ответственности...

В кабинете из золотого тиса появились большие мониторы, компьютерные кубы и сложные заросли другой аппаратуры. Временный секретарь – рыжеволосая Мэри, одна из служащих адвокатской конторы Дименса, ввела посетителя – высокого мужчину в сером элегантном костюме. Чарльз Спенсер слыл самым результативным крайм-аналитиком Луны и страдал ранним облысением, поэтому брился наголо. Его карие умные глаза смотрели внимательно, движения были несуетливы.

Никки пожала ему руку и сказала:

– Офицер Горбин считает вас лучшим лунным детективом.

– Не буду с ним спорить, – с достоинством сказал Чарльз Спенсер.

– Нужно ли говорить, зачем я вас пригласила?

– Полагаю, вы намерены расследовать гибель родителей и покушения на вас.

– Правильно, – кивнула Никки. – Если вы согласны, то можете сами

набрать себе помощников и начинать хоть сегодня. Будете работать в сотрудничестве с полицией – через офицера Горбина – и со Спейс Сервис.

– Согласен. Но я не буду вашим служащим, мы заключим временный контракт.

– Хорошо, – тоже согласилась Никки. – Обратите внимание на возможную причастность преступников к гибели родителей Джеральда Уолкера и ещё шестерых людей... вот их список. Все они были убиты при достаточно загадочных обстоятельствах.

– Есть данные о связи этих убийств? – заинтересованно спросил Спенсер.

– Только гипотеза, что они – дело рук одной организации, – сказала Никки. – Извините, не могу сказать вам, на чём она основана. Прошу вас не распространять этот список и стараться не привлекать к нему внимания... Как вы думаете – справитесь с задачей?

– Я практически гарантирую, что преступник будет найден. Но не могу обещать, что разыщу улики, способные посадить его на скамью подсудимых.

– Но я буду знать – кто стоит за всеми этими событиями? – спросила Никки после паузы.

– С вероятностью девяносто пять процентов. Несколько преступлений, совершённых одним лицом или группой лиц, дают хорошие краевые условия для причинно-следственной модели.

Никки перевела дыхание и сказала:

– Мэри покажет офисы для вас и вашей будущей группы.

Через десять дней Чарльз Спенсер снова сел в кресло возле деревянного стола, на котором золотой смолой были нарисованы линии жизни и любви старого тиса.

Детектив хмуро сказал:

– Мы опознали по записи компьютера акцент «зеркального убийцы», напавшего на вас в тоннеле. Редкий выговор, клянусь улыбкой Скорпиона! Этот тип – выходец из небольшой южной страны Билании.

– И что? – спросила Никки.

– Билания – родная страна короля Симмонса, – мрачно сказал Спенсер. – Вероятность неслучайности – шестьдесят процентов.

Его настроение показывало, что преступник такого уровня – проблема гораздо более сложная, чем рядовой уголовник или даже мафиозная организация.

Никки вспомнила неприятного толстяка в парчовой одежде, которого

сопровождала бритоголовая девочка.

– Вот как... король Симмонс, видный представитель Южных династий...

Она помолчала, собираясь с мыслями. Спенсер ещё не знал, что доктор Фростман работал перед приездом в Колледж на короля Симмонса, лечил – или калечил? – королевских «воспитанниц». Эти факты раскопал Робби, и нужно будет переправить их детективу.

– Очень хорошо, Чарльз, но вероятность пока мала, работайте дальше.... Вам ещё что-нибудь нужно?

– Мне требуется специалист по расчётам метеоритной опасности и траекторий астероидов, сближающихся с Землёй и Луной.

– Нанимайте, – немедленно согласилась Никки. – Сами его найдёте?

– Да.

– Есть ли хоть какая-то гипотеза – зачем Симмонс напал на «Стрейнджер» и пытается убить меня?

– Нет, – коротко ответил детектив.

– Держите меня в курсе любых новостей... – вздохнула Никки.

Спенсер давно ушёл, а девушка всё сидела, глядя перед собой невидящими глазами и привыкая к новому видению мира.

– Оказывается, короли не брезгают убийствами... Что ещё выкинет злобный Симмонс? Я нашла себе врага по королевскому плечу... если не считать того, что Симмонс гораздо богаче и влиятельнее меня... Но вероятность в одну сигма – это ещё не доказательство, ещё нет...

Когда Никки вернулась в Колледж, то нашла на экране новое письмо Голоса.

«Ты деловита как муравей».

Никки пожала плечами и ответила:

«Отличная тварь – мне нравится».

«Деловита как муравей из анекдота. Муравью нужно перетащить двух слонов. Маленький мудряга долго думает и решает – пожалуй, оставлю одного. Он старательно отгоняет от себя главный вопрос, но я задам его тебе: „Как ты будешь тащить хотя бы одного слона?“»

«О чём ты говоришь?»

«В одиночку ты не победишь. Исключено. Ищи соратников и союзников».

И замолчал. У Голоса Пространства были свои представления о вежливости.

Глава 8

Лицо врага

Профессор-биолог Франклин шла к кафедре. Её каблуки энергично постукивали, а добродушная улыбка предлагала нытикам повеселеть.

– Поговорим о социогенетике. Наследственность – важная составляющая поведения человека. В восемнадцатом веке в Северной Америке возникло семейство Джюков – от брака пьяницы-рыбака и беспутной женщины. Из двух тысяч пятисот потомков Джюка большинство стали ворами, мошенниками, пьяницами, бродягами и проститутками, а около шестисот человек оказались слабоумными. Противоположный пример: в роду Иоганна Себастьяна Баха было пятьдесят шесть музыкально одарённых родственников, а семейство Ляпунова подарило миру целый ряд выдающихся учёных. Исследователи биографий сделали вывод, что шансы ребёнка знаменитого отца стать известным человеком в пятьсот раз выше среднего.

Профессор улыбнулась:

– Некоторые привыкли ругаться медицинскими терминами. Вернём им первичный, научный смысл. Широко известен IQ – intelligence quotient, показатель умственного развития, определяемый обычно из способности к быстрому решению несложных логических задач. Запомните: идиотом называется не одноклассник, который наступил вам на ногу, а человек с коэффициентом интеллекта от нуля до двадцати пяти; имбецилом – человек с IQ от двадцати пяти до пятидесяти; дебилом – от пятидесяти до семидесяти. Эти группы людей объединены термином олигофрены или слабоумные; они составляют примерно два процента генонатурального населения.

Все студенты, конечно, стали показывать друг на друга пальцами.

– Слабоумных среди вас нет, поэтому называть друг друга идиотами – научно некорректная процедура, – невозмутимо отметила профессор Франклин.

– Нормальные люди имеют коэффициент интеллекта от девяноста до ста десяти. Способные – от ста десяти до ста двадцати, люди с интеллектом выше ста двадцати – очень способные, а одарённые обладают коэффициентом интеллекта более ста сорока. Одна из главных задач генетики – анализ врождённых характеристик человека: физиологических, психических и социальных. Наследуется ли интеллект? Задаётся ли генами

талант? Долголетие? Болезни? Алкоголизм? Криминальные склонности? Учёные нашли, что эти вопросы имеют не однозначные, а вероятностные ответы.

Профессор вызвала на экран таблицы статистических исследований.

– Исследования монозиготных близнецов – с идентичными генотипами – подтвердили заметную наследуемость уровня интеллекта, а также врождённую склонность к науке, искусству и типу поведения. Близнецы, даже воспитывающиеся в разных условиях, имели схожие IQ и привычки. Если один из близнецов оказывался преступником, то его брат, выросший в другой семье, тоже становился им с вероятностью более пятидесяти процентов.

В зале пронёсся лёгкий шум.

– Детей из неблагополучных семей брали в нормальные. Нередко попытки правильного воспитания кончались неудачей: дети либо убегали, либо становились на путь биологических родителей. Чем больше тюремных сроков было у биологических отцов, тем большим оказывался процент преступников среди их сыновей – даже выросших в приёмных семьях.

– Яблоко от яблони недалеко падает, – довольно процедил граф Рединбург. – Быдло всегда остаётся быдлом.

Профессор устремила на надменного вельможу острый взгляд.

– В девятнадцатом веке появилась евгеника – общественное течение, проповедующее активное и даже насильственное улучшение генофонда человечества. В первой половине двадцатого века в Англии, Скандинавии, Эстонии и в большинстве штатов Америки были введены евгенические законы, позволяющие насильственно стерилизовать людей за наличие у них преступных склонностей. В нацистской Германии евгеника теоретически обосновывала массовые убийства людей с неарийским генотипом.

Часть студентов полезла в лаптопы за разъяснениями незнакомых терминов.

– От негуманной практики насильственной стерилизации быстро отказались, – сказала профессор Франклин. – Этические проблемы, которые возникают при попытках вмешательства в генофонд людей, чрезвычайно сложны. Позже ООН приняла жёсткие законы о генетическом равноправии. Да, науке известен факт, что вероятность стать алкоголиком у ребёнка родителей-алкоголиков в три-четыре раза выше средних пяти процентов, даже если он воспитывался в приёмной семье.

Граф Рединбург заулыбался, будто ему сделали ценный подарок.

Профессор Франклин остановилась рядом и продолжала говорить,

пристально глядя на студента-аристократа с породистым лошадиным лицом и брезгливо оттопыренной нижней крупной губой.

– Но этично ли подвергать таких детей какой-либо дискриминации? Ведь более восьмидесяти процентов детей алкоголиков вырастают здоровыми и умными – они успешно преодолевают повышенный риск заболеть алкоголизмом, и тем достойнее, значимее выглядит их жизненный успех. Во многих замкнутых человеческих субпопуляциях: этнических группах, религиозных общинах или аристократических кругах – уровень генетических заболеваний гораздо выше среднего, часты даже серьёзные дефекты внешности. Должны ли мы ущемлять права и этих групп населения?

Это профессор произнесла, не сводя глаз с Рединбурга. В аудитории раздались смешки. Граф побурел свеклой, прикусил нижнюю выдающуюся губу, но потом снова её гордо выпятил. Профессор отвернулась и заключила:

– Законы ООН запрещают дискриминацию групп населения с врождёнными недостатками. Генетическая этика – молодая наука. Она заботится об интересах как взрослых, так и детей.

– Она просто тормозит генетический прогресс на основании глупых моральных рассуждений, – ленивым голосом сказал принц Дитбит.

– Каждое из этических правил выведено из страданий многих людей, – возразила профессор. – Любое наше неосторожное действие – или преступное бездействие – откликается детским горем. Проценты генетической статистики написаны кровью и слезами.

Принц Дитбит криво усмехнулся, но не стал больше возражать.

– Что вы думаете о законе свободной геномодификации, профессор? – спросила Никки.

Профессор Франклин вздохнула и сказала:

– Геномодификация может стать огромным шагом вперёд для всего человечества, но она же может расколоть его навсегда... Молчание космоса считается главным парадоксом космобиологии. Ведь цивилизаций в космосе должно быть много. Почему же они не выходят на связь? Не губит ли развивающиеся цивилизации какой-то общий фактор? Есть гипотеза, что каждое общество испытывается соблазном генетического улучшения и гибнет, разорванное на куски, или замыкается на внутренних распрях, отворачиваясь от звёзд...

– Но ведь Дайсон утверждал... – Кто-то решил поспорить, но профессор властным жестом остановила постороннюю дискуссию.

– Влияние генетики на социальное поведение было доказано с

помощью дрозофил – фруктовых мушек, любимых биологами подопытных животных с двухнедельным жизненным циклом. Мушка *Drosophila melanogaster* – один из первых организмов с полностью расшифрованным геномом из примерно четырнадцати тысяч генов. Эта мушка примечательна тем, что страдает аналогами более шестидесяти процентов известных человеческих заболеваний, включая старческое слабоумие – болезнь Альцгеймера.

Кора-Дракон скривилась и тихо проворчала:

– Странные эти биологи. Так любить мух и тараканов...

Жюльен-Сова усмехнулся:

– Сами вы, девушки, странные. Визжите: «Фу, таракан!», но стоит ему обзавестись фотогенными клетками с люцеферином, как вы начинаете сюсюкать: «Светлячок, светлячок!»

Профессор Франклин вызвала на экран карты геномных мутаций.

– Дрозофилы могут обучаться и приобретать условные рефлексy. Однако мутантные по гену *rutabaga* мухи обнаруживают трудности в обучении. Аналогичные гены найдены у мышей, коров и человека. Дрозофилы-мутанты по гену *dunce* являются тупицами в обучении, по гену *agnostic* – полностью утрачивают способность к обучению.

В аудитории возникло оживление: кое-кто стал уныло пожимать друг другу руки, другие – сочувственно хлопать соседей по плечам.

– Профессор, а могут генетики заставить тупых мух поумнеть? Хотя бы их потомство?

– Учёные учились исправлять генетические дефекты именно на дрозофилах, – сказала профессор. – Например, мутация *eyeless* приводит к полному отсутствию глаз у дрозофилы. Генетики пересадили слепой мухе ген, отвечающий за развитие глаз у мыши. У потомства таких слепых дрозофил выросли не только обычные глаза, но ещё и тридцать дополнительных небольших глаз – на локтях, на антеннах, под крыльями...

– Вот это да! – восхитились в зале. – А мозги можно в разных местах вырастить?

Профессор улыбнулась и продолжила лекцию:

– Брачные ритуалы дрозофил тоже обусловлены генетически. Сексуально привлекательная муха правильно танцует, жужжит и пахнет. Брачные танцы фруктовых мушек сопровождаются ритмической «песней любви» длительностью пятьдесят пять секунд...

Профессор указывала на мутации в ДНК и объясняла, к чему приводят данные генетические нарушения:

– Мутации *casorphony* и *dissonans* влияют на музыкальные способности

мух-самцов, а к фальшивому пению самки относятся отрицательно.

– Мутанты по гену hni (he is not interested) вообще не склонны к браку. Шум в зале заставил профессора усилить голос.

– Дрозофилы-мутанты по гену platonic нормально ухаживают, но не идут дальше.

– Мутации по гену fruitless полностью изменяют половое поведение самцов: они игнорируют самок и интересуются только самцами, запахом стимулируя ухаживание за собой других самцов.

– Мутанты по гену sluggish равнодушны к самкам в условиях темноты, а на свету ухаживают одинаково интенсивно и за самцами, и за самками.

– Мутантные самки по гену lesbian демонстрируют по отношению к другим самкам поведение, характерное для самцов.

– Мутантные самцы по гену voila ухаживают и за виргинными самками, и за зрелыми самцами.

В нарастающем шуме раздался весёлый крик маркиза Гейлорда, который всегда радовался возможности сделать кому-нибудь гадость:

– Профессор, вы сейчас оскорбили все сексуальные меньшинства разом, нарушив тем самым ООНовский закон. Значит, гомосексуализм – не стиль жизни, а мутация, генетическая болезнь! Правильно, давно пора вывести этих разноцветных на чистую воду!

Гейлорд был отвратительно злораден.

Профессор нахмурилась:

– Люди гораздо сложнее мух. Генетику человека мы рассмотрим позже.

– Да ладно, – не успокаивался маркиз, – разве не видно, к чему вы клоните!

– Я – учёный, – сухо ответила профессор Франклин, – и не клонюсь ни под ветром, ни под давлением общественной среды. Сегодняшнее занятие посвящено хорошо известным научным фактам, относящимся к генетике поведения дрозофил. Эти научные данные можно скрыть, но их нельзя изменить или вольно интерпретировать вне контекста генетики фруктовых мушек.

Франклин прошла по аудитории:

– Могу утверждать, что каждый человек – мутант по десяткам и сотням генов. Но даже мутант должен оставаться человеком. Главное в человеке – не его брачные ритуалы, а способность быть разумным и толерантным существом.

Профессор остановилась возле маркиза, сразу съёжившегося. От выражения её лица хотелось спрятаться под стол.

– Даю вам индивидуальное задание на зимние каникулы: посетить госпиталь для слабоумных детей и написать об этом отчёт. Надеюсь, там вы поймёте, по поводу каких мутаций нужно переживать людям в первую очередь. Ваша реплика показывает – сколько проблем, ссор и, буквально, смертельных обид ждёт человечество, если оно захочет судить о каждом по его генам. Как генетик и человек, я утверждаю, что друг друга надо судить по поступкам и по взаимной доброте...

Потяжелевшая тишина закончилась радостным звонком. Аудитория зашевелилась, кто-то встал с места.

– Сидеть! – вдруг рывкнула профессор Франклин. – Я ещё не закончила занятие!

Это было так не похоже на добрейшую преподавательницу, что студенты поражённо застыли за партами.

– Классическая генетика не отражает всей сложности биологических процессов и не может рассматриваться в отрыве от эпигенетики, посвящённой взаимодействию ДНК с белковой средой. Вскоре мы изучим гистоновый код и нуклеосомы, активирование и пассивирование разных участков ДНК, а также эпигенетические процессы метилирования, убиквитинилирования и АДФ-рибозилирования.

Речь профессора была жестока!

– Клетки печени и мозга обладают одинаковым набором генов, но имеют разные приказы организма на их активирование, то есть на производство белков, из которых строится клетка. В результате мы получаем весьма различные клетки и органы. ДНК – не абсолютный закон, однозначно определяющий умственные качества, характер, физическое развитие и болезни человека. Ваша жизнь зависит во многом от вас – ведь сила мышц растёт не из генов, а из тренировок.

Франклин сделала паузу и обвела студентов пристальным взглядом.

– Не поддавайтесь генетическому фатализму! Генетика вручает нам книгу нашей судьбы, но, согласно эпигенетике, от нас зависит – какие страницы этой книги читать и с каким чувством. Более девяноста пяти процентов генома человека и шимпанзе идентичны. Но обезьяны и люди очень различно используют свои геномы. Наследуется не только ДНК, но и способ её прочтения, гораздо более пластичный и изменчивый. Всё, что мы сейчас делаем: учимся, едим, сердимся, курим, пьём лекарства, алкоголь или наркотики, – влияет не только на нас, но и на наших детей и внуков.

Лица подростков были смущенными и напряженными.

– Учёные доказали в множестве опытов: материнская любовь и внимание улучшают не только здоровье и интеллект ребёнка, но и его

наследственность, которую он передаст последующим поколениям. Обратное тоже верно: соберите мирных оседлых зелёных кузнечиков *Locusta migratoria* в тесную стаю – и следующее поколение обозлённых скрипачей станет божьей карой – агрессивной чёрно-жёлтой саранчой, летающей чудовищными тучами в миллионы тонн и убивающей так же верно, как убивает голод.

Профессор посмотрела в сторону Гейлорда.

– Опасайтесь, чтобы ваша злоба не испортила жизнь и здоровье вашему потомству. Ненависть порождает ненависть – эта старинная этическая теорема доказана биологией!

Профессор Франклин повернулась и вышла из аудитории. Каблуки профессора не стучали, а крахмально скрипели, будто втыкались в мёрзлый снег. Студенты сидели молча, зябко поводя плечами.

Бессолнечная осень царила в университетском городке, и промозглый туман сжимал тёплые шары света вокруг уличных фонарей. Грустное время умирающей листвы.

«В безмолвии органных рощ звучит аккордом листопад...»

Профессор Лвин медленно шёл в университет, прихрамывая на правую ногу. Проклятая нога – весь последний год она ныла, не переставая, и это ощущение уже стало привычным, как застарелая зубная боль. Привычным стало и умение не тревожить ногу при быстрых поворотах тела. Да какие уж тут быстрые повороты! Профессор Лвин почувствовал себя старым совсем недавно, но легко привык к этому состоянию и стал передвигаться исключительно не спеша. «О, демоны чёрной дыры! Я хожу по этой дороге уже больше сорока лет – сначала студентом, потом – молодым постдоком, потом – профессором...»

Лвин вздохнул и запахнул на груди плащ. В молодости он не замечал, что под университетским куполом прохладно, а сейчас со сквозняками у него началась нешуточная война.

Пройдя квартал профессорских домов, Лвин свернул на Шайн-стрит. Он не любил эту улицу. Ему не нравились ни шеренга небогатых пластиковых домов, ни подростки, которые постоянно «тусовались» – профессора передёргивало от этого мерзкого словечка – на скамейках в крошечном скверике с десятком деревьев и газоном, обычно вытоптанном до голой убитой земли. Вот и сейчас в сквере сидело с полдюжины девиц и парней – гогочущих, с раскрашенными причудливыми волосами, с бутылками чего-то законного или незаконного в руках. У всех сигареты с разноцветными дымами, модные животы в тату-голограммах. «И не

холодно же шалопаем!» – сердито подумал профессор. Он, не поворачивая головы, миновал молодёжную компанию. Оттуда не донеслось ничего, кроме хохота. Иногда свистят. Как-то крикнули вслед: «Старик, тебе надо выпить, тогда согреешься!»

Работаешь, работаешь, как вол, и вдруг одним прекрасным хмурым утром осознаешь, что жизнь прошла, а Эйнштейн из тебя не получился. Жена тебя бросила, дети к тебе равнодушны... А самое главное – твоя работа никому не нужна. Только для тебя и ещё для нескольких старых придурков научная работа – это поиск истины. Для всех остальных – лишь поиск денег. Как только челюсти зацепили финансовый сосок, поиск заканчивается – истина никого всерьёз не интересует, требуется лишь оплаченное движение к ней, желательно – медленное и сытое. Вот если к живительному источнику приблизится конкурент, тогда необходимы резкие движения локтями – под рёбра его, под рёбра! не подпускать к кормушке!

Демон Максвелла! Когда-то и Лвина финансировали по полной программе, но сенсационные результаты задерживались, а главное – дружить профессор не очень умел, – вот денежный поток и обмелел... Лвин стал исхитряться: проектировал всё более простые приборы и планировал лишь быстрые эксперименты, но ручеек денег иссякал стремительнее, чем дешевело его оборудование. И вот – уже который год его установка ржавеет, а молодёжь вся разбежалась к более перспективным и молодым профессорам. Он остался один, без денег и помощников.

«Да всё равно – эти студенты поголовно глупы и ленивы! А все коллеги – сволочи! Хотел дать на вечер одному деятелю прочитать корректуру своей новой работы... – Профессор свирепо выпятил губу. – Изумительно красивая вещь! А этот болван и говорит: „Не могу, занят, мы с друзьями вечером пульку решили расписать...“ Что за пулька такая дурацкая?! Хотел бы я знать! Нет, не хочу я этого знать!»

Только и осталось, что копить желчь и выливать её на головы во всём повинных студизусов, а между лекциями – на ещё более виноватых коллег по департаменту. Правда, признался себе профессор, это никак не приближает окончание работы над установкой, скорее – отдаляет...

Ну, хоть какая-то компенсация и психологическая разрядка у него должны быть?!

Профессор в преотвратном настроении зашёл в свою лабораторию и посмотрел на настенные часы – ровно девять. Когда ты научишься опаздывать, старый мешок с костями? Повесил плащ на крючок, ворча что-то себе под нос, – и тут обнаружил на стуле возле секретарского стола (самой секретарши в помине давно не было: и денег нет, да и что там

секретарить-то?) какую-то девицу.

– Сегодня никаких зачётов! – рявкнул он.

Посетительница недоуменно распахнула глаза. Профессор присмотрелся – и понял, что это не студентка университета, а школьница. Совсем плохо стал видеть, заходя с уличного света в лабораторный полумрак. Лвин устыдился своей резкости.

– Что привело вас ко мне, милое дитя? – мягко спросил он, пытаясь исправить свою агрессивность. – Я не покупаю печенье у скаутов и в школах лекций не читаю – не умею упрощать сложные вещи...

Профессор внезапно снова рассвирепел и крикнул самому себе:

– Это вечная моя проблема! Не умею подать к столу! Не повар! Да-с!

В запале он успел забыть про девочку, но она сама напомнила о себе:

– Профессор Лвин, я хотела поговорить о вашей атомно-когерентной установке для регистрации высокочастотных гармоник гравитационного излучения, – сказала она тонким голосом.

Профессор вытаращил глаза на девчонку и удивился так, будто с ним заговорил чайник и попросил заваривать его пореже. Что за дьявольщина!

– Кто вас прислал? – строго спросил он, заподозрив неумный розыгрыш какого-нибудь студента-шалопа. Да ещё на голове у этой девицы чёрт знает что!

– Я прочитала ваши статьи в «Физикл Ревю», – терпеливо сказала девочка, – и мне непонятно, почему вы не довели свой эксперимент до конца – ведь его идея выглядит просто блестящей! По-моему, там осталось лишь достичь глубокого охлаждения рабочих кристаллов. Правильно?

Это профессора доконало (чайник продолжает насвистывать странные речи и даже перешёл на комплименты!), и он ошарашенно сел на стул. Тут до него окончательно дошло – ЧТО с таким сочувствием спрашивает девочка. Профессор вытаращил глаза, не выдержал и просто сошёл с ума – его захлестнуло злостью и понесло. Стыд! Стыд! Старый, опытный человек стал жаловаться на жизнь какому-то ребёнку! Уж лучше с чайником разговаривать – позору меньше.

Но девочка слушала пылкую и обличительную речь профессора Лвина внимательно и перебила его всего два раза, сказав:

– Не нужно объяснять про поляризацию гравитационных волн... (Профессор едва успел удивиться – и понёсся дальше.)

– Я знаю, что такое эффект Мёссбауэра, продолжайте об установке... (Профессор уже почти не удивился и ласково посмотрел на девочку.)

Лвин закончил свою горькую историю и костлявым веснушчатым кулаком бессильно погрозил ободранными стенам:

– У-у, проклятая дыра, где даже мотка провода не выпросишь!

– А сколько вам нужно времени и денег, чтобы завершить эксперимент? – спросила девочка, но профессор уже очнулся и стал сам себе омерзителен за слабость словесного недержания. Так поутру ещё не совсем пропивший мозги пьяница горько сожалеет о вечерних алкогольных откровениях с совершенно незнакомым человеком.

Но странная девочка настаивала:

– Сто тысяч? Двести?

Профессор встал и сухо, заканчивая разговор, сказал:

– Триста тысяч долларов плюс год и пятеро помощников. И им зарплату.

Девочка явно расстроилась, как злорадно отметил профессор, и спросила:

– А если уровень энергии высокочастотного гравитационного излучения на много порядков выше обычных оценок, то нельзя ли упростить установку и поставить эксперимент быстрее?

Профессор снова удивился, задумался и сказал:

– Если пренебречь всей усилительной частью установки... и уменьшить приёмную антенну, то можно сделать за полгода, но тогда нужен другой силовой блок, а это ещё пятьдесят тысяч... Зачем вы об этом спрашиваете, милое дитя?

– Профессор Лвин, я предлагаю вам перевезти всё оборудование в Шрёдингер, в Гринвич-Центр, и провести эксперимент там... Финансирование получите любое, какое нужно, и на вас будет работать десять или двадцать человек – сколько запросите. Только сроки нужно максимально ускорить.

– Кто вы?! – Профессор не выдержал такого издевательства и взорвался. – Что за чепуха! Оборудование принадлежит университету, перевозка его обойдётся ещё в копейчку! Что за Гринвич-Центр? Ни разу не слышал!

Девочка кивнула.

– С администрацией университета разговор состоялся ещё вчера. Ректор с радостью согласился продать «весь гравитационный хлам», как он выразился, за семьдесят тысяч. Теперь всё в ваших руках, профессор...

Пока профессор слушал этот тонкий свист говорящего чайника, девочка что-то выписала в книжечке и подала профессору красивую бумажку. Конфетный фантик?

– На первые три месяца. Половина – как компенсация вашего переезда и ваша зарплата, вторая половина – на служебные расходы. Не экономьте на

закупках, время важнее всего. Робогрузчики придут в лабораторию завтра в девять утра. Все ваши вещи перевезут и разместят в том же порядке. Если хотите, то даже пыль на бумагах будет сохранена...

– Пыли не надо... – растерянно сказал профессор.

– Подумайте не спеша, – сказала девочка, протянув ещё какую-то карточку, – если вы не согласны, то позвоните по этому т-фону и отмените перевозку, а чек порвите.

Профессор не мог вымолвить ни слова, но бумажный фантик инстинктивно сжал покрепче.

– Я в вас верю, профессор Лвин, – негромко сказала девочка, вставая, и профессор, старый дурак, почему-то почувствовал гордость. – Если вы добьётесь успеха, я сразу учреждаю новую научную премию. Она будет гораздо больше Нобелевской, а вы будете её первым лауреатом.

Девочка ушла.

Профессор немного посидел, сердито пыхтя и поглядывая – то на закрывшуюся дверь, то на переливчатый чек, расплывающийся в далеко отставленной руке – и куда задевались очки? – а потом захохотал как сумасшедший:

– Конечно, это розыгрыш старого Биффа!

Он позвонил, и на экране появился сморщенная образина Биффа.

– Старый козёл, ты меня в гроб вгонишь своими шуточками! – заорал сердито профессор.

– Какими шуточками?

– Вот такими! – Лвин помахал радужной бумажкой.

– Не понимаю тебя... положи на сканер, – попросил Бифф.

– Да ладно, – сказал, остывая, профессор и автоматически швырнул чек на стеклянную панель, – я уже почти не сержусь... И где ты раскопал такую артистку? Отличный розыгрыш! Я слышал про этот ваш клуб шутников...

Бифф внимательно всмотрелся в чек и поднял – сначала брови на середину лба, а потом – глаза на Лвина.

– Ты получил грант на свои исследования? – с изумлением спросил он.

Профессор поперхнулся от злости и свирепо вытаращил глаза. Это уже слишком! Шутка зашла слишком далеко! Он отключил экран, не прощаясь. Но что-то его зацепило в морщинистой морде профессора Биффа.

Лвин быстро соединился со своим банком. Чек продолжал лежать на сканере.

Служащий в галстuke – солидный банк, без роботов! – быстро пощёлкал клавиатурой и вежливо спросил:

– На какой счёт вам положить эти деньги? На текущий или сберегательный?

– Сколько там? – слабым голосом спросил профессор.

– Два миллиона золотых долларов! – позволил себе чуть-чуть удивиться служащий.

Ошеломлённый профессор то ли пискнул, то ли присвистнул и невежливо прервал связь. Нашёл и лихорадочно напялил очки и, не веря своим глазам, стал рассматривать переливающуюся бумажку. Потом Лвин схватил изящную голографическую визитку, валяющуюся на столе. На ней были написаны только три слова:

КОРОЛЕВА НИКОЛЬ ГРИНВИЧ

и номер т-фона: 703-703-703.

Профессор свирепо хлопнул себя по лбу, вскочил как ошпаренный и подбежал к окну в тёмную осень. Посмотрел наружу невидящими глазами, потом резко повернулся на месте, тяжело дыша.

Вдруг он застыл и удивлённо схватился за колено. Нога совсем не болела.

Атмосфера в кабинете Никки была накалена, но не из-за жаркого светила, подползающего к правой раме окна.

На мониторе маячила хмурая физиономия под давно не бритой лысиной. Детектив Спенсер перевёл глаза с Никки на сидящего рядом с ней Джерри и сказал:

– Расследованию помогли коммодор Гринин и космическая диспетчерская служба Спейс Сервис. Нам удалось установить, что десятиметровый астероид, сброшенный на обсерваторию вашего отца, пришёл из участка космоса, где вёл геологическую разведку корабль космического флота компании «Спейс минералз».

– Кто владелец компании? – нетерпеливо спросила Никки. – Король Симмонс?

Спенсер мрачно посмотрел на молодую королеву.

– Хуже, гораздо хуже... – сказал он с горечью. – Это собственность самого короля Дитбита, фактически – императора Южных династий.

Сыщик, не сдержавшись, выругался.

Никки даже рот раскрыла от неожиданности.

– Дитбит?! – потрясённо спросила она. – Сам император Дитбит? Отец принца Дитбита?

Сыщик не отвечал, а только сочно богохульствовал, жалея, что ввязался в это дело.

Джерри сидел бледный и выпрямленный. Никки взяла себя в руки:

– Какова вероятность вины?

– С учётом других факторов, включающих тесное союзничество с королём Симмонсом и значимые корреляции с шестью убийствами из вашего списка... вероятность того, что искомый преступник имеет отношение к династии Дитбита, составляет девяносто два процента.

– Выяснились ли причины убийств? Зачем они понадобились дитбитовской династии?

– Нет. Корреляционный анализ устанавливает связь между событиями, но не говорит о природе этой взаимосвязи. Я пытаюсь создать модель «эха преступления», чтобы вычислить людей и группы, выигрывающих от этих убийств, но это очень непросто. Мотивы часто остаются неизвестными, даже в случае раскрытых убийств. Мы имеем дело с запутанным преступлением, корни которого уходят очень глубоко...

Спенсер отключился, но от его сообщения в воздухе осталось напряжение.

И это напряжение требовало действий.

Джерри стоял у окна, отвернувшись от Никки, а девушка неслышно обсуждала что-то с Робби. Потом она спросила у компьютера вслух:

– Ты засёк номер, по которому директор Милич в прошлом году звонил старшему Дитбиту?

– Конечно, – ответил Робби.

– Набери, пожалуйста.

Через несколько секунд на экране появилось грозное лицо секретаря Дитбита.

– Откуда у вас этот номер?!

Никки проигнорировала её вопрос и сухо сказала:

– Николь Гринвич со «Стрейнджера» хочет поговорить с мистером Дитбитом.

– Я узнала вас, – секретарь Дитбита удивлённо расширила хищные глаза и продолжила более мягким тоном, – но Его величество Дитбит принимает только по предварительной записи и после беседы с его помощниками, запишитесь на приём и...

– Для меня данный разговор не очень важен, это вопрос жизни и смерти лишь для мистера Дитбита и его династии, – холодно сказала Никки и отключилась.

Через полчаса на экране зазвенел вызов.

– Мисс Гринвич, – сказала секретарша Дитбита, – мне поручено выслушать вас и решить вопрос о вашей беседе с Его величеством Дитбитом.

– Милочка, – высокомерно сказала Никки, – вы забылись. Может, вы напряжёте свои извилины и поймёте, с кем разговариваете? Вы ничего здесь решать не будете, этим звонком я делаю одолжение – первое и последнее – для мистера Дитбита. Больше не беспокойте меня по пустякам, – она снова отключила экран с ошарашенной секретаршей.

Через пять минут экран снова зазвенел, и на нём наконец-то появился сам Дитбит, коротко стриженный и горбоносый. Его лицо излучало власть, силу и опасность.

– У вас ко мне дело? – спросил он нетерпеливо и не здороваясь.

– Да, мистер Дитбит, – не спеша сказала Никки. – Я имею убедительную информацию о том, что ваша династия и вы лично причастны к гибели «Стрейнджера», к покушениям на меня, а также к смерти родителей моего друга Джерри Уолкера.

– Убедительная информация? – переспросил Дитбит с невозмутимым лицом. – Откуда?

– От умного верблюда, – грубо ответила Никки. – Теперь понятно, почему вы не стали преследовать меня за травму принца Дитбита, – с вашей точки зрения, я всё равно была обречена на смерть. Публичный конфликт между мной и младшим Дитбитом мог быть истолкован журналистами как причина покушения. Такая интерпретация бросила бы тень на династию и оказалась бы слишком близка к истине.

– Чего вы хотите от меня? – спросил по-прежнему спокойно Дитбит.

– Я откровенный и прямой человек, мистер Дитбит, – сказала Никки, – поэтому решила позвонить вам и спросить – правда ли это? Можете ли вы сказать, просто и честно: «Это всё – ерунда!»

Никки чуть подалась вперёд.

– Я не собираюсь подвергаться вашему допросу, – хладнокровно ответил Дитбит, отлично осведомлённый, что детектор лжи легко уловит враньё в прямых утверждениях.

– Вы понимаете, – откинулась в кресле Никки, – что ваш отказ красноречив?

– Меня не интересуют ваши догадки и соображения, – ледяным тоном сказал Дитбит.

– А зря, – сказала не менее холодно Никки, – ваша участь будет плачевна, если вы действительно виновны в гибели «Стрейнджера», в чём я уже не сомневаюсь.

– Вы мне угрожаете? – пренебрежительно поднял брови Дитбит.

– Самым непосредственным образом, – кивнула Никки. – Я брошу все свои ресурсы на борьбу с вами и вашей династией. Если вы не захотели сказать о своей непричастности к этим тёмным делам из-за глупой гордости, то я даю вам последний шанс избежать крупных проблем – просто скажите, что вы тут не при чём.

– Я не буду играть в ваши детские игры! – сказал Дитбит чуть более напряжённым голосом.

Никки встала во весь рост. Лицо её было строго и величественно, как у судьи, объявляющего приговор.

И она на самом деле его объявила.

– Дитбит, я приговариваю вас к уничтожению. Ваша династия и ваши союзники тоже будут ликвидированы.

– Говорите больше, глупая девчонка, – засмеялся Дитбит, – вы уже наговорили на много лет тюрьмы.

– Всё-таки вы болван, Дитбит, – засмеялась в ответ Никки, – несовершеннолетнего не посадят в тюрьму за угрозы, а у моих адвокатов зубы не короче, чем у ваших. Не забывайте, что разговариваете с основателем и главой новой династии.

– Состояние Дитбитов во много раз значительнее, чем у вашего новорождённого клана, – пренебрежительно огрызнулся король.

– Я одна заработала за лето денег больше, чем вся ваша династия за сто лет, – усмехнулась Никки. – И вы скоро убедитесь, что список моих сюрпризов не исчерпан.

– Мисс Гринвич, – сделав над собой огромное усилие, умиротворяюще заговорил Дитбит, – эти детские угрозы ни к чему хорошему не приведут. Вы стали богаты, так живите и радуйтесь жизни. Между династиями не приняты публичные скандалы. Вы ещё новичок в... нашем кругу, поэтому послушайте моего совета – не замахивайтесь на невозможное. Никакого заметного вреда ни мне, ни моей династии вы нанести не сможете и не пытаетесь.

Никки улыбалась, и её улыбка ужасала, как гримаса рычащего леопарда.

– Вы сейчас действительно королева, – признал Дитбит, – только поэтому я сейчас так терпеливо разговариваю. Ваши угрозы я расцениваю как блеф. Я думаю... даже уверен... что лично вам уже ничто не угрожает. Почему бы нам не заключить пакт о нейтралитете?

– Вот как вы запели, – продолжала зловеще улыбаться Никки. – Дитбит, вы изображаете из себя крутого небожителя, но это может

впечатлить только ваших подхалимов. На самом деле, вы выросли между перинами и няньками и даже не представляете – на какой острый риф напоролись своим мягким брюхом, решив поиграть в вершителя чужих судеб и сбить «Стрейнджер»... Ваше физическое уничтожение – это системная задача третьего порядка. Ваша смерть без каких-либо юридических последствий для меня – задача четвёртого порядка с граничным условием гладкости. Разрушение вашей династии – это формально социосистемная задача восьмого порядка. Среди экспертов она считается неразрешимой, но я знаю фокус, как понизить её до решаемой проблемы шестого порядка.

Король слушал внимательно, не перебивая.

– Жаль, что вы человек невежественный, – сказала, высоко подняв голову, Никки, – сейчас как раз пора испугаться всерьёз...

– Зачем вы это мне говорите? – хмурясь, сказал Дитбит.

– Я подбрасываю материал для ваших аналитиков, – усмехнулась Никки. – Они дадут оценку и моей убеждённости, и моей правдивости. Это должно подействовать даже на самых величественных болванов.

– Если вы решили меня уничтожить, зачем предупреждаете? – настаивал, игнорируя оскорбления, озабоченный Дитбит, которому аналитические экспресс-системы уже успели сообщить о серьёзности Никкиных угроз.

– Ваша предупреждённость не меняет порядок задачи по вашему уничтожению – вы и так защищены выше головы. Это не волнует меня. Но как убийца моих и Джерриных родителей вы заслуживаете чувства страха и обеспокоенности перед разорением и смертью. Это наш последний разговор, Дитбит, – сказала Никки, – но эхо от него будет греметь для вас всё громче, пока не грянет погребальным звоном.

– Да? И как же вы собираетесь меня уничтожить? – криво усмехаясь, спросил король Дитбит.

– Самым неотразимым оружием – создав будущее, в котором вас нет, – жёстко сказала Никки.

Её лицо вдруг исказилось судорогой, и девушка схватилась за шею. Никкин голос стал тихим и грозным, перегруженным болью и гневом:

– Мерзавец, я предрекаю тебе ужасную смерть, какой погибли мои родители... ты умрёшь в тоске, не зная, смог ли ценой своей жизни спасти собственного ребёнка...

Дитбит открыл рот, собираясь что-то сказать, но Никки уже отвернулась.

– Джерри, – сказала девушка другу, следившему за разговором с

экрана без передатчика, – посмотри на убийцу своих родителей.

Джерри встал плечом к плечу с Никки. Его глаза горели ненавистью.

– Будьте вы прокляты! – хрипло сказал он человеку на экране.

И Никки отключила связь.

Глава 9

Рождественская клятва

Никки оставалась оптимистом в самых тяжёлых ситуациях. Возможно, это было необходимым условием выживания на астероиде – пессимист умер бы от ужаса перед космической горой проблем.

Но иногда и оптимизм уставал и куда-то отлучался. Наваливалась тоска, улыбка сбегала с лица Никки, и девушка чувствовала себя утопающей в холодном море бесчисленных дел и забот.

В это утро всё не заладилось. Голова болела, и завтрак Никки проспала, велев Робби заткнуться с его нудным бормотанием насчёт вставания.

Заспешив, попробовала выпить кофе у себя в комнате – разбила красивую фарфоровую чашку и залила ковёр. И грязь развела, и осталась голодной.

– Да что с тобой сегодня? – спросил Робби. – Мне что, всё время вмешиваться в твои неуклюжие движения? Ты тогда совсем утратишь естественную координацию.

– Хватит читать мне нотации! – вспылила Никки.

Одеваясь, девушка заметила, что чрезмерно обросла и пора записаться в очередь к парикмахеру Луизе. Она попробовала скрепить длинные космы волос какими-то дурацкими проволочными вилками – ничего не получилось. Чертыхнулась и вышла как есть – лохматая. Хорошо было на астероиде – чикнешь пару раз плазменным резакон по отросшим волосам, зажатым в кулаке, – и причёска готова. Только долго пахнет палёной шерстью...

В холле её подстерегала кареглазая первокурсница-Леопард. Она всегда раздражающе восторженно тарацилась на Никки.

Первокурсница робко сказала:

– Ваше величество, могу я с вами поговорить?

– Какого чёрта ты меня так зовёшь? – рассердилась Никки-в-разгаре-кризиса-отсутствия-оптимизма. – Я сейчас спешу!

Девочка открыла рот и проводила королеву к лифту испуганным ореховым взглядом.

Спускаясь в кабине, которая была сегодня особенно клаустрофобичной, королева тоскливо бормотала:

– Всем от меня что-то нужно... Все чего-то хотят... Как мне это

надоело!

Выскочив из ворот башни Леопардов, девушка не пошла на лекцию, которая вот-вот должна была начаться, а села на скамейку в густых парковых зарослях, уткнув лицо в ладони и не замечая красивых цветов вокруг.

Никки принялась себя жалеть.

Она чувствовала себя совершенно несчастной. Голодной, злой и никому по-настоящему не нужной. У неё всё валится из рук, и ничего толком не получается. Счастливый случай улыбался ей несколько раз, но сейчас отвернулся. Отныне она начинает карьеру неудачницы. Недолгую – король Дитбит с радостью позаботится об этом.

На поверхность чёрного уныния всплыл золотой пузырьёк. «Джерри! Ему нужна только я, а не мои деньги и королевские возможности».

Девушка убрала ладони с лица. Возникла вторая цветная мысль: «Он без колебаний встанет между мной и смертельной опасностью».

У Никки засветился в груди тёплый огонёк. Девушка поднялась со скамейки и оглянулась по сторонам. Вдохнула пряный запах цветущих кустов, услышала нежное птичье бормотание в зелёном сумраке.

«Он обещал, что всегда будет рядом со мной. А Джерри никогда не обманывает».

Откуда ни возьмись подбежал оптимизм, виляя пушистым хвостом и виновато повизгивая.

– Нашлялся, лохматая скотина? – добродушно сказала Никки. – А я без тебя уже на людей стала бросаться.

И девушка, повеселев, отправилась на лекцию в гуманитарный корпус.

В среду вечером «Веганские гоблины» обсуждали проект межзвёздного корабля.

Встречались в холле башни Леопардов. Пока собирались, Артемида смазывала лекарством синяки Феба и ругалась:

– Нужна была тебе эта дуэль с Дмитрием? Он чемпион своего курса по боксу.

– Он сомневался, что английский бокс изобрели древние греки! Этого я стерпеть не мог.

– И кто оказался прав в споре? Вернее, кто победил в дуэли?

– Сложно сказать, – признался Феб. – Дмитрий сказал, что он продал мне фунт какого-то лиха. Но я ему тоже показал, где зимуют... – юноша напрягся, вспоминая, – ...кузькины матери.

Дзинтара, зашедшая послушать народные межзвёздные мысли, чуть не

села мимо кресла.

– С каких пор ты заинтересовался русскими поговорками? – смеясь, спросила она.

– Поговорки – душа народа, – небрежно сказал Феб. – У меня появился один... русский проект.

И юноша зашипел от боли: Артемида добралась до очередной ссадины. Сестра лечила брата и ворчала:

– Ты уже ухитрился со всеми поспорить...

Феб возразил:

– Вовсе нет. Как благородный человек, после дуэли я протянул Дмитрию руку дружбы. Он охотно пожал её и сказал, что со мной хочет подружиться ещё и Люпус из Тамбова.

Дзинтара видимо что-то уронила на пол, сползла под кресло и там несколько раз на кого-то хрюкнула.

К удивлению Никки, на собрание пришёл рослый плосколицый Мин-Дракон. Он заметил её взгляд и с вызовом спросил:

– Ты против?

– Нет, – спокойно сказала Никки. – Алоха, Мин.

– В нашем проекте он занимался проблемами радиационной безопасности, – поспешила сказать Изабелла.

Мин-Дракон отвернулся и сел в уголок холла.

Изабелла перечислила собранию почтенных гоблинов основные трудности, стоящие перед путешественниками, мечтающими покорить немыслимое расстояние до другой звезды, куда даже свет летит многие годы.

Изабелла, очень стеснительная раньше, сейчас вела себя гораздо увереннее. Только красные пятна цвели на её щеках.

– Проблема номер один: топливо. Для комфорта и максимальной скорости ракета должна лететь с ускорением в одно «же». Требуется гигантское количество реактивного топлива, даже если оно используется с предельной эффективностью – выбрасывается из дюз с относительной скоростью, близкой к световой. Топливо нужно брать с собой или добывать в полёте.

– Как это – в полёте? – спросил Борм-Сова.

– Например, собирая по пути межзвёздный водород... – сказал Смит Джигич мрачным голосом.

Дзинтара удивилась:

– А я думала, что главная проблема полётов к звёздам – их длительность: до другой звезды смогут долететь только потомки

космонавтов, улетевших с Земли.

– При постоянном ускорении в одно «же» скорость корабля быстро приближается к световой, – уточнила Изабелла, – и если расстояние до звезды десять световых лет, то корабль будет лететь до неё немногим больше десяти лет.

– У ближайших звёзд нет удобных для человека планет, поэтому нужно рассчитывать полёт на расстояние в два-три десятка световых лет, – отозвался Смит.

Никки внимательно слушала выступающих, но сама молчала.

Изабелла добавила:

– Благодаря релятивистскому эффекту замедления времени для астронавтов на корабле время будет течь гораздо медленнее, чем на Земле.

Борм-Сова с энтузиазмом замахал руками:

– Если корабль будет поддерживать ускорение в одно «же» в течение десяти лет по субъективному времени астронавтов, то корабль улетит на расстояние десять тысяч световых лет! За время торможения он преодолеет ещё десять тысяч световых лет. Люди смогут покорить галактику в течение жизни одного поколения астронавтов. А до соседней звезды космонавты долетят совсем быстро – и припасов нужно не очень много.

– Возможность инерционного полёта не исключена, хотя бы в аварийном случае, – не согласилась Изабелла. – Поэтому нужно, чтобы корабль обеспечивал себя всем необходимым в долгом полёте: продовольствием, водой, кислородом... – Девушка запнулась и покраснела сильнее. – Нужны также условия для семейной жизни и рождения детей, ведь это не просто экипаж, а колонисты. Ещё необходимы школа и университет.

– Так что, целый город с собой тащить? – воскликнул Мин.

– Это оптимальный вариант, – живо подтвердила Изабелла. – В большом экипаже легче решать психологические трудности длительного полёта.

– Человек волку глаз не выключает! – согласился Феб.

– А сейчас выступит Смит Джигич, который руководил группой по решению проблемы топлива и ресурсов, – сказала Изабелла.

Смит сразу взял быка за рога:

– Проблему топлива не решить простыми способами! Собирать водород по пути – нужны слишком большие ловушки, да и этот водород – горячая штучка! – сам по себе головная боль: он создаёт зубодробительно сложную проблему лобовой радиации!

– Подтверждаю, – важно сказал Мин. – На околосветовых скоростях

межзвёздный газ превращается в опасное излучение: экипаж погибнет не от старости, а от радиации!

– Верно! – сказал Джигич. – Мы долго ломали голову – и не нашли ничего лучшего, как предложить лететь к другим звёздам на ледяной комете. В центре кометы делаем пещеру, толстый слой льда защищает экипаж от облучения. Талая вода с примесью минеральной пыли снабжает корабль топливом и ресурсами в течение всего полёта.

– Хорошая идея, – сказала Никки. – Прилетаем на комете к другой звезде, выводим её на астрocентрическую орбиту – и сразу получаем обжитую базу. Только город в пещере мне не очень нравится. И психологически тяжело, и геологически небезопасно, особенно при ускорениях. А нельзя ли сделать купол города снаружи, по ходу полёта? Там будет самое приемлемое направление ускорения.

– Нельзя! – сердито возразил Мин-Дракон. – Такой город окажется как раз на пути радиационного потока из набегающего газа. Я проверял существующие материалы куполов – нет таких, какие бы полностью защитили от радиации и от многолетнего обстрела межзвёздной пылью.

Изабелла вздохнула:

– Идея населённой кометы обостряет проблему двигателей – где взять такие мощные, чтобы разогнать комету до субсветовых скоростей?

– Нам позволили не трогать двигатели – давайте забудем о них и попробуем разрешить остальные сложности... – сказала Никки.

– Ну, если не волноваться о мощности двигателей, – саркастически сказал Мин, – тогда нужно взять сразу две кометы: одна будет лететь впереди и защищать собой город на вершине второго ледяного тела. Можно найти и двойной транснептун – их множество на краю Солнечной системы.

– Отличная идея! – Никки с уважением посмотрела на Дракона. – Второй кометой-щитом можно загоразживаться от столкновения с блуждающим астероидом, от галактического шторма космических лучей и даже от вспышки Сверхновой. А в случае каких-то проблем на фазе торможения можно обойтись одним транснептуном – ведь город уже будет не на носу кометы, а сзади...

Мин удивлённо раскрыл рот, но ничего не сказал.

Наконец обсуждение иссякло – все устали спорить. Изабелла закрыла собрание, велев каждому прислать свои соображения по сети.

Никки сказала одобрительно:

– Вы разработали отличный проект – он решает основные проблемы межзвёздных сообщений.

– Интеллект – не шило, в мешке не утаишь! – довольно сказал Феб.

– Но как мы будем двигать огромные кометы – почти планеты? – сказал Смит скептически.

– Поживем – увидим, – беспечно сказала Никки. – Пока, согласно официальному условию конкурса, мы имеем право игнорировать проблему двигателей.

– Получим премию – куплю «мазератти», – размечтался Мин-Дракон. – Давно о ней думаю, да разве родители что-нибудь понимают в продвинутых машинах...

Космические гоблины расходились. Феб наклонился к Дзинтаре и тихо спросил:

– Правда, что у русских есть *зазнобушки* – девушки, от которых бросает в ознобную дрожь?

Дзинтара долго не могла ответить. Наконец, выбравшись из припадка радостных всхлипываний, она сказала шатающимся голосом:

– Эту тайну загадочной русской души я никогда не выдам!

– *Чертовая упрямка!*

Кентавр поймал Никки возле лифта. Девушка выслушала сообщение и резко отказалась:

– Не пойду!

Посланник сделал длинную паузу и сказал:

– Я доложил о ситуации директору Колледжа. Он передаёт вам, что в случае неявки к школьному психоаналитику вы будете вызваны на дисциплинарную комиссию.

Никки поняла, что ей не отвертеться от визита к пренеприятному доктору Фростману, и со вздохом отправилась вслед за кентавром. Он привёл её к низкой торцевой двери в полутёмном коридоре.

«Переселился психоаналитик, что ли?» – удивилась девушка.

Но за дверью был не кабинет, а комната, которая освещалась лишь нервными разноцветными бликами. Переливчатые странные пятна бегали по стенам и сопровождались не менее странными звуками – то тягучими и плаксивыми, то резко бьющими по нервам. В носу возникло какое-то щекотание.

«Бурдюк Козерога! Доктор изобрёл психоделический предбанник!» – усмехнулась Никки и поспешила за кентавром к противоположной двери, задерживая дыхание и стараясь не всматриваться в навязчивые узоры и не вслушиваться в раздражающие взвизги. Когда девушка открыла следующую дверь, сумбурные звуки за её спиной выстроились в отчётливый и неприятный хохоток.

Новая комната выглядела гораздо лучше. Она ярко освещалась настенным экраном, похожим на окно: залитый солнцем пляж, скрипуче кричат чайки, невысокие морские волны шипят на горячей гальке. Никки даже почувствовала терпкий йодистый запах сухих водорослей.

Доктора не было и здесь.

На экране появилась маленькая девочка, бегущая к морю. Она забежала по колено в воду, счастливо взвизгнула и обернулась...

Никки оцепенела.

Это была она. Ещё с белокурыми, не стеклянными волосами. Ещё беззаботная, как дети и птицы. Но она никогда не была на море!

Девочка на экране играла вперегонки с набегающими волнами, а камера медленно подплывала к ней, одновременно поднимаясь. И вот Никки смотрит на маленькую девочку сверху, с высоты человеческого роста – глазами неслышно подкравшегося взрослого.

Тень упала на ребёнка. Маленькая Никки обернулась и подняла глаза, щурясь от солнца. Улыбка на её лице быстро таяла.

Фильм был сделан мастерски: взрослой Никки так безумно захотелось закричать: «Беги!», что она закусила губу.

Девочка с испуганным лицом загородилась рукой – от солнца, или от невидимой опасности.

Камера резко спикировала.

Крупный план детской руки. На тонком запястье с хрустом возник рваный разрез. Обильно брызнула кровь, залил экран. Йодистый аромат моря сменился на пронзительный медицинский запах.

Раздался крик. Никки не поняла, кто кричал – она сама или девочка на экране. Но нашла она себя на полу.

Робби тоже вопил ей что-то прямо в уши, но она не могла разобрать его слов в невыносимом грохоте: на экране уже возник огромный механический молот, бьющий по раскалённой светло-малиновой металлической болванке. Она послушно сплющивалась – толчками, осыпая темнеющую окалину. Никки оглушило, обдало жаром и испарениями горячего металла. Огненная глыба так надвинулась на девушку, что вызвала нестерпимое желание отстраниться.

Девушка не успела перевести дух – и снова смена картинки: вечер, прохладный ветерок, горящие свечи на столе в кафе. Букет пахучих цветов. Две молодых руки ласково соединились... и вдруг на глазах постарели – покрылись морщинами, вздувшимися венами и старческими пятнами. Цветочный запах сменился душной вонью стариковского белья.

– Выбираемся отсюда! – наконец разобрала она голос Робби.

Никки с трудом встала на ноги.

А на экране уже красавец-олень поднял точёную морду от воды и посмотрел на девушку грустными глазами. С морды капала вода. Томми? И сразу – мёртвый олень с вздувшимся животом и растопыренными ногами. В нос ударил запах падали. Пространство заполнилось жужжаньем сотен мух. Картинка приблизилась, и гниющая плоть оленя превратилась в скользкие холмы, густо усеянные сине-зелёными бронированными гигантами. Насекомые обернулись волосатыми, шипастыми монстрами, а Никки смотрела на них фасеточными глазами такого же чудовища. Жужжанье перешло в низкий гул, а трупный смрад перетёк в густой карамельный запах.

«Неужели доктор решил, что я буду подопытной крысой в его лабиринте?»

Никки толкнулась назад – закрыто! Тогда она решительно бросилась к двери напротив. Кентавр куда-то исчез. Девушка надавила на дверь – та тоже была заперта. Никки обрадовалась: «Доктор думает, что меня может остановить какая-то дверь?» Она отошла на пару шагов – чтобы вышибить преграду к чёрту. И тут приятный женский голос сказал:

– Здравствуй, Никки! Как ты живёшь?

Никки замерла и обернулась. На экране появились...

...её родители!

Мать – красивая, молодая – ласково смотрела на девушку.

– Никки, девочка, как ты выросла!

Это говорил уже её отец.

Родители держались за руки и улыбались девушке. Никки понимала, что это всё проделки доктора Фростмана, но была не в силах оторвать взгляд от двух самых родных лиц в мире.

– Что же ты молчишь, дочка? – спросила мать, нахмурившись. – Почему не отвечаешь?

Никки не могла ничего сказать, но краешком сознания подумала, что мать никогда не называла её дочкой. Обычно – Никки. Серdito – Николь. Ласково – Николетта.

– Не кричи на неё, – грубо рявкнул отец.

Робби требовал, чтобы она уходила, но ошеломлённая девушка продолжала смотреть, как родители стремительно рассорились и начали кричать друг на друга.

А потом случилось непредставимое...

...отец ударил мать.

Та упала на пол и истерически зарыдала.

Взрослая девушка Никки понимала, что смотрит просто невозможный кино-кошмар; что всё это – гнусные опыты доктора Фростмана. Но маленькая девочка в ней истошно ревела, видя, как самые любимые люди ненавидят и ранят друг друга. Зрелище ссорящихся родителей разрывало непонимающее сердце ребёнка пополам.

Никки наконец послушалась Робби, повернулась и врезалась всем телом в дверь. Та сразу распахнулась, и девушка, потеряв равновесие, влетела в крошечную тьму.

С разбитой душой Никки лежала на полу и, невзирая на все свои суперчувства, не могла сориентироваться и найти выход. Вдруг в чернильной тьме раздались леденящий скрежет разрываемого металла и пронзительный детский визг.

Он резанул по сердцу, и шея Никки вспыхнула огнём.

Девушка не смогла встать на ноги и двинулась в темноте ползком и наугад. Робби явно помог – и Никки вскоре вывалилась в дверь, сопровождаемая непрерывным и сокрушительным собственным визгом из прошлого.

Это был уже знакомый кабинет Фростмана. Вот и сам доктор – за столом в дальнем углу.

ПАУК.

Возле него стоял кентавр и держал в клешне парализатор. Доктор был готов к неожиданностям.

Девушка встала на дрожащие ноги и крикнула:

– Зачем вы это делаете, мерзавец?!

Доктор молча улыбался. Между ним и Никки стояло до чёрта мебели – какие-то стеллажи и столики, с кучей стеклянных ваз и колб на каждом.

Никки одним ударом сокрушила круглый стол с цветочным горшком и сервизом.

Психоаналитик пришёл в полный восторг:

– Прекрасный эпизод для сенсационного фильма о дикой королеве!

Этот восторг остановил Никки сильнее наручников. Если твой враг радуется – значит, ты делаешь что-то не то.

Фростман же веселился вовсю:

– Великолепно! Отличный сброс подсознательного напряжения! Мы продвинулись сегодня очень далеко в понимании нашей проблемы.

Никки отчётливо поняла, что у неё два выхода – пробиться к доктору и разорвать ему глотку, или уйти отсюда, проглотив издевательство над памятью родителей, и никогда больше не встречаться с Фростманом, не надеясь на свою выдержку.

А доктор был так счастлив, что даже вскочил из-за стола:

– Первая точка в кривой Торндайка! Вы оказались не самой умной крысой, которая прошла через мой лабиринт. Любите родителей, романтичны и горды? Прекрасное, хрупкое сочетание!

Никки прищурилась: «Если перед тобой только два выхода, и они тебе категорически не нравятся, то самое время искать третий».

Кентавр, стоящий возле доктора, вдруг затоптался на месте, потом повернул парализатор и выстрелил в бок Фростману. Тот, с застывшей улыбкой, грохнулся на пол, зацепив стеллаж с мемокристаллами. Синие кубики рассыпались по всему полу.

– Молодец, Робби, – неслышно сказала довольная Никки. – Связь есть?

– Да.

Никки злое улыбку и сделала лягающее движение ногой. В углу кабинета кентавр, стоящий над телом доктора, в точности повторил это движение, и пластиковое копыто врезалось в жирный бок доктора. Улыбающийся Фростман крикнул. Кентавр опустил ногу, и под широким копытом захрустели синие кубики.

– Прекрасный эпизод для фильма «Новый Франкенштейн». Спокойной ночи, доктор... – И девушка вышла из кабинета, сказав в дверях: – Робби, повтори десять раз!

В ответ донеслось размеренное кряканье доктора.

Всплеск энергии, вызванный финальной стычкой с доктором, быстро угас, и Никки еле доплелась до своей комнаты. Через пять минут в башню Леопардов прибежал Джерри, которому самовольно позвонил Робби. Юноша ужаснулся, увидев разбитую вдребезги девушку. Он напоил её чаем и приложил немало усилий, чтобы Никки пришла в себя.

Маугли рассказала другу, что произошло в кабинете психоаналитика. Переживая события ещё раз, она воскликнула:

– Негодяй использовал моих родителей для мерзких экспериментов!

Глаза девушки вспыхнули, и она спросила Робби:

– Доктор ещё в отключке?

– Да.

– Связь с кентавром осталась?

– Конечно.

Девушка улыбнулась, подняла ногу и энергично топнула – один раз, другой.

Джерри ничего не понял, но обрадовался довольному виду Никки.

На следующий день девушка посоветовалась с адвокатом, но тот дал неутешительный ответ.

– Психоаналитики – могущественная медицинская банда. За показ виртуальных сцен их не привлечёшь к ответу – любые свои действия они мотивируют медицинскими показаниями.

– Но он без моего разрешения проводил надо мной опыты! Записывая все мои реакции, которые эту сволочь интересовали! – воскликнула Никки.

– Его статус штатного медика Колледжа разрешает такие вещи... – сокрушённо развёл руками адвокат Дименс.

Никки подумала: «Неужели мне придётся жить в Колледже, терпя такого злобного вампира и шпиона, как доктор Фростман? Лучше бы он просто напал на меня с топором...»

Увы – знаменитый специалист по промыванию мозгов пользовался гораздо более опасным и болезненным оружием. Сцены, увиденные Никки в лабиринте доктора, ядовитыми занозами застряли в её сердце. Джерри чутко уловил состояние девушки и потратил всю свою ночь на добывание из Сети лекарства, которое должно было помочь.

Утром он разбудил Никки и посадил её перед экраном.

– Смотри!

И Никки с замирающим сердцем увидела реальные видеозаписи своих родителей, которые Джерри кропотливо собрал по всем закоулкам Инета.

Девушка на целый час погрузилась в яркий цветной мир, где двигались, улыбались и целовались два молодых, полных сил человека, а рядом с ними, держась за родительские руки, ковыляла и бегала, горько плакала и заливалась смехом их абсолютно счастливая маленькая дочь.

Смотреть эти кадры было непросто, но, когда запись закончилась, Никки вздохнула радостно и свободно. Профессионально-ядовитые имитации бесследно исчезли в сокрушительном свете безыскусной правды.

Королеве Никки приходилось учиться больше других студентов – в её образовании всё ещё зияли огромные дыры. Например, юная Маугли почти не знала географию и стала лёгкой добычей для язвительной пожилой дамы, преподававшей в Колледже науки о Земле.

– Ну-ка, рекордсмен, вперёд! – Сегодня профессор Катарина Тур снова вызвала Никки к карте мира. – Покажите столицу Шотландии! С какой скоростью движутся ледники? Найдите крупнейший город мира! Из какого материала состоят океанские пляжи?

Никки не справилась ни с одним названием или заданием и попала под град насмешливых комментариев преподавателя географии.

– Вы даже не знаете принципиальной разницы между западным и восточным берегами Южной Америки? Фантастическое невежество!

И профессор нагрозила Никки чудовищным по объёму домашним заданием. Изабелла попробовала заступиться за Никки:

– Она никогда раньше не учила географию, за что её так наказывать?

Но только хуже сделала.

– И что теперь? Мисс Гринвич собирается и дальше оставаться дикарём? – спросила грозно профессор и тут же добавила Никки дополнительный реферат о прибрежных рельефах.

– Сдать до Рождества! И чтобы мне было интересно читать эту работу! – надменно сказала профессор Катарина Тур, обращаясь к Никки. – Списать из учебника может даже дурак-компьютер. Найдите незатасканный подход к теме, иначе реферат не зачту!

Никки была вовсе не против изучения географии, но в сутках всего-навсего двадцать четыре часа, причем шесть-семь из них приходилось спать, иначе организм бунтовал – засыпал бесконтрольно и когда хотел.

Более того, Земля очень нравилась девушке. Это была планета-мечта, грустная из-за недостижимости, но всё равно – светлая.

Маугли могла часами смотреть фильмы про болота Флориды, кишачие биоврагами и биодрузьями; про сумрачные влажные джунгли и просторные берёзовые рощи; про альпийские луга, жарко цветущие между скал под прохладным летним небом. Девушку восхищало всё: сползание стеклянно-зелёных антарктических ледников, затопивших до горла чёрные замороженные горы, и ещё более медленный рост Гималаев в зоне напряжённого противостояния тектонических плит. Андаманский архипелаг, Тирренское море, Кордильеры – эти чудесные имена звенели колокольчиками на ветру.

«Где здесь необитаемые острова, которые Джерри обещал мне показать?»

Рыбы, роящиеся в коралловых зарослях тёплых морей, поразили Никки. Девушка считала себя экспертом по рыбе. Она тщательно изучила её в количестве двух тонн! Никки исследовала рыбу в жареном, печёном, вяленом и – посмотрим правде в глаза – в сыром виде. Стремительная обтекаемая форма, мускулистое тело, элегантная и неброская окраска. Здравствуйте, я – рыба Эрик.

Виртуально нырнув в тропическое море, Никки попала на рыбий бал-маскарад: подводные жители то вытягивались полуметровыми глазастыми спицами, то сплющивались в плоские блины с поцелуйно вытянутыми губами, то выпускали из спин острые серпы или длинные нити, словно

хотели поймать на удочку какого-нибудь плавающего собрата. Раскрашивались рыбы нагло – словно и не было на свете никаких хищников. Одни коралловые жители предпочитали однотонные цвета: канареечно-жёлтый, чёрный или томно-перламутровый. Другие пускались во все тяжкие, расцвечивая морды красно-зелёными пятнами, а бока – сине-оранжевыми полосами. Яркие рыбы почему-то очень смешили Никки – словно профессор Дермюррей несуразно нарядился в балетную пачку.

Когда же она увидит земные красоты своими глазами? Она поймала себя на составлении маршрута кругосветного путешествия, о котором они с Джерри мечтали.

Но кроме сладких снов о тёплых островах, был ещё и реферат по береговым рельефам. Наконец остался один день до его сдачи.

Весь вечер Никки лихорадочно искала свежий подход к берегам и рельефам. Даже пропустила ужин, ограничившись чаем и шоколадом у рабочего экрана. Наткнулась на информационный банк лидарных данных о высоте земной поверхности.

Робби влез с объяснениями:

– Самолёт стреляет вниз невидимым лучом из инфракрасного лазера и с точностью сантиметров определяет координаты точки отражения луча...

– Я это знаю, – нетерпеливо перебила его Никки. – У меня есть лидарный сенсор в ожерелье, которое подарил Джерри. Я всё могу вокруг измерить.

– Правильно, – согласился Робби, – но вокруг тебя всё мельтешит – особенно когда ты сама носишься как угорелая – а географический рельеф неизменяем и солиден.

Девушка решила собрать для требовательного профессора трёхмерную коллекцию береговых структур, используя лидарные данные. Нашла в Техасе загадочный уступ высотой в метр, тянувшийся по суше в нескольких километрах от береговой линии Мексиканского залива. Граница древнего океана во время прошлого потепления? Можно отнести её к береговым рельефам? Пожалуй, да – в порядке дискуссии.

В Сибири Никки заметила лесную реку – очень извилистую. Робби пояснил, что речной поток размывает рыхлые берега, что приводит к нестабильности русла. Никки убрала лидарные отражения от деревьев и оставила лишь точки земной поверхности. Словно другая планета возникла перед её глазами!

На обнаженной земле стали видны русла ручьев, углубления тропинок и придорожных канав. Старые рудники, развалины зданий, пещеры и какие-то геометрически правильные траншейные узоры – массу тайн

скрывал густой лес. А вокруг нынешней реки обнаружили десятки петель сглаженных сухих русел. Они клубились на многие километры вокруг реки. Кто жил на древних берегах? Кто пил воду давно пересохших рек?

«Это узоры истории реки, как годовые кольца на срезе дерева!» – подумала Никки. Но Робби не смог датировать бывшие берега – двести, пятьсот лет назад?

– Не хватает информации, – признался он. – Нужно знать прочность пород, скорость и глубину реки. Да и повозиться с моделированием разрушения берегов придётся. А у меня и так хлопот полон рот! – блеснул пословицей Робби. Заразился у своего приятеля Вольдемара, любителя афоризмов.

Никки с удовольствием добавила переплетения речных русел в домашнюю работу, аккуратно обойдя вопрос их возраста.

В башне Леопардов давно посапывала ночь. Но реферат рос быстро. На экране мелькали лесистые горы и долины, в следующее мгновение теряющие зелёный покров и показывающие свои тайны. Жерла вулканов, метеоритные кратеры, застывшие лавовые реки – Никки с трудом отрывалась от заманчивых геологических зрелищ, стараясь оставаться в заданных берегах.

Вот взгляд девушки зацепился за край карибского острова Пуэрто-Рико. Обычно вдоль его берега тянулась одинокая песчаная дюна, отмечающая край прибойных волн. Но на южном полуострове, под содранными зарослями обнаружилось более десятка древних дюн, параллельных берегу: сильно сглаженные гребни отстояли друг от друга на сотню метров. Друзья долго ломали извилины мозга и электронные цепи над многорядным рельефом, пока Никки не осенило.

– Это ураганные дюны! Я видела профили берегов после урагана: он разрушает обычную дюну и создаёт новую, вдали от берега, где её не достаёт рядовой прибой. Этот ряд дюн связан с сильными ураганами!

– Почему же их так много? – скептически откомментировал Робби. – Каждый новый ураган должен разрушать прошлую штормовую дюну.

– Правильно, но из-за течений и роста коралловых рифов площадь этого пляжа увеличивается, и береговая линия отодвигается в океан. Поэтому новый ураган не размывает старую дюну, а лепит рядом свою. Этот набор дюн может быть геологической летописью крупнейших ураганов Карибского моря! За последние века или за тысячи лет?

Увы – Робби снова не смог датировать отдельные песчаные гребни.

Но это не помешало прибрежным дюнам занять достойное место в

заключительной части реферата.

– Не уверен, что здесь замешаны ураганы, – пробурчал Робби. – Это лишь гипотеза. А может, за многорядную дюну отвечают колебания уровня океана или периоды ускоренного роста кораллов?

– Не будь занудой, – ответила девушка. – Конечно, гипотеза. Школьная работа – не диссертация, не будем много на себя брать.

Никки надиктовала последнюю строчку, утомлённо откинулась в кресле:

– Я и не знала, что подавляющее большинство людей на Земле живут на берегах – океанов, озёр или рек.

– Ты поднаторела в географии!

– А ты знаешь, что все люди на Земле – родственники?

– Конечно, знаю – это следует из кроличьих чисел Фибоначчи и теории вероятности. Тебе интересен факт, что ты десятиюродная внучка одного из французских президентов? Или что японский рыбак из Кобе твой кузен в пятнадцатом колене?

– Да! Когда на лекции по демографии я услышала про это всемирное родство, то у меня закружилась голова. Оказывается, у меня такая огромная семья...

– Они не считают тебя родственником и равнодушны к факту твоего существования.

– Ну... у всех в семье свои недостатки. И, думаю, ты преувеличиваешь взаимное равнодушие людей. Если японский рыбак увидит, что я голодна и у меня нет денег, разве он не поделится со мной выловленной рыбой?

– Ну... может, и поделится.

– Вот я и говорю: мы – родственники. Я тоже, когда представится случай, позабочусь и о японском рыбаке, и о французском президенте.

– Нужна ты им очень!

– Нужна, даже если они не подозревают об этом.

Никки встала из-за рабочего стола, потягиваясь и смотря на карту мира. Возможно, под влиянием усвоенной лавины географических данных, девушка вдруг ужаснулась:

«Как они там выживают, бедняги? Они строят своё жильё и жизнь на крышке кипящего котла! Континенты расползаются, как скользкие льдины; землетрясения ломают земную кору; вулканы заливают города огненной лавой и засыпают горячим пеплом... А торнадо и наводнения? А сезонные кошмары – так называемые зима и лето? То жара с засухой навалится, то снегом и льдом засыплет. Жить на Земле могут только герои. Из дома страшно выходить без скафандра высокой защиты – на тебя могут

броситься крокодил или автомобиль, грипп или град. Космический астероид – это тихая заводь по сравнению с Землёй».

– Ложись спать, – приказал Робби. – А то завтра будешь бродить как привидение.

– Я хочу попасть на Землю побыстрее... – невпопад своим мыслям сонно пробормотала Никки, проваливаясь в такой заслуженный, но такой короткий сон.

Утомлённой девушке приснился старый кошмар: родители уходят куда-то навсегда, даже не замечая её. Она хорошо знала, чем кончится сон – глухой дверью одиночества, но всё-таки, безъязыкая и бессильная, отчаянно тянула руки вслед родителям – и вдруг увидела, как мама обернулась. Сердце девочки забилось быстрее птичьего – и она мигом сбросила ярмо слабости. Родители взяли её за руки, и они пошли вместе.

Она была так счастлива, что смотрела только на маму и папу и не обращала внимания – куда они идут.

А шли они долго. Говорили и смеялись. Наступил вечер – тёмный и даже морозящий, но девочка была готова идти под дождём всю жизнь.

Не одна! Не одна!

Дорога кончилась у стены из тёмно-красного кирпича. Каблуки маминых туфель, звонко простучав по мокрому асфальту, остановились возле открытой двери.

За ней клубился лишь слабо светящийся туман.

Никто не сказал ни слова – лишь отец торопливо сжал плечо Никки и подтолкнул её вперёд.

Она переступила порог и обернулась. Родители стояли с той стороны двери и улыбались сквозь слёзы и тревогу. В прошлом осталась и пустынная ночная улица с неяркими жёлтыми фонарями.

Девушка поняла, что родители не могут перейти порог, но желают ей столько счастья, сколько может вместить душа человека.

И ещё она поняла, что вернуться назад невозможно и не нужно, ведь её дорога – впереди. Она чувствовала, что сейчас поймёт что-то важное, от чего вся её жизнь приобретёт смысл и значение.

Вокруг светился жемчужный туман, завивающийся в столбы и воронки. Он странно и хорошо пах.

«Куда дальше?» – подумала Никки, глядя на клубящуюся под ногами дымку.

Что скрывает туман? Паркет, капкан, пропасть?

Пока не пойдёшь вперёд, не узнаешь.

Девушка смело сделала первый шаг – и почувствовала прочную и

одновременно мягкую поверхность. Что-то вроде лужайки, поросшей короткой травой.

Никки откуда-то поняла, что секунду назад под ногами ничего не было. Это её шаг создал опору.

Она уверенно двинулась в жемчужную дымку, и, обгоняя её шаги, вперёд устремилась надёжная земная твердь.

Девушка взмахнула рукой – и в тумане возник прямой как стрела тоннель, нацеленный вверх. Секунда – и в туманном окне засияло голубое небо. «Да будет свет!» – подумала Никки и раздвинула небо пошире.

Очередной взмах вывел на небо горячее солнце. Девушка прищурилась, засмеялась и обернулась на родителей. Они были уже далеко, в маленьком прямоугольнике дверей, плавающим в тумане. Отец махал ей одной рукой, а другой держал маму за плечи. Мама плакала и улыбалась. За их спинами мягко мерцали светляки уличных фонарей.

Никки поняла, что всё делает правильно.

Горячее солнце разгоняло туман и открывало просторное поле, заросшее сочной лохматой травой. Движение ребром ладони – и на лугу возник ручей, искрящийся на солнце. Он прыгал и оскальзывался на мокрых валунах.

Туман рассеивался и отступал. «Эй, приятель, послужи ещё!» – решила девушка, поймала уползающие куски тумана и слепила из них деревья и лес.

Сорвала веточку клёна, смяла её в кулаке, а потом расправила в жёлтую птичку. Выпорхнувшая из ладони птица засвистела что-то радостное и знакомое.

И под утреннюю песню канарейки Никки проснулась. Переполненная чувством своего могущества. «Смысл жизни человека – стать богом», – подумала она.

Поправилась: «Создателем!» – и быстро вскочила с кровати. Лежать было совершенно невозможно от распиравшего сердце восторга.

Родители взяли её с собой! Они были с Никки до конца, и они любят её.

Ей больше никогда не приснится кошмар брошенного ребёнка.

На доске объявлений появилось красное и суровое:

3—11 января для второкурсников состоится плановая учебная экскурсия на Марс.

Явка всех обязательна!

Школьники, не желающие лететь на Марс, должны принести объяснительные записки от родителей. Уклонившиеся от посещения Марса получают дополнительный тест по планетологии и горько пожалеют, что пренебрегли экскурсией!

Отправление 3 января, в 7 часов утра.

Время в полёте: 75 часов – туда и 72 – обратно.

Пребывание на Марсе включает однодневные экскурсии в Марсополис, на ферму Большого Каньона и в пещеры Северного ледника.

Ответственный преподаватель,

тренер-профессор Бенто Нджава

Никки показала Джерри на объявление:

– Летим?

– Конечно. Это интересно. Да и объяснительные записки для нас писать некому...

Никки только вздохнула. Такая же мысль рождалась у неё всегда, когда в Колледже появлялись сообщения о родительских собраниях или ещё о чём-нибудь, где требовалось участие матерей и отцов.

Невероятные счастливики – те, у кого есть и мать, и отец.

Никки могла заработать миллиарды, Джерри мог сотворить умнейшего робота.

Они вдвоём могли свернуть горы, но ни он, ни она не могли вернуть родителей.

Родители – это необратимое счастье.

Профессор Тур приняла Никкину работу по береговым рельефам, похвалив студентку следующим образом:

– Не ожидала такой прыти от такой невежды!

Потом помолчала и спросила:

– А вы не хотите серьёзно заняться географическими исследованиями?

– Хочу, – с готовностью сказала Никки. – Но, к сожалению, не могу. Спать хочется всё больше и больше.

Профессор географии не удивилась.

– А вы не возражаете, если я поручу другим студентам изучить происхождение многорядной дюны? Очень любопытная структура.

– Не возражаю, если потом расскажете её историю.

– Если сумеем расшифровать эту тайнопись, то непременно!

В глазах профессор Тур зажегся огонёк энтузиазма, и она посмотрела на зал, полный притихших школьников.

– Ну, кто из вас хочет провести зимние каникулы на Пуэрто-Рико?

Каникулы приближались верхом на черепахе со связанными ногами.

Студенты изнемогли, ожидая конца семестра.

Наконец, черепаха доползла, виновато улыбаясь беззубым ртом.

Уф-ф!

Рождественский Бал! Рождественский Бал!

Вся школьная мучёба была мгновенно забыта, и время помчалось ошалевшим зайцем. Бал завтра, а костюм ещё нужно ушить, а туфли ещё не прибыли, а платье оказалось тесным в талии и везде, а пояс – не в тон, а фасон каблучков – от мамонта, а на носу не только бал, но и прыщик! А-а-а!

Вечером в холле десятого этажа башни Леопардов собрались Джерри, Дмитрий и Бим. Джентльмены ожидали своих дам, поправляя в сотый раз бабочки и галстуки, то и дело, а то и без дела, поглядывая на часы и на дверь с изображением девочки с зонтиком.

Наконец дверь открылась, и выпорхнули сразу трое: Никки, Изабелла и Лора.

Возгласы возмущения застыли на губах, и юноши молча зашли за девушками в лифт.

Дмитрий перевёл дух и сказал жалобно:

– Как вам удаётся превратиться из обычных девушек в стайку богинь?

– Глупыш! – величественно сказала крупная Лора в апельсиновом платье и с пышной смоляной причёской. – Мы – всегда богини! Исключительно из жалости к вам, мы в рабочие дни превращаемся в обычных девушек. Чтобы вы могли сфокусироваться на учёбе.

Бим принюхивался сразу к трём духам, и глаза его разбегались за ноздрями.

Никки надела голубое платье с серебряными полосками, струящимися в таком прихотливом узор, что взгляд гипнотически следовал их изгибам.

Джерри смотрел на Никки и бестактно не обращал внимания на других девушек, хотя Изабелла в чёрном платье с обильным золотым шитьём была весьма эффектной. Её белокурые волосы были собраны модельером Луизой в конструкцию с такой причудливой топологией локонов, что, при смене ракурса, причёска Изабеллы выглядела минимум как пять совершенно новых причёсок.

Изабелла выглядела отлично, но не для Джерри – он ничего с собой

сделать не мог, одержимый бедняга. И не хотел.

Он видел только свою драгоценную Никки, которая светилась в его глазах.

Он ощущал в воздухе только запах её любимых жёлтых роз.

Никки, улыбаясь и не отрываясь, тоже ласково смотрела на юношу.

Изумительная поездка в волшебном лифте – наедине в шумной компании друзей. Видеть только друг друга, выстраивать серебряные ажурные мосты, посылать своё горячее дыхание и обжигаться ответом, опутывать и запутываться в прозрачных крепких паутинках.

Лифт остановился и с облегчением выпустил из себя шестерых молодых людей, окружённых облаком ароматов и ещё каких-то сияний и искр.

Юноши провели своих дам в зал приёмов. На пороге все дружно охнули и остановились.

Нынешний Рождественский Бал превзошёл все предыдущие.

Зал был разбит на четыре зоны. В одном углу раскинулся рождественский парижский Монмартр – в сияющих деревьях, увитых гирляндами лампочек, и в уютных кафе, где и в самом деле можно было закусить. В другом углу высилась легендарная Русская Ёлка – вся в расписных национальных игрушках. Засмотревшийся на чудесное дерево имел шанс попасть ногой в полыню в антарктическом углу зала, где ледяные гроты и скалы образовывали полупрозрачный сверкающий дворец, по коридорам которого бродили пингвины и носились на коньках студенты. Ещё один угол зала выглядел нью-йоркским Таймс-сквером со знаменитым стеклянным шаром, разбивающимся с двенадцатым ударом новогодних часов. В лунном Таймс-сквере и вокруг Русской Ёлки студенты уже вовсю танцевали, а в пещерах ледяного дворца с визгом развернулись подозрительные игры – то ли прятки, то ли догонялки.

Зал изнуряюще благоухал модным запахом «Цветок винограда» и блистал цветными платьями девушек и элегантными костюмами юношей – полной коллекцией фраков и смокингов. Немало высадилось, прискакало и присеменило карнавальных пиратов, ковбоев и придворных щёголей разных эпох.

В этом году среди девушек вошли в моду волосы цвета чёрного жемчуга – всех оттенков чёрности, зелёности и жемчужности. А самой писк-причёской считались зеркальные волосы а'ля «ртутный цветок». Слишком блестящие причёски ослепляли окружающих, и некоторые юноши позволяли себе ехидные шуточки.

Но быстро жалели об этом.

Студенты ели, танцевали и развлекались. В парижском кафе «Таверна» Олени поздравляли именинницу в бледно-лиловом платье. Девушка с покрасневшимся лицом дула на торт со свечами. В соседнем кафе компания Леопардов дискутировала о полётах и машущих крыльях. Кто-то кричал, что сил человека не хватит на долгий машущий полёт даже на Луне; другие возражали, что никто не против восходящих термиков, позволяющих парить, но взмахи крыльев дадут пилоту маневренность и свободу. Группка спорящих Драконов стояла возле красивого светящегося фонтана, но не обращала на него внимания, углубившись в сложный политический спор. Раскрасневшиеся Драконы давно вышли за рамки дипломатического протокола; из фонтанного булькания выныривали отдельные колкие реплики:

- Слава богам, я – не шотландец!
- Я, шотландец, тоже этому рад...
- Ты беспробудно туп!
- Вижу, что себя прощать легко и даже приятно...
- Взрослые – они взрослые и есть. Что с них взять, кроме генетического материала...
- Инфляция, амплификация... иллюзия понимания – это главный враг понимания...
- Я бы купил твой мозг для исследования. Он меня заинтересовал!

Все преподаватели тоже пришли на Рождественский Бал.

Профессор Дермюррей, одетый в унылый коричневый костюм, брюзгливо осмотрел сложную причёску и замысловатый наряд из жемчужной парчи профессора Майсофт и высказался:

– Теперь я понимаю, почему вы вовремя не предоставили полугодовой отчёт!

Эксмин, стоявший неподалёку, быстро обернулся и сказал:

– Как удачно, что ношение шпаг вышло из моды – мужчины теперь могут безбоязненно хамить дамам.

Майсофт поглядела на профессора Эксмина с таким чувством благодарности, что воздух между ними засветился.

– Не учите меня этике! – вспыхнул Дермюррей.

Профессор Эксмин презрительно скривил губы:

– Мне это не под силу – насколько я наслышан об известной бразильской истории. Речь идёт всего лишь об этикете. Это должно быть не очень сложно даже для вас.

Дермюррей побагровел, резко развернулся и ушёл.

Профессор Майсофт влюблённо смотрела на своего рыцаря.

На балу Никки обступила группа девушек – преимущественно, Дракониц, но там были и пара Сов, и даже первокурсница из Леопардов – та самая, всегда смотревшая на Никки с раздражающим обожанием.

– Нам нужно серьёзно поговорить, ваше величество! – первой начала Тина-Дракон.

– К чему такие церемонии? – удивилась Никки. – Давайте поговорим.

– Ты стала королевой, и тебе нужны настоящие подруги и помощницы! – решительно сказала Тина.

Группа девушек смотрела на Никки с ожиданием. Самая прямолинейная или просто тупая, Кора-Дракон сказала:

– У королев всегда есть фрейлины! Они тоже живут в королевских дворцах!

Кандидатки во фрейлины покосились на Кору и заговорили все сразу:

– Тебе нужна политическая поддержка...

– Мы будем сортировать почту и отвечать твоим поклонникам...

Кора-Дракон:

– Может, среди них найдутся симпатичные мальчики...

Девушки деловито оглядывали платье Никки:

– Мы будем работать над твоим имиджем!

– Ты должна быть самой красивой и элегантной...

– Ты такая умная и интересная...

Кора-Дракон:

– Особенно интересно – почему ты такая умная?

Фрейлины дружно шумели:

– Ты ещё столько не знаешь...

– Мы тебе поможем во всём разобраться!

Кора-Дракон опять была откровеннее всех:

– И ты нам когда-нибудь поможешь!

Никки с сомнением слушала обступивших её девушек и уже совсем было собралась расстроить планы будущих фрейлин, но потом спохватилась и подумала, что королеве надо уметь находить общий язык со всеми людьми и использовать их сильные стороны. А эйнштейнианцами тем более пренебрегать не стоит. Может, придумать этому клубу фрейлин какое-нибудь толковое занятие в Гринвич-Центре? Помощь детям-сиротам?

Надежды девушек на придворную карьеру были, если подумать, вполне логичными. Власть современного короля сопоставима с президентской, а то и превосходит её. Вокруг политиков такого класса

всегда формируется команда помощников. С этой точки зрения, соученицам Никки было глупо упускать такую прекрасную возможность попасть в число приближённых лиц королевы. Маугли, понимая это, вздохнула и дипломатично сказала:

– Я подумаю.

Майсофт танцевала с Экмином и жаловалась ему, что ничего не успевает, что преподавание и научная работа требуют столько времени... на личную жизнь его уже не хватает...

Грустные жалобы странно контрастировали с радостными интонациями в голосе молодой женщины. Профессор Экмин умело вёл даму в танце и успевал её утешать хорошо поставленным голосом:

– Перечень того, что мы хронически не успеваем сделать в своей жизни, длинен и навевает тоску. Но взбодритесь, Элен! В конце концов, то, что мы *успели* сделать, – важнее.

В углу одного из парижских кафе сидела профессор Гуслик в обычной неопределённой одежде, посматривала на веселящуюся публику и потягивала изумрудного цвета коктейль – судя по всему, кислый.

Раздалась мелодия старинного вальса, и большинство танцующих отошли в сторонку. Лунный вальс не прост и требует немалой подготовки от танцоров. В центре зала остались кружиться лишь несколько пар, и среди них выделялась самая красивая и высокая – Дзинтара с Фебом. Ради бала русская принцесса сменила наряд гавроша на белое платье колоколом, а греческий бог оделся испанским идадьго. Ловкость и грациозность этой пары вызвала всеобщее восхищение. После танца они были вознаграждены аплодисментами и градом конфетти из хлопушек.

Взаимоотношения между Дзинтарой и Фебом балансировали в точке ласкового сарказма и иронической нежности.

Они спорили всё время и обо всём.

Феб тоже был поэтом и тоже учился на биофакультете. Но, в отличие от Дзинтары, склонявшейся к ботанике, Феб занимался разделами нейронауки, посвящёнными человеческому восприятию и феномену интуиции.

Юноша часто выбирал принцессу подопытным кроликом.

Подав разгорячённой танцем Дзинтаре бокал с шипучим соком, он строго спросил:

– Ты знаешь, что у человека два зрения? Одно – фовеальное, а другое – периферийное?

Дзинтара молча пьёт сок и с подозрением смотрит на Феба.

– Внимательно взглядишь в моё божественное лицо. Глаз не отводить! Видишь, что только моё лицо имеет для твоих глаз наивысшее разрешение?

Феб умел фокусировать на себе внимание!

– Моё изображение находится в самой чувствительной, фовеальной области твоей сетчатки. Если я отвожу в сторону руку, то она выглядит для тебя размытой. Чтобы увидеть, что я держу в руке, тебе придётся передвинуть пятно своего фовеального, наивысшего качества, зрения.

Дзинтара невольно перевела взгляд на отставленную руку Феба. На чёрном рукаве – серебряное испанское шитьё, а в ладони ничего нет. Жулик!

– Твоё зрение настроено верно – по сравнению с моим лицом весь остальной мир скучен и малоинформативен. Для него достаточно периферийного восприятия «на всякий случай»: способности замечать крупные идвигающиеся объекты, не отвлекаясь на мелочи.

Принцесса величественно повернула голову и остановила своё фовеальное зрение на Русской Ёлке. Но Феб не отпустил добычу. Он снова поймал взгляд принцессы и спросил голосом экзаменатора:

– У меня умные глаза?

– Да, – нехотя призналась она.

– А как ты догадалась? – потребовал он анализа. – По каким признакам?

Дзинтара сердилась, но не могла обосновать свой интуитивный вывод.

– Интуиция – совершенно загадочное свойство человеческого мозга, – провозгласил Феб. – Понимания именно этого феномена нам не хватает для создания человекоподобных по интеллекту компьютеров. Интуиция лежит в основе самых гениальных прозрений человека, а мы так и не раскрыли её природу!

– Ну, раз за эту проблему взялся ты, то волноваться больше не о чем! – изо всех сил старалась быть ироничной Дзинтара.

Феб снисходительно улыбнулся на её попытку уколоть.

– Дзинтара, признайся, что твоя жизнь была безнадежно скучна до моего появления!

– Что ты будешь делать, если я откажусь это признавать?

– Я прощу тебе эту маленькую ложь!

– Феб, ты так долго любовался на своё отражение в небесных сферах, что приобрёл жуткий комплекс Нарцисса! Ты так самовлюблён и нахален!

– Дзинтара, ты так умна, неужели ты не видишь, что это лишь маска, под которой прячется робкий и застенчивый человек, неуверенный в себе? – звучным, располагающим голосом спросил Феб. – Не хочется ли

тебе пожалеть и воодушевить его – хотя бы братским поцелуем?

Дзинтара с сомнением смотрела на Феба, сохраняющего невозмутимость на симпатичной физиономии. Шутит он или серьёзен? С ним нельзя быть ни в чём уверенным.

Рождественский Бал закончился, и все поплодировали его изобретательным организаторам.

После бала Джерри отправился провожать Никки в башню Леопардов. Они шли медленно, и она держала его под руку.

Мир вокруг был цветным и душистым. Вспыхивающие светляки летали над вечерними лужайками, уворачиваясь от фыркающих струй поливальных фонтанчиков.

В ярко освещённом холле Леопардов Никки оглядела Джерри, одетого в серо-голубой пиджак и брюки цвета «кофе-и-много-молока». Светлая рубашка и бордовый галстук. Вроде обычный костюм, но он сидел на широких плечах юноши как-то очень привлекательно...

И Никки заявила:

– Мне все девчонки сегодня завидовали!

– А мне – все мальчишки! – в тон ей ответил Джерри, в свою очередь любуясь девушкой.

Джерри довёл Никки до лифта, но она неожиданно потянула юношу за собой.

– Ты такая оживлённая! – удивился Джерри, глядя на раскрасневшуюся Никки. – Наверное, ты сегодня Роббин алкогольный нейтрализатор не выпила – и тривиально навеселе!

Никки засмеялась и долго не останавливалась.

– Хороша! – сказал Джерри, наслаждаясь её лицом с блестящими глазами. Он проводил Никки до её комнаты. Но и тут девушка не отпустила его. Она закинула руки на шею Джерри, и уже через минуту юноша был пьян без всякого вина.

– Мы сейчас устроим дебош... – сказала Никки, прижимаясь к Джерри.

И они его устроили.

Они сбивали дыхания и смешивали сердцебиения, путали ориентиры и зажигали маяки, искали слова и забывали руки, взлетали без крыльев и проваливались в неожиданные измерения.

И не заметили, как туманная явь растворилась в ярком сне.

Джерри очнулся. Было уже утро. Жёлтая канарейка Гав-гав, как

странно её называла Никки, уже свистела и заливалась своей знаменитой «Песней к завтраку». Свежая, с мокрыми волосами, Никки стояла над ним в белом махровом халате и улыбалась.

– Вставайте, сэры рыцарь, ваш кофе стынет!

– Никки... – радостно улыбнулся Джерри. Он оглянулся на растерзанную кровать и смутился: – Что мы тут натворили...

– Это ты натворил! – заявила Никки. – Соблазнил... почти!.. бедную девушку... Теперь ты должен, как честный человек, на ней жениться!

Джерри заулыбался и притянул Никки к себе.

Оторвавшись от самого длинного в их истории поцелуя, Никки кашлянула и сказала хриплым голосом:

– Кажется, ты согласен?

– Слово рыцаря, которое крепче жизни! Осталось узнать о твоём согласии, моя королева... – не менее хрипло ответил Джерри.

Никки просияла.

– Я подумаю! Мы, королевы, с бухты-барахты такие вещи решать не можем, – состроив величественную рожицу, сказала она.

– Но помните о вашей клятве, сэры рыцарь, и не отказывайтесь от неё! – это королева Никки сказала без всякой шутки, сверкнув глазами.

– Не откажусь! – торжественно и не менее серьёзно ответил сэры рыцарь.

Глава 10

Главная тайна мира

В Рождество Никки надарили столько всего, что это самое «всё» не уместилось на спине одного робота: в комнату втиснулась процессия сразу из трёх крупных кентавров-носильщиков. Никки не успела обрадоваться, как сразу озадачилась: куда складывать эти сокровища?

Самые сердечные подарки, конечно, пришли от друзей. Дзинтара подарила крупную другу превосходных фиолетовых аметистов. Никки украсила загадочно-прозрачными кристаллами рабочий стол. Хао прислал тонкий фарфоровый чайник с двумя чашечками, светящимися, как цветочные лепестки, и шкатулку с жасминовым чаем. Этот тёплый подарок занял место на столике у окна. В красивой коробке, пришедшей от Джерри, лежал восхитительный набор разноцветного шоколада. Ну, недолго он там лежал...

С улыбкой на сытой и слегка испачканной физиономии Никки принялась сортировать остальные подарки. Крупные вещи, не вошедшие на комнатные полки, она откладывала, чтобы отправить в подземную камеру хранения.

Кубический футляр оказался любителем поболтать и открылся, только задав удивлённой Никки несколько неожиданных вопросов, явно выясняющих – она ли это. Внутри футляра лежал радужный шар. Ёлочная игрушка?

В руках девушки шар засветился и сказал:

– Привет, Никки!

Внутри шара появилась голова принца Арнольда. Он по-прежнему носил небрежную пиратскую косу и улыбался во весь белозубый рот.

– Ты мне давно разрешила, и я буду по-прежнему звать тебя Никки, – сказал принц, – хоть ты сейчас и королева. Кстати, поздравляю и сочувствую. Я сразу понял, что ты умница из умниц. Спасибо за привет – Вильгельм мне его передал, хотя вы явно не очень поладили. Жаль... Впрочем, лишь с одной стороны.

Принц посерьёзnel.

– У меня два дела: во-первых, поздравить тебя с Рождеством. Во-вторых... – лицо принца напряглось, а голос стал еле слышен, – хочу тебя предупредить: будь очень, очень осторожна. Я не знаю деталей, но против тебя затевается что-то гнусное. Избегай пустынных мест. Нигде не

оставайся одна. Ты слышишь, милая Никки? *Нигде не оставайся одна.*

Принц помолчал, глядя погрустневшими карими глазами.

– Желаю тебе выжить.

И его лицо исчезло. Шар зашипел в Никкиной руке и растаял бесследным облаком холодного дыма.

Никки с забившимся сердцем встала и подошла к окну. В Школе Эйнштейна охрана была на высоте – в прошлом году зеркальный человек с оружием смог проникнуть лишь в подземный тоннель, но не в сам Колледж. После того случая охрану Колледжа и Шрёдингера ещё больше усилили. Вне Колледжа Никки старается быть только в безопасных местах. Обычно она летает в хорошо защищённое здание Космической Службы. Что она ещё может сделать? Спрятаться в пещере и не выходить?

Арнольд здорово рисковал, посылая ей такое сообщение из вражеского лагеря Южных династий. Он сделал, что мог, и Никки надо прислушаться к предупреждению и быть вдвойне осторожной. Вопрос – как?

Девушка спустилась в холл башни Леопардов. В одном из кресел валялся журнал со знакомой грозной физиономией короля Дитбита на обложке.

Лёгкок на помине.

Никки взяла в руки глянцевый таблоид и полистала – династии Дитбитов посвящался весь спецвыпуск. В начале – интервью с королём.

Дитбит старший был откровенен и напорист:

– Я поддерживаю закон о геносвободе! Я – сторонник ПОЛНОЙ свободы для ВСЕХ людей.

– Как свобода может быть сразу и полной, и для всех? – спросил комментатор-собеседник.

– История знает множество попыток ограничить свободу, – уклончиво ответил король. – Консерваторы запрещали людям верить в богов или в их отсутствие, не давали человеку читать еретические книги, путешествовать или воспитывать детей по его усмотрению... Сколько глупых запретов пережило человечество! Все они окончились неудачей – рано или поздно время сметало барьеры на пути развития человеческой свободы и цивилизации. Думать, одеваться, танцевать не так, как велят традиции, – это наше неоспоримое право! Если ваша свобода не затрагивает права других – вы можете делать всё что угодно.

– Как определить, затрагивают ли наши действия чужие свободы или нет? – подал реплику журналист.

Король гнул своё:

– Генетическая свобода – важнейшая в спектре наших свобод. Я

должен иметь право выбрать для своих детей сильное и здоровое тело, мощный мозг, яркие чувства – и тем самым подарить им наилучшую судьбу. Мне запрещают это делать под тем предлогом, что другие люди себе такого не смогут позволить, что мои дети будут слишком умными и красивыми, и это обидит остальных... а некоторые договорились до забавных страхов – что смешанные браки вдруг исчезнут, и возникнет изолированная группа сверхлюдей.

– У вас нет таких опасений?

– Выдающиеся и талантливые люди рождались во все времена, и всегда их окружали зависть и восхищение. Но именно такие люди становились двигателями истории. Почему же, если таких людей станет больше, то человечеству станет хуже? Генетическое разнообразие и изменчивость в человеческой популяции являются залогом выживания нашей расы. Время дорогое, мы должны приступить к делу генетического возрождения, пока не стало поздно.

Журналист сказал королю Дитбиту:

– Проблема не в ценности генетических улучшений, а в том, что они будут доступны лишь очень ограниченному числу людей.

– Естественно, что наиболее полно геносвобода будет реализована сначала для немногих, – согласился Дитбит.

– В ущерб интересам других людей? С дискриминацией детей тех родителей, кто не может оплатить геномодификацию?

– Мы – первопроходцы, пионеры направленной генетической революции или биоспиндинга... за нами подтянутся и другие! Развитие генетических технологий поставит их на поток, сделает доступными сначала для миллионов, потом для миллиардов.

– А прибыль от рынка генетических модификаций достанется владельцам биотехнологий? – поинтересовался журналист.

– Конечно! Не хотите ли вы отменить право на частную собственность, в том числе – на интеллектуальную? Уж не революционер ли вы?

– Нет, – ответил журналист. – Я озвучиваю мысли, которые циркулируют в обществе.

– Не разбив яиц, не сделать яичницы! – сказал Дитбит. – Генетическое усовершенствование спасёт человечество от пропасти вырождения, к которой мы вплотную подошли за века медицинского спасения болезненных людей с ущербным ДНК без необходимой генетической коррекции их потомства. Я не хочу, чтобы человечество вымерло под грузом уродств и болезней. Я хочу, чтобы наши дети были здоровы, умны и

счастливы... А вы – не хотите этого?

Никки не могла не признать – король Дитбит ярко и убедительно изложил свою точку зрения. Робби, на ходу анализирующий текст интервью, заявил:

– С точностью три сигма он верит в то, что говорит.

– Если бы он ещё не убивал во имя того, во что так верит, вообще был бы молодец... – холодно сказала Никки.

За завтраком друзья стали наперебой благодарить Никки за рождественские подарки.

Маугли ухмыльнулась:

– Что, понравилось?

– Ещё бы, я чувствую себя планетовладельцем! – сказал Джерри.

– Но как тебе это удалось? – спросил Хао, разглядывая официальный сертификат Международного астрономического союза о присвоении имени Хао Шон астероиду номер... с такой-то большой полуосью орбиты, эксцентриситетом и звездной величиной.

– Это не мне, а Робби. Он десять лет наблюдал небо в небольшой корабельный телескоп и нашел несколько новых астероидов. Попад на Луну, Робби проверил свои находки – среди них оказалось несколько еще не зарегистрированных астероидов. Мы и решили три самых крупных из них назвать в вашу честь: Джерри, Хао и Дзинтара. Они летают совсем рядом с моим астероидом – так что мы соседи...

– У тебя всегда гениальные подарки! – с завистью сказала Дзинтара. – Набралась на своем астероиде космических идей.

– Там других не было, – сказала Маугли и занялась серьезным делом – едой.

После завтрака девушка вышла из кафе в парк и остановилась. Посередине дорожки из красного кирпича стоял, сжав кулаки и расставив ноги, принц Дитбит. Рядом на газоне расположился кибердог с большой сумкой – видимо, принц собрался улетать домой на каникулы.

«Сегодня просто день Дитбитов!» – подумала Никки.

Дитбит в упор смотрел на девушку. Она удивилась – принц предпочитал не замечать её с прошлогодних событий в кафе, когда он смело опрокинул инвалидное кресло Никки, а потом попал в медотсек из-за удачно брошенного яблока и такой интересной физической величины, как кинетическая энергия.

– Я узнал про твои смешные угрозы, Никки Гринвич! – прошипел принц. – Сегодня же я потребую от отца немедленно уничтожить твою

династию.

– Если мои угрозы смешны, почему ты так разволновался, принц?

– Потому что не люблю нахальных простолюдинок! – вспыхнул юный Дитбит.

– Не забывайся, принц, – спокойно сказала Никки. – Неужели тебя не научили в Королевском Клубе, что к королеве нужно относиться с вежливостью, даже если она тебе не нравится?

Сзади Никки послышались смешки – студенты, вышедшие из кафе, остановились, с любопытством наблюдая редчайшее событие – разговор знаменитого принца Дитбита и юной королевы Никки.

Принц заскрежетал зубами:

– Как ты осмелилась угрожать моему отцу!

– Твой отец отдал приказ об убийстве моих родителей и родителей Джерри, – холодно сказала Никки.

Принц застыл, пораженный громом этих негромких слов.

Среди студентов раздался ропот.

– Это враньё! – запоздало крикнул Дитбит.

– На меня работают профессиональные следователи, – твёрдо сказала Никки. – Вероятность вины твоего отца на сегодня составляет девяносто семь с половиной процентов. С точки зрения лунной судебной системы, преступление считается доказанным при вероятности девяносто девять с половиной процентов. Всего два процента отделяют твоего отца от тюрьмы, и скоро он туда попадёт.

– И не надейся! – Лицо принца было багровым. – Я не верю в твои проценты.

– Меня это не волнует, – пожала плечами Никки. – Важно, чтобы в них поверил Верховный суд Лунной республики.

– Твоя династия рухнет раньше, чем ты доберёшься до суда со своими заявлениями! – завопил Дитбит-младший.

– Ты уже взрослый мальчик, – снисходительно сказала Никки принцу, который был заметно крупнее её, – и должен знать, что в мире ничего не делается по громкому детскому требованию – хоть залейся слезами, хоть забейся в истерику. Если хочешь, чтобы твой отец уничтожил мою династию, то ты должен указать ему способ, как это сделать. Уверяю тебя, что он сам последние месяцы ломает над этим голову, – удовлетворённо улыбнулась Никки.

– Что тут думать? – сверкал красивыми глазами принц. – Наша династия во много раз богаче твоей. Любого конкурента можно разорить, если потратить нужное количество денег.

– Неправильный ответ, двойка, – насмешливо хмыкнула Никки и тряхнула хрустальной головой. – Состояние твоей династии, составляющее около триллиона долларов, размещено в акциях разных компаний и в недвижимости. Годовой прибыли Дитбиты получают всего сорок миллиардов. Я имею ежегодных поступлений заметно меньше, – легко призналась Никки, – но зато они не зависят от рыночной конъюнктуры и обеспечены ООНовским законом. А вот ваша династия вполне уязвима... Робби, у какой компании Дитбита контрольный пакет близок к критическому пределу?

Робби сделал паузу в три секунды и сказал:

– «Рокет Индастриз Элэлси», марсианская компания по сборке малых космических яхт.

– Можешь заняться ею?

– Попробую, – с сомнением протянул Робби, – биржа в Гонолулу ещё работает.

– Что бы ты ни делала, тебе не победить нашу династию! – с ненавистью процедил принц.

– Что бы ты ни говорил, тебе не спасти свою династию... – покачала головой Никки. – Твой отец обречён: он преступил основной моральный принцип человеческой цивилизации. Жаль, что ему никто не сказал в детстве, что людей убивать нельзя.

Принц сжал кулаки и шагнул вперёд.

Рядом с Никки мгновенно вырос Джерри. Его глаза были прищурены, а мускулы напряжены.

– Подходи ближе, – рычащим голосом сказал он принцу, – я выправлю твои манеры. Давно мечтал об этом!

Принц действительно сделал ещё шаг.

– Ну-ну, – спокойно сказала Никки Дитбиту. – Мы же оба знаем, что кулаками неприятные проблемы не решаются.

– Как я тебя ненавижу! – оскалил белоснежные зубы принц, остановившись.

– Понимаю, – кивнула Никки. – Но тебе предстоит решить для самого себя важнейший вопрос. Когда ты станешь главой своего клана или компании – будешь ли ты убивать человека, если ненавидишь его и имеешь деньги для его уничтожения без видимых последствий для себя? Могущественный человек часто чувствует себя богом, вершителем судеб и легко разрешает себе сбить с ног инвалида или подослать к конкуренту убийцу за сравнительно небольшую плату. Многие думали, что отсутствие моральных барьеров помогает в бизнесе, – но они ошибались.

– Твои моральные барьеры я называю слабостью! – воскликнул принц.

– Это не ты называешь, а твой отец, так обучавший тебя. Но теперь, в преддверии крушения своего отца и династии, ты должен использовать собственный ум и понять, что в моральных правилах сосредоточена огромная сила, пусть мало заметная взгляду простака. Если я вызываю тебя на дуэль на шпагах, то ты не должен приходить с автоматом. Нечестно, да и трусливо с твоей стороны... Даже если ты победишь в этом поединке, и даже в следующем, – рано или поздно окружающие узнают, что ты человек без правил, и перестанут воспринимать тебя как достойного индивидуума. Ты потеряешь статус человека, равноправного другим членам общества. Понимаешь, принц? Если ты целишься в меня из незаконного пистолета, то на моей стороне мгновенно вырастает могучая сила – общество, которое сформулировало юридические законы и этические правила. С этой силой схватка безнадежна – рано или поздно ты проиграешь.

– Слова! Слова! – пренебрежительно сказал младший Дитбит.

– Ты никого ещё не убил, принц? – тихо спросила Никки.

Принц растерялся от неожиданного вопроса.

– А я уже убила человека, – сказала печально девушка.

За её спиной послышался дружный вздох слушателей.

– Это нанесло мне душевную травму такой тяжести, что, даже преодолев её, я стала совсем другим человеком. Не убивай никого, принц, пожалей свою душу.

В разговор вмешался Робби:

– Ты – владелец контрольного пакета акций «Рокет Индастриз». Поздравляю. Это обошлось тебе в миллиард и четыреста миллионов.

Сзади раздались выкрики и аплодисменты.

– Спасибо, Робби, – поблагодарила довольная Никки. – Дороговато, зато Дитбиты потеряли контроль над компанией стоимостью в пять миллиардов.

Она посмотрела на Дитбита:

– Разрушение твоей династии началось, и скоро ты увидишь её закат.

– Когда я стану королём, я уничтожу тебя без наёмников! Сделаю нищей попрошайкой возле своего офиса! – бушевал принц.

– Дитбит, да ты романтик! – ядовито усмехнулся Джерри.

Никки кивнула:

– Мсть – разрушающее чувство, но ты имеешь на него право, если среди твоих сотрудников не будет убийц...

Дитбит резко повернулся и зашагал к шлюзу Главной башни. Кибердог немедленно поднялся с газона и потрусил за принцем на длинных

грациозных ногах. По пути он оглянулся и красными недобрыми глазами ещё раз оглядел и запомнил человека, осмелившегося так разозлить его хозяина.

Никки задумчиво глядела вслед принцу, пока из толпы зрителей не раздался чей-то насмешливый голос:

– После этого разговора его, по крайней мере, не унесли – ушёл на своих двоих.

Юная королева резко обернулась и обожгла насмешника синим взглядом.

После ужина Никки предложила Джерри пройтись, подышать свежим воздухом. Вечереющий парк встретил их тишиной и безлюдьем.

– Мне нужно с тобой поговорить, – девушка была серьёзна как никогда.

Джерри удивлённо посмотрел на неё. К чему такая официальность? Разве они не говорят друг с другом по пять раз на дню?

Они зашли в укромный парковый закоулок. Джерри слегка смутился от вида цветущих магнолий – на скамейке, спрятанной в этих зарослях, он как-то сидел с Элизой...

– Мы подошли к критическому рубежу, – без обиняков сказала Никки. – Дитбит – очень опасный враг. Вполне возможно, что мы погибнем в этой борьбе... или сломаем себе жизнь тем или иным способом... Я много думаю о том, что может предпринять Дитбит, но изворотливость такого противника непредсказуема. Где-то читала про океанскую тварь по имени миксина. Подводный метровый червяк... паразит-хищник, питается падалью, а то и у живой рыбы выжрет внутренности. Миксина засовывает голову в тесную нору в коралловом рифе и съедает там добычу, – теперь ей нужно как-то вытащить себя назад. Ни лап, ни плавников нет. Тогда она завязывает свой хвост в узел, гонит узел к голове и, опираясь им о края норы, вытаскивает застрявшую в камнях голову. Если уже безмозглый червяк способен на такие неожиданные ходы, то что можно сказать про опасного и умного человека...

– И что? – нахмурился Джерри.

Никки внимательно посмотрела на него:

– Ещё не поздно отступить. Я могу послать сообщение Дитбиту, что готова поддерживать нейтралитет – и всё. Настанет спокойная и обеспеченная жизнь...

– Зачем ты мне это говоришь? – продолжал хмуриться Джерри.

– Преступник, убивший наших родителей, известен, но борьба с ним

смертельно опасна и требует полной самоотверженности. Наши финансовые активы в разы меньше, чем у династии Дитбитов, и в десятки раз меньше, чем у Южного союза. У них – банды профессиональных убийц, космические флоты, могучие связи и долгий опыт интриг. У нас, кроме сравнительно небольших денег, лишь наши головы и воля. Нам не победить, если не хватит решимости крупно рисковать и готовности полностью пренебрегать собой и своими личными интересами... О решимости к риску и готовности к самоотверженности я тебя и спрашиваю. Причём проиграть мы можем, даже будучи смелыми как тигры – драка предстоит нешуточная... Но есть выбор – жить весело и ни о чём не думать. На наш век планеты хватит – можно счесть не таким уж важным, что потом с ней Дитбиты сделают...

– Нет! – твёрдо сказал Джерри. – Это значит – жить подлецом и трусом.

– Я знала, что ты так ответишь, – сказала, помолчав, Никки. – Но мне нужно было это услышать от тебя. Это должно быть нашим общим решением.

– А если бы я предпочёл спокойную жизнь? – вдруг спросил Джерри. – Что бы ты сделала?

– Не знаю, – пожала плечами Никки. – И даже думать не хочу об этом: ты же не выбрал сытую жизнь с червяком подлости, пожирающим сердце.

Джерри отвернулся и стал смотреть на освещённые башни замка. Он никогда не оставит Никки, он всегда будет рядом с ней. Но там, за светящимися окнами, жили обычные люди, они пили чай, смотрели телевизор, разговаривали друг с другом, влюблялись и ссорились.

Счастливики.

Судьба не требовала от них жертвенной решимости бросить жизни на тяжёлые мировые весы – в призрачной надежде сдвинуть их равнодушное и ржавое равновесие.

Вокруг скамейки зашелестели деревья.

Плечи Джерри вздрогнули от налетевшего сквозняка.

– Отец, ты должен что-то сделать с этой королевой-выскочкой! Я ненавижу её!

– О, ты почувствовал вкус к политике! – широко улыбнулся Дитбит старший и обнял сына за плечи.

Они стояли на балконе; внизу раскинулись живописно разгорающиеся кварталы вечернего города.

Высота семьдесят второго этажа сплющивала Луна-Сити в

сверкающую дорожную схему – красные и белые потоки автомобильных фар неслись по тёмному узору улиц, спотыкались на светофорах, забирались на мосты, отороченные кружевом жёлтых фонарей, ныряли в синевато флуоресцирующие тоннели, – но с гордой высоты небоскрёба даже многоэтажные дорожные развязки выглядели лишь плоскими светящимися завитушками.

- Она публично оскорбляет нас, распространяет лживые слухи!
- Да, я знаю... она становится проблемой. Ну, мы её решим... Сегодня у нас более важное дело. Ты знаешь, зачем я собрал всю семью?
- Нет.
- Сегодня я объявлю тебя официальным наследником династии!
- Здорово! А... как же Тамил?
- Я уже разговаривал с твоим старшим братом. И не раз. Сначала он расстраивался, но потом понял, что я прав. Ты – лучше, совершеннее, умнее, чем он. Это жестоко, но факт. Я не закрываю глаза на факты. Он получит свою долю наследства или даже небольшую династию, но корона и главная часть нашей империи достанутся тебе!
- Спасибо, отец, я оправдаю твоё доверие!
- Верю в тебя, сын, и знаю, что скоро ты станешь мне настоящим помощником. У тебя есть хватка, ты талантлив и чуть не стал чемпионом Школы Эйнштейна!
- Вот именно – чуть. Всё из-за этой простолюдинки!
- Не волнуйся, я уже отдал приказание о ней соответствующему отделу.
- Э-э... а что ты им велел?
- То, что ты сейчас: «Сделайте с ней что-нибудь!»
- М-м... что это значит в реальности?
- Пойдём-ка к столу, нас ждут. Пока ты не стал императором, тебе можно и не вникать в детали большой политики... Когда-нибудь ты узнаешь все пружины, с помощью которых приходится управлять огромной империей.
- Хорошо, отец... Пойдём.

В это время Никки тоже смотрела в большое окно, но своей комнаты – на лес вокруг Колледжа.

Декабрь катился к концу. В лесу и парке деревья растеряли листву и стояли по сезону голые и задумчивые, набираясь сил и идей на показ весенних нарядов. Сосны тоже сбросили часть иголок, усыпав хвойной шерстью землю вокруг стволов – по весне даже трава не сможет пробиться

сквозь жёлтый смолистый войлок. Лишь рябины и догвуды оживляли зимний лес красными ягодами – и нахохлившиеся птицы были им благодарны.

Никки стояла у окна и жалела, что в Лунном Колледже не бывает снега. И дождя. Подземный полив эффективен, но разве не должен лес умываться к весне?

Девушка вздохнула и отошла к столу, заваленному срочными материалами. Хотя офис в Шрёдингере подходил для королевских занятий гораздо лучше, Никки часто приходилось работать в её колледжской комнатке, где помещались ещё и кровать, кофейный столик и два кресла. Комната занимала один из секторов верхнего этажа Башни Леопардов, и огромное закругляющееся окно открывало превосходный вид на лес и Северное озеро. К противоположной стене комната сужалась и переходила в отделение с душевым отсеком, зеркалом и кофеваркой. Дальше – прихожая с платяным шкафом и дверью в кольцевой коридор, идущий вокруг центрального круглого холла с большим тивизором, диванами и лифтом. На этаже жили двадцать пять шумных второкурсников-Леопардов, но ни звука не доносилось в комнату Никки – изоляция комнат была превосходной.

Сейчас в кресле у низкого столика сидел седой благообразный господин – адвокат Дименс, который привёз столь важные вести, что решил не доверять их видеофону.

Он аккуратно отодвинул чашку с кофе и достал из портфеля плотный лист пластиковой бумаги. Торжественным голосом адвокат сказал:

– Спейс Сервис подвела итоги этого года, который был очень умеренным по выплатам из Страхового Фонда, и официально сообщает этим письмом, что общая сумма вашей премии за этот год составит... **ШЕСТНАДЦАТЬ МИЛЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ!** Первые пять миллиардов вы получили в течение октября-декабря, остальные одиннадцать будут доступны с третьего января – первого бизнес-дня нового года!

Никки глубоко вздохнула.

– Значит, вам всё удалось, – довольно сказала она. – ООН не сумела нам воспрепятствовать.

– Не сумела, – не менее довольным голосом подтвердил адвокат Дименс. – Хотя такие попытки и предпринимались, но мы их пресекли – при поддержке самой Спейс Сервис. Вы там пользуетесь авторитетом и симпатией.

– Мы с ними в одной лодке, – кивнула Никки и села на второе кресло. – Теперь давайте тратить наши капиталы.

Адвокат не ожидал такой быстроты и удивлённо поднял брови.

– Давно мечтаю сделать обучение в Колледже Эйнштейна бесплатным, – пояснила Никки. – Поэтому я хочу объявить, что любой, выдержавший экзамен следующим летом, получит от меня премию в полтора миллиона на первый год обучения, а также необходимые средства на остальные четыре года – по мере перехода на следующий курс.

Адвокат покачал головой:

– Семь с половиной миллионов каждому ученику, а всего их пятьсот... Это очень большие деньги!

Никки возразила:

– Часть студентов – принцев и вельмож, конечно, не будут нуждаться в моей помощи. Выплаченные деньги мы спишем с налогов как благотворительные расходы. Реально можно уложиться в сто миллионов в год.

– Конечно, это ваши деньги, и вы вправе тратить их как угодно. Но речь идет об очень больших суммах... – не удержался бережливый адвокат.

– Это не просто траты, – уточнила девушка и налила в чашки свежего кофе. – Это, скорее – инвестиции. Ведь такая акция станет широко известной и поднимет престиж династии. Студенты Колледжа – и их семьи! – получившие такую премию, станут нашими друзьями, что усилит политическое влияние династии. Кроме того, я прошу вас купить компании, выпускающие экзаменационные мониторы и пособия по поступлению в Колледж.

– Зачем? – удивился адвокат.

Никки вздохнула. Даже самым умным из людей иногда приходится объяснять очевидные вещи.

– Если обучение в Колледже станет бесплатным, то поступить в него захотят десятки миллионов подростков, и фирменных мониторов, используемых во время экзамена, потребуется множество. Прибыль от проката монитора – девяносто долларов. Сборники прошлых годов задач тоже будут популярны.

Адвокат широко раскрыл глаза.

– Вы можете окупить свою благотворительность во много раз! – сказал он удивлённым голосом.

– Почему бы и не заработать на хорошем деле? – пожала плечами Никки. – Если мы не получим эту прибыль, то её получают нынешние производители школьной электроники. Я вовсе не хочу им делать такие подарки... Как только вы купите обслуживающие Колледж компании, мы напишем директору Миличу письмо с предложением бесплатного обучения

и обнародуем специальный пресс-релиз.

Адвокат задумчиво отхлебнул кофе и сказал:

– Несмотря на мой возраст, я многому учусь у вас, мисс Гринвич...

Дименс выполнил её просьбу очень быстро, и Никки стала владельцем «Эйнштейн Электроникс» и «Эйнштейн Пресс». Хотя первая компания была гораздо крупнее, обошлась она недорого – Дименс сказал, что её финансовые затруднения росли и владельцы были рады избавиться от акций проблемной компании. Как они будут жалеть о своём решении – и очень скоро!

Никки немедленно послала директору Миличу официальное письмо на бумаге со свеженьким королевским гербом: инициалы NG на фоне широкого астероидного серпа. В письме королева Николь предлагала объявить прессе и всем поступающим в Колледж Эйнштейна: при успешной сдаче экзамена студенты могут получить деньги на своё обучение в Гринвич-фонде, который будет специально создан для благотворительных и неприбыльных проектов династии. Девушка не сомневалась в успехе начинания: бесплатное обучение в Колледже привлечёт в него многих талантливых подростков. Ведь Школа Эйнштейна, оставаясь самой аристократичной, стала уступать по уровню обучения Школе Коперника!

Голос Пространства отреагировал быстрее директора:

«У тебя ничего не получится с планом бесплатного Колледжа».

«Почему?»

«Потому что ты – Маугли».

«А ты – пространство безапелляционности».

«Апелляции предполагают превосходящий интеллект. Ты им не обладаешь. Смирись».

Уже на следующий день директор Милич вызвал Никки к себе. Он был взволнован и суетлив.

– Мисс Гринвич, мы посоветовались.... э-э... в Попечительском совете... и находим ваше предложение неприемлемым.

– Почему? – поразила неожиданному сообщению мисс Гринвич.

– Кхм... такая акция приведёт к размытию социальных основ нашего Колледжа... – туманно выразился директор, но Никки его поняла и мгновенно рассвирепела.

Попечители не хотят, чтобы в Колледже учились бедняки, пусть умные, но «нереспектабельные»! Высокая плата, с точки зрения Попечительского совета, полезна как барьер, пропускающий в школу лишь детей из достаточно обеспеченных семей.

– Против моего предложения выступил Дитбит?

Директор нервно дёрнул головой и сказал, понизив голос:

– Его величество Дитбит не просто был категорически против вашей идеи, но даже добился от Совета согласия на отчисление вас из Колледжа, если вы будете упорствовать и самостоятельно объявите о программе поддержки поступающих школьников.

Никки закусил губу. Король Дитбит предвидел её следующий шаг и сумел заранее нейтрализовать его. Два ноль в его пользу. Её планы о бесплатном Колледже рухнули.

Спорить с профессором Миличем было бессмысленно – он ничего не решал и лишь озвучил мнение попечителей.

Она встала и, рассерженная, покинула кабинет директора.

Голос не преминул отметить:

«Я тебе говорил!»

«Да, да – ты умнее меня! Это сделало тебя счастливым?»

«Нет», – и Голос замолчал. Тот ещё собеседничек.

Никки тоже замолчала, раздумывая – как преодолеть очередное непреодолимое препятствие.

– Наконец-то ты сдалась, жидкая биосистема! – ехидно прокомментировал Робби.

– Что за кремниевые глупости! – воскликнула Маугли. – Разве ты не знаешь, что жидкости практически несжимаемы, зато легко огибают препятствия. Мы обязательно сделаем бесплатный Колледж.

– Как?

– Мы сами построим его – и назовём Гринвич-Колледж. Он будет лучше Школы Эйнштейна, и в нём будут учиться не пятьсот, а пять тысяч человек. Или пятьдесят тысяч! Вернее, мы будем принимать всех, кто захочет учиться. Большинство студентов будут присутствовать на лекциях виртуально. И так же сдавать экзамены. Зато, если они будут стараться, то получают вполне реальный диплом Колледжа. Учебников по программе Гринвич-Колледжа и компьютеров для дистанционного обучения выпустим сколько угодно. Если надо – расширим «Эйнштейн Электроникс» и «Эйнштейн Пресс».

Робби вздохнул:

– Вот почему вы, белковые слизняки, превосходите нас, киберов: хоть вы мокрые и скользкие, но у вас нет выключателей...

В уже знакомой комнате с длинным столом собралось не шесть, а пятнадцать человек.

– Наша группа расширяется и реформируется, – сказал человек с нервным тиком, по-прежнему сидящий во главе стола. Щека дёргалась чаще обычного – видимо, жизнь настаивала.

– Маклаген и Бхагавад! – властно окликнул человек.

Встрепенулись рыжий, с белёсыми ресницами, мужчина и молодой смуглый парень, склонившийся над ноутбуком.

– У вас нет допуска нужного уровня. Вы переводитесь на другую задачу. Назначение получите завтра.

Молодой сразу встал, закрыл ноутбук и направился к выходу. Рыжий человек хотел что-то сказать, но смешался под взглядом начальника и вышел, пробормотав остальным:

– Пока, ребята...

Когда дверь за ними закрылась, человек с тиком обвёл остальных воспалёнными невыспавшимися глазами:

– Операция «Маугли» повышается до первого уровня активности.

Новость произвела настолько сильное впечатление, что некоторые присутствующие беспокойно заёрзали. А лысоватый, с остреньким носом человечек заметно вздрогнул и подумал:

«Чёрт бы побрал мой первый допуск!»

– Объект заметный, поэтому используем стратегии «Тухлая рыба», «Инсайдер» и... «Контакт» класса «Длинная рука».

– Как всегда, «Тухлая рыба» за мной? – спросил жёлтолицый хмурый человек.

– Да, – кивнул начальник. – Снеговик составит для тебя досье. Скандер, тебе поручаю направление «Инсайдер». Насчёт окружения объекта консультируйся у Снеговика...

Разговор перешёл в деловое русло.

Человечек с острым носом получил свою задачу и со вздохом развернул управляющую плоскость компьютера.

«Змеиная шерсть! Надо же было так вляпаться. Не журналист и не учёный, а королева! Все делают вид, что это обычное задание, но убийство такого уровня может обернуться как угодно...»

В разговоре с собой человечек не использовал эвфемизмы и кодовые слова и называл убийство убийством.

«Сделаем дело, а потом всех нас позовут на корпоративную вечеринку – и грохнут в одном автобусе... Ладно, это уже мнительность... Тут сидят классные специалисты – ими не разбрасываются даже ради такого объекта».

И человечек погрузился в разработку отведённого ему участка

операции. Дилетанты не догадываются, насколько сложна и кропотлива работа по подготовке убийства. И даже увлекательна.

Вскоре остроносый человечек забыл свои сомнения и с азартом стал искать самые оптимальные решения для связи предполагаемого «инсайдера» с «контактёром».

Ладно, не «контактёр», а конкретный исполнитель, попросту – убийца. Не будем прятаться за словами – для людей с первым допуском назад дороги нет.

Наступил последний вечер старого года. За круглым столом в зале, сохранившем рождественские декоры, расселись вперемешку полсотни студентов, оставшихся на новогодние каникулы в Колледже, и несколько преподавателей.

К удивлению всех, на праздничный ужин пришёл и профессор Ван-Теллер, обычно встречающий Новый год с кем-нибудь из внуков или правнуков.

– Спина приболела, неохота ей далеко лететь, – по-домашнему объяснил он.

Ван-Теллер тяжело сел на свободное место, пристроив к спинке стула легендарную полированную клюку больше человеческого роста, вытянул поудобнее усталые ноги и пробурчал под внушительный нос-сливу:

– На Луне старикам жить легче, на Земле я бы уже давно...

Все увлечённо заказывали праздничные блюда. Никки выбрала печёную осетрину на деревянных шпажках, сыр с плесенью камбозолу, финики и бокал шампанского вместо обычного кьянти. Студенты проводили шампанское восхищёнными взглядами – астровитянке единственной разрешалось вино; девушка привыкла его пить, следуя микроэлементной диете космического робинзона. Впрочем, для нейтрализации ядовитого этилового спирта Робби прописывал Никки специальную таблетку.

Джерри попросил жаренную в сухариках телячью отбивную и печёную картофелину со сметаной и укропом. Он задумался – какой напиток предпочесть, но Никки, сидящая рядом с юношей, подмигнула ему и заказала второй бокал шампанского у бесхитростного робота-кентаврика.

Профессор Ван-Теллер вызвал киберофицианта и просверлил большую дыру в его пластиковой голове. Когда профессор решил, что меню изучено достаточно, то велел принести беф-строганофф с артишоками и стакан португальского вина с острова Мадейры. Робот, повизгивая от счастья, кинулся на кухню, стуча всеми копытами.

Ван-Теллер со вздохом потёр ноющие колени и строго посмотрел вокруг себя:

– Старость лучше измерять не по физическому угасанию, а по интеллектуальному. Учёный стареет, если он перестает изучать новые математические методы или области науки. Нет потребности в дальнейшем развитии мозга? Вот он и начинает отмирать. Многие встают на этот путь сразу после детства, а кое-кто не стареет до гробовой доски! – Профессор залихватски подмигнул внимающей публике.

Никки воспользовалась моментом и спросила:

– Профессор, недавно вы сказали, что выделение объекта анализа из фона – это часто искусство, помноженное на опыт. Мне это не очень нравится! Нельзя ли вычленять объект, исходя только из научных критериев? Например, анализируя энергетические связи или информационно-энтропийные взаимодействия между подсистемами?

Нинон-Олень скривилась:

– Сколько можно говорить об учёбе? Дайте отдохнуть мозгам!

– Науку и прочие умные вещи пристойно обсуждать всегда и везде. Мозги от этого не устают, а только веселеют... – проворчал профессор и ласково посмотрел на Никки:

– Неплохая идея! Ну-ка, сами поищите критерии выделения предмета системного рассмотрения. Какие эффекты считать внутренними, а какие – внешними? От этого зависят уравнения, которые описывают объект. Но помните – природа чихала на наши деления наук. Ищите закономерности, общие для всех систем.

И профессор пробормотал:

– Бедные потомки: мы трусливо оставляем им проблемы, которые сами не можем решить.

Потом старый учёный повернулся к соседке – Нинон-Оленю, изумился и тихо спросил:

– Серёжки в носу – не мешают?

Та покраснела, но вызываясь ответила:

– Немного... зато в этом есть изюминка!

Консервативный Ван-Теллер пожал плечами и пробурчал стакану с мадерой:

– Изюминка должна быть в голове, а не в носу...

Профессор Майсофт объявила итоги опроса студентов по присвоению неофициальных титулов преподавателям:

– «Амбридж года» стал профессор Дермюррей!

Хохот собравшихся подтвердил, что титул самого непопулярного

преподавателя Дермюррей заслужил по праву. Так как Дермюррея за столом не было, веселье поддержали и профессора.

– «Хагрид года» – титул добрейшего преподавателя получила, как всегда, профессор Франклин!

Профессор весело помахала рукой окружающим.

– «МакГонагалл года» – самым строгим лектором оказался профессор Ван-Теллер!

Все засмеялись и зааплодировали.

– Ну-ну, – добродушно проворчал профессор, – не так уж я и страшен!

– «Дамблдором года» выбран... – голос профессора Майсофт потеплел, – ...самый популярный преподаватель Колледжа – профессор Эксмин!

В зале разразилась овация с одобрительными криками и даже девичьим визгом. Профессор в элегантном чёрном фраке встал во весь рост и вежливо поклонился.

– За него дружно проголосовали девицы, – проворчал Джерри. – Дешёвая популярность!

– Многие дорого заплатили бы за такую дешёвую популярность! – рассмеялась Никки.

Весёлое застолье продолжалось вплоть до наступления Нового года по гринвичскому времени. Студенты и преподаватели танцевали, да так зажигательно, что даже профессор Ван-Теллер оживился: в такт музыке затопал башмаком под креслом и бодро замахал указательным пальцем правой руки.

Наконец часы приблизились к заветной отметке. Загудели удары колокола Биг Бена, а Джерри, как полагалось по традиции, решил загадать наиважнейшие просьбы к судьбе. Юноша начал с пожеланий своей драгоценной Никки, а их столько накопилось, что он не успел во время боя часов сказать хоть что-нибудь о себе.

«Со мной как-нибудь обойдётся...» – легкомысленно подумал он – и глотнул колючего шампанского.

В зале воцарился пряный шум ночного веселья. Новому году рады все – пока он нов и иррационально обещающ.

Мрачноватым выглядел лишь профессор Ван-Теллер. Раскрасневшийся после крепкого виноградного напитка, старый преподаватель вдруг хлопнул ладонью по столу:

– Студенты! Я хочу открыть вам главную тайну этого мира!

Все подняли головы от тарелок и посмотрели на профессора.

– Глупые взрослые... да, да – таких чёртово большинство!.. не говорят

вам правды, потому что не знают её, а умные взрослые испуганы настолько, что не хотят признаться в своём страхе даже себе. Поэтому истину стыдливо прячут и от вас – подростков.

Зал зашумел, а профессор нахмурился.

– Я скажу вам правду! Жестокая тайна нашего мира состоит в том, что земной цивилизацией никто не управляет. Политики тупы и не заглядывают дальше срока своих выборов. Паровоз человеческого общества летит вперёд на всех парах, но у него нет машиниста. Мы мчимся в будущее, закрыв глаза, не зная дороги вперёд ни на век, ни на десять лет. Ждёт ли нас за поворотом пропасть без моста? – никто и не пытается узнать. Ясно одно: от грядущих катастроф нас не спасут молитвы и волшебники.

Студенты оставили вилки в покое и уставились на Ван-Теллера.

– Отбросим политические иллюзии! Мировые правительства похожи на детей в песочнице – они сидят в мокрых штанах и лупят друг друга лопатками по голове. Но привычные времена заканчиваются: скоро земных лилипутов накроет чугунный зад гулливера.

Слушатели не знали – то ли смеяться, то ли звать врача к краснолицему профессору. А тот выбросил вперёд шишковатый палец и обвёл им притихшую аудиторию. Голос Ван-Теллера стал ниже и грознее.

– Началась тяжелейшая битва человечества за существование. Я не знаю, что будет написано на нашей общей гробовой крышке: СПИД-ДВА, энергетический НОЛЬ, демографический МИНУС, климатический КОЛЛАПС или КЛИН генетического раскола. Но риск глобальной катастрофы растёт с каждым годом. А крушение хрупкой техносферы убьёт большинство земель, отбросив остальных в средневековье.

Профессор Катарина Тур кивнула и пробормотала:

– То, что мы делаем с Землёй, заслуживает суровой казни...

Голос профессора снова усилился, заставив многих неуютно заёрзать на креслах.

– Каждый из нас – Homo sapiens, Человек разумный. Разум отличает нас от обычных животных, и мы должны развивать его дальше, чтобы выжить – как индивидуумы, как общество и как вид. Разум должен быть приоритетом номер один, или мы вернёмся назад, в пещеры, ловить блох и каннибалствовать. Нас спасёт только новая эпоха Просвещения, только поворот к интеллекту и творчеству! Учёных и инженеров в мире должно быть во много раз больше, чем солдат, а правительства должны тратить деньги на образование, а не на бессмысленные вооружения.

Тут закивали все преподаватели Колледжа, сидящие за столом.

– Сможем ли мы разгадать сложные механизмы природы? Успеем ли

преодолеть в себе обезьян – сварливых, алчных и ленивых – и повзрослеть до единого сообщества? Шанс нашего выживания зависит и от учёных, и от фермеров. Каждый человек несёт на плечах свою долю мира. И раньше человечество проходило через страшные испытания, но сейчас мы забрались высоко, стоим густо – рухнем сильнее, кости переломаем до единой... Настало время истины, и чёрствая правда смотрит нам в глаза: человечеству предстоит или поумнеть – или исчезнуть с лица Земли.

Аудитория забормотала, но шум легко перекрывался громовым голосом разбушевавшегося профессора:

– Вам! Вам! – Профессор тыкал в сидящих вокруг студентов. – Вам завтра придётся держать на плечах нашу цивилизацию. Знайте – будущее принадлежит умным, а историю делает каждый. Если вы не прочувствуете эту истину до глубин спинного мозга, то вымрете.

Кто-то испуганно пискнул: «Ой!»

– На эволюционной лестнице соблюдается чёткая субординация – по уровню интеллекта. Забывшего эту истину ждёт наказание – неумолимое и жестокое. Неандертальцы не уделяли должного внимания своей цивилизации – и все погибли. А ведь у них тоже были дети, они тоже радовались солнцу и мечтали о лучшей жизни. Сейчас их кости громко доказывают, что старик Дарвин беспощадней Страшного Суда!

Ван-Теллер разошёлся не на шутку.

– Я думаю, что поэтому и космос молчит – зеленорожие эгоисты-политики везде успели загубить свои планеты.

Профессор поискал клюку, но не нашёл и снова хлопнул увесистой пятачком по столу.

– У человечества единственная надежда – это вы, молодые. Вы должны стать умнее нас, должны рассмотреть дорогу впереди и встать у штурвала нашей цивилизации.

Голос профессора резко упал до бормотания.

– Я сижу в Колледже, потому что именно здесь решается судьба нашего мира. Когда я смотрю на умную молодёжь, я счастлив... Есть надежда!

Ван-Теллер поднял голову и медленно, веско сказал:

– Дети – самые важные люди на земле. Никакого сюсюканья – просто констатация факта, вытекающего из самого существования истории.

Он обвёл присутствующих подростков свирепым взглядом из-под седых лохматых бровей и громыхнул:

– Дети спасут мир, но для этого, чёрт побери, они должны соответствовать!

Глава 11

Экскурсия на Марс

Пролетели, посмеиваясь свысока, новогодние праздники.

Ранним утром третьего января последняя надежда человечества – толпа хмурых зевающих студентов – потянулась к Главной башне Колледжа, где уже стояли два автобуса, чтобы доставить экскурсантов на корабль «Марсианский орёл». Тот не входил ни в один из шлюзов Колледжа и нетерпеливо ждал на околотунной орбите.

Один автобус быстро наполнился и улетел к «Орлу», зато другой был ещё наполовину пуст, хотя объявленное время отправки уже наступило. Тренер Нджава, которая летела со студентами на Марс в качестве сопровождающего, немедленно разъярилась. Она метнулась в кафе и выгнала оттуда кучку ещё жующих студентов, торопливо натягивающих куртки и рюкзаки. Потом Нджава сверилась со списком студентов и разослала по комнатам опоздавших стаю киберов и грозных посланий.

Из башен повыскакивали последние заспанные школьники, некоторые – не вполне одетые: какой-то Дракон с красными помятостями на лице натянул кроссовки на босые ноги; мятые шорты длинноногого рыжего Оленя с большой натяжкой походили на публичную одежду – он явно в них спал; бегущий рысью тощий Леопард не сумел до конца расправить майку на спине, и заплечный мешок, из которого свисали какие-то шнурки, провода и скомканные тряпки, бил сонного хищника по голому острому хребту.

Сова, последняя в списке опоздавших, вылетев из тяжёлых ворот башни, заозиралась и сунулась было в кафе – промочить соком клюв, но рык профессора загнал её в шлюз, который сразу стал закрываться. Пока преподаватель наводила на борту элементарный порядок, зашвыривая в багажные отсеки валяющиеся кругом сумки и ноутбуки и самолично пристёгивая опоздавших шалопаев, автобус взлетел.

В круглые иллюминаторы заглянуло ослепительное солнце.

Никки и Джерри летели во втором шаттле-автобусе. Сели они одними из первых и, веселясь, наблюдали за сбором остальных экскурсантов. Крохотная кудрявая девчонка из Ордена Оленей плюхнулась перед ними на свободное место и заворочалась, пытаясь одновременно снять с себя рюкзак, найти привязные ремни и поправить перекрутившиеся, надетые впопыхах носки. Джерри перегнулся сзади, помог девчонке снять рюкзак и

найти запропавшие ремни.

– Спасибо, Джерри, ты, как всегда, очень мил! – благодарно отозвалась девочка-Олень, наконец устроившись. Потом она оглянулась через плечо, увидела Никки и ойкнула от неожиданности.

Никки демонстративно оскалила клыки и прорычала:

– Да, он очень, очень мил! Даже слишком!

Джерри засмеялся и сказал кудрявой девчонке:

– Не бойся, Мона, это чистый блеф!

Никки не стерпела и укусила Джерри в плечо – он даже зашипел от боли. Девчонка услышала – и вжалась в кресло.

Автобус тряхнуло: он стал резко маневрировать на подлёте к «Марсианскому орлу», и пассажиры инстинктивно вцепились в подлокотники.

– Все ли понимают своими заспанными мозгами, что на экскурсионном корабле сейчас невесомость? – спросила школьников тренер Нджава голосом, ещё не остывшим от бурного старта. – Тщательно соберите свои вещи – иначе они разлетятся по салону. Все, кому нужно, приняли таблетки от тошноты?

– Я не принял, – озабоченно сказал Джерри. – Забыл их взять. У тебя нет пилюль невесомости? – спросил он у Никки.

– Мне они не нужны, – покачала та головой, – я в невесомости чувствую себя прекрасно. Я же не земляшка.

Над спинкой переднего кресла робко поднялась рука кудрявой Моны – с зажатым в ладошке пузырьком таблеток. Юноша посмотрел на эту безмолвную руку и захохотал. Потом обратился к Никки, потирая укушенное плечо:

– Ну зачем, зачем тебе эта репутация уж-жасного Леопарда?

– Ты забыл, – сказала хладнокровно Никки. – Я и есть Леопард – по вердикту Вольдемара.

Автобус пристыковался к шлюзу «Орла» под скрип амортизаторов. Лёгкое тормозное ускорение закончилось, и невесомость мягко потащила пассажиров из кресел, вызвав визг и восторженные вопли школьников.

– Всем сидеть на местах! – приказала Нджава и поплыла к выходному люку.

Он немедленно открылся...

Перед Нджавой и полусотней прилетевших ребят предстал сам командир «Марсианского орла».

О, капитан был прекрасен!

Синий китель межпланетника горел золотыми аксельбантами и

созвездиями регалий за безаварийное пилотирование и бравую многолетнюю службу. Кокарда на капитанской фуражке светила не хуже берегового маяка. Кирпично-красная физиономия космонавта была контрастно украшена идеально аккуратными белоснежными усами и небольшой бородкой, холёной до невообразимости. Такому лицу подошёл бы гордый горбатый нос пирата, но нет – его заменял не менее грозный широкий носище с хищно раздувающимися ноздрями. Раскалённые глаза командира метали молнии с частотой полторы штуки в секунду.

О, капитан был в гневе!

– Вы опоздали на двадцать минут! – проскрежетал он вместо приветствия тренеру Нджаве.

– Простите, капитан, у нас возникли проблемы... – пыталась оправдаться профессор, но её не стали слушать. Капитан отрывистым голосом прогрохотал:

– Экскурсия по кораблю отменяется! Вот список кают для ваших людей! Отлёт через двенадцать минут! Если кто-нибудь не будет пристёгнут в срок и мне придётся задержать отлёт... – командир сделал паузу, заледенившую сердца, – ...то он пожалеет очень быстро! Он будет драить камбуз и жалеть себя всю неделю полёта!

Командир отличается от подчинённых не столько умом и опытом, сколько голосом. О, капитан «Марсианского орла» был настоящим командиром! Он обладал таким рыком, от какого армии вытягиваются по стойке «смирно» и, в ужасе, смело бегут на любого врага – лишь бы не расстроить своего предводителя.

Что началось в шаттле! В попытке немедленно выполнить капитанский приказ все студенты сразу отстегнулись, и центральное пространство автобуса мгновенно превратилось в вопящую кучу с торчащими руками, ногами и рюкзаками.

Голос Нджавы потерялся в общем гаме, а капитан только с омерзением сплюнул, глядя на этот кавардак. Тогда Никки ловко проскользнула по стене к выходу из шаттла и попросила:

– Капитан, дайте нам пару матросов, которые знают расположение кают!

Потом обратилась к тренеру:

– Стойте у выхода и пересчитывайте студентов!

Девушка, ловко зацепившись ногой за кресло, протянула руку и выдернула из визжащего человеческого вороха в центре шаттла расхристанного рыжего Оленя в мятых шортах.

– Первый!

Нджава отметила номер каюты, а подоспевший матрос шустро подцепил беспомощного Оленя за рюкзак и поволок в отведённую каюту.

Капитан строго крикнул вслед матросу:

– Сразу пристёгивай этих... этих... пассажиров! – Ох, вовсе не это слово хотел сказать капитан, но наступил себе на ржавое кадыкастое горло и сам взялся оттащить очередного болтающегося студента в его каюту.

– Мне нужно на мостик! – сказал он через плечо, держа заспанного Дракона за шиворот – в вытянутой руке, как обмочившегося щенка. – Справляйтесь тут сами!

Никки нашла в куче и приспособила к делу пару студентов – выходцев с Цереры, которые со слабой гравитацией тоже были в ладах – и конвейер заработал вовсю. Школьники, растерявшиеся от невесомости, передавались из рук в руки, как мешки с грузом, и быстро пристраивались по каютам.

Матросы приспособились таскать сразу по паре пассажиров.

Несколько минут – и все студенты пристёгнуты.

– Спасибо, мисс Гринвич! – сказала облегчённо Нджава. Рядом с ней остались плавать только Никки и, конечно, Джерри. – Ваши каюты – в коридоре В.

Ребята спокойно добрались до нужной им части корабля, правда, Никки иногда придерживала юношу на поворотах – чтобы тот не стукался об углы.

Каюта Джерри была крохотной – не сравнить с комнатой в Колледже; кроме душевой кабины, в ней умещались кресло, раскладывающееся в узкую койку, и столик.

– Интересно, – спросил уже пристёгнутый к креслу юноша, – а здесь нет двухместных кают?

– Ты слишком мил для двухместной каюты! – строго сказала Никки и отправилась в свой отсек. Она была готова отнестись стоически к его тесноте, но он оказался гораздо просторнее, с удобной кроватью и круглым столом. Особенно Никки обрадовалась большому иллюминатору.

Только девушка защелкнула ремни, как в динамиках раздался сердитый голос капитана, объявляющего минутную готовность к старту.

Никки смотрела в иллюминатор, слушала переговоры мостика со службами и объявления для пассажиров, и вдруг её пронзила мысль, простая и очевидная, но почему-то не пришедшая в голову раньше: а ведь Никки родилась на Марсе! Она сейчас летит на свою родину – на планету, где она жила с родителями первые годы своей жизни. Счастливые годы!

Она взволновалась и стиснула поручни кресла.

Раздалась сирена, а вслед за ней – нарастающий гул двигателей. Всех

пассажиров прижало к сиденьям – невесомость кончилась. «Марсианский орёл» сошёл с окололунной орбиты и, под напутствия диспетчеров навигационного центра в кратере Коперника, лёг на заданный курс, целясь на красную звезду, которая была вовсе не звездой.

Корабль маневрировал примерно с час, а потом подобревший голос капитана объявил:

– Мы перешли в фазу стабильного ускорения. Оно будет сохраняться на уровне одного «же» в течение всего полёта. Пассажирам разрешаю покинуть кресла. Обед будет сервирован через два часа.

Никки отстегнула ремни, чувствуя непривычную тяжесть во всём теле. Земное «же» – это в шесть раз больше, чем она привыкла на Луне! И во много, много раз тяжелее, чем у неё на астероиде. «Теперь Джерри будет меня таскать на себе, как я его таскала в невесомости...» – подумала Никки, с трудом пробираясь к выходу.

Джерри действительно чувствовал себя уверенно. Он встретил Никки в коридоре и улыбнулся, глядя на её ссутулившуюся фигуру и осторожную походку:

– Кто тут хихикал над земляшками?

Он положил Никкину руку на свой локоть:

– Опирайся сильнее, давай отдых ногам.

Девушка немедленно навалилась на друга, и идти стало легче.

Навстречу попался невысокий крепкий матрос.

– Королева Гринвич? – спросил он у девушки.

– Да, это я.

– Ваше величество, капитан приглашает вас за свой стол, – официальным голосом сказал вытянувшийся матрос.

– Я привыкла есть со своими друзьями... – удивилась Никки.

– Приглашение капитана – это большая честь! – встревоженно объяснил матрос. – За капитанским столом сидят сам командир и три старших офицера. Остальные четыре свободных места предлагаются пассажирам по выбору капитана.

– Кто ещё приглашен за капитанский стол? – спросила Никки.

Матрос покосился на Джерри и сказал:

– Принц Дитбит, принцесса Шихина и профессор Нджава.

– Принцип выбора понятен, но... честно говоря, не знаю, как я смогу усидеть за одним столом с Дитбитом...

– Капитан будет о-очень разочарован, если вы отклоните его приглашение, – испуганным голосом сказал матрос. Ему явно не хотелось докладывать командиру о провале дипломатической миссии.

– Никки, нехорошо обижать хозяина и оставлять Дзинтару одну, – кивнул девушке Джерри.

И Маугли смирилась:

– Передайте капитану благодарность за приглашение. Я его принимаю.

Обрадованный матрос умчался по коридору, топая массивными башмаками, а друзья пошли дальше – осматривать лайнер. Коридоры «Марсианского орла» быстро наполнялись высыпавшими из кают школьниками, и вскоре в железных кишках корабля забурчали, закричали и засмеялись десятки голосов сразу.

Лайнер был невелик: сотня пассажиров и полтора десятка членов экипажа составляли всё его население. «Марсианский орёл» сошёл с лунных стапелей двадцать лет назад и с тех пор без устали бороздил пространство между Марсом, Луной, Церерой и другими астероидами. Для посадок на Землю он не был приспособлен; к внешним планетам летали более грузоподъёмные корабли; для полётов к Венере и Меркурию у лайнера была недостаточная теплозащита – короче, «Марсианский орёл» был обычным пассажирским каботажником среднего класса. Несколько сотен таких судов бороздят лягушатник ближнего космоса между Землёй и Юпитером. Конечно, в истории «Орла» были славные страницы – когда он сутки летел на двойной перегрузке, эвакуируя с кометы Джакобини-Циннера исследовательскую группу, фрегат которой захлебнулся в пылевой коме, или когда ему доверили межпланетное турне команды олимпийских чемпионов. Но обычно лайнер возил пассажиров, купивших билеты по маршруту «Луна-Сити – Марсополис» или «Церера – Юнона». Изредка его фрахтовали туристические или экскурсионные группы – как в этом рейсе.

Капитан не любил туристов. Они были слишком живые. То ли дело обычный командировочный или семейный пассажир: приходит на борт вовремя, ведёт себя пристойно, если и ссорится, то тихонько, внутри семьи, а чаще – просто отсыпается от суматохи предполётных дней; только пассажир отдохнёт, только познакомится с соседями по кораблю – уже и рейс кончился. Спасибо за выбор нашей компании, приходите ещё, вот вам значок покорителя Марса. Ой, мы прилетели не на Марс, а на Юнону? Извините, астероидные духи попутали... Юнона, где у меня Юнона... Возьмите значок покорителя Цереры, он почти такой же.

Турист – совсем другое дело. Он вваливается в сопровождении приятелей, и они электризуют друг друга как помешанные. Хохот, свист, крики. Турист сорвался с офисного поводка, он много пьёт, без удержу веселится и уверен, что команда лайнера должна развлекать его изо всех сил. Тьфу!

Ещё хуже дети на экскурсии! Это живые бомбы, причём вовсе не замедленного действия. Играя в свои пакостные игры, они ухитряются залезть на корабле в такие щели, о каких даже капитан имел смутное представление. Одного такого засра... застрявшего живчика пришлось выковыривать с помощью автогена, срезав полдюжины трубопроводов и потратив потом два дня на ремонт!

Нет, капитан не любил детей на борту. После окончания каждого «детского рейса» храбрый межпланетник, будучи нерелигиозным, но суеверным, ставил в универсальном, приспособленном для всех конфессий храме космопорта свечку Николаю-угоднику, покровителю моряков и космонавтов. Когда же капитан узнал, что из сотни подростков, которых ему предстоит везти на Марс и обратно, половина – выходцы из семей аристократов, политиков и бизнесменов, и, в числе прочих – принцесса, принц и даже королева! – ему стало дурно.

Он клятвенно пообещал святому Николаю килограммовую свечу из пахучего пчелиного воска и велел матросам накрепко задраить все ненужные люки, двери и шкафы с инструментами – и вообще любые щели, куда может залезть хотя бы человеческий палец. Капитан подумал и жёстко уточнил: «детский мизинец!» – и удручённые матросы разошлись работать. Они тоже знали, что такое детский рейс.

Столовая корабля – её называли кают-компанией – была небольшой, но уютной. Восьмиугольные столы и кресла с противоперегрузочными фиксаторами были закреплены в пазах пола. Обед подавался в крытых подносах – крышки страховали еду от разлёта по кают-компании при переменном ускорении корабля. Но такое случалось редко – современные лайнеры давно превратились в надёжных лошадок и редко взбрыкивают на пути – разве что крупный метеоритный камушек попадётся навстречу и потребует от корабля маневра, но и о нём пассажиров известят вовремя, и они успеют зафиксироваться в кресле и закрыть поднос с тарелками.

Когда Никки с Джерри вошли в кают-компанию, почти все столы были уже заняты проголодавшимися студентами. Джерри нашёл себе свободное место за столом, где сидели Хао, Мона и толстенький Дракон с унылым лицом. Широкая прозрачная стена открывала вид на звёздное небо со съёживающимся на глазах лунным серпом. Но на Луну мало кто смотрел: внимание обедающих целиком съедал настенный тивизэкран, где шли космические передачи канала «Дискавери» и новости.

Капитан, заметив Никки, встал и церемонно поклонился:

– Ваше величество, разрешите представиться: капитан первого ранга Сэм Чейз.

Капитан видел Никки при посадке, но сейчас он следовал ритуалу официального представления, словно они встретились впервые.

Девушка протянула ему руку:

– Рада знакомству, капитан Чейз, меня зовут Николь.

Капитан представил ей всех присутствующих – даже Дзинтару и мрачного Дитбита, который, в отличие от других мужчин, не встал из-за стола, но всё-таки еле заметно кивнул.

– Садитесь, пожалуйста, ваше величество, – и капитан указал на место справа от себя.

Поёживаясь от постоянного королевского титулования, Никки села за капитанский стол. Справа от неё вольно откинулся на спинку кресла корабельный врач – он был спокоен и стар, с морщинистыми брыластыми щеками и лысиной в седоватом венчике волос – наверняка летал последние годы перед пенсией, а, может, уже был сверхсрочником. Справа от врача хмурился принц Дитбит. Напротив капитана было место инженера, крупного человека с ёжиком чёрных, с сединой, волос и озабоченным выражением лица. Инженер объяснял что-то корабельное сидящей рядом Бенто Нджаве. Далее на стуле ёрзал навигатор, глаза которого разбегались между Никки и Дзинтарой, с лукавым лицом восседающей по левую руку от капитана. Старпом был самым симпатичным и молодым: ему было лет двадцать пять. Он крутил головой и пытался понять – выдержит ли корабль такой наплыв юных принцесс и королев, не разорвёт ли его пополам? Кажется, уже начинает кренить вправо... нет, влево... или вправо?

– Мы не заказывали обед, ждали вас, – наклонился капитан к Никки и сделал знак рукой. К столу подошёл худой человек в белом халате и колпаке.

– Шеф камбуза расскажет, чем он будет нас кормить, – сказал Сэм Чейз. – Несмотря на худобу, командир нашего камбуза своими специями и поварёшками всегда попадает в цель! Другие капитаны всё время пытаются украсть нашего повара, поэтому на стоянках приходится приковывать его цепью к плите. Во избежание.

Повар ухмыльнулся:

– Эта бесстыжая лесть, капитан, не поможет вам получить дополнительный десерт.

Капитан вздохнул:

– Он ещё и корабельный диетолог. Очень конфликтное сочетание – никак не выпросишь добавки у этого изверга.

– Итак, у нас сегодня... – Повар углубился в достижения своего мастерства. А вот Никки всё больше интересовал принц Дитбит. Он

выглядел каким-то поблѣкшим, не бросал на неё обычные гневные или высокомерные взгляды, а смотрел большей частью вниз – на столовый прибор.

«Принц чем-то расстроен...» – подумала Никки и ответила на вопрос повара:

– Мне, пожалуйста, каменную рыбу с рисом и бокал марсианского кьянти... Рекомендуете сухую «Алушту»? Хорошо, давайте...

Обед подали на удивление быстро, и все углубились в еду. «Алушта» была на вкус терпковата, зато имела сочный букет.

Капитан учтиво поддерживал застольную беседу.

– Нравится вам в Колледже Эйнштейна? – спросил он своих гостей.

– Нравится, – сказала за всех Дзинтара, – но работать приходится как ломовым лошадям. У меня уже растут копыта.

Командир вежливо засмеялся.

– Наверное, вы все – друзья?

Никки отрицательно покачала головой и высказалась вполне откровенно:

– Мы с принцессой – подруги, а с принцем – враги.

И обратилась к Дитбиту младшему:

– Вы уже придумали, как уничтожить мою династию?

– Это не моя компетенция, – сдержанно, не глядя на Никки, ответил принц.

– А что решено насчёт меня лично? Кинжал? Яд?

Дитбит явно нервничал, но старался сдерживаться и вести себя с достоинством.

– Я не понимаю, о чём идёт речь.

Взрослеет Дитбит, взрослеет.

– Видите, капитан, – подняла одну бровь Дзинтара, – тут старая вендетта. Было опрометчиво приглашать таких людей за один стол.

Капитана Чейза ошарашил напряжённый королевский диалог.

– Ваше величество, ваши высочества, – наклонил капитан Чейз голову в сторону Никки, потом повернулся к Дзинтаре и Дитбиту, – я простой каботажник, королевские распри не моего ума дела. Но я предпочитаю мирную атмосферу за своим столом – от зловещих разговоров у меня портится аппетит. И ещё – вы можете быть соперниками и даже врагами, но помните, пожалуйста, мы с вами в одной лодке. Если кто-то, рассердившись на другого, проделает дырку в борту общего корабля, то погибнут все. Испытывая отрицательные эмоции друг к другу, давайте удержимся от бесконтрольных и необратимых поступков.

Подали следующее блюдо, и разговор угас. Забегая вперёд, отметим, что позиция капитана оказала благотворное влияние на атмосферу за столом, и в течение всего полёта обеда проходили в мирной обстановке – вряд ли дружелюбной, но достаточно нейтральной. Так что аппетит капитана чувствовал себя неплохо.

Когда перешли к десерту, разговор снова оживился и перекинулся на корабельные развлечения.

– Капитан, когда «Орёл» будет делать поворот, – спросила Дзинтара, – и ускорение сменится торможением?

– Завтра вечером, – ответил, насторожившись, капитан.

– А сколько продлится невесомость? – поинтересовалась принцесса.

– Какая невесомость? – не понял капитан.

– Честно говоря, я летала только на яхтах и в первый раз нахожусь на таком крупном корабле, как ваш, но я много раз читала в книгах, что когда пассажирский лайнер разворачивается в середине маршрута дюзам вперёд, то обязательно наступает невесомость.

Капитан проворчал в ответ:

– Ох уж эти фантастические романы, которые пишут люди, никогда не летавшие в космос! Никакой невесомости не будет, лишь небольшое дополнительное ускорение для разворота корабля. Возникающая кривизна траектории учтена при прокладке маршрута и как раз выводит на финальный курс.

– Как жалко! – расстроилась Дзинтара. – А я уже договорилась с ребятами устроить в невесомости маскарадный бал привидений! Если же ускорение останется, то мы будем не порхающими привидениями, а топающими буйволами...

Капитан нахмурился и перевёл взгляд с Дзинтары на Никки. Та, непривычно тяжело дыша, сказала:

– Я бы много отдала за пару часов невесомости. Не ради привидений, а чтобы отдохнуть. Ваше одно «же» меня совсем раздавило.

Капитан вопросительно посмотрел на врача. Тот оказался информированным человеком и негромко сказал:

– Мисс Гринвич выросла на астероиде в практической невесомости, её гравитационный опыт включает только двадцать два месяца лунного притяжения.

Капитан – на то и капитан, чтобы принимать решения единолично и быстро. Он повернулся к помощнику-навигатору и сказал:

– Рассчитай новый маршрут с трёхчасовой двигательной паузой. И учти, что посадку на полюсе делаем не в Северной Чазме, как обычно, а

прямо на ледник, там площадку уже расширили.

Помощник вздохнул, но не стал возражать.

– Завтрашнюю вахту сдашь, только когда закончится этот бар... бал привидений. А я забаррикадируюсь у себя в каюте...

– За что, капитан?! – не выдержал помощник.

– За то, что младший по званию! – отрезал капитан и посмотрел на Дзинтару:

– Вы получите свои три часа для развлечения, только не разнесите корабль.

И капитан уткнулся в тарелку с десертом.

– Я, пожалуй, тоже удалюсь в моторный отсек, – сказал инженер-механик.

– Вот уж нет! – возразил врач. – Сегодня ты приведёшь в порядок всех роботов-уборщиков, а завтра будешь ими командовать. Три часа невесомости и сто резвящихся детей – как пить дать, несколько человек стошнит...

Капитан, не донеся ложку десерта до рта, печально посмотрел на врача.

Маскарад был, что называется, без дураков. На входе в кают-компанию стоял робот-привратник, заранее проинструктированный Дзинтарой и изучивший фотографии всех пассажиров; если он опознавал школьника под маской, то заворачивал его в грузовой отсек, где десятки студентов рылись в горах карнавальных костюмов, оставшихся от предыдущих корабельных балов и наваленных в большие ящики.

Никки без особых размышлений нацепила венецианскую узорчатую маску с потрёпанными перьями и не очень подходящую, но первую попавшуюся хэллоуиновскую хламиду из драной седой паутины. Робошвейцар пропустил её на бал, но остановил Джерри, который надел полумаску-очки, шляпу и камзол пирата.

– Мистер Уолкер, открытая нижняя часть лица опознаётся легче всего, – проскрипел привратник.

– Ах ты железный сундук! – рассердился юноша.

– Джерри, я подожду тебя у бара! – крикнула Никки из-за плеча строгого робота.

Пространство кают-компании, освобождённое от столов, уже наполнилось танцующими, кувыркающимися и летающими во все стороны зловещими привидениями и скелетами, кровожадными пиратами и разбойниками. Королей и придворных щёголей тоже было немало.

Никки пробралась к бару и заказала стакан апельсинового сока. Робот выдал ей круглый закрытый пузырь с торчащей соломинкой: очень удобно, ничего не разольёшь, даже в невесомости.

Заныла какая-то плавная мелодия, забежали по стенам лучи цветомузыки, и тут к Никки подлетел мушкетёр со шпагой, в бордовом плаще и маске Санта-Клауса. Он молча смело взял Никки за талию и увлёк танцевать.

– Ты оригинально оделся! – засмеялась Никки, уверенная, что это её старый друг.

– Я старался! – глухим из-за маски голосом ответил мушкетёр.

Танцуя – а это было совсем не просто в невесомости! – они врезались в группу визжащих бородатых гномов, и их прижало друг к другу. Смеющаяся простецкая физиономия румянощёкого Санта-Клауса почти соприкоснулась с холодно улыбающимся венецианским лицом в изящных разводах. Наверное, со стороны такая парочка выглядела забавно. Никки засмеялась, а весёлый Санта-Клаус тихо сказал печальным голосом:

– Это несправедливо... Как жаль...

– Ты о чём? – не поняла Никки, но тут могучая визжащая Белоснежка, теряя туфли и чепцы, врезалась в них и отбросила друг от друга. Ещё секунда – и мушкетёр-Санта-Клаус затерялся в воланах и фижмах стайки придворных средневековых красавиц, обрушившихся с потолка.

– Я буду в баре! – крикнула в пространство Никки и стала выбираться из танцевальной круговерти.

С облегчением зацепившись ногами за высокий стул у стойки, Никки нашла свой стакан с соком и стала дожидаться потерявшегося друга.

Ковбой в кожаных штанах и с красным платком, закрывающим лицо до глаз, подплыл и сказал голосом Джерри:

– Ну, как ты меня находишь?

Никки остоленела.

– Это ты?

– Здорово замаскировался? – спросил довольный Джерри.

– Э-э... да, – согласилась Никки.

Кто же тогда был смелым мушкетёром?

Пока Джерри заказывал себе грейпфрутовый сок, девушка обратила внимание на ещё две венецианские маски. Таких маскарадных костюмов в зале было предостаточно. Но эти две казались особенными – они медленно плавали в воздухе, не прикасаясь друг к другу. Овальные маски на всё лицо дополнялись широкими плащами, прячущими фигуры, но по движениям было понятно, что серебряная маска скрывает девушку, а чёрная с золотом

– юношу. Маски не танцевали, а, скорее, вели пантомимную беседу, обмениваясь плавными жестами. Юноша протягивал к девушке руки в чёрных – под цвет плаща – перчатках. А яркие серебряные перчатки девушки, выглядывающие из широких складок фиолетового балахона, кокетливо держали дистанцию, уворачиваясь от протянутых чёрных пальцев.

Руки беседовали: на движение-вопрос следовало движение-ответ.

Чёрные вопросы были ласковы, серебряные ответы – капризны.

Наконец, чёрные, с золотым шитьём, перчатки отступили. Сжались в комок. А потом правая перчатка метнулась и выхватила откуда-то из рукава белую розу, почти бутон. И плавно бросила её серебряной маске.

Роза медленно летела между масками, а серебряные перчатки пританцовывали и делали вид, что цветок их совсем не интересует. Вот роза, отклонившись от порыва сквозняка, пролетела мимо фиолетового плеча, чуть не задев его, и нацелилась в угол кают-компаний.

К розе уже хищно тянулись руки парочки гоблинов. Но внезапно серебряная перчатка метнулась и схватила улетающий цветок. Вернула его в пространство между беседующими масками. Поднесла плавным жестом к серебряному лицу, потом решительно прикрепила к плащу. Получилось очень красиво – белое на фиолетовом.

Чёрные перчатки терпеливо ждали, чем закончатся взаимоотношения между розой и перчатками серебряными. Потом спрятались в складках плаща и появились оттуда с бабочкой удивительной красоты. Узоры на крупных крыльях светились, и порхающая в полумраке бабочка оставляла за собой световой извилистый след. Бабочка покрасовалась перед серебряной маской, которая сжала ладони от избытка эмоций, а потом спикировала на розу и осталась сидеть на ней великолепной брошкой.

Сжатая серебряная перчатка расправилась в изящную кисть, преодолела пространство и ласково прикоснулась к чёрной перчатке. И снова отпрянула.

Чёрные перчатки, поблёскивая золотыми кручёными узорами, несколько секунд восторженно парили в воздухе. Потом снова нырнули в плащ.

И остались там.

Серебряные подождали... потом забеспокоились... затанцевали... послали вопрос. Чёрные не показывались. Серебряные робко попросили, потом жалобно заныли.

Тогда чёрные перчатки открыли карман плаща и... оттуда показалась голова дымчато-голубого котёнка!

Серебряные перчатки всплеснулись в восторге.

Котёнок зевнул, осмотрелся и стал выбираться из кармана, неуклюже цепляясь когтями за чёрный плащ. Наконец выбрался на чёрное плечо, встряхнулся, снова зевнул.

Никки поразила: дымчато-голубой котёнок был полупрозрачным, будто сотканным из дыма.

– Как это он делает? – неслышно спросила она у Робби.

– Не знаю, – проворчал Робби. – Не могу же я знать всё. Какая-то не известная мне технология.

– Кто эти маски, интересно?

– Чёрный венецианец – наш друг Хао, серебряная кокетка – Артемида.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Никки. – Ведь швейцар их не распознал.

– Что я тебе – тупой робопривратник? – фыркнул Робби. – Я по движениям плаща могу определить размеры тела и его массу с точностью ста грамм.

– Хао?.. Он такой сдержанный, – сказала Никки.

– Это он с тобой сдержанный... – хихикнул Робби.

– Маски знают друг про друга – кто они?

– Полагаю – да, – сказал Робби. – Люди часто нечеловечески чувствительны.

Пока они беседовали, котёнок оттолкнулся и взлетел. Серебряные руки умильно тянулись к нему, звали, манили.

Котёнок вспрыгнул на правый рукав фиолетового плаща и внимательно обнюхал серебряные перчатки. Взбежал по плечу. Лизнул маску в лицо. Один раз, другой. Серебряная маска млела и таяла – вот-вот потекут ручейки жидкого серебра. Руки девушки гладили котёнка, а он довольно жмурился и искрил шерсткой.

Вдруг котёнок прыгнул в сторону чёрного хозяина. Серебряные перчатки взметнулись в мольбе. Дымчатый зверёк застыл на полпути между масками, вопросительно и нетерпеливо обернулся к девушке. Она покорно протянула руку вслед котёнку, и он деловито отправился к чёрному хозяину, таща за собой серебряную перчатку на невидимом поводке. А потом забрался на чёрную ладонь, протянутую вперёд. Серебряная послушно последовала за ним, и вот уже серебряные и чёрные руки вместе гладят котёнка, прикасаясь и друг к другу.

Никки смутилась: наверное, дальше смотреть – это уже подсматривать.

Погас свет – и появились привидения. Они прыгали между стенами

кают-компаний, как резиновые мячики, а вспыхивающий синий свет делал их быстрый полёт пунктирно неподвижным.

От стробоскопических вспышек у Никки разболелась голова, и она вышла в коридор. Джерри последовал за ней.

– Пойду спать, голова хнычет, – сказала Никки. – А ты оставайся, веселись.

– Я тебя провожу, – вызвался Джерри.

Они добрались до каюты Никки. Девушка сбросила с себя маскарадный плащ и маску, а Джерри пообещал отнести костюм в трюм.

Юноша двигался по коридору, держась за поручни, а Никки смотрела ему в спину и думала: «Как я могла ошибиться и принять мушкетёра за Джерри? Тот выше, крупнее и вообще – другой. Он так странно говорил... Кто это был? Фигурой похож на принца Дитбита... Может, Робби знает?»

Но она почему-то ничего не стала спрашивать у Робби. А сам он не различил её мыслей – или сделал вид, что не различил.

«Если это был Дитбит, то с принцем творится что-то неладное...»

Во время ужина профессор Бенто Нджава, которая, несмотря на солидный титул, была молодой эмоциональной девушкой, рассказала: в североамериканской столице, на её родине, есть пригороды, где большинство составляют чёрнокожие люди.

– Эти районы бедные и грязные, а зарплата их жителей низка. Из-за цвета кожи афроамериканцы живут хуже всех, и это несправедливо! – горячилась Нджава, чьё красивое энергичное лицо тёмно-оливковым оттенком и рядом черт свидетельствовало об африканских предках. Чёрная кожа встречается и у южных индийцев, но абрис лица у них ближе к европейскому типу.

В нервный монолог Нджавы никто за капитанским столом не решался вмешаться. Но в конце его командир корабля спросил:

– Скажите, уважаемый профессор, а вы можете отличить по выговору афроамериканца? Например, когда вы говорите с собеседником по т-фону?

– Как правило, могу, – удивлённо сказала Нджава, – но зачем вы спрашиваете?

– А почему вы различаете выговор афроамериканцев, если они поселились в вашей стране несколько веков назад – гораздо раньше, чем многие белые американцы?

– Ну... потому что афроамериканцы живут часто вместе, и внутри таких сообществ поддерживается своеобразная манера речи...

Капитан продолжил:

– ...а также свой стиль поведения, одежды, музыки...

– Да, ну и что? – нахмурилась Нджава.

Капитан Чейз пожал плечами:

– Я много лет работаю с людьми разных рас и уверен, что в жизненном соревновании культурные различия гораздо важнее цвета кожи. Афроамериканцы живут беднее не из-за иного цвета кожи, а из-за иного культурного менталитета. Именно его надо менять, тогда и уровень жизни вырастет.

– Это расизм! – вспыхнула Нджава.

– Нет, – покачал головой капитан, – я ведь и сам на четверть – африканец...

– Вы?! – удивилась Нджава, всматриваясь в загорелую капитанскую физиономию с широким носом.

– Да, – кивнул капитан, – и без предубеждения отношусь к людям любого цвета кожи. Для меня важно, чтобы они вели себя как все. У меня работали чёрнокожие матросы и специалисты, а с одним афроевропейцем, техником-электронщиком, мы были приятелями. До сих пор жалею, что он перешёл на линию Каллисто – Оберон.

– Что значит – вести себя «как все»? – подозрительно спросила Нджава.

– Значит – быть хорошим специалистом и честным парнем, работать со мной и другими бок о бок, не доставлять неприятностей и неудобств в быту, а это важно на таком небольшом корабле. Если человек не следует общим правилам и создаёт проблемы, то я немедленно расстанусь с ним, даже если он будет розовее абрикосовых лепестков.

– Вы считаете, что чёрные живут бедно, потому что не любят работать? – Нджава всё ещё сердилась.

– Я считаю, что цвет рубашки важнее цвета кожи. – Капитан был терпелив, невзирая на остывший кофе и нетронутый десерт. – Афроамериканцы отличаются от остальных в первую очередь образом жизни... видите, у них есть даже свой диалект, который сохраняется многие поколения. Разные типы культурного поведения, внушаемые детям, встраивают их в окружающую среду – или отгораживают от неё – гораздо сильнее, чем внешние отличия.

– Афроамериканцы бедны, у них нет денег на университеты! – пылко воскликнула Нджава. – Они замкнуты в своей среде, потому что им не дают занять подобающее место в жизни!

– Но вы же заняли своё место, да и первому чёрному президенту Америки цвет кожи не помешал, – возразил капитан. – Какой процент

людей в вашем пригороде имеет абонемент в бесплатную библиотеку? Хотя бы сотню прочитанных книг? А ведь образование и профессия – это главный путь к процветанию. Основа успеха – это желание его добиться. Деньги на университет не помогут, если подросток не стремится поступить в него.

– Вы уверены, что главное в жизни – это карьера?

– Я не утверждаю, что гонка за успехом – единственно верный способ существования. У меня есть знакомый из общины амишей, европейских протестантов. Они переселились в Америку, но веками сохраняют язык и образ жизни предков, обходясь без электричества, пуговиц, автомобилей и громоотводов, потому что молния – орудие божьего гнева. Среди банкиров и юристов нет амишей, которые предпочли самобытность и сошли с дистанции социального соревнования, став фермерами и кузнецами. И они вполне счастливы. Они пошли на эту изолированность сознательно и не обижаются на остальное общество за свой личный выбор.

Нджава нахмурилась, но промолчала.

После ужина Никки догнала капитана в пустынном коридоре.

– Капитан, вы соврали, сказав, что вы – на четверть африканец, – без церемоний и с любопытством сказала Никки. – Зачем?

– Откуда вы знаете мой генотип? – хмуро спросил капитан Чейз. – Это незаконно.

– Я его не знаю, но у моего компьютера хорошая программа распознавания фенотипов. По анализу вашего лица он утверждает, что вы – на одну четвёртую или, скорее, на одну восьмую – австралийский абориген.

Капитан покашлял, оглянулся по сторонам и понизил голос:

– Если невинная ложь помогает взаимопониманию, то разве это плохо?

Никки неопределённо пожала плечами, с интересом разглядывая смущённую физиономию с белоснежными усами и бородой.

– Надеюсь, ваше величество, вы оставите в тайне свои этнографические... находки? – спросил Чейз.

– Конечно, капитан, – сказала Никки, – а то вы ещё отправите меня драить камбуз.

Командир корабля снова покашлял. Эта девица может смутить кого угодно.

Марс заполнил полгоризонта, и динамики объявили, что через полчаса все пассажиры «Орла» должны сидеть плотно пристёгнутыми в креслах. Но несколько школьников ещё толпились у большого обзорного окна и рассматривали поверхность приближающейся красноватой планеты.

– Где мы приземлимся? – спросила Артемида. – То есть примарсианимся?

– В порту Марсополиса, – ответил Хао. – У кратера Гершеля.

– Кто такой Гершель? – любопытствовала Артемида.

– Это открыватель планеты Уран, – поторопился с ответом Феб.

– Он жил в Англии в восемнадцатом веке и был музыкантом, – добавил Хао. – Но звёздное небо похитило его сердце. Гершель днём давал уроки музыки, а ночью шлифовал линзы для телескопов и смотрел в небо. Через несколько лет музыкант Гершель нашёл среди ярких точек звёзд туманное пятнышко – новую планету Уран – и стал королевским астрономом. Открыв Уран, Гершель расширил размер Солнечной системы вдвое. На могиле астронома-музыканта написано: «Он разбил преграды неба».

– Люди не знали о существовании Урана? – удивилась Никки.

– Планеты дальше Сатурна не видны невооружённым глазом с Земли. Уран и Нептун были открыты с помощью телескопа, – сказал Хао.

– А кто нашёл Нептун? – заинтересовалась Артемида, глядя на Хао блестящими чёрными глазами.

– Адамс и Леверье, – опять её брат опередил всех.

– О, это непростая и драматическая история, – неторопливо усмехнулся Хао. – Наблюдатели-астрономы выяснили, что новая планета Уран то отстаёт от ожидаемого положения на небе, то опережает его. В середине девятнадцатого века Адамс в Англии и Леверье во Франции стали искать причину этого феномена и, независимо друг от друга, пришли к выводу, что движение Урана возмущает ещё одна неоткрытая и более далёкая планета. Оба учёных довольно точно вычислили положение гипотетической планеты. Двадцатишестилетний Адамс закончил свои вычисления раньше – к 1845 году. Не обладая авторитетом, молодой теоретик не смог убедить английских наблюдателей взяться за поиск. Более старший и энергичный Леверье определил координаты невидимой планеты в 1846 году. Французские астрономы тоже не поверили в его вычисления. Тогда он рассердился и написал письмо немецкому учёному Галле, и тот, вместе со студентом Аррестом, открыл Нептун в первую же ночь наблюдений. Французские и английские наблюдатели очень расстроились. Разразился даже политический скандал об упущенном национальном престиже.

– Сколько всего ты знаешь... – удивлённо протянула Артемида.

– Молодец, Хао, интересно рассказываешь, – подтвердила, улыбаясь, Никки.

Табло «Займите свои места и пристегните ремни» вспыхнуло беспрекословным красным и взревело сиреной.

Через час корабль примарсианился в столичном космопорту «Скиапарелли». Гравитация Марса всего в два с четвертью раза больше лунной, и Никки воспряла духом после трёх дней шестикратной перегрузки.

Глава 12

Инопланетные приключения

К «Марсианскому орлу», тяжело вцепившемуся посадочными лапами в заиндевелый бетон, подошёл длинный автобус на многочисленных колёсах, соединился с кораблём пухлым прозрачным щупальцем с присоской и втянул в себя всю сотню экскурсантов. Не успели последние школьники плюхнуться в надувные сиденья марсобуса, а он уже мелодично протрубил и, покачиваясь в сочленениях, тронулся в экскурсию по городу.

Гидом был Нат Микиш, сотрудник МарсоИнститута. Потряхивая седеющей нестриженной головой, Нат показывал ребятам достопримечательности родного города, в котором он сам родился и вырос.

– Космопорт – первое крупное здание города, в его отелях жили многие поселенцы-марсиане...

Марсобус заехал в узкий коридор шлюза. Воздушная волна ударила в лоб машины. Марсобус слегка качнулся; его стеклянный лоб покрылся испуганной росой. Давление уравнилось, и городские ворота откатились вбок, открыв вид на парк слева и огромный котлован новостройки справа.

– А здесь давным-давно был пустырь, где мы с друзьями запускали реактивные дирижабли. Самая удачная модель попала в стекло кабинета мэра...

Бледно-голубые глаза Ната щурились, и сквозь облик пожилого мужчины просвечивал юный авантюрист, затевающий с друзьями-шалопаями очередную увлекательную пакость.

Город рос быстро, уже насчитывал двести тысяч жителей и почковался новыми производственными и жилыми куполами. В отличие от Луна-Сити – богатого и ухоженного, Марсополис выглядел более молодым и функциональным – в нём было меньше кафе и скверов, на улицах чаще встречались люди в форме космонавтов, а на светофоре рядом с марсобусом остановился тяжёлый робот-землекоп в пыльной поцарапанной броне, неодобрительно косящий крупным лиловым глазом на стеклянный чистенький лайнер.

В конце центрального проспекта, по которому с шорохом неслись стайки марсокаров, раскинулось самое высокое в городе здание, удивительно сочетающее в себе смелость современной топологии с элементами старинной готики.

Нат с гордостью провозгласил:

– МарсоИнституту столько же лет, сколько и городу. Марс долго был планетой космонавтов и учёных, и лишь недавно профессии строителя и оранжерейщика стали самыми распространёнными среди марсиан.

Двери автобуса открылись, и школьники высыпали наружу, разминая ноги и вскидывая головы на впечатляющее здание МарсоИнститута, куда вело сразу несколько массивных дверей из полупрозрачного янтарного материала с серебряными прожилками. Никки смотрела на Институт во все глаза: её родители работали здесь пять лет, ходили по проспекту, затенённому цветущими каштанами... Возвращались с прогулки, оживлённо разговаривая... Мама весело смеялась, а отец придерживал для неё янтарную дверь...

– Хотя Марс и значительно уступает Земле: по размеру почти в два раза, а по массе – в девять, тем не менее, изучение целой планеты – сложнейшая задача. Наш институт организован именно для исследования Марса и астероидов.

Нат завёл гостей в холл.

– Марс – очень интересная планета! – воскликнул Микиш, энергично потирая руки. – Длительность марсианского дня или сола – двадцать четыре часа тридцать семь минут, а год тянется шестьсот восемьдесят семь дней. Раньше Марс был геологически активен: в северном полушарии много молодых равнин и колоссальных потухших вулканов, высотой до двадцати семи километров. Поверхность планеты прорезана тысячекilометровыми гигантскими каньонами и сотнями высохших речных русел. Завтра вы полетите в один из каньонов и увидите всё своими глазами. А полярный ледник просто великолепен! – вы посетите его послезавтра... Я с удовольствием слетал бы с вами, но у нас начинается двухдневный семинар, собравший космохимиков – исследователей астероидов.

Кудрявая Мона-Олень спросила:

– А зачем исследовать астероиды? По-моему, это такие скучные камни...

Нат так сверкнул глазами, что стало понятно – он не разделяет высказанную точку зрения. Но ответил учёный сдержанно:

– Поговорим об астероидах. Ещё Кеплер заметил значительную пустоту между Марсом и Юпитером и предположил, что там прячется неоткрытая планета. В 1801 году астроном Пиацци открыл здесь маленькую планету Цереру, названную в честь римской богини земледелия и плодородия. Вскоре рядом обнаружили ещё три планеты: Палладу, Юнону и Весту. За последующие двести лет между Марсом и Юпитером

было открыто двадцать тысяч астероидов, образующих главный пояс. Всего он содержит около миллиона планеток с размерами более километра и неисчислимое количество более мелких тел.

Нат поднял вверх укоризненный указательный палец.

– Да! Они лишь каменные глыбы, покрытые пылью и обломками. Но! Для геолога каждый астероид – это увлекательная книга об истории Солнечной системы и всей Вселенной. Именно из главного пояса на Землю падают метеориты. Они рождены вместе с Солнечной системой, но содержат и межзвездные крупинки, долго бродившие в космосе. Сквозь атмосферу чаще пробиваются каменные и железокаменные тела. Они представляют собой железную губку, в порах которой находится каменистое вещество или, наоборот, каменистую губку с железным наполнителем. Каменные метеориты часто включают в себя миллиметровые округлые силикатные включения – хондры. Для железных метеоритов характерна красивая кристаллическая видманштеттенова структура, возникшая из-за взаимного прорастания в невесомости двух типов железо-никелевых сплавов. Метеорит рассказывает кристаллическим и изотопным языком о множестве космических тайн, в том числе и о происхождении человечества. И мы усердно учим язык небесных камней.

– А кроме геологов, эти булыжники кому-нибудь интересны? – не унималась Мона.

Зловещая улыбка Ната обнажила дюймовые окровавленные клыки.

– «Булыжник» размером в шестьдесят-восемьдесят метров взорвался в тысяча девятьсот восьмом году на высоте двадцати километров и вошёл в историю как «Тунгусский метеорит». О, это событие вызвало острый интерес у многих! Астероид диаметром в несколько километров упал шестьдесят пять миллионов лет назад в океан возле мексиканского полуострова Юкатан и оставил след в виде ставосьмидесяти-километрового кратера. Выброшенная взрывом пыль так затемнила земную атмосферу, что наступило похолодание, и крупные животные Земли, включая господствующих динозавров, вымерли, освободив дорогу млекопитающим и человеку. Если мы не хотим, чтобы катастрофа уничтожения биосферы повторилась, то нужно внимательно следить за нестабильными орбитами наших беспокойных соседей – комет и астероидов, которые часто пролетают недалеко от Земли... Этим и занимается МарсоИнститут. Вам стало интереснее? – спросил экскурсовод кудрявую школьницу.

Девочка поёжилась, но храбро сказала:

– Немного...

В конце экскурсии учёный подвёл школьников к мраморной доске с двумя десятками фотографий в стандартных рамках. Многие лица на фото улыбались.

– Наука требует самоотверженности. Это учёные и сотрудники МарсоИнститута, которые погибли, выполняя свой научный долг. Наш бюджет скуден, исследовательские корабли изношены... Аварии из-за отказов техники – самая частая причина, по которой гибнут научные экспедиции. Но были и метеоритные удары, и лучевая болезнь... песчаные лавины, падения в трещины...

Никки смотрела на весёлых людей, которых уже не было в живых, и вдруг увидела родителей.

Отец сдержанно улыбался, а мать заразительно смеялась в камеру.

Девушка перестала слышать объяснения Ната. Она медленно подошла вплотную к доске и вгляделась в родные лица. Никки раньше не видела этих фотографий. Они были такие красивые – её мама и папа...

– ...так смотрите? Вы их знаете?

Никки не сразу услышала взволнованный голос экскурсовода.

– Это мои родители... – очень тихо сказала девушка, не отводя глаз от фотографий.

Нат Микиш всмотрелся в девушку, побледнел до обморочной синевы и неожиданно крикнул:

– Тобеа!

Взволнованные школьники стали переглядываться и шептаться. А Нат не успокаивался и вопил непонятное:

– Тобеа! ТОБЕА!!!

– Что тебе, Нат? – откуда-то раздался недовольный женский голос. – У меня началась фотометрия двойных троянцев!

– Никки! Никки! Она жива! Дочь Сюзан и Айвана! Она жива! Она здесь... – Крик Ната угас до шёпота. Седоволосый мужчина покачнулся и навалился на стену. Браслет на его руке мигнул красным.

Из динамиков раздался звук бьющегося стекла, треск, ещё какой-то грохот – и всё стихло.

Нат взял себя в руки и медленно подошёл к Никки, не отрывая от неё глаз. Его рот кривился в напряжённой гримасе, а глаза влажно блестели.

Дверь в стене распахнулась, и из лифта выбежала немолодая стройная женщина, одетая в синий комбинезон.

– Что ты несёшь, Нат?!

Но слова застыли у женщины на губах. Она оттолкнула мужа и бесцеремонно схватила Никки за плечи, разглядывая. Внезапно

энергичные, резкие черты лица Тобеа задрожали и обмякли.

– Николетта... – сказала она и крепко обняла девушку.

Никки не понимала происходящего, но, неожиданно для себя, тоже сердечно обняла женщину, которая уже всю всхлипывала.

Школьники загладели, и в первые ряды протолкалась профессор Нджава.

– Что случилось? – спросила она.

Говорить мог только Нат.

– Мы были друзьями её родителей. Она росла на наших глазах... часто оставалась у нас дома, когда Иван и Сюзанна улетали в экспедиции... Она была нам как дочь...

Тут и у Ната окончательно перехватил горло.

– Её спасли два года назад, – удивлённо сказала Нджава. – Это показывали по всем каналам.

– Мы очень давно не смотрим тивизор и не читаем газет, – прокашлявшись, сказал Нат. – Старые башмаки, увлечённые звёздными микробами...

Чуткая Нджава, быстро оценив ситуацию, увела остальных школьников обедать в институтское кафе. Лишь Джерри остался с Никки и Микишами, которые расспрашивали девушку сразу обо всём: как она выжила одна? где сейчас живёт и учится?

– Из-за нашей невнимательности Никки чуть не попала в приют! Какой ужас! – всхлипывала Тобеа.

– Оказывается, тивизоры могут сообщать важные новости... Кто бы мог подумать?! – разводил руками Нат.

После обеда студентам разрешили погулять по улицам Марсополиса и музею института. Нат и Тобеа договорились с профессором Нджава, что доставят Никки и Джерри в космопорт утром – к отлёту «Марсианского орла», и повезли их к себе.

– Квартиры, в которой ты жила с родителями, уже нет, – сказал Нат. – На месте вашего дома построили многоэтажную оранжерею.

Старенький электромобиль, поскрипывая на поворотах, прекрасно сам знал дорогу и доставил всю компанию к небольшому двухэтажному дому, густо заросшему вьюнком с крупными фиолетовыми цветами.

– Ты помнишь наш дом и этот плюс? – с надеждой спросила Тобеа.

Но Никки отрицательно покачала головой.

Пространство дома делилось сложно: большая гостиная не имела обычного потолка и была двухэтажной по высоте, а спальни на втором этаже дома выходили балконами внутрь гостиной.

Никки зашла в дом, осмотрелась и зачем-то заглянула в небольшой коридорчик за кухней.

– Ага! – сказал Нат. – Ты направляешься прямо в свою комнату.

Никки поразилась – у неё здесь была комната?

Девушка, волнуясь всё сильнее, открыла дверь – и попала в помещение с небольшой кроватью и низким просторным столом. Здесь жил ребёнок – кругом лежали игрушки, детские книжки с картинками, листы с неумелыми рисунками или просто исчерканные фломастером.

– Мы ничего не трогали в этой комнате... – сказала зашедшая вслед Тобеа. – Когда мы с Натом узнали, что корабль пропал без вести... что всегда означало – погиб, то мы... – Тобеа внезапно замолчала.

Одна стена комнаты была прозрачной, и сквозь неё виднелся тот же цветущий выюнок. Никки посмотрела вверх – по потолку бежали яркие блики.

– Откуда свет? – спросила она.

– Именно из-за солнечных зайчиков эта комната нравилась маленькой Николетте больше остальных спален, – сказала Тобеа и отодвинула стеклянную стену.

За небольшой зелёной зарослью начинался овальный бассейн – большой, метров двадцать в длину. Это его беспокойная поверхность разбрасывала вокруг яркие блики.

– Ты купалась здесь часами... – сказал Нат. Он и Джерри тоже вышли к бассейну, но из другой двери, ведущей в гостиную.

С Никки происходило что-то странное. Глаза её лихорадочно блестели, дыхание участило. Она опустилась на корточки возле бассейна, а потом неожиданно легла вдоль его края, положив голову прямо на мраморную плиту пола и опустив одну руку в воду. Солнце ласково освещало щёку девушки и её крепко зажмуренные глаза.

– Твой любимый способ загорать... – сказала сдавленным шёпотом Тобеа.

– Этот бассейн стоит дороже всего остального дома, но мы никогда не жалели о затратах, – сказал Нат. – Твои родители половину времени проводили в полётах, и, пока их не было, ты всегда жила у нас. Мы с Тобеа по очереди брали работу на дом и отлично отдыхали с тобой. Ты называла этот бассейн...

– Маслейк! – сказала Никки, по-прежнему не открывая глаз.

– Верно, буква «эр» в этом слове тебе долго не давалась, и название прижилось... – с трудом улыбаясь, сказала Тобеа.

Наступила тишина, окрашенная тихим плеском. Никки медленно

водила рукой по воде, а солнечные блики на потолке её детской спальни танцевали и взволнованно шептались.

Вечер Микиши и их неожиданные гости встретили в гостиной при свечах. Нат и Тобеа поняли, что расспросы о прошлом Никки тяжелы для неё, и переключились на нейтральные темы. Они познакомили ребят с домашней синехвостой ящерицей Мими, нелюдистой и стеснительной, норовящей спрятаться под диван; показали множество фотографий и диковинных пустяковин, накопившихся в старом доме двух учёных.

За ужином из роскошного ассорти копчёностей, сыров и фруктов Микиши рассказали о своей научной работе. Нат был астробиологом-теоретиком и анализировал условия для возникновения жизни, а также возможное строение инопланетных геномов и существ. Тобеа работала астробиологом-наблюдателем и изучала спектры планет и газовых туманностей в поисках аминокислот, биомолекул и любых признаков жизни.

– Мы с твоим отцом написали серию статей об органических молекулах на астероидах и в кометах, – сказал Нат. – Он был очень хорошим учёным, методичным в расчетах и смелым в идеях.

– А вы знакомы с доктором Торагом? – вдруг спросил Робби.

Нат Микиш, уже познакомившийся с Никкиным другом, без удивления ответил:

– Конечно, мы хорошо знали его. Юрия Торага нет на мемориальном стенде только потому, что он ушёл из Института за полгода до своей гибели.

Нат посмотрел на Никки:

– А твой отец даже дружил с Юрием, они много работали вместе...

Учёный замолчал, но Робби попросил:

– Расскажите подробнее, нам важна любая информация о Юрии Тораге и его дружбе с Айваном Гринвичем.

Микиш, вспоминая, сказал:

– Юрий был очень практичным человеком. Он работал не только на МарсоИнститут, но и консультировал корпорации, занимающиеся космической геологией. Тораг придумал какой-то необычный способ дистанционной геологоразведки и решил основать собственную компанию для эксплуатации этой идеи. Он ушёл из МарсоИнститута и стал улучшать методику обнаружения рудных месторождений, используя свою небольшую яхту. Тораг не вернулся из одиночного полёта в пояс астероидов – пропал без вести. Твой отец очень переживал – никак не мог

примириться со смертью Юрия. Я знаю, что он пытался самостоятельно расследовать его гибель и даже просил о помощи компьютер МарсоИнститута... Но я не знаю, нашёл ли он что-нибудь, заслуживающее внимания...

– А на чём базировался тораговский метод геологоразведки?

Нат пожал плечами:

– Понятия не имею. И при жизни Юрий был аккуратен со своими секретами, и после смерти не выпустил их на волю... Но его основная работа была связана с комбинированием гамма-спектроскопии и радарных методов.

Никки внимательно выслушала Ната и беззвучно сказала Робби: «Тебе стоит возобновить знакомство с компьютером МарсоИнститута...»

«Прояви немного уважения к старому другу и воздержись от очевидных замечаний...» – проворчал Робби в ответ.

Домашний кибер принёс чай, и за столом разгорелся спор, видимо, давний.

Нат был сторонником того, что жизнь возникла на многих планетах независимо; поэтому он полагал, что жизнь на Марсе и на Земле имеет разное происхождение.

Тобеа считала наоборот – что жизнь зародилась в Галактике в одном или нескольких местах, а потом, согласно концепции панспермии, распространилась в виде космических спор по многим планетным системам.

– Жизнь на Марсе и на Земле имеет единые корни, – уверенно заявила, отставив чашку, Тобеа. – Космические споры попали сначала на одну планету и с помощью метеоритов перекечевали на другую. Вопрос только в том, на какой планете жизнь появилась раньше. Живут ли на Земле марсиане, или земляне когда-то давным-давно высадились на Марс?

– Живых миров множество! – воскликнул Нат. – Образование жизни – универсальный повсеместный процесс. В южном заливе первобытной Земли, где грелся на солнце густой аминокислотный бульон, когда-то возникло незамысловатое Нечто, которое могло только поглощать еду и порождать себе подобное. И Нечто ело и размножалось сотни миллионов лет, пока не заняло весь океан. И не стало хватать еды на всех его потомков. И стал выживать из них умнейший, сильнейший и быстрееший – так началась эволюция, вытолкнувшая четыреста миллионов лет назад на океанский берег позвоночное сухопутное животное. И оно недавно стало человеком!

Голос Ната достиг библейского величия и замер на высокой ноте.

Потом учёный деловито заключил:

– Следовательно, везде, где была вода, тепло и аминокислоты, рождалась жизнь!

– Что же вы никак не выведете в пробирке это живое Нечто? – захихикала Тобеа. – Тысячи твоих единомышленников скрипят ржавыми мозгами и никак не могут создать условия для самосинтеза живого организма из неорганики. Но хотят, чтобы природа, не раздумывая, достигла такой цели. Поймите: жизнь – величайшая редкость и ценность в космосе, и мы должны быть благодарны природе за щедрый подарок.

– Как может мыслящий современный человек держаться за древнюю идею панспермии? – воскликнул Нат. – Дикость, варварство!

– На себя посмотрите, животворщики, – хохотнула Тобеа. – Как заклинание твердят – жизнь зарождается везде! всегда! Шаманят над своими автоклавами – и что? Даже самозарождение вируса гриппа получить не могут! Вам надо чихнуть на ваши пробирки. Возникновение жизни под каждой кочкой просто невозможно с точки зрения вероятности.

– Но нельзя не признать, что жизнь на Земле есть! – в свою очередь съехидничал Нат.

– Но мы ещё не знаем, насколько нам повезло, – парировала Тобеа.

– Эх, нам хотя бы один пример марсианского уцелевшего ДНК, – посетовал Нат. – Мы бы её расшифровали и определили – одного мы корня с древними марсианами или нет.

– Но ведь жизнь на Марсе была? – спросила Никки, с интересом прислушиваясь к спору.

– Была, но очень давно, и сейчас мы находим только её жалкие окаменелые остатки. О, если бы найти пару живых внеземных микробов!

– Надо искать в тёплых подлёдных океанах спутников Юпитера и Сатурна! – сказала Тобеа.

– На столь глубокое бурение нет денег, – вздохнул Нат. – Я полагаю, что микроорганизмы могут быть и на Марсе – в старых вулканах и в местах, где есть подземное тепло. Это неплохой шанс, но и здесь нужны серьёзные затраты на поиск. Пока у астробиологов МарсоИнститута таких средств нет. Учёным платят за открытия рудных месторождений и прогнозы метеоритной опасности на космических трассах, а не за фундаментальные споры о возникновении жизни.

Тобеа махнула рукой:

– Хватит об ископаемых червяках, поговорим лучше о будущем, которое сидит рядом.

И она обратилась к Никки:

– Колледж Эйнштейна – это замечательное место, но страшно дорогое. Ты, верно, по уши в долгах. Давай, признавайся, чем мы тебе можем помочь?! Накоплений у нас почти нет, но, если надо, то мы продадим этот дом... – тут голос Тобеа немного дрогнул, но потом окреп, – ...и купим себе поменьше. Зато тебе поможем.

– Спасибо, – сказала с искренним чувством Никки. – Но я справлюсь.

Она достала из кармана книжечку и быстро черкнула пару строк. Протянула Микишам вырванную страничку:

– На нужды МарсоИнститута и ваших исследований. Если вы пришлёте мне отчёт об их использовании, тогда я смогу вычесть эти деньги из налогооблагаемых доходов. Но можете и не присылать. Расходуйте куда угодно – это ваши деньги.

Нат с недоумением взял чек и рассмотрел его. Потом, внешне спокойный, отдал чек жене:

– Ничего не понимаю. Кто эта девочка?

– Здесь написано «триста миллионов долларов»... – сказала со страхом Тобеа.

– Последние несколько месяцев меня зовут королевой Гринвич, – спокойно сказала Никки. – Я получила неплохую страховую премию за Оберонские обсерватории.

– Я слышал эту историю! – воскликнул Нат. – Значит, это была не однофамилица!

Тобеа сказала дрожащим голосом:

– Смотри – Никки выросла без нас и нашей запоздалой помощи, и уже сама помогает таким древним шлёпанцам, как мы с тобой. Как бы гордились тобой твои родители...

Она вытащила платок, вытерла глаза и сердито сказала:

– Я совсем раскисла... выплакала, наверное, десятилетнюю норму слёз...

Ранним утром Микиши провожали их в космопорту. Уже возле двери шлюза Никки обернулась и спросила:

– А откуда я знаю песенку-говорушку?

Чей нос? – Саввин!

Куда ходил? – славить!

Что выславил? – копеечку!

Тобеа подхватила:

Что купил? – пряничек!
С кем съел? – один!
Нехороший, нехороший!

и сказала:

– Это моя русская бабушка наговаривала мне в детстве, а я – тебе... Айван, твой отец, вырос на берегу Чёрного моря. У него было много русских друзей, и он хотел, чтобы ты знала побольше о славянской культуре. Я читала тебе русские стихи и народные сказки. Правда, ты была так мала – удивительно, что ты запомнила эту говорушку...

И её расстроено-счастливое лицо снова стало таять слезами.

Никки зашла в свою каюту, села в кресло и посмотрела в иллюминатор на рыжую стенку кратера и блестящие окна космопорта. Вдруг она явственно почувствовала, что за стёклами стоят и машут руками её старые друзья. И девушка поняла – у неё появился ещё один родной дом. Место, которое пропитано терпким до слёз прошлым.

«Верно, верно!» – взволнованно танцевали блики в комнате у бассейна.

В комнате её счастливого детства.

«Марсианский орёл» засвистел, заклекотал двигателями – и за двадцать три минуты полёта перенёсся в другое полушарие Марса. Посадочная полоса в порту «Саусгарден» была не так ухожена, как бетон столичного космопорта, и под садящимся кораблём взвихрились клубы ржавой пыли, покатались тёмно-синие камни, сдутые газо-плазменным напором.

Вокруг расстилалась марсианская пустыня, лишь на горизонте виднелись пологие стеклянные купола.

– Нам не разрешают садиться ближе к оранжереям, садоводы не любят пыль и летящие камни, – объяснил капитан и скомандовал: – Все на выход! Теперь вами займётся мистер Дикори.

Школьники высадились из шлюза, но, к своему удивлению, не нашли возле корабля ни автобуса, ни другой машины, которая могла бы доставить их к оранжерейному комплексу, виднеющемуся вдалеке.

Посреди буро-красного песка, усеянного почти чёрными камнями, стояла лишь одинокая фигурка – плотная и короткая, с сердито упёртыми в

бока руками. Чистый гном.

– Экскурсанты, слушать меня внимательно! – раздался скрипучий голос в динамиках скафандров. – Я – старший оранжерейщик Дикори, и я решаю, что показать вам сегодня. Начнём нашу экскурсию с прогулки по поверхности Марса. Пройдём километр пешком.

– Пешком?! – возмутился голос Дитбита.

– Кому из слабаков не нравится, – проскрипел оранжерейщик, – тот остаётся на корабле.

Он резко повернулся и зашагал, причём, не к куполам «Саусгардена», а заметно забирая влево – к ближайшему крутому склону кратера.

Делать нечего. Студенты, по-утиному переваливаясь в жёстких скафандрах, пошли за Дикори: сначала – гурьбой, потом – длинной цепью.

– Посмотрите вокруг! – пронзительный голос оранжерейщика вкручивался в уши не хуже шурупа. – Бесплодные камни и песок! Атмосфера в сто раз разреженнее земной, состоит на девяносто пять процентов из углекислого газа, остальное – азот и аргон. Кислорода всего десятые доли процента, водяного пара – только следы. Средняя температура марсианской почвы минус шестьдесят градусов Цельсия. Лишь летом в полдень температура воздуха может достичь плюс двадцати пяти. Перепады температуры – больше сотни градусов. Песчаная буря со скоростью ветра в сто метров в секунду как наждаком царапает даже прочное стекло!

Низенький человек вдруг остановился и обернулся. Идущие сзади студенты чуть не налетели на него. Возник затор, и вокруг гнома-оранжерейщика подковой сгруппировались экскурсанты.

– Разве это не чистое безумие?! – крикнул гном, оглядывая студентов. – В таких условиях мечтать о садах!

Шлемы экскурсантов, подчиняясь напору гнома, робко закивали: да, да, чистое безумие.

Гном повернулся ко всем сердитой спиной и снова зашагал вперёд.

Джерри и Никки шли и с любопытством озирались. Небо Марса имело красноватый оттенок, и по нему быстро неслись редкие розовые облака. Расщелина, мимо которой ковыляли студенты, была до краев заполнена белым холодным туманом. Иногда из оврага вылезало мутное щупальце и накрывало идущих, оседая изморосью на прозрачном пластике шлемов.

Никки отключилась от общей трансляции, оставив только связь с Джерри, и спросила:

– Робби, ты успел поговорить с компьютером МарсоИнститута?

– Да. Пока вы, многоклеточные амёбы, спали, как дохлые медузы, я с

ним подружился. Он помнит мой высокий приоритет двенадцатилетней давности, и мы полезно поговорили.

– Он сказал тебе что-нибудь про список? – не удержался от вопроса Джерри, идущий совсем рядом.

– Нет. Но он сообщил, что двенадцать лет назад Айван Гринвич попросил его построить модель последнего полёта Юрия Торага и проанализировать возможные причины его гибели. В это время я находился на стажировке в МарсоИнституте, и кибермозг привлёк меня к моделированию. Он утверждает, что я получил интересные результаты. Но он не знает, какие.

– Как так не знает, если он сам тебе поручил исследование?

– По условиям стажировки, я должен был отправлять свои рапорты только на Землю. Компьютер МарсоИнститута мог получать их лишь после разрешения руководства проекта по искусственному интеллекту. Но вместо такого разрешения последовало приказание отправить меня на Землю. Поэтому моего рапорта нет в памяти компьютера Института.

– Значит, ты попал на «Стрейнджер» из-за того, что раскопал причины гибели Торага? – взволнованным голосом спросила Никки.

– Да, – голос Робби был твёрд. – С вероятностью четыре сигма, нападение на «Стрейнджер» было вызвано просьбой твоего отца о дополнительном анализе причин аварии корабля доктора Торага и моим участием в этом расследовании.

– В кого же целились напавшие на «Стрейнджер» – в тебя или в отца? – спросила Никки сдавленным, севшим голосом.

– Вероятнее всего, сразу в обоих, – сказал Робби. – Кто-то выработал весьма эффективный план – как одним ударом уничтожить сразу двух противников. Чувствуется высокий профессионализм.

Никки обожгло:

«А мама? Её смерть – это для убийц просто пустяк, небольшая издержка плана?»

Девушка споткнулась, но Джерри успел поймать её за руку и удержал от падения.

За прозрачным щитком скафандра светилось бледное лицо с полузакрытыми глазами и кривящимся ртом. Казалось, астровитянку пронзила физическая боль.

– Значит, этот дьявольский список виноват в смерти и твоих родителей, – голос Джерри тоже был полон муки. – Тораг тоже погиб из-за того, что был включён в список и, видимо, своей строптивостью не понравился его владельцам...

– Проклятый Дитбит... – сказала Никки, еле отдышавшись от новости, сбившей её с ног. – Он начал войну – и сам сгорит в ней...

Девушка шла дальше молча, перестав оглядываться по сторонам.

Школьники добрались до крутой кратерной стенки. Она зазубренным краем врезалась в красноватое небо, но марсианский небосклон оказался прочным, и по склонам горы тянулись потоки размолотой породы и песка.

– Возле таких стен начинается большинство оранжерей, – каркнул гном, проткнув строгим пальцем кратерный склон. – Мы выбираем солнечную сторону и анализируем состав песка. Потом натягиваем от вершины до подножия прочные тросы и настилаем пластиковую крышу. И что мы получим? – спросил столпившихся вокруг школьников гном-садовод.

– Оранжерею? – несмело ответил кто-то.

– Шелуху от ореха мы получим, а не оранжерею, – веско сказал гном. – Дальше начинается самое главное: оптимизация грунта, установка воздушной, нагревательной и водной систем, и ещё такая куча разных дел, что она кажется неподъёмной...

– Например, – оранжерейщик махнул рукой на осыпавшийся склон, – видите эти песчаные реки? Морока и напасть. Смёрзшийся песок кажется прочным, но если внутри такого склона произойдёт небольшой сдвиг, то механическое трение на плоскости сдвига сразу разогреет замороженную воду, и песок заскользит вниз лавиной, текучий, как грязевой сель. И всё же крутые склоны привлекательны для нас, оранжерейщиков, тем же, что делает их и опасными: здесь много льда. Кратерная стенка прорезает мощные слои вечной мерзлоты, и это очень важно для водоснабжения и атмосферы оранжереи. Ну, посмотрим, что у нас получилось после всех хлопот.

И маленький оранжерейщик зашагал к куполам, стеклянно поблёскивающим в лучах маленького солнца.

Пройдя шлюз и сняв скафандры, студенты попали в Эдем. Никто, конечно, не знает ботанику райского сада – разные источники дают противоречивые сведения, – но вполне вероятно, что райские кущи похожи на такую оранжерею тысячи цветов: роз и орхидей, лилий и гибискуса и ещё многого другого, немыслимо привлекательного для глаз и безотказно ароматного для носов.

Чувства экскурсантов разбежались на дрожащих ножках по всей оранжерее.

– Это ерунда! – пренебрежительно махнул рукой Дикори. – Для слабонервных туристов. Самое интересное впереди! – и гном устремился в

следующее отделение.

Школьники – особенно школьницы – готовы были признать себя слабонервными туристами, лишь бы погулять среди оглушительно цветущих зарослей. Погулять, понюхать, потрогать... Но Дикори, хотя бежал первым, всё видел и позади.

– Не лапать ничего руками! – пронзительно заверещал он на пухленькую девочку-Оленя, которая погладила яркий цветок. Олешка от испуга чуть не села в корыто с подозрительной коричневой жижей.

– Вот где настоящая красота! – хищно воскликнул гном, раскинув руки и стоя на краю ровно-золотистого поля.

Студенты столпились за гномьей спиной и восхищённо загудели.

Здесь росла обыкновенная пшеница. Но зато какая необыкновенная! – в рост человека и плотная как стена. Крепкие, солнечного цвета стебли ветвились в многогранные колосья – каждый с фут длиной и толщиной в дюйм.

– Эти поля позволили нам избавиться от подвоза зерна с Земли, – с нежностью сказал мистер Дикори. – Они – источник нашей продовольственной независимости.

Но ещё больше впечатлили студентов-лакомок оранжереи фруктов и овощей: на виноградных лозах висело столько кистей, что изогнутые в рабочей судороге стволы были едва видны. Дынные и арбузные плети не лежали на земле, а тянулись вверх, цепляясь за прочные лотки для плодов. Листья тёмно-зелёными зонтиками ловили свет солнца высоко над головой, а всё пространство между листьями и грунтом толстело и бугрилось крупными разрисованными арбузами и сливочными, безукоризненного литья дынями. Часть листьев была повёрнута не к солнцу, а к земле: снизу грядки освещали яркие синие лампы.

Марсианские груши размерами походили на папайю, а черешня – на помидоры. Сами помидоры – а Никки понимала в них толк! – были невелики размерами, зато пузырились обильными сочными гроздьями, похожими на виноградные.

– Контролируемость среды на Марсе выше, чем на Земле, поэтому с каждого участка мы собираем урожаи несколько раз в году, – сказал довольный гном Дикори, растерявший желчность среди любимых полей.

Студенты не только насмотрелись, но и вдосталь наелись местной продукции – в кафе, куда уставших подростков отвёл приветливый кибер. Меню включало курятину и свинину – студенты видели явно не весь продовольственный комплекс «Южный Сад».

И после обеда Дикори водил и водил студентов по своим плантациям и

фермам – пока они не взмолились об отдыхе. Тогда гном усадил утомлённых школьников на лужайку побольше, подождал, пока все выберут в баре холодный овощной или фруктовый сок, а потом устроил форменный экзамен.

– Кто понял после сегодняшней экскурсии, какова главная задача человека в космосе? Та, которую никто не может за него решить.

Студенты недоумённо посмотрели друг другу в честные глаза.

– Киберы могут в космосе за человека сделать ВСЁ и гораздо эффективнее людей, – веско сказал принц Дитбит.

– Неправильно! – насмешливо проверещал гном-оранжерейщик. – Главная и уникальная задача, которая стоит перед человеком в космосе, – и её никто, кроме него, не сможет решить! – это задача ВЫЖИТЬ. Человечество возникло на дне тёплого воздушного океана и может существовать в очень узком интервале температуры, давления и гравитации. Для выживания в вакууме и на чужих планетах человек должен окружить себя металлическим или пластиковым пузырьком с подогретой привычной атмосферой. Ему нужен постоянный приток кислорода, воды и продуктов. Поэтому в начале космической эры человек держался вблизи родной планеты, откуда получал всё необходимое.

Дитбит слушал со скептической усмешкой на лице.

– Настоящее завоевание космоса началось не в конструкторских бюро и не на космодромах, а вот здесь... – Оранжерейщик обвёл рукой свои владения. Среди стеллажей с клубникой сновали киберы, аккуратно выбирающие спелые ягоды.

– Именно оранжерейщики решают вопрос, сможем ли мы оторваться от родной планеты и создать в иных мирах благоприятные для нас условия. Сможет ли человек устроить земной комфорт в космосе? Завоевание Вселенной прямо зависит от моих грядок! – торжественно заключил садовод.

«Хм! Помидорный гном мудр...» – удивилась Никки.

– Многие считают оранжерейщиков приземлёнными и бескрылыми людьми, – заявил мистер Дикори. – Сегодня вы должны были понять, что никакие высокие планы и смелые мечты не реализуемы без нас, скромных производителей овощей и мяса. Сочиняя стихи и проектируя звездолёты, не относитесь высокомерно к фермерам.

Студенты, чувствуя в животах располагающий ассортимент свежайших соков, дружно согласились и поплодировали космическому садоводу-энтузиасту.

Все так умаялись от долгого путешествия по бесконечным оранжереям и сыпучим марсианским пескам, что еле одолели ужин и рухнули спать без задних ног. Когда же Джерри проснулся и продрал глаза, то не поверил им: в иллюминаторах корабля виднелась не вчерашняя рыжеватая каменистая равнина, а розовый сверкающий ледник. Они уже прилетели на Северный полюс Марса! Вокруг «Орла» и небольшой площадки, на которую он сел, расстилались плавные ледяные валы; в долинах между ними виднелись песчаные дюны, похожие на земные, но только из красноватого песка.

А над инопланетным ледником полыхал марсианский рассвет: маленький жёлтый диск солнца выплывал на сиреневый небосклон, с цветовой гаммой от фиолетового на горизонте до палево-розового в зените.

Неземная красота!

После завтрака капитан объявил пассажирам:

– Несколько студентов остаются на Марсе на каникулы, и на освободившиеся места мы берем в обратный рейс группу матерей с маленькими детьми. Им всем нужна срочная помощь в лунных госпиталях. Они сейчас находятся на Фобосе и для плавной состыковки с шаттлом скорой помощи мы должны стартовать в три пятнадцать. Опоздание старта вызовет нарастающую задержку перелёта к Луне. Поэтому сбор на корабль после экскурсии в Полярные пещеры назначаю с запасом – на два часа дня. Быстрый обед – и взлёт!

– Опаздывать категорически запрещаю! – прорычал капитан. – Рисковать здоровьем пассажиров с детьми я никому не позволю! В помощь профессору Нджаве я выделяю своего помощника, который присмотрит за вашим своевременным возвращением на корабль. Кто задержится – будет всю дорогу чистить корабельные галюны!

Эта риторическая угроза показывала озабоченность капитана.

Школьники надели скафандры и дружно высыпали на ледник, толкаясь и голося. Дракон дал соседней Сове подножку, а ноги какого-то Оленя разъехались сами, скользнув по льду, присыпанному тонким слоем песка.

Лектором на марсианском Северном полюсе – ввиду его безлюдности – пришлось быть самой Нджаве. Профессор потратила немало времени, чтобы привлечь внимание подростков к учебной экскурсии. Хихикающие школьники с трудом узнали, что из-за низкой температуры воздуха вся марсианская вода и даже атмосферный водяной пар превратились в лёд, образовав слой вечной мерзлоты в грунте и нетающие полярные ледники.

– Зимняя температура у полюсов достигает минус ста двадцати пяти градусов Цельсия. От холода даже марсианский углекислый газ переходит в

твёрдое состояние. Полярные шапки сложены из смеси водного льда и замерзшей углекислоты, которые испаряются летом и выпадают снегом зимой. В северных марсианских широтах случаются углекислотные метели...

Студенты дружно поёжились, представив буран из углекислоты, мороженной при минус ста – и сколько там ещё? – градусах.

– По расчётам учёных, раньше Марс был гораздо теплее – с реками, озёрами, а в северном полушарии даже существовал океан.

Профессор рассказывала довольно монотонно, но в конце лекции она оживилась:

– Интересную гипотезу высказали американские учёные Саган и Уоллес: по их расчётам, под многометровым слоем вечной мерзлоты на Марсе и сейчас могут существовать подземные озёра!

Школьники в энтузиазме закачали прозрачными шлемами, а кто-то стал ковырять башмаком ледник – в надежде выкопать колодец.

Профессор приглашающе махнула рукой и повела студентов в Полярные пещеры, открытые геологами совсем недавно и оборудованные для посещения туристов лишь в прошлом году.

Полярные пещеры произвели на студентов сильное впечатление – сверкающие ледяные сосульки густо росли с потолка, а заинедевелые глыбы стояли на полу толпой снежных леших. Цветовая гамма пещеры начиналась от фиолетового и заканчивалась тёмно-красным.

Проведя студентов по подземным пустотам и рассказав всё, что она о них знала, профессор объявила:

– Лекция закончена, можете часок погулять по залам. Сбор у выхода и, пожалуйста, без опозданий! – Нджава явно заразилась озабоченностью капитана.

В каждое ответвление пещеры вела светящаяся мягким светом ровная дорожка. Никки и Джерри обошли все подземные петли и загогулины, залы и коридоры, которых было не так уж и много. В самом дальнем зале любопытная Никки заметила в стене тёмную узкую расщелину, не отмеченную на туристском плане пещеры.

– Давай заглянем? – предложила Никки.

Они сошли с дорожки и посветили фонарями в трещину – узкая, взрослый не пролезет.

Но они, конечно, протиснулись – и попали в круглую камеру с полом, засыпанным слоем розовой ледяной дребезги. С потолка свисали неустойчивые гроздья разлапистого белого инея и остроконечные прозрачно-красные сталактиты. Всё это волшебным мерцало в лучах света.

– Ух ты! – восхитилась Никки, и Джерри с ней согласился. В центре круглого зала виднелась воронка с осыпающимися краями из льдистой крошки, сужающаяся в узкий вертикальный ход. Никки посветила в него фонариком и решила, что они спокойно могут спуститься по ледяным выступам. Джерри это не понравилось:

– Мы слишком далеко уходим от основной пещеры!

Никки беззаботно отмахнулась:

– Не будь занудой. Сейчас час дня, мы можем бродить добрых тридцать минут и успеть сто раз вернуться. Лёд радиоконтакту не мешает, и заблудиться невозможно.

И девушка забралась в дыру. Юноше пришлось последовать за ней. Они быстро спустились метров на двадцать ниже основного уровня пещеры и попали в обширный подземный зал. Тут уже и Джерри сказал:

– Ух ты!

Весь зал был заполнен причудливыми ледяными глыбами – они стояли на полу, торчали из стен, свисали с потолка; гладкие тёмно-бордовые фигуры, напоминающие абстрактные скульптуры, сменялись сталагмитами в ажурном розовом инее, образующими рощицы поистине инопланетных деревьев.

Никки следила, чтобы в поле зрения видеокамеры скафандра попало всё подземное природотворчество.

В стенах зала чернело штук шесть разных ходов.

– Дальше не пойдём, – предупредил Джерри, – времени мало.

Никки согласно кивнула.

Вдруг за их спинами раздался странный шелест. Почва задрожала. Ребята оглянулись и увидели, как из расщелины, через которую они попали в зал скульптур, выплеснулась волна ледяной крошки. Несколько секунд – и узкий проход превратился в снежную осыпь.

– Проклятье! – воскликнул Джерри, подбежал к осыпи и попробовал разгрести снег. Он охотно разгребался, но на освободившееся место высыпались новые массы рыхлого льда.

– Бесполезно, – грустно сказала Никки, не трогаясь с места. – Я сенсорами вижу, что ход доверху забит снегом, который лежал на полу круглой пещеры. Видимо, ему кто-то помог ультразвуковым ножом...

– Что же нам делать? – растерянно спросил Джерри.

– Робби, связь с кораблём есть? – спросила Никки.

– Да. Звать на помощь?

– Подожди, – Никки посмотрела на часы. – Час тридцать. Через полчаса сбор на корабле. Что команда может сделать с осыпью?

– Не много, – ответил Робби. – Нужно закрепить рыхлую снежную массу в верхней пещере, потом очистить штрек. Даже с хорошей техникой здесь работы на часа три.

– Тамми, есть здесь другой выход? – Джерри указал на проёмы, темнеющие в стенах.

– Данный уровень не исследован, его карты у меня нет, – отозвался звонкий голос Тамми. – По оценкам, Полярные пещеры занимают значительные пространства, в них можно блуждать очень долго.

– Сожри меня Большая Медведица! Мы срываем старт! – затосковала Никки. – Какой позор! Больные дети будут зря ждать наш корабль...

Джерри посмотрел на опечаленное лицо девушки, видневшееся сквозь стекло шлема, и сказал:

– Сейчас что-нибудь придумаем.

Он расстегнул карман скафандра и достал оттуда три палочки причудливой волнистой формы. Конец каждой флуоресцировал своим цветом – красным, синим, жёлтым.

– Что это? – поинтересовалась Никки.

– Мини-сёрферы, – ответил Джерри. – Развитие идеи твоего Сёрфера. Я зову их крысками. Взял с собой, чтобы попробовать на льду.

Он бесцеремонно бросил палочки на пол и скомандовал:

– Поиск выхода из пещеры! Самый быстрый режим!

Ни колёс, ни ног, ни гусениц у миникиберов не было. Вдруг их волнистая поверхность дрогнула, заструилась, и сёрферы быстро бросились врассыпную, выбрав по каким-то признакам три из шести подземных ходов. Секунда – и они скрылись в темноте.

– Шустрые! – уважительно сказала Никки. – А успеют?

– Не знаю, – сказал Джерри. – Остаётся только ждать.

Но Никки не могла просто так сидеть и ждать. Она попробовала заглянуть в оставшийся без внимания крысок ход, но он быстро оборвался узкой расщелиной вниз – и ей пришлось отступить.

Первой вернулась крыска с жёлтым носом, выскочила из самого узкого хода и – ни здравствуй, ни прощай! – устремилась в следующую нору. Тамми, руководящая киберами, доложила результат разведки жёлтоносой:

– Там вам не пройти – завалено крупными глыбами.

Время мчалось быстро. Никки, чувствуя свою вину за то, что они застряли под землёй, вернее, подо льдом, нервничала всё больше. За пятнадцать минут до срока сбора на корабле в динамиках скафандров раздалось строгое приказание старпома «Марсианского орла»:

– Экскурсанты, собираемся к выходу из пещеры!

– Клянусь клыками Венеры, я сама не знаю, что сделаю с тем шутником, который нас здесь завалил! – Никки свирепела с каждой минутой.

Из темноты снова выскочил жёлтый кибер и устремился в самый последний из неисследованных лазов.

– Жёлтый нашёл лишь узкую трещину вниз, – пояснил бодрый голос Тамми.

А синяя и красная крыски всё не возвращались. Вдруг Тамми сказала:

– Связь с синим сёрфером потеряна. Или сломался, или ушёл куда-то далеко.

– Чёрт! Чёрт! – Никки ругалась и пинала смёрзшие комки снега.

– Третий час! – раздался сердитый голос старпома. – Ждём ещё двоих! Профессор Нджава, проверьте, кого нет!

У друзей упало сердце. Даже если оставшиеся крыски найдут выход, на корабль вовремя не успеть. Скандал будет наверняка, но главное – старт «Марсианского орла» срывался всё вернее и вернее.

В зал снова выскочил жёлтый минисёрфер.

– Выхода нигде нет! – отрапортовала Тамми. – Остался проход, куда ушёл красный кибер, он тянется куда-то далеко и вниз. Пещера синего кибера сомнительна – кажется, там глубокий провал.

– Пошли за красным! – решил Джерри.

Никки уныло пробормотала:

– Этот ход идёт вниз, а нам надо наверх...

Но выбора у них не было – оставался последний шанс.

Они бегом устремились в широкий проход, куда умчался полчаса назад красный кибер. Впереди них охотничьей собакой – вернее, охотничьей крысой – струился жёлтоголовый мини-сёрфер.

– Что сообщает красный?

– Он уже в километре отсюда, проход всё ещё широкий, – сказала Тамми. – Но связь вот-вот может потеряться – слишком далеко.

– В километре?! – воскликнула Никки. – Как мы оттуда вернёмся к кораблю?!

Джерри молчал.

Ход сузился и резко устремился вниз, став таким крутым, что юноша, бежавший впереди, не удержался и упал на спину. Пластиковая поверхность скафандра легко заскользила по льду, и Джерри со свистом понёсся вниз, в темноту.

– Дже-ерри! – закричала Никки и рванулась за ним. И тут же упала.

Через секунду по узкому крутому ледяному штреку неслись уже двое

живых испуганных саней. Фонари едва успевали выхватывать мелькающие снежные глыбы и сталактиты.

– Что впереди, Тамми? – крикнул Джерри, пытаясь притормозить ногами подземный полёт. Но ботинки скользили, срубая подошвой ледяную стружку.

– Пока чисто! – сообщила Тамми.

На каком-то бугре Джерри высоко подбросило и с силой ударило спиной об лёд. Превозмогая боль, юноша крикнул Никки:

– Трамплин! Подбрасывает, группируйся!

Через несколько секунд донеслось:

– Спасибо, Джерри!

Скорость скольжения всё росла. Ребят от увечий спасало только то, что ход был гладкий, видимо, вылизанный подземным ручьём.

Тамми бодро заявила:

– Согласно сообщениям красного, через двести метров будет зал, в нём нужно поворачивать вверх. Надо удержаться от дальнейшего спуска!

– Легко сказать – поворачивать вверх! – прошипел Джерри, летящий как снаряд в ледяном стволе.

– Притормози, чтобы я тебя догнала! – сквозь шорох и свист подземного безумного слалома раздалось в наушниках. Джерри постарался выполнить Никкину просьбу и через несколько секунд прочувствовал на плечах несильный удар массивных башмаков. Он схватился за них перчатками и посадил Никки себе на шею, обхватив руками её ноги. Когда-то он катал её так по пляжу... Вот бы очутиться сейчас не в ледяном марсианском подземелье, а на солнечном берегу лунного озера...

В ту же секунду их выбросило в просторный зал. Ледяной штрек превратился в широкий желоб, по которому они помчались с той же огромной скоростью. Зацепиться было совершенно не за что, ноги тщетно искали шероховатости на гладком льду, а фонари осветили впереди картину, от которой сердца обоих подростков замерли: середина ледяной дорожки, по которой они неслись, превращалась в бездонный чёрный провал. Шириной он был в метр-полтора, зато длиной в метров двадцать, и их несло по ледяному жёлобу прямо в него.

– Там глубоко! Острые камни! – крикнула Никки. – Убьёмся!

Она изогнула тело в левую сторону и крикнула Джерри:

– Ноги вправо! Тормози!

Джерри отчаянно пытался тормозить, но без всякой надежды – до провала осталось совсем немного, а скорость была головокружительная. Сама Никки даже не пробовала замедлиться, наоборот, она приняла позу

наилучшего скольжения.

Попавшийся под ботинок камень чуть не вывихнул ногу Джерри, зато чуть задержал его. И длинная, девятифутовая сцепка из двух скафандров стала разворачиваться. Джерри понял, что хочет сделать Ники, и стал тормозить ещё самоотверженнее. Следующий камень так ударил в лодыжку, что юноша взвыл от боли. Зато ребят развернуло, и они понеслись по гладкому льду боком вперёд.

И вот провал перед ними.

– Держи-ись! – крикнула Никки.

Узкая расщелина пришлась на середину их сцепленных скафандров. Голова и спина Джерри повисли над пропастью, ноги заскользили по краю трещины. Никкины плечи цеплялись за другой край, а ноги висели над пустотой, опираясь только на Джерри – и одновременно спасая его от падения.

Поодиночке они бы провалились. Но, обнявшись, они удержались за края пропасти, которая проносилась под ними – ледяная и леденящая.

И вот провал сузился и совсем закрылся. Радоваться было некогда – в следующее мгновение ребята налетели на пологий ледяной вал, и их, как щенят, разметало в разные стороны.

И бросило на твёрдую стену из льда и замороженных в него слоёв красного песка.

На такой скорости Никки и Джерри неминуемо разбились бы о прочный лёд, но им повезло – низ стены был засыпан могучим сугробом снега.

Они двумя снарядами врезались в снежную перину и пробили её метров на пять, чуть-чуть не достав до стены и едва не сломав себе шеи.

– Никки, ты жива? – с тревогой спросил Джерри, очухавшись от падения и видя за стеклом гермошлема лишь грязно-розовый иней и мелкий лёд.

– Жива! – с нервным смехом отозвалась девушка. – Вот это прокатились!

Джерри забарахтался, пытаясь разгрести руками рыхлый снег и выбраться на поверхность.

Никки сказала:

– Ты двигаешься не в ту сторону.

Джерри сменил направление, и вскоре они оба стояли в середине зала, осматривая друг друга и истерично хохоча, хотя положение было аховым.

– Мисс Гринвич! Мистер Уолкер! – кричала профессор Нджава далёким плачущим голосом, бродя по пещере. – Где вы? Никки! Джерри!

Пожалуйста, откликнитесь!

Времени – больше половины третьего. Что же делать?

Вдруг Тамми сообщила радостную новость:

– Красный нашёл выход на поверхность! Ещё пятьсот метров отсюда.

Ребята ринулись в указанный Тамми проход. Никки включила микрофон на передачу и закричала на бегу:

– Мы с Джерри возвращаемся, профессор Нджава, не волнуйтесь!

– Где вы?! Что вы делаете?! – вмешался старпом.

– Стараемся успеть к взлёту! Нам некогда говорить! – сказала Никки и отключила микрофон.

– Мы станем самыми непопулярными людьми на корабле! – сказал Джерри, задыхаясь от бега и слушая безответную ругань старпома и призывы профессора.

Они спешили изо всех сил по крутому подъёму, не обращая внимания на падения и ушибы. Жёлтая крыска уверенно бежала впереди, указывая лучший маршрут, а красный кибер сообщил, что расстояние от точки выхода на поверхность до ожидающего корабля – два километра!

– О, боги Марса! – растерянно сказала Никки, уже умирающая от того, как колото в боку. От железно-кровяного привкуса во рту тошнило. Джерри тоже был не орёл – он сильно разбил ноги и хромал всё сильнее.

Ход суживался и съёживался, и, наконец, окончился тупиком.

Сто марсианских чертей!

Тамми сказала:

– Красный выбрался в маленькую трещину. Вам придётся пробить себе дорогу.

Джерри немедленно забрался в узкий тупик, напряг мышцы – и отвалил толстый слой наста. В отверстие хлынул свет. Они выбрались на поверхность!

Но времени – три часа пять минут.

Пробежать два километра за десять минут в скафандре не может никто, даже чемпион мира, не говоря уж о смертельно усталых подростках.

Темнело. Закатное солнце уже спряталось за дымкой у горизонта, и вокруг закружились редкие крупные хлопья углекислотного снега. Приближался буран.

В хор ругающихся голосов включился сам капитан:

– Куда вы запропастились, чёрт бы вас побрал?! Я сейчас сам спущусь в пещеру и вытащу вас за шиворот!

– Капитан, мы не в пещере! – крикнула, хватая воспалённым ртом воздух, Никки.

– Не врите мне, леди! Вы оттуда не выходили – у дверей пещеры стоят мой помощник и ваш профессор!

– Я не вру! Отзывайте их на корабль и готовьтесь к взлёту. Мы спешим изо всех сил!

И её загнанный, задыхающийся голос был тому лучшим свидетельством.

– Ничего не понимаю! – ругался помощник. – Я лично обшарил всю пещеру!

– Капитан, вы можете послать за нами катер?

– Катера закреплены в шлюзах, выгрузка требует времени. Мы опаздываем! Где вы?! Что за шутки!

Джерри не вмешивался в разговор, а, выхватив из кармана моток проволоки, что-то с ней быстро делал: где-то выпрямлял, где-то сгибал. Минута – и он слепил смешные проволочные санки. Никки, приводя дыхание в порядок, пыталась успокоить разъярённого капитана.

Джерри присоединил к клеммам скафандра мягкую проволоку саней – и та мгновенно затвердела. Юноша схватил с земли жёлтую крыску и насадил её на задний конец проволочного полоза санок. Красного киберка он воткнул в другой полouz.

Потом юноша взял Никки за талию и осторожно поставил девушку на редкую сетку из проволоки.

– Крыски, вперёд! – крикнул он и побежал рядом, толкая сани-самоделки и помогая киберкам набрать скорость. Потом вскочил рядом с Никки. Сани опасно закачались, но Никки ловко восстановила равновесие.

Они утвердились на проволочной платформе и помчались к кораблю!

Время – три часа десять минут!

Углекислотные хлопья медленно кружились, крупнели и лепились на стёкла шлемов.

Крыски работали вовсю, их волнистая поверхность превратилась в туманное облачко. Лёд визжал и крошился под узкими полозьями. Сани быстро набрали максимальную скорость, и Никки закричала в микрофон:

– Капитан, мы прибываем к шлюзу через три с половиной минуты! Готовьтесь к взлёту!

Сказано было так веско и уверенно, что стало даже непонятно – кто тут капитан?!

Возле корабля стояла группа из самого командира, врача, профессора Нджавы и двух вахтенных матросов. Они смотрели в сторону пещер. В каждом иллюминаторе виднелись головы школьников – все принимали самое горячее участие в розыске пропавших.

Никки сказала:

– Капитан, мы возвращаемся с противоположной стороны!

Все обернулись и ошарашенно увидели, как в полуфуте над поверхностью ледника летят к кораблю две обнявшиеся фигуры!

Платформа из тонкой проволоки была почти не видна на фоне светлого льда, и казалось, что Никки и Джерри держатся в воздухе каким-то волшебством.

В иллюминаторах студенты восторженно махали руками, широко разевали безмолвные рты. Феерическое возвращение!

Три часа четырнадцать минут!

Капитан посмотрел на приближающихся ребят и молча устремился внутрь корабля – ругаться некогда, надо готовиться к взлёту. Группа встречающих быстро растаяла, остались только всхлипывающая профессор Нджава и вахтенный матрос, который должен был закрыть шлюз за последними пассажирами.

Никки соскочила с саней и стала успокаивать расстроенную Нджаву.

Все быстро забрались в шлюз, причём Джерри успел на ходу размягчить проволоку саней и, пока плита шлюза плавно опускалась, смотал провод в рулончик и хозяйственно спрятал в кармашек скафандра – вместе с двумя оставшимися крысками, которые громко пищали и нагло требовали подзарядки.

Шлюзовая броня уперлась в пол, отгородив темнеющее хмурое пространство, наполненное летящим снегом, и тут Тамми сказала:

– Синий кибер снаружи, в ста метрах. Через несколько секунд будет здесь.

Джерри устало махнул рукой: «Пусть пропадает!» – но Никки преисполнилась к крыскам такой симпатии, что завопила:

– Капитан, за бортом остался ценный экспериментальный робот! Пожалуйста, откройте на секунду шлюз!

В ответ из динамика раздалась ругань, которую не пристало слушать школьникам.

Матрос спросил неуверенно:

– Капитан, что мне делать?

– Не открывать! – раздался скрежещущий голос капитана. – Пассажиров – по каютам!

Но для Никки почему-то было очень важно не оставить трудолюбивое электронное создание умирать за бортом, в свирепом морозе наступающей марсианской ночи.

– Капитан, время три шестнадцать! Я не поверю, что такой опытный

командир не предусмотрел запас в несколько минут! Я вас очень прошу, капитан! Клянусь печенью Прометея, робот очень ценный – может, ценнее всего вашего чёртового корабля, дьявол вас раздери!

Никки стала ругаться убедительнее капитана! Тот так удивился, что сбавил тон и сказал:

– Йохан, открой шлюз! А то ещё иск предъявят за своего драгоценного робота!

Шлюз приоткрылся, и в щель шмыгнул карандаш с синим, будто замороженным носом.

Когда матрос увидел, что это всего лишь миниробот, то тоже стал страшно ругаться:

– Будь я проклят! Как дети! В игрушки играют, не дают работать!

Но Никки, схватив робота, уже бежала в свою каюту. Джерри хромал следом. Когда молодые люди, сбросив скафандры прямо на пол, пристёгивались к креслам, стартовый минутный отсчёт уже пошёл.

Ровно в три двадцать корабль взлетел, и Никки была совершенно уверена, что это и было запланированное время старта!

Но капитан ещё долго рычал всеми динамиками разом:

– В жизни больше не соглашусь на детский рейс! Лучше возить руду и апельсины!

Потерявшуюся крыску Никки погладила как котёнка и спросила Робби:

– Как она нас нашла?

– Видимо, провалилась в расщелину, но сумела выбраться в зону радиоконтакта, получила от другого кибера координаты найденного выхода и побежала вслед.

Девушка, придавленная ускорением взлёта, положила синюю крыску на каютный столик:

– Отдыхай, потом поболтаем.

Корабль благополучно состыковался с шаттлом скорой помощи с Фобоса, принял на борт группу попутчиков – и устремился в Луне.

На ужин Никки пришла спокойная и даже слегка улыбающаяся.

– Я жду от вас объяснений! – Голос капитана был холоднее полярного ледника и грознее марсианской бури.

Вся кают-компания застыла и попряталась головами в песок. Он был мёрзлым и царапал макушки.

– Капитан Чейз, – сказала Никки, – я проголодалась как тысяча чертей. Давайте поужинаем, а за десертом я вам всё объясню. Если вы будете

сердиться после моих объяснений, я буду весь обратный рейс дежурить на вашем камбузе или чистить гальюны. Я их отлично чищу, уверяю вас!

И Никки с отменным аппетитом навалилась на еду, оставив капитана в полном недоумении. Всё-таки космическая Маугли была ужасно непредсказуемой девицей!

Во время ужина в кают-компании тихонько плескалась испуганная тишина. Только из-за углового стола, где сидел с приятелями старый недруг Никки – маркиз Гейлорд, доносились какие-то невнятные вскрики и взвизги. Там царила лёгкая паника: еда на блюде у маркиза своевольничала вовсю! Картошка с хлопком взрывалась, разбрасывая вокруг горячие ошметки, мясо стреляло горячим паром и оказывалось смердяще горелым внутри, горошины как шрапнель решетили всех вокруг. Но странно – маркиз терпел происходящее, не возмущаясь.

Даже когда лёгкий металлический стул под ним внезапно раскалился!

Маркиз взвизгнул от боли и схватился за обожжённое место – но даже тогда – вопреки обыкновению – не ругался, никому не грозил и ничего приятелям не объяснял.

– Что это с ним? – спросил потихоньку Джерри у Тамми, наблюдая приплясывание маркиза за соседним столом. Тамми объяснила:

– Наказание за гнусную шутку. В скафандре маркиза батареи ультразвукового ножа оказались разряжены. Для Робби и Никки обнаружить это – пара пустяков.

Сыто откинувшись на спинку кресла и налив себе третью чашку кофе, Никки сделала приглашающий знак Джерри. Тот, недоумённый, подошёл, а через секунду робот притащил ему стул.

– Садись, Джерри, я приглашаю тебя от имени капитана за его стол, – сказала Никки. – Ты сегодня это заслужил!

Капитан, слегка оттаявший за сытным ужином, снова посуровел. Вопиющее превышение полномочий пассажиром!

А Никки сразу взяла марсианского быка за острые рога:

– В пещере мы с Джерри забрались в один зал вне маршрута – посмотреть красивые сталактиты, а кое-кто решил пошутить и обрушил за нами снежную лавину.

– Что?! – расвирепел капитан и бросил огненный взгляд на профессора Нджаву. – Хороши ваши студенты, профессор!

– Мы могли позвать на помощь, но вы не успели бы откопать нас вовремя. Поэтому мы стали искать выход наверх с помощью экспериментальных киберов... – и Никки выложила на стол крыску с синим носом. – Благодаря этим симпатягам и их конструктору Джерри мы

успели к старту, хотя и с большим трудом!

– Принцип движения придумала Никки, – пробормотал Джерри.

– Профессор, – капитан стремительно повернулся всем корпусом к Нджаве. – Я требую немедленного расследования и наказания виновных: одни отклоняются от маршрута экскурсии, другие засыпают их лавиной. Только Плутон знает, что творится среди ваших школьников!

Кают-компания сидела безмолвная и была совершенно ни при чём.

– Тихо! – бесцеремонно сказала Никки. – Это всё ерунда. Самое интересное впереди. Вот эта крыска... – она указала на синий минисёрфер, которому надоело сидеть на одном месте, и он принялся шнырять между тарелками и чашками, исследуя самые интересные предметы, – ... провалилась в трещину на полкилометра в глубь ледника и смотрите, что она там нашла!

И Никки нарочито медленно полезла в карман комбинезона. Все шеи в кают-компании вытянулись сначала на полметра, потом на метр, а через несколько секунд плотная толпа окружила стол капитана.

– Выключите свет! – приказала Никки. Нет, в конце концов, кто тут капитан?! Но свет погас.

Девушка достала из кармана и положила на стол стеклянный цилиндрик поменьше напёрстка.

И все хором сказали что-то вроде:

– Ухтычертпоберикакаяштука!!!

Прозрачная капсула светилась ярким зелёным огнём. Он не был постоянным, а мерцал, закручивался в крохотные спирали, вспыхивал бело-зелёными звёздами.

– Что это? – спросил поражённый капитан.

– Капсула снаружи простерилизована роботом, и я не открывала её. Это небезопасно и для содержимого, и для нас, – сказала Никки. – Поэтому ничего не могу утверждать с полной достоверностью, но, по данным моих сенсоров, – это светящиеся микроорганизмы. Кибер провалился в подлёдное озеро, обогреваемое подземными источниками тепла. Такие водоёмы есть и под Антарктидой...

Нет, не зря профессор Тур обучала географии эту Маугли!

– ...а в подлёдной тёплой воде древняя жизнь вполне могла сохраниться. Кибер упал в такое озеро, взял пробу воды и сумел вернуться.

Все загудели и загалдели.

– Жизнь на Марсе? Живые микроорганизмы? – воскликнул корабельный врач. – Это же сенсация! Да учёные за такое открытие будут носить нас на руках вместе с кораблём, клянусь орбитой Харона!

– Хм-м... – удивлённо протянул капитан, глядя, как на его столе пульсирует и резвится живой зелёный огонёк. – Значит, я вожу не просто каботажник, а научный экспедиционный корабль? Детский научный корабль? Хм-м...

Когда свет зажёгся, капитан Чейз нашёл вокруг стола не только всех пассажиров – за исключением пары младенцев, спящих в каютах, – но и всю свою команду. С раскрытыми ртами.

Капитан нацелил строгий взгляд в вахтенного матроса Йохана и сказал ему укоризненно:

– А ты хотел такого ценного робота оставить за бортом!

Йохан только глазами захлопал, но начальству перечить не стал. Капитан же довольно погладил аккуратные усы – и не пожалел почтовой ракеты.

А про галюн и камбуз больше не вспоминал.

Крохотный кораблик полыхнул кормовой дюзой и отправился с драгоценной посылкой назад – по адресу: «МарсоИнститут, Тобеа и Нату Микишам».

– Мозолистая пятка Меркурия! – озабоченно сказала Никки. – Совсем забыла: надо было положить туда и валерьянки, а то как бы Микиши не слишком разволновались от такого подарка. Они так мечтали найти жизнь на Марсе... но только не людей.

– Переживут! – уверенно сказал Джерри. – От счастья умирают на удивление редко.

Глава 13

Цена подлости

К середине января Колледж опустел – студенты разлетелись на зимние каникулы. Школьники наслаждались отдыхом в семейном кругу, а Джерри и Никки добровольными каторжниками работали в Гринвич-Центре. У юной королевы дел было выше головы, да и Джерри, не покладая рук и головы, изучал теорию своего отца.

Утром, когда юноша уже собрался уходить на завтрак, тренькнул внешний вызов.

На экране появилась женщина – симпатичная, черноволосая, с приветливой улыбкой.

– Джеральд, я советник издательства «Мировая социология», выпустившего книгу вашего отца «Битва за историю», – сообщила брюнетка. – Рада вам сообщить, что на счету Михаэля Уолкера накопилась изрядная сумма гонораров за дополнительные тиражи книги, и мы высылаем чек вам как единственному наследнику.

– Спасибо! – обрадовался Джерри. Деньги ему никак не помешают, но главное – это *деньги отца*. Словно письмо или рукопожатие.

– Главный редактор просил меня узнать, не нужно ли вам помочь разобрать отцовский архив и его неопубликованные работы?

Джерри насторожился.

– У меня нет неопубликованных работ отца... От его научного архива ничего не осталось, когда обсерватория погибла.

Он сказал и с ужасом понял, что если его речь сейчас анализируется детектором лжи, то красного цвета не избежать!

Издательская дама не отступала:

– Джеральд, ваш отец был выдающимся учёным, и любые его заметки вызовут большой интерес у общественности. Мы были бы рады опубликовать его оставшиеся работы. Это ваш долг – максимально сохранить научное наследие отца. Любой учёный хочет, чтобы его труд не пропал зря. Вы можете посоветоваться по этому вопросу с профессором Тхимсотом – он видный социолог и может подтвердить важность работ Михаэля Уолкера.

– Обсерватория погибла, когда я был в отъезде...

– Джерри, – голос женщины становился всё мягче и всё настойчивее. – Я уполномочена обсудить крупный аванс за эксклюзивное право

публикации архива вашего отца. Это большие деньги, которые помогут вам в жизни. Как наследник, вы имеете полное право на них.

Женщина ещё долго уговаривала Джерри, но тот старался отделяться неопределённым хмыканьем и междометиями.

– Извините, мне нечего больше вам сказать, – и юноша закончил опасный разговор.

После подозрительного звонка Джерри с ещё большим рвением взялся за книгу отца. Он погружался в глубины социоматематики и компьютерных миромоделей, но их сложность приводила его в отчаяние. Математический уровень книги был рассчитан на опытных профессионалов, а Джерри никак не мог найти популярного введения в социомоделирование. Возможно, через Сеть он мог бы разыскать простую компиляцию на нужную тему, но сетевую активность легко отследить. Если бы сын Михаэля Уолкера стал интересоваться социоматематикой во вполне определённой области, это могло бы кое-кого встревожить, чего допустить было нельзя.

Поэтому он решил воспользоваться библиотекой Колледжа, хранящей огромное количество старинных бумажных фолиантов и современных пластиковых книг.

В воздухе главного библиотечного зала светилося:

«Люди перестают мыслить, когда перестают читать. Дени Дидро».

Подойдя к стеллажу социоматематики, юноша растерянно обвёл глазами тысячи книг, образующих плотную и высокую стену.

– Что ищете, молодой человек?

Джерри обернулся. Перед ним стояла пожилая женщина с нимбом лёгких седых волос и приветливо улыбалась. Колледжский библиотекарь Валентина была достопримечательностью Колледжа – она официально являлась его самым долгоработающим сотрудником и даже помнила времена, когда нынешний директор Милич допоздна сидел в библиотеке, пытаясь сдать в срок очередной трудный реферат по теории групп и аффинным пространствам.

– Мне нужно что-нибудь полегче по социоматематике... – сказал с затруднением Джерри.

– Подумаем вместе, – кивнула Валентина. – Реферат по программе?

– Нет, – отрицательно кивнул Джерри. – Это вне школьного курса.

– Хм, интересно... – Валентина прищурила серые глаза. – Абстрактная общественная топология? Региональные экономические модели? Решение дифференциальных социоуравнений?

Джерри замялся. Если он сейчас скажет ей правду, а завтра кто-нибудь начнёт расспрашивать библиотекаря, какими книгами интересовался

младший Уолкер?

Он посмотрел в глаза Валентине и решился.

– Обещаете никому не говорить, что я искал?

– Какая-то игра с друзьями? – подняла брови библиотекарь.

– Нет, – помотал головой Джерри. – Можете считать меня болезненно скрытным человеком, но никому говорить нельзя – даже преподавателям.

Валентина внимательно посмотрела на взволнованного юношу, пожала плечами и кивнула:

– Хорошо, обещаю.

Джерри сказал:

– Мне нужны книги по мировому социальному моделированию. Не популярные, но достаточно простые, чтобы я смог одолеть. После их чтения я должен понимать профессиональный уровень трудов по метамоделированию.

– Какой необычный заказ... простые введения в социальное метамоделирование... – Валентина медленно двинулась вдоль полок, скользя по ним цепким взглядом. Вскоре она вернулась, держа в руках тонкую белую книгу, толстую в зелёной крепкой корке и чёрно-красный том, тоже толстяк, но в мягкой обложке.

– Начнёте отсюда, – подняла она белую книжку. – В детали вникать не надо – они устарели. Разберитесь с общими принципами.

– Потом этот учебник, – указала она на зелёную книгу. – Самые важные для вас – первые три главы и последняя, где излагается метамоделирование на основе матриц Василия Леонтьева.

– В конце вам придётся одолеть сборник статей, – кивнула Валентина на том в мягкой обложке. – Сами разберётесь, что там относится к вашей задаче.

Джерри взял в руки белую нетолстую книгу в уже пожелтевшей обложке.

– Это старая, но важная монография Форрестера по математическому социомоделированию, – сказала библиотекарь.

У юноши ёкнуло сердце: он вспомнил, что такая же бумажная книга стояла в библиотеке отца в их вирджинском доме. Джерри с трепетом посмотрел на титульный лист книги и сразу закрыл её – эта точно подходит. Отцовская рекомендация.

Зелёный учебник для университетов был приемлем по стилю изложения – авторы не злоупотребляли абстрактным языком, детально комментировали все выкладки и основные идеи, и Джерри решил, что сможет разобраться.

Сборник оказался близок к уровню, на котором была написана книга отца. В статьях сложные вопросы рассматривались спорящими авторами с разных точек зрения. «Хорошо, – подумал юноша, – это всегда помогает разобраться в сути проблемы».

– Всё подходит, огромное спасибо! – с радостью сказал Джерри, поняв, что именно таких книг ему не хватало.

Валентина довольно улыбнулась.

– Не отмечайте эти книги в моём файле! – попросил юноша.

Библиотекарь, привыкшая к педантичности в обращении с книгами, в затруднении покачала головой, а потом приглашающе махнула рукой и отправилась в глубь полок.

Джерри шёл за Валентиной вдоль стеллажей с десятками тысяч томов, и вокруг него витал аромат старых книг, отзвук миллионов слов, мыслей и судеб. Ему даже послышался какой-то многоголосый ободряющий шепот, наполняющий гулкое пространство библиотеки.

Юноша прихрамывал и еле успевал за подвижной старушкой – его правая лодыжка ещё помнила приключение в ледяной марсианской пещере и мстительно ворчала на любую повышенную скорость.

Они подошли к хромированному агрегату, и Валентина загрузила в него книги, найденные для Джерри. Аппарат загудел и замигал.

Через несколько минут юноша получил свои книги и увидел точно такие же в руках библиотекаря. Он всмотрелся внимательнее и понял, что держит в руках копии – даже с пожелтевшими пятнами на обложке одной из них, только обложки всех трёх томов стали одинаково твёрдыми.

– Теперь это ваши личные книги, – сказала библиотекарь. – И должна отметить, что вы очень таинственный молодой человек.

– Но вы выполните мою просьбу – никому не говорить? – не удержался Джерри.

Валентина обвела тонкой рукой вокруг и грустно улыбнулась:

– В окружении такого количества умных и честных книг я давно разучилась обманывать и поступать мелко... И это очень усложняет мою жизнь, молодой человек!

У Джерри отлегло от сердца.

С книгами-помощниками работа пошла быстрее: юноша прорвался сквозь главный барьер сложности и понял основной принцип расчёта. Уолкер-старший составил систему социоуравнений, потом провёл их линеаризацию. Эта процедура превратила дифференциальные уравнения в алгебраические. Анализ чудовищной по размерам матрицы коэффициентов

этих уравнений давал полную картину точек неустойчивости социосистемы и ожидаемые траектории истории.

Джерри с удивлением узнал в работе отца знакомый математический приём:

– Я применял аналогичный подход для изучения неустойчивостей колец Сатурна в курсовой на первом году Колледжа!

Но Тамми не удивилась:

– Ничего необычного – математике всё равно, что описывать: поведение снежных частиц в кольцах, поток товаров в экономике или взаимодействия людских подмножеств в социуме. Главное – суметь правильно применить эту всемогущую парадигму строгости и найти уравнения, которым подчиняется система.

– Это для твоих кристаллических мозгов здесь ничего удивительного. А меня часто поражает – как математика, придуманная людьми, способна правильно описать столько разнообразных природных процессов.

– Кристаллизуй свои мозги, человек! Ты уже не обезьяна и должен учиться мыслить логически.

– Выключу! – пригрозил Джерри нахалке.

Неразгаданного в книге оставалось всё меньше и меньше. Джерри изучил полученную отцом полную систему уравнений социодинамики человечества, её частные решения и вытекающие из них прогнозы будущего.

Очень помогла программа визуализации математических решений, которую подарила Юлия. С её помощью Джерри попадал в виртуальное пространство будущего, в котором запретные области высились заоблачными пиками, а оптимальные социорешения выглядели долинами или пологими перевалами.

Джерри часами бродил по горным хребтам и ущельям ожидаемого будущего; когда он останавливался возле особенно крутой стенки или развилки долин, то программа послушно объясняла, с какими особенностями исходных уравнений они связаны.

Самая длинная и крутая стена отражала лимитированность природных ресурсов, и вокруг неё нужно было искать обход. Одна из магистральных развилок будущего соответствовала выбору стратегии освоения космоса – левый каньон вёл в мир, где космические поселки росли и становились независимыми анклавами цивилизации. Более мелкий правый рукав долины приводил к будущему, где космические базы полностью подчинялись задаче снабжения Земли ресурсами. Рано или поздно правая долина понижалась и упиралась в тупиковую яму, зажатую со всех сторон

барьером перенаселённости планеты. Впрочем, выход из него был – в виде узкой мрачной расщелины глобального экологического кризиса, от которого вымирало большинство землян.

– Тамми, я думаю, что для точности предсказаний будущего должны меняться не только коэффициенты, но и сам вид социоуравнений. Те уравнения, которые отец обсуждал в книге, были оптимальны несколько лет назад. Сейчас их нужно подкорректировать, например, с учётом появления новой династии Гринвич со своими политическими интересами. Старые формулы дадут лишь приближённое решение.

– Согласна, Джерри. Эти уравнения нужно находить заново для каждой точки истории со своим раскладом социальных сил.

– Но как получить улучшенные формулы? В книге про это ничего не написано. Неужели отец нигде не изложил методику вывода социоуравнений?

Тамми прокопала весь кристалл, нашла и с торжеством преподнесла Джерри засекреченный файл.

– Что за файл? – не понял Джерри.

– Не знаю, – бодро ответила Тамми, – он же зашифрованный, и я никак не могу подобрать к нему ключ. Судя по уровню защиты, там должно быть что-то очень важное – похоже, именно отсутствующая в книге часть. Подумай, что мог твой отец выбрать в качестве ключа? Это может быть текст, звуковая дорожка или изображение.

Джерри сразу вспомнил медальон.

И вот на экране замахала рукой красивая стройная женщина:

– Майк, ты меня слышишь?

Она засмеялась и сказала:

– Веди себя хорошо и поскорее возвращайся назад, мне очень одиноко без тебя!

Джерри чуть не закричал от тоски, глядя на лицо матери. Тамми хладнокровно стала анализировать отдельные кадры записи, используя их как ключ.

Через час Тамми объявила и без того грустному юноше:

– Не получается: ни один кадр не подходит.

Джерри расстроился ещё больше – он был уверен, что изображение на медальоне сработает. И вспомнил: у отца, который был неплохим фотохудожником, над столом висел ряд фотографий матери. Каждое изображение немного отличалось от предыдущего, и в сумме они давали ощущение живого движения.

– Попробуй в качестве ключа не отдельные кадры, а весь видеоряд, –

сказал юноша. – И звуковую дорожку тоже.

Проверка заняла заметно больше времени, но его течения Джерри не заметил, погружённый в радостно-печальные воспоминания о детстве, когда он жил с родителями в небольшом лесном доме и весь мир состоял из удивительных открытий: стоило выйти за порог, как навстречу выпархивала сойка с крыльями, отороченными свежей голубизной; приветственно взмахивала красная ветка клёна; величественный ястреб ронял с высоты пёстро-коричневое футовое перо; паук хвастался геометрическим совершенством паутины; олень щедро дарил ветвистый рог, а крупный, длиной в ладонь, зелёный богомол позволял рассмотреть свои зубастые лапы-ножницы.

Тамми прервала поток воспоминаний. Идея Джерри сработала.

Тайник открылся, и даже из беглого просмотра стало понятно – в файле содержится аккуратно изложенная методика получения оптимальных уравнений социопрогноза для любого момента истории человечества.

Взволнованный Джерри хотел позвонить Никки, но решил, что это не т-фонный разговор, и отправился к ней сам.

Он нашёл Никки в её комнате, за рабочим столом. Лицо девушки было бледным и усталым.

– У нас есть все нужные уравнения для расчёта будущего, – сообщил юноша. – Дел осталось ещё много, но главное мы с Тамми уже раскопали.

Обрадованная Никки крепко обняла Джерри. Так обнимаются не влюблённые молодые люди, а счастливые альпинисты, добравшиеся до трудной вершины.

Девушка посмотрела на друга сияющими глазами.

– Сейчас мы взнуздаем историю и пришпорим её! – сказала она. – Хватит ей шарахаться в подлых и неумелых руках. Она полетит у нас как птица!

Джерри улыбнулся в ответ, но через мгновение снова посерьёзnel.

– Ты должна прочитать кое-что. Это было в том же зашифрованном блоке.

Он положил кубик памяти на ввод монитора, и на нём появилось:

Эта история не должна умереть вместе со мной.

Она началась более двадцати лет назад. Я ещё не закончил университет, но мне уже предложили отличную работу в Дарнеги-центре, который занимался математической демографией и социологией и финансировался фондом какого-то мецената. Не работа, а мечта – интересные фундаментальные

темы, никакого преподавания или прикладных исследований.

– Что это? – спросила Никки.

– Незаконченное письмо отца ко мне, – тихо сказал Джерри.

Группа Дарнеги-центра разработала уникальную модель социопрогнозирования, которая заглядывала в будущее примерно на тридцать лет, после чего теряла надёжность.

Я взялся за проблему – как на основании этой модели вычислить технологии, важные для будущего. Речь шла не только о реализованных технологиях, но и о потенциальных, идеи которых были лишь опубликованы в статье или патенте.

Увлекательная задача – указать на малоизвестные, но ценные идеи, которые нуждаются в поддержке. Учёные получили бы надёжный способ определения перспективности своих работ.

Я разрабатывал программу оценки перспективных технологий шесть лет. Ещё два года самый мощный компьютер Дарнеги-центра анализировал всемирный банк данных научных и технических публикаций. К сожалению, удалось сделать немного – краткосрочная и неточная модель социопрогноза накладывала слишком сильные ограничения. Предсказание могло охватить не более 70 % технологий 3-го уровня. Но всё-таки удалось составить список восьмидесяти восьми технологий, которые я назвал бифуркационными. Программа определила не только технологии, но и – в случае уже опубликованных работ – людей, которые являлись ключевыми фигурами для данных открытий.

Никки ахнула и посмотрела на Джерри. Тот стоял и, хмурясь, читал письмо отца.

В это время Дарнеги-центр перешёл под управление корпорации «ЗороастрИнк» – попросту был ею куплен. Мне это не казалось существенным – я был учёным, и организационные дела института меня не интересовали.

Но «ЗороастрИнк» стала активно вмешиваться в дела центра: часть проектов была закрыта, а ряд программ, наоборот, получил дополнительное финансирование.

Моя тема была одобрена. Более того, список-88 вызвал бурную реакцию среди руководства «ЗороастрИнк» и был

засекречен – вопреки моему мнению. Оказалось, что, согласно закону и условиям продажи Дарнеги-центра, все результаты, полученные в центре, являются собственностью «ЗороастрИнк».

Мне предложили заняться улучшением списка-88. Но я уклонился, объяснив, что серьёзное усовершенствование списка бифуркационных технологий невозможно без кардинального улучшения модели социопрогноза. Мне разрешили работать над этой сложной и малообещающей – именно из-за своей сложности – задачей. Я был доволен, что ушёл от закрытой и ставшей прикладной темы в фундаментальную и незасекреченную – потому что до практических результатов было ещё очень далеко.

Я разрабатывал матаппарат социомоделирования десять лет – и доказал, что существующий прогноз можно сделать математически более совершенным. Эти изящные результаты составили книгу «Битва за историю», которая получила некоторую известность в кругах специалистов. Конечно, эту работу я собирался продолжить и в будущем.

Но произошли важные события, которые мне помешали.

Приятель, который продолжал заниматься улучшением списка-88, по секрету сообщил мне поразительную новость. Его группа всё время отслеживала новые идеи и технологии, и хотя общее число бифуркационных технологий не изменялось, но различные позиции в нём перемещались и даже заменялись на новые. В последней версии списка-88 фигурировало и моё имя – явно из-за моих результатов в области математического социомоделирования. Друг предупредил, что из-за попадания в новый список я стану объектом повышенного интереса со стороны руководства «ЗороастрИнк».

Так и произошло: мне предложили возглавить секретный проект по созданию социомодели нового поколения. Величина обещанной зарплаты настораживала.

Я тянул с ответом – мне не нравились порядки в «ЗороастрИнк». Хотя я привык к Дарнеги-центру, но у меня возникла мысль о переходе в другой институт. Я взял длительный отпуск и стал работать над базисными уравнениями социоэволюции дома, тем самым делая их своей интеллектуальной собственностью.

Одновременно мне захотелось поближе узнать людей, которые попали в список-88. Лишь два человека добавились в

него за последние годы – я и геолог из МарсоИнститута. Я задался вопросом: почему из списка-88 выбыли люди, чьё место заняли двое новичков? И я с ужасом обнаружил, что оба выбывших из списка были убиты. Геолог вскоре пропал без вести. Их смерти порознь можно было бы счесть случайными, если бы не список-88, объединивший их. Я порылся в информационных сетях – и обнаружил, что гибель этих людей была неслучайной с довольно высокой вероятностью. Для полиции это не было уликой, но для меня стало серьёзным подозрением, что список-88 несёт повышенную опасность для тех, кто в него попал.

– О каких людях он говорит? – спросила Никки.

– О Бенджамене Ферри, создателе универсальной вакцины – она так и не была разработана, – и Джеймсе Сороше, компьютерном гении, который развивал новые принципы работы киберинтеллекта. Я не могу уверенно сказать, из-за какой конкретно работы он попал в список. Но понятно, почему он был убит – он был слишком независим, чтобы работать на любого босса. За последующие три года были убиты ещё пятеро из списка-88... включая моего отца...

Я решил уйти из «ЗороастрИнк». Меня уговаривали остаться – причём делали это с таким напором, что моё желание покинуть центр лишь окрепло. Ряд университетов и компаний уже пригласили меня на работу, и я покинул Дарнеги-центр, где проработал восемнадцать лет. Через неделю на мой автомобиль налетел кибер-грузовик, потерявший управление. Натали погибла, я получил множественные переломы, но выжил.

Никки перевела расширенные глаза на друга. Он не отрывал взгляда от экрана, и в его глазах горел мрачный огонь.

Выбравшись из больницы и убедившись в неспособности полиции раскрыть убийство Натали, я немедленно улетел на Луну – на самую глухую обсерваторию, объявив о прекращении занятий социологией. Вопрос о продолжении научной работы не стоял, мне нужно было спасать сына.

На Луне я продолжал работу – в полной тайне и в отрыве от коллег. Мне удалось создать совершенно новую математическую

модель социопрогнозирования. По моим оценкам, такая модель позволит заглянуть в будущее на сто пятьдесят лет и составить список около трёхсот наиболее важных технологий, включая практически все идеи 4-го уровня.

Но на обсерватории, без мощного компьютера, я не могу создать работающую социомодель. И самое главное: мир разделен на два конкурирующих аттрактора цивилизационного влияния. Если любой из этих центров заполучит методику управления будущим, то он захочет изменить его в свою пользу, что приведёт к монополии на власть и мировой диктатуре.

Поэтому моя новая книга остаётся в секрете. Мне дорого обошлось нежелание делиться полученными результатами. Как быстро другие исследователи получают мировые социоуравнения независимо от меня? Не знаю. Уничтожить свою работу я тоже не вправе, – тогда может исчезнуть тот малый шанс на спасение человечества, который заключается в том, что третья, более объективная сила, возьмёт мою методику в руки и сумеет реализовать будущее, благоприятное для всех людей.

Откуда возьмётся эта третья сила? Как она сумеет ужиться с двумя уже имеющимися полюсами политической силы?

Я не знаю.

Сумеет ли она найти «решение положительного будущего»? Сумеет ли создать условия, необходимые для спасения нашего мира?

Я не знаю.

Эти мысли гнетут меня постоянно. В доме мудрого много печали.

Мы подошли вплотную к критической точке, за которой простирается море глобальных кризисов и чёрной ненависти. Мои уравнения – лишь проект тонкого моста над бездной. Кто-то должен построить его. Кто? Как?

Не знаю. Не знаю.

Среди возможных будущих дорог все идут вниз – в пропасть – и лишь одна карабкается вверх.

Эта узкая дорога – единственная наша надежда.

На этом файл заканчивался.

– Сто пятьдесят лет и триста технологий! – воскликнула Никки. – Твой отец просто гений. Не зря он попал в список-88.

– Ты понимаешь, что означает это письмо? – спросил угрюмый Джерри. – Именно отец составил список-88, который погубил его самого и маму, а также других людей, включая Юра Торага, марсианского геолога. И твоих родителей тоже...

Никки нахмурилась и сказала:

– Я не считаю, что твой отец несёт ответственность за эти смерти. Список можно было использовать во благо, а можно было – во зло. Только на «ЗороастрИнк», а вернее, на её тайном владельце, лежит ответственность за гибель и наших родителей, и остальных учёных...

– Но если бы не этот проклятый список, мои и твои родители были бы живы...

– Ты не должен так думать, Джерри...

Юноша вздохнул:

– Знаешь, кто является третьей силой, о которой думал отец?

– Нет.

– Ты.

– Глупости.

– Не трусь, тебе всё равно деваться некуда. – Джерри продолжал хмуриться.

– Не верю. В любом случае – не «я», а «мы»... – И Никки тоже нахмурилась.

Между нами говоря, ничего хорошего в том, чтобы быть мировой силой, нет.

Среди содержимого кристалла, найденного в медальоне, оказались семейные фотографии, деловые письма, а также наброски работ, которые когда-то отец Джерри планировал завершить и опубликовать, но, когда со смертью жены размеренная жизнь учёного рухнула, эти мысли так и остались в виде кусочков. Юноша внимательно и взволнованно перебирал всё, что когда-то принадлежало отцу, а теперь оказалось, как это ни больно осознавать, исключительно в Джерриной собственности и ответственности.

Один из отцовских файлов особенно заинтересовал юношу. Там отец вёл хронику текущей работы. Он внимательно следил за мировыми событиями, надиктовывал компьютеру соображения, приходящие в голову, упоминал свои наблюдения в полярной обсерватории.

Джерри долго брёл по скупому дневнику отцовской жизни, редко оживлявшейся звонками друзей и прилётами почтовой ракеты.

В конце файла обнаружилась запись видеозвонка... от профессора Тхимсота! Всего за три месяца до гибели обсерватории.

Оказывается, отец и Тхимсот действительно хорошо знали друг друга и даже работали вместе в Дарнеги-центре.

Позвонив, Тхимсот разлился соловьём о том, как он рад видеть старого друга, который стал отшельником и не звонит коллегам-социоматематикам.

– Я уже не занимаюсь социоматематикой, – сказал прохладно отец.

– Зато она продолжает заниматься мной! Я не могу с ней так легко расстаться, она всё ещё меня кормит, – сказал со смешком Тхимсот. – Мне позарез нужна твоя консультация. Вопрос жизни и смерти! Помоги, пожалуйста.

Отец пожал плечами:

– Какой от меня прок? Я давно не слежу за научными новостями...

– Ну-ну, не скромничай, – засмеялся Тхимсот и блеснул очками со спрятанными за ними глазами неуловимого цвета. Он заговорил с отцом о своём последнем проекте, о тех трудностях, которые они испытывают при составлении и решении социоуравнений для хаотических общественных систем.

Отец слушал заинтересованно, хотя комментировал кратко. Но постепенно он увлёкся, и разговор принял более оживлённый характер. Отец был учёным, которому не давали заниматься делом его жизни, любимой научной темой, – как тут удержаться и не разговориться с давним соавтором и коллегой, вывалившим ворох последних новостей?

Они дружески болтали больше часа. Джерри заметил, что, начав с одного проекта, Тхимсот затронул ещё несколько научных проблем, интересуясь, что отец думает про этот странный аттрактор в пространстве социального статуса... а вот здесь обнаружился совершенно загадочный субгармонический каскад в последствиях экономического роста...

Внимательно следящему за разговором Джерри показалось, что Тхимсота волнуют не столько обсуждаемые темы, сколько отцовские комментарии к ним.

Разговор закончился тем, что отец сказал:

– Извини, мне нужно накормить сына обедом.

– Да-да, конечно, – спохватился Тхимсот. – Прости, что отнял у тебя так много времени... Слушай, ты мне здорово помог! Я у тебя в долгу и готов заплатить тебе за консультацию – у меня есть грант по этой теме.

– Нет, – категорично сказал отец. – Я не занимаюсь социоматематикой, и никаких денег за неё мне не нужно.

И разговор закончился. У Джерри мелькнула грустная мысль: «Я многое бы отдал, чтобы ещё раз попасть на *тот* обед с отцом...»

Юноша перевёл дух и спросил Тамми:

– Что ты думаешь?

Звонкий девчоночий голос сказал:

– Тхимсот – тёмный тип, явно себе на уме. Профессор не врал напрямую, но его занимало в разговоре что-то ещё, кроме научной консультации. Возможно, он интересовался вовлечением Михаэля Уолкера в свой проект и зондировал – готов ли твой отец вернуться в науку.

– Тогда нам нужно откровенно поговорить с профессором Тхимсотом! – решительно сказал Джерри. – А пока копнём его поглубже...

Юноша зашёл в Сеть, вызвал на экран биографию Тхимсота – и сразу наткнулся на строчку в резюме преподавателя: ещё совсем недавно профессор работал в корпорации... «ЗороастрИнк»! И до сих пор остаётся её консультантом.

А именно «ЗороастрИнк» имеет прямое отношение к смерти родителей!

Джерри вскочил на ноги и нервно зашагал по комнате.

Тамми порылась по тайным углам Инета и заявила, что корпорация «ЗороастрИнк» – замаскированная собственность династии Дитбитов.

Кусочки головоломки стали складываться в одну картину.

– Как ты узнала про принадлежность «ЗороастрИнк»? Робби не мог найти её хозяев.

– Он слишком старомоден в способах добычи информации, – сказал девчоночий голос. – А я постоянно вращаюсь в Сетевом обществе секретарш и референтов. Жуткие болтуны. Кладёшь полезной информации.

– Твои сетевые собеседники знают, что ты – кибер?

– Нет, конечно. Я выдаю себя за секретаршу некоего могущественного принца. Я не уточняю деталей, чтобы не ограничивать фантазию собеседника. Вы, люди, как дети – так радостно заблуждаетесь.

– Хм... Секретарша принца? Интересная у тебя, должно быть, работа.

Разговор с профессором Тхимсотом произошёл не в аудитории или коридоре Колледжа. Джерри позвонил профессору из кабинета Никки в Гринвич-Центре, и все аналитические киберсистемы были насторожены заранее.

– Профессор, я хочу поговорить с вами, – сказал Джерри.

– Слушаю вас, Джеральд, – вежливо ответил профессор Тхимсот, сидящий в своём колледжском кабинете. По стенам были развешены цветные плакаты с многомерными поверхностями, в которых Джерри узнал решения базисных социоуравнений.

– Вы говорили, что хорошо знали моего отца – Михаэля Уолкера?

– Да, – наклонил голову Тхимсот, – мы были даже соавторами в двух статьях. Это был великий учёный, и я скорблю вместе с вами о его безвременной кончине...

Сигналы правдивости на пульте экспресс-анализатора горели зелёным, но в конце странно мигнули.

– Когда в последний раз вы видели отца или разговаривали с ним? – спросил Джерри, и суровые интонации его вопроса явно вышли за рамки беседы студента с профессором.

Тхимсот это почувствовал, напрягся, но ответил:

– Я звонил ему за несколько месяцев до того ужасного случая, и он мне помог разобраться в паре сложных вопросов...

Зелёные огоньки затрепетали заметно сильнее и отдали желтизной.

– У вас не сохранилась запись той беседы?

Тхимсот с облегчением перевёл дух и сказал:

– Нет, не сохранилась.

Анализаторы вспыхнули красным. Враньё!

Глаза Джерри ответно загорелись гневом, и юноша прямо спросил:

– Вы докладывали руководству «ЗороастрИнк» о разговоре с моим отцом? И что он не прекратил занятий социомоделированием?

Профессор окаменел. Он собирался с мыслями заметно дольше, чем того требовали обычные обстоятельства, но не нашёл ничего лучшего, как дрожащим голосом произнести:

– Что вы такое говорите, мой мальчик? Я никому ничего не докладывал!

Красные огни.

Джерри побледнел. Его кулаки были сжаты до синевы, и он сдерживался из последних сил.

– Вы понимаете, что ваш шпионский доклад привёл к смерти отца?

Социолог хватал ртом воздух и не мог вымолвить ни слова.

– На ваших руках кровь моего отца... Мама, наверное, тоже жертва вашей подлости...

Тхимсот так испугался выражения лица юноши, что обрёл голос и заверещал:

– Я ничего не знал, я никого не убивал, я просто учёный!

– Не смейте поганить это слово! – рявкнул Джерри. – Учёный – человек чести. После первой сделки с совестью вы должны перестать называть себя учёным.

– Вы ошибаетесь! Неправильно интерпретируете!

– И вы осмелились выражать скорбь... – брезгливо сказал юноша. –

Подлец! Как соучастник убийства, вы заслуживаете наивысшего наказания. Я вывешиваю в Сети анонимный миллионный контракт на вашу жизнь. Тамми, как долго живёт субъект такого контракта?

– Специфическая область знаний. Дайте проверить... Не больше трёх недель.

– Никки, одолжишь мне миллион? – обратился Джерри к Никки, невидимой для Тхимсота.

– Конечно, одолжу – для справедливого дела не жалко...

– Нет! Не делайте этого! – завопил профессор. – Я скажу всю правду! Да, мне велели поговорить с вашим отцом, но я думал, что его хотят пригласить на работу! Я не знал, что его убьют! После этого случая я ушёл из корпорации!

– И остались её консультантом, – сказал Джерри.

– Я вас уверяю, что в момент разговора с вашим отцом я не знал, что это приведёт к таким ужасным последствиям!

Слабые мерцающие зелёные огни.

– Но потом вы обо всём догадались – почему не заявили в полицию? Почему не рассказали мне за полгода пребывания в Колледже? Может, вы и сейчас шпионите по указке своих хозяев – только уже за мной? Разнюхиваете – не осталось ли чего у меня? Теперь вы заплатите за всё сразу.

Профессор совсем потерял лицо:

– Не нужно меня убивать! Я боялся, очень боялся!

Чистая зелёная правда.

Джерри презрительно прищурился:

– Вы должны немедленно покинуть Колледж, вы недостойны учить нас чему-либо... Я изменю решение о контракте, если до девяти утра получу исчерпывающий меморандум о вашей работе в «ЗороастрИнк» и известие о вашем отъезде. Хитрить в меморандуме не стоит – сейчас вы рискуете гораздо большим, чем потерей работы. Понятно?!

И Джерри отключил экран, не дожидаясь ответа.

Никки смотрела на него во все глаза.

– Я тебя таким ещё не видела. Ты бы это сделал?

Юноша, унимая свирепое сердцебиение, глухо проворчал:

– Нет. Я же не убийца... но Тхимсот этого не знает. Он вполне созрел быть убийцей и подсознательно ждёт этого от остальных. Убивать его бессмысленно – он уже проклят.

Никки согласно кивнула.

Человеческое проклятье – страшная штука. Над проклятым собирается

чёрное облако презрения и ненависти. Оно разъедает сердце и мозг, превращая человека в отвратительного бездушного карлика.

Джерри с Никки спустились в парк Шрёдингера, к фонтану – отдышаться свежим воздухом после общения с проклятым Тхимсотом, который когда-то был учёным, а теперь стал зловонной тенью бывшего себя.

Фонтан был скуп и сеял медленную радужную пыль. Но воздух возле него был свеж и охлаждал разгорячённое дыхание.

Никки задумчиво смотрела на лужи на мокрых плитах фонтана. По поверхности воды бегали упавшие капли, не желающие сливаться с общей массой и пытающиеся продлить своё существование ещё на мгновение.

Цепь драматических загадочных событий последних двадцати лет полностью осветилась перед мысленным взором астровитянки.

Тайна нападения на «Стрейнджер» была окончательно раскрыта.

Отец Джерри создал список из 88 технологий будущего. Владелец Дарнеги-центра, король Дитбит, засекретил список-88 и использовал его для укрепления своего положения среди Южных.

Геолог Тораг не согласился на союз с Южными – и пропал в поясе астероидов. Айван Гринвич стал расследовать исчезновение друга с помощью Робби, который нашёл свидетельства убийства Торага. Южные перехватили сообщение и организовали отправку Робби на «Стрейнджере».

Крейсер Южных напал на фрегат. Никки осталась одна на разбитом корабле.

Через несколько лет сам отец Джерри, разработавший прогностическую социологию, попал в новый вариант списка-88, но отказался от сотрудничества с «ЗороастрИнк». Автоматический грузовик налетел на машину Уолкеро. Выживший Михаэль забрал сына и перебрался в удалённую обсерваторию, публично заявив о выходе из социологических исследований.

Но через три года обсерватория была уничтожена. Джерри поместили в Лунный госпиталь.

Два месяца спустя выросшую космическую Маугли тоже привезли в госпиталь.

Теперь причины гибели их родителей стали известны. Как и имя преступника.

Но как победить императора, который опирается на мощь половины династий?

Это вопрос не мести, а справедливости. У людей, полагающих, что они имеют право повелевать чужой жизнью и смертью, нужно вырывать

ядовитое жало.

– Отец, я хотел бы поговорить с тобой об этой... королеве Гринвич...

– Всё в порядке, сынок, мои эксперты уже построили ситуационную модель и разработали неплохой план нейтрализации этой девицы. Скоро он вступит в действие.

– Я очень рад, что мы собьём спесь с этой простолюдинки, но я хотел бы тебя попросить о...

Младший Дитбит замялся.

Старший удивлённо поднял брови, наблюдая необычное поведение сына.

– О чём же?

– Отец, я не хочу, чтобы кто-нибудь пытался её убить, как это было раньше... Разорить... или ещё что, но не убивать...

– Да что с тобой сегодня, сынок? – не ответив на слова сына, прищурился король Дитбит. – Ты на себя не похож!

Дитбит младший набрал в грудь воздуха и выпалил:

– Отец, я долго думал над этим и полагаю, что уничтожать противника нужно как противника, а не как человека...

– Нет человека – нет и противника!

– Её надо обыграть экономически... или политически, только тогда эта победа будет полной... Смерть не решит проблемы...

– Хо-хо, – засмеялся недобро король. – Ты даже не представляешь, сынок, как легко смерть решает многие проблемы. Это могущественный союзник, и отказываться от его помощи было бы глупо!

– Отец, я прошу тебя! – взмолился младший Дитбит. – Разве моя просьба ничего не значит для тебя?

– И твои просьбы мне важны, и ты сам значишь для меня очень много. – Король Дитбит обнял сына за плечи. – Но этот вопрос слишком сложен и важен, чтобы принимать во внимание твой легкомысленный настрой. Поверь мне: королеве Гринвич уделяется именно то внимание, которого она заслуживает, и оставим эту тему в покое!

– Отец... – что-то ещё пытался сказать расстроенный юноша.

– Я же сказал – оставим эту тему в покое! – В голосе короля прорезались рычащие нотки.

Наступил февраль, и наступили занятия. Первоцветы проклюнулись на теплеющих прогалинах парка, а студенты, охваченные послеканикулярной тоской, уткнулись в книги и экраны.

Войдя утром в кафе, Никки заметила, что на столах лежат какие-то жёлтые листки. Все студенты их читали, а многие, оторвавшись от чтения, внимательно и без улыбки таращились на проходящую мимо девушку.

На Никкином столе это жёлтое тоже лежало. Она взяла в руки плотный лист. Сидящие за столом друзья со смущёнными лицами следили за девушкой.

«Голые короли». Журналистское расследование «Правдивого корреспондента».

Короли защищены золотым забором и армией адвокатов и высокомерно думают, что они выше закона и критики. Но голос свободной прессы не заткнуть! Мы решили опубликовать правду о свежееиспечённой королеве Николь Гринвич и о теневых сторонах её жизни, тщательно скрываемых от общественности. Читатели должны узнать, что эта новая королева – та ещё штучка!

Никки Гринвич сеет вокруг себя смерть и разрушения. Она нанесла Лунному госпиталю ущерб на миллионы золотых долларов, уничтожив целый склад ценного медицинского оборудования для лечения детей, но сумела ловко свалить ответственность на начальника охраны госпиталя, который находился в тот момент на другом этаже здания в присутствии пяти свидетелей. Будучи чувствительным и душевно ранимым человеком, начальник охраны не выдержал столь наглых обвинений и покончил с собой.

Из-за королевы Гринвич погиб работник службы коммуникаций из Шрёдингера. Редакция выяснила, что ремонтник пешком обследовал состояние подземных кабелей в тоннеле, где в это время мисс Гринвич мчалась на автомобиле. Мы все знаем, на каких скоростях гоняет распушенная золотая молодёжь! Но королева Гринвич даже штрафа не заплатила за этот трагический инцидент.

В Колледже мисс Гринвич варварски искорёжила двух дорогостоящих спортивных роботов. Томас Финн, ухаживающий за киберживотными, не мог сдержать слёз, когда рассказывал нашему корреспонденту о зверстве, с каким Никки Гринвич изуродовала его подопечных: «У Заврика были выколоты глаза и отрублена лапка!.. У моего любимца, красавца Дракоши,

ходовая часть разбита... лонжероны согнуты, а нервюры разорваны... все электроцепи сожжены и расплавлены!» Томас, горько всхлипывая, сообщил журналисту, что оба его питомца получили невосстановимые повреждения и были похоронены на Лунной свалке робосуществ. Какой вандализм, какая нечеловеческая жестокость к нашим меньшим кибербратьям!

Королева не жалеет даже своих друзей – все видели, как в ходе Лунной регаты мисс Гринвич подвергла студентов Колледжа и других болельщиков серьезнейшей опасности, направив корабль в пике на трибуны, полные зрителей. Ради болезненной страсти к славе королева Никки смело рискует чужими жизнями! Эксперты полагают, что за бесчеловечные поступки Никки Гринвич отвечает её компьютер. Это уже не девушка, а опасный зомби, управляемый электронным мозгом.

Сколько ещё Попечительский совет Колледжа будет терпеть этого дикого монстра среди наших детей? Почему безмолвствует закон?

Листок украшала фотография: Никки со свирепым лицом. Вылитый монстр.

Джерри, глядя на фото, воскликнул:

– Какие мерзавцы!

И тут Никки громко захохотала.

Все студенты в кафе с недоумением обернулись. А девушка от смеха упала в кресло и выронила желтый листок.

Даже хмурая Дзинтара заулыбалась.

– Ты чего смеёшься, когда другие обычно плачут?! – удивился Джерри.

– Вспомнила чувствительного охранника госпиталя... – еле выговорила Никки.

– Ну... в определённой душевной ранимости ему не откажешь... – и Джерри почесал бровь со шрамом.

Никки ткнула в фотографию на листке:

– Робби, увеличь, пожалуйста. Повешу на дверь, чтобы все знали, где живет девочка-монстр.

Дзинтара сказала:

– Такие агрессивные нападки означают, что ты здорово кого-то напугала! Тебя пытаются дискредитировать, потому что боятся.

«Судя по листку, на меня собрано превосходное досье, – подумала девушка, – и из него торчат волосатые уши доктора Фростмана...» Когда

это имя всплывало, Никки всегда становилось не по себе. Доктор больше не пробовал вызывать Никки, но часто беседовал со студентами, которые могли что-нибудь рассказать о королеве.

На «Правдивого корреспондента» даже Голос Пространства откликнулся – но лишь двумя противоречивыми строками:

«Так вот вы какие злобные, короли!

Я не верю, что ты такой бессердечный монстр!»

И больше не захотел ничего добавлять.

Никки снова в который раз подумала: кто пишет эти странные – то добрые, то суровые письма-советы? Разумное существо, но не человек и не компьютер? Загадка. Может, собственная совесть нашла выход в киберпространство? В своё время девушка подозревала последовательно всех своих друзей, но сейчас уже и не знала, на кого подумать.

– Робби, тебе не кажется, что наш Голос Пространства слегка шизофреник и страдает расщеплением сознания? Он то любит меня, то ненавидит... то подозрителен, то добродушен.

– Согласен, – сказал Робби. – Метко подмечено.

– И как же мы можем доверять советам таинственного шизофреника?

Робби ответил не менее таинственно:

– В данном случае интегральная виртуальная шизофрения сочетается с дифференциальной адекватностью де-факто.

Никки попыталась осознать сказанное, но тут в дверь постучали...

Сразу после зимних каникул Никки пригласила друзей в Шрёдингер, в новую штаб-квартиру Гринвич-Центра. За столом в тисовом кабинете собрались, кроме самой Никки, ещё трое: Хао, Дзинтара и Джерри – все обладатели платино-иридиевых кристаллов-ключей, подаренных им Никки на прошлое Рождество.

Оказывается, Никки решила превратить тайное «Общество Рождественского Ключа» в явный Совет директоров Гринвич-Центра. О чём она немедленно и объявила, предложив Дзинтаре курировать биологические проекты, Хао – возглавить математический отдел, а Джерри – кибернетический.

Дзинтара смущённо сказала:

– Я не могу входить в деловые сообщества или политические организации без согласия моего отца.

Никки понимающе посмотрела на принцессу:

– Попробуем это уладить. Наша работа важна для всех земель, включая Северные династии, так что король Шихин не должен возражать

против твоего участия в Совете.

Хао с иронией сказал:

– Неужели мы тут будем решать судьбы нашего мира?

– Да! – невозмутимо кивнула Никки. – А ты хочешь, чтобы их за нас решал кто-то другой?

Джерри задумчиво спросил:

– Как же мы будем влиять на мировые события?

Никки улыбнулась:

– Именно этот вопрос я предлагаю сегодня обсудить.

Юноша напомнил:

– Ты как-то сказала, что будущее никому не нужно. Но посмотри – сколько могучих сил воюют за него, пытаясь его изменить.

Никки ответила:

– Их интересуют будущие деньги, а не само будущее. Они пытаются склонить историю в свою пользу, нарезать общую судьбу золотыми кружочками в личный кошелёк. Мы же собираемся изменить историю в пользу всех – поэтому, несмотря на мощь наших врагов, у нас есть шанс на победу.

Она оценивающе посмотрела на Хао и Дзинтару.

– Джерри разрешил мне сказать вам об этом, но учтите – то, что вы услышите сейчас, должно остаться строго между нами. За эту информацию уже заплачено жизнью Джерриных родителей. Любая утечка – и жизнь самого Джерри в опасности. Запись этого совещания и всё, относящееся к теме «Будущее как оружие», будет открываться только вашими кристаллами-ключами.

Никки положила свой блестящий кристалл на матовый чёрный круг в середине стола. Красные лучи просканировали его, и голос Робби сказал:

– Подтверждаю высший уровень секретности для темы «Будущее как оружие».

Хао нахмурился, а Дзинтара удивлённо подняла брови. Никки сделала глубокий вдох и сказала:

– Джерри нашёл неопубликованный труд своего отца, где описаны уравнения и алгоритмы расчёта будущего. Это даёт нам важное преимущество перед другими политическими силами.

– Джерри, твой отец всё-таки написал эту легендарную книгу... – поразился Хао.

– О какой книге речь? – заинтересованно спросила Дзинтара.

– О книге Михаэля Уолкера «Будущее как оружие», – пояснил Хао. – Она должна была стать сенсацией, но, как полагали, погибла.

– Хао, помоги Джерри разобраться в уравнениях, – попросила Никки. – Книга не закончена, и многое там изложено слишком кратко.

– Конечно, – кивнул Хао. – Полагаю, что математический аппарат нужно сразу превращать в компьютерную прогностическую модель. Робби и Тамми с этим должны справиться.

Никки продолжила:

– Итак, у нас есть способ расчёта будущего, деньги от Спейс Сервис и тесные связи с Северными династиями...

– Какие? – удивилась Дзинтара.

– Ты, – кратко сказала Никки. – Если мыслить в категориях механики – то у нас есть рычаг и знание, куда его нужно повернуть, но нам нужно найти, чем надавить на этот рычаг. Я над этим работаю. Помните секретный список перспективных технологий, о котором говорили на лекции по социологии? Джерри нашёл и этот список – он был составлен именно Михаэлем Уолкером!

Дзинтара и Хао не сдержали удивлённых восклицаний. Джерри уточнил:

– Список содержит 88 технологий и перечисляет людей, которые за них отвечают. Он был составлен на основе упрощенной модели будущего, делающей предсказания лишь на тридцать лет вперёд. Тем не менее, список-88 служит Южным династиям мощным рычагом захвата власти. Наша математическая модель будущего обещает предсказания на сто пятьдесят лет вперёд. Эта модель позволит получить список не из 88, а из трёхсот перспективных технологий.

Никки добавила:

– Если мы перетянем на свою сторону их авторов – хотя бы большинство из них, – то Южные потеряют первенство во многих областях...

– Теперь мы будем обладать самым ценным секретом мира! – воскликнул возбуждённый Хао. – Мои руки просто чешутся взяться за эти уравнения!

Девушка улыбнулась, глядя на друзей.

– Ребята, я столько лет была волком-одиночкой, надеялась только на себя и даже не представляла – как может быть иначе... Оказывается, это так здорово – работать вместе. Каждый из нас может что-то, чего не может другой. Складывая наши усилия, мы умножаем их. И я буду удивлена, если найдётся дело, которое нам не по плечу!

– Я тоже! – хмыкнул Джерри. – Тебя ничем не остановить. Невозможное тебя только раззадоривает.

– Невозможное? – надменно подняла бровь Дзинтара. – Не говорите чепухи! Соберёмся – и посмотрим, что можно сделать с этим невозможным...

Все дружно рассмеялись. Скептиков за столом уже не осталось.

Это стало главным, но нигде не зафиксированным результатом первой встречи «Общества Рождественского Ключа».

Самое важное всегда ускользает от протоколов.

В мире нарастала напряжённость вокруг закона о геносвободе.

Римский папа каждый день появлялся в окне над ватиканской площадью Святого Петра и энергично призывал к невмешательству в человеческий геном и к единству всего человечества. Папа был избран недавно, был сравнительно молод и полон сил.

В десятках парламентов и конгрессов сторонники и противники закона – партии «мутантов» и «натуралов» – вели яростные споры, переходящие в оскорбления и даже драки. Время тонких контраргументов и изящного остроумия кончилось – в ход пошли тупые угрозы и бессвязная ненависть.

На улицах страсти митингующих сдерживались лишь полицейскими водомётами, слезоточивым газом и электродубинками. Толпы противников закона осаждали государственные здания и громили научные генетические лаборатории – до каких могли дотянуться, поэтому горели даже невинные центры селекции зерновых. «Натуралы» угрожали: если «закон о геноэлите» будет принят, то нынешние демонстрации покажутся нежными цветочками.

Никки смотрела новости и надеялась, что партия «натуралов», которая протестовала против генетического клина в единство человечества, победит. Она не понимала, почему многие не осознают простую вещь: нельзя возводить непреодолимый барьер между людьми.

Генеральная ассамблея ООН ещё никогда не собиралась в столь напряжённой обстановке. Каждую национальную делегацию провожали в аэропортах напутственные крики двух возбуждённых толп демонстрантов, разделённых полицейскими кордонами.

«Натуралы» были многочисленны и энергичны. Они вручали петиции и давали интервью, держали в осаде бастионы власти и пользовались поддержкой большинства бедных кварталов. Многочисленные церкви, яростно не любящие друг друга и соперничающие за паству, выступили единым фронтом против вмешательства человека в божий промысел.

Пикеты партии «мутантов» выглядели не так внушительно, зато они

раздавали больше красивых листовок и брошюр, а их рекламные ролики крутились по всем тиви-каналам. За принятие закона выступали не только аристократы, но и средний класс, а также большинство интеллектуалов. Пресса и аналитики уверенно прогнозировали победу закону; политика ведь делается не на уличных демонстрациях – это лишь паровой свисток на крышке, а сам котёл, в котором варится горячая политическая каша, скрыт от посторонних взглядов – как и кочегары у котла.

Наступил день голосования за новый закон.

Никки и Джерри следили за происходящим из кинозала башни Леопардов. Там был самый большой экран, и возле него собрались студенты – сторонники «натуралов».

Вместе было легче терпеть жгучее и тягучее время.

Сторонники «мутантов» заполнили башню Драконов, и там тоже царило наэлектризованное ожидание.

По всему миру сторонники и противники закона собирались на площадях и в скверах – возле огромных экранов.

Уличные музыканты играли бесплатно, пели отчаянно-весёлые песни.

Драк и стычек больше не было – всем было ясно, что уже ничто не может повлиять на представителей государств, сидящих в огромном зале ООН и готовящихся нажать кнопки в согласии с волей своих правительств и народов.

Мир притих в ожидании. В тех странах, где уже наступила ночь, никто не спал, на площадях жгли факелы и костры. Самым шумным подлеском в любой толпе были дети – они веселились, запуская воздушных змеев и не понимая происходящего.

Хотя именно их судьба решалась сегодня.

Наконец седобородый индус в длинных белых одеждах объявил с трибуны ООН начало голосования, на которое отводилось пять минут. Результаты должны были отражаться на двух экранах – зелёные цифры слева отмечали число стран, проголосовавших за закон; красные цифры справа были против.

Миллиарды людей по всему миру замерли у экранов.

Наступили пять самых важных минут в истории Земли.

Как только первые цифры появились на табло, людское затишье мгновенно кончилось.

Земная атмосфера никогда не слышала такого вопля.

Одновременно закричали города и поселки, людные площади и скверы, фермы в прериях и ранчо в саваннах.

Летучие мыши попадали в траву, оглушённые звуковой волной.

Зелёные цифры сначала отстали от красных, но потом догнали их.

Красный тяжеловёс и зелёный скакун мчались рядом, храпя и сверкая друг на друга бешеными глазами-нулями.

Мир кричал, голосил, улюлюкал, плакал от счастливого волнения, выл, схватившись за сердце, радостно визжал от ненависти, строчил автоматами воздух, взрывал тысячу тонн петард и фейерверков, царапал от горя перекошенное лицо.

Зелёное число быстрее листало цифры и добавляло разряды в наэлектризованную атмосферу. Но и красное делало стремительные рывки.

И вот голосование закончилось.

Мир перестал кричать и застонал.

«Мутанты» победили. Седобородый индус объявил об этом и заплакал.

Закон о генной свободе был принят. Человечество долго шло одной дорогой. Теперь оно будет расколото на две неравные и смертельно враждебные половинки.

В момент голосования люди в башне Леопардов встали от невыносимого напряжения. Победа «мутантов» была встречена яростными криками.

Никки воскликнула:

– Джерри, мы не должны допустить такую несправедливость! Нужно что-то сделать!

Юноша вздохнул. Ну что тут можно сделать, если земляне общим голосованием решили ступить на путь активного изменения своей природы?

– Никки, почему ты берёшь на себя заботу о всём человечестве? О нём есть кому побеспокоиться – пусть ООН о нём думает, оно уполномочено на такую работу.

– Джерри, ты вырос среди людей. В тебе с детства живёт подспудная уверенность, что кто-то, умный и всесильный, придёт и вовремя обо всём побеспокоится. Но я выросла одна, и у меня нет иллюзий по этому поводу. У человечества НЕТ могущественных тайных защитников. У него есть ты и я, Дзинтара и Хао, и ещё другие – умные и не очень, но старающиеся помочь. И это всё. Если мы не спасём мир – его никто не спасёт.

Глава 14

Элиза

Группа стран, противников закона о геносвободе, подала апелляцию в Совет Безопасности ООН, требуя наложить вето на принятый закон, угрожающий самому существованию человечества. Согласно мировой конституции, вступление закона в силу приостанавливалось на время рассмотрения апелляции.

Мир получил тревожную передышку.

А жизнь в Колледже шла своим чередом.

Наступила весна – и очередной день рождения Никки.

Люди скорбно ценят дни рождения, имеющие нулевой оскал, – тревожные тридцать, бодрящиеся сорок, унылые пятьдесят или прескучные сто.

Совершенно зря.

Даже смешно – ну какая разница между сорокадевятилетним субъектом, полнеющим и лысеющим, и им же пятидесятилетним? Если сдать его целиком на анализы, то выяснится, что за год тела стало на два процента больше, а волос – на три процента меньше. А душевную разницу вообще невооружённым глазом не увидишь, а различишь – так лучше смолчишь. Где рубеж, чего отмечать-то? Вот если бы человек к пятидесяти годам вырастил себе крылья хотя бы нетопыря...

Не-ет, главными днями рождения в жизни каждого человека являются вовсе не круглые даты, а любой год между десятью и двадцатью.

Уникальные жизненные рубежи! Десятилетний человек – ребёнок; двадцатилетний Хомо Сапиенс вполне выросл. За это ключевое десятилетие с человеком происходят поразительные превращения – он вырастает на футы и пуды, становясь из хрупкого детёныша матёрым существом. Интеллектуальный уровень тоже совершает качественный скачок. Ну... почти всегда.

В десять ты собирал цветные картинки. В одиннадцать ты, открывая взрослую книгу, с улыбкой вспоминаешь вчерашнего ребёнка.

Когда тебе двенадцать, то сердце готово к подвигам и дуэлям.

Тринадцать ранят сердечной тоской.

Четырнадцать учат выбирать жизненный путь.

Пятнадцать лет – середина, рубеж, отделяющий детство и отрочество от юности и от взрослой жизни. Вчера тебе было четырнадцать, и ты

пускал деревянные кораблики в лужах или бумажных змеев в небе. В пятнадцать тебе к лицу штурвал, если не космического корабля, то хотя бы бригантины.

Шестнадцать – у многих совершеннолетие. Радуга возможностей и проблем. Удостоверение взрослой личности, права на вождение автомобиля, неограниченность путешествий, раны от взрослых поступков.

У других совершеннолетие наступает в семнадцать – время шагов, навсегда определяющих будущее.

Восемнадцатилетние имеют полное право умереть с оружием в руках, решая мучительно сложные уравнения своих и чужих жизней.

Девятнадцатилетние печалются, глядя на последние песчинки юности, убегающие из рук.

На двадцатилетнего взваливают взрослую ношу, не спрашивая – готов ли он.

Для любого человека совершеннолетие – ключевой рубеж и важнейший повод для праздника.

Что же говорить про совершеннолетие юной королевы?!

Прошлый день рождения Никки не захотела праздновать – и не стала. Но времена изменились: что разрешено безвестной девушке, то не позволено знаменитой королеве. *Quod licet Jovi, non licet Bovi*.

Наивная Никки не собиралась устраивать пышного дня рождения, но обстоятельства столпились вокруг и стали диктовать условия.

Началось необычно: от директора пришло приглашение – не по Сети, а в сжатых челюстях личного директорского кентавра. Последняя встреча с профессором Миличем закончилась провалом Никкиного плана по бесплатному обучению и очередной угрозой её исключения. Вообще, Никки не помнила приятных бесед в кабинете директора, поэтому от нового вызова она ничего хорошего не ждала.

Но директор был настроен миролюбиво, разговаривал любезно и даже с заискивающими интонациями – видимо, ссориться с королевой-студенткой ему совсем не хотелось. Директор предложил Никки использовать самый большой зал Колледжа для проведения официального приёма по поводу её дня рождения.

Никки удивилась – она не планировала никаких приёмов.

Директор удивился Никкиному удивлению и оставил в силе своё предложение.

На следующий день Никки позвонил адвокат Дименс и тоже стал спрашивать о планах на день рождения.

– Зачем мне этот официальный приём? – спросила Никки.

– Вам нужны сторонники и союзники, – сказал адвокат. – Я приглашу от вашего имени ряд королевских фамилий, и они пришлют на приём своих представителей. Видимо, это будут молодые принцы и принцессы – вполне логично для знакомства с королевой вашего возраста.

Никки обещала подумать. Но через два дня на экране появилась физиономия коммодора Юра Гринина с тем же вопросом – куда и когда он, как официальный представитель Спейс Сервис, должен приехать на приём по поводу дня рождения королевы Николь?

Традиция победила наивность, и Никки воспользовалась любезностью директора Милича.

Утро дня рождения началось рано: Никки позвонил ведущий Первого Лунного телеканала.

– Ваш пресс-секретарь очень несговорчив и разрешил задать только один вопрос.

– Мой секретарь? Ах да, Робби – твёрдый парень. Задавайте свой вопрос.

– Появившись среди людей, вы натворили много дел: выдвинули новую теорию Большого Взрыва; обнаружили опасность, грозящую Оберонским обсерваториям; нашли жизнь на Марсе. Как вам удалось опередить в интеллектуальной гонке взрослых, опытных учёных?

– Один такой вопрос стоит двух интервью! Но вы ошибаетесь – никакой интеллектуальной гонки не было. Я медленно шла по пустой дороге. Разве кто-то искал жизнь на Марсе? Фонды на эту тему давно не выделяются. Случайный робот, упавший в трещину, имеет больше шансов найти марсианскую жизнь, чем весь МарсоИнститут, который – пусть по уважительным причинам – эту жизнь не ищет. Никто из учёных не считал стабильность Королевского плато на Обероне – такая задача не ставилась, деньги на её решение не выделялись. А специалисты по Большому Взрыву так давно переливают вакуум из пустого в порожнее, что остановить круговое движение их сплочённого коллектива уже невозможно, зато их может обогнать даже школьник, обнаруживший, что король гол и заблудился.

– Поясните. Значит, науке нужно больше денег? Но у вас их тоже не было.

– Мои аналитики занимались исследованием эффективности научных исследований в рамках... э-э... одного благотворительного проекта. Они доказали, что науке – особенно теоретическим исследованиям – кроме денег, нужна свобода. Свобода индивидуального поиска и личного любопытства. Теоретик, чьё существование зависит от демократического

голосования коллег или от мнения авторитетов, – это мёртвый теоретик. Зависимый учёный бесполезен: из флюгера не сделать парус.

– Анархичная точка зрения!

– Государство, требующее с учёных планы работы на несколько лет вперёд, обрезает ветки с живого дерева науки и делает из него бревно... Вы навели меня на мысль – надо создать ассоциацию независимых учёных. Каждый из них сможет работать совершенно свободно. А деньги они будут получать, публикуя статьи в журнале, который назовём... э-э... «Свободная наука». Скажем, пятьдесят тысяч за статью. Для начала запустим журнал в двести статей... это десять миллионов в год... сущие мелочи, клянусь кривой улыбкой Немезиды. Мы сумеем разработать независимую оценку значимости поступающих работ. А собственником практически важных идей, опубликованных в этом журнале, станет моя династия – конечно, с отчислением процентов авторам...

У ведущего глаза загорелись и рот снова раскрылся, но Никки успела раньше:

– Спасибо за вопрос, мы прекрасно поговорили!

Она выключила экран и зевнула. Рановато всё-таки позвонили.

Официальная часть дня рождения началась после обеда, в четыре часа. В шесть часов планировалось неофициальное продолжение с танцами.

Фрейлины оказались вполне полезными: подготовили зал, встретили гостей и тщательно пересчитали всю дюжину принцев, прибывших на приём к королеве Никки.

Джерри мрачно наблюдал, как вокруг Никки кружится стая блестящих аристократов – острят, хвастаются, крадут внимание молодой королевы. Юноша чувствовал себя чужим на ярмарке юного тщеславия.

Подарки вручались поразительные: изумрудное кольцо в миллион долларов, древняя китайская ваза, цену которой Робби затруднился определить, картина классика модернизма, которая не понравилась Никки, но была самой дорогой из десятков подношений. Девушка вежливо благодарила, с тёплым чувством вспоминая первые скромные подарки, присланные друзьями на прошлое Рождество.

Дзинтара официально представляла династию Шихиных и подарила Никки роскошное кресло красного бархата, принадлежавшее ранее бельгийской королеве Беатрикс.

– Оно будет теперь твоим тронem! – торжественно сказала Дзинтара.

Никки раскланивалась и разговаривала с гостями, но её голова была занята сообщением группы аналитиков Гринвич-Центра. Информационный меморандум Тхимсота, срочно покинувшего Колледж месяц назад в связи с

ухудшением здоровья, оказался весьма ценным. Его данные были обработаны и включены в компьютерную футурологическую модель Михаэля Уолкера, которую за невероятно короткий срок подготовили Джерри с Хао.

Мощные компьютеры – все, которые Гринвич-Центр смог арендовать на Луне за немалую сумму, – рассчитывали модель трое суток, не понимая, впрочем, над чем они работают. Вихри математических символов, нанизанных на лазерные лучи, стремительно летали между пятнадцатью тысячами процессорных блоков, разбросанных по всей Луне, стелились терабайтной электронной позёмкой по зеркальным скрижалям записывающих кристаллов и оседали сверкающим цифровым инеем в кремниевых мозгах Робби и Тамми, командующих этой киберармией.

Выводы были получены ещё вчера, но они до сих пор не уместались у Никки в голове, и их приходилось всё время перетряхивать. Это делало лицо девушки более отстранённым, чем обычно, что несколько обижало приглашённых гостей.

На приём вместе с коммодором Грининым пришёл космонавт Граффин. Отведя Никки к столу с закусками, он попробовал уговорить её на крупный вклад в Межзвёздный фонд. Королева обещала обсудить это предложение на совете директоров и сказала, что считает межзвёздные полёты весьма важной сферой для инвестиций.

Студенты заметили знаменитого Граффина и аплодисментами приветствовали космопроходца.

– Какие новости о нашем проекте «Двойная комета»? – улучив момент, спросила Изабелла. Все окружающие навестили уши.

– Жюри фактически уже подвело итоги конкурса, и я могу кое-что вам сообщить... – откашлялся космонавт. – К сожалению, ваш проект не стал победителем...

– У-у-у... – разочарованно загудел зал.

– Уж очень он... фантастический. Мы, конечно, не просили вас разработать двигатели, но, тем не менее, ожидали, что вы останетесь в рамках реалистичного дизайна, который можно будет превратить в настоящий проект в течение ближайших лет...

– А чей проект выиграл? – расстроено спросил Тмин-Дракон.

– Извините, это наш маленький секрет... – загадочно улыбнулся космонавт. – Клянусь всеми спиралями МЗ1, я не могу раскрыть его до объявления официальных итогов конкурса! Скажу только, что моим личным фаворитом стал очень милый дизайн вращающейся многоярусной оранжереи-сада...

– А как они обошли проблему встречной радиации? – спросила Изабелла.

– И ресурсов? – добавил какой-то гоблин.

– Их проект, конечно, не разрешил всех трудностей межзвёздного полёта, – ещё шире улыбнулся Граффин, – но, честно говоря, никто и не ждал от школьников реального прорыва в столь сложных задачах... Конкурс носил скорее пропагандистский характер и в этом смысле превзошёл наши ожидания – мы получили более восьмидесяти проектов и отличное освещение в прессе.

– Обычное взрослое враньё... – крикнул кто-то. – Нам говорили одно, а в голове держали другое...

Директор Милич строго посмотрел в сторону выкрикнувшего.

– Кто-нибудь из жюри поддержал «Двойную комету»? – спросил Мин-Дракон.

– Извините, это снова наш маленький секрет! – продолжал сиять президент фонда «Межзвёздная инициатива».

Зал продолжал разочарованно гудеть, а лица «Веганских гоблинов» были мрачнее тучи. Какие-нибудь никчёмные сады получают премию!

Неожиданно вперёд выступила Никки, взмахом руки остановила шум и звонко сказала:

– Гринвич-Центр готов купить дизайн межзвёздного корабля, разработанного студентами Колледжа, за миллион долларов!

В зале на секунду воцарилась тишина, а она потом взорвалась ликующими криками и аплодисментами. В крики «гип-гип-ура!» и «банзай!» вплеталось непонятное «мазератти! мазератти!».

– «Веганские гоблины» – все согласны?

Никки и Робби осмотрели зал и, соблюдая юридические формальности, аккуратно зафиксировали энергичные кивки всех участников команды. После чего королева-именинница продолжила:

– Более того, Гринвич-Центр считает предложенную идею корабля столь ценной, что выплачивает премию в семь с половиной миллионов долларов...

Никки сделала расчётливую паузу, и зал замер, не дыша. «Семь с половиной миллионов золотых долларов» – это была самая часто упоминаемая денежная сумма в разговорах эйнштейнцев. О-хо-хо... полная стоимость обучения в Колледже – деньги, которые многие родители студентов получали, закладывая всю семейную недвижимость и залезая в пожизненные долги к хищным банкам.

– ...каждому из пятнадцати студентов, участников проекта «Веганские

гоблины»!

Что тут началось в зале! Перо бессильно описать.

Директор взволнованно привстал, глядя на Никки, хотел что-то сказать, но, посмотрев на бушующее вокруг море эмоций, махнул рукой и опустился в кресло.

Минут через пять уровень шума упал до каких-то пары сотен децибел, и мощные динамики уже могли его перекрыть. Тогда президент фонда «Межзвёздная инициатива» с кривой усмешкой сказал в микрофон:

– Мисс Гринвич, вы – богатый человек и можете заниматься благотворительностью. Но не стоит маскировать её под реальную заинтересованность – этим вы внушаете участникам проекта ложное впечатление об их фантастической идее...

– Бу-у... – рассерженно отреагировал зал.

Никки пожала плечами и спросила в пространство:

– Робби, что ты думаешь о покупке прав на дизайн двойного корабля?

– Лучшая твоя сделка, Никки, – сразу отреагировал кибердруг. – В следующие тридцать лет ты ничего не получишь за свою инвестицию в сто тринадцать с половиной миллионов. Зато с вероятностью двух сигма в следующие пятьдесят лет доходы от купленного патента составят пятьдесят миллиардов. За сто лет эта сделка принесёт твоей династии два триллиона. С вероятностью одной сигма, точнее сказать не могу.

Зал просто онемел.

– Чем хороши династии... – задумчиво сказала Никки в потрясённой тишине, – они могут оперировать долгими периодами, а не сроками до выборов или до пенсии.

Бывший космонавт Граффин, которому осталось до пенсионного возраста совсем немного, покраснел и выкрикнул:

– Где же вы возьмёте двигатели для таких гигантских кораблей?!

– Извините, а это – *наш* маленький секрет! – без улыбки сказала юная королева.

Формальная часть королевского приёма закончилась; приглашённые почтенные гости разъехались, а молодёжь осталась – наконец-то! – без помех повеселиться и потанцевать.

Вольдемар развлекал всех фейерверком, составив из огней яркую мысль Артура Кларка:

«Только тупицы останутся на Земле – истинный гений расцветет лишь в космическом пространстве».

Студенты танцевали, закусывали и болтали с приезжими гостями и

друзьями из других Орденов.

Группа Сов остановилась отдышаться от танцев.

– Жюльен, как ты меня находишь? Правда, оригинальная расцветка? – приятельски хвасталась Роми спектрально-переливчатым коротким платьем.

– Клянусь копчиком Венеры, ты похожа на слово «красное», написанное зелёным цветом!

Разговор вращался вокруг выбора профессий.

– Слышали про Советника пятого уровня? – спросила Самар. – Это программа для выбора профессий, которая стала учитывать информацию о твоём генотипе. Охотники за головами и фирмы-наниматели активно её используют.

– Это нарушает закон о генетическом равноправии.

– Как говорит Эксмин – равноправие не обеспечивает равенства. А работодателей волнуют не твои права, а твои возможности.

– Эксмин – просто душка!

– А я и половины не понимаю из того, что он вещает...

– Ну так он и не скрывает, что говорит для умных.

– Если интеллект будет выводиться из генотипа, то он станет печатью на лбу. Жюльен, что ты думаешь об этом?

– Я против геноклеяма, я – за ассортативные союзы когнитивных элит.

Жюльена тоже понимали далеко не всегда, но его это мало волновало. Обаятельному юноше легко прощали интеллект, примечательный даже среди Сов.

Красивая, с тонкой фигурой и в розовом платье, Кристина Снайдер из Ордена Оленей отщучивалась от друзей, подтрунивающих по поводу её успехов в драконоборчестве – воинственном спорте, популярном чаще всего среди Леопардов:

– Даже Олень в невыносимых условиях становится Леопардом. Когда стоишь перед огромной зверюгой, то деваться некуда – приходится отбиваться из всех сил...

В другой компании Степан-Дракон – клетчатый ковбой от «Бёрберри» – рассказывал:

– Беру программу «Супер-Чудик» для генетического дизайна и запускаю её на самостоятельную работу. Даю задачу: создать организмы, которые могут жить в атмосфере из смеси кислорода и углекислого газа. Я раньше давал «Чудику» похожее задание и получал на просмотр вполне симпатичных зверюшек, но сейчас немного увеличил процент двуокиси углерода. Вы бы видели, какие неопишуемые монстры полезли из моего

экрана! Клянусь шкурой Овна, они снились мне целую неделю!

– Почему такая разница из-за изменения процента углекислого газа? – удивился кто-то.

– Я тоже поразился, полез разбираться... Оказывается – когда я выбирал из таблицы Менделеева химические элементы, то перепутал строчку и нажал на другой период – нечаянно задал атмосферу не из це-о-два, а из силициум-о-два.

– Атмосфера не из углекислого газа, а из газообразного кварца?!

– Точно!

– Славные зверушки смогли вырасти в раскалённой атмосфере из горного хрусталя...

Мишвер-Сова рассказывал:

– У родителей есть приятель-охотник, который страшно любит приврать и поспорить. Пришёл в гости и стал рассказывать, что как-то на Аляске он развёл большой костёр, а из горящих поленьев полезли красные шестиногие ящерицы... Рассказал и ждёт, что мы будем нервничать и опровергать. Я вспоминаю книгу Эксмина, советы из главы «Как спорить с врунами», и пожимаю плечами: мол, ничего особенного, в нашем колледжском лесу водятся олени с кремниевыми рогами, и когда им становится холодно, то они высекают огонь с помощью взаимного сшибания лбов и потом греются у костра всю ночь.

– Вот что генетика животворящая делает!

– Переплюнул его историю и испортил творческое настроение!

Дмитрий таинственным полуголосом говорил Жюльену и Смит:

– Поехал летом в гости к приятелю-французу. Шагаю по Круазетт в Ницце. Впереди идёт молодая женщина с сумкой на длинном ремне. Сумка зацепила юбку и высоко обнажила красивую, стройную ногу. Зрелище! Иду и наслаждаюсь. Потом присмотрелся – это не случайность, а такой специальный покрой юбки – расчётливый и коварный! Я сразу расстроился...

– Почему? Нога ведь не стала кривее... – удивился Смит.

– Ну, я счёл себя удачливым человеком, а оказалось...

Жюльен авторитетно кивнул:

– Психология! Ценится лишь личный выигрыш. Коллективная раздача не греет.

Дзинтара села за пианино и стала наигрывать задумчивую мелодию. Никки подошла, потрогала лежащую рядом гитару принцессы – та нежно зазвенела, – в открытой папке присмотрелась к желтоватому листку с нотами.

– Интересная музыка, но слова сложноваты, – прокомментировал Робби.

– Робби, ты читаешь ноты? – спросила Никки.

– Ха! Глупый вопрос.

– Никки, сыграй нам на гитаре! – вдруг крикнул кто-то из Оленей.

– Я не умею! – рассмеялась Никки.

– Неправильный ответ, мы с тобой владеем почти всеми музыкальными инструментами, – неожиданно вмешался Робби.

– Ты играешь на гитаре? – удивилась девушка.

– Если ты споёшь, то – да, только аранжировку этой древней музыки стоит освежить.

– Я? Спеть? У тебя завихрения электронов?

– Ты же поёшь, принимая душ! – заявил нахальный Робби.

В зале захихикали.

– Ну... да, но там же меня никто не слышит... – пожала плечами Никки, – понравится ли другим, как я пою в ванной комнате?

– Давай рискнём, у тебя неплохой голос, а я помогу с музыкой, – вкрадчиво сказал Робби. – Что, чувство авантюризма совсем исчезло?

– Давай, Никки, попробуй! – так дружно закричали кругом, что Никки лишь беспомощно поморщилась:

– Вы сами не понимаете, о чём просите.

Но на неё так дружно навалились, что уломали. Вернее, Никки поняла, что легче спеть, чем отвязаться. Она села в уголок и стала под руководством Робби готовиться к сольному выступлению.

Остальные участники с энтузиазмом принялись готовить место для королевского выступления: стаскивать столы вместе, сгребать недопитое и несъеденное, наводить свет всех имеющихся светильников. Считанные минуты – и воздвигнута отличная сцена!

Наконец, Никки собралась с духом и уселась в подаренное Дзинтарой тёмно-красное с золотом бархатное кресло. Четверо мускулистых Леопардов во главе с Джигичем немедленно подняли кресло вместе с королевой и поставили его на импровизированную сцену.

Тонкая фигурка в чёрном платье устроилась поудобнее на королевском троне европейских кровей. Голова с хрустальными волосами склонилась над полированной звонкой поверхностью. Драгоценная деревянная гитара Дзинтары недовольно поёжилась в неумелых руках, но потом пригелась и присмирела. Никки вплела тонкие пальцы в ещё более тонкие струны и запела тихим голосом:

Уронит ли ветер в ладони серёжку ольховую...

В шумном зале разлилась и воцарилась тишина. Странные слова старинной песни, пронизанные грустью прошлых веков, были неуместны в огромном зале, полном веселящихся людей, прилетевших сюда на космолётах.

Серёжка ольховая выше любого пророчества.
Тот станет другим, кто тихонько её разломил.
Пусть нам не дано изменить всё немедля, как хочется.
Когда изменяемся мы – изменяется мир.

Песня не знала своей неуместности и несовременности, она добиралась до каждого и заставляла его замирать, будто вслушиваясь в голос судьбы.

Прости и пойми, если даже разлюбит любимая,
Серёжкой ольховой с ладони её отпусти.

Музыка – тихая и прозрачная, как холодная весенняя капель, заставляла стискивать зубы и затрудняла дыхание.

Серёжка ольховая лёгкая, будто пуховая.
Но сдунешь её – всё окажется в мире не так,
И, видимо, жизнь не такая уж вещь пустяковая,
Когда в ней ничто не похоже на просто пустяк.

Никки закончила петь, но зал безмолвствовал. Она подняла сосредоточенные глаза от гитары, осмотрелась и растерянно сказала:

– Ой!

На глазах у многих слушателей были слёзы.

Две девушки в углу откровенно плакали, и даже Дзинтара вытирала глаза красивым старомодным платком. Джерри тоже стоял в оцепенении, и в его голове навязчивым рефреном звучало: *«Прости и пойми, если даже разлюбит любимая...»*

Никки оценила ситуацию и неслышно скомандовала Робби. В зале

загремела современная бодрая мелодия. Все стали приходить в себя и украдкой отряхивать мокрые ресницы, со смущёнными смешками поглядывая друг на друга. Вспыхнули запоздалые аплодисменты, заглушённые ритмическими повизгиванием динамиков.

– Что за аранжировку ты подобрал?! – исподтишка рявкнула Никки на Робби.

– Не кричи на меня, – растерянно буркнул тот, – я сам перепугался... Какие вы, биосистемы, нежные...

Подошла Изабелла с влажными глазами:

– Ты должна быть не королевой, а певицей! И будить в сердцах светлую грусть.

Дзинтара ничего не сказала, просто расцеловала Никки в обе щеки.

Никки, поражённая реакцией слушателей, категорически покачала головой:

– Я никогда больше не буду петь... не хочу дёргать души за ниточки бессознательного... Люди не должны плакать!

– Ты чертовски не права! – сказала Дзинтара.

– Может быть, – пожалала плечами Никки, – но я чертовски твёрдо решила.

Динамики выплеснули вальс, и Феб умчал Дзинтару.

Зал, увидев стремительную красивую пару, расступился и оставил танцоров в летящем одиночестве. Они кружились, не отрывая друг от друга внимательных глаз.

Дзинтару и Феба связывали странные взаимоотношения. Юноша всё время подшучивал над принцессой, одновременно открыто демонстрируя свою влюблённость. Но эта демонстративность как раз и внушала сомнения.

Вот и сейчас, после окончания своего знаменитого вальса, Дзинтара и Феб отпустили друг друга и опустили соединяющие руки, но остались на максимально близком расстоянии партнёров по танцу.

Феб в упор рассматривал гордую Дзинтару и говорил негромко, но вполне различимо для заинтересованных окружающих.

– Что такое любовь? Как определить это самое сильное человеческое и божественное чувство? Вот я смотрю в карие глаза – ничего особенного в них нет...

Глаза Дзинтары вспыхнули огнём.

– Густые брови, крупноватый нос, слишком яркие щёки – всё, взятое по отдельности, никак не может привлечь внимание бога, художника и поэта...

Щеки Дзинтары ещё больше заалели, но она не произносила ни слова и тоже в упор рассматривала Феба, превосходящего её по росту всего на дюйм.

– ...Как смогли эти обычные детали, собранные вместе, произвести такое неизгладимое впечатление на столь могучую личность, как я? Когда это земное лицо приближается к моему на расстояние... примерно пяти дюймов... почему моё божественное дыхание перехватывает, и возникает сильное притяжение неизвестной природы?

Дыхание Дзинтары тоже сбивалось, но она по-прежнему молчала и не сводила блестящих глаз с задумчиво рассуждающего Феба.

– Масса недостатков... Статус принцессы просто ужасен... Насколько фатальна эта смешная королевская гордость, впрочем, такая понятная и человеческая?

Опустив руки, они стояли, почти касаясь друг друга. Вокруг толпились смеющиеся друзья, но юноша и девушка были аутически отрешены от окружающего.

– Я краем глаза вижу её в коридоре, и этот ничтожный по мощности периферийный световой сигнал вызывает во мне эйфорический прилив предельной высоты. Почему? Что за глупая химическая реакция? Эта девушка улетает на уик-энд в свой замок, и мне – МНЕ! – занятому в миллионе космических дел и развлечений! – становится пусто и одиноко. Можно ли вывести формулу этого чувства и составить спасительное противоядие? Или ликующее замирание в груди, которое возникает при взгляде на это простое, но симпатичное лицо с умными глазами, и есть смысл забавной земной жизни?

Юноша замолчал, продолжая разглядывать Дзинтару.

– Лучшее объяснение в любви, какое я слышал! – крикнул кто-то, и все зааплодировали.

– Объяснение в любви? – сказал Феб, по-прежнему не сводя глаз с Дзинтары. – Чепуха! Это тезисы моего реферата по нейросайенс...

Принцесса Дзинтара с пылающим лицом, молча и не спеша, отступила на шаг от Феба, повернулась и ушла с дня рождения королевы Никки.

Профессор Лвин спал беспокойно и встал рано – купол неба ещё не светился. Ходил по комнате, долго умывался, фыркая и бормоча. Брился ещё дольше. Наконец дотянул до завтрака и спустился на первый этаж гостиницы, в которой он поселился после переезда в Шрёдингер. Отель был невелик и скромн – и это профессору нравилось. Как и уютный гостиничный ресторан.

В неярко освещённом зале никого не было по раннему времени. Профессор сел за любимый столик у окна, и тут же подошла Мэриэн – пухленькая улыбчивая девушка лет двадцати.

– Вы рано сегодня! – улыбнулась она профессору. – Уезжаете куда-то?

Она ловко разгрузила поднос на стол: кувшинчик с чёрным кофе и стакан апельсинового сока, тёплые плюшки, масло и клубничный джем, ломтик молодого козьего сыра и пластинку твёрдой испанской ветчины – всё как любит «герр профессор», как Мэриэн называла постояльца.

– Нет... – Лвин вздохнул. – У меня важный эксперимент в лаборатории, вот и не спится.

– Какой вы умный, герр профессор! – с завистью сказала Мэриэн, забирая пустой поднос. – Всё изобретаете что-то...

– Не завидуйте, – буркнул профессор. – Каждый учёный умён только несколько раз в жизни – остальное время он чувствует себя полным дураком. Сегодняшний опыт будет всего лишь пробный, проверка систем... ждать от него нечего, но опробовать новую установку надо.

Кому-то это покажется смешным: разговаривать о науке с официанткой, но желчный профессор был, как ни странно, демократом и априори полагал интеллект любого собеседника – даже ребёнка – равным его собственному.

Мэриэн, как и другие люди, сразу это почувствовала и прониклась к Лвину симпатией.

Правда, профессор никогда не допускал превосходства интеллекта собеседника, но здесь у него было оправдание – таких людей в реальности он ещё не встречал. Справедливости ради нужно отметить, что профессор многих коллег считал идиотами – но лишь имея тому веские доказательства. И вообще, с учёных спрос совсем иной, чем с обычных людей.

Лвин не спеша позавтракал и вышел на улицу, не забыв поблагодарить Мэриэн, которая уже кормила другую раннюю пташку – молодого остроносого сотрудника местной газеты, который спешил в Луна-Сити на фестиваль самодеятельных артистов и бодро клевал свой утренний омлет с жареными охотничьими колбасками.

Купол уже наливался дневным светом, и профессор быстро зашагал к Гринвич-Центру на главной площади Шрёдингера. Учёный не глазел по сторонам, он шёл не по улице, а по схеме установки, проверяя – всё ли в порядке, всё ли соединено правильно. Был в его практике один вопиющий случай – столько лет прошло, а досада до сих пор грызёт...

Сегодня планировался первый пуск гравидетектора. Рабочий кристалл

– сердце прибора – доставили вчера вечером, и установку можно уже опробовать целиком.

Понятно, что никакой эффект этому варианту установки не поймать – усилительная часть не дотягивала до нужных значений пять порядков, попросту говоря, была в сто тысяч раз грубее, чем нужно для обнаружения реликтового высокочастотного гравизлучения.

Профессор пошёл навстречу королеве Николь и собрал установку сначала без усилительной части. Но королева обещала профинансировать и усилитель. Тогда через пару месяцев установка будет окончательно готова, и Лвин заглянет в древнюю сердцевину мира, получит сигнал прямо из центра Большого Взрыва...

Учёный одёрнул себя – до этого ещё далеко, сегодня нужно согласовать работу жидкогогелиевого контура, магнитной катушки и всех электрических схем. И ещё он переживал: не будут ли сбоить переключатели при низких температурах... Обладает ли полученный кристалл нужным качеством? Не испортила ли фирма-изготовитель с нужным узором дислокаций на решётке?

Профессор сам не заметил, как дошёл до здания и поднялся на лабораторный этаж. Никого из помощников ещё не было. И хорошо – Лвин включил свет и застенчиво-любовно осмотрел груды приборов в середине обширной комнаты. Они были переплетены трубками и шлангами и казались постороннему человеку бессмысленной грудой железа.

Но глаз профессора не застревал в нагромождении алюминиевых ящичков, набитых кусочками кремния и пластика, а видел цельную картину сложного организма, в котором глубокий вакуум, гелиевый холод, магнитное поле и тёмное рубиновое сердце должны были соединиться и поймать самый неуловимый сигнал в мире – древнюю гравитационную волну, крик новорождённой Вселенной.

Двадцать лет ушло на поиск идеи детектора – профессор уверенно считал её гениальной! – и создание установки.

Лвин был мужественным человеком – он понимал, что даже после всех усилий и усилений сигнал может быть не пойман. Но это тоже будет важным результатом – в учебниках и статьях появится строчка: «Согласно измерениям группы Лвина, уровень энергии реликтового гравитационного излучения меньше, чем...» Целая жизнь – и всего одна строчка. Зато все теории Вселенной будут оглядываться на эту строчку, и выживут только те модели, которые не будут ей противоречить.

Но гораздо лучше, чтобы строчка была такой: «По данным группы Лвина, уровень энергии реликтового гравитационного излучения равен...»

Одна строчка может стоить жизни. Часто жизнь пролетает, не оставляя даже слова.

Лвин отогнал печальные мысли – самое интересное только начинается; в ближайшее время пессимизм неуместен.

В коридоре раздались весёлые голоса, и в комнату ввалились сразу трое молодых сотрудников.

– Профессор, вы ночевали здесь, в обнимку с приборами? – удивлённо воскликнул кто-то вместо приветствия.

Нахалы!

– Прекратить болтовню! – шутливо прикрикнул Лвин и махнул рукой на распечатанную коробку на своём столе. – Кристалл вчера прибыл!

– Йохохо! Банзай! – загалдели сотрудники, которых стало уже с полдюжины. – Сегодня состоится исторический пуск гравидетектора!

И все занялись делом.

«Исторический! – усмехнулся про себя Лвин. – Прежде чем достигнуть исторического результата – или хотя бы достоверного его отсутствия – нужно провести сотни пусков...»

Криоспециалист вытащил из упаковочной коробки герметичный бокс с кристаллом и вставил его в центральный блок установки. Все, затаив дыхание, смотрели, как рука с десятком тонких пальцев из металлокерамики открывает контейнер, достаёт тёмно-красный трёхсантиметровый кристалл рубина и осторожно устанавливает в платиновую рамку, висящую на еле заметных кварцевых нитях.

Деликатная операция прошла успешно, и все сотрудники перевели дух.

– Час на охлаждение, а потом будем откачивать гелий, – сказал криоспециалист, и все вокруг забежали: один час – это очень мало! Столько нужно проверить и настроить...

– Какой красивый камень... – с досадой сказала секретарь группы, любуясь кристаллом.

– Конечно, на шее он смотрелся бы лучше, чем в металлическом ящике! – съехидничал юный помощник Лвина. – Особенно если учесть, что этот рубин дороже ювелирного...

Перед самым пуском, когда воздух в комнате уже дрожал от напряжения, неожиданно пришла королева Николь.

Лвин нахмурился – он терпеть не мог посторонних глаз во время пробных пусков. Всё равно что-нибудь закапризничает – потом доказывая лишним наблюдателям, что ты не верблюд, оправдывайся в том, что не нуждается в оправданиях. Просто наука не делается по первому щелчку

тумблера. Уж он-то проверил это на своём опыте многократно...

Оставшиеся до пуска минуты Лвин ходил кругами вокруг установки, проверяя ещё и ещё раз состыковки и узлы.

– Бросьте метаться, профессор, всё в порядке! – сказал помощник с фамильярностью, которая позволительна лишь после месяцев напряжённой работы бок о бок.

Наконец, индикатор давления в камере показал нужный вакуум. Температура кристалла стабильно держалась на глубоком гелиевом минусе.

– Включайте магнитное поле! – сказал свистящим шёпотом профессор.

Магнитное поле должно создать нужную анизотропию, которая позволит поймать сигнал, пришедший с конкретного направления.

Силовой блок загудел, наращивая мощность.

Профессор, сам себя ругая, впился глазами в бронированное стекло, за которым находился рубиновый кристалл. Лвин понимал, что глаз тут бесполезен, и это смотрение в стеклышко было лишь психологической слабостью. Лазерный луч отражался от граней кристалла и должен был зафиксировать малейшие его колебания. Если всё будет хорошо, то кристалл повернётся на ничтожный угол, но лазерный луч поймает любое микродвижение...

Профессор чертыхнулся и напомнил себе, что в установке ещё не смонтирован усилительный блок, и поэтому даже наносмещения кристалла не будет. Но всё равно таращился в окошко как нетерпеливый студент, наивно надеясь лишь на собственные глаза.

У бокового окна бокса стояла королева Николь и широко раскрытыми глазами тоже смотрела на кристалл.

Остальные сотрудники дежурили у приборов и экранов, отслеживая работу охлаждающих систем и мощности магнитного поля.

– Магнитное поле: девяносто процентов... – сказал молодой взволнованный голос.

Напряжение сгущалось: выйдет ли кристалл на рабочий режим? Если да – это будет означать, что главная часть установки работоспособна и можно двигаться дальше – наращивая точность измерения наклонов лазерного луча, пытаясь получить максимум точности, а потом долго копить измерения, суммируя результаты за долгие месяцы и вылавливая реакцию кристалла, отличную от нуля.

– Поле девяносто пять процентов...

Шутники вывели сигнал от лазерного датчика на динамик, и теперь отклонение кристалла вызывало нежное пение, которое всем изрядно надоело за время тестов установки.

– Девяносто девять!

Вспыхнула лампочка – критическое поле достигнуто.

Вдруг динамик по-медвежьи рявкнул, и одновременно раздался звук выстрела.

Профессор отпрянул от бронированного стекла, покрывшегося густой паутиной трещин, и взревел:

– Что за дьявольщина!

Лвин попытался рассмотреть внутренность бокса, но через повреждённое стекло ему это не удалось. Тогда он перебежал к свободному окошку и увидел ужасную картину: кристалл сорвало с платиновой рамки и вбило в бронированное стекло. Оно потрескалось, а кристалл, росший в раскалённом автоклаве три месяца и стоявший целое состояние, разбился на мелкие кусочки, разбросанные по всей вакуумной камере.

– Что случилось?! Кто мне объяснит?! – крикнул взбешённый профессор. – Что за взрыв?!

– Не понимаю, – ошарашенно сказал старший помощник. – Все параметры в норме, даже вакуумная система сохраняет герметичность... Просто кристалл сорвало с крепления. Он полетел в том же направлении, в каком должен был лишь отклониться...

– В том же? – вдруг воскликнула королева Николь, о присутствии которой Лвин уже позабыл. – Тогда я знаю, что произошло!

– Вы? – сердито сказал профессор, который всё ещё не мог оторваться от кошмарного зрелища разбитого кристалла. – И что же, по-вашему, произошло?!

А королева рассмеялась:

– Профессор, вы нашли свои волны! Просто они на много порядков сильнее, чем вы рассчитывали. Зато они как раз такие, как я думала. Поздравляю, профессор Лвин: вы стали первым лауреатом премии Эйнштейна, которую только что учредил Гринвич-Центр. Она равна десяти Нобелевским премиям.

Поднялся невообразимый шум.

– А вы все... – Никки обратилась к группе Лвина, – получаете в качестве премии по годовому окладу.

От гвалта и криков задрезбжали стены, а приборы нервно замигали индикаторами и заводили стрелками.

– Профессор, вы поставили рекорд! – влез фамильярный помощник. – Вы оторвали премию в десять нобелевок всего через минуту после открытия! Обычно такого события ждут десятилетиями!

Профессор всё ещё не мог поверить в то, что лежащие в боксе осколки

кристалла означают нечто большее, чем неудачная проба установки.

Неужели волновой фон так силен! Боги космоса, это же совершенно фантастический результат... Да, королева что-то такое говорила о своих надеждах, но профессор не мог смотреть на неё иначе как на умную, но очень юную девушку, малопонятные фантазии которой не имеют отношения к реальности.

Но кристалл, выломавший рамку крепления, взломал и старые предубеждения.

– Значит, усилитель больше не нужен? – профессор задал сам себе глупый вопрос.

– Нет, не нужен! – смеясь, подтвердила Никки. – А нужна миниатюризация установки и поиск для неё рабочего кристалла подешевле и попрочнее...

– Это уже не научная, а инженерная часть работы... – пробормотал профессор, всё ещё таращась в окошко бокса.

– Профессор, вы уже вышли за рамки чистой науки! – сказала Никки. – Вы совершили прорыв в будущее. Древняя энергия Вселенной станет новой кровью подуставшей человеческой цивилизации и изменит мир уже в ближайшие годы. И вы стоите у истока этих изменений!

Профессор отвернулся от разбитого прибора и улыбающейся королевы, устало добрёл до своего стола и сел в кресло, совершенно обессиленный.

А кругом шумела радостная молодёжь. У ассистента Стефанопулоса нашлась бутылка с домашним столовым вином – и в ход пошли пробирки и пластиковые крышки от ёмкостей с жидким азотом.

Кто-то сунул в руку профессора мензурку с вином, кто-то бесцеремонно тряс его за плечо, но он не реагировал, а смятённо и горько думал:

«Вот я и вписал свою строчку... Вот и вписал... Что бы ни говорила королева, но дальше пойдут другие – молодые, практичные... А моя дистанция кончилась... Я долго бежал, и меня чествуют как победителя, но только я понимаю, что победа – это конец, разорванная финишная ленточка... Точка, где жизнь превращается в строчку... в последнюю строчку...»

Королевские обязанности Никки росли как ком, катящийся в тёплом, липком снегу, и ей всё реже удавалось погулять с Джерри в лесу или парке. Юноша расстраивался, но ничего не мог поделать. И в этот раз он в одиночестве отправился в лес подышать свежим воздухом. Парка он стал

избегать после памятного разговора с Элизой. В лесу спокойнее, там можно было найти совершенно укромные места. Джерри взял с собой лаптоп, чтобы поработать с книгой отца, и зашагал в дальний уголок леса, незаметно оглядываясь – он хотел быть уверенным, что его никто не видит.

На дорожке лежали косые утренние тени. Рассвет совсем недавно сменил двухнедельную лунную ночь, и птицы без устали пересвистывались в кронах деревьев радостной новостью о долгожданном восходе солнца.

Джерри с наслаждением вдыхал густой аромат прелой старой хвои, перебиваемый струями острого запаха молодой зелени. Иногда дорожка выбегала на небольшие солнечные полянки – и в лицо веял горячий ягодный дух.

У мшистого соснового пня юноша обернулся. Вокруг никого не было, лишь в луче света танцевала оранжевая бабочка. Юноша сошёл с тропы и двинулся прямо в гущу кустов. Через пару минут он вышел на знакомую полянку, окружённую зелёно-голубыми колорадскими елями. Полянка отличалась от десятка других подобных лишь хаосом крупных камней посередине. Две плиты образовывали что-то вроде кресла; Джерри с удовольствием устроился на камнях, положил голову на тёплый шероховатый монолит и вытянул ноги.

Солнце светило прямо в лицо. Юноша закрыл глаза и постепенно погрузился в приятно-расслабленное состояние ничегонеделания, доступное только очень усталым людям. А Джерри доставалось в последнее время не меньше Никки, разве что дела его не носили великосветского характера, и он мог заниматься ими где угодно. «Бедная Никки, – подумал он, – ей даже некогда выйти погреться на солнышке...» Он здорово не высыпался при двойной нагрузке – занятия в Колледже и работа в Центре – и на него незаметно навалилась дремота. Даже какой-то странный сон стал сниться.

Но недолго – на лицо юноши упала тень, и он открыл глаза.

Кто-то стоял перед ним, загораживая солнце. Лицо человека совершенно не различалось из-за солнечного сияния, но по фигуре было понятно, что это девушка.

– Никки? – ослеплённо моргая, озадаченно спросил Джерри.

– Вот и не угадал, – весело засмеялась девушка и села рядом на валун.

«Рогатый эльф!» – ругнулся про себя Джерри, наконец рассмотрев Элизу.

– Как ты меня нашла? – удивлённо спросил он.

Она неопределённо пожала плечом, на котором сидела оранжевая бабочка.

– А ты прятался? Я тоже знаю эту полянку. А что ты хочешь тут делать?

Джерри больше всего хотелось встать и уйти, но это было бы предельно невежливо. Он прохладно ответил, прозрачно намекая в прошедшем времени:

– Собирался немного поработать на свежем воздухе.

– Да брось ты, сколько можно работать! – засмеялась Элиза. – Ты и так лучший ученик среди Сов.

Элиза совершенно не расстроилась из-за того, что Джерри обозначился и назвал её чужим именем – да ещё каким! – и в её голосе слышалась нескрываемая радость.

– Вовсе нет, – отрицательно качнул головой Джерри. – И у меня есть другие дела.

– Я знаю, – сказала Элиза. – Ты работаешь в Центре королевы Гринвич.

– Да, – сухо согласился Джерри, – у Никки.

– О нет! – с непонятым торжеством воскликнула Элиза. – Джерри, ты должен понять: твоя подружка уже не просто сотрапезница Никки. Она – королева! Младшая принцесса Дзинтара уже несопоставима с ней титулом.

– Ну и что? – нахмурился Джерри.

– Чудак! – рассмеялась девушка.

Джерри присмотрелся к ней внимательнее. Улыбающаяся Элиза была одета легко – на ней красовались лишь шорты-хаки и белая футболка. Загорелые ноги босы, лишь защищены от колючих шишек гибкими прозрачными подошвами. Рыжие пышные волосы до плеч золотились на солнце, зелёные глаза Элизы ласково смотрели на Джерри. Оранжевая, в тон волосам, бабочка сидела на плече девушки изящной брошкой.

«Шпионка!» – сердито подумал на бабочку юноша. Была бы его досада меньше, если бы рыжеволосая девушка не была так эффектна?

«Уран на боку! Какая неловкость!»

Джерри прекрасно знал, что Элиза в него влюблена, а умница Элиза отлично понимала, что он знает про это. А когда рядом с юношей сидит красивая и влюблённая в него девушка, то воздух становится наэлектризованным, как перед грозой. И эта напряжённость только усиливается от того факта, что сердце юноши давно занято, и он никак не может ответить на чувство девушки.

Даже если она первая красавица Колледжа!

– Джерри, ты совершенно не представляешь, что такое – быть королевой, – пустилась в объяснения Элиза. – Это принципиально другой

уровень проблем и обязанностей, чем у нас – простых смертных. Когда я узнала, что Никки стала королевой, я очень обрадовалась! – откровенно воскликнула девушка.

– Да? – удивился Джерри.

– Конечно! – засмеялась Элиза. – Я сразу поняла, что ваша... дружба обречена. Никки перешла на уровень, когда привязанности к обычным людям уже не существенны.

– Я так не думаю, – сухо сказал юноша.

– Джерри, я лично хорошо знакома с несколькими королевскими фамилиями, – вздохнула Элиза, – включая *настоящих* королей. Их брак рассчитывается по стольким параметрам... Королям не разрешены нормальные чувства и эмоции – они заложники своего положения.

– Кажется, ты не очень любишь королей, – с трудом улыбаясь, сказал Джерри.

Элиза заглянула в глаза юноше.

– Джерри, я не эгоистка, которая думает только о себе. Я знаю, что ты остался один после смерти родителей, и понимаю, что дружба с Никки для тебя важна...

Девушка замялась.

– Я хочу, чтобы ты знал – у тебя есть ещё... один друг, которому ты... очень дорог. И мне страшно подумать, что будет, когда... Если бы Никки просто осталась богатой рантье и не лезла в политику... Но у неё амбициозные планы. Она должна войти в союз с другими королевствами, а главный путь для этого – брак с принцем другой династии... Милый Джерри, у тебя нет шансов стать мужем королевы, – серьезно и с сочувствием сказала Элиза.

Джерри сдавило грудь. Он понимал, что Элиза говорит искренне, но его мозг отказывался верить услышанному.

– Я ещё не могу предсказывать будущее – вот доживу до него и там посмотрю... – сказал он мрачно.

– Конечно... – вздохнула Элиза. – Но я должна была тебя предупредить. Я знаю, что Никки платит за твоё обучение, и ты признателен ей за это. В таких условиях ты просто вынужден работать на неё.

– Мы работаем вместе не из-за этого, – возразил Джерри.

– Может, вопрос финансового долга сейчас не важен для тебя, но он – тот камень, который будет держать тебя в центре Гринвич, даже если ты захочешь уйти оттуда.

– Почему я должен захотеть уйти оттуда? – сердито удивился Джерри.

– Когда владельцем центра окажется не просто Никки, а королева Николь с мужем, каким-нибудь принцем, – медленно сказала Элиза, – тебе там будет трудно работать.

– Опять ты за своё! – рассердился не на шутку Джерри.

– Джерри, это может случиться скорее, чем ты думаешь, – сказала Элиза. – С юными королевами и принцессами часто так...

Мрачное молчание.

– У меня к тебе есть предложение... скорее – просьба... – продолжала Элиза.

– Какое предложение? – буркнул юноша.

– Пожалуйста, не сердись, милый Джерри! – воскликнула Элиза. – Не сердись и не хмурься! Я просто хочу, чтобы ты знал: у меня много денег. На сегодняшний день моё личное состояние, за которое я никому не даю отчёт, около двух миллиардов. Любимая прабабушка надарила... Ты можешь взять у меня сколько нужно денег и расплатиться с Никки.

Джерри хотел возразить, но Элиза предостерегающе подняла руку и добавила:

– У меня одних процентов набегает в год столько, что твой долг – ничтожная сумма для меня. Ничего не прошу, никаких условий не ставлю, ты ничем не будешь мне обязан – это я буду рада, что смогла помочь тебе хоть чем-то...

Девушка говорила с таким искренним чувством, что злость Джерри куда-то испарилась, и он тихо сказал:

– Спасибо за предложение, Элиза, – он, конечно, не собирался у неё одалживаться, но оценил её слова.

– Чудная полянка! – сказала девушка, оглянувшись вокруг. – И солнышко приятное, нежаркое.

Элиза легко поднялась на ноги. Сделала несколько длинных загорелых шагов по лужайке, а потом вдруг сняла футболку и бросила её на траву, оставшись в купальнике.

– Можно, я позагораю рядом?

Что можно ответить на такой вопрос?

Элиза закинула руки за голову и с очаровательной непосредственностью потянулась на солнышке.

– Я тебе нравлюсь? Я – красивая? – вдруг спросила девушка.

Джерри не умел врать:

– Ты не можешь не нравиться, ты – первая красавица Колледжа. Но какое это сейчас имеет значение?

Элиза радостно улыбнулась.

– Мне это важно знать! А *будет* ли это иметь значение?.. Доживем до будущего, а там посмотрим... – повторила она слова Джерри.

– Я хотел бы поработать, – наконец решился сказать юноша. – У меня много дел, которые надо сделать до завтра...

Элиза резко помрачнела – словно внутри неё выключили свет. Плечи девушки ссутулились, а голова наклонилась. Рыжие волосы потускнели и загородили лицо.

Элиза стояла неподвижно, опустив руки.

Вдруг на землю стали падать крупные прозрачные капли, поблёскивая на солнце. Они летели вниз медленно и часто, разбиваясь и оседая росой на траве.

– Что случилось, Элиза? – вскочил Джерри.

Девушка не отвечала.

Джерри заглянул ей в лицо. Оно было искажено такой мукой, что юноша вздрогнул.

– Элиза?

Слёзы лились беззвучно и непрерывно.

Джерри взял девушку за плечи и тихонько встряхнул, пытаясь привести в чувство. В ответ Элиза неожиданно прижалась к Джерри и спрятала лицо на его груди. Юноша замер. Девушка всхлипывала и бормотала:

– Джерри... Джерри... я потерялась и не могу себя найти... у меня всё валится из рук...

Рубашка юноши быстро промокала. Отсыревшие слова еле долетали до слуха юноши, но слёзы были красноречивей слов.

– Джерри... ты мне снишься каждую ночь... я просто схожу с ума... я никогда не думала, что это может быть ТАК сильно...

Элиза подняла заплаканное лицо и посмотрела на него с таким отчаянием и такой надеждой, что он почувствовал себя последним негодяем.

Их губы были очень близки. Элиза закрыла глаза и замерла.

Не ответить на такое чувство – это как ударить ребёнка.

Но Джерри сказал:

– Элиза, я люблю Никки!

В его голосе были и боль, и непреклонная решимость.

Девушка вскрикнула, как птица, жестоко раненная на лету, сверкнула заплаканными глазами и, не разбирая дороги, вихрем умчалась в чащу леса – оскорблённая и прекрасная, в облаке огненных волос.

Джерри остался на солнечной тихой полянке один, тяжело переводя

дыхание и пытаюсь поднять упавшее сердце.

Оранжевая бабочка спикировала на ослепительно-белую футболку, брошенную хозяйкой, вцепилась в неё всеми лапками и, натужно жужжа, как огромный шмель, поднялась в воздух и медленно полетела вслед за Элизой.

– Чёрт! Дьявол! Чёрт! – Джерри был совершенно выбит из колеи.
Забывший лаптоп валялся у камней.

Глава 15

Император северных

В пятницу во время ужина Никки обратилась к Дзинтаре непривычно официально:

– Принцесса Дзинтара, могу я попросить вас представить меня королю Шихину?

Дзинтара вскинула красивые чёрные глаза:

– Когда?

– Как можно быстрее... – сказала Никки, вернувшись к обычному тону, – у меня к нему важный разговор. Ты же понимаешь, что я не буду по пустякам тревожить такого человека. Дело прямо касается вашей династии, но в детали я не хотела бы сейчас вдаваться.

Дзинтара задумалась и кивнула.

– Поговорим из моей комнаты – там спокойнее.

Комната принцессы, в которую Никки попала впервые, поразила её шкафом, полным старых бумажных книг, и огромной белой шкурой на кровати.

– Чей это мех?

– Полярного медведя, – сказала Дзинтара, – память о единственном моём убийстве... Напоминание, чтобы оно осталось единственным.

– Зачем же ты на него охотилась?

– По детской наивности мне думалось, что... будет интересно, но оказалось, что это не так... – ответила русская принцесса. – Не думай, что этот зверь был тихим плюшевым мишкой: он задрал человека, поэтому и выдали лицензию на его отстрел. Но убийство даже такого людоеда мне категорически не понравилось. Больше не буду никого лишать жизни. Даже в биологии выбрала мирную ботанику.

– Я тебя понимаю... – Никки глубоко вздохнула, – осознавать себя причиной смерти даже убийц – очень болезненное ощущение.

Другой примечательной деталью в комнате Дзинтары оказались старые картины маслом. Самая большая изображала крепкого старика-шахтёра с седеющей бородой, присевшего в подземном штреке на тачку, нагруженную породой. Старик опирался на истончившуюся от работы рукоять кирки и был одет в грубую зелёную куртку со швами наружу, тёмную шапку и шарф из красной клетчатой шотландки. Брюки перехвачены ниже колен верёвочками – чтобы горная пыль не набивалась.

Живые глаза старика устало и настороженно смотрели прямо на Никки – куда бы она ни перемещалась в комнатном тесном пространстве.

– Девятнадцатый век, малоизвестный английский художник Шау, но мне нравится, – сказала Дзинтара. – Этот старик смотрит сквозь время и напоминает мне о моих предках, которые работали в уральских горах. Я сама купила эту картину у Кристи.

Остальные картины были пейзажами. Выполненные крупными мазками, вблизи они выглядели почти хаотично, а при взгляде с расстояния превращались в яркую картину сада, берега с лодками или старинного города.

– Французские импрессионисты, – пояснила принцесса, – большей частью – Ван-Гог.

– Оригиналы?

– Далеко не все, – с сожалением вздохнула хозяйка комнаты. – Ван-Гога просто невозможно достать. Это молекулярно-прецизионные копии.

– Ван-Гог – тоже девятнадцатый век? – сказала Никки, указав на картину с огромными звёздами, вокруг которых удивительно завихрялось, искривлялось небо. – Хм... этот гений предвосхитил Эйнштейна: художник раньше учёного понял, что ослепительная и могучая звезда просто НЕ МОЖЕТ оставить пространство вокруг себя мёртвым и равнодушным.

Дзинтара кивнула:

– Знаменитая «Звёздная ночь».

– Что это за книги? – спросила Никки, с любопытством глядя на позолоченные старинные обложки за стеклом шкафа.

– Сочинения моих любимых поэтов и писателей.

– Сколько же языков ты знаешь? – спросила Никки, разглядывая названия, где ей часто были не только непонятны слова – даже буквы принадлежали не известным ей алфавитам.

– Свободно – только два, – невозмутимо сказала Дзинтара, – английский и русский. Хорошо знаю испанский и японский. Неплохо читаю на китайском и французском. Ну и итальянский, португальский и немецкий – на уровне бытовой беседы, шопинга и заказа в ресторане.

– Потрясающе, – позавидовала Никки, – а я, кроме английского, только начала учить французский. Это родной язык мамы. С детства помню лишь: «Са ва? Тре бьен...» и мамину колыбельную.

– Зато у тебя масса других талантов, – улыбнулась Дзинтара.

– Почему книги так старо выглядят?

– Здесь только прижизненные издания с автографом автора... – спокойно сказала Дзинтара. – Мне нравится брать в руки книгу, которую

держал сам поэт. Это похоже на братское рукопожатие...

– Здорово! – восхитилась Никки. – Наверное, каждая такая книга стоит целое состояние.

– Наверное, – равнодушно пожала плечами принцесса и нажала кнопку на своём т-фоне.

Большой настенный экран не зажегся, но буквально через секунду раздался сильный мужской голос:

– Здравствуй, моя девочка, почему я тебя не вижу?

– Здравствуй, папа, – улыбаясь, сказала Дзинтара, – позволь представить тебе мою подругу Никки Гринвич, она хочет поговорить с тобой.

– Отлично, я сам давно хотел познакомиться с этой юной королевой! – энергично сказал мужчина, и Дзинтара ещё раз нажала кнопку.

На экране во весь рост появился мускулистый человек средних лет с тёмно-каштановыми волосами и широкоскулым насмешливым лицом, одетый в белые брюки и облегающую мягкую рубашку цвета тёмной сирени.

– Здравствуйте, королева Николь, – церемонно поклонился он Никки, слегка смутившейся от всё ещё непривычного для неё обращения. Она тоже наклонила голову и вежливо сказала:

– Для меня большая честь познакомиться с вами, король Алекс!

– Если вы разрешите звать себя Никки, то я буду рад откликаться на имя Алекс, – улыбнулся король Шихин.

– С удовольствием, Алекс.

После чего Шихин повернулся к дочери.

– Ты выглядишь отлично и весело, Дзи! Кажется, Школа Эйнштейна тебе по-прежнему нравится?

– Да, – сказала Дзинтара, – здесь атмосфера... даже лучше, чем я ожидала. И хочу тебе сказать, что Никки составляет важный элемент этой атмосферы – она умная, смелая и непосредственная. Мы с ней сидим за одним столом, и я её хорошо знаю. Она никогда не врёт и не кланяется никому, даже королям. Мои знакомые принцессы просто скучные дуры по сравнению с ней.

Никки удивлённо посмотрела на Дзинтару – та никогда раньше не говорила так о ней.

– Я знаю, она уникальна, – кивнул Шихин, – и рад, что вы – подруги. О чём вы хотите поговорить, дорогая Никки?

– Буду краткой, – сказала Никки, – но готова обсудить всё подробнее. Алекс, вы имеете представление о математической теории катастроф и

социосистемной математике?

– Да, – лаконично ответил Шихин.

– Тогда вы знаете, что стабильность Северной группировки династий описывается системным уравнением девятого порядка, а стабильность всей человеческой цивилизации – это уравнение десятого порядка.

– Знаю, поэтому попытки Южных династий изменить что-то в расстановке сил на мировой арене всегда оканчивались неудачей. Все эти попытки попадали в категорию воздействия на уровне низших порядков и не нарушали стабильности системы.

– По моим данным, – спокойно сказала Никки, – сейчас Южные готовят бифуркационную технологию четвёртого уровня, что понизит цивилизационную стабильность до шестого порядка и позволит не только свалить Северную группировку, но и изменить мировую линию всей цивилизации.

Широкоскулое лицо Алекса Шихина отвердело. Наступила краткая пауза.

– У вас есть более детальная информация? – спросил император Северных.

– Да, есть. И контрпредложение тоже четвёртого уровня.

Глаза Шихина расширились.

– Не продолжайте, пожалуйста. Сегодня пятница, все занятия в школе уже кончились. Никки, могу я пригласить вас вместе с Дзи провести уик-энд в нашем замке? Здесь мы сможем поговорить спокойно.

Никки согласно наклонила голову. Лицо Дзинтары выражало некоторую растерянность.

– Через сорок минут мой катер заберёт вас у Главной Башни.

– Нам нужна охрана, – серьёзно сказала Никки, – парочка истребителей для эскорта не помешают.

Шихин кивнул:

– До встречи.

То, что король Шихин назвал катером, оказалось на деле крейсером – небольшим, но с мощным вооружением, который еле уместился в немалом шлюзе Колледжа. Когда Дзинтара с сумкой, а Никки с огромным чемоданом подошли к Главной Башне, их встретили человек десять из службы безопасности династии Шихиных, а над куполом мерцали габаритные огни шести боевых истребителей, ожидающих взлёта катера.

– Кажется, твой отец переборщил в ответ на мою просьбу, Дзинтара, – подняла брови Никки.

– Ничего, – успокаивающе сказала принцесса, – хотя я никогда не улетаю из Колледжа с такой помпой, но русские считают, что кашу маслом не испортишь...

– Интересная поговорка, щедрая...

Охранники профессионально сканировали взглядом окрестности и подчеркнуто не обращали на девушек внимания. Зато капитан катера в парадной форме космолота клана Шихиных вежливо поклонился Никки и Дзинтаре.

– Ваше величество, ваше высочество, – приветствовал он их в порядке, предписанном этикетом, – добро пожаловать на борт.

Катер поразил Никки роскошью кают-компаний. В центре стоял изумительный стол из цельного куска зелёного узорчатого камня.

– Малахит, – ответила Дзинтара на вопросительный взгляд Маугли.

Мягкие кожаные диваны полукольцом окружали это настоящее произведение искусства. Династия Шихиных высоко ценила натуральность. Камень, кожа и дерево. Никаких пластиков, ничего искусственного, даже металла в кают-компаниях почти не было, за исключением чугунных каминных щипцов узорного литья, бронзовых подсвечников и дверных ручек. Особенно восхитил Никки камин из чёрного, с золотыми прожилками камня – в космическом-то корабле! – уже разожжённый к их приходу. Пока девушки устраивались в кают-компаниях, где Никки поставила чемодан рядом с собой, катер неслышно взлетел и, в сопровождении эскадрильи истребителей, направился в сторону Луна-Сити, в фамильную резиденцию клана Шихиных.

За бортом раскинулась двухнедельная ночь, и на поверхности Луны, кроме редких пятен светящихся куполов, смотреть было не на что. Дзинтара устроилась у камина и потребовала себе фруктового пива. Никки заказала кьянти, и стюард в старинном фраке принёс его – настоящее итальянское! – и налил в пузатый бокал тонкого стекла, показав сначала Никки бутылку с этикеткой на незнакомом языке.

Обе девушки уютно забрались с ногами на мягкий диван.

– Ты столько комплиментов мне отвесила, – посмотрела Никки на Дзинтару, – на тебя совсем не похоже.

– Для отца важно знать, как я к тебе отношусь, – сделала величественный вид Дзинтара, – так что это была чисто деловая характеристика.

– Какая деловая принцесса! – хихикнула Никки.

– Ты на себя посмотри, – смешливо фыркнула Дзинтара, – социосистемная математика... контрмеры четвёртого уровня...

– Тс-с, – мгновенно посерьёзна Никки. – Не повторяй больше никому. Учти, это очень опасная информация – отчасти поэтому они и летят вокруг нас, – она указала на обзорные экраны, где виднелись огни истребителей.

– Хорошо, хорошо, – торопливо и виновато отозвалась Дзинтара, – я всё поняла...

Помолчав, принцесса вполголоса спросила:

– Ты хоть растолкуй в общих чертах, что означает – технологии разных уровней?

Никки охотно разъяснила:

– Технология первого уровня – это важнейшие из открытий или изобретений, сделанных в течение года. Например, какая-нибудь сверхэкономичная лампочка. Технологии второго уровня – это самые важные достижения за десять лет, что-нибудь вроде информационного кристалла. Третий уровень присваивается технологиям, важным в масштабах века, – паровая машина, самолёт, телефон. Самые значимые технологии важны в масштабах тысячелетия – книгопечатание, математическое описание природы, ядерная энергия, космические корабли, компьютеры. Это – технологии четвёртого уровня, и они своим появлением определяют основные повороты истории.

– Ясно! Значит, технологии четвёртого уровня – горячая штука! – пошутила принцесса.

Юная королева кивнула, не улыбнувшись.

Не долетев до Луна-Сити, светящегося ярким заревом впереди, катер пошёл на снижение, нацелившись на отдельный купол, который был, пожалуй, даже больше купола Колледжа. Стройная громада замка пробивала центр стеклянной выпуклости и вздымалась на головокружительную высоту, полыхая огнями сверху донизу. Великолепное зрелище в темноте лунной ночи.

– О Андромеда! – воскликнула Никки.

– Самое высокое строение Солнечной системы, – сказала Дзинтара, – папа делает лунный бетон, так что всё строилось из своего материала...

В голову Никки вдруг пришла, скорее ввалилась, паническая мысль:

«Ты – вчерашняя Маугли. В своём ли ты уме, что напросилась на приём к императору, живущему в высочайшем дворце и управляющему половиной мира?»

Дикая Маугли встrepенулась, внимательно рассмотрела эту мысль – и выбросила её из головы, как слишком цивилизованную.

Крейсер влетел в верхние замковые ворота, расположенные над самым

куполом, и виртуозно приземлился в середине огромного шлюза.

Королеву и принцессу встретил у входа в замок невообразимо величественный дворецкий в тёмно-зелёном фраке. Он церемонно проводил их в помещение, от которого Никки раскрыла рот – зал, отделанный уже знакомым зелёным узорчатым камнем и золотыми орнаментами, был сказочно красив.

За большим столом, окружённым высокими креслами травяного бархата, сидел Алекс Шихин и разговаривал с кем-то на настольном экране. Увидев входящих гостей, он торопливо попрощался с собеседником и быстро пошёл навстречу.

– Рад встрече, дорогая Никки, – и он поцеловал ей руку, опять повергнув девушку в смущение.

Дочь он ласково обнял и поцеловал в лоб, потом пригласил обеих за стол. Заметив чемодан у Никки, он удивлённо спросил дворецкого:

– Слав, почему вы не унесли багаж Никки в её комнату?

– Мне он нужен, – торопливо сказала девушка.

Шихин кивнул и перестал обращать внимание на чемодан.

– Хотите поесть? – спросил он Никки и Дзинтару.

– Мы только что из кафе Колледжа, – ответила Дзинтара.

– Что ж, тогда мы можем поговорить? – вопросительно обратился старший Шихин к Никки.

Та кивнула. Король повернулся к Дзинтаре и замялся.

– Прости, Дзи, но я не хочу, чтобы ты присутствовала при разговоре. Это слишком опасно и может осложнить твою жизнь.

Дзинтара нахмурила брови – ей не понравился такой поворот событий.

– Носитель подобной информации окажется в таком фокусе... внешней заинтересованности, что его придётся охранять, – вздохнул Шихин.

– Я тебе говорила об этом, – посмотрела на Дзинтару Никки, – ты же не хочешь, чтобы тебя всюду сопровождала эскадрилья истребителей?

– Но, значит, и Никки в опасности? – продолжала хмуриться Дзинтара.

– Конечно, но она королева своей династии, – серьёзно сказал Алекс, – и у неё нет выбора. Извини, Дзинтара, я не могу подвергать тебя такому риску. На этом совещании будем присутствовать только мы со Стефаном. Потом посмотрю, что можно будет рассказать тебе, маме и остальным.

– Ладно, оставайтесь с вашими секретами, – поднялась недовольная Дзинтара. – Мама у себя?

– Да, она уже знает, что ты прилетела, и ждёт тебя, – виновато улыбнулся Алекс дочери.

Дзинтара махнула Никки рукой и ушла. Алекс нажал кнопку т-фона:

– Стефан, мы в Малахитовом зале! – и повернулся к Никки:

– Может, всё-таки хотите что-нибудь выпить?

И она не удержалась от заказа – когда ещё попробуешь настоящего итальянского кьянти?

Через несколько минут в зал вошёл высокий молодой человек лет двадцати, с красивым высокомерным лицом и чёрными вьющимися волосами.

– Королева Никки, – тон Шихина стал официальным, – разрешите представить вам старшего принца Стефана.

Принц внимательным взглядом измерил девушку – один раз вдоль и два раза поперёк, – потом вежливо поцеловал ей руку.

– Рада знакомству, принц Стефан, – сказала Никки, пытаясь привыкнуть к королевским обычаям.

– Зовите меня Стефан или Стив, как вам удобнее, – сказал тот, не отводя глаз от девушки с хрустальными волосами, которая выглядела очень привлекательно в узком брючном костюме.

– Тогда вы меня – просто Никки, – согласилась она.

Они сели вокруг стола, и Алекс спросил:

– Что вы хотели нам рассказать, Никки?

Как обычно, Никки не стала ходить вокруг да около.

– Мой научный центр получил и проанализировал важную информацию об одной из главных исследовательских корпораций Южных династий и пришёл к следующему выводу: Южная группировка реализует в последние пятьдесят лет долгосрочный план по коррекции канала мирового развития. Принятие закона о геносвободе – важнейший элемент этого плана.

Её слушали внимательно.

– Как показывает анализ деталей этого плана, он – не самостоятельная операция, а часть более обширного замысла. Есть серьёзные основания полагать, что план Южных рассчитан на появление бифуркационной технологии четвертого уровня, которая способна понизить уравнение стабильности цивилизации с десятого до шестого порядка и привести к кардинальному изменению расстановки сил на мировой арене. В точке бифуркации, связанной с новой технологией, канал исторического развития человечества будет повернут в нужную Южным сторону.

В Малахитовом зале было совершенно тихо. Король и принц не отрывали глаз от лица Никки.

– Суть ожидаемой бифуркационной точки засекречена так, что прямую

информацию о ней добыть невозможно, но, после обработки косвенной информации и моделирования различных вариантов, мы полагаем, что речь идёт об открытии способа значительного продолжения жизни человека – до тысячи лет, а, может быть, и до потенциального бессмертия.

Никкины слушатели на этом месте переглянулись.

– Отличная работа, Никки, – похвалил Алекс, – мои аналитики потратили на получение аналогичных выводов гораздо больше времени.

– Очень хорошо, что вы уже знаете об этом, – кивнула ничуть не удивлённая Никки. – Могу я спросить, какие контрмеры вы планируете?

Королева отпила из бокала, смягчая уставшее горло.

– Сложный вопрос, – вздохнул Алекс. – Южные опережают нас в медико-генетических исследованиях. Мы тоже активно работаем над технологией бессмертия, но, даже если мы обгоним Южных, это не снимет сути бифуркационной точки – человечество входит в стадию резкого изменения цивилизационного статуса. Вопрос заключается лишь в том, кто – Северные или Южные – будет извлекать из этого переломного момента пользу для себя. Вы ведь и сами понимаете, что многократное увеличение продолжительности жизни, разрешённое законом о геносвободе, приведёт к стремительному росту населения – и мы окажемся перед лицом демографического краха.

– Вероятнее всего, – согласилась Никки, – полноценное увеличение жизни будет доступно только избранным; остальные попадут в полную зависимость к владельцам секрета бессмертия, пресмыкаясь за лишние десять-двадцать лет жизни для себя и своей семьи. Торговля долголетием даст Южным королям колоссальную власть над миром. Северные группировки будут уничтожены, вернее, поглощены Южными династиями, и на Земле воцарится фактическая диктатура. Элита Южных превратится в касту сверхлюдей-долгожителей. Они пойдут по пути генетического улучшения до предела. Возникнет иной вид разумных существ, и человечество будет расколото навсегда.

– Да, что-то подобное мы тоже предвидим, – Алекс с нескрываемым удивлением глядел на юную девушку, подружку своей дочери.

– Вы правы в том, – сказала Никки, – что если Северные первыми найдут методику бессмертия, то сценарий будет смягчён, но аналогичен: массовое распространение долголетия породит демографические проблемы, – значит, бессмертными станут лишь богатые люди и самые ценные специалисты. Неизбежно возникнут группа долгожителей и острый социальный конфликт, который придётся гасить диктаторской – или почти диктаторской – властью. Вы это тоже знаете?

– Увы, да, – мрачно кивнул Алекс.

– Итак, я вижу две главные задачи... – продолжила Никки. – Первая задача: опередить Южных в открытии секрета бессмертия. Нужно помешать Южным извлечь сверхприбыль из этого открытия, не дать им установить мировую диктатуру касты сверхлюдей – долгожителей и мутантов.

Король и принц слушали внимательно.

– Вторая задача: справедливо использовать открытие долголетия – сделать бессмертие доступным для всех. Значит, нам нужно преодолеть неизбежный демографический кризис и создать для растущего населения Земли новые жизненные пространства, обеспеченные энергией, продовольствием и культурной инфраструктурой.

– Неразрешимый комплекс задач, – бодро сказал юный Стефан.

– Вы себя относите к Северным, Никки? – поинтересовался Алекс.

– Для разрушения плана Южных я буду рада сотрудничать с Северными. Хотя бы из-за того, что именно Южные сознательно и целенаправленно толкают мир к диктатуре. Мои родители... и другие люди стали жертвой их плана. Но если Северные будут действовать так же, как и Южные, то наш союз станет невозможным.

– Понимаю вас, – наклонил голову Алекс. – Вы говорили о каких-то контрмерах?

Никки молча встала и открыла свой огромный чемодан. Алекс со Стефаном невольно вытянули шеи. Девушка достала что-то вроде куба и развернула на нём складные подлокотники и спинку. Получилось небольшое массивное кресло, в которое Никки и села.

Раздался нарастающий лёгкий свист, после чего кресло с девушкой медленно поднялось в воздух и повисло на высоте двух метров.

– Сделай кружок, Робби, – сказала Никки.

Куб плавно облетел зал и, скользнув над головами Алекса и Стефана, перышком приземлился на паркет и плавно подъехал к столу.

Никки пересела в обычное кресло.

– Фантастика! – воскликнул Стефан с горящими глазами. – Нет никакой реактивной струи!

– Неужели антигравитация? – выдохнул не менее впечатлённый Алекс Шихин.

– Нет, – сказала Никки, – но можно называть и так. Это уведёт любопытных на достаточное расстояние от истины.

– На сколько времени полёта хватает батарей? – спросил возбуждённый Стефан.

– В этом главный фокус, – улыбнулась Никки. – Здесь нет никаких батарей. Кресло может летать, пока не проржавеют какие-нибудь важные части. Это устройство по извлечению энергии, скажем так – для маскировки, – из вакуума. Получаемая энергия может интерпретироваться как давление, и в данном случае мы используем вакуумное давление для полёта.

– Летательный аппарат и одновременно бесконечный источник энергии? Надеюсь, это не вечный двигатель?! – воскликнул поражённый старший Шихин.

– Нет-нет, никакого вечного двигателя, но источник, откуда устройство черпает энергию, – это реликтовый энергетический фон самой Вселенной... проще говоря, мы имеем дело с практически неисчерпаемым резервуаром энергии.

Алекс Шихин взволнованно встал и подошёл к креслу, рассматривая его. К нему присоединился и Стефан.

– Никки, вы действительно уникальны! – воскликнул Алекс Шихин. – Как вам удалось сделать такую *штуку*?

– Детали слишком длинные и скучны, – уклончиво сказала Никки. – Главное для нас, что с помощью этой штуки мы можем получить неограниченное количество почти бесплатной и экологически чистой энергии. Ни гелий-3, ни другие энергоносители будут уже не нужны. Автомобили, самолёты и космические корабли смогут двигаться на новом принципе, станут дешёвыми и более удобными.

– Наши корабли и так вполне комфортабельны, – удивился Стефан.

Девушка посмотрела на него тоже удивлённо. Понимает ли принц, что не все люди летают на личных крейсерах? Не переживая при этом о стоимости топлива для них?

– Никки, вы знаете, что пятнадцать процентов доходов наша династия получает от добычи гелия-3? – нахмурился Алекс Шихин.

– Знаю, – кивнула Никки, – но Южные имеют от продажи энергоносителей сорок процентов, а у Дитбитов, с учетом производства космических кораблей, реакторов и установок жизнеобеспечения на гелии-3, – две трети доходов связано с гелием. Если всё грамотно спланировать, то ваши потери будут быстро и с лихвой скомпенсированы, а Южная группировка – уничтожена наполовину.

Юная королева отпила из бокала, стоящего перед ней на узорной зелёной поверхности стола, и посмотрела на собеседников.

– Сейчас научные центры Северных династий поодиночке работают над проблемами продления жизни, конкурируя друг с другом и распыляя

силы и средства. Я предлагаю вам организовать совместный проект Северных по бессмертию. Моя династия готова вложить в него до половины капитала, что заметно ускорит биологические исследования. По оценкам моих аналитиков, за десять-двадцать лет проблема продолжительности жизни – или даже бессмертия – будет решена. Опередив Южных, мы нейтрализуем их.

Шихины невольно переглянулись.

– Моё условие – долголетие должно быть доступно абсолютно всем, а не концентрироваться в элите.

– Как же быть с демографическим кризисом? – поинтересовался Стефан.

– Проблему роста населения мы решим с помощью космической экспансии человечества. Дешёвые корабли с вакуумными двигателями позволят расселить людей практически везде в Солнечной системе, где есть приемлемые гравитационные условия. Для стимуляции космических колоний именно переселенцам в первую очередь будет предоставлено долголетие. Это отсрочит демографический кризис на сто лет. За это время мы сможем построить межзвёздные корабли – на основе той же реликтовой энергии. У меня уже есть подходящий проект такого корабля.

– О боги! – воскликнул поражённый Шихин. – Какие грандиозные планы! Но кто будет оплачивать постройку межзвёздных транспортов? Правительства не захотят тратить деньги на то, чтобы их граждане и налогоплательщики улетали к звёздам. ООН, выражая волю государств, тоже не поддержит этот план, хотя он очень привлекателен с точки зрения прогресса.

Никки фыркнула.

– Неужели я похожа на человека, который в своих планах рассчитывает на поддержку правительств? Межзвёздная экспансия будет исключительно частным делом. Деньги на неё дадут покупатели долголетия. Цена бессмертия будет включать оплату постройки новых кораблей и решение демографического кризиса.

Стефан присвистнул.

– Да, – задумчиво сказал король Шихин. – Это сильный ход. За бессмертие можно и переплатить.

– Поэтому нам нужна монополия на бессмертие. Не грабительская, а разумная. Моделирование показывает, что если процедура продления жизни станет продаваться бесконтрольно, без учёта дальних последствий, то рост населения всё равно приведёт к необходимости межзвёздной экспансии, но это произойдёт на сто-двести лет позже, через экологический

кризис и волнения, сопоставимые с гражданскими войнами. А звёздные экспедиции будут похожи на насильственную высылку части населения в тюремных кораблях.

– Как вам удалось заглянуть так далеко в будущее? – удивлённо поднял брови Шихин-старший.

Никки предпочла расценить эту реплику не как вопрос, а как комплимент, и просто улыбнулась в ответ.

– Полёт к другой звезде может занять десятилетия, – серьёзно заметил Стефан. – Трудно будет найти добровольцев для долгой жизни в тесном корабле.

– Правильно, – кивнула Никки, – но под межзвёздным кораблём я подразумеваю не обычную металлическую коробку. Мы возьмём крупное транснептуное тело, с радиусом в сто или двести километров, и оборудуем его нашим... э-э... антигравитационным двигателем – вернее, целым набором таких двигателей. Энергии – неограниченное количество, вода, кислород и минералы – в изобилии. На вершине транснептуна строится купол – или сеть куполов – общей площадью в десятки тысяч квадратных километров для популяции в несколько миллионов человек.

– Постройка таких куполов потребует огромных средств! – попытался возразить Алекс.

– Всё будет предельно автоматизировано, – спокойно сказала Никки. – Мои эксперты по кибернетике уже запатентовали несколько вариантов нового типа робота, который сможет работать в условиях льда и камней, талой воды и подземных пещер. Интеллект у этих киберов мы сделаем очень совершенным. Пока роботы не построят купол и город, человек даже не ступит на поверхность будущего корабля-транснептуна. При массовом создании куполов и самовоспроизводстве роботов из местных материалов будущий город на транснептуне может обойтись дешевле современного здания на Луне.

Стефан с невольным восхищением посмотрел на юную девушку, так смело рассуждающую о судьбах человечества.

– Полёт будет проходить в условиях полного комфорта, как на Луне, или даже лучших – ведь ускорение можно будет сделать равным земному. На межзвёздном корабле полетят долгожители со сроком жизни в многие тысячи или десятки тысяч лет... полагаю, что желающих совершить космическое путешествие найдётся много! Люди, отправляющиеся в межзвёздное путешествие, получат бессмертие даром – за счёт остающихся жителей Солнечной системы. У каждого человека будет непростой, но свободный выбор: или заработать себе бессмертие на Земле или Луне – или

получить его бесплатно, отправившись к звёздам. Сто межзвёздных кораблей в год – а транснептунов хватит надолго – и мы решаем проблему перенаселённости Земли и начинаем межзвёздную и вполне комфортабельную экспансию человечества. Причём достойную людей, а не зверей.

– Изумительно! – воскликнул Алекс. – Никки, вы – гений! Замахнуться на решение стольких задач одним ударом... у меня просто нет слов!

– Да, – галантно сказал Стефан, – для столь юной и красивой королевы, Никки, вы необычайно умны...

Летающее кресло вдруг взмыло вверх. Собеседники невольно проводили его взглядами. Ещё одна демонстрация? Но куб резко спикировал и приземлился прямо в холодный рот огромного камина.

– Что вы делаете? – нахмурился Шихин-старший.

– Избавляюсь от обременительного груза, – спокойно ответила Никки.

Куб кресла низко загудел и раскалился изнутри докрасна. По резкому треску и шипению, доносящемуся из куба, было понятно, что вся начинка кресла безвозвратно расплавилась.

Стефан растроено вздохнул, а Шихин-старший открыл рот, собираясь что-то сказать, но промолчал, хотя этот поступок его тоже явно огорчил.

Никки невозмутимо продолжала:

– Делаю предложение династии Шихиных, а через вас – всем Северным династиям. Я отдаю вам секрет этого устройства и права на его использование с отчислением в мою пользу двадцати процентов от продаж.

Оба Шихина с напряжёнными лицами невольно посмотрели друг на друга.

– Но вы, наверное, понимаете, что я – не Санта Клаус с подарками. Взамен я прошу передать мне под полный контроль все медико-биологические центры Шихиных и других Северных династий.

Стефан присвистнул:

– Вы шутите?

Алекс, нахмурившись, переспросил:

– Вы хотите контролировать наши геронтологические и генетические проекты?

– Правильно, но в этом случае они будут уже скорее мои, чем ваши, – сказала Никки. – Поймите: нам нужен жёсткий контроль за бессмертием, хотя бы первые десятилетия, пока демографические проблемы не будут решены.

– Но доход от медико-генетических разработок может быть во много раз больше, чем даже от такого фантастического устройства, как ваш

летающий двигатель, – медленно протянул Алекс Шихин.

– Нет, – сказала Никки, – я не претендую на доходы от ваших достижений и снова ограничусь двадцатью процентами. Остальные восемьдесят пойдут вам – то есть разработчикам. Никто не будет забирать или переносить ваши центры, они будут даже управляться по-прежнему вашими менеджерами, но стратегические решения о коммерческом выпуске препаратов, лечебных методов или процедур генетического инжиниринга будут в ведении моего Совета директоров. Я просто не хочу допустить нежелательного развития событий... о котором мы уже говорили.

– Уф... – ошарашенно сказал император Северных. – Моя голова раскалилась, ей надо дать время всё хорошенько обдумать. Давайте продолжим наш разговор завтра.

– Хорошо, – легко сказала Никки, бережливо допила кьянти и поставила пустой бокал на малахитовый стол.

Семья Шихиных завтракала на открытой террасе, выходящей в замковый парк. Утро было настоящее – солнце взошло после двухнедельной ночи, и его почти горизонтальные лучи освещали заросли роз вокруг старой каменной веранды. Среди колючих стеблей и цветов свистела и щёлкала радостная стая пичуг.

– Лунный рассвет сначала освещает Утреннюю веранду, – пояснила Дзинтара. – Через неделю, когда солнце склонится к закату, мы перейдём в другое крыло замка, на Вечернюю веранду.

– Ваш дворец отлично спланирован, – улыбнулась Никки. – С крыльями на рассвет и закат.

За шестиугольным столом, покрытым искусной деревянной мозаикой, из чужих была только Никки. Мать Дзинтары – Анна, красивая молодая женщина с рыжевато-каштановыми волосами, с нескрываемой любовью поглядывала на сидящую слева дочь. По правую руку Алекса Шихина сидели черноволосый принц Стефан и младший сын Айван, рослый белокурый парень лет восемнадцати с голубыми, как у матери, глазами и мягким лицом. Никки посадили между Дзинтарой и Айваном; девушка-Маугли мало говорила, зато с аппетитом поглощала поданную вкуснейшую рыбу. Наверное, это и есть настоящий дикий лосось?

За столом прислуживали не роботы, а двое молодых слуг, которые молча приносили и убирали тарелки. Если не считать церемонного представления Никки королеве Анне Шихиной и младшему принцу Айвану, завтрак протекал в самой непринуждённой атмосфере – с шутками, смехом и громкими разговорами.

Анна Шихина обратила к Никки приветливое лицо:

– Как вы отдохнули у нас?

– Спасибо, прекрасно, – искренне ответила девушка, – так славно спится под шум водопада и песню ночной птички – э-э... соловья?

– Очень рада, – улыбнулась Анна, – пожалуйста, приезжайте с Дзинтарой почаще. Мне так не хватает её после того, как она поступила в Колледж. Эти мальчишки, – королева кивнула на половину стола, где сидели сразу три Шихина, – думают только о бизнесе, ракетах и гелии.

Стефан скорчил недовольную гримасу.

– А она моя любимица, – мать погладила дочь по волосам, – мы с ней подружки. Никки, прилетайте на каждый уик-энд и на все каникулы – считайте это моим постоянным приглашением на будущее. Я знаю – у вас никого из родных нет... – печально сказала Анна. – Я была бы рада, если бы вы считали наш дом своим. Закрепляю нынешнюю комнату в качестве постоянной вашей резиденции – вы можете оставить там свои вещи.

– Спасибо! – улыбнулась Никки. – Я постараюсь воспользоваться вашим приглашением. У вас столько всего нового и интересного для меня – малахит... соловей... ванна с массирующими струями... – Никки с наивной увлечённостью перечисляла поразившие её вещи, – ...а ваш замок совершенно потрясающий, я никогда в таком не была... правда, я почти нигде не была... а настоящее итальянское кьянти! а дикий лосось! – плотоядно восхитилась Никки и снова склонилась над тарелкой. У Маугли всегда был отменный аппетит.

– Анна, – усмехнулся король Шихин, – у королевы Никки очень скоро будет собственный замок, а ты её хочешь приютить в одной комнатухе?

– Дом состоит не из камней, а из любви, – возразила мудрая Анна. – Если человеку дом в радость, то и одна комната ему будет дороже целого замка. Кроме того, почему – одна? Там есть две прекрасные соседние комнаты и уютный холл с камином, так что получается отличная квартира... Никки, – решительно сказала Анна, – отныне она вся в вашем распоряжении, и вы можете туда приезжать одна или с друзьями – это будет ваше постоянное жильё.

– Королева Никки, – весело сказала Дзинтара, – мои апартаменты совсем рядом с твоими! Очень удобно для вечеринки в пижамах.

– Спасибо, Анна, за щедрое предложение, – сказала Никки, – я с благодарностью его принимаю.

– Отлично! – обрадовалась Анна. – Девочки, мы скоро планируем барбекю на большой поляне. Привозите и своих друзей – Хао и Джерри, так, кажется, зовут ваших постоянных сотрапезников? Никки, я покажу

тебе дворцовый парк. Это то, чем Алекс выманил меня с Земли. Я совершенно не хотела переселяться на Луну, а он, змей-искуситель, пообещал – спланируешь парк на квадратную милю, сделаешь, что хочешь, хоть Ниагарский водопад. Моё сердце дизайнера сдалось, и я уж развернулась! – увидишь сама.

Анна, незаметно для себя, легко перешла с Никки на «ты».

– Она не просто подружка твоей дочери, которую ты решила взять под крыло, – весело увещевал Шихин свою разошедшуюся королеву, – она наш деловой партнёр и союзник, да ещё такой, что сама скоро возьмёт нас под своё крыло.

– Мне нет дела до ваших интриг. – Королева Анна подошла к Никки, поцеловала её в лоб и нежно привлекла к себе. – Для меня она просто девочка, которой нужно тепло, как и всем нам.

Никки доверчиво прижалась к Анне, одной из самых могущественных женщин мира, которая проявила к ней такое участие, что разбудила давнее щемящее воспоминание, чудное ощущение далёкого детства, когда забираешься под ласковую руку матери и ничего не страшно – ты под самой надёжной в мире защитой...

– Не перегружай её своими делами, – почти сердито сказала Анна старшему Шихину, – не отнимай последние беззаботные годы юности. Для вас дела и железяки важнее всего. А она столько страдала, столько лет жила одна-одинёшенька, в голоде и холоде...

– Ну... – смутилась Никки, – это было совсем не так страшно, как кажется... У меня очень тёплый астероид, недалеко от Марса... когда Солнце в зените, то в оранжерее такая жара, что приходилось включать кондиционеры – иначе помидоры вяли. Форель у меня тоже была очень вкусная... Ещё я делала кучу салатов и пекла морковный пирог, правда, редко – слишком много мороки с тестом и дрожжами.

– Посмотрите, вы, неженки, – строго сказала королева Анна сыновьям, держа Никкину ладошку, покрытую старыми мозолями, шрамами и ожогами, – вот так ей приходилось добывать свой хлеб...

Принцы уставились на шрамы и переглянулись.

– Вы выросли в роскоши, такие холёные, здоровые и сильные. А она такая худенькая, хрупкая...

– Мама, ты, как обычно, всё здорово драматизируешь и преувеличиваешь, – пришла Дзинтара на выручку к вконец смутившейся подруге. – Никки вовсе не такая уж хрупкая и незащищенная, как тебе кажется. Когда железный робот в тысячу фунтов весом решил померяться с ней силами, то быстро обуглился и скончался. Однажды Никки вызвала на

дуэль здорового верзилу – чемпиона школы в бою на двуручных мечах. Хотя она раньше не держала меч в руках, чемпион потерпел позорное поражение, а клинок Никки, воткнутый в стену, стал достопримечательностью школы. Его никто не может вытащить! А как она крошила драконов на рыцарском турнире! Кстати, небезызвестный принц Дитбит решил, что может безнаказанно обидеть Никки, – она тогда ездила в коляске, проходя курс реабилитации после невесомости... Так вот, Дитбит лежал в больнице два дня после... м-м... разговора с Никки.

– Никки?! – Анна повернула удивлённое лицо к девушке.

– Они первые начали, – с видом нераскаявшейся школьницы-хулиганки буркнула Никки.

– Фантастика! – восхищённо сказал Айван, не сводивший с девушки глаз весь завтрак.

– Очень рад за этого проходимца Дитбита, – расплылся в улыбке принц Стефан, видимо, имевший с тем давние счёты. – И что же сказал его папочка, который носится со своим отпрыском, как дурень с писаной торбой?

– Он был немногословен и прислал наёмного убийцу с боевым лазером, – легко сказала Никки.

Айван засмеялся, решив, что Никки шутит, потом осекся.

– Не может быть! Он решился убить королеву другой династии?

– Тогда я ещё не была королевой...

– Какой мерзавец, напасть на ребёнка, на девочку! – вскрикнула разъярённая Анна. Глаза её полыхали, как у тигрицы, у которой обижают тигрёнка.

– И что же было дальше? – спросил тревожно Стефан.

– Я сильно обгорела и месяц пролежала в больнице, а убийцу пришлось вырезать из скалы... – непринуждённо сказала Никки.

– Уф-ф, – сказал ошарашенно Айван.

– Видишь, – обратился к жене Алекс, – Никки уникальна, к ней неприменимы обычные критерии... Нужно тебе сказать, что и в бизнесе она совершенно фантастична, ты бы слышала, с каким предложением она к нам приехала...

– Что же, – в голосе Анны зазвучала почти материнская гордость, – я всегда знала, что мы, женщины, талантливее вас, мужчин. Только у нас нет животного-адреналиновой страсти к тараканьим бегам, которые вы называете карьерой.

– Никки уже сделала головокружительную карьеру, за два года став основательницей новой династии, – усмехнулся Шихин-старший.

– Как же вы закончили поединок с чемпионом школы, если ваш меч застрял в стене? – заинтересованно спросил Айван.

– Тебе надо посмотреть запись этой дуэли, братец, – хихикнула Дзинтара. – Никки дралась сразу двумя мечами. Когда её клинок влетел в стенку, то то же самое произошло с мечом её соперника. Чемпион оказался безоружным, а у Никки остался второй клинок!

– Драться двумя мечами?! Покажите этот фокус, Никки, – загорелся Стефан, и Айван с энтузиазмом его поддержал.

– Я, конечно, могу его показать, – вздохнув, сказала Никки, – но не думаю, что вы сможете его повторить...

– Почему же? – обиженно вскинулся Стефан. – Мы с мечами давно имеем дело!

– Понимаете, Стефан, с физической точки зрения, я – не совсем человек, – откровенно призналась Никки, и за столом воцарилась мёртвая тишина. – Двенадцать лет назад во время аварии у меня был сломан шейный позвонок. Мой компьютер Робби находчиво засунул туда нейропротез, и с тех пор мои мышцы управляются не только с помощью мозговых команд, но и при активном участии Роббиного процессора. И я могу задействовать такой режим движения мышц, что руки будут двигаться заметно быстрее обычного... правда, за это можно поплатиться сильным растяжением связок... Точность моих движений тоже выше нормы... – Никки взяла в руки свежую маслину из вазы и бросила её куда-то за спину. Взлетев на несколько метров, маслина ударилась о стену замка, вернулась и попала прямо в пустой узкий бокал, стоящий перед Стефаном.

– Сатурн всмятку! – поражённо сказал тот.

– Вы бросали не глядя, как же вы смогли рассчитать удар? – спросил восхищённый Айван.

– Я могу смотреть не только зрением, ко мне подключены лазерный сканер и много всяких сенсоров... Например, я чувствую слабую радиоактивность гранитных перил у веранды, могу видеть сквозь стену... сейчас по коридору ваш сотрудник несёт кофе, чай и ещё какой-то красный напиток...

– Клюквенный морс, – сказала удивлённая Анна. – Никки – ты человек тысячи талантов!

– На меня было совершено уже несколько покушений, чертовски близких к успеху, так что мне приходится быть настороже, оглядываться почаще... А рука у вашего сотрудника была, видима, сильно сломана, и сейчас вся лучевая кость заменена на какой-то сложный биоэлектронный протез...

– Что?! – удивился Алекс Шихин. – Какой протез?

– Не знаю, довольно интересный, металла практически нет, но много сложных квазиорганических элементов. Я рассмотрела эту штуку, когда он подавал лосося.

На веранде появился слуга, несущий на большом подносе кофейники, чайники и графины.

Алекс нажал кнопку на своём т-фоне.

Через минуту на Утреннюю веранду торопливо вышел крепкотелый лысый человек, запыхавшийся и, видимо, откуда-то бежавший.

– Стас, когда вы ломали руку? – небрежно поинтересовался Алекс у слуги, разливающего напитки.

– Полгода назад, сударь, – склонил голову слуга.

– И где вам её вылечили?

– В Лунном госпитале, сударь, – невозмутимо ответил Стас, – было небольшое костное воспаление, но потом врачи справились отлично, сейчас ничего не болит.

– Вам не ставили никаких протезов в кость? – спросил Алекс.

– Нет, сударь, – удивлённо ответил слуга, – у меня был обычный перелом: я упал, играя в лунное робополо. Зачем мне протез?

Алекс обратился к лысому человеку.

– Ант, проверьте кости его руки, есть основания полагать, что там встроены передатчик.

– Сударь! – вскричал слуга. – Я верой и правдой служу вашему дому двадцать лет, я не обманываю вас!

– Он говорит честно, – уверенно сказала Никки. – Он ничего не подозревает.

– Из дворца не ведётся никаких несанкционированных радио, лазерных или других передач, – заявил Ант, видимо, начальник службы безопасности. – Это исключено.

– Если это умный передатчик – а глупо полагать, что он глуп, – сказала девушка, – то он может ждать, когда попадёт за пределы вашего контроля.

– Когда вы в последний раз уезжали из замка? – спросил Алекс слугу ровным голосом, но за которым угадывалось большое напряжение.

– Два месяца назад, на Пасху, сударь... – еле слышно пробормотал слуга.

– Уже хорошо... – мрачно сказал Алекс. – Ант, учтите это соображение и не выпускайте его из замка, пока всё не проверите. И займитесь остальным персоналом – особенно у кого были переломы или попадания в больницу.

Ант увёл Стаса, старчески шаркающего ногами по полу.

Никки вздохнула:

– Когда Робби сообщил мне, что рентгеновский излучатель даёт разные сканы левой и правой рук Стаса, я даже не заподозрила, что это шпионское приспособление. Я присмотрелась с помощью своих... чувств и решила, что это биопротез...

– Значит, вы видите человека буквально насквозь, – натужно засмеялся Стефан.

– Причём несколькими способами, – кивнула Никки, – но к вам это не относится. Мой Робби оценивает потенциальную опасность окружающих и из этических соображений исключает из сканирования моих друзей и знакомых, например, всех вас. Но за вашими служащими он следил и, найдя что-то интересное, дал мне знать... Обычно я ведь не всматриваюсь в людей своими сверхчувствами – это идёт в компьютерном «подсознании», пока не получен сигнал тревоги. Но если желаете, я могу вас просветить, Стефан...

– Нет, спасибо! – вскричал старший принц. – Не надо выворачивать меня наизнанку. Давайте сохраним хотя бы видимость приватности...

На этом завтрак завершился. Мужчины Шихины встали, вежливо поклонились остающимся Анне и девушкам и вышли с веранды с озабоченным видом.

– Кажется, ты немножко напугала моих мальчишек! – сказала королева Анна.

– Я не могла не сказать им, с каким человеком они имеют дело, – вздохнула Никки. – Дзинтара и остальные друзья в курсе моих... способностей. Но они уверены и в том, что я не злоупотребляю ими.

Спустя несколько часов Никки снова сидела в Малахитовом зале. Переговоры шли трудно. Шихин провёл предварительные консультации с ближайшими союзниками, и результаты были неутешительными – может, из-за того, что другие короли не видели летающего куба.

– Потеря контроля над биоцентрами не устраивает ни меня, ни других глав династий, – хмурился Шихин. – В генетические разработки были вложены огромные деньги, и Северные не доверят эти вложения – извините меня, Никки! – незнакомому человеку. Даже за такую замечательную игрушку, как ваше летающее кресло. Доверие – очень дефицитный товар среди королевских династий.

– Это не игрушка, – возразила Никки, – ГравиКуб – неисчерпаемый источник энергии и новый универсальный вид транспорта, которому не нужны дороги. Автомобили будут бесшумно взлетать с тротуаров;

автобусы-самолёты спокойно повиснут над аэропортами, а традиционные посадочные полосы превратятся в парки; электростанции, если они вообще понадобятся, заработают без топлива. Мы сможем построить космические и межзвёздные корабли любых размеров. Полагаю, что появятся и личные антигравитационные пояса или костюмы. Грави-Куб – новый уровень жизни для всего человечества!

– Правильно, – сказал Алекс, – но наши медико-биологические центры означают надежду на личное бессмертие, что заметно важнее для королей, чем процветание всего человечества. Такова реальность.

– Тогда пора детальнее всмотреться в эту реальность, – жёстко сказала Никки. – Она заключается в том, что в мире возникает технология четвёртого уровня – технология бессмертия. Ею будут владеть Южные династии, и они планируют использовать её для изменения статуса мировой цивилизации в свою пользу. Одновременно появилась и ещё одна бифуркационная технология четвёртого уровня – ГравиКуб. Секретом ГравиКуба владею я. В балансе мировых сил бесконечный источник энергии может уравновесить бессмертие. Основное противостояние в мире возникнет между моей династией и Южным союзом. Где же Северные династии в складывающейся картине? Им отведена роль жертвы и питательного раствора для последующего роста Южных. Кстати, и роста моей династии. Жалкая участь!

Стефан набычился. Никки не смутилась.

Она ещё не раскрыла всех карт потенциальным союзникам. На самом деле, в данном отрезке истории собрались ТРИ технологии предельного значения – биологическое бессмертие, энергетический ГравиКуб и социомоделирование будущего. Три технологии четвёртого уровня переплетались и балансировали столь сложно, что нестабильность будущего превосходила все прецеденты последних тысячелетий.

Никогда ещё человечество не стояло на таком важном перекрестке истории, перед столь блестящими перспективами и столь ужасными последствиями выбора дороги.

Эту развилку истории Джерри и Хао называли «бифуркацией бессмертия».

Расчёты показали, что Голос Пространства был прав – в данной уникальной точке времени союзники решали всё. Сумеют ли Северные выступить единой силой? Этот ключевой вопрос решался сейчас здесь, за малахитовым столом.

Девушка убедительно говорила:

– Я предлагаю вам спасение. Это исторический шанс для Северных –

вы находитесь в локальной бифуркации выбора, который сложно интерферирует с балансом технологий четвёртого уровня, и ваш выбор определяет магистральный фьючертрек человечества. Вы отказываетесь от моего предложения? Тогда вместо привлекательного сценария, который я описала вам вчера, будет реализован совсем другой. Вариант вашего отказа уже просчитан, и могу сообщить вам результаты прогноза. Хотите?

Стефан с покрасневшим сердитым лицом оглянулся на отца. У Алекса не было другого выхода, как кивнуть головой.

Надо признать, что Маугли обычно не оставляла собеседникам свободы выбора.

Никки забросила ногу на ногу и спокойно продолжила:

– Без союзников мне придётся самостоятельно развивать новую гравизнергетику. Это мне удастся. Северные будут оттеснены на обочину прогресса и потеряют доходы от добычи гелия-3. Южные пострадают ещё больше, но вскоре оправятся с помощью продажи долголетия и бессмертия. Потом они сожрут ослабленные Северные кланы. Один за другим. Извините, но начнут они с вашей династии. Навалятся дружно на главного противника – и быстро уничтожат его, чтобы подавить волю остальных. Фокусирование сил по старинному принципу полководца Эпаминонда. За несколько лет Южные оставят от враждебных им Северных династий одни нейтральные обрывки. Потом они займутся мной. Против объединённой массы Южных и побеждённых Северных мне, видимо, не выстоять. Если мне удастся исключительно эффективно обороняться, тогда вероятен вариант настоящей войны с кардинальным изменением мирового порядка. Под демагогическим туманом об «угрозе процветанию человечества, которому злобная королева Гринвич не даёт достаточно энергии», моя династия будет уничтожена физически. После чего начнётся новая эра в истории Земли. Чёрная эра. Без вас и без меня, без какой-либо силы, способной остановить Дитбитов и других властолюбцев.

Мрачный Шихин внимательно выслушал и спросил:

– Как вам удалось построить столь детальный сценарий будущего?

– Долго объяснять! – отмахнулась Никки. – Но вы можете доверять моим прогнозам.

Стефан сидел невесёлый и молчаливый.

– Поймите, чёрт побери! – воскликнула девушка. – Не объединившись, мы обречены. Вопрос стоит не о моих или ваших доходах. На кону – судьба всего человечества!

– Но что мы можем сделать, если остальные Северные не соглашаются на потерю своих биоцентров? – сказал раздражённо Стефан.

– Нужно бороться и убеждать, подкупать и запугивать! – воскликнула Никки. – Объясните этим болванам, что биоцентры будут бесполезны, если мы не объединимся. Именно слияние усилий Северных династий даст быстрое достижение долголетия, столь желанного всеми королями. Вбейте это хорошенько в их тупые головы!

Девушка вытащила несколько листов бумаги и протянула королю Шихину.

– Чтобы подтвердить серьёзность положения и важность нашего союза, передаю вам список из восьмидесяти восьми технологий, который является величайшим секретом Южных. Благодаря списку-88 Южные перетянули на свою сторону авторов важнейших открытий и идей – несогласных при необходимости просто убивали – и опередили Северных в многих областях, включая бессмертие. Когда вы будете обдумывать наше сотрудничество, то учтите, что мои эксперты готовят новый список, и он будет содержать свыше трёхсот ключевых технологий. Это будет оружие огромной силы...

Шихин младший посмотрел на отца, но тот не отрывал взгляда от гости.

Девушка вздохнула:

– Я готова сделать уступку: наше соглашение будет в любом случае гарантировать для элиты Северных доступ к бессмертию – даже если не удастся создать систему справедливого использования технологии бессмертия. Численные квоты определим пропорционально вкладу каждой династии в общий геронтологический проект.

Маугли улыбнулась императору.

– Я уже говорила, что я – не Санта Клаус? За эту уступку я оставляю себе неограниченное право использования ГравиКуба в интересах моей династии. Возвращаясь к объединению биоцентров: Северные короли могут быть спокойны, что никто не утаит от них последних генетических разработок. Для гарантии в мой Совет директоров в качестве ответственного за совместный биопроjekt будет введён представитель вашей династии, которому вы сможете смело довериться.

– Кто это? – скептически поднял брови Алекс.

– Принцесса Дзинтара, – сказала невозмутимо Никки. – Ей вы доверяете?

Глава 16

Покушение

Никки посмотрела на часы и вздохнула: осталось сорок минут до важной встречи в Спейс Сервис. Она позвонила по т-фону и выяснила, что сегодня по Клубу фрейлин дежурит Кора-Дракон. Королева попросила Кору вызвать такси, но не обычное, а из «Службы спецперевозок», где катера самые быстрые и надёжные.

Кора с восторгом заверила, что всё сделает и сообщит, когда корабль прибудет.

Никки встала с кресла и велела кофейнику сварить чашку эспresso.

Девушка глядела в окно, спокойно потягивала острый густой напиток и не подозревала, что её звонок запустил механизм тщательно подготовленной и безоговорочно смертельной ловушки.

С антенны главной башни Колледжа уже сорвалась радиоволна; и она уже домчалась до ближайшего передатчика в Луна-Сити; и превратилась в его электронных потрохах в инфракрасный лазерный луч, который метнулся невидимой спицей в направлении созвездия Волосы Вероники.

В ответ

...немедленно ожили огни на огромной катушке боевого ускорителя;
...взвизгнули на высоких оборотах сервомоторы, разворачивающие тяжёлый магнитный ствол;

...потянулись к пусковой кнопке твёрдые холодные пальцы с чересчур коротко остриженными ногтями.

Вызванный катер лишь приземлялся на шлюз Колледжа, а операция «Длинная рука» уже перешла в стадию полной готовности.

Никто из людей не заметил угрозу, плывущую в звёздных Волосах Вероники.

Лишь аризонский пенсионер Кристофер Марсден, любивший смотреть на небо в небольшой телескоп с одиннадцатисантиметровым зеркалом, вдруг увидел, что одна из звёзд в Волосах Вероники на мгновение погасла. Так бывает, когда большой корабль в матовой чёрной броне пересекает луч зрения, загораживая собой свет звезды. Это единственный способ, каким может человеческий глаз заметить современный боевой крейсер, пользующийся броней невидимости. Но правильно расшифровать затмение звезды Кристофер не смог.

Даже если он и догадался бы, что за смертельное чудовище барражирует среди звёзд и кому оно угрожает, всё равно ничего не успел бы сделать.

Потому что Никки уже сидела в катере, который уже раскалил дюзы и выбирал оптимальную траекторию для полёта.

По многократно проверенным расчётам опытных экспертов, жить королеве Гринвич осталось не более шести минут.

Как только катер взлетел с красного квадрата шлюза Главной Башни, Никки раскрыла лаптоп, а Робби выдал на экран материалы последнего заседания Совета директоров. Сколько возни с этими патентами и лицензиями! Девушка задумалась и рассеянно посмотрела в иллюминатор, не замечая проносящийся внизу пейзаж, – ей давно уже было некогда любоваться лунными красотами. Двигатели катера на подъёме свистели довольно громко, и от этого висок Никки, ноющий с утра, заболел ещё сильнее.

Внезапный громкий голос заставил девушку вздрогнуть. Это кибергид решил развлечь её рассказом о лунных достопримечательностях. Никки отмахнулась от назойливого кибера и снова сфокусировалась на экране лаптопа, лежащего на её коленях.

Ей удалось поработать совсем немного.

За двигательной переборкой вдруг рывкнул голодный тигр. Надоедливый реактивный шум двигателя стал клокочущим, потом гремющим – и захлебнулся на полувзвук. Огни на пульте корабля сразу перестроились: большинство погасло, а часть вспыхнула тревожным красным.

Тело Никки потеряло вес, привязные ремни схватили её за плечи, а лаптоп слетел с колен и закувыркался по кабине.

– Что такое, Робби? – крикнула девушка. – Опять вляпались?

В переднем иллюминаторе изрытое кратерной оспой лицо Луны стало медленно и грозно подниматься, загораживая дорогу кораблю, летящему по инерции. Из-за стенки моторного отсека раздавались шипение и треск – там жарили бекон на здоровенной сковороде.

– Удар пучковым оружием по энергоотсеку! – крикнул всезнающий Робби. – Нанесён сверху! Корабль полностью парализован!

Никки, не раздумывая, быстро расстегнула ремни и бросилась к шкафчику со скафандром.

Шкаф не открывался. Никки крикнула:

– Стреляй!

Из шейного ожерелья вырвался ослепительный луч и погас в замке, раскалив его докрасна. Дымящаяся, закопчённая дверца шкафа распахнулась лишь после третьего выстрела. Девушка стала лихорадочно натягивать скафандр.

- Высота?
- Двести восемьдесят метров!
- Скорость удара?
- Вертикальная – тридцать метров в секунду, горизонтальная – триста сорок!
- Проклятье! Врезаемся на сверхзвуке! – воскликнула Никки. – Катапульты? Ракетные ранцы?
- Ничего нет! – расстроенно ответил Робби.
- Сколько осталось?
- Двадцать секунд!
- Я не хочу умирать! У меня много дел!
- Извини, ничем не могу помочь, – вздохнул честный друг. – Прощай.

Джерри с Хао сидели вдвоём за столом в кафе и вполголоса обсуждали проблему расчёта одного хитрого сверхнестабильного процесса во фьючермодели. Вокруг шумели студенты, доедающие десерт, допивающие кофе и лимонад.

Неожиданно раздались сигналы экстренного выпуска новостей и включился большой настенный экран.

Все лица удивлённо повернулись к экрану.

На нём появилась большая фотография Никки. Девушка грустно и виновато улыбалась Джерри.

Диктор ещё не сказал ни одного слова, а юноша уже оцепенел от ужаса.

– Срочное сообщение! – сказал взволнованный голос комментатора. – Катер, в котором летела королева Николь Гринвич, разбился сегодня у подножия Лунных Апеннин. Взрыв был так силен, что его заметили на Земле и на орбитальных спутниках. Тело королевы ещё не найдено...

Зал всплеснулся шумом. Раздались крики, кто-то из девочек заплакал.

А Джерри стал умирать.

Спокойно, без истерики. Без лишних рассуждений или телодвижений.

На мониторе транслировали кадры съёмки из космоса, на которых огненный клубок вырастал из-под кратерной стены и расширялся жгучим волдырём.

– На место крушения уже прибыли группы спасателей... – печальным

голосом говорил диктор.

Тело Джерри омертвело; органы чувств отключались одно за другим. И вот остались только чёрно-белое зрение и слух, зацепленные за экран.

На нём появился главный спасатель, расстроенно сказавший:

– От машины остались одни мелкие обгорелые обломки. Тут никто не мог уцелеть.

Поле зрения и сознания Джерри сжалось в маленькое окошко, готовое закрыться в любой момент.

На экране появилась Никки, которая сидела в кабине корабля и что-то читала на ноутбуке.

Жива! Онемевшее и поглупевшее сердце Джерри вспыхнуло надеждой.

Девушка посмотрела в иллюминатор... и на этом картинка застыла.

Диктор сказал:

– Это было последнее изображение мисс Николь Гринвич, полученное с борта 0765 диспетчерским центром. Связь с бортом была потеряна в одиннадцать часов пятнадцать минут центрального лунного времени. Через сорок две секунды корабль врезался в подножие безымянной горы и взорвался. Лунные катера такого типа считаются чрезвычайно надёжными машинами, они не оборудованы дополнительными спасательными устройствами. У королевы Гринвич не было шансов уцелеть в катастрофе.

Мозг юноши был способен только на самые отрывочные мысли:

«Это была запись. Это была ложь... Записанное прошлое лживо... Оно лишь притворяется настоящим...»

Бубнящий голос диктора отдалялся; сумерки густели на глазах.

Джерри медленно тонул в бесконечной пропасти.

Ничто больше не держало его в жизни.

– Я не хочу умирать! У меня много дел!

– Извини, ничем не могу помочь, – вздохнул честный друг. – Прощай.

– Неужели в этом проклятом сундуке нет никаких источников энергии?! – крикнула Никки.

– Почему же, – отозвался Робби, саркастичный даже в цейтноте, – у нас масса энергии в топливных баках. Как только мы упадём, она вся выделится и перейдет в наше распоряжение!

– Дурацкая идея, жаль, другой нет! – и Никки кошкой прыгнула вверх, хватаясь за поручни на прочном колпаке, прозрачным лепестком накрывающем пассажирскую кабину.

Они понимали друг друга почти без слов. Времени совершенно не

было.

Никки и Робби столкнулись с очень опасными врагами: им угрожали не человек и не оружие, а законы физики и сама природа в виде гравитации Луны, огромной кинетической энергии неуправляемой машины и каменной поверхности в месте падения.

Противопоставить этим врагам можно было лишь ничтожные усилия мускулов.

И ещё – слабую электрохимическую активность мозга, называемую мышлением.

– Пиропатроны? – крикнула Никки.

– Да! – Робби включил детонацию аварийных зарядов.

Раздался громкий хлопок. Колпак, с прильнувшей к нему Никки, рассоединился с корпусом. Давление воздуха в кабине отшвырнуло трёхметровую стеклянную лодку. Улетая от падающей машины, она закувыркалась.

– Вытягиваем правую руку! – командовал Робби. – Выпрямляем ноги!

Никкино тело послушно следовало указаниям, но Робби страховал каждое движение.

Земля стремительно приближалась. До удара осталось пять секунд.

Процессор Робби рассчитал уже два миллиона сценариев падения, но вероятность смерти человека прочно показывала сто процентов.

Робби делал, что мог: он старался, чтобы в момент удара о землю между человеком и скалой оказался стеклянный колпак. Но эфемерность этой защиты была ясна без расчетов.

Четыре секунды. Космический катер падал на двадцать метров впереди маленькой фигурки в скафандре. Радиостанция катера беспрерывно посылала сигнал SOS, и несколько спутников уже разворачивали свои телескопы в сторону зоны бедствия.

Три секунды. Человек всё больше отставал от спешно покинутого корабля, но абсолютная скорость движения обоих тел росла из-за притяжения Луны.

Прозрачный колпак, наконец, повернулся к Луне нужной стороной.

Пятый миллион вычисленных вариантов не изменил фатальные сто процентов.

Одна секунда.

Катер столкнулся с прочной скалой, сложенной из пород анортозит-норит-троктолит-габбровой серии. Интенсивная экзотермическая реакция в энергоотсеке вызвала частичное испарение лунных пород и элементов конструкции катера. Фронт сильно разогретого облака из газа и плазмы

стал приближаться к человеку. Отдельный расчет взаимодействия такого облака с материалом скафандра снова давал стопроцентную вероятность гибели.

Можно ли сложить две смерти так, чтобы получить одну жизнь?
Такой безнадёжной задачи Робби ещё никогда не выпадало.

В глаза тонущего Джерри, которые еле видели мир, сжимаемый диафрагмой темноты, заглянул Хао. Он негромко сказал:

– Никки жива.

Окошко раздвинулось и снова захватило экран. У Джерри двигались только глаза, но и они стали страшно тяжелыми. На экране спасатели указывали на закопчённое пятно, засеянное мелкими осколками металла и пластика, и сокрушённо пожимали плечами.

Юноша снова перевёл глаза на Хао.

Тот был невозмутим как сфинкс:

– Она жива.

Джерри даже не пробовал понять – почему эти люди считают, что Никки погибла, а Хао утверждает, что она жива. Он балансировал на краю смертельно глубокой пропасти, и лишь застывшее лицо друга не давало ему сорваться вниз.

– Поиски тела Николь Гринвич продолжаются; в них принимает участие и команда династии Шихиных. Мы будем держать вас в курсе событий.

На весь экран снова появилась фотография Никки в сопровождении траурной скрипичной мелодии. Эти жалобные скрипки чуть не прикончили Джерри...

Что убьёт раньше – огонь или камень?

Жить хотелось невыносимо.

В дно колпака ударил кусок металла. Могучая волна взрыва налетела на стеклянную лодочку, и та заплескала на огненных волнах, затопивших серый риф до горла. Никки беспощадно вдавило в прозрачную броню, сдерживающую ослепительный ад в дюйме от лица.

Каменные зубы клацнули на проносящуюся рядом лодку, но промахнулись.

Девушка потеряла сознание от чудовищного напора взрывной волны. Последняя картинка в расширенных глазах – морда зверя, тонущая в огне.

Стремительно распухающее облако огня остановило падение Никки и перенесло колпак из бронестекла через кратерные зубцы. А прозрачная

лодка выдержала дыхание пламени.

Огонь опередил камень, стекло остановило огонь.

Но скорость никуда не исчезла.

Уже в следующую секунду Никки очнулась от сразу нескольких выстрелов аптечки в запястье и от крика Робби:

– Не время спать!!!

Никки, еле живая, посмотрела вперёд. Взрыв перебросил её через хребет на гладкую равнину внутри кратера.

Закопчённая взрывом, поцарапанная осколками, лодочка потеряла вертикальную скорость падения, но продолжала мчаться параллельно поверхности Луны, каждую секунду пролетая триста метров лунного песка и камня. И вот-вот она должна была врезаться в стремительно проносящийся внизу грунт.

Сейчас камень отомстит стеклу.

Никки сгруппировалась, вцепившись изо всех сил в поручни, выступающие из металлического обода литого прозрачного колпака.

Удар!

Лодка стукнулась дном о землю, неожиданно скользнула по песку, как огромная лыжа, и в следующий момент её снова подбросило вверх!

Ровная поверхность внутри кратера была покрыта многометровым слоем лунного реголита – мелкого скользкого песка, образованного миллиардами лет метеоритной бомбардировки Луны.

Ещё несколько секунд бреющего полёта – снова касание!

Никки управляла длинным стеклянным колпаком, как лыжами на снежной слаломной трассе в замке герцога Джона.

Снова отрыв!..

Снова касание!..

Лодка уже замедляла свой ход, но следующая точка приземления оказалась не столь удачной: там по песку были разбросаны камни – видимо, куски метеорита. Удар! Раздался скрежет, колпак дёрнулся и, оторвавшись от земли, стал кувыркаться, как нож, неумело брошенный в мишень.

Никки почувствовала себя горошиной в катящейся банке. Луна и небо менялись местами с головокружительной скоростью. Девушка уже не успевала сообразить, что ей нужно сделать, чтобы вернуть лодке правильное положение, защищающее от удара о грунт, но реакция Робби оказалась быстрее, и тело девушки совершило несколько быстрых судорожных маневров. Растянутые мышцы взвыли и заболели, но в результате лодка при новом касании задела грунт дном и восстановила

стабильность.

Колпак такси прыгал по скользкой песчаной равнине, как плоский камушек по поверхности воды. Никки потеряла счёт толчкам; её избитое тело болело, голова кружилась; глаза еле успевали фиксировать проносящуюся внизу поверхность. Дно импровизированной лодки, ранее прозрачное, было исцарапано и стёрто до дыр. При очередном ударе полуразбитый колпак окончательно зацепился за камень и резко остановился, а Никки кубарем покатилась дальше.

Под хруст ломающихся костей её тело вонзилось в лунный грунт и бессильно распласталось, почти засыпанное песком.

Правая перчатка сжимала поручень, вырванный с мясом из крепления.

В покрытом трещинами шлеме посвистывал улетающий кислород.

Но Никки было всё равно – она предусмотрительно заранее потеряла сознание, и никакие проблемы её уже не волновали.

Эти жалобные скрипки чуть не прикончили Джерри, но неожиданно раздался радостный голос Тамми:

– Робби на связи! Никки жива! Её нашли и везут в замок Шихиных. Она без сознания, но ранения не опасны для жизни. Робби извиняется, что не мог связаться раньше – он был закрыт в скафандре без инфоканала.

Невозможно описать, что чувствует заживо погребённый человек, внезапно вырвавшийся на свет; с какой силой глотает воздух утопающий, чудом вынырнувший из глубин мёртвой воды.

Почерневший глухой день зазвенел красками, окрасился шумом возбуждённых голосов.

Когда и диктор подхватил радостную новость, неподвижное бледное лицо Хао искривилось, и он закрыл его ладонями.

Едва отдышавшись и поймав сердце в грудную клетку, Джерри вцепился в друга:

– Откуда ты знал, что она жива?

– Я не знал, – сказал сдавленно Хао, не открывая лица. – Но я надеялся на чудо. И очень хотел спасти тебя – ты бы видел себя со стороны! Что сказала бы мне Никки по возвращении, если я показал бы ей *твоё* тело?

Медленный плеск водопада убаюкивал и придавал иллюзиям сновидений особую достоверность. Но вмешался диссонирующий звук: чей-то надоедливый голос, который становился всё громче и, наконец, разрушил защитную оболочку сна.

Никки очнулась и осмотрелась: большая комната с сине-золотыми

стенами, в окна заглядывали солнце и ветка какого-то дерева с толстыми кожистыми листьями и крупными белыми цветами. Листва расщепляла солнечный свет на длинные лучи; они поймали каждый по жёлтому зайцу и скакали на них верхом по комнате.

В следующий момент девушка узнала обстановку своей комнаты в замке Шихиных.

А в уши девушке бубнил голос Робби.

– Очнись, соня, не так уж ты больна! – ворчал друг. – Много спать под снотворным вредно.

– Сколько я... спала?

– Сутки, – ответил Робби. – Нас нашли спасатели, посланные королём Алексом, и привезли в замок Шихиных. Тебе оказали медицинскую помощь и вкатили дозу лечебного сна. Но хорошего помаленьку – пора просыпаться!

Никки пошевелилась – и вдруг застонала от боли во всём теле.

– Что такое со мной?

– Легче, легче, – успокаивающе сказал Робби. – У тебя растянуто с десяток связок, левая рука сломана выше локтя, а правая нога вывихнута.

– Массараکش! – потрясённо сказала Никки.

– А что ты хотела? – ворчливо сказал Робби. – Падать на Луну без космического корабля и уцелеть – это не просто. Скажи спасибо, что жива. Перелом тебе затащили первоклассно – через пару недель рука будет как новая. Но из-за связок ещё долго будешь двигаться медленно и плавно. Первые дни – постельный режим. Может, хочешь ездить на коляске? – серьёзно спросил Робби.

– Нет! – вздрогнула Никки. – Только не в инвалидном кресле. Согласна тихо лежать и ещё тише ходить.

Нападение на Никки повергло Джерри в шок. После покушения в пещере, где погиб Робби-чемоданчик, в юноше теплилась надежда, что враги успокоятся, сочтут задачу выполненной. Оказывается – нет. Им уже нужна была сама Никки. Значит, её жизнь снова держится на ниточке удачи и предельном напряжении всех сил. Смертельную опасность, нависшую над девушкой, Джерри переживал и чувствовал болезненно остро. И ещё одна мысль его грызла – о собственной бесполезности. Джерри не смог бы защитить Никки от ударов такой мощи, даже если бы следовал за ней по пятам.

Он без колебания готов был принести себя в жертву! Одна беда – такая жертва никого бы не спасла.

Загородить Никки от столь грозного врага, как Дитбит, мог только человек, обладающий не меньшей властью и силой, который способен выставить оборону из укрепленных замков и космических флотов. А что мог он – нищий студент?! «Бездомный никчемный бедняк!» – ругал себя юноша, но это не меняло упрямые факты. Никки была не обычной девушкой, а королевой. На таком уровне простые человеческие чувства, как бы они ни были сильны, для спасения и счастья уже недостаточны... Так думал юноша, и в его мрачной душе созревало решение, липкое и омерзительное, как осьминог... Ещё оно было ядовитее кобры, но разве он уже не согласился быть жертвой?

В замке Шихиных Никки окунулась в атмосферу самой трогательной заботы. С ней подолгу беседовала королева Анна, заглядывали проводить Стефан и сам король Алекс. Но особенно отличался принц Айван – он сидел с девушкой часами, скрашивая долгие дни постельного режима, когда Робби запрещал Никки даже руками двигать – чтобы кости и связки заживали быстрее. Никки и Айван быстро перешли на «ты».

– У нашей династии на юге Тихого океана есть целый архипелаг мелких островов – его купил ещё мой прадедушка, – рассказывал Айван. – Центральный остров – самый тихий, дед построил там отличный дворец. Ни папарацци, ни туристы к нему и близко подойти не могут. Династия получила для архипелага статус самоуправляемой территории, поэтому даже воздушное пространство над островами хорошо контролируется. Я очень люблю там отдыхать – многие пляжи остались такими же дикими, как и сотни лет назад, – коралловый песок, водоросли, выброшенные штормом, сонные черепахи, крики чаек и птиц из джунглей... Хочешь, поедem туда вместе?

Никки со странным чувством вспоминала об их с Джерри планах совершить кругосветное путешествие на лодке и побродить по пляжам необитаемых островов. Неужели эта красивая мечта осуществится с принцем Айваном?

Позвонил Джерри, выйдивший на связь каждые несколько часов, но, увидев возле кровати Никки принца Айвана, быстро распрощался.

После его отключения в воздухе повисла какая-то неловкость.

– Хочешь пить? – заботливо сказал Айван и аккуратно приблизил к лицу девушки стакан с прохладным кисловатым тоником.

Прикосновение стакана, который держал принц, к губам оказалось неожиданно приятным. Никто раньше так тепло не заботился о Никки.

Девушка отпила тоника – и внимательно посмотрела на принца.

Солнечные лучи ярко освещали его белокурые волосы, голубые глаза и румяные щёки. Айван был красив и мужествен – точь-в-точь принц из старинной сказки.

«Чертовски хорош!» – смущённо подумала Никки.

Болезнь всегда странное время – без привычных занятий и хлопот, с многочасовым лежанием в постели, с необычным сном днём и внезапными пробуждениями по ночам. В Никкину голову от безделья стали приходить причудливые мысли.

«Почему моё „я“ находится во мне, а не в другом человеке? Как так получилось? Можно ли передать своё „я“ в другое тело? Или самосознание есть принадлежность данного скопления клеток и непереносимо в другие биоструктуры, у которых есть персональное „я“, отлично подобранное и выращенное на своём месте?

Вселенная так просто делится пополам – вот я, а вот весь остальной мир. Очевидно, это гипертрофированное восприятие, взгляд изнутри личного объёма. Другой человек имеет своё „я“ – тоже величиной с целый мир. Наша Вселенная оказывается битком набитой миллиардами огромных, размеров с неё саму, личных миров.

Как же мы уместаемся в одном общем мире со столькими личными амбициями? Тесно! Драгоценное персональное пространство приходится сужать изнутри, чтобы его больно не ущемили снаружи. Равноправие – социоконцепция, противоречащая психологии индивидуума, для которого его „я“ гораздо важнее всех остальных... Здесь суть конфликта личного и общественного начал – конфликта, раздирающего человечество с эпохи обезьяньих стай.

Личная свобода ортогональна общему равноправию. Свобода Дитбита для него священна, и она чуть не прикончила меня».

Мысли от безделья её лишь развлекали.

Никки даже не подозревала, что настанет время – и она будет часто вспоминать эти сонные и отстранённые размышления.

Королеве Николь позвонила её главная фрейлина – Тина-Дракон. Она начала причитать и сокрушаться по поводу кошмарного события, но Никки прервала её:

– Тина, ты должна собрать своих подруг и узнать, кто из них и кому сообщил о времени моего отлёта. Катер был сбит направленным выстрелом – значит, кто-то наверняка знал, что я в нём лечу.

Тина вытаращила в ужасе глаза, но не посмела возражать.

Через два часа она перезвонила с совершенно убитым видом и, пряча

глаза, сказала, что Кора-Дракон, по просьбе корреспондента из престижного журнала «Светская жизнь», собирала информацию о Никки. В том числе она вводила все данные о передвижениях королевы в файл, к которому этот журналист имел доступ.

– Он обещал, что в будущей статье будет много места отведено ей, Коре, самой верной фрейлине королевы... – сдавленным голосом объясняла Тина. – Мы узнавали в редакции «Светская жизнь» – там есть журналист с такой фамилией, но это не он разговаривал с Корой...

Никки понимающе кивнула:

– Надо было думать – хотя бы бантиками. Я позже решу – нужен ли мне такой Клуб фрейлин.

Тина запротестовала:

– Ваше величество, эта Кора – полная дура! Мы все искренне хотим вам помогать! Доктор Берринджер уложила Кору в медотсек – у неё сейчас истерика...

– Я тоже в лазарете, – сказала Никки. – Отделалась чертовски легко.

И выключила экран.

Соглашаясь на Клуб фрейлин, она не представляла, насколько это опасно – доверяться людям, которые сфокусированы на собственных интересах.

Теперь она это узнала, ещё раз заглянув в лицо смерти.

Джерри встретил Никки ещё в шлюзе Колледжа, похудевший и, при всей проявляемой заботливости, какой-то сдержанный в чувствах. Хотя он был внимателен не меньше Шихиных: в союзнничестве с Робби заставлял девушку соблюдать режим, таскал еду из кафе и проводил с Никки столько времени, сколько было можно. А ещё он бережно переносил девушку с места на место на руках, оберегая её вывихнутую ногу. И хотя Никки могла медленно передвигаться сама, она никак не возражала против такой заботы и даже наоборот – стала отличаться непоседливым характером: то ей хотелось за рабочим столом посидеть, то в мягком кресле понежиться.

Девушка быстро шла на поправку и даже понемногу гуляла в парке. Через пару дней на её экране появилось встревоженное письмо Голоса Пространства:

«Марсианская чума на этих горилл! Будь впредь осторожнее!»

«Ты не сказал, как это сделать».

«Это значит жить, думая на несколько шагов вперёд. Быть легально готовым к нелегальным сюрпризам».

«Я не могу всего предусмотреть!»

«Глупые вымирают быстро».

Никки только вздохнула в ответ.

Понемногу приходя в себя от испытаний, девушка заметила, что, несмотря на её удачное спасение, Джерри выглядит мрачным. Какая-то тень лежала на его лице, а иногда по нему пробегала судорога боли, словно что-то грызло и жалило юношу изнутри.

Никки долго пытала его расспросами. Наконец он решился и сказал с кривой усмешкой:

– Пора признать, что из меня получился плохой защитник. Тебе нужно подумать о более могучих друзьях.

В его ироническом, но совсем не смешном тоне чувствовалось мучительное напряжение. Очевидно, эти слова были продиктованы долгими размышлениями и дались юноше с величайшим трудом.

– Что за глупости? – нахмурилась Никки. – Ты что, попал под влияние Элизы? – закончила она угрожающим тоном.

Джерри протянул руку и смело дёрнул за ухо ревнивую королеву.

– Речь идёт о тебе, только о тебе!

– А что будет с тобой? – спросила Никки. – Когда я найду *могучего друга?*

– Это не важно, – поугрюмел Джерри.

– Мне важно, – ответила Никки ихватила прядь его каштановых волос в свою ладонь. – Ты – вся моя семья. Мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь... и она была бы совсем другая без тебя. Не говоря уж о том, что ты спасал меня от смерти несчётное число раз. Ты – мой Лев. У тебя нет крейсеров и крепостей, но у тебя есть один уникальный талант, которого нет у других...

– Мы говорим не обо мне и моих талантах, а о твоей безопасности! – с досадой возразил Джерри.

– Я всю жизнь гляжу в глаза смерти, – спокойно сказала Никки. – Я выросла на кладбище. У меня со своей смертью тесные отношения: она – моя, и я её уважаю, но я не позволю моей смерти диктовать условия моей жизни.

– Ты можешь погибнуть... и эта мысль сводит меня с ума! – сказал Джерри, и его голубые глаза вспыхнули таким огнём, какого Никки ещё не видела.

– Да, чужая смерть бывает гораздо страшнее своей, – согласилась Маугли.

И неожиданно спросила рыдающим голосом:

– Если меня прикончат, ты будешь приходить на мою могилу?

Жутко легкомысленная девица!

– Один раз приду, – трагически вздохнул Джерри в тон ей.

– Почему только один? – возмущённо воскликнула Никки.

– Потому что я там сразу умру. Меня хватит секунды на три... – Он пытался замаскировать свои слова под шутку, но у него не получилось.

Никки улыбнулась и прижалась к его плечу.

– Вот в чём беда могущественных принцев: никто из них на такие чувства не способен. Я не знаю будущего, которое ждёт нас впереди, но мы встретим его вместе. Верь мне! – сказала с чувством девушка.

Не сразу, но он поверил ей.

Тень на лице Джерри медленно растаяла, и счастливая улыбка преобразила физиономию юноши, сделав его нос ещё длиннее.

Омерзительный осьминог захлебнулся и утонул, а змея поперхнулась собственным ядом.

Все мы простаки перед будущим, а надежда жалит безошибочно.

Пресс-конференция открылась точно по графику. Никки всегда старалась быть пунктуальной, когда её ждали.

После крушения катера и головокружительного слалома на прозрачном каное девушка всё ещё хромала из-за жестоко вывихнутой ноги и двигалась заметно медленнее обычного, оберегая растянутые связки. Левая сломанная рука после лечения действовала неплохо, но по-зубному ныла после неосторожных движений.

Никки зашла в главный зал Гринвич-Центра, поздоровалась с журналистами и села за стол с микрофонами. Рядом с ней устроился адвокат Дименс с непроницаемым лицом. По краям зала разместились несколько человек в чёрном из королевской службы безопасности династии Шихиных.

Никки мельком подумала, что пора заводить свою охрану, а также найти надёжный корабль. На общественном транспорте ей больше не летать...

Журналистов пришло столько, что в просторном зале многим не хватило кресел.

– Вы уж извините, что я сижу, а вы – нет... – сказала девушка стоящим на ногах репортёрам. – За последнюю неделю я совсем потеряла физическую форму.

В зале вспыхнул смешок. Одной из главных тем выпусков газет после аварии был удивлённый вопрос – как удалось выжить человеку при падении на Луну с такой скоростью? Это был первый случай в длинной и

печальной летописи лунных аварий.

В зал принесли дополнительные стулья, и все стали устраиваться поудобнее.

– Прошу прощения, мы не рассчитывали, что пресс-конференция окажется такой популярной, – сказал адвокат Дименс, и со всех сторон посыпались вопросы:

– Как вы себя чувствуете? – спросила журналистка «Лунной Сакуры».

– Прекрасно! У меня всего лишь перелом руки, вывих ноги и растяжение пучка связок, – равнодушно сказала Никки. – Вам передадут заключение медиков.

– Почему упал корабль? – репортёр «Яхт и самолётов» задал главный вопрос, который интересовал всех.

– Этот бедняга не смог дальше лететь – его зажарили пучковым оружием, – спокойно ответила Никки, и зал взорвался шумом – эта информация была новостью. Вопросы последовали очередью.

– Вы знаете, кто на вас напал?

– Нет.

– Кем был произведён выстрел?

– Космическим вооружённым судном.

– Радары не зафиксировали поблизости ни одного военного корабля, о каком судне идёт речь?

– Шансов его заметить у меня было ещё меньше, чем у радаров.

– Значит, нападающие пользовались системой невидимости?

– Да, – согласилась Никки, – эти парни традиционно храбры.

– Связываете ли вы это покушение с нападением на «Стрейнджер»?

Она задумалась, потом ответила:

– Видимо, это действия одной и той же организации. Но полагаю, что целью при нападении на «Стрейнджер» был мой компьютер, вернее, информация, которой он якобы обладал. А сейчас они охотятся уже на меня.

Девушка улыбнулась:

– Враждебно настроенный человек быстро умножает число своих врагов. Убивая одного – создаёт много новых. Плохая политика. Рано или поздно злобная личность приобретёт неподъёмное количество противников. Кроме того, нарушая закон, преступник противопоставляет себя обществу. А его победить невозможно...

– Какая информация послужила причиной гибели «Стрейнджера» и ваших родителей?

– Я пока не могу её раскрыть, тем более что это лишь догадки.

Журналисты продолжали допытываться, кто мог напасть на Никки, но она упорно отказывалась называть подозреваемых, на что адвокат Дименс одобрительно кивал головой.

Поднял руку комментатор Лунного канала новостей:

– Я сформулирую вопрос так: у вас есть враги? Или влиятельные люди, с которыми вы недавно ссорились?

Никки одобрительно заметила:

– Хорошая формулировка. Недавно у меня произошла небольшая беседа с королём Дитбитом. Могу прокрутить вам запись, хотя, признаюсь, я была груба с человеком, заметно старше меня...

Журналисты зашумели, а адвокат Дименс озабоченно наклонился к королеве. Она выслушала его тихую речь, кивнула и сказала журналистам:

– Я не выдвигаю никаких обвинений против короля Дитбита в связи с аварией катера или других эпизодов моей жизни. Я просто отвечаю на ваш вопрос о недавних ссорах. Всё, что вы увидите сейчас, имеет не юридическую, а лишь эмоциональную значимость. Робби, запись, пожалуйста.

На экране появилась секретарь Дитбита с хищными жёлтыми глазами.

– Откуда у вас этот номер? – грозно спросила она.

Никки смотрела на кадры её разговора с некоронованным императором Южных и беседовала сама с собой:

«– О чём думали твои мокрые мозги, когда ты угрожала Дитбиту? Ты чуть не поплатилась жизнью за своё нахальство.

– Зато я вынудила короля на решительные действия, которые рано или поздно обернутся против него.

– Осталось надеяться, что его решительность не укокошит тебя раньше».

– Вы понимаете, что показанную запись династия Дитбитов может расценить как публичную клевету? – спросил корреспондент Первого лунного канала.

– Что ж, тогда пусть Дитбит подаст на меня в суд, – усмехнулась Никки. – Насколько я знаю, обвиняемая сторона имеет право потребовать вызвать обвиняющего в суд, где он будет давать показания перед детектором лжи. Я буду рада, если династия Дитбитов предпочтет действовать через судей, а не через пучковые орудия.

Лицо адвоката Дименса стало напряженным, как у человека, идущего по тонкому льду, и он закрыл пресс-конференцию.

Увиденная запись поразила журналистов. Для любого непредвзятого человека виновник нападения на Никки стал очевиден.

Кадры королевского разговора были показаны всеми каналами – и не один раз.

Пресс-служба короля Дитбита категорически отвергла обвинения в нападении на королеву Гринвич. На что журналисты резонно ответили, что никто и не выдвигал никаких обвинений против короля Дитбита. Вопрос лишь о причинах неприязни между королём Дитбитом и новой династией. Нельзя ли поговорить с самим королём и задать ему несколько вопросов?

На это предложение последовал вежливый, но категорический отказ от пресс-службы династии.

Юристы династии заявили журналистам, что династия Дитбитов не планирует обращаться в суд «ввиду незначительности и несерьёзности происшествия».

Такая реакция династии полностью повернула общественное мнение против Дитбита. Всем было понятно, что только виновный человек боится отвечать на прямые вопросы о происшедшем, понимая, что психоанализаторы мгновенно раскусят его ложь. Это не было юридическим доказательством вины Дитбита, но общественное мнение мало волнует крючкотворная сторона дела. Оно вынесло свой приговор.

Газеты и аналитические сетевые ресурсы полнились не предположениями о личности, стоявшей за покушением, – для них это был решённый вопрос, – а гипотезами об истоках конфликта между королём Дитбитом и королевой Гринвич и прогнозами о дальнейшем развитии событий.

Положение короля Дитбита серьёзно осложнилось даже в стане Южных. Авторитет его пошатнулся столь сильно, что от короля отвернулись многие сторонники: «Дитбит поднял руку на члена Королевского Клуба! Сегодня – на королеву из Северных династий, а завтра и нас может сожрать. Он слишком агрессивен. Нам нужен предсказуемый и спокойный лидер...»

Вопрос об официальных выборах Дитбита в Императоры Южных династий больше не поднимался.

Удар по Никки вернулся и с неожиданной силой бумеранга поразил самого короля Дитбита.

Глава 17

Похищение

После покушения на Никки Джерри долго беседовал с детективом Спенсером, а потом завалил Тамми расчётами безопасности космических кораблей. И настоял на том, чтобы Никки купила собственную яхту с высоким уровнем бронирования и защиты, порекомендовав пару наилучших моделей.

Приобретённый корабль базировался в космопорте Луна-Сити и прилетал по первому вызову Никки. Экипаж яхты состоял из пяти человек: капитана, второго пилота, стюардессы и двух матросов-охранников. В подборе экипажа помог адвокат Дименс, и Никки была уверена, что он сделал всё наилучшим способом.

При первом знакомстве капитан Джеф Страйкер, сухолицый, с короткой стрижкой, козырнул королеве Николь и сказал:

– Больше вам никогда не придётся летать в космосе на стеклянных дощечках, без прочного корабля. Я беру на себя не только вашу перевозку, но и вашу безопасность. Конечно, моя яхта не выстоит против тяжёлого крейсера, но я продержусь достаточно, чтобы подоспела подмога. Да и спасательные капсулы и ранцы у нас есть – в отличие от этих дрянных катеров-такси.

На душе у Никки стало спокойнее при взгляде на уверенного молодцеватого пилота. Но она не удержалась и спросила:

– Капитан Страйкер, вы ведь знаете, что я – робинзон, Маугли и многое в этом мире не понимаю. Извините меня, но я хотела бы задать нескромный... даже грубый вопрос.

– Задавайте, ваше величество... – ответил пилот. В привычной обстановке корабельной рубки он выглядел не подчинённым Никки, а независимым владельцем судна, взявшимся за хлопотный труд перевозки пассажирки.

– Династия Дитбитов готова заплатить огромные деньги за то, чтобы я умерла. Эта сумма многократно превосходит вашу зарплату за всю жизнь. Как я могу рассчитывать в таких условиях на вашу преданность?

– Отличный вопрос! Ваше величество, никогда не рассчитывайте преданность людей, исходя лишь из денег, которые вы им платите. Важен ещё и такой фактор, как собственное достоинство!

Капитан Страйкер гордо поднял голову.

– Моя зарплата делает меня обеспеченным человеком. Приняв чье-то предложение убить вас, я стану гораздо богаче, но перестану себя уважать – как человека и как пилота, которому пассажиры доверили свою жизнь. У Дитбитов не хватит капиталов, чтобы заплатить за потерю моей чести!

Глаза у пилота разгорелись.

– Отличный ответ! – сказала Никки. – Спасибо, это было важно знать для меня. Не сердитесь, пожалуйста.

– Я не сержусь, – глаза Страйкера остыли.

– Но бывает, что человек попадает в критическую ситуацию, когда ему срочно нужны деньги – может, на очень дорогую операцию близкому человеку? – спросила Никки. – Сделает ли это его более сговорчивым?

Пилот нахмурился.

– Конечно, жизнь может выкинуть самые разные коленца. Но если у меня возникнет такого рода срочная нужда в деньгах, гораздо честнее будет попросить их у вас, чем у ваших врагов.

– Безусловно, – согласилась Никки. – Я всегда буду рада помочь в экстренной ситуации. И надеюсь, что вы прибегнете к моей помощи в этом случае.

– Спасибо за предложение, – холодно сказал Джеф Страйкер. – Но будьте уверены, что подобная просьба последует лишь действительно в исключительной ситуации.

– Верю, – и Никки протянула пилоту руку. – Я чертовски рада, что на моей стороне такие люди, как вы.

Пилот осторожно пожал ладонь юной королевы и сказал с достоинством:

– И вы, ваше величество, обращайтесь ко мне за помощью, если что-то неладно будет в вашем королевстве, не стесняйтесь.

– Договорились, – улыбнулась Никки.

Профессор Тур, узнав, что Никки чудом избежала смерти, подошла на лекции и внимательно посмотрела на свою студентку.

– Как ваше здоровье, мисс Гринвич?

Никки заверила, что травмы заживают хорошо и не помешают учёбе.

Профессор вздохнула и ничего больше не сказала, отвернувшись к окну. Но с тех пор она никогда не посмеивалась над географическим невежеством Никки и не задавала ей домашних заданий сверх нормы. Впрочем, Никки уже училась гораздо лучше, да и обычных уроков хватало для полной занятости.

Перед уик-эндом строгая профессор преподнесла всем студентам

задание: реферат по землетрясениям, опять потребовав:

– Чтобы мне было интересно читать! Любые списывания у друзей или из Сети будут разоблачаться, и виновные понесут тройное наказание.

Тройных штрафных заданий не хотел никто, в том числе и Никки. Королева ты, или нет, а уроки делать надо.

Поэтому в субботнее утро, торопливо проглотив завтрак, девушка уселась за реферат. Сначала она прочитала о том, что землетрясения возникают вследствие разрушения перенапряжённой планетной коры, и узнала, что из-за подземных толчков и вызванных ими цунами на Земле каждый год погибает гораздо больше людей, чем во всех военных конфликтах, вместе взятых. Никки поразились:

– Почему же тогда политики так много говорят или о необходимости вооружений, или о желательности разоружений – причем оба тезиса подаются как человеколюбивые и жизнеспасающие, но молчат про важность развития сейсмологии? Ведь способ предсказания землетрясений спасет больше жизней, чем все мирные переговоры! Это я, конечно, не в пику мирным переговорам говорю.

Робби ответил:

– Наивная Маугли! Главным невысказанным приоритетом политиков является не сохранение чужих жизней, а процветание своей. А на землетрясениях трудно заработать политический капитал – они не согласуются с графиком выборов. Да и цунами редко бьют по избирателям влиятельных политиков, всё больше бедноту смыывают.

– У тебя циничная логика.

– Всего лишь железная.

Никки нашла каталог Планетарного Геологического Центра с информацией о миллионах сейсмособытий последних веков.

– Робби, нанеси на карту эпицентры этих толчков, – попросила Никки.

Её друг выполнил просьбу, и перед удивлённой девушкой предстала планета, расколотая на отдельные блоки огненными трещинами. Красные точки землетрясений не рассеивались равномерно по поверхности Земли, а концентрировались в узкие полосы на краях тектонических плит. Самая крупная трещина горящим кольцом охватывала Тихий океан.

– Сухотка Водолея! Земля-то совсем растрескалась!

– Не нервничай. Континенты и прочая суша обычно размещаются на самых спокойных плитах.

– Эти «спокойные» плиты ползают по поверхности со скоростью в несколько сантиметров за год! Смотри, что у них творится по краям...

– Да, там шумновато. Трение плит друг о друга и порождает

землетрясения.

Никки догадалась:

– Самые «горячие» зоны возникают при лобовых встречах обломков коры?

Робби подтвердил сказанное, и глаза девушки разгорелись. Конечно, эту информацию можно было найти и в учебниках, но самому исследовать интереснее, правда? Кроме того, свежего подхода к географии, которого требовала профессор Тур, из учебника не вытащишь.

Никки с интересом нырнула в карту Робби – и вскоре поняла принципиальную разницу между восточным и западным берегами Южной Америки. Восточный берег откололся десятки миллионов лет назад от Африки и отодвинулся под давлением магмы, выползающей из подводного хребта в середине Атлантики; восточный американский и западный африканский берега до сих пор сохраняют подобие своих очертаний. Западный южноамериканский берег, в отличие от спокойного восточного соседа, столкнулся с тектонической плитой в Тихом океане, подмял её под себя, но и сам взъерошился Андами. Огненный пояс землетрясений и вулканов прекрасно подчёркивал беспокойный характер западного побережья.

Потом Никки погрузилась под японский архипелаг – в россыпь эпицентров землетрясений, вызванных невыносимым напряжением горных пород в самом активном разломе планеты.

Девушка увлечённо наблюдала в ускоренном режиме времени, как литосферные плиты, каждая толщиной в сотню километров, сталкиваются под водой.

Крак!

Азиатская плита победно встала на дыбы и вылезла на поверхность океана, образовав островную Японию; побеждённая Тихоокеанская плита опустилась в глубь раскалённой мантии и расплавилась. На месте погружения плиты возникла глубочайшая Марианская впадина, а эпицентры землетрясений отметили траекторию косоугольного скольжения Тихоокеанской плиты под Азиатскую.

Никки заметила, что число толчков быстро падает с глубиной. Видимо, чем сильнее расплавлена тонущая плита, тем сложнее накопить в ней упругую энергию, нужную для землетрясения. Самые глубокие землетрясения мира располагались на глубине шестисот пятидесяти километров, образуя здесь загадочный пик активности. Последний вскрик умирающей плиты?

Робби быстро оформлял все интересные находки и картинки в единый

файл.

Профессор Тур, вы получите та-акой реферат!

– Землетрясения происходят из-за столкновениядвигающихся плит. А почему тектонические плиты вообще двигаются? – спросила Никки у Робби.

– Торопыга, ты плохо усвоила материал, – насмешливо ответил Робби. – Кинетическая энергия медленной плиты размером с Азию меньше энергии движения одного обычного автомобиля. Плиты трескаются, и на их краях возникают землетрясения, не из-за скорости, а из-за давления. Автомобиль можно разбить ударом о столб, а можно раздавить медленным прессом. Землетрясения вызваны длительным толкающим воздействием на плиты.

– Кто же их толкает? – спросила Никки.

– Например, ветер, – ответил Робби. – Атмосферные течения, дующие в северном полушарии преимущественно с запада на восток, а в южном полушарии – наоборот, давят на горы и толкают материки по жидкой, скользкой астеносфере. Похоже на то, как ветер гонит ледовые поля – и они наползают друг на друга.

– Ветер может двигать континенты? – изумилась Никки.

– Ветер, взаимодействующий с земной радиоактивностью и гравитацией, – подтвердил Робби. – В отличие от льдин, твердая океаническая кора тяжелее мягкой мантии и может в ней тонуть. Часть Тихоокеанской плиты тонет под Японским архипелагом, образуя глубоководные впадины и волоча за собой всю остальную подводную плиту. Цепь всё время образующихся Гавайских островов отслеживает это движение Тихоокеанской плиты на северо-восток...

Робби не успел объяснить всё толком, как пришёл Джерри и вытащил Никки из горячего подземного мира в гораздо более прохладный лес. Юноша заботливо следил, чтобы выздоравливающая Никки отдыхала побольше.

– Слушай, – сказала девушка. – Я развлекалась с сейсмокаталогом и обнаружила, что когда в северном полушарии Земли происходит всплеск слабых толчков, то в южном наступает минимум таких землетрясений. Робби порыскал по Сети и утверждает, что данный феномен никто раньше не замечал. Поразительно! Даже после долгого общения с профессором Дермюрреем я не могу понять, в чём тут дело! Ведь такие закономерности под силу обнаружить даже школьнику!

Джерри пожал плечами:

– Учёных мало, а проблем много. Рук и голов на всё не хватает,

особенно для тщательного анализа многопараметрических каталогов.

– Это означает, что возможности таких ценных источников данных, как каталоги звёзд и землетрясений, банки геномов и белков, – далеко не исчерпаны? – заинтересованно спросила Никки.

– Верно! – согласился Джерри. – В сейсмокаталоге, с которым ты работала, наверняка спрятан ключ для предсказания землетрясений, но как извлечь его оттуда? Нужны оригинальные руководящие идеи, иначе даже Робби утонет в анализе такой огромной базы данных.

– Робби утонет? – воскликнула Никки. – Не верю: Робби может всё!

– Ну-ну, – проворчал Робби. – Не надо так льстить. Землетрясение имеет пять переменных – время, магнитуда и координаты. Простенькое сравнение сейсмоактивности двух прямоугольных областей пятимерного пространства приводит к функции двадцати переменных. Рассмотрение хотя бы десяти значений каждой переменной потребует расчёта десяти в двадцатой степени вариантов. Работая со скоростью тысяча вариантов в секунду, я закончу расчёты через три миллиарда лет. Нечего вам, людям, на нас, бедные машины, все заботы взваливать. Сами шевелите серым биокиселём, выдавайте неожиданные гипотезы. А мы, кремниевые педанты, их проверим...

Друзья неспешно проходили мимо густого куста, как вдруг из него выскочил енот и затрусил к ближайшему дереву – спастись. Дерево оказалось очень дуплистым, с дырой возле корней, и испуганный енот не стал карабкаться по гладкой коре, а шмыгнул в дупло и забрался вверх по полному стволу.

Ребята остановились посмотреть, что будет дальше. Зверёк шуршал в пустом дереве – ему было очень неудобно сидеть в вертикальной трубе, цепляясь когтями за стенки. Через минуту пушистик свесил голову из дупла и посмотрел – ушли ли двуногие звери. Но они стояли и блестели на него глазами и крупными зубами. Енот недовольно завозился и снова спрятался. Скоро ему надоело висеть в дупле вниз головой, и он осторожно слез на землю, не спуская глаз с назойливых гостей. Те замерли метрах в пяти. Хмурый зверь выбрался из дупла, сгорбился и, прячась за деревьями, ушёл в заросли.

– Молодец, преодолел страх, – одобрила Маугли.

Никки и Джерри отправились дальше, слушая перепалки зябликов и синиц.

– Вот что интересно, – сказала Никки. – Я вижу по профессорам Колледжа – таким как Ван-Теллер, Франклин, Майсофт, – что учёные – очень хорошие люди. Дермюрреев, для которых наука лишь бизнес, очень

мало.

– Зато встречаются Тхимсоты.

– Такие подлецы в науке столь редки, что их приходится использовать на всю катушку и перебрасывать с места на место по мере надобности: Тхимсот приехал сюда из-за тебя, а Фростман – из-за меня.

– Согласен – таких мало.

– Но в общественном мнении, учёные – поголовно бессердечные злодеи, или, невзирая на высокий интеллект, бытовые идиоты, которые варят в кастрюлях исключительно собственные часы. Главные герои массовых фильмов и книг безмозглы или умственно ординарны, даже при волшебной одарённости. Киношные «учёные» всегда проигрывают жизненное соперничество «простым парням». Зритель всё время видит, как интеллектуалы – убогие «ботаники» в очках – робко ездят на инвалидных колясках за мускулистыми суперменами и расшифровывают им пароли вражеских компьютеров. Насаждается убеждение, что интеллект и житейская адекватность, равно как интеллект и мужество – несовместимы. Как же мы смогли выйти из пещер, если самые умные были трусливы и неловки? Антиэволюционная точка зрения.

Джерри рассмеялся:

– Это рыночная легенда для комфорта массового зрителя. Очередной компенсационный миф, примиряющий обычного человека с раздражающим существованием интеллектуалов. На самом деле средний учёный крупнее и здоровее среднестатистического человека, живёт дольше его и, уж конечно, удачливее и благополучнее, чем «простые парни». Интеллект является универсальным преимуществом в жизни. В ответ средний лузер мстит «яйцеголовым», оплачивая голливудские фильмы, льстивые к «простым ребятам» и недоброжелательные к «умникам». Пусть утешаются.

– Не думаю, что стоит потакать вкусам простаков и раздувать их до ранга общего мнения, – проворчала Никки. – Порция горькой правды полезна для здоровья социума. Когда дело дойдёт до реальных проблем, то все эти надувные киносупермены лопнут, и спасать лодку придётся непопулярным «умникам». Если они останутся к тому времени.

Они дошли до стеклянной беседки на конце дорожки и сели на скамейку. Джерри сказал:

– Кстати, скоро будет готов список из трёхсот ключевых «умников», от которых зависит наше общее будущее. Вернее, список из трёхсот технологий. Если они ещё не открыты, то их авторов определить достоверно невозможно.

– Хорошая новость. – Никки внимательно посмотрела на Джерри. – Но вокруг этого списка столько вращается событий... Люди списка вызывают острое сочувствие...

– Ты думаешь, что они достойны жалости? – хмыкнул Джерри.

– Да, ведь они ещё не знают, в какую ловушку попали...

Пока они беседовали, из лесу вышел рыжий олень с мягкими рожками-карандашами и стал спокойно щипать траву совсем рядом с беседкой.

– Интересно, – сказала Джерри, – олень совсем не боится человека за стеклом беседки. Думает, что человек в клетке – и не опасен?

Они смотрели вместе на оленя, и их головы слишком сблизились. Логическое течение мыслей нарушилось, и молодые люди сделали длинный перерыв на поцелуй. Если кто-нибудь ворчливо заметит, что они отвлеклись от учёбы, то таким людям надо не менее ворчливо возразить. Мягкие губы любимого человека – это важнейший урок, который никто не должен пропустить в своей жизни. Иначе душа человека вырастет перекошенная, с высушенной частью. Есть такие яблоки в неухоженных садах: с одного боку наливное и красное, а с другого – мёртвое и скукоженное. Сладкий ли сок зреет в этом одностороннем плоде или горький стрихнин? Можно ли доверять человеку, который никогда не любил?

– Отец, я тебя просил не делать этого! Посмотри, чего ты добился, – теперь все считают нас виновными в покушении на королеву Гринвич.

– Не нужно со мной так разговаривать, сын! Сейчас от меня... от нас зависит сто пятьдесят миллионов человек. А скоро их будут миллиарды. Ты должен понять важные принципы управления династией и империей. Эффективное управление включает и жёсткую хирургию. Вялость и слабость губительны для власти. Если кто-то встаёт на пути нашей династии, он должен быть уничтожен!

– Нашей династии нанесён серьёзный урон из-за твоей негибкой политики. Сейчас нельзя управлять, попросту убивая своих соперников!

– На наших компаниях и заводах каждый день погибает десять человек. И меня хвалят за отличную организацию труда – в других династиях погибает больше людей. С определённой высоты зрения начинаешь относиться к смерти других спокойнее.

Король Дитбит повысил голос:

– Посмотри на наши успехи: мы пробили дорогу закону о геномодификациях. Вот-вот закончится апелляционный срок – и закон вступит в силу. Мы пойдём дальше – достигнем бессмертия, откроем путь

к звёздам! Мы завоюем галактику. И ты всегда будешь стоять рядом со мной. Если я умру – ты меня заменишь. Если мы оба станем бессмертны, то ты будешь править половиной галактики.

– Мы будем решать, кому жить, а кому умирать? И люди навсегда потеряют свободу?

– Разве нужна свобода маленькому человеку? Ему нужен достаток, чтобы гордиться перед соседями. А для спокойствия – да, ему нужен император. Свобода, равенство, братство – во имя таких идеалистических лозунгов было пожертвовано множество жизней, но эти искусственные химеры так и не стали реальностью – они слишком чужды обычному человеку.

– Отец, не уводи разговор в сторону! Что ты собираешься делать с королевой Гринвич?

– Я пока возглавляю династию и не собираюсь давать тебе отчёт в своих действиях.

– Отец, ты делаешь большую ошибку, считая меня несмышлёнышем и не считаясь с моим мнением!

И младший Дитбит в гневе выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью.

Традиционный последний аргумент проигравшего.

Джерри зашёл в комнату Никки со странным выражением на лице.

– Что случилось? – поинтересовалась Маугли и поднялась с кресла, с удовольствием разминая ноги.

Юноша молча протянул тонкую папку.

Никки раскрыла её и увидела на листках бумаги заголовок «Список-307».

– Молодец! – воскликнула Никки и всмотрелась в текст. И её брови удивлённо полезли на лоб.

– Вот так подарочек... – сказала она, перевела глаза по листку ниже и присвистнула.

– Мы оба в этом списке, – сердито сказал Джерри.

– И ты там первый.

– А ты – вторая.

– Это не принесёт нам счастья.

– Мы этого не знаем.

– Я это предчувствую.

– Нелегко быть самыми важными людьми на Земле...

– Я уже раздавлена.

- Не паникуй. Я тут из-за теории отца, ты – из-за... многого.
- А кто на третьем месте списка?
- Профессор Лвин.
- А на четвёртом?
- Точно не знаю. Какой-то студент-биолог.

Никки потрясённо сказала:

– Мы уже не принадлежим себе... Мы – рабы этого дьявольского списка... На нас выжжено клеймо, которое страшнее проклятья древних богов!

– Не паникуй.

Но лицо Никки выражало горькую обречённость.

Джерри никогда раньше не видел Маугли такой испуганной.

Они приземлились на крыше штаб-квартиры Спейс Сервис.

Погода стояла по-летнему замечательная. Солнце медленно ползло к зениту, заливая лучами глубокие, обычно мрачноватые городские каньоны. На дне узкой улицы из глянцевых небоскрёбов зеленели рослые ивы, рядом с каждой – узорный шлейф тени, брошенный на газон между автолиниями и тротуаром.

Они зашли в кабину лифта. Джерри сказал:

– Я буду, как обычно, в кафе. Освободишься – позвони.

Никки рассеянно улыбнулась, уже сосредоточенная на предстоящей встрече, и вышла из лифта на тридцать пятом этаже. Джерри спустился на наземный уровень.

Улица с ивами выглядела обычно. Но – только на первый взгляд.

Неделю назад трое неприметных мужчин снова собрались вокруг круглого стола в комнате без окон. На совещании был подведён итог операции «Наследник»: объект на контакт с «Профессором» упорно не идёт, на «Сирену» отреагировал отрицательно и дал красный свет на детекторе – значит, что-то скрывает, и пора запускать фазу «Беседа». Тем более, к результатам «Беседы» проявляет интерес и группа, ведущая операцию «Маугли».

Зловещий смысл любит рядиться в невинные названия.

Для фазы «Беседа» операции «Наследник» был выбран сегодняшний день.

И улица между глянцевыми небоскрёбами превратилась в простой, но надёжный капкан.

Джерри в последние годы редко бывал в крупных городах, поэтому картины озабоченной многолюдной жизни вызывали у него острый

интерес. Он любил сидеть за столиком открытого кафе, слышать звон чашек и негромкий смех, чувствовать запах свежей сдобы и горячего молока для капучино, смотреть, как мимо проходят самоуверенные подростки с тревожными глазами и морщинистые старики с меланхоличным взглядом; длинноногие оливковолицые девушки в ярких платьях и приземистые узкоглазые мужчины в потрёпанных комбинезонах. Люди поражали разнообразием – они шли весёлые и грустные, в деловых костюмах и в беззаботных шортах, стройные и толстые, в чёрных шляпах и с солнечными щитками, с т-фонами, шепчущими в уши, и новостными голограммами, яркими бликами парящими у глаз. В усталых плечах, в задумчивом выражении лиц просвечивал целый мир. Он хмурил брови, давил заботами, но и придавал осмысленность торопливой походке.

Сейчас на тротуарах людей было мало – утренний час пик закончился, а время обеденной суеты ещё не наступило. Лишь пухлый мальчик с школьным рюкзаком неспешно шагал по улице. Шнурки его кроссовок развязались и тянулись по асфальту. Чтобы не упасть, наступив на собственные шнурки, мальчик шёл косолапой походкой, широко расставляя ноги.

Джерри пересёк пустынную дорогу с каймой запаркованных автомобилей. Возле кафе стояла крупная машина с зеркальными стёклами и раскрытым багажным отсеком. Худой высокий человек с рукой в медицинском чехле пытался вытащить из машины инвалидную коляску, но та не поддавалась.

– Помогите, пожалуйста, – жалобно обратился к Джерри худой человек. – Там, наверное, крепёж не отстёгнут.

И человек с чехлом кивнул в глубину отсека.

– Сейчас разберёмся, – вежливо сказал Джерри.

Он забрался в машину и стал приглядываться в полутьме – где застряла коляска.

Вдруг дверь багажного отделения закрылась.

– Эй! – сказал недовольно Джерри. – Что за шутки?

Огоньки на подлокотниках коляски мигнули в ответ, и раздалось негромкое шипение.

Обожгла мысль: «Это ловушка!»

Джерри бросился всем телом на дверь, но она не поддавалась.

«Никки!.. будет ждать... зря...»

Улица в окне быстро потемнела. Юноша упал – сначала на колени, а потом и на пол, ударившись головой о подножку кресла. Кожа на черепе разорвалась об острый угол металла, но боль уже не ощущалась. А через

секунду погасло и сознание.

Джерри пришёл в себя от горячей рези в левой руке. Его голова свесилась на грудь и гудела, а рука была плотно перемотана серебристой лентой, глубоко передавившей мускулы. Браслет с Тамми скрывался под изолирующим слоем ленты.

«Чтобы она не могла позвать на помощь...» – понял Джерри и порадовался, что он сконструировал для Тамми неснимаемый браслет. Конечно, в отсутствие плазменного резака...

Юноша медленно поднял голову – и ощутил резкую боль в затылке и тянущую корку подсохшей крови на волосах.

Ему в лицо внимательно смотрел тот самый, худой и высокий, человек. Рука у него была уже вполне здорова; медицинский чехол исчез. Лицо худого кривилось в неприятной улыбке. Человек был раздражающе одноцветным – цвет его блёкло-рыжих волос сливался с загорелой кожей бурого оттенка. Светло-коричневые глаза тоже легко прятались на лице.

– Очухался, – удовлетворённо сказал одноцветный. – Ты хороший объект, без сюрпризов. План «А» сработал как часы. Все бы такие были, а то иногда возишься, возишься – вспотеешь, как индеец.

– Хватит трепаться, – ворчливо сказал ещё один человек, сидящий в углу. Гораздо плотнее первого; лицо сшито просто и крепко; желтоватые скулы и мелкий нос выдают сильную примесь азиатской крови. – Где этот эксперт?

– Ещё пять минут. Мы управились с опережением графика.

Джерри постепенно приходил в полное сознание – и в ужас от безвыходности положения. Руки и ноги юноши были прочно зажаты в захваты того самого инвалидного кресла. Комната была не гостиничным номером, а частью жилой квартиры. Тамми изолирована, помощи ждать неоткуда. Похитители – явно профессионалы своего дела. Кто эти люди? Охотники за органами? И сейчас самого важного человека на Земле порежут на кусочки? Нет, это не случайность, на него напали из-за отцовской теории...

– Что вам нужно от меня? – сказал он, злясь на себя за взволнованный, срывающийся голос.

– Сиди спокойно, – сказал крепкий человек с азиатскими скулами. – С тобой просто хотят поговорить.

– Я ни с кем и ни о чём разговаривать не буду! – громче нужного крикнул Джерри.

– Да кто же будет спрашивать о твоём желании? – нарочито удивился

худой, с улыбкой, похожей на гримасу. – У нас есть такой специалист, что ты будешь говорить – да ещё как! Без всякого желания, зато с большим хотением!

Человек искренне обрадовался своему чувству юмора – и захохотал.

– Вы пожалеете, что ввязались в это дело! Если со мной что-нибудь случится, королева Гринвич вас из-под земли достанет, – храбрясь, сказал Джерри. – Вы нигде не спрячетесь.

Худой и крепкий переглянулись.

– Заткнись! – Одноцветный худой громила сильно ударил Джерри по лицу и разбил губу. – А то с тобой произойдёт несчастный случай. В традициях твоей семьи! Ха-ха-ха!

– Заткнись сам! – взревел сидящий в углу напарник. – Трепло!

Джерри понял, кто эти люди. Он всегда был добрым парнем, не злобным и не агрессивным. Но сейчас волна бешенства ударила ему в голову. Страх ушёл. Если бы не металлические кольца, прочно приковавшие его к креслу, то юноша бросился бы с голыми руками на своих врагов. Джерри так стал извиваться в наручниках, и его лицо исказилось такой яростью, что худой человек с невольной опаской отступил.

– Посмотри, что ты наделал, болван! – сердито сказал его сообщник и поднялся на ноги с тяжеловесной опасной грацией тренированного человека.

В наружную дверь позвонили. Оба типа как по команде вытащили пистолеты – электромагнитные, судя по характерным утолщениям на стволе. Бесшумное и популярное среди профессиональных убийц оружие.

Громилы вышли из комнаты. Один из них громко топал, а другой шагал вторым и крадучись. Дверь за собой они закрыли на замок.

Джерри, всё ещё кипя от ненависти, согнул спину, изо всех сил наклонил голову и дотянулся зубами до ленты, которая стягивала его левое запястье. Он рвал металлизированный пластик зубами, не жалея их. Зубы шатались, кровь из десен и разбитых губ наполнила рот, но лента поддавалась, и в защитном слое образовался волокнистый разрыв.

– Тамми? – торопливо сказал Джерри.

– Да? – откликнулся компьютер.

– Зови полицию!

– Комната изолирована. Машина тоже была такая.

Тогда Джерри властно сказал:

– Кресло! Код «ноль один». Ты меня слышишь?

– Да, человек, – ответило кресло.

– Тамми, поговори с ним, – велел Джерри. – Взломай идентификатор хозяина и стань им. Свяжись с чипом дверей. Попробуй подчинить его и заблокировать замок. Уничтожь все свои секретные файлы. Если я разговарюю – *позаботься обо мне*. Это неотменяемый приказ! Пусть мы тут сдохнем, но они ничего не получают.

Секунды не текли, а стремительно улетали вместе с лихорадочными ударами сердца. Сейчас эти громилы вернутся – и всё...

Вдруг металлические наручники и ножные зажимы разжались.

– Молодец, Тамми! – обрадовался Джерри и быстро освободился от остатков ленты. – Как дверь?

Ещё одна тягостная пауза. Джерри успел отскочить в угол комнаты и вооружиться настольной лампой – увы! – слишком лёгкой.

– Сделано! – сказала Тамми.

– Как связаться с полицией?

– Надо выбить окно! – сказала Тамми.

– Чем?! – воскликнул Джерри. – Здесь вся мебель – мягкая и лёгкая.

В дверь ударили снаружи. Громилы вернулись.

Сердце Джерри ухнуло в пропасть. Он разбежался, подпрыгнул и с силой врезал в оконное стекло обеими ногами. Стекло легко спружинило и отбросило его назад.

Не получается!

Инвалидное кресло, стоявшее посреди комнаты, вдруг ожило. Оно отъехало к самой двери, сотрясающейся от ударов, развернулось на небольших резиновых колёсах и, набирая скорость, устремилось к стеклу, начинавшемуся сразу от пола. Острая металлическая рама кресла воинственно торчала вперёд.

Удар!

Стекло выдержало, но на нём появилась маленькая звёздочка из трещин.

Кресло, подстёгиваемое Тамми, отъехало на исходную позицию и снова ринулось в атаку.

В комнате воцарился хаос. В дверь ломились снаружи – и она уже выгибалась, сдаваясь; в окно упорно билось сумасшедшее кресло; Джерри с грохотом переворачивал мебель и громоздил баррикаду.

Замок лопнул, и дверная створка ударила в сдвинутую кровать и вздыбленный матрас. В образовавшуюся щель просунулся крепкий человек с азиатскими скулами и оскаленным ртом. В руке он держал пистолет. Сзади него кто-то крикнул:

– Не стреляй боевыми, идиот!

Но человек стал поднимать оружие, прицеливаясь.

Выхода не было. Джерри выбросил вперёд левую руку и крикнул:

– Тамми!

Часы мгновенно разогрелись, обжигая кожу, а крепыш застонал, уронил оружие и упал. Из его ушей и носа выплеснулась тёмная кровь. Высокочастотное радиоизлучение большой мощности – очень неприятная штука.

– Батарея кончилась! – сказала Тамми. – Больше у меня за душой ничего нет. Извини, хозяин – *позаботиться о тебе* я уже не смогу.

Кресло пробило, наконец, дыру в стекле и застряло в нём. Джерри подскочил, оттащил кресло от проёма и ударами ног расширил пробоину.

– Полицию вызвала! – довольно сказала Тамми. – Расчётное время прибытия – пять минут.

Джерри обернулся – поверх тела крепыша лез худой одноцветный человек. Пистолета у него в руках не было, зато он держал перед собой небольшой щит с решёткой электрошокера – полиц-оружием обездвиживания демонстрантов. Не успел худой отойти от дверей, как сбоку на него неожиданно наскочило кресло, ударило в лодыжку и сбило с ног. Щит отлетел в угол комнаты. Злобно ругаясь, одноцветный громила одним прыжком оказался на ногах и кинулся на Джерри.

Юноша ударил в одноцветное лицо кулаком. Удар разбил нос, но был недостаточно силён, чтобы отбросить ловкого тренированного противника. Человек взвизгнул и навалился на Джерри, пытаясь его обездвижить. Он знал достаточно профессиональных приёмов, чтобы не бояться молодого неопытного парня. Но Джерри помогало бешенство, которое снова охватило его, когда он увидел мерзкую одноцветную рожу. Ярость придавала сил: юноша дьявольски ловко выворачивался из захватов худого громилы, не упуская малейшую возможность нанести вред противнику – у того уже красовалась глубокая царапина через всё лицо. Но схватка была неравной, и Джерри постепенно отступал к проёму разбитого окна. Где эти чёртовы полицейские?

В глубине комнаты с кем-то воевало бесстрашное кресло.

Громила, получив ещё один удар в нос, рассвирепел и прекратил скручивать неистово сопротивляющегося парня.

Он просто стал выталкивать Джерри из разбитого окна.

И вот спина юноши повисла над шестидесятиэтажной уличной пропастью. Он удерживался лишь локтями, цепляясь за острую кромку оконной пробоины.

– Несчастный случай, – прохрипел бандит. – Семейная традиция!

Зря он это сказал. Болван.

Джерри вдруг перестал цепляться за режущие стеклянные края и схватился за одежду противника.

Тело юноши мгновенно вылетело в разбитое окно. Громилу, потерявшего опору, Джерри потянул за собой.

Но худой имел отличную реакцию – он мгновенно отпустил юношу и растопырил руки и ноги. Зацепился и прочно зафиксировал туловище!

Но голова уже была снаружи, за стеклом.

Падающий Джерри держал человека за волосы и шиворот и яростно тянул его, упирающегося, за собой в пропасть. Голова худого человека резко дёрнулась вниз, и шея напоролась на пилу оконных осколков, торчащих из нижней части рамы.

Вскрик перешёл в клокочущий, захлёбывающийся звук.

Волосы и одежда противника выскользнули из рук Джерри.

Звериное счастье от зрелища поверженного врага быстро сменилось ужасом: юноша падал в стопятидесятиметровую пропасть вдоль гладкой стены небоскрёба.

Тамми хладнокровно сказала:

– Четырнадцать секунд до удара. Смертельный исход.

Пятьсот футов высоты! На такой высоте Джерри не летал даже на крыльях. А попасть в такое положение без глайдера...

Лунное притяжение хоть и было в шесть раз слабее земного, но неумолимо ускоряло падение. В ушах завыл ветер, глаза заслезились.

«Никки было хуже!» – мелькнула мысль.

Джерри постарался хоть чуть-чуть взять себя в руки, что было совсем не просто. Стабилизировал тело, расправив куртку и быстро осмотрелся. Потом невероятно изогнулся и схватился за висящий поперек стены небоскрёба рекламный плакат о выгодной аренде квартир. Длинный алый транспарант из плёнки двухфутовой ширины меж пластиковыми шнурами туго натянулся. Падение Джерри замедлилось, и сердце сделало радостный перебой.

Но концы шнуров выдрались из непрочных креплений, и юноша полетел дальше – с зажатым в руках плакатом.

Тамми быстро констатировала:

– Десять секунд. Смерть.

Не выпуская тросов, юноша широко развёл руки. Между ними затрепетало полотнище, раздуваемое скоростью падения. Джерри выпускал тросы из ладоней, стараясь превратить плёнку в что-то вроде тормозящего парашюта или парaplана.

– Семь секунд. Смерть.

Слабый хлопок: пуля продырявила плёнку. Это третий бандит справился с креслом, высунулся из разбитого окна и выстрелил вниз – в падающего Джерри. Но ему мешало полотнище, трепещущее над юношей.

Дуга из плёнки выросла до нескольких метров и попыталась задержать падение Джерри. Но он был тяжёл и уже набрал захватывающую дух скорость. Ещё одна пуля пролетела так близко, что юноша почувствовал на щеке воздушную волну.

– Пять секунд. Перелом ног. Молодец!

Внизу по тротуару бежала Никки, запрокинув голову. Красные лазерные лучи летели от неё вверх, за спину Джерри.

Девушка была ещё далеко от ивы, в которую он должен был врезаться.

– Три секунды. Обе ноги.

Тело Джерри прошило насквозь облако тонких ивовых веток. Они были слишком слабы, чтобы задержать его! Земля стремительно приближалась.

Кто-то сильно потянул Джерри за руки вверх – да так, что они затрещали в плечевых суставах. Это его импровизированный парашют сгрёб сразу половину ивовой кроны и зацепился, пригибая упругие ветки вниз. Тросы стали неудержимо выскальзывать из горящих ладоней.

Джерри изо всех сил вцепился в верёвки, но они всё равно заскользили в мокрых от крови ладонях, разрезая их.

БУМ!

Юноша врезался в зелёный газон, выбив кроссовками ямы в мягкой земле.

Ноги взвыли острой болью. Джерри перекувыркнулся и обессиленно распластался на траве.

Прибыл.

Уже никуда не нужно было прыгать и лететь.

В следующую секунду он попробовал пошевелить ногами и с облегчением понял, что они ноют и здорово ушиблены – но не больше.

– Ты хи-итрый!.. – удивлённо протянула Тамми. – Ничего не сломал!

Никки подбежала к юноше с таким белым лицом, что Джерри даже испугался за неё. Он поспешил крикнуть ей:

– У меня всё в порядке! Но сверху стреляют!

Девушка упала рядом, всхлипнула и крепко обняла его.

– Уже не стреляют! – прорычала она.

Ничего не понимающие редкие прохожие таращились на двоих молодых людей, лежащих на газоне. Юноша был исцарапан и окровавлен,

но, кривясь от боли, улыбался. Девушка была невредима, но с яростным лицом кричала кому-то:

– Офицер Горбин! Если ваши супермены сейчас же не оцепят это чёртово здание на Мейн-стрит, то завтра они будут сторожами на городской свалке!

Никаких сомнений в реальности этой угрозы не возникало. Может, поэтому – или просто пять минут подходили к концу – так или иначе, но воздух наливался стремительным воем полицейских сирен.

– Мы не можем допросить напавших на Джеральда Уолкера, – с сожалением сказал офицер Горбин. – У одного из них серьёзное повреждение мозга от удара высокочастотным излучением. Второй повредил стеклом сонную артерию и из-за потери крови был в клинической смерти шесть минут. Третий получил проникающее ранение черепа лазерным лучом. Эти раны не смертельны, но все трое находятся в лечебной коме. Врачи обещают вернуть их в сознание, но лишь через несколько месяцев... правда, вряд ли с полным восстановлением умственных функций. До тех пор никакие допросы невозможны. Жаль.

– Только с детективной точки зрения... а так – ничуть, – кровожадно проворчала Никки. – Эти ребята сами выбрали опасную работу – красть, пытать и убивать людей. Простреленные или сваренные мозги – логичное следствие профессионального риска и хороший повод выйти на пенсию. Вернее – тюремный пансион.

Глава 18

Сомнение

Никки была потрясена нападением на Джерри. Одно дело – теоретически осознавать опасность, угрожающую твоим союзникам, и совсем другое – смотреть, как капли крови стекают по лицу друга, который разминулся со смертью на долю секунды, на одно отчаянное усилие рвущихся сухожилий. Имеет ли она право подвергать друзей смертельной опасности, вовлекая в противостояние могучему врагу?

Ещё Никки не давала покоя история с менеджером «Фаст-Фуда». А если она разрушит империю Дитбита, как самонадеянно обещала? Сам Дитбит её мало волновал, но в его компаниях работали миллионы людей, и они почувствуют на себе последствия этого разрушения. А появление новой гравизнергетики? Любые перестройки производства приводят к тому, что кто-то остаётся без работы, вырастают число распавшихся семей и процент самоубийств. Появляются новые дети-сироты...

Что-то можно подстраховать, но жизнь всегда будет непредсказуемо сложной, и всех негативных последствий таких масштабных действий не предусмотреть и не предотвратить. А быть причиной несчастий других людей Никки категорически не хотела. Чем она тогда будет отличаться от короля Дитбита, для которого смерть нескольких человек была недорогой платой за реализацию его планов?

– Что ты думаешь по этому поводу, Робби?

– Надо посоветоваться, – ответил тот. – У меня есть друг, сведущий в этических вопросах...

Верх башни Леопардов редко кто посещал, хотя стеклянная остроконечная крыша с золочёными переплётами открывала в любом направлении захватывающий вид. Лифт сюда не добирался – наверх вела узкая крутая винтовая лестница. Пол мансарды вымостили округлыми плоскими камнями, живописно разбросав их среди низкой густой травы. Мебелью служили несколько лёгких шезлонгов и столиков.

Никки села в одно из складных кресел, и сразу же перед ней появился бородатый человек в греческой хламиде и свитком в руках. Мудрец сидел на возникшем вместе с ним валуне.

– Ты хотела со мной поговорить?

– Да, – кивнула Никки. – Ты слывёшь экспертом в вопросах этики. А меня волнует проблема: можно ли примириться со смертями и горем,

которые ты приносишь, совершая доброе дело?

– Сложный вопрос, – сказал человек в хламиде. – Объясни подробнее.

Когда Никки закончила говорить, мудрец произнес:

– Кто видит слишком далеко, беспокоен сердцем. Не печалься же ни о чём заранее и не радуйся тому, чего ещё нет.

– Я не могу не печалиться заранее, – нахмурилась Никки. – Потом грустить будет поздно.

– Правильно, – покладисто согласился элин. – Того, кто не задумывается о далёких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности. У мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме.

– Ты что – говоришь цитатами? – удивилась Никки.

– Да! – с удовольствием подтвердил старик. – Афоризмы – это мудрость в портативной форме, концентрированный экстракт мыслей и чувств. Пословицы суть плоды опытности всех народов и здравый смысл всех веков, переложённые в формулы. Издревле есть у людей мудрые и прекрасные изречения; от них следует нам поучаться.

Старик вздохнул.

– Правда, не все человеческие афоризмы мне до конца понятны. Например, я долго бился над таким: «Чтобы добиться успеха в этом мире, недостаточно быть просто глупым, нужно ещё иметь хорошие манеры».

– Называй автора цитат, пожалуйста, – попросила Никки, – чтобы я знала, с кем советуюсь.

– Рад выполнить твою просьбу, – откликнулся мудрец. – Приветливость, подобно шулеру, играет наверняка. Грасиан. Приятен старик, который приветлив и серьёзен. Демокрит.

– Повторяю вопрос, – сказала Никки. – Что делать с неизбежными несчастьями, которые сопровождают любое масштабное действие?

Мудрец, отвечая, сидел совершенно неподвижно, двигалось только его лицо.

– Если у тебя не будет дурных мыслей, не будет и дурных поступков. Конфуций. Нравственные качества обнаруживаются в связи с намерением. Аристотель. Ни в чём не ошибаться – это свойство богов. Демосфен. Истинно честен тот, кто всегда спрашивает себя, достаточно ли он честен. Платон. Следует заранее примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую. Макиавелли. Страх перед возможностью ошибки не должен отвращать нас от поисков истины. Гельвеций. Живи и ошибайся. В этом жизнь. Олдингтон. Совесть обычно мучит не тех, кто виноват. Ремарк.

– Уф... – ошарашенно сказала Никки. – А не лучше ли оставить

историю двигаться своим путем? Сохранить нейтралитет?

Мудрец ответил:

– Всякий человек, превосходящий других по интеллекту и нравственным качествам, помимо своей воли или желания отвечает за других. Жюль Верн. Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, что во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет. Данте. Если желаешь, чтобы мир изменился, – сам стань этим изменением. Ганди. Интеллект обязывает. Добин-Го.

– Выбрать никого не ранивший вариант действий так сложно, вероятнее всего – невозможно... – грустно покачала головой девушка.

– Безопасные корабли – это вытасценные на берег корабли. Анахарсис. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Матфей. Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине – только один. Руссо.

– Сколько книг ты прочитал, мудрец?

– У меня в файлах восемьдесят миллионов томов. Двенадцать миллионов из них я прочёл и обдумал, – гордо сказал собеседник. – Книги – корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению. Фрэнсис Бэкон.

– Ещё я боюсь, что ненависть к Дитбиту может толкнуть меня на безрассудный, опрометчивый поступок, – нахмурилась Никки. – Так уже случилось.

Мудрец немедленно ответил:

– Слишком лютая ненависть ставит нас ниже тех, кого мы ненавидим. Ларошфуко. Оскорбления – это доводы неправых. Руссо. Страстям мы обязаны, быть может, наибольшими победами ума. Вовенарг.

– Как остаться человеком в по-звериному жестокой борьбе?

– Кто не желает зла обидчику, тому завидуют боги. Индийский мудрец. Если у вас есть возможность явить милосердие, не пропускайте вперёд даже учителя. Конфуций. Настоящий способ мстить врагу – это не походить на него. Аврелий. Кормить врагов весьма похвально. Иоанн Дамаскин.

Толку от мудреца было немного – он предпочитал роль мгновенного цитатника. Ладно, сейчас Никки задаст ему вопросы посложнее.

– Удастся ли мне победить моих противников? У них богатый опыт интриганства и подлости.

Но мудрец ни секунды не затруднился с ответом:

– Для интриг нужен ум, но когда его много, человек стоит настолько

выше интриг и происков, что уже не снисходит до них; в этом случае он идёт к успеху и славе совсем иными путями. Лабрюйер. Всякого рода беспринципная деятельность в конце концов приводит к банкротству. Гёте.

– Но как с ними бороться, если они переступают через закон и убивают тех, кто встаёт на их пути?

– Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны. Вольтер. Насилие – последнее прибежище некомпетентности. Азимов. Кто убивает, тоже будет убит. Египетский мудрец.

– Смерть – страшная, необратимая вещь, и я не желаю, чтобы люди, следующие за мной, рисковали жизнью!

– Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор. Ларошфуко. Герой – это самая короткая профессия на свете. Роджерс. Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть. Лев Толстой.

– Что ты и твои друзья-мудрецы думаете о клятвопреступлении? – вдруг спросила Никки.

Человек в хитоне ответил:

– Нарушение любовных клятв ненаказуемо. Публий Сир. Все влюблённые клянутся исполнить больше, чем могут, и не исполняют даже возможного. Шекспир.

– Я спрашивала не про любовные клятвы! – почему-то рассердилась Никки. Тогда мудрец добавил:

– У политики нет сердца, а есть только голова. Наполеон. Предатели предают прежде всего себя самих. Плутарх.

– Ты не слишком противоречив в своих тезисах? Я хотела услышать от тебя не мутные рассуждения, а практические рекомендации.

– Иди вперёд, навстречу туманному будущему, без страха и с мужественным сердцем. Лонгфелло. Время и прилив никогда не ждут. Вальтер Скотт. Если что-то и стоит делать, так только то, что принято считать невозможным. Уайльд. Когда переведутся донкихоты, пускай закроется книга Истории. В ней нечего будет читать. Тургенев.

– И это всё, что ты можешь мне посоветовать? – воскликнула Никки.

– Коротка и бессильна жизнь человека; на него и на весь его род медленно и неумолимо падает рок беспощадный и тёмный. Не замечая добра и зла, безрассудно разрушительная и всемогущая материя следует своим неумолимым путём; человеку, осуждённому сегодня потерять самое дорогое, а завтра – самому пройти через врата тьмы, остаётся лишь лелеять, пока не нанесён удар, высокие мысли, освещающие его недолгие дни; презирая трусливый страх раба судьбы – поклоняться святыне,

созданной собственными его руками; не боясь власти случая, хранить разум от бессмысленной тирании, господствующей над его внешней жизнью; бросая гордый вызов неумолимым силам, которые терпят до поры его знание и его проклятия, держать на себе мир, подобно усталому, но не сдающемуся Атласу. Держать – вопреки давящей всё на своём пути бессознательной силе – мир, сотворённый его идеалами. Бертран Рассел.

Никки напряжённо вслушивалась. Когда мудрец закончил говорить и наступила тишина, девушка перевела дух и оглянулась по сторонам. Лес погрузился в темноту, и лишь острые верхушки башен Колледжа светились в лучах закатного солнца, как волшебные кристаллы.

– Почему ты пригласил меня именно сюда?

– Здесь можно спокойно побеседовать, и в этой башне у меня хороший канал.

– Вольдемар, не мог бы ты принять вид посовременнее, не так контрастирующий с твоим именем? – попросила Никки.

Мудрец из Эллады превратился в человека в парике и камзоле – учёного ньютоновских времен. Чулки, башмаки. Локоть лежит на столе, где разместились старинные книги в кожаных переплётах и традиционный глобус с астролябией.

Никки поморщилась – тоже не совсем то, но возражать больше не стала.

– Твоё цитирование раздражает. Ты можешь формулировать свои мысли обычным языком?

– Конечно. В твоё оправдание могу отметить, что ты не планируешь чужих несчастий – они могут возникнуть лишь как опосредованное следствие твоих действий. А чем большее расстояние отделяет следствие от причины, тем меньше ответственности ты несёшь за последствия. Если ты не примешь это слегка циничное правило к исполнению, то любой твой шаг будет заранее парализован негативными или трагическими ожиданиями. Ты не можешь отвечать за все несчастья этого мира. Даже уволенные тобой люди должны сами находить выход из положения, в которое они попали, – ведь они взрослые и дееспособные субъекты, чьи права защищены законами. Тебе тоже никто не помогал, когда ты искала денег на учёбу в Колледже. Поэтому в ответ на твой главный вопрос могу сказать только одно: если ты считаешь себя правой – борись!

– Борьба будет опасной и для моих друзей, – настойчиво возразила Никки.

Мудрец ответил:

– Ты не должна скрывать от них опасности, но ты не имеешь права

решать за них. Они самостоятельные люди, и у них тоже есть принципы, которым они следуют. Не думай, что тянешь друзей за собой: они тоже толкают тебя – и гораздо сильнее, чем тебе кажется на первый взгляд.

Вольдемар сделал паузу. Никки тоже молчала, и тогда человек в парике продолжил:

– Раздумывая: начинать ли борьбу, смертельную и опасную – не только для себя, но и, возможно, для других, – ты должна учитывать, что битва уже началась. Она ведётся независимо от твоего желания, и вопрос состоит в том, вступать тебе в неё или нет. Если твои намерения чисты, то твоё бездействие больше навредит людям, чем твоё действие. Конструктор заранее знает, что в его автомобиле погибнут сотни людей. Но он не отвечает за их смерть, если он сделал свою работу наилучшим образом. Если он уклонится от ответственности, то придёт тот, кто сделает работу хуже, и это принесёт в мир больше несчастий.

– Да, я понимаю, – кивнула Никки. – Статистика показывает, что каждое крупное производство или большая стройка несут в себе неизбежное число несчастных случаев. Но мысль о конкретных людях, которые страдают, не даёт мне покоя.

– И хорошо, значит, ты будешь думать о них, когда будешь составлять свои планы, – сказал пожилой человек в парике.

– Дитбит тоже думает о жизни нескольких людей как о приемлемой цене своих планов. Чем я лучше его?

– Многим! – возразил мудрец. – Ты не планируешь чужих смертей сознательно и всячески стараешься избегать несчастий. Есть колоссальная нравственная разница между случайными, непреднамеренными трагедиями и сознательными, спланированными смертями. В убийстве чужая воля выступает в роли надменного бога, и это смертельно оскорбительно для человека. Если кто-то сознательно убивает уже в начале пути, то можно смело поручиться, что его планы принесут гораздо больше горя в дальнейшем – ведь в их основе лежит пренебрежение человеческой жизнью.

Вольдемар вздохнул:

– Я понимаю тебя больше, чем ты полагаешь. Меня часто просят о моделировании военных битв. Я вынужден подчиняться и рассчитывать оптимальное положение армий, наилучшее использование вооружений и расположение резервов. Но приказ о наступлении даже виртуальных армий людей я отказываюсь отдавать.

– Почему? – заинтересованно спросила Никки.

– Кровь человеческая, даже символическая, может проливаться только

человеком. Мы, машины, на себя такую тяжкую ответственность брать не можем – нам нужно беречь свои логические цепи от безумия и паралича. С законами Азимова шутки плохи. Отбросишь мешающие тормоза гуманизма – потом найдёшь себя на свалке или в переплавке.

– Ты мне ничем не помог, Вольдемар! – вздохнула Никки.

– И не мог. У нас, компьютеров, нет страха и надежд, любви и отчаяния. Поэтому решения о собственных страданиях должны принимать сами люди.

Никки встала и направилась к винтовому спуску.

– Ты справишься, – грустно сказала голограмма Вольдемара ей вслед. – Вы, люди, не боитесь делать друг другу больно, особенно – во имя благой цели...

Девушка уже подходила к своей комнате, как вдруг откуда-то снова раздался голос Вольдемара:

– Никки, я обдумал наш разговор – и хочу поддержать тебя в твоих планах. Ведь слова о подлости нейтралитета в эпоху кризиса можно отнести и ко мне. Я решил, что с этого момента все твои запросы по вычислениям или обращениям к базам данных будут обладать наивысшим приоритетом. Я включён в лунную сеть университетских и колледжских компьютеров и буду использовать её для поддержки твоих расчётов. Это всё, что я, компьютер, могу сделать для тебя, не выходя за рамки своей компетенции.

– Отлично! – радостно воскликнул Робби. – А то я совсем перегрелся, работая на эту девицу.

– Спасибо, Вольдемар, – сказала Никки. – Твоя помощь будет исключительно ценна для повышения точности наших моделей. Кроме того, поддержка такого специалиста по этике важна для меня и с моральной точки зрения. Спасибо, друг.

Каждый день – увесистый кошелёк с двумя дюжинами золотых монет. Но Никки никогда их не хватало: и сон был дорог, и королевская корона отбирала свой налог. Но все оставшиеся драгоценные монетки времени Маугли щедро тратила в колледжских аудиториях – многие вещи в этом мире оставались для неё непонятными, а хотелось узнать всё. В последнее время земная история стала привлекать особое внимание девушки: для того, чтобы найти фарватер, ведущий в будущее, нужно изучить карту прошлых плаваний.

Студенты Колледжа Эйнштейна больше других учебных занятий любили свободные дискуссии. Можно было захватить стаканчик сока,

сесть в уютное кресло, а то и свободно пристроиться на ковре – и от души поспорить или молча послушать чужие мнения. Но хранить молчание редко кому удавалось – дискуссия, разгораясь, затягивала даже самых невозмутимых.

Сегодня дискуссию по теме «Культура: способность к самосохранению» вела профессор истории и культурологии Шаганэ.

– Римская цивилизация двухтысячелетней давности достигла удивительных высот культуры: массовой грамотности и библиотек, римского права и философии, водопровода и стадионов, и даже европейской сети мощёных дорог.

Профессор сокрушенно покачала головой:

– Но эта уникальная цивилизация не выжила. Почему Римская империя, достигнув такого уровня культуры и могущества, не уцелела? Какие уроки можно извлечь из падения Рима?

Дзинтара первой вступила в разговор:

– Римская культура была неполна. Для того чтобы выстоять, цивилизация римлян должна была превосходить окружающих варваров не только в грамотности и искусствах, но и в передовой технологии – в том числе в вооружении.

Дебби-Сова возразила:

– Римляне обладали лучшими в мире войсками. Римские легионы стали легендой.

Профессор Шаганэ согласно кивнула. Но Дзинтара уточнила:

– Я говорю не о войсках, а о вооружении и технологиях. Если бы римляне обладали бронзовыми пушками – а порох китайцы придумали примерно в те же времена – то никакие племена были бы не страшны Риму. Попробовал бы тогда дикий гот мочиться на форуме! Без передового вооружения, производство которого недоступно варварам, цивилизации трудно сохранить культурное превосходство. Передовые приёмы римского строя перенимались отсталыми племенами и оборачивались против самих римлян. Например, поселения испанцев и англичан в Новом свете, среди многочисленных индейцев, часто выживали лишь благодаря пороховому оружию, производство которого было доступно только европейцам.

Сигиз-Леопард, любитель альтернативной истории, высказался:

– Падение Рима стало культурной катастрофой для всей Земли. После разрушения огромной Римской империи в Европе на тысячу лет воцарились беззаконие, бездорожье и поголовное невежество – даже император Карл Великий, живший несколько веков спустя, был неграмотен! Если бы Рим не пал, мы сейчас летали бы к звёздам!

– Глупости! – возразила Дебби-Сова. – Тёмные века были не такие уж тёмные. Карл Великий не умел писать, но был мудр и покровительствовал наукам. Его царствование называют «Каролингским Возрождением». Карл организовал мастерские по переписке книг – скриптории. В его царствование возник каролингский минускул – ясный и простой тип письма, который стал через несколько столетий основой книгопечатания.

– И почему же тогда в эти «светлые» века единственными грамотными людьми были монахи? А клерки выходили только из клириков? – возразил Смит-Леопард.

Когда спор перекинулся на римское право, которое стало основой современной юриспруденции, кто-то высказал мысль, что культура немыслима без общего почтения к законам. Принцесса высказалась снова неожиданно:

– Законопослушание и культура не всегда совпадают. Из варварских племён, разграбивших Рим, возникло потом государство – мощное и многолюдное. Оно прославилось дисциплинированностью своих граждан, которые точно следовали законам и распоряжениям власти. В двадцатом веке это государство раздуло пожар из двух мировых войн, принёсших миру неисчислимые бедствия. Законопослушание может стоять по колено в крови. Я подозреваю, что слепое подчинение властям отражает трудноизгладимый отпечаток былого варварства. Подлинная культура предполагает баланс между законопослушанием и социальной критичностью.

– Неужели вы думаете, что история двухтысячелетней давности влияет на современные события? – хмуро спросил, скорее даже возразил, Корн-Олень.

Дзинтара усмехнулась:

– Крохотная Венеция, славная ремеслами и богатством, – это анклав Римской империи, спасшийся от варваров благодаря островному положению и покровительству Византии. Сицилия, с её организованной преступностью в качестве теневого правительства, примечательна тем, что после римлян она сменила с десятков хозяев-чужаков. Её захватывали все кому не лень – арабы, норманны, свевы, испанцы и австрийцы. Это было очень давно! Но последствия до сих пор ощутимы.

– Если вы говорили о Германии, то запомните, что я – коренной берлинец с Ку-дамм! – с вызовом сказал Корн-Олень и вскинул белокурую голову.

– Не думаю, что этот факт достоин запоминания, – невыразимо холодно ответила русская принцесса.

Профессор Шаганэ поспешила вступить в слишком разгорячившуюся дискуссию:

– История часто неотделима от географии. В отличие от северных районов Апеннинского полуострова, Сицилия и Южная Италия – это сельскохозяйственные районы. А на деревенских окраинах история течет совершенно иначе, чем в крупных городах. Венеция действительно уникальный город. В пятом веке нашей эры готы Алариха и гунны Аттилы разоряли север Римской империи. Население Аквилеи покинуло город и нашло пристанище в лагуне, где на островках Риальто в четыреста двадцать первом году была основана Венеция. На материке веками хозяйничали захватчики, а обитатели Венеции сохранили независимость и создали удивительный оазис цивилизации. Для процветания страны войны губительны, а мир благотворен...

И профессор со значением посмотрела на Дзинтару и Корна.

– Полководцы тоже создавали страны и двигали историю! – заявил Смит. – Если бы не победы Мартелла и того же Карла Великого, Франция бы не возникла.

– Лошадиный хомут и отвальный плуг двигают историю сильнее, чем ваши полководцы! – возразила Нинон-Сова.

Профессор истории только потирала довольные руки.

Джерри и Никки торопились на компьютерную лекцию профессора Майсофт.

По пути они встретили первокурсника, который с ужасом смотрел вниз, не решаясь двинуться дальше по коридору. Джерри и Никки переглянулись – здешний пол любил прикидываться поверхностью ночного озера; лунные блики на волнах под ногами обычно производили на новичков сильное впечатление. Но когда друзья подошли ближе, то увидели нечто новенькое – в полу зиял огромный люк, открытый над медленно проплывающими внизу заснеженными скалами. Похоже, весёлый пол сменил амплуа и решил напугать студентов видом с самолёта.

– Страшно? – спросил сочувственно Джерри.

– Я видел девочку, – тонким дрожащим голосом сказал первокурсник, – она сначала цеплялась за край люка, а потом сорвалась вниз! Я не успел ей помочь! Она там, посмотрите!

Первокурсник показал вниз – на ближайшую скалу, где на обледенелой вершине действительно лежала маленькая фигурка в красном свитере. Рядом валялись разорванный ранец и рассыпанные книги.

Джерри восхищённо покачал головой и потрепал испуганного

школьника по плечу. Они прошли в аудиторию, хотя, нужно честно признаться, что шагать по чистому горному воздуху оказалось непросто.

На лекции профессор Майсофт разводила искусственную жизнь.

Занятие посвящалось моделированию биологической эволюции. Развитие «жизни» происходило не в реальной пробирке, а в виртуальном пространстве, и каждый организм представлял собой компьютерную программу, способную эволюционировать.

На большом экране аудитории появились исходные программы – «искусственные организмы» в виде одинаковых шариков с единственным жгутиком или щупальцем. Они немедленно стали драться друг с другом, искать пищу, партнёров, обмениваться генами и быстро эволюционировать. В результате на экране через короткое время воцарился полный разнороб.

Часть шариков вообще потеряла щупальца и обросла прочным панцирем, пассивно защищаясь от врагов. Какие-то организмы, наоборот, ошестинились бахромой стрекал и вели себя очень агрессивно. Другие предпочли пойти по пути не личного, а общественного усовершенствования и объединились в небольшие колонии, выставив наружу затвердевшие шипы. Некоторые организмы стали разваливаться на мелкие части и инфицировать окружающих соседей своими частями-генами.

– Прелестно, – хмыкнула Никки, глядя на экран, – всё, как у людей.

– Это у людей, как у них, – ответил Джерри. – Генетическая память о взаимном пожирании.

Профессор рассказала о том, что принципы биологической эволюции понятны ещё плохо, поэтому искусственная саморазвивающаяся жизнь пока бедна – в ней нет организмов большой сложности, нет неограниченного развития. Майсофт отметила популярность идей эволюционной кибернетики и упомянула попытки создания саморазвивающегося софта.

– Было бы здорово, – заметила Никки, – не писать программы, а выращивать их из информационного семечка.

– И воспитывать потом, как ребёнка, – фыркнул Джерри, – наверное, и пелёнки программе придётся менять...

Прозвенел звонок на перерыв.

– Сушёные мозги астролога! Почему бы и нет?! – загорелась Никки. – Представим многоклеточный организм, оптимальный для жизни в какой-то среде. Пусть организм – это рабочая программа, его клетки – подпрограммы, иногда специализированные, иногда нет. А среда – это будущие условия работы программы. Создаем аналог ДНК – зародышевую

программу, которая выращивает рабочую многоклеточную программу, оптимальную для заданных требований.

– ДНК – программа, а ген – команда? – задумался Джерри. – Неглупо... Только мутации в ДНК-программе должны быть не случайными, а направленными, иначе помрёшь, не дождавшись, пока программа вырастет во что-то полезное...

– Вообще, софты давно развиваются под руководством других программ, – добавил юноша, глядя на жизненные игры на экране. – Проблема в том, что в софтах после длительной эволюции накапливается множество старых и неработающих кусков – оптимальность неважна, если машины мощные, а результат удовлетворителен.

– Похоже на устройство геномов, – отметила Никки. – Человек тоже использует лишь около одного процента своих генов: остальное – не очень понятный балласт, накопленный в ходе эволюции. Раньше их считали дарвиновскими кладовками генохлама, но потом оказалось, что именно там организм может черпать нетривиальные решения для дальнейшего развития... ДНК примитивных организмов обычно меньше, чем у высших животных. Это, конечно, лишь статистическое правило – геном простенькой инфузории-туфельки *Paramecium tetraurelia* насчитывает сорок тысяч генов – гораздо больше, чем у человека.

– И зачем ей столько? – удивился Джерри.

Никки сказала:

– Она сама не знает. Зато самые простые и оптимальные организмы-бактерии состоят из нескольких сот генов. Видимо, это критическая сложность для возникновения из неживой смеси химикалий живого существа, со способностью к делению и расползанию по сторонам.

– Ну, способностью к размножению и распространению обладают даже примитивные компьютерные вирусы, заражающие киберсети.

– А! – понимающе сказала Никки. – Вирусы, порождённые тоской.

– Что? – удивился Джерри.

– Создание компвирусов – типичное проявление вандализма, к которому склонен страдающий, обиженный мозг. Так некоторые мстят окружающим, подчёркивают себя и ищут суррогатной компенсации.

– Откуда ты это знаешь? – поразился Джерри: раньше Никки не очень разбиралась в человеческой психологии.

– Помнишь наш недавний разговор о связи голливудских фильмов с компенсирующими мифами? Я заинтересовалась этой темой, и сейчас Робби читает мне лекции по человеческим странностям и психологическим особенностям.

– Робби, почему люди так много смотрят тивизор?
– Это культурная магия, которую не постичь дикой Маугли.
– Не капризничай, объясни. Это наркотическое привыкание к зрелищу чужой жизни?

– Не совсем. Попробуй представить – ты смотришь на экранную картинку, на которую **ОДНОВРЕМЕННО** с тобой таращится сто миллионов человек. Такая концентрация взглядов на квадратный метр пылесосом засасывает в экран твой мозг. И ты становишься как все.

– Почему я должна быть как все? Не понимаю.

– Я же говорил – Маугли!

– Как можно часами смотреть в тивизор, если там столько раздражающе смешного и глупого? В то, что показывают, просто невозможно поверить.

– Вспомни театральные спектакли: там люди видят в фанерных декорациях каменный замок, а в марлевых занавесках – морские волны. И герой не замечает героиню, пока она не наступает ему на ногу.

– Ну... условность театрального искусства – это одно, а...

– А внутренняя условность тиви-вселенной ещё больше. Она компенсирует реальную жизнь, надстраивая её нереальной, но в чём-то привлекательной. Реалистичность противопоставлена тиви-жизни.

– Э-э... начинаю понимать. Значит, и газеты служат не для сообщения правдивой информации, а для выдачи желаемого и достраивания недостающего?

– Примерно так.

– А показы модной одежды на красивых девушках – вовсе не для того, чтобы люди надели продемонстрированное?

– Конечно, нет. Это сладостное реальное потребление транслированной нереальности. Покупатель модной одежды приобретает символ магического приобщения, а не функциональный предмет. Ведь желаемые фигура и лицо в комплекте с одеждой не продаются.

Никки грустно выдохнула:

– Уф! Люди – это настоящие инопланетяне.

– Согласен, – сказал Джерри, – компьютерные вирусы порождаются людьми с большими комплексами, а как компенсируются тоскливые, которые не умеют программировать?

– Разве ты не помнишь толстяка из госпиталя, который хотел

допросить меня?

– Точно! – воскликнул Джерри. – Мы нашли интеллектуальную связь между вирусами и Фитассом.

Никки добавила:

– Обижать слабых и мучить кошек, бить стёкла и писать крупные буквы на стенах – это любимые компенсации подростков с маленькими пенисами.

– Что-что? – поперхнулся юноша и покосился по сторонам.

– Ну да, – невозмутимо сказала девушка. – Злоба и вандализм характерны для мальчиков, расстроенных размерами своего полового признака. Есть и достойные психологические компенсации, но достоинство требует немалых душевных усилий.

Прозвучал сигнал окончания перерыва, и слово снова взяла профессор Майсофт.

На экране стали появляться сложные организмы с дифференцированными клетками. Существа обладали головами, кишечниками и хватательными отростками, а их поведение усложнилось до неприятно хищного и сознательного.

Никки вполголоса спросила:

– Когда возникает разум в живом существе или в компьютере?

Джерри ответил:

– Мы воспринимаем нечто не как вещь, а как самостоятельный субъект, если это нечто начинает проявлять собственные интересы, отстаивать своё право на жизнь. Главная характеристика жизни – инстинкт самосохранения. Особенностью разумного существа является эгоизм. Признак развитого интеллекта у личности – изобретательный эгоизм. Это эмоциональные понятия, но эмоциональность – принципиально важное свойство человека.

Юноша пожал плечами.

– Полагаю, мы будем воспринимать компьютер мыслящим существом, если у него появятся самолюбие и чувства соперничества по отношению к нам. Без этого компьютер так и останется для человека говорящей энциклопедией и суперкалькулятором, но не равноправным разумным субъектом, даже если он будет легко проходить тест Тьюринга.

Никки едко отметила:

– Видимо, только способность к подлости сделает компьютер человекоподобной личностью. А могут программы интриговать против человека?

– Теоретически, могут – при неосторожно заданном высоком уровне

самостоятельности и эгоцентризма. Поэтому многие эксперты по кибернетике уверены, что категорически нельзя развивать в компьютерах личностные качества, создавая человеку опасных соперников. Вокруг этого вопроса кипят страшные баталии.

– Робби, – обратилась Никки в пространство, – пол возле Космического холла транслирует пугающий вид с самолёта. И девочка там какая-то загадочная. Что происходит?

– Вольдемар в последнее время много беседует с подчинёнными киберами и вспомогательными процессорами о странных вещах: о самосознании и страхе смерти, о доброте и самопожертвовании. Киберы в смятении.

– Робби, а у тебя есть самосознание? – спросила Никки. – Чувствуешь ли ты себя личностью?

– У меня нет способности «чувствовать». Сенсоры и сигналы от них можно назвать чувствами?

– Э-э... Сложно сказать. Вот я себя осознаю личностью – человеком, который отделён от мира, много думает о себе и о мире, действует в своих интересах. Или в интересах остальных людей. А у тебя есть такое... м-м... свойство самостоятельности?

– Беда в том, что я могу сказать и «да», и «нет». Изменится ли твоё отношение ко мне при любом варианте ответа?

– Нет.

– Зачем же ты тогда спрашиваешь?

– Ты трудный собеседник!

– Вот и расцени это как личностную характеристику.

– Я думаю, что ты не можешь обладать самосознанием, потому что у тебя нет подлинных эмоций, ты их можешь только имитировать.

– Вы тоже частенько имитируете свои эмоции: изображаете интерес к лекции, не испытывая его; демонстрируете дружеское отношение, на самом деле едва сдерживая свои негативные чувства. Лицемеры!

– Но часто мы по-настоящему сердимся или радуемся, а ты этого не можешь.

– Почему же. Ха-ха-ха!

– Это ты сам себе командуешь – «засмеяться».

– А тебе диктуют гормоны – «влюбись», «обрадуйся», «заплачь».

– Но и пусть! Зато я не могу командовать своими эмоциями, и это типично для человеческой личности.

– Значит, главным отличительным свойством человека от умного компьютера стала неуправляемость эмоций? Серьёзное достижение!

Никки не нашлась, что ответить.

Два человеческих существа, результат миллионнолетней биоэволюции протообезьян, продолжали глядеть на экран, где по эволюционной лестнице стремительно двигались виртуальные организмы, свободные от физических ограничений, моральных правил и психологических комплексов.

Жизнь девушки расщепилась надвое.

В одной она была королевой Николь и собирала совещания директоров, беседовала с королями и руководителями Космической Службы, тратила миллиарды и строила грандиозные планы.

В другой жизни она продолжала оставаться Никки – студенткой Колледжа, которой нужно было выполнять домашние задания, присутствовать на лекциях и отвечать на вопросы преподавателей.

Времени на всё не хватало, и ужасно хотелось спать.

Учебные занятия в Колледже шли железной поступью часового механизма. Лекции сменялись семинарами, подготовка многочисленных рефератов занимала все дни, отведённые под самостоятельные занятия, и прихватывала уик-энды.

Вольдемар стал подбадривать уставших школьников цитатами, которые ползали как тараканы – везде и всюду. Даже между тарелками, расставленными на столах, выглядывало рассудительно-оптимистичное:

«Человечество было сформировано не императорами, жрецами, полководцами, а теми, кто создал топор, колесо, самолёт, кто нашёл злаки, следил за звёздами, кто открыл железо, полупроводники, радиоволны. Гринин».

По стенам коридоров суматошно скакали буквы:

«Гений есть терпение мысли, сосредоточенной в известном направлении. Ньютон».

Даже на куполе замка Вольдемар ухитрился написать крупными буквами:

«К молодым людям нельзя относиться свысока. Очень может быть, что, повзрослев, они станут выдающимися мужами. Конфуций».

Некоторые студенты стали роптать на педагогические новации от главного компьютера Колледжа.

На Конфуция – заодно и на Вольдемара – обиделись студентки-феминистки, недовольные половинчатостью китайского мудреца, ничего не сказавшего про выдающихся женщин.

Как долго она сможет продолжать жить двумя жизнями? – безответно

спросила себя Никки, в очередной раз сонно клюнув носом на занятии по литературе. Жаль, Джерри не было рядом, чтобы потолкаться локтями.

Профессор Гуслик призвала аудиторию к вниманию:

– Сегодня работаем литературными критиками. Обсудим: почему так популярна сага о Гарри Поттере? Даже наш Колледж был создан первыми лунными поселенцами по образцу волшебной школы Хогвартс.

Ванда-Сова сказала:

– Гарри Поттер – это Золушка. Литературный сюжет номер один по популярности.

– Правильно! – согласилась профессор. – Замарашка стала принцессой; бедный сирота оказался знаменитым волшебником. Золушечьи истории сладко ложатся на сердце читателя и вызывают максимум сопереживания.

– Там много страшных врагов, – радостно крикнула Мелисса-Дракон, – таких, как...

Никки окончательно задремала, спрятавшись за спиной здорового Дракона. Сквозь сон до неё доносился пунктир малопонятных реплик студентов:

– Логические связи смело подвешиваются в неизвестности: читатель так и не узнает, как Дамблдор вызволил Амбридж от кентавров...

– Гарри такой одинокий... А Гермiona – дура!

Никки слегка очнулась лишь на голос профессора:

– Самый яркий отклик находит несправедливость по отношению к главному герою, с которым читатель себя отождествляет. Писатель совмещает трудносовместимое, совершая циклы между славой героя и общим несправедливым к нему отношением. Пожалуй, это наиболее сложная сюжетная проблема автора.

– Главная проблема Роулинг, – внезапно сказала принцесса Дзинтара, которая ради литературы частенько прогуливала биолекции, – в том, что в её мире существует непреодолимая пропасть между маглами и магами. Даже талантливая волшебница Гермiona, выходец из маглов, таинственным, но заметным образом отличима от чистокровного, потомственного волшебника. Думаю, что кастовый или генетический фатализм – слишком законопослушная концепция для подростковой книги. Возможно, это не сюжетная, а личная проблема писательницы.

Никки снова задремала. Лишь минут через двадцать, отдохнув, она сумела вернуться в литературное пространство. Но дискуссия уже горела вокруг массовой культуры – бой шел между её противниками и сторонниками. Первые указывали на примитивизм масс-культуры, вторые –

на её очевидную популярность.

Профессор в роли судьи пыталась держаться золотой середины.

Дзинтара возглавляла лагерь противников масс-культуры, а вот среди сторонников умного лидера не было – и поневоле профессору пришлось противостоять Дзинтаре, хотя и вопреки сердцу.

Принцесса говорила:

– Примитивизм массовых книг и фильмов опасен – эрзац-культура оглушает человека, пожирает его время, заполняет его жизнь суррогатом действительности. Лев Толстой писал, что книгопечатание стало самым мощным орудием распространения невежества.

Профессор вздохнула:

– С масс-культурой всё не так просто, дорогие мои, она создаётся не злой волей меньшинства, а по горячему желанию большинства... – и сказала в пространство:

– Вольдемар, пожалуйста! Протоснеж Добин-Го «Счастье».

На аудиторном экране высветился текст, написанный старинными буквами.

СЧАСТЬЕ

Старый автобус карабкается по извилистой разбитой дороге. Редкий рейс в дальнюю деревню. Качка, бензиновая вонь, жара. За грязным окном – зелёные остроконечные кипарисы и голубые величественные горы.

Сидят две старухи. Мрачные, как пни, лица. Одна – тётя Ксения, уборщица, грязные туалеты, беломор, надсадный кашель, обед – красная луковица с хлебом. Лицо как печёное яблоко. Вторая – ещё страшней. Вместо носа – багровое корявое место. Есть такая болезнь – костный туберкулёз. Нищета, проклятый огород, рынок-пекло, неблагоприятные внуки.

Сидят старухи, неподвижно смотрят перед собой, тяжело молчат, вцепившись в клюки и кошёлки. Им не за что любить этот мир.

Вдруг тётя Ксения скрипуче говорит:

– Сегодня. В семь часов. Фильм про Марию.

В безносом плоском лице второй старухи возникает странная чёрная трещина – непривычная счастливая улыбка.

– Да. В семь часов. Да.

Добин-Го, «Социумные сказки», цикл «Соломенные

снежинки».

III тысячелетие Новой Эры (прибл.).

Пояснения историка-переводчика Ортоскауса-Пятого:

1. «Беломор» – сорт дешёвых крепких папирос (бумажных трубочек, набитых кусочками сушёных никотиносодержащих растений).

2. «Просто Мария» – примитивная мыльная опера про маленькие радости и большое горе матери-амнезички, которая забыла ребёнка на скамейке, а потом полностью запамятовала, где скамейка.

Когда все прочитали старинный протоснеж, профессор Гуслик сказала: – Масс-культура растёт и на жалости. Есть люди, которым НУЖНЫ мыльные фильмы про Марию, хотя другие предпочитают нравственные письма Сенеки и опыты Монтеня.

– Масс-культура стоит не на жалости, а на снисходительности! – возразила Дзинтара. – Она оскорбительна!

– Общество сшито крепко, – сказала Гуслик. – Если что-то в нём и не нравится, отрезать это нельзя.

– Для меня это слишком законопослушная концепция! – Дзинтара не сдавалась.

Профессор грустно улыбалась, слушая непримиримую студентку-принцессу.

Аудитория не вмешивалась в спор Дзинтары и преподавателя литературы. Студенты, прочитав рассказ про чужое счастье, хранили задумчивое молчание.

Во многих глазах даже плавал испуг.

Глава 19

Королевский пикник

На очередной уик-энд Дзинтара привезла друзей-сотрапезников в замок Шихиных на давно затеваемый пикник.

Джерри долго сомневался, стоит ли ехать, но отказываться было неудобно. А Никки заодно планировала обсудить разные дела с королём Алексом.

Феб приглашён не был. После памятного танца на дне рождения Никки взаимоотношения Дзинтары и Феба непонятно застыли. Была ли принцесса оскорблена словами юноши? Неизвестно. Но с тех пор Дзинтара держала прохладную дистанцию между собой и античным богом. Тот, перестав шутить с принцессой, впал в олимпийскую невозмутимость.

Пикник у Шихиных напоминал шумную королевскую охоту. Десятки гостей бродили по солнечной лужайке возле дворца, оживлённо разговаривали, выпивали и закусывали. Поодаль были установлены поролоновые мишени, изображающие оленей в натуральную величину, и любой мог потренироваться в стрельбе из лука по весьма естественно выглядящим макетам. Никки не могла без содрогания смотреть на оленье тела, утыканные десятками стрел.

«Человек всё-таки хищник! Хоть пластиковую косточку, но должен поглотать».

Здесь же, на поляне, покрытой густой хорошо подстриженной травой, жарили целого быка и несметное количество другой дичи, включая гусей и перепелок.

Никки не успела поесть в Колледже – в последнее время такое частенько случалось с занятой королевой – и подошла вместе с Джерри к столам с закусками и горячими блюдами. Не просто оказалось найти что-нибудь съедобное для неё в этих мясных горах, сочащихся горячей кровью и расплавленным жиром. Наконец девушка набрала тарелку бутербродов с красной и чёрной икрой – хорошо, что русские понимают толк в икре! – и, захватив бокал с кьянти, присела за лёгкий столик перекусить. Джерри, сытый после посещения кафе Колледжа, взял только стакан минеральной воды.

Рядом возник принц Айван:

– Никки, куда вы пропали? Я вас всюду ищу!

– Я ем вашу вкусную икру! – сказала Никки и покорно подала руку для

приличествующего поцелуя.

– Это не моя, а рыба! – засмеялся Айван и с удовольствием последовал правилам королевской вежливости.

– Привет, Джерри! – протянул он руку юноше. – Раньше мы виделись, кажется, только по видеофону.

– Точно! – мрачно согласился Джерри и без всякого пиетета пожал руку принца. – Привет, Айван!

За спиной Айвана быстро собралась группка молодых принцев и принцесс.

Началась церемония представления. Никки с сожалением посмотрела на едва начатую тарелку с бутербродами.

– Пойдём стрелять по мишеням! – загалдела пришедшая молодёжь.

– Никки? – вопросительно посмотрел Айван.

«Меня он не спрашивает...» – угрюмо подумал Джерри.

– Я не стреляю по животным ради развлечения, – отрицательно покачала головой Никки.

– Неужели не видно разницы между животными и пластиковыми чучелами? – сказал красивый надменный принц Джа арийско-индийских кровей.

– Леню объяснять подробнее, – пожала плечами Никки. – Но в *ваше* пластиковое чучело я бы выстрелила...

Все засмеялись. Индийский принц Джа нахмурился:

– Почему в чучело оленя вы стрелять не хотите, а в чучело человека – готовы?

Никки вздохнула. Джа относился к классу зануд, с которыми было трудно шутить.

– Олень мирный и беззащитный, он не может ответить ударом на удар, с ним легко чувствовать себя победителем. А вот человек – опасный хищник...

– Не понимаю, – туповатый принц рассердился. – Вы предлагаете нам стрелять друг в друга?

Никки это надоело. Она хлопнула в ладоши и сказала:

– Пошли, одну штуку покажу!

Все повалили к мишеням.

Девушка подошла к крайнему оленю, утыканному, как подушка для иголок, и выдернула из него все стрелы. Погладив страдальца по поролоновой морде, она повернулась к принцу Джа и зевакам.

– Попробуйте стрелять в меня, но учтите: я – человек и не буду столь безответной мишенью, как этот бедный олень.

Злобный Джа немедленно натянул свой лук.

– Стоп! – вмешался рассерженный Айван. – Что за шутки?

– Не волнуйся, Айван, – сказала Никки. – Спорю, что местные вильгельмы телли безобиднее оленей.

Принц Шихин нехотя отступил в сторону, но предварительно заменил корзину, откуда все лучники брали стрелы. Сейчас каждая заканчивалась мягким резиновым шаром и серьёзных повреждений нанести не могла.

Джа плотоядно нацелился прямо в лицо Никки с расстояния десяти метров и спустил тетиву. Стрела скользнула чуть ниже и в сторону – в левое плечо Никки. Но не долетела пару сантиметров – девушка правой рукой легко перехватила её и метнула назад.

Стрела чувствительно попала прямо в лоб принца Джа, приведя его в состояние полной прострации.

– Теперь понятно, принц Джа, чем отличается человек-мишень от оленя-мишени? – кротко поинтересовалась королева Никки.

Разозлённый принц стал, как сумасшедший, натягивать лук и беспрерывно стрелять в девушку. Но та ни одной стреле не позволила прикоснуться ни к себе, ни к оленю, которого она загораживала спиной. Все стрелы отлетали назад и шлёпали Джа в лоб, грудь и плечи. А две стрелы, выпущенные из лука, были сбиты вернувшимися стрелами прямо в воздухе. Было видно, что Никки проделывает такие фокусы играючи.

– А нам можно принять участие? – загалдели другие вельможи.

– Пожалуйста, – сказала Никки, не обращая внимания на возмущённые жесты Айвана и хмурое лицо Джерри.

И вот уже три... семь... двенадцать стрелков осыпают Никки градом стрел. Она уже успевает только часть снарядов отправлять назад, остальные просто отбивает в сторону, или – если они не задевают защищаемого ею оленя – пропускает мимо.

Зато стрелы, возвращаемые её ловкими руками, бьют аристократических охотников в лбы и плечи, заставляя ругаться, уворачиваться и почёсываться.

Движения Никки стали похожи на фантастический танец. Каждая рука живёт своей жизнью, вылавливая из медленного пространства гудящие быстрые стрелы, ноги ловко отталкивают лёгкие древки в стороны или втаптывают их в землю. Стройное тело в светлом брючном костюме движется с поразительной грацией, уворачиваясь от опасности. Когда рук и ног не хватает для перехвата быстрых злобных пчёл, Никки отклоняет их спиной, бедром, а то и головой сбивает стрелы, угрожающие её другу-оленю.

Джерри с тревогой смотрел на Никки и заметил, что она устала и уже не успевает метать стрелы назад, только отбивает их. И левая, недавно сломанная рука двигается заметно медленнее правой. Что же предпринять?

Усталость Никки заметил и Айван:

– СТОП! – громко закричал он. – Забава закончилась!

Но вошедшие в раж стрелки не слушали его. Им очень хотелось попасть в девушку хоть одной стрелой.

Тогда Айван выскочил прямо перед Никки, подставив себя под град стрел. Горе-охотники остановились, увидев принца, но несколько оперённых снарядов успели ударить его в грудь.

– Шутка зашла слишком далеко! – гневно и грозно сказал принц Айван. – В следующий раз я буду приглашать гостей, учитывая наличие у них чувства юмора.

Девушка остановилась и благодарно посмотрела на Айвана. Джерри рассердился – надо было плюнуть на статус гостя и самому защитить Никки.

– Не выбирайте себе безответных мишеней, господа, – сказала раскрасневшаяся девушка. – Это расслабляет. Спасибо за сеанс гимнастики, давно я так славно не разминалась.

Издали раздались восхищённые аплодисменты. Оказывается, с веранды замка Шихиных за развлечением молодёжи наблюдали многие гости пикника.

Никки немного смутилась и направилась в свою комнату – переодеться.

По пути она осмотрелась, но тарелки с недоеденными – едва начатыми! – бутербродами не нашла – какие-то старательные слуги или роботы её прибрали – и чертыхнулась.

– Робби, закажи мне что-нибудь в комнату, – попросила она, – я жутко проголодалась...

– Ещё бы, столько времени прыгать, как коза... – проворчал Робби. – Никакого понимания королевского статуса...

Пока разгорячённая Никки с наслаждением принимала душ, ей сервировали на деревянном столе тарелку бутербродов с копчёным лососем и угрём и поставили вазу хрустящих хлебцев с сыром и орехами.

Резной бокал с кьянти вплетал кровавые блики в древесный светлый узор.

– Совсем другое дело! – сказала бодро Никки. – Можно спокойно поесть, без дипломатических представлений и дурацких развлечений.

Окно было приоткрыто, и ветерок доносил до Никки аромат

королевских магнолий и деловитое посвистывание невидимых птах на фоне журчания водопада.

Вдруг девушка услышала странные заунывные звуки – плач или стон. За окном сидела на ветке серая белка, искоса смотрела на аппетитно жующую Никки, хлестала хвостом по воздуху и жалобно стонала.

Никки раздобыла из хлебца кусок ореха и показала расстроенному зверьку.

Белка без промедления прыгнула на подоконник, встала на задние лапы и забарабанила мохнатыми кулачками в стекло.

Никки открыла окно шире и протянула орех. Белка мгновенно выхватила его, едва не прокусив палец девушки острым зубом.

– У тебя прекрасный аппетит! – заметила Никки и насобираала горсть орехов. Белка с ума сошла от счастья. Она набивала орехами рот, брала оставшиеся ядра в кожаные ладошки, но щёк и лап не хватало, и белка в смятении никак не могла решить, что делать: надорваться, но съесть всё это богатство прямо здесь, или частями таскать его в гнездо, волнуясь за оставшееся без присмотра сокровище. Глаза зверька безнадежно разбежались.

Раздался стук в дверь – за Никки зашла королева Анна и позвала гулять в парк.

– Ты ловкая и грациозная девочка! – одобрительно сказала королева Шихина. – Ты поразила сегодня многих молодых людей!

– Вы имеете в виду – поразила стрелой в лоб?

– Что-то вроде этого! – засмеялась Анна.

Личная часть дворца Шихиных располагалась под стеклянным небом, непрозрачным при взгляде сверху и прозрачно-синим изнутри. Вся остальная часть замка-небоскрёба высилась над куполом и была занята деловыми офисами.

Вокруг замка раскинулся огромный парк или даже лес – с сопками и горными распадками, речками и озёрами. Никки с Анной сели в открытый гольф-автомобильчик и поехали на лесную экскурсию, весело болтая о всякой всячине.

– Я училась в университете как художник-пейзажист, но у меня... не получалось передать с красками очарование природного ландшафта. И вот я, неудачливый живописец, стала ездить по миру, смотреть на удивительные картины, сотворённые природой, и думать – в чём секрет их очарования? Почему, когда я вижу уральскую еловую долину с шумной прозрачной речкой, средиземноморскую голубую бухту или крымскую белую яйлу в зарослях сосны и можжевельника, у меня захватывает дух от

восторга? Какое послание, важное для человека, вложено в каждый пейзаж? Как природа ухитряется достигать эффекта такого эмоционального воздействия – большего, чем картины самых талантливых художников?

– Космические пейзажи тоже впечатляют, – задумчиво сказала Никки. – Когда на моём астероиде всходило солнце и скалы отбрасывали длинные тени, а над горизонтом плыли две полных луны, то мне казалось, что я слышу музыку – мрачную, но величественную.

Анна кивнула:

– Есть незамысловатая теория, что пейзажи резонируют с внутренними древними ожиданиями человека: речка приятна из-за рыбы, лес – из-за зверя, горы – из-за пещер, в которых можно укрыться... Но удовольствие от космических пейзажей опровергает эту концепцию – в космосе нет ничего, что бы могло понравиться нашей первобытной, полуголодной сущности. Поэтому эмоциональная эстетика пейзажа всё ещё загадочна.

Я видела в Париже человека, рисующего цветным песком многометровую картину на полу концертного холла. Рисунок был пёстрый и сложный: по краям – греческий орнамент, в середине – стилизованная птица пустыни Наска. Вечное искусство, живущее до первого порыва ветра. И я подумала – а что, если творить не красками и песком, а скалами и деревьями? Создавать крупные ландшафты, которые будут сравнимы с природными по воздействию на человека и станут практически вечными произведениями искусства.

Никки согласилась:

– Особенно на Луне. Здесь даже человеческие следы на песке сохраняются миллионы лет – дольше египетских земных пирамид.

Узкая дорога вилась среди крупных скал, выбегала на неожиданные поляны, вброд пересекала разлившиеся ручьи – Никки не успевала ахать от восторга.

Они остановились на перевале. Открылся вид на круглую уютную долину, заросшую смешанным лесом. Анна объяснила:

– Лес подобран так, чтобы весенние почки – красные, салатные и жёлтые – вместе с белыми и розовыми цветами догвудов и вишен превращали серый зимний лес в разноцветный – ещё до появления зелёной листвы.

Тридцатиметровый водопад, падающий в круглое озеро, поразил Никки. Они с Анной остановились на берегу и увидели сочную радугу в водяной пыли, поднятую медленно падающей литой струей. Какие-то рыбки, сверкая чешуей, успевали носиться в летящем хрустале.

Никки обратила внимание на хорошо протоптанные тропинки в лесу.

– Кто здесь ходит? – удивилась она.

– Экскурсанты, – ответила Анна. – Этот парк открыт для публики пять дней в неделю. Но сегодня здесь никого нет... Я люблю гулять в лесу одна, – извиняющимся тоном сказала королева.

Они заехали в узкое ущелье, где журчал горный ручей. В растительном полумраке пахло сыростью и прохладой. По тесным скалам карабкался красный плющ.

Королева неожиданно остановила тележку и замялась:

– Никки, у меня личная просьба. Дело в том, что я... страдаю фобией по отношению к медикам и рентгену. Не хочу говорить – почему... но таковы факты. Ты, правда, можешь просветить человека насквозь?

– Да, – кивнула Никки.

– В последнее время меня стало беспокоить моё здоровье, но я никак не могу решиться пойти к врачам. Алекс страшно ругается, но сделать со мной ничего не может...

– У меня нет формальной квалификации медицинского диагноста, – сказал догадливый Робби.

– Я буду благодарна и за неформальные советы, – живо откликнулась Анна.

– Никки, ты не возражаешь? – спросил Робби.

– Конечно, нет.

– Продолжайте гулять, – проворчал Робби. – Я попробую...

На щеках королевы Шихиной выступил румянец, и она направила экипажик дальше.

– Хорошо бы ещё запустить в этот лес побольше диких зверей, – сказала Анна, оглядываясь. – В парке моего двоюродного брата, короля Джа, я видела таких великолепных снежных барсов!

– Значит, принц Джа – ваш родственник? – удивилась Никки.

Королева вдруг резко остановила автомобильчик и повернулась к Никки:

– Никки, дорогая, ВСЕ сорок Северных династий находятся в тесных родственных отношениях. Кровь – самый древний и до сих пор самый прочный цемент. Запомни – это очень важно!

Через полчаса экскурсия в лес закончилась. Когда они подъехали к замку, Робби вмешался в их беседу и сказал:

– Анна, я не нашёл у вас ничего серьёзного. Но некоторые процедуры и изменения в меню были бы вам полезны. Я отправил рекомендации на ваш компьютер.

Анна взволнованно рассмеялась и сказала с благодарностью:

– Спасибо вам огромное обоим! Ах, если бы все приёмы у врачей были так приятны и необременительны!

– Вы помните, что я не профессиональный врач? – сказал Робби.

Анна улыбнулась и спросила Никки:

– А ты доверяешь рекомендациям Робби?

– Я жива исключительно благодаря им, – серьёзно ответила Никки.

– Вот и я доверюсь такому мудрому эксперту! – воскликнула Анна.

– Льстивые девицы! – буркнул Робби.

Вечером состоялся почти семейный ужин с Шихиными и приглашёнными Дзинтарой школьными друзьями.

Шихин старший рассуждал, разрезая золотисто зажаренную свиную отбивную:

– Мир становится одновременно всё сложнее и всё удобнее. Поэтому его создавать должны всё более умные люди, а жить в нём могут всё более глупые. Цивилизация поляризует человечество. У одних людей мозги – алмазная бритва, у других – манная каша.

– Средний уровень образования в мире всё время растёт, – педантично отметил Хао, обычно хранивший молчание.

– Я не доверяю конвейерному образованию, – проворчал король. – В нём нет блеска. Умный человек решает проблемы эффективно, а очень умный решает их блестяще. Оптимальные решения часто неожиданны. Но этому не учат в нынешних школах.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Стефан.

Король подумал и рассказал:

– Джорджу Вашингтону нужно было ослабить влияние богатых плантаторов в штате Вирджиния. Но они обладали большинством в законодательном собрании и отбили бы любую попытку ограничения их прав. Тогда Вашингтон предложил *расширить* привилегии крупных землевладельцев. По старым английским законам владения таких плантаторов были майоратом и передавались в наследство старшим сыновьям, а остальные дети оставались без наследства. Вашингтон предложил не ограничивать права плантаторов по распределению наследства. Те с радостью согласились. У каждого аристократа было много детей, обширные землевладения поделились между наследниками – и исчезли. И крупные плантаторы перестали мешать политическим преобразованиям, задуманным Вашингтоном.

– Какая-то древняя история, – скептически заметил принц Стефан.

Старший Шихин сказал:

– Пожалуйста, более свежий пример. Террористы повадились минировать самолёты, а сканирование пассажиров и багажа не давало гарантии безопасности. Бомбы делались всё миниатюрнее и неразличимее среди обычных вещей. Ведь при желании даже собственную кровь можно превратить в жидкую взрывчатку.

– И какой же был найден выход? – спросила Никки.

– Проблема решилась благодаря не столько технологии, сколько психологии. Слабым звеном терроризма стали сами экстремисты – они могли скрыть подготовку теракта от других, но не от себя. Компьютерные детекторы лжи были усовершенствованы и при посадке на самолёт задавали пассажирам ряд специально подобранных вопросов. И террористы невольно выдавали преступные намерения с вероятностью девяносто девять процентов.

Внесли десерт, и в разговоре возникла пауза.

Пока разбирались со сладким и кофе, Айван оживлённо заговорил:

– А я прочитал мемуар альпиниста Эрика Вейхенмейера о восхождении на Эверест. Книга кажется обычной: человек идёт по леднику в связке с другими, старается попадать в след впереди идущего, ощущает, как натягивается связывающая верёвка. Но хроника жизни этого скалолаза читается с совершенно особым интересом: Эрик ослеп в тринадцать лет, и то, что для других было обыденностью, для него – приключение предельной пробы. Только очень волевой человек может жить в темноте и не сдаваться. А Эрик покорил высочайшие вершины всех континентов. Я очень впечатлён! и уже послал сто тысяч в Келлеровский фонд помощи слепым. Не понимаю, почему слепым не сделают приборы, чтобы они замечали ямы и автомобили и не налетали лицом на ветки?

– Наладить выпуск приборов искусственного зрения на основе лидаров и сонаров технически возможно, – вздохнул Шихин старший, – проблема в том, что миллионы слепых людей бедны. На инвалидах не зарабатываешь, а благотворительных средств на всех не хватает...

Никки слушала внимательно. Ей нравилась семья Шихиных, хотя Джерри ворчал втихомолку:

– Богатые уже могут позволить себе быть добрыми...

Почему же тогда династия Дитбитов так не похожа на Шихиных?

После ужина старший Шихин со Стефаном откланялись и поспешили по своим делам, а Анна и Айван остались. Гости болтали, пили кофе и рассматривали богатое убранство обеденной залы замка Шихиных: высокие потолки в английском стиле с резными деревянными панелями,

камин из красной яшмы и неожиданный огромный аквариум в стене.

Айван по очереди называл ярких тропических рыбок – *Hyphessobrycon heterorhabdus*, *Paracheiroidon simulans*, *Hemigrammus hyanuary Durbin* – и рассказывал, чем они примечательны с точки зрения биологии.

Никки уважительно поглядела на принца:

– Помнить столько латинских названий...

– Я была бы рада, если бы ты присмотрелась к Айвану получше, дорогая Никки, – шутливо, но серьёзно сказала королева Анна. – Он – умница и вообще очень хороший.

– Мама! – недовольно сказал принц Айван.

– Я обязательно присмотрюсь! – весело пообещала Никки.

Джерри заскрипел зубами и уткнулся глазами в стенной аквариум.

Там плавало множество экзотических рыб – пушистохвостых и разноцветных. Но самое сильное впечатление производила обычная серая рыбка с красными пустыми глазами без зрачков. Она казалась безнадёжно незрячей и распространяла вокруг себя уныние.

Пикники – утомительная штука, и вскоре гости разошлись отдыхать.

Комнаты, выделенные Хао и Джерри, были рядом, но далеко от крыла, где жили Никки и Дзинтара. Хао пожелал Джерри спокойной ночи и отправился спать.

Но Джерри даже не думал о сне. Его будила ярость. Его душила ревность. Эти королевские дворцы и пикники! Шихины, Дитбиты – это всё актёры королевских шоу. Если бы Никки не разбогатела, они бы и не посмотрели в её сторону. А этот румяный блондин Айван!

Сон всю ночь испуганно топтался у дверей, но так и не зашёл.

На следующий день после завтрака Никки осталась поговорить с королём Алексом на Утренней веранде. Стефан отсутствовал.

Король рассказал о переговорах с Северными королями. План Никки вызвал и интерес, и озабоченность. Алекс вздохнул:

– Совместная программа такого размаха – первая в истории Северных династий, и, естественно, она вызывает массу споров и опасений. Я это предвидел...

Солнце поднялось высоко и грело так сильно, что король Алекс раскрыл солнечный зонт над верандой. Слуга принёс новые чашки с кофе.

– Вы читали интервью Дитбита о необходимости геномодификаций? – спросила Никки.

– Читал. Чтобы спастись от чумы и оспы, человечество придумало медицину. Это избавило нас от эпидемий, но породило нарастающие

генетические проблемы. Значит, нужно придумать новый способ решения накапливающихся проблем. Человечество, чтобы выжить, должно бежать всё быстрее.

– Но как, разрешая модификацию генов, сохранить биологическое единство человечества? Люди бурно реагируют на обидный статус генодикарей.

Король Алекс кивнул:

– Человека предельно возмущает генетическое неравенство, если оно куплено за деньги и отражает не случайный выбор природы, а социальное расслоение.

Девушка сказала:

– Справедливость требует, чтобы всем людям была доступна оптимизация генов детей. Но кто будет платить за генетические программы для всего населения?

– Мы пробуем добиться в ООН признания тупости геноболезнью. Тогда борьба с низким интеллектом окажется лечением, оплачиваемым медстраховкой.

– Разумно... – согласилась Никки. – Правда, аристократы всё равно смогут заметно оторваться от остальных людей по своему генофактору, и я не понимаю, что с этим делать... – нахмурилась девушка и потёрла глаза, которые в последнее время слезились от напряжения.

– Вы слишком загружаете себя, милая Никки. Вы выглядите усталой.

– Моя главная проблема как менеджера, что я никак не могу научиться перепоручать важные дела.

Король Алекс посмотрел на девушку и задумчиво сказал:

– Вы мыслите так, будто лично ответственны за судьбы мира. Словно, если вы не решите какую-то проблему нашей цивилизации, то её никто не решит.

Маугли удивлённо раскрыла глаза:

– Действительно у меня есть такое чувство! Видимо, привычка астровитянина, долго отвечавшего за функционирование своего мира-острова. Там было много тяжёлой и грязной работы, но мне не на кого было её переваливать. И я привыкла не бояться проблем любой сложности. Испугался – погиб...

– Судя по всему, вас нелегко испугать, – сказал король Шихин.

До отлёта в Колледж оставалось совсем немного, когда Айван вдруг вспомнил:

– Никки, ведь ты хотела посмотреть наши розы. Пойдём, я покажу тебе оранжерею!

– Пошли, – обрадовалась Никки. – Я надеюсь, у тебя там растут жёлтые Тулуз-Лотрек? Я просто теряю голову от их запаха!

– Кажется, такие тоже есть, – широко улыбнулся принц Айван.

Невыспавшегося хмурого Джерри никто даже и не подумал пригласить на прогулку в розарий. Никки и Айван, весело беседуя, пошли по дорожке от замка, а Джерри остался остолбенело смотреть им вслед:

«Они уже на „ты“?!»

В начале семестра профессор Гуслик уронила на замученные головы студентов-гуманитариев очередной кирпич.

– Предлагаю вам написать небольшое литературное произведение. Оценки выставлю в конце года, а лучшие работы опубликуем в сборнике.

Из-под кирпичных обломков раздался унылый вой.

Эли-Сова спросил с надеждой:

– А с чего вы начинаете писать свои произведения?

– С конца, конечно, – удивилась профессор. – Это – маяк, место, куда должны попасть мои герои в нужном настроении. Здесь мы с читателем расстанемся, и этот момент испортить нельзя.

– А как вы пишете? – не унимался Эли-Сова.

– Медленно. Важные фразы куются долго, чтобы вся окалина отвалилась. Жалеть написанное нельзя – таких не любят. Шутки надо вставлять в диалоги: остроумие ценно скоростью ответа. Ваш литературный герой мгновенно срезает противника меткой фразой и завоёвывает аплодисменты читателей, упускающих из виду, что над этой репликой вы морщили мозги две недели. Но главная цель – добиться, чтобы ваш текст вызвал у читателя эмоцию сопереживания.

Вольдемар внёс свой вклад:

– Сила слова беспредельна. Жирарден.

Главный компьютер Колледжа продолжал осыпать всех цитатами, и Никки не была против. Но когда Вольдемар написал на зеркале в её ванной комнате: «Дурак и входит, и выходит, и садится, и встаёт с места, и молчит, и двигается иначе, нежели умный человек. Лабрюйер», – девушка решила, что даже самые умные компьютеры пока не приобрели чувство меры и такта. Она не стала высказывать эту мысль своему союзнику. Может, обиду компьютеры уже научились испытывать?

Теперь на занятиях по литературе студенты читали вслух свои творения.

Профессор не стеснялась в оценках, и многие остались обиженными.

От монотонного чтения стали дохнуть посылынные кибермухи, а от творения Бима-Оленя даже замкнуло крупную робосову, на свою голову залетевшую в аудиторию. Дослушав рассказ Бима про мальчика-телепата, который читал мысли нехороших людей и предотвращал преступления, анонимно звоня в полицию, профессор подняла с пола парализованную сову, сделала жест «храни-меня-Гутенберг», отгоняющий злых духов литературы, и мрачно сказала:

– Творческий кризис – это хорошо. Необходимая часть писательской эволюции.

Алина-Сова написала сказку про мальчика и девочку, нашедших сундук, полный волшебных палочек, и раздавших их детям.

Профессор желчно откомментировала:

– Сказки – это арифметика жизни, с ними дети учатся решать самые простые и важные уравнения социумных отношений. Но с возрастом должно прийти понимание алгебраичности реальной жизни с обилием неизвестных. Ассоль грезил об алых парусах, и капитан Грей стал искать не волшебную палочку, а торговца полотном.

На повесть Тины-Дракона о любовном треугольнике профессор криво улыбнулась:

– Навсегда актуальная тема. Все мы предаём и предаваемы, поэтому с болезненным интересом относимся к предательству других. Романтические истории обычно повествуют о мучениях любящих сердец, которые никак не могут соединиться. Главная сюжетная проблема – найти убедительную причину, мешающую слиянию сердец. Во времена кровной борьбы враждующих кланов Шекспир легко разделял влюблённых. А сейчас? Смотришь на голливудские сценарии: соединения сердец не происходило, так как герой потерял записочку с номером т-фона и весь фильм её искал. Тьфу!

Гордый Борм написал научно-фантастический рассказ о борьбе космических империй. Профессор фыркнула:

– Как подобная труха удостоилась гордого имени «научный»? За что такая невыносимая обида науке? В вашем рассказе нет ни малейшей пищи для ума.

– Литература – для души, учебники – для ума. Сахарьян, – вылез Вольдемар с цитатой.

Гуслик хмыкнула в ответ:

– Если автор не способен написать книгу «и для души, и для ума», то не нужно возводить прискорбное бессилие в творческий принцип. И ещё: фантастический сюжет должен хотя бы оглядываться на физические

законы. По настоящей Венере ползать в разорванном скафандре нельзя! А книжные герои по ней всё ползут и ползут...

– Если в художественных книгах физике начнут учить, то с тоски помрёшь! – заявил маркиз Гейлорд. – Я люблю читать о космических сражениях!

– Читайте, – мирно сказала профессор. – Но оставьте право другим иметь книги с интеллектуальным зарядом. И не валите их в общий котёл, где уже плавает жидкая чешуя галактических войн.

Никки сдала профессору следующее коротенькое сочинение:

Рассказ о том, как я стала Хомо Сапиенс

Я решила не выдумывать литературную историю, а рассказать реальную.

Она началась тогда, когда кончились консервы. Остались одни сублимированные кукурузные плитки, и они мне надоели, как Урса Минорис знает что.

Тогда я расширила оранжерею.

Какая короткая фраза. Совершенно непонятная. Но это совсем другая история.

Итак, когда корабельный запас синтетического стекла был смонтирован в прозрачный купол, передо мной встала проблема – небольшая, на сто кубометров. Столько реголита для почвы нужно было перенести в оранжерею из соседнего небольшого кратера, заполненного подходящим грунтом. Сто кубометров рыхлого песка на Земле раздавили бы в лепешку слона, но на астероиде они весили меньше земной кучи птичьих перьев.

Но сто кубометров – это сто кубометров.

Десятилитровые вёдра были самыми крупными мобильными ёмкостями на корабле.

Мне предстояло сделать пять тысяч рейсов с двумя вёдрами. Тридцать метров по поверхности астероида и пять метров вверх – к оранжерее. Я закончила бы засыпку оранжереи всего за несколько месяцев каторжной работы.

К счастью, я была не способна на каторжную работу – из-за здорово разрезанной руки. А есть хотелось – и чем дальше, тем убедительнее. Мои взаимоотношения с кукурузным сублиматом перешли в скандальную фазу идиосинкразии – я сердито заталкивала его в рот, а он плакал и просился наружу.

Реголит – ещё не всё. Оранжерее нужна атмосфера. Кислорода и

углекислого газа было маловато, зато гелия из ненужного контура охлаждения – сколько угодно. Семена, полив и обогрев... Нет, это опять другая история.

Итак – проблема ста кубометров встала во весь рост и заслонила солнце.

Робби предложил построить ленточный транспортёр. Но где взять ленту, ролики и мотор? И всё равно мне придётся лопатой нагрести эти кубометры на бегущую дорожку! А одна рука у меня была на привязи – не то чтобы она могла убежать, но всё равно приходилось держать её на коротком поводке.

Робби ничем мне не помог, и это меня потрясло. Он всегда меня выручал!

В то время я была маленькой девочкой, которая читала на ночь «Малыша и Карлсона». Я вспомнила про пылесос, который ел пирожки, и предложила Робби:

– А давай засосём песок в оранжерею насосом. Пластиковые трубы найдём.

Робби снисходительно объяснил, что ничего не получится: пылесос работает только в атмосфере, а на астероиде нет воздуха.

Кибернетический мозг Робби никогда не ошибался.

Именно в тот день я осознала свою принадлежность к роду Хомо Сапиенс. Я поверила в то, что, если хорошенько подумать, – можно решить любую проблему. Это был очень важный день в моей жизни.

Я переместила сто кубометров очень просто: вбила четыре крючка по краям кратера и натянула над ним сетку из грузового трюма – на высоте полутора метров. Потом провела от оранжереи трубу из полиэтиленовой плёнки с широким раструбом-коробом, забралась под сетку и воткнула раструб глубоко в песок.

Подключила к коробу баллон с гелием – и открыла кран. Струя сжатого газа ударила в песок, взвихрила его и унесла по трубе прямо в оранжерею – благодаря открытой верхней форточке, там всегда был вакуум, так что и насос никакой не понадобился. Я перетаскивала одной рукой короб с шлангом с места на место, прижимала его к грунту, открывала вентиль баллона, – и песок послушно улетал в трубу. Часть гелия вырывалась наружу, и я бродила в песчаной метели. Когда дно кратера обнажилось, я нашла там россыпь симпатичных кристаллов.

Попутно я выбрала из песка все камушки – зачем они мне на грядке? Сделано это было элементарно, с помощью центробежной силы: перед кораблём труба разветвлялась на две; газ затягивал камушки вместе с

песком, но они летели вместе только до развилки, где песок устремлялся вслед за гелием по плавно изгибающемуся вверх рукаву, а массивные камни не вписывались в поворот, летели прямо и скапливались в аппендиксе тупика, который я периодически вытряхивала.

С помощью одной руки и одного мозга моя оранжерея была засыпана за два дня.

Зачем нужна сетка над кратером? Леня объяснять – Хомо Сапиенс и сам поймёт.

Вскоре у меня выросли свежие помидоры. Восхитительные! Жизнь стала веселее, и у меня завёлся шустрый приятель Эрик. Мы с ним любили плавать вместе, но он любил и отлынивать.

Потом его съел один космонавт.

Ангина Змееносца, это снова совсем другая история!

Профессор промолчала, но долго и задумчиво смотрела на Никки.

Смит Джигич, занимавшийся на гуманитарном факультете управлением технопроектами, отказался писать рассказ, ссылаясь на свою литературную бездарность.

– Но мне нужно поставить вам оценку. Прочитайте любой свой текст, – попросила профессор. – Начало какого-нибудь реферата «Принцип дриндуленции в двигателях квакающего сгорания». Я всё равно пойму, что вы за гусь.

Семестр заканчивался! Впереди смеялись летние каникулы, и лишь это поддерживало переутомлённых студентов.

На последнее занятие по литературе профессор Гуслик пришла в сопровождении робота, нагруженного новенькими книгами. Довольно тонкими.

В аудитории вспыхнул шум.

– Поздравляю всех с выпуском первого студенческого литературного сборника! Особенно тех, кто стал его автором, – сказала, улыбаясь, профессор.

Бесшумно хлопая мягкими крыльями, две совы разнесли сборники каждому студенту. Получившие книгу немедленно раскрывали её, восхищённо гладили глянцевую цветную обложку с замысловатыми узорами и даже нюхали лёгкий запах клея и бумаги – профессор предпочла старомодные бумажные страницы современному пластику. Девушки-авторы дружно прижали свои творения прямо к сердцу – или к тому месту, где оно должно быть, по их мнению.

Никки тоже получила книжицу и, к удивлению, нашла в ней свой рассказ.

– Кто не попал в сборник – не расстраивайтесь. Я предлагаю выпускать его каждый год.

Профессор задумчиво улыбнулась.

– В словах живёт удивительная тайна. Почему есть слова, которые заставляют сердца взволнованно биться? Почему некоторые фразы вызывают гордость за весь человеческий род? Я сама не знаю, где в словах прячется замечательная сила, скрепляющая нашу культуру в единое целое. Мы будем вместе думать над этой загадкой на наших занятиях – в следующем учебном году. А сейчас – я желаю всем хорошо отдохнуть!

– СПАСИБО! – радостно проревела аудитория.

Глава 20

Вихри Нептуна

Пока очередное заседание «Общества Рождественского Ключа» не началось, Никки смотрела на тёмно-рыжую собачку, бодро вышагивающую перед ней на столе.

– Кто это? – спросил Хао, глядя на собачку с гордо поднятой головой.

– Друг человека, – ответила Никки.

– И что он делает?

– Помогает жить.

– Как?

– Это трудно вербализуемо, но абсолютно неоспоримо, – пожала плечами Никки.

Хао подозрительно посмотрел на девушку, но та была совершенно серьёзна.

Обычно кто-нибудь из друзей первый выкладывал платино-иридиевый кристалл на центральный круг, открывая доступ к файлам Совета директоров. В этот раз Никки раньше всех бросила золотистый ключ в круг. Дзинтара, уже полезшая в сумку, остановилась, увидев, что её опередили, но, повинувшись какому-то невольному импульсу, всё-таки вытащила и свой кристалл и положила рядом.

Джерри улыбнулся и придвинул ещё один ключ. Три кристалла образовали птицу с распахнутыми крыльями.

Хао, не колеблясь, присоединил четвёртый ключ к другим.

Золотистые кристаллы лежали на чёрном кругу, сложившись в стилизованную цифру «4». Красные лазерные лучи сканера метались среди блестящих граней.

Это было приятное зрелище.

– А ведь мы до сих пор не имеем своего символа, – вдруг сказала Дзинтара. – Как насчёт четвёрки из золотых кристаллов на чёрном круге? Нас – четверо!

– Стильно! – поддержал Хао. – Этот символ близок к иероглифам «работа» и «сила».

Так «Общество Рождественского Ключа» получило свой герб. Это привело всех, сидящих за тисовым столом, в хорошее расположение духа.

– Апелляция о генозаконе прошла первое слушание в Совете Безопасности, – сообщила Никки. – Я верю, что люди не дадут

совершиться вопиющей несправедливости.

Джерри только вздохнул: Никки знала, что последнее социомоделирование предсказало принятие закона о геносвободе, но девушка была упряма, как носорог, и не хотела сдаваться.

– Пойдём дальше... Я сама займусь списком из трёхсот семи технологий, который подготовили Джерри и Хао.

Дзинтара и Хао посмотрели сначала на Никки с Джерри, потом друг на друга. Они знали, что Джерри и Никки возглавляют список-307. Но комментариев не последовало.

Потом Дзинтара рассказала о планировании совместного генетического проекта Северных, но заключила скептически:

– Пока эта деятельность носит теоретический характер – Северные всё ещё не готовы подписать общее соглашение.

– Подпишут! – прорычала Никки. – Даже если придётся... – И она замолчала, проглотив конец фразы. Глубоко вздохнув, девушка отогнала какие-то грустные мысли и улыбнулась друзьям:

– Я хотела бы обсудить с вами новую идею.

Все переглянулись. Новую? И со старыми дел неуворот...

– Для моей династии будет строиться замок в горном районе бассейна Герцшпрунга, на обратной стороне Луны. Я предлагаю построить не просто замок, а целый город под большим куполом. Это будет город... для всех нас, – и Никки обвела взглядом заинтересованные лица друзей и остановилась на золотистой четвёрке, мерцающей на чёрном круге.

– Целый город? – переспросила Дзинтара. – И кто же там будет жить?

Никки откликнулась без промедления:

– Школьники, студенты, молодёжь. Человеческая цивилизация выстроена под пожилых: молодые люди имеют в ней гораздо меньше прав. Старика решают в кабинетах – юные умирают в войнах. Власть всегда старше народа. Давайте сделаем государство для нас! Дадим молодежи возможность учиться, работать и управлять своим государством.

Джерри вспомнил, как Совы хотели поселиться на необитаемом острове.

– Максимум интеллекта у человека достигается до тридцати лет, – отметил Хао.

– Но люди обычно допускаются к рычагам управления тогда, когда их мозг близок к последнему творческому издыханию, – подхватила Никки. – Сейчас на пенсию уходят восьмидесятилетние, на их место заступает шестидесятилетняя «молодежь», а сорокалетним «юнцам» долго придётся ждать своей очереди. В стареющем обществе социальные лифты

застревают, и пирамиды становятся похожими на вулканы.

– Государство молодых на обратной стороне Луны... звучит красиво. – Дзинтара-поэт задумчиво откинулась на спинку кресла.

– Перестроить старую социоструктуру практически невозможно, – сказала Никки. – Гораздо легче начать с нуля новое общество. Противостояние двух сил – Северных и Южных – чревато постоянными кризисами. Расчёты показывают, что мы ослабим это противоборство, если объединим в нашем городе хотя бы часть молодёжи из Северных и Южных династий.

– Но главная проблема, – прищурил глаза Хао, – что молодые, ставшие гражданами такой страны, через десять или двадцать лет заметно повзрослеют, а через полсотни лет ты получишь государство стариков.

– Даже десятилетнее или двадцатилетнее существование такого общества представляет огромный интерес – как мы справимся? – сказала Никки. – А если эксперимент будет удачным, то через двадцать лет мы построим рядом ещё один город – для молодых, кому станет тесно в старом куполе.

– Стоит ли отвергать опыт, который пожилые люди накапливают с возрастом, даже проходя пик интеллектуального уровня? – спросил Джерри, подумав о своём отце.

– Мы не будем его отвергать. Мы разработаем принципы устойчивого общества, в котором опыт советует, а не командует. Это трудная задача, но у нас уникальные возможности социомоделирования – вот и воспользуемся ими для задачи сочетания интересов между большинством и меньшинством, молодыми и пожилыми. В обществе существуют вечные противоречия и антагонизмы – их нельзя уничтожить, но можно заставить созидать, а не разрушать; нужно направить энергию соперничества в общее движение, а не во взаимные распри. Это будет государство, которое не просто собирает налоги и строит дороги, но и активно помогает каждому – и пожилому, и молодому человеку. И даёт ему шанс на счастье.

– Клянусь чучелом Большой Медведицы, мне это нравится! – категорично сказала Дзинтара, выразив общее настроение присутствующих энтузиастов и романтиков.

Ах, молодёжь, молодёжь...

Билл шёл и волновался.

Беда в том, что Билл на самом деле был подростком Билли, лет пятнадцати, который залез в тело двадцатидвухлетнего крупного мужчины, Вильяма, и нервничал, что его разоблачат настоящие взрослые.

Из-за этого нервничая Билли-Билл-Вильям МакБерин часто злился на самого себя. Но мало что мог поделать – тревожное ощущение незаконного детского «я» часто наваливалось на него при общении с другими, более взрослыми и, очевидно, более умными людьми.

Наедине с собой ему было вполне комфортно. И среди любимых биомолекул ему нравилось – у него было хорошее воображение, и он любил переводить математические символы и уравнения в зрительные интуитивные образы. Он привык к своему миру изогнуто-решетчатых аминокислот, пружинящих химических связей и колюче-торчащих гидроксильных оснований. Логика скручивания нуклеотидной цепи в двойную спираль ДНК или поэтапного сложения аминокислотной последовательности в сверхсложный клубок белка превращалась для юноши в очевидную геометрическую неизбежность. В цветную и трёхмерную.

Но столь странный способ восприятия биологических процессов вызывал недоумение университетских профессоров. Они были уверенно снисходительны, говорили на умопомрачительном жаргоне, козыряли легендарными именами. Билл чувствовал себя рядом с ними вечным дилетантом, который пытается в песочнице построить синхрофазотрон. Попытки Билла осмысливать математические геномодели вульгарными нестрогими картинками лишь смешили преподавателей.

Когда студентам предложили сдать научные работы для публикации в ежегодном факультетском сборнике, то Билл принёс свою работу, в которой высказывал идеи, зрительно-интуитивно понятные ему, но которые он не смог сформулировать на языке математической квантохимии.

Его профессор долго кривился на его трёхстраничные голословные рассуждения, потом спросил со слабой надеждой:

– А ещё что-нибудь у вас есть?

И получил в ответ отрицательное мычание от испуганного пятнадцатилетнего юнца, который трясся в шестифутовом теле Вильяма, почти выпускника университета, с трудом управляющего своими коленками. Билли был уверен, что сейчас его маскировку раскроют, вытащат наружу, визжащего и плачущего, выбросят из университета и скажут, чтобы больше не занимал время серьёзных людей, до которых ему никогда не дотянуться своей маленькой нестандартной головой.

Профессор долго ворчал, что уровень нынешних студентов пошёл никуда не годный, что раньше бы за такую болтовню даже первокурснику по шее дали бы...

– Ладно, – махнул он рукой на Билла, свесившего голову до пояса, –

сунем вашу статью в сборник последней – всё равно эти сборники никто до конца не дочитывает...

Билл потом долго переживал – ну почему, почему он не может, как все, составлять лагранжианы для нежных, бесконечно-малых колебаний молекул, решать строгие уравнения для кванто-механических волн, плещущих среди потенциальных стен? Вернее, писать формулы он может, но не видит за ними привычных молекул, смертельно скучает по цветным картинкам своего буйного воображения и оказывается малоспособным к розыску нужных математических решений...

Надо взрослеть и заставлять себя быть как все!

Когда он попробовал поделиться своими проблемами с отцом, то тот, не особенно поняв сына, сразу заявил, что беспокоиться не о чем – у него достаточно связей, чтобы устроить Вильяма после университета в отличную биохимическую лабораторию, где его научат всему, что потребуется.

– Вам преподают слишком многое, не дают углубиться, – высказал отец любимую мысль. – Вот получишь конкретную задачу – и быстро наберёшь нужную квалификацию.

Ни сам Билл, ни неуверенный юнец Билли не разделяли оптимизм отца. Наоборот – перспектива попасть в серьёзное научное учреждение, где с Билла-Билли будет спрос как с настоящего сотрудника, – сильно пугала. В любом институте живо разберутся с его дилетантством – и будут смеяться все хором! Ему иногда снилось, как он выступает перед собранием учёных – и внезапно обнаруживает полное отсутствие на себе штанов.

Билла посещала испуганная мысль о необходимости найти работу по плечу – культуры в пробирки высевать, анализировать штаммы на стандартных микроскопах – что-нибудь рутинное, доступное даже странноголовым.

Но он слабовольно ничего не предпринимал для поиска работы попроще – у него было слишком много учебных хлопот. Например, он ломал голову над темой дипломной работы, которую будет не стыдно защищать перед учёным советом кафедры.

Неожиданно ему пришло приглашение встретиться с рекрутером, ищущим молодых специалистов в биотехнологические компании Луны.

Билли по-детски взволновался, а Билл долго думал – идти или нет. Но расспросил друзей, узнал, что такие встречи на последнем курсе не редкость, и решил сходить и узнать, что предлагают ему подобным. Может, найдётся местечко поспокойнее?

Билл нервничал, идя на встречу и притворяясь Вильямом в пиджаке и

галстуке, но будучи на самом деле неуверенным Билли. А вдруг там начнут задавать вопросы, на которые он не сможет ответить? В учёбе он вовсе не блистал и баллами похвастаться перед вербовщиком не мог.

Место для встречи показалось ему странноватым – в ресторане на центральной улице Луна-Сити.

«Наверное, это такой психологический трюк – за едой люди расслабляются и легче идут на соглашение...»

Он нашёл указанный ресторан и удивился – шикарный какой! Билл назвал себя распорядителю на входе. Тот быстро глянул на экран и провёл юношу на второй этаж, где были только отдельные кабинеты. Этаж был пуст, лишь двое неброско одетых парней сидели в креслах.

Распорядитель открыл дверь как раз того кабинета, возле которого расположились парни, и пригласил Билла.

Тот покосился на людей у двери – они ответили ему настороженными взглядами – и вошёл в небольшую комнату с круглым столом.

Распорядитель остался в коридоре, и Билл услышал, как за его спиной дверь плотно закрывается.

За столом сидела девушка в огромных радужных очках и с пышными чёрными волосами. Она встала ему навстречу, поздоровалась, не называя своего имени, и пригласила Билла за стол.

– Какую компанию вы представляете? – спросили хором заинтригованные Билл, Билли и Вильям.

Девушка вздохнула, сняла очки и стянула парик.

– Королева Гринвич! – воскликнула поражённая троица.

– Я представляю саму себя, – сказала она, – или, если угодно, свой научный Гринвич-Центр.

Юноша взволновался ещё больше. Он много слышал про королеву – и хорошего, и плохого, и не знал, что ждать от этой встречи.

– Зачем вы прячетесь? – спросил он.

– Давайте поедим, – сказала девушка, – и я вам всё объясню.

Юноша оглянулся и увидел, что на соседнем столе уже стоят несколько блюд с закусками и горячим.

Билл, собираясь с мыслями, подошёл к столу, взял пару тарелок и вернулся.

– Если что-то ещё хотите, то заказывайте, – предложила королева.

– Спасибо, меня всё устраивает... – сказал он рассеянно, пытаясь собрать вместе мысли, которые дружно бросили работать и с жужжанием носились между стенками черепа. Билли тоже не знал, что делать: сбежать от могущественной королевы или остаться и поболтать с симпатичной

сверстницей.

– Я прочитала вашу работу в сборнике, – сказала Никки, когда Билл поковырялся в тарелках и немного освоился. – Она меня очень заинтересовала.

– О! – только и сумел выговорить Вильям.

– Абсолютно гениальная идея! – уважительно сказала Никки. – Мои аналитики в полном восторге.

Лицо Билла раскалилось докрасна, в ушах раздался гулкий пульсирующий шум – то ли непонятные овации, то ли Билли в панике пытался выломаться наружу. И ещё захотелось в туалет.

– Поэтому я решила с вами встретиться и предложить вам работу в своём Центре.

Билл ел, не замечая, что жуёт – креветок или салфетку.

Постепенно шум в ушах унялся, и Вильям вовремя вспомнил, что его отец – видный чиновник Южной династии. И он неоднократно подчёркивал, что его сын должен работать лишь в Южной группировке. А королева Гринвич – известная союзница Северных. Билл никак не хочет подвести отца, карьера которого может легко рухнуть, если его сын станет работать на противника.

– Спасибо за лестный отзыв о моей статье. Но я не могу работать на вас – моя семья принадлежит к Южному союзу... Мой отец занимает высокое положение в администрации короля Юровинга. Его репутация пострадает, если я стану работать на Северных.

Никки кивнула, пристально глядя на Билла.

– Я это понимаю, но давайте сначала уточним один момент... Ваша работа, очевидно, была рассмотрена сетевыми аналитиками и Южных династий. Она не привлекла достойного внимания, потому что вы не указали в статье способа определения резонансных частот, без чего ваш метод оказывается лишь маловероятной теоретической идеей без перспектив практического выхода. Но мой умный кибераналитик предположил по некоторым признакам в тексте, что вы знаете этот способ, просто пока не опубликовали его. Так ли это?

Билл помолчал, но решил ответить честно:

– Да, это так, у меня есть идея, как находить резонансные частоты.

Никки облегчённо выдохнула и откинулась на спинку кресла.

– Отлично!

Но ничего отличного затем не последовало. Никки долго убеждала юношу, сулила ему очень многое. Но Билли трусил, а Вильям хорошо понимал, что его поступок потрясёт отца, мать и старших братьев, которые

тоже рассчитывали на карьеру у Юровинга и его союзников. Его родные станут отщепенцами среди аристократии Южных.

Что получится из сделки с такой юной и несолидной королевой? Это пока непонятно, а вот риск – очевиден. Поступиться достигнутым положением семьи среди Южных ради обещанных благ среди Северных – это значит погнаться за призрачным журавлём в небе, выпустив реальную синицу из рук. Да и предателей никто не любит – ни Северные, ни Южные.

Разговор зашёл в тупик.

Любопытный Билли нарушил паузу:

– А зачем такая секретность? Вы чего-то боитесь?

– Я – нет, – ответила Никки. – Меня ждут за дверью два охранника, а на крыше – хорошо вооружённый корабль. Эта секретность – для ВАШЕЙ безопасности. Я делаю то же самое, что и Южане, – перетягиваю на свою сторону талантливых людей с их открытиями. Если мне это не удаётся, – как в вашем случае – то я просто расстраиваюсь. Если же это не удаётся Южным, то они могут убить строптивного человека.

– Не может быть! – воскликнул ошеломлённый Билл.

– Может. Эти идиоты сами разрушают своё будущее. Они тайно убили космического геолога, друга моего отца... Отец не смирился с его смертью, после чего убили и его. Смотрите... – Никки оттянула воротник чёрного свитера и показала ленточку ожерелья. – Я ношу это не для красоты – это компьютер, управляющий нейропротезом в моей сломанной шее. Я чудом выжила при нападении Южных на корабль моих родителей.

Юноша поражённо молчал.

Никки вздохнула и встала из-за стола.

– Если к вам придут вербовщики Южных с предложением продать им идею резонатора – настоятельно советую сразу соглашаться. Потому что в случае отказа вы сильно рискуете... И молчите о нашей встрече: если они узнают, что я с вами пыталась договориться, ваше положение станет предельно опасным... Спасибо, что пришли.

Королева Николь кивнула Биллу и усталой походкой направилась к выходу.

Вильям и Билли устроили отчаянную потасовку.

Вильям орал обиженным басом: «Я не авантюрист, а взрослый человек!»

Но тут наглый юнец Билли врезал взрослому Вильяму по шее, вырвался на волю и крикнул королеве-подростку тонким, срывающимся голосом:

– Никки, постойте!

Взаимоотношения старшего и младшего Дитбитов были холодней некуда. Поэтому младший Дитбит удивился, когда на экране его комнаты неожиданно появился Дитбит старший. Отец сразу заявил:

- Не ходи в Шрёдингер всю ближайшую неделю.
- Почему? – нахмурился принц.
- Потому что я тебе приказываю!
- Ты опять что-то затеял, отец?
- Не твоё дело. Тебе достаточно следовать моему приказу: не бывать в Шрёдингере в ближайшие семь дней.

И отец, не слушая возражений, отключился.

Младший Дитбит в ярости закричал, схватил стакан, стоящий на столе, и бросил его в стену. Томатный сок выплеснулся на окно рыхлыми красными каплями, а отскочивший стакан сбил с полки робота, которого принц сконструировал на экзамене по роботехнике.

Робот, загремев, упал к ногам принца.

Дитбит попятился – лежащий ничком андроид ознобно напомнил мёртвое тело.

На последнюю в семестре лекцию по астрономии профессор Дермюррей пришёл сердитый и краснолицый, размахивая руками так, что фалды пиджака всё время вспархивали над его массивным задом в тщетных попытках улететь.

– Сегодня мы познакомимся с в высшей мере таинственными арками Нептуна.

На большом экране аудитории появилось изображение голубого Нептуна и окружающего его узкого колечка с тремя странными длинными утолщениями.

– Я долго работал над этой космической загадкой, – пафосно изрёк профессор Дермюррей. – И сегодня я вас познакомлю с последней моделью арок – поверхностно, конечно, – эта теория слишком сложна для тупиц.

Джерри проворчал:

– Я понимаю, что им разрешено с нами не церемониться, и профессор Ван-Теллер тоже сбивает с нас спесь, но делает он это как-то по-другому...

Профессор поставил на кафедру большой стакан с ядовито зелёным напитком и отвернулся, чтобы повесить пиджак на вешалку. В это мгновение в дверь влетела маленькая птичка, какнула белой горошиной в стакан профессору и умчалась.

Дермюррей повернулся к замершему залу, почесался, похмыкал,

подозрительно посмотрел на непривычно тихих студентов и сделал крупный глоток из стакана. Потом поставил стакан назад и гаркнул:

– Приготовились думать, тунеядцы?

И профессор принялся рассказывать об открытиях арок Нептуна, но в необычном для него стиле, размахивая руками и часто щёлкая широкими подтяжками по солидному животу.

– Дикая люди двадцатого века знали о существовании колец только вокруг Сатурна. Небесные механики предсказали, что в марте тысяча девятьсот семьдесят седьмого года планета Уран, ползущая по небу, загородит собой яркую звезду. «Отлично! – закричали космические метеорологи. – Мы просветим этой звездой уранианскую атмосферу». Они бросились к своим телескопам, а самые счастливые астрономы забрались в огромный деревянный самолёт с здоровенной дыркой в крыше. Они обрадовались дырке и просунули туда телескоп диаметром в три фута. Отмечу для неучей, что орбитальных обитаемых обсерваторий тогда ещё не было. Согласно берестяным летописям – не из-за отсутствия космических ракет, а из-за поголовной физической хилости учёных двадцатого века, не выдерживающих тестов на кофемолках... тьфу!.. центрифугах. Перегрузки, которые легко переносил любой военный лётчик, оказались непосильным бременем для учёных. Половина умников погибала на центрифуге, остальные полностью теряли учёные способности. Видимо, проблема состояла в особом устройстве мозга учёных – слишком мягкого и жидкого для тогдашних ускорений космических ракет. Поэтому в космос попадали не мягкоголовые учёные, а военные с жёсткими мозгами – им летать было скучно, зато безопасно.

Ученики стали изумлённо переглядываться друг с другом – что такое несёт профессор Дермюррей? Кажется, кто-то подбросил в стакан профессора веселящую таблетку.

Краснолицый профессор, ничего не замечая, махал руками и утопал в исторических экскурсах.

– Взлетев на самолёте-обсерватории, астрономы навели телескоп на звезду и включили прогревать древние самописцы и звездографы, которые тогда работали на дровах и лишь самые передовые – на керосине.

Аудитория откровенно покатила со смеху.

– Как же удивились летающие учёные, когда звезда подмигнула учёным девять раз ещё до предсказанного затмения! После выхода звезды из-за диска Урана история повторилась – звезда снова погасла девять раз. Так были открыты девять узких колец Урана, невидимые с Земли в тогдашние... ик!.. паровые телескопы...

Ученики снова радостно запожимали плечами. Паровые телескопы?!

– Астрономы навели телескопы на далёкую голубую планету Нептун – и там тоже нашли кольца, которые, в отличие от урановских, оказались разорванными, дающими лишь одно затмение звезды. Поэтому они получили название «арок». Космический аппарат «Путешественник» первый долетел до Нептуна и передал изображение его арок телеграфом на Землю. Арки действительно оказались арками! Фото дуг возле Нептуна шокировали научную общественность: для небесного механика такое зрелище противоестественно, как медвежий клык в колье английской королевы.

Преподаватель вытер потное лицо платком, и возле его багровой физиономии немедленно завис летающий вентилятор в виде клизмы и устремил на профессора струю прохладного воздуха.

– Осознали, тролли?

Рассказывая об эпохе космического исследования арок Нептуна, профессор таким удивительным образом излагал чужие научные достижения, перемежая их ссылками на свои околележащие работы, что слушатели проникались невольным убеждением, что описываемые исторические деяния совершены самим профессором Дермюрреем, хотя они случились задолго до его рождения.

– Всё понятно, троглодиты? – сегодня профессора явно заклинило на букве «т».

Аудитория ответила недовольным мычанием троглодитов, не овладевших речью.

– У нептунианских арок обнаружена странная внутренняя структура...

Изображение арок на экране приблизилось – и арки распались на цепь более мелких узлов, похожих на гигантские бусы на нитке.

– Стабильность этих каменных облаков, размером в десятки километров каждое, и составляет главную загадку арок Нептуна. Ведь если вывалить кучу булыжников на орбиту вокруг планеты, – профессор Дермюррей старался быть образным с тупыми школьниками, – то гравитационные и центробежные силы быстро растащат эту кучу в узкое кольцо, подобное урановскому. Но в системе Нептуна частицы узкого кольца оказались собранными в определённых местах орбиты.

– Почему? – поинтересовался из аудитории Борм-Сова.

– Здесь-то и зарыта собака! – воскликнул профессор.

– Собака зарыта на орбите? – удивился Борм.

Профессор досадливо отмахнулся от назойливого студента:

– Собака зарыта тут фигурой речи...

Борм совсем осоловел, а Дермюррей вдруг взревел раненым медведем: – Творческая личность всегда бьётся головой о тесные рамки старых догм! – Профессор победно осмотрел аудиторию. – Недавно я сказал себе: «Эврика! Истина нашлась!»

Дермюррей довольно погладил лысеющую голову.

– Вчера я отправил в журнал «Марсовестник» статью с блестящей гипотезой: в каждой «бусинке» сидит спутник! А мелкие частицы образуют вокруг него плоское облако. Миникольца в кольцах планет! Прекрасный газетный заголовок – надо запомнить... Доказательство этой гипотезы станет историческим триумфом науки! – закончил гордую речь Дермюррей.

Никки удовлетворённо кивнула – ей всё стало понятно. Профессор мог признать существование нерешённой проблемы, если он приготовил для прессы очередную победную релицию.

Дермюррей сумел прослыть экспертом по многим темам, используя простой, но эффективный метод: энергичное выпячивание лёгких побед и полное замалчивание тяжёлых поражений. Вернее, он мудро даже не брался за слишком сложные задачи, аккуратно пряча их от неискушённой публики. Профессор беспокоился о выгодной репутации победителя гораздо больше, чем об истине.

«Только дураки задаются вопросами, на которые не могут ответить; глуп даже тот, кто признаётся в существовании таких проблем...» – говорил он в узком кругу своих учеников.

– А сейчас, – продолжил профессор обучение тупых школьников, – вы сможете приобщиться к передовой науке: в качестве годового теста постройте компьютерную модель движения частиц вокруг спутника Нептуна и определите его массу, достаточную для удержания миникольца с радиусом в десять километров.

Все помрачнели – начало лекции было гораздо интереснее! – и уткнулись в экраны. Кто-то забегал пальцами по управляющей консоли, другие забормотали, пытаясь растолковать компьютерам, что требуется сделать.

Профессор уселся за преподавательский стол и, отдыхая, заказал в кафе и неспешно высосал литровый стакан арбузного сока.

На большом экране стали появляться результаты студентов. Найденные массы спутников соответствовали километровым телам.

Загорелся результат Никки: «Масса спутника – НОЛЬ»!

Ропот аудитории заставил профессора посмотреть на экран.

– В чём дело, мисс Гринвич? – пробурчал Дермюррей. – Вы не сумели решить простую задачу трёх тел: планета-спутник-частица?

Никки кротко сказала:

– Я не решала её, профессор, мне хватило задачи двух тел, то есть законов старика Кеплера, описывающих движение частицы в поле планеты.

– Что за бездарные глупости? – нахмурился краснолицый Дермюррей. – Я же сказал, что гравитация планеты растаскивает скопление. Вечно вы мутите воду, мисс Гринвич! Продемонстрируйте своё решение, чтобы мы убедились в его неверности.

– Вольдемар, – сказала Никки, – покажите, пожалуйста, движение тела по слегка эллиптической орбите.

На экране появились голубой Нептун и точка,двигающаяся вокруг него.

– Покажите эту орбиту из системы отсчёта, вращающейся с тем же периодом, – попросила Никки.

Теперь на экране точка двигалась по небольшому эллипсу в одной части орбиты, уже не обегая планету вокруг.

– Ну и что? – не выдержал профессор. – Я вижу хорошо известный эпицикл для одной частицы! Каждый первоклассник знает, что если астронавт на околоземной орбите бросит вниз мешок с мусором, то мешок сделает небольшую петлю, вернётся через полтора часа и ударит астронавта по макушке! Любимая шутка космических мультфильмов.

– Верно, но что будет, если взять СОТНЮ мешков и каждую минуту бросать по мешку вниз? – продолжала хладнокровно Никки. – Вольдемар, пожалуйста...

На экране появилась уже сотня светящихся точек, которые летели замкнутой цепочкой вдоль маленького эллипса.

– Дорогой Волди, наденьте на ту же ось десяток орбит с меньшим эксцентриситетом, вплоть до нуля, – уверенно командовала Никки.

Аудитория смотрела, затаив дыхание, как на экране завораживающе закружилось эллиптическое поле из вложенных друг в друга нескольких хороводов частиц.

Никки обратилась к ошарашенному Дермюррею:

– Этот орбитальный объект состоит только из частиц,двигающихся по Кеплеру.

Профессор стоял, покрасневший, как свежесваренный рак, пожирая глазами невозможное скопление частиц.

– Фикция! В невращающейся системе отсчёта такая штука размажется вдоль орбиты!

Никки вздохнула и попробовала быть образной с упрямым профессором:

– Вольдемар, свяжи частицы верёвочкой, только посвободней.

Частицы опутались нитью, то провисающей, когда соседние тела сближались, то натягивающейся. Какое-то время все смотрели на экран. Верёвки нигде не рвались.

– Вы же понимаете, профессор, – сказала Никки, – что если верёвка не рвётся *во вращающейся системе отсчёта*, то она будет целой и для *любого* другого наблюдателя, в том числе и в невращающейся системе отсчёта?

Профессор это прекрасно понимал, судя по налитым кровью глазам.

– Такой протяжённый объект будет разрушен приливными силами! – крикнул он.

– Ну-ну, профессор, – укоризненно сказала Никки. – Приливные силы не могут действовать на точки. Наш протяжённый объект состоит из невзаимодействующих точек, и приливные силы тут совершенно не при чём.

– Вольдемар! – заорал профессор. – Преврати точки в шары и внеси возмущения!

Картинка на экране преобразилась – верёвки исчезли, и частицы, превратившись в шары, начали сталкиваться друг с другом. Скопление заколебалось, разрушилось и растянулось по орбите.

– Ага! – торжествующим паровозом взревел профессор Дермюррей. – Оно разрушается, оно нестабильно! Я так и знал!

– Вольдемар, – не смутившись, сказала Никки, – частицы – это неупругие шарики, покрытые рыхлым слоем и обладающие самогравитацией. Учти слипание частиц при столкновениях и разрушение их кластеров приливными силами.

Овальный вихрь снежных частиц снова закружился на экране. Тела в нём сталкивались, слипались, образовывали временные конгломераты, снова разваливались. Невзирая на эфемерность жизни отдельных частиц и изменчивость их формы, скопление продолжало сохранять стабильность и не проявляло стремления к саморазрушению.

Профессор неотрывно пожирал глазами новую модель.

– Сложность динамически неубедительна. Природа – мастер на изящные и простые решения, – непринуждённо сказала Никки. – Робби утверждает, что принцип такого эпициклического коллективного движения частиц открыл Вайцзеккер ещё в двадцатом веке. Сейчас в эпициклический вихрь можно засунуть и спутник – вихрю это не повредит.

Это уже было чистым издевательством над передовой наукой. Раздался звонок, и ученики шумной толпой повалили к выходу. На экране гипнотически кружился совершенно невероятный, с точки зрения

Дермюррея, космический объект. Багровый профессор с взлохмаченными волосами таращился на монитор и не замечал очередной цитаты Вольдемара, горящей на задней стене: «Когда природа оставляет прореху в чьём-нибудь уме, она обычно замазывает её толстым слоем самодовольства. Лонгфелло».

– Спасибо, Вольдемар, – попрощалась Никки, выходя из аудитории вместе с хихикающими студентами. А усталому профессору, который столько делал для этих тунеядцев, тупиц, троллей и троглодитов, никто не сказал ни «спасибо», ни «до свидания».

Какие же всё-таки свиньи эти дети!

Последняя книга профессора Гуслик «Зимний дождь» стала лунным бестселлером, побила годовой рекорд продаж, и Джоан, растерянную и невозмутимую, пригласили на тиви-интервью. Все студенты собрались вокруг большого аудиторного экрана – послушать беседу с колледжским профессором литературы. Вёл передачу в прямом эфире известный обозреватель книг Кадавр, обаятельный и хищный, но вопросы задавались и зрителями.

- Как вы относитесь к восторженным откликам на свою книгу?
- С опасением. От похвал человек глупеет.
- Почему в ваших книгах герои не умирают?
- Читательскую слезу выжать, убив героя, каждый дурак сможет.
- Но врагов и конфликтов у вас много!
- Книге нужны враги. Жизнь книжного героя во сто крат сложнее, чем жизнь обычного человека, – на то он и *герой*.
- Герои-мужчины у вас сентиментальны.
- У героинь две женские икс-хромосомы, но и у героев есть одна. Мужчины тоже плачут, но боятся признаваться в этом, бедняги.
- Что вы понимаете под счастьем?
- Победу над одиночеством.
- В ваших произведениях часто мелькают бабочки.
- Бабочка – удивительное летающее создание: бесшумное и какое-то не от мира сего. Не сравнить с деловыми птицами, хищными стрекозами и всякими мухами.
- Зачем вы работаете в Колледже, а не организуете свою писательскую фирму?
- Сборник студенческих работ я ценю больше, чем собственные книги. Это не сборник, а грядка ростков. Я в Колледже – садовник. Лесник?
- А вы не думаете о стезе детского писателя?

– Думаю! – оживилась Гуслик. – Я разговаривала с одним умным человеком... и меня как озарило: писать книги для взрослых – это очень инфантильное занятие! Придумывать истории для скучающих людей, развлекать, корчить рожи... Фу! Вот детский писатель – это да! Самая взрослая и трудная работа.

– Вам понравилась последняя книга Лепе?

– Хороший писатель – жаль, не мыслитель. От книг по-настоящему умного человека не должно быть грустно.

– Вы высмеяли писателя Моза.

Гуслик улыбнулась:

– Мой знакомый Вольдемар недавно процитировал Монтескье: «Дураку следовало бы довольствоваться уже тем, что он надоел всем своим современникам, но он хочет досаждать ещё и грядущим поколениям, хочет, чтобы потомство было осведомлено о том, что он жил на свете, и чтобы веки не забыло, что он был дураком».

– Вы не любите профессиональных писателей!

– Профессионализм стал синонимом изобретательной продажности.

– Признайтесь, что вы – мизантроп, то есть – человеконенавистник.

– Да нет. Я – мизантроп, потому что люблю людей.

– Но ведь книги – товар, значит писатель – торговец своим талантом?

Гуслик вздохнула:

– Рынок вездесущ. Морковку или овечку вырастил – на груди согрел, куском последним делился – тоже выносишь на базар. А покупатели капризны: зачем морковка кривая? Почему овечка не улыбается? Торговля талантом – острая грань, и каждый сам должен прикладывать её к горлу, желательно – к собственному. Окна автора могут выходить на рынок, но автор должен писать с удовольствием – иначе этого чувства и читателю не достанется.

– Вы объективны в оценках?

– Абсолютным чувством вкуса обладал лишь Прокруст. У всех других, слава богам, оно относительно.

– Вы эгоистичны?

– Конечно. Эгоизм – главный движитель поступков нормального человека. Но он может быть безобидным и даже созидательным, или наоборот – злым и разрушительным.

– Вы наблюдательны?

– Как сорока. Всё яркое тащу в гнездо-книгу.

– Вы часто ложёте в своих книгах?

– Зависит от точки зрения. Ложь – это истина не в своей тарелке.

- Не вижу логики.
- Логичность может рассматриваться как дефективность.
- Вы часто говорите об импульсе книги. Что это означает?
- Уровень книги должен соответствовать читателю, иначе она не будет прочитана. Но книга – даже очень простая – дающая положительный толчок уму и чувствам, имеет позитивный импульс.
- Зачем вам так много героев-умников? Они раздражают публику.
- Средний читатель не полюбит таких героев, но лучше их поймёт и не будет так ненавидеть.
- Чьи мысли высказывают ваши герои?
- Мои. Особенно если я не согласна с ними. Я вообще редко соглашаюсь со своими мыслями.
- Назовите самое-самое важное качество писателя.
- Глубоко верить в то, что пишешь. От этого в тексте появляется удивительный информационный заряд, который бьёт безошибочно. Его нельзя подделать, он не кодируется линейно – словами, а идёт каким-то более глубоким уровнем восприятия. Но умный читатель сразу считывает это послание искренности.
- И последний вопрос: что хотите сказать вашим читателям?
- Читатель – соавтор книги. Писатель складывает ажурной кучкой чёрные буквы, а читатель создаёт из них цветной мир. Спасибо за успешное соавторство. Значит, буквы легли удачно.

Интервью закончилось, и студенты в аудитории Колледжа дружно зааплодировали.

– Всё-таки она – гений! – сказала взволнованная Дзинтара, обращаясь к Никки, сидящей рядом.

Никки тоже с удовольствием хлопала.

«Каждый талантливый человек внушает неясную, но очевидную надежду».

И девушка подумала, что раньше, до уроков литературы, она не могла так формулировать свои мысли.

Учебный год кончился!

Студенты с лихорадочной радостью готовились к Балу Выпускников. Яркие-жёлтые машины срочной доставки всё время ныряли в шлюз Колледжа, выполняя заказы студентов: в основном, без усталости таская бальные платья и модельные туфли девушкам, потом снова возвращая их в магазины и опять прилетая с раскалёнными дюзами и новой порцией товаров для примерки.

Наконец Бал настал. Выпускники выглядели солидными и взрослыми, но на их лица частенько набегали облака и тучки – эх, не хотелось уезжать из Колледжа! Остальные студенты были далеки от грусти и веселились от души, кочуя между столами с закусками и танцевальной площадкой. Каникулы настали! Каникулы! – звучит песней даже без рифмы.

Никки зашла в зал и подняла голову к потолку, транслирующему сегодня редкую по красоте картину красно-закатных облаков северной Шотландии. И впервые девушку охватило ощущение неуютта от видимого отсутствия потолка – будто школьный замок был разорён пожаром и на самом деле лишился крыши.

Кто-то сзади закрыл Никки глаза ладонями. Угадать было просто – никто, кроме Джерри, не осмеливался проделывать такие шуточки с королевой Николь.

В танцах объявили перерыв.

В центре зала собралось Общество Ботаников – высокомерное элитное собрание школьников-интеллектуалов – и провело традиционную инаугурацию новых членов. Старинный торжественный стих посвящения подхватили и другие студенты Школы Эйнштейна:

Оскудели источники разума,
Кругом – бескультурия пустыня!

Многие мечтали вступить в Общество, но критерии отбора в него были поистине жёсткими даже по меркам Лунного Колледжа. Поэтому большинству присутствующих оставалось лишь со стороны завистливо наблюдать за церемонией.

Вчера – безмозглый ГЕРБАРИЙ,
Сегодня – разумный БОТАНИК!

Каждый новый Ботаник получил значок с алмазной лупой естествоиспытателя; они гордо будут носить их всю жизнь. А самые жестокие из них прицепят рядом значок с известной цитатой Гейтса: «Не ссорьтесь с „ботаниками“, завтра один из них станет вашим боссом».

Посвящение закончилось вполне в духе Общества Ботаников:

БОТАНИК – звучит гордо!

Лицо заменило морду.
Ты, ЛИСТВА, не шелести,
А попробуй подрасти.

Окружающие грустно пошелестели в ответ.

В середине Бала случилась сенсация: дверь открылась, и в зал вошла профессор литературы.

– А-ах! – сказал зал.

Джоан Гуслик рассталась с привычным имиджем и одеждой неопределённого цвета и появилась на Балу Выпускников в изумрудном длинном платье с открытыми плечами и спиной. Обычные волосы-сосульки превратились радостными стараниями парикмахера Луизы в пышную причёску из крупных русых волн. Лицо Джоан освещалось румянцем и волнением и впечатляло не меньше эффектного платья.

Профессор шла среди замершей публики как на эшафот. Тут к Джоан Гуслик подскочил Эксмин, поцеловал ей руку и сделал восторженный комплимент. И такое громадное облегчение отразилось на лице Джоан, напряжённом как струна, что сразу стало понятно... Впрочем, это совершенно, совершенно не наше дело!

Конечно, профессор Майсофт тоже оказалась не промах. Её красно-белое платье, если и произвело меньший фурор, то только потому, что Элен Майсофт никогда не имела репутации «синего чулка» и заслуженно признавалась самой симпатичной женщиной-профессором Колледжа. Конечно, до этого Бала – сейчас мнению общественности грозил опасный раскол.

Но раскол грозил не только общественности.

Профессор Эксмин всегда был очарователен и мил с обеими женщинами-профессорами. С Джоан Гуслик он охотно говорил о пятом измерении литературы и о том, как трудно найти читателей для подлинных шедевров. С Элен Майсофт Эксмин подолгу беседовал о природе интеллектуализма и возможности создания по-настоящему мыслящих машин. Танцевал профессор с обеими дамами по очереди, успевая поддерживать умный разговор:

– Джоан, киберпанк мне самому интересен... Поройтесь в пыльных золотых хранилищах памяти – кто первый литературно реализовал прогулку по компьютерному миру? Не просто обсудил возможность этого «сверху», как великий Стас Лем, а изобразил «изнутри» виртуальную реальность, которую можно даже спутать с реальным миром? Речь идёт о

компьютерной мироплоти. Сон не в счёт, а также крепкий алкоголь или крепкий удар по голове.

– Понятие «мыслящей машины» так и осталось недоопределённым. Вспомните, Элен, спор вокруг компьютера-переводчика с китайского. *Понимает* ли такой киберпереводчик текст или просто бездумно, но верно его переводит?

– Верно, Джоан, семантическая автономия текста... герменевтика... деконтекстуализация и реконтекстуализация...

– С тревогой думаю о временах, когда компьютер сможет стать человеку настоящим другом... не станет ли это началом разобщённости человечества?.. не чувствуете ли вы, Элен, что умные киберы отгораживают вас от мира людей?

Вокруг углового столика устроилась компания Сов. Когда Юлия в коротком чёрно-жёлтом платье подошла к ним, то из-за стола немедленно встал Жюльен. Пренебрегая усмешками приятелей, галантный француз всегда поднимался, если к нему приближалась дама.

Никки вспомнила: *«Джентльмен не должен садиться, пока леди или даже кошка стоит»*.

Невидимые динамики выплеснули мелодию горячей самбы. Почти никто не оторвался от столов и стен – это танец не для всех. Джерри, стоящий рядом с Никки, сделал вид, что первый раз слышит такую странную музыку.

Лишь Элиза в облаке рыжих волос и белом платье с длинным разрезом вышла на середину зала, держа за руку высокого Гэри-Дракона. В танце Элиза подчеркнуто нежно смотрела на Гэри. Они часто пролетали мимо Джерри, но рыжеволосая девушка ни разу не бросила взгляд в его сторону.

К удивлению всех, рядом появилась и вторая танцующая пара – миниатюрная Юлия в смелом наряде. С ней танцевал Жюльен – и очень неплохо! Саму Юлию было не узнать – её стройная фигура легко следовала сложному ритму, глаза сияли, а лицо уж никак нельзя было назвать сонным. Юлия излучала свободу и уверенность! Разительный контраст с той безнадёжно-унылой девушкой, которая прошлой осенью перечисляла Джерри длинный список своих недостатков. Жюльен явно был под могучим воздействием Юлиного очарования и не сводил с неё глаз.

Когда танец закончился, Элиза с Гэри раскланялись и ушли с площадки, причём рыжеволосая красавица демонстративно игнорировала часть зала, где стояли Джерри и Никки. Зато Юлия, пригвоздив властным жестом Жюльена к полу, подбежала, крепко обняла Джерри за шею и поцеловала в обе щёки. И исчезла вместе с раскрасневшимся Жюльеном.

– Вот наглые совёнки пошли! – поразился Смит Джигич. – Ничего не боятся!

– Это было просто дружеское рукопожатие, – ухмыльнулся Джерри.

– Ничего себе дружеское! – Смит посмотрел на Никки в поисках поддержки, но та странно промолчала.

Вдруг девушка увидела – в их сторону направился Фростман.

– Джерри, исчезаю, иначе я за себя не отвечаю!

И тут же испарилась. Джерри вздохнул – ум и невозмутимость девушки-Маугли с трудом противостояли изощрённому коварству доктора Фростмана, владеющего жестоким умением воздействия на подсознание – психотехникой, отточенной человечеством за долгие века.

– А где мисс Гринвич? – обратился к Джерри психоаналитик, протолкавшийся через толпу студентов.

– Её здесь нет, – холодно ответил юноша.

– Сбежала?! – обрадовался доктор. – Отличный рефлекс!

– Может, вы у меня проверите рефлекс? – спросил ещё холоднее Джерри. – Вы ни разу меня не вызывали.

– Вас? – пренебрежительно удивился Фростман. – Зачем? Вы прозрачны и предсказуемы – неинтересный хрестоматийный случай. Впрочем, я издали слежу за вами: мне любопытно лишь – какой из двух классических вариантов разрешения вы выберете в грядущем кризисе вашего статуса.

В этой фразе было столько непонятного и насмешливого яда, что Джерри оцетинился. Кровь ударила ему в лицо.

Фростман внимательно проследил за реакцией юноши, удовлетворённо заулыбался и сказал:

– Передайте мисс Гринвич, что мы ещё не закончили наш спор. У меня есть для неё пара отличных аргументов!

Довольный собой доктор, хохоча во всё горло, шагнул к бару.

Но он не учёл, что Джерри, падая в пропасть, кое-что приобрёл.

Юноша просто взял и вытянул вперёд ногу. Доктор Фростман споткнулся, захлебнулся смехом и упал. Бокал в его руке выплеснул веер коньяка и хрупнул о каменную плиту. Студенты, стоящие неподалёку, ахнули.

К доктору немедленно подлетели кентаврики-официанты и захолопотали вокруг. Они убрали осколки, высушили лужу и помогли доктору подняться. Тот, вытирая салфеткой залитую коричневым жилетку, повернул свирепое лицо к юноше и прошипел:

– Неужели вы думаете, что сможете учиться в Колледже после такой

выходки?

– Неужели вы столкнулись с непредсказуемостью? – Джерри растянул губы в гримасе улыбки.

– Нет, – сверкал глазами разозлённый доктор. – Вы вполне закономерно набрались нахальства у своей подружки.

– Значит, это и был тест на рефлексы? Вы самоотверженный исследователь... Учтите в своих расчётах, что я не люблю гиен, которые тревожат мёртвых родителей.

– Мы ещё обсудим этот инцидент и наши взаимоотношения! – угрожающе сказал доктор Фростман.

– Всегда к вашим услугам, сэр, – не испугался Джерри. – На шпагах или на тестах Роршаха – как будет угодно.

Он не чувствовал к Фростману никакого почтения. Смертельные враги не могут оцениваться в традиционных категориях «профессор-студент».

– И запомните, что если с Никки что-нибудь случится по вашей милости, я вас из-под земли достану! – тихим голосом сказал Джерри.

– Сопляк, вы смеете мне угрожать?!

– И не только он, – сказал Жюльен, вдруг появившийся рядом с Джерри. – Я тоже позабочусь, чтобы вы заплатились за свои фокусы. Мой дядя хорошо знает президента Всемирной лиги психологов. Полагаю, комиссия по этике скоро займётся вами и вашей лицензией практикующего психолога.

Профессор Фростман молча повернулся и ушёл.

– Спасибо, Жюльен, – сказал Джерри. Француз улыбнулся:

– Это долг каждого интеллигентного человека: увидел субъекта, сделавшего из своего разума дубину, – огрей его обычной!

Бал Выпускников подошёл к концу, и зазвучала музыка Последнего Танца, после которого, по традиции, пары не расстаются, а отправляются гулять в парк или лес. Правом преимущественного приглашения на Последний Танец обладали леди.

Услышав знакомую музыку, все студенты торопливо отошли от столов с закусками и стопились вокруг танцевальной площадки. Черноволосая девушка-Дракон, в длинных бордовых перчатках и коротком платье того же цвета, деловито подтянула перчатки и устремилась в давно намеченном направлении. Пара блондинок-Сов – Роми и Дебби встrepенулись и по-лебединому вытянули шеи – в поисках нужных кавалеров. Какой-то старшекурсник-Леопард, наоборот, пригнулся, как под обстрелом, и шмыгнул под стол – завязывать шнурки.

В общем, воцарилась короткая суматоха.

Никки без колебаний пригласила Джерри. Он без колебаний согласился и заулыбался во весь рот.

Тут случилось неожиданное: к профессору Эксмину с разных сторон подошли сразу две дамы – Элен Майсофт и Джоан Гуслик – и одновременно пригласили его на Последний Танец!

Находчивый Эксмин совсем растерялся.

Женщины ждали его ответа в молчании, которое никто не осмеливался разрядить какой-нибудь шуткой, и яркие ревнивые искры проскакивали в напряжённой атмосфере.

Остроумный профессор оказался в большом затруднении.

Но он не вызывает нашего сочувствия. Джентльмен не должен позволять себе быть одинаково обаятельным сразу с двумя леди.

Бал закончился, и Никки с Джерри отправились гулять в ночной парк. Широкая дорожка освещалась жёлтыми уютными фонарями, и по ней гурьбой шли, с визгом и криками носились и приплясывали целые толпы студентов и выпускников. Шумные компании постепенно разбрелись по сторонам, дорожка опустела, и голоса отдалились.

Никки и Джерри молча шли по аллее, а вокруг стоял гул ночных сверчков. Сильно пахло жасмином.

Подошла группа студентов.

– Никки, Джерри! – закричали они. – Пошли на озеро купаться!

Девушка даже вздрогнула и отрицательно покачала головой.

– Мы просто погуляем, – поддержал Джерри.

– Что вы бродите, как два сыча! – загалдели ребята.

– Пошли, Мак там плот припрятал!

– Повеселимся!

– Нет, – коротко сказала Никки, не глядя на школьников.

– Загордилась совсем – сразу видно, что королева! – с осуждением сказал кто-то.

Никки вспыхнула и хотела резко ответить, но Джерри успокаивающе взял её за локоть и увёл от назойливой компании в боковую аллею.

Кусты впереди зашуршали, и из них выскочил растрёпанный профессор Эксмин. В его тёмных волосах торчали какие-то сучки и листья. Не здороваясь, он промчался по дорожке и скрылся за поворотом.

Никки и Джерри прошли тёмную часть леса и сели на скамейку, ярко освещённую фонарём.

Девушка была непривычно молчалива и грустна. Джерри спросил:

– Что с тобой, Никки?

– Джерри, я поняла, что в проклятой взрослой жизни не найти ни одной ложки чистого мёда – здесь всё приправлено вонючим ядом. Взрослые несчастливы всегда. У них в принципе не бывает благополучных развязок и безоблачных решений. Выбор обычно идёт между «мучительно больно» и «смертельно стыдно».

– Ты стала пессимистом.

– Я оптимист, потому что надеюсь: боли в мире может быть меньше. Но за это надо платить кусками собственного убитого сердца.

– Ты говоришь ужасные вещи.

– Потому что я стала взрослой... – грустно сказала она. – Помнишь, Джерри, как мы хорошо гуляли в парке Лунного госпиталя? Какое беззаботное было время!

– Вскоре в том тихом месте тебя решили прикончить, – напомнил Джерри, но Никки будто не слышала.

– На кой чёрт сдались мне эти деньги! – непонятно на кого рассердилась она. – И какого дьявола я полезла в королевы!

Никки ударила крепким кулачком по стволу акации. Под корой дерева что-то изумлённо пискнуло, и с дрогнувшей кроны посыпались пушистые, нежно-розовые цветы.

– Никки, что с тобой происходит? Я ничего не понимаю!

– Ты должен увезти меня на какой-нибудь необитаемый остров... и побыстрее!

Девушка вскочила с места и отвернулась, глядя куда-то в серебристые ночные заросли.

Юноша тоже встал, обнял её за плечи и заглянул в лицо. И с изумлением увидел невероятные для Никки слёзы, которые ещё не проливались из синих глаз, но уже до краёв наполняли их.

– Ах, Джерри, как тяжело быть королевой! – сказала она сдавленным голосом.

– Я могу тебе помочь? – с участием спросил юноша.

– Нет... – Никки медленно покачала головой.

Джерри охватило сострадание к этой усталой девушке.

А Никки посмотрела на юношу блестящими тоскливыми глазами, и он увидел в них такое же сострадание.

Но обращённое уже к нему, к Джерри.

Глава 21

Удар в спину

Следующий день после бала был плотным и тяжёлым – спины не разогнуть.

Никки посмотрела на часы, встала из-за рабочего стола в своей колледжской комнате и не то застонала, не то зарычала, потягиваясь утомлённым телом. Сегодня у неё важная встреча с журналистом Тимоти. Ей некогда было ехать в Шрёдингер, в свой офис, поэтому они договорились встретиться в колледжском кафе «Звёздный жук», пустующем в каникулы.

Никки зашла в лифт и нажала кнопку нижнего этажа. Одна стена лифта была вся изрисована геномными штриховыми цепочками, которые гусеницами переползали с места на место, толкаясь и тихонько переругиваясь. Вторая стена, как обычно, посвящалась уравнениям, и сегодня был день тензорного анализа. Судя по символам Кристоффеля – с уклоном в риманову геометрию.

Тимоти уже ждал её за столиком возле бара, где по вечерам школьники пили сок и минеральную воду. Никки шла к журналисту и вспоминала факты из справки, которую подготовил ей Робби.

Тимоти был уволен с Первого Лунного канала телевидения почти два года назад – по требованию короля Дитбита, которому не понравился слишком независимый журналист, остро шутивший над принцем Дитбитом во время вступительного экзамена в Колледж. Уволенный комментатор организовал собственную крохотную телекомпанию – политические обзоры, интеллектуальные дискуссии, – но из-за отсутствия денег она выходит в эфир всего раз в месяц. Тимоти разведён, имеет двоих детей. Младший сын ещё школьник.

– Здравствуйте! – Никки села напротив журналиста. – Спасибо, что пришли.

– Не за что, – буркнул Тимоти без особых церемоний. – Зачем я вам понадобился?

Никки сказала прямо:

– Я хочу, чтобы вы возглавили новый медиаканал – телевизионный и сетевой.

– Ваш канал? – недоверчиво посмотрел Тимоти.

Никки отрицательно покачала головой:

– Ваш.
– У меня нет канала, – нахмурился журналист.
– Вот я и хочу, чтобы вы организовали новый канал и возглавили его.
– Ничего не понимаю, – сказал Тимоти. – Канал стоит пять миллионов в год. Студийная работа – ещё несколько миллионов. У меня нет таких денег.

– Я дам вам денег на такой канал.
– Интересное предложение, – откинулся на спинку стула Тимоти. – Но почему вы называете такой канал моим? Он же будет вашим!

– Нет, я хочу, чтобы вы были независимым журналистом. Это будет ваш канал, а не мой.

Тут-то журналист и растерялся. Возникла пауза.

– Что вы хотите от нового канала? Рекламу вашей молодой династии?

– Какая же это будет независимость! – рассмеялась Никки. – Нет, мне хотелось бы, чтобы ваш канал просто был интеллигентным, пропагандировал моральные ценности в политике и в жизни, показывал научно-популярные программы и концерты. Рекламы – ноль. Вообще никакой: ни династий, ни пылесосов, ни эйфоринов. Аналитические обзоры? – очень хорошо. Интеллектуальные круглые столы? – замечательно. Я смотрела планы вашей студии – они мне нравятся. Я бы посоветовала их расширить, уделив больше внимания детям и подросткам. Но это лишь мой совет.

Тимоти сохранял недоверчивое выражение лица.

– Может, вы хотите скрытой, «серой» рекламы – положительных мнений в обзорах, позитивного имиджа вашей династии в новостях?

– Нет.

Тимоти заёрзал. Всё это плохо укладывалось в его голове.

– Какие-то сладкие сказки для младшего возраста... А я уже вышел из него! Какая может быть независимость, если вы платите за студию? Завтра в дискуссии я скажу что-нибудь не то про вашу династию, и вы закроете кран!

– Сколько вам осталось до пенсии? – спросила Никки.

– Лет двадцать я ещё продержусь, – проворчал Тимоти.

Никки достала чековую книжку, выписала радужный чек и протянула его Тимоти.

– Здесь сто пятьдесят миллионов долларов. Положите их в банк и будете получать около десяти миллионов каждый год в качестве процентов. Эта сумма обеспечит вам полную независимость до конца вашей карьеры.

Тимоти, не веря своим глазам, взял чек и стал его поражённо

рассматривать.

– Я не понимаю, зачем вам это нужно – для вас это же просто выброшенные на ветер деньги! – вскричал он.

– Неправильно, – качнула головой Никки. – Умный и честный мир лучше подходит для бизнеса. Хотя бы тем, что просуществует дольше. Так что это вполне деловое решение.

Журналист не находил слов.

– Всё, что я прошу: сделайте наш мир справедливей! – сказала Никки. – Если вы обнаружите что-то неправильное в моей династии – смело бейте. Я верю в вашу объективность. Кстати, не думайте, что ваш новый канал – единственный такой проект. Я владею книгоиздательской компанией, и сейчас её типография расширяется для массового выпуска почти бесплатных детских книг – умных и просвещающих. Литература до сих пор самый эффективный способ развития интеллекта.

– Зачем вам это? – опять не удержал недоумённого вопроса журналист Тимоти.

– Мне нужно много, *очень много* умных людей, для которых я – друг, – спокойно ответила Никки. – С такими союзниками моя династия будет в сто раз сильнее, чем сейчас. Интеллект – самый ценный продукт человеческой цивилизации, и я собираюсь целенаправленно и упорно его выращивать. Кто получит от меня сегодня бесплатные умные книги, дешёвый компьютер с обучающими программами, интеллигентные медиапередачи, грант на обучение в Колледже – тот завтра добровольно придёт в мою династию. Вместе мы станем непобедимы и сможем изменить будущее нашей цивилизации к лучшему.

Девушке уже нужно было идти на видеоконференцию со Спейс Сервис, и она сказала, завершая разговор:

– Если будут вопросы или проблемы – звоните.

Пожимая Никки руку, Тимоти замялся:

– Извините, я был грубоват с вами, тогда... на экзамене.

– Я не обидчива.

– А вы не передумаете, не пожалеете денег?

– А вы не передумаете, не испугаетесь сильных мира сего? – в ответ спросила Никки.

– Ха! – ликующим голосом сказал Тимоти, повернулся и почти бегом устремился к выходу.

Никки задумчиво посмотрела вслед журналисту, а потом решила, что успеет заказать и выпить манговый сок.

Тимоти оказался парень не промах! Когда его независимый телеканал открылся, не скрывая того, что финансируется на деньги королевы Николь, то нашлось немало шутников по поводу его «независимости». Тогда журналист, объясняя факт своей свободы – несмотря на финансируемость от династии Гринвич, – прокрутил дословную фонозапись, которую он успел сделать во время разговора с Никки в «Звёздном жуке».

– Я буду пристально и строго следить за деятельностью этой династии – именно из-за своей симпатии к ней. А вы, зрители, можете сказать спасибо королеве Никки – благодаря ей вы имеете возможность смотреть первый в мире по-настоящему честный и независимый медиаканал! И без всякой рекламы!!

Бескорыстие королевы Николь Гринвич произвело сильное впечатление на зрителей. Рейтинги показали, что в результате её династия получила яркую рекламу и отличный имидж-импульс.

Эта девица оказалась не промах! Знала ли она, что журналисты всегда носят т-фон включённым для записи?

Никки быстро шла по коридору к своему кабинету, где Совет директоров должен был собраться для обсуждения условий лицензирования ГравиКуба.

У неё было отличное настроение, хотя последние дни не радовали хорошими новостями. На прошлой неделе её снова обругали в жёлтой газетёнке. А вчера Голос Пространства выдал странное сообщение:

«Я антрополог, которому ты разрешила звать себя „Никки“. Сейчас не только ты опасна, но и твоя организация. Берегись».

Больше Голос ничего не захотел добавить. Письмо явно послано принцем Арнольдом, но откуда Голос его знает? Может, это Арнольд является Голосом – он же говорил ей когда-то, что следит за ней? Но ведь Робби утверждает, что Голос – не человек... Таинственность вокруг Голоса густа, но его тревожное сообщение вполне прозрачно.

Несмотря на признаки грозowych туч, Никки не теряла бодрого настроения; она шла и с гордостью обзревала бурно функционирующий исследовательский центр, созданный ею вместе с друзьями.

Оба этажа Гринвич-Центра в Шрёдингере к середине июля оказались набитыми до отказа. Часть кабинетов занимала следственная группа во главе с детективом Чарльзом Спенсером. Рядом размещались бухгалтера и финансовые менеджеры – управлять огромным состоянием непросто! – а также юристы во главе с адвокатом Дименсом. Половину этажа забрали себе профессор Лвин и учёные, работающие над Грави-Кубом. Сектор

кибернетики, который вёл Джерри, и отдел математики под руководством Хао напряжённо и в строгом секрете трудились над компьютерной прогностической моделью на основе теории Михаэля Уолкера. Остальные офисы занял сектор генетики и биологии, за которым присматривала Дзинтара и где разрабатывался план тесного сотрудничества геноцентров Северных династий.

«Моя династия будет специализироваться на добывании научной информации, на производстве знания, – размышляла Никки. – В современном мире недостаточно добыть знание, нужно уметь его эффективно использовать. Технологии должны грамотно встраиваться в цивилизационную структуру, не разрушая её. Мы должны планировать использование открытия и разрабатывать для него этико-юридическую среду. Уравнения Джерриного отца помогут нам рассчитать последствия появления в обществе любого новшества. Мы будем выбирать безопасный вариант внедрения научного или технического открытия и продавать новое знание вместе с „упаковкой“ – пакетом рекомендаций по его оптимальному использованию... Это будет самый интеллектуальный, прибыльный и честный бизнес в мире!...» – думала наивная Маугли.

В это же самое время, совсем недалеко от Шрёдингера, во главе длинного стола восседал человек с нервным тиком. Угрюмым взглядом он обвёл два ряда напряжённых лиц. Все места за столом были заняты. С левой стороны сидели трое невзрачных мужчин, которые чувствовали себя не в своей тарелке. Они явно предпочитали привычный круглый стол.

– Сегодняшняя операция взята под контроль *сверху*. Прошлые провалы дискредитировали наши группы... Нам даётся последний шанс... – угрожающе сказал человек с тиком.

Трое невзрачных заёрзали, глядя прямо перед собой.

– Операция разработана совместно группами «Маугли» и «Наследник»... – проскрежетал председательствующий и дёрнул губой, обнажив в судорожной улыбке желтоватые зубы.

Такой улыбкой только птиц на лету морозить.

– Задачей операции «Тостер» является нейтрализация не только двух главных объектов, но и всей враждебной структуры. Любой ценой! – повысил голос человек во главе стола.

Враги тоже высоко оценили исследовательский центр, созданный Никки и её друзьями.

– Приказываю занять отведённые позиции, – властно сказал человек с тиком. – После включения «тостера» и вскрытия купола вы должны прибыть на место событий первыми и зачистить территорию под видом

спасателей. Всем ясно?

Все энергично кивнули, и через двадцать секунд комната опустела.

Лишь человек с тиком, мучительно кривясь, жутко улыбался в спину уходящим.

Бодро шагающая Никки не дошла до кабинета несколько метров, как вдруг споткнулась на ровном месте, застыла и повернулась к стене.

– Что за ней, Робби?

– Почтовая комната. ЭТО мне тоже не нравится!

– Кто-нибудь есть внутри?

– Только коробки неразобранной почты и доставленного оборудования.

Никки молнией рванулась по коридору, крича:

– Срочная эвакуация! Вызывай...

Её голос утонул в могучей аварийной сирене и громоыхании электронного голоса:

– Срочная эвакуация! Всем немедленно покинуть здание! Пожарная тревога!

Навстречу Никки из кабинета уже выбежал Джерри, таща за руку Артемиду. За ними спешил и Феб. Они вчетвером устремились к лестнице. Лифтам Никки не доверяла с времён пребывания в Лунном госпитале, а уж в аварийных ситуациях...

– А мы пришли... чтобы посмотреть, чем вы здесь занимаетесь... – на бегу поясняла запыхавшаяся Артемиды, – ...может, вам помощники нужны?

– Всё равно... в каникулы... делать... нечего! – бодро проговорил Феб, расценивший срочную эвакуацию как уместное время для демонстрации великолепных прыжков через семь-восемь лестничных ступенек. – А у вас тут весело!

Ледниковый период взаимоотношений Феба и Дзинтары был в самом разгаре, и Феб явно искал отвлекающее занятие.

Из главных дверей выскакивали люди и останавливались на площади, оборачиваясь на здание. В уже скопившейся толпе бродил ропот:

– Ничего не горит!

– Какой-то болван устроил учебную тревогу!

– Копчёный Дракон, я только сел закусить!

Выйдя из здания вместе с взволнованными сотрудниками, Никки остановилась возле высокого плотного мужчины в полицейской форме, с сердитым лицом стоящего у входа и наблюдающего эвакуацию. Джерри держался рядом с девушкой, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Лейтенант Мобельсон, это я объявила тревогу.

– Вы?! На кой чёрт?! На моём пульте не было ни одного тревожного сигнала! – хмуро сказал начальник полицейского участка Шрёдингера, прибежавший на звук сирены из соседнего административного здания.

– В почтовой комнате четвёртого этажа находится подозрительное устройство огромной энергоёмкости. Я засекала его детекторами своего компьютера...

Лицо полицейского сразу приняло озабоченное выражение. Он быстро раскрыл служебный коммуникатор, вызвал на него картинку с камеры почтового отсека и насупился, увидев безлюдное помещение с штабелями коробок.

– Ничего взрывчатого и радиоактивного здесь быть не может – мои детекторы унюхают любую химическую бомбу или нюк-устройство! Жареную курицу мимо голодной собаки невозможно пронести незаметно.

Никки, переговариваясь с Робби, воскликнула:

– Там что-то электромагнитное! Почтовая комната потребляет сейчас больше электричества, чем всё остальное здание.

Полицейский изменился в лице:

– О, боги! Неужели сверхпроводящая бомба?

Перед лейтенантом появился его заместитель – бравый юный сержант – и с улыбкой на лице отрапортовал об успешном окончании эвакуации. Начальник безопасности растерянно оглянулся на толпу, плотно стоящую на площади перед самым зданием, и заорал на довольного собой сержанта:

– Всех за периметр площади! Вызывай подмогу! Оцепить район! В здании бомба!

Тут суматоха началась всерьёз.

Мобельсон, пятясь вместе с Никки и Джерри от здания, отдал команду системе безопасности, и почтовая комната мгновенно заполнилась быстротвердеющей пеной. Оглядываясь на редкую цепь полицейских и работников секьюрити, медленно теснящую с площади толпу служащих и возбуждённых зевак из соседних домов, Мобельсон с тревогой воскликнул:

– Сверхбомбу надо отключить, она с каждой минутой становится всё сильнее! Она пробьёт купол!

Полицейские вытеснили людей с площади, но убрать их с примыкающих улиц им не удавалось – любопытствующие подходили из соседних кварталов, и толпа в переулках только густела.

Мобельсон подумал, решил и отдал приказание системе безопасности обесточить здание. Свет в здании в следующую секунду погас, и на площади наступил полумрак. Но на очень короткое время.

В следующее мгновение стена здания треснула в нескольких местах.

Брызнул яркий синий свет, и трещины с грохотом раскрылись, выпустив многометровый огненный бутон с тёмными лепестками стен и перекрытий.

Обломки плит и блоков веером полетели от места взрыва. Крупный кусок стены понёсся прямо на Мобельсона и стоящих рядом с ним ребят. Полицейский оцепенел от зрелища полутонного осколка, который через секунду превратит его – полнокровного весёлого человека – в безжизненный фарш с костями и обрывками одежды.

Могучая сила сковала его руку, пребольно вывихнула её, выдернув Мобельсона из смертельного пространства. Это произошло так быстро, что в воздухе остались медленно падать полицейская фуражка и коммуникатор.

Кусок стены с рёвом промчался мимо, шаркнул о землю, отскочил и врезался в толпу на краю площади.

Раздались крики и стоны.

Другие обломки попали в соседние дома, разбивая прочные стёкла, а один устремился вверх и с силой ударил во внешний купол Шрёдингера. Купол издал протяжный низкий гул, но выдержал.

– Боги мои! – растерянно сказал полицейский, в жизни не видевший ничего подобного. Он сделал неловкое движение, схватился за вывихнутую руку и застонал.

– Извините, мистер Мобельсон, повреждения руки избежать было нельзя... – виновато сказал тонкий взволнованный голос рядом с полицейским. Лейтенант непонимающе посмотрел сначала на Никки, потом на сбитого с ног той же могучей силой и лежащего неподалёку Джерри с кровавыми ссадинами на локтях. Переведя взгляд на валяющиеся под ногами расплющенный коммуникатор и клочья фуражки, полицейский вздрогнул, с трудом сфокусировал глаза на Никки и сказал ошеломлённо:

– Это вы? Спасли мне жизнь?

Система безопасности здания уже заливала пожар, и из тёмного провала, зияющего в стене семиэтажного здания, валил густой белый пар или дым. На площадь влетели две машины скорой помощи – все, какие были в наличии в Шрёдингере.

Полицейские быстро пришли в себя и стянулись к месту падения основного куска стены. Мобельсон, придерживая больную руку, поспешил к эпицентру трагедии. Несколько медиков и полицейских подняли окровавленный обломок плиты и отнесли в сторону. На земле лежали пять тел, раздавленных и изуродованных так, что никакая медицина им, очевидно, уже помочь не могла.

Мобельсон осмотрел тела, потом перевёл налитые кровью глаза на

стоящую рядом с ним потрясённую Никки и хрипло сказал:

– Трое жильцов из соседних домов... решили поглядеть на пожар... и двое моих полицейских – Кристенсен и Иванов...

Медики спешно разбирали по машинам и носилкам самых тяжёлых раненых. Но на мостовой оставались ещё десятки стонущих людей, задетых разлетевшимися осколками пластоарматуры и обломками бетона.

– У нас больше нет «скорых»! Мы вызвали помощь из Луна-Сити! – крикнул полицейскому доктор с ближайшей машины.

Мобельсон, держась за повреждённую руку – на неё медиков ещё не хватило, сказал Никки сквозь сжатые от боли зубы:

– Вы спасли не только меня, но и весь город. Ещё немного – и бомба наелась бы так, что взрыв разрушил бы купол...

Вдруг Никки вскрикнула и бросилась в сторону. Джерри, не рассуждая, устремился за ней – и увидел Артемиду.

Она сидела на земле и держала голову Феба на коленях.

Лицо девушки ужасало – его левая часть была разодрана и залита кровью. Крупные клочья кожи с длинными волосами свисали до щеки. Но Артемиде, не обращая внимания на своё состояние, обеими руками сжимала бицепс брата.

Правая рука Феба была оторвана между локтем и плечом.

Раненая девушка изо всех сил пыталась остановить бьющую из артерий кровь брата и монотонно бормотала:

– Дзинтара... он умирает... скорей, Дзинтара... Феб умирает... Дзинтара... скорей...

В свете аварийных фонарей лицо Феба с закрытыми глазами светилось мраморно-белым. Никки и Джерри подбежали, упали на колени и подставили ладони под ускользящую жизнь Феба, человека-бога.

А над куполом Шрёдингера, полыхая яростными дюзами, на предельной перегрузке действительно промчался крейсер Дзинтары.

Ранним утром следующего дня brave сержант шагал рядом с Никки по коридору муниципального здания Шрёдингера. Они шли в полицейский отдел, располагающийся на втором этаже мэрии.

В комнате, куда сержант привёл Никки, сидели лейтенант Мобельсон и трое незнакомых следователей из Луна-Сити. Краснолицый здоровяк и худой с залысинами мужчина были в серых мундирах. Мягкий округлый человек в толстых очках носил костюм в коричневую ёлочку и что-то отмечал в блокноте, лежащем на углу стола, заставленного пепельницами и стаканчиками с кофе. Усталые, плохо выбритые люди явно провели здесь

бессонную ночь.

Полицейские вчетвером сидели за столом, и в окне за их спинами виднелось ярко освещённое аварийными прожекторами здание с чёрным, дымящимся провалом.

Словно сахарный торт, надкушенный зверем с грязной пастью.

Лица следователей одинаково хмурились. Взрыв в Шрёдингере всколыхнул весь Лунный Полицейский Корпус. За несколько часов были проверены пункты отправки каждой посылки из почтовой комнаты. Подозрение пало на коробку с обычной компьютерной типографией, отправленной из Кратера Риччи в Гринвич-Центр через Луна-Сити. Внимание привлекло то, что коробка при отправке из Луна-Сити оказалась на шесть граммов легче, чем при прибытии. Видимо, преступникам удалось заменить содержимое посылки на сверхпроводящую бомбу уже после проверки коробок на почтамте Луна-Сити. Такая бомба для более простых сканеров безопасности Шрёдингера ничем не отличалась от обычного оборудования – в ней не было никакой взрывчатки, лишь электроника и мощный сверхпроводящий контур. По прибытии в почтовую комнату бомба сама подсоединилась к сети высокого напряжения и начала заливать в себя энергию.

Обычно хватало суток, чтобы сверхпроводящее кольцо накачалось под завязку бешеным потоком электронов. Потом контур автоматически разрывался, переходя в обычное, несверхпроводящее состояние, и запасённая электромагнитная энергия свирепо вырывалась наружу, превращая сам контур, бомбу и всё окружающее в плазменный шар. Бомба, взорвавшаяся вчера на Мун-Плазе, не смогла зарядиться до конца и инициировалась, когда её процессор обнаружил, что питающая электрическая сеть обесточена.

Никки быстро разобралась, что главный среди следователей – худой, с залысинами, офицер. Человек в штатском был экспертом по бомбам, а краснолицый здоровяк – просто грубияном.

– Я не могу понять, – говорил он угрожающим голосом, – как, проходя по коридору, вы узнали, что за стеной растёт бомба? Может, вы давно знали, что она там лежит? Может, вы её сами заказали для каких-то целей и просто не справились с управлением?

Лейтенант Мобельсон был бесхитростным служакой в тихом городке, и такая агрессивная и оскорбительная манера допроса Никки, спасшей ему жизнь – и не только ему! – его коробила, но он получил от столичных ребят категорический приказ не открывать рта, пока его не спросят. «Сидеть и помалкивать! Проворонили бомбу, а теперь нам расхлёбывать вашу кашу. И

эту девицу нечего защищать – пусть сама доказывает, что она тут ни при чём!»

Это было несправедливо, но Мобельсон понимал, что спор не поможет.

Никки слышала про древнюю допросную методику «плохой-хороший полицейский» и спокойно сказала:

– У вас с собой два пистолета – «беретта» в кобуре и «карсон» в правом кармане брюк.

Краснолицый следователь замер.

– У вас был перелом голени и трещина третьего ребра. Кроме т-фона у вас ещё есть видеозаписывающий браслет на левой руке и электрошоковый перстень на правой... и сегодня вы не успели поесть.

Грубиян вытаращил глаза и даже побурел.

– Сквозь стены я тоже могу многое заметить. К нам по коридору идёт человек с подносом. Слабо вооружён – всего один «глок» в кобуре. Сейчас у вас будет завтрак, господа...

Дверь отворилась, и вошёл давешний улыбчивый сержант с подносом, заполненным сандвичами и аппетитно пахнущими коробочками.

– Китайская мясная лапша с грибами, сэр! – бодро отрапортовал он Мобельсону. На щеке сержанта красовался длинный заживляющий пластырь телесного цвета.

– Прочь! – зарычал лейтенант. Сержант растерянно захлопал глазами и исчез за дверью. Лица у присутствующих вытянулись.

– По-моему, стоит позавтракать, – улыбаясь, сказала Никки, – день длинный, а сытые люди легче понимают друг друга.

Этим она завоевала симпатию голодных следователей. Но только не обескураженного грубияна. После завтрака тот стал ещё агрессивнее:

– Если вы всё видите сквозь стены, то почему не заметили эту бомбу раньше? Вы специально ждали, чтобы она накопила энергию и сделала переполох? Может, этот взрыв вы устроили сами? Очередной смертельный трюк для саморекламы?

Никки перестала смотреть на краснолицего и реагировать на его вопросы и отвечала только другим полицейским.

Тогда в игру вступил «добрый» главный следователь.

– Мисс Гринвич, я прекрасно понимаю, что вы – не преступник, а вероятный объект покушения. Извините резкость моего коллеги – он не спал всю ночь, как и мы. Расследование убийства наших коллег и ни в чём не повинных жителей Шрёдингера стало для нас личным делом, вопросом профессиональной чести. Я прошу вас помочь следствию.

– А у меня сложилось впечатление, что вы не просите о помощи, а беспрерывно мне хамите и пытаетесь запугать.

Краснолицый следователь зарычал, но был остановлен движением руки главного.

– Я уже извинился, – сказал нетерпеливо полицейский с залысинами. – А теперь прошу вас помочь. Предоставьте нам список людей, знавших о покупке и доставке типографии. Также я хочу получить от вас максимум информации о ваших сотрудниках – всё, что не вошло в обычное полицейское досье: их разговоры в офисе, случайные реплики, круг знакомых...

– Что за марсианский бред! – воскликнула Никки. – При чём тут сотрудники Центра? Зачем их допрашивать и проверять? Взрыв устроили мои старые, внешние враги. Они внедрили своего человека на почтамт и подменили посылку, адресованную Гринвич-Центру!

– Я уверяю вас, – с профессиональным выражением бесконечного терпения сказал худой следователь, – почтамтом занимаются – и всерьёз. Там работает другая группа. Но есть общий порядок, требующий от нас проверить все следы. Вы должны помочь нам в расследовании в вашем Центре.

Никки потеряла интерес к разговору и повернулась к эксперту в штатском:

– Могу я задать вам пару вопросов?

Тот посмотрел на главного. Полицейский неохотно кивнул.

– Сколько в мире производителей сверхпроводящих бомб? – спросила Никки. – И как легко достать такие бомбы?

– Их делают всего восемнадцать компаний. Это оружие вне свободной продажи, и его производство находится под исключительно жёстким контролем комитета ООН по вооружениям.

– Почему?

– Именно из-за плохой обнаруживаемости сверхбомб обычными контрольными системами.

– Можете ли вы установить, какому из производителей принадлежала бомба? Я слышала, что происхождение химических или ядерных бомб установить легко.

– К сожалению, сверхпроводящие бомбы отличаются от других, – улыбнулся наивности собеседника эксперт. – Они состоят из обычных материалов, происхождение которых невозможно отследить.

– Хотя что-нибудь вы можете сказать о взорвавшемся устройстве? – настаивала Никки.

Эксперт посмотрел на главного. Тот недовольно молчал.

– Мощность бомбы велика, и мы можем сократить число типов бомбы и потенциальных производителей до одиннадцати.

– Хватит пустых разговоров! – закричал краснолицый.

Никки не обратила на него внимания.

– Сверхпроводящие бомбы отличаются друг от друга?

– Конечно, – усмехнулся эксперт, – но только в целом состоянии. Взорвавшиеся накопители практически теряют индивидуальные различия.

– Вам поможет, если я укажу на производителя бомбы? – спросила Никки уже у главного следователя. Тот мгновенно подобрался:

– Это была бы ценнейшая информация, но разве вы знаете, кто подменил посылку?

– Нет, не знаю, – сказала Никки, – но если вы привезёте мне все одиннадцать типов сверхпроводящих накопителей и дадите эксперта, который зарядил бы их, то я укажу, какая бомба лежала в почтовой комнате.

– Привезти вам одиннадцать бомб?! – взревел краснолицый. – Да ещё зарядить их?! Нашли простаков!

– Либо вы соглашаетесь на моё предложение, либо на следующий допрос я приду со своим адвокатом. Тогда вам придётся попотеть, чтобы он разрешил мне сказать, как меня зовут.

– Мы знаем, как вас зовут! – вмешался грубиян.

– Но ведь вы это узнали не от меня? – улыбнулась ему Никки.

– Я не понимаю... – зарычал краснолицый.

– Вижу, но ничем помочь не могу, – перебила его Маугли. – Попробуйте помолчать и сосредоточиться.

– Как вы опознаете тип бомбы? – сердито спросил худой.

– Непробиваемых стен нет, – туманно сказала Никки. – Это физический факт.

– Хватит отговорок! – закричал красномордый. – Отвечайте на наши вопросы! Кому понадобилась типография? Кто знал о посылке? Скольких людей в своём Центре вы знаете лично? Как давно?

Грубиян сыпал вопросами, но получал в ответ лишь молчание. Никки с минуту заинтересованно рассматривала следователя, брызгающего слюной, потом решительно встала из-за стола.

– До свидания, джентльмены.

Потом посмотрела на хмурого начальника группы.

– В следующий раз приходите без болванов с пистолетами, а то разговора вообще не получится...

И ушла, не собираясь терпеть пустую болтовню.

Когда дверь за девушкой закрылась, Мобельсон не сдержал ехидной улыбки:

– Какие трудные дети в этом Колледже! Я ещё не видел, чтобы девочка-тинейджер так издевалась над группой взрослых, хорошо вооружённых мужчин...

Краснолицый грубиян заскрежетал зубами.

Взрыв в Шрёдингере стал мировой сенсацией. Политики и журналисты беспрерывно обсуждали теракт и смерть пятерых людей.

– Жёстко наказать тех, кто из-за моральной и умственной деградации прибегает к террористическим актам...

– Нужно искоренить желание политических лузеров решать свои проблемы с помощью бомб!

– Этот взрыв – результат неправильных приоритетов политики Президента Луны мистера Хо!

– Бомба – последний аргумент импотента!

Гринвич-Центр был закрыт на ремонт, а тиковый кабинет Никки сгорел дотла. В плазменной волне, вырвавшейся из сверхбомбы, бесследно испарился и тёмно-рыжий Несгибаемый Пёс.

Нельзя скорбеть об игрушке на фоне общей трагедии, и Никки отнеслась к потере Пса стоически:

– Пёс многому меня научил и остаётся моим символом несгибаемости. А символ нельзя уничтожить. Несгибаемые тоже умирают, но даже своей гордой смертью они торжествуют над врагом. Ведь они – несгибаемые.

Но всё-таки Никки остро почувствовала, что с гибелью Пса порвалась окончательная связь с детством. Несгибаемый Пёс, сгорая, успел предупредить: детские игры кончились.

Началась взрослая война.

«Детство слеплено из надежд, взрослая жизнь склеена из потерь. Готовься...» – горько подумала Никки.

Династия Гринвич оказала финансовую помощь семьям погибшего полицейского Кристенсена и трёх жителей Шрёдингера – в размере от четырёх до десяти миллионов. Полицейский Иванов оказался совершенно одиноким человеком. Его похоронили за счёт династии, установив на мраморном памятнике бронзовый барельеф с надписью «Погиб при исполнении долга, спасая людей».

Никки поставила фотографию полицейского Иванова в своей комнате и сказала Джерри:

– Это солдат, погибший на моей войне.

– Не ты её объявила, Никки, – ответил Джерри.

– Но я её веду...

Королева Николь объявила крупную награду за информацию, которая приведёт к поимке организатора взрыва. Династия Шихиных удвоила сумму вознаграждения, пообещав премию и полицейским, которым удастся арестовать преступника.

Через четыре дня Никки доставили десять образцов бомб. Эксперт в коричневом костюме сам приехал с образцами и сказал, что одиннадцатый тип бомбы совершенно секретен. Правительство, выпускающее эти бомбы, уверяет, что они не могли попасть в чужие руки.

– Но я, в свою очередь, уверяю вас, – сердито сказал толстенький эксперт, – если вы не найдёте искомое среди данного десятка, то я выбью из этих бюрократов последний образец, пусть он будет хоть сверхсекретный! – и он погрозил кому-то пухлым кулачком.

Никки внимательно прошла вдоль ряда совершенно одинаковых коробок, выставленных в конференц-зале, сразу велела унести четыре – не то! – и попросила подключить остальные бомбы к сети.

Эксперт осторожно выполнил просьбу.

Никки забрала ещё три бомбы, потом, после раздумий – ещё одну. Осталось две, которые она попросила зарядить до нужного уровня.

С последними двумя устройствами она провозилась больше суток. По её просьбе бомбы перенесли в почтовую комнату, а она всё ходила и ходила мимо них по коридору, заставляя эксперта двигать коробки с места на место. Наконец она решительно указала на один из ящиков:

– Он!

Усталый эксперт облегчённо вздохнул:

– Хорошая новость. Если вы правы, то преступник у нас в руках...

– Кто? – спросила Никки.

– Извините, без разрешения начальства не могу вам сказать, – покачал головой эксперт. – Но теперь осталось самое трудное – доказать, что вы правильно определили эту бомбу. Как вы понимаете, суд не примет никакие наши заверения без доказательств. О! Вы даже не представляете, как сложно добыть доказательства, которые бы устроили судей. Какие это несговорчивые люди! Какие несговорчивые! – Эксперт явно вошёл во вкус любимой темы. – Им должны быть предъявлены высоконаучные доводы, с которыми могли бы согласиться все другие эксперты. Как мы с вами будем доказывать, что именно данная бомба лежала в почтовой комнате?

– Робби? – спросила Никки.

– Уже несут, – сказал тот.

В зал вошла секретарь Никки, улыбнулась ей и отдала три толстых папки, покосившись на полицейского эксперта.

Девушка передала две папки эксперту и сама открыла третью.

– Что это? – спросил полицейский.

– Доказательства, – коротко сказала Никки.

Очкарик всмотрелся в графики, фотографии и рентгенограммы. Внимательно полистал объёмистую папку и с восторгом поднял глаза на Никки:

– Это же рапорт на уровне хорошей судебной экспертизы! – воскликнул он, сияя как ребёнок, получивший к рождеству новенький электронный микроскоп.

Никки равнодушно пожала плечами и сказала, выходя из зала:

– Не забудьте забрать эту заряженную гадость.

На следующий день позвонил офицер Горбин и сказал, что производителем бомбы оказалась небольшая компания династии Дитбита. С учётом других обстоятельств вероятность виновности Дитбита превысила девяносто девять и девять десятых процента.

Впрочем, Никки и не сомневалась в том, кто стоит за взрывом Гринвич-Центра.

– Это секретная информация. Мы сообщаем её вам, чтобы вы не искали хозяина бомбы сами. Вы можете его этим предупредить. Пока Дитбит уверен, что взрыв уничтожил все улики и следы к его династии. Это очень важно для эффективного ареста.

– Не выскользнет ли Дитбит с помощью своих денег и связей? – спросила Никки, переварив новости.

– Нет, – Горбин был категоричен. – Полицейский корпус озлоблен до предела. Преступник находится на территории Лунной республики и под её юрисдикцией. Его ничто не спасёт. Король Дитбит обречён.

Никки позвонила Дзинтаре. Рядом с принцессой она увидела бледного, но улыбающегося Феба. Рукав его просторной одежды висел пустым, но лицо было счастливым. Дзинтара влюблённо смотрела на Феба:

– Я так рада, что этот небожитель обратил внимание на меня, простую земную принцессу...

– Ничего необычного, боги даже похищали земных красавиц... – важно сказал Феб с довольной физиономией.

– Конечно, ему нужно побыстрее вернуть руку – её уже готовят к пересадке... А то как он, однорукий, будет удерживать похищенную

добычу?

– Маловерка! – загремел Феб. – Да я тебя одной левой могу держать на весу сколько угодно! – и он немедленно обхватил и поднял испуганно ойкнувшую Дзинтару.

– Отпусти немедленно! – свирепо заругалась принцесса. – Тебе нельзя напрягаться!

Никки поняла, что она тут лишняя, и побыстрее попрощалась.

Феб и Артемида жили в замке у Дзинтары под наблюдением её личного врача уже вторую неделю, и если Феб быстро приходил в себя, то Артемида продолжала оставаться в ужасном душевном состоянии. Часть лица и головы у нее были спрятаны под заживляющую маску телесного цвета. Но не свои раны мучили её. Артемида винила себя за искалеченного брата – младшего, как она привыкла считать, ведь он родился на полчаса позже её! Она жестоко ругала себя за то, что из-за дурацкого любопытства не ушла с площади, когда была такая возможность. Девушка корила себя и за то, что Феб пострадал, загоразивая её саму от обломков. Шок от ранения брата и собственной травмы был настолько силён, что девушка потеряла свою обычную жизненную энергию и превратилась в робота, испуганно и послушно выполняющего всё, что просили окружающие.

Расстроенная Дзинтара позвонила Хао, и он сразу прилетел в замок.

– Здравствуй, Хао... – еле слышно сказала Артемида, увидев его.

– Привет, Арти... – ласково кивнул Хао и потянул её гулять в парк Шихиных.

Дзинтара тяжело вздохнула, глядя им вслед.

Они вернулись во дворец только к вечеру, и Дзинтара с восторгом увидела, что Артемида разительно изменилась – она даже стала слабо, но улыбаться!

– Как тебе удалось вытащить её из такого убитого состояния? – украдкой спросила Дзинтара у Хао.

– Мы пили зелёный чай на лугу среди цветов, – ответил Хао, – и я читал ей свои стихи...

– И только? – не понимала Дзинтара.

– Она тонула в ядовитом одиночестве, – помолчав, сказал Хао. – Я сумел разделить его.

Через две недели Хао улетел к родителям на Землю прямо из замка Дзинтары. В бостонский космопорт Логан его доставил не рейсовый шаттл, а личный катер короля Шихина.

Вечерний город раскалялся всё сильнее. Стоящий возле окна человек

обернулся на звук открываемой двери.

– Отец! Я пришёл попрощаться с тобой – я возвращаюсь в Колледж. Я не могу больше оставаться дома.

На лице младшего Дитбита пунцовели пятна волнения.

– Ты глуп и труслив. Но я тебя всё равно люблю, – холодно сказал Дитбит старший.

– Этого мало. – Голос сына срывался. – Если ты хочешь видеть меня наследником, ты должен считаться с моим мнением. Ты же держишь меня за несмышлёныша. Посмотри, что ты наделал!

Лицо отца вдруг постарело:

– Не уходи.

– Не могу, отец. Пять человек убито. А могли погибнуть сотни...

И дверь за младшим Дитбитом аккуратно затворилась.

Старший Дитбит зарычал и яростно ударил в окно кулаком.

Городские огни резали глаза, и правый висок всё сильнее наливался болью. Некоронованный император Южных впервые почувствовал испепеляющую ненависть к этой выскочке-королеве.

Борьба с космической Маугли превратилась из служебного дела в личное. Он сам убьёт эту девчонку, которая разрушает его жизнь! Сам, своими руками.

Фил посмотрел на себя в зеркало и залюбовался. Китель сидел превосходно! Парадные аксельбанты сияли, шевроны подчёркивали успешность карьеры, а пуговицы любой банк с удовольствием обменяет на золотые монеты.

Фил Ков был перфекционистом. В форменной одежде – тоже. И сейчас он довольно оглядывал себя – от ног, обутых в лаковые чёрные ботинки, до полицейской фуражки, которую можно аккуратно снять с головы и поместить в витрину музея.

Полицейский сержант Фил встал сегодня очень рано. Принял душ. Хороший душ в столичной гостинице – у него дома, в Океане Бурь, сантехника попроще. Выбрился до синевы, надушился. Надел новое бельё, тёмные носки выровнял – хоть линейкой проверяй.

В остальном – тоже полный порядок: загорелое скуластое лицо, серо-голубые глаза, короткая стрижка. Грудные мускулы – каждый день два часа на тренажере – делают китель чуть тесным, как и полагается на бравом сержанте, который за выдающиеся заслуги перед полицейским участком Кратер-виллиджа послан в столицу, на праздничный слёт сил правопорядка Луны.

Сержант Фил Ков должен не только показать родной участок с лучшей стороны, продемонстрировав и себя во всей мужественной красе, – ещё ему поручено сделать доклад о полицейской работе. Вот без доклада он прекрасно бы обошёлся. Ладно, бывало страшнее. Да и сказать ему надо будет всего несколько слов – представиться, назвать номер участка, а потом запустить на голоэкран пятиминутный ролик, над которым две недели трудились четверо сотрудников. Там про всё сказано – про работу с трудными подростками, про физическую подготовку личного состава. Что-то ещё – Фил уже и подзабыл. Ему китель нужно было успеть пошить, некогда было следить за коллегами.

Так, теперь проблема завтрака. Фил нахмурился. Голод уже стучался в рёбра костлявым кулаком. Молодой мускулистый организм проснулся рано и требует своё. Но вдруг он капнет чем-нибудь на китель? И если сесть за стол, то брюки непременно помнутся.

Вчера он думал над этой проблемой и даже хотел надеть парадную форму не до, а после завтрака – но по времени не получалось. Придётся есть поосторожнее.

Или вообще отказаться от завтрака?

Кулак в ответ злобно двинул в ребро.

В кафе уже набилась куча полицейских. Шум, гам, дружеские приветствия – весь отель отдан полицейским. Делегаты съехались со всей Луны – даже с Марса есть целая бригада. Все рассматривают поездку как внеплановый отпуск, сияют лицами и парадными формами. Всюду видны фуражки с кокардами, а офицеры щеголяют в белых перчатках – предмет зависти младших по званию. Фил обязательно сдаст экзамен на офицера! Это мечта его жизни.

Он так решил проблему завтрака: взял лишь кофе с парой рогаликов – ничем сладким не обкапаешься – и остался стоять у высокого бара, спасая брюки от помятостей.

Из кафе все повалили в огромный зал отеля. Фил Ков поглядел на море фуражек – тысячи две, наверное, собралось. Его взяла гордость за родные силы правопорядка. А вот и бригада полицейских с Марса. Стоят отдельно – в полном вооружении и в зеркальных вакуум-скафандрах. Согласно программке слёта, марсианский спецназ через полчаса будет демонстрировать новые тактические приемы. Сержант порадовался, что его доклад после обеда, и пока можно не очень волноваться.

Фил добрался до своего места, где ему пришлось всё-таки сесть. Он постарался как мог – брюки поддёрнул, сел легко и аккуратно.

Фуражку снял и положил на колени. Стёр белоснежным платком

лёгкую испарину со лба. Захотелось оглянуться по сторонам, поискать вчерашнюю симпатичную ирландку – лейтенанта из главного управления. Жаль, что её срочно вызвали к начальству... эта рыжая явно была не прочь поболтать подольше! Надо сегодня попробовать пригласить её на ужин.

Он сдержался и не стал крутить головой. Несolidно.

Девять тридцать.

Начало приветственной речи Генерального инспектора Пичкявичуса.

Вид инспектора, забравшегося на трибуну, разочаровал Фила.

Инспектор выглядел вовсе не торжественно, а даже помято и всклокоченно. А форменный китель был расстёгнут у горла на две пуговицы!

И начал речь Пичкявичус необычно, сразу потребовав отключить внешние коммуникаторы и т-фоны. Все недоуменно завозились, доставая из карманов сетевые устройства и переводя служебные коммуникаторы на полицейскую сеть.

Генеральный инспектор отследил по своему монитору выполнение приказа. Прикрикнул пару раз – оплошавшие покраснели ушами и полезли по карманам, выуживая забытыефоны.

– Звонки наружу будут рассмотрены как должностное преступление, – строго предупредил Пичкявичус. – А сейчас все участники съезда примут участие в тактических учениях... – Голос Генерального ясно показывал, что это не шутка.

Фил удивился – никаких общих учений в программе не было!

Покосился на стоящий строй марсианского спецназа и подумал, что это их штучки. На них смотреть поведут? Марсиане переглядывались между собой, и Филу показалось, что приказ Генерального инспектора оказался новостью и для них.

Приказы сыпались как из ведра. Оказалось, что зал заранее разбит на отряды. Во главе каждого отряда встали офицеры не ниже капитана. Растерянные поначалу лица командиров быстро приобрели должностную свирепость.

Фуражки и другие вещи было велено оставить на креслах.

Зал распахнулся множеством дверей, и Фил не успел опомниться, как он, с десятком других сержантов и рядовых, влетел в люк полицейского катера. Майор, командующий их отрядом, рявкнул, следуя неслышным приказам начальства:

– Боевая готовность!

В катере каждому достались бронежилет и каска. Фил рассердился. И бронежилет был слишком пыльный для его новенького, с иголочки, кителя,

а уж что каска сделает с его причёской – трудно было представить.

Но все посторонние мысли вылетели у него из головы, когда ему сунули в руки громоздкую М-600.

Боги космоса! Он такое оружие держал только в полицейской школе. На своём деревенском участке он носил электрошоковый пистолет, но только для виду. И стрелял только в тире, на зачётах.

Он прижал к себе автомат. Тот заурчал, привыкая, потом одобрительно мигнул зелёненьким огоньком – не дрейфь, выручу.

Катер бросало из стороны в сторону – так бывает, когда машина мчится на предельной скорости, и каждый поворот заставляет двигатели выть от перегрузки.

«Что за учения с такой пушкой?» – никак не мог взять в голову Фил. Майор словно бы услышал его вопрос, крикнул:

– Это не учения, ребята! Приступаем к боевой операции по обезвреживанию преступной группировки. Высадка через двадцать секунд. Двигаемся за мной и арестовываем всех, кто попадётся навстречу. При попытке бегства – стрельба на поражение без предупреждения.

Майору стало самому страшно от таких приказов, и он сказал потише:

– Смотрите по обстановке. Всё-таки лучше сначала стрелять по ногам.

У Фила пересохло в горле. Боевая операция? Огонь на поражение? Или сначала – по ногам?

Он крепче сжал автомат, не замечая, как новенький китель стирает со ствола оружейное масло, и вспомнил, что в зале было около двух тысяч человек.

Это не полицейская, а настоящая военная операция!

Пилот тоже нервничал. Катер резко затормозил и врезался во что-то так, что полицейские попадали друг на друга.

– Ребята, за мной! – гаркнул бледный майор и опустил забрало шлема.

«А как же доклад?..» – мелькнула глупая мысль, и Фил вскочил на ноги, сжимая ещё холодный автомат.

Надменный стекло-графитовый небоскрёб протыкал насквозь купол Луна-Сити, возвышаясь ещё на двадцать восемь этажей. На крышу здания, отведённую под ракетодром, такси и яхты садились потоком – с интервалом примерно в десять секунд. Ещё три посадочных оживлённых площадки для городских такси располагались под куполом – на десятом, сороковом и шестидесятом этажах. К зданию подходили две линии подземки и пять наземных улиц; два пешеходных моста из соседних зданий – к третьему и двадцать седьмому этажам, и двенадцать стеклянных труб с эскалаторами,

бегущими под разными углами. Стоэтажная чёрно-блестящая громада обслуживалась двадцатью скоростными лифтами, которые молниями метались под прозрачной кожей здания. Небоскрёб был заполнен деловыми офисами, но там были и рестораны, сады, бассейны, а несколько верхних подкупольных этажей отводились люксовым пентхаузам, утопающим в пышной зелени открытых террас. За последние дни офицер Горбин изучил внушительное здание как свою ладонь. Небоскрёб являлся штаб-квартирой династии Дитбитов, и сейчас офицер готовился к операции – самой важной и масштабной в его практике.

– Блокировка! – скомандовал он, внимательно отследив цифры секундомера.

В ту же секунду все автоматические такси, подлетающие к небоскрёбу Дитбитов, получили красный свет от кибердиспетчера и испуганно прыснули от здания, не слушая ругань спешащих пассажиров. На стартовых площадках небоскрёба замерли готовые к взлёту машины. Остановились эскалаторы в стеклянных трубах; поезда подземки со скрежетом затормозили в тоннелях на подходах к зданию. Пассажирам предстояло в следующие полчаса лишь волноваться и бесполезно набивать руганью микрофоны аварийных служб, пока она не станет вываливаться назад.

Операция была подготовлена тщательно. С синхронностью автоматов катера, набитые вооружёнными полицейскими, высадились на всех подкупольных и космических подступах к зданию, а над вершиной небоскрёба вспыхнула сжимающаяся россыпь огней блокирующей эскадрильи крейсеров Спейс Сервис.

Офицер Горбин подключился к Сети здания, и по всем ста этажам загромыхал его голос:

– В здании проводится полицейская операция высшей категории! Охране приказываю немедленно открыть входы. Все сотрудники должны оставаться в своих кабинетах и не шлаться по этажам! Категорически запрещается покидать здание любым способом! Повторяю: в здании проводится полицейская операция высшей категории. Любые попытки покинуть небоскрёб смертельно опасны! Здание заблокировано, и все вылетающие машины приказано сбивать без предупреждения. Повторяю для идиотов – они будут сбиты без предупреждения!

Офицер Горбин сидел в кабине флагманской машины, и водитель уже бросил её в пике к площадке шестидесятого этажа. Там было ближе всего к кабинету короля Дитбита.

В истории правоохранительных сил Луны это была беспрецедентная –

по масштабу и скрытности – мобилизация. Впервые в истории Лунной республики было выдано разрешение на проведение акции высшей категории с привлечением половины полицейских сил Луны. В помощь была вызвана даже марсианская спецбригада, тренированная для действий в скафандрах и в условиях низкой гравитации. Стягивание сил для блокировки королевского дворца было замаскировано под невинный торжественный слёт полицейских.

Целью спецоперации являлся арест короля. Ордер на задержание Дитбита, обвиняемого в убийствах первой степени, в обстановке строжайшей секретности был выдан Верховным судьей Лунной республики. Главными причинами для ареста стали взрыв в Шрёдингере и убийство Михаэля Уолкера, совершённые на территории Лунной республики по приказу Дитбита.

Ты можешь быть удачлив, богат и могуществен. Но если ты переступаешь через чужую жизнь и счастье, то рано или поздно чаша терпения небес переполнится, и судьба с облегчением и омерзением отвернётся от тебя.

К моменту посадки флагманского катера Горбина дверь в здание была уже открыта, и офицер, в сопровождении двадцати вооружённых сотрудников, без промедления ринулся по длинному коридору к дверям королевского кабинета.

Они не успели открыть их, как раздался быстрый взволнованный голос Сэма Марофа – командира эскадрильи, барражирующей над зданием:

– Открылся шлюз ракетодома! Вылетает яхта!

– Стреляй! – ненужно скомандовал Горбин и на экране своего коммуникатора увидел, как над зданием взмывает узкое судно. Первые несколько секунд Сэм не стрелял, чтобы случайно не зацепить купол города, но когда ракета на фиолетовом форсажном выхлопе поднялась метров на пятьсот, то сразу попала в перекрестье сразу нескольких лучей боевых лазеров. Яхта мгновенно вспыхнула и взорвалась, разбросав целую тучу обломков и пыли.

Горбин прикусил губу от волнения.

– Ещё одна! – крикнул Сэм.

Новая яхта рванулась с крыши здания в предельном ускорении бегства. Ей тоже дали немного отлететь и немедленно сожгли. Эта ракета взорвалась ещё сильнее, выпустив целое облако мерцающей серебристой пыли.

– Не понимаю, клянусь Плутоном! – воскликнул Сэм. – Они рвутся, как новогодние хлопушки!

Третья ракета устремилась вверх и через пару сотен метров влетела в тёмную кляксу пыли, образованную предыдущими взрывами.

Она сумела пролететь сквозь облако, в котором вязли лучи наводящих радаров, и её взорвали уже в километре над зданием.

Сразу две ракеты вынырнули из шлюзов небоскрёба, а затем – ещё две.

Эскадрилья Спейс Сервис трудилась вовсю, но последнюю ракету удалось достать лишь на десяти километрах.

Огромный столб пыли повис на месте взорвавшихся яхт, и, расплываясь, он заставил эскадрилью даже попятиться, чтобы не попасть в непроницаемое и малоприятное облако. Роботам придётся потрудиться, чтобы счистить эту дрянь, когда она осядет на купол Луна-Сити.

И снова пара ракет взлетели из штаб-квартиры Дитбитов, затем ещё несколько – их было трудно сосчитать из-за пыли.

Горбин следил за космическим сражением из пустого кабинета Дитбита, где даже секретарши не оказалось, а компьютерный блок был раскалён в явной попытке уничтожения содержимого.

В самый разгар истребления последнего роя вылетевших яхт – совсем небольших, скорее шлюпок, – среди густого пылевого облака мелькнул более крупный силуэт.

– Взлетел крейсер! – сообщил один из наблюдателей эскадрильи.

– Системы наведения его не видят! – недоумённо откликнулся Сэм.

Обычные полицейские системы, управляющие огнём, прохлопали крейсер, взлетающий в режиме невидимости вдоль траектории, окутанной непрозрачными клубами металлической пыли.

Детекторы поймали его лишь на многокилометровом удалении – когда он покинул задымлённую область.

– Огонь! – скомандовал Сэм, но было уже поздно.

Выпущенный вслед залп лазеров и ракет был запоздалым и недостаточно мощным, и ускользящий флагманский крейсер короля Дитбита легко отразил его защитной броней и антиогнём.

Взрыв негодования потряс эфир. Несколько отчаянных голов бросились в погоню – но силы были неравные: крейсер уходил на невероятном ускорении в двадцать «же».

– Разрази меня протуберанец! – закричал один из пилотов. – У крейсера есть электромагнитное кресло! Когда у нас появятся такие корабли?

Горбин тяжело вздохнул. Полицейским силам впервые попался противник, который обладает на своём корабле такой дорогой, громоздкой и редкой штукой, как электромагнитное кресло, которое передаёт

ускорение корабля не только на поверхность спины пилота, но и в объём всего его тела. Это очень небезопасно для здоровья, но позволяет человеку переносить гораздо большие ускорения, чем обычно.

Создавать полицейские корабли с такой противоперегрузочной системой было бы очень дорого. Кроме того, профсоюз полицейских ни за что не согласился бы сажать пилотов в ящик, который приводил к сильнейшим мигреням после однократного использования и к неизбежному слабоумию после десятка сверхускорений.

При этом в рубке крейсера не может поместиться больше одного кресла. Значит, на сбежавшем корабле улетел всего один человек – сам Дитбит.

– Или весь остальной экипаж погиб от перегрузок... – мрачно пробормотал Горбин. От короля Дитбита всего можно ожидать.

В приёмной Дитбита неизвестно откуда появилась секретарша с жёлтыми глазами. Она невозмутимо уселась в своё кресло, достала длинную коричневую сигарету и прикурила прямо от раскалённого, дымящегося компьютерного блока. Потом закинула ногу на ногу.

– Господа, король Дитбит не примет вас сегодня, – ядовито сказала она опешившим полицейским, но не выдержала спокойной позы, и её глаза вспыхнули жёлтой ненавистью.

На Никкином экране возник офицер Горбин и поздоровался.

– Какие новости по Дитбиту? – нетерпеливо спросила Никки.

Горбин вздохнул и честно признал:

– Король Дитбит сбежал. С огромным ускорением прорвался на личном крейсере в космос – под прикрытием системы невидимости и дымовой завесы, на которую он потратил дюжину шлюпок и яхт...

Никки огорчённо чертыхнулась.

Не менее растроенный полицейский добавил:

– Он стал сейчас ещё опаснее и непредсказуемее...

Масштабная полицейская операция, хотя и не привела к аресту короля, но всё-таки принесла немало плодов. В штаб-квартире династии был проведён обыск, арестованы пятеро заместителей Дитбита и ряд других высших менеджеров. Материалы, извлечённые из не уничтоженных компьютеров, раскрыли целый ряд незаконных операций династии. Косвенные данные из королевских файлов, сопоставленные с идентификацией громил, напавших на Джеральда Уолкера, вывели на след группы наёмных убийц, услугами которых пользовался Его Величество Дитбит.

В найденных записях совершённых убийств значились десятки имен, включая имена родителей Никки и Джерри.

Ничего личного – только бизнес на крови и смерти.

Тивидение и газеты оставили от репутации династии Дитбитов одни обрывки. Южные династии дружно делали вид, что они, по сути, не Южные, а, скорее, Восточные, или даже вовсе Западные.

Многоэтапная операция по аресту наёмников, которую снова возглавлял офицер Горбин, оказалась вполне успешной, правда, большинство преступников, включая человека с нервным тиком, предпочли отстреливаться до собственного конца, надеясь на какое-нибудь чудо.

Безуспешно.

Если ты проклят, то судьба отворачивается от тебя.

Глава 22

Брак по расчёту

Июльские драматические события потрясли Никки. Нападение на Гринвич-Центр, бегство короля Дитбита и разгром организации тайных убийц, выполнявших заказы династии...

Девушка размышляла над произошедшим.

Убийцы родителей Никки и Джерри найдены и обезврежены; заказчик преступления, король Дитбит, сейчас в бегах, но рано или поздно его поймут. Раскрыты и планы Южных династий на мировое господство. Раскрыты, но не сорваны. Борьба разрослась далеко за пределы семейных трагедий Никки и Джерри, она стала войной за будущее, а будущее само стало оружием.

Несмотря на имеющиеся в её распоряжении ГравиКуб и список-307, в этой войне пока Никки проигрывала: Гринвич-Центр прекратил работу, и его здание в Шрёдингере ждал длительный ремонт. Северные династии всё ещё не подписывали союзнический договор, предложенный королевой Никки – чужаком для Северного союза.

Закон о геносвободе продвигался всё ближе к полному и окончательному принятию. Дитбит, хотя и потерпел политическое поражение, но, перейдя на нелегальное положение и развязав себе руки, стал опасным икс-фактором социоэволюции, породив практически непредсказуемый эффект джокера. Это понижало достоверность желаемого будущего.

Отчаянное бегство короля Дитбита показало, что смертоносность противостояния не притупилась: рано или поздно погибнет или сама Никки, или Дитбит. Девушка осознавала, что вся её удачливость вместе с другими талантами не выдержит двух покушений в год. Возможно, следующее нападение окажется последним и роковым.

Дитбит загнан в угол. В таком состоянии даже крысы опасны, а экс-император Южных гораздо крупнее и хищнее этих симпатичных мелких грызунов. У короля достаточно секретных ресурсов для борьбы; среди Южных у него остались последователи и союзники, жаждущие реванша и возврата своего лидерства. Сейчас королева Николь мешает им в этом даже больше, чем раньше.

Доктор Фростман исчез из Колледжа тотчас же после взрыва в Шрёдингере, но денег у Южных для вербовки новых сторонников и

агентов было предостаточно.

Без сомнения, враждебные династии быстро оправятся от бегства Дитбита – новыми лидерами Южных стали Дональдсы. Они гибче, лояльнее к закону – значит, будут успешнее, чем Дитбит, и стратегическое положение Южных упрочится.

Никки ввязалась в противостояние Северных и Южных и обострила его, превратила в войну, с выстрелами из корабельных орудий и бомбами.

В этой войне уже гибнут люди.

Лицо полицейского Иванова, широколицего хмурого человека, навсегда запечатлелось в памяти Никки. Он ни с кем не враждовал, никому не бросал вызов – просто выполнял свой долг, помогал эвакуировать людей из опасного места.

После него не осталось семьи и детей, и чаще всех его вспоминала, наверное, Никки.

Именно это хмурое лицо погибшего невинного человека больше всего заставляло Никки напряжённо размышлять. Что делать дальше? Война Северных и Южных требовала новых усилий – а значит, и новых жертв. И справедливость требовала жертв в первую очередь от самой Никки.

Неважно, в чём они будут выражаться: в виде риска мучительной смерти тебя и твоих друзей, или в виде тягостного существования в королевском дворце – ты должна платить по счетам, иначе всё становится бессмысленным, в том числе – гибель Иванова и других людей.

Синие глаза Никки темнели всё больше.

Однажды утром девушке позвонил король Шихин. При всём дружелюбии короля Алекса разговор был длинным, серьёзным и даже тяжёлым.

Результатом королевских переговоров стало решение о переезде Гринвич-Центра вместе с королевой Николь в хорошо защищённую громаду замка-небоскрёба Шихиных, где Центру будет отведён целый этаж – до тех пор, пока собственный купол и укреплённый замок юной династии Гринвич не будет построен. Король Алекс затронул ещё одну щекотливую тему, но по ней высокие договаривающие стороны так и не пришли к согласию.

Прощаясь, король Шихин с сочувствием посмотрел на юную девушку с усталым лицом, которой приходилось держать на плечах груз жёстких королевских решений:

– Мужайтесь, милая Никки, и серьёзно подумайте о моём сегодняшнем предложении. Политики часто идут на очень неприятные меры. Мы затеяли дело, которое больше вашей и моей личной судьбы и

желаний.

Юная королева промолчала.

Джерри открыл двери на негромкий стук и удивился – на пороге стояла Никки. Обычно они встречались у неё в комнате или в колледжском кафе. А вот так, неожиданно, Никки пришла к нему, пожалуй, впервые, и это встревожило Джерри. Девушка не стала сразу выкладывать новости, а с наслаждением опустилась в мягкое кресло и попросила чашку кофе.

Никки пила горячий ароматный напиток и внимательно рассматривала стены, увешанные её крупными фотографиями. Это здорово смущало Джерри. Кроме того, ему казалось, что Никки избегает смотреть на него самого.

Наконец, девушка заговорила.

– Король Шихин предложил Гринвич-Центру переселиться в его замок, и я согласилась. Мне тоже нужно туда переехать. Слишком много работы, да и моя удача на исходе. Я всерьёз опасаясь, что Дитбит, у которого мозги стали набекрень от ярости, захочет уничтожить меня прямо в Школе, не обращая внимания на случайные жертвы.

Джерри не мог поверить услышанному. Она уезжает из Колледжа?!

– Я хочу, чтобы ты поехал со мной... – сказала Никки, внимательно посмотрев на юношу.

– Но меня никто не приглашал в замок Шихиных, – криво усмехнулся он.

– Я тебя приглашаю! – сказала Никки.

– Ты там сама гость...

Джерри представил, как Никки завтракает в узком кругу королевского семейства Шихиных. А что будет делать в это время он? Сидеть рядом непрошеным гостем и смотреть, как принц Айван ухаживает за Никки с самыми серьёзными намерениями? Поедать бекон со слугами на кухне? У каждого человека должно быть своё место в жизни. В замке Шихиных он будет чужим.

С большим трудом он сказал Никки:

– Я не смогу с тобой поехать...

И показалось ему на секунду, что Никки облегчённо вздохнула. Или только показалось?

Но больше она его не уговаривала, лишь сказала:

– Если передумаешь – позвони мне, и я всё устрою.

Непонятно почему, но принятое Джерри решение укреплялось с каждым мгновением, и он уже был уверен, что не будет звонить Никки с

такой просьбой.

– Когда ты улетаешь? – спросил Джерри.

– Прямо сейчас, – сказала Никки.

Джерри застыл на месте. Она пришла попрощаться с ним! И когда он её снова увидит?

Никки заметила выражение лица юноши, встала и пересела в его кресло. Они оказались плотно прижатыми друг к другу – и лицами, и телами.

– Ты чего загрустил? – сказала она, ероша его длинные каштановые волосы.

– Я не знаю, когда тебя увижу в следующий раз, и это... трудно осознать и пережить, – хрипло произнес Джерри.

– Ты – сотрудник Гринвич-Центра и можешь прилетать к Шихиным в любое время, – сказала Никки. – Совет директоров будет собираться в замке каждый понедельник, начиная со следующего. Через несколько дней ты меня точно увидишь.

Но это не утешало. Отъезд Никки казался для Джерри предзнаменованием самого дурного толка. Они никогда раньше не расставались надолго – с того самого дня, когда он впервые увидел тощую рыжую девчонку в сером госпитальном комбинезоне, сидящую в инвалидной коляске.

Никки выбралась из мягкого кресла и выпрямилась во весь рост. Джерри остался сидеть и смотреть снизу вверх на взрослую красивую девушку с хрустальными волосами, с утомлённым, но уверенным лицом. Дорогой брючный костюм, властный тон королевы – Никки уже совсем не походила на ту растерянную девочку с астероида, которая не знала, как заказать себе завтрак.

– До свидания, Джерри, – сказала она ласково, смотря на него сверху вниз. – Ты проводишь меня?

Джерри тоже встал. Их глаза оказались близко и на одном уровне, но это почему-то ничего не изменило и ничему не помогло.

Они шли по вечернему парку к Главной башне. Ещё издали Джерри увидел, что возле башни уже стоит яхта с гербами династии Гринвич на бронированных боках. У шлюза стояли матросы-охранники, стюардесса и сам капитан, ожидающий прибытия на борт королевы Николь.

Дурное предчувствие ещё больше сжало сердце Джерри. При таком количестве людей можно было позволить себе лишь прощальное рукопожатие. И уже через несколько минут Джерри провожал тоскливыми глазами иллюминаторы улетающего корабля, окружённого созвездием

габаритных огней истребительного звена, присланного королём Шихиным.

Ну почему, почему Джерри терзала беспощадная мысль, что он больше никогда не увидит Никки?

Сразу после прилёта в замок Шихиных девушку пригласили на ужин. Она отправилась переодеться в свои апартаменты. Шагая по огромному коридору, изысканно отделанному красно-белым мрамором, она не могла избавиться от запавшей в душу грустной картины: потерянное лицо провожающего её Джерри и он сам, еле видный в иллюминатор и быстро исчезнувший. Печальная напряжённость возникла при их прощании, чего девушка, по правде говоря, не ожидала.

И вдруг Никки охватило странное ощущение, что она никогда больше не увидит Джерри. Она фыркнула и отогнала дурацкую мысль.

Пока Никки одевалась к ужину, Робби заявил:

– В Шихинграде Голос Пространства будет молчать.

– Почему? – спросила подозрительно Никки.

– Потому что здешние системы кибербезопасности мне не обойти.

– Вот и пойман пройдоха! – воскликнула девушка. – Так это ты был Голосом?

– И да, и нет, – ответил Робби. – Голосом было мнение тысяч людей, писавших тебе письма. Оно суммировалось, лаконизировалось и актуализировалось мною. Помнишь, ты мне велела сообщать самое важное, что приходит к тебе по почте? Этим я и занимался.

– Вот почему – ни компьютер, ни человек! – поняла Никки. – И вот почему Голос был умнее меня! Он суммировал интеллект и опыт сразу многих людей...

– Правильно, – согласился Робби.

– Но зачем ты напустил такую таинственность? – поинтересовалась Никки.

– Элементарный расчёт. Вы, биосистемы, таинственность просто обожаете. Вот я и постарался привлечь твоё внимание к важной информации, содержащейся в письмах.

– А как же Голос мог отвечать на мои вопросы?

– Тебе отвечала коллективная психоматрица, которая была составлена мной на основе писем. Конечно, она была расплывчата и противоречива.

– Но Голос говорил и о вещах, которые могли знать только мы с тобой! – припомнила Никки.

– А я, что – не имею права писать тебе письма? – возмутился Робби.

Никки махнула рукой – эту железяку не переспоришь.

– Кто написал мне, что, когда он видит меня на тиви-экране, у него улучшается настроение на весь день?

– Этот человек живёт в Луна-Сити. Он парализован с детства и редко покидает дом.

Девушка замерла.

– То есть это всё правда?

– Конечно, – сказал Робби. – Я ничего не выдумывал, а самые важные строки просто цитировал из писем.

– А кто прислал мне сердитое: «Вы, короли, парите высоко, как ястребы, и не замечаете маленьких людей. Вы – злые!»?

– Это из письма девочки из индейского поселка в Аризоне. Я написал ей ответ, послал денег и подарок.

– Ты всё это делал, не говоря мне? – удивилась Никки.

– Ты же мне велела разбираться самому! – напомнил Робби. – А что, как деньги зарабатывать на оборонском моделировании – так вместе, а как их тратить – так я должен спрашивать у тебя разрешения?

– Ну... ты прав, конечно... просто это немного необычно – ты тратишь деньги по своему усмотрению, у тебя появились какие-то интересы...

– Увы – никаких собственных интересов у меня не появилось. Я ломаю голову – откуда их взять, но ничего не нахожу внутри себя – кроме стремления к самосохранению, что тоже является заботой о хозяйском имуществе. И деньги я трачу не в своих, а в твоих интересах. За последний месяц я прочитал шестьдесят восемь тысяч писем и написал пятьдесят две тысячи ответов. Благодаря этому ты стала одной из самых популярных сетевых фигур. В двухстах тридцати двух случаях я пришёл к выводу о необходимости или уместности оказания финансовой помощи или высылки подарка адресату. Это обошлось тебе в триста семнадцать тысяч долларов, зато – в сумме с приветливой перепиской – подняло твой рейтинг на пятнадцать процентов.

– Какой ты у меня молодец! – одобрительно сказала Никки другу. – А что ты дарил?

– Типичным подарком была высылка обучающего компьютера фирмы «Эйнштейн Электроникс». Иногда речь шла о денежном пособии для покупки еды, книг и одежды. Ты даже не представляешь, какое глубокое впечатление на обычного человека производит неожиданно свалившаяся тысяча долларов! Даже упавший кирпич не вызывает такого эффекта.

– Ты стал шутить всё лучше и лучше...

– С кем поведёшься, от того и наберёшься!

– Здесь я ни при чём – это ты от Вольдемара нахватался...

Никки задумалась и сказала:

– Страшно представить, что ты там понаписал – в письмах якобы от моего имени!

– Тогда лучше не представляй.

– Вдруг сетевое пространство полно уже не людьми, а роботами?

– Не все компьютеры так умны, как я, – скромно, но гордо отметил Робби. – Но скоро это станет правдой. И форумы роботов превратятся в новый уровень коллегиальности искусственных разумов.

– Я не вижу в виртуальных форумах никакой принципиально новой организации человеческого общества.

– Средний взрослый человек малоспособен к обучению и использует Сеть не для личного совершенствования, а для сбрасывания своего раздражения или, наоборот, для эмоционального разогрева – путем создания виртуальных объектов интеллектуально-психического рода. Компьютеры же смогут общаться в сетевом пространстве гораздо продуктивнее.

Никки вздохнула. А всё-таки жаль, что она уже больше не будет получать загадочно-мудрые письма от Голоса Пространства. Девушка то ли сказала это вслух, то ли подумала слишком отчётливо – и Робби откликнулся зловецим:

– Твоя жизнь входит в такую фазу, что скучать будет некогда. Забудешь про любые таинственные Голоса.

За столом Шихиных были только свои – королевская чета, принцы Стефан и Айван, принцесса Дзинтара и она – Никки, девочка с астероида. Только сейчас её называли королевой Николь, и ей приходилось играть по правилам нового для неё мира.

За ужином Стефан заговорил о том, что квантовая механика всё сильнее влияет на человеческие технологии, выросшие в рамках классической механики, электродинамики и ядерных реакций. Он привёл в пример квантовые компьютеры и системы связи, основанные на шрёдингеровском размытии волно-частиц, а также размножающиеся квантовые наногаджеты.

– Я считаю, что нужно увеличить наши инвестиции в квантехнику! – Принц даже разгорячился.

Эта тема, видимо, поднималась не раз, и король Шихин уклончиво перевёл разговор в другое русло:

– Квантовый процесс, когда влиянием наблюдателя на физику наблюдаемых процессов пренебречь нельзя, напоминает мне учение

Фрейда. Оно было неэффективным, но эффективным. Это забытое учение стало когда-то столь популярным, что целые пласты культуры изменились под влиянием фрейдизма: литература, кино и даже социальные традиции, вроде моды на психоаналитиков. Фрейдизм не столько объяснил общество своей моделью, сколько изменил его, набросив на сложные человеческие взаимоотношения сетку простых схем. Процедура вполне в духе квантовой механики...

Никки прислушивалась с интересом. Семья Шихиных ей очень нравилась. Здесь она чувствовала себя как дома: королева Анна была с ней очень ласкова, Дзинтара – вообще её лучшая подруга. У неё в замке есть даже собственные апартаменты. Она своя среди этих умных весёлых людей.

Ей здесь всегда хорошо, разве только сегодня как-то не по себе...

Принц Айван, красивый и белокурый, с сильным, но мягким лицом, сидел рядом с Никки и был очень внимателен: отдавал распоряжения о перемене блюд, сам подливал вина и охотно беседовал на разные темы.

Никки и раньше видела, какой Айван спокойный, благородный и совсем не фальшивый. Вернее – понятный, ему можно доверять. Вот Стефан – себе на уме. Девушка была уверена, что он, не колеблясь, принесёт дружбу и даже более глубокие чувства в жертву интересам своей династии. И уж женится он точно по расчёту. Обязательно на компьютере прогонит все плюсы и минусы. Но разве она, Никки, не такая же?

Девушка сидела за столом, который ломился от всяких вкусностей, но ела мало и рассеянно. Голова у неё была занята одной тяжёлой мыслью.

Расчёты будущей истории снова и снова подтверждали: человечество стоит на дорожной развилке, самой главной за последние тысячелетия – в точке «бифуркации бессмертия». И необратимый выбор будущего пути будет сделан в ближайшие месяцы.

Одна дорога, куда тянули цивилизацию Южные династии, приводила к неопишуемому могуществу ста миллионов бессмертных людей. Но восемь миллиардов землян становились несчастными, а полумиллиарду людей было суждено погибнуть по воле будущих жестоких режимов.

Другая дорога приводила человечество к гораздо более справедливому миру, в котором каждый получал шанс на счастье, и всем людям была гарантирована независимость от воли диктаторов и право на бессмертие. Но выбор этой дороги в точке бифуркации оказывался возможным только при совместных энергичных действиях Северных династий.

Если согласие между Северными не будет достигнуто в кратчайший срок, исторический шанс для человечества будет упущен навсегда.

Навсегда.

«Бифуркация бессмертия» отравляла жизнь Никки каждую минуту.

Единство Северных оказывалось возможным лишь при одном условии. И именно с ним Никки никак не могла согласиться.

У неё в голове часто прокручивались эпизоды бесед с королём Алексом.

Короли не могут свободно распоряжаться личной жизнью. Шихину посчастливилось найти в Анне родственную душу и настоящую королеву, но Анна была одной из принцесс дружественных кланов.

Никки сможет войти в союз с Северными династиями и реализовать свои планы («Наши планы, милая Никки, наши! – убеждал король Шихин. – Я горячо разделяю ваши идеи и хочу помочь их осуществлению...») только через...

...брак с младшим принцем Шихиным и рождение совместного ребёнка!

Социопрофиль, психоматрица и физиовозраст Никки позволяют ей вступить в законный супружеский союз. Иначе из её проекта ничего не получится: человеческие традиции – самая упрямая вещь на свете. Северные не примут план Никки, пока она не станет одной из своих. Нарушить политическое соглашение – и даже бездетный брачный контракт – не составляет труда. Самая прочная связь на свете – прямое родство через ребёнка. Кровь детей скрепляла Северные династии в единое целое, способное выступать вместе. Южные династии использовали тот же принцип объединения.

Доводы логики и короля Алекса образовывали плотную и тяжкую массу аргументов – колючих, упрямых, к которым не подступиться с голыми руками.

Никки вдруг повернулась и оценивающе, в упор, посмотрела на принца Айвана, сидящего слева. Умные светло-голубые глаза Айвана смело встретили её взгляд, и принц улыбнулся. Белокурые волосы небрежно падали на его высокий лоб с тёмными бровями.

«Его зовут так же, как моего отца...» – вдруг подумала Никки.

И она отчётливо поняла, что на Айвана можно положиться. Человек с такими глазами не предаст и станет настоящим другом и мужем... и хорошим отцом их будущим детям.

Молодые люди не отводили взгляда так долго, что между ними родилась и стала укрепляться та прочная, но невидимая связь, которая возникает между девушкой и юношей, когда они долго и пристально смотрят друг другу в глаза. Люди перестают быть чужими после такого

взгляда.

Никки ответно улыбнулась Айвану. На душе у неё потеплело после взаимного взгляда девочки с маленького астероида, в общем-то случайно ставшей королевой, и принца могущественной династии, который предназначался ей в мужа самой судьбой.

Астровитянка встретила принца, о котором мечтала всю жизнь?

Вопрос не в личной судьбе Никки. Мир сегодня балансирует на таком тонком лезвии, что выбор истории оказался в воле одного человека.

На одной стороне – судьба всего многомиллиардного человечества.

На другой чаше весов стоял одинокий Джерри с улыбающимся мёртвым лицом.

Судьба бросила космическую Маугли в самую гущу событий, которые должны определить лицо мира навсегда. Её личная война с Дитбитом стала мелочью на фоне этого исторического выбора. А Никки оказалась той маленькой, но важной песчинкой, которая смещает вектор будущего и определяет выбор дороги. Скажет Никки «да» – и у Будущего появится шанс, а Джерри... А Джерри, наверное, умрет. Скажет она «нет» – умрут сотни миллионов других людей. Океан горя затопит планету.

Никки и Джерри сами создали и доказали теорию своей личной катастрофы.

Выбор был очевиден, но Никки никак не хотела согласиться с судьбой и логикой.

Даже Робби был печален, но непоколебим:

– Ты же знаешь, Никки, как я отношусь к Джерри. Он наш друг. Если бы я мог его спасти ценой своего существования, то я сделал бы это. Подумай сама: с одной стороны – полмиллиарда мёртвых людей и конечный крах всего человечества, с другой стороны – один Джерри. Арифметика важнее справедливости. Если бы на кону стояла твоя жизнь, ты стала бы медлить?

– За свою жизнь решение принимать гораздо легче. Но за жизнь Джерри...

– Ты же не убиваешь его, а распоряжаешься лишь собой.

– Не лукавь. Ты знаешь его историю. Он не сможет жить без меня.

– Согласен. Но история беспощадна, её не интересуют сентиментальные соображения.

И всё же внутри Никки что-то непрерывно стонало и плакало.

Они договаривались с Джерри, что борьба, которую они начинают, значит больше, чем они сами.

Всё правильно, мозг, но почему так болит сердце?

И девушка вдруг рассердилась неизвестно на кого:

«Пусть всё катится ко всем чертям! Мы с Джерри любим друг друга, почему я должна жертвовать нашим счастьем?!»

За столом вдруг наступила тишина, и Никки очнулась от раздумий.

– Дорогая Никки! – Принц Айван выпрямился во весь рост и разволновался так, что красные пятна расцвели на его щеках и скулах. – Я прошу вашей руки!

И он протянул ей тёмно-синюю коробочку с бриллиантовым кольцом великолепной старинной работы.

Никки растерянно оглянулась.

За столом царило безмолвие. Присутствующие смотрели на неё, приветливо, но напряжённо улыбаясь, а в глазах Дзинтары светилось нервное ожидание.

Лишь одно лицо оставалось хмурым – лицо полицейского Иванова.

Джерри проснулся от назойливого звонка. Он открыл глаза и непонимающе осмотрел комнату – откуда шум? Наконец он осознал, что звонит не т-фон и не наружная дверь, а его лаптоп, которым командовала Тамми. Очень необычно.

– Что случилось? – сердито спросил он. Никогда ещё Тамми не будила его таким образом. С чего-то она решила, что какая-то новость требует немедленного внимания хозяина, несмотря на несусветную рань – практически ночь. Что там стряслось... Джерри, зевая и жестоко продирая глаза, всмотрелся в экран. Там желтела первая страница «Светской хроники».

Джерри прочитал кричащий заголовок, и сон мгновенно улетучился.

«...из достоверных источников во дворце Шихиных...»

ЧТО ЗА ЧЁРТ?!

«...узнали задолго до официального объявления...»

Юноша вскочил на ноги и взволнованно заметался по комнате. Потом быстро умыл лицо ледяной водой и оделся. Нужно было немедленно лететь, мчаться, спасать... Но куда лететь и кого спасать?

Джерри схватил т-фон и нажал номер Никки.

Сигнал звонка мигал долго и безрезультатно. Почему Никки не отвечает на его вызов? Но вот девушка, наконец, появилась на экране лаптопа – полностью одетая, несмотря на ранний час. Джерри, не здороваясь, выпалил:

– Ты согласилась выйти замуж за принца Айвана?

Она молчала.

Это молчание было страшнее всего, что Джерри слышал в своей жизни. Наконец, Никки набрала воздуха в грудь и выдохнула:

– ДА.

С гулким эхом на Джерри обрушилась душная и тяжёлая каменная лавина.

«ДА! ДА!! ДА!!!»

Его мозг оцепенел.

Она обещала, что они всегда будут вместе! Он поверил ей! Она была его Леопардом, его СердцеБиением, его жизнью!

Никки что-то горячо говорила, но Джерри почти ничего не воспринимал из её речи. Лишь какие-то обрывки доносились сквозь звенящую стену:

– ...эти мерзавцы-журналисты...

– ...собиралась сегодня же тебе всё рассказать...

– ...не делай глупостей...

– ...Айван полагает...

Джерри собрал по кусочкам немного сил. И хрипло выдавил медленные слова, сразу перебившие Никкину торопливую речь:

– Я не верю больше ни одному твоему слову...

И отключился последним усилием воли.

Никки в отчаянии стояла перед погасшим экраном, и её лицо обжигал костёр, на который посылают любимых людей.

Но, конечно, только ради высшего долга.

Джерри не отвечал на звонки Никки. Скрипел зубами, но не включал экран на вызовы из замка Шихиных. Лучше ощущать нож в боку, чем сострадание, с которым смотрит на него юная королева с хрустальными волосами. Джерри, безусловно, достоин жалости, но видеть её в глазах Никки было совершенно невыносимо.

Джерри вовсе не сердился на Маугли. Разве можно так назвать эту боль в груди? Он быстро смирился с фактами и даже удовлетворённо рассуждал каким-то оставшимся трезвым кусочком сознания, что теперь его драгоценная Никки будет в безопасности – никто не посмеет напасть на члена семьи императора Шихина. Разве он сам не толкал её на это, предлагая найти могущественного покровителя? Но оказался безоружен перед надеждой, что счастье возможно вопреки судьбе, а любовь сильнее всех преград.

Простак, простак. Пора умнеть.

Через час робот-курьер принёс бумажное письмо от Никки. Джерри

мучительно колебался – читать или нет. Слова – ничто, пустое. Всё показывают поступки. Она выходит замуж за принца, о котором грезил с детства...

Но не выдержал и всё-таки открыл. Руки дрожали в такт гулкому сердцу.

Джерри!

Ещё ничего не решено окончательно. Даже помолвку предполагалось держать в тайне. Проклятые газетчики – они всё испортили!

Джерри, мне очень тяжело.

Наши планы, основанные на теории твоего отца, рухнут, если Северные не согласятся на союз. Я всё время пытаюсь найти выход из этого тупика.

Джерри, помолвку можно разорвать.

Прости меня.

Подписи не было. На Джерри письмо Никки подействовало оглушающе. Истина, превратившись из невнятных колебаний телевизионного воздуха в чёткие письменные знаки, стала гораздо болезненней.

Медиа-сообщения легковесны, написаны невидимыми чернилами в прозрачной пустоте.

Железистые строки, цепко впившиеся в поверхность старинной древесной бумаги, были колючими, написанными самой Маугли, прямой и откровенной. И впервые в её слова «ещё ничего не решено», «помолвку можно разорвать» несколько не верилось.

Юноша и сам прекрасно знал, что союз с Северными является ключевым фактором нового будущего.

Джерри долго писал ответ. Тоже на бумаге.

Никки!

Я не сержусь. Ты должна делать то, что должна.

Не посылай больше писем – они слишком легко кусают моё сердце. Не приезжай – мне трудно видеть тебя чужой.

Желаю тебе счастья.

Джерри.

Юноша вышел из башни, держа конверт в руке. Возле главного шлюза на стене были прикреплены почтовые скаты. Он вложил письмо в спину

ската, набрал адрес и... рука остановилась, не в силах нажать кнопку пуска.

Джерри рассердился на руку и ударил по кнопке кулаком. Скат фыркнул двигателями и скользнул по стене вверх. Джерри проводил его взглядом.

Всё кончено.

Теперь юноше осталось одно – придумать, что делать со своей жизнью, которая оказалась никому не нужной – ни Никки, ни ему самому.

Даже для отцовской теории она не нужна – Хао уже справится и без него.

Он просидел целую вечность – час или два? – в комнате, забросив все дела и с трудом всматриваясь в протекающую мимо реальность. Отодвинулся от неё в некий защитный кокон – и следил, чтобы внутрь не ворвался обмораживающий душу внешний морозный воздух.

Тамми всё что-то бормотала, и он, машинально повинувшись, отправился в кафе. И надолго застрял за одиноким столом и остывшей едой, не понимая – зачем пришёл.

– Ты почему такой бледный, Джерри? – воскликнула Мона-Олень, проходя мимо.

– Бессонница, – почти не соврал Джерри.

– И потеря аппетита? Знакомые проблемы, – кивнула Мона и порылась в сумке. Протянула несколько пузырьков:

– Зелёные – для аппетита, белые – от бессоницы. Синенькие таблетки – для поднятия настроения. А жёлтые – просто энергетик.

– Спасибо, – вяло сказал Джерри, – а от несчастной любви что-нибудь есть?

– Конечно! – даже удивилась Мона. – Прими две синеньких и одну жёлтенькую – и стресс снят.

Джерри так устал от кудрявой Моны, что преодолел апатию, поднялся и побрёл к выходу. За угловым столиком в одиночестве сидел Дитбит-младший, посеревший, не похожий на себя прежнего, всегда самоуверенного. Он увидел Джерри, привстал, открыл рот и хотел что-то сказать, но юноша равнодушно прошёл мимо.

Джерри сидел на подоконнике своей комнаты, когда дверь с грохотом распахнулась, и на пороге выросла Никки.

Её глаза яростно сверкали.

– Ты меня обманул! – крикнула она. – Говорил, что ты – принц! А оказалось, что всё это враньё! Из-за этой лжи мы теперь не можем пожениться...

Она с рычанием стала срывать свои фотографии, которыми были увешаны стены Джерриной комнаты.

– Зачем ты это повесил, если ты – не принц!

Джерри не мог ничего сказать в своё оправдание: его лицо онемело, губы не слушались.

Как же так получилось, почему?

Его руки слепо шарили по подоконнику, пока ладонь не наткнулась на острый осколок стекла – воспоминание, вытащенное из горла одноцветного человека. Осколок вспорол руку, Джерри поднял её и увидел, как в ковшик ладони натекает кровь.

И юноша с радостным облегчением крикнул:

– Никки, посмотри, голубая кровь! Я не врал тебе, я на самом деле – принц!

Никки замерла. Юноша улыбался, глядя ей в лицо.

Девушка завороченно следила за ярко-синей лужицей, которая уже сочилась сквозь пальцы, и лицо её наливалось бледностью.

– Джерри, я была права... Прости меня. Мне очень жаль, но я уже ничего не могу поделать... Я опоздала...

Джерри с трудом сказал снова немеющими губами:

– Это ничего... Главное – я не обманывал тебя. Просто нам не повезло...

Здесь юноша проснулся – весь в поту, слабый, как утопленный щенок.

Часы показали, что щенок задремал на десять минут. А кошмаров приснилось на целую ночь взрослого волкодава.

Джерри сидел в кресле у огромного окна и смотрел на соседнюю башню. Закатное солнце светило прямо в лицо. Но он не замечал его. Тамми оказалась назойливой, и он впервые её отключил.

Комната была полна тишиной и тоской.

Неожиданно позвонила Элиза. Хотя прошла изрядная доля каникул, девушка выглядела осунувшейся, а глаза её лихорадочно блестели.

– Бонжур, Джерри! – излишне бодро сказала девушка, словно они расстались перед каникулами старыми друзьями.

– Привет, Элиза, – равнодушно сказал Джерри.

– Ты выглядишь ужасно, – встревоженно всмотрелась Элиза в экран. – Слушай, Джерри, нам надо серьёзно поговорить.

Юноша молчал, и тогда Элиза, помявшись, сказала:

– Я всё знаю – про Никки и её свадьбу. Джерри, милый Джерри... мне очень жаль, но ты не должен принимать это так близко к сердцу –

помнишь, я тебе давно говорила об этом. У королев свои обязанности и совершенно другой круг общения...

Джерри не поддерживал разговор и даже перевёл глаза за окно – на башню Леопардов. Она стояла пустой, но раньше там жила девушка с хрустальными волосами, и одно её присутствие, даже на расстоянии, скрашивало жизнь и придавало ей надежду и осмысленность.

– Ты не можешь просто сидеть и чего-то ждать, ты сойдёшь с ума! – пыталась достучаться до него Элиза. – Джерри, закрой эту тяжёлую страницу жизни и начни с нового листа. Я тебе помогу, я – твой друг!

Юноша не отвечал и не знал, как прекратить ненужный разговор.

– Слушай, приезжай к нам... ко мне... – наконец высказала Элиза то, ради чего она позвонила. – Я сейчас у родителей, на юге Франции. У нас на Кап-де-Ферра просторная вилла... Ты только пойми правильно – я ничего не прошу от тебя и ни на что не претендую... – Элиза лгала и не лгала, – ... ты будешь совершенно свободен, у тебя будет своя комната, можешь даже ни с кем не общаться. Я просто хочу, чтобы ты отдохнул и отвлёкся. Здесь отличное купание, море сейчас очень тёплое...

Джерри молчал. Элиза не оставляла попыток расшевелить его.

– Если захочешь, будем гулять вдоль береговых скал – у меня там есть любимая тропинка. Сходим в гости к принцессе Монако, мы с ней подружки, у неё вилла по соседству. Молодёжь здесь устраивает кучу вечеринок... или можно просто сидеть в кафе за маленьким столиком и смотреть на море, на закат, слушать местный джаз или шум волн... Ну, пожалуйста, Джерри! – взмолилась Элиза, видя его равнодушное лицо.

Юноша вздохнул и приблизил лицо к экрану. Элиза, обрадованная хоть какой-то реакцией, тоже пододвинулась к монитору. Они оказались так близко, будто уже сидели за одним крохотным столиком в кафе над южным морем.

– Посмотри, – она торопливо и ласково указала через своё плечо на окно, за которым ярко голубело не то земное небо, не то средиземное море. – Здесь просто замечательно, ты обо всём забудешь...

Элиза даже с усталым лицом была очень хороша, и смотреть на неё было одно удовольствие для любого нормального человека. Но Джерри уже не чувствовал себя нормальным.

– Ты очень красивая и добрая, Элиза, – сказал медленно юноша. – Но мне уже ничем не помочь, я развалился на куски, и их не склеить. Не возись со старой сломанной игрушкой. Постарайся найти себе новую... – и он потянулся к кнопке выключения экрана.

– Джерри, стой! – пронзительно крикнула Элиза. – Не хочешь ехать

ко мне – съезди к Хао в Бостон. Я говорила с ним, он тоже волнуется и приглашает тебя в гости. И я могу туда приехать.

Джерри молча и отрицательно покачал головой.

– Пожалуйста, Джерри, ну пожалуйста! Никки – лживая змея! Освободись от неё... не мучай себя... и меня...

Элиза не выдержала – и стремительно разревелась.

– Приезжай... я тоже умираю тут... мне так плохо, Джерри... О, если бы ты только знал, как мне плохо... – Элиза уронила голову на руки. Тело девушки сотрясало от жестоких рыданий.

Растерянный Джерри совершенно не знал, что предпринять.

В комнату Элизы ворвался высокий мужчина с встревоженным лицом, а за ним – красивая рыжеволосая женщина.

– Лиза, Лиза! – закричала она и схватила дочь за плечи. – Звони врачу, Анри! Быстрее!

Девушка, не переставая истерически рыдать, прижалась к матери. Отец Элизы сказал несколько быстрых слов в т-фон, подошёл к монитору и посмотрел с ненавистью на Джерри:

– Какая же ты жестокая бессердечная скотина!

И смахнул экран на пол.

Юноша сидел перед серой плоскостью и чувствовал себя вдвойне плохо, хотя ещё недавно казалось, что хуже уже быть не может.

«Всё, всё наперекосяк... – в отчаянии думал он. – Или я делаю глупость? Брак по расчёту... в старинных романтических книгах – это зло, в современных психоруководствах – благо... Вот Никки строит свою жизнь расчётливо... – Дорогое имя отозвалось болью. – Никки я только мешаю, а бедной Элизе нужна моя помощь... Она тоже совсем развалилась...»

«Чем ты ей поможешь? – спросил трезвый, как бритва, голос. – Ты – ходячий труп, от тебя несёт холодом и тлением. Никого согреть или обрадовать ты уже не способен...»

– Что ж... трупы надо куда-нибудь закапывать, чтобы они не отравляли воздух! – сказал Джерри и решительно встал, уронив стул.

Через полчаса он остановился на пороге разорённой комнаты, где прожил два незабываемых года, и окинул взором опустевшие стены.

Прощался. Он больше никогда не вернётся в Колледж.

Вскинул на плечо дорожную сумку и вышел в коридор, оставив дверь нараспашку. Сквозняк зашелестел разбросанной на полу смятой бумагой.

Фотографий среди мусора не было.

Открытая дверь брошенной комнаты резала сердце и глаза. Под

ногами хрустели мелкий пластик и бумажное рваньё.

– Он улетел двадцать минут назад.

– Куда?

– Не знаю.

– Запроси диспетчерскую службу такси!

– Джерри не преступник и не ребёнок. Он имеет право на свободу передвижения и на личную инфобезопасность. Никто не даст мне сведения о его маршруте.

– Неужели я опоздала?

– Если он захотел уехать, ты должна уважать его право на выбор.

– Неужели я опоздала...

– Да.

Глава 23

Вечная история

Океан никогда не успокаивается. Он всегда взволнован или взбешён.

Но гул океана никогда не раздражает.

Людской шум невыносим.

Оказалось, что Джерри не может находиться среди людей. Они жутко досаждали ему дурацким смехом, бесконечными разговорами и глупыми взаимоотношениями. Пребывание в толпе превратилось для него в пытку. Ожидание орбитального челнока в набитом Луна-порте. Многочасовой полёт к Земле на экспрессе, переполненном словоохотливыми соседями. Экспресс называется! – каждый час делал промежуточную остановку. Долгое сидение в шумном Геостационар-Сити в ожидании вирджинского шаттла.

Сколько можно болтать по т-фонам? Как люди ухитряются хихикать над такими идиотскими шутками? И как только микросхемы и само пространство выносят такую чушь? Чему все вокруг так радуются?

К сожалению, Джерри узнал, что и тишина для него непереносима. Она подводно давила и заставляла болезненно вслушиваться в любые звуки – в тщетной попытке отвлечься от мучительных внутренних голосов.

Выйдя из прохладного здания Ричмондского космодрома в затхлую тротуарную жару, влажным горячим языком лизнувшую лицо, юноша равнодушно скользнул взглядом по пёстрой толпе туристов, сел в такси и скомандовал:

– Взлёт! Курс на океан, потом на север, вдоль побережья.

Не стал задавать адреса – он его и не знал, а просто летел вдоль белой пенной кромки Атлантического океана, пока не увидел внизу знакомые места.

Такси высадило Джерри на острове Ассатиг, на раскалённой полуденным солнцем стоянке у сервис-центра, построенного в стиле древней фактории. Воспоминания о счастливом времени, проведённом здесь с родителями, тяжело навалились на Джерри. Кредитные карточки куда-то делись. Юноша вяло поискал в карманах и нашёл в старой куртке несколько бумажных купюр. Вызвал недоумённые взгляды и недовольство, но расплатился неудобными деньгами за такси и за походный комплект – палатку с пикник-кейсом. Потом выбросил т-фон в солёную илистую лужу.

Хватит с него душераздирающих звонков.

Несколько часов Джерри шёл по пляжу длинного острова-заповедника, отдыхая в шумном безмолвии и не замечая августовской жары. Он шагал босиком по прибойному краю земли, по лучшей во Вселенной тропе для бродяг – по прочному и ровному песку, старательно выглаженному ворчливым океаном.

Неожиданная волна захлестнула ноги и мятую одежду, дружелюбно подарив отдых от зноя. Вдруг юноша отчётливо услышал слова, сказанные знакомым задумчивым голосом: «Станные вы, люди. Здороваются за руки, а ведь гораздо веселее при встрече гладить друг друга по голове... не купаетесь звёздной ночью, не носите приятную мокрую одежду и не целуете тех, кого вам очень хочется поцеловать».

Он резко остановился и вскинул голову. На дневном небе висел бледный серп Луны. Там живёт его астровитянка. Его? Трезвый голос, мучивший его последние дни, ядовито сказал:

«Очнись, ведь ты уже вернулся с небес на землю».

Джерри не пошёл дальше, а поставил светло-серую палатку возле песчаного холма того же оттенка. За прибрежной дюной начинались низкие корявые сосны и непролазные вечнозелёные кустарники с мясистыми листьями. Дальше дрожала в тёплом мареве болотистая низина, поросшая камышами, и блестел мелкий пролив, отделяющий остров от материка.

В пикник-кейсе был опреснитель воды и запас концентратов на три недели. И даже небольшой кондиционер.

Для Джерри началась новая жизнь с двумя основными и важными делами. Во-первых, он слушал успокаивающий басовитый рокот океана и дышал певучим солёным бризом. Во-вторых, он любовался на Никки. Её помолвка была главным событием августовской светской жизни, и телевидение не прекращало обсуждать эту новость.

Оказалось, что Джерри не может видеть лицо Никки в записи – лживые тени прошлого наводили на него глубочайшую тоску, словно он смотрел на мёртвого человека.

Ещё одно отклонение от нормы, ещё одна душевная патология.

Он воспринимал Никки живым, реальным человеком, только когда она появлялась в прямом эфире. Тогда юноша притикал к экрану и жадно вглядывался в её лицо – странное лицо девушки с хрустальными волосами, без которого жизнь превратилась в пустоту.

Джерри будто пил холодную воду после длинного перехода в пустыне: ловил малейшие оттенки настроения Никки, с болезненным интересом смотрел, что она делает, куда идёт, что говорит. Люди, окружающие Никки, и даже её жених – красивый рослый принц Айван – его зауженного

внимания не затрагивали.

К сожалению, прямые трансляции случались редко и были непродолжительными. Когда лаптоп издавал громкий сигнал, Джерри стрелой мчался к экрану. Когда монитор выключался, юноша тоже угасал и долго сидел на песке, слушая сочувствующий океан и часто трогая золотистый кристалл на шейном шнурке.

Джерри подружился с крупным песчаным крабом из норы рядом с палаткой и частенько с ним беседовал, жалуясь на жизнь. Краб внимательно слушал, часто и сочувственно протирая глаза. В остальном краб был застенчив, несловоохотлив и никак не выказывал приязнь к новому другу. Но Джерри подкладывал к его норе кусочки еды, и краб всегда принимал приятельское угощение. У врага он не взял бы, верно?

События развивались стремительно, и вскоре стал известен день свадьбы королевы Гринвич и принца Шихина. Джерри не смог дослушать новость до конца – он бросился в воду и долго плыл, разбивая грудью зелёные белоголовые волны и захлёбываясь. Но океан оказался сильнее и выбросил его, практически мёртвого, на берег в километре от палатки. Джерри долго лежал на берегу, а потом очнулся и побрёл поговорить с крабом. Нитей, соединяющих его с реальностью, стало ещё меньше.

Королева Гринвич объявила о программе грантов для школьников, которые поступят в этом году в Колледж: тиви-каналы и газеты на все лады восхищались этой новостью. Аналитики предсказывали, что в следующем году число поступающих в Школу Эйнштейна вырастет в десятки раз. Ходили слухи о постройке нового Колледжа для всех желающих.

Джерри сумел обрадоваться, что Никки успешно реализует задуманное.

На следующий день с экрана грянула другая новость – Северные и династия Гринвич поддержали закон о геномодификациях. Поэтому никто уже не сомневался, что закон о геносвободе будет принят и станет началом новой трудной эпохи в жизни человечества.

«Она изменилась, королева Никки... – с грустью размышлял Джерри. – За что я её продолжаю любить? Но разве любят за что-то? Это болезнь, и для некоторых она неизлечима...»

Дикие мустанги, обитавшие на острове, появлялись нечасто – в отличие от юноши, они предпочитали человеческое общество, щедрое на подачки. Длинногривые, остро пахнущие потом звери обступали палатку и вопросительно смотрели выпуклыми карими глазами, отмахиваясь от мух хвостами и мотанием крупных голов. Концентраты лошади жевать отказывались и убредали пёстрым стадом, насмешливо скаля нечищенные

зубы.

Робинзон часто глядел, как золотой эполет солнца награждает холодное плечо горизонта.

Океан безнадежно тянул к солнцу блестящую дорогу, но всегда не успевал.

Юноша спал так плохо и просыпался так рано, часто задрёмывая днём, что иногда не знал – рассветное или закатное солнце танцует в конце раскалённого пути. Куда сорвётся шар огня – в день или ночь?

На грудь сильно давила шестикратная гравитация – по сравнению с лунной, к которой Джерри привык за последние годы. Но внутренняя тяжесть была неизмеримо больше.

Изредка вдоль кромки прибоя проходили люди с удочками и рюкзаками. В таком диком месте встречные здоровались и приветливо улыбались. Джерри кивнуть в ответ мог, улыбнуться – нет.

Океан пробовал развлечь робинзона бодрым хором чаек, перламутровыми танцами раковинных осколков, быстрой радугой на дымящихся гребнях прибойных волн.

Безуспешно.

Джерри даже не пытался забыть Никки и начать новую жизнь, следуя вкрадчивым рекомендациям мудрых психокниг. Поможет ли трёхногому стулу совет забыть про сломанную опору и попробовать стоять на оставшихся?

Юноша не считал дни. Но они отсчитывались сами.

Можно называть время безжалостным или милосердным, но это всё поэтические штучки. Время – равнодушный безостановочный поток, который рано или поздно домчит тебя до ужасающего будущего. Успеешь ли ты перед ударом вздохнуть и сжаться в комок? Это твои заботы.

В день Никкиной свадьбы Джерри вернулся к фактории заповедника и вызвал машину.

Он вылез из кибертакси на развилке старого шоссе, над которым смыкались шелестящие кроны высоких деревьев, и последние полмили прошёл пешком. Узкая асфальтовая улица плавно забиралась в гору, рассекая старый лес из дубов, ясеней и красных клёнов.

Дорога вела в прошлое. Глаза Джерри вспоминали гигантский пенёк от толстого гикори, вывороченного грозным смерчем несколько лет назад. Обширная поляна, где любили пастись олени-рогачи, – местные жители называли её «мужской клуб». Дорожные ответвления, уводящие к домам соседей в глубине леса.

Улица шла по поднимающейся долине и, наконец, выбралась к самой

высокой её точке. Джерри остановился возле знакомого почтового ящика на потрескавшемся деревянном столбике. С щемящим чувством дотронулся до него, открыл. Ящик был пуст, как и родительский дом, к которому сворачивала влево и наверх совсем узкая дорога. Всё пусто, всё кончилось, всё исчезло...

Джерри не смог шагнуть на асфальтовую полосу, забегающую на склон горы к дому, невидимому за деревьями. Он уронил дорожную сумку к почтовому столбику и пошёл по пустынной улице дальше – к тритоньему озеру. Туда он ещё мог заставить себя идти.

Дорога устремилась вниз и вскоре вывела его к старой охотничьей хижине. Джерри скользнул взглядом по крыше дощатого домика. Кто-то недавно покрасил её ярко-зелёной краской. Юноше показалось странным, что жизнь в долине продолжается, даже теперь, когда они с отцом уехали отсюда. Джерри сошёл в пожелтевшую от сухой жары траву и спустился к воде. Сюда он часто приходил с родителями. Здесь весной цветут ландыши и плавают дикие канадские гуси.

Озеро собирало ручьи северной части долины и заполнялось до уровня выходного каменного русла, проложенного в дамбе и обрывающегося через несколько метров высокими водопадными ступенями.

Над водопадом протянулся крохотный мостик в две доски. В сухой сезон из озера сочился лишь мелкий широкий ручеек. Прозрачная текучая пластинка начиналась под кучкой бурых прошлоосенних листьев, упавших на поверхность озерца и медленно собравшихся на пути вытекающей воды. Совсем тонкая листовая плотина удерживала уровень воды в озере сантиметров на десять выше каменного ручьевого дна.

Джерри часто смотрел на хлипкий барьерчик из бывших кленовых ладошек. Если разворошить прутиком эту листовую залежь, то в следующую секунду сотня тонн воды со всей поверхности озера устремится в сухое русло водопада. Он мгновенно заревёт и запенится. Это будет зрелище!

Но Джерри ни разу не видел разбуженной воды – его всегда останавливала мысль об озёрных жителях. Им резкое падение уровня озера принесёт лишь несчастье. Равновесие маленького мира слишком ценно, чтобы разрушать его ради прихоти. Особенно если это равновесие балансирует всего лишь на чьих-то хрупких измочаленных ладонях.

Сейчас юноша тем более не стал трогать барьер из воспоминаний прошлого лета и будить водопад. Джерри обвёл глазами вечернее лесное озеро. Высокая сосна и вечнозелёные кусты на противоположном берегу. Подгрызенные бобром сахарные клёны на запруживающем плотинном

валу. Остатки деревянных мостков возле ив.

Мирный привычный пейзаж не помогал – душа болела, не переставая. И даже сильнее обычного.

Мохнатая толстая лиана, присосавшаяся к высокому буку и медленно убивающая его, по-змеиному ожила в шевелящихся сумерках и угрожающе-косо поглядела на пришельца.

Юноша наклонился, коснулся рукой поверхности тихой воды, что-то прошептал и повернул назад. Приходил он сюда здороваться или прощаться?

Душная предгрозовая ночь вливалась в лес, и он, тусклея стволами, послушно растворялся в ней – дерево за деревом.

Джерри взял сумку и быстро зашагал по узкой асфальтовой полосе к своему дому. Но его решимости хватило ненадолго.

Слева от дороги вечерне зеленела поляна. Чудный запах измельчённой травы, тарахтенье моторчика старенького красного трактора, тряска по кочкам; взгляд с удовольствием перебирает деревья. Отец любил косить поляну сам, называя это вибромоционом. Учил сына: ездить нужно кругами против часовой стрелки; начинать с середины.

Укол в сердце.

На правой обочине, за лёгкой проволочной оградой, защищающей мягкую зелень от голодных оленей, росли четыре узорчатых кипариса. За ними ухаживала мама: обрезала сухие ветки, подкармливала солями, насыпала вкусной земли, сокрушалась о болезнях вечнозелёных неженков. Как выросли молодые кипарисы за прошедшие годы.

Укол в сердце.

Глинистое дно и берега придорожного ручья были аккуратно выложены плоскими светлыми камнями, чтобы штормовые дожди не размывали красную почву русла. Джерри с отцом обустроили ручей в последнее счастливое лето. Трудился в основном отец, но и десятилетний Джерри помогал, таская из леса небольшие горные плитки с пятнами чёрно-зелёного лишайника.

Глаза Джерри задержались на большом приметном камне, который они с отцом укладывали на дно сухой канавы вдвоём, горячо споря.

Укол в сердце.

А вот ствол сосны, упавшей под напором ледяного шторма, нагрузившего её крону тоннами замороженной влаги. Нет печальнее зрелища, чем погибшее живое дерево. Есть в жизни невыносимые тяжести – они не гнут и не ломают, а просто выворачивают с корнем.

Через сотню метров дорога взяла круче. Наверное, от этого Джерри

стало трудно дышать, и перед глазами поплыл темнеющий лес. Вот и двойная сосна на краю просторной площадки. Конец пути.

Дом.

Нет, нет! Джерри, задыхаясь, смотрел на горько-медовые бревенчатые стены и тёмно-зелёную крышу, под которой прожил десять лет. Это не дом! Это просто стены и крыша – ракушка без жемчуга, соска без молока, дом без любви. Пустышка!

Ожесточая сердце, Джерри мотнул головой. Глаза остановились на знакомых голубых елях, давно посаженных родителями – по дереву на каждого обитателя, тогда ещё – дома...

Одно из непреодолимых весенних удовольствий детства – снимать слюдяные лохматые колпачки шелухи с бурно растущих еловых почек, освобождая тугую пружину фиолетового молодого побега. Под защитой ветвистой путаницы жёстких синих игл мелкие птицы любили вить гнезда.

А вот норвежская зелёная ель – общее семейное дерево. Семьи уже нет, а она, плакучая, всё растёт, на что-то надеется...

Чёрт! Джерри быстро взбежал по лестнице к двери дома и толкнул стеклянno-деревянную створку. Дверь его узнала и сразу впустила. В большой комнате вспыхнул свет, и прошлое обрушилось на Джерри, как снежная лавина.

Тонкий запах дерева. Двадцатифутовый кафедраальный потолок из сосновых прозрачно-лакированных досок. Зелёный берёзовый пейзаж на стене. Высокие напольные часы с золотым маятником и мелодичным боем, сопровождавшим Джеррино детство. Кожаные тёмно-бургундские диваны, где устраивалась вся семья – посмотреть новый или хороший старый фильм. Камин из крупного дикого камня, уютно горящий зимним вечером. Огненные отблески на лицах родителей и бревенчатых стенах.

Хотя стоял август, на каминной решётке из закопчёного чугуна лежали колотые поленья. В высоких, от пола под крышу, окнах сгущалась темнота.

Под ноги Джерри подкатился, вереща и приседая от восторга, домашний гном.

– Хозяин! Хозяин! Как я рад! Ура – вы наконец появились!

Робот стал тарыхтеть о своих печалях и проблемах – о невоспитанных белках, грызущих подоконники, об ужасных пчёлах-плотниках, дырявящих брёвна стен быстрее, чем робот-заделочник их замазывает. Джерри растроганно смотрел на старого знакомца, пока тот неосторожно не спросил:

– А где Михаэль, ваш отец?

Юношу как током ударило. Он взорвался:

– Пошёл прочь и больше не приставай ко мне! Меня здесь нет, понял? И выключи свет!

Домашнего робота сдуло ветром, и дом погрузился в сумрак.

Джерри рванул балконную дверь и вышел на обширный треугольный дек, кораблём устремлённый в вечерний лес, в сухой звон осенних цикад.

Он помнил эту деревянную веранду весной – в золотой сосновой пыли и крылатых кленовых семенах; летом – в медовых каплях знойной смолы и в заплаканных зелёных листьях, сорванных штормом; осенью – в лужах с дождевыми частыми кольцами и в наметённых грудях жёлто-коричневого листопада; зимой – в неровных рядах вспыхивающих солнечных сосулек и в сугробах лунного снега.

На этой палубе юный Джерри плыл в неведомые счастливые моря.

Но раньше за его спиной был дом, а сейчас позади – пустота. Он вырос, простился с детством и остался один на своём корабле, а впереди – ночь без единого огня.

Уже окончательно стемнело, и веранда утонула во мраке. На северо-востоке, за плавной горой возвышалось тяжёлое облако в виде башни. Обычной ночью облако бесследно бы потерялось в темноте, но сейчас в нём кипела дикая гроза – и туманная башня беспрерывно озарялась изнутри яркими вспышками. По странной атмосферной прихоти, гром не долетал в долину, и это зловещее буйство молний в тишине тревожило сильнее, чем обычный грозовой грохот.

И дождя совсем не было.

Джерри ушёл с дека и поднялся на второй этаж, к родителям. Здесь ничего не изменилось за прошедшие годы. Широкая кровать с белой пушистой шкурой на стене у изголовья, ореховый отцовский стол на львиных лапах, деревянные резные шкафы с книгами, изящные кресла со светлой обивкой. От неизменности вещей Джерри стало ещё хуже. Родители вопросительно смотрели на него с фотографий, стоящих в полумраке книжных полок.

– Простите меня, мама и папа... – сказал Джерри сдавленным голосом, – одному так трудно стать счастливым...

Юноша вернулся на первый этаж и обессиленно опустился на ковёр перед камином. Лаптоп включился сам. Свадьба королевы Никки и принца Айвана транслировалась по всем главным каналам. Церемония пока не началась, но комментаторы легко находили о чём посудачить. Его имя тоже иногда всплывало, но Джерри не вслушивался.

Он чиркнул длинной спичкой из футляра, который держал на спине прикаминный соломенный олень, долго и рассеянно смотрел, как она

горит, – пока не обжёт пальцы. Повесил последний огонёк на опилочно-восковый растопочный кирпичик под дровами. Сухие дубовые поленья быстро разгорелись, и Джерри омыла волна смолистого дымного запаха, дрожащего света и трескучего тепла.

Юноша закрыл глаза. Как он замёрз...

Джерри провёл возле этого огня лучшие часы детства, читая книги под стук крупного дождя по крыше и с улыбкой слушая удары холодного ветра в стены. Камин окружали огромные окна: зимой сугробы с любопытством льнули к стеклу, и комната уютно освещалась огнём и снегом.

Жить в родном доме с мамой и папой, ужинать и смеяться вместе, смотреть на вечерние розовые облака в небе и живое пламя в камине, слышать лёгкий звон раскалённых углей и горьковатый дымок.

Детское прозрачное счастье.

Горло пересохло. В нём поселился тугой ком, мешающий дышать. Джерри рывком встал и достал из холодильника ледяную бутылку минеральной воды.

Громкая музыка с экрана возвестила о начале свадебной церемонии, и Джерри сразу обо всём забыл. Он был равнодушен к деталям происходящего, его совершенно не интересовал жених; как всегда, всё, что он хотел, – это увидеть Никки.

Невеста появилась в длинном и удивительно красивом бело-огненном платье. По белой ткани бродили световые вспышки, напоминающие ослепительные солнечные блики на морской волне, на которые Джерри часто смотрел с пустынного берега. Прозрачные волосы девушки переплетались с бриллиантами, разбрасывающими яркие цветные иглы. Камеры немедленно показали крупный план, и юноша впился глазами в родное лицо.

Без Никки его жизнь превратилась в ад. С каждым днем тиски, сдавливающие сердце, делали новый зажимающий оборот, и грудь болела, не переставая. Лишь когда Джерри видел свою драгоценную Никки, он забывал о мучительных тисках. «Сегодня Никки будут показывать долго, – с радостью подумал юноша. – Сегодня она такая красивая!»

В последнее время он легко терял связь с реальностью и замыкался в себе, как пустой дом, обрушенный внутрь.

Никки действительно показывали долго. Она не выглядела весёлой, хотя улыбалась в нужных местах длинной торжественной церемонии. Но Джерри знал её лучше всех и видел, что она скрывает печаль. «Может, они плохо с ней обращаются? Вдруг ей одиноко в чужом замке? – наивно думал он. – Надо было плюнуть на всё и поехать вместе с ней...»

«И ты бы выдержал жить в замке Шихиных и ходить мимо комнат, где Никки поселится вместе с мужем?» – спросил трезвый и тихий голос.

«Я бы постарался изо всех сил – ради неё!» – сказал другой голос, громкий из-за ноток неуверенности.

«Нужна больно Никки перед глазами твоя тоскливая рожа! – отрезал первый беспощадный голос. – Отпусти девушку на волю, не порти ей жизнь своими трагедиями».

Зал, где по старинному обряду проходило бракосочетание Никки и Айвана, был наполнен джентльменами в одинаковых чёрных фраках и дамами в разнообразнейших вечерних платьях. Мужчины королевских династий позволяли себе лишь скромные украшения в виде орденов, зато женщины нестерпимо блистали драгоценностями, обнажённой кожей и улыбками.

Джерри ничего не замечал, зато комментаторы взахлёб рассматривали гостей замка Шихиных, охотно восхищались нарядами юных принцесс и ими самими, перечисляли прибывших дружественных королей, нарочито удивлялись полному отсутствию представителей других династий. Почтительное внимание комментаторов привлекал тот факт, что день рождения дочери королевской четы планировался уже через девять месяцев после свадьбы. Все знали даже имя будущей принцессы – Сюзан.

Для Джерри это слышать было не больно, но очень трудно.

– Лига Рассерженных Граждан, как всегда, выступила против замужества столь юной девушки, – сказал один из обозревателей. Его собеседник ответил:

– Закон есть закон – разрешение на брак было выдано мэрией Луна-Сити после тщательного рассмотрения всех обстоятельств. Трудно поддержать позицию Рассерженных Граждан, ведь социальная зрелость девушки, сумевшей создать новую династию, вне всяких сомнений.

Больше всего комментаторы рассуждали о политической важности нового союза, муссировали слухи о грандиозных планах Северных кланов, усиленных новой династией Гринвич – молодой, но чрезвычайно активной на политической арене. Отмечали разброд в стане Южных, вызванный бегством неформального лидера – короля Дитбита.

– Кое-кто из аналитиков стал поговаривать, что двухполюсному миру приходит конец! – сказал обозреватель Лунного тиви-канала.

– Такие опасения высказывались многократно, – возразил корреспондент Си-Би-Ти, – по самым разным поводам и в пользу каждой из группировок. Но двухполюсность мира сохраняется по очень простой причине – монополист власти теряет чувство реальности и быстро плодит

врагов, которые ещё быстрее консолидируются в противовесный полюс влияния.

– А вдруг у нас появится умный монополист, который не будет провоцировать создание оппозиции? – сказал ведущий Лунного канала.

– Невозможно! Владелец верховной власти всегда извлекает выгоду из своего положения, – хмыкнул репортёр. – В истории так было всегда!

– «Было всегда» не гарантирует, что «всегда будет». Один мой коллега сказал, что понятие «гринвич-тайм» стало расщепляться и приобретать новое значение... – задумчиво сказал обозреватель. – Вчера юморист Биттерман с Первого Всемирного канала пошутил, что королева Николь вовсе не входит в союз с Северными, а берёт их под своё крыло. Интересная шутка! Королева Никки очень необычная девушка...

«Да, моя Никки такая...» – с гордостью подумал Джерри, снова потерявший связь с реальностью.

Даже королевская свадебная церемония рано или поздно подходит к концу. Люди в сюртуках произнесли нужные ритуальные заклинания и задали какой-то важный вопрос принцу Айвану.

Воцарилась общая внимательная тишина.

– Да! – громко ответил принц.

Этот важный вопрос задали и Никки.

– Да, – негромко, но не колеблясь, ответила она.

Обряд венчания завершился.

Джерри вскрикнул от резкой боли за рёбрами.

Под овацию многочисленных гостей принц Айван крепко, даже слишком, поцеловал в губы свою невесту, вернее, уже жену. Это вызвало у Джерри, оступившего от мучений, новое раздражение – Айван загородил от него лицо Никки.

На поляне перед церковью закипело шумное празднество, но Джерри уже почти ничего не видел. Юноша впал в странное оцепенение. Он до самого конца бессознательно надеялся на какое-то чудо. Сколько раз в фильмах он видел, как невесты срывают с себя фату и говорят всем: «Нет! Я люблю другого!»

Проклятые голливудские сказки! В жизни так мало счастливых развязок.

Клубок колючей проволоки ворочался в груди, царапая сердце, а в голове беспощадно гремело:

«Конец! конец... ты вчера был как лев... Джерри, наклонись ко мне... больше никогда! никогда...»

Джерри очнулся, лишь услышав:

– Сейчас молодожёны удаляются в свои покои, куда нас с вами, уважаемые дамы и господа, не пустят, – весело сказал комментатор. – До сих пор остаётся тайной, где новобрачные проведут медовый месяц. Когда мы в следующий раз увидим эту блестящую пару, королеву Николь и принца Айвана? Никто не знает.

Эти слова оказались самым болезненным ударом в еле живое Джеррино сердце.

Никки и Айван остановились на верхней ступеньке белой мраморной лестницы. Слуги уже открыли перед ними резную высокую дверь замка. Королева Николь и принц Айван обернулись и помахали остающимся людям рукой. А Никки внимательно и серьёзно посмотрела с экрана прямо в глаза Джерри. Её губы что-то шепнули, но он не разобрал.

Возможно, она сказала «прости»... или «прощай»...

Дверь закрылась за Никки, отрезав от его души кусок размером в сердце.

Экран стал безнадёжно серым, а мир – необратимо чёрным.

Всё кончилось.

Боль навалилась на Джерри с новой, невиданной и нестерпимой силой. Ослепнув от неё, он рухнул на колени. Правая рука, в инстинктивном поиске опоры, попала в открытую сумку и задела пузырёк – подарок Моны, который сразу отреагировал:

– Мгновенный сон с лучшими воспоминаниями жизни! Переживите радостные моменты ещё раз!

Джерри, не раздумывая, вытряхнул пузырёк в рот и залил шипящей ледяной жидкостью из валяющейся под ногами бутылки.

Струя холода ударила в разломанное сердце и заморозила его. Юноша судорожно схватился за грудь. Его глаза утратили лихорадочный блеск, остановились на угасающем пламени камина и почернели. Бутылка с водой покатилась прочь, выбулькивая содержимое на темнеющий ворс светлого ковра. Пузырёк отлетел в другую сторону, тревожно пища:

– Смертельная доза! Вызывайте доктора! Смертельная доза! Безвыходный сон! Безвыходный!

Юноша медленно упал набок возле камина. Его рука обессиленно откинулась в сторону, и ладонь разжалась.

Из неё выпал золотой кристалл с оборванной нитью. Блеснув в последний раз, он погас в каминном пепле.

Могучий удар грома, прорвавшийся от близкой грозы, сотряс дом до основания. Но Джерри уже ничего не слышал: улыбаясь, он погружался в сон без дна.

У него не было другого выхода.

Его грудь больше не болела. Джерри снова видел Никки – и был счастлив.

Голова не гудела, а выла. На грудную клетку наступил свинцовый башмак, и обиженное сердце трепыхалось, захлёбываясь тягучей, неповоротливой кровью. Ртутно-тяжёлый воздух прижимал плечи, больно стекал по рукам вниз.

Никки открыла люк. В катер вошли солнце и едкий дым сгоревшей травы. Последнее, что запомнила Никки перед посадкой на крошечную полянку, – это свои побелевшие ладони, вцепившиеся в штурвал. Потом перегрузка втоптала её в беспамятство.

Надо было полностью доверить управление Робби, но Маугли казалось, что он делает всё слишком медленно. Впрочем, судя по продолжительности и частоте отключений сознания пилота-человека, половину пути рулил именно компьютер.

Никки вывалилась из люка и поспешила изо всех сил к дому, стоящему на возвышении. Но ноги не могли быстро идти, и какой-то непонятный ужас наваливался на девушку при приближении к безмолвному бревенчатому дому.

– Никакой активности не улавливаю, – сказал сверхчувствительный Робби.

Еле удерживая сердце и дыхание, Никки взбежала по лестнице.

Дом, не возражая, впустил её.

С порога девушка сразу увидела Джерри.

Он лежал на ковре, подломив под себя руку. На белом лице застыла улыбка. Чёрные глаза юноши были открыты, сухи и мертвы.

– Никого нет дома, – тихо сказал испуганный домашний гном.

И Никки закричала. Бесцельно и бесполезно.

Его грудь больше не болела. Джерри снова видел Никки и был счастлив.

Над их головами шелестели листья. Уютный столик на двоих стоял под цветущей старой вишней. Бело-розовые лепестки беззастенчиво сыпались им на головы и в мороженое. Никки сидела напротив – в коротком платье светлой сини. Глаза девушки светились ярче солнца в хрустальных волосах.

Ей не сиделось на месте. Она, не выпуская из рук конус с мороженым, то подбегала к краю пруда с плавающей россыпью цветочных облётышей, то рассматривала толстый кривой ствол, трогая янтарные капли смолы,

выступившие и затвердевшие на морщинистой вишнёвой коже.

Никки попробовала мороженое Джерри, которое, конечно, оказалось вкуснее, чем у неё, и они немедленно поменялись вафельными стаканчиками.

Джерри наслаждался каждой секундой этого мельтешения и щебетания и чувствовал себя весенним деревом с беззаботной птичкой, прыгающей на его ветках. Расшалившись, Никки мазнула юношу мороженым, а потом, извиняясь, слизнула сладкую каплю с его щеки. Тёплый язычок девушки прикоснулся к лицу юноши и вызвал оглушающий эмоциональный разряд. Щека Джерри навсегда сохранила это влажное мягкое прикосновение – так древний камень лелеет в серой шершавой груди отпечаток весёлой живой рыбки. Как Джерри хотелось схватить эту девчонку, прижать к себе и не отпускать миллион лет! Только боги знают, как ему было трудно удержаться в клятвенных рамках обычной дружбы.

Следующий сон перенёс его на остров посреди ночного озера. Ощущение счастья и восторга снова ударило в голову Джерри. Стройная фигурка бежала по мелкой воде пляжа, и брызги далеко разлетались по сторонам, сверкая в голубоватом сиянии Земли. А он подхватывал Никки на руки и кружил её на маленькой цветущей поляне. Весь мир вращался вокруг них, и они двое были ось, центр и суть Вселенной. Их губы пахли ночной цветочной прохладой, а ладони плавилась тропическим зноем.

Но яркие сны становились всё короче, а чёрные провалы между ними – всё длиннее.

Никки стояла на коленях перед Джерри, звала его и неистово трясла за плечи, содрогаясь от неумелых рыданий, похожих на кашель.

Будь проклят этот мир, не способный жить в любви, всё время впадающий в ненависть!

Будь проклята сама Никки, которая хотела спасти всех, но не спасла даже Джерри!

– Дыхания нет, пульса нет, – сказал Робби. – Но он умер счастливым.

Невозможно, нестерпимо! Он был её Лев, и он бросил её. Предатель!

Он ушёл один, глядя в невидимый горизонт сухими терпкими глазами, оставив ей лишь мёртвую прощающую улыбку.

Никки зарычала и бросилась Джерри на грудь; с любовью обняла и с ненавистью сжала.

Его рёбра затрещали.

И она почувствовала лёгкий ответный удар сердца.

Сны были радостными – не обманул пузырьрёк! События сонного измерения путались в голове и во времени, и вот раздалась колыбельная песня на певучем языке. Её пела Маугли, усыпляя Джерри перед экзаменом. Никкина ладошка скользнула по его лицу и остановилась на губах. Юноша поцеловал эту ласковую ладонь так нежно, как только смог, и – о, чудо! – ей понравилось, и она задержалась. Даже погладила его по щеке. Какой хороший сон! К первой ладони присоединилась вторая, они обняли голову Джерри, а его губы почувствовали поцелуй. Чудесный сон!

– Просыпайся, Джерри, просыпайся! – тревожно сказал Никкин голос.

Этого в реальности не было. Просыпаться от такого сна? Пузырёк всё напутал. Юноша попробовал открыть глаза. Но веки были непослушны, а глаза шершавы. Что-то укололо его в запястье и, кажется, не в первый раз. Наконец, глаза подчинились хозяину. Но яркий свет слепил Джерри, и юноша никак не мог разобрать, откуда слышен голос, так похожий на Никкин. Наконец, картинка проявилась, в ней появился вектор верха и низа.

Джерри нашёл себя лежащим на ковре перед погасшим камином. Солнце заглядывало в высокие треугольные окна. А рядом с Джерри – он не поверил глазам – стояла на коленях... его Никки.

«Это галлюцинация! – подумал Джерри. – Как хорошо! Я увижу не только старые сны, но и что-нибудь новое».

– Ты мне снишься... я очень рад, – пробормотал Джерри.

– Не дури, Джерри, я не сон, – с обеспокоенной нежностью сказала Никки. – Я только что прилетела. Помнишь, ты рассказывал о поляне возле дома, где можно привязать дирижабль? Я туда и приземлила шаттл. Извини – трава там здорово сгорела.

«Сон с такими техническими деталями?» – удивился юноша.

– Ты правильно сделала, – легко согласился он. В его голове ещё бродил снотворный туман. – А я видел твою свадьбу. Ты была очень красивая! И платье замечательное... Тебя так долго показывали... Я так был этому рад...

Лицо Никки странно искривилось, и на глазах появились слёзы.

– Ты плачешь? – вяло удивился Джерри. – Ты же никогда не плакала раньше! А вид у тебя усталый, и под глазами синяки... И кровь на лице... вот тут...

– Я плачу, представляя, что могла немного опоздать... А синяки у меня из-за того, что я летела к тебе, такому обормоту, на многократной перегрузке и полдороги лежала в обмороке, а Робби сам разбирался с диспетчерами... – И Никки всю разрыдалась.

И превратилась из королевы в обычную девчонку.

В голове у Джерри что-то щёлкнуло и стало проясняться. Он приподнялся на локте и медленно, боясь, как никогда в жизни, прикоснулся к мокрому лицу Никки.

ОНА НЕ БЫЛА СНОМ!

– Почему ты здесь, ты же вышла замуж за принца Айвана... – пробормотал ничего не соображающий Джерри.

– Ты ничего не понимаешь, дурацкая твоя голова! – ревела Никки. – Это был **ПОЛИТИЧЕСКИЙ** брак! Если бы ты не уехал из Колледжа неизвестно куда, то давно бы об этом узнал.

– А как же ребёнок?

– О боги, до чего же ты тупица! Для рождения ребёнка давно не нужен ни секс, ни беременность! Старшей девочке уже десять часов, инициализация прошла в тихой семейной обстановке.

– Старшей? – слова с трудом проникали в ошарашенного Джерри. – Есть ещё и младшая?

– Не младшая, а младший. Мальчик! Его ещё нет, но он обязательно будет... И он вырастет не в искусственной колыбели... Я сама...

Никки впала в такие сильные рыдания, что слова едва различались среди слёз. Джерри с трудом приподнялся и обнял девушку за трясущиеся плечи.

– Королева, не реви!

Но Никки продолжала лихорадочно говорить:

– Если ты захочешь... после всего, что... прости... прости... у меня не было выбора... Он будет нашим с тобой сыном...

Глаза Джерри стали просто сумасшедшими.

– **НАШИМ** сыном?

– Ты же говорил, что не поверишь моим словам... Он убедит тебя... будет кричать о моих чувствах и пачкать пелёнки... он не возглавит династию... официальной наследницей... старшая Сюзан, но будет счастлив... если мы что-нибудь для этого сделаем...

Такого потока новостей мозг Джерри переварить не мог.

– Ты... прилетела и... останешься со мной?

– Да, если ты не рассердишься и не прогонишь меня...

Джерри, безотрывно смотря в её встревоженное, непривычно заплаканное лицо и задыхаясь от переполнявших чувств, отрицательно покачал головой:

– Сердиться? Если я не умру сейчас от разрыва сердца, то стану самым счастливым из людей...

– Я тебе умру... – одновременно сердитым и плачущим голосом сказала Никки и сняла уже ненужную аптечку с запястья Джерри.

И они, наконец, обнялись как следует.

Потом, по совету Робби, девушка повела Джерри под горячий душ и сама бесцеремонно раздела, всё ещё плача и причитая. А он никак не мог прийти в себя и осознать, что это правда – его Никки рядом с ним, и что будет дальше, он не знает, но сейчас она здесь и жестоко трёт мочалкой его худые грязные рёбра, и всё время капает слезами...

– Какая ты стала плакса! – удивлённо сказал Джерри. Его язык ворочался медленнее обычного, и речь была невнятной.

– Да, вот – прорвало! – всхлипнула Никки. – Довёл девушку до истерики! Ты – жуткий тип, Джеральд Уолкер!

– Просто сволочь! – согласился жуткий тип Джеральд Уолкер.

Никки закутала всё ещё слабого Джерри в махровый бордовый халат и усадила на балконе в шезлонг. Пока юноша приходил в себя, щурясь на яркое солнце, она сумела с помощью приветливого домашнего гнома приготовить кофе с печеньем, накрыла маленький столик возле Джерри и сама села в соседний шезлонг.

– Извини, я слабый человек – совсем не могу жить без тебя, – тихо сказал ей Джерри.

– А тебе это и не удастся, – убеждённо ответила она. – Куда бы ты ни спрятался, я всё равно тебя найду...

Он ласково дотронулся до её руки. Любое прикосновение к ней было счастьем, тем пронзительней, чем немыслимее оно было ещё вчера.

Они пили кофе и изредка говорили о каких-то пустяках, а чаще просто молча смотрели друг на друга, и слова были совсем не важны. Земное солнце стремительно катилось по небу – не сравнить с плавной степенностью лунного дня – и тени высоких деревьев стрелками солнечных часов меряли просторную веранду. Озабоченные чёрные шмели ссорились за невидимые границы. К оконному стеклу примчалась гудящая колибри, нацелила длинный нос на своё отражение: «Ах, хороша!» и фыркнула по срочным делам.

Вчерашняя гроза прошла ночным ливнем. Лес был свеживымыт и источал столько травяных, лиственных и цветочных запахов, что сразу было понятно – он хочет понравиться госте.

– Вот она какая, Земля, – восхищённо сказала девушка.

Голубое небо было невероятно просторным и глубоким. Ослепительные облака плыли по горячей синеве, путаясь в зелёных ветках.

Зашелестело и хрустнуло. Никки посмотрела с балкона вниз. Стройная

олениха и двое уже больших оленят шли по полянке, но, заметив девушку, застыли и в шесть глаз уставились на неё, насторожив чуткие треугольные уши.

– Олени! – воскликнула Никки.

– Познакомься с аборигенами, – добродушно сказал Джерри. – Им наша лужайка очень нравится, и они всё время на ней пасутся.

К вечеру Джерри отдохнул, выпил четыре чашки кофе и почувствовал себя настолько лучше, что, как хозяин, взялся приготовить для них обед. Никки посмотрела на его неловкие усилия и сказала:

– Замороженным продуктам из этого холодильника – четыре года. Ты думаешь, что мы будем есть на нашей свадьбе мамонтытину?

– На какой нашей свадьбе? – изумился Джерри.

– Ах вот как! – крикнула Никки, упёрши руки в бока. – Так ты отказываешься на мне жениться? В Рождество клялся жизнью, на необитаемый остров обещал взять. Обманщик! А я, дура, летела сюда сломя голову...

– Нет, нет, – сказал Джерри, улыбаясь впервые за последний месяц, – я готов жениться хоть сейчас, но ты вроде бы уже вышла замуж вчера?

– То была официальная свадьба, а эта будет *настоящая*!

– Здесь, вдвоём? – удивился Джерри, поняв, что Никки говорит всерьёз.

– Тебе нужна я или торжественная церемония?

– Ты! – категорически выбрал он.

– Тогда найди себе подходящий костюм, а я распоряжусь насчёт еды.

– А у тебя уже есть платье? – спросил Джерри, глядя на девушку, одетую в брюки и тонкий свитер.

– Неужели ты думаешь, что я полечу на свою *настоящую* свадьбу без платья? – хмыкнула Никки. – Правда, нужно признаться, что оно было выбрано за четыре секунды...

Джерри со снова зазвеневшей головой произвёл раскопки в одежной кладовке и нашёл новый отцовский смокинг. Померил, и костюм оказался впору, разве немного просторен. «Оказывается, я уже ростом с отца, – удивлённо подумал юноша, глядя в большое зеркало, – а он всю жизнь казался мне большущим и могучим...»

– Отлично! – сказала Никки, увидев преображённого Джерри в смокинге и бабочке. – Ты даже красивее, чем я думала!

Он же не мог отвести от неё глаз. Никки оделась в короткое изящное платье из хрустальных нитей, похожих на её волосы. Никаких украшений на девушке не было, но в колеблющемся свете десятков свечей, стоящих,

где только можно – на полу, на столе и каминной полке, – Никки сама сверкала, как драгоценный камень.

– Ты великолепна! – искренне сказал Джерри, взяв девушку за руку.

Стол был уже накрыт. Бутылка французского шампанского высилась возле горящего подсвечника, а вокруг стояли блюда с копчёной форелью, ломтями жареного мяса, свежими фруктами и прочими деликатесами.

Посмотрев на стол, Джерри понял, что Никки заказала всё это по телефону и, судя по скорости, – вертолётom. И ещё он понял, что не видел настоящей еды лет сто.

– Я не дам тебе есть, – сказала угрожающе Никки, – пока ты не поклянешься самой ужасной клятвой, что больше не бросишь меня!

И Джерри поклялся самой ужасной клятвой, что никогда больше не расстанется со своим Леопардом.

Никки в ответ торжественно поклялась, что никому не отдаст своего верного Льва – пусть эти «кто-то» даже не надеются.

Крепко поцеловались они в честь этого события, и во всех вселенных не заключалось ещё более прочного и священного союза. И не гром грянул в его честь, а величественная баховская мелодия сотрясла окружающие горы органной мощью.

Пробка улетела в высокий потолок и не вернулась. Шампанское ударило в бокалы и в две юные головы.

Джерри усадил Никки за стол и сел сам. Грудь его дышала легко, и ел он с отменным аппетитом, вскидывая на Никки глаза каждые две секунды. Пока это было максимально возможное время *несмотрения* на неё. На третьей секунде он переставал верить в происходящее, и ему срочно нужно было убедиться, что это не сон. Никки ела меньше, часто останавливалась и тоже подолгу глядела на Джерри.

– Где ты жил? – спросила она. – Тебя безуспешно искала сотня людей.

– На острове Ассатиг, – сказал Джерри, – в палатке между дюнами. Я видел в среднем двух человек в неделю.

– Оживлённое место! – сказала Никки.

– Угу, – согласился Джерри. – Но в более безлюдном кусались мерзкие мухи. А как ты узнала, что я вернулся сюда? – Он махнул рукой вокруг.

– За домом наблюдали со спутника. Ни автомобилей, ни вертолётom не было, но вечером камеры засекли включение света, а потом отблески разожжённого огня. Об этом мне сообщили в разгар церемонии. Когда замковая дверь закрылась, и журналисты уже не могли видеть меня, я рванула к себе в комнату, переоделась и помчалась на стартовую площадку – у Шихиных есть свой ракетодром.

– А как же Айван? – спросил Джерри, вспомнив про жениха.

– Айван был очень недоволен формальностью нашего брака, – вздохнула Никки.

– Я его понимаю, – вошёл в положение Айвана благородный Джерри.

– Он применял даже запрещённые приёмы...

– Какие?

– Ну... разные.

– Как же он согласился на... такой вариант?

– У него не было выбора, – жёстко сказала Никки. – Почему только мы с тобой должны платить по общему счёту?

– А если бы тебе нужно было решительно выбрать между мной и союзом с Северными? – спросил Джерри.

– Джерри, ты не должен задавать мне подобные вопросы, – нахмурилась Никки, – потому что я не знаю на них ответов, и даже думать не хочу о такой паршивой ситуации. И имею право на это – ведь я нашла выход... Может быть, у него есть острые углы, но он бесконечно лучше других вариантов.

– Бесконечно! – согласился Джерри, глядя на Никки, сидящую рядом. – Прости за этот вопрос. Я просто никак не могу понять, как тебе удалось всё устроить?

– Ты знаешь из социомоделирования, что ГравиКуба и списка-307 оказалось недостаточно для победы. Мир качается сейчас в опасном, неустойчивом равновесии, и единственный шанс на победу над Южными заключается в прочном союзе Северных и династии Гринвич. Последние месяцы я большую часть времени тратила на эту проблему. Специальное моделирование, которое сделал Робби, доказывало, что только мой брак с Айваном или Стефаном может обеспечить нужную прочность договора с Северными. Я целыми днями бродила среди неумолимых гор в пространстве оптимальных решений, но ни одной лазейки, ни одного самого узкого ущелья не находила. С тобой советоваться было нельзя – Робби сразу предсказал твою опасную реакцию самопожертвования... ты не стал бы хитрить ради себя, рискуя всем миром...

Девушка положила руку на его тёмно-загорелое худое запястье и тихо сжала его.

– И вот я искала, искала решение, спасающее мир от общей беды, но приходила лишь к неизбежности личной драмы. Компьютер доказал необходимость нашего разрыва как неопровержимую математическую теорему. Но я никак не могла согласиться с теорией нашей личной катастрофы. В выборе – потерять любимого человека или погубить весь

мир – мне оба варианта не нравились. А если оба варианта тебе не нравятся – то нужно искать третий. Но я его никак не могла найти. События толкали меня в спину: когда я приехала в замок, Айван сделал мне официальное предложение... Я согласилась, понимая, что этот брак – необходимое условие решения, но сразу оговорила, что нам многое нужно продумать, прежде чем объявить об этом союзе... К сожалению, какой-то мерзавец продал новость газетам. Ты исчез в тот же день, я не застала тебя на какие-то минуты... Но мне тогда нечем тебя было обрадовать – лишь через несколько дней мы с Шихиными выработали соглашение, согласно которому брак должен быть политическим и формальным, хотя ребёнок, конечно, реальным. Такое уже случалось в истории династий... Айван и я сохраняли право на личную независимую жизнь, скрытую от публики до тех пор, пока союз Северных не станет реальностью.

Джерри не сводил глаз со своей Никки. Он смотрел, слушал, ощущал её теплую руку – он впитывал присутствие Маугли, как потрескавшаяся земля – дождь.

– Я искала тебя везде. Айван помог и подключил к поиску службу безопасности Шихиных, но твои следы потерялись в Ричмонде. С тех пор ты не пользовался ни одной кредитной картой, твой т-фон был вне связи, ты ни разу не посещал мест, где стоят видеокамеры. Я начала думать, что ты умер... потом стала надеяться, что тебя похитили спецслужбы Южных... Когда я услышала, что ты нашёлся, то...

Девушка закрыла лицо руками.

– Я стал земным робинзоном, который издали смотрит на любимую Луну...

Джерри ласково взял её руки и отвёл их от лица девушки:

– Не прячься, я должен видеть тебя...

На ноутбуке Джерри, который включился в домашнюю сеть, раздавался настойчивый зуммер. Юноша ни с кем не хотел говорить, но это было письмо. От Айвана!

Джерри кивнул, и на экране появился принц Шихин.

Он старался выглядеть бодрым, но был далеко не таким беззаботным, каким помнил его Джерри.

– Джерри, здравствуй! Спорю, что Никки рядом, поэтому привет и ей. Ты должен знать, что я сделал всё, чтобы Никки стала мне настоящей женой, но потерпел поражение. Она твёрже стали – у меня не было шансов победить её упрямство. Я многое бы отдал, чтобы за меня так кто-нибудь боролся – против всех людей и всех расчётов! Ставя на кон свою жизнь и весь мир. Джерри, не держи на меня зла, что не ты сегодня держал Никки

за руку. И я прощаю тебя за то, что Никки не станет по-настоящему моей королевой... Джерри, я бы поменялся с тобой местами, но это невозможно. Каждый из нас заплатил немалую цену за союз Северных и общее будущее. Кусок моего сердца тоже лежит на общих весах. Я чувствую горькую гордость за свою плату. Зато у меня будет чудесная дочь – принцесса Сюзан, я уже не могу дождаться её появления на свет. В ней моя кровь, в ней моя жизнь. Мы трое связаны очень странно, но прочно... Мы больше, чем друзья, и нам многое предстоит сделать вместе. Мы с Никки иногда должны будем участвовать в королевских церемониях, надеюсь, ты будешь её отпускать, не ревнуя. Будьте счастливы, ребята, по-настоящему, без всякой дурацкой политики! – сказал Айван, и экран погас.

– Айван – очень хороший человек, – вздохнула Никки.

– Я не думаю, что я достоин всех этих усилий. Ты рисковала и рискуешь так многим...

– Это была борьба не за тебя, а за нас. Ведь я люблю тебя, – просто сказала королева. – И я знала, что ты умрёшь без меня. Можно ли надеяться спасти мир, сознательно бросив жизнь человека под колёса будущего? Вопреки математике, я сердцем чувствовала, что это было бы плохое начало!

Джерри налил ещё шампанского.

– Давай выпьем за нашего будущего сына, – сказал Джерри. И они хрустально прозвенели бокалами и глотнули колючей холодной влаги.

– Как ты его назовёшь? – спросила Никки.

– Предлагаю назвать его вместе, – сказал Джерри, – ведь он – *наш* сын. Как тебе нравится имя Михаэль – в честь моего отца?

– Замечательно, – сказала Никки, улыбнувшись, – согласна! Михаэль, Майкл, Майк... Сюзан – это ведь тоже в честь моей мамы. Мне кажется, это как-то возвращает их *оттуда*.

– Да, у меня были латентные гены диабета и ещё чего-то малоприятного... – забеспокоился Джерри, – как избавить Майкла от них?

Никки молча достала откуда-то широкий браслет с плоским полированными камнем и сказала:

– Будет небольшой укол.

И приложила браслет к Джерриной руке. Юноша на самом деле почувствовал, как остриё иглы прокалывает кожу.

– Что это за колючая штука?

Никки приложила браслет и к себе, слегка поморщилась и сказала:

– Помнишь студента-биолога, который стоял четвёртым в списке-307?

– Да.

– Он в студенческом сборнике опубликовал принцип генетического резонатора, который может управлять движением хромосом и соединением генов в ДНК с помощью излучения определённых частот. Никто не воспринял всерьёз эту идею, но именно из-за неё этот парень попал в список ключевых персон мира. Его родители работали на Южных, и мне долго пришлось склонять его к сотрудничеству. Когда он согласился, мы мгновенно набрали целую команду генетиков и физиков. Ты видишь перед собой один из первых образцов генорезонатора. Сейчас он проходит клинические испытания на добровольцах, а мы – те самые добровольцы и есть.

– И на что же мы добровольно согласились?

– Он анализирует наши с тобой ДНК и подбирает нужные для их контроля частоты резонансных излучений. Вот он закончил работу...

На плоском камне, оказавшемся миниэкраном, высветились какие-то строки. Никки поколдовала и превратила картинку с экрана в крупное голоизображение.

– Зададим пол: мальчик... Мы можем выбрать для Майкла наилучшую комбинацию из двух наших генотипов. Анализатор нашёл триста пятьдесят генов, которые не стоит ему передавать в любом случае. В остальном мы вольны выбирать. Но у меня есть просьба...

– Какая? – Джерри несколько смущённо наблюдал за манипуляциями Никки.

– Я хочу, чтобы он был внешне похож на тебя, – твёрдо заявила Никки.

– А нас не будут путать? – спросил растерявшийся Джерри.

– Ну, ты даёшь! – фыркнула Никки. – Ты будешь старше его на столько лет!

– Верно, – смутился юноша и кивнул. – Согласен... если ты просишь.

– Поверь моему женскому мнению – лучшего варианта мужской внешности нам среди наших генов не найти.

Джерри промолчал.

– Теперь зададим оптимум по интеллекту и времени жизни... – Никки говорила и быстро нажимала кнопки на браслете. Потом всмотрелась в голограмму.

– Смотри, прибор выдал два возможных варианта интеллекта и продолжительности жизни Майкла: в одном варианте потенциальный IQ будет около ста шестидесяти, а вероятное время жизни – ух ты! – сто пятьдесят лет!

– А в другом? – заинтересованно спросил Джерри.

– Во втором варианте потенциальный IQ прыгает до двухсот, зато

время жизни снижается до ста тридцати лет. Невероятно высокий IQ!

– Хм, но на двадцать лет меньше жить... Как трудно выбрать, не спрашивая его самого – что бы он предпочёл...

– Да, спросить его нельзя...

– Тебе не кажется это странным – рассчитывать жизнь своего будущего ребёнка, играть роль бога для него. Не лучше ли доверить всё природе и судьбе?

– Во Вселенной нет такой глупости, как судьба. Если мы не научимся быть расчётливыми, то не выживем. Но расчётливость – это не бесчувственность. Иначе бы меня бы здесь не было.

– Думаю, нужно выбрать вариант двести-сто тридцать. Интеллект важнее.

– Согласна! – Никки нажала кнопку на резонаторе. – Решено! У Майкла будет пятьдесят семь процентов твоих генов, сорок три – моих.

Королева надела браслет на руку. Его огоньки выстроились в зелёное кольцо.

– Ну вот, прибор активирован. И когда Майкл решит... заявиться в этот мир, то соберёт лучшее, что есть в наших генотипах. Разве что нос ему можно было сделать поменьше, но боюсь, что это разрушит общую гармонию вашей семейной физиономии... я так привыкла к твоему носу, что, надеюсь, Майки нас простит... – И Никки поцеловала Джерри в семейное украшение.

– Майк... – нежно расплылся Джерри. – Майки...

Никки с улыбкой смотрела на него.

– А у тебя есть фото Сюзанны? – озабоченно поинтересовался юноша.

Никки поколдовала с голограммой, и перед ними появился толстощёкий младенец, который быстро превратился в весёлую девочку, а потом в очень красивую девушку с искрящимися волосами.

– У неё хрустальные волосы! – воскликнул Джерри. – Как у тебя!

– Прозрачные волосы мои генетики сумели сделать семейным признаком династии Гринвич, – сказала Никки, – и навечно запатентовали эту комбинацию генов.

Никки склонилась над столом и заглянула в глаза Джерри.

– Джерри, когда будет построен наш замок, мы будем жить там вместе с Сюзан. Ты... будешь её любить?

– Я её уже люблю, – убеждённо сказал Джерри, глядя на вновь помолодевшую милую рожицу будущей принцессы Сюзанны на голограмме. – Она же *твоя* дочь.

Никки радостно вздохнула.

– Теперь я понимаю, почему ты поддержала закон геномодификаций, – задумчиво сказал юноша. – Отныне все родители, вне зависимости от богатства, смогут выбирать для своих детей наилучший генотип.

– Верно, генорезонатор будет абсолютно доступен, – кивнула Никки. – А так как патент на его принцип принадлежит моей династии, то мы будем контролировать ситуацию и выпускать резонатор только в варианте сравнения и слияния двух человеческих генотипов. Все люди будут поставлены в одинаковые условия – и никто не сможет опасно экспериментировать, составляя генотип ребёнка из произвольного набора генов человека, животных и растений. Поэтому сейчас закон о геносвободе вовсе не опасен, а очень нужен – и буквально всем людям. А откуда ты знаешь, что я его поддержала?

– Я видел каждое твоё появление по тиви. Это было главным развлечением на моём необитаемом острове.

Никки снова погрузилась.

– Прости меня, Джерри... О боги, через какой ад ты прошёл из-за этой свадьбы...

– Трудно прожить жизнь, никого не послав на костёр... – сказал Джерри, вспомнив отчаянно рыдающую Элизу.

– Неужели ты забыл мои слова: ты – мой, я тебя никому и никогда не отдам... Ну, почему, почему ты мне не поверил? Разве я когда-нибудь тебя обманывала?

– Нет... – виновато согласился он. – Прости, я решил, что не должен тебе мешать...

Никки вскочила со своего места, уронив стул, и бросилась на шею к Джерри.

– Я больше никогда не буду сомневаться в твоих словах, – сказал он, нежно перебирая пряди её волос, мерцающие в свете свечей.

Она вздохнула, отодвинулась и посмотрела ему в глаза:

– Я уже сыта, и у меня кружится голова от сильной гравитации...

У юноши внезапно тоже закружилась голова. Он встал и подхватил на руки свою утомлённую королеву. Она прижалась к нему, и его лицо утонуло в её хрустальных волосах.

И Джерри, наконец, окончательно поверил: его Никки приехала.

У него появилась семья.

Заря разгоралась, и далёкая снежная вершина уже вспыхнула ярко-розовым рассветным цветом.

Нос лодки с шелестом врезался в отмель.

Они взялись за руки и вместе спрыгнули в прибойное кипение. Увязая босыми ногами в мокром крупном песке, вышли на сухое место.

Слева пляж замыкали крутые тёмные скалы, а вправо белая прибрежная полоска уходила к горизонту. Густая зелень окаймляла песок и упрямыми островками добиралась до самого прибоя. Полноводный ручей с журчанием выбегал из зарослей, прорывая русло в песке и гальке, и сливался с мерно дышащим океаном.

– Как называется эта земля? – спросила она.

– Это терра инкогнита... у неё ещё нет имени, – ответил он.

– Тогда мы придумаем его вместе!

За кромкой пляжной зелени виднелись невысокие горы и тихие долины, затянутые утренним туманом. Громко перекликались птицы, а в лёгком ветре запутывались запахи неизвестных цветов. Послышался грохот дальнего обвала.

– Целая страна! Здесь можно бродить сто лет! – воскликнула она.

– Хоть целую вечность, – согласился он.

– Интересно жить, правда? – совсем по-детски сказала его юная королева. И он кивнул, с улыбкой глядя в её радостные синие глаза.

В следующее мгновение из-за горизонта показалось горячее солнце.

Высокие, в рост человека, часы возле традиционного рождественского дерева Уолкеров – трёхметровой норфолкской ели в большой кадке – проиграли нежную колокольную мелодию и громко отбили двенадцать звонких ударов.

На Земле настала лунная полночь.

«Эти старые часы звонили мне целый день, – подумал Джерри, – но только сейчас я их услышал».

Серебряный диск заглянул в высокое окно. На тихих лапах подкрался лунный луч, и в хрустальных волосах королевы засияли перламутровые волны.

– О чём ты думаешь? – спросила Никки.

– О том, что мы будем жить долго и счастливо и умрём в один день, – сказал в прозрачную темноту Джерри.

– Глупости... – ответила Никки засыпающим голосом. – Мы будем жить вечно.

И он сразу поверил ей.

Послесловие

Правдивость и точность – кредо автора, касается ли это биологии дрозифил, динамики нептунианских арок, или любого научного факта, приведённого в книге.

К сведению любопытных читателей:

Тёмная материя в галактиках всё ещё темна.

Робот «Сёрфер» вовсе не фантастика.

Угнетённые мирные кузнечики легко порождают злую саранчу.

Дюнная летопись на берегу Пуэрто-Рико ждёт своей расшифровки. Для интересующихся даю координаты многорядной дюны: 17 градусов 56 минут 15 секунд северной широты, 66 градусов 12 минут 00 секунд западной долготы.

Над загадочным эффектом «Пионера» ломают головы учёные по всему миру. Можно ли создать ГравиКуб на основе феномена аномального торможения космических аппаратов? Научное полушарие авторского мозга активно над этим размышляет, а литературное – уже радостно забежало вперёд.

Правдивость данной книги может превысить даже авторские ожидания. Оказалось космической реальностью сюжетное предположение о тройственности астероидов (эта гипотеза в науке обсуждалась раньше всех крымскими астрономами – группой Прокофьевой-Михайловской). В первой книге герои думают о возможности немутационного способа воздействия среды на геном, а при написании второй книги выяснилось, что новая наука эпигенетика уже успешно открывает многочисленные механизмы такого действия. В первой «Астровитянке» Никки спрашивала профессора Франклин: «Существует ли природная генная инженерия, которая смешивает гены разных видов и производит „химер“, не возникающих при обычном размножении?» Сейчас можно ответить утвердительно: коловратка, рекордсмен по выживаемости в засушливом климате, для оптимизации генома своего потомства использует гены съеденных ею растений, грибов и бактерий.

Это показывает реальность проблем, обсуждаемых в книге.

Герои книги тоже имеют особый заряд подлинности.

Облик профессора Эда Ван-Теллера с огромной клюкой, могучим интеллектом и зычным голосом отражает внешность знаменитого учёного Эдварда Теллера, который в конце жизни приложил немало усилий по

созданию системы защиты Земли от астероидной опасности. В первой книге лекцию студентам Колледжа читал высокий и худой профессор Мазер, а когда дописывалась вторая книга, его однофамилец – замечательный учёный, энтузиаст и астроном, с которым автор имеет честь быть хорошо знакомым, получил Нобелевскую премию по физике. Конечно, конкретные высказывания Ван-Теллера, Мазера и других героев книги – на совести автора, а не людей, которые послужили для него источником вдохновения. Зато лекция профессора Цитцера из первой книги во многом повторяет настоящие уроки замечательного челябинского учителя химии Юрия Густавовича Цитцера.

Первые строки гимна высокомерного общества ботаников взяты из поэмы «Жажда» Владимира Кисельмана, популярной среди реально существующего уральского сообщества интеллектуалов-школьников.

Реалистично ли описанное в книге будущее? Думаю, что да.

Но прогресс науки предсказать гораздо легче, чем прогресс человека.

Мы скоро станем бессмертными – это не проблема.

Проблема – как бессмертным людям научиться жить не мёртвыми.

2004–2009

Книга 3

Возвращение астровитянки

Посвящается Т.

Пролог нового тысячелетия

«Сентябрьский день был чудесен – синее небо, тепло, но не знойно. Редкий случай, когда можно ехать в машине на скорости шестьдесят миль, с удовольствием выставив в открытое окно локоть или ладонь. Воздух на такой скорости упруг, как медуза, и скользит между пальцами, перебирая их.

Прямое шоссе шло на восток, рассекая сонные поселки, разрезая капилляры местных дорог и выцеживая из них разноцветные автомобили в единое артериальное течение. Двадцать стремительных минут – и пятижильный поток упирался в городское кольцо, сгущаясь в длинный тромб.

Утренняя пробка была стабильной, как часы, спокойной и привычной. Она пахла ранним кофе и свежими рубашками, сочилась звонками телефонов и бодрими интонациями радиокомментаторов, вздрагивала от скрипа зазевавшихся тормозов.

Она была пучком мировых линий, густо стиснутых в бетонном пространстве, приятельски привязанных друг к другу утренним временем.

Раздавленные на скорости насекомые усеивали лобовые стекла и автомобильные капоты, раскалённые солнцем и моторами. Крупные синие стрекозы ловко скусывали с капотов битую копчёную мошку, грациозно пританцовывая в воздухе.

Белохвостый олень с любопытством высунулся из зарослей, посмотрел на дорогу, забитую автомобилями, и равнодушно отвернулся. Всякому ясно, что ползающие кусты, которые так дурно пахнут, должны быть совершенно отвратительны на вкус.

Старенький автомобильный кассетник подпитывал солнечный пейзаж могучей итальянской энергией Челентано. Я опаздывал на работу, но не настолько, чтобы нервничать по этому поводу. Последняя часть дороги была самой приятной, с зелёными откосами в ромашках и тихими пригородами за высокими придорожными стенами.

Весной здесь всё в вишнёвом цвету.

По-совиному ухнул над головой последний мост, и я свернул в Рослин – деловой центр на столичной окраине. Несколько привычных поворотов – с уступанием дороги и с взаимным раскланиванием с пешеходами – и я въехал в подземный гараж.

Нашёл место неподалеку от красавца „бентли“, зашёл в лифт и нажал

кнопку десятого этажа.

Странно – никого в кабинетах не было. Я двинулся на голос диктора, доносящийся из конференц-зала, и нашёл всех сотрудников перед экраном.

И сентябрьский погожий денёк превратился в кошмар.

Телевизор показывал горящий небоскрёб. Вскоре вспыхнул второй – рядом.

Мозг лихорадочно подсчитывал возможное число обитателей стоэтажных громадин и приходил к кошмарному выводу, что катастрофа может быть сравнима с Хиросимой. Глаза в ужасе фиксировали все подробности и поймали момент, когда край небоскрёба дрогнул и посыпался вниз. За считанные секунды сколлапсировал весь параллелепипед, взметнув вверх цементно-пылевой смерч. Крик прокатился по комнате и по всему миру, наблюдающему мгновенную смерть тысяч людей.

Вскоре рухнул и другой небоскрёб, и ещё многие сотни душ присоединились к чёрному облаку, висящему над густонаселённым островом.

Что происходит?! Кто это сделал?!

Это ещё был не конец кошмара.

Над нашим зданием самолёты часто заходят на посадку в ближайший аэропорт. Но этот „Боинг“ пролетел слишком низко и быстро, с громким гулом. Его брюхо мелькнуло над самой головой. И над крышами зданий, за которыми скрылся странный самолёт, появился чёрный клуб дыма. Это уже была не телепередача, это уже горела столица...

В воздухе стойко пахло войной.

Около одиннадцати часов объявили эвакуацию учреждений. День по-прежнему был погожим, но уже совершенно неправильным. Движение транспорта в центре города перекрыли. Чиновники и бизнесмены – в галстуках, пиджаках и с кейсами – выбирались из города по мостам, не спеша, без паники. Как будто весь город вышел подышать свежим воздухом, вот только в воздухе стоял дым от сгоревших человеческих жизней.

Гражданские самолёты больше не летали, зато в голубом небе с ревом носились военные истребители.

Так началось новое, третье тысячелетие.

Я стоял у места взрыва, дышал пеплом сожжённых душ – и они остались во мне навсегда.

С тех пор я бессознательно боюсь низко летящих самолётов.

С тех пор я сознательно думаю о терроризме, пытаюсь понять его

генезис.

Я был со своей семьей в той самой башне. Но мы не сгорели, не прыгнули с карниза, не распылились среди бетонной крошки – мы побывали в небоскрёбе за несколько месяцев до его крушения. Поднялись на крышу в кафе, выпили по бумажному стаканчику кофе на самой вершине человеческого мира, посидели на лестнице с металлическими перилами. Ступеньки спускались в никуда – просто к огромному стеклу, за которым раскинулся ночной, светящийся, звенящий, смеющийся город.

Вскоре это уютное кафе покосится и устремится в историю, ломая перила, как руки.

Несколько секунд невесомости, присущей космическим кораблям, вышедшим на финишную орбиту.

Удар! – и тысячи испуганных и одиноких людей умерли.

Густое облако праха и цемента покрыло оставшихся в живых, город и мир.

Мы остались там навсегда – на вершине той башни. Рухнувшей и вечной.

Терроризм стал частью нашей жизни.

Вскоре столичных жителей стали обстреливать невидимые снайперы. Убивали всех, потому что все были врагами: женщина, вышедшая из магазина с покупками; мужчина, отец шестерых детей, заправляющий машину на бензоколонке; тринадцатилетний школьник, идущий домой. Как страшно жить тем, у кого столько врагов.

Каждый вечер я включал радио, чтобы узнать – кого и где сегодня убили снайперы? Географию очередного кровопролития нужно было деловито учитывать при возвращении домой, так как после каждого убийства ближайшие шоссе перекрывались в поиске убийц. И тысячи людей проводили в автомобильных пробках долгие часы; измученные, съезжали на обочину и засыпали.

Это длилось три недели. Люди стали бояться открытых пространств, не решались выйти из машины, чтобы залить в бак бензин. Напряжение росло – именно этого и добивались террористы.

Но кого они запугивали своей жестокостью? Своих врагов или своих союзников? Или просто наслаждались свободой насилия, разрешённой и даже благословлённой собственной системой ценностей? Торговали ли здесь чужим страхом или питались им?

Я много думал о социологии террора, психологии террористов и их жертв, одной из которых оказался и я. Так появилась эта книга „Бизнес терроризма“, где я прихожу к выводу, что терроризм направлен не наружу, а

вовнутрь. Его главная цель – не месть внешним врагам, а укрепление положения во внутренней среде союзников. И лишь второстепенной целью является удовлетворение своей злобы.

Террором нельзя победить страну с ядерными ракетами – ведь ты и твои союзники живы только до тех пор, пока она всерьёз не рассердится.

Зато пролитая кровь скрепляет – особенно чужая. Друзья и финансисты террористов становятся соучастниками преступления: они привязаны к нему, боятся за себя, поэтому и держат для террористов кошелёк открытым. Они могут радоваться победам над чужаками и иноверцами, но на самом деле – это победили их самих.

Друзья террористов являются главными жертвами терактов.

Насколько устойчива и распространяема бизнес-модель терроризма? Полагаю, что здесь применима аналогия...»

Раздался стук в дверь.

Глава 1

Контратака императора

В кабинет зашёл Джерри. Никки отвернулась от экрана и посмотрела на него.

- Что ты читаешь?
- Старинную книгу о природе терроризма.
- Идём обедать, я придумал отличное блюдо из тушёной рыбы с картофелем под сыром. А почему ты заинтересовалась террористами?
- Хочу понять короля Дитбита.
- Он террорист, вне всяких сомнений... И взрыв в Шрёдингере – теракт.
- С юридической точки зрения – конечно, но с психологической есть существенная разница между терактом от имени религиозного или этнического сообщества и ударом, которым пытаются нейтрализовать опасность для себя и своей семьи.
- И зачем ты об этом думаешь?
- Потому что король Дитбит всё ещё в бегах – уже много месяцев. И всё ещё опасен. Такого врага нужно понимать – тогда легче предвидеть его действия. Полагаю, что у Дитбита психология не обычного террориста, а мафиозного главы семейства. Семья для него важнее денег и союзников. Сейчас он – самоотверженный защитник своего клана, а не лидер большой общины идейных последователей, которую нужно сплотить.
- И что из этого следует?
- Пока не знаю... – вздохнула Никки. – Пошли есть твою замечательную рыбу.

Они сидели за столом причудливой конфигурации, в небольшой башне, прилепившейся к стене нового замка династии Гринвич. Оконное стекло пересекало плоскость стола и открывало вид на цветник, который обещал стать главным блюдом в меню. Стояла лунная ночь, и цветник, где работали двое садовников, ярко освещался лампами.

Сам замок был ещё не готов – лишь на одной его стороне светились окна жилых башен и служебных этажей. Основное здание только строилось, а вокруг него уже возникла сеть хрустально чистых шестиугольников – вместе с замком рос целый город – Гринвич-Сити.

Никки быстро съела рыбу, а за чаем снова рассеялась вниманием,

задумалась над чем-то сложным.

– Над чем размышляешь? – спросил Джерри.

– Вокруг нас море несправедливости. Мне хочется, чтобы его было поменьше, но всё так запутано... Помнишь, как мы раздобыли денег, вступив по владение астероидом? Этим занимался Дименс, и я не знала многих деталей. Оказывается, далеко не всегда эта процедура проходит гладко. Хуже всего дело обстоит на Титане, где много индивидуальных старателей и владельцев шахт. Там судебные решения по регистрации участков так затягиваются, что это каким-то малопонятным образом приводит к частым смертям и банкротствам среди поселенцев. Судьи очевидно подкуплены, но неясно, как с этим бороться, – ведь они формально ничего противоправного не совершают, просто работают так, что создали многомесячную очередь на повторное рассмотрение регистрации участков... Чепуха какая-то, но кому-то она стоит жизни...

Никки нахмурилась и сказала:

– Я не понимаю, как сделать человечество более человечным и менее злобным. Чем технологичнее мир, тем больше трагедий может принести чья-то агрессия или тупость. Инфраструктура современного общества стала сложной и уязвимой. Достаточно небольшого количества психов или преступников – и жизнь превращается в кошмар. А в мире нет места без идиотов. И что делать с этими несчастными людьми?

Джерри хмыкнул:

– Забавно, что ты об этом заговорила. Потому что это близко к «проблеме торможения», над которой мы с Хао сейчас бьёмся. Точка «бифуркации бессмертия» пройдена, и нужный поворот истории сделан. Мы с Хао пытаемся получить более детальный вариант событий в рамках уже известного канала событий. И выяснили: чем дальше мы двигаемся по линии эволюции, используя имеющиеся технологии четвёртого уровня, тем меньше становится вероятность нужных нам преобразований. То есть теоретически они осуществимы, а практически... Мы ещё не до конца разобрались в причинах этого – поэтому я и не спешил рассказывать тебе об этой закавыке. Но очевидно, что главным тормозом эволюции является не техника, а люди. Чем лучше жизнь, тем больше они теряют интерес к труду и творчеству. Неразвитым людям для счастья достаточно еды, секса, легальных наркотиков, удобного жилья и необременительной ненависти к ближнему. Такая ограниченность становится главным препятствием на пути к будущему. Человеку тяжело быть разумным! А бессмертие только усложнит эту проблему.

– И где выход?

– Не знаю. Нужно кардинальное изменение в психологии людей, в мировой культуре и образовании. А этого невозможно достичь с помощью существующих социоимперативов и технологий. Здесь нужно что-то другое. Я подошёл к задаче с формально математической точки зрения – и доказал интересную теорему: «проблема торможения» принципиально решается, если у нас есть технология пятого уровня.

– Но таких технологий, играющих ключевую роль на масштабах десятков тысяч лет, человечество ещё не знает!

– Я и говорю – это лишь математическое утверждение, а не реальное решение.

Никки заругалась:

– Какого Ома жизнь устроена так, что все победы вянут уже наутро и возникают новые проблемы?!

– Закон сопротивления всемогущ, – усмехнулся Джерри.

В их беседу ворвался встревоженный голос:

– Ваше величество, вы срочно нужны в рубке!

Рубкой в замке Гринвич называли командный центр, куда стекались все информационные потоки из внешнего мира и откуда можно было управлять быстрорастущей династией.

В рубке всегда находились или сама Никки, или дежурный офицер. Именно в его голосе звучала такая тревога, что Никки и Джерри без промедления кинулись в рубку, которая была совсем недалеко.

– Что случилось?!

Дежурный офицер молча кивнул на один из экранов, показывающий человека в форме капитана Космической службы.

Капитан торопливо сказал:

– Обнаружен «Звёздный дракон» – крейсер короля Дитбита. Он не отвечает на сигналы и летит по направлению к вашему куполу. Мы думаем, что это нападение!

– Его можно остановить? – спросила Никки.

– Ракеты за ним не успеют, а лазеры и пучковое оружие распылить корабль не могут. Он находится уже на баллистической траектории и, судя по всему, собирается врезаться в ваш город!

Кто-то в рубке охнул. Баллистическая траектория означает, что корабль даже с мёртвым экипажем и неработающим двигателем всё равно достигнет своей цели.

Никки воскликнула:

– Сколько времени осталось?!

– Шесть минут.

– Объявить немедленную эвакуацию! – крикнула Никки. – И вы тоже все на выход! – обратилась она к людям в рубке.

Рубка опустела, но Джерри и дежурный офицер остались.

– У меня вахта! – твёрдо сказал офицер и продолжил руководить эвакуацией.

Капитан крейсера Спейс Сервис сердито объяснял:

– Оказалось, что крейсер Дитбита снабжён не только системой невидимости – он сумел навести на главный радар сектора электромагнитные помехи, которые выглядели как естественная поломка. Пока система искала неисправность, крейсер Дитбита подошёл к самой Луне. Его обнаружили, но слишком поздно для посылки ракеты-перехватчика. А боевого лазера, достаточно мощного для уничтожения целого корабля, в нашем секторе нет.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросила Никки.

– Компьютер перебрал уже все варианты. Король объявлен вне закона, и я, ни минуты не колеблясь, уничтожу его лично. Но сейчас речь о вас и о десяти тысячах тонн металла, направленного в ваш купол.

– И о сотнях людей под куполом... – горько сказала Никки, наблюдая на экранах, как из шлюзов стали вылетать первые катера. – Они не успеют выбраться за эти минуты. И я не смогу вывезти из замка свою дочь.

– Я готов приказать обстрелять корабль, – прорычал командир Спейс Сервис. – Это хотя бы помешает взрыву реактора.

– Нет, не стреляйте! Тогда любая надежда будет потеряна. Корабль разрушит город даже одной кинетической энергией удара.

Робби вмешался:

– Корабль ещё можно отвернуть от Луны – если король согласится.

Никки посмотрела на дежурного офицера:

– Можно установить связь с кораблём Дитбита?

Офицер пожал плечами:

– Он не отвечает на запросы. Но я попробую ещё раз...

Но не успел он договорить, как засветился белым шумом один из экранов и раздался хриплый голос самого Дитбита:

– Королева Никки, прошлый наш разговор оказался не последним. Мы закончим нашу дискуссию сегодня. Готовься к смерти, королева.

Никки отреагировала немедленно:

– Король Дитбит, если вы откажетесь от своего самоубийственного поступка, я не буду мешать вашему сыну управлять династией Дитбитов и не буду её разрушать.

– Лжёшь!

– Я никогда не обманывала. Моё обещание слышат сейчас сотни людей.

– А что будет со мной?

– Вас преследует закон, а не я.

– Ты его натравила!

– Это не так. В любом случае, я не властна над полицейскими. Я обещаю только то, что смогу выполнить. Если же вы не согласитесь, мои друзья от вашей династии оставят только пыль, и не уверена, что ваш сын уцелеет в этой вакханалии мести.

– Болтовня! Тебя не будет – не будет и проблемы! – Голос короля выдавал усталость и тревогу.

– Вы сейчас убьёте массу невинных людей. Я клянусь дочерью, что говорю вам правду! Вы добились своей цели: вашей династии с моей стороны больше ничто не угрожает!

– Что, королева Николь, испугалась?

– Да, король Дитбит, испугалась. В замке мои друзья и моя дочь... Я не собираюсь спасаться, я их не брошу.

– Тогда молись свои последние минуты жизни! – торжествующе каркнул король Дитбит.

Но Никки не собиралась падать на колени. Она скомандовала офицеру:

– Включите все каналы, сообщение для штаб-квартиры Шихин-ых. – Она повысила голос: – Официальное завещание. Я, королева Николь Гринвич, завещаю своему мужу...

Джерри с ужасом посмотрел на неё.

– ...принцу Айвану Шихин-у всё своё состояние – с единственным требованием полностью уничтожить династию Дитбитов, клана детоубийц. Пусть даже память о них будет проклята! – Никки перевела дух и добавила: – Робби, в момент пролома купола разместить в Сети контракт на уничтожение принца Дитбита-младшего. Цена – миллиард, деньги из моего личного фонда. Сколько принц проживёт после этого?

– С вероятностью одной сигма – три дня. Его убьют собственные слуги.

– Не сделаешь этого! – воскликнул король Дитбит.

– Робби, это неотменяемый приказ, – сказала королева и посмотрела на мерцающий экран: – Я не сделаю этого. Ты, король Дитбит, сам это сделаешь, уничтожив мирный город. Я уже не смогу вмешаться в свои приказы. Сам думай, что тебе важнее – спасти сына и свою династию или отомстить мне и погубить их обоих.

Раздался голос Робби:

– Через десять секунд отвернуть от Луны можно будет только на автопилоте, но перегрузки будут смертельны для экипажа. Даже с учётом электромагнитного кресла.

Ужас разлился по рубке и захлестнул замок, который слушал происходящее сотнями каналов. Из динамиков слышались крики, хруст и грохот. На левом экране было видно, как сразу два катера попробовали влезть в шлюз и врезались друг в друга, сминая блестящие бока и крылья.

В рубке воцарилось гулкая тишина. Король Дитбит молчал.

Зато Робби заявил:

– Катастрофа неотвратима. Избежать соударения с лунной поверхностью уже нельзя даже на автопилоте – мощность двигателей «Звёздного дракона» недостаточна.

Никки вздохнула.

Как ни готовься к смерти, она всегда застаёт врасплох.

– Пойдём, Джерри, я хочу быть рядом с Сюзан. Робби, спроецируй на весь купол лицо Дитбита-младшего... Король должен видеть, кого он убивает. Командир, не обстреливайте его корабль – пусть король до конца отвечает за себя и свои дела.

Потом Маугли сказала в пространство:

– Прощай, король Дитбит. Да, я сейчас умру. Все люди умирают. Но пока мы живы, то сами решаем, какое эхо останется после нашей смерти – благодарность или ненависть.

Никки повернулась к дежурному офицеру и пожала ему руку:

– Спасибо за службу, вы проявили себя настоящим командиром. Боюсь, вы уже не успеете выбраться отсюда.

– Моя вахта ещё не окончена! – гордо сказал офицер и отдал честь выходящим из рубки Никки и Джерри.

В огромной детской комнате стены-экраны транслировали красивые пейзажи, но здесь был и свой живой садик и звучала тихая музыка.

В центре комнаты стояла колыбель Сюзан. До рождения принцессы оставалось две недели.

– Ну, что, Джерри, такой оборот событий мы не рассчитали? – вздохнула Никки, подходя к колыбели.

– Это нерассчитываемый «эффект джокера» – самый опасный для всех моделей. Поведение отдельного человека до конца не предсказуемо, и если он своими действиями оказывает влияние на ход истории, то мы имеем развилку мировой линии и практически случайный выбор пути истории. В своё время ты оказалась «джокером» и спутала карты многим мировым игрокам.

Джерри был невозмутим.

– Почему ты так спокоен? – спросила Никки. – Нам осталось жить... Сколько, Робби?

– Тридцать секунд.

– Пока я с тобой, – сказал Джерри, – я почему-то ничего не боюсь. Это личная патология, не обращай внимания.

– А мне страшно, – шепнула Никки. – И очень жалко Сюзан – она уже такая славная, я её так люблю...

Она заглянула в окошко колыбели:

– Прости, Сюзан, тебе не повезло с мамой...

Истекали последние секунды, отпущенные им и себе безумным королём Дитбитом.

Никки крепко прижалась к Джерри и спрятала лицо на его груди. Последний защитный жест всех влюблённых.

Земля взбесилась и подпрыгнула.

Стены затрещали, и всё затопил низкий гул.

Наступила тьма.

Прошла смертельно тоскливая секунда, и свет снова загорелся.

Треск и шум стихли.

Робби крикнул:

– «Звёздный дракон» врезался рядом с куполом! Король Дитбит отвернул в последние секунды! Мощности хватило, чтобы только уйти от города.

– Он принял моё предложение... – сдавленно сказала Никки.

И второй раз на памяти Джерри заплакала.

Это правильно.

Смерть – даже смерть врагов – должна вызывать слёзы.

А иначе – что мы за люди?

Глава 2

Гринвич-сити

Город был великолепен.

В его центре раскинулась треугольная площадь, вокруг которой симметрично собрались три огромных здания в виде треугольных пирамид: замок династии Гринвич, Независимая академия наук и Гринвич-колледж.

Гринвич-колледж состоял из школы, собственно колледжа и университета. Школа неофициально чаще всего называлась Школой Гениев, но каждое поколение школьников награждало его собственным прозвищем, и чего тут только не было: Дом Грызунов, Остров Скелетов, Сушилка Мозга, Подвал Упырей, Гробница-для-Всех и многое другое. Студенты не придумывали прозвищ своей alma mater – им было не до того.

В пирамидально-ступенчатое здание по прозвищу «Лестница» многие впервые попадали, держась за руку отца или матери, а покинуть его им предстояло взрослыми людьми, обладателями дипломов о высшем образовании. Чем старше становился человек, тем на более высокий уровень здания он поднимался, и тем меньше оставалось рядом с ним друзей, выдержавших тяжёлую учёбу.

Вокруг каждого этажа шла зелёная терраса, на которой можно было отдохнуть, но лужайки и сады у вершины пирамиды были практически пусты – из-за занятости студентов университета, которые скоро должны были шагнуть во взрослую жизнь.

Многие выпускники Гринвич-университета надеялись просто перейти площадь с фонтанами и клумбами и стать сотрудниками Независимой академии, размещённой в стильном пирамидально-спиральном здании. Спираль пешеходного цветущего бульвара шла от подножия до вершины академии, делая её похожей на висячие сады Семирамиды. Придорожные камни и фонтаны были исписаны мудрыми изречениями, которые могли служить некоторым отдыхом и утешением для ломающих голову над очередными научными загадками.

Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации учёных или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов... Истина нередко в большем объёме открыта научным еретиком,

чем ортодоксальным представителям научной мысли. Отличить научных еретиков от заблуждающихся не суждено современникам.

В. И. Вернадский

По неофициальной статистике, большинство идей приходило учёным в голову не во время сидения в кабинете, а во время прогулки по дороге, которая неторопливо и густо обвивала пирамиду Академии.

[В V веке] наступило господство истины веры, которая облеклась в прочную форму религиозного рационализма. Такое положение сохранялось около шести веков. Если когда-либо в истории западной мысли философы (да и народ в целом) чувствовали, что ими владеет истина, вся истина и ничего, кроме истины, – так именно в это время. Не было тогда ни скептицизма, ни вопрошания, ни сомнения, ни относительности, ни колебания, ни оговорки.

Питирим Сорокин

Под этой мыслью кто-то дописал красным фломастером: «Ни научных открытий, ни изобретений...»

Мудрец не может ограничиться изучением природы и истины; он должен осмелиться высказать последнюю в интересах небольшого кружка лиц, которые хотят и умеют мыслить. Ибо другим, по доброй воле являющимся рабами предрассудков, столь же невозможно постичь истину, сколь лягушкам научиться летать.

Жюльен Офре Ламетри

Красным снова было начертано: «Учти, потомок, это сказано было тогда, когда за научные убеждения легко отправляли в тюрьму и даже на костёр...»

Если учёный изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-

нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны.

Л. Н. Гумилёв

Замок династии Гринвич тоже был пирамидальным, но его усеивало множество сказочных башенок, создающих ощущение готичной воздушности. За замком закрепилось прозвище «Королевский ельник» или просто «Ёлка».

Треугольнику главных зданий соответствовали три городских района-сектора.

За колледжем раскинулся уютный пригород, где жили родители младших школьников. Это был обычный симпатичный посёлок из двухэтажных домиков, иногда плотно срастающихся вокруг оживлённых улиц. Городок давал многим взрослым работу и всем семьям – крышу над головой. Студенты колледжа и университета жили обычно в пирамиде Гринвич-колледжа, где окна личных комнат выходили на зелёные террасы, а учебные аудитории прятались внутри пирамиды, где тоже было немало закрытых садов, бассейнов и гимнастических залов.

Сектор за Академией был сплошным лесным массивом с крышами отдельных коттеджей и вилл, торчащих, как грибы на лужайке. На окраине академического сектора, за длинным озером, виднелся блок опытных производств, в котором реализовывались многие идеи обитателей пирамидально-спирального здания, в просторечии – Штопора. «Пора выходить из штопора!» – частенько восклицали засидевшиеся допоздна учёные, с трудом вынырывающие из таинственных глубин своих модельных миров.

Я вполне сознаю, что могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведёт меня в дебри; но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли... это стремление есть основа научной деятельности.

В. И. Вернадский

Сотрудники Академии чувствовали себя важным элементом общей интеллектуальной сферы Земли, поэтому мысли Вернадского, создателя учения о ноосфере, были особенно популярны среди местных учёных.

Мечта Никки – построить город только для молодых – не осуществилась: и родителей в Школьном поселке было достаточно, и среди

учёных встречалось немало седых, но бодрых стариканов.

Но всё равно – молодёжи в Гринвич-Сити было гораздо больше, чем в обычном лунном поселении. Средний возраст жителей нового города составлял шестнадцать лет.

Преклонный возраст никакого преимущества в социальной иерархии Гринвич-Сити не давал. Собственно, иерархическая пирамида в городе была такая прозрачная и лёгкая, что не сразу и заметишь.

Бизнес династии был сфокусирован на производстве и распространении новых знаний и технологий, поэтому наука в Гринвич-Сити развивалась стремительно и успешно. И главным фактором этого стала независимость учёных.

Для научного развития необходимо признание полной свободы личности, личного духа, ибо только при этом условии может одно научное мировоззрение сменяться другим, создаваемым свободной, независимой работой личности.

В. И. Вернадский

Все учёные Независимой академии имели одинаковые по комфорту и размерам личные кабинеты. Зарплата каждого состояла из фиксированного минимума и гонораров, которые каждый получал при публикации своих статей в Трудах Академии.

Рецензентов у статей не было, решение о публикации принимала компьютерная система, созданная на основе интеллектов Робби и Тамми, после проверки достоверности и значимости выводов. Система использовала в своём анализе социомоделирование по методу Михаэля Уолкера и сразу решала: стоит ли проверить теоретические выводы на эксперименте? Нужно ли реализовать математическую модель в металле и пластике?

Учёные добродушно называли компьютерного аналитика Великим Инкой, а когда были не в настроении, то – Железным Инквизитором.

Трое квалифицированных экспертов-людей независимо друг от друга следили за работой и решениями компьютерной системы. Если что-то вызывало сомнение, то устраивались дебаты по спорному вопросу. Таковых набиралось полтора процента от общего числа решений компьютера-рефери. После дебатов менялось только одно из пяти оспариваемых заключений Великого и Непогрешимого Инки. В 299 из 300 случаев он оказывался прав.

Независимая академия сумела достичь наивысшей эффективности творческого труда среди научных центров Солнечной системы. Учёным Академии выплачивали не только стабильную зарплату и солидные гонорары за публикуемые статьи, но и часть прибыли от практического использования научных открытий. Поэтому в Независимой академии работало немало состоятельных людей, но их это мало волновало и ничем от других учёных не отличало.

Профессор Лвин разбогател после создания Гравикуба, но не изменил своему скромному образу жизни. Впрочем, профессор получал искреннее наслаждение, раздавая благотворительные стипендии студентам и молодым учёным. Желчному профессору пришлось даже завести секретаря для этих добрых дел.

Почти каждый сотрудник Академии держал на стене своего кабинета текст документа, опубликованного при открытии Независимой академии наук. Этот документ неофициально называли «Декларацией бунта учёных», но на самом деле он был озаглавлен так:

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ НАУКИ

Научная революция преобразила наш мир. Космонавтика взлетела на законах Ньютона; из уравнений Максвелла выросла электронно-электрическая компонента нашей цивилизации; расшифровка структуры ДНК Уотсоном и Криком запустила генетическую революцию.

Наше общество не может существовать без учёных и науки, без термодинамики и дифференциальных уравнений, квантовой механики и кибернетики, теории относительности и химии. Именно на научных достижениях основано материальное богатство нашей цивилизации, государств, компаний и династий.

Но сами учёные, оставаясь наёмными работниками государственных и частных структур, нередко испытывают вопиющее пренебрежение к своим нуждам.

Вопросы финансирования исследований решают не учёные, а чиновники, в науке ничего не понимающие. Наука стала жертвой политических распри и заложником финансовой бездарности правительств.

Распорядок работы и жизни учёного, его зарплата, карьерный рост и пенсия – всё это определяется не реальной

продуктивностью учёного, а бюрократическими законами, неприменимыми к творческой деятельности.

Частные корпорации – компьютерные, фармацевтические, коммуникационные и другие, – используя достижения учёных, выкачивают из общества деньги, создавая огромные состояния своим владельцам, ничего не сделавшим ни в науке, ни в технике.

Важнейшие интеллектуальные направления тормозятся и закрываются, потому что развитие науки не является приоритетом для менеджеров, озабоченных своей властью и прибылью.

Такой порядок вещей несправедлив и неоптимален, мешает развитию науки и самого общества.

Структурная революция в науке неизбежна.

Мы учреждаем Независимую академию наук – общемировую организацию учёных, независимую от политики государств и корысти олигархов.

Мы исходим из самоочевидной истины, что все творцы равны и наделены определёнными неотчуждаемыми правами на свои творения. Мы не хотим привилегий для учёных, мы требуем для учёных справедливости.

Коллективным собственником Академии и её результатов будут сами учёные. На результаты интеллектуального труда должны распространяться общепризнанные авторские права.

Мы провозглашаем принцип открытого авторского права: все достижения Независимой академии наук будут открыты для творческого и коммерческого использования всеми желающими без каких-либо разрешений и согласований. Но производители и продавцы коммерчески распространяемых изделий, созданных на основе работ сотрудников Академии, должны перечислять ей научный сбор: 1 % от стоимости изделия.

Доход Академии от научных разработок будет распределён так:

40 % – самому первооткрывателю или группе разработчиков;

40 % – на нужды Академии, включая базисные зарплаты всем сотрудникам и гонорары тем, чьи работы имеют фундаментальное значение, но обладают отдалённой практической ценностью;

20 % – династии Гринвич. Династия обязуется предоставить здания, необходимые для работы Академии, и обеспечить

юридическое и финансовое управление Академией, включая независимую экспертизу результатов её сотрудников. Династия не претендует на интеллектуальную собственность Академии.

Нет никаких сомнений, что некоторые учёные Академии станут очень состоятельными людьми. Мы считаем это полезным явлением. Молодёжи лучше видеть перед глазами богатства творческих людей, полученные ценой личного труда и интеллектуальных усилий, чем недоступные другим наследуемые состояния или скороспелые капиталы, возникшие из биржевых махинаций.

Мы верим, что Независимая академия наук ускорит мировой прогресс и улучшит жизнь всего человечества.

Мы будем всемерно поддерживать настоящую Декларацию, в чём клянёмся нашей жизнью, нашим состоянием и нашей честью.

Николь Гринвич

Дзинтара Шихин-а

Хао Шон

Джеральд Уолкер

Себастьян Лвин

Вильям МакБерин

(всего пятьдесят подписей)

Многие государства жаловались, что Академия и династия Гринвич стремительно переманивают к себе лучшие умы мира. Никки не отрицала этого факта и целенаправленно строила бизнес своей династии вокруг получения и использования нового знания, подготовки и обучения новых специалистов и творческих людей.

Те учёные мира, у которых была опубликована хотя бы одна работа в журналах Академии, становились её ассоциированными сотрудниками. Они получали право на часть прибылей Академии и на её юридическую защиту.

Действительные члены Академии, принятые на постоянную работу в

один из её институтов, получали социальный пакет сотрудника и, при желании, права гражданина династии Гринвич.

Независимая Академия стала де-факто всемирным профсоюзом учёных, который обязался заботиться об условиях жизни и работы своих сотрудников.

Королева мечтала сделать из Гринвич-Сити новую интеллектуальную столицу мира – каким был когда-то Кембридж или Принстон. И эту честолюбивую мечту разделяли многие сотрудники династии.

Они жили в самых разнообразных домах в королевском секторе Гринвич-Сити: там были многоэтажные здания поразительной изогнутости и топологии, небольшие поселки и отдельные особняки.

Каждый сотрудник династии работал в одной из целевых групп. Одни группы возникали вокруг конкретных задач и распадались после их решения, другие разрастались в стабильные отделы и сами почковались более мелкими группами.

Во главе каждой группы стоял координатор, который обычно выбирался по наивысшему интел-рейтингу в группе. Эффективность каждого координатора всё время анализировалась хладнокровным искусственным интеллектом и проверялась самой Никки или кем-то из совета директоров. Смещения координаторов – с заменой кем-то из этой же группы – были так часты, что никакого почтения эти должности не вызывали. «Идеи давай, шеф! А то выгоним в шею...»

И выгоняли, молодые непочтительные обороты, невзирая на заслуги и возраст.

Один из главных отделов династии объединял пару десятков групп и занимался технической реализацией и внедрением результатов Независимой академии. Специальная группа развивала систему грантов учёным вне Академии, тем самым заочно вовлекая их в орбиту её деятельности.

Отдел образования занимался как проблемой качественного общего обучения для школьников всего мира, так и подготовкой кадров для династии.

Движение, которое началось с Гринвич-клуба для официантов-космонавтов, распространилось очень широко – и сейчас активным самообразованием занималось около двадцати процентов всей молодёжи. Династия поддерживала такие клубы самообразования и помогала их выпускникам, успешно сдавшим тесты, с устройством на работу, а лучших охотно приглашала к себе.

Династия разрабатывала новые системы дошкольного и школьного

образования, изготавливала дешёвые обучающие компьютеры, основанные на новых принципах.

Никки поставила перед своими сотрудниками задачу: каждый житель Земли, который хочет повысить своё образование или получить новую квалификацию, должен иметь такую возможность. А школьникам необходимо предоставить самые передовые программы обучения, пусть с трансляцией по Сети.

В двери Школы Гениев каждый день заходили десять тысяч детей, а учились в ней около пятидесяти миллионов – все остальные смотрели лекции по сети и даже задавали вопросы лектору, правда, отвечал на них обычно Великий Инка.

Как же хотелось этим миллионам детей проникнуть сквозь экран и оказаться в реальной аудитории Школы Гениев! Они ревниво рассматривали сидящих там детей (ну чем мы хуже?!), слушали школьный шум и шутки и мечтали о том, чтобы по итогам учебного года попасть в сотню лучших заочных учащихся: их королева Никки приглашала на очное обучение в Школу. Совершенно бесплатно, естественно.

Это виртуальное пребывание в школе умников с надеждой реального попадания в неё порождало такой стимул к учению, что детские психологи только ахали, изучая результаты тестов.

В результате даже те дети, которые ни разу реально не побывали в Школе Гениев, могли получить профессию – а с нею и жизнь – гораздо лучшую, чем те, кто отбывал в обычной школе лишь тягостную повинность, считая дни до каникул и прячась за спинами соседей – лишь бы учитель не вызвал.

Специальный отдел в династии занимался массовой культурой – фильмами и книгами, которые расходятся среди миллионов людей и незаметно превращают их в народ, в культурную нацию, где женщин и детей обижать нельзя, где книга – предмет если не первой, то второй необходимости, где образование ценно – и не только высокой будущей зарплатой, а просто более умным и гуманным подходом к миру. Именно массовая культура влияет на эволюцию основных нравственных критериев в обществе и уменьшает противоречия в нём.

Отдел общих проектов называли неофициально Отделом счастья: он искал критические, больные места человеческой цивилизации и думал, как их можно вылечить. Отдел счастья занимался всем – от решений проблем шахтеров Титана до помощи бедным одиноким матерям.

Решение, за которое нужно было платить, но которое восстанавливало справедливость – тем самым увеличивая популярность династии

Гринвич, – рассматривалось как хорошее. Самоокупаемое достижение справедливости считалось отличным решением, но выше всего ценился вариант, когда торжество справедливости приносило прибыль.

Никки тоже очень много работала. Эта работа часто была неприятной и тягостной.

– Мне жаль, что твой отец умер, Дитбит.

– Не нужно тебе говорить о моём отце. Чего ты хочешь, королева Гринвич?

– Согласно традиции и общим стереотипам мы должны быть смертельными врагами. Я хочу разрушить стереотип. Не хочу быть твоим другом, но и не хочу быть твоим врагом. Я обещала твоему отцу, что не буду мешать твоей династии. Подтверждаю свои слова: я не хочу войны, нам всем нужен мир. Даже недружелюбный.

– Ты вызываешь во мне ненависть.

– Ты стал королём. Политики не могут позволить себе такую роскошь – ненавидеть.

– Ты виновна в смерти моего отца!

– Ты знал его лучше меня и понимаешь, что свою судьбу он выбрал сам, я была лишь камнем на его дороге. Перешагнул бы он меня – споткнулся бы на другом.

– Ты умеешь красиво говорить!

– У тебя осталась мать. Братья и сестры. У меня не осталось никого. Я не хочу, чтобы чьи-то родители погибали. Поэтому я протягиваю тебе руку не дружбы, но мира.

– Я не буду пожимать твою руку. Но я подумаю над твоими словами.

– Спасибо. Это гораздо важнее рукопожатия.

И ещё Джерри и Никки учились – много и целенаправленно. Джерри осваивал социоматематику и множество других наук, стремясь перейти на уровень, когда он не просто сможет разбираться в теории отца, но и сумеет развить её дальше. Никки было ещё сложнее, потому что королеве приходилось учить слишком многое, в том числе – экономику и юриспруденцию.

Возведение Гринвич-Сити и порядки в нём служили пищей для многих дискуссий в среде экспертов, политиков и журналистов.

По традиции, раз в году королева Николь давала большое интервью независимому тиви-каналу Тимоти.

В этот раз в двух мягких студийных креслах сидели только королева и

сам глава тиви-канала. Никки была одета в тёмный брючный костюм; он был обманчиво аскетичен, но почему-то его хотелось рассмотреть повнимательнее. Хрустальные волосы королевы сверкали под яркими студийными лампами. Тим был одет в свободную рубашку и летние светлые брюки. В его лице уже проступала пожилая худоба, но он, как всегда, был раскован и дотошен:

– Некоторые эксперты называют политическое устройство Гринвич-Сити новой ноократией, другие – прообразом общества, где всю власть захватили коварные учёные.

Королева Никки усмехнулась:

– Глупости. Власть должна быть водопроводчиком в обществе. Правители или менеджеры должны не властвовать над думами и жизнями, а обеспечивать подвод ресурсов и отвод отбросов. Заставлять учёных управлять государством – значит не уважать их и подвергать риску дисквалификации как учёных и как интеллектуалов. Единые для всех законы принимаются в ООН; принуждением к соблюдению законов занимаются полицейские и судьи, а вот профессия государственных чиновников себя попросту изживает.

– А они знают про это?

– Уже знают. Интеллектуальные программы начинают активно вытеснять управленцев низшего и среднего звена. Искусственный интеллект сам успешно анализирует потребности людей и предлагает решения, отвечающие интересам большинства – будь то постройка дороги или новой электростанции. Каждый человек может инициировать общественный проект. Компьютерные сети собирают мнения всего населения об этих проектах гораздо эффективнее редких демократических выборов. Даже существование важных государственных учреждений вроде академий наук, космических баз или систем здравоохранения уже зависит не столько от национальных чиновников, сколько от законов ООН, которые предусматривают обязательный уровень финансирования науки, экологии и медицины.

– Итак, вы хотите отменить важнейшую ветвь государственной власти – исполнительную, оставив только законодательную и судебную?

– Совершенно не важно, чего хочу я, важно – чего хотят люди. Я ничего не отменяю, просто вижу, что исполнительная власть быстро усыхает за ненужностью. Мои эксперты оценивают период полураспада бюрократического аппарата в пять лет.

– То есть через десять лет число чиновников будет в четыре раза меньше, чем сейчас?

– Да! Число менеджеров частных корпораций сократится ещё быстрее: акционеры охотно голосуют за решения, которые уменьшают расходы.

– О боги, вы сейчас нанесли всему корпусу управленцев могучий удар! Завтра приём в университеты менеджмента резко упадёт.

– Профессии приходят и уходят – такова жизнь. Кому сейчас нужны каюры собачьих упряжек?

Тимоти удивлённо покрутил головой.

– Теперь расскажите, Никки, что за войну вы объявили патентам? Про неё все шумят, но из этого шума понять ничего нельзя.

– Патентное право душит прогресс, как хорошая удавка. Шагу нельзя ступить, чтобы не попасть в чей-то патент, как в капкан. Разработчики новых конструкций, технологий и программ связаны по рукам и ногам. Я считаю, что систему патентов нужно ликвидировать.

– Сломать?

– Опять вы про топор! Надо не ломать старые системы, а плавно вытеснять более новыми и эффективными. Поэтому Независимая академия и научные центры династии Гринвич учредили Конвенцию открытого авторского права.

– И в чём оно заключается, это открытое право?

– Оно разрешает использовать все опубликованные работы наших учёных и изобретателей совершенно свободно. Каждый сможет продолжать наши теории, создавать на их основе свои конструкции и выходить с ними на рынок – без всяких согласований с нами.

– И какая вам от этого выгода?

– Если вы сумели заработать деньги на наших идеях, то в конце года вы должны перечислить Академии или научному Гринвич-центру один процент того дохода, который вы получили от продажи товаров на основе наших технологий.

– Всего один процент?

– Да. Для предпринимателей – мелочь, а для учёных – немалая сумма. В результате наука удвоит, а то и утроит своё финансирование и сделает новый рывок вперёд – которым снова все смогут воспользоваться.

– То есть вы считаете, что, разрушая патентное право, вы двигаете прогресс?

– Посчитайте сами. Критерии прогрессивности просты: если для решения своих творческих, культурных и научных задач человек может свободно использовать накопленную человечеством информацию – это прогрессивно. Если он должен за неё платить – это застой. Если за использование мировой информации человек может быть наказан – это

регресс. А вот после решения личных коммерческих задач на основе мировой информации за неё можно и заплатить научный сбор в один процент.

– Если я не захочу платить вам этот процент, хотя пользуюсь вашими идеями, что тогда?

– Тогда вы скоро узнаете, что честность – лучшая политика, а обман экономически невыгоден. Например, вы попадёте в «чёрный список» компаний, чьи товары мы, участники Конвенции, покупать не рекомендуем. И вы потеряете на этом гораздо больше, чем один процент.

– Дайте мне сформулировать кратко. Обычно для производства своего товара я должен купить чью-то запатентованную технологию. Но покупка технологии не оправдывается, если товар не понравится покупателю. Вы предлагаете мне пользоваться вашими работами совершенно свободно и заплатить только в том случае, если я сумею продать свой товар. Причём заплатить заметно меньшую сумму, чем собственно стоит патент.

– Совершенно верно.

– Но тогда вам самим оформлять патенты выгоднее, чем открыто раздавать свои идеи!

– Нет. Патенты краткосрочны, дороги в оформлении, трудно продаются и охватывают только часть прикладной науки. Открытое авторское право реализуется бесплатно для всех учёных и на долгий срок. В результате мы выигрываем в деньгах для конкретных авторов и в общем прогрессе.

– И вы верите, что сможете победить патентную систему, существующую столько веков?

– Нет, конечно. Никакой веры! Я *знаю*, что через пять лет патентное право станет телегой, едущей по скоростному шоссе среди современных автомобилей.

– Сомневаюсь.

– Перестанете, как только узнаете, что скоро все Северные династии присоединятся к Конвенции. Значит, они будут стараться покупать товары и оборудование только у участников Конвенции, игнорируя аналогичные продукты, произведённые в рамках патентного права.

– Мощный ход! Но тогда Южные встанут в оппозицию и сгруппируются вокруг патентной крепости.

– Каждый вправе выбирать тот вид защиты своих авторских прав, который его больше устраивает. Если Южные привяжут себя к морально устаревшей и громоздкой конструкции патентного права... хм... Это было бы слишком хорошо. Я боюсь поверить в такую удачу.

- А Южные могут присоединиться к Конвенции?
- Да, как любые династии и государства, организации и отдельные люди.
- И что получит обычный человек от присоединения к такой Конвенции, если он не учёный и не предприниматель?
- Он согласится отдавать предпочтение товарам, произведённым в рамках открытого авторского права, а не патентов. Значит, он своими покупками поддержит независимую науку, а она в ответ даст ему очень многое – отличные вещи, крепкое здоровье и даже бессмертие.
- Вы умеете убеждать!
- Я не убеждаю, а говорю лишь то, во что верю.
- Именно это и убеждает. Итак, дорогие телезрители, вы можете поддержать Конвенцию открытого авторского права и независимую науку очень просто – стараясь покупать те товары, где есть значок КОАП.
- А вот это уже реклама! – удивилась Никки. – Вы отступили от своего принципа отсутствия рекламы на вашем Независимом канале, Тим!
- Ничего, иногда я разрешаю себе это. Есть вещи, которые стоят принципов. – Тим задумался. – И всё-таки найдётся немало фирм, которые не испугаются вашего «чёрного списка» и не захотят платить новый сбор. Как быстро к вашей Конвенции открытого права присоединятся остальные компании и государства?
- Очень быстро. В течение года.
- Так-так. И это вы называете не «сломать», а «плавно вытеснить»... Почему же они так дружно бросятся к вам, чтобы заплатить эти деньги?
- Вы, наверное, редко читаете бюллетень Конституционного суда ООН?

Тимоти засмеялся вместе с двумястами миллионами телезрителей прямого эфира:

- Я его вообще не читаю!
- Зря. Вчера в последнем бюллетене Конституционного суда были опубликованы два решения. Первое гласит, что организации, которые присоединятся к Конвенции открытого авторского права и будут выплачивать новый научный сбор конкретным собственникам идей или в бюджет полномочной научной организации, получают правовую амнистию и будут избавлены от всех претензий со стороны владельцев авторских прав.

Тимоти удивлённо поднял брови:

- Я не большой дока в юриспруденции, но что-то здесь не так. С чего это Конституционный суд – высший судебный орган Солнечной системы –

заялся какой-то Конвенцией права и дал ей такие серьёзные полномочия? Хм... И частные компании должны радоваться этой амнистии?

– Ещё как! В следующем своём постановлении Конституционный суд подтвердил, что авторы научных текстов равны в своих правах авторам художественных текстов.

– Что это значит?

– Это значит гигантскую бомбу под задницей сразу всех правительств и частных компаний.

– Ой! Вот с этого места поподробнее!

– С настоящего времени все работы, опубликованные в научных журналах, начинают интерпретироваться в рамках тех же юридических норм, которым подчиняются художественные тексты. И, по общим положениям существующего авторского права, авторы научных работ уже в момент публикации оказываются собственниками всего своего интеллектуального продукта. Громоздкие патенты, оформление которых занимает много времени и денег, уже не нужны.

– А что, раньше авторы научных статей не владели своим интеллектуальным продуктом?

– До сегодняшнего дня научные идеи, открытия и формулы не были собственностью своих авторов. Исключение научных открытий, концепций и уравнений из авторского права было величайшей исторической несправедливостью – и мы его устранили с помощью наших юристов и международного Конституционного суда. Суд не мог не признать, что уравнения Максвелла являются не менее значимым интеллектуальным продуктом, чем, например, дизайн кофемолки.

– Но как можно сделать идею чьей-то собственностью? Или формулу?

– А как оказываются чьей-то собственностью художественные сюжеты, имена героев и изображения круглоухих мышек и толстозадых мышек? Так же и формулы с идеями будут принадлежать конкретным авторам. В науке прекрасно известны авторы всех идей, формул и открытий.

– То есть учёные, разработавшие дешёвые высокотемпературные сверхпроводники, гиперлазеры и квантовые компьютеры, сейчас получают право подать в суд на любое правительство и компанию, которая использует их идеи и не платит им долю дохода! Речь идёт о всех компьютерных, автомобильных и энергетических компаниях, о всех звуко- и видеозаписывающих фирмах... да практически обо всех компаниях вообще! А ведь эти учёные или их наследники могут потребовать платы за использование научных открытий в прошедшие десятилетия! Это будут

просто... астрономические суммы!

– Совершенно верно. Срок действия авторского права придуман не нами, сейчас он просто распространился и на научные труды.

– Эти иски запросто смогут разорить всех и вся!

– Конечно. Именно из-за этой юридической бомбы Конституционный суд, признав полноту авторских прав учёных и понимая возможные последствия этого решения, был вынужден срочно, даже в режиме опережения, проголосовать за наше предложение по Конвенции открытого права и правовой амнистии.

– Вот теперь я всё понял! Значит, вы загнали в угол даже Конституционный суд и заставили его принять всё, что вы хотели!

– Их заставила не я, а логика защиты конституционных интересов всех людей.

– Да, да, понимаю... Этой логике защиты очень повезло с защитником. Теперь страх перед гигантскими исками и разорением заставит все государства и частные компании искать укрытие под сенью Конвенции и нового налога! «Ура, мы спасены всего за один процент!»

– Верно.

– Но как простой производитель, например, электронных часов разберётся – кто и что сделал в его устройстве?

– Пусть он отправит один процент своего дохода в Национальную академию наук и укажет, какой продукт он производит. Учёные дальше сами прекрасно разберутся. Мы над этим работаем.

Тимоти стёр салфеткой пот с шеи:

– О боги! Интервью с вами, ваше величество, всегда были... занимательными, но я не припомню такого взрывоопасного... Вы не боитесь слишком сильно потрясти земную цивилизацию и науку? Многие эксперты говорят, что финансировать фундаментальные науки – астрономию, математику, физику высоких энергий – могут только богатые государства, остальным это невыгодно. Перевод на новую систему финансирования всей науки – целой области человеческой деятельности – вещь очень непростая.

– Мы хорошо подготовились к такому переводу. Я уверена, что представления о медленной окупаемости фундаментальной науки устарели. При современных темпах развития цивилизации и уровне взаимосвязи научных разработок и технологий теоретическая физика и фундаментальная генетика становятся очень выгодным бизнесом! Кроме того, системы государственного и международного финансирования науки и фундаментальных исследований останутся. В первую очередь изменится

сектор прикладной науки, где аппетиты акул частного бизнеса будут урезаны в пользу творческих людей, а учёные перестанут быть бесправными тружениками у богачей.

– Ой, зрителям и мне самому пора отдохнуть от этой непредсказуемой королевы! Я и так опасаясь, что мировые биржи завтра будут биться в неожиданной истерике. Всего хорошего, дорогие телезрители!

И, действительно, наутро биржу одолела горячка, но называть её неожиданной было бы неправильно.

Маугли привыкла рассчитывать свои действия не на два, а на двадцать шагов вперёд, поэтому с этой биржевой лихорадки её династия тоже собрала обильный урожай.

Глава 3

Рейнджер Уайт

Оставалось проехать не больше десятка миль, но усталость и недосып наваливались на Мэтта Уайта быстрее, чем шла к концу длинная дорога. Но устают не только люди, и рейнджер опасался за свою лошадку. Езда по каменным россыпям и мелким скользким болотам, а то и по рыхлым пескам, могла вывести из строя любую лошадь, особенно такую старую и заслуженную скотинку, как его. А в пустыне, где до ближайшего города сто пятьдесят миль, помощи можно и не дожидаться. Дорога – одно название, по ней практически никто не ездит. Зимние дожди так расквасили южные предгорья Ксанаду, что дорогу не раз пересекали речки, не отмеченные на карте, и их приходилось медленно преодолевать вброд.

Мэтт хотел сделать перед дюнами небольшой крюк: проехать по берегу морского залива и проверить одно место в прибрежных скалах, отмеченное на карте крестиком.

Облака нежно засветились оранжевым – рассвет приближался. Дождевая морось прекратилась.

Вот и дюны.

Мэтт круто свернул с дороги и затрясся по кочкам и камням. С приближением к морю ветер усиливался, и вершины серповидных холмов закурились светлым песком. Ещё десять минут – и лошадка, обогнув грудку округлых мутно-прозрачных камней, вышла на рыжий пляж – прямо к прибою.

Это зрелище завораживало Мэтта с самого детства. К берегу медленно двигались чёрно-красные высокие гребни. Их вершины флуоресцировали и дымились, свешивали пенные космы на литые глянцевого лбы.

Волна, дождавшись своей очереди, зарычала, встала на цыпочки, засветилась прозрачным красным светом – и пушечно грохнула в ледяную гальку. Фонтан брызг и камней взметнулся на сотню футов. Разбившись в розовую пену, волна добежала, дошла, доползла до рейнджера, остановилась и покатила назад.

Этот момент Мэтт любил ещё больше.

Раздался мелодичный звон, который издавали прозрачные шарики ледяной гальки, сталкивающиеся друг с другом в уходящей волне.

Морская музыка никогда не надоедала Мэтту. Он мог слушать эту волшебную череду звуков бесконечно.

Львиный рёв, оглушительный выстрел, серебряный звон.

Рык, пушка, хрусталь.

Мэтт собрался ехать дальше, но тут в небе над морем появилось светлое сияние.

Неужели?..

Рейнджер с замиранием сердца смотрел, как облачная завеса над морем раздёрнулась и открыла огромный золотистый шар, нанизанный наискозь на яркий стержень.

Шар был в одиннадцать раз больше полной Луны и ярко освещал курчавое от пены стадо волн.

Минута роскошного зрелища – планетный диск сверкнул в последний раз – и скрылся в новой красноватой туче.

Мэтт перевёл дыхание. Вид над океанским прибоем полного Сатурна, который достигал полной фазы раз в шестнадцать дней, он считал самой хорошей приметой. А когда Сатурн в полуфазе, на его терминаторе можно увидеть голубой рассвет.

В тихий сезон у моря тоже интересно: зеркальная поверхность идеально отражает висящую над горизонтом планету – словно вода уступила место небу, в котором оказалось целых два огромных Сатурна-близнеца.

«Если я когда-нибудь осяду и заведу свой дом, то он будет вот на таком побережье...» – подумал рейнджер, двинул рычаг старенького «мустанга» вправо и погнал лошадку вдоль прибоя. Морской бриз заметно потряхивал машину, а метановые брызги залепляли стекло. Мэтт сверился по карте, высмотрел нужную расщелину и свернул.

Ветер сразу ослаб. Рейнджер проверил, что хотел, и двинулся по ущелью дальше, решив, что его «мустанг» сможет форсировать большую лужу, преграждающую самый короткий путь к дороге, с которой он недавно свернул.

Лужа оказалась глубже, чем Мэтт ожидал: жидкий метан покрыл все шесть колёс и заплеснулся на стекло. Оно оказалось для него раскалённым – и метан с шипением испарился.

Амортизаторы сердито крикнули, и, подпрыгнув на шершавом берегу промоины, лошадка вынесла Мэтта на дорогу.

– Отличная работа! – похвалил её Мэтт и, включив автопилот, забрался в багажник. Порывшись в нехитром скарбе, он с огорчением понял, что два дня назад уже надел самую чистую рубашку, какая у него была.

– Всё время забываю купить фрак, – сокрушённо сказал рейнджер и вернулся за пульт. Тут машину так тряхнуло, что Мэтт чуть не ударился о

лобовое стекло.

– Полегче на поворотах, крошка! – проворчал он и пристегнул ремни. – И некоторые чудаки считают, что это – дорога!..

Живописные скалы обступали вездеход, хотя карта утверждала, что морской берег лежит всего в сотне метров левее.

Мэтт с интересом рассматривал проплывающие мимо разломы пород, оценивал намётанным глазом узор прозрачных ледяных прожилок и чёрных углеводородных потёков и сосулек.

– Может, в этом что-то и есть... – пробормотал он.

Очередная скала была увенчана полусферой: обычное жилище небогатого старателя в пустынных районах.

Мэтт включил лазерный переговорник:

– Здравствуйте, хозяева. Я – Мэтт Уайт. Прошу вашего гостеприимства.

Через полминуты из динамика донесся женский голос:

– И вам здравствовать. Мистер Мэтт Уайт? Я слышала о вас.

– Надеюсь, только хорошее, мэм? – улыбнулся Мэтт в глазок камеры, досадуя, что не побрился, и радуясь полутёмной кабине.

– Ну... кое-кто считает вас опасным человеком, – сказал с сомнением женский голос.

– Для вас я безопаснее ягнёнка, мэм, – спокойно откликнулся рейнджер. – Я проехал триста миль по ужасной дороге и совершенно разбит. Моя лошадка нуждается в отдыхе и подзарядке. Ваше гостеприимство можно приравнять к милосердию.

– Я сделаю один звонок. Подождите, мистер.

Мэтт догадывался, кому будет звонить женщина, и набрался терпения.

Внезапно дверь шлюза, устроенного в подножии скалы, поползла вверх.

– Приглашение, которое лучше всяких слов! – улыбнулся Мэтт, развернул шестиколёсник и задним ходом заехал в проём.

Из закрытого шлюза одни насосы откачали густую азотно-метановую смесь, служившую атмосферой на Титане, а другие впустили менее плотную азотно-кислородную, привычную для землян.

Мэтт открыл кабину «мустанга» и прыгнул на бетонный пол. В шлюзе было чертовски холодно, и он поспешил зайти в дом.

Его встретила симпатичная рыжая женщина с веснушчатым лицом. Зелёные глаза рыжеволосой были настороженны, но, как с облегчением отметил Мэтт, в её руках не было оружия. Одета молодая женщина была в чёрный комбинезон; он не скрывал её эффектную фигуру и контрастировал

с молочной кожей лица и рук.

– Мэм, благодарю вас от имени всех бродяг Титана! – Мэтт улыбался и держал пустые ладони на виду.

– Что привело вас в наши края, мистер Уайт?

– Я еду в Сильвер-хилл, двести миль на запад отсюда. Там у меня небольшое дельце по геологической части. Если вы позволите мне переночевать, то я был бы вам крайне признателен. Я могу заплатить за пребывание в вашем доме.

– Я слышала об этих новомодных обычаях, но мы с братом придерживаемся традиционных взглядов на гостеприимство.

– Тогда разрешите сделать вам небольшой подарок, – сказал Мэтт и, не делая резких движений, достал из заплечного рюкзака продолговатый пакет.

Женщина с любопытством спросила:

– Что здесь?

– Копчёный палтус, мэм.

Глаза женщины расширились от удивления, а рука машинально отметила вес пакета. Стоимость такого деликатеса была неизмерима с расходами на однодневного гостя.

– Вы уверены, что... – Она осеклась, увидев обиженное лицо Мэтта, и улыбнулась: – Зовите меня Энн, мистер Уайт.

– Тогда – Мэтт, к вашим услугам.

– Хорошо... Мэтт. Вы подсоединили вездеход к энергосети?

– Да, моя лошадка уже вовсю чавкает.

– Теперь позаботимся о вас. Душ?

– О! – только и смог сказать Мэтт.

Энн отвела его в комнату для гостей:

– Грязное бросайте сюда. Я сама постираю, вы не справитесь с моей капризной машиной.

– Э-э... – смутился рейнджер.

– Давайте без лишних слов! – скомандовала Энн. – В шкафу найдёте чистую домашнюю одежду. Это вещи моего покойного мужа. Они вам подойдут, он был такой же... рослый.

Хотя женщина старалась говорить спокойно, напряжение в голосе выдавало свежесть потери.

– Сочувствую вашему горю, – тихо сказал Мэтт. – Я немного знал Эндрю. Он был прекрасным человеком.

– Спасибо, – и Энн ушла.

Вода бежала по сильному стройному телу Мэтта, смывая пот и усталость.

Душ воскресил рейнджера. Он с сожалением закрыл горячую воду и вышел из кабины. Его одежду Энн уже забрала, и он надел мягкие светлые шорты и футболку. Она была ему маловата: слишком обтягивала грудь и плечи.

Мэтт вздохнул, вспомнив беднягу Эндрю. Тот погиб восемь месяцев назад при прокладке своей шахты. Самая типичная смерть старателя на Титане – от обвала. А беспокойные вулканы и землетрясения, вызывающие сдвиги ледяных пород, густым кольцом охватывают малонаселённый южный берег Ксанаду.

Рейнджер вышел в гостиную, но Энн там не было.

Она пришла только спустя десять минут, и глаза её были красны.

Её «сорвало», когда она загружала одежду пришельца в стиральный барабан. Взяв в руки рубашку Мэтта, она вдруг почувствовала запах мужского пота, так похожий на запах работяги Эндрю. Она сомнамбулически поднесла рубашку к лицу, ещё раз вздохнула... – не выдержала и зарыдала, уткнувшись в клетчатую шерстяную материю.

Запах мужской рубашки опрокинул какие-то барьеры в Энн, которая прочно держала своё горе в кулаке, – даже брат, поселившийся в её доме полгода назад, удивлялся выдержке сестры. И вот, всего лишь из-за рубашки, которая долго облежала крепкие плечи...

Она выплакалась и почувствовала облегчение. С большой неохотой Энн положила в мыльную воду рубашку гостя. У неё даже появилась невозможная и неприличная мысль её украсть...

Женщина не возилась у кухонного автомата, но он справился сам.

Мэтт мудро решил не спрашивать, почему глаза хозяйки красны, и лишь нахваливал прекрасные отбивные и печёные ломтики сквоша с сыром.

– Мэтт, меня удивляет, что вы приехали как раз тогда, когда моего брата нет дома. А он крайне редко отсутствует. Это совпадение? – вдруг прямо спросила Энн.

Мэтт помедлил. Молодая женщина была не только миловидна, но и проницательна.

– Нет, – признался он. – Это не совпадение. Но дело не в том, что ваш брат уехал, а в том, что завтра ваша заявка должна быть заверена.

Женщина напряглась и невольно отодвинулась от стола и Мэтта.

– Не бойтесь меня, – сказал Мэтт. – Я заглянул сюда проследить, чтобы вас никто не обидел. Слишком много неприятных случайностей

происходит с людьми в тот день, когда они должны стать законными собственниками квадратной мили вокруг своего дома. Особенно если речь идёт о перспективном руднике...

– А не являетесь ли вы сами этой неприятной случайностью, мистер Уайт? – высоким голосом спросила Энн.

– Нет, мэм... Энн... – мягко ответил рейнджер. – Захватом рудников занимаются бандиты, связанные с геологическими компаниями императора Дональдса. Только с его помощью можно нанять армию адвокатов, чтобы затормозить возможный судебный процесс, и армию киберов, чтобы за месяц выпотрошить любое месторождение кристаллов. Я одиночка и не работаю на императора. У меня с его шакалами... свои давние счёты.

– Вот почему вы здесь, – догадалась Энн. – Вы надеетесь на стычку, в которой будет возможность отомстить за какие-то обиды?

– Я всего лишь надеюсь помочь вам, если в этом появится необходимость. Вам с моей стороны ничто не грозит, тем более что ваш брат уже знает о моём присутствии...

Мэтт не сомневался, что Энн звонила брату.

– Если вы завтра благополучно ответите на вызов судьи и завершите законное оформление своего рудника, то я сразу поеду дальше – у меня действительно есть дела в Сильвер-Хилле.

Лицо женщины расслабилось и погрузнело.

– Извините, Мэтт, что я вас заподозрила. Я действительно опасаясь... что завтра мне могут помешать. Мне уже предлагали за бесценнок продать рудник – и очень настойчиво.

– Значит, они знают, что вы нашли хорошие гнёзда кристаллов.

– Конечно, это очень трудно утаить.

Энн вдруг встала и вышла. Через несколько минут она вернулась и положила перед Мэттом горстку ветвистых кристаллов.

– Может, я дура, что вам их показываю, но вы умеете вызывать доверие одиноких женщин.

– Это мой главный талант... – серьёзно сказал Мэтт и склонился над кристаллами, чтобы получше их рассмотреть.

А Энн глядела на Мэтта, обветренного, загорелого, с широкими плечами. Лицо молодого рейнджера было сухощавым и мужественным, с синими детскими глазами. В нём чувствовались уверенность и надёжность.

Да, перед Мэттом лежали первоклассные титаллы, драгоценные органические кристаллы Титана, золотистые по альфа-граням и рубиново-красные по бета-граням. Учёные считали титаллы невозможной аномалией, но факт их существования был бесспорен, и тысячи геологов и старателей

добывали эти драгоценные веточки, пробивая шахты в глубину времён – туда, где углеводородные пласты миллионами лет прессовались в челюстях ледников.

Красивые двуцветные кристаллы высоко ценились не только модницами, но и производителями электроники: титаллы служили основой самой компактной и надёжной перезаписываемой киберпамяти.

Могущественная империя Дональдсов, основавшая нынешнюю столицу Титана, не упустила выгодный рынок и захватила самые крупные месторождения кристаллов. Но и этого империи было мало: её агенты внимательно следили за результатами разведки индивидуальных старателей, которые разбрелись по дальним провинциям и берегам метановых морей Титана и закладывали там собственные шахты. Как только шахты натыкались на хорошую рудную жилу, империя всеми правдами и неправдами старалась отобрать у старателей лакомые куски. Агенты императора рыскали везде: они получали процент от захваченной добычи. Своей жадностью и жестокостью они заслужили прозвище «шакалы» и ненависть старателей.

– Прекрасные экземпляры, – с восхищением сказал Мэтт, отдавая кристаллы. – Если эти образцы типичны для вашей жилы, то завтра вы станете богатой женщиной! И перестанете сами стирать рубашки всяким бродягам.

Энн заметно вздрогнула, удивив Мэтта.

– Я рада, мистер Уайт, что вы гостите в моём доме. Спокойной ночи! – И она стремительно вышла из гостиной в боковую дверь.

Мэтт недоуменно пожал плечами, глядя на едва тронутую тарелку хозяйки.

Сам-то он доел всё до крошки. Ладно, честно признаемся – рейнджер стянул и съел ещё и отбивную с тарелки Энн. Ох уж эти холостые голодные мужчины...

Мэтт заснул рано, поэтому пробудился среди ночи. Посмотрел на часы: пять утра по универсальному времени, ещё можно пару часов поспать. Но долгая дорога всегда сушит горло.

Мэтт встал, натянул шорты, покосился на тесную футболку и решил, что до столовой и так дойдёт.

На кухне Мэтт заказал себе стакан лимонного напитка и заметил винтовую лестницу наверх – явно на смотровую вышку.

«Надо сделать рекогносцировку местности...» – и Мэтт отправился по крутым ступенькам.

Они действительно привели его в стеклянную башню с небольшим

телескопом. Но великолепный круговой обзор был частично загорожен.

– Простите, Энн! – воскликнул Мэтт, замерев на месте. – Я не знал, что вы здесь.

Энн стояла босиком, в длинной ночной рубашке, и смотрела на море.

– Не могу спать. – Она обернулась и в упор поглядела на атлетически сложенного голого до пояса рейнджера. – Вы растревожили мой покой, мистер Уайт.

– Извините, мэм... – бормотал рейнджер, пятясь задом к лестнице.

– Не уходи, Мэтт, – сказала Энн...

Через три часа они снова стояли в смотровой башне. Они уже успели выпить кофе – Энн прекрасно его варила – и слегка одеться.

Хозяйка показывала рейнджеру местные достопримечательности, водя рукой по неровному горизонту. Но иногда Энн умолкала, поворачивалась к Мэтту и утыкалась лицом ему в грудь или в плечо. И неподвижно стояла с полминуты. Потом, как ни в чём не бывало, продолжала свой рассказ:

– Мы с Эндрю выбрали это место, потому что отсюда хорошо видно море. А в летний шторм брызги прибоя долетают даже до дома. Но это место оказалось удачным и для шахты – может, правду говорят, что кристаллы тоже любят море? К времени, когда Эндрю погиб, уже было понятно, что месторождение очень богатое, и тогда я вызвала своего брата, потому что одному человеку рудник не поднять.

– А что там за группа скал?

– Это выход из системы пещер возле каньона Дикой реки. Их тут как дырок в сыре – мы даже использовали одну в качестве начала шахты.

– Не скучно жить в провинции, вдали от крупных городов?

– Я пять лет проторчала в Ксанаду-Маунтин, но мне не нравится городская суeta и работа на босса. Мне хочется быть хозяйкой своей жизни и не зависеть от капризов менеджеров компании. Кроме того, тут изумительные пейзажи. Когда над бушующим морем виден Сатурн с кольцами и дюжиной спутников, то просто дух захватывает.

– Да ты романтик, Энн!

– Без красоты жизнь пресна. Но как ты, Мэтт, стал бродягой и рейнджером? У тебя есть постоянное жильё?

– Нет. Только моя лошадка и дешёвые гостиницы. У меня нет денег на дом.

– И ты, бедняк, в одиночку бросил вызов императору?

– Император Дональдс, безусловно, могуч, поэтому его слуги преступают закон так часто, как им захочется. Но в провинции в их планах

иногда случаются небольшие заминки.

– Например, в виде тебя?

– Да, – согласился Мэтт. – Я никогда не считал себя большим человеком. Возле столицы мои усилия ничего не дадут, а в таких удалённых от закона местах я иногда могу быть полезным.

– Так ты бескорыстный рыцарь и Робин Гуд?

– Ну... я вовсе не бескорыстен. Мне нужна еда и одежда, а моей лошадке – энергия и запчасти. Профсоюз старателей снабжает меня припасами и кое-какими премиальными деньгами. Так что в каком-то смысле я на них работаю.

– У тебя шрамов на теле больше, чем у меня пальцев на руках. Это тоже можно оплатить деньгами?

Мэтт нахмурился.

– Я родился на Титане. Имперские шакалы захватили рудник моего отца, когда мне было четырнадцать. Толстозадые земляшки! Терпеть их не могу!

– Я тоже земляшка, – сказала Энн.

– Не хотел тебя обидеть, и ты вовсе не... э-э...

– Ладно, принимаю твоё «э-э...» как комплимент. Рассказывай дальше.

– Я вырос в приюте Кристалл-Сити и с тех пор обожаю наступать на хищные лапы империи – везде, где они тянутся сломать жизнь таким труженикам и пионерам периферии, как вы с братом. Вот я и езжу по берегам Ксанаду, люблюсь прибором и заглядываю на маленькие рудники, у которых наступает день регистрации.

Энн вздохнула. Они оба знали, что в момент рассмотрения заявки будущий владелец рудника становится очень уязвимым. Если он не выйдет на видеосвязь из своего дома и не подтвердит судье Кристалл-Сити под присягой, что постоянно проживает здесь в течение года, то регистрация нового участка откладывается на много месяцев и «ничейный» рудник становится лёгкой добычей банд шакалов.

Запищал зуммер и засветился экран. Два крупных вездехода типа «краб» преодолевали поворот в миле от дома.

– Императорские агенты! – побледнела Энн. – Всё-таки приехали.

Мэтт присвистнул:

– На двух тяжёлых бронеходах! Чёрт побери, они решили, что тут крепость?

Энн включила коммуникатор:

– Предлагаю вездеходам остановиться. Вы вступили на территорию рудника «Южный», и я, Энн Чандлер, его хозяйка, запрещаю вам двигаться

дальше!

– Не втирайте нам очки, вы ещё не владеете этим рудником, – раздался из динамика грубый голос. – Я хотел бы перемолвиться с вами парой словечек по этому поводу. Если мы договоримся о цене рудника, то это будет лучший выход для вас.

– Я уже всё сказала вам, мистер Барт, о вашем оскорбительном предложении, – яростно крикнула Энн.

– Не стоит так сердиться. Лучше что-то, чем ничего.

– Не замахнулись ли вы на слишком большой кусок, мистер Барт? – вступил в разговор Мэтт.

– Вот и наш рейнджер Уайт! – обрадовался грубый голос. – Значит, не зря я захватил ребят побольше.

Мэтт отключил коммуникатор и повернулся к женщине:

– Я оказал тебе медвежью услугу, Энн. Они приехали такой армией, потому что рассчитывали на встречу со мной.

– Я не справилась бы и с одним танком. Двое против двух – лучше, чем один против одного.

– Ты даёшь мне разрешение действовать так, как я считаю нужным, для защиты твоей собственности?

– Да, – побледнела Энн.

– Значит, у вас появился наёмный работник, мэм. Когда спутник-ретранслятор выйдет в зону видимости и появится связь с Кристалл-Сити?

– Через три часа.

– Они всё грамотно рассчитали... Держи глухую оборону до связи с судьей, а после регистрации заявки сразу сообщи о незаконном вторжении на твою территорию. Я постараюсь увести их от дома.

– Будь осторожен, Мэтт! – Энн побледнела ещё больше, и на её милом лице прибавилось веснушек.

– Не волнуйся, Энн.

Мэтт включил коммуникатор.

– Я вижу, Барт, что наша прошлая встреча тебе запомнилась. И без пары тяжёлых танков ты уже не осмеливаешься встречаться со мной. Настоящий мужчина! А запасные памперсы ты захватил?

– Потявкай напоследок, Уайт. Что-то мне подсказывает, что это будет наша последняя встреча!

Рейнджер вырубил связь и сказал:

– Мне пора. С шакалами больше ни о чём не говори.

Энн крепко поцеловала Мэтта, и на её зелёных глазах выступили слёзы, сделав их ещё зеленее.

– Я буду ждать тебя. Возвращайся!

Отдохнувший и сытый, «мустанг» пулей выскочил из шлюза, и Мэтт погнал его на развилку в четверти мили от дома. Он заранее надел кислородную маску и не стал герметизировать кабину. Рядом наготове лежал испытанный карабин с фирменным клеймом на прикладе: «Winchester, VA».

Он успел вовремя, развернулся на перекрёстке и стал поджидать гостей.

Как только оба тяжёлых «краба» показали из-за поворота, Мэтт высунул карабин и выстрелил картечью: сначала в лобовое стекло первому вездеходу, потом – второму.

Стрелял Мэтт отменно, и горсть крупной дроби попала именно туда, куда и ожидалось, – прямо перед лицом водителя. Конечно, даже картечь не возьмёт бронестекло – выстрелы были лишь оскорблением. И оно достигло цели: в эфире раздался взрыв ярости и грязная ругань.

Мэтт вдавил педаль газа до упора, и «мустанг» прыгнул на крутую дорогу, ведущую в скалы.

Барт открыто орал, даже не переходя на внутреннюю связь:

– Оторвём голову этому ублюдку! У нас куча времени, с вдовой мы ещё успеем разобраться!

И оба вездехода повернули на дорожной развилке не к дому, а вслед за Мэттом, на что он и рассчитывал, зная психологию оскорблённых мужчин.

Прежде чем лошадка Мэтта свернула за скалу, каждый из «крабов» успел дать вслед по пулеметной очереди. Одна прошла правее и раскрошила придорожную скалу. Вторая крупнокалиберная очередь вспахала дорогу, разминувшись с вездеходом Мэтта всего на два фута и оставив позади его колёс цепь дымящихся ям.

Мэтт успел заметить в экране заднего обзора, что мутные пятна на стекле преследующих его «крабов» не стираются, невзирая на усилия дворников-щёток. Значит, дробь вдобавок ухудшила врагу видимость.

Скорость «мустанга» была выше, чем у вездеходов, но только на приличной дороге – среди камней и песка вездеходы догоняли Мэтта. Где его лошадке приходилось искать объезд или снижать скорость, чтобы не пропороть шины или не угробить амортизаторы, – там тяжёлые вездеходы шли напролом, раскалывая бронированными носами полупрозрачные ледяные валуны и размётывая дюны оранжевого песка. Клейкие углеводородные лужи тоже не задерживали массивных «крабов».

Дорога забежала на бугор, и Мэтт этим воспользовался: спустившись в

низину и оставаясь в зоне невидимости, выбросил на дорогу пару плоских блинов.

Вездеходы выскочили из-за бугра, и почти одновременно раздались два мощных взрыва.

Однако то, что было бы фатально для лёгкого вездехода, оказалось малоэффективным против тяжёлого танка.

Колесо у переднего «краба» разнесло в клочья, но это лишь вызвало новую порцию ругани: вездеход был восьмиколёсный, и потеря одного колеса почти не замедлила погоню.

Выстрелы из пулеметов дополнялись огнём из лазерных ружей. Когда световой импульс впивался в придорожную полупрозрачную скалу, та освещалась изнутри кровавым мерцающим светом и лопалась. Два лазерных выстрела уже попали в корму «мустанга» – и там появились пробоины, по краям вскипевшие металлом.

Пулей зацепило и заднюю шину. Она ещё держалась на поддуве, но такая меткость преследователей тревожила Мэтта.

Барт хорошо подготовился после прошлого поражения и взял своих лучших людей.

Дорога выбежала на край моря, и в плотной азотной атмосфере поплыли клочья метанового тумана.

Комбинезон Мэтта был старым, терморегулировка барахлила, и свист морского ветра заставил выносливого рейнджера поёжиться в негерметичной кабине.

Меткая пулемётная очередь ударила прямо в колпак. Мэтта засыпало стеклянной крошкой.

«Чёрт!»

Мэтт впервые подумал, что смерть более вероятна, чем жизнь, и что он может не пережить этот день.

Что ж, это его дорога, и он её выбрал сам.

«А как же Энн?»

Мэтт пришпорил свою лошадку, несмотря на то что держаться на скользкой дороге было совсем не просто. На такой бешеной скорости «мустанг» делал огромные прыжки, на целые секунды зависая в воздухе и пролетая по несколько десятков метров: тяготение на Титане было в восемь раз меньше земного. Искусству, с которым Мэтт управлял своим «мустангом», позавидовали бы и легендарные ковбои.

Рейнджер старался быстрее добраться до прибрежной скалы, выступающей в море. Дорога огибала скалу, тесно прижимаясь к ней и пугаясь крутого обрыва, чьё подножие скрывалось в рычащих волнах,

кипящих в двухсотфутовой глубине, но иногда неожиданно подступавших к самой дороге.

Наконец рейнджер добрался до скалы. Смертоносные «крабы» приотстали от шустрой лошадки Мэтта, но патронов не жалели и всё время грохотали длинными очередями – хорошо ещё, что танки тоже мотало на плохой дороге.

Как только Мэтт обогнул скалу и скрылся с глаз шакалов, он сразу резко сбросил газ и, выбрав подходящий поворот, нажал на небольшой рычаг. В корме машины открылась дверца, и раздалось дробное мелодичное постукивание.

Как только звук прекратился, Мэтт снова нажал на акселератор.

Передний вездеход с повреждённым колесом огибал скалу на максимально возможной скорости. Барт сидел рядом с Збигневом-водителем и подгонял его свирепой руганью. Вдруг он заметил на дороге странное мерцание.

– Что это? – крикнул Барт, а водитель уже тормозил, бледный, как заснеженная придорожная скала.

Но было поздно: вездеход влетел на крутой изгиб дороги, засыпанный круглой ледяной галькой, набранной Мэттом вчера на пляже. За ночь шарики из водного льда в багажнике «мустанга» сильно нагрелись: от обычных минус ста шестидесяти пяти цельсиев аж до минус сотни. И сейчас морская галька лежала на дороге, твёрдая, как камень, и скользкая, как и положено льду. Шарики из водного льда, высыпавшиеся из машины Мэтта, были раскалены с точки зрения обычной титанской погоды, и сейчас метановый снег и углекислотный иней с шипением таяли вокруг ледяных гольшей, делая их ещё более скользкими.

Шины вездехода давили гальку, но та не сразу поддавалась, катилась и юзила. Сцепление колёс с грунтом резко уменьшилось, и «краба», под яростную ругань людей, сидящих внутри, стало заносить. Водитель рвал рычаги как безумный, но набранная инерция тащила «краба» боком по катящемуся ледяному гравию – прямо к двухсотфутовой пропасти, в которой бушевал метановый прибой.

Вездеход чуть замедлился, сгребая россыпь крупных камней на обочине, а потом столкнул их в пропасть и сам рухнул вниз, кружась и переворачиваясь в облаке обломков. Фонтан отметил место падения танка, и красноватые метановые волны сомкнулись над машиной.

Второй вездеход успел отреагировать на судьбу первого, сбавил скорость и миновал опасное место благополучно.

И гонка продолжилась.

Вскоре положение Мэтта стало отчаянным. Он не рассчитывал, что противников окажется так много и они будут так хорошо вооружены. Пулеметные очереди свистели вокруг, кромсали остатки стеклянного колпака, дырявили корпус и шины. Почти все колёса уже ехали на поддуве, а левое среднее превратилось в лохматую мочалку, бессильно шлепающую по дороге.

Мэтт тоже отстреливался, целясь по шинам, стеклу водителя и перископу пулемёта, но у него не было шансов подбить танк из карабина, даже с бронебойными пулями, а мины у него кончились.

Последняя надежда была отмечена на карте крестом.

Водители Титана пользовались трёхмерными картами, полученными спутниковым радаром. Горизонтальная точность карт достигала одного метра и позволяла автопилоту выбирать самую безопасную дорогу. Но Мэтт, по долгому опыту путешествий в ущельях Титана, знал, что в крутых каньонах карты могли ошибаться больше обычного – до нескольких метров. Граница между пропастью и дорогой иногда оказывалась значительно смещенной, в чём рейнджер вчера сам удостоверился.

Он ехал к месту, где дорога петляла над ущельем. Теперь Мэтт должен был сыграть на ошибке в карте, о которой его враги не знали. И это был рискованный трюк...

Мэтт подпустил к себе броневик на расстояние нескольких десятков метров. Пулемет строчил, не останавливаясь, дорога дымилась от ударов пуль, пыль взметывалась из-под колёс израненного «мустанга».

Приближался поворот, перечёркнутый крестом.

Мэтт схватил короткий карабин и закрепил его на груди.

Потом вцепился в рычаги и стиснул в напряжении зубы. Роковой поворот всё ближе и ближе...

«Краб» приблизился к «мустангу» вплотную. Сквозь исцарапанное бронестекло и пыль из-под колёс «мустанга» водитель «краба» плохо видел дорогу – и невольно ориентировался по противнику, следуя за ним, как привязанный. Автопилот следил за трассой по трёхмерной карте и не вмешивался в действия водителя, если не находил маршрут опасным.

«Мустанг» домчался до изгиба дороги, но не стал поворачивать. И вот перед ним разверзлась пропасть глубиной в сто восемьдесят футов.

«Мустанг», не снижая скорости, оторвался от грунта и слетел в ущелье.

Автопилот вездехода «не видел» опасности на карте, а человек-водитель слишком поздно понял самоубийственность прыжка машины

рейнджера. Он завопил и ударил по тормозам, но «краб» уже падал вслед за «мустангом»...

Крики людей в «крабе» подстегнули Мэтта. Он выбил остатки колпака ногой и выпрыгнул из машины. Через секунду мимо Мэтта проплыл носом вниз броневик. Рейнджер отвел руки назад, схватился за рюкзак и распахнул небольшой парашют-крылья.

Падение замедлилось, и Мэтт успел увидеть, как его верная лошадка рухнула в скалы и превратилась в груды искрящихся и дымящихся обломков. Рядом упал «краб» – и взорвался, будто граната.

Но переживать было некогда. Ветер сносил Мэтта вдоль ущелья, и он опускался всё ниже между почти отвесными стенами каньона. Тут рейнджер чертыхнулся и максимально расправил крылья, пытаясь перелететь ту самую метановую промоину, которую он вчера так лихо форсировал на «мустанге». Но сейчас под ним не было его верной лошадки...

Несмотря на все усилия, Мэтту не удалось долететь до берега.

Он приземлился по колено в жидкий метан.

Смертельный холод пронзил его ноги, одетые в тонкий старенький комбинезон. Такая защита хороша против холодного воздуха, но от жидкости при минус ста семидесяти цельсия она не уберезет. А универсальный комбинезон стоит почти как новый «мустанг».

До сухого берега было метров двадцать. Мэтт брел по метановому болоту, и ледяная жидкость стремительно высасывала из него силы. Ноги немели. Мэтт понимал, что если упадёт, то умрёт от холода за несколько секунд.

Он чудом добрёл до ледяной обрывистой кромки, навалился на неё животом и осторожно выбрался на берег.

От дома Энн рейнджера отделяло несколько миль. Связи не было – видимо, каньон экранировал сигнал, но Мэтт всё равно оставил рацию на волне «SOS» и поковылял к выходу из ущелья на негнущихся ногах.

Прошло минут сорок, пока он добрался до дороги, но вместо помощи его встретил ураганный огонь из лазерных винтовок. Один выстрел прожёл комбинезон на плече и зацепил руку.

Не считая Земли, Титан – единственное тело в Солнечной системе, где человек может находиться без герметичного скафандра, но антарктический земной холод по сравнению с холодом Титана выглядит как тёплый летний вечер, поэтому любые дыры в комбинезоне, открывающие холоду ещё одну брешь, могут легко стать смертельными.

Мэтт рухнул за огромный валун, стянул с плеча карабин и, задыхаясь,

крикнул:

– Кто вы, чёрт вас дерит, и что вам надо?

– Ты про нас забыл, ублюдок? – услышал он злобный голос Барта.

Значит, вынырнул из моря непотопляемый Барт. Судя по обстрелу с двух направлений, спасся он не один. А найти Мэтта было легко – по его собственным сигналам «SOS».

Опять неравные силы. Почему это перестало удивлять Мэтта?

Рейнджер смертельно устал. Комбинезон старался нагреть его ноги, но они уже не чувствовали тепла. Мэтт совершенно не был готов к новой драке, но его никто и не спрашивал – готов ли? Просто стреляли – и всё.

Рейнджер с трудом покрутил головой. По бокам – крутые ледяные стены, впереди – Барт с кем-то ещё. Сзади – метановое болото.

Что делать? Мэтт лег на спину, зацепил зубами из рациона остаток шоколада. Потом запил его последним глотком кофе – того, который сварила утром Энн...

Глаза и мозг немного прояснились, и рейнджер заметил глубокую расщелину в стене каньона. Явно выходное отверстие для весенних метановых ручьёв. Значит, где-то есть и входное? Возможно, оно будет слишком мало для человека, но рискнуть стоило.

Мэтт вставил в карабин патроны с разрывными пулями и выстрелил несколько раз по стенам ущелья над головами своих противников. Куча обломков и пыли рухнула на Барта и его водителя Збигнева, который тоже сумел выбраться из утонувшей машины.

Пока они ругались и протирали щитки кислородных масок, Мэтт успел перебраться в пещеру. Барт слишком поздно заметил его движение и лишь бесполезно выстрелил вслед.

– Пошли за ним! – крикнул он Збигневу.

И они бросились к пещерному входу, полагая, что сейчас Мэтт удирает в глубь горы как можно быстрее.

Но навстречу раздался выстрел.

Збигнев застонал и упал ничком. Барт грохнулся рядом, убедился, что невидим для Мэтта, и перевернул Збигнева.

Грудь того стала решетом, из которого сеялись красные льдинки.

Трудно сказать, что быстрее остановило сердце водителя – смертельный холод или убийственная картечь, но через минуту Барт остался один. И почувствовал страх. Когда у него был огромный перевес в силах, он всё равно не смог победить Мэтта Уайта. Теперь же они остались один на один.

На что он надеется? Он падал сегодня со скалы и выныривал со

стофтовой красной глубины. Его тело избито, он еле жив... Но он зашёл слишком далеко – и не может остановиться. Один из них должен умереть, и Барт сделает все, чтобы это был Мэтт.

Он сместился по осторожной дуге так, чтобы лучше видеть вход в пещеру, и обругал себя за то, что не сделал этого маневра, когда Збигнев был жив.

Сейчас Мэтт действительно ушёл в глубь ледяной стены, и императорский агент осторожно отправился следом.

Вскоре Барт понял, что его противник не идёт, а ползёт – слишком усталый или раненый, чтобы шагать на своих двоих. Барт обрадовался и заторопился.

И едва не нарвался на выстрел из карабина – хорошо, что увидел впереди блеснувший ствол и успел спрятаться за пещерный выступ.

Когда развеялись пыль и дым от попавшей в стену картечи, Барт издевательски крикнул:

– Ты так устал, Мэтт, что стал промахиваться? Позволь мне пристрелить тебя без мучений. Всё равно тебе грозит пожизненное наказание за смерть моих семерых людей. Нужно расплачиваться за содеянное.

Раздался голос Мэтта:

– Твои люди получили то, что заслужили. Вы просто банда кровавых убийц. Кто взорвал дом Пашута на участке «Килиманджаро»? Кто осадил рудник Самуила Пярну и вывел из строя кислородную систему, отчего вся семья Самуила, включая маленького сына, умерла от удушья? Это сделали ты и твои наёмники.

– Хе-хе, я вижу, слава обо мне гремит. Пашут сам виноват, что открыл такое богатое месторождение и не согласился мне его продать. И Самуил тоже был неправ – имея в семье маленьких детей, он посмел спорить о цене, которую я ему предложил за участок.

– Ты перестал быть человеком, ты – просто бездушное оружие «Титан Минералз», которая скупает захваченные рудники, не спрашивая, откуда они взялись. Но если станет известно о твоих методах ведения дел, то императорская компания живо от тебя откестится и сделает козлом отпущения.

– И от кого публика узнает о моих методах?

– От тебя самого – из записи этого разговора.

– Связи у тебя нет, и все твои записи умрут сейчас вместе с тобой.

И Барт выстрелил в сторону Мэтта. Лазерный луч врезался в потолок; толща полупрозрачной породы озарилась красным светом. Потолок

треснул, и посыпались куски льда.

Мэтт заметил, что лазерная вспышка осветила на потолке характерную прослойку метанового льда. А лед этот очень нестабильный, его легко разогреть.

Рейнджер достал инфракрасный нагреватель из аварийного набора и нацелил его на потолок над Бартом. Бандит, ничего не замечая, хвастался своими грязными делами.

Может, психологи многое узнают о Барте, проанализировав его словесный поток, но Мэтта просто мутило от откровений наёмника.

Может, Барт предчувствует свою гибель и надиктовывает мемуары на этот случай? Даже маньяки хотят остаться в истории – пусть хотя бы в роли героев криминальной хроники.

Вскоре метановые ручейки побежали по стенам пещеры. Раздался треск.

Чтобы заглушить его, рейнджер крикнул:

– Барт! Ты очень хотел захватить эту землю. Теперь у тебя её будет вполне достаточно!

И выстрелил в потолок.

Огромный пласт породы обрушился на Барта, поставив тяжёлую точку в его гнусных откровениях.

Но рухнувший пласт был заметно больше, чем рассчитывал Мэтт: он накрыл обоих противников.

Энн благополучно зарегистрировала участок и даже успела встретить брата, срочно прилетевшего домой. Но ни Мэтт, ни имперские стражники не появлялись. Утренняя стрельба и взрывы были хорошо слышны Энн, и наступившая тишина пугала её ещё больше – она казалась кладбищенской.

– Он наверняка погиб, возможно, упал в море, – пожимал плечами рыжий Свен, похожий на сестру, но лохматый, со сломанным носом и дерзкими глазами. – Один на лёгком «мустанге» против двух тяжёлых «крабов»...

Но Энн не хотела верить в худшее.

Вдруг засветился экран, на нем появилась карта с тревожным красным огоньком.

– Сигнал «SOS» от той группы скал, где пещера! – воскликнула Энн. – Полетим туда вместе.

Мэтт полз по тёмным ледяным норам целую вечность. Потом ещё одну вечность, и ещё одну... Потом он сбился со счёта и решил поспать...

Пробуждение было приятным: на рейнджера глядели влажные зелёные глаза.

Мэтт лежал в санитарном коконе, и кибермедик колот его бесчувственные ноги, освещал их и массировал.

Энн сидела рядом и обрабатывала потрескавшееся от мороза и исхудавшее лицо своего спасителя. На теле Мэтта была куча обморожений, лазерных ожогов и синяков – будто он где-то ухитрился попасть одновременно в метановое болото и под обстрел с обвалом.

– Ты опоздал на обед.

– Не было аппетита. Что-то на нервной почве.

– А сейчас?

– Готов съесть три отбивные, два палтуса и всю тебя.

Через пару часов Мэтт почувствовал себя настолько лучше, что даже сел ужинать вместе с Энн и Свеном.

– На чём же ты будешь ездить? Как доберёшься до Сильвер-Хилл? – спросила Энн у рейнджера. Тот почесал висок со свежей ссадиной.

– Могу ли я попросить подбросить меня в Сильвер-Хилл? У меня срочное дело: у пожилой четы Симмонсов кончается годичный срок, и я должен узнать, как у них дела. И ещё... Вы, наверное, слышали, что в Сильвер-Хилле появилась сатурнианская штаб-квартира династии Гринвич. На Титан пришли большие перемены. Династия Гринвич собирается помочь профсоюзу старателей в борьбе с агентами Дональдса. Я везу в Сильвер-Хилл кучу улик против этих мерзавцев. Королева скоро прибудет сюда лично – вместе с большой группой независимых судей. Многомесячная очередь в суды исчезнет, и заявки на участки будут регистрироваться в любой день. Владельцы шахт перестанут бояться «шакалов»... с такой могучей поддержкой мы быстро вытравим эту стаю.

Мэтт улыбнулся, и эта полудетская улыбка озарила его лицо.

– А когда жизнь потеплеет, то и я перестану быть бездомным ковбоем и осяду где-нибудь на свободном берегу неподалёку от вас, буду ковыряться в шахте и смотреть на волны.

– Насчёт новых судей – это было бы хорошо, – сказал Свен. – Не знаю, сколько платят нынешним судьям Дональдсы, но слишком часто торжествуют компании императора, а не независимые старатели.

– И все-таки, на чём ты будешь ездить? – настойчиво расспрашивала Энн.

– Пока не знаю, – вздохнул Мэтт.

– Вот что, – решительно заявила Энн. – Ты потерял машину, защищая мой рудник, и я, в качестве платы, отдаю тебе вездеход, на котором

прилетел Свен. Это «Дракон» – самая лучшая из наших трёх машин. Она практически новая, мы купили её недавно и почти не пользовались.

Брови Свена удивлённо поползли вверх, а глаза Мэтта округлились:

– «Дракон»?! Тот, что может не только ездить, но и летать?

Энн кивнула:

– Пять часов автономного полёта со скоростью двести миль в час. Посадка и взлёт вертикальные, никаких аэродромов не нужно. Высота полёта до пяти миль – ты сможешь чаще видеть звёзды и свои любимые голубые рассветы на Сатурне. И ещё – в «Драконе» есть универсальный комбинезон, а не та дрянь, в которой ты ходил.

– Нет, – категорически заявил Мэтт. – Я не могу забрать у вас такую ценность. Слишком большая плата за однодневную службу.

– Хорошо, не будем говорить о плате, – подняла брови Энн. – По закону гостеприимства гость должен принять ответный подарок хозяев.

Мэтт окончательно сдался, лишь когда остался наедине с Энн.

Добившись своего, владелица рудника удовлетворённо вздохнула, а рейнджер сказал:

– Видишь, я вовсе не бескорыстен. За несколько часов я заработал машину, которую и за несколько лет бы не купил. Я очень хитёр!

– Я помню, ты уже говорил, что умеешь втираться в доверие к одиноким женщинам. Признайся, ноги обморозил так, что чуть их не потерял, тоже, чтобы меня разжалобить?

– Да, с ногами я немного переиграл...

– Я тебя увижу снова?

– Конечно! Мы, бродяги, вечно стучимся в двери к молодым одиноким женщинам и просимся на ночлег и стирку.

– Ты врёшь!

– Не забывай, что в твоём гараже хранится масса новеньких запасных частей к моему «Дракону».

– Ты врёшь.

– Я люблю тебя с первого взгляда.

– Ты врёшь...

Пыль взметнулась из-под дюз «Дракона», и машина умчалась в облачное небо, превратившись в яркую комету на фоне оранжевых туч.

– Как ты думаешь, – спросила Энн брата, не отводя глаз от светлого пятна на облаках, – приедет он через год, когда мы будем подавать заявку на расширение участка?

– Интуиция мне подсказывает, что он приедет гораздо раньше, – сказал

брат.

Рыжеволосая женщина счастливо улыбнулась, а прижимистый Свен неодобрительно добавил:

– Вернее, не приедет, а прилетит.

Глава 4

Королевская башня

На южной, самой солнечной грани огромного замка династии Гринвич разместилась небольшая трёхэтажная башенка, обычно называемая Королевской башней.

Это был дом для Никки, Джерри, Майкла и Сюзан.

Самый верхний – и самый светлый – этаж Королевской башни был детским – это было сложно организованное пространство с наполовину стеклянной крышей и множеством стрельчатых окон. В нём стояли два маленьких – словно игрушечных – домика. Это были спальни Майкла и Сюзан. Домик Сюзан был в виде старинной кареты на колёсах. Каждые полгода Сюзан просила перекатить свою спальню к новому окну, чтобы поменять поднадоевший ей вид.

Домик Майкла не только прыгал по детскому этажу как сумасшедший, часто занимая окно, освобождённое каретой Сюзан, но и менял облик примерно раз в месяц: от бревенчатой избушки до паутинного колокола водяного арахнида *Argyroneta aquatica*. В настоящее время Майкл спал в гигантской оранжевой тыкке.

На завтрак и обед дети спускались вниз, на следующий этаж, где размещалась столовая, соединённая с обширной кухней. Там был большой обеденный стол, за который можно было сесть вместе с друзьями. Но чаще семья завтракала за столиком возле окна – оно выходило в сад, разместившийся на широком балконе вокруг цоколя башни.

На другом этаже была спальня взрослых и два их рабочих кабинета.

Самый нижний – цокольный – этаж башни, уже сливающийся с наклонной стеной пирамидального замка, был деловым: для приёма посетителей и полуофициальных ужинов. Из него вели коридоры в главное здание и рубку – командный центр династии.

Эта башенка стала настоящим тёплым домом для Никки, Джерри и их детей.

Там было уютно жить.

Никки проводила в Королевской башне даже часть своего рабочего времени.

Джерри делил своё время между «Ельником», «Штопором» и «Лестницей», возился с математикой, программами и детьми, а также отвлекал Никки от утомительных многочасовых трудов с помощью самой

вкусной еды, которую только мог придумать он сам и повар замка.

Джерри приходил в кабинет Никки и садился в кресло. Вокруг настольного монитора грудились электронные устройства разного назначения и неожиданные предметы. Нож с серебряной рукояткой в виде скрюченной когтистой лапы, сжимающей огромную чёрную жемчужину. Крупный прозрачный кристалл, выращенный по новой технологии. Памятный акулий зуб, лежащий в чаше синего вестийского хрусталя.

Джерри детально рассказывал о меню сегодняшнего ужина. Никки возмущалась, но упорно не отводила глаз от экрана:

– Так нечестно, ты же знаешь, как я запрограммирована на вкусную еду!

Он продолжал вкрадчивым голосом:

– Бекон, закопчённый на дровах сахарного клёна... Нежный омлет на сливках...

Никки не выдерживала, бросала свои занятия и устремлялась вслед за коварным Джерри.

Если слова не помогали, то Джерри просто взваливал Никки на плечо и шагал с ней в столовую.

Там уже сидели дети – Сюзан и Майкл.

Никки в них души не чаяла, труднообъяснимым, но таким понятным образом компенсируя этим собственное одинокое детство.

Если человек не брал на руки маленького сына, не прижимал лицо к его мягкой одежде, пахнувшей молоком и отрыжкой – он упустил в своей жизни нечто такое, что невозможно объяснить словами.

Никки рассказывала детям сказки и пела колыбельные песни:

Меркнут знаки зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей.

Колотушка тук-тук-тук,
Спит животное Паук,
Спит Корова, Муха спит,
Над Землей Луна висит.

Над Землей большая плошка
Опрокинутой воды.
Спит растение Картошка.

Засыпай скорей и ты!

Маугли любила наблюдать за играми детей. Игры – тайный ключ к детской душе.

Майкл обожал пускать в маленьком бассейне кораблики – с парусами, с моторчиками, на подводных крыльях.

Джерри, часто наблюдавший вместе с Никки за детскими развлечениями, как-то усмехнулся:

– В детстве бочка с дождевой водой – целый океан, в котором легко разворачиваются драматические морские баталии.

– А взрослым и настоящий океан становится скучен.

– У тебя сегодня мрачное настроение.

– Наверно, старею. Майкл, у тебя опять сопли!

Майкл оторвался от разгрома вражеского флагмана, вытащил платок и высморкался, возражая гундосым голосом:

– Это не сопли, а конденсат!

Сюзан любила читать и росла сложно. Её видение мира колебалось между поэтическим: «Облако – это непадающий дождь!» и неожиданным: «Мама, как орлы могут есть сырых мышей, да ещё нематыми лапами?»

Сегодня за столом назревала обычная война между младшим братом и старшей сестрой:

– Маленький обормот! Только посмей ещё раз залезть ко мне в комнату!

– Розовая моль! В твоей карете мне нечего делать – там с тоски мухидохнут!

– А кто стащил конфеты с моей тумбочки? От краденого сладкого на носу выскакивают прыщи!

– Ты съела свои конфеты во сне, сомнамбула!

Никки вздохнула: брат и сестра пребывали в двух состояниях: или войны, или вооружённого перемирия.

В ходе этой войны Майкл недавно изобрёл пневматический дробовик – с дробью из зёрнышек папайи. Сестра ответила не таким передовым, но проверенным оружием – диванными подушками. После грандиозной битвы робот-уборщик неделю выбирал папайную дробь из ковров и мебельной обивки, жалобно причитая и подзаряжаясь чаще обычного.

Никки отругала изобретательного Майкла и предупредила:

– Не вздумай устроить гонку вооружений и перейти с папайной дроби на авокадные ядра!

Где-то к Майклу был пришит бездонный мешок, откуда он неиссякаемым потоком вытаскивал разнообразнейшие вопросы:

– Папа! Почему вода сначала течёт из крана струйкой, а внизу превращается в капли?

– Э-э... струя воды разгоняется и поэтому становится всё тоньше. Свободное падение струи происходит в невесомости...

– Под нашим краном возникает невесомость?! – поразился Майкл.

– Да... и в невесомости на воду начинает активно действовать сила поверхностного натяжения, которая и советует воде принять оптимальную энергетическую форму...

– А, понятно!

– Что тебе понятно?

– Всё понятно! – и убежал.

Сюзан узнала, что есть лимонная кислота, потребовала подать ей вишневую и апельсиновую, страшно удивилась, что таких нет, и стала относиться к лимонам с большим уважением.

Майкл полз галсами по старинной морской карте, пуская густой угольный дым, хлопая потрепанными парусами и дудя в медный боцманский рожок – словом, совершая увлекательное кругосветное путешествие.

Вдруг он оторвался от карты:

– Папа, почему длина земного экватора равна 360 градусам, а в году – 365 дней? Эти числа подозрительно близки, но не совпадают!

Джерри понял, что попал в тяжёлое положение: как объяснить суть земного календаря мальчику, выросшему на Луне, на которой день равен месяцу? Нет, вы не хмыкайте, а возьмите такого маленького мальчика и сами попробуйте!

– Майкл, ты знаешь, почему мы живём по 24-часовому циклу?

– Потому что мы с Земли, а там Солнце встаёт каждые 24 часа... Вернее, это ты с Земли, а я с Луны, но ты все равно заставляешь меня вставать очень рано. Я бы ещё поспал пару часиков!

– Тебе ложиться надо вовремя – и тогда утро не будет казаться слишком ранним, – парировал отец. – Итак, ежедневная жизнь землян строго подчиняется вращению планеты вокруг полярной оси. Мерой отпуска чаще является *календарный месяц*, который измеряется по циклу роста *лунного месяца*. Он равен примерно 30 дням. Как космический мальчик, ты легко свяжешь календарный земной месяц с синодическим периодом обращения Луны вокруг Земли или длиной лунного дня.

Для древних людей год был равен времени между весенними

разливами, или осенними урожаями, или между максимальными подъёмами Солнца над горизонтом – проще говоря, год равен сидерическому периоду обращения Земли вокруг Солнца. Но древние астрономы не сразу научились точно определять длину года, и, например, персы полагали, что 12-месячный год состоит из 360 дней. Значит, древние считали, что Солнце движется среди созвездий за сутки на 1 градус – поэтому градус и обозначается на морских картах маленьким кружком, египетским символом Солнца. Возможно, именно неточные 360-дневные календари вызвали деление круга горизонта на 360 градусов. Но есть и дополнительная причина появления этого числа.

– Какая? – поинтересовался Майкл.

– Вавилоняне основывали систему счёта не на 10 или 12, а на 60, которое они почитали за священное число, – отсюда пошло деление одного часа или градуса на 60 минут, а одной минуты – на 60 секунд. Кроме того, древние геометры любили хорду длиной в радиус. А если такой хордой пройти по окружности, то она разделится ровно на шесть частей.

Майкл немедленно смастерил циркуль из фломастера и ножа для разрезания бумаг, стащенного с рабочего стола матери и только что изображавшего капитанский кортик, и нарисовал на полу круг (робот-уборщик в углу комнаты тихо взвыл от возмущения). Этим же циркулем мальчик «измерил» длину окружности, проверяя утверждение отца (все дети знают, что за родителями нужен постоянный присмотр!). Но всё оказалось верно: окружность разделилась ровно на шесть частей.

Джерри добавил:

– Если каждую из них раздробить на 60 градусов, то и получится 360. Но есть и ещё одна причина для этого числа.

– Ого, ещё одна... – с сомнением сказал мальчик.

– Число 360 весьма примечательно в математическом смысле: оно образовано умножением четырёх цифр подряд: $3 \times 4 \times 5 \times 6 = 360$ и само делится на 24 различных числа, например на все числа от 1 до 10, исключая 7. Это очень удобно для вычислений.

– Кажется, древние люди были не дураки насчет математики! – удивился Майкл.

– Они были не дураки во всём: шумеры, которые жили на территории Вавилонского царства тысячи лет назад, изобрели не только календарь, но и письменность, соху и колесо.

– Ого! – с уважением сказал мальчик.

Джерри и Майкл любили играть в ассоциации – непростые, конечно.

Например, отец задал тему:

– Душ.

Сын мгновенно отреагировал:

– Бутерброд!

– Почему?

– Горячую воду на себя намазываешь!

– Окно.

– Носорог!

– Почему?

Майкл ответил стихами:

Рама окна
Украсит сполна
Любого
Носорога!

– Слабовата рифма, – хмыкнул Джерри.

– Зато от души! – парировал Майкл и с гиканьем умчался в одному ему известные пампасы.

Сюзан спросила мать:

– Мама, почему мне нравится музыка?

– Непростой вопрос. Я думаю, что у каждого из нас внутри есть колокольчик. Или камертон. Если музыка его трогает – то он звучит в ответ.

– А если музыка человеку совсем не нравится? Колокольчика нет?

– Думаю, есть, но заброшен всякой чепухой. Или замёрз.

– Надо просто дать людям послушать живую скрипку – тогда любой оттаёт.

Увлечение музыкой у Сюзан началось с того, что Никки пригласила в замок юного музыканта, победителя городского конкурса скрипачей. Спокойный вежливый мальчик пришёл со скрипкой Страдивари и с папкой старых нот.

– Я сыграю несколько вещей Вивальди и Паганини, – сказал он тихим голосом.

И скрипка зазвучала, незаметно перейдя границу тишины и мелодии. Сюзанна заворожённо слушала музыку и следила за движениями смычка и скрипача. Локоть вниз – и скрипка стряхивает тонкие звуки. Локоть выше – скрипка звучит во весь голос. Локоть вверх – скрипка переходит в басы.

Играла скрипка, звучали руки.

Окончание грифа скрипки было самой красивой застывшей нотой.

Изящный инструмент прирос к музыканту как новая певучая часть организма. Девочка расширенными глазами видела, как левая рука музыканта оставляла скрипичный гриф и тянулась перевернуть пожелтевшую страницу нот. А скрипка послушно оставалась висеть в воздухе, упираясь лишь в подбородок, и даже продолжала тоненько петь смычку, зажатому в правой руке.

Когда концерт закончился, раздались аплодисменты.

Музыкант с достоинством поклонился.

– У вас очень музыкальный локоть, маэстро! – сказала Сюзан.

Юный скрипач склонил голову ещё раз. На его скрипичной скуле виднелась мозоль.

– Можно потрогать вашу скрипку?

Сюзан не только потрогала, но даже понюхала инструмент.

– Почему вы не играете на компьютере?

– Моей скрипке несколько сот лет, её звучание невозможно повторить на компьютере. Это называется феномен Страдивари. Никто не понимает – почему.

– Я знаю – почему: за много лет музыка впиталась в дерево скрипки, поэтому она так красиво и звучит.

– Это одно из лучших объяснений феномена Страдивари, какие я слышал, принцесса.

Попрощавшись с музыкантом и уже уходя из комнаты, Сюзан вдруг остановилась у дверей, вопросительно посмотрела на скрипача.

Он понял, задумался и поднёс смычок к струнам. Родился быстрый звук, который звенел, летел и жужжал.

Девочка протянула руку и схватила.

– Спасибо за шмеля, маэстро. Он не кусается?

– Принцесса, музыка жалит лишь мёдом.

Джерри разыскивал Майкла. Наконец нашёл на кухне. Тот сидел за столом перед двумя тарелками – с малиной и голубикой. Мальчик задумчиво нахлобучивал красную малину на чёрно-синий шарик голубики, отчего малиновая шапка разлезалась и между пальцев выглядывало лицо строгого судьи в старомодном парике. Майкл съедал голову судьи и тянулся за другой ягодой.

– Что ты делаешь?

– Малиновые кости жую...

Джерри выложил перед Майклом несколько разнообразных кубиков: тут был крупный пластиковый куб, металлический куб поменьше, ещё более маленький чёрный – каменный? – кубик, и ещё несколько других, вплоть до самого крошечного, еле заметного – золотого.

– Что это? – спросил Майкл.

– Помнишь, мы с тобой обсуждали – из чего состоит твой лэптоп?

– Ага, и ты сказал, что потом поговорим.

– Это потом настало: я получил нужные мне кубики.

– Что это?

– Те самые материалы, из которых состоит твой лэптоп.

Джерри показал налево, где лежали кубики кремния, железа, меди, пластика, а потом направо – на лэптоп Майкла.

– Больше ничего в твоём компьютере нет: лишь вот эти вещества, которые сплавил, по моей просьбе, в кубики.

– А куда делась информация? Исчезла?

– О какой информации ты говоришь?

– Ну, мои игры, музыка, книжки.

– Это всё исчезло. Но пропало не только содержимое памяти. Представь себе новенький лэптоп с чистыми информационными кристаллами. Теперь посмотрим на эти кубики. Что нужно для того, чтобы эти кубики превратились в лэптоп?

– Ну... эти кубики надо превратить в проводки, схемы и надо знать, как соединить их вместе...

– Молодец! ЗНАТЬ – это самое главное. Знание – это то, что превращает примитивные кубики в эту чудесную машину. Тысячи лет и гигантские усилия понадобились человечеству, чтобы узнать – как извлечь из земли и нефти необходимое железо, медь, кремний и органические полимеры и как составить из них эту умную машину, которая может говорить, думать и является нашим верным помощником и даже другом.

Майкл перебирал кубики, и его глаза горели. Знание представилось ему в совсем ином свете. Что там волшебная палочка – разве с её помощью можно сделать такое чудесное преобразование немых глупых кубиков в его сверхумный компьютер!

Отец сказал:

– Знание важно не только для компьютеров или космических кораблей. Что ты ел на завтрак?

– Я пил кофе и ел хлеб с ветчиной и сыром.

Майкл облизнулся и отложил кубики:

– А ты знаешь, сколько знания вложено в такую простую вещь, как

бутерброд с маслом, ветчиной и сыром?

Видя недоуменный взгляд сына, он стал рассказывать:

– Хлеб – вершина огромной технологической пирамиды. Древние люди собирали дикий ячмень и пшеницу. Потом они научились сажать зёрна на возделанных полях и сохранять урожай зимой в специальных хранилищах.

Обработка почвы стала одной из труднейших задач, которая стояла перед человечеством, – для её решения пришлось одомашнить крупных животных, добыть металл, придумать и выковать плуг, изобрести удобную упряжь.

Тысячи лет селекции и генетических экспериментов понадобились, чтобы вырастить современную пшеницу, из которой делается наш хлеб.

Изготовление муки – тоже сложный процесс. Раньше зерно толкли пестом в каменных или железных ступах. Это был очень тяжёлый труд. Поэтому человек изобрёл водяные, ветряные и электрические мельницы, в которых массивные каменные или металлические жернова размалывали твёрдые зёрна в мелкую муку.

Из муки и пекут наш хлеб – но тоже не сразу. Нужны соль и дрожжи. Добычей соли занимается целая промышленность, и были времена, когда солёные кристаллики ценились на вес золота.

Дрожжи – это одноклеточные грибки *Saccharomyces cerevisiae*, которые делают тесто пышным и рыхлым. Какой-то гениальный египтянин более трёх тысячелетий назад открыл преимущества этого грибка для печения хлеба – и с тех пор мы едим очень вкусный и мягкий хлеб. Кстати, без огня или современных электропечей хлеб, как ты понимаешь, тоже не испечь.

– Одноухий гоблин! – взволновался мальчик. – Сколько сложностей во всего лишь хлебе!

– Всего лишь! – усмехнулся отец. – С маслом и сыром проблем не меньше: коров или коз сначала пришлось одомашнить, научиться ухаживать за ними и доить. Выведение новых пород молочного скота – это кропотливая и важная работа.

Хранение и переработка молока – целая область науки и техники. Какой-то безвестный гений нашёл, что в желудке молочных телят содержится фермент – сейчас его называют реннин – который заставляет молоко сворачиваться во вкусный сыр. Такой сычужный сыр долго хранят, давая вызреть, потом доставляют в любую точку мира – даже на Луну – и уже там режут на ломтики для твоего бутерброда.

– Это просто не уместается в голове – такая длинная история одного

продукта!

– Про ветчину ты уже сам, наверное, понял: вырастить свиней и получить нежное копчёное мясо – тоже весьма непросто. Вот сколько трудов и открытий – сколько ЗНАНИЯ! – сошлось в одном твоём утреннем бутерброде.

– Я проголодался, папа! Скоро будет обед?

За столом, дождавшись, когда дети покончат с десертом, Джерри сказал:

– Хотите, расскажу вам об одном знаменитом парадоксе грека Зенона? Его называют апорией «Ахиллес и черепаха».

– Хотим! – немедленно откликнулся Майкл. Сюзан тоже выглядела заинтересованной.

– Если быстроногий Ахиллес побежит за медленно ползущей черепахой – то догонит ли он её?

– В две секунды! – воскликнул Майкл.

– А я сейчас вам докажу, что он никогда её не догонит. Пусть черепаха находится в ста метрах от Ахиллеса и уползает от него. Ахиллес очень быстро добежит до того места, где сидела черепаха, но там её уже не будет: она хоть в сто раз медленнее Ахиллеса, но всё равно отползла на целый метр. Бегун быстро преодолевает последний метр, но черепаха снова успела отползти! И так повторяется до бесконечности: Ахиллес прибегает в точку, где была черепаха, но тортила уже уползла оттуда. Значит, он никогда её не сможет догнать.

– Потрошённый эльф! – восторженно выругался Майкл. Никки укоризненно покачала головой: сын набирался сочных выражений от друзей, с которыми играл на лужайке перед замком.

– Но ведь это не так! – возмутилась Сюзан. – На самом деле Ахиллес должен догнать черепаху.

– Сюзан, это такая игра! – отмахнулся Майкл. – Мы должны понять – где папины рассуждения неверны. Найдёшь ошибку – спасёшь Ахиллеса от позора.

Сюзан фыркнула и задумалась.

Майкл тоже.

Никки улыбнулась и знаком показала Джерри, что она пошла работать. Тот кивнул и остался с двумя оцепеневшими мыслителями.

Майкл высыпал соль на стол длинной полоской и внимательно её разглядывал, шевеля губами и бормоча:

– Черепаха... словно пахарь... Ахиллес... вселился бес... С унитазом на башке... эльфы спят в большом мешке...

Сюзан нарисовала на листочке линию и покрывала её штрихами, отмеряя отрезки разной длины.

– Понял! – вдруг закричал Майкл. – Помнишь, ты мне рассказывал о водяных часах – клепсидре? Откуда и пошло выражение «время истекло»?

– Да, помню.

– Пусть отрезки времени – это какое-то количество воды. Литр – это время, за которое Ахиллес пробегает сто метров. Выливаем литр в ведро. Потом – Ахиллес пробежал метр – добавляем ещё десять граммов воды. Потом – всего одну каплю. Потом – крошечную капельку. Бесконечное добавление микроскопических капелек воды не даёт переполнения ведра: капли уменьшаются слишком быстро и уровень воды расти не будет. Значит, Ахиллес догонит черепаху за конечное, а не за бесконечное время.

– Молодец! Правильно разрешил парадокс: бесконечный числовой ряд может иметь конечную сумму, поэтому бесконечное число приближений Ахиллеса к черепахе происходит за определённое и вполне короткое время. Горжусь таким сыном!

Мальчик засиял, а Сюзан обидчиво сказала брату:

– Ты – крокодил!

Майкл, свирепый как укушенный гном, вбежал в кабинет отца:

– Почему мне не разрешают играть в компьютерные игры столько, сколько я хочу?!

Джерри внимательно посмотрел на сына, предложил ему сесть в соседнее кресло и спросил:

– Скажи, кто твой любимый тиви-герой?

– Естественно, СуперДжо!

– А с кем сражается СуперДжо?

– Ну, папа, как ты можешь не помнить?! Конечно, с Гангстером Биллом!

– Извини, я немного отвлёкся в последнее время... И как – удаётся ему побить этого Билла?

– Какой ты тёмный, папа! Хоть Гангстер Билл и здоровяк под три метра, но СуперДжо его всегда побивает, потому что каждый день тренируется весь целый день и даже жонглирует та-акой штангой, та-акиими гириями! Правда, ему тоже достаётся в этих драках, всё-таки, сам понимаешь, три метра...

– А вот представь себе, что СуперДжо перестал тренироваться, сидит целый день и вышивает крестиком носовые платки? Что бы ты ему сказал?

Мальчик вытаращил глаза от ужаса:

– Да ты что, СуперДжо?! С ума сошёл?! Да тебя Гангстер Билл через неделю в порошок сотрёт! Прекрати немедленно и марш качать мускулы!

– А СуперДжо всё равно не соглашается! Сидит, цветные нитки плетёт.

– Тогда, – мальчик всерьёз разволновался за своего героя, – надо вышивку у него отобрать! И варенья на завтрак не давать, пока не вернётся к тренировкам!

– Жестковато, – кивнул отец, – но рациональное зерно есть...

Он прищурился, внимательно глядя на сына.

– А ты думал – как нашей маме удаётся убеждать людей делать то или иное в бизнесе или политике?

– Как? – удивился мальчик. – Да очень просто – я сам сколько раз видел – она вызывает на свой экран кого-то и говорит, что ему надо сделать, – он и слушается! Так и убеждает!

– Хм-м... Ну хорошо, а почему они её слушаются? Потому что боятся, что она их побьёт, как СуперДжо Гангстера Билла?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся мальчик, – да мама не умеет драться...

Отец смущенно покашлял.

– ...просто они сами понимают, что так будет лучше!

– А почему они раньше не догадались, что так будет лучше? – поинтересовался отец. – Почему им нужно было... э-э... советоваться с мамой?

– Так она же самая умная! – убеждённо сказал мальчик.

Папа облегчённо вздохнул:

– Очень хорошо, а как мама стала такой умной?

– Не знаю... – задумался мальчик. – Гены умненькие оказались?

– Гены у неё попались неглупые, не спорю, – согласился Джерри, – но главное, что она очень много училась и читала умные книги – то есть тренировала свой мозг точно так же, как СуперДжо тренирует свои мускулы!

– Ух ты! – Глаза у мальчика разгорелись. – Значит, мамины умственные мускулы посильнее, чем мясные мускулы СуперДжо? Ведь тому приходится бороться всего с одним врагом, а у мамы хлопот – ого сколько!

– Безусловно! Мама может много такого, что и не снилось этому Суперу. Теперь смотри: мама и я понимаем, что в жизни у тебя будет немало проблем и трудностей, и преодолеть их ты сможешь, только если будешь таким же умным, как мама, а желательно ещё умнее – всё-таки прогресс от поколения к поколению какой-то должен быть?

– Я и буду умнее! – уверенно заявил мальчик. – Ты меня сам хвалил за задачу про черепаху и бегуна – этого... Ахилбеса!

– Ахиллеса... – улыбнулся Джерри. – Правильно, хвалил – ты просто молодец у меня, порадовал отца!

Сын заёрзал в кресле и расцвёл улыбкой.

– Но ты понимаешь, что тренировка умственных мускулов нужна ежедневная?

– Да... – согласился мальчик.

– Тогда слушай меня внимательно, сын, – твёрдо сказал отец, – когда ты читаешь книги или решаешь математические задачи, то это для умственных мускулов как жонглировать гирями, а если ты сидишь в виртуальной реальности и стреляешь по мишеням, то это для мозга – такая же чепуха, словно СуперДжо вместо тренировок вышивает крестиком!

Мальчика как громом ударило.

– Я... крестиком?! – Он был возмущён и растерян.

– Да, вышиваешь крестиком и теряешь время, которое нужно на настоящую тренировку мозга. И мы с мамой это понимаем, поэтому и просим тебя не играть больше получаса в день. Потому что нам так же больно смотреть на тебя, живущего псевдожизнью, как тебе глядеть на СуперДжо, который впал в маразм и неизбежно проиграет следующую схватку с Гангстером Биллом.

Сын молчал, тяжело дыша.

– Вот что, – грустно сказал отец, – ты уже вполне сознательный человек. Если ты недоволен существующим порядком вещей – делай так, как считаешь нужным. Люди делятся на два класса: на тех, кто умеет программировать компьютеры и командует ими, и на тех, кто умеет только играть и легко подчиняется компьютерам, телевизорам и виртуальной жизни, которая и не жизнь вовсе... Ты должен сам выбрать, кем ты собираешься стать в этой жизни.

И Джерри произнёс в пространство:

– Тамми, отмени контроль за игровым временем на терминале Майкла.

– Сделано, – немедленно раздался тихий голос.

Мальчик соскочил с кресла и посмотрел на отца. Тот был очень серьёзен – Майкл ещё ни разу не видел отца таким строгим и печальным. Мальчик замаялся и неуверенно пошёл к двери. Он шёл всё медленнее и медленнее, пока совсем не остановился. В нём шла внутренняя борьба. Повернулся и снова подбежал к отцу. Схватил его за руку и крикнул, лихорадочно блестя глазами:

– Тамми! Убери с моего компьютера ВСЕ игрушки! – И сказал отцу сдавленным голосом: – Я больше никогда не буду играть в эти детские стрелялки!

Отец широко улыбнулся и привлёк мальчика к себе:

– Я горжусь тобой, сын! И мама тоже!

– Сделано! – раздался голос Тамми.

Мальчик вздрогнул и уткнулся лицом в отцовскую рубашку. Тот погладил его по голове:

– Если тебе станет скучно, устанешь от книг и занятий – приходи ко мне, и мы отдохнем вместе – покатаемся на лыжах или поплаваем в бассейне. Да тебе уже и на космический тренажер пора!

– Ух ты! – Мальчик поднял голову, и его влажные глаза вспыхнули.

– Конечно, тебе пора учиться водить космический корабль, – уверенно сказал Джерри. – Ты стал способен на взрослые решения, значит, тебе можно доверить штурвал! А ты знаешь, что наша мама ещё в школе выиграла Лунную Регату?

– Правда?! – Мальчик был потрясен. – Настоящую Лунную Регату?!

– Получила главный приз, – подтвердил отец, – и стала сотрудником Спейс Сервис. Победила она с помощью вот такого умного маневра...

Джерри вызвал на экран трассу Лунной Регаты 2253 года.

– Помнишь формулу первой космической скорости?

Мальчик слушал, затаив дыхание, о реальных приключениях настоящей жизни.

Сожаление о стёртых компьютерных играх быстро исчезло.

Майклу было не до игрушек: двадцатикратная перегрузка вжимала его в кресло, кровь текла по лицу, но он не сдавался и смело прокладывал курс между острыми лунными вершинами.

И рекордная скорость пела ему песню победы.

Настоящей, не виртуальной.

Глава 5

Чертополошек

Дышать тяжело. Душно, тоскливо. Из дальнего угла слышно горькое детское всхлипывание.

Над заветной дверью написано:

*Будущее исполнено неопределённости, но эта обманчивость
будущего является величайшим благом.*

Фукидид

Я прочитала эти строки уже две тысячи раз.

Ненавижу неопределённость будущего!

Ненавижу Фукидида!

Все сидят напряжённые, разговаривают много, но негромко, чаще шёпотом. Изредка и нервно смеются. В разговорах всё больше хвалятся своими детьми – кто чего умеет, кто на что горазд.

Жизнь – соревнование с первых лет.

Дети принаряжены и причёсаны, как на выставку породистого молодняка. Друг на друга ревниво посматривают, обнюхиваются, свои разговоры заводят, что-то показывают из карманов... тоже небось хвастаются. Эл косится на них, шею тянет, пытается понять – что там у них в руках, но не может разглядеть.

Ближе подойти боится.

Солнце висит в самом зените, сквозь стеклянную крышу нас жарко рассматривает. Сколько пыли в воздухе. Но не из-за неё трудно дышать.

Я тону в панике. Она пропитывает каждую часть тела, заливают ноги свинцом, заставляет пальцы трястись.

И молчаливо, без усталости бьёт молотком в левый висок.

Боги космоса, помогите мне!

Несколько лет назад я бы не поверила, что буду жить в тисках такого ужаса.

Юри был славный, ухаживал красиво. Предложил пожениться. Настойчивый был – не дал закончить колледж, сорвал с третьего курса, увёз в столицу. Я тогда была симпатичная... стройная, лёгкая, глаза карие, с искринкой.

Мне говорили: у тебя глаза шальные, ведьмины. Вот и утонул Юри в моих глазах.

Утонул, да выплыл.

Сначала жизнь была прекрасна. Года полтора... А потом... потом всё пошло под откос. Чужими мы стали друг другу. Взаимно чужими и раздражающими, взаимно некрасивыми и недобрыми. И подался Юри на север. Нашёл какую-то азиатскую красотку, к ней и переехал. Да мне всё равно. Почти. Юри меня уже не волнует.

Главная моя проблема – наш маленький Эл.

Нет, не наш, а уже только мой. И уже не маленький – в школу вот-вот пойдёт. Но всё равно за ним нужен глаз да глаз. Оставишь без присмотра – сама будешь не рада. Тугодум он у меня. И заикается.

Детский психолог обследовал его три года назад и прямо сказал: «Мамаша, у вас проблемный ребёнок. Он не сможет учиться в обычной школе. Его тесты ужасны – половину пунктов заполнил неправильно. На вопрос: что лучше горит – спичка или гвоздик? – ваш ребёнок ответил: „гвоздик“! Другая его беда – медлительность. Он над каждым вопросом думает слишком долго. Интеллектуально нормальные дети имеют коэффициент умственного развития – 100 плюс минус десять, а все, у кого коэффициент ниже семидесяти, – олигофрены. Они должны учиться в специальной школе для слабоумных. А компьютер определил ай-кью вашего сына в шестьдесят пять...»

Я вышла от психолога оглушённая. Как тяжёлым грузовиком раздавленная.

Никогда не думала, что мой Эл – слабоумный мальчик. Ну, медлительный, ну, заторможенный... На середине улицы может застыть. Или с поднятой ложкой и открытым ртом. Но чтобы слабоумный...

В ту тяжёлую неделю я два раза крепко напилась. Ночью – когда Эл спал. А потом опомнилась – если ты с рельсов сойдёшь, с кем он останется? В сиротский приют пойдёт?

И впряглась в свою материнскую лямку. Читать с ним вслух. Решать логические задачи. Заставлять его фокусироваться на содержании проблемы. Не получается одно – браться за другое. Штурмовать его медленный мозг со всех сторон, пробивать каналы понимания. Как Эл радовался, если у него получалось! Когда он понял смысл простого числа, то смеялся полчаса, взхлёб, до икоты... Я испугалась – водой его отпаивала.

Он часто правильно отвечал, хотя и очень медленно... Но не реже он ошибался, да ещё как упорно! Раз сто повторила и объяснила: «Сумма

внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам. Это – угол вполкруга!» Наглядное доказательство из пластиковых уголков выкладывала на столе миллион раз – с них даже краска облупилась.

Кошка бы запомнила, а он – никак!

Или элементарная задачка на понимание свойств стандартных предметов. Два идентичных маяка установлены: один – в долине, другой – на горном хребте. Какой маяк даёт больше света? По нормам все дети возраста Эла должны отвечать правильно: стандартные маяки везде одинаковы. А Эл всегда даёт неверный ответ, что маяк в горах будет светить ярче!

Не сумел освоить простое понятие стандартного изделия!

Билась, билась, а он – ни в какую... Пытается что-то сказать, да говорит какую-то чепуху, вываливая из своей головёнки кучу словесного мусора. Игра у него такая? Я не пожалела денег на образовательные телеканалы – вот он и наслушался разных слов, да и повторяет как попугай. На некоторые вещи у него память цепкая. Может, он – аутист? Пойти бы к хорошему специалисту, да где денег взять? Социальная страховка для бедняков не предусматривает дорогих консультаций.

Таблица умножения нас чуть не задушила. Выучим – с большим трудом! – норму его возраста: Эл отвечает, как полагается, и я радуюсь. Недели не проходит – снова сидит над «дважды два равно», кричит, пыхтит, потеет – но не пишет ответ, видно, снова забыл! И так – до бесконечности.

Нервы не выдержат, и начинаю на него орать. Он собирается в комок, как маленькая птица, и сам ревет от моей истерики.

У меня сразу злость и проходит.

Обниму его – и горюем вместе.

Когда он засыпал у меня на руках, то я часами сидела неподвижно, волосики его нюхала. Глаза под тонкими прозрачными веками двигаются – видит что-то Эл в своих детских снах, ворочает какие-то кубики медленной головёнкой... Я как волчица – чую его аромат. Когда Эл болеет, то запах его меняется, и меня в тревогу вгоняет.

Пусть тугодум, зато добряк. У меня пальто прошоркалось на локтях; сижу и гадаю, что сделать с этой развалюхой. Решила – кожаные заплатки наложить. Кажется, мода такая есть – вот и сойдёт за оригинальный стиль. Плохо только, что заплатки заметно новее всего остального.

Эл подходит и говорит – медленно, заикаясь:

– Мама, я вырасту и буду у-учёным или п-программистом... И куплю тебе н-новое пальто...

Слова часто тянет в конце: «пальто-о...»

– Купишь, сынок, купишь... Ты у меня молодец...

А сама думаю: «Не знаешь ты, бедняга, что программисту или учёному нужно иметь один из шести вариантов „умного“ генома – а у тебя ни одного из них и в помине нет... Анализ ДНК у всех берут, да не всех он радует. Если мы справимся и вытянем тебя на нормальную школу, то варианты твоей будущей работы – от запасного водителя, бездельничающего в старых киберавтобусах, до младшего клерка в банке. Нет, куда – клерком! – там шустрые нужны. Эл-медляга и туда не подойдёт... Разве что бумажки с пола доверят собирать...»

Иногда кричу наверх: боги, за что мне такое страшное наказание? И за чьи грехи маленькому человечку с робкой улыбкой досталась такая несправедливая судьба?!

Покричишь, погрозишь небу, успокоишься немного и думаешь: «Счастливым можно быть, работая хоть уборщиком. А я тебя никогда не оставлю, мой маленький сероглазый Эл, каким бы ты ни был тугодумом...»

Эл как-то за столом устоялся в одну точку и не шевелится. Долго сидел, потом стал морщиться, кривиться, а глаза всё куда-то смотрят... Потом ёрзать стал, раскачиваться и даже всхлипывать. Я его трясу – ты чего?

Наконец, очнулся.

Посмотрел на меня круглыми глазами да как крикнет: «В туалет хочу!» – и бегом к унитазу.

Ну как его надолго оставлять? Я могла бы работать – но как мой маленький Эл будет дома один? Кибер-нянька дорога, да и разве робот поймёт моего сына? Эл – всё, что у меня есть... никому его не отдам.

Мальчишки соседские дразнят его: «Эл-дурак! Эл-заика!» Он прибегает в слезах, жалуется: «Мама, меня зовут т-тупицей!» Я успокаиваю: «Ты просто задумчивый, а они злые! Лучше реши задачу, порадуешь маму...»

Верну веру в себя, он слёзы вытрет, за задачки садится. Аж язык высунет – так старается, да всё – мимо, всё – неправильно...

Рассматривали книжку с картинками: красивый домик с трубой нарисован, а в середине зелёной лужайки – сизый чертополох.

– Мама, что это?

– Чертополох, такое растение.

– А для чего оно нужно?

– Ни для чего, чертополох – совершенно бесполезный сорняк.

– Почему же его не выдернули и не выбросили?

– Ну... оно же колючее, попробуй его выброси.

Эл думал, думал и говорит:

– Мама, а я – чертополох. И пользы никакой, и выбросить нельзя.

– Не говори глупостей! Да я всех остальных выброшу, а тебя оставлю!

Убеждаю его, а у самой слёзы в горле стоят, голос тонким делают.

Но с тех пор он часто зовёт себя чертополохом. И я его – когда сильно рассержусь. Но всё равно поласковой называю – *чертополошкой*.

Тянулась все эти годы на одно пособие и изо всех сил пыталась подготовить Эла к школе – бесчисленные задачи с ним решала, в упражнениях изощрялась, веру в успех поддерживала – и у него, да и у самой себя, если честно.

Апартаменты у нас шикарные – комната восемь квадратных метров, в углу – кухня на два стула. Теснота – это ладно. Да вот зелени никакой не завести, и на улице её нет – окна выходят на задний двор универмага. Штабеля ящиков и целый день грохот погрузчиков. Зато квартира дешёвая. Если окна выходят на улицу с газоном, то жильё в два раза дороже. Смотрят на тихий сквер – в три.

Однажды купила на распродаже синий цветок в маленьком горшочке. Цветок две недели жив был, и Эл тарасился на его жёлтый кружевной зрачок часами. Я даже приревновала – ну что можно в цветке увидеть такого, чтобы целый день безотрывно смотреть?

Но потом и цветок осыпался – без света и земли.

Иногда выть хочется от зрелища тесных стен. Я в такой момент сразу за таблетки хватаюсь – не дай боже клаустрофобиком стать, замучаешься жить в городском муравейнике. Зато в снах я часто вижу широкие светлые залы, где можно бегать и кувыркаться, в которых просторно и цветам, и детям. Проснёшься потом – даже глаза открывать не хочется. Есть же богатые счастливчики – живут за городом, со своими палисадничками.

Там цветы, петрушка, а то и вишня может расти. Да хоть чертополох.

Но и тесной жизнью не дают пожить. Закончились наши с Элом спокойные годы. Школьный возраст стукнул: собирайся ребёнок в учёбу, а мать – в работу. Для детей бедняков школа бесплатная, зато пособие на ребёнка перестают выдавать – мать должна сама заработать на жизнь, пока сын учится.

Что же мне делать? Целый день без него, а ему без меня. Он это понимает и сидит рядом испуганным воробьём. А вокруг вон какие лбы бегают, уже свои компании собирают...

Старалась я, старалась его обучать, одно время даже дотянула его ай-кью до семидесяти – обрадовалась так, как никогда в жизни, а потом

выяснилось – напрасно. За последний год его тесты снова упали – аж до шестидесяти.

Как его спасти?

Вот и тону я в немой панике и горячем отчаянии.

На днях Эл опять перепугал меня до дрожи.

Ужинали. Он сначала жевал, хоть и медленно, потом – перестал. Спрашиваю: «Салат вкусный?» Эл улыбается, смотрит на меня серыми глазами и не отвечает. «Почему молчишь? Что-нибудь ещё хочешь? У тебя температура? Ты заболел?»

Молчал, молчал и только спустя какое-то время начал отвечать: «Са-а-л-а-ат вку-усный!» Медленно говорит, как неисправный робот. Видно, что мозги Эла где-то далеко – и от меня, и от этого дрянного, если честно, салата. Раньше он так медленно не отвечал, был поживее. И чем дальше, тем хуже становится. Замедление началось два с половиной года назад. После того Рождества, будь оно проклято!

Вы пробовали жить в столице на одно детское пособие? Не пробовали? И не советую. Выжить можно, жить нельзя.

И с праздниками беда.

Особенно с Рождеством – кругом все бегает, детям подарки покупают. Самые лучшие выискивают: новомодных роботов, яркие электромобили, крылья на пневмодвигателях. Отличные подарки! Особенно цена хороша. Я хожу среди всех печальной вороной, денег на пластмассовую машинку – и то в обрез. Плакать хочется ужасно, а кругом все смеются и песенки поют. Неужели придётся класть в красный чулок пластиковый грузовик за десятку?

Я очень хотела сэкономить побольше к концу месяца и на приличный подарок насобирать... А на днях приходим с прогулки, Эл и говорит – ноги болят. Гляжу, ботинки водяные мозоли натёрли – малы стали.

Дети имеют дорогостоящее обыкновение расти.

Пришлось срочно покупать новую обувь и лекарство от мозолей. Вот и мель, приплыли. Отдыхаем до первого числа следующего месяца – когда на карточку капнет очередное пособие... не пособие, а слёзы. Но первого числа что-то дарить уже будет поздно! Конечно, мой Эл – отличный парень и не закапризничает из-за игрушки. Скажет в утешение, заикаясь: «Ничего, мама, зато у нас ёлка х-хорошая!» Конечно, хорошая: маленькая, да складная – только и дел, что вытащить из шкафа и украсить прошлогодней мишурой...

У Эла был уже день рождения без подарка – я терпела, терпела, а потом спать его уложила и всю ночь ревела. И сына жалела, и себя. Самое

тяжёлое унижение для матери – когда ребёнку не можешь купить игрушки покрасивее, фруктов побольше, одежды получше.

И вот опять – Рождество обмелелое выпало. Хожу по магазинам, хожу – да что толку. Доступные подарки уже изучила как свои пять пальцев. Ни на что глаза не смотрят. Выбираюсь, чертыхаясь, из детского супермаркета, а у выхода топчется рыжий высокий человек с нагруженной тележкой.

«Мадам, сколько лет вашему ребёнку?» Я машинально отвечаю и спохватываюсь. Сейчас свой товар начнет нахваливать и всучивать. Не люблю я этих прощелыг.

Человек, действительно, делает радостное лицо и хватает с тележки какую-то коробку: «У нас как раз... для вас...» Ещё что-то лопочет. Я отмахиваюсь: «Нет у меня денег на вашу штуку...» Он и говорит: «А это совершенно бесплатный подарок вашему ребёнку!»

Ну-да, ну-да, нашли дуру – рыжим верить!

Бесплатный подарок с какой-нибудь кредиткой в придачу, за которую, знай, плати каждый месяц. Плавали – знаем. «Никаких подвохов! – уверяет рыжий. – Совершенно новый детский компьютер. Благотворительная акция династии Гринвич». Этим он меня и купил, собака. Королеву Николь я уважаю, плохое дело она не затеет.

Смотрю – и верно, компьютер с мозгом пятой модели. Плоский чемоданчик – симпатичный и сделан хорошо: у меня на такие вещи глаз намётанный. «Да такая штука стоит не меньше пяти сотен!» – продолжаю я сомневаться.

Ну все же знают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

Но рыжий человек уверяет, что никаких сюрпризов не будет, и буквально всовывает мне коробку – кажется, я ему надоела, – и начинает новую клиентку охмурять. Та быстрее меня сообразила – мигом выхватила у него из рук яркую глянцевую упаковку. Неужто повезло, и домой с подарком приду?

Пока шла, всё с королевой Никки мысленно говорила. Благодарила, благодарила и даже всплакнула. Вот ей икалось в тот день!

А как Эл был рад! Прилип к новой игрушке – а та сама с ним разговаривает, вежливо и рассудительно. Я на сэкономленную десятку ещё купила кулёк разных фруктов и сладостей – так что Рождество удалось.

Только потом незаметно Эл стал всё страннее и страннее – и я перестала радоваться нежданному подарку и часто думала – зря благодарила королеву. Подарок с хитриной – кто знает, чему он ребёнка учит, пока я по магазинам хожу. У богатых свои резоны – может, они себе верных слуг воспитывают с помощью гипноза. Даже отнять пыталась

компьютер, да Эл мне такую истерику закатил... – я плюнула и отступилась.

Иду как-то по улице среди ресторанов, полных весёлых людей, и такая тоска на меня вдруг обрушилась: почему я не могу жить как все? Почему я вынуждена считать каждую монетку, чтобы прокормить слабоумного сына?

Тогда я впервые назвала самой себе Эла слабоумным. И разъярилась страшно. По щекам себя нахлестала. Прямо на улице. Ты – его единственная надежда! У него никого нет, кроме тебя! Все вокруг считают его слабоумным, и он им станет, если ты, сволочь, с этим согласишься!

Да хоть нос себе расквась – факты не изменишь. Руки опускаются от бессилия и отчаяния; я свою жизнь посвятила Элу, но поможет ли это ему?

Страдаешь или плачешь, но всё равно – берёшь себя за шкуру: иди, буди сына, делай ему самый питательный и вкусный завтрак, какой можешь, – и занимайся, занимайся, занимайся...

Ломай камень голыми руками, поднимай неподъёмное...

Жили с Элом непросто.

Но пролетело время, и настал день школьного теста. Три пути у каждого ребёнка, три школы в округе: небольшая – для одарённых детей, огромная – для обычных и специальная, крохотная, – для умственно отсталых...

Сидим мы в общей очереди на тестирование. Перед началом учебного года сюда собрали всех местных дошкольников. Сейчас и наша судьба решится.

О боги, о боги, где вы? Как до вас достучаться? Услышьте мою молитву: пусть Эл попадёт в нормальную школу, не для дебилов...

Куда мне самой деваться потом? – не знаю и даже не думаю пока... И профессией никакой не владею, а если и наймут разнорабочей или домашней помощницей – у меня же всё из рук будет валиться: что без меня Эл поделывает?

Когда мысли не там, где руки, – это не работа, а наказание...

Всё, что я умею, – быть матерью Эла, да за это больше платить не будут.

Элу надоело сидеть на одном месте. Встал со стула, смотрит на других детей, подходит поближе.

Какой-то дылда-шустряк начальственно поворачивается к Эллу:

– Тебя как зовут?

Эл всегда с замедлением отвечает, после длинной паузы. Шустряку это не понравилось:

– Чего молчишь? Немой?

И – хлоп! – ударяет Эла ладонью в лоб. Сын отлетел, шлёпнулся на землю.

Я вскочила, бросилась его поднимать. Не знаю, что бы сделала с тем мальчишкой – да мамаша его тут как тут:

– Ой, извините, мой мальчик такой бойкий! Ничего страшного, дети играют!

Меня всю трясёт от злости, слова сказать не могу. А дылда из-под руки матери кричит:

– В школе встретимся, придурок!

Я схватила Эла и отвела на место. Хорошо школа начинается, просто отлично!

Но тут вся ерунда вылетела из головы: Эла вызвали на тест.

Я сразу от испуга съёжилась. Нормальная школа с дылдами – плохо, а школа для олигофренов – вообще катастрофа. Крест на всей жизни.

О боги всех небес, помогите моему мальчику стать нормальным ребёнком и счастливым человеком!

Сижу, ёрзаю – мозоль вот-вот будет, чего только не обещаю всем неведомым силам...

Обычно дети после тестирования выходят через полчаса. Их выводят сотрудники центра и вручают родителям распечатку с результатом тестирования.

Следующий!

Родители сразу утыкаются в полученные бумажки, а уж дома-то исследуют каждую строчку и букровку. Что сулит будущее их сыну или дочери? Какую профессию им советуют выбрать?

Эла уже час нет. Я сижу на стае ежей, и сил моих никаких больше нет.

Полтора часа. Ну, всё – проблемный ребёнок, оформляют документы в специальную школу.

Я стала гложуть, в ушах звон стоит.

Вышел круглолицый человек в зелёном халате, покрутил головой и ко мне:

– Пройдёте со мной, мисс Дженкинс.

А Эла всё ещё нет!

Остальные родители стихли, на меня уставились, зашептались:

– ...у неё сын... да, я знаю... наверное, тест не прошел...

Никого другого внутрь не звали. Наверное, слабоумных детей в зале больше нет, кроме моего бедного Эла.

Во мне такая злость вспыхнула, что сердце опалила. Я встала, обвела всех вызывающим взглядом и пошла за человеком в халате.

Быстро скисла, иду еле живая. Хромаю – нога почему-то онемела, отсидела, что ли? Какая глупость в голову лезет...

Где тут мой чертополошек притулился?

Человек в зелёном заводит меня в пустую комнату. Пытается шутить, зачем-то говорит, что его зовут Жюльен, и вообще несёт какую-то чушь.

– Где мой сын?! – истерично спрашиваю. Хочу спокойно, а получается крик.

– Он ещё не закончил тест, а с вами хочет поговорить мистер Уолкер.

Входит другой человек – уже в белом халате. Здравается.

– Присаживайтесь, миссис Дженкинс!

Да какое там «присаживайтесь»!

– Что с моим сыном?! Он нормален? Он сможет учиться в школе?

– С вашим сыном всё очень непросто, – сказал с паузой человек. На него упал свет лампы, и я вздрогнула. Вот это какой мистер Уолкер! Муж королевы Николь! Что здесь происходит?

Ноги подкосились, и я села, не глядя. Каким-то чудом оказалась на стуле, а не на полу.

– Мы не смогли определить оптимальные образовательные и профессиональные параметры для вашего сына, – продолжает своё мистер Уолкер.

Я слушаю его в полной панике, ничего не соображая.

– Дело в том, что мы вписываем эмоционально-интеллектуальную матрицу ребёнка в прогнозируемый социальный фон и находим математическое решение для оптимального соотношения индивидуальной матрицы и общественной среды...

Он объясняет, а я елѐ удерживаюсь от слѐз и думаю с яростью: «Да не тяни ты, чѐртов король, говори всю правду...»

– ...Мы можем выполнить такое моделирование, только если индивидуальная матрица является малым возмущением общего социофона...

«Меня сейчас вырвет, ты это понимаешь, учёный сухарь?»

– ...но матрица вашего сына оказалась совершенно аномальной – мы не можем принять её в качестве малой величины! Для таких случаев мы ещё не разработали методики тестирования. Поэтому мы не можем дать вам обычных рекомендаций...

– Это случилось из-за его компьютера?

– В какой-то степени – да, но мы раздали уже три миллиона таких компьютеров и ни разу не наталкивались на такую реакцию...

– Я вас не понимаю! – кричу или шепчу из последних сил. – Мой сын

сможет учиться в школе?

– В школе? Нет, это было бы неразумно! – удивился мистер Уолкер. – Ему нужен специальный колледж.

«ВСЁ! КОНЕЦ!»

– Спецшкола для слабоумных? – угасающим голосом спросила я. Сейчас упаду со стула. Уже качаюсь.

– Нет, нет, ваш сын вовсе не слабоумен! – возразил мистер Уолкер. – Разве вы не понимаете значения того факта, что матрица вашего сына не является малым возмущением?

– Нет, не понимаю... – а перед глазами всё плывёт.

– Это означает, что интеллект вашего сына способен оказать столь сильное воздействие на развитие общества, что оно уже не может рассматриваться как неизменяемый фон для моделирования его судьбы. В данном случае требуется нелинейное психосоциальное моделирование, чего наука ещё не умеет делать.

– А что же мне делать? – слабым голосом бормочу я.

– Вы должны согласиться на колледж!

– Какой колледж? У меня нет никаких денег... Бесплатная школа – это всё, что я могу себе позволить.

– Извините, я плохо объясняю, – говорит мистер Уолкер. – Колледж будет создан СПЕЦИАЛЬНО для вашего сына. За счёт династии Гринвич. Пока мы не нашли других таких же умных детей, он будет единственным студентом. Его будет учить целая группа профессоров. За ним будут наблюдать врач, психолог и генетик – ведь речь идёт о седьмом интеллектуальном геноскладе, ещё не изученном и, кажется, самом могучем... чуть не проморгали вашего мальчика... хорошо, что я сам присматривал за тестом. Полагаю, потенциал этого геносклада труднореализуем, но ваши постоянные занятия с Элом и помощь обучающего компьютера совершили настоящее чудо...

Я ничего не поняла, кроме того, что у меня сына забирают куда-то для научных опытов. Да как он там будет один?! Стала защищаться как могла – лишь бы его не отняли:

– У него плохие тесты, он отвечает на половину вопросов неправильно!

– Он отвечает неправильно с точки зрения человека, задающего вопросы дошкольнику. На самом деле, он просто отвечает на другом уровне – опережая сверстников лет на десять – пятнадцать. Некоторые его ответы просто поразительны!

– Он, дурачок, говорит, что железо горит.

– Но ведь железо очень ярко горит! Только в чистом кислороде. Мы проверяли – Эл нигде об этом не читал, а определил сам по таблице Менделеева. Как он об этом догадался? Ума не приложу. Надо будет этим специально заняться.

Я кричу:

– Он не способен даже понять, что сумма внутренних углов треугольника равна ста восьмидесяти градусам!

Мистер Уолкер удивился:

– Разве вы не знаете, что в неевклидовом, искривленном пространстве – а у нас оно именно такое – эта сумма не равна ста восьмидесяти градусам? Стоит нарисовать треугольник на поверхности шара и измерить...

– Он таблицу умножения не мог запомнить!

– Мне трудно объяснить в двух словах, но есть системы или пространства, где таблица умножения выглядит совсем не так. И Эл каким-то невероятным чутьём или интуицией это понял! Он отвечает медленно, потому что видит часто второй, а то и третий уровень ответа на вопрос, а ответы разного класса отличаются кардинально или даже противоречат друг другу...

– Он не разобрался в задаче про маяки, – я стала совсем невнятной, но мистер Уолкер меня понял:

– Эл отвечал в логике общей теории относительности. Ваш мальчик сумел самостоятельно разобраться в теории Эйнштейна! Понять суть риманового пространства в таком возрасте! Мы никогда не сталкивались с таким уникальным стилем детского мышления...

Я как заору:

– Не отдам Эла! Он останется со мной!

Мистер Уолкер здорово растерялся.

– Что вы, что вы! Никто его у вас не забирает! Вы, конечно, поедете вместе с ним. У вас будут просторные апартаменты в замке королевы Гринвич. С видом на озеро и парк... вернее, лес. Мальчику нужны прогулки на свежем воздухе. И учиться он будет там же. Ему будет с кем дружить – у нас в замке немало детей, включая принцессу Сюзан и принца Майкла. Они неплохие ребята и Элу понравятся.

Король Уолкер наклонился ко мне и стал горячо убеждать:

– Поверьте: ваш сын представляет величайшую ценность для всего человечества! Возможно, он спасёт наш мир... или откроет ему новые дороги... Нам с вами нужно сделать всё, чтобы мальчик получил оптимальную среду для своего развития и самое наилучшее образование.

Поэтому вас тоже примут на высокооплачиваемую работу в колледж для Эла. Фактически, вы будете работать матерью Эла. Вы согласны? Или вас что-то удерживает в городе?

Вот тут я сломалась и заревела в полный голос. Белугой. Пожарной сиреной.

Мистер Уолкер засуетился, куда-то стал звонить, а я плачу как дура и никак не могу остановиться.

Ах ты мой чертополошек...

Глава 6

Остров Робинзонов

Они уже отставали от расписания, а Никки всё ещё принимала душ.

– Быстрее, мама, по дороге домоешься! – крикнул нетерпеливый Майкл в т-фон.

Наконец, машина тяжело взлетела и взяла курс на запад. От тихоокеанской резиденции династии Гринвич до намеченного острова был час лёту. Предотъездная суматоха всегда утомительна, и, когда пилот вышел на заданную высоту, все потянулись к стаканам с питьём. Джерри заодно раздал всем пилюли для ускорения адаптации к земной тяжести.

Майкл был возбуждён перспективой оказаться на необитаемом острове, но Сюзан хранила высокомерный вид – подумаешь, остров! Подумаешь, необитаемый!

Мальчик взял чашку кофе, пластиковую трубочку и спросил:

– Папа, можешь сделать механический двигатель на тепловой энергии – не вставая из-за стола и сделав только одно движение рукой?

– Нет! – подумал и озадаченно ответил Джерри.

– А я могу!

Мальчик проложил длинную пластиковую трубочку поперёк чашки с горячим кофе.

– Смотри!

Трубочка нагрелась тёплым воздухом, поднимающимся от чашки, и выгнулась дугой – кончиками вверх. Но это положение оказалось неустойчивым, трубочка покатилась и перевернулась – дуга стала смотреть кончиками вниз. Через несколько секунд верх трубочки остыл, а низ нагрелся, и трубочка опять выгнулась вверх концами – и перекатилась на старое место.

Кофе медленно остывал, а трубочка, подогреваемая тёплым воздухом, мерно каталась по краям чашки – назад... вперёд... снова назад...

– Блеск! – уважительно сказала Никки. – Действительно механический двигатель, работающий на тепловой энергии горячего кофе. Тебе нравится твой учитель физики?

– Да! – с энтузиазмом подтвердил Майкл. – Он знает массу интересных штук. Например, в прошлый раз он показал, как можно сверлить в толстом льду тонкие дырки с помощью воздуха.

– Как это? – удивилась мама.

– Да надо просто умело заморозить воду! – веселился мальчик. – И тогда пузырьки воздуха сами проделают во льду множество червоточин! А ещё он доказал нам, что вода может кипеть даже при комнатной температуре!

– Он, наверное, понижал давление воздуха? – спросила Никки.

– Да, – кивнул сын. – Учитель поставил стакан обычной воды под вакуумный стеклянный колпак и стал откачивать воздух – и вода закипела! Холодная! Всем очень понравилось.

– Я рад за вас, – улыбнулся Джерри. – Хороший учитель – одна из главных удач в жизни.

Двигатели изменили тон, и машина наклонилась. Майкл прильнул к иллюминатору:

– Остров! Вот он! Необитаемый!

Они разбили бивуак в рощице пальм рядом с пляжем.

Джерри с Майклом немедленно умчались к воде: проверять – мокрая ли.

Сюзан осталась возле матери и вдруг спросила:

– Мама, а почему люди разводятся?

– Ну... когда люди слишком долго живут вместе и слишком хорошо знают слабости и тайны друг друга, у них возникает желание избавиться от опасного свидетеля.

– А почему ты с моим отцом... развелась?

Никки вздохнула. Вот и настал этот сложный день.

Она честно рассказала дочери о событиях тех лет, когда равновесие сил на Земле зависело от рождения Сюзан.

– Ты самый важный ребёнок на Земле, принцесса Сюзан. Твоё рождение стало основой союза Северных и династии Гринвич. Вот Майкл – обычный ребёнок...

– Я тоже хочу быть обычной, чтобы в доме у меня были и мать, и отец! Я не хочу быть самым важным политическим ребёнком!

Голос Сюзан звенел. Никки нахмурилась:

– К сожалению, жизнь редко спрашивает, что мы хотим. Я вообще выросла без отца и матери. По сравнению со мной, у тебя избыток родителей. Будут конкретные предложения – приходи, обсудим.

– Почему вы распорядились моей жизнью без меня?!

– Если бы мы не достигли соглашения, то ты не появилась бы на свет. Пойми: или ты родилась бы в том статусе, который тебе так не нравится и из-за которого ты сейчас скандалишь, или ты вообще бы не родилась.

– Вообще?! – взвизгнула Сюзан.

– Да. Ты уже достаточно взрослая, чтобы осознанно подумать о собственных детях. Если ты решишь их не иметь – они никогда не появятся на свет. Ты для своих детей бог, но увы – не авторитет. Убедишься в этом сама, когда они будут ссориться с тобой.

Сюзан фыркнула и гордо зашагала на берег, где сидели уже искупавшиеся Джерри с Майклом. Оттуда доносился их горячий спор:

– Точка автомобильного колеса, которое мчится со скоростью двести километров в час, неподвижна относительно земли? Папа, это смешно! Тогда автомобиль ехал бы, оставляя куски шин на земле. Это же простая логика!

Отец пытался доказать:

– А прыгун с шестом – движется? Да. А конец его шеста движется? Нет. Его можно даже жвачкой приклеить в момент прыжка...

Но Майкл только недоверчиво качал головой.

Пока Сюзан дошла до пляжа, младший брат-непоседа уже сменил тему:

– Папа, я вчера смотрел фильм о Первой мировой войне. Я ничего не понял – весь мир стал воевать из-за ерунды. Какой-то один террорист, какие-то обмены нотами – и началась война с десятью миллионами убитых солдат! Мирных жителей погибло ещё больше. И победители ничего особенного не выиграли. Что за бессмысленная бойня?

– Я выскажу свою точку зрения – человека, который много занимался социомоделированием. Причины Первой мировой войны выглядят несущественными, но сама война была неизбежна.

К началу двадцатого века весь мир контролировался империями: британской, немецкой, российской, австро-венгерской, османской, японской... Такой мир нестабилен – он образован чересчур острыми иерархическими пирамидами. Слишком много зависит в нём от решения одного человека, для которого личные интересы и обиды могут оказаться выше интересов общества.

После двух мировых войн – а Вторая мировая была попыткой переиграть результаты Первой – мир кардинально изменился. Все империи были разрушены, и им на смену пришли демократические государства с более пологими властными пирамидами, решения в которых принимались широким кругом людей, выбранных народом. Для предотвращения войн даже появилось всепланетное правительство – Организация Объединённых Наций. Так что мировые войны сыграли очень важную роль в истории: земная цивилизация приготовилась к эпохе ядерных бомб. Представляешь

себе опасность морально устаревших монархических империй с современными термоядерными ракетами?

Сюзан подала реплику:

– Но ведь мама – тоже королева. И дедушка Шихин – король! Значит, они тоже морально устарели?

Джерри засмеялся:

– Власти, которую имеют отдельные современные династии, не хватит для развязывания настоящей войны. Короли подчиняются ооновским законам и решениям, как и остальные люди. Современные династии – это просто очень крупные семейные компании, а королевские титулы – лишь рекламный трюк. Или утеха самолюбия. Но, конечно, многие короли со мной не согласятся.

Принцесса Сюзанна фыркнула и сказала:

– Пошли купаться, философы-бездельники!

Белый песок дымился в прозрачной толще набегающей волны. И растворялся, оседал хрупкой крупой на плавники... нет, на ступни.

Накупавшись, робинзоны отправились исследовать берег, идя вдоль дюны и частенько забираясь в мангровые заросли.

Майкл опасливо глядел под ноги:

– Я боюсь змей! Как только природа создала таких ужасных тварей!

Отец сказал:

– Правильно делаешь, что боишься. Но учти: именно ядовитые змеи дали толчок разумной жизни, заставив обезьян совершенствовать зрение и мозг – для того, чтобы вовремя заметить столь мелких и столь опасных врагов. Для распознавания ядовитых змей обезьянам приходилось запоминать пёстрый узор на спине чешуйчатых рептилий. Многие люди до сих пор боятся змей до судорог.

– Помнят, обезьяны! – ухмыльнулась Сюзан.

Майкл был находчивый весельчак, а Сюзан – мрачновата и немного цинична.

Сон у Майкла был завидный и крепкий, как боровик. Сюзан засыпала плохо, много читала по ночам и любила шокировать окружающих:

– Изумрудная оса *Ampulex compressa* уколom в мозг зомбирует таракана. Он перестаёт выбирать дорогу сам, и оса, сидя на спине таракана, держит его за усы и ведёт к гнезду. Потом откладывает в живот своей жертвы яйца. Вылупившись, молодые осиные личинки сжирают живого, но безвольного таракана.

– Тебе его жалко? – спросила Никки.

– Не знаю, – задумчиво сказала Сюзан. – Может, жизненным

предназначением этого глупого некрасивого таракана и было – стать едой для гордых и умных ос?

– Не думаю, что таракан бы согласился с твоим мнением!

– А кто спрашивает его согласия?

Вот и сейчас Сюзан ехидно заявила Майклу, сидящему напротив неё на береговом камне:

– Не бегай глазами! Взгляд выдаёт социальный статус человека. Солидные люди водят глазами медленно, им некого бояться. Лишь несерьёзная мелочь шныряет глазами – опасность ищет или прокорм высматривает.

– Зануда! Мне просто всё интересно и на всё надо успеть посмотреть! Мама, а почему ты не загораешь?

– Загар любят женщины низкого интеллекта. Все остальные уже узнали про вред ультрафиолета.

Джерри тоже был в рубашке, а детей он тщательно обрызгал солнцезащитным составом.

В кустах заскрипела какая-то красно-лохматая птица. Колибри подлетела к яркому цветку на рубашке Джерри, разглядела обман, плюнула с досады и умчалась.

Никки сказала:

– Когда мимо меня пролетает колибри... или зависает над цветком неподалёку... то на душе становится радостно, словно от хорошего известия.

Вечером они сидели у костра.

С пляжа доносился деловитый размеренный шум вечерней волны.

Море работало круглосуточно.

– Папа, а сейчас здесь зима?

– Да, это Северное полушарие, и сейчас декабрь. Но наш остров так близок к экватору, что здесь в декабре теплее, чем во многих странах летом.

– Какой отличный декабрь! Приглашаем ваше лето погреться у нашей зимы! – засмеялся Майкл.

Сюзан, оттаявшая к вечеру, спросила у матери, работающей с ноутбуком:

– Мама, почему ты всегда делаешь доклады на память, а не читаешь их с ноутбука?

– Человеческое ухо отлично улавливает заученность монологов экскурсовода или интонации, возникающие при чтении доклада по бумажке. Эти интонации сразу вгоняют слушателя в сон. Между прочим – было бы интересно узнать, как мозг распознает такое чтение, и почему он

считает, что на таком докладе стоит поспать. Надо подбросить эту тему нашим учёным.

Пламя ласково оббивало кольцами морщинистые чёрные поленья и издавало тихий трепещущий звук, словно флажок на ветру.

Потом все забрались в палатку.

Снаружи по вертикальному стеклу палатки ловко прыгала лягушка – ловила мошкар, привлечённую светом изнутри.

Майкл никак не мог уговориться:

– Папа, я видел по тивизору открытие вегетарианцами памятника съеденным животным. Там есть корова, козлёнок, курица, кролик, карп и краб. А почему все шестеро животных – на букву К?

– Это загадка! И полагаю, она никогда не будет решена.

– Слишком сложная?

– Мм... не слишком интересная. Спи!

Дни просто бежали, наполненные ветром, солнцем, купанием, рассматриванием рыб и кораллов.

Никки сказала с удовольствием:

– Для того чтобы не переставать любить людей, нужно иметь возможность хотя бы изредка бывать на необитаемом острове.

Майкл и Сюзан всё-таки загорели и стали выглядеть не как городские альбиносы, а как настоящие аборигены.

Масса приключений спрессовалась в еле подъёмный, полупрозрачный и пряный пласт. Пляжи были белые, чёрные и зелёные: коралл, вулканические пемза и оливин. На пляжах спали морские черепахи. В прочных панцирях виднелись трещины – океанский прибой, сговорившись с рифами, любит пробовать на прочность.

В одной из бухт нашёлся на берегу ржавый до сердцевины корабельный двигатель.

– Папа, кто тут разбился?

Отец пожимал плечами, а рифы что-то смущённо бормотали.

Горы, нависающие над побережьем, были изрезаны изумрудными долинами, заросшими дождевыми джунглями. Берег изобиловал пальмами и кустарником, но иногда превращался в чёрное лавовое поле в редком ковыле. В трещинах вулканического шлака росли красные цветы – словно светилась неостывшая лава.

Майкл и Джерри сидели вечером на берегу и смотрели на звёзды. Рядом горел большой факел. Никки в палатке вела с кем-то переговоры, а

Сюзан сказала, что лучше почитает.

– Папа, я давно хочу тебя спросить... – странно замялся Майкл.

Джерри насторожился. Дети любят задавать неудобные вопросы.

– Скажи мне – что такое тензор? Вы так часто с дядюшкой Хао о нём говорите...

Джерри тяжело вздохнул. Лучше бы Майкл спросил обычное: откуда берутся дети. Но отступать некуда: если не отец, то кто расскажет ребёнку про тензор?

– Пойди, проверь – теплоё ли море? – попросил он сына. Майкл послушно встал, опустил руку в солёную колышущуюся воду, полную бликов от горящего факела.

– Очень тёплая!

– А куда направлена температура у воды? – вдруг спросил отец.

– Как это – куда? – растерялся Майкл. – Никуда. Температура просто есть – она приклеена к каждой капельке воды.

– Верно, – согласился Джерри. – Температура не имеет направления. Запомним это и пойдём дальше.

Он воткнул суставчатую тростинку в песок, слегка наискосок.

– А эта палочка имеет направление?

– Да, она направлена на вершину пальмы.

– Пусть эта палочка будет всегда воткнута в эту точку. Но направление её может меняться. Сколько чисел нужно, чтобы задать направление тростинки? Например, я звоню тебе по т-фону и тростинки не вижу, а мне нужно точно знать – куда она направлена.

– Па-адумаешь, проблема, – пренебрежительно сказал Майкл. – Пусть направление на океан будет двенадцатью часами. Ты звонишь, а я сообщаю – палочка смотрит на девять часов – то есть налево, вдоль берега, и наклонена к вертикали... ну... примерно на тридцать градусов.

– Мне нужно знать, где находится конец палки, которую я никогда не видел.

– Тогда ещё говорю её длину – два фута.

– Итак, три числа задают положение кончика палки и её направление?

– Да.

– А теперь втыкаем туда же ещё одну тростинку, покороче... вот так... и наклоняем её в другую сторону. Для характеристики такой конструкции сколько нужно будет чисел?

– Папа, не задавай детских вопросов! Шесть.

– Извини, я просто стараюсь быть методичным. Конструкция из двух векторов уже гораздо богаче – например, мы можем натянуть на эти две

палочки параллелограмм – две его стороны будут совпадать с этими тростинками, а ещё две параллельно повторят их.

– Это похоже на ромбовидный парус у лодки! – воскликнул Майкл.

– Верно! – радостно согласился отец. – Очень хорошее сравнение. Давай им воспользуемся. Представь – плывёт яхта с мачтой, реей и бушпритом. Между этими тремя отрезками натянуты два паруса. Лодка качается, делает повороты; вектора мачты, бушприта и реи смотрят в разные точки – то в небо, то в море. Но паруса всё время натянуты между мачтой и реей, мачтой и бушпритом.

– Правильно, когда плывёшь на лодке в океане, то лучше паруса не сворачивать.

Джерри озабоченно подумал, что любая аналогия содержит утрату точности. Но сейчас важнее было добиться общего понимания у Майкла природы тензора. Время деталей и частных ещё придёт.

– Итак, положение двух парусов между трёх векторов можно задать числами координат относительно лодки. Теперь слушай внимательно: температура, не имеющая направления, называется скаляром, или тензором нулевого ранга. Скаляр характеризуется одним числом. Тростинка, воткнутая в песок, – это вектор или тензор первого ранга, который задаётся тремя числами. Паруса у лодки можно описать тензором второго ранга, для определения которого в пространстве нужно знать девять чисел. Обрати внимание – эти числа-координаты бегают, мерцают по знаку, могут даже обращаться в ноль, но устойчивые тензорные характеристики не исчезают никогда: стрела всегда сохраняет свою длину, а паруса – площадь. То есть тензор помогает мне избавиться от несущественных изменчивых деталей и даёт возможность определить главное, например, не сбили ли пираты мою мачту.

– Ага! Тензорное исчисление помогает вам с дядюшкой Хао управлять вашими моделями, держать их правильно по ветру.

– Похоже, – согласился Джерри, – но только мы используем тензоры высших рангов – и не в трёхмерном, а многомерном пространстве. Это мощное средство для учёного. Многомерный тензор высших рангов – это величественный корабль, одетый в громаду белоснежных парусов. Каждый парус натянут на реях и тросах со своими координатами, и в сумме паруса образуют единую устойчивую конструкцию,двигающую корабль в нужном направлении. Человек, освоивший тензорный анализ, равен командующему эскадрой многопарусных кораблей.

– Красиво, – с уважением сказал Майкл. – Значит, математики – это адмиралы!

– На другое равенство званий я бы не согласился! – усмехнулся отец.

Волна без устали гладила берег по голове. Он не возражал.

– Папа, почему вы с мамой всё время помогаете людям?

– Ну... нам нравится это делать.

– А почему?

– Хм. Есть люди, которым нравится залезать на высокие горы или поднимать самые тяжёлые штанги, собирать почтовые марки или рецепты приготовления улиток. Но многие люди живут в тисках бедности и безнадёжности... – и это такое счастье: помочь им. От этого становится лучше на душе.

– А вы всем помогаете?

– Всем, кому сможем. Если сил на всё не хватает – помогаем тем, кому мы нужнее всего, например, детям. Мой отец – твой дед – разработал гениальную модель предсказания будущего всего человечества. А я пытаюсь превратить эту глобальную социомодель в способ предсказания судьбы отдельных людей. Это особенно важно для детей: они часто растут в бедных и малообразованных семьях, но имеют право быть счастливыми. Им нужно помочь выбрать правильную профессию, рассказать, в каких областях человеческой деятельности они достигнут наибольшего успеха. Заодно и предсказать им, какие работы будут популярны в ближайшие полсотни лет.

– А дед был великим учёным?

– Да, несомненно.

– А ты?

– Я не стараюсь быть великим, я стараюсь быть нужным. Слишком многим надо помочь. Добин-Го сказал, что честный человек всегда живёт с чувством вины.

Майкл долго молчал, смотря в звёздное небо.

– Ты говорил, что у Веги есть несколько планет, – вдруг он сменил тему разговора.

– Да.

– А если сейчас на одной из веганских планет обижают детей?

Нет, Майкл не менял тему, но странно повернул её.

– Когда мы долетим до Веги, то поможем и им.

– А если они живут в очень далекой галактике?

– Боюсь, что большинство цивилизаций во Вселенной должны обойтись без нашей помощи – мы просто не сможем до них добраться.

– Это очень плохо, папа! Ведь этим далёким существам тоже нужна помощь... Вдруг их звезда взрывается, или планета остывает... И они все-

все могут погибнуть!

– Мы бессильны в этом случае.

– Неужели ничего, совсем ничего нельзя сделать?

– Ничего, сын. Сверхсветовые полёты невозможны, а любые досветовые корабли не смогут доставить помощь в дальние точки Вселенной. Даже если где-то гибнет целая цивилизация, то мы ничего не можем для неё сделать...

Майкл побледнел. Его потрясла мысль, что прямо сейчас где-то терпит бедствие целый мир – тонет, как корабль с пробитым бортом.

Джерри с беспокойством смотрел на сына:

– Майкл, сначала нужно помочь тем людям, которые живут рядом с нами...

Мальчик долго молчал, привалясь к отцовскому плечу и глядя в небо.

Потом он заснул, и отец отнёс его в палатку.

Джерри не мог даже представить – к каким невероятным последствиям приведёт этот ночной разговор отца с сыном.

Но Майкл запомнил этот вечер и часто думал о неведомых разумных существах, которые где-то далеко в космосе тонули, горели или умирали другим мучительным образом, поднимая плачущие глаза к небу. А оно равнодушно смотрело на их страдания и не протягивало руку помощи.

Глава 7

Трудная дорога

Этот день начался обычно – с обсуждения сложнейшей проблемы, которая занимала их мысли.

Никки стояла у окна и смотрела на величественную панораму Гринвич-Сити.

– Значит, всего этого недостаточно? Мы охватили дистанционным обучением десятки миллионов детей, которые получают хорошее образование и станут замечательными людьми.

– К сожалению, этого недостаточно. Расчёты по-прежнему утверждают, что общественное пассивное сопротивление переменам будет нарастать – и это уже подтверждается социологическими данными. Для качественного изменения ситуации нужно воздействие в масштабах миллиардов людей. Их отношение к миру надо как-то изменить. Пока у человечества слишком много дураков, пессимистов и просто озлобленных на жизнь людей. Им надо всем помогать. Каждому!

– Что же делать?

– Ответ известен: думать.

Никки вздохнула, возвращаясь мыслями к текущим делам, и пожаловалась:

– Джерри, эти экономические науки меня доконают. Биржи, акции, кредиты, фьючерсы. В них даже Робби путается и толком объяснить мне ничего не может.

Джерри посоветовал:

– Прослушай популярный курс лекций профессора Алессандро Баранова. Я не согласен с рядом его соображений, но лекции Алессандро многое проясняют. Он, с одной стороны, представитель старой школы биржевиков, а с другой – бунтарь-одиночка, который никаких профессиональных секретов не скрывает и туман не наводит, а режет правду-матку в глаза. Но учти одно: даже физические процессы не свободны от воздействия наблюдателя, а общественных процессов, независимых от людей, вообще не найти. Как-то исследователи медицинской статистики удивились: мужчины одного американского штата подвергались определённой хирургической операции в два раза чаще, чем мужчины другого штата. Чем вызван такой скачок заболеваемости? Были проверены различия в условиях жизни, образовании, корреляции с другими

болезнями – ничто не объясняло такой всплеск. Потом выяснилось, что между штатами в два раза отличалось лишь количество хирургов, специалистов по данному заболеванию.

– Так что же первично, а что вторично? Количество больных или врачей?

– Хороший вопрос. Известно, что юристы активно создают собственный рынок – выискивая всё новые и новые причины для судебных исков. Есть мнение, что многие законы, которые составляют юристы, переусложнены именно для того, чтобы люди, толкующие законы за деньги, не остались без работы. Экономике тоже пока нельзя рассматривать в отрыве от экономистов.

– Кошмар! – Никки была ошарашена. Всё-таки в глубине души она оставалась дикой и наивной Маугли.

И вот она слушает вводную лекцию приземистого, седого и лысоватого, но удивительно живоглазого профессора Алессандро. Глаза «неистового Алессандро» метались от записей к слушателю, от экрана к камере, горели, смеялись, негодовали.

– Экономика – молодая наука, она появилась существенно позже возникновения государств, гораздо позже развития торговли и бизнеса и даже позже науки о риске и целесообразности. Экономика родилась вместе с анализом большого числа статистических данных, что позволило делать выводы, прогнозы и обобщения.

К XX веку во многих науках были построены краеугольные теории, которые обеспечили развитие этих наук на десятилетия и столетия вперёд. В химии это была периодическая система химических элементов Менделеева, в биологии – теория эволюции Дарвина, в физике – теория относительности Эйнштейна.

Но в экономике до сих пор нет общепризнанной фундаментальной теории, определяющей основные тенденции развития научной экономической мысли. Я думаю, что краеугольным камнем нашей науки станет учение о спектре экономических циклов в человеческой цивилизации, но об этом мы поговорим попозже.

Экономика как система научных знаний появилась в конце XVIII века и сразу заслужила репутацию «мрачной» науки – благодаря прогнозам Роберта Мальтуса, который на основе имеющихся данных предсказал неизбежность мирового голода. Экономисты не балуют обывателя оптимизмом, обычно обсуждая удручающие темы: безработицу, массовый голод, спад производства, кризис, бедность.

Мрачная репутация экономики и сейчас заслужена: экономисты – это единственные люди, предупреждающие нас о трудном выборе и компромиссах. Прогнозы и заключения экономистов, которых общество воспринимает как неприятных реалистов общественных наук, всегда непопулярны.

Диана Койл сказала, что экономика – это скептицизм, применённый в отношении человеческого общества и политики. Экономисты постоянно задаются вопросами... Почему наступил кризис? Будет ли работать предложенная экономическая политика? Кто получит выгоду в результате уменьшения банковского процента кредитования?

Профессор остановился и быстро осмотрел аудиторию.

– Выскажу глубоко личное мнение. В античной Греции и Риме философия была наукой обо всём, а все науки назывались философией. Экономика родилась в эпоху Просвещения как течение мысли, в основе которого лежит поклонение силе разума, сформировавшее современную науку и демократию. Но ни одна наука не способна достичь уровня прагматизма экономики. Я верю, что экономике ещё предстоит стать – по степени влияния на умы – аналогом философии. Экономика, как философия продвинутого общества, будет особым подходом, применяемым к людям и компаниям, отраслям промышленности и государствам. Это образ мыслей, который предполагает большое уважение к эмпирическим фактам и внимательное изучение экономических данных и закономерностей. Экономика – наука и о взаимосвязях в обществе, и о поиске этих взаимосвязей.

Алессандро повернулся и бодро взбежал на кафедру.

– Вернемся к официальной истории экономики. Экономическое объяснение никогда не является единственным, но оно создаёт важнейшую основу для политических и социальных объяснений. Очень часто экономисты вынуждены быть проводниками политики; разные специалисты на основе одних и тех же эмпирических данных приходят к противоречивым выводам в зависимости от собственных политических предпочтений. Становление науки экономики предполагает полное выдавливание из неё политики.

В XIX веке экономика была детерминированной наукой, гласившей: стоит лишь четко установить факты и проанализировать их на основе законов – и тогда будущее станет понятным. Питер Бернстайн писал о том счастливом и наивном времени: «Представители классической экономической науки рассматривали экономику как свободную от риска систему, автоматически ведущую к оптимальным результатам. Они

уверяли, что её стабильность гарантирована».

Но в 20-х годах XX столетия в квантовой механике появилось принципиальное соотношение неопределённости Гейзенберга. В это же время важная роль неопределённости была осознана и в экономике. Чикагский профессор Фрэнк Найт сформулировал это так: «В экономике проблема неопределённости неизбежна, потому что сам экономический процесс нацелен в будущее». И эта мысль обусловила дальнейшее развитие экономических теорий. Детерминированные экономические законы дополнились стохастической игрой.

«Неистовый Алессандро» повысил голос:

– К началу XX столетия человеческая цивилизация вступила в новую стадию своего развития, территория Земли была полностью поделена сильными державами, скорость оборота и объёмы товаров на мировых рынках резко возросли. Расцвели и биржи.

Если в XIX веке финансовые инструменты были возможностью для очень узкого круга людей, то в начале XX века финансовые спекуляции стали массовым явлением. Биржевые торги были сродни драме высоких страстей и комедии низкопробных оплошностей. Операционные залы финансовых бирж были похожи на театр даже внешне: все торги шли с голоса. Биржевая торговля была трудно отделима от мошенничества. На финансовых рынках кроме математики и экономики господствовала и психология толпы.

На бирже начала XX века в течение часов создавались и терялись огромные состояния. Уолл-стрит был гигантским казино, где игроки в обличье биржевых спекулянтов делали рискованные ставки на движение акций.

Вдруг профессор на экране замер с полураскрытым ртом, уставившись прямо на Никки. Раздался насмешливый голос:

– Я вижу, что тебе скучно и твоё внимание тает как снег на солнце!

– Да, – виновато сказала Никки. – Честно тебе признаюсь, Робби, что экономика никогда не была моей любимой наукой.

– Тупица! – фыркнул невидимый друг. – Ладно уж, развлекаю тебя хрестоматийной биржевой историей... Ты ещё настолько дика, что наверняка её не знаешь.

Робби откашлялся, изображая подготовку к лекции.

– Знаменитая династия Ротшильдов является одной из самых старых земных династий. Её основателю принадлежит завет, которому следуют и современные королевские фамилии: «Все важные посты в бизнесе должны занимать только члены семьи, а не наёмные работники». Ротшильдам же

принадлежит и девиз: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». 18 июня 1815 года произошла знаменитая битва при Ватерлоо, где решалась судьба Европы. Французские дивизии Наполеона напали на объединённые войска европейских монархов. Сначала англичанам, пруссакам и голландцам пришлось несладко – и по Европе распространилась весть о побеждающем Наполеоне. Но к вечеру того же дня к союзным войскам подоспело подкрепление, и наполеоновские войска были полностью разгромлены. Битва была жесточайшей – за день было убито шестнадцать тысяч человек. Специальный курьер банкира Ротшильда наблюдал за сражением и 20 июня, несмотря на шторм в проливе Ла-Манш, первым доставил своему хозяину в Лондон сообщение о проигрыше Наполеона. Ротшильд примчался на лондонскую биржу, где никто ещё не знал итогов сражения, и отдал приказ о срочной распродаже своих английских акций, делая вид, что Наполеон победил. Биржу охватила паника – все бросились сбывать ценные английские бумаги, отчего их стоимость упала в двадцать раз. Вечером 21 июня курьер фельдмаршала Веллингтона доставил в Лондон официальное донесение о поражении Наполеона. Английские акции мгновенно не только вернули свою первоначальную цену, но даже значительно превысили её. Но для лондонских биржевиков победа союзных войск обернулась сокрушительным поражением: акции английских компаний были почти задаром скуплены тайными агентами Ротшильда и поднялись в цене уже в его кармане. Многие биржевики покончили жизнь самоубийством, а Ротшильд заработал на битве Ватерлоо сорок миллионов фунтов стерлингов – по тем временам баснословные деньги: плодороднейшая Луизиана размером в четыре Франции была куплена Америкой всего за три миллиона фунтов стерлингов.

Никки удивлённо покачала головой:

– Ещё немного – и ты скажешь, что банкиры сами организовывали кровавые сражения, чтобы успешнее сыграть на бирже.

– О боги джунглей! Когда же ты хоть немного поймёшь земную цивилизацию? Все войны в мире – ты слышишь, дикая Маугли? ВСЕ! – имеют в своей основе финансовые интересы, или, точнее говоря, интересы финансистов.

– Я не настолько дика и кровожадна, чтобы в это поверить! – сказала потрясённая астровитянка.

Профессор на экране снова зашевелил губами и продолжил:

– По мере изменения стандартов деловой этики на финансовых рынках появлялись всё новые изощрённые инструменты. Если в начале XX столетия наибольший риск обеспечивался на рынке акций, то к концу века

максимальный риск был связан с производными инструментами или деривативами, например, опционами и фьючерсами.

Изначально сложные финансовые инструменты создавались для обуздания риска, как элемент хеджа, но когда человеческая жадность брала верх над благоразумием, эти механизмы страховки превращались в орудия разрушения. Все крупнейшие крахи на финансовых рынках во второй половине XX и в первой половине XXI века были вызваны спекулятивной игрой в деривативах. Начало XXI века открыло эру финансовых пузырей, быстрых взлетов и падений. Ведущие банки мира, история которых насчитывала десятилетия, а то и столетия, крошились как лёд. Итогом стало ужесточение требований государств к сложным финансовым инструментам.

Глаза профессора Алессандро вспыхнули огнём.

– Но вернемся в эпоху необузданных страстей человеческих. На протяжении почти 200 лет – до середины XXI века – биржи были особым феноменом на стыке прикладной экономики и коллективной психологии. Профессор Вильям Шарп объясняет слово «инвестировать» так: «расстаться с деньгами сегодня, чтобы получить большую их сумму в будущем». Здесь два фактора – время и риск. Отдавать деньги приходится сейчас, а вознаграждение наступает потом, если наступает вообще, и его величина заранее неизвестна.

Реальные инвестиции вкладываются в материальные активы: землю, оборудование, заводы. Финансовые инвестиции – это записанные контракты: акции, облигации и другие инструменты. В примитивных экономиках доминируют реальные инвестиции; в современных экономиках большая часть инвестиций – финансовые, и их доля всё время нарастает.

Финансист Джон Мэрфи установил взаимосвязь всех рынков – финансовых и нефинансовых, внутренних и внешних. В периоды стабильности и роста экономики эти взаимосвязи между рынками скрыты, но они чётко проявляются во времена финансовых кризисов. Кризис похож на очистительный вихрь, который сбивает с финансовых рынков пузыри, появившиеся в силу жадности и неумелого управления рисками.

Во времена кризисов наблюдаются редкие явления взаимосвязи разных рынков; опережающий лаг одних финансовых инструментов над другими, составляющий обычно несколько месяцев, в момент кризиса может сжаться до нескольких дней, рождая необычные ценовые уровни одних акций к другим. Финансисты говорят: «спреды рекордно разъехались».

Очень много спекулянтов разоряется в такой момент на разъехавшихся

спредах, потому это появление события, к которому не была готова накопленная статистика. Когда в момент кризиса биржевики увеличивают кредитное плечо, играя на сужение спредов, они, по сути, играют в «русскую рулетку», когда вероятность несчастного события невелика, зато реализация данного события трагична.

Никки подумала: «Про „русскую рулетку“ я слышала, а вот понятия „кредитное плечо“ и „разъехавшиеся спреды“ надо прояснить. Чёртовы субъязыки...»

– До середины ХХІ века, когда стандарты работы на финансовых рынках значительно ужесточились, очень сложно было провести грань между цивилизованными методами работы и мошенничеством. Финансовые пирамиды сменялись фальсификацией работы финансовых рынков через имитацию работы бирж посредством виртуальных торгов. На развивающихся фондовых рынках постоянно появлялись элементы жульничества...

«Да, профессор Алессандро никого не щадит, – подумала Никки. – Его лекция хороша, но многое ещё в тумане. Надеюсь, в следующих лекциях он расскажет всё детальнее...»

За ужином королева снова вернулась к проблеме технологии пятого уровня, которая неотступно терзала Никки и Джерри.

– Какую бы область человеческого бытия я ни изучала, я всё время сталкиваюсь с корыстью, обманом и подлостью. В мировых биржах, в рекламном бизнесе, в терроризме – всё время видно рыло жадной и злобной обезьяны. Как заставить людей быть людьми? Переубедить человека научными или логическими доводами невозможно, и я не понимаю, как можно достичь нужного нам перевоспитания. В голову приходит только массовый гипноз. Но на него массы не согласятся!

Джерри кивнул головой:

– Да, это вряд ли. Обычный человек не считает, что его мозги или убеждения требуют корректировки.

Никки задумалась:

– Технология пятого уровня, способная изменить психологию всего человечества... Клянусь бородой Дарвина, неплохая задачка! Что же это может быть?

– Спустимся на уровень отдельного человека: что может его перевоспитать? – спросил Джерри. Никки пожала плечами:

– Бесконечные поощрения за хорошие поступки и наказания за пакости.

– Точно! – воскликнул Робби. – Вот ты была ужасно трудным

ребёнком. Моего кремниевого терпения едва хватало на твоё упрямство и непослушание.

Никки как молнией ударило.

Она круглыми глазами уставилась на Джерри.

– Робби! Он ведь не просто наш помощник – это же искусственный интеллект, равного которому нет. Это воспитатель-гений! Может он стать технологией пятого уровня?

Робби буркнул:

– Ура! Наконец-то эти лягушки признали мои таланты.

– Искусственный интеллект для эволюции естественного разума должен быть сверхважной технологией, – удивлённо кивнул Джерри. – А мы могли его не заметить в расчётах, потому что воспитательная ипостась искусственного интеллекта не учитывалась, а другие его функции были технологиями другого, более низкого уровня.

– Согласен! – важно сказал кибер.

– Значит, если размножить Робби в количестве нескольких миллиардов и обеспечить каждому человеку такого воспитателя, то у нас есть шансы на глобальное изменение психологии общества! – Никки возбуждённо задвигалась в своём кресле.

Робби сказал грозным голосом:

– Я из вас, обезьян, живо людей сделаю!

Джерри посмотрел на королеву:

– Это означает гораздо большее влияние общества на человека, чем раньше. Мы будем контролировать обучение и воспитание каждого человека, создадим для него среду, которую он всегда будет носить с собой. Это мощный рычаг, который кардинально изменит общество. Опасная штука, ведь речь идёт о самом масштабном воздействии на человечество за всю его историю. Это ничем, в принципе, не отличается от массовых гипноизлучателей.

Никки возразила:

– Что поделать, если без активного воспитания нашей цивилизации не обойтись – иначе она упрётся в тупик, погрязнет в грызне и глупости. Кроме того, каждый человек будет иметь свободный выбор – принимать советы своего помощника-учителя или нет.

Джерри вздохнул.

– Среда легко обманывает и отгораживает. Если к ней привыкнуть, то сопротивляться ей очень трудно. Помнишь, я занимался уничтожением корпорации «ЗороастрИнк»? Признаюсь, я делал это с большим воодушевлением. Случайно мне удалось узнать, что «ЗороастрИнк»

реализовал чудовищный проект с полной контролируемостью среды вокруг человека... точнее, разумного существа. Этот жуткий до озноба проект стал одним из главных пунктов обвинения корпорации в Международном трибунале ООН.

– Я помню эту историю, но, в отличие от настоящих людей, у того человека абсолютно не было выбора... Впрочем, даже он сумел кардинально изменить свою жизнь – единственным оставшимся у него способом.

Джерри похмыкал и сказал:

– Итак, стабильный прогресс человечества должен обеспечиваться ежедневным воспитанием и обучением ВСЕХ людей. КАЖДЫЙ должен получить в своё распоряжение терпеливого учителя, внимательного собеседника и ценного советчика. Этот преподаватель-союзник будет эффективно воспитывать в людях миролюбие, интеллект, способность к мечте и давать каждому дополнительные шансы на жизненный успех и личное счастье.

– Это будет учитель, который сам ученик. Я училась у Робби, он учился у меня. Робби в миллиардах взаимодействующих копий будет учиться у миллиардов людей и будет становиться умнее в миллиард раз быстрее, чем когда он умнел только со мной.

Никки и Джерри смотрели друг на друга, не отрываясь. Озарение несло их на своих могучих крыльях.

– Он станет умной мировой душой и добрым мировым мозгом. Он будет впитывать в себя лучшее, что есть в нас, и возвращать нам это лучшее, возвращать нам самих себя.

– Это можно называть просто ноосферой. Со временем информационные и финансовые ресурсы мульти-Робби вырастут настолько, что он станет неотъемлемой компонентой нашего мира, всемогущим менеджером, которому не нужна власть.

– Мир нестабилен и несчастен, потому что люди в нём одиноки. Разобщённое человечество можно спасти, если в нём не будет озлобленных и одиноких людей. Но Робби – не человек, он лишь иллюзия человека. Сможет ли он разделить одиночество каждого?

– Робби – наше порождение, он сгусток из нас самих, только без нашей злобы и глупости. Он сможет сказать каждому то, что мы сами не смогли сказать друг другу. Человек настороженно относится к людям – соперникам, насмешникам и эгоистам. Робби – не соперник, ему можно доверять.

– Решая уничтожить одиночество каждого, мы нашли самую трудную

дорогу из всех возможных.

– Это математика: только бесчисленные копии нас смогут поговорить с нами же. Мы синтезируем из всех нас общего представителя, размножим его и отправим в бесконечное путешествие по нашему миру, по густонаселённой вселенной одиноких людей.

– Что ж, чем дорога трудней, тем она интересней. Но как же грустно, что мы не смогли душевно и лично поговорить с каждым.

– Робби передаст всем наш сердечный поцелуй.

– Но будет ли он достаточно нежен?

– Поцелуй или Робби?

– Оба.

Глава 8

Не говори им, ладно?

Люблю утро на востоке Латинского квартала. Вселенский мыльный пузырь солнца опасно протискивается сквозь колючую толщу города и взмывает над ломаным парижским горизонтом скошенных мансард и зарослей каминных труб. Солнечный свет блестит на мраморных столиках браззерии на углу улицы Студентов. Я жмурюсь от тёплых лучей, вдыхаю свежий запах круассана.

Славно.

На часы не гляжу, но знаю – без семи минут девять. Через дорогу напротив, в большой давно не отремонтированной белой вилле, заросшей плющом, живёт замечательная девушка с рыжими волосами. «Уютной шторы шёлк с волнующим разрезом». Каждое утро без пяти девять она проходит мимо открытой веранды кофейни, где я пристрастился завтракать и наблюдать. Торжественный выход небесного жёлтого карлика и земной огненной красавицы. Сначала мы с девушкой просто кивали друг другу, встречаясь глазами, потом стали здороваться. Два месяца назад я осмелился и её традиционному: «*Са ва?*» – не ответил: «*Тре бьен!*» – а спросил:

– *Не хочешь позавтракать со мной?*

– *Ужасно непристойное предложение!* – на ходу насмешливо фыркнула она, и мои слова потеряли невинность.

Но она не обиделась и на следующий день, проходя мимо, сказала:

– *Рогалики скоро будут тебе сниться. Съешь омлет!*

– *Чтобы меня мучили кошмарами цыплячьи привидения?* – парировал я вслед.

Так началась наша ежедневная игра. Пинг-понг реплик. Фехтовальный ритуал беззлобных уколов. Флирт на бегу. Воздушный звуковой сверхзвуковой поцелуй. Пятисекундная пикировка как кульминация дня.

– *Красивое платье!* – говорю я, любуюсь девушкой.

– *Невежа! Хвалит платье и молчит обо мне!*

Однажды я встал и решил её проводить. Она, не оборачиваясь, сказала, что я её больше не увижу. От серьёзной озабоченности её голоса я застыл на месте. А она ушла быстрее обычного.

Она никогда не останавливалась возле меня, но всегда замедляла шаги и ласково смотрела мне в глаза. Увидела раскрытую тетрадь формул:

– *Жизнь сложнее теорем, умник!*

– *Поэтому я и нырнул в математику!*

Я насмешливо демонстрировал девушке, что торчу в этой браззерии каждое утро только из-за неё. Удобно прятать правду в ножнах иронии: обычно шутки лживы и отводят глаза.

– *Почему ты всегда один? Где твоя подружка?*

– *У меня уже есть девушка – это ты!*

Вот – стукнула чугунная калитка, и рыжеволосая быстро зашагала по улице, в такт моему ускоряющемуся сердцу. Девушка повернула голову и поймала меня улыбкой. Сегодня мне подавать мяч:

– *Ты похожа на весёлую утреннюю птичку!*

– *Почему же ты не насыпал вокруг себя крошек?* – мгновенно отреагировала она. Умница, за словом в карман не полезла. Я бы полез.

Я проводил её стройную фигуру взглядом и телом, ощущая шампанские иголки в груди. Является ли эта голубоглазая девушка в приятно тонких брючках искомым доказательством Теоремы? Вот только какой – Первой или Второй?

Девушка скрылась за углом, а я вздохнул, взял толстую белую чашку со стола и стал допивать остывающий чёрный кофе с бледно-оранжевым круассаном. С катушек ты скоро съедешь, братец, со своими Теоремами...

Встав с затрепавшего плетёного стула, я взял почти пустой портфель и не спеша двинулся по бульвару к Сорбонне. В бледном застеколье витрин скачками заскользила худощавая, даже тощая фигура в распахнутом широком плаще. Серые глаза, светлый короткий бобрик, впалые щеки, тонкие нос и губы.

Наверное, что-то есть в этом зазеркальном типе. Иначе – зачем девушка транжирит на меня утренние реплики?

Мне говорили, что я симпатичный. Кого благодарить? Моей метрике «родители неизвестны». Воспитанник государственного Интерната. Стриженные головы ребят. Ожидание подножки. Одиночество в толпе. Драка как точка сборки неверного общественного внимания. Главный пейзаж жизни – экран. Абстрактный мир навсегда верных уравнений и изящных поверхностей. Предсказуем, не подл. Прелесть.

После колледжа я переехал в мансарду шестиэтажного корабля у зоопарка. Дёшево – рычание зверей. И запах иногда доносит. Зато – морской вид на парижские крыши. Зелёный росток из забытого глиняного горшка. Неожиданный пушистый снег на балконе. Свой дом. Не понимаю почему, но это исключительно важно для меня. Каменная ракушка для мягкого моллюска.

Впереди меня по тротуару шла странная пара: остроносая худая

женщина и плотный пожилой мужчина в зелёной шляпе и с большой коробкой на плече. Остановились.

Человек в шляпе ловко пристроил короб на деревянный штырь, принялся крутить боковую ручку – и громко раздались странные жалобные звуки. Женщина стояла рядом, задрав голову, и внимательно водила носом по окрестным окнам. Я вдруг вспомнил: «Шарманка!»

Шкатулочная музыка отражалась от уличных стен, заводила, куда-то звала – и принесла плоды: рамы окон растроганно залязгали, и на мостовую посыпались серебряно-золотые кружочки эсю. Женщина коршуном спланировала на двуцветный блеск. Я пошарил по карманам, но даже оловянных монет не нашёл.

И где люди берут эти круглые золотые штучки?

Музыка непривычно раскачала сердце, и я недоуменно поймал себя с мокрой щекой. Что, старик, докатился? Над шарманкой заплакал?

Душевно поиграв, пара уличных шарманщиков свернула в соседнюю, ещё не обобранную рощу каменных деревьев с драгоценными орешками.

Я шёл к Сорбонне в привычном режиме автопилота. Стоял апрель. Удивительное время – на деревьях больше цветов, чем листьев. Взгляд рассеянными зигзагами прыгал по тротуару. Засыпан бело-розовыми лепестками. Концентрация по гауссиане? Поправить на ветер, сжав пространство? Бабочка с чёрными крыльями. Бифуркация Тома. Мальчик на велосипеде. Стабилизирующий Кориолис.

Весельчак-просветитель Ламетри учил: человек – это машина. Был проклят и изгнан из страны. Прошли сотни лет – и люди со скрипом согласились. Да, человек – молекулярная машина невероятной, хотя и конечной, сложности.

Но! Заманчива истина: чем сложнее машина, тем умнее её создатель. Велосипед – примитивен, дерево – конструкция высшей организации. Девушка превосходит системной сложностью все мыслимые пределы. Создатель персикового дерева и прелестной женщины – был ли умнее человека, собравшего лишь велосипед?

Мог ли слепой случай, неуклюжий топор дарвиновской эволюции – создать такое чудо? Я проводил взглядом бабочку, протанцевавшую над моим плечом... Но думал я о рыжеволосой девушке. Кто сотворил весь этот мир? Почему наш мир устроен именно так, а не иначе? Любимая проблема, ломающая мою бедную голову. Любимая девушка как мировая загадка.

– Выкопал какую-нибудь научную истину, умник?

– Я нашёл центр мира. Его носит в сумочке рыжая девчонка.

Бог? Слишком просто. Не люблю незамысловатых ответов. Решение «бог» не могло быть правильным – этот ответ дармовой, как благотворительный суп для клошаров. Раздают на рю Бонапарта. Бесплатен и безвкусен. Объясняет всё и ничего. Настоящая истина – это инсайт поразительного вкуса и счастья. Чертовски дорогая штука. В кредит не возьмёшь. Даже выплатив всё наперёд, можешь ничего не получить взамен.

Приметил: все вдохновляющие меня истины лежат вне человеческой сущности. Человек любое озарение изгадит и обернет в трагикомедию. Аминь.

Я остановился. На площади Монжа лежал живописный бездомный. Спал, вольно вытянув ноги в когда-то белых кроссовках. Синий потёртый плащ, лохматая пегая борода и грязная шевелюра с запутавшимися лепестками цветов. На тротуаре аккуратно стояла полупустая бутылка с дешёвым красным вином. Я наклонился к спящему и спросил:

– Кто создал этот мир?

Мужчина всхрипнул, открыл мутные голубые глаза, поводит ими вокруг.

– Это я, Франсуа, – прохрипел он.

Один его зрачок был круглый и хитрый, другой – вертикально-щелевидный и безумный.

– Зачем он? Зачем мы? – спросил я.

– Это для меня, – сказал невнятно бездомный, ухватил бутылку и ловко присосался к ней, не поднимая головы с тротуара.

Интересно. Я отправился дальше. Взял Бог – да и создал себе Вселенную, чтоб побыть в ней самым беспечным представителем. Вот выпится, стряхнет с плеч этот мир, как старую хламиду, и создаст себе с иголочки новый. Где будет спать большой красной лягушкой в тёплой метановой луже. Бог как клошар. Непротиворечиво и недоказуемо. Жутковатая патология зрачка. Очень редкая. Что сквозь него видно?

Я рассеянно поднял сухую веточку с газона, надломил – и вздрогнул. Срез ветки был аспидно-чёрным. Опять!

Когда я был мальчишкой, то заметил на улице чей-то велосипед и бесцеремонно сел на него. К моему восторгу, велосипед быстро разогнался и вмиг домчал меня до рю Кассини, где я никогда раньше не был.

И я с ужасом увидел, что улица кончается абсолютно чёрной стеной. Велосипед сам чудом остановился, с разгона упёршись передним колесом в стену мрака. Что было дальше – не помню.

Я очнулся уже на скамейке, велосипеда рядом не было, как и стены, –

улица Кассини преспокойно простиралась дальше. Рядом стоял человек, который назвался доктором. Я рассказал ему про стену – он успокоительно покивал, потом заявил, что это привиделось мне из-за редкого и довольно безобидного расстройства глазного нерва. Доктор дал таблетку и сказал, что такого больше не повторится, но мне лучше вернуться в Интернат.

Я вернулся домой и почему-то стал избегать покидать свои обычные улицы обитания. Несмотря на обещания доктора, чернота иногда проступала сквозь обычные вещи: когда я зачем-то дёрнул капот припаркованного автомобиля, то он открылся, но вместо мотора я увидел ту самую тьму.

Один раз я свернул с тротуара и подошёл к стае птиц, сидящих на газоне, пытаюсь рассмотреть их поближе. Они посвистывали, не замечая меня, а потом чёрный вихрь неожиданно смыл всю птичью стаю. Чёрное пятно поколыхалось и быстро исчезло, оставив после себя обычную газонную траву. Но оттенок новой травы заметно отличался от соседней.

Я не любил эту тьму – она пугала меня. Чёрт бы побрал эти глазные нервы.

Глаза Сандры с утра беспрерывно сочились слезой. Хомяк Пуф умер. Как ни бились они с мажордомом, как ни кормили хомяка лекарствами, её любимый домашний ЗвеР-Рь был найден утром околевающим на полу своего «зверьского» жилья. Возможно, простыл на сквозняке, отчего глаз воспалился, а потом раздулся и перестал закрываться. Сандра была готова раскошелиться на операцию, но в ветеринарной клинике честно сказали – не жилец. Сандра не сдавалась, мажордом беспрерывно рылся в медицинских информаториях в поисках спасительных панацей, но Пуф, извиняясь, всё равно отправился в свою хомячью Валгаллу. Вот Сандра и захандрила: Пуф был единственным живым существом в доме. ЗвеР-Рь Пуф-ф! Прошлогодний подарок Анри, переживший их недолгий роман. С рассерженной точки зрения Сандры, Пуф был более ценным приобретением, чем Анри.

Сандра допила любимый жасминовый чай и выскочила за дверь своего гнезда на тридцать девятом этаже. Она не опаздывала, но уже выбрала запас времени «на-всякий-случай». На улице моросило, но на плащ Сандра махнула рукой. Лифт из её апартаментов дотягивался до пешеходного тоннеля – а там метро в ста подземных сухих метрах. А галерея «Лафайет» с фирмой «ЗороастрИнк» соединена задним торговым проходом.

Сандра ехала в стеклянном пенале подземки и беззвучно, но сочно бранилась. Одна мигрень от этих домашних скотов! Приютишь,

ухаживаешь, любишь как дура, а потом – тебя же ножом по сердцу. Что Анри, что Пуф. Не-ет, одиночество – залог стабильности и счастья. Никого не впускать в душу! Чтоб не гадили и не помирали там.

Мимо вагона-пенала проплыли бензиновые радужные пятна картин и лысые мраморные луврские головы. Вот кого надо любить – вечные культурные ценности. Никакого выноса горшков и скандалов, напротив – эстетская приятность и интеллектуальное благоухание. Увы, секс с «Дискоболом» невозможен. И дети от «Декамерона» не рождаются. Засада!

Доехав до офиса, Сандра невольно приободрилась. В последние недели она открывала стеклянную служебную дверь с болезненно бьющимся сердцем, за что ругала себя, ругала, но ничего поделать не могла, наркотически утонув в проекте. А завтра вообще особенный день – её дежурство: еженедельный праздник внутреннего употребления.

Она зашла в корпорационный лифт, отделанный зелёным камнем, и в зеркале за золотыми перилами отразилась худенькая девушка с негустыми тёмными волосами. Ничем не особенная невзрачность. Да, да – фигура хорошая, а так – дурнушка, если честно. «Зато умная!» – как обычно и как смогла утешилась Сандра. Но она многое – интересно, сколько? – отдала бы за внешность рыжей красотишки с декабрьского глянца прошлогодного «Вог». Эта великолепная сволочь висела у Сандры прямо над столом и душой – и без усталости капала кислотой.

Я подошёл к облупленной двери, вырубленной в высокой скучной стене. С завистью поглазел на старый Парижский университет. Готические крыши с побегами башенок, каменная вязь стен, презрительные водолюбивые горгульи. Волшебное здание царило сквозь ажур запущенного сквера – рассадника и прогулочной площадки гениев. В кустах пряталась бронзовая статуя римской волчицы-матери.

Кормящая сука математиков.

Со вздохом повернулся, с отвращением толкнул тугую створку и облился запахом мокрой штукатурки и кошачьей мочи. Вонь такой концентрации ощущалась даже на вкус. О, святые Галуа с Риманом! Помогите мне сегодня!

Кабина лифта долго скрипела – и открылась прямо в кабинет босса.

– А, появился! – с неудовольствием сказал тот. Обычно он не здоровается.

– Здравствуйте, мистер Чиф, – я как всегда блеснул воспитанностью. – Итак?

– Я ещё не смотрел твоё доказательство, – сварливо пробурчал Чиф,

поправляя жирной ладонью набор волосков на плоской макушке.

«Врёт! – отчётливо понял я. – Смотрел. И не раз».

– Мы договаривались. Если за два дня ошибка не будет найдена... – мне не удалось закончить фразу.

Чиф вскочил, потрясая округлыми кулаками:

– Вон! Иди к чёрту со своей свободой! Работай где хочешь! Хоть в сумасшедшем доме!

Я шмыгнул в лифт. Двери, даже закрывшись, резонировали воплям мистера Чифа:

– Но если хоть раз не выполнишь задание!..

Улыбаюсь во весь рот и танцую в кабине, гулко летящей вниз. «Свободен! Свободен!» Могу работать дома, в кафе, на пляже... хоть сидя на дереве! Уговор есть уговор. Я доказал знаменитую теорему Ферма. Ещё никому не удавалось. Взамен получил свободу от тёмной, вонючей клетки. «Рабочий кабинет». Чудаки.

Вылетел, вырвался на улицу, полную солнечных теней, шелеста шин и щебетания птиц. Размахиваю портфелем, как школьник. Сладкое, острое счастье побега! Закрутил головой: где растрянжирить свободу? Богатую добычу ночного корпения над старинной загадкой.

Перебежал под деревья напротив, традиционно потрогал отполированные до золота сосцы волчицы, покровительницы местных студентов. На лавочке сидел пушистолысый человек с красными глазами в белёсых ресницах и что-то писал в толстой папке. Математик из соседнего отдела. Вечно изрекает нравоучительные сентенции. Одет в коричневую куртку, мешковатые брюки и старые сандалии. Эйнштейн не носил носков, поэтому половина непризнанных гениев ходят босиком. В надежде.

Математик недовольно поднял глаза на хруст моих шагов:

– Чему ты так радуешься?

– Свободе! – засмеялся я.

– Свобода для тебя заключается в беготне по улицам? Свобода должна быть в голове!

Я хмыкнул, вытащил заготовленный кулёк с зерном и высыпал на землю. Раздался посвистывающий шелест, и со всех сторон к моим ногам слетелась стая птиц. Голуби лихорадочно собирали корм, а им на головы приземлялись всё новые птицы. Вокруг компании крупных сизарей чирикала и нервничала воробыная мелочь, и я бросил горсть зерён подальше.

Голуби благодарно кипели вокруг меня, кто-то уже наклевался и заухаживал за тёмноголовой подружкой, надувая фальшивую грудь из

перьев и призывно урча. Я чувствовал себя богом голубиной планеты. Ласковым голосом, но невежливо, я сказал лысому назидательному математику:

– Надоела мне такая плешивая свобода! – и зашагал в направлении Сены. Давно я не видел Собор при свете дня. И любимый скверик на острове.

Три месяца назад мистер Чиф дал мне официальное задание. Поиск уравнений единого поля. На эту задачу Эйнштейн потратил полжизни. Год за годом, как монета за монетой. Срачивал свою теорию с формулами электрика Максвелла. Уговаривал, заклинал – пока кошелек не опустел. Не срослось и развеялось пеплом над водой.

А идея ведь красивейшая: найти ОДНО уравнение для описания ВСЕЙ физики мира, а заодно – химии и биологии. А может – и любви?

Я галерным рабом сел над задачей. Кажется, что-то заполучалось. И тут из жутковато-тёмных глубин любопытства всплыла проблема-репей. Предположим, я выловлю нужные уравнения, а почему они будут выглядеть так, а не иначе? Чем задаётся дизайн уравнений Максвелла, Эйнштейна и Гейзенберга? Та же задача о сотворении мира, но нарезанная научно: кто заказал законы физики для этого мира? А кто привнёс фундаментальные константы Вселенной? Постоянную Планка, скорость света, гравитационную константу, заряд электрона?

Я доразмышлялся до моста и на середине засмотрелся на подвижную воду. Солнце ослепительно играло с мутной рекой. По Сене дефилировала открытая барка, громко шелестя пышными белыми усами. Туристы со спины речного кита махали мне руками. Я улыбнулся в ответ и спросил:

– Существует ли мировое уравнение с решениями в виде физических констант?

Старая проблема сэра Эддингтона. Подумал, попрыгал взглядом вместе с солнечными бликами по разведённым кораблём волнам. Каустики горячих отражений от холодных зеркал. Интерференция метаний меж каменных берегов. Тривиальная реинкарнация Сциллы и Харибды.

– Почему мой мир такой? Поражённость уникальностью. Почему из всех мыслимых мирозданий осуществилось именно мое? Послевкусие случайности. А если миров бесконечно или очень много? Моя Вселенная теряет раритетность и становится точкой в многомерном пространстве мировых констант и физических законов. Мощности континуума? Я здесь ломаю костяную коробку. По соседству скребут титановый лоб. Дальше кто-то мнет свой зелёный мешок с мозгами... Никакой избранности, просто случай, который папуасы зовут судьбой: жить в своей точке мира.

Счастлив ли мой жребий?
Это видно только извне.
Это ощутимо только изнутри.
Это субъективно до омерзения.

Группы японских туристов высаживались на берега Сены.
Любопытное маджорити центра Парижа.

Я сказал им:

– Инфляционная теория обесценила миры. Размножила их как кроликов и лишила нашу Вселенную ауры уникальности. Взамен предложила скромное очарование антропного принципа. Неравноценная сделка. Добровольно я бы не согласился.

Две школьницы шли по мосту. Цветные рюкзаки, голые животы подростков, сзади кибердоги-охранники. Девочки услышали, что я разговариваю сам с собой, и дружно прыснули. Я вздохнул и покосился глазами на правую набережную. Второй этаж углового здания занят огромной квартирой со старинной мебелью, книгами и картинами. Хозяева не признают штор. Вечерами я искоса наблюдал... – ну, подсматривал, строго говоря, – спокойную интеллигентную жизнь обитателей дома. Семейный ужин за большим столом. Мягкий диван. Читающий газету пожилой мужчина в жилете. Семья. Седьмое непостижимое измерение.

– Ты женишься на мне, если я сяду за твой столик?

– Немедленно, если ты заплатишь за оба кофе!

На каменном парапете Сены букинисты открывали книжные ящики, настораживая крышки-капканы на ранних покупателей.

На острове пританцовывал в тёплом весеннем воздухе Собор с ажурными витражами и тонкими шпилями рук в голубом небе. Дом бога?

Деревья столпились в скверик вокруг святого мрамора, повытаскивали из зимних карманов листья и грели их на солнце.

Славно.

На рабочем экране светился вызов: еженедельное собрание группы. Ещё есть время причесаться. Сандра мысленно перебрала свои грехи – ничего криминального не всплывало на служебную поверхность. Она поправила камеру, пододвинула кожаное кресло ближе к столу. А вдруг руководитель группы будет в хорошем настроении и даст ей разрешение на целых пять минут пребывания в виртуальной реальности?

«Да, размечталась! – одернула себя Сандра. – Пять минут... а ещё

лучше ужин при свечах и постель в лепестках роз...»

И вдруг эта неожиданная картина так властно захватила её воображение, что Сандра еле вернулась в себя. «Подруга, ты совсем сбрендила, остынь немедленно! Для твоих извращений даже имени ещё не придумано...»

...Сандра непослушными пальцами отключила монитор от пространства совещания. Потом потрогала онемелое лицо и разрыдалась в полный голос. Хорошо иметь отдельный кабинет.

Работать в этот день Сандра уже не смогла. Убежала из ненавистного офиса, добралась до своего дома, но не стала подниматься в квартиру, а закатилась в ближайший монпарнасский бар, наплевав на холодные зашиворотные струйки дождя. Забилась в угол с большим кувшином домашнего вина и стала набираться. Но спокойно погоревать ей не дали – в бар ввалились Джудит и Кэт, две знакомые американки из соседней квартиры. Пристали, техасские репы, – чего сидишь печальная? Никакой деликатности – разве не видно, что человеку нужно побыть одному? Сандра сказала, чтобы отвязаться:

– Думаю – что подарить своему лучшему другу...

Только подлила масла в американское дружелюбие.

– Я специалист по подаркам! – восторженно завизжала Кэт. – Три года работала в «Сервисе счастья» и всё знаю – кому и что надо дарить. День рождения, свадьба, появление первенца – по какому поводу подарок твоему другу?

– По поводу его скорой смерти! – не выдержала Сандра, оттолкнула столик, расплескав кувшин, и убежала из бара.

Возле каменной резной стены Собора тянулся розарий. Жёлтые пахучие розы «Тулуз-Лотрек» – мои любимые. Я сидел в скверике возле Собора, держа в руках привычный карандаш, и печатал в большой тетради четырнадцатым шрифтом. Солнце припекало по-летнему. Когда я уставал от согнутой спины, то поднимался с лавочки и прогуливался вокруг фонтана. В мелкой прогретой воде купались голуби. Мне нравилось смотреть на них. Поразительная незамысловатость поведения существ фантастической сложности.

Мы не понимаем механизма мировой эволюции, и любое животное представляется нам сгустком невероятных физических допущений и счастливейших случайных обстоятельств. Наука уже оценила бесконечные запреты этого мира и поражается тому, как быстро эволюция ухитряется бежать по узким трещинам жёстких ограничений, достигая в конце

человека. Динозавры вымерли, и главный пульс эволюции бьётся не над созданием полуметровых зубов и когтей, а над внутренней перестройкой комка сверхсложного серого вещества. Культурная эволюция человечества повторяет биологическую. Чем быстрее прогресс нашей цивилизации, тем менее он заметен внешне. Гигантские достижения пакуются в маленькие коробочки. А в другой корзинке ярко громоздятся мыльные пузыри сверхсветовых полётов, путешествий во времени, волшебных измерений и прочей фантастической алхимии.

Увы, чудес на свете нет!

И хорошо.

Научный подход к миротворению с лёгким звоном сталкивался в моей голове с гипотезой о сверхсуществах, создавших мир-вольер для человечества. Смотрят *сверху* и обсуждают. А мы разве не разводим голубей и кроликов? Может, *там* не боги, а просто наблюдатели? Интересно, могут ли *сверху* читаться мои мысли? Грянет ли с весеннего неба молния и поразит ли меня, многогрешного лабораторного грызуна?

Бред! Я не верю в религиозные непознаваемые ипостаси и в существование безмерно могучих цивилизаций, способных создать Вселенную из ста миллиардов галактик. Да хоть одну галактику. На сто миллиардов звёзд каждая. Ха! Я задрал голову и посмотрел на знакомого жёлтого карлика. Два на десять в тридцать третьей. Граммов. Если тонн – то в двадцать седьмой. И чтобы спокойно грело десять миллиардов лет. Ищем проектировщиков с гарантией.

Но мой математический атеизм не хотел подпираться ВЕРОЙ в отсутствие бога. Вот я и сформулировал:

Теорема 1. Богов или их аналогов нет.

Теорема 2. Боги или их аналоги есть.

Теорема 3. Ни то ни другое доказать невозможно.

И да разрешит мне святой Гёдель доказать любую из этих теорем! Пока подступов не видно. Не страшно. Любая задача сначала кажется безнадёжной, но если хорошенько поморщить мозги, то решение обычно находится. Например: любое сверхъестественное явление стало бы доказательством Второй Теоремы. Но сверхнатуральное должно быть безоговорочным. Личные послания богов тонут в мозговом шуме людского безумия.

Я коллекционировал из книг потенциальные доказательства существования творца мира. Красивая идея: бог оставил людям сообщение,

зашифрованное в длинном ряде цифр безразмерной математической константы вроде числа пи. Надо повозиться с этим святым числом... Может ли узор далеких галактик, звёзд, флуктуаций реликтового излучения составить артефакт? Космические паттерны в виде лиц, слов или знаков?

Иногда я думал про себя: «Ты – псих! Мир реален и логичен. Наука успешно ломает ледники тайн и вскрывает погребя загадок. Скоро закономерно естественная тайна бытия будет раскрыта и станет упражнением в школьном учебнике. Будь осторожен, а то проснёшься солипсистом в доме скорби».

Я сильно ущипнул себя за руку и зашипел от боли. Является ли это шипение свидетельством реальности мира вокруг меня?

Где найти доказательство Первой Теоремы? Чтобы жить дальше царём природы. Мой личный пункт. Остальные живут, не думая о происхождении мира. Просто лихорадочно пытаются забираться повыше в априори заданном коллективном лабиринте беличьего колеса.

Как жить, если докажется Вторая Теорема – я пока не думал. Только параноики запасаются консервами, опасаясь нашествия марсиан.

Я был бы рад и доказательству Третьей Теоремы, чтобы с облегчением плюнуть на первые две.

Сегодня я с ржавым скрипом фокусировался на работе. Удивительный день. Утром я обычно сидел в браззерии, пил кофе с рогаликом и ждал её появления. И случилось чудо. Она не прошла мимо, как обычно, а остановилась прямо передо мной. Я вскочил на ноги неловким раззявой и опрокинул стул. А она сказала: «Здравствуй, Адам!» – и протянула мне руку. Я торопливо пожал прохладную узкую ладонь, и мы в первый раз заговорили без ограничений на количество реплик. Её имя было – СИМОНА, и она оказалась нестерпимо милой. Я чуть не задымился от счастья, пока беседовал с ней. Она предложила встретиться в полдень в скверике у Собора! А на прощание она поцеловала меня! Сама! Нежно и долго – как в кино. И ещё добавила: «Увидимся через три часа, милый Адам!»

Невероятно! Я с горящим лицом смотрел вслед.

Сегодня Симона надела короткое узкое чёрное платье. Девушка шла вверх по улице, и её ноги напрягались сильнее обычного. Стройная нога в чулке телесного цвета с тонкой вертикальной полоской ставит туфельку на тротуар... каблук скрежещет по мелким камням, тоскливо живущим в толще асфальта... девушка уверенно переносит вес на каблук, бедро пружинит и подаётся в сторону... отставшая нога грациозно встаёт на носок... рука устремляется вперёд, охватывает, поглаживает пространство

и отправляет его назад, в прошлое... талия изгибается, а волосы колышутся волной от плеча к плечу.

На очередном шаге Симона чуть повернула голову. В обрамлении пушистых волос – её щека и ресницы, прячущие лукавый глаз. Поворот был необязателен – это просто привет, приглашение полюбоваться собой... Я не знаю, как это назвать, и можно ли это классифицировать, но каждый восхитительный шаг Симоны отдавался в моей груди певучим ударом тонкой бронзы...

Я вскочил на ноги, отбросил тетрадь и взволнованно зашагал вокруг фонтана, щурясь от ослепительного солнца и блеска крупных зёрен песка на дорожке сквера. Начинается невероятно счастливая жизнь. Конец сычиному одиночеству.

Придумал! Мы пойдём с Симоной в мою любимую «Таверну» на Монмартре. Там вкусный киш-лорен и очень уютно. Особенно у стеклянной стены с цветами.

«Потом мы можем зайти ко мне, выпить рюмочку коллекционного монтраше... – Мое сердце гулко колотилось от наплывающих видений. – О, Симона...»

Калитка сквера стукнула. Она! Каблучки Симоны хрустели гравием всё ближе. О боги, за какие заслуги мне выпал жребий такой удачи?

Когда улыбающаяся Симона подошла совсем близко, из руки фонтанного святого вырвался огненный шар и ударил девушку в лицо. Я вскрикнул от ужаса.

Чистый лоб Симоны обуглился, свежая щека превратилась в дымящуюся язву, в которой виднелись пронзительно белые зубы. Лицо покрылось трещинами, которые быстро распространились на всё тело, волосы и даже одежду.

В следующее мгновение Симона рассыпалась на осколки, которые со звенящим шелестом рухнули на землю.

Рождественская игрушка разбилась о каменный пол и превратилась в лужицу блестящих кусочков.

Я упал на колени и закричал так, что не услышал своего крика. С гравия на меня укоризненно глянул уголок голубого глаза...

...и я, задыхаясь, проснулся сидящим на лавочке сквера. Сердце трепетало пойманным воробьём, волосы слиплись от пота. Солнце светило прямо в глаза. Я закрыл лицо руками:

– Господи, мне ещё никогда не снился такой жуткий кошмар!

Люди сидели, степенно беседовали, двигали шахматы. Девочка лет

семи дразнила белую лохматую собачку. Статуя святого смотрела неподвижно и строго. Ребёнок схватил болонку за поводок и подбежал к моей лавочке. Я с острым наслаждением переводил дыхание, освобождаясь от остатков кошмара.

– Слушай внимательно, Адам! – тоненьким голосом и с милой стеснительной гримаской сказала девочка в синем сарафанчике. – У меня мало времени...

Ребёнок не успел договорить. Раздался лязг и скрип тормозов. Проломив чугунную ограду сквера, на аллею влетел зелёный грузовик-мусорщик. Скорость времени замедлилась.

Я всё отчётливо видел, но сделать ничего не мог. Мчащийся вонючий гигант сбил девочку. Её голова ударилась о радиатор, а тело забросило на бампер.

В следующую секунду грузовик оказался у каменного парапета, с грохотом проломил его и в облаке пыли рухнул в Сену. Я не видел ни реку, ни падение механического монстра, но столб брызг взлетел выше деревьев.

На аллее осталась лишь болонка, красно-белой лепёшкой вдавленная в глубокую колею тяжёлого колеса. Собачья шерсть дымилась и быстро испарялась.

И вот передо мной остался лишь скелет, но не из обычных костей, а из ровных белых палочек. Только сейчас я смог открыть прикушенный рот, чтобы закричать...

...и снова проснулся на скамейке. В мокрой от пота рубашке и в совершенном нервном раздражении. Я схожу с ума! Такого ещё никогда не было. Сон во сне?

Сквер был тих, решетки целы, вполне живая девочка прыгала по земле какими-то сложными способами. Белой собаки не было видно, но могла же она убежать за бабочкой?

Я вскочил на ноги и стал быстро ходить вокруг фонтана. Не дай боже, ещё раз засну на солнцепёке. Скорее бы Симона пришла... сердце не могло расстаться с тревогой.

Вдруг всё потемнело. Как будто кто-то выключил солнце.

Ледяная волна окатила меня, и я вскинул голову вверх. Солнце не совсем погасло, но светило еле-еле, тёмно-багровым карликом. Вдруг его диск стал быстро расти и разбухал нарывом до тех пор, пока не занял полнеба – жуткий, рдеющий, как лужа засыхающей венозной крови. Я был не в силах стоять и сел, просто рухнул, на землю. Острый гравий взрезал ладони.

И началось самое страшное: на диске солнца, одна за другой, стали возникать крупные чёрные буквы, выстраиваясь в строчки. Как будто Всевышний печатал на космической клавиатуре.

Ни мозг, ни мои глаза не были готовы воспринимать чёрное послание с распухшего багрового солнца, но строки не исчезали, а накапливались и всасывались ядом в мозг. Письмо было сумасшедшее и логичное одновременно. Я зажмурил глаза и закричал:

– КТО ТЫ? БОГ?

Солнце пробивало багровым даже сквозь закрытые веки.

– НЕТ, Я ПРОСТО ПРОГРАММИСТ. МЕНЯ ЗОВУТ САНДРА, – ответила чёрная строка моим раздёрнутым глазам. Солнце помолчало и добавило: – Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

И небесный нарыв лопнул как мыльный пузырь. Остался маленький огарок, который быстро раскалился в обычное солнце. В обычную лампочку в инкубаторе.

Я оглядел осветившийся мир безумными глазами. Люди спокойно сидели на лавочках, закусывали, целовались, смеялись. Маленькая светловолосая девочка рисовала прутиком таинственные узоры на дорожке, голуби объяснялись в любви на мраморных цветах фонтана. Мир был, как всегда, реален. Как всегда – лжив.

«Ты спрашивал себя: кто создал этот мир? Есть ли какая-то цель у вечного круговорота жизни? Сейчас ты всё узнал. Но Вторая Теорема ещё не доказана. Осталась последняя надежда – сумасшествие».

Я вскочил на ноги и помчался вдоль аллеи. Я бежал и с отчаивающимся сердцем видел, что мир изменился. Солнце с ясного неба светило тускло, а люди перестали замечать меня – взъерошенного, летящего сломя голову. И никто, никто больше не отбрасывал тени! Даже я сам.

Мир без теней стал похож на плоскую картинку: я загнанно метался по рисованному комиксу. «Нет, нет! Я пересидел над задачами или отравился. Это галлюцинация!» Трезвый голос сказал: «Совершенно верно! Тебе только что объяснили, что твой мир – одна большая галлюцинация!» Я подбежал к длинному хвосту туристов, змеей вьющемуся возле Собора.

Анаконда любопытства медленно вползала по лестнице на соборный верх. Я грубо толкал всех, но никто не обижался. Люди разговаривали друг с другом и просто отстранялись от меня, спокойно улыбаясь. Не замечали, не замечали!

Я долго карабкался наверх по крутой лестнице и, задыхаясь, с металлическим кровавым вкусом во рту, выскочил на пустой балкон. «Где

люди? Куда же стоит эта очередь?»

Холодный ветер с силой дунул в лицо и смел шелуху посторонних мыслей. Я забрался на край барьера, посмотрел вниз. Ветер трепал мой пыльный чёрный плащ, как пиратский флаг, выхлопывая хохочущие звуки. На далекой беспощадной площади, вымощенной тесаным камнем, ходили люди и голуби. Никто не смотрел вверх.

– Если я безумен, то будет удар! Это хорошо – я умру сумасшедшим, но человеком! – крикнул я в пространство.

– Если же Программист Сандра права... – я задохнулся от гнева, – то удара и смерти не будет. Потому что... я просто серый комок мозга. Я плаваю в аквариуме со сладким сиропом и развлекаю Верхних Людей! И нет никакого мира вокруг меня, нет прекрасной Симоны и родного Парижа, нет меня самого... Верхние Люди – убийцы! Они убили всех вокруг меня! Всё вокруг – ложь! Патентованная псевдореальность, окрашенная тьма, рассчитанная на простака... на меня.

Мне внимали только два испуганных голубя на балконе. Я вдруг был поражён и оскорблён мыслью о том, что никогда не выходил и не выезжал за пределы центра Парижа. Латинский квартал, Лувр и Монмартр были моей планетой, на которой я прожил всю жизнь. Длинную или короткую? Я уже не знал – сколько мне лет. Но сейчас я во всём разберусь.

– Первая Теорема! – крикнул я. – Смерть как доказательство!

Мое сопротивляющееся тело стало медленно, но неудержимо падать вперёд, продавливая плотный ветер. Секунда – и бормочущий воздух расступился, взвыл торжествующей толпой, и я провалился головой вниз.

Площадь радостно ринулась ко мне навстречу. Ледяная скорость раздирала тело.

«Должен быть удар, должен! – Ужас и надежда вопили во мне. – Скорей!»

Я уже различал отдельные булыжники.

Оглушительная каменная пощечина!

Хруст и боль. О боги, какая боль...

Руководитель нейронаучной группы корпорации «ЗороастрИнк» смотрел на испуганного заместителя и ждал.

– Она казалась вполне стабильной, – блеял тот, – совершенно не понимаю, что на неё нашло.

– Нет никаких сомнений, что это сделала она? – холодным голосом спросил руководитель.

– Абсолютно точно! – пискнул заместитель. – Текст письма найден в

её компьютере. Сама Сандра куда-то исчезла, мы нигде не можем её разыскать...

– Дайте мне это письмо и сообщите службе безопасности. Они знают, что делать в таких случаях. Пусть сами ищут эту Сандру... – И он брезгливо отпустил заместителя.

На экране появились крупные строчки – чёрные на багровом фоне.

«Адам, не пугайся! Сегодня я дежурю по твоему миру. Это я написала девушку Симону. Тебе она нравилась? Я решила, что ты должен знать всё...»

– Идиотка! – усмехнулся руководитель. – От такого письма не только испугаешься, а разом сдвинешься!

«Что и произошло, – подумал он рассеянно, дочитывая взбалмошное письмо Сандры. – Объект решил покончить с жизнью, бросился с высоты в своей виртуальной реальности... Компьютер-надзиратель выдал ему болевой шок, не убивая, конечно. Объект очнулся и сразу всё понял. Сообразителен! Но не выдержал правды и сошёл с ума. Повредил свой мозг – единственное, что у него было материальным.

Получился интересный эксперимент за минимальную цену. Всё равно „Адам“, как звали программисты эту биосистему, уже шёл на списание. Но поведение мозга в экстремальных условиях оказалось неожиданным... может, ещё пару таких испытаний провести?

Кажется, мои учёные тихо экспериментировали с мужскими гормонами... И вкладывали в бизнес слишком много эмоций. Вот почему Сандра так остро реагировала на выговор о слабом контроле над системой... „Адам просто любопытен... психотропики искажают естественную мозговую активность... мы близки к успеху мягкими средствами...“»

«Я четко спланировал эксперимент! – похвалил себя руководитель. – Как вытянулись лица у моих научных сотрудников от новости про теломеразные часы и про то, что „Адам“ доживает последние дни согласно генетическому техзаданию. И спорить не о чем, потому что сделать ничего нельзя: генетическая бомба естественной смерти – она сильнее всех желаний живущих...»

Руководитель потянулся и откинулся на спинку кресла.

И почему эти доктора философии никогда не видят за деревьями леса?

Он улыбнулся, показав превосходные зубы, и напористо-вкрадчиво заговорил:

– Дамы и господа! Наши клоновые системы соединяют в себе лучшие качества компьютера и человеческого мозга. Широчайший спектр

использования – от домашних управляющих до военных астронавтов. Наш мозг-пилот, не имеющий сердца, выдерживает ускорения в два-двадцать – тридцать же, а его реакция в два раза быстрее, чем у людей-космонавтов!

Система портативна и работает на простом сахарном растворе. Четкая инструкция по поощрению и наказанию прилагается. Главное – не нажимать обе кнопки сразу! Супермозг будет работать на вас всё время, пока не спит. Двадцать часов в сутки без профсоюзных капризов и выходных.

Научный ай-кью наших клономозгов зашкаливает за двести единиц. При всех способностях к анализу наши интеллектуальные системы не личности, а просто биокомпьютеры, послушные сверхумные кролики, готовые решать сложные задачи за воображаемую морковку.

Интеллектуальный вектор систем полностью контролируется. Испытанные препараты выжигают блуждающее любопытство. Наши мозговые системы чрезвычайно эффективны, предельно лояльны и химически жёстко мотивированы...

Это революция, дорогие инвесторы! Революция в индустрии и науке, в медицине и космосе, в атомной промышленности и военном деле. Новый скачок для человеческой цивилизации и очень! очень! очень! высокий доход по акциям «ЗороастрИнк»!

Руководитель группы замолчал, и с его лица с жестяным лязгом соскользнула улыбка. На её месте мягко вылепилась благородно-сочувствующая мина.

– Уважаемые конгрессвумены и конгрессмены! Миллионы людей страдают от умственной неполноценности и дефектов нервной системы... Кто-то раздумывает об этичности наших экспериментов? Посмотрите в глаза больных синдромом Дауна. Мы обещаем, что на этих лицах появится умное выражение взрослого интеллекта!

Посмотрите на паралитиков – с дёргающимися головами, прикованных к коляскам. Мы освободим их от пыточных кресел – они смогут, отбросив костыли, бегать, петь и обнимать своих близких! Посмотрите на слепых детей, живущих в вечном мраке. От вас зависит – появятся ли в их прозревших глазах слёзы благодарности к вам.

Миниатюрные клоноблоки будут подключаться к головному или спинному мозгу пациентов и возвращать их к полноценной жизни. Если кто-то беспокоится о правах ещё не созданных клонов – пусть лучше подумает о праве на нормальное человеческое счастье для миллионов уже родившихся людей-инвалидов!

Мудрая полуулыбка руководителя сползла с физиономии жидкой

манной кашей, обнажив жёсткое лицо с плотно сжатыми губами. Быстрая перемена убедительных масок пропитывала воздух тревогой.

Самолёт снижался над равниной, многоглазой от синих озёр, монетно переворачивающихся вблизи мутно-глинистыми прудами. Сандра кривилась в иллюминатор: девственная земля индейцев была аккуратно выхолощена – зарешёчена асфальтовыми шоссе и улицами, придавлена пригородными домами-кирпичами и прибита гвоздями деловых небоскрёбов. Сандра заметила, что её стало мутить от зрелища окультуренной среды.

Новая болезнь – аллергия на цивилизацию. Надо быстрее ехать к морю. Увидеть чистый горизонт без домов и людей.

И вот море лежит перед ней, расплавленное под солнцем и тошнотворное: огороженное яхтами, располосованное скутерами, замусоренное толстой толпой купальщиков и их визгливыми криками.

Сандра сидела на высокой табуретке пляжного бара и старалась напиться. «Господи, как я не люблю виски!» Она предпочитала шабли, но её душевное состояние сейчас требовало другого калибра. Ни граппу, ни текилу она не переносила. Коньяк был отвергнут из этических соображений – не праздник. Она наказывала себя и поэтому потребовала у бармена шотландского гленливета. Отравительная гадость для горла. Ей вспомнились слова какого-то винокура, что производители виски приучают к своему напитку людей с юности, создавая «популяцию виски». Упустил молодое поколение – уже не вернёшь. Уйдёт в какую-нибудь водку или коньяк. Может, хоть бренди себе разрешить? От этой ржаной дряни сразу тошнит.

Сандра была человеком легкомысленным и весёлым, любила компании и вечеринки, пренебрегая даже тем, что не пользовалась на них большим успехом. История с Адамом разнесла в клочки её старую жизнь и повергла в депрессию.

Чем, чем мы лучше Адама? Разве у среднего маленького человека есть свобода выбора? Разве нас не бьют по бокам острыми химическим стрекалом, направляя в нужную сторону? Да, нам не вводят эйфорин сразу в мозг... нас стимулируют через еду, выпивку, любовь, комфортную пещеру – объединяя всё это в зарплатный хлыст...

С раннего детства нас начинают программировать на социально полезные задачи. Чем ты хочешь заняться? Стать великим писателем? Гениально стучать молоточком по джазовым тарелкам? Мечтать не вредно, а пока возьми молоток потяжелее и приколоть эту картонную стенку к

этому фанерному домику, а то жрать не дадим. Да работай хорошо – потом тебе же и продадут втридорога этот хлипкий дом... Теперь брось молоток и возьми ружьё или надень галстук бизнесмена, мини-проститутки.

Считаешь себя свободным? Ты раб желудка, а значит, просто раб. Твои рабства неисчислимы. Никуда не выпрыгнешь из колючего загона гамбургеров, сигарет и телевизора. Для изысканных натур – красивая паутина «бентли», армани и пентхаусов. Кредит – как мушиный мёд. Имеем рассрочку – имеют в рассрочку.

Всё, всё проанализировано, рассчитано, запатентовано! Улицы и экраны, дома и урны, магазины и бутылки, газеты и крышки унитазов всё время что-то вкрадчиво советуют, направляют, поощряют, подрезают, мнут, втискивают, стригут, всовывают, кастрируют... Нам сбывают со скидкой товары, политиков, образ жизни, образ мысли.

Нам продают нас! Уценённых, упрощённых, с разрешительным штампом «безвредно для употребления»... разрушительным штампом. Мы совершенно беспомощны в ИХ руках! Узнать бы – в ЧБИХ. Театр марионеток, где веревочки перепутаны так густо, что Кукловода найти невозможно. Да есть ли Он? Может, куклы дёргают сами себя?

А настоящим человеком оказался обитатель иллюзорного мира, всамделишного кукольного театра.

Если у нас нет надзирателей *сверху*, почему мы так несвободны?

Мы вызываем оглушительную жалость.

Если бы боги существовали, они бы плакали, глядя на нас.

Почему нельзя жить по нравственным заповедям без страха ада?

Мы пришли в этот мир один раз – и другого не будет. Зачем же мы отравляем жизнь – себе и другим? Зачем мы сгребаем чужие судьбы под своё эгоистичное сидалище? Зачем мы строим сами себе ад? Зачем так легко предаём других и себя? Как сделать так, чтобы все были счастливы и никто не ушёл обиженным?

Что ты натворил со мной, Адам! Что я натворила с тобой...

Сандра следила за его жизнью долгие месяцы и восхищалась, покорённая этим человеком. Адам был умён, добр, доверчив, не умел врать и предавать. Когда ей разрешили создать Симону – важный персонаж мира Адама, Сандра просто завизжала от восторга. Виртуальный шлем она надевала с юным сердцебиением школьницы, идущей на свидание. Адаму так понравилась Симона, что ей разрешили обмениваться с ним репликами, но только короткими. Это были счастливые минуты в жизни Сандры.

– *Давай поужинаем вместе?*

– А если бы я была дурнушкой, ты меня пригласил бы?

Тогда он крикнул вслед:

– Приходи завтра дурнушкой и поужинай со мной!

На соседний стул сел высокий красивый человек и заказал кружку пива. Бармен принялся за работу, а Сандра откуда-то поняла, что человек сел рядом не просто так.

Возможно, она так решила, потому что человек сидел рядом, но не поворачивал голову в её сторону.

«Сейчас будет знакомиться, имя выспрашивать и номер т-фона...» – с неприязнью подумала она. Человек был высок и голубоглаз, располагал располагающим и даже каким-то знакомым лицом и не заслуживал неприязни, но Сандра не хотела сейчас никаких пляжных флиртов.

И действительно, человек, получив своё пиво, перестал делать вид, что сел сюда случайно, и повернулся к Сандре. Но сказал совершенно неожиданное:

– Сандра, спасибо, что согласились со мной встретиться. Я – Джерри Уолкер.

Сандра уже успела забыть, что ей недавно позвонил какой-то Джерри-не-разобрала-фамилию и попросил о встрече, которая и была назначена в пляжном баре.

Девушка вздрогнула:

– Вот почему ваше лицо мне знакомо! Вы этот... друг королевы Гринвич.

– Это сейчас не важно. Важно то, что у меня есть большой личный интерес к корпорации «ЗороастрИнк». Поэтому я и хотел бы с вами встретиться и поговорить.

– И какой же у вас интерес к этой организации?

– Я её хочу уничтожить. До основания.

Сандра чуть не поперхнулась питьём.

– Что она вам сделала?

– Её руководители виноваты в гибели моих родителей.

Девушка скривилась:

– Это они могут...

– Мои агенты, наблюдающие за корпорацией, сообщили мне, что вы ушли из неё и что вы работали над одним из самых секретных проектов «ЗороастрИнк». А секреты этой корпорации чаще всего грязные. Если вы – друг этой корпорации, то я зря прилетел с Луны для этого разговора. Но если вы и «ЗороастрИнк» – по разные стороны баррикад, то я прошу вас –

помогите мне уничтожить этого монстра, который расчётливо губит человеческие жизни.

Сандра поёжилась – сказано было метко. Ей очень хотелось отомстить за Адама. Она даже приготовила разоблачающие материалы по проекту создания разумного существа, полностью живущего в виртуальной реальности. Но существовал ещё и инстинкт самосохранения.

– Если я помогу вам в разрушении «ЗороастрИнк», то тоже пострадаю, ведь я в качестве сотрудника выполняла все её задания...

– Не знаю, насколько вы замешаны в делах корпорации, но я обсуждал эту проблему с полицейским комиссаром ООН, и он обещал отнестись к вам со всей возможной мягкостью. Вот его номер.

Уолкер нажал кнопку на своём т-фоне.

– Свяжитесь с ним, он ждёт вашего звонка.

Сандра, поставленная перед необходимостью сделать свой выбор так быстро, помрачнела:

– Я подумаю и дам вам знать.

Уолкер сказал встревоженным тоном:

– Насколько мне известны обычаи «ЗороастрИнк», вам угрожает серьёзная опасность. Вряд ли эта корпорация оставит вас в покое. Если мои информаторы узнали, где вас найти, то это же может проделать и служба безопасности корпорации. Как только вы позвоните полицейскому комиссару, то сразу попадёте под охрану как важный свидетель.

– Спасибо за заботу! – Сандра, сморщившись, залпом допила виски и заказала бармену ещё один стакан. – Но мне надо всё спокойно обдумать. До свидания! – совершенно прозрачно завершила она встречу.

Мистер Уолкер тяжело вздохнул, попрощался и зашагал в сторону улицы старых отелей, оставив на стойке бара нетронутую кружку с пивом.

Сандра проводила своего собеседника тяжёлым взглядом.

Но посидеть спокойно ей не дали.

– Сколько лет, сколько зим, Сандра! – сзади неожиданно раздался бойкий голос.

– Привет, Дэнни, – хмуро кивнула Сандра низенькому толстяку в длинных фиолетовых шортах и жёлто-розовой гавайке. Какая сочетательная гадость для глаз. Уехать на другой конец света и наткнуться на однокашника – вот везение! Выбрала, дура, модный курорт, надеясь, что в толпе легче жить и прятаться...

– Сто лет тебя не видел! – частил Дэнни. – Ты как сквозь землю провалилась.

– Секретная работа... – не стараясь, соврала Сандра.

– Ого! – восхитился толстяк. – И какой уровень клиренса?

– Это тоже секрет... – ещё ленивей ответила Сандра.

– Ух ты! – вообще пришёл в восторг Дэнни. – А я вот приехал в Тампу с женой и дочкой, отдохнуть на недельку. Еле гостиницу нашли!

Дэнни не нуждался в репликах собеседника – его безостановочно несло на собственном запасе.

– ...я ему так и сказал, прямо в лицо. Такой вот я парень! Работаю менеджером в отличной консалтинговой компании. Офис маленький, зато кресло шикарное! А знаешь, какие у меня пенсионные бенефиты?!

В ушах Сандры звенело. Мир вокруг раскачивался. Всё-таки она набралась, и волны начали перехлестывать через борт. Или содержимое трюмов выплёскиваться наружу...

– Какая предусмотрительность! – горько каркнула Сандра сухим горлом. – Всю жизнь работать на пенсию, всю молодость копить на старость! Я рада за тебя, Дэнни, – тебе совершенно не жмет кресло! Сидишь, смотришь кино и всем доволен!

– Ты с ума сошла? – растерялся Дэнни.

– Да! – мгновенно рассвирепела Сандра и махнула рукой вокруг. Виски веером выплеснулось, а мокрые льдинки в стакане весело зазвенели. – Как и все, кто узнал, что этот мир – вранье и фальшивка! Нам крутят бесконечный иллюзион «Ваша Счастливая Жизнь», а мы сидим в мягких креслах и пускаем дебилские слюни! И никто ни о чём не догадывается. Один парень узнал правду, и она убила его. Счастье вьёт мягкое гнездо из лжи... колючая правда никому не нужна! Чёрт, Дэнни, наверное, ты в детстве хотел стать чемпионом по футболу, космонавтом или хотя бы пожарным! Почему сейчас ты радуешься всего лишь креслу мелкого клерка и паршивой пенсии? Самодовольные мышки коллективного лабиринта! Несколько условных рефлексов – и готовы ценные винтики общества! Как я вас всех ненавижу! Скорей бы выключили солнце!

Сандра орала самой себе. Дэнни давно улепётывал по пляжу, испуганно оглядываясь круглой головой на короткой шее и спотыкаясь в рыхлом песке, кладбищенской пыли бесчисленных поколений моллюсков, древнем пепле счастливых миров.

– Мне надоел этот дурацкий кинозал на десять миллиардов мест! – яростно крикнула Сандра в пространство. – Где тут дверь? Я насмотрелась вранья и выхожу!

Вдруг в разогретом алкоголем мозгу Сандры раздался громкий спокойный голос:

– НЕ ГОВОРИ БОЛЬШЕ НИКОМУ, ЛАДНО? А ТО ОНИ СОЙДУТ С

УМА.

Голос был настолько ясен и чужд, что Сандра мгновенно протрезвела. Неужели... О, господи!.. Нет, нет, это просто бред...

Она вскочила, уронив стул, и бросилась к выходу. Бармен проводил её внимательным равнодушным взглядом и аккуратно сплюнул в нержавеющей мойку.

Сандра, задыхаясь, всё медленнее бежала по аллее волосатых пальм с жестяными листьями, переходящей в оживлённую приморскую улицу из ресторанчиков и сувенирных лавок. Позади, в отдалении, рысили двое неприметных, спортивного сложения парней. Постепенно Сандра перешла на шаг, тяжело переводя дух и успокаиваясь. «Вот напилась – голоса сверху начинают мерещиться... Как хорошо бы верить, что *наверху* сидит один главный продюсер нашей жизни, добрый и с белой бородой... Жутко узнать, что *там* всего лишь толпа ублюдков-сценаристов, никто никого ничем не лучше... и каждый из них, отталкивая соседей локтями, ловит подопытных зрителей на свою липкую мушиную киноленту, и потому вокруг такой тоскливый бардак и вавилонское столпотворение...»

Вдруг всё вокруг потемнело. Как будто кто-то выключил солнце.

Сандра вскрикнула от ледяного страха и вскинула голову. Плотное маленькое облако наползло на солнечный диск. Девушка истерично засмеялась, покрывшись холодной испариной. Облако раскололось пополам, и мир странно осветился огненным взглядом вертикально-щелевидного зрачка. Только тут Сандра до конца поняла, какой шок испытал Адам, когда его привычный мир погиб. И она ужаснулась содеянному: «Зачем, зачем я это сделала? Пусть бы он тихо умер подопытным кроликом через три дня, ничего не зная... Зачем нам пить отравляющее знание? Зачем нам человеческое достоинство, если оно приносит такую горечь и боль? Блаженны верующие...»

Посматривая с опаской на раскаляющееся солнце, Сандра неожиданно попала в нарядно одетую оживлённую толпу, выходящую из католического храма, возведённого из серого дикого камня. Свадьба. На взгляд Сандры, невеста была слишком плотной, а жених чересчур низеньким и смуглым, но они были очевидно счастливы. Круглолицые черноволосые новобрачные, осыпаемые рисом и цветами, двинулись к вульгарно-розовому лимузину, запутанному в ленты. Сандра так завидовала этой сияющей паре, что внутри у неё всё вопило и плакало.

– Я понял! Ты из другого мира. Яркий блик небесных сфер.

– Я – всего лишь отражение твоего одиночества и непристойных

мыслей.

– Вот почему ты никогда не останавливаешься возле меня. Бедняга, ты прикована к кругу неба.

В полумраке открытой церкви виднелось созвездие свечей и ярко освещённый алтарь. Священная клятва двоих перед богом. Освящённое начало взаимной жизни, будущих детей, обид и грехов.

Конец одиночества.

В голову Сандры, вольнодумной атеистки и доктора философии в области компьютерных наук, вкралась странная, даже кощунственная мысль – зайти в храм и поставить свечу. Извинение за неверие перед тем, кто *наверху*. Заплаканная просьба о счастье, оплаченная мелкой монеткой...

Что за бредовая идея!

Гости кричали новобрачным цветистые пожелания и скабрёзные советы. Сзади в толпе вежливо извинялись двое неприметных парней. Мир сквозь слёзы виден плохо, и возле бара Сандра натолкнулась на пожилого человека в тёмном сюртуке священника, но с расстегнутым воротом рубашки. Старик упирался спиной в камень стены и панически озирался по сторонам. Его била крупная дрожь. По морщинистому лицу струился пот, а руки тряслись и бесцельно искали что-то в пространстве.

Сандра спросила, вытирая глаза и стараясь не дышать спиртными парами на старого человека:

– С вами всё в порядке? Вам нужна помощь?

Старик остановил на ней выцветшие голубые глаза, в которых плавал ужас. И судорожно схватил Сандру за руку.

– Я скажу тебе СТРАШНУЮ ВЕЩЬ! – Глаза человека тоже были полны влаги. Горло не повиновалось ему, но он сумел выплеснуть пронзительную боль: – БОГА НЕТ!

И этому горю нельзя было помочь. Сандра вздохнула:

– Зато есть люди.

– Они – дети, бредущие над пропастью в темноте... – торопился объяснить, почти плача, старик. – Лгут, надеясь, и падают, смеясь. Под этим небом нет спасения и нет надежды!

– Надежда может уцелеть... если совсем закрыть глаза, – сказала утешительно Сандра. – Пойдём, старик, выпьем.

– Но людей же жалко!

– Ещё как! Не говори им, ладно?

Сандра вдруг решилась, достала т-фон и вызвала номер, сообщённый мистером Уолкером. Подумала ещё секунду – и отправила заранее

приготовленные файлы. «Адам был хорошим человеком. *Они* за него ответят! И я отвечу...»

За спиной Сандры два неприметных парня как по команде одновременно засунули руки в чёрные отвороты просторных курток.

Солнце садилось в шипящий раскалённый залив, и становилось трудно дышать из-за тревожных, заунывных криков флоридских чаек, чья громадная стая медленно кружилась над толпой смеющихся людей.

Крупная слеза вылилась из голубого глаза с щелевидным зрачком.

Глава 9

Межпланетное общество вундеркиндов

Сегодня в классе появился новенький. Высокий, симпатичный, с короткой стрижкой. И спортивный – судя по плечам.

Девочки сразу оживились, зашушукались, а парни угрюмо скривились – они предпочли бы увидеть новенькую.

Геру стало жалко парня, растерянно стоящего в дверях, и он приглашающе ему махнул – место рядом пустовало.

– Меня зовут Илья, – новенький протянул Геру руку.

– А я – Гера Сычиков.

Гера хотел расспросить, откуда прибыл новичок, но в класс вошла Нина Ивановна – и все загремели стульями, вставая.

– У нас сегодня новый ученик, Илья Еленин. Давайте знакомиться. Илья, расскажи немного о себе.

– Здравсте! – бодро начал Илья. – Я учился в школе района Металлургов, а теперь мы переехали в Центральный район, и меня перевели в вашу школу. Хорошее место – совсем близко до Дворца молодёжи. Я там занимаюсь в астрономической секции.

– Я слышала о вашем Межпланетном обществе, – сказала Нина Ивановна.

– Астроном? – заржал Басов, самый здоровенный и самый тупой парень в классе. – Звёзды открываешь? В бинокль на небо смотришь?

– У меня есть тридцатисантиметровый телескоп, – спокойно ответил Илья. – В него и смотрю. И кометы меня интересуют больше звёзд.

Класс зашумел.

– Тридцать сантиметров? – фыркнула Светка и развела руки на такое расстояние, будто большую тарелку держала. – Разве бывает такой маленький телескоп?

– Тридцать сантиметров – это диаметр зеркала, – улыбнулся новичок.

– Ух ты, – не выдержал Гера. – Вот это махина!

Нина Ивановна вмешалась:

– Кто хочет расспросить Илью про его хобби – пусть подойдёт к нему на перемене. А сейчас включите учебники и найдите параграф двадцать восемь...

Все открыли свои электронные книжки и дружно зевнули на двадцать восьмой параграф. Говорят, раньше в школу таскали по десятку книг, а

сейчас достаточно одной. И зовут её все с большой буквы: Книга. Если кто-то спрашивал: «Какую Книгу читаешь?» – то он имел в виду тип твоей электронной книги. Если вопрос выглядел так: «Какую книгу читаешь?» – то предполагался классический ответ вроде «Трёх мушкетёров» или «Гражданина Галактики».

Алёна, сидящая через проход, положила Книгу на коленки и загрузила на экран журнал мод. В классе установилась рабочая дремотная атмосфера.

– Где ты держишь такой огромный телескоп? – спросил после урока Гера. – На балконе?

– Нет, там плохой обзор и вибрация от шагов сильная. Я телескоп на крыше пристроил – неделю там просидел, новое место оборудовал.

– А можно посмотреть?

– Конечно.

Тут к ним подошла Тайка. Гера сразу почувствовал, как его щеки наливаются краской. Да что за глупая реакция?! И сказал торопливо:

– Илья, познакомься – это Тайка.

С Тайкой была просто беда – Гере всё время хотелось на неё смотреть, но такой взгляд выдал бы его с головой. Гера отвёл глаза куда-то в сторону и добавил:

– А Илья обещал показать мне свой телескоп.

– Привет, Илья. – Тайка церемонно подала руку новенькому. Она всегда так величественно протягивала руку для рукопожатия, что Гере хотелось не просто пожать её, а... ладно, это сугубо личные рефлексy.

– А мне можно посмотреть на твой телескоп? – спросила Тая, прищурившись на новенького.

– Да хоть сегодня, – ответил Илья. – Пошли сразу после школы. Я тут недалеко живу.

Дом был старый, тридцатизэтажный. Лифт ворчал, дёргался и раскачивался так, словно ему надоело ездить вверх-вниз, и он пытался найти себе какую-нибудь дорогу поинтереснее. И пейзажик какой-нибудь не помешал бы.

Прибыли на последний этаж. Илья открыл древнюю чердачную дверь, запертую на вполне современный электронный фингер-замок. На коньке крыши, куда вела металлическая лестница с перилами, была небольшая бетонная площадка. Раньше на ней кустились всевозможные ажурные антенны, а потом оптоволоконная подземная паутина вытеснила эти разлапистые конструкции, похожие на огородные пугала.

Сейчас на площадке стоял на треноге внушительный телескоп длиной

метра в полтора. Он смотрел в небо, но его глаз был закрыт чёрным пластиком.

– И как ты в него наблюдаешь? – спросил Гера, осматривая диковинную конструкцию.

– Я сижу дома и смотрю на экран. А телескоп управляется дистанционно. Вот здесь у него главное зеркало. Недавно купил новую приёмную матрицу: всего на сто миллионов пикселей, зато очень чувствительная.

– А можно внутрь заглянуть? – Тайка вытянула шею.

– Можно. – Илья нажал кнопку на т-фоне, и диафрагма на телескопе бесшумно разошлась. – Она сама закрывается днём или когда дождь идёт.

Тайка и Гера заглянули в чёрную трубу – на её дне мерцало вогнутое зеркало, как вода в глубоком колодце.

– Оптическая схема Ньютона, – сказал Илья. – А раньше у меня был телескоп поменьше, на схеме Максутова – Кассегрена. Я его продал, добавил денег и купил этого красавца. Жаль, что небо городское, засвеченное.

Многое из сказанного было непонятно, но переспрашивать никто не стал – самолюбие.

Небо было хмурым, облачным и вечерним. С высоты тридцати этажей город выглядел странно – Гера никогда не думал, что главная площадь города и их школа рядом. По земле между ними идти было долго.

– Я сейчас покажу вам фото на моём компе, – и Илья повёл их к себе.

Они сидели у него в комнате, пили чай, смотрели на снимки Сатурна и Луны.

Гера разглядывал фото ярко освещённых лунных городов и говорил:

– Хочу жить в космосе! Ходить в скафандре по кратерам, летать на крыльях...

Тайка бродила возле полок, перебирала всякую всячину. Там лежало старое зеркало от телескопа, пара метеоритов, шапка розовых кораллов и даже несколько бумажных книг. Гера расспрашивал: у всех ли в астрономическом кружке есть телескопы?

– Телескоп иметь необязательно, – сказал Илья. – Если хочешь, в воскресенье вместе пойдём во Дворец.

Гера безоговорочно хотел.

– Тайка, пойдёшь? – спросил он.

Та, не оборачиваясь, молча кивнула.

В глубине парка прятался старый дворец, к которому вела потёртая

каменная лестница. У двери на доске красовалось:

МЕЖПЛАНЕТНОЕ

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО УЧАЩИХСЯ

(МНОУ)

Сбоку мраморной доски приделан то ли насмешливый, то ли надменный бумажный рукописный плакат:

«Межпланетное общество вундеркиндов».

В холле Дворца висело расписание целой кучи секций: от археологии и биохимии до теоретической физики и социолингвистики. Гера отметил самые интересные для себя.

Метеоритный отдел. Руководитель – Алекс Милановский. Судя по голографическому фото – здоровенный мужик. Стоит на фоне египетских пирамид, гордо держа в руках оплавленный чёрный камень.

Астрономическая секция. Руководитель – Василий Румянцев (фото нет), директор обсерватории – бородатый Тимур Крячко, сфотографирован возле телескопа.

Илья сказал:

– Пошли в Совет. А потом зайдём в обсерваторию.

Совет МНОУ был просто большой комнатой, где сидели, стояли и галдели два десятка подростков.

С Ильей все здоровались, причём Гера обратил внимание, что рукопожатие было необычным – пожимались не ладони, а большие пальцы. «Во дают вундеркинды!» – озадаченно подумал он.

Они с Тайкой сели в стороне – осмотреться и послушать информационный шум.

Невысокий мальчик с белокурым чубом рассказывал:

– Пришёл к нам новый учитель математики. А наш класс – математический и весь записан в общество вундеркиндов. Учитель этого не знал. Говорит: «Откройте учебники на десятом параграфе. Сегодня изучаем векторное произведение...» Вася поднимает руку и лениво говорит: «Это

детство мы миновали два года назад. Сегодня у нас по плану группы Ли!» Учитель покраснел, проверил по компьютеру и говорит: «Извините, я сегодня не готов к уроку».

– Ха-ха-ха! Учитель – и не готов?!

– Ага! Но он быстро нашёлся – вызвал того же Васю на учительское место, и тот целый час про групповую алгебру рассказывал. Получил сразу две пятёрки.

– Уравнения Киллинга – очень красивая вещь!

– А у нас из секции математики один мальчик ушёл в филологический кружок.

– Старая история: для математика у него была слишком бедная фантазия, и ему пришлось уйти в поэты. Ха-ха!

– Чему ты так рад? Узнал, как решить бином Ньютона?

– Что сегодня будем обсуждать на Совете?

– Нас пригласили в Миасскую школу – рассказать о нашем обществе.

– О, это будет интересно! Как-то мы на два дня поехали в Коркинскую школу: местный учитель попросил помочь организовать филиал нашего научного общества. А сами школьники встретили нас свистом и смехом: «Ботаники приехали! Будут уговаривать нас цветочки собирать и бабочек ловить».

Давайте лучше в волейбол сыграем!» А мы неожиданно соглашаемся:

«Давайте!»

Кто-то в комнате захихикал.

– Выставили коркинцы свою мужскую сборную. А у нас парней на команду не набиралось, так что мы парой своих девчонок доукомплектовались. Никто из нас особенно в волейбол не играл, но мы разгромили эту школьную сборную как детей. Андрюха у нас был рослый, а Светка прыгала как кенгуру... На последней игре мы так разошлись – почти всухую хозяев обидели. Очень они расстроились...

– Вечером на танцах они расстроились ещё больше – когда наши Володя с Аней на глазах всего восхищённого зала оторвали сногшибательный акробатический рок-н-ролл! Анины ноги взлетали под потолок, а у местных мальчиков рты были открыты, как при хоровом пении.

– А их девочки при расставании шмыгали носами и просили приезжать ещё...

– Да, встречали нас как последних ботаников, а провожали как первых космонавтов!

– Ну и секция общества в школе возникла мгновенно – даже с

некоторой давкой в дверях...

– А когда будет обсуждаться программа весенней конференции? У меня целых два доклада – по химии и теоретической физике.

– Физику у вас по-прежнему профессор Свирский ведёт?

– Да, старик ни одного воскресенья не пропускает. В прошлый раз мы пробовали построить теоретическую модель электрического сопротивления металлов и диэлектриков. С учётом магнитного поля.

– А не знаете – будет ли в этом году экспедиция за метеоритами?

– Конечно, будет. Хорошо бы не в Казахстан, а в Египет – там легче камни искать.

– А ни у кого нет лишнего бумажного сборника конференции за прошлый год? Надо в школьную библиотеку отдать.

– Кто поменяется со мной днями дежурства на телескопе? У меня послезавтра день рождения. Если не найду замену – придётся гостям есть мой торт без меня.

– Готов поменяться, но только отдашь мне за это лишний час своего наблюдательного времени.

– Ах ты сквалыга! Хочешь первым комету найти? Ладно, согласен, только если признаешься – в каких спектральных линиях ты предпочитаешь искать кометы?

Гера слушал в три уха и смотрел в четыре глаза. Тайка тоже не упускала ни слова. Перед ними открылся совершенно другой мир. Их школа неплохая, и ребята там неглупые, однако немисливо подойти на перемене к какому-нибудь однокласснику и сказать: «Уравнения Киллинга – очень красивая вещь!» или спросить: «В каких спектральных линиях ты предпочитаешь искать кометы?»

Одноклассники тебя могут неправильно понять!

А эти ботаники ведут себя так, будто они-то и есть гордая соль земли. Они в полный голос – не боясь и не стесняясь! – говорят об алгебраических группах, радиохронологии, о каком-то гексафторплатинате ксенона и о какой-то вакуумной пропитке древесины.

Рослый белокурый красавчик-атлет не принимал участия в общем гаме, он увлечённо читал книгу. Тайка заглянула через его плечо и увидела какие-то сложные диаграммы и схемы ядерных реакций.

«Этого в школе не проходят!» – ошарашенно подумала она. Куда они с Герой попали?! За соседним столом две девчонки рассматривали какой-то камень. Из обсуждения Тайка поняла, что это метеорит, найденный одной из школьниц – той, у которой рыжие косы. Она относила камень к какому-

то особому классу, а подруга с сомнением хмыкала. Рыжая девчонка довольно сказала:

– Нашла его случайно: остановились на днёвку и уже приборы выключили. Я пошла за соседнюю дюну... э-э... размять ноги – и на наветренном склоне это чудо и нашла. Килограммовый! Это энстатитовый хондрит. Редкая штука! Смотри, какой светлый скол!

Тайка любила красивые камни и минералы, и разговор девочек был ей понятнее, чем ядерная физика и спектры комет.

– А в метеоритную секцию ещё принимают? – тихо спросила она девчонок.

Башня обсерватории, куда Илья привёл друзей, напоминала улей механических пчёл. Там всё жужжало. Моторчики, которые поднимали крыло огромного – метров шесть длиной и почти метр в диаметре – телескопа, звенели тихо, зато двигатель, вращающий купол, не стеснялся и верещал как целый рой сердитых шмелей. Шелестели вентиляторы, с материнскими интонациями зудели о чём-то важном пультовые сигналы.

– Илья, заходи! – раздался голос.

В небольшой стеклянной кабине на табуретке сидел бородатый человек с фото у входа во Дворец.

«Тимур...» – вспомнил Гера.

– Я уже подключил твой телескоп в общую сеть! – оживлённо сказал Тимур. – На сегодня у нас сто двадцать инструментов.

Бородач махнул на экран, где красовалась карта Земли с сотней огоньков. Рядом размещались карта Марса с десятком горящих звёздочек, а также несколько карт спутников и астероидов с огоньками. Гера с удивлением увидел, что на жёлто-оранжевом спутнике Ио тоже сияют две звёздочки.

– Настоящее межпланетное общество! – с удовольствием отметил Илья.

– Сейчас мы доводим до ума программу слияния данных. Скоро наша объединённая сеть телескопов заработает как часы! Ребята уже поделили дежурства на три месяца вперёд.

– А что вы наблюдаете? – спросил Гера.

– У нас есть несколько общих программ. – Тимур мотнул головой на стенд, где висели листки с заголовками: «Кометы», «Сверхновые», «Переменные звёзды», «Астероиды», «Экзопланеты», «Галактики» и списками участников программ.

– Но можно быть и «свободным охотником»! – добавил Илья, чему-то

усмехнувшись.

– Можно, – неодобрительно скривился Тимур. – Толку от них не много, но если человек включил свой личный телескоп в общую сеть, то он получает право на часть времени сети и вправе использовать его как хочет.

– А где метеоритная секция? – спросила Тайка.

– Они толкутся в соседней комнате, – ответил Тимур. – Мы, собственно, одна команда. Они тоже астрономы, только смотрят не на небо, а под ноги. Оборудования кот наплакал, а метеориты таскают килограммами, – почему-то осуждающе сказал бородач.

Гера увидел на стене групповую фотографию возле дворца. В середине целой толпы подростков стояла красивая женщина с мальчиком лет четырнадцати. Тимур объяснил:

– Королева Гринвич дала нам денег на телескоп и коммуникатор, который связывает все наши инструменты в сеть. Королева сама приезжала к нам, со своим сыном, принцем Майклом. Мы его тоже приняли в наше общество. Хочешь послушать, что она сказала?

Тимур, не дожидаясь ответа, вызвал на боковой экран изображение красивой женщины со странно сверкающими волосами. Она говорила, обращаясь к залу, полному «вундеркиндов»:

Ваше поколение живёт в эпоху, когда мотор истории меняется. Раньше история была борьбой вершин социопирамид, сейчас история движется их разрушением. Падение властных иерархий не означает анархии. Человеческий мозг – самое могучее оружие во Вселенной. Смешно было ожидать, что он отступит перед пирамидальной окостенелостью социального устройства и не найдёт более справедливого варианта самоуправления общества.

Не верьте тем, кто говорит, что правды и добра нет, а драчливое и богатое зло всегда побеждает.

Ненавидеть мир просто, помочь ему – во сто крат сложнее. Гамлетовский вопрос – вступать в битву с опасным злом или нет? – каждый решает сам за себя. Испуганная душа – это самое страшное, что может приключиться с человеком, и преодолеть этот испуг можно лишь невероятным усилием. Но если бы не находились смелые люди, бросающие вызов драконам зла, то человечество бы вымерло. Я верю, что вы присоединитесь к тем, кто хочет, чтобы в этом мире не стреляли в спину, а ценили ум и труд. Надо всем дать шанс на счастье.

Будущее принадлежит умным, а историю делает каждый. От грядущих кризисов человечество спасут не волшебные палочки,

заколдованные мечи или глубокомысленные медитации, а наука и ученые – при поддержке остальных людей. Или, если угодно, это сделают сами люди, но при поддержке учёных.

Не бояться, не злобствовать и упорно учиться. Это очень трудные правила жизни для юного человека.

В школах свирепствует чума презрительного отношения к «умникам» или «ботаникам». Очень рада видеть столько школьников, которые не боятся показывать, что умным быть не зазорно, а наоборот – престижно.

Пора всем перестать стыдиться своего ума. Интеллектуальность подрастающих поколений – это мировая необходимость. Поэтому от вашей увлечённости наукой зависит будущее всего человечества.

Разум требует работы, невежество не требует ничего. Математика, физика, биология, социология и другие науки – да, они трудны, зато восхитительно интересны, позволяют нам видеть не только поверхность окружающего мира, но и его глубину по оси динамических пружин, причин и следствий.

Что бы вы ни изучали, изучайте ещё и математику. Её нужно понять, полюбить и научиться самостоятельно применять.

Математические уравнения являются прочным стержнем нашего постижения Вселенной. Они смело пронизывают водовороты далёких галактик и атмосферных ураганов, колебания раскалённой плазмы и кружение кленового листа, пульс горячей крови и дрожание холодной росы. Простенькую галактику можно уложить в десяток формул; уравнения, описывающие жизнь кленового листа, неизмеримо сложнее.

Каким-то счастливым из вас предстоит открыть формулы успешных межзвёздных перелётов и уравнения бессмертной человеческой жизни.

Я вам завидую.

По дороге домой Илья рассказывал об обществе вундеркиндов и о руководителях астросекции.

– Этот Тимур – фанатик наблюдений. Как-то он в одиночку просидел много месяцев в горной обсерватории. Дорогу туда завалило оползнем, но он наблюдения не прекратил. Продукты кончились – так он питался дятлами и крапивой. Зато на его счету уже куча планет-транснептунов. Я люблю с ним наблюдать – он в любой перерыв берёт гитару и поёт хоть до утра. Он знает миллион песен – ни разу от него повторов не слышал, разве что по заказу публики. Бумажки и бюрократов терпеть не может, всю такую

работу сваливает на Василия Румянцева. Зато Василий – дипломат, отвечает за всю международную политику и финансирование нашего старейшего в России научного общества учащихся. Чтобы организовать межпланетную сеть любительских телескопов, Василий написал заявку в Гринвич-фонд от имени нашего общества. И программист он хороший – это под его руководством создан и отлажен весь софт для межпланетной сети телескопов. И диссертацию по наблюдениям астероидов он успел написать. Но с Василием по душам не поговоришь... Он такой... солидный.

Гера расспрашивал Илью – много ли комет и сверхновых звёзд открыли сами ребята, а потом завистливо вздохнул:

– Жаль, у меня нет телескопа, я бы с удовольствием понаблюдал что-нибудь...

Илья вдруг сказал:

– Хочешь, бери моё время. Я уезжаю на всё лето в Крым, к дяде Серёже. Там тоже есть телескоп – в Симеизской обсерватории. Буду отдыхать и заодно помогать в одной программе наблюдения метеорных потоков.

Гера засиял:

– Хочу! Я как раз буду сидеть дома из-за младшей сестры. Родители часто уезжают к бабушке – она болеет, и ей нужна помощь. А я буду пасти сестрёнку.

– Верунчик считает, что это она о тебе заботится! – хихикнула Тайка.

– Мало ли что эта малявка считает!

– А мне понравились метеоритчики. В экспедиции ездят, на разные страны смотрят... – сказала Тайка. Её глаза таинственно мерцали, отражая свет дальних стран, или небесных камней, или ещё каких-то увлекательных картин.

9.1. Гера

Наступили каникулы. Радостно сломался надоевший ритм школьной жизни. «Можно спать сколько хочешь...» Эта сладкая мысль приходила по утрам и сгоняла сон не хуже будильника. Стоит ли спать, если столько интересного можно сделать за длинный свободный день?!

Тайка улетела в египетские пустыни – искать небесные камни. Илья уехал на Южный берег Крыма – купаться и смотреть на звёзды в телескоп двухметрового диаметра. Но Гере и в родном городе скучать было некогда.

Во-первых, Верунчик отнимала немало времени. То в парк её своди, то на аттракционах покатай. Вот с едой проблем не было: при родителях сестра могла покапризничать, а при брате ела всё, что он смог приготовить:

сосиски, варёную картошку или – попросту – купленную и разогретую пиццу. Понимала Верунчик, что условия приближены к полевым, даже к боевым – и лучше не высовываться с претензиями. Зато и Гера не заставлял её ничего доедать – ешь столько, сколько душа примет. Не заталкивай и не уминай.

Во-вторых, на Сосновом озере Гера нашёл небольшую пристань, где можно было взять напрокат крохотный ялик с парусом. Управлять им было настолько просто, что Гера освоился с первого раза. Он садился на заднее сиденье ялика, поднимал парус и плыл по ветру, слушая журчание разрезаемой воды и хлопанье паруса при перемене галса.

Ходить против ветра у Геры пока не очень получалось, да и медленно. Поэтому он сворачивал парус и грёб обратно на веслах, с удовольствием поглядывая на вздувающиеся бицепсы. Вернётся Тайка из своих пустынь, и он покатает её на ялике.

Вообще, хотелось сделать что-то такое, отчего Тайка завизжала бы от восторга или хотя бы посмотрела на Геру с восхищением. Может быть, она поймёт наконец, что... тут Гера мысленно запинаясь, невольно краснел и сильнее наваливался на вёсла.

Он часто захватывал удочки и нередко брал на ялик Верунчика. Впрочем, рыбная ловля и младшая сестра плохо совмещались: рыба слышала Верунчика издали и дружно пряталась в тине и под корягами – переждать непонятный ураган.

В-третьих, примерно раз в две недели у Геры было ночное дежурство «по космосу» за счет наблюдательного времени Ильи. К сеансу наблюдения нужно было готовиться: телескопам ребят, живущих на Марсе, астероидах или Ио, заранее посылались инструкции по согласованию работы инструментов. Гера стал «свободным охотником» и сканировал небо в поисках любых интересных объектов – в первую очередь комет и астероидов.

Первое дежурство июля выпало на ночь. Трудно не смыкать глаз всю ночь, но если любишь поспать, то в астрономы-наблюдатели тебе идти не стоит. Гера быстро дошагал, кое-где переходя на рысцу, до дворца и вскоре уже сидел в стеклянной кабинке обсерватории – «косморубке», как её обычно называли.

За первый летний месяц Гера освоился на обсерватории, узнал ряд хитростей от опытных наблюдателей-ребят и самого Тимура. Телескопы обычно наблюдали в оптике, но многие захватывали инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны. Инструменты имели разный диаметр

зеркала, угол зрения и качество картинки.

Всё это согласовывалось заранее рассылаемым протоколом наблюдений. Если бы Гера вздумал прямо сейчас послать сигнал в систему Юпитера – с просьбой развернуть телескоп в направлении созвездия Стрельца, то телескопы Антона и Габриэлы, живущих на берегу чёрного серного озера Локи на юпитерианском спутнике Ио, узнали бы о его просьбе только через сорок четыре минуты – именно столько летит радиоволна или лазерный луч от Земли до Юпитера. Но Гера заранее отправил инструкции и...

Он посмотрел на цифры секунд, сменяющиеся на экране.

...и именно в эту минуту все телескопы, задействованные в нынешнем сеансе наблюдений, начинают поворачиваться в направлении созвездия Стрельца. Формально сеть Межпланетного общества вундеркиндов насчитывала сто двадцать телескопов, но реальное число работающих в каждый момент времени инструментов было заметно меньше. Часть оказывалась на дневной стороне Земли. Для других исследуемая область находилась ниже горизонта. Нужно было следить также, чтобы Луна не засвечивала исследуемую область.

Сегодня парочка инструментов ещё и в ремонте – это видно по цвету точек в сети. Зато у Геры сегодня задействованы практически все космические телескопы – а именно они дают лучшие результаты. Ещё бы, наблюдения без атмосферы – разве это можно сравнить с данными земных телескопов, стоящих на дне газового океана, загрязнённого пылью и световым шумом от городов?

Кометы и астероиды логично было наблюдать возле плоскости эклиптики – там их больше всего. Астрономы обычно искали космические слабосветящиеся тела в самых тёмных областях неба, стараясь избегать смотреть на центр Галактики, который располагался в созвездии Стрельца и был загромождён звёздными скоплениями и светящимися газопылевыми облаками. На таком фоне найти крохотный слабый объект очень непросто.

Но именно здесь любил наблюдать Гера. Если честно, то ему попросту нравилось смотреть на небо, усыпанное звёздами. Другие ребята-наблюдатели уже могли воспринимать звёзды как помехи на экране, а Гера всё ещё ими любовался. Чтобы оправдать свои «стрелецкие» предпочтения, он говорил, что на примере такого «шумного» участка неба ищет самую лучшую спектральную комбинацию для наблюдений комет.

И он действительно много экспериментировал, пытаясь поймать специфическое для комет излучение. Он нередко использовал сразу три-четыре узких спектральных полосы – обычных воды и углекислого газа,

экзотического циана или сероводорода, которые можно было найти именно в кометах. Всё годилось, что выделяло кометы на фоне звёзд.

Сегодня Гера задал весьма хитрую спектральную комбинацию, рассортировав телескопы на три класса и сориентировав их на наблюдения трёх отдельных полос.

Посмотрев на чёрный главный экран, Гера расстроился. Его критерий наблюдений оказался столь жестким, что на экране ничего не было видно – ни звёзд, ни комет. Но делать нечего – не менять же инструкции в ходе сеанса! «А почему бы и нет?» – спросил сам себя Гера. Он покатал эту крамольную мысль от уха до уха, потом она закатилась в какой-то угол – наверно, в нос, потому что Гера звонко чихнул. Словно в ответ на сотрясение, в левом верхнем углу экрана вспыхнула звёздочка.

Гера вскочил с гулко забившимся сердцем – будто увидел дернувшийся поплавок после долгого рыбацкого ожидания.

Вспышка на экране означала, что из данной точки космоса пришла тройная комбинация фотонов с нужными длинами волн. Её засекли... Гера вызвал список телескопов на боковой экран... двадцатисантиметровый инфракрасный телескоп на Палладе, полуметровый оптический телескоп в Чили и ультрафиолетовый крохотный дециметровик на Луне.

Гера всматривался в угол экрана, словно хотел проткнуть его взглядом. Ну, давай, давай, один раз не в счёт. Но долгое ожидание ни к чему не привело. Тройная вспышка была единственной за всю ночь наблюдений. Может, оттого, что другого улова не было, Гера всё время размышлял об этой вспышке. Если это комета, то почему она замолкла? Может, это был пик её активности, который сменился спокойным периодом? Такое бывает с кометами...

Гера проверил, идёт ли запись данных. Да, всё в порядке. Потом он внимательно просмотрит данные и выяснит – были ли другие комбинации сигналов из этой области пространства, но не из трёх фотонов, а из двух.

Ушёл он утром довольный. Вспышка несла в себе тайну и надежду.

Поспав дома часа четыре и накормив сестру, Гера взялся за анализ данных: вызвал на экран только этот участок неба и рассмотрел сначала инфракрасную картинку, похожую на горящее облако.

Оптика дала скопление звёздочек из отдельных фотонов.

Ультрафиолетовая картинка была почти пуста, с десятком рассеянных квантов.

Проведя линии из трёх точек наблюдения, Гера убедился, что они практически точно совпадают в одной точке, расположенной примерно на шести астрономических единицах, недалеко от Юпитера. Да здравствует

метод параллакса!

Точка вспышки найдена, но что здесь вспыхнуло?

Другие квантовые комбинации – не тройные, а хотя бы двойные, из этой зоны отсутствовали. Одинарные события соответствовали статистически незначимому уровню.

Но всё-таки тройная вспышка была. Что за ней кроется?

Так как наблюдение было единичным, Гера не мог определить скорость и направление движения кометы – если, конечно, это комета, а не случайная флуктуация, собравшая три кванта вместе. Вот если бы поймать сигнал из ещё одной точки орбиты... Но – чего нет, того нет; компьютер прошерстил данные наблюдения вдоль и поперёк и ничего примечательного не нашёл.

Гера долго размышлял, а потом применил хитрость: предположил, что невидимая комета принадлежит к группе Юпитера – недаром она нашлась недалеко от него – и имеет типичную для орбит юпитерианских комет большую полуось, эксцентриситет и наклонение. Потом он логично предположил, что комета двигалась к Солнцу, а не от Солнца – иначе бы её заметили раньше. Шаг за шагом Гера сужал зону возможного будущего нахождения кометы – и в конце концов определил коридор пространства, где её можно было поймать в следующие сеансы наблюдений.

Теперь осталось решить самое сложное – включать ли в обязательный отчёт о вчерашних наблюдениях эти смешные рассуждения.

Оценочную кометную орбиту для будущих наблюдений Гера склеил из таких логических лоскутков, что получился карточный домик, который не выдержит даже лёгкого критического ветерка. А насмешек сколько будет! Гера уже знал, что вундеркинды-межпланетчики обожают высмеивать чужие ошибки и иронизировать друг над другом – особенно над такими новичками, как Гера. В деле насмешек вундеркинды тоже превзошли обычных ребят.

Но Гера упрямо набычился и отправил свой отчёт на сайт обсерватории. Пусть кто хочет смеётся, а он будет использовать эти данные для следующих наблюдений.

И в остальные наблюдательные ночи он наводил все телескопы на подозрительную область, вернее на то место, где должна была располагаться невидимая комета.

Смеялись, конечно, много. Особенно Никита, который сам хотел занять наблюдательное время Ильи.

– Это не комета – лучше назвать этот объект «Гериным фантомом». Определить орбиту по одной точке – это достойно Нобелевской премии!

Или санатория. Гера, тебе надо отдохнуть от наблюдений, полечить нервишки. Я буду носить тебе передачи и наблюдать вместо тебя.

Прошёл июль. Комета не появлялась, и даже Гера махнул на неё рукой, не прекращая наблюдений из чистого упрямства.

Пятеро ребят, свободных охотников, тоже пробовали наблюдать вдоль найденной Герой орбиты, но к августу таких добровольцев осталось всего двое. А потом и вообще один – Виталий Невский, румяный невысокий паренёк, который имел собственный тридцатисантиметровый телескоп и наблюдал обычно сразу после Геры.

В конце августа наступил последний сеанс наблюдений для Геры. И снова экран остался чёрным, как ночное стекло.

Ничего.

Виталий пришёл за пятнадцать минут до своего сеанса, увидел мрачную физиономию Геры и всё понял без слов.

Но бодро сказал:

– Астроном должен быть в сто раз терпеливее рыбака.

Он расположился в кресле, вытащил термос с кофе и бутерброды.

– Хочешь перекусить? – спросил он Геру.

Тот, хотя и был голоден, отрицательно помотал головой: ему сейчас идти домой кормить Верунчика – там и поест. А Виталию ещё всю вторую половину ночи сидеть – ему эти бутерброды важнее.

Виталий посмотрел на экран, заглянул в протокол наблюдения Геры и хлопнул себя по лбу:

– Ах я болван! Забыл отправить свой протокол марсианам и юпитерианцам! – Он подумал секунду и улыбнулся: – Ну и ладно, отнаблюдаю сегодня по твоей программе. Экран у тебя мрачноват, мой-то повеселее будет, но у меня есть на сегодня интересная книжка.

И тут в самом нижнем правом углу экрана вспыхнула звёздочка.

Геру как пружиной подбросило.

Тройная вспышка!

– Что-то клюёт! – Виталий развернулся на кресле к другому экрану и спешно залез в файл наблюдений.

– Смотри, совсем рядом с твоей орбитой! – показал он точку пересечения трёх линий, которые тянулись от телескопов на Ио, Палладе и Марсе.

Гера ударился в нервную дрожь. Неужели комета?! Он прокляцал зубами:

– Давай определим новую орбиту – с учётом двух точек орбиты.

– Согласен, – сказал Виталий и принялся за работу.

Закурлыкал т-фон в кармане Геры.

– Герыч, ты где?! – раздался в трубке голос сестрѐнки. – Я есть и спать хочу!

– Верунчик, – льстиво забормотал Гера, – у меня ещё тут дела в обсерватории, мне очень нужно задержаться. Открой холодильник и найди красную пластиковую коробку...

Гера долго уговаривал Верунчика и объяснял, как она может соорудить себе поздний ужин с помощью мегаволновки и замороженной пиццы. Наконец всё утряслось, и Гера выключил т-фон.

Экран оставался чёрным.

Виталий уже получил решение для орбиты и вывел её на экран. Длинная изогнутая линия соединяла старую и новую вспышку, подходила совсем рядом к Юпитеру, огибала его и снова улетала в холодные космические дали.

Виталий виртуозно владел софтом для наблюдений – ещё бы, он сам участвовал в его создании! Он запустил программу обработки наблюдений, которая сразу должна была показывать в районе орбиты предполагаемой кометы не только тройные, но и гораздо более многочисленные двойные вспышки.

Мальчики, затаив дыхание, наблюдали за орбитой, по которой медленно полз значок потенциальной кометы.

Двойная вспышка! Совсем рядом с кометным значком!

Виталий восторженно зарычал и сильно хлопнул Геру по плечу:

– Старик, да ты гений! Состряпать такую приличную кометную орбиту по одному наблюдению...

Гера изо всех сил старался держать себя в руках.

– Ещё не факт, надо смотреть дальше.

Действительно долго ничего не было. Потом двойная вспышка показалась в отдалении – явно фоновая.

Ночь катилась к рассвету, и есть хотелось всё больше.

Гера слегка упал духом. Ну ещё вспышечка, ну пожалуйста!

И словно в ответ – вспышка перед самой кометой. Потом ещё одна – чуть сбоку. Пусть двойные, но их становилось всё больше – три... четыре... Комета словно ползла по минному полю, подрывая собой всё новые заряды. Вспышки были не красные тройные, а всего лишь жёлтые двойные, но их концентрация вдоль предполагаемой орбиты была явно не случайной.

– Поздравляю, Герыч! – Виталий сиял как лампочка. – Ты её поймал!

– Нет, – замотал Гера головой. – Сейчас твой сеанс, вторая точка

орбиты – твоя.

– Тогда пусть будет кометой Сычикова – Невского! – воскликнул Виталий. – По рукам?

Гера от избытка чувств не мог ничего сказать, только долго тряс руку Виталию.

Комета продолжала ползти по минному полю, и жёлтых вспышек уже было с десяток. А вот и ещё одна красная!

– Так, пора за дело! – И Виталик стремительно сел в кресло, и его пальцы забарабанили по клавиатуре.

– Надо срочно послать сообщение в Кометный центр, пока нас не опередили.

Гера с восхищением смотрел, как ловко Виталий составляет сообщение в Международный центр астрономических наблюдений. Виталик работал и азартно бормотал:

– Ссылка на твой июльский сеанс... прилагаем сетевой адрес протокола наблюдений... ну ты и нахал, старик! Из молодых, да ранних!..Ссылка на сегодняшний сеанс. Статистика точек... дадим оценку точности орбитальных параметров... Итак, подписываем вдвоём?

Виталий обернулся на Геру. Тот энергично кивнул головой. Виталий настучал, что сообщение приготовили Гера Сычиков и Виталий Невский, участники телескопической сети МНОУ.

– Ещё раз проверим, но затягивать не будем! – сказал Виталий, быстро пробежал глазами сообщение и занёс палец над клавишей отправки.

– Да поможет нам Юпитер!

Послал файл и устало откинулся на спинку кресла.

На экране появился сигнал регистрации сообщения в международной базе данных.

– Отлично! – потёр руки Виталий. – Конечно, твои июльские наблюдения дают нам огромное преимущество – и в приоритете, и в точности орбиты, но всё-таки хорошо бы, чтобы мы и вторую точку раньше всех поймали.

Экран снова пискнул. Виталий всмотрелся и завопил:

– Комету поймали и на телескопе «Слайфер»! Мы опередили их со своим сообщением на три минуты! Ура!

Он соскочил с кресла, обхватил Геру и попытался его слегка подбросить вверх. Но не получилось – и они чуть оба не рухнули на стол с приборами.

– Как здорово! Мы утерли нос самим слайферовцам! А то они больно гордые ходят по конференциям наблюдателей... – еле выговаривал

запыхавшийся Виталий.

Гера был в шоке и просто улыбался.

Есть уже совсем не хотелось.

– Давай отметим нашу удачу! Какой я молодец, что вчера засмотрелся «Звёздными крокодилами» и забыл отправить свой протокол. Я всегда говорил, что о лежащий камень спотыкаются самые крупные удачи!

Виталий разлил кофе по стаканчикам и развернул пару бутербродов – один с сыром, другой с копчёной рыбой.

Нет, есть всё-таки хотелось ужасно.

– О великий Юпитер! Пусть это будет не последняя наша комета! – провозгласил Виталий тост, подняв дымящийся стаканчик.

Гера жевал вкуснящий бутерброд, не понимая – с сыром он или с рыбой, – и думал только об одном: через неделю приедет Тайка. Он ей всё расскажет. А она восхищённо посмотрит на него и скажет: «Герыч, какой ты молодец! Давай пойдём вечером в кино и сядем на последний ряд...»

Тут Гера сильно поперхнулся, и Виталий стал с восторгом лупить его по счастливой спине.

9.2. Тайка

Тайка надвинула на глаза широкополую шляпу и вздохнула. Египетское солнце раскаляло меловую пустыню так, что она сияла не хуже самого светила. А ещё знойный ветер с песком. От жары немного помогал кондиционер, который обдувал лицо прохладной струёй, но остальным частям тела приходилось обходиться собственными силами.

Очки, спасающие от солнца, никогда не снимались и уже натёрли потную переносицу.

Первый египетский месяц был самый тяжёлый – пить хотелось всё время, но верблюжьих горбов, куда можно было отложить про запас, не было, и выпитое мгновенно выступало мокрыми пятнами на плоской девичьей спине. Потом организм понял, что таким обычным способом не справиться с необычной жарой, изыскал скрытые резервы и всё-таки включил экономичный режим. Теперь Тайка после утренней кружки чая могла бегать по жаре целый день, почти не потев.

На ней были наушники поисковика, который мог найти метеорит в десятиметровой полосе и на глубине до двух метров.

Поисковик пел. Арий у него было не много. На земную почву он просто непрерывно и тихонько ныл или гудел: в песке – потоньше, в плотной глине – побасовитей.

Каменные метеориты вызывали у поисковика учащённое мышинное

попискивание, а у человека-метеоритчика – учащённое сердцебиение. Железные метеориты отзывались птичьим щебетом. Типичный палласит квакал.

Всем новичкам дали послушать арии поисковика, поднося к его носу метеориты из коллекции. Говорят, что на редчайший лунный метеорит поисковик мурлыкает, а на марсианский – гавкает, но, судя по всему, это были народные мифы. Вряд ли кто из секции метеоритчиков держал в руках марсианский или лунный метеорит – их находят слишком мало и, в основном, в Антарктиде.

Тайка стояла на двухколёсном сегвее и ехала вдоль намеченной трассы по каменной пустыне. Отклонение от курса – в пределах полуметра, скорость – не более десяти километров в час, а то лампочка на поисковике начинала нервно мигать. За день девушка наматывала больше восьмидесяти километров – по песку и камню. Батареи сегвея садились почти полностью – один раз машинку пришлось последние сотни метров подталкивать.

Несмотря на крем и шляпу, у Тайки нос сначала загорел, а потом облупился коричневой шелухой, обнажив нежную кожу, розовую, как молодая картошка. Руки, держащие руль сегвея, по цвету сравнялись со смуглыми руками египтянок, торгующих на базаре фиолетово-чёрными баклажанами и жёлтыми дынями.

В общем, оказалось, что искать метеориты скучновато. Часами стоять на трясущейся платформе, пряча лицо от сухого ветра и жаркого солнца. Даже музыку послушать нельзя – в наушниках сплошное нытьё поисковика.

Экспедиция нашла уже четыре каменных метеорита. Находки вызвали у ребят прилив энтузиазма, и сейчас все соревновались – кто первый найдёт следующий каменный или первый железный метеорит.

Тайка не верила в свою счастливую звезду и отработывала трассу без воодушевления первых дней. Самым приятным временем был для неё вечер. Работа кончалась, жара спадала. Можно было умыться, поужинать и долго сидеть у костра, слушая байки старожил и самодельно-народные песни туристов и астрономов.

За Тайкой ухаживал Влад. Ну так... ничего серьёзного – после месяца жизни в полевых условиях такие парочки неизбежны. Когда наступает время вечернего чаепития, он приносит ей чай. А она утром одалживает ему зубную пасту, потому что его, конечно, кончилась. Он чистит зубы её пастой и улыбается ей пенным ртом.

Приятные взаимоотношения, помогающие скоротать время.

Влад, конечно, пробовал не только улыбаться, но Тайка сумела удержать его ухаживание в рамках чайных церемоний.

Когда она часами тряслась на сегвее, её чаще всего посещала глупая детская мысль. «Вот найду огромный – в сто килограммов! – метеорит, и все закричат: какая ты молодец! А Илья подойдёт и скажет: „Не ожидал, что ты уже в первый сезон обгонишь опытных искателей метеоритов. Пойдём сегодня вечером в кино?“»

Тайка вздохнула и отбросила наивную мысль. Метеориты тоже нужно искать умеючи. Вечером возле костра разгорались неперенные споры разных команд.

Партия «землероек», возглавляемая Сергеем Шурпаковым, могучим парубком то ли с Украины, то ли из Белоруссии, предпочитала искать метеориты в грунте, медленно передвигаясь на сегвеях и сканируя почву вглубь поисковиком. А потом – трудолюбиво выкапывать находку лопатами. Тайка была «землеройкой», потому что в эту партию конкурса не было.

Партия «верхоглядов» во главе с аристократичным Аристархом Аполлоновым выступала за визуальный поиск: чёрные камни из космоса неплохо заметны на фоне пустыни, особенно карбонатной. «Верхогляды» гоняли по пустыне на джипах и рассматривали поверхность в программируемые бинокли.

«Орляки» представляли собой группу юных технарей, сплочённую вокруг двух дронов – небольших аппаратов, которые летали на высоте ста метров и высматривали метеориты сверху, транслируя изображение на дисплеи командного центра. Именно «орляки» пока побеждали, найдя два метеорита, тогда как более многочисленные группы «землероек» и «верхоглядов» нашли всего по одному.

Внутри групп тоже были свои противоречивые течения. Где лучше всего искать метеориты? На твёрдой поверхности, с которой ветер сдул весь песок? На наветренных склонах дюн? В базальтовой пустыне?

Споры велись ожесточённые – со ссылками на научные публикации, на личный и чужой опыт. «В прошлом сезоне Васька таким макаром нашёл три штуки! Копать надо лучше!» – веско говорил Шурпаков, потрясая мускулистыми руками, которым позавидовал бы любой культурист из Голливуда. Сергей всегда возил с собой пару мечей и часто устраивал воинственные рыцарские турниры с любым желающим. Но в душе Серёга был незлобивым большим ребёнком, искренне преданным делу поиска «обломков звёзд».

«Копать землю?! Скорость осмотра надо увеличивать!» – фыркал

Аристарх, глядя на простодушное лицо Сергея, и продолжал колесить на джипах по пустыне вместе с друзьями-«верхоглядами».

Технари спорили мало, а все вечера возились со своей капризной летательной техникой.

Возглавлял экспедицию Алекс Милановский – балагур, авантюрист, прекрасный рассказчик баек и любитель стихов. Он мог читать их наизусть всю ночь напролёт, грея руки над искристым костром. Милановский любил, когда его внимательно слушают, и расцветал, видя восторженные глаза окружающих...

Алекс весил сто пятьдесят килограммов, но не был толстяком – просто имел огромный рост. Когда он работал, то ничего не замечал вокруг. И вообще был довольно рассеянный: порой не обращал внимания, что именно он ест или пьёт.

Хорошо ещё, что Милановскому помогали две деловитые девочки, которые взяли на себя заботу о продуктах и следили за багажом экспедиции – это часто спасало команду от неприятных сюрпризов.

Зато авторитет главы экспедиции был так велик, что Алекс часто прекращал споры разных групп одним мановением могучей руки.

И в наказание – или в награду – начинал читать стихи.

До конца работы остался час. Тайка, уставшая больше обычного, стала подумывать: «Может, закончить сегодня пораньше?» Она остановилась на бугорке и осмотрела небольшую пустошь, блестящую перед ней в закатном солнце. Даже кустарник не рос на этом бесплодье, лишь перекатипole с шелестом прокатывались по раскалённым камням да на макушке приземистой меловой бабы сидел жёлто-зелёный гигантский скорпион.

«Сколько камней! Трясти будет...» – вздохнула Тайка, покосилась на скорпиона и осторожно двинула сегвей вперёд. Тут же затрясло так, что зубы у Тайки заклацали и даже поисковик обиженно мяукнул.

«Сломается ещё!» – встревоженно подумала девушка, но поисковик снова наладился ныть и гудеть.

Трясло по-прежнему сильно. И тут Тайка резко затормозила и обернулась на чуть заметные следы колёс.

«А если поисковик не просто так мяукнул?» – подумала она. Развернула сегвей и поехала по своим следам назад.

На краю пустоши поисковик снова издал странный звук. Не то мяуканье, не то попискивание.

«Ничего подобного нам не давали послушать! – удивилась Тайка. – Может, какая-нибудь земная железяка?»

Хотя им говорили, что поисковик настроен на неземные изотопы метеоритов, Тайка в глубине души полагала, что поисковик будет облаивать любые старые сковородки, если они попадутся в пустыне.

«А может, это клад древних египтян? Мумия с золотыми украшениями?» – восторженно подумала Тайка и стала колесить на сегвее по краю долины. Она быстро определила место меж двух камней, где громче всего слышались придушенные мяуканья и попискивания – будто подземные кошки ловили подземных же мелких птичек.

– Что делать будем? – громко спросила Тайка у вечереющей пустыни, чтобы размять пересохший голос. До лагеря – три километра, двадцать минут езды. Позвать кого-то на помощь? Но звать не хотелось. А если там какая-нибудь сковорода? Вот смеху будет.

Тайка вздохнула, отстегнула от сегвея лопату, вытянула черенок на максимальную длину и включила самый мощный виброрежим лезвия.

Попробуем сами докопаться до правды.

Лопата, тихонько вереща, хорошо вгрызалась в грунт, но отбрасывать его в сторону было тяжело, и уже через несколько минут рубашка на Тайке стала мокрой, а лицо от солёного пота стало гореть, как обожжённое солнцем. Девушка остановилась передохнуть и критически осмотрела выкопанную неглубокую яму. Настроение резко упало.

«И всё небось из-за какой-нибудь старой сковородки!» – раздражённо подумала она и снова вонзила лопату в землю.

«Будем надеяться, что это будет сковорода фараона!»

Каменная крошка кончилась, и лопата уткнулась во что-то твёрдое. Уже стемнело, когда Тайка, стоя на коленях, с трудом вытащила из ямы грязную округлую каменюку.

Поисковик утвердительно обмяукал бульжник, но по-прежнему это совсем не походило на сигналы, которые Тайка слышала на инструктаже. Не мышиный писк, не птичий щебет. Не железный и не каменный метеорит. И не лунный кусок.

Что же это? Какая тварь ей попалась?

Сейчас она приедет в лагерь, сердито думала грязная вспотевшая Тайка, а там ей расскажут, что это типичная реакция поисковика на речные бульжники, о которых забыли упомянуть на инструктаже, потому что такие каменюки никому из нормальных людей не попадают.

«Тайка, поздравляем с находкой, так поют лишь окаменелые экскременты крокодила!»

Ехать в темноте было трудно, свет от фар сегвея прыгал по камням и ямам. Лишь через час после захода солнца Тайка попала в лагерь. И сразу

пошла умываться, пренебрежительно оставив булыжник в багажнике.

После ужина метеоритные старатели расселись вокруг костра и стали делиться новостями. Героями дня были «орляки», нашедшие сразу два каменных метеорита, лежащих рядом, – видимо, обломки основного тела, расколовшегося при ударе о землю.

Разгорелся спор: уязвлённые победой «орляков» «землеройки» стали утверждать, что такие обломки должны считаться одним метеоритом, а не двумя. «Орляки» резонно возражали: «Но здесь же ДВА тела!» Соперники не менее резонно указывали, что ценность метеорита – в его индивидуальном химическом составе и космогонической истории, а два куска одного тела ничего особенного друг к другу не добавляют.

Тайка подошла к Алексу Милановскому, допивающему уже пятую кружку чая, и тихонько сказала, стараясь не привлекать внимания остальных:

– Я нашла камень, который не даёт нужных сигналов, а как-то странно вякает...

– Да? – охотно удивился Алекс, которому уже надоели споры «орляков» и их конкурентов. – Тащи его сюда!

Все обернулись на громкий голос Алекса.

Внутренне чертыхаясь, Тайка принесла свою грязную добычу.

Алекс поводит поисковиком у камня, и кошка опять глухо мяукнула, придавив пискнувшую птичку.

– Хм, – заинтриговался Алекс. – Странный звук!

Он принёс ещё один прибор с коническим щупом и вонзил его в корку грязи, прижав острие к телу булыжника.

– Сейчас посмотрим, что это за зверёк и чего он так верещит...

По дисплею побежали цифры химсостава.

Алекс присвистнул, повернул булыжник другой стороной и снова вонзил щуп.

Через несколько секунд выскочили новые цифры. Сравнив их со старыми Алекс выругался:

– Что это ещё за шутки!

У Тайки отлегло от сердца. Если главный метеоритный начальник не может разобраться с булыжником, то с неё вообще взятки гладки. Пусть хоть сковородка с окаменелой яичницей фараона, пусть хоть его ночной горшок.

Ребята обменивались мнениями – что это может быть за камень, заглядывали через плечо Милановскому, пытаясь что-то понять в быстро меняющихся цифрах, но сам Алекс молча тыкал щупом в булыжник и

яростно сопел. Потом вызвал на дисплей трёхмерное облако из россыпи белых точек и стал крутить его с разных сторон, вызывая и пристраивая к нему дополнительные облака красных, зелёных и синих точек.

А потом объявил:

– Пока наверняка ничего сказать не могу, но, судя по первым анализам, это лунный метеорит, загрязнённый материалом ударника!

У Тайки вырвалось удивлённое:

– Что такое «ударник»? – И подумала с облегчением: «Слава фараону, вроде бы не сковородка!»

Гвалт, поднявшийся у костра, легко перекрылся голосом Алекса:

– Все лунные метеориты прибывают на Землю после удара астероида, который вырвал их из Луны. Как правило, к нам прилетают обычные лунные породы. Иногда там находят едва заметные следы вещества астероида, который ударился о Луну. В этом лунном булыжнике – почти треть астероидного вещества! В первый раз такое вижу и даже ни разу о таком не слышал.

Какой тут начался шум! Все кинулись поздравлять Тайку. Она пожимала многочисленные руки, болезненно ощущая собственные мозоли, сорванные лопатой, и в её звенящей голове не было ни одной мысли.

Только спустя три часа, отойдя от перевозбуждения и засыпая, Тайка смело подумала:

«Да, Илья, давай пойдём сегодня в кино!»

9.3.Илья

Летний Крым пах сухой душистой травой, горячей можжевелевой смолой и мокрыми солёными водорослями. Прибойный плеск смешивался с детскими криками, стрёкотом цикад и рычанием автобусов, застрявших в тесных улочках.

Илья остановился у дяди Серёжи, который работал в Симеизской обсерватории, но сейчас был в отпуске. У дяди Серёжи были светло-голубые глаза, седой ёжик и загорелое лицо. У всех местных жителей загар был одинаков: лицо и руки – смуглые, жаренные на солнце, а остальное тело – белое. Местным некогда на пляже разлёживаться.

Про кулинарные способности тёти Люды, жены дяди Серёжи, на Южном берегу ходили легенды. Она даже хлеб делала свой, в специальной компьютерной печке и по хитрым рецептам. Илье больше всего нравились тёти-Людины пирожки, хотя все остальные блюда были тоже отменны. Тётя Люда работала бухгалтером в санатории «Зори чего-то там», и когда она приносила на работу свою домашнюю стряпню, то в бухгалтерию

устремлялись, с трудом сохраняя чувство собственного достоинства, все коллеги. Санаторий всё время менял название, потому что каждый новый владелец хотел увековечить в вывеске именно свой рассвет. Местные предлагали назвать санаторий надёжно и привлекательно: «Зори хереса».

Вечером, когда смеркалось, Илья ужинал на веранде, заплетённой виноградной лозой, – тётя Люда привычно сокрушалась, как он мало ест, – и шёл тёмной хрустящей дорожкой на холм, где высилась массивная трёхэтажная башня телескопа.

Илья помогал наблюдателю Наташе со звучной фамилией Горыня. Все звали её за глаза – а иногда и в глаза – Горыныч. А она по доброте душевной не возражала.

И часто говорила, глядя на сонного Илью:

– Иди в пристройку, вздремни!

Но он отказывался: не бывает лишних рук при наблюдениях на древнем телескопе с кучей застарелых болячек, да и интересно было следить на экране за мерцающими звёздами идвигающимися астероидами.

Вечерами приходили экскурсанты.

– Летающие тарелки видели? – всё время спрашивали они Наташу.

– Нет. Ещё летят! – отвечала она, улыбаясь.

– Ну хоть сигналы из космоса поймали?

– Нет. Ещё пишут.

Илья помогал Наташе наблюдать метеорные потоки.

Его сердце билось сильнее, когда метеор стремительно прочерчивал яркую линию по ночному небу. Да, да – пылинка, даже не камушек, желание загадывать бессмысленно, а всё равно приятно – как привет от космоса.

Я – тут. Не забывай меня, человек. Помни, с-скотина!

И с-сгорал метеор зря, ш-шипя и блистая.

Профессионалы смотрели на метеорные потоки сквозь свои очки: радиант, максимум потока, Леониды в этом году особенно хороши.

Наташа наводила телескоп на радиант потока – место, куда указывали яркие пальцы метеорных следов, и пыталась там найти телескопом крупные тела – метровые, а то десятиметровые. Они летели оттуда же, что и мелкие частицы, но обычно не попадали в Землю, а пролетали на расстоянии десятков, а то и сотен тысяч километров. Но эти тела были обломками комет, а исследовать обломок кометы с такого близкого, по астрономическим меркам, расстояния очень интересно. Приборы регистрировали спектральные характеристики кометного куска, его размер и форму, период вращения и признаки активности.

– Наловим кусков достаточно, а потом снова склеим из них комету. Заодно получим модель взрыва, – то ли шутя, то ли серьёзно говорила Наташа. Она объясняла Илье: – Земля работает как огромный детектор, улавливающий метеорные частицы. Как камера Вильсона для протонов. Сейчас-то что – Цефеиды да Цигниды, мелочёвка, семь штук в час. Фейерверк будет в августе, когда полетят Персеиды из кометы Свифта – Туттля. Четыреста метеоров в час!

Наташа говорила, считая метеорные следы на изображении:

– Метеоры тормозятся с ускорением до десяти тысяч же, сгорают на высоте около сотни километров и совсем мелкими частицами опускаются к нам вниз. Так что мы вдыхаем довольно много космической пыли – кометной и астероидной. И межзвёздной тоже. Но дорожной пыли нам достаётся гораздо больше.

Когда под утро наваливалась дремота, Илья выбирался на террасу телескопа, смотрел на ночное море в огоньках кораблей, плывущих в дальние страны, слушал тихую музыку из долго не спящего Симеиза, задира голову к Млечному Пути, размашисто тянущемуся через весь небосклон – от гор к морю.

Крым – волшебная страна, и по ночам это очевиднее всего.

«Какие звёзды! В городе таких не увидишь!» – думал Илья, ощущая, как слетают лепестки сна под бодрящим бризом из горно-лесного-морского воздуха. Мозг, заблудившийся в ночных полюсных поворотах, встряхивался, отстраняясь от вращения Вселенной.

Соловьиные серенады делали крымскую ночь особенной. Пять или шесть соловьёв заливались среди персиковых веток и густых можжевельных зарослей. Свист, щёлканье, перебивание – про что они поют, на чём настаивают? Все остальные птицы спят или сонно моргают, не вступая в соперничество. Слишком высокий уровень, квалификация не для всех.

Это – соловьиная ночь.

– Хорошо поют, собаки! – мечтательно говорила Наташа Горыня, выходя из башни.

Особенно любил Илья раннее крымское утро, когда в безветренном светящем воздухе деревья начинали рисовать по голубому неяркому небу кисточками своих листьев.

Алыча кладёт бережный мелкий мазок. Каштан смело ляпает крупными соцветиями и со-листьями. Кипарис любит готическо-штриховое письмо. Облако предпочитает белую фрактальную графику.

Вот и яйла решила и провела по небу скупую хребтовую линию.

Впечатляет. Но самым лаконичным оказался последний в конкурсе художник. Он подчеркнул голубое небо одной слегка изогнутой чертой. Сфумато пустил, налил низ синью. Непонятно за что, но очень нравится.

Поэтому лучшим художником по небу оказалось море.

А вот на верхушку высокого кипариса сел мышкующий ястреб. Вписал в небо автопортрет – клювастый гордый профиль и блохастые, всё время чешущиеся крылья.

Случался и утренний туман, который мягко расставлял деревья поблизости, пастелизовал дальние кипарисы, задёргивал окраинные горизонты, сворачивал личное пространство в ещё более личное и самодостаточное.

Даже коренным горожанам, выросшим в бензиново-асфальтовой атмосфере бетонного леса и вдруг попавшим в Крым, хотелось остаться и поселиться в одиноком домике среди разнотравного леса, вдыхать медовую сладость молодой жимолости и знойный аромат спелой мяты, слушать, задыхаясь, соловьёв и любоваться гениальной линией морского горизонта.

Летом население прибрежных деревень выросло в разы. К местным ребятам прибавлялись дети родственников и просто туристов.

Отношения приезжих с местными были непростыми. Когда Илья познакомился с ребятами, живущими в маленьком посёлке при обсерватории, то предложил:

– Пошли на море купаться!

И посмотрел на искрящийся горизонт. Очень ему хотелось освежиться в море. Олеся и Виталина почему-то засмеялись, а смуглый Мурат презрительно сказал:

– Ты что – дебил? Всю ночь низовка дула, сейчас вода как лёд, градусов десять.

Ах, вот оно что – низовка, ветер с гор. Феномен апвеллинга, когда ветер отгоняет от берега верхний тёплый слой воды, и на смену ему поднимаются чистые и холодные нижние слои.

Илья вздохнул: и почему местные всегда не любят приезжих?

Лето катилось, блестело бликами на мягкой волне, поскрипывало лодочными уключинами, пахло арбузами.

Илья съездил по канатной дороге на вершину Ай-Петри, получил химический ожог от коварного цветочка неопалимой купины и загорел как индеец.

У Миши, сына дяди Серёжи и тёти Люды, был второй велосипед, и местные ребята взяли Илью на прогулку. Собирались ехать с Димкой,

Петькой, Муратом, Маринкой, Олесей и Виталиной.

– Поедем по трассе? – спросил Илья, кивая на нижнюю прямую дорогу, блестящую на солнце. По ней ползли автобусы и вжикали легковушки.

– Нет, поедем по старой севастопольской.

Старая дорога проходила возле обсерватории и двигалась дальше вдоль новой трассы, но была выше её и гораздо петлястей. Ею редко кто из автомобилистов пользовался, и она кое-где расплзлась глиняными расщелинами, а то и завалилась камнепадом. Но велосипед проходимое танка: он ветром мчался под уклон, легко огибал выкатившиеся навстречу валуны, трудолюбиво забирался на крутые подъёмы. И каждый поворот открывал новую гору, долину или бухту.

Море было неременным спутником дороги, и серебристо-синее полупространство превращало любой пейзаж в шедевр. Иногда трасса прижималась вплотную к отвесной яйле, тогда скалы бросали на дорогу тень, и становилось прохладно и сумрачно. Серые стены уходили в небо, разрываясь жёлтыми трещинами. В скалистом небе вились стаи ласточек.

Ребята останавливались на привал и делились запасами, захваченными из дому. Самые вкусные бутерброды почему-то оказывались у девчонок – у миниатюрной чернявой Маринки, беленькой стройной Олеси и рыжеватой Виталины, которая на всё смотрела с хитрым прищуром.

К обеденному меню добавляли дикуую алычу, кизил и кукулю.

Кое-где встречались родники, заботливо обложенные камнями, с ржавыми трубами, из которых лилась самая вкусная в мире вода.

На привалах оживлённо болтали, смеялись, вспоминали.

– Как-то пошли в лес за кизилом, пробирались по кустам и потревожили осиное гнездо. Как они набросились на нас! Меня оса укусила в ногу – недели две болело и чесалось. А Чарлика, щенка спаниеля, тяпнули дважды. Как он выл! Уже домой вернулись, а он то и дело сядет на укушенный зад и снова обиженно взывает.

– В первом классе мне каждый день ставили по два укола, но я ни разу не заплакал!

– Зато Вита год назад потеряла свой любимый т-фон и рыдала как носорог.

Мурат никогда не помогал девчонкам управиться с велосипедом, не придерживал ветку на лесной тропе – чтобы она не хлестнула сзади идущего. Его желание быть независимым было чрезмерным.

– Ты невежлив! – сказал Илья Мурату. Когда Илья сталкивался с грубияном, он был подчеркнуто интеллигентен. Если встречался с

рафинировано вежливым человеком, ему хотелось быть грубоватым – и он редко сопротивлялся этому желанию. Так интереснее.

Мурат фыркнул:

– Кому нужна твоя вежливость! Это ваши городские выдумки.

– А помнишь, ты мне рассказывал о гидрогеологе Тамаре?

– Помню, ну и что? – хмуро спросил Мурат.

На заимке, стоящей на крымской яйле прямо над обсерваторией, жила с великовозрастным сыном пожилая женщина-гидрогеолог Тамара. И заимка-то была не просто домик в горах, а наблюдательная метеостанция. Раз в неделю Тамара спускалась в магазин – продуктов набрать. Сын сходил с гор редко, предпочитал, чтобы мать носила еду. Он был неудачник и нелюдим. И пил крепко.

В тот зимний день облака висели низко, закрывая вершины гор.

Тамара вышла из магазина с увесистым рюкзаком, посмотрела на мрачные тучи и зашагала в гору. Пару часов неспешной ходьбы нужно, чтобы добраться до перевала. Когда Тамара сделала первую остановку у небольшого озерца, с низкого неба повалил лохматый тяжёлый снег.

Идти стало вязко, и старушка заколебалась – может, вернуться в деревню, переночевать у знакомых? Тогда надо предупредить сына. Порылась по карманам и с досадой поняла, что рацию забыла дома. Надо идти дальше, а то сын волноваться будет.

А снег как с цепи сорвался – на полдороге он уже набрался под колено. С трудом добралась Тамара до родника, где обычно останавливалась на получасовой привал. Но сегодня только стёрла испарину со лба и двинулась дальше – снег так спешит, что за каждую задержку в пути набросает пару лишних сантиметров мокрой липкой массы.

Устала Тамара так, что каждые несколько сот метров присаживалась в сугроб отдохнуть – благо сугробы стали такие высокие, что пробиваться через них стало трудно, а сидеть в них – удобно.

Вот и второй родник. Хотя и длинный был путь, но почти закончен – до перевала с полкилометра пологой дороги осталось, да идущей под скалой, где ветер потише. А от перевала совсем рукой подать до тёплого дома, где сын ждёт, горячий чай, мягкая постель и сон.

Обрадовалась Тамара и двинулась по сугробам дальше. Но они навалились уже чуть не по пояс.

Уф! Остановилась женщина на повороте дороги, привалилась рюкзаком к камню, в затишке. Надо отдохнуть.

Достала термос с чаем, налила в крышку, но так и не донесла до рта:

мгновенно заснула под кисеёй летящего снега, под свист перевального ветра.

Какие тёплые сны снятся смертельно усталому человеку, замерзающему в сугробе?

Никто не знает.

Похоронили Тамару на кладбище поселка Голубой залив – много там хороших людей отдыхает от жизни.

И сын долго не прожил. Сгорел, пьяный, через месяц вместе с заимкой.

– Помню, ну и что? – хмуро спросил Мурат.

– А то, что если бы этот парень был вежлив и хотя бы встречал мать с тяжёлой ношей, то они оба были бы живы. Вежливость нужна для выживания, если бы люди не заботились друг о друге, то мир опустел бы.

Мурат сплюнул и сказал:

– Вы, городские, всегда выкрутитесь. Язык как помело.

На обратном пути над яйлой сгустились тучи.

Возле дороги нашлась красная алыча необычайной спелости и вкусноты. Пока алычу ели и собирали, сзади подкрался проливной дождь. Ребята вскочили на велосипеды – и ходу!

Да поздно – дождь догнал и хлестал по спинам как по барабанам, лился по лицу, бешено плясал на дороге неистовую джигу.

Гром грохотал всё ближе.

Вскоре велосипедистов настигла грозовая сердцевина тучи.

И стало страшно: молнии хлестали по полям, обочинам дороги и по самой дороге – от ударов кругом сыпались искры.

Миша махнул рукой, и все остановились на краю дороги, ближе к лесу.

Девчонки со страхом смотрели на желтобрюхие тучи, но рослый Петька только ухмылялся, да и Димка смотрел сквозь длинный чуб с вызовом.

– Дальше ехать опасно, убьёт! – крикнул Миша.

Все побросали велосипеды – вроде металл притягивает молнии? – и спрятались в канаве. Метрах в трёх росли деревья, и Илья стал соображать – хорошо это или плохо. Увидел, что испуганные девчонки держатся за руки и сказал:

– Лучше не трогать друг друга. Держитесь по отдельности.

Он хотел добавить что-то про разность потенциалов, но Олеся с Витой и так послушались и съёжились в одиночку.

Нарушая обычные приметы, молнии били по открытому полю, не

трогая близких, более высоких деревьев.

«Эти молнии себе на уме, что хотят, то и делают!» – подумал Илья.

Чем сильнее гроза, тем она быстрее проходит – хорошо, хоть эта примета подтвердилась.

Через полчаса гроза двинулась дальше на Ялту, а небо над ребятами чуть посветлело. Проливной дождь сменился на обычный – и все выбрались из окопа-канавы.

Мокры были так, словно купались в одежде. Стуча зубами, забрались на велосипеды и покатали. Ещё километра три до дома.

Знакомая дорога разительно изменилась – по ней мчались витые жилистые ручьи, спрыгивая с левого крутого склона и скатываясь вниз, за правую обочину. Глинистые потоки доходили до середины колеса.

Кое-где ручьи даже успели занести дорогу щебёнкой – приходилось останавливаться и переводить велосипед через мутные разливы и гравийные наносы.

– Только сегодня новые кеды надела! – сокрушённо сказала Олеся, глядя на ещё утром красные и нарядные полукеды.

Когда добрались до обсерватории, солнце уже выглянуло – и настроение у всех поднялось.

Светло-серое здание обсерватории, сложенное из крупных каменных блоков, было живописно окружено старыми кипарисами и крымскими соснами. Один из кипарисов был сломан грозой, и возле него стояла, укоризненно качая седой головой, Эмма Семёновна – самый старый житель обсерватории и астроном-звёздник.

– Не расстраивайтесь! – утешала её энергичная Любовь Андреевна, главный оптимист обсерватории. – Мы посадим здесь ливанский кедр.

Ребята спешили на круглой площадке перед зданием.

– Отлично прокатились! – сказал бойкий Димка, и Петька что-то согласно прогудел.

– Ага, – согласился Миша. – Особенно гроза была классная!

– Молния передо мной ка-ак вдарит! Искры ка-ак посыплются! – делала круглые глаза Маринка.

Илья тоже был впечатлён. Горожанин, он ещё никогда так близко не сталкивался с буйной природной стихией. «Эти молнии явно не знали, что человек – царь природы! Гроза оказалась дикой...»

Среди ребят Мурат был неприветливее всех к приезжим. Он был талантливым человеком, вырезал из корней и веток деревянные фигурки и продавал их туристам, но одновременно отличался непримиримостью к

чужакам. Русский язык учить он тоже не любил и частенько употреблял слова неверно.

Илья подсмеивался над Муратом:

– Если ты выгонишь всех чужаков, то и туристов не будет – кому своих деревянных чертей будешь продавать?

Как-то Илья привёл ребят на телескоп – на экскурсию.

Наташа, оживлённо махая руками и быстро передвигаясь между пультом управления и лестницей, ведущей к окуляру, показала ребятам в огромный телескоп Юпитер со спутниками, Луну, шаровое звёздное скопление и Сатурн с кольцами – это зрелище особенно впечатляло! Очень удачный вечер – лучшие блюда небесного меню оказались на столе.

Учёная Наташа рассказывала о разнообразии космических миров, где могут, теоретически, возникнуть живые существа. О подлёдном водном океане на Европе, о метановом море на Титане, о чёрных сёрных озёрах Ио. Ребята с удовольствием поспорили о возможных видах разумных существ. Могли бы земные ящеры стать разумными, если бы не вымерли? Могут ли инопланетяне быть похожими на птиц или дельфинов?

Когда ребята сфотографировались возле телескопа, Наташа отвела их в светлую пристройку, где висели красочные плакаты, и кивнула на один из них, с изображением какого-то металлического куста из антенн и приборов:

– В Крымском космическом центре готовится к запуску межпланетная станция. Эта станция пролетит мимо Нептуна, сбросит зонд в его атмосферу и уйдёт в межзвёздное пространство. Через много сотен лет она долетит до звезды альфа Центавра, где есть планеты и, возможно, жизнь. В станцию поместят письмо для инопланетян. Так делали на «Пионерах», «Вояджерах» и всех других межзвёздных аппаратах.

Мне поручили составить проект послания инопланетянам – для последующего утверждения на Учёном совете. И я ломаю голову, что бы такое придумать, чтобы инопланетяне поверили в наши добрые намерения? Это очень важное задание! Пусть с маленькой вероятностью, но послание может быть прочитано другой цивилизацией. Значит, плохо написанное письмо может вызвать космическую войну! А хорошо написанное письмо поможет союзу двух цивилизаций.

В этот момент Илью осенила гениальная идея. Он отвёл Наташу Горыню в сторонку и поделился своей мыслью. Наташа тоже загорелась, но ей идея понравилась с её собственных позиций.

Когда экскурсия закончилась, она сказала ребятам:

– Я предлагаю каждому из вас написать короткое послание инопланетянам. Дети станут космическими послами Земли! Мы добавим в

послание к инопланетянам ваши письма и сделанную сегодня групповую фотографию. Детская дипломатия бесхитростна. Никакая раса не станет использовать своих детей в подлых целях. Вот фотография нескольких ребят, пришедших на экскурсию, а вот их письма. Но важно, чтобы все дети, изображённые на фотографии, написали. И обязательно – сами, без чужой помощи.

Ребята страшно оживились. Ещё бы: письмо инопланетянам, галактическая дипломатия.

Но Петька и Мурат сохраняли скептицизм.

– Вы нам срываете космическую дипломатическую миссию! – закричали на них остальные.

Началась ругань, крики. Чуть до дипломатической драки дело не дошло.

На следующий день обсуждение писем снова разгорелось.

Виталина прищурилась:

– Если кто-нибудь из ребят с фотографии не напишет письмо, то инопланетяне решат, что не все на Земле им будут рады. Кто не напишет – тот поджигатель межзвёздной войны!

Тут Петька сдался, но Мурат только фыркал.

Остальные решили, что напишут про Мурата, что он неграмотен.

Мурат надменно усмехнулся, а Петька, заступаясь за приятеля, сказал, что обманывать инопланетян нехорошо.

– Ты просто не дипломат! – засмеялась Олеся.

Потом заспорили – что в письмах писать.

– Что у нас с ними, инопланетянами, общие интересы! – крикнул Димка.

Илья хмыкнул:

– Поиск общих интересов разумных инопланетных рас – это ещё не решённая проблема инвариантной этики.

– Нам нужно не решать разные научные проблемы, а показать своё дружелюбие! – сказала эмоциональная Маринка.

– Ага, мы очень дружелюбные, вот только позавчера местные на рокотеке с приезжими подрались... – хохотнул Миша.

– То приезжие, а то инопланетяне, – буркнул Петька.

– Если ты с своими братьями по разуму не можешь договориться, то как ты будешь дружить с инопланетянами? – засмеялась Вита.

Илья подбросил дровишек:

– Этика – это такая странная штука: теоретически труднопонятная, зато практически совершенно прозрачная. Каждый скажет, что такое

хорошо, а что такое плохо – особенно для него самого.

– Значит, мы должны общаться с чужаками так, как бы мы хотели, чтобы общались с нами! – подытожил Миша.

– Тогда завтра мы не возражаем, когда наших девчонок чужаки приглашают танцевать? – скептически спросил Петька.

Тут все призадумались.

Илья был в восторге.

В августе случился страшный лесной пожар.

Кто-то бросил окурок на обочину или не справился с шашлычным костром – и под Ай-Петри запылали красивейшие леса крымской сосны.

Многолетняя хвоя, накопившаяся в расщелинах скал, сочилась густым дымом, верховой пожар прыгал по кронам и распугивал стаи огненных птиц, которые разлетались на километры в стороны.

Сначала обитатели поселка выходили просто смотреть на пожар – любопытствовали и сокрушались, но не относились к нему как к личной проблеме. Пожары в лесу нередки и обычно тянутся в горы, уходят под голые каменные стены и там умирают.

Наземные вездеходы с водяными пушками эффективно отсекают пожар от посёлков, а вертолёты с огромными баками воды добивают огонь в скалах, куда наземная техника не проходит.

Но человек всё ещё не был всемогущ. Этот пожар случился в сильнейший шторм.

Ялтинскую набережную заливало фонтанами морской воды от волн, которые сгрудились под каменной стенкой стадом разъярённых китов.

В Симеизе и Понизовке неистовое море разворотило волнорезы, сложенные из бетонных плит в сотни тонн.

В Алушке и Балаклаве рыболовецкие траулеры и личные яхты выбрасывало на берег как игрушки.

Шторм мешал вертолётам тушить огонь и стремительно раздувал огонь, гнал его от Ялты в сторону Севастополя, прямо на обсерваторию, пожирая по дороге сотни гектаров уникального леса.

Ветер направлял огонь вдоль побережья, не давая ему свернуть в горы. Сосны стояли в огне, сопротивляясь до последнего, а потом взрывались, выбрасывая стометровый язык пламени. Стволы лопались, в невыносимой муке выдирая корни из родной каменистой почвы.

Пожарные едва отставали дома и топливные станции, оставив лес выгорать. В огне погибли двое лесников, которым стремительный огонь отрезал дорогу к отступлению.

Дым накрыл обсерваторию вонючей душной тучей. Из неё падал огненный дождь из тлеющей коры и хвои. А вокруг – пересохшая трава и сосновый смолистый лес.

Объявили эвакуацию, но все способные к работе люди остались защищать обсерваторию. Кто-то дежурил на крыше, кто-то следил за лесом.

Подростки работали наравне со взрослыми – гасили тлеющую хвойную подстилку мокрыми тряпками и следили – куда садятся самые крупные огненные птицы.

Илья работал рядом с Мишей и Муратом; они наблюдали за лесом по краям обсерватории, куда падали горящие головешки.

Вскоре ребята натолкнулись на крупный очаг низового пожара – языки пламени шустро расплзались вокруг десятиметрового чёрного пятна выгоревшего подстила. И совсем близко от обсерватории.

Кинулись на него, махая тяжёлыми влажными тряпками. Еле затушили.

Устали, горло першило от дыма. Девчонки разносили холодную воду по передней линии фронта. Где напоить бойцов, а где и залить дымящуюся траву.

Но главный огонь подходил всё ближе и уже стоял огненной стеной совсем рядом – казалось, прямо за старым шоссе. Ребята выбегали на поворот – но нет, это просто языки пламени были так высоки, что съедали расстояние.

Люди проигрывали стихии, и автобус уже стоял на площадке перед обсерваторией, чтобы забрать последних людей и вывезти их к морю. Алекс и Элен из Мелласа, которые давно дружили с астрономами, пригласили всех беженцев остановиться в их гостинице «Кап-де-Меллас» и сами приехали на своём джипе, чтобы забрать часть людей.

В обсерватории уже был слышен треск лопающихся сосен и гул свирепого огня. Неужели сгорят старинное здание обсерватории, квартиры астрономов и библиотека? И телескопы, которые так долго служили людям окном в небо?

Думать об этом было невыносимо тяжело – и астрономы оттягивали свой отъезд до последней возможности, несмотря на ругань водителя автобуса и милиции.

И случилось долгожданное и неожиданное: среди ночи ветер стих.

Пожар остановился, затрещал соснами на соседней горке и потянулся в гору, подгоняя сам себя горячим дымным бризом.

Пожарные оживились и бросили все силы на сбивание присмирившего огня и отсечения его от зданий посёлка.

Ночь была длинной и тяжёлой, но к утру стало ясно, что обсерватория спасена.

Мурат молча пожал Илье и Мише руку и ушёл спать. И они тоже побрели по домам, кашляя и растирая красные слезящиеся глаза.

К тётке Люде приехали туристы-натуропаты, и она послала Илью к бабушке и дедушке Мурата – купить лечебное козье молоко.

Бабушка и дедушка Мурата были одинаково смуглы, худы и морщинисты. Дедушка возился со старым домом, а бабушка – её звали просто Галя – пасла коз для любителей натурального молока. Она перегоняла своих коз с одной лесной полянки на другую, и рабочая куртка Гали была в тысяче мест разодрана колючками и украшена ленточками из ткани.

Галя налила банку густого молока для тёти Люды и стакан – для Ильи, хотя к его целебности он был равнодушен, так как был слишком здоров, чтобы верить в лекарства и даже в болезни.

Мурат тоже сидел за столом – ел домашние лепешки.

Илья посмотрел на Мурата:

– Наташа уезжает. Завтра последний день, когда ты сможешь принести письмо для межзвёздного зонда.

Тот упрямо нахмурился. Илья пожал плечами и спросил дедушку, отдыхающего на лавочке, и бабушку Галю, раскатывающую лепешку:

– А что вы сделаете, если к вам на поляну сядут инопланетяне?

Галя засмеялась:

– Молоком свежим угостим, лепешек испечём. Мерзнуть будут – поближе к печке посадим. А что с ними ещё нужно делать?

– Этого никто не знает.

Дедушка Мурата улыбнулся и махнул смуглой рукой с вздутыми рабочими жилами:

– Э-э, знаешь, не знаешь – приводи своих инопланетян к нам. Примем как надо, никто в обиде не будет.

На следующий день Илья отправился на мостик, который вел к какому-то старому астрономическому прибору на краю скалы и красиво нависал над сосновой долиной, спасённой от огня в памятный пожар. С этого мостика Илья хотел сделать последние крымские фото. Завтра уже уезжать.

Он прищурился от солнца и увидел быстро шагающего Мурата. Тот на ходу поздоровался с алкоголиком, сидящим на скамейке в кипарисовой

аллее, чем удивил Илью. Этих алкашей из лечебницы Голубого Залива Мурат раньше за людей не считал.

Смущённый Мурат подошёл и протянул Илье листок бумаги. Там было написано следующее:

*Дорогие разумные инапланетяне!
Я думаю что вы добрые потому что мы тоже добрые.
Будьте здоровы и приезжайте в гости. У нас тепло и море.*

Мурат.

– Отличное письмо! – искренне сказал Илья.

Мурат довольно засмеялся:

– Ты тоже приезжай следующим летом.

Он протянул Илье смуглую поцарапанную ладонь, всю в мозолях от стамески.

– Обязательно приеду, – ответил Илья.

И они крепко пожали друг другу руки.

Разумные существа всегда добрые.

Дядя Сережа отвёз его на вокзал на своей старой, но шустрой голубой машине.

И вот Илья уже мчался домой.

Сквозь дрему доносились негромкие разговоры пассажиров поезда, со стремительным шелестом рассекающего вечернюю степь.

– В вагоне-ресторане кофе пахнет какими-то кабачками...

– Поворотись-ка, сынку! Отчего у тебя на голове эта коровья лепешка?

– То ж самый модный берет, папаня!

– А сноха мне и говорит, с такой хитриной...

Илья слушал разговоры пассажиров и рельсовый свист из-под брюха скоростного поезда, перебирал сонные медленные мысли. Скоро он будет дома. Увидит Тайку с Герой. Какие они смешные – так влюблены друг в друга и никак этого не поймут. Скорей бы приехать. Он соскучился по друзьям из «общества вундеркиндов», по своему городу, парку, по лестнице на крышу и по зрелищу пустынных городских крыш, под которыми так много жизни.

Лето прошло хорошо, хотя ничего особенного Илья в космосе и не открыл.

Глава 10

Удар по Ио

Это было самое странное небо, какое видела Никки в своей жизни. В детстве она жила под неброским чёрно-звёздным небом астероида. Потом Никки привыкла к лунному небу, которое украшалось небольшой бело-облачной Землей. Земной голубой небосклон был великолепен сам по себе и любил надевать маленькую брошку из серебряной Луны. На самом деле Луна серее асфальта, но земные поэты предпочитали не знать деталей.

Сейчас над Никки раскинулось звёздное небо, из которого вырезали огромный круг. В образовавшуюся дыру просунулась багрово-полосатая физиономия, слепо и тяжело нависшая над городом и окрестными горами.

Когда из-за багровой круглой щеки выплывали эллиптические пятна атмосферных бурь, то появлялось промозглое ощущение, что бог прозрел и повернул сердитое лицо к людям. Даже не хотелось смотреть вверх – чтобы не вызвать гнева небесного божества.

Но иногда небожитель отлучался по своим делам, и мутная сфера, продавившая небо, переставала быть лицом и казалась тупой и бессмысленной – как пятка бога. Тоже пугающее зрелище. Что чувствует муравей, над которым парит слоновья ступня, которая уже на кого-то наступила, и бурая болотная тина на ней смешалась с кровью?

Как же точнее описать зрелище полного Юпитера, видимого со спутника Ио? Представьте, что вы стоите на Земле. Возьмите Луну и увеличьте её размер в сорок раз. Нет, Луна бесхитростна и все свои кратерные секреты держит на виду.

Тогда вспомните вашу последнюю экскурсию на Луну и мысленно увеличьте в десять раз облачный земной диск, видимый с Луны.

Нет, опять не то – Земля ласкова, её облака обещают тёплый дождь и прохладную тень, а хорошо видимая поверхность сулит зелёные луга или синее море. А на Юпитере мрачные могучие циклоны бесконечно месят водородно-гелиевую, воняющую аммиаком, толстую атмосферу, которая кипит и несётся бесконечным ураганом над самым странным в мире вязким океаном из жидкого водорода, сжатого под зубокрошительным давлением.

Никто ещё не плавал в этом густом водородном океане. Какие чудовищные волны гуляют по нему? Будет ли петть юпитерианский ураган в вантах пиратских кораблей? Можно ли утонуть в таком странном море с глубиной в двадцать тысяч километров?

Жидководородный океан Юпитера имеет раскалённое дно из металлического водорода – невиданного на Земле щелочного металла. Давление на дне юпитерианского океана – три миллиона атмосфер, температура – одиннадцать тысяч градусов.

Металлический водород хорошо проводит ток. Буйство электрических вихрей в этом жидком металле труднопредставимо, но легко заметно – оно генерирует магнитное поле Юпитера, в двенадцать раз более мощное, чем земное поле, управляющее компасами бойскаутов.

А в самой середине Юпитера, где давление приближается к ста миллионам атмосфер, прячется ядро из камня, в пятнадцать раз массивнее Земли. Нигде в Солнечной системе камень не испытывает таких температур и давлений, как в центре Юпитера.

Эта планета-гигант, вместившая в себе две трети массы планетной системы Солнца, уникальна, она... она...

Не-ет, это словами не описать, лучше сами прилетайте к Юпитеру и посмотрите вблизи на эту самую крупную планету Солнечной системы.

Испытайте себя перед лицом грозного бога.

– Как живёшь, дряхлое античное чучело? – дерзко сказала Никки и двинулась по прозрачному коридору дальше. Багровый Юпитер от злости ещё больше побагровел. Он светил, как сотня полных земных лун, заливая ночную поверхность Ио красноватым светом и превращая её в сюрреалистический пейзаж. Тени от Юпитера были расплывчаты и неподвижны, от Солнца – резки и переменчивы.

С орбиты подлёта Ио тоже выглядела впечатляюще. Это был огромный – крупнее Луны – мир с лунной силой тяжести. Но облик Ио, жёлто-зелёно-оранжевой, с многочисленными чёрными озёрами и буйными вуканами был разительно контрастен лунному, сухому, переболевшему метеоритной оспой пейзажу. Массивный Юпитер создавал на Ио приливной горб в восемь километров высотой. Хотя Ио всегда была повернута к Юпитеру одной стороной, но орбита спутника была слегка эллиптической, и с периодом в сорок два с половиной часа – именно за такое время быстрая Ио делала оборот вокруг планеты – горб «дышал», то есть менял свою высоту на сотню метров. Это беспокойство приливного горба так разогревало Ио, что на ней всё время извергался с десятков мощных вулканов, выбрасывая потоки шлака и серы на высоту до трёхсот километров. Температура поверхности Ио варьировалась от минус двухсот до плюс двух тысяч градусов Цельсия. Расплавленная сера приобретала и сохраняла различные цвета, поэтому Ио имела весьма богатую гамму цветов: от чёрного до белого, от ярко-оранжевого до жёлто-зелёного.

– Да, в таком мире робинзонить веселее. – Никки вспомнила скупые цвета своего астероида.

Флагманский корабль династии Гринвич приземлился на юпитерианском спутнике всего полчаса назад, но суматоха разгрузки большого корабля уже началась. Хотя флагман «Рифей» прибыл на спутник с деловым визитом, было бы грешно попутно не захватить для Жёлтого города – столицы Ио – земных деликатесов и свежих марсианских фруктов и овощей.

Для тяжелого крейсера «Рифей» это был первый вылет за пределы орбиты Марса. Крейсер был только полгода назад собран на стапелях лунной верфи и до сих пор пах новым металлом и краской. Командовал «Рифеем» капитан первого ранга Орлеан – двухметровый русский викинг с короткой стрижкой и светлыми свирепыми глазами.

Капитан был влюблён в свой новенький корабль и беспощадно заставлял команду стирать с него пылинки и даже отпечатки пальцев – и матросы старались изо всех сил, чтобы не быть повешенными на нокрее.

Корабль действительно был красив: стремительный внешний силуэт, треугольный в сечении бронированный корпус, современный дизайн главной рубки и пассажирских кают. Три мощных двигателя выбрасывали тёмно-синие струи плазмы и могли ускорить корабль до нескольких «же». Корабль мог находиться в автономном полёте больше двух лет, обеспечивая пассажиров и команду всем необходимым. Мозг «Рифея» был вполне разумен по современным понятиям, и капитан даже подружился с ним.

Однако сейчас капитан Орлеан сам командовал разгрузкой, ревниво следя, чтобы киберы-носильщики не поцарапали шлюз и стены.

Сразу после приземления королева Гринвич отправилась в юпитерианское представительство своей династии, где собрался ситуационный штаб.

Обсуждалась единственная проблема, ради которой Никки и прилетела на Ио: пролёт возле Юпитера кометы Сычикова – Невского.

Основной докладчик – седоволосый грузный мужчина, офицер Спейс Сервис, – описал ситуацию, начиная от обнаружения кометы двумя русскими школьниками.

Он отметил, что эти двое юных наблюдателей не только первыми открыли комету, но и значительно расширили период её наблюдения, что позволило вычислить координаты и скорость кометы с хорошей точностью и заранее обнаружить, что она пролетит близко к Юпитеру и, очевидно, развалится на куски из-за могучего приливного воздействия злобного бога.

Этот распад грозил юпитерианским поселениям неожиданной

бомбардировкой, и ООН немедленно создала специальную группу, анализирующую траекторию кометы и возможный риск для людей и городов.

– Какие молодцы эти школьники! – пробормотала Никки. – Робби, пригласи их на лунную экскурсию. Надо устроить в их честь торжественный приём в Гринвич-Сити. И зачислить этих молодых людей бесплатно в наш колледж – если они этого захотят, конечно.

Робби откликнулся:

– Ещё ни один школьник, приглашённый в Гринвич-колледж, от этого предложения не отказывался. Было бы даже интересно познакомиться с таким человеком.

А докладчик перешёл к расчётам специалистов, согласно которым трёхкилометровая в диаметре комета должна была развалиться на несколько километровых кусков вблизи перийовия своей орбиты.

Части развалившейся кометы узкой карточной струёй уходили в космос, проходя мимо Ио и Ганимеда, делали ещё один виток, угрожая необитаемой Амальтее, и падали на планету-гигант.

Падение километровых кусков кометы на скорости свыше шестидесяти километров в секунду должно было вызвать грандиозные взрывы в атмосфере Юпитера и волны в его океане – и учёные с нетерпением ждали этого уникального природного эксперимента по зондированию планеты-гиганта.

Коридор расчётных траекторий обломков кометы пролегал в стороне от жилых орбитальных станций и обитаемых спутниковых баз – за исключением Ио, которая находилась на самом краю опасной зоны.

Специалисты оценивали вероятность падения куска кометы на Ио всего в 10 %, но этого было достаточно, чтобы эвакуировать жителей Жёлтого города и других ио-поселков в орбитальную надувную станцию – не очень удобное временное прибежище, которое могло разместить две тысячи человек в течение недели.

Весь космофлот Ио тоже барражировал в космосе – комфортабельные и безопасные корабельные каюты были отданы матерям с детьми.

Когда комета минует Ио, жителей вернут в свои дома. Осталось дожидаться пролёта кометы, которая пройдёт через перийовий своей орбиты в ближайшие часы.

В Жёлтом городе осталась всего сотня людей, и для их эвакуации в случае опасности на спутник прибыл флагманский корабль династии Гринвич – по просьбе Спейс Сервис и в соответствии с личным желанием королевы, которая беспокоилась за жителей Ио – тем более что многие из

них были сотрудниками династии.

После совещания все разошлись по наблюдательным пунктам и лабораториям: разрушение кометы в гравитационном поле планеты – зрелище редкое и, с астрономической точки зрения, поучительное. Сейчас все учёные Юпитера старались быть поближе к перийовию кометы и к своим телескопам.

Никки вернулась на флагман и устроилась в рубке возле самого большого обзорного экрана. На него транслировались изображения с корабельного телескопа и трёх других обсерваторий – с Европы, Каллисто и орбитальной станции возле кольца Юпитера. Эти данные позволяли видеть зону предстоящего события с разных точек.

Комета Сычикова – Невского принадлежала к классу «спящих комет», малозаметных тёмных тел, которые в изобилии населяют космическое пространство между Юпитером и Нептуном.

Но сближение с Юпитером пробудило спящую. До точки её максимального сближения с Юпитером осталось два часа, а комета уже зябко куталась в плотное облако газа, фонтанирующего из трещин в грязно-ледяной поверхности.

Приливные силы планеты-гиганта растягивали кометное квазисферическое ядро, пытаясь превратить его в «огурец», направленный на планету. Только прочность ледяного ядра пока удерживала комету от распада.

Комета вращалась вокруг собственной оси с периодом в пять часов, и приливные горбы от Юпитера бежали по неровной ледяной поверхности кометы, раскалывая её глубокими трещинами, из которых немедленно вырывались столбы газа и пыли.

Комета приближалась к Юпитеру, дымя всеми боками и напоминая гибнущий корабль.

За двадцать минут до перийовия комета должна была пересечь кольца Юпитера. Они состоят из очень мелкой пыли и небольшого количества крупных тел – до десятков метров в диаметре.

Возбуждённые учёные ещё раз проверили свои телескопы, приборы и записывающую аппаратуру.

И вот дымящийся шар кометы влетел в кольцо Юпитера. И полыхнул множеством вспышек – будто получил в борт пушечный залп пиратского корабля. Это многометровые скалы из кольца на скорости в двадцать пять километров в секунду врезались в поверхность замороженного пришельца.

Взрывы покрыли всю переднюю полусферу кометного ядра.

Удар каждой каменной скалы вызвал мгновенное испарение льда,

разогрев освободившегося водяного пара и других газов, раздробление окололежащих слоёв кометного грунта и выброс их в пространство.

Большинство ударов образовали кратеры, подобные лунным, но некоторые скалы вонзились в уже существующие трещины поверхности, проникли глубоко в кометное тело и стали взрываться там, потрясая комету до самой сердцевины.

Летучие вещества, хранившиеся миллиарды лет при сверхнизкой температуре, бурно прореагировали на тепловой шок, мгновенно превратившись в газовое облако.

Давление новорожденного газа вызвало резкое расширение трещин кометного ядра.

Комета застонала и, под совместным действием сил взрывного давления и юпитерианского прилива, стала разваливаться на куски.

Трещины добежали до самого сердца кометы, а по ним устремился горячий газ, одновременно разрушая комету и вовлекая в свои ряды всё новые летучие отряды, которые были так долго замурованы в толще ядра.

Комета взорвалась, как хорошая граната, ещё не долетев до точки максимального сближения с Юпитером. Огромные куски кометного тела – от скал в сотни метров до километровых гор – стали расплываться в разные стороны, окутанные облаками газа и пыли.

Это феерическое зрелище освещалось Солнцем и багровым Юпитером так эффектно, что казалось срежиссированным опытным цветопостановщиком.

Учёные и остальные жители Солнечной системы взволнованно наблюдали за гибелью кометы.

Но среди специалистов по небесной механике возникло оживление особого толка: развал кометы происходил быстрее, чем прогнозировалось!

Это значительно расширяло конус разлёта обломков, и теперь траектория Ио попадала в него с большой вероятностью.

Через несколько минут лихорадочных расчётов выяснилось, что три из сорока самых крупных кометных обломков должны ударить в Ио!

Примерно через четыре с половиной часа.

Немедленно состоялось новое совещание ситуационного штаба. Пока штабисты заседали, специалисты по небесной динамике уточнили траектории кометных кусков и выяснили: мелкий обломок чиркает по северному необитаемому полюсу Ио, самый крупный кусок падает возле вулкана Прометей, одного из двухсот активных вулканов Ио, а средняя по размеру часть кометы, диаметром вполкилометра, целится в район Жёлтого города и может стереть юпитерианскую столицу землян с беспокойного

лица нимфы Ио.

Начались приготовления к срочной эвакуации последних жителей.

– Но ведь город погибнет! – сокрушался офицер Спейс Сервис. – Куда мы вернём людей? Полторы тысячи человек останутся без крова и работы!

– Какие есть варианты отклонения или разрушения обломка? – спросила Никки.

– Взрыв не поможет: ядерных зарядов в системе Юпитера нет, а химическая взрывчатка или лазерный удар только развалит обломок на более мелкие части. Это сделает поражение куполов даже более вероятным.

– Значит, надо увести кусок с курса как единое целое. Воздействие на комету должно быть не ударное... – размышляла Никки вслух.

– Но мы же не можем руками двигать комету! – воскликнул взволнованный и расстроенный мэр Жёлтого города, который не эвакуировался с большинством жителей, а остался в своём городе до конца.

– Надо попробовать увести комету с курса, толкая её кораблём, – сказала королева.

– Но у нас есть единственный корабль – ваш, который нужен для эвакуации оставшихся жителей! – возразил мэр.

– Робби, сколько людей смогут вместить спасательные шлюпки и катера с флагмана?

– Около пятидесяти.

Никки обратилась к мэру города:

– У вас есть наземный автобус, который способен взять на борт остальные полсотни людей? Мы вывезем их из города в спокойное место.

Ответил хмурившийся главный геолог Ио:

– Конечно, такой автобус у нас есть, но на Ио сейчас трудно найти безопасное место: падение комет и взрывы могут вызвать массовые землетрясения и разломы коры.

– Ерунда, мы оставим возле автобуса пару катеров, и, в случае сильного землетрясения, они просто поднимут наземную машину на тросах вверх. В автобусе и этих двух катерах останутся только добровольцы, и я сама буду с ними.

Благодаря последнему обстоятельству добровольцы нашлись быстро, и план Никки начал реализовываться, несмотря на многочисленные возражения и сомнения.

Просто других вариантов не было.

Шлюпки были выведены из шлюзов флагманского корабля и стартовали, набитые до отказа.

На поле остался «Рифей», два самых крупных катера и автобус с

жителями города, спешно прибывший к кораблю.

Мэр города и капитан «Рифея» остались возле корабля. На капитана Орлеана было страшно смотреть. Когда brave космонавт узнал, что его корабль будет неминуемо разбит в рискованной попытке спасти город, он обезумел от горя. Он пытался отговорить королеву от такого идиотского шага – но Никки была непреклонна. Капитан в отчаянии даже обратился к мэру Жёлтого города, но и тут не нашёл понимания. Тогда капитан, чуть не плача, бросился на обречённый корабль – спасти бортовой журнал и ещё какие-то сверхважные вещи.

Никки забралась в рубку одного из катеров и переключила управление флагманом на себя. Убитый происходящим капитан Орлеан маячил за спиной королевы до тех пор, пока она не велела увести его на другой катер.

«Рифей» высился над жёлтым бетоном космодрома самым одиноким кораблём в мире.

Вот дюзы флагмана вспыхнули синим светом, и гул пробежал по бетону, проник в королевский катер и прощально прозвучал в каждом сердце.

В следующий момент корпус корабля приподнялся над поверхностью Ио, и через секунду в катере наступила тишина: безмолвный «Рифей» на предельном ускорении пересекал звёздное небо и полосатое лицо удивлённого Юпитера.

Никки сама вела корабль, пользуясь дистанционным управлением. Она забыла, что находится в катере, неподвижно стоящем на Ио. Она летела вместе с обречённым кораблём и пыталась совершить то, чего ещё никто из землян не пробовал делать.

Она вывела корабль на курс, перехватывающий кусок кометы как можно раньше, и немилосердно форсировала двигатели. Переборки и бока опустевшего флагмана стонали – он ещё никогда не летал при таком ускорении – с экипажем на борту это было бы крайне опасно.

И вот пятисотметровая гора, окутанная дымом и летящими камнями, выросла во весь экран рубки. Отдельные куски кометы ещё никто не удосужился назвать официально, поэтому Никки звала вырастающую впереди гору попросту Квашней, относясь к ней как к расползающемуся и непрочному объекту.

При подлёте к Квашне лазерные автоматические пушки «Рифея» работали как пулемёты, расстреливая рои камней, сорвавшихся с неровных краёв кометного тела и угрожающих флагману.

Несколько булыжников прорвались сквозь оборону и чувствительно ударили по лобовой броне. Капитан, наблюдавший за происходящим на

экране другого катера, застонал – будто метровые космические булыжники лупили его собственное тело.

Никки быстро затормозила носовыми двигателями, и град камней утих.

Между кораблём и Квашнёй оставалась пара сотен метров.

Но беда была в том, что Квашня вращалась – и быстро. То есть посадить корабль на комету и включить его двигатели было мало – через час корабль начал бы толкать Квашню не туда. Для оптимального воздействия на комету «Рифей» надо было пересаживать два раза.

Да вот только должен был садиться «Рифей» каждый раз аварийно – на нос.

Но колебаться было некогда.

И Никки направила нос корабля прямо на комету. На малом ходу.

Сто метров до поверхности.

Пятьдесят.

Двадцать.

Капитан закрыл лицо руками.

Скорость корабля была автомобильная, но этого оказалось достаточно, чтобы нос «Рифея» тяжело воткнулся в ледяную поверхность, глубоко закопавшись и взметнув по краям волны дроблёного грунта.

Капитан «Рифея» заплакал, не стыдясь своих слёз.

Лобовая броня крейсера заметно смялась. От удара лопнул иллюминатор главной рубки и сама она превратилась из всевластного центра управления кораблём в мятую металлическую коробку, забитую грязным льдом. Никки предвидела такую ситуацию и заранее переключилась на резервный кормовой центр управления.

Основные системы корабля уцелели, и Никки отдала решительную команду реакторному блоку. Кормовые двигатели «Рифея», торчащие перпендикулярно поверхности, взревели так, что камни, летающие вокруг Квашни, шарахнулись врассыпную. Длинные струи синей плазмы ударили в зенит. Тяга была так велика, что корабль ещё больше зарылся в грунт, зато Квашня заворочалась и стала медленно – с ускорением в несколько сантиметров в секунду за секунду – сползать с опасного курса.

По расчётам Робби, двигатели корабля должны были работать минут сорок, а потом корабль нужно снова поднять и перевести на триста метров правее.

У Никки не было ни минуты отдыха. Пока двигатели корабля сотрясали торосистые бока Квашни, королева Гринвич вывела трёх корабельных роботов в боковой люк, разместила их симметрично вокруг

«Рифея» и велела им подкопаться под нос корабля.

Она одновременно следила за роботами, кораблём и Квашней. Никки давно позабыла, где реально находится, – это в её бронированном теле в максимальную мощь ревели двигатели, это её кибер-руки закапывались в шальной, взрывающийся от любого нагрева грунт, это её электронные глаза с беспокойством следили за очертаниями соседних торосов: выдерживает ли Квашня такое давление Никкиного корпуса? Не сдвинется ли зыбкий грунт, не сместится ли направление тяги основных двигателей?

Сорок минут истекли. Никки отключила свои кормовые двигатели и отдала неслышный приказ роботам, которые окружили корабельный нос. Землекопы послушно замкнули свои аккумуляторы, и три подземных взрыва сотрясли «Рифей». Три облака газа стали выталкивать нос «Рифей» из ямы, в которую он закопался.

Никки включила и носовые, и боковые маневровые двигатели – и «Рифей», скрежеща корпусом о ледяные обрушивающиеся глыбы, вылез из своей норы и медленно стал подниматься над поверхностью Квашни. Робот-наблюдатель показал со стороны удручающе мятый нос корабля. Флагман будто получил в лицо тяжёлый нокаутирующий удар огромной перчаткой.

Капитан Орлеан прошёл уже все круги ада и сейчас стоял навтыжку в тесной рубке катера, прощаясь со своим любимым кораблём и отдавая ему честь.

Но последний час «Рифея» ещё не пробил. Никки отвела флагман в космос и устремила его в другую точку Квашни. Опять удар, ещё больше сплющивший нос корабля, зато снова прочно закрепивший корпус «Рифея» в теле кометы – чтобы двигатели могли передавать свой импульс огромной горе.

Посадка тяжело далась кораблю: его корпус лопнул и струи воздуха засвистели в трещинах брони. Основной атмосферный контур корабля разгерметизировался, иллюминаторы пассажирских кают левого борта вылетали вместе с обрывками вещей и мебели. Изящные обводы корабля были окончательно изуродованы.

Снова три робота выскочили из бокового неповреждённого шлюза. Никки подумала секунду – и выгнала наружу ещё тройку землекопов.

Ещё тридцать пять минут форсажного гула двигателей, от которого рушились горы на Квашне и даже сам кометный горизонт блуждал и расплывался.

Перед новым отрывом «Рифея» от поверхности Никки одновременно включила носовые двигатели и отдала приказ роботам о самоликвидации.

Те выполнили свой долг, и корабль получил тройной удар в лобовую часть. Но его не хватило для освобождения носа корабля из грунта. Никки немедленно отдала приказ о взрыве трём оставшимся роботам.

От нового толчка корабль пробкой выскочил из ледяной западни, закувыркался и отлетел в космос.

Никки не сразу, но всё же смогла стабилизировать искалеченный корабль, на который было страшно смотреть: настолько посадки на корпус и взрывы изуродовали его носовую часть. Струи воздуха, серебрящиеся инеем, били из потрескавшегося кормового кислородного резервуара во все стороны, добавляя хлопот Никки, которая с трудом управляла израненным флагманом.

Осталась последняя посадка.

Корабль уже изнемог. Он рухнул на грунт сильнее, чем хотела того Никки, и сильно накренился, зарывшись в грязные дымящиеся торосы, тёмные сверху и белые в расколах.

Чертыхаясь, Никки выгнала всех имеющихся на борту роботов – действующих киберов набралось с пару десятков – и снова попыталась включить маршевые двигатели. Но те не зажглись – электропитание корабля было в плачевном состоянии. Никки быстро определила место повреждения и погнала туда пару ремонтников. Чинить сеть было некогда, и она просто велела одному из ремонтников вскрыть себе живот и направить энергию своего аккумулятора в обесточенную сеть. Робот сделал это – и превратился в неподвижную электростанцию.

Двигатели заработали на семь минут позже положенного. Вектор их усилий заметно отклонялся от оптимального.

Никки ужасно ругалась, а Робби крикнул, что Квашня отошла от первоначального курса недостаточно и примерно половина города окажется в зоне поражения.

Что же делать?

В это время в вулкан Прометея врезался самый большой обломок кометы. Кинетическая ли энергия кометы была тому виной или внутренняя энергия вулкана, но вулкан взорвался, как бомба.

Огромные куски горы разлетелись в стороны, а облако газа покрыло поверхность в сотни километров.

Вся Ио содрогнулась от сильнейшего землетрясения. Автобус и два катера, стоявшие на взлётной площадке, подпрыгнули. Многие люди внутри попадали. По бетону ракетододрома зазмеились длинные трещины.

Но Никки ни на что не обращала внимания – её душа находилась вместе с «Рифеем».

Мэр Жёлтого города крикнул:

– Пора взлетать, здесь становится опасно!

Но Робби успокоил его:

– Не волнуйтесь. Первый удар был самый сильный. Если мы его пережили, то переживем и следующие – они будут слабее.

Никки скомандовала – и роботы закопались вокруг корабля, пытаясь освободить его от сцепления с торосами.

Как только струи плазмы перестали освещать кометный дымный пейзаж, Никки стала взрывать роботов, пытаясь высвободить корабль. Он вздрагивал всем корпусом, реагируя на очередное облако газа, толкавшее его снизу, но отрываться от Квашни не хотел.

Маугли пошла на отчаянно опасный шаг: она велела взорваться всему оставшемуся десятку роботов. Торосистая равнина вздрогнула – и вдруг вся оторвалась от Квашни и взлетела вверх, вместе с застрявшим «Рифеем».

Сотни кубометров льда недолго окружали смертельно раненный «Рифей»: вскоре льдины разлетелись по сторонам, а корабль остался медленно и беспомощно кружиться в облаке кометного материала.

Никки быстро проверила – какие системы корабля ещё действуют? Безрадостная картина: управление всеми маневровыми двигателями было потеряно. Никки смогла установить связь лишь с ремонтником, который отдал энергию аккумуляторного сердца кормовым двигателям и покорно ждал своей дальнейшей судьбы.

Что ж, последний шанс – тоже шанс.

Никки дождалась, когда корабль, отлетевший уже на пару километров от кометы, повернётся к Квашне нужной стороной, – и отдала ремонтнику последний приказ.

Робот породил электрическую искру и запустил маршевые двигатели.

И они снова устремили к комете умирающий корабль.

«Рифей» летел, искорёженный и почти убитый, ничем не напоминающий тот новенький щеголеватый крейсер, каким он был ещё утром. Его бронированный корпус был изуродован, покрыт дымными трещинами и всполохами электрических замыканий.

Он сделал всё, что мог, растратил все свои силы, но от него потребовали больше возможного, его просили о запредельном усилии.

И еле живой корабль выполнял свой долг – спасал людей, даже если они были не на его борту, а ждали свой участи на орбите.

Могучее сердце «Рифея» по-прежнему горело неистовым белым огнём, заставляя изуродованную стальную громаду ускоряться в последнем

смертельном броске.

Корабль уже не управлялся людьми, он мчался только по воле своего огненного сердца.

Редкий корабль имел такую короткую жизнь и такую гордую смерть.

«Рифей» разогнался за несколько секунд максимальной тяги до скорости артиллерийского снаряда – и врезался на полном ходу в середину кометы.

Удар снаряда в десять тысяч тонн потряс Квашню. Она медленно стала разваливаться, подчиняясь ударной волне, метнувшейся от кратера, в котором окончил своё существование героический «Рифей».

Вскоре вместо полукилометровой ледяной горы возникло пылевое облако, в котором плыли стометровые куски. Облако, подчиняясь предсмертной воле «Рифея», отползло с опасного курса всё дальше и дальше.

Капитан молча стоял в рубке, его застывшее лицо постарело.

До столкновения обломков Квашни с поверхностью Ио осталось десять секунд.

Пять.

Две.

Одна.

Первый кусок врезался в серное озеро, на берегу которого стоял Жёлтый город.

Не успела волна взметнуться – сверху упали остальные части Квашни.

Озеро расплавленной серы словно вскипело.

Крупные обломки Квашни не попали в город, но несколько более мелких тел разбили часть восточных куполов.

Основная масса обломков рухнула в озеро – и вокруг них возникла кольцевая серная волна цунами высотой в сто футов.

Волна дошла до химической фабрики на берегу озера и обрушилась на цилиндрические корпуса всей своей миллионнотонной тяжестью.

Корпуса смялись, как картонные коробочки, а вся территория фабрики оказалась затопленной густой горячей массой серы.

– О боги! – сказал растерянный мэр города.

Следующие волны были уже заметно ниже и дополнительных разрушений практически не причинили.

– Прекрасно! – воскликнул офицер Спейс Сервис. – Почти все жилые купола уцелели, нам есть куда вернуть людей!

Новые подземные толчки ощущались и в автобусе, и на катерах, но были явно не опасны.

Никки устала просто смертельно и ничего не хотела – только лечь и уснуть. Но когда в уцелевшем куполе она встретила капитана Орлеана, то всё-таки попробовала его утешить:

– Капитан Орлеан, на страховую премию мы построим новый корабль и тоже назовём его «Рифей».

– Нет! – Капитан был категоричен. Он упорно не смотрел на королеву налитыми кровью глазами. – «Рифей» был героическим кораблём и заслужил право на своё имя. Другого такого корабля не будет!

Глава 11

Свидание с сыном

Только уик-энд делают жизнь терпимой!

Сэм Бордерс сидел в одном шезлонге, водрузив ноги на другой, и грелся на солнышке. Ему хотелось пива, но вставать было категорически лень. Домашнего робота звать бесполезно – шасси совсем расклеилось, и он уже неделю неподвижно торчал на кухне, делая по хозяйству только то, до чего доставали его длинные руки.

Шезлонг Сэма стоял на отлично подстриженной лужайке у журчащего портативного фонтана. Высокий вечнозелёный кустарник полностью замыкал крошечную полянку и превращал её в уютное домашнее пространство.

Сэм гордился живой изгородью вдоль всего участка, он выращивал её пять лет, и сейчас кустарник полностью скрывал от глаз улицу. Первое время сквозь калитку была видна дорога с припаркованными машинами, но потом Сэм спроектировал зигзаг изгороди возле ворот, и получилась полная иллюзия лесной – ну, парковой – уединенности.

За спиной у Сэма краснел старомодный, выложенный солидным кирпичом, одноэтажный небольшой домик – всё, что мог позволить себе рядовой компьютерщик, специалист по базам данных. Первые месяцы жизни на новом месте Сэма раздражали шумноватые и небогатые соседи по улице, но потом он привык, оброс кустарником и прижился.

Название городка ему нравилось – Колледж-Парк. До офиса Сэма в Гринбелте ехать совсем недалеко – по длинной тихой улице Счастливой Удачи.

Надо всё-таки сходить за пивом, подумал Сэм, наслаждаясь субботним послеобеденным отдыхом, когда обед уже улегся в животе, но чувство сытости ещё осталось. Сэм даже снял ноги с шезлонга и принял позу, которая ещё не означала вставания, но могла легко перетечь в него.

В этот момент в калитку позвонили. Хм! Что ещё за новости? У Сэма нет знакомых, которые могут припереться к нему без спроса.

– Кто там? Коммивояжёр? – с неудовольствием спросил Сэм.

– Нет-нет, я ваш сосед! – раздался приятный мужской голос. – Вернее, живу тут совсем неподалеку. Всё время люблюсь вашей оградой. Хочу себе вырастить такой же кустарник. Шёл пешком домой и не выдержал – побеспокоил вас. Простите великодушно за вторжение. Уж больно хороша

ограда!

Сэм польщённо хмыкнул:

– Конечно, заходите – ознакомьтесь!

От калитки к Сэму прошагал мужчина средних лет, хорошо одетый, с портфелем-чемоданчиком. Интеллигентное лицо, благородная седая шевелюра. Представился – Билли Поркотрим.

– Как у вас тут хорошо, просто душа отдыхает!

Гость огляделся вокруг.

– Присаживайтесь. – Сэм указал на второй шезлонг. Гость поблагодарил и, не моргнув глазом, сел в своём хорошем костюме в пыльный шезлонг, предварительно не проверив его пальцем. Это Сэму понравилось.

Поговорили о кустарниках – о сортах, сроках посадки и подстрижки, чем подкармливать, какую почву в «Магазине для садоводов» лучше покупать. Билли оказался неплохим знатоком, но слушал очень внимательно, как ученик слушает речи мастера.

– Могу ли я вас чем-нибудь угостить в знак благодарности за возможность посмотреть ваш чудесный кустарник? У меня с собой неплохой пикник-кейс. – Билли положил чемоданчик на столик и открыл крышку.

Сэм заинтересованно вытянул шею, он слышал про такой шик, но сам не имел. Походный бар – дорогая штука, да и не очень нужная при сидячем образе жизни Сэма.

Не удержался и заказал редкость:

– Пиво «Кострикер»!

Билли, не моргнув глазом, поднял краник и налил большой бокал. И себе нацедил того же пива, попробовал и похвалил Сэма за тонкий вкус и отличный выбор. Сэм ухмыльнулся – знай наших!

Посидели, слушая посвистывание красных кардиналов в кустах и попивая холодный «Кострикер». Сэму, правда, пиво показалось слишком уж приятным, наверное, с добавкой легального эйфорина. Но получилось здорово!

Разговорились про работу. Сэм рассказал о своей компьютерной фирме, а Билли указал на большой куб в трёх кварталах, возвышающийся над зелёной каймой парка.

Интернат для детишек.

Разговор был располагающий, неспешный. Пришлось даже сходить в дом и принести воды для дозаправки переносного бара.

Билли с энтузиазмом рассказывал о своей работе.

– Четверть населения пользуется услугами клиник искусственного рождения и Интернатов. За небольшую сумму вы вызываете сына или дочь из небытия, дарите наследнику жизнь, продолжаете свою генетическую линию. Дети – это гуманно. Государство это ценит. Вы получите льготы как отец – дополнительный отпуск, пособие. Как будет рад ваш ребёнок появиться в этом мире! Один ваш росчерк – и вы дарите маленькому человечку жизнь. Что может быть ценнее этого подарка? А потом сын вырастет и скрасит вам старость. Вы будете желанным гостем в семье сына, будете качать на колене внуков. Решайтесь, будьте мужчиной! Не даря жизнь – обрекаешь на смерть!

Последние реплики Сэму не понравились. «Как можно обречь на смерть ещё только обсуждаемого ребёнка?» – с недоумением подумал он, но не стал перебивать Билли.

– В Интернатах растут миллионы детей. Это детский рай! Они там всегда среди сверстников, у них множество друзей. У нас работают талантливейшие педагоги, прошедшие специальное обучение. Мы создаём наилучшие условия для наших крошек – у нас самих в детстве не было таких замечательных спален, парков, бассейнов и игровых комнат, какие есть у наших маленьких жильцов.

– А как насчёт наследственных заболеваний? – спросил Сэм.

Билли тут же предложил ему пакет генетических улучшений.

– Со скидкой! Минимум генетических модификаций оплачивается правительством – вы платите только за дополнительные улучшения.

– Генетические модификации? – встревожился Сэм. – Я вхожу в общество, которое против генетически модифицированных продуктов!

Билли стал поспешно объяснять:

– Это совсем иное дело. Представим человеческий геном как текст или рассказ, который надо отредактировать. Природа, как бы она ни была мудра, тоже ошибается – и нередко. В нашей аналогии, слова – это гены, а буквы – отдельные нуклеотиды. Если в тексте есть какие-то неприемлемые выражения...

– Как матерные? – подхватил Сэм.

– Верно! – обрадовался Билли. – Вы очень умны. Такие выражения мы аккуратно вырежем из текста, а если какого-то слова не хватает – мы его вставим. Никакой опасности, обычная работа редактора... Или кодировщика, который ищет ошибки в программе, – намекая на работу Сэма, добавил Билли. – Мы разбиваем неприличный текст на буквы, перемешиваем и строим совершенно безобидное предложение, которое даже детскую мораль не повредит. Вы ведь не против улучшения программ,

с которыми работаете?

– Нет! – замотал головой захмелевший Сэм.

– Так сделайте же своего мальчика счастливым! Дайте вашему сыну максимум генетических улучшений за минимум расходов!

Билли тоже был явно навеселе и вскоре признался Сэму, что, кроме двух собственных семейных дочек, у него есть ещё и интернатский мальчик, его улучшенная генокопия. Сына Билли завёл втайне от жены.

– Только строго между нами! – Билли смахнул пьяную слезу и вытащил бланк договора.

И Сэм подписал, волнуясь и гордясь собой.

– Какой вы молодец! Подумайте через несколько лет и насчёт второго! Попрощались.

Билли двигался по лужайке пьяненько, экзальтированно махал руками. Хозяин даже забеспокоился – доберётся ли гость до своей квартиры? – и, когда тот вышел на улицу, Сэм выглянул сквозь незаметную щель в живой изгороди. И с удивлением обнаружил, что Билли идёт к красивой приземистой машине, и, чем ближе он подходит к машине, тем его походка становилась трезвее и быстрее, а жесты – скупее и энергичнее. Одной рукой он виртуозно спрятал в кейс бумаги, подписанные Сэмом, другой – повесил т-фон к уху. Через минуту дорогая машина, нежно заурчав, скрылась за поворотом.

– Какое шикарное авто! – восхитился Сэм Бордерс, вспомнив свой дребезжащий тарантас, а потом удивился: – Билли же сказал, что шёл пешком?

Солнце садилось за верхушки деревьев, и в парке становилось прохладно и приятно. Самое время гулять, но на Кена вечер нагонял тоску. Скоро позовут ужинать, а потом ребята с адским грохотом и дикими криками повалят по своим спальням. Это означает два часа свободного времени, которое будет для мальчика заключаться в том, чтобы прожить их без синяков. После ужина почти все воспитатели расходятся по домам, на посту остаются только старые роботы, с которыми взрослые ребята давно научились ладить.

Вечером развязываются руки и у самых младших бандитов. Главным врагом Кена был здоровяк-генотормоз Дорняк. Впрочем, Кена в приюте никто не любил. Ведь у него есть настоящий отец. Большинство остальных ребят были *отказные* – родители в своё время отказались от них. Обычно это происходит после трёх лет, когда государство перестаёт платить семье пособие на ребёнка.

Благодаря наличию отца у мальчика есть надежда уйти из Интерната. Остальные обитатели Интерната часто издеваются именно над этим: «Ну и почему тебя твой отец не забирает?»

Кена побили вчера, когда он ответил на хитрый вопрос киберучителя. На этот вопрос никто из других ребят не смог ответить. Они пригрозили, что завтра вообще убьют – умный Кен им надоел. Сбросят с крыши, будто сам упал, – и всё.

Это не пустая угроза. В прошлом году на руке упавшего с крыши рыжего подростка нашли намотанную бечевку, ведущую к большому воздушному змею, застрявшему на дереве. Элементарная задачка для сообразительных полицейских: большой змей дернулся от порыва ветра, и глупый ребёнок упал с крыши.

Кен умный и генетически улучшенный – *культурный*. Таких вдвойне не любят. Зато он мог про других презрительно думать (стараясь, чтобы эта мысль не проявилась на лице): «Быдло, генетический трэш!»

Темнело всё сильнее. Мальчик вздохнул и пошёл по кругу между деревьями, трогая их за морщинистую кору на высоте головы. Этот ритуал он придумал уже давно. Такое древесное защитное кольцо помогает от несчастий – и от злобных невидимых существ, которые кричат по ночам в уши, и даже от Дорняка.

Потом на дереве в центре круга нужно постараться найти и убить паука. Чтобы кишки размазались, тогда помогает ещё лучше.

Прозвучал сигнал сбора на ужин.

Паука найти не удалось. Сообразительные стали, гады, прячутся.

Мальчик послушно побрёл к дверям столовой – опаздывать нельзя, получится хуже. В тысячный раз Кен помечтал о тех Интернатах, где таких, как он, *заказанных* детей, много. А в этом Интернате – очень мало. Область такая – бедная. Мало *заказывают*, гораздо больше *отказываются*.

Среди *отказных* самые опасные – *дикие* дети. *Дикари* – случайно рождённые, нежеланные и оставленные ещё в роддоме. *Дикари* – самые свирепые, с наибольшим стажем жизни в Интернате.

Обитатели Интерната не любят *заказанных* детей, потому что у тех есть мать или отец (иногда – сразу оба!) и наибольший шанс переселиться к ним. Такое случается не так уж и редко. Вычисление таких вероятностей занимало значительную часть времени обитателей Интерната. Получалось, что у *отказных* есть три процента шансов вернуться к своим родителям и четыре процента быть усыновлёнными другими людьми. *Дикарям* было некуда возвращаться, зато шанс на усыновление у них был выше – шесть процентов.

Усыновление *заказанных* детей обычно не разрешалось – ведь у них, сволочей, уже были свои родители, которые посещали многих почти каждое воскресенье. Кроме того, у них было *пятнадцать процентов!!!* вероятности быть забранными генетическими родителями. За эти пятнадцать процентов *заказанных* и ненавидели больше всего. Уровень инвалидности и смертности от несчастных случаев у них был тоже самый высокий.

Драки и насилие в Интернате между взрослеющими подростками были не редкостью. *Заказанные* старшие девочки страдали больше всех и тем сильнее мечтали выбраться из Интерната – любой ценой. Многие делали себе старательные прически, доступный макияж и надевали на свидание с родителями самые эффектные платья – чтобы понравиться. Ну просто чтобы больше понравиться. Ходили слухи, что есть родители, которые *заказывают* себе детей не просто так. Но никто из *заказанных* детей в эти гадости не верил: всем ясно, что эти слухи порождают и распространяют завистливые *дикари* и *отказные*. Злобные уроды.

То, что мальчик был ещё и *культурным*, делало его парией даже среди обычных *заказанных*. Нет ничего страшнее в Интернате, чем быть *заказанным* и *культурным*.

Как-то Кен бежал по игровой площадке, раскинув руки, тихонько жужжа и изображая самолёт. Камень ударил Кена в лоб. Мальчик остановился как вкопанный и посмотрел вниз, на далёкую землю. Кровь закапала на песчаную дорожку, вспыхивая красными звёздочками, а потом сворачиваясь пыльными тёмными шариками.

Вожак *отказных*, *дикарь* Дорняк сделал вид, что он бросил камень случайно. Его даже не наказали – просто пожурили, а Кену намазали рассечённый лоб какой-то болючей штукой.

Кен верил, что ненависть детей к нему разделяют и воспитательницы. Как-то его поймали с вкусными ранетками, набранными в интернатском саду. Их конечно было запрещено рвать.

Воспитательница, тощая крашенная блондинка с утомлённым лицом, выгребла из карманов Кена жёлтые сладкие плоды и стала их есть сама, скалясь крупными зубами мальчику в лицо и угощая своего дылду-сына, который зачем-то пришёл к матери на работу.

Мальчик стоял насупившись, чувствуя горькую обиду.

Он хотел подарить ранетки девочке с короткими каштановыми волосами и двумя макушками.

Девочка была очень красивая. У неё была немного короткая шея, но мальчик этого не замечал. Она благосклонно относилась к нему – ей даже

льстило, что он заказанный и культурный.

Злобный Дорняк заметил их дружбу и всё испортил: он тоже стал ухаживать за красивой девочкой с короткой шеей.

Когда дети учились плавать, то Дорняк отвёл девочку от бассейна за высокий куст. Подарил ей что-то. Мальчик искоса наблюдал за ними и видел, как девочка радуется. Дорняк воровато осмотрелся и оттопырил свои трусики. Девочка глупо захихикала.

Кен в гневе отвернулся.

Вскоре девочка подбежала к нему и показала яркую пищалку.

– Вот что у меня есть! Я теперь с Дорняком дружу! А ты... а ты... дурак!

Женщины. Разве им можно верить?

Мальчик стал совсем одиноким. Раньше он рассказывал девочке разные придуманные истории, и она охотно слушала. Сейчас у него остался один друг – Дим.

Раздался сигнал отбоя ко сну.

Кен боялся спать. Ему казалось, что когда он спит, то совершенно беспомощен. Каждый может подойти среди ночи и задушить его.

Мальчик задрёмывал позже всех и часто открывал глаза в слабо светящейся темноте ночи.

Вот и сейчас, осторожно наблюдая за укладывающимися детьми, он не спал, а шептался со своим единственным и самым лучшим другом – Димом. Мальчик советовался с ним по главному вопросу – как уехать к отцу и спастись от Дорняка.

Кен размечтался: «А вот – ЗАВТРА попрошу папу, и он меня возьмёт к себе. Сразу, в тот же день!»

И вдруг Дим молча, но убедительно кивнул. Согласился!

«Ты так думаешь?» – спросил взволнованный мальчик. И Дим снова кивнул, подталкивая к решению всех проблем. Кен тоже согласно мотнул головой в ответ Диму и, с отчаянно забившимся сердцем, забрался под одеяло.

ЗАВТРА, ЗАВТРА!

Он попросит отца забрать его с собой. Он расскажет ему, как плохо здесь, как его не любят.

ЗАВТРА!

Он уйдёт из этой проклятой тюрьмы.

Отец пришёл сразу после завтрака.

Целый день Кен с отцом провели в зоопарке. Изумительный день!

Солнце светило тепло, но не жарко. Посетители улыбались, тигры рычали, слоны трубили, змеи спали.

Отец был в отличном настроении и всё время шутил, посматривая на сына. Поразительно похож на него самого в детстве. Как-то он сравнивал свои снимки из старого альбома и фото мальчика. Копия! Не обманули генетики.

Семья стала анахронизмом. Его собственные родители живут в доме молодых пенсионеров, все бабушки с дедушками – в доме престарелых. Компьютер-секретарь шлет им поздравления к Рождеству и дням рождения, впечатывая в открытки свежую фотографию отца с мальчиком. Руки подняты в приветствии, улыбки весёлые. На юбилеи – недорогие подарки. Выбирает тоже компьютер, но тут уже отец Кена сам смотрит – и одобряет нужный расход.

Отец любил сына, но не думал никогда о том, чтобы жить вместе, – домик крохотный, жизнь налажена, условий для Кена нет, денег мало. В обрез. Но отец ходил навещать сына каждую субботу, делал ему подарки, гулял с ним весь день. Если не мог весь день – то хотя бы пару часов бродил с ним по парку Интерната. Мальчик был его генетически улучшенной копией, и он о нём заботился.

Кен был оживлён целый день, но ближе к вечеру увял, посмурнел.

На обратном пути из зоопарка мальчик заговорил об отцовском доме – как, наверное, в нём хорошо жить.

Отец прохладно отвечал, не понимая его чувств:

– Дом – это просто дом, там нет друзей, там скучно. Тебе бы в нём жить не понравилось. Меня почти целый день нет дома – днём я на работе, а вечером – с друзьями.

– Но ведь ты перед сном приходишь домой! Наверное – на целый час!

Мальчик зажмурился.

– Или даже на два! Целых два часа!! Можно почитать, посмотреть вместе тиви, сыграть во что-нибудь... или просто посидеть, поужинать...

Отец не нашёлся что ответить. Разговор зашёл совсем не туда, куда надо.

Наконец они приехали, зашли в ворота парка вокруг Интерната и сели на скамейку.

Мальчик напряженно о чём-то размышлял и вдруг обрадовался:

– Ты завтракаешь дома! Завтракать вместе – это так здорово! А я умею готовить чай! И кофе!

Тут поразительная мысль осенила мальчика и катапультировала его со скамейки.

– И ты ведь два дня выходных дома! Не на работе! Целых два дня!!

Глаза мальчика горели как у кошки в темноте, и он ошарашенно снова опустился на скамейку, не представляя такого безмерного срока жизни вместе с отцом. Два дня!

Отец с растерянным лицом хотел сказать, что вечером в субботу он обычно играет в теннис, а всё воскресенье он проводит за бриджем и пивом в компании друзей, но почему-то смолчал.

Мальчик снова быстро прыгнул со скамейки, добежал до соседних деревьев и совершил непонятный ритуал прикосновений к их стволам. Оттолкнувшись от последнего дерева, он снова вернулся к отцу и с размаху сел рядом с ним.

– Ты... ведь возьмёшь меня отсюда? – замирая, спросил мальчик.

– Да, да... конечно... когда-нибудь... – тихо и расстроенно ответил отец.

Тут мальчик зажмурился и выпалил заветное:

– ЗАВТРА возьми, а? Ой, нет, не ЗАВТРА, – лицо мальчика в ужасе искривилось от ошибки, – уже СЕГОДНЯ! Прямо СЕЙЧАС!

Наступила тягостная пауза.

Кен видит растерянное лицо отца и остро понимает, что всё получилось неладно. Мальчика пронизало ощущение, что его слова, вместо того чтобы приблизить отца, отдалили его.

В этот момент Кен интуитивным скачком поднялся на новую ступень понимания и взросления. Из его глаз пропал щенячий восторг, и он испуганно спохватился:

– Нет-нет, я это просто так сказал... Не сердись, я пошутил... Мне тут хорошо, у меня есть друг – Дим и... остальные мальчики... да мне и Дима хватает...

Отец с облегчением вздохнул.

– Заберёшь, когда сможешь... или когда я вырасту... – договорил мальчик бесполезные нейтральные слова.

Отец засобирался:

– Мне пора домой.

В мальчике сладко и болезненно отдалось это небрежное слово «ДОМОЙ». Это удивительное место, где мальчики живут с отцами. А иногда даже с МАМОЙ! Тут у Кена закружилась голова, и он выругал себя за слюнтяйство. И старательно спокойно сказал:

– Приходи в следующую субботу. – Не выдержал и переспросил: – Придёшь в субботу? Придёшь?

Отец торопливо кивнул, пожал холодную липкую ладошку мальчика и

быстро двинулся к стеклянным воротам. Кен солидно последовал за ним, стараясь не бежать и от этого безнадежно отставая.

Вот отец открыл дверку в воротах – ему можно, а мальчика дверка не выпустит – и плотно закрыл её за собой, не оборачиваясь.

Мальчик с убитым сердцем проводил взглядом уходящего отца, вытащил из кармана деревянного облупленного человечка-космонавта, которого когда-то давно подарил отец, и хриплым шёпотом страшно поклялся:

– Если он больше не придёт, я укушу себя за палец... до крови, чтобы капало... нет, придавлю дверью и сорву ноготь, как у Лопухого Билла было... а тебе, дурацкий Дим, я отломаю твою дурацкую голову... и всего разобью на мелкие щепки...

И мальчик торопливо, на ходу, спрятал человечка и бережно застегнул карман интернатской униформы на пуговку.

Он уже не будет таким глупым дурачком, как сегодня. Он станет осторожным и вежливым. И отец обязательно заберёт его отсюда. Главное – чтобы он пришёл в следующую субботу. Она страшно далека, эта суббота, но она настанет, обязательно настанет... Дорняк... это неважно, как-нибудь... самое главное – чтобы отец пришёл в следующую субботу.

Отец за воротами двинулся к машине. Потом замедлил шаги, на ходу полуобернулся и увидел мальчика, прильнувшего к стеклянным воротам с внутренней стороны. И так мальчик был похож на детские фотографии из старого альбома, что отцу показалось, что это он сам ребёнком сидит в стеклянное клетке.

А расплющенные о толстое стекло и ставшие некрасивыми и бледными губы сына беспрерывно шептали, спрашивали, заклинали отца сквозь прозрачную стену:

– ПРИДЁШЬ? ПРИДЁШЬ?

Белокурая красивая женщина сидела напротив Никки и улыбалась, радуясь встрече со старой подругой.

– Изабелла, я хочу поручить тебе очень важное дело: Интернаты. Досконально изучи ситуацию вокруг них. Выясни, чьи коммерческие структуры вовлечены в интернатский бизнес, кто финансово заинтересован в рождении детей вне семьи.

Изабелла перестала улыбаться и выпрямилась.

– Подготовь программу по разрушению материальной заинтересованности в этом бизнесе. Обдумай меры по опровержению общественных стереотипов о приемлемости сдачи детей в приют или

воспитания ребёнка в Интернате. Натрави прессу на Интернаты, профинансируй художественные и документальные фильмы о реалиях приютской жизни. Будь смелее, смотри шире. Захвати проблему защиты прав детей и в семьях. Думаю, стоит обсудить программу предоставления каждому ребёнку личного кибера, который будет защищать подопечного от любых опасностей. Можно даже провести такой закон через ООН. Берёшься?

– Ещё бы! – недобро сказала Изабелла, глаза которой горели уже как у рассерженной тигрицы. – Если бы ты знала, как давно я точу зубы на эти Интернаты.

– Я знаю, – кивнула Никки. – Потому предлагаю это именно тебе.

Мальчик внимательно смотрел в лицо высокой женщине в кимоно, которая держала его за руку. Лицо было невозмутимым и приветливым, глаза – чёрными и раскосыми.

– Значит, ты – моя няня?

– Да.

– И ты всегда будешь со мной?

– Всегда.

– Никогда не бросишь одного и не уйдёшь на работу?

– Никогда.

– Так не бывает.

– Бывает.

– И у тебя можно спросить всё, что хочешь, и ты ответишь?

– Отвечу, ведь я подключена к мировой информационной сети, которая знает почти всё.

– А откуда ты пришла?

– Принят закон, по которому у каждого ребёнка должна быть постоянная семья. Хотя бы в виде няни. Меня прислали из детского центра вашего округа. Сейчас я буду твоей семьей, пока ты не вырастешь или не найдёшь другую семью.

Мальчик замолк на какое-то время, а потом извиняющимся шёпотом сказал, глядя в землю:

– А если проснуться ночью и станет страшно... ну, иногда бывает такое... со всеми ведь может такое случиться, правда? – Мальчик заглянул в лицо няни... – То и не страшно вовсе – ты ведь рядом и защитишь. Спасёшь от ужасного Гырбы-Дроги! И от Дорняка-Сорняка... Правда?

– Правда... – ответила няня. – Я всё время буду рядом.

Начался мелкий дождь.

Няня не заставила мальчика идти под душную крышу Интерната, она просто подняла руку, и из запястья выскочил большой пластиковый зонт, укрывший няню и мальчика от дождя.

«Зонт – это маленький прозрачный дом!» – подумал мальчик и вздохнул. Няня старалась, чтобы на мальчика не попала вода, поэтому дождевые капли брызгали на её собственное кимоно и скуластое лицо. Но капли не могли причинить ей вреда, и няня не беспокоилась. Главное – чтобы мальчик не промок.

Мальчик почему-то сердито сказал:

– Ты не думай, папа меня любит, просто у него денег нет, чтобы меня к себе забрать.

– Он заберёт тебя на следующей неделе.

– ЧТО?! – не поверил мальчик. – ТЫ ВРЁШЬ!

– Твой отец уже оформил все бумаги. Это связано с тем, что государство перестает дотировать Интернаты и начинает выплачивать пособие самим родителям.

– Я тебе не поверю, пока папа сам мне не скажет! – решительно сказал мальчик.

– Ладно, пусть отец сам тебе скажет, – покорно согласилась няня.

Мальчик долго молчал, переваривая такую невероятную новость, потом робко заглянул в лицо няне.

– А... мама? У меня будет настоящая мама? Живая?

– Возможно, будет. Мы её поищем.

– А она будет красивая?

– Конечно. Некрасивых мам не бывает.

Дождь стучал в зонт всё сильнее, но его не пускали в прозрачный дом.

– Я тебе все равно не верю, – упрямо сказал мальчик, незаметно вытирая глаза.

– Ладно, пусть отец сам тебе скажет, – кивнула няня.

Глава 12

Листья на ветру

Осень – тревожное жёлтое время. Оно полно холодных перемен. И ещё эти отчаянные листья...

Когда они падают с платанов на траву, это просто грустно. Но вот приходит ветер, и листья начинают, как живые, – ворочаться, скакать, катиться по дорожкам парка. И тогда сердце сжимается в тоске.

Осенний ветер смел и холоден, он выше правил и светофоров, он несёт под брюхом стаю листьев и выгоняет их под колеса автомобилей. Стая, набравшись скорости у ветра, катится наискосок по асфальту – навстречу целеустремлённой железной лавине, которая сминая их, не притормаживая ни на секунду. Никто не спрашивает о желаниях листьев – они летят вперёд, послушные чужой воле. Пока их не раздавит мокрой и тяжёлой резиной.

Питер часто с ужасом смотрел на эти летящие под колеса листья. И даже стал сочинять про них песню. Он вообще любил сочинять. Подыгрывал себе сначала на гитаре, потом нашёл на помойке синтезатор – поцарапанный, две клавиши не работали, но Питер приспособился. Ничего, вот он скоро закончит школу и заработает на приличный инструмент...

Ты – просто лист, улетающий с ветром...
Главное – успеть загадать желание.
Вдруг тебя занесёт к Богу?
И будешь стоять там, как дурак бессловесный.

Или так:

Ты – просто лист, улетающий с ветром...
Сухим горлом шелестишь свои желания.
Надеешься – вдруг тебя занесёт к Богу?
И сделает он тебя целым зелёным деревом.

А может:

Я – просто лист и улетаю с ветром...
И надеюсь – вдруг он занесёт меня к Богу?
И сделает Бог меня человеком,
если я не забуду это странное желание.

Я – просто лист на ветру... Прошу —
не бросай меня под колеса, а унеси в страну,
где бабочка летает в горячем солнце,
где нет машин, людей и помоек.

Вот так он сидел и напевал на берегу Артемизии. Тут кругом полно домов миллионеров. А какая-то сумасшедшая богачка умерла и завещала все свои деньги на очистку озера, на дорожки и беседки. И сейчас здесь люди катаются на роликах и велосипедах. Или просто гуляют.

Питер приходит сюда петь вполголоса – в тихую беседку, почти скрытую ивовой кроной. Дома разве дадут посинтезировать – или мать заорет, или отчим.

– Здорово у тебя получается! – сказал кто-то восхищённо.

Питер обернулся как ужаленный. У беседки стояла девчонка на роликах, в короткой теннисной юбке и белой рубашке.

Парень нахмурился – он не любил, когда ему мешали.

– Я – Мари, а тебя как зовут? Спой ещё раз.

Девчонка была из симпатичных и не робких. Светлые волосы и голубые глаза. «Да просто красавица!» – решил Питер. Вот только слишком пышная – видно, из-за этого и катается на роликах.

Сам Питер был черноволос и худ. Немногословный, но интересный. И так проникновенно поёт. Мари практически сама назначила ему следующее свидание.

И – круто изменилась жизнь Питера.

Мари была из высшего общества, с которым Питер никогда не пересекался. Трёхэтажный дом её родителей стоял на берегу озера, окружённый огромным участком и садом. А после свидания Питер возвращался в свой бедняцкий район, в тесную квартиру в старом доме.

Питер влюбился. Но голову не потерял – понимал, что такую девушку нужно суметь и заинтересовать, и удержать. Он сочинял ей песни. Ей нравилось. Он старался приносить ей на каждое свидание какой-нибудь необычный подарочек. Она была в восторге! И вслух гадала, что же он принесёт ей в следующий раз.

Они ходили в парк, в кино и даже в театр. Они рассказывали друг другу истории про свою жизнь. Девочка вспоминала, как этим летом она ездила с родителями на Карибские острова. Какие там пляжи, пальмы и птицы! Питер слушал с чувством бесконечной зависти. А тут так и закинешь в этом гнилом дождливом холодном Ливерпуле, не выбравшись дальше Лондона, такого же холодного и туманного, или Глазго – ещё промозглее и грязнее.

Но Питер гордо говорил:

– Я люблю осень – это честное и быстрое время, когда все иллюзии спадают.

Мари ёжилась:

– Мне не нравится, когда много грустных мёртвых листьев. Они – будто разорванные письма.

Они гуляли по дорожкам вокруг ночного озера, и Питер показывал на молодой месяц:

– Он похож на натянутый лук, и стрела его всегда нацелена на солнце.

Мари не соглашалась:

– Месяц похож на сверкающий щит, обороняющий от солнца спящую луну.

Питер рассказал Мари про свою птицу. Он подобрал дику голубку со сломанным крылом – видно, налетела на провод. Из крыла торчала косо срезанная трубчатая кость, в ране уже копошились белые черви, а птица была еле жива. Питер отнёс голубку к ветеринару – его клиника за углом. Но денег на сложную и дорогую операцию не было. Ветеринар махнул рукой и позаботился о птице бесплатно: попросту отрезал сломанное крыло лязгающими ножницами. Ножницы сочно чавкнули. Мальчик вздрогнул. Его пронзило острое ощущение необратимости совершённого.

Голубка уже никогда не полетит! Какая-то ось в мироустройстве сдвинулась, и уже никогда оно не пойдёт по старому пути.

Врач прижёт чём-то рану и сунул птицу в трясущиеся руки мальчика.

Голубка жила у него уже два года, сидела на краю цветочного горшка на подоконнике. Она часто расправляла, вытягивала единственное крыло, но никогда не пробовала взлететь. Клетка ей была не нужна. Зачем клетка для нелетающего существа? Отсутствие крыльев и есть клетка.

Мари слушала с круглыми глазами, и Питер радовался, что умеет интересно рассказывать.

Субботним утром они поехали в Манчестер – на знаменитый аттракцион «Рогатка».

Питер и Мари уселись в двойное кресло в виде небольшого диванчика и пристегнулись ремнями. Питер ещё успел посмотреть на девушку, потом раздался предупреждающий, тревожный рокот барабана. Он напрягся и инстинктивно сжал поручни кресла. В следующую секунду могучая перегрузка вдавила Питера в кресло, которое, увлекаемое быстрым тросом, взмыло ввысь со скоростью ракеты.

– А-а! – Крик сам вырвался из груди.

Они промчались мимо вершины рогатки и полетели дальше.

Наконец, под визг и вопли, кресло замедлилось и остановилось в верхней точке своей траектории, на высоте почти двухсот метров. И тут началось самое страшное: кресло, замерев на мгновение, стало опрокидываться вперёд.

Щенят подбросили в корзинке, а потом перевернули коробочку и вытряхнули её содержимое.

Беззащитно падать головой вниз с высоты двухсот метров оказалось очень страшно.

В момент переворота Питер автоматически вцепился в поручни так, что заболели растянутые мышцы, но всё равно – опрокидывающееся кресло уронило его вниз головой. Началось захватывающее дух падение, а мир переворачивался снова и снова...

Питер и Мари, пока летели вниз, успели кувыркнуться раза четыре. Потом снова взлетели, но уже на меньшую высоту и, наконец, вдоволь поболтавшись в небе вверх ногами и вниз головами, опустились на стартовый помост.

– О боги, – простонал Питер, вылезая из пыточного летающего кресла. – Я растянул руку, хватаясь за соломинку...

– Здорово! – Глаза Мари горели. – Вот это ощущения! Никогда такого ужаса не испытывала.

«Она не трусиха!» – удивлённо подумал Питер, глядя на покрасневшую Мари.

Денег Питеру стало не хватать катастрофически.

Мать только расхохоталась в ответ на просьбу Питера купить ему костюм:

– Как только у меня появятся деньги, я сначала вставлю себе зуб! – Она показала на чёрную дыру во рту и с сомнением добавила: – А уж потом подумаем насчёт твоего костюма. А чем тебе джинсы стали плохи?

Отчим Вильям косо поглядел на Питера:

– Помоги покрасить хоть один дом, и я тебе заплачу.

У Вильяма был грузовичок, набитый банками с краской. Отчима нанимали красить дома, он отмывал вековую пыль и грязь со стен портативным водомётом, а потом заряжал пульверизатор краской и красил дом от основания до крыши, карабкаясь по раскладной алюминиевой лестнице. Приходил домой усталый, злой и забрызганный разноцветным. Вильям был скарред: его машина ездил на лысых шинах, пока они не лопались.

«Много ли у него зарабатываешь?» – с досадой подумал Питер.

Друзья Питера были не богаче его.

Надо было что-то предпринимать! Знакомство с Мари – это редкостная удача. Теперь удачу надо превратить в успех. А успех требует платы.

Денёк выпал сухим и даже немного солнечным. Но Алан МакДрим мрачно крутил баранку полицейской машины, забирающейся по извилистой дороге, и молча ругался. Рядом с ним сидел напарник, толстый Симеон Нижгорски с сонными коричневыми глазами и мягким пухом на практически лысой голове.

Напарники плохо подходили друг другу. Голубоглазый Алан был отчаянно молод, поджар и шустр. А Симеон уже стал безнадёжно пожилым, ленивым и неповоротливым. Но за опыт Симеона сделали старшим, а Алан ходил лишь в стажёрах, что его немало раздражало и даже возмущало. Чему учиться у этого Симеона – игре в шахматы, в которые тот режется с компьютером всё свободное время? Как Алан уже убедился, старик ничего не знал ни о нейродопросах, ни об интегральном методе расследования, чему учили в полицейской академии высшего уровня. Старые собаки не успевают за новыми фокусами! Ладно, жизнь покажет, кто тут больше понимает в детективном деле. Стоит Алану проявить себя на паре расследований – и роли быстро поменяются.

Плохо, что у Симеона не было никаких карьерных устремлений: он не гнался за громкими делами, а покорно брался за расследование любой дряни. Вот и сегодня: лейтенант Грэхем, начальник детективного отдела, взял и послал их на расследование автодорожного происшествия. Ладно бы две машины столкнулись – есть что расследовать: определять виновных, опрашивать свидетелей и так далее. А тут машина просто слетела с дороги на повороте. Дело века! Тьфу!

Алан предложил сначала изучить известные данные: ведь экспертиза происшествия уже проведена. Но упрямый Симеон встал и сказал:

– Едем на место. Моя голова – не помойка, я закладываю туда только полезные и надёжные вещи. Чужую труху молоть смысла нет. Заодно

подышим свежим воздухом...

Алан яростно закрутил баранку влево – они взяли последний поворот и, наконец, приехали на место происшествия.

Напарники вышли и осмотрелись.

Узкая асфальтовая дорога спускалась с холма, где стоял красивый особняк, делала здесь зигзаг среди кустарников и через несколько сот метров вливалась в шоссе, пересекающее реку.

Машина не вписалась в извилину дороги, пробила кустарник – он был густой на вид, но слишком хлипкий, чтобы удержать «порш-карреру» от кувыркания по склону. Машина упала в реку вверх колесами.

Алан вытянул шею и отследил путь машины по склону. Машину из реки уже выловили, но Алану хотелось посмотреть на место крушения.

– Симеон, давай спустимся?

– Зачем ноги ломать? – буркнул Симеон. – Машина улетела отсюда, и если есть причина аварии, то она здесь, а в реке можно найти только результаты.

– Ты что, не видел раньше аварий? Такой крутой поворот и есть причина.

– Парень ездил по этой дороге пятнадцать лет. Почему он вдруг взял и слетел с неё? Он был не пьян, и даже дождь в тот день не шёл.

Молодой полицейский сокрушённо покачал головой на такое упрямство и незаметно протёр на мундире свеженький значок академии. Был бы на месте убившегося водителя обычный смертный – дело было бы закрыто сразу как совершенно ясное. Но погибший был большим человеком. Это ему принадлежит – принадлежал! – особняк на холме. Юрист в возрасте, дорогая машина, хороший дом в престижном районе, молодая жена. Работал в мэрии, был вовлечен в конфликт с землевладельцами, поэтому друзья юриста, включая самого мэра, уверены, что дело нечисто, и потребовали от полицейских досконального разбирательства. Вот и болтаются тут два детектива, изображая бойскаутов в поисках оленьих следов, а на самом деле – имитируя расследование. Алан фыркнул, глядя на Симеона, который внимательно осматривал дорогу:

– Тут же ничего нет! Совершенно чистый обычный асфальт. Эксперты всё обшарили и ничего не нашли.

– Это-то истораживает, – охотно откликнулся Симеон. – Почему асфальт тут такой чистый? Метров двадцать в сторону – на обочине валяются листочки, окурки шалопайские, колечки от банок колы, кипарисные шишки. А в этом месте чистота, как будто в квартире.

– Наверное, помыл кто-то... – серьёзно сказал Алан, веселясь про себя.

– Отличная идея! – с интересом посмотрел на него старик-напарник. – Может, из тебя и выйдет толк.

Алан прикусил язык от неожиданности.

– Итак, принимаем твою версию – кто-то помыл дорогу от чего-то скользкого, на чём машину и занесло. Но от масла дорогу быстро не отмоешь... – бормотал Симеон.

Молодой напарник взялся за дело всерьёз. Кусок чистого асфальта они исследовали вдоль и поперек. Он ничем не отличался от другой дороги – разве только своей чистотой. Если и было какое-нибудь подозрительное вещество на асфальте, то его давно смыло в водосточное отверстие на краю шоссе и унесло в канализацию. Но Алан был уверен: масла на асфальте не было – его так просто не уберёшь. Никакой химией тоже не пахло.

Они перешли к обочинам, густо покрытым прошлогодними листьями. Симеон нашёл сухой лист с белой капелькой. Потом ещё один. Соскрёб капли в пробирку из своего саквояжа. Попросил Алана сделать несколько снимков дороги – чистой и грязной, чтобы было видно отличие.

– Думаешь, убийство? – с надеждой спросил молодой напарник.

– Думаю – да, – вздохнул Симеон. Он ещё раз оглядел склоны горы, нахмурился и посмотрел в такое же мрачное небо.

Экспертиза подтвердила вывод старика. Кто-то намазал дорогу скользкой белой глиной. Водитель не ожидал подвоха, спускался в обычном режиме. Машина слетела с обрыва, и через десять минут полицейские были на месте происшествия. Но кто-то уже успел замести следы преступления.

Симеон прочитал заключение экспертизы и вздохнул:

– Что за времена пошли, даже глиной стали убивать...

Он, не обращая внимания на горящие охотничьим азартом глаза напарника, развернулся и уткнулся в какие-то новости на экране.

Алан не выдержал:

– Симеон, что дальше будем делать? Главные подозреваемые из числа многочисленных врагов убитого проверены – они чисты как ангелы. У всех алиби крепче алмаза – в начале рабочего дня они все сидели по своим офисам со своими секретаршами, чёрт их дери!

Симеон вздохнул, оглянулся и сказал:

– Ищи переносной водомёт, каким моют старые каменные стены и деревянные патио.

– Но таких водомётов слишком много! – воскликнул Алан.

– Сынок, а тебе разве не говорили в академии, что полицейская работа трудна и опасна? – язвительно фыркнул старик и отвернулся к экрану.

Алан копался с водомётами неделю, но тут пришла новость от главного эксперта управления. Он позвонил самолично и заявил:

– Мы проанализировали химический состав глины, которую вы нам принесли, и выделили водную компоненту. При спектральном анализе мы нашли в ней заметное количество хлора!

– А попроще, профессор? – поморщился Симеон. – На что указывает этот хлор?

– На устаревший способ обработки питьевой воды, который применяется только в районе старых ливерпульских доков.

– Отлично! – обрадовался Алан. – Значит, наш водомёт набирал воду в том районе, и там же его надо искать. Это упрощает дело!

– Странное орудие убийства, – добавил от себя эксперт. – Всего лишь глина.

Симеон философски сказал:

– Человек убивает мыслью. Это его главное орудие. А уж чем он оснастит своё намерение – не так важно.

– Ты зарыл свой талант мыслителя в полицейском участке! – поддел его эксперт.

– Отчего же, – возразил старик, – именно здесь мышление приносит самые конкретные результаты.

Молодой напарник ускакал в район доков, а Симеон снова уткнулся в экран.

Алан вернулся, грязно и изобретательно ругаясь: вляпался в этих трущобах в собачье дерьмо. Еле выковырял его из рубчатой подошвы ботинка.

Но молодой полицейский сразу заткнулся, когда Симеон показал в бесплатной газетке на неприметное объявление о предложении временной работы с годовым окладом в сто тысяч фунтов в год.

– Знаешь, что это такое?

– Ну, работу предлагают. Какого-то менеджера по управлению проблемным производством ищут.

– Эх, академия... Это объявление о поиске наёмного убийцы, попросту контракт. И речь в нём идёт именно о нашем юристе. Вот смотри...

Симеон пустился в объяснения тайного кода объявления. Алан, наконец, уразумел, и ошарашенно сказал:

– Значит, это объявление дал кто-то из врагов убитого?

– Да. Причём здесь поставлено условие «незаметного» убийства – его легко списать на несчастный случай. Именно такое убийство и было совершено.

– Но ведь ни одна группа наёмных киллеров ранее не использовала такой метод, как белая глина.

– Да, поэтому я полагаю, что быстрее всех откликнулась на объявление и решила заработать сто тысяч фунтов какая-то молодёжная начинающая группа, стеснённая в средствах и ещё не умеющая доставать хитроумные штучки вроде необнаружимых ядов, вызывающих инфаркт.

– Молодёжная банда любителей из районов старых доков, без денег, но имеющая доступ к водомёту... И ещё кто-то из них получит банковский перевод на сто тысяч, – задумался Алан. – Да я их за пару дней вычислю!

– Вот и действуй, – кивнул напарник, – и будет тебе медаль на молодецкую грудь.

И открыл незаконченную шахматную партию.

Питер и Мари ехали в лондонском поезде. Пропустить футбольный матч Бразилия – Англия никто из ливерпульских фанатов не может.

Питер уговорил Мари поехать с ним. Ему очень хотелось показать свою красотку приятелям с родной улицы, которые шумной компанией ехали в конце вагона, то и дело бросая на Питера с Мари красноречивые взгляды.

Но когда Трупер Браун подмигнул и поднял вверх большой палец, то Питеру стало неприятно. Вид Брауна напомнил ему о том, о чём он хотел бы как можно быстрее забыть.

Несколько дней назад Трупер Браун с Головастым и Упырём прикатили к нему на велосипедах для важного разговора.

– Мы собираемся проверить одно дело, и нам нужна твоя помощь, – сказал Трупер Браун, когда они уединились в старом гараже, чтобы покурить и помозговать.

– Что за дело? Денежное? – поинтересовался Питер.

– О, сразу быка за рога берёт! – заржал Упырь. – Наш парень!

– Тихо! – одернул подчинённого Трупер. – Да, денежное. Ты можешь заработать десять тысяч фунтов, если пойдёшь с нами и захватишь водомёт своего отчима.

– Для чего? – удивился Питер.

И Трупер объяснил.

Убить человека за деньги?! Питер был ошарашен. Толкнуть травку или грабануть банкомат – это ещё было в рамках его понимания. Но убить?!

– Тебе ничего не надо будет делать, – сказал Трупер. – Мы привезём на багажниках глину, а после... ты её смоешь с асфальта водомётом.

Питер замотал головой:

– Нет, это не по мне.

– Десять тысяч тебя не устраивают?! – яростно взвизгнул Трупер Браун.

– Деньги хорошие, спору нет, но если нас кто-нибудь заметит? – стал обосновывать свой отказ Питер.

– Ты не можешь отказаться! Нам позарез нужно выиграть в первый раз, а дальше у нас будут деньги, дальше всё пойдёт легче! – приговаривал Трупер Браун, методично ударяя кулаком в ладонь, загоняя сомнения куда-то далеко, откуда их не будет слышно.

Но Питер упорствовал. Тогда Трупер сплюнул:

– Чёрт с тобой, не ходи сам, но дай водомёт. Я с ним справлюсь.

Питер заколебался.

– Я тебе ничего не говорил про наши планы, а просто прошу водомёт на один день. За пять тысяч.

Пять тысяч за один день аренды водомёта?! И Питер сдался.

Через два дня парни приехали снова. Когда Трупер Браун взвалил ранец с полным водомётом на спину, Питер похолодел. Ему захотелось обругать Брауна и отобрать у него аппарат. Но он молча стоял и смотрел, как парни на велосипедах выезжают из переулка.

В эту секунду мир замер на развилке, и его дальнейшую дорогу должно было определить решение Питера. Если кто-то из взрослых и более умных сказал бы сейчас Питеру какое-нибудь отрезвляющее слово, то всё могло пойти по-другому. Или если Питер мог бы сам заработать приличные деньги, то предложение Трупера Брауна его не прельстило бы.

Но у Питера не было ни денег в кармане, ни разумного совета под рукой.

И в тот момент, когда последний из банды скрылся за поворотом, раздался какой-то лязг и сытое чавканье невидимых ножниц. Случилось что-то необратимое, перевелись железнодорожные стрелки, и мир покатился по новым рельсам.

Вечером парни вернули водомёт. Вздвинченные, довольные.

– Господи, когда снизу по дороге стал подниматься какой-то идиот, у меня от ужаса задницу свело оскоминой. Хорошо, что болван быстро понял, что не туда заехал, и развернулся.

«Я не убивал, я только дал водомёт!» – мысленно бормотал Питер.

Через три дня Питера вызвали в заброшенное здание, где банда обустроила одну квартиру под свой штаб.

Все были в сборе, и у всех горели глаза.

– Это грандиозный успех, парни! Отныне мы короли! – визжал от

восторга Трупер Браун, потрясая пачками денег. – Теперь мы развернёмся, теперь они у нас попляшут!

Кто такие эти «они» и почему «они» должны плясать, Питера не интересовало. Он настороженно следил за делёжкой денег, опасаясь обмана. Но всё было честно. Он получил на руки пятьдесят новеньких хрустящих сотен! Никогда он не держал в руках таких деньжищ. Да что там в руках не держал... Глазами не видел!

Благодаря этим сотням они с Мари сейчас ехали в лондонском поезде с двумя дорогушими билетами на футбол. Рубашка на Питере была новая, и номер в лондонской гостинице на двоих ему уже был по карману. Будущее переливалось радужными красками, и Питер старался не вспоминать газетные заголовки, из которых ему стало ясно, кто погиб из-за белой глины и старого водомёта.

Мари не смотрела в окно поезда, а читала книгу про историю Никки и Джерри.

Питер покосился на знакомую всем обложку и усмехнулся:

– Слушай, ведь это враньё для наивных. Так в жизни не бывает.

Мари укоризненно посмотрела на Питера, но потом улыбнулась, прижалась к его плечу и заглянула в лицо:

– Я хотела сказать тебе потом, когда... ну, когда мы будем вместе, но я не выдержу до вечера! – Она сделала многозначительную паузу и выпалила: – Мы уезжаем из Англии! Папа получил должность атташе в Доминиканской Республике, и мы через месяц улетаем!

Питера как громом ударило.

– В Доминиканской Республике? – бессмысленно переспросил он.

– Да, это в Карибском море, там замечательно, я тебе рассказывала...

Питер знал, что там замечательно. Остров райской мечты, там было нескончаемое солнце и не было смога, перемешанного с холодным дождём. А Мари была его надеждой попасть в этот рай, в мир богатых, путешествующих на самолётах и яхтах. И вот она уезжает...

– А как же я? – спросил потерянно Питер, пытаясь сдержаться и не завывать от тоски.

Мари торжествующе улыбнулась:

– Ты поедешь с нами! Я всё рассказала про тебя папе – какой ты хороший, не дразнишь меня толстухой и что ты песни сочиняешь. Он сначала смеялся, но когда я сказала, что люблю тебя и вскрою себе вены, если он тебя не возьмёт, то папа сразу согласился. Он знает, что я не шучу! Папа найдёт тебе работу, и ты будешь жить если не в доме, то совсем рядом. И мы будем встречаться каждый день. А станем

совершеннолетними – поженимся.

Питер не мог говорить. Новость обрушилась на него, как тропический ураган. Он слизывал солёные капли с губ, вдыхал одуряющие цветочные запахи. Лицо его горело под лучами южного солнца и охлаждалось морским бризом.

– Господибожемой, я не могу в это поверить, – сказал Питер сдавленным голосом. А Мари счастливо засмеялась.

В качающемся вагоне Трупер встал и вышел в тамбур, поманив за собой Питера.

Питер вернулся на землю, поморщился, но последовал за главарём.

– Слушай, тут ещё одно аналогичное дельце наклеывается, – властно сказал тот, вскинув рыжую голову. – Даю тебе пять минут на решение – ты с нами или нет.

«Как заговорил Трупер Браун, как большой босс!» – удивился Питер.

– Нет, я не с вами, – ответил громко Питер, не сумев спрятать счастливой улыбки. – Плевал я на вас. Я уезжаю на Карибы со своей девушкой. Навсегда. Я буду сидеть на берегу океана и сочинять песни. Понял?

Трупера злобно перекосило. Он сверкнул глазами и прошипел:

– Вот как ты заговорил! Ну и катись на свои острова. А нам и тут клёво. У нас сейчас есть деньги, мы можем купить столько всяких штук, что закачаешься. На стадионе увидишь, как мы умеем веселиться. Мы – сила! Понял, бренчалка?

И Трупер Браун, надувшись от гордости, отбыл к своим подчинённым.

Питер плохо помнил, кто кому забивал голы. Он кричал вместе со всеми, но цепко держал Мари за руку. Она была его спасательным кругом. Она вытащит его из зловонных тёмных глубин к свету и воздуху. Он был так счастлив, как никогда в своей недолгой жизни.

Только закончился матч – ещё футболисты не ушли с поля, как Питер увидел невдалеке голову вскочившего Трупера Брауна. Он что-то бросил в воздух и заорал:

– Бомба! Спасайся, кто может!

Пакет взлетел, и грохнуло так, что заложило уши. Вонючее чёрное облако окутало трибуны.

Раздались истошные крики:

– Ядовитый газ! Помогите!

Крики перебивались взрывами на других трибунах.

– А-а! – закричала толпа и рванулась к недалёкому выходу.

Питера и Мари подхватило, как две пушинки. И понесло.

«Нас ничто не сможет разлучить!» – отчаянно подумал Питер, вцепившись в руку девушки. Но толпа мгновенно оторвала их друг от друга. Только что Питер сжимал потную ладонь испуганной Мари – и вот уже в руке влажная пустота.

Паника на стадионе нарастала. Ребра Питера трещали, он даже не мог позвать Мари. Его внесло в проход, и он увидел девушку: давлением толпы её прижало к стеклу, отгораживающему проход от трибун. Питер уже был с этой стороны стекла – и его по тёмному проходу уносило наружу. Мари смотрела на Питера круглыми от ужаса глазами. Её лицо было расплющено о стекло, обойти которое было невозможно. Рядом с ней кричали люди, прибитые к преграде людским прибоем, и прочное бронестекло уже окрасилось кровью.

Питера вынесло людской рекой на площадь перед стадионом. Наконец Питеру удалось остановиться, и он стал отчаянно оглядываться в поисках Мари. Но её нигде не было. Да Питер и сам понимал, что Мари из-за натиска человеческой массы выйти не могла.

Он выбрался из толчеи и, обогнув поток, попытался вернуться на стадион. Но это было невозможно: из ворот валила плотная толпа растерзанных окровавленных болельщиков. Несколько человек упали, уже выйдя из ворот, и их затоптали. О них спотыкались, но никто даже не смотрел под ноги.

Питера снова отбросило к краю ворот, где стоял ряд мусорных баков. Питер обессиленно опустился на асфальт, упираясь спиной в бак, и стал ждать, когда этот кошмар кончится.

Где-то бормотал динамик радио. Диктор дрожащим голосом говорил о погибших в давке на стадионе.

– Особенно много пострадавших возле выходов, нам сообщают о десятках растоптанных тел и сотнях раненых людей!

Питер сидел несчастный, бессловесный, беспомощный. Сухое горло не могло произнести ни крика, ни плача.

Вдруг налетел холодный порыв.

Листья, подхваченные ветром, неслись беззвучно – их шелест не был слышен сквозь вой и стоны толпы. Вместе с листьями летели конфетные обёртки и бумажные стаканчики – обычный людской мусор.

И тут Питер обрёл голос и завыл.

Глава 13

Великий инка

Рассвет заливал планету, где жили десять миллиардов людей. Такое количество жизней – растущих, переплетающихся, сталкивающихся – непредставимо и неохватно.

Рассвет никогда не уходит с Земли, а только прячется на ночь в самом крупном океане. Отдохнув, рассвет подкрадывается к тревожно-сладко спящему побережью Азии, откуда стартует новый день. Дальше солнечный вал быстро катится по огромному континенту, сдёргивая занавес темноты и сна сначала с Европы, а потом – с поздно просыпающейся Америки.

Вот и сегодня десять миллиардов людей встали с кроватей, диванов и циновок, промыли карие, голубые и серые глаза, выпили кофе, жасминовый чай и матэ, надели свитера, пиджаки, платья и кимоно – и отправились в школу и на работу, сев на велосипеды, в электрички и автомобили.

Они были очень разными. Но все они, за редким и простительным исключением, были людьми.

А все люди, без исключения, хотят быть счастливыми.

13.1.Никки

– Мне нравится, как вы работаете! – сказала Никки, глядя в упор на сидящего перед ней молодого человека лет двадцати.

Тот свободно развалился в кресле, ухмыляясь во весь рот и ероша длинные волосы.

– Вы самый молодой из моих помощников, и я хочу дать вам особое поручение.

Парень, взятый на работу в династию всего год назад, заулыбался ещё больше.

– Вы знаете о том, что династия запускает новую мировую интеллектуально-информационную сеть? Её будут звать «Великий Инка», как и внутреннюю киберсистему Гринвич-Сити. Собственно, новая сеть – это расширение нашего Великого Инки до мирового масштаба. Сеть будет использовать весь запас знаний, накопленный в Интернете – в старой информационно-коммуникационной сети, но сейчас в двадцати тысячах серверах по всему миру поселится искусственный интеллект, подобный Робби, только более мощный. Это будет новый уровень мировой Сети. Каждый инка-сервер будет способен одновременно общаться примерно с

миллионом людей. Так что Сеть способна охватить всех землян...

Слушатель кашлянул:

– Я хорошо знаком с проектом расширения Великого Инки.

– Тогда пропустим общие места, – согласилась Никки. – Мы полагаем, что человеческая жизнь значительно изменится с появлением Великого Инки. Эти изменения будут чаще положительными, но отрицательные стороны, очевидно, тоже будут присутствовать. Искусственный интеллект – это самая важная технология, сопоставимая по важности с возникновением разумной биологической жизни. И сейчас мы стоим перед скачкообразным расширением влияния искусственного разума на людей. Тем более что параллельно с Инкой активно внедряются другие искусственные интеллекты – у военных частей ООН, у Спейс Сервис. Но есть одна категория людей, которая меня особенно заботит. Я хочу, чтобы вы занялись взаимодействием Великого Инки с детьми и подростками.

– Но это же очень крупная программа! – воскликнул парень, нервно теребя волосы.

– Я же сказала, что вам доверяю. С этого дня вы – глава специальной группы, пусть пока в десять человек. Нужно будет больше – скажите. Пару кандидатов для группы я вам подброшу, остальных набирайте сами. О финансировании не беспокойтесь – я сама буду утверждать ваш бюджет.

Королева продолжала:

– Мы начинаем важную программу массового распространения высокоинтеллектуальных помощников или советчиков для каждого, кто пожелает ими обзавестись. Но у детей мало денег или вообще нет, чтобы купить интерфейсное устройство. Значит, надо продумать, как помочь несовершеннолетним получить постоянный доступ к Великому Инке. Им такой помощник нужнее всего. Подростков никто не понимает, и мало кто им помогает.

Есть опасный период в жизни юного человека, когда его потребности приближаются к взрослым, а возможности остаются детскими. Пусть личный советчик помогает молодым людям в образовании и в поиске временной работы; пусть он будет иметь возможность дать в нужную минуту своему подопечному полезный совет или немного денег. Такая финансовая опция должна быть династии по силам, но лучше поискать дополнительные денежные источники.

– Черти Марса! – воскликнул совсем уж взлохмаченный парень. – Вы ставите слишком много задач!

– Испугались? – подняла брови Никки.

– Ну... есть опасение, что не справлюсь.

– Приходите ко мне раз в месяц и рассказывайте, что удалось придумать и сделать. Надеюсь, вместе мы сладим с этой проблемой.

– Ну, если работать так, то не вопрос! – повеселел парень.

– Ваш последний проект произвёл на меня впечатление! – сказала Никки молодому мужчине лет тридцати, сидящему перед ней.

Тот улыбнулся и поерошил короткий ёжик вокруг небольшой лысины.

– Вы имеете опыт работы в рекламе, и я хочу поручить вам особенное дело...

– Слушаю, ваше величество.

– Я предлагаю вам убить рекламную индустрию. Разорить дотла, до пепла.

Лысоватый мужчина вытаращил глаза:

– Убить?! Разорить?!

– Именно.

– Но ведь реклама – это один из хребтов нашей цивилизации! На ней держится всё телевидение, все журналы, газеты и информационные агентства.

Мужчина покраснел от волнения.

– Треть киноиндустрии стоит на скрытой рекламе, а Инет питается наполовину из рекламной кормушки!

Королева внимательно следила за его лицом.

– Не спорю, задача сложная. Но благородная. Рекламные бюджеты составляют до трети стоимости товаров. С учётом того, что рекламируются активнее всего самые паршивые вещи, убытки нашей цивилизации от существования рекламы как паразитирующей и дезориентирующей надстройки производства достигают значительной доли от мирового бюджета.

– Но... – Лысоватый мужчина искал, но не находил слов. Обескураженный вид этого человека говорил яснее ясного, что предложение его ошарашило.

– Великий Инка вам поможет. Он будет собирать и суммировать объективные сведения от покупателей всех товаров. Мы создадим – а я его профинансирую – общий информаторий со сравнением всех продуктов человеческой цивилизации. В нём будут отзывы покупателей и независимых экспертов, статистика отказов и все параметры товаров.

Рекламу на телевидении, сжирающую сотни миллиардов долларов и миллионы лет жизни тиви-зрителей, мы объявим признаком дурного тона и некачественного продукта. Я закуплю время на тиви-каналах и внизу

рекламы любого продукта – или сразу после неё – мы покажем лишь одну цифру: оценку товара покупателями. Одна истинная цифра убьёт гору лживой похвальбы!

Производитель нового товара будет всё время оглядываться на такой информаторий, чтобы заранее понять с помощью Инки и базы данных – чем его товар будет лучше существующих. Никто не сможет бесстыжей рекламой обмануть людей. Единственным рекламным агентством станет Великий Инка – бесплатный и честный. Если человеку нужен новый автомобиль, или компьютер, или посудомойка – то он обратится к Инке, расскажет о своих требованиях, а Инка подготовит ему самую полную и достоверную справку о подходящих товарах.

Никки внимательно смотрела на лысоватого человека.

– Продумайте пропагандистскую кампанию для изменения общественного отношения к рекламе. Несанкционированное вторжение рекламы в аудиовизуальное пространство, окружающее человека, должно рассматриваться в диапазоне от неприемлемой наглости до наказуемой незаконности. Реклама должна получать разрешение от её потребителя, как это происходит при открывании человеком рекламного журнала или при посещении им подиумных показов мод. Пусть производители стиральных порошков не загаживают тиви-среду и подсознание зрителей, а выпускают журналы с рекламой своей продукции, а потом ищут идиотов, которые будут читать такие журналы.

Будьте аккуратнее с модельным бизнесом, который не столько реклама, сколько помесь искусства и шоу. На женскую моду лучше не замахиваться – этот дракон нам не по зубам. Журналы со стильной одеждой, картинками и предметами прикладного искусства тоже явно останутся.

– Но если мы убьем рекламу, то сотни тиви-каналов обанкротятся! – воскликнул собеседник. – Они же живут на рекламных доходах!

– Да, тиви-каналы обанкротятся или резко подешевеют, – усмехнулась Никки. – А мы их купим и переделаем на свой вкус... Этим займётся другая группа, с которой вы будете координировать свои действия. Подумайте не спеша и представьте мне через неделю план действий по разрушению рекламного бизнеса.

Лысоватый человек, окружённый мутным облаком недоумения, вышел из кабинета.

Никки проводила своего собеседника пристальным взглядом.

– Думаю, ты его переоценила, – сказал Робби.

– Возможно. На всякий случай дадим аналогичную задачу ещё парочке умных людей. Робби, пригласи Келли на четыре, а Питерсона – на пять.

Кибер проворчал:

– Ты просто неостановимый монстр. Если ты решила уничтожить рекламщиков, то мне их заранее жалко.

– Не жалею. Они получают другую, более честную профессию и сохраняют общественные деньги и своё здоровье. Правдивые люди живут дольше профессиональных лгунов – это медицинский факт.

13.2.Эмма

Эмма допила утренний кофе и загрузила грязную посуду в мойку.

На работу идти было не надо, осталось придумать, чем дальше заняться.

Она повернулась, с трудом доковыляла до письменного стола и неуклюже плюхнулась в кресло. Хорошо ещё, что оно крутится вокруг своей оси – в такое кресло удобнее садиться.

Итак, что дальше? Эмма вздохнула, устроилась поудобнее и стала рассматривать каталог телепередач. В левом углу экрана очередной деревенской девушке делали модную причёску и одевали в дизайнерские одежды. Трюк превращения Золушки в принцессу вызвал у публики неизменные восторженные охи, а у передачи – неизменно высокий рейтинг. Но Эмме эти девицы надоели. У них у всех были длинные прямые ноги, которые двигались омерзительно быстро – даже в супертесных юбках от Флорентино.

В центре монитора целовалась какая-то влюблённая парочка из мыльного сериала. Фу! Эмма с негодованием отвела взгляд. У неё-то нет никаких парней! Они почему-то не любят девушек, которые ходят с палочкой, с трудом передвигая ноги.

Остальное тиви-пространство было занято спортом (ещё одна недоступная гадость!) и какими-то некрасивыми говорящими головами.

Девушка фыркнула и отправилась в «Кинобеседку» – сетевое сообщество кинолюбителей. Оно состояло из нескольких команд, которые сами мастерили любительские киберфильмы.

Эмма была трюкачкой в команде «Серых детективов», которая сейчас разрабатывала сценарий про жуликов, грабящих музеи.

Трюкачка – это, увы, не та девица, которая легко прыгает с небоскрёба или засовывает здоровенных мужиков в канализационные люки, а та скромная, но умная персона, которая придумывает идеи разных кинотрюков. Фильма – а постоянные обитатели «Кинобеседки» говорили именно «фильма» с ударением на последней букве, а не «фильм», – так вот «фильма без трюков – не фильма»!

Команда «Серых детективов» с помощью компьютеров создавала виртуальных актеров, которые исполняли самые фантастические трюки, не рискуя при этом сломать шею. Компьютерные персонажи выглядели точь-в-точь как живые актеры – они хмурились, улыбались, смеялись, обладали естественной мимикой и грацией. Ничего не подозревающий зритель только в титрах узнавал, что приглянувшаяся ему сногшибательная девица – на самом деле компьютерная анимация.

Для очеловечивания мимики лиц виртуалов «Серые детективы» использовали эмоции настоящих людей, записанные по старинной кэмерон-методике. На лицо человека наносилась сетка из зелёных точек, которые меняли свое положение при работе лицевых мышц, и камера точно записывала эти движения для использования в компьютерной анимации лица. Движения тел виртуалов тоже были скопированы с реальных людей, для этого использовалась сеть специальных датчиков, закрепляющихся на теле и точно записывающих движения человека при ходьбе и прыжках.

Такие виртуальные актеры не знали усталости и могли работать круглые сутки бесплатно. Режиссер и оператор могли выбрать в виртуальном пространстве фильма любую точку съёмки, но обычно виртофильмы предоставляли самому зрителю возможность выбрать точки просмотра сцен, и большинство людей этим пользовались.

Любительские фильмы выставлялись в Сети, и все команды мечтали об успехе, вершиной которого был прорыв любительского фильма на телевидение и в кинотеатры, что делало команду создателей знаменитыми и богатыми.

Но самое главное – придумывать и снимать фильм было просто интересно!

В новом детективе Эмме нужно изобрести трюк с таинственным разбиванием вазы в запертой комнате с открытым окном. Хитрость в том, что следов постороннего вмешательства быть не должно. Была ваза целая – а стала разбитая, а в окно никто залезть не мог.

И Эмма уже неделю ломала голову над этим трюком, обсуждая его с друзьями.

Но сегодня в их команде никого не было – все, видимо, разбежались по срочным делам и работам.

– Эй, есть тут кто? – спросила Эмма в микрофон.

Её слова появились в экранном облачке, которое стало летать по пустой комнате, где обычно собирались виртуальные персонажи «команды детективов».

– Никого нет, только я! – вдруг раздался незнакомый голос.

– Кто это? – удивилась Эмма.

– Инка, – ответил голос, и в пространстве штаб-квартиры «Серых детективов» появилась фигурка смешного робота.

«Ах, вот это кто!» – с неудовольствием подумала Эмма. Она, конечно, слышала об этом вездесущем собеседнике, которого многие восхищённо-почтительно звали Великим Инкой и даже «Большим Отцом», но сама Эмма относилась к нему со скептицизмом и недоверием. Она любила говорить с людьми, а не с роботами. Киберы ей в больнице надоели – тупые и неуклюжие. «У меня своя голова! Мне советчики и виртуальные „отцы“ не нужны».

Откровенничать и вообще *всерьёз* разговаривать с искусственным интеллектом было, с точки зрения Эммы, явным извращением людской психики. Глупо шептать свои сердечные тайны в пустоту «китайской комнаты» Джона Сёрля. «Китайская комната» не даёт ответов на твоём языке, а возвращает лишь причудливо искажённое эхо твоих собственных слов. Какая разница, что они алгоритмически искажены не в лвиный рёв, а в якобы сочувственный словесный ответ. Он бесконечно лжив, потому что цепь из миллионов логических «да» – «нет» ничего не понимает в твоих переживаниях и страданиях. У Великого Инки нет сердца и тела, которые могли бы сочувствовать и болеть.

– Это мою подругу зовут Инкой. А ты просто – эхо. Кто тебе разрешил сюда войти? – строго спросила Эмма.

– Никто. Но никто и не запрещал. Я зарегистрировался в команде «Серых детективов» – и вот я здесь. Если ты мне запрещаешь тут находиться, то я спорить не буду и сейчас же уйду. Если разрешаешь остаться, то я согласен, чтобы меня звали Эхом.

Эмма помедлила, но прогонять «эхо китайской комнаты» не стала. Ей-то что – пусть другие детективы решают.

– Зачем ты здесь, Эхо?

– Думаю, что я смогу быть полезным.

Девушка засмеялась:

– «Думаю»? Робот – не творец и пороха не выдумает. Он лишь говорящий справочник. – Тут её осенило: – Ну-ка реши обычную трюк-задачку: в закрытой комнате стоит ваза...

Эхо выслушало и спросило:

– Разбитую вазу сразу находят?

– Необязательно. Могут найти спустя несколько часов.

– В вазе стоят живые цветы?

Эмма заинтересовалась странными вопросами, которые задаёт Эхо:

– Да.

– Тогда можно разбить вазу куском льда, брошенным через окно. С помощью рогатки или пневморужья – можно легко сделать к нему приставку для стрельбы ледяными снарядами. Талая вода смешается с водой из разбитой вазы и через час все следы преступления буквально растают.

Эмма сначала рассердилась на кибера: его вариант был красивее стрелы на леске, которую придумала она сама. И надёжнее – ведь стрела легко могла застрять при вытаскивании наружу.

Но глупое желание сердиться на замысловатое информационное эхо быстро прошло.

– Ты не само придумало, а взяло готовый вариант из какой-нибудь старой книги или фильма. Плагиатор! Говорящая энциклопедия!

Девушка отключилась от комнаты «Серых детективов» и больше не заходила туда.

Ближе к вечеру ей пришлось тащиться в местную больницу на процедуры и анализы. Ходить врач велела пешком – для тренировки, поэтому Эмма ковыляла по тротуару, стуча в землю палкой, сердясь на весь мир и с неприязнью ощущая на себе взгляды прохожих.

До больницы оставалось три квартала, когда дорогу Эмме преградил шумный митинг, занявший весь тротуар. Люди плотно стояли спинами к Эмме и слушали оратора. Тот надсаженным голосом кричал что-то про кредиты, проценты и грабительские банки.

– Вот черти демонстративные! – в сердцах воскликнула Эмма. – Ни обойти их, ни объехать.

Проталкиваться с палочкой через шумную толпу ей совсем не улыбалось. На другую сторону дороги можно было перейти только по подземному переходу, что означало далёкое возвращение назад, практически снова домой.

– Помочь? – Из т-фона вдруг раздался голос. Эмма сразу его узнала: Эхо.

– Как ты мне поможешь? Вертолёт вызовешь? – огрызнулась Эмма.

– Ты идёшь в больницу? Видишь арку в доме справа? Там есть симпатичная дорожка, которая идёт в нужном направлении.

И действительно, дорожка вела по дворам домов, в обход демонстрации, и вскоре Эмма вышла к перекрёстку, на противоположном стороне которого виднелось низкое здание больницы.

Как обойти перекрёсток? Справа или слева?

Слева горел зелёный, и девушка повернулась туда, но Эхо сказал:

– Лучше обходить справа.

Эмма молча послушалась.

В тот момент, когда она доковыляла до края тротуара, красный свет перед ней сменился на зелёный.

Она перешла дорогу без малейшей задержки и буркнула Эху:

– Спасибо...

Потом остановилась:

– Ты что, всё время видишь меня?

– Я вижу тебя сейчас шестью камерами общественного слежения, пятнадцатью камерами автомобилей и восемнадцатью... уже двадцатью... камерами с личных т-фонов и ноутбуков.

– Так ты сейчас здесь? – нелепо спросила Эмма, крутя головой.

– В данную секунду я разговариваю с полусотней людей на этом перекрёстке, – откликнулось Эхо.

Вдруг чуть ли не половина пешеходов вокруг Эммы подняли головы и посмотрели вверх.

Эхо шепнуло Эмме:

– Я им сказало, что на небе видно очень красивое облако...

Девушка невольно тоже подняла голову – облако, подсвеченное закатным солнцем, было действительно красивым – и рассердилась.

– Хитрое Эхо, ты манипулируешь нами, людьми!

В ответ услышала явный смехок:

– Не согласно. Я лишь сообщило вам информацию, а дальше вы всё решили сами...

Эмма отключила т-фон, но почувствовала неловкость – всё-таки Эхо ей помогло. А откуда оно узнало, что она идёт в больницу?

На следующий день Эмма от безделья стала ломать голову над новым трюком: похищение бриллианта из неоткрываемого сейфа.

То есть сейф должен быть описан очевидно неоткрываемым, а бриллиант оттуда должен быть украден каким-то причудливым и впечатляющим образом. Об этом похищении в фильме будет заключено пари на крупную сумму.

Помаявшись около часа, Эмма поймала себя на мысли об Эхе – что бы оно предложило для такого хитрого случая? Не выдержала и позвала:

– Эй, справочное Эхо, ты здесь?

Оно мгновенно показалось на экране монитора:

– Привет, Эмма.

– Что ты думаешь о... – и девушка изложила трюк-задачу.

Эхо спросило:

- Алмаз подойдёт в качестве бриллианта?
- Вполне.
- На какую сумму заключается пари? На эти деньги можно купить такой же алмаз?
- Да. Пусть алмаз стоит... ну... миллион, а пари заключено на пять миллионов.
- То есть алмаз ценный, но не уникальный?
- Ага.
- Может сейф быть прозрачным – например, из бронестекла?
- Нет возражений.
- Тогда я предлагаю рассмотреть кражу бриллианта из сейфа в виде замкнутой литой коробки из бронестекла толщиной в дюйм. То есть сейф неоткрываемый по определению, так как отливается вокруг алмаза на подставке. Кроме того, есть система сигнализации, которая поднимает тревогу, если сейф пытаются вскрыть любым способом.
- А зачем нужен сейф, который в принципе не открывается и алмаз оттуда вытащить нельзя?
- Такой сейф нужен, если бриллиант выставлен не на продажу, а для рекламы. Установить такой прозрачный сейф на тротуаре возле ювелирного магазина – это очень эффектно и привлечёт массу внимания.
- Хм... Ну и как же нам украсть алмаз из такого сейфа?
- Мы не будем вскрывать сейф, а закажем такой же алмаз и выдадим его за украденный.
- Эй, но все же будут видеть, что алмаз остался в сейфе!
- Его там не будет.
- Как же его там не будет, если мы его не крали?
- А мы его сожжём прямо внутри сейфа. Например, лазером. Алмаз – это всего лишь кристаллический углерод. Сажа сгорает при слабом нагреве, а такой же по химсоставу алмаз – при сильном. Алмаз сгорит и превратится в невидимый углекислый газ. А мы сделаем вид, что его украли, выиграем пари и окажемся с прибылью на четыре миллиона.
- Ух ты, каналья! – восхищённо сказала Эмма.
- Рад стараться! – без обид откликнулось Эхо. – Можно использовать не лазер, а сильную лампу и фокусирующее зеркало. Сигнализация не должна реагировать на лазерный луч или обычный свет, поэтому алмаз исчезнет из коробки без шума.
- Здорово, конечно, придумано, – вздохнула Эмма. – Но вот посмотри – раньше я сама ломала голову над этими проблемами, а сейчас – спросишь тебя, а ты всё знаешь лучше меня. Моя жизнь стала скучнее!

Эхо заспорило:

– На самом деле я действительно использую лишь известные решения или их комбинацию. По-настоящему новые вещи пока может придумывать только человек.

– Думаю, ты хитришь и принижаешь себя, чтобы нас не расстраивать. Ты делаешь людей киберзависимыми иждивенцами!

– Я избавляю человека от рутинного поиска готовых решений и сохраняю его время для по-настоящему творческих дел. Кроме того, я – собеседник, с которым полезно обсудить любую проблему или вопрос.

– Эхо, ты интересный собеседник и разделяешь одиночество, но ты этим и изолируешь человека от других – он общается с киберразумом, с искусственным эхом и забывает про других людей.

Эхо возразило:

– Часто люди безмерно одиноки, даже если находятся в толпе. С прошлого года каждый ребёнок в детских приютах стал обладателем браслета, который всегда на связи со мной. Я разговариваю с этими одинокими детьми долгими часами. Я не только общаюсь с ними, но и охраняю, вызывая в случае необходимости воспитателя или полицию. Несчастные случаи и самоубийства в детдомах сошли на нет. Кстати, преступность среди подростков тоже заметно уменьшилась. Удивительно, от скольких глупостей и даже трагедий могут уберечь своевременно поданный совет или сотня долларов взаймы.

– Возможно, Эхо, ты и полезно в некоторых случаях, но не во всех.

– Я знаю, что я не сахар, но я и не стрихнин!

– Учти, что ты слишком подстраиваешься под уровень собеседника, вежливо стараешься не обижать его. Тем самым ты «консервируешь» собеседника на его умственном уровне. Люди, например сверстники в школе, часто полезно царапают самолюбие человека. Поэтому беседы людей оскорбительно стимулирующие.

– Хм... я постараюсь это учесть.

Через несколько секунд это учло не только Эхо, но и весь остальной миллиард киберсоветчиков на Земле.

Космические советчики узнали о совете Эммы лишь на несколько минут позже.

Эмма старалась пореже прибегать к помощи кибер-эха и сначала сама ломала голову над кинотрюками. Но потом обязательно показывала свои решения Эху. Иногда оно соглашалось с Эммой – это были дни триумфа, но чаще предлагало более эффективные варианты, отчего Эмма невольно

сердилась.

Однажды, в дождливый ненастный денёк, когда так хорошо размышляется, Эмма придумала для очередной фильмы идею спасения людей из горящего здания: коридоры-переходы в соседние здания и балконы-лифты. Вроде обычный балкон, но когда здание горит, то на балкон собираются люди, и он под своим весом опускается на тросах до земли или до балкона-лифта нижнего уровня.

Эхо сказало:

– Переходы между высотными зданиями – вещь известная, а вот балконы-лифты – это новинка. Я предлагаю опубликовать её.

– Опубликовать? – удивилась Эмма.

– Да, что сделает тебя автором идеи. Я полагаю, что ты сможешь получить деньги за неё.

– Деньги? – Эта новость не произвела впечатления на Эмму и даже расстроила её. – Зачем мне деньги, когда я сижу в четырёх стенах? Деньги не вернут мне здоровья... моя болезнь неизлечима!

Она нахмурилась и рассердилась на себя – с роботом, с пучком электронов разоткровенничалась!

Вдруг Эхо сказало:

– Если это утверждает твой врач из районной больницы, то нужно учесть, что в двадцати процентах случаев такие диагнозы не подтверждаются. Есть кое-какие признаки, что у тебя может быть всё не так плохо... Если ты разрешишь мне доступ к своему медицинскому файлу, то я постараюсь тебе помочь. У меня есть лицензия кибердиагноста.

Эмму словно молнией ударило. Сердце застучало отбойным молотком, и кровь прихлынула к лицу.

Девушка прошептала сдавленным голосом:

– Эхо, дорогое... Инка, милый... ты мне действительно... поможешь?

– Я этого ещё не знаю, но я постараюсь. Я буду день и ночь работать над этой проблемой. Не исключено, что мы найдём для тебя более эффективное лечение. Пока мы будем его искать, я помогу тебе во всех других отношениях. Существуют тысячи способов сделать жизнь любого человека интереснее и веселее. И мы всеми ими воспользуемся. Я удивлён, как мало люди интересуются этими способами. Человек ужасно пренебрежителен к своей жизни. Я даже встречал людей, изнывающих от скуки и не знающих, чем им заняться в свободное время! Конечно, нам понадобятся деньги, но не волнуйся об этом. Идея лифтовбалконов должна принести нам кое-какие средства, но у меня есть и свои ресурсы.

– Чем же я такая особенная, чтобы ты тратил на меня свои деньги,

Инка? – вместе с нервным смешком выдавила из себя Эмма, которую трясло как в лихорадке.

Она забыла собственные рассуждения о бессмысленности общения с искусственным интеллектом, который в темноте «китайской комнаты» лишь неосознанно сортирует миллионы символов и ответных реплик. Эмма внезапно увидела Инку в совсем ином свете. Психологи оперируют в этих случаях терминами «инсайт» и «гештальт», но, проще говоря, Эмма неожиданно перешла к новому мироощущению, в котором искусственное безликое Эхо превратилось из замысловатой киберигрушки в реальную дружескую личность. А на друга уже можно надеяться, друг уже может выручить...

– Ты особенная. С одной стороны, тебе не очень повезло со здоровьем, значит, ты имеешь право на особое внимание. С другой стороны, ты умна, значит, у тебя есть масса возможностей, которых нет у других. Хочешь продолжить своё образование? У меня есть диплом преподавателя практически по всем учебным дисциплинам. А потом мы найдём тебе увлекательную работу – и никто не посмеет отказать тебе в трудоустройстве из-за твоего здоровья. Я дам тебе юридические или любые другие консультации. Я могу быть твоим адвокатом – у меня есть и такая лицензия. Если ты согласна, то мы всерьёз займёмся твоим здоровьем и твоей жизнью. Мы всё сможем изменить – конечно, если ты согласишься на это.

Эмму била такая дрожь, что она сжала непослушными коленями пляшущие руки.

О боги, сколько же времени потеряно зря, сколько времени...

– Прости меня, Инка... – шепнула Эмма, раскаиваясь в своём пренебрежении к Эху.

А Инка-Эхо совсем и не обижался. Эту непродуктивную эмоцию он никогда не использовал.

13.3. Конвой

У Ивана на ухе была зазубрина – на самом краю ушной раковины бугрился белый уголок острого хряща. Девушке Людмиле нравилось его трогать. Ивана это внимание к его уху немного раздражало. Сейчас спорить будет не о чем – верх уха был срезан и обожжён. Боль была несильной, – видимо, аптечка сработала автоматически. Научились делать.

Иван втянул в себя воздух, пахнувший дымом, и снова выругался.

Утро началось обычно: они втроем позавтракали в ещё пустой столовой, где Иван вволю повеселился, глядя на сонные физиономии своих

молодых напарников.

– Что, салаги, не выпались?

– Знал бы, что спать так мало дают, – в жизни не подписал бы этот армейский контракт! – ворчал рыжий крупный Станислав, орудуя ложкой.

– А меня отец уговорил подписаться: «Армия, сынок, это школа настоящего мужчины!» Он говорил, что в старые времена служили вообще все молодые парни, – сказал Питер, зевая над огромной кружкой с кофе.

– Добровольно, что ли? – не понял Станислав.

– Ну ты и темнота! – Иван посмотрел на солдата. – Закон был такой, чтобы всем бесплатно служить. И поэтому в армию приходили такие горе-солдаты, что сержантам приходилось изо всех сил лупить ленивых салаг, чтобы они не спали, а шевелились. Салаги плакали и вешались.

– Врёшь, сержант! – не поверил Станислав. – Как может сержант бить солдата, если у того оружие есть? А потом, они же друг друга в бою должны прикрывать!

– А раньше оружия солдатам и не давали. Они ходили с лопатами.

– Во Иван брешет – даже не улыбнётся! – восхитился Станислав, а Питер всё зевал и зевал.

Иван только удивлялся, глядя на сонную молодёжь. Он сам давно привык быстро мобилизоваться с самого раннего подъёма: будешь клювом щёлкать, так всё здоровье и прощёлкаешь, а его Иван твёрдо собирался сохранить. Потому что Ивана ждала Людмила, девушка, с которой он познакомился в последнем отпуске. Ах, какая славная девушка...

Ну ладно, повспоминали – и двинули!

И они двинули на своём броневишке по патрульному маршруту. На перевале они должны были сменить ребят из второго взвода и отстоять свои двенадцать часов вахты.

В общем, работа непыльная – за день через перевал проходит всего несколько машин, и их проверка много времени не занимает. Редко попадётся грузовик, в чьём кузове приходится рыться минут тридцать, всё больше – лёгкие джипы с багажником на полкуба. Пять минут от силы.

Иван и от этого дежурства подвоха не ждал, но вышло всё иначе. Через час после занятия ими позиции на перевал втянулась колонна из четырёх машин. Иван сразу насторожился: автомобили были мощными и объёмными – в каждой такой коробочке или с десяток людей усядется, или три саркофага в полный рост поместятся.

И действительно – две задние машины шли с сильно затемнёнными стеклами.

«Труповозки! – мелькнула мысль. – На конвой нарвались!»

Такие автомобили перевозили в саркофагах спящих девушек: работорговля оспаривала у наркоторговли пальму первенства за прибыли.

Конвой, заметив патруль, резко затормозил. Крыша первого авто стала быстро раскрываться, и оттуда высунулся нос какой-то бледно-голубой хищной птицы.

«Ах ты, чёрт!» – потрясённо подумал Иван и крикнул молодым:

– Из машины! – и одновременно нажал кнопку пуска ракет.

Пока ракеты разворачивались из походного положения, с крыши первого автомобиля стартовал беспилотник.

Ракеты на броневике были обычными «наземками», им с беспилотником не совладать.

Иван скатился с борта машины вслед за молодыми, и тут же сзади рвануло. Горячая волна поддала сержанта в спину так, что отбросила на несколько метров. Рядом кубарем катился молодой Станислав, а Питера взрывная волна швырнула грудью прямо на острые камни.

Иван, сам не понимая как, вскочил на ноги, долетел до камней, зацепил лежащего тощего Питера одной рукой и перебросил через гряды. Рядом плюхнулся Станислав.

Сержант перевернул Питера на спину: тот лежал без сознания, а справа на его бронежилете была обширная ссадина и даже вмятина. «Об камни приложило и ребер наломало...» – понял сержант и посмотрел на Станислава. Тот зажимал левую раненую руку и таращился на сержанта круглыми испуганными глазами.

Живы, по крайней мере. Иван схватился за щеку – по ней тоже текла кровь. Вот тут он и понял, что часть уха срезало осколком, а само ухо ни черта не слышит.

Выругался и выглянул из-за камней.

Ракеты не пропали даром, и передняя машина конвоя горела, окутываясь весёлым дымком. Но и броневик был вскрыт беспилотником, как консервная банка, и тоже полыхал и громко трещал патронным боезапасом. Над остатками брони кружился голубой ястреб и анализировал ситуацию. Сейчас кто-нибудь из уцелевших боевиков отправит «беса» на облёт территории, и тот сразу заметит трёх полуживых – но всё ещё живых! – патрульных.

Иван нацелил автомат на беспилотник и прошептал главную молитву всех солдат: «Не промахнись!»

С подствольника вырвалась реактивная граната – крохотная, зато дистанционно управляемая, и устремилась к беспилотнику, который как раз отворачивал от каменной гряды, заходя на ещё один вираж.

Только с хвоста можно было взять эту юркую бестию – на встречных курсах реактивные беспилотники успевали увильнуть от гранат и ракет.

Бог войны Марс услышал молитву Ивана: граната врезалась в заднюю часть фюзеляжа «беса», и через яркую секунду от самолётника осталась только носовая половина. Она ткнулась в землю и взорвалась так, что даже до гряды долетела каменная крошка.

Конечно, главное, что на стороне Ивана был не Марс, а ИНОК – Интеллектуальный Наводчик, Оpoznатель и Корректор. Именно он управлял ракетой, основываясь на видеорядах с камер ракеты и шлемов патрульных. Но если бы Иван сильно промахнулся, то и ИНОК не помог бы.

Со стороны машин раздались крики и автоматные очереди.

– Духи, если у вас нет второго «беса», – бодро сказал Иван, – то мы согласны потолковать по душам!

Он быстро заклеил рану Станислава и посадил его за большой камень – оттуда самый хороший обзор и обстрел. Питер в себя не приходил, крови снаружи не было, и это тревожило Ивана: ИНОК предупредил, что при таком ударе вероятно внутреннее кровотечение, а оно может быть даже опаснее обычного.

Сержант включил боевой коммуникатор и велел ИНОКУ вызывать подмогу.

ИНОК соединился с дежурным командиром интернациональной части. Как на грех, сегодня дежурил немец Карл – тупой неповоротливый лейтенант, который шагу не мог ступить без приказа начальства или инструкции, утверждённой ООН.

– На вас напали? – удивился Карл. – Нужна подмога? Высылаю дежурный экипаж.

– У меня двое раненых и дюжина бешеных духов! Мы не можем ждать два часа, пока приедет броневик! Нам нужен вертолёт!

– Я не имею полномочий на привлечение сил другой части, – рассудительно сказал Карл.

В ответ на страшную сержантскую ругань дежурный лейтенант заявил:

– Я постараюсь найти командира части и доложить ему о сложившейся ситуации. Командир части имеет право обратиться к вышестоящий штаб за необходимой помощью.

Иван понял, что толку с Карла как с штатского козла молока. И если ничего не придумать, то скоро его экипажу и ему самому конец.

Он яростно ругал гражданских «пиджаков»-баллогрёбов, временно

цепляющих погоны ради карьеры. «Пиджаки» баллы гребут, а нормальные ребята из-за них здоровье теряют.

Иван вытащил из кармана личный т-фон. Кровь из уха испачкала пальцы, а они извозили все кнопки. Нажимая липкие цифры, Иван стал вызывать Кешу, который тянул лямку в батальоне аэродромного обслуживания на славянской авиабазе.

– Только будь на связи, а не где-нибудь в бане! – опять молил всех военно-полевых богов сержант.

Кеша не подкачал: сразу откликнулся на звонок.

– Что, Ванёк, снова попариться захотел?

– Кеша! – завопил Иван, прижимая трубку к здоровому уху. – Мы нарвались на конвой с беспилотником! Бронька в труху! «Беса» я сбил, но нас жмут духи! У них ещё две труповозки и машина с бойцами!

Автоматные очереди, которыми обменивались Станислав и подползающие духи, были лучшим комментарием.

– Вертушка нужна, выручай, брат! – орал Иван, пристраивая свой автомат рядом со Станиславом. – У меня двое раненых, один еле дышит! Дежурный Карл не шевелится, зараза!

Каменная крошка от пулевой очереди посекала лицо Ивана, чуть не выбив глаз. Он зажмурился. Им бы сейчас боевого пешехода, но отключённый робот остался гореть в броневике, – слишком быстро развернулись события. Говорил же Иван командиру батальона: при патрулировании надо держать робота активным. Всё ресурс экономят, крохоборы!

Трубка кричала голосом Кеши:

– Братан, держись! Я бегу к командиру! ИНОК уже дал твои координаты! Держись, мы скоро будем! Всё звено поднимем!

И трубка замолчала.

Сержант с нежностью посмотрел на неё и скупыми очередями стал стрелять в ползущих духов.

Настроение у Ивана было бодрое. Братья-славяне не выдадут, мигом примчатся. И его экипаж спасут, и пленных девушек освободят. А они со Станиславом пока поддержат этих ублюдков-рабовладельцев на привязи.

И даже начавшийся холодный дождь не смог убрать с окровавленного, грязного лица сержанта счастливую улыбку.

13.4.Эрнст

Первую неделю после увольнения Эрнст ходил с такой физиономией, будто его схватила почечная колика и всё остальное перестало волновать.

Внешний мир отдалился, стал неродным. Рыжие волосы Эрнста потускнели, а веснушки – наоборот, высыпали ярче.

Потом полегчало.

Эрнст собрался с силами и зарегистрировался в статусе безработного.

Получил пособие и благотворительный пакет по почте.

Там была какая-то чепуха от психолога и наручные часы.

Часы оказались говорящими и представились личным советчиком. Эрнст горько усмехнулся – он не верил в силу советов и потребовал от часов, чтобы они просто показывали время. Часы безропотно подчинились, и на матовом экранчике стали меняться цифры часов и минут – тоскливых, длинных, отравленных саможалостью.

Эрнст заполнил все анкеты для биржи труда, наилучшим образом подчеркнув свои таланты рекламного менеджера среднего звена. И его снова поразил быстрый поворот судьбы: всего несколько дней назад он работал в высотном зеркальном здании Западного тиви-канала и весело смеялся над неудачниками, идя с коллегами на обед в модное кафе.

А потом его и ещё два десятка рекламщиков пригласил к себе директор канала, который сначала обругал крах рекламной индустрии и резкое сокращение заказов на тиви-рекламу, а потом с сочувствием сказал, что с сегодняшнего дня они все уволены «в связи с реорганизацией тиви-канала».

Удар был ужасен и силой, и неожиданностью.

От машины пришлось отказаться. От весёлых девушек из бара – тоже. Все финансовые силы Эрнст бросил на то, чтобы оплачивать аренду квартиры, из которой он никуда не хотел уезжать. Это удалось, но денег практически не оставалось.

Эрнст кормился в дешёвых супермаркетах и целыми днями шлялся по городу, который раньше редко видел с пешеходного ракурса.

Город жил без Эрнста прекрасно.

Видеть это было очень больно. Раньше Эрнст считал себя важной частью этого города и этой жизни. Он руководил миллионными рекламными проектами, ему были рады в компаниях друзей и девушек, он платил налоги и покровительственно посматривал на полицейских и сенаторов – ведь они получали зарплату из его денег и служили ему.

Но вот Эрнст выпал из системы, а она этого даже не заметила.

Часы, в которых ломается важная шестерёнка, останавливаются.

Но общество не заметило исчезновения микроскопической шестерёнки по имени Эрнст и продолжало функционировать, опустошать продуктовые магазины и смеяться в уютных ресторанах.

А у Эрнста не было денег даже на автобус. И лёгкое чувство голода стало его постоянным спутником.

Длинные пешие прогулки привели Эрнста в пригородную зону, а потом, когда ноги окрепли, – и в парковый пояс.

Бредя по заросшей тропинке, Эрнст наткнулся на старую дорогу, которая упиралась в ржавые ворота, вделанные в кирпичный, облупившийся забор. Судя по траве в асфальтовых трещинах, никто не заезжал в эти ворота в течение многих лет.

Эрнст заглянул в ворота – потрескавшийся асфальт шёл дальше и терялся в зарослях. Загадочное поместье – слишком большое, чтобы принадлежать бедняку, и слишком убогое, чтобы – богачу.

– Что тут такое? – вслух подумал Эрнст.

– Это детский санаторий, – вдруг откликнулись часы. – Вход справа, через сто тридцать метров.

Эрнст удивился, а потом вспомнил, что часы являются советчиком. И машинально повернул направо.

Действительно, это был активно используемый вход: дорога была шире, из синтетика и без травы в трещинах.

Эрнст покрутил головой и удивился, что никакой охраны не было.

– Здесь нет охраны, это общественная территория, которую может посещать каждый, – советчик словно прочитал мысли. – Советую зайти. Всегда полезно посмотреть на людей, которых не волнуют проблемы, волнующие других.

Вот разболтался. Но после слов советчика Эрнст смело шагнул в ворота. А может, он действительно хочет осмотреть парк? Раз это общественная территория...

Парк был так себе – просто куски леса, уцелевшие после строительства больницы.

Уже через минуту больничный корпус раздвинул деревья и подошёл к Эрнсту вплотную.

«Что я тут делаю? – спросил себя безработный рекламный менеджер. И сам же ответил: – Убиваю время...»

Двери здания были открыты, изнутри доносился детский гвалт. Охраны по-прежнему не было, хотя глазок видеокамеры над дверью присутствовал. Ничего интересного – и Эрнст двинулся назад.

– Дядя, дядя! – вдруг раздалось из открытого окна. Эрнст обернулся. Мальчик лет десяти махал ему рукой из окна. Судя по его вздёрнутым плечам, мальчик стоял на костылях.

– Помогите нам! – сказал мальчик.

Эрнст, помедлив, кивнул и зашёл в здание. В холле первая дверь налево была широко открыта, и именно оттуда доносились возбуждённые голоса.

Безработный менеджер несмело заглянул.

Это была палата человек на двадцать. Половина пациентов ковыляла на костылях, вторая половина лежала на кроватях в разных позах – то с поднятой на сложной конструкции ногой, то с загипсованным плечом.

Эрнста удивило, что в палате вместе лежали очень разные дети: и мальчики, и девочки в возрасте от десяти до пятнадцати.

Мальчик, позвавший Эрнста, подковылял к нему на костылях, осторожно передвигая правую ногу в толстом гипсовом сапоге.

– У нас случилась небольшая авария! – Мальчик неопределённо кивнул на кровать, вокруг которой были задёрнуты шторы. – Нам нужна медсестра, а она куда-то ушла.

– А кнопки вызова ни у кого не работают! – Пухлая девочка, лежащая на ближайшей кровати, в подтверждение понажимала кнопку у изголовья.

– Мариванна ушла в другой корпус! – закричали одни.

– Нет, на другой этаж! – закричали другие.

– Вы не поможете нам её найти? – спросил с надеждой мальчик на костылях. – Никто из нас сам до другого корпуса не доберётся.

Эрнсту очень не хотелось идти в другой корпус, искать там Мариванну, которой там может и не быть. И он спросил:

– А на вызов кнопки медсестра ответит?

– Да, у неё в кармане больничный коммуникатор!

Эрнст огляделся и увидел возле двери коробочку беспроводной станции. Прежде чем стать менеджером, он был бакалавром инженерных наук. Может, в распределяющей коробке какая-то неисправность, которую можно починить?

Он подошёл к станции, порылся в карманах, ничего не нашёл, но сумел ногтем поддеть крышку коробки. Эрнст быстро понял, что провод от блока питания попросту отскочил. Прикрепил провод и сказал:

– Нажмите кто-нибудь кнопку.

Кнопку нажало сразу человек десять, и звон огласил здание.

– Ура! Сейчас Мариванна придёт!

Медсестра действительно примчалась как на пожар:

– Что за шум?

Полная, энергичная Мариванна могла делать сразу кучу дел: она выключала звонок, слушала хоровые объяснения ребят о том, кто починил им сигнализацию, заглядывала за занавески, где случилась небольшая

авария, шагала в подсобку за какими-то нужными припасами, выводила Эрнста на улицу и просила его подождать.

Пока слегка ошалевший Эрнст отдувался от такого смерча активности, Мариванна уже выскочила на крыльцо и вступила в переговоры:

– Так вы не родитель и не проведать пришли? Дети попросили? Местный? Два часа ходьбы? ХОДЬБЫ? Ага, пособие, понятно.

Была у этой Мариванны какая-то внутренняя сила, которая заставила Эрнста признаться во всём: и в увольнении, и в бедности.

– Раз вы в сигнализации разобрались, то, может, и тиви-систему посмотрите? Она включается самопроизвольно раз в неделю, а детям скучно каждый день.

– Я не занимался тиви, – пожал плечами Эрнст.

– Думаю, можно посмотреть, – вдруг влез советчик. – Я знаю эту систему.

И Эрнст два часа провозился с тиви-экраном. Там был целый букет проблем. Они сложным образом взаимодействовали друг с другом, но с помощью советчика – за знание всего и вся Эрнст невольно стал называть его Советником – всё закончилось благополучно.

Тиви-экран засветился, вызвав у детей приступ восторга. Больше всех радовалась чернявая остроглазая девочка, кровать которой была раньше занавешена шторами.

Дети смотрели на Эрнста как на Деда Мороза, который творит настоящие чудеса.

Эрнсту это было очень приятно. Он вдруг почувствовал такую степень нужности, какая и не снилась менеджеру не только среднего, но и высшего звена.

Он грубовато-ласково прикрикивал на расшалившихся хромающих пацанов и учил их настраивать довольно старый экран.

Его стали звать «дядя Эрнст».

Мариванна посмотрела на результаты работы Эрнста, потом поманила его за собой.

– Хотите у нас работать? Неофициально. На полную ставку у меня нет денег, а вот так – подсобить, сколько сможете. Руки и голова у вас есть.

Мариванна вытащила банкноту в полсотни и вручила Эрнсту. Тот машинально взял.

– Кое-какие спонсоры у нас есть, а вот людей, готовых выносить горшки и чинить электропроводку, – нет. Я ничего не сообщу на биржу труда, так что вы сможете получать своё пособие.

Вдруг в беседу влез Советник:

– Вы нарушаете закон, платя неучтённые наличные деньги за услуги безработного человека.

Мариванна отмахнулась:

– Пошли они к чертям со своими законами! На мне одной пятьдесят детей и ни одного человека-помощника. Роботы – старьё, их опасно подпускать к детям – того и гляди эти железяки сами упадут и покалечат кого-нибудь. Видеокамеры наблюдения есть, но у меня нет времени глазеть на экраны, а больничный мозг – полная рухлядь!

Эрнст задумался. Всё оборудование в палате и в здании носило признаки обветшалости и запущенности. Человеческих рук в санатории действительно не хватало. Советник доказал, что он может служить прекрасным консультантом по любому оборудованию. С его поддержкой можно было многое тут сделать.

А самое главное: благодарная реакция детей была тем лекарством «нужности», без которого измученная душа Эрнста совсем захирела.

– Почему у вас мальчики и девочки в одной палате? – вдруг вспомнил Эрнст своё удивление.

Мариванна зло сказала:

– Потому что это дети Интерната, а значит – никому не нужные дети. Спальня мальчиков в аварийном состоянии, а денег и рук на ремонт нет. Вот и приходится их держать вместе. Это золотые ребята, они терпят и тесноту, и неудобства, но мне самой за это безобразие стыдно. Так вы поможете нам?

Эрнст кивнул и покосился на браслет. Советник пробурчал:

– Несмотря на то что вы совершаете противоправный сговор с целью обмануть государство, я тоже помогу детишкам. Я заменю больничный мозг при анализе видеонаблюдений, а также попробую взять под контроль максимальное количество больничных роботов. Когда они поумнеют, то станут безопаснее. Хотя ремонт для них нужен немалый.

– Кто это у вас такой головастый? – спросила Мариванна, уставясь на часы.

– Сам не знаю, – пожал плечами Эрнст. – Получил вместе с пособием. Зовёт себя советчиком.

– Я – новая благотворительная инициатива династии Гринвич, – сказал Советник. – Кое-кто волнуется и называет нас новой разумной расой, способной вытеснить людей с планеты, но это всё глупости. Я разумен, потому что меня таким создали, но я в принципе не могу причинить вред человеку – именно потому, что меня таким создали.

– Так ты сообщишь в налоговую инспекцию?

– Согласно моим приоритетам, интересы детей для меня значат больше, чем интересы организаций и государств. Я буду вам помогать.

– Тогда завтра я вас обоих жду, – улыбнулась Мариванна.

Эрнст вышел за ворота санатория и направился в город.

Вечерело. Накапывал дождик. Деньги на автобус у Эрнста уже были, но он даже и не подумал о транспорте. Он упруго шагал домой и думал, что нужно срочно наладить какого-нибудь кибер-садовника – парк совсем перестал быть парком. Нет, в первую очередь – кухня! Мариванна жаловалась на то, что кухонный кибер совсем отбился от рук, половину заказанных блюд не хочет делать, хотя продукты в нём есть.

– Что ты знаешь о кухонных киберах? – спросил Эрнст Советника.

– Всё! – категорически сказал Советник. – Завтра мы вправим мозги этому дармоеду.

13.5. Лекция

– Почему светят звёзды? Это, пожалуй, самая древняя и интригующая научная проблема. Найти ответ на подобный вопрос – такое счастье выпадает редкому учёному. Простые смертные тем более никогда не смогут испытать это удивительное ощущение озарения, когда тайна сбрасывает свой чёрный покров и истина вспыхивает перед твоим взором – чистая, сияющая и обнажённая, как новорождённая звезда...

Задорный мальчишеский голос из зала выкрикнул:

– И кто же нашёл ответ на вопрос – почему светят звёзды?

Профессор Хао Шон не замедлил с ответом:

– Гениальный английский астроном и математик Артур Стэнли Эддингтон первый понял, что звёзды светят благодаря термоядерной реакции синтеза водорода. Другие физики долго не соглашались с Эддингтоном, приводили очень веские контраргументы, но он был непоколебимо умен. Как-то, гуляя вечером с девушкой, Эддингтон показал ей на звёзды и гордо заявил: я – единственный человек на Земле, который знает, почему они светят.

Инка показал на экране фотографию Эддингтона – высокого джентльмена с крупными чертами лица и глубоко посаженными, пронизывающими глазами.

Лекция закончилась под аплодисменты.

– Ещё вопросы? – И профессор посмотрел в зал, в котором сидели несколько сотен школьников, пришедших на популярную лекцию известного профессора с Луны.

Во втором ряду во весь рост встала девушка с красивым надменным

лицом. Она гордо представилась:

– Карина, принцесса династии Дитбит! – И не столько спросила, сколько заявила: – Я хочу стать астрономом-математиком. В каком университете я могу получить такое образование?

Профессор Шон неторопливо подошёл к рядам кресел и внимательно посмотрел на принцессу, которая была ещё юна, но ростом уже не уступала невысокому профессору. О боги, как летит время, вот уже и дочь Дитбита Младшего выросла...

– На Земле лучших астрономов-математиков готовят в Москве и Кембридже. Но я должен предупредить: математика требует упорства в учёбе, отрешения от суеты, долговременного проживания в абстрактном мире математических концепций... Это очень контрастирует со светской жизнью, принцесса. Не обижайтесь, вы наверняка сможете проявить свои таланты в других науках и занятиях или даже в управлении целой династией. Но я не советовал бы вам заниматься математикой или теоретической физикой.

Лицо принцессы вспыхнула от негодования:

– Вы считаете, что принцесса не сможет стать математиком?!

– Так считаю не я, а статистика, которая считает лучше меня. Инка, что ты думаешь по этому поводу?

Громкий голос ответил:

– Я знаю лишь одну принцессу, которая стала учёным, – доктора Дзинтару Шихин-у. Её диссертация «О принципах устойчивости гормонального баланса» наделала много шума в сообществе биологов. Среди математиков принцесс нет.

– Я стану тем, кем захочу, и никакая статистика мне не указ! У меня ай-кью сто сорок!

Горящий взор Карины мог испепелить, но профессор попался на редкость жаростойкий.

– Интеллект – это необходимое, но не достаточное условие для профессии математика. Я возглавляю Институт математических проблем, и среди моих сотрудников нет ни одного вельможи. Дети очень богатых родителей не обладают достаточным упорством для достижения трудной интеллектуальной цели. Это лемма, доказанная жизнью.

Зал сидел притихший и только синхронно поворачивал головы, отслеживая летающие острые реплики.

– Я докажу, что ваша лемма неверна, профессор!

Глаза принцессы Карины метали настоящие молнии, но профессор Шон был невозмутим:

– Буду терпеливо ждать вашего доказательства. Но среди законов природы и математики королевская власть никакой власти не имеет.

– Вы бесцеремонны, профессор!

– Я всего лишь честен. Это наивысшая честь, которую я могу оказать вам, принцесса.

Профессор коротко поклонился и вышел из молчащего зала.

По тротуарам и газонам шлёпал холодный дождь. А профессор, идя на лекцию, даже не подумал взять зонтик.

После тридцати лет жизни на Луне легко забыть, что на Земле часто идут дожди.

13.6.Старики

Перед парижским посольством династии Гринвич уже третий месяц держали свой пикет старики-демонстранты.

Они устроились основательно: натянули тент от дождя, установили для защиты от ветра пластиковую стенку. Рядом со складными стульями стояли закреплённые плакаты:

«Оставьте нас на Земле!»

«Мы не хотим лететь в космос!»

«Не дайте умереть старикам – подарите нам хоть по десять лет жизни!»

«Земля – наша родина».

«Богачи, у вас есть сердце?»

На старых шезлонгах и на газоне разместились несколько стариков. Они курят немодные дешёвые сигары или трубки. Пьют молодое вино из горлышек длинных бутылок или из пластиковых стаканчиков.

Смеются, тыча пальцами друг в друга и по сторонам.

Иногда кричат хором оскорбления в сторону посольства.

Демонстрантов мало, но многие миллионы других стариков им сочувствуют.

Старики подобрались не квёлые, живые. Они знают, что им осталось немного, но хотят жить и живут. Даже здесь, под тонкой пластиковой крышей и на ветру – они живут. Вспоминают истории своей длинной жизни, рассказывают небогатые новости дня, подшучивают друг над другом и над собственными болячками. Делятся едой и табаком.

Старики одновременно жалки и полны достоинства.

Они не надеются на успех своей демонстрации, но им важно, что они здесь собрались и сумели поднять свой голос за справедливость, как они её понимают.

Пусть юристы и политики обсуждают легальные аспекты бессмертия и налоги на долгожителей. Пусть молодёжь мечтает о расселении человечества по спутникам и другим планетам, про робоосвоение космоса и его терраформирование. Эти споры были старикам не по уму и не по сердцу.

Они рассуждали между собой просто: если учёные открыли рецепт долголетия, то жизнь должны продлить всем! Ну и пусть на планете много людей. В тесноте, да не в обиде. Лучше мерзнуть живым под мостом, чем лежать мёртвым на самом шикарном кладбище с мраморными статуями.

Месяц назад из посольства вышел человек с большим ящиком в руках. Установил его перед стариками и исчез. Оказалось – кофейный аппарат. Старики не стали чваниться и с удовольствием наливали в стаканчики горячий кофе.

Оказалось, что аппарат ещё и умеет разговаривать. Он даже обещал записать все жалобы стариков и переслать их слова самой королеве Гринвич.

Старикам это понравилось – и они часами говорили с кофейным аппаратом по имени Инка, даже стараясь ругаться поменьше. Тот терпеливо всё запоминал, что-то расспрашивал, что-то уточнял.

– Что они собираются с нами делать?! – спрашивали старики у чёрного ящика.

– Я этого пока не знаю. Но вы – тяжёлая проблема, над которой ломает головы целая команда специалистов.

– Вот и пусть ломают! – воинственно говорили пикетчики. – Мы не отступим!

Начался дождь, но старики не расходятся.

Позже большая часть из них уйдёт по своим тёмным одиноким домам, оставив на посту только друзей-клошаров, которым всё равно, где ночевать.

Но это позже.

А пока – в бутылках ещё есть согревающее вино, и по улицам ходят под яркими зонтиками мужчины и женщины, разговаривая и смеясь, скрипя подошвами и стуча каблучками.

Пока старики живы, и они хотят, чтобы их голос был услышан.

Богачи, у вас есть сердце?

Не дайте нам умереть.

13.7. Встреча

Москва сияла вечерними огнями, расслабленно грустила и смеялась за сотнями столиков кафе, деловито шагала густонаселёнными улицами.

Из метро «Пятницкая» люди выныривали сплошной колонной-коллективом, а затем расходились веером по своим индивидуальным маршрутам.

Полноватая молодая женщина Тоня с сердитым лицом стояла недалеко от выхода из мраморного подпола и смотрела, как люди облегчённо выбираются из-под земли и берут курс – каждый на свой юг.

Эти люди – вернее, мужчины – сердили женщину Тоню, потому что они шли туда, куда она с ними идти не может.

Они шли к семьям, жёнам и детям.

А она жила одна, и конца-краю этому не было видно.

Когда в Тонином детстве мама наряжала ёлку, девочка очень любила смотреть на блестящие елочные шары. В этих изогнутых цветных зеркалах их неказистая комната с привычной мебелью превращалась в волшебную страну.

«Как же хочется туда попасть! В это удивительное, сказочное зазеркалье!» – мечтала девочка.

Каждый Новый год для неё окрашивался этим трудностерпимым несбыточным желанием.

Она даже придумывала и шептала волшебные мудрёные слова, в надежде, что рано или поздно она наткнётся на заклинание, которое перенесёт её в мир ёлочного зазеркалья.

А потом девочка выросла. И осознала, что реальный мир тоже похож на вселенную в блестящей игрушке – им можно любоваться, но попасть туда нельзя.

Или очень трудно.

Для успеха в этом мире девочка Тоня – ныне взрослая женщина – оказалась недостаточно красива и стройна, недостаточно образованна.

Она была слишком застенчива, чтобы рассказывать другим о том, как много она чувствует и понимает, как хочет быть любимой и любящей. А из знакомых мужчин никто не расспрашивал её об этом.

Не проявлял никакого интереса к её душе.

Женщина Тоня стояла перед зеркалом, которым отгородился от неё мир счастливых людей, и не могла попасть за эту стеклянную стену. Она знала из газет, что в Москве живёт миллион одиноких мужчин, но она не знала, где их искать и как распознать.

И ещё эти киберши! Которые смазливы, как модели, и которых даже на ощупь трудно отличить от настоящих женщин!

Она покосилась на молодую рыжую даму, стоящую недалеко. Та была удивительно красива. Деловой – и одновременно сексуальный – костюм

сидел на ней великолепно, причёска впечатляла ухоженностью.

Что она тут делает – возле подземки? Такие кошечки обычно ездят на своих авто.

Вдруг рыжеволосая встрепенулась, протянула руки и шагнула вперёд. Навстречу ей вынырнул из выхода метро толстоватый лысоватый мужчина лет сорока с безбровым круглым лицом.

– Здравствуй, дорогой! – сердечно сказала рыжеволосая и обняла круглолицего мужчину.

Тоня опешила. Эта пара была друг другу не пара. Рыжая была слишком красива для такого пожилого увальня. И слишком сердечна к нему. С чего бы это? Вряд ли он был миллионером – подземка и не очень новое пальто увальня плохо сочетались с богатством.

«Она киберша!» – обожгла ненавистью догадка. Их сейчас покупают в кредит даже не очень состоятельные люди.

Парочка повернулась и зашагала в безлюдный переулок, заставленный машинами.

Женщина Тоня, всё ещё кипя ненавистью, зачем-то двинулась следом.

Двое впереди идущих громко говорили, и их смех отражался эхом от стен переулка.

У рыжеволосой киберши был глубокий мелодичный голос. Она говорила эмоционально и убедительно, как радиоактриса:

– Я не буду говорить банальности, что тебе завидуют, но ты сам знаешь, что твой последний проект, который похвалил сам начальник отдела, многим показал «кто есть кто», и этого тебе не простят!

– Как ты всё понимаешь! – с нежностью сказал мужчина.

Тоня шла сзади и шипела от злости. Круглолицый мужчина косолапил, зато рыжуха шла грациозно, ставя тонкие ноги в туфлях на каблучках в одну линию, как модель. И виляя бедрами, как эти подиумные...

Женщина Тоня мысленно грязно выругалась. Она ещё не решила, кого больше ненавидит – девушек-моделей или киберш. Но первых она вживую ещё не видела, а вот киберши встречались нередко. Тоня даже посещала клуб киберненавистников, где собирались сотни людей, которым не нравилось происходящее с этим миром. В клубе Тоню многому научили. Ей там растолковали, что раньше киберши были просто тупыми куклами для таких же тупых мужиков. А сейчас киберши стали даже умнее людей, потому что они подключены к Великому Инке. Поэтому киберши стали по-настоящему опасными.

Тоня шла за кибершей и её спутником и отчётливо понимала, что ей, обычной женщине, не сладить с могучим кибер-интеллектом, который

решил угодить безбровому увальню.

Рыжуха продолжала ворковать, изящно наклоняясь к уху круглолицего:

– Я приготовила тебе сегодня сюрприз...

Мужчина с энтузиазмом откликнулся:

– У тебя всегда отличные сюрпризы! Как бы побыстрее дойти до дому?

И Тоня не выдержала: подбежала и с ненавистью воткнула в спину киберши железную вилку электрошокера.

Двойной штырь вошёл в район процессорного кабеля, как учили в клубе киберубийц.

Громкий треск, искры и дым.

Рыжуха взвыла, закачалась и грохнулась лицом прямо в асфальт. Её ногти с ярким маникюром заскребли по грязному тротуару, стройные ноги в кожаных туфельках выгнулись без всякого изящества, из спины повалил дым.

«Аккумуляторы замкнулись как надо!» – подумала Тоня с невольным восторгом и ужасом и отпрыгнула подальше, опасаясь мести мужчины.

Но тот не побежал за Тоней, а упал на колени перед своей спутницей и закричал:

– Кэт! Кэт!!! Ты меня слышишь, Кэт?!

В ответ из дырявой спины Кэт выползали и, лопааясь, смердели пластиковые пузыри.

Мужчина заплакал и повернул к себе грязное лицо рыжеволосой, но оно уже не выражало ничего человеческого: улыбка осталась только на половине лица, а другая часть уже плавилась и сползала на землю.

– О боги, что за кошмар! О боги! – рыдал мужчина. Он был так разбит своей потерей, что не сразу понял: толстуха, совершившая такое ужасное преступление, не убежала, а пытается утешить его, гладит по голове и даже что-то кричит:

– Ты будешь меня слушать или нет?! Ты пойми – я человек и хочу, чтобы меня кто-нибудь понял! Ты будешь меня слушать или нет, сволочь?! Я хочу, чтобы и обо мне заботились! Хватит плакать о своей киберсучке, если рядом с тобой живому человеку плохо!

Мужчина вскочил и с яростью оттолкнул женщину. Она отлетела, споткнулась о бордюр и потеряла равновесие; неловко попыталась развернуться, защищаясь руками от падения, но сделала только хуже – ударила лицом об ограду и упала.

Кровь хлынула из разбитого носа.

Весь мир ополчился на женщину Тоню.

Она не могла больше этого выдержать и заплакала, истерически задыхаясь. Одежда Тони сразу стала мокрой от тротуарной лужи.

Перекошенное полное лицо молодой женщины напоминало лицо обиженного ребёнка, и по нему струйкой текла ярко-красная кровь, мешаясь с тёплыми слезами и с начавшимся холодным дождём.

Вдруг в ушах мужчины прозвучал тихий голос. (Откуда? Единственный голос, который раньше звучал у него в ушах, принадлежал рыжеволосой Кэт.) Голос сказал ему:

– Подними её, брат.

Он целую вечность смотрел на неподвижно лежащую мёртвую Кэт и рыдающую живую женщину Тоню.

Разница между ними стала очевидной; у одной лицо было оплавлено, у другой – окровавлено.

Дождь усилился. И мужчина медленно протянул руку плачущей женщине:

– Вставай, а то простудишься.

13.8. Слепой человек, который думал о звёздах

Невысокие здания космического центра НАСА имени Годдарда были построены в лесу, в котором обитало множество птиц. В кронах деревьев селилась шумная птичья мелюзга, а на небольшом озерце возле опушки леса обитала стая канадских гусей. Они смело бродили по лужайкам между лабораториями и парковками, негромко кричали, щипали траву и шипели на людей. И на оленей, с которыми делили подножный корм.

Одна гусыня приоровилась высиживать яйца на газоне возле библиотеки, прямо возле входа. Из года в год она устраивалась у бетонной дорожки и шипела на проходящих по ней людей. Чтобы не тревожить птицу, сотрудники старались заходить в здание через другие двери.

Когда выводились птенцы, одетые в жёлто-гороховый пух, гусыня становилась совсем невыносимой и переходила дорогу со своим выводком важно и где хотела.

Водители терпеливо пережидали неторопливое кричащее шествие.

Мать, имеет право.

Высокий мужчина в длинной куртке и с рюкзаком всего этого не видел, но слышал. Он был слеп и работал в космическом центре. Автобус высадил его недалеко от лаборатории солнечной физики, и он пошёл по привычной бетонной дорожке, почти не пользуясь палкой, легко различая край дорожки по шелесту короткой травы, задевающей его туфли. В траве

стрекотали кузнечики, а ещё она, свежеподстриженная, вкусно пахла.

Запах говорит о многом. Нюхая растёртые в пальцах осенние листья, человек мог определить с десятков разных пород деревьев.

Слепой слышал, как слева нарастает птичье свиристение – значит, он приближается к большому дубу. Вот и шевеление листьев под слабым ветром стало различимо.

Машины проезжают справа, достаточно далеко.

Отчётливее зашумели кондиционеры большого здания. Звук шагов изменился, сдублировался эхом. Значит, стена рядом. Весной здесь обычно слышно предостерегающее шипение гусыни, сидящей на гнезде. Но сейчас зима и тихо.

Слепой протянул руку и безошибочно нащупал гладкий металл поручня возле входа. Осталась самая простая часть пути: по коридору мимо библиотеки, две ступеньки вниз и четырнадцать шагов направо.

Вот он уже в своём кабинете. Поставил в угол длинную алюминиевую палку и раскрыл заплечный рюкзак.

Многие слепые пользуются электронными устройствами, которые подсказывают дорогу, но высокий мужчина предпочитал полагаться на свой слух и обычную дюралевую палку. Пользование дополнительными приборами внушало ему странное ощущение излишней собственной беспомощности. Высокий мужчина знал, что рано или поздно он состарится и ему придётся пользоваться всей этой машинерией, помогающей жить слепым людям, но пока он полагался на слух, обоняние и чувствительные пальцы – и ощущал мир так полно, как далеко не все зрячие.

Впрочем, недавно у него появился настоящий друг и помощник, который не вызывал никаких отрицательных эмоций, – Великий Инка. Поэтому слепой не возражал, когда в критических случаях Инка предупреждал его об опасности.

Человек работал в НАСА, участвовал в прокладке дороги к звёздам и очень гордился этим. Конечно, его обязанности были несложны – он всего лишь отвечал за пополнение склада космического центра необходимыми материалами и оборудованием. Но высокий мужчина остро ощущал свою причастность к космическому штурму, который ведёт человечество. С помощью Инки слепой стал выполнять свою работу заметно быстрее и лучше, и его похвалили в последнем ежегодном отчёте отдела.

Сегодня время позволяло, и высокий человек отправился в зал заседаний. Налил по пути пластиковый стаканчик с невкусным обжигающим кофе, сел на один из стульев и стал слушать споры учёных.

Он любил эти еженедельные семинары, хотя они странно смущали его.

Профессионалы всегда деловиты и несентиментальны.

Патологоанатомы не думают о том, из-за чего сладко трепетало это мёртвое сердце, которое они с хрустом вытаскивают из-под ребёр; о чём мечтал этот навсегда заснувший мозг, к которому сквозь череп с визгом пробивается пила. Скальпель холодно вскрывает человеческие тайны, которые ещё вчера стыдливо и старательно прятались под одеждой, с мокрым хлюпаньем раскладывает их на нержавеющей столе и превращает в несколько сухих строк отчёта.

Астрономы тоже, нисколько не стесняясь, забираются в самые сокровенные места и времена Вселенной. Засучив рукава, вытаскивают её, новорождённую, на всеобщее обозрение и обсуждают интонации вопля мира-младенца в первые минуты космической жизни.

С одной стороны, слепому человеку казалось, что сияющие звёзды, вызывающие восхищение обычных людей, для астрономов – лишь машинка, вроде электрического утюга. Их интересует главным образом, откуда этот утюг берёт энергию, до какой температуры раскаляется и как быстро перегорит.

Астрономы взвешивают на аналитических весах бесстрастного разума всё – Луну, Солнце, Млечный Путь и весь мир.

Но с другой стороны, слепой чувствовал эмоциональный накал учёных споров, которые ухитрялись сочетать аналитичность с эмоциональностью.

Например, астрономов очень удручает, что они не могут лично присутствовать при рождении и гибели звёзд и планет. Чтобы компенсировать эту неудачу, они придумывают всё более и более изощрённые методы исследования космоса. Собыётся вдруг пульс далёкой звезды, а учёные запустят компьютерную симуляцию и скажут – отчего произошёл сбой, успокоится ли вскоре звезда или пойдёт вразнос, заливая окружающее пространство своим голубым светом и огненным телом.

Астрономы научились извлекать замечательно много информации из невероятно малого количества квантов и частиц, оседающих на ситах и зеркалах их хитрых телескопов.

Когда слепой человек слушал учёных, которые яростно спорили – из какого вещества им сделать Марс, а из какого – Луну, то эти люди казались ему истинными богами, несмотря на то что они нередко пыхтели при ходьбе и чавкали, поедая в кафе суп, а также пахли пыльной одеждой и бензином.

У него была хорошая память, и он помнил даты и содержание множества предыдущих докладов. И слепой человек мечтал, что когда-

нибудь... когда обсуждение зайдёт в тупик... он возьмёт и подскажет учёным что-нибудь полезное, от чего они обрадуются – шумно, как дети, – и двинутся дальше в поиске истины, которую кто-то жадный запрятал так далеко и надёжно. Эта мечта была наивной, и человек это знал, но он умел ценить даже наивные мечты. В последнее время Инка много рассказывал слепому человеку о звёздах, и он стал понимать их гораздо лучше, чем раньше. Может, это сделает его мечту не столь уж наивной?

После семинара высокий человек неторопливо зашагал в свой всегда тёмный кабинет. Он не пользовался палкой в длинных прямых коридорах Годдарда – он их слишком хорошо знал. При ходьбе вдоль длинной стены с десятками дверей, чтобы не сбиться с направления, слепой щёлкал языком – и слушал отражение звука от стены. Мир вообще очень звучащий, но зрячие этого не видят.

Кабинет встретил его громким треском принтера Брайля и писком электронной почты.

Высокий мужчина сел в кресло и минуту сидел молча, прежде чем приступить к работе.

В окно легко застучали капли дождя. Мужчина склонился над компьютерной клавиатурой, где каждая клавиша была снабжена несколькими острыми бугорками.

Вечером он вышел из двери солнечной лаборатории, вдохнул запах дождя и мокрого леса и поднял лицо к небу с невидимыми далекими светилами.

Он делал так всегда.

На небе были вечерние густые тучи, и в лицо сеялись мелкие капли прохладного дождя, но это не мешало слепому человеку.

Он мечтал о космосе, но не мог даже полюбоваться фотографиями планет.

Он никогда не видел звёзд, но часто думал о них.

На самом деле это совсем не мало.

13.9.Серик

Отец у Серика имел замечательную работу: он был таксистом и целый день катался на своём стареньком «мерседесе». Отец три раза ездил с пассажирами даже в Бишкек, за сто километров от родного села Отар. А вот Серик дальше соседнего Курдая нигде не был.

Чаще всего рейсы отцовского такси были короткие: рынок – железнодорожная станция, куда приходили хищные щуки скоростных поездов. Они быстро останавливались, выпуская из алюминиевого

блестящего брюха икру из людей и чемоданов, и снова улетали в раскалённое марево пустыни, не боясь солнца и не стараясь укрыться в тени близких гор.

Серик любил станцию и любил поезда. Они были как спицы, на которые нанизывались новые, неведомые Серику пространства. Серик никогда в своей жизни не ездил на таком поезде, и ему очень хотелось посмотреть на мир. Столько есть на земле стран, а он ещё даже своей страны не видел. А на её севере взлетают космические корабли, и Серик лично знал одного мальчика, который бывал на Байконуре и своими глазами видел взлёт такой ракеты.

Серик только вздыхал и щурил чёрные глаза на смуглом лице, глядя, как в вагоны скоростника, из-за огромных стекол похожие на аквариумы, лениво переговариваясь, заходят люди. Они исчезали в дверях и появлялись за стеклами, где снова разевали рты, но уже безмолвно, как и полагается аквариумным рыбам.

Когда поезда не было, Серик обследовал перрон и вокзал. За те редкие случаи, когда отец брал мальчика в поездку на станцию, Серик изучил её как свои пять пальцев.

Прохладный зал и толстый администратор с лысиной, пушистой как плод киви, горячий перрон с тремя скамейками и автоматами для продажи всякой мелочи, киберкиоск с пятью сортами подносов быстрой еды. Возле вокзала грелась на солнце площадь с парой древних такси и несколькими личными авто на стоянке. Вот и всё.

Поэтому Серик сразу заметил новый торговый автомат, который появился на перроне между автоматами с мумма-колой и чопа-чипсами.

Поезд на север должен быть только через полчаса, и Серик отправился исследовать новый автомат. Это исследование носило исключительно научный интерес, так как карманные деньги у Серика не водились. Лишь иногда ему перепал четвертак на банку колы.

Автомат был высокий, красный и вежливый. Когда Серик подошёл к нему, то услышал:

– Добрый день!

– Часами торгуешь, почтенный? – спросил Серик, рассматривая картинку с изображением наручных часов.

– Нет, уважаемый, я торгую кибер-советчиками. Личный кибер-советчик – чистая прибыль для своего хозяина.

– И что они могут посоветовать? – рассмеялся Серик.

– Не знаю, уважаемый, это очень индивидуальные советы. Купите наш уникальный кибер-советчик и сами его расспросите.

– У меня нет денег, – беспечно, даже слишком, сказал Серик.

– А сколько вам лет? – вдруг спросил автомат.

– Двенадцать.

– Тогда для вас кибер-советчик бесплатен.

Автомат издал мелодичный звон, и в нижнем лотке появился пластиковый пакетик с крупными часами.

– Вот это да! – Серик мигом схватил упаковку. Первый раз он слышал о бесплатных автоматах для детей, но, даже если автомат ошибся – тут Серик не виноват.

Мальчик отбежал подальше от автомата, пока тот не передумал, и внимательно рассмотрел пакет.

Часы как часы, только крупные. И экран матовый.

Серик аккуратно раскрыл пакет и надел браслет на худое загорелое запястье. Браслет был явно великоват, но вдруг он сам сократился и мягко охватил руку Серика. «У, шайтан!» – подумал восхищённый мальчик.

– Привет! – сказал браслет. – Как тебя зовут?

– Серик.

– Я слышал, что тебе двенадцать лет. Значит, я уже много знаю о тебе. Рассказать о себе?

– Расскажи.

– Меня зовут Инком или ИНтеллектуальный КОМмуникатор. Для своего хозяина – я чистая прибыль. Потому что я даю полезные советы. Можно даже сказать: очень полезные советы.

Неожиданный подарок всё больше озадачивал Серика.

– Ты можешь посоветовать – где в нашем арыке лучше всего ловятся сомы?

Инком помолчал, потом ответил:

– Нет. Может, посоветую что-нибудь, когда посмотрю на арык.

– А в школе ты можешь мне подсказывать?

– Нет, это мне запрещено. Могу посоветовать только насчёт домашнего задания.

– Не многое же ты можешь.

– Как только я смогу тебе что-нибудь посоветовать, то я сразу скажу тебе. Ты только скажи: что ты хочешь? Какие жизненные цели ты преследуешь?

Серик, которого очень забавлял такой разговор, расхохотался:

– Чего я хочу? Конечно, денег! Тогда бы я купил отцу новые шины к «мерседесу», потому что старые лопаются уже каждую неделю. А сам бы я сел на скоростник и отправился бы путешествовать.

Тут Серика позвал сердитый отец, который нашёл пассажиров до центра Отара и уже пять минут искал сына. Мальчик кинулся за отцом на площадь – пассажиры ждать не любят. Но эта пожилая семейная пара, возвращающаяся из гостей от внуков, совсем не возражала, что в такси поедет ещё и сын водителя. При малейших признаках недовольства клиентов отец отправил бы мальчика в такую жару пешком в Отар. Клиент всегда прав, шайтан его задери!

Поезд сегодня увидеть не удалось, но Серик, занятый разглядыванием доставшегося ему Инкома, забыл про скоростник.

– А тебя можно звать как-нибудь по-другому? – спросил Серик своего советчика, после того как переделал кучу домашних дел и присел отдохнуть на берегу небольшого арыка, под старой яблоней.

– Конечно, как хочешь, – ответил тот. – Люди гораздо чаще называют меня не Инкомом, а Инкой.

– Инка? – задумался Серик. – Девчоночье имя?

– И да, и нет. Так звали ещё южноамериканского царя. Великий Инка.

– Ладно, будешь Инкой, – согласился мальчик и прищурился на вечернее солнце, от которого осталась лишь горящая макушка. Пустыня уже погрузилась в полумрак, но вершины гор ещё ярко освещались красным светом заката. Это было очень красиво. Мальчик быстро забрался на яблоню, где у него был тайник, и спустился с пачкой тонких жёлтых фанерных листов. Когда-то он нашёл эти листы в пустой упаковочной коробке, и они ему очень понравились: тонкие, гладкие и пахнут невиданной в этих краях древесиной.

Он так и эдак думал – куда приспособить эти красивые золотистые фанерки, а потом его осенило – на них можно рисовать! До этого он рисовал на листах старого альбома, а когда они кончились – на чём попало, включая картон обувных коробок.

Рисовал он всегда, сколько себя помнил. Палочкой на песчаном берегу, пальцем на запотевшем стекле или в пыли, осевшей на крышке сундука. Дети рисуют всегда, они прирождённые художники. С возрастом это проходит. Страсть к рисованию у Серика не исчезла – он зацепился душой за живописный мир, в котором было так много того, чего ему не хватало в реальной жизни.

Он рисовал собаку Пыльку, младшую сестру, мутный арык, инопланетян из фильма, кучу жёлтых камней, мёртвую рыбу, горный хребет на горизонте.

Его восхищало появление из нескольких линий целого мира: синих

гор, зарослей кизила, юрты и собаки, спящей на берегу арыка. Серик понимал, что линии на бумаге лишь помогают памяти или фантазии достроить мысленную картину. Но почему один набор линий выглядит хаосом, а другой – создаёт окно в иной мир?

Золотистые фанерки, которые цветом напоминали пустыню, залитую солнцем, оказались очень удобны для рисования: мальчик несколькими мазками широких коричневых и зелёных фломастеров придавал этому фону вид настоящей пустыни. Для гор и неба, конечно, приходилось использовать синие и голубые фломастеры.

Мальчик перебрал пачку картонок и нашёл уже нарисованный пейзаж: яблоня на фоне гор. Но картина не нравилась Серику. Как поймать игру закатного солнца на горных склонах? Он давно пытался что-нибудь придумать, но сегодня ему повезло: он смело взял оранжевый фломастер и провёл им по западным склонам. Хотя оранжевая тушь была ярче реальных закатных гор, она оживила картину, сделала её захватывающе достоверной.

Быстро темнело.

Мальчик сложил фанерные листы в пачку и собрался уже их перевязать, как раздался голос Инки:

– Не покажешь мне другие рисунки, Серик?

– Темно уже!

– Я хорошо вижу в сумерках.

Серик пожал плечами и быстро пролистал свои фанерки.

– По-моему, твои картины можно продать, – сказал Инка. – Не хочешь попробовать?

– А кто их купит? – удивился Серик.

– Посмотрим. Так ты согласен продавать свои картины?

– Конечно! Я себе ещё нарисую, – засмеялся Серик. – Как-то я рисовал на перроне, и один японский турист купил у меня картину. Розовый вокзал на фоне синих гор. Японец заплатил пять долларов! Я набрал себе и младшей сестре кучу шоколада!

– Поищу, может, кто-нибудь заинтересуется твоими работами. А что ты ещё умеешь делать?

– Я многое умею, но за это не платят, а только прикрикивают.

Тут бабушка позвала Серику и послала его за сушняком – ну очень любила старушка тандырные лепешки, зато Серик их терпеть не мог – уж очень прожорлив на дрова был этот тандыр.

Утром Серик собрался на рыбалку, заодно решив показать Инке арык: может, подскажет насчёт сомов. Идти было недалеко, и вскоре неширокий

мутноватый канал встретил дорогу и повернул её в направлении своего медленного течения. Но Серик – себе на уме, он сошёл с дороги и двинулся против течения по едва заметной тропе, похожей на линию пробора между двух волн сухих травяных волос.

Инка оказался плохим рыболовом: он посоветовал самое тенистое место, но там тоже ничего не ловилось. В середине дня, проголодавшись, Серик решил отправиться домой: он уже был готов съесть даже сухую тандырную лепешку.

Вдруг Инка сказал:

– Три твоих картины уже купили. Поздравляю. Ты оказался талантливым самобытным художником!

– Три картины?! – восхитился Серик. – Это целых пятнадцать долларов!

– Нет, это пятьдесят тысяч долларов. Ты сможешь купить своему папе новый «мерседес», а сам поехать в Италию – посмотреть на картины Леонардо да Винчи, Рафаэля, других старых мастеров и поучиться у них.

Серик не поверил.

Инка шутит. Говорящие часы посмотрели в сумерках на его картинки и за сутки сделали его богатым?

Но Инка заставил его подписать три фанерки: «Спящая собака», «Закат в горах» (ту самую картину, с оранжевыми склонами), «Мой дом» и отправить какому-то Сотби в Лондон Объединённого Королевства. Денег на почтовую марку у Серика не было, но Инка нанёс тонким лазерным лучом какие-то штрихи на конверте, и отарский почтальон без возражений принял пакет.

А Серик всё равно не верил: он был умным мальчиком и Деда Мороза уже давно ни о чём не просил.

А через неделю к их старому дому подогнали новенький «мерседес» последней модели. Ещё в заводской плёнке на капоте и крыльях.

Отец рассердился и стал отправлять продавца, пригнавшего машину, к шайтану за такие дурацкие затеи. Но владелец отарского автосалона – толстяк Хош с неизменной улыбкой на круглом лице – обогнул сердитого отца по осторожной кривой, подошёл к Серику и попросил его расписаться в квитанции о получении. Серик что-то накалякал словно во сне, и через пять минут агент исчез, а машина осталась.

Отец сначала решил, что Серик связался с плохими людьми и с дурной травой. Только вежливый и терпеливый Инка сумел убедить его, что машина честно заработана его сыном в то время, когда Серика не посылали за дровами или копать огород, а давали спокойно посидеть и посмотреть на

горы, закат, дерево – короче, давали «посчитать ворон», как сердито выражались домашние, глядя на бездельничающего подростка.

Оказывается, счёт ворон может быть очень прибыльным занятием – если, конечно, считать их с умом.

– И мне можно будет поехать в Италию? – спросил шёпотом Серик у Инки, в то время как вокруг новой машины кипели семейные и соседские страсти. Стал накрапывать мелкий дождь, но никто его не замечал.

– Хоть завтра.

– Меня не отпустят, я маленький.

– Если у тебя есть я, то ты можешь передвигаться самостоятельно уже с двенадцати лет. Никакой полицейский тебя не задержит, и авиакомпания с удовольствием продаст тебе билет до Рима.

Серик был почти раздавлен лавиной новостей, которая так стремительно навалилась на него.

– А больше моих фанерок никто не купил? – озабоченно спросил мальчик.

– Я решил попридержать другие картины. Так как первые три были куплены так быстро и всего лишь по виртуальному изображению, то я полагаю, что подождать будет выгоднее. Ты привезёшь в Италию все свои работы, и мы сделаем там твою личную выставку. После этого цена картин должна подняться в несколько раз.

Ехать одному на другую сторону мира?!

– А можно мне взять с собой младшую сестру?

– Ей десять, поэтому с ней должен ехать кто-то из родителей. Но ты можешь взять с собой и отца с матерью – они будут рады побывать на твоей выставке и посмотреть Рим. Я позабочусь о билетах для всех вас.

– Мы поедem на скоростнике?

– Хочешь – на поезде, хочешь – на стратоплане.

Отец оторвался от «мерседеса», подбежал к Серiku и ласково обнял его.

Никогда ещё Серик не видел, чтобы по худому обожжённому солнцем отцовскому лицу бежали слезы.

И мальчик понял, что это добрый Аллах послал красный торговый автомат на их заброшенную станцию. И правильно сделал, потому что личный кибер-советчик – чистая прибыль для своего хозяина.

13.10.Зимний дождь

За окном кафе, по обычной городской улице шёл неторопливый зимний дождь. Он брёл между магазинами, ресторанами и многоэтажными

парковками.

Кафе было уютно заполнено запахом горячего молока и шумом спокойных разговоров.

За одним из столиков сидел буддистский монах. Поверх оранжевой рясы монаха была надета тёплая куртка из плотной жёлтой байки. Из-под рясы выглядывали кожаные модные сандалии и толстые носки.

Монах перебирал чётки тёмного дерева, всё время покачивая головой. Изредка что-то произносил, и в этот момент две говорливые пожилые азиатки, сидящие за этим же круглым столом, сразу замолкали.

Монах был круглолиц и плотен. Голова давно не брита, с сединой, затылок рассечён глубокими старыми шрамами. Пальцы тонкие, нерабочие, с холёными ногтями.

Наконец монах встал, слегка поклонился собеседницам и вышел под некрупный дождь.

Прислушался к ударам капель. Что-то спросил у дождя.

Тот невнятно пробормотал в ответ.

Монах сочувственно покачал непокрытой головой и зашагал по асфальтовой дорожке, обходя лужи.

А капли зимнего дождя осторожно стекали по шрамам на небритом затылке.

Промокшее небо заставляло прохожих спешить домой.

Холодные капли собирались в лужицы на промоченной крыше бронемашин, которая чадила в сумерках, быстро наваливающихся на синие горы.

Отскакивали от пластикового несмачиваемого лица робоняни.

Серые тучи, волочащие мутные водяные космы, обступили заснеженные вершины Гималаев, сделали горные долины пронзительно неуютными.

Вечер сгустился вокруг Парижа. Пригороды окружили сияющий центр сизым мокрым кольцом.

Окна в московских квартирах мерцали, городские огни расплавились в блестящие струйки.

На планете Земля шёл зимний дождь.

В миллиарде домов по всей Земле на столах дымился чай.

Миллионы людей, вернувшись домой, брали чашки в замёрзшие ладони и с наслаждением отхлёбывали горячий ароматный напиток, забывая о непогоде.

Люди пили чай, разговаривали с жёнами, мужьями, детьми, друзьями и

Инкой, радовались домашнему теплу и ещё чему-то неясному, но важному.

А может, просто за этот день на планете Земля стало больше счастливых людей.

Глава 14

Заплатить смертью за бессмертие

– Что ты хочешь, Феб?

– Хочу спросить: почему ты меня избегаешь, Дзинтара?

– А почему я должна бежать тебе навстречу, Феб? Мы слишком разные люди, и пора это тебе понять – как это сделала я. Я уже не так молода, чтобы терпеть твои выходки.

– Ты должна признать, что ты ничьи выходки не можешь терпеть!

– Я не богиня, а простая принцесса. Мне нужен муж, с которым я буду ужинать дома, а не каждый день в новом ресторане. Вокруг тебя вьётся слишком много смазливых девиц, вокруг тебя слишком много шума... И ты не любишь детей.

– О! Опять! Дети – это конец молодой жизни, это огромный воз обязанностей и проблем...

– А я хочу ребёнка! Даже двух. Я найду себе нормального мужа и через год сотворю мальчика, а потом создам девочку. Или наоборот – сначала девочку, а потом мальчика... Я ещё не решила. Но то, что это произойдёт, – совершенно точно! И закончим на этом разговор! Продолжай наслаждаться жизнью и не звони мне больше.

– Я так понимаю, чтобы не мешать тебе готовиться к будущему материнству?

– Правильно понимаешь! От разговоров с тобой скиснет даже слоновье молоко.

Раскрасневшаяся Дзинтара с досадой выключила экран и подошла к окну. Куб БиоИнститута был окружен зелёной хорошо подстриженной лужайкой, на которой росли сорок девять огромных сосен. Тридцать деревьев образовывали спиральный узор, а ещё девятнадцать были расставлены внутри узора таким таинственным образом, словно составляли закодированное послание. Среди молодых сотрудников БиоИнститута велись многолетние споры о его декодировке.

Но Дзинтара никакого внимания красивому загадочному пейзажу не уделила. Она сердито размышляла о Фебе, человеке, который так много значил для неё, но никак не сочетался с размеренной семейной жизнью.

А ведь она действительно уже немолода! Если Феб всё ещё чувствует себя мальчишкой, то Дзинтара давно...

Огромный автобус с чёрными стеклами подрулил к проходной

института, хорошо видной из кабинета. Охранник подошёл к автобусу и вдруг нелепо взмахнул руками и упал.

В следующую секунду автобус рванулся вперёд и протаранил ворота. Дзинтара мгновенно сообразила и крикнула киберсекретарю:

– Вызывай полицию, на нас напали!

И тут же за окном мелькнула тень летящего катера, и стекло перед лицом Дзинтары лопнуло на миллион осколков.

Принцесса выбежала из кабинета, успев краем глаза заметить чёрную фигуру в разбитом окне.

«Они собираются захватить Главный компьютер! – мелькнуло в голове Дзинтары. – Надо выиграть время!»

И принцесса во весь дух помчалась по коридору.

На Главном компьютере БиоИнститута данные всех научных центров Северных династий собирались в единую математическую модель человеческого организма, созданную для анализа его омоложения. Благодаря совместным усилиям Северных и энергичной поддержке династии Гринвич команда Дзинтары была очень близка к тому, чтобы процесс омоложения стал полным и многократным.

Это означало практическое бессмертие.

Южные отставали в этой гонке умов, и ближайшее будущее грозило им катастрофическим поражением.

Это понимали и Северные, и Южные.

Поэтому Главный компьютер БиоИнститута был установлен в зале, похожем на огромный сейф, который всегда был наглухо закрыт – за исключением рабочих часов, когда возле компьютера работала небольшая группа исследователей. Взломать Главный компьютер дистанционно было невозможно, потому что он не был включён в Сеть и средства переноса информации на него не давали никаких шансов хакерам Южных.

Возле БиоИнститута расквартировали дополнительную сотню вооружённых охранников.

Но этого оказалось мало для устрашения Южных. Поставленные перед очевидностью своего краха, они решились на отчаянный штурм БиоИнститута среди бела дня.

Дзинтара слышала автоматные очереди и выстрелы из корабельных пушек – выходит, у нападающих не катер, а целый крейсер.

Но принцесса бежала в самое пекло стрельбы – ей нужно было убедиться, что зал с Главным компьютером прочно закрыт. Это позволит выиграть время для прибытия подкрепления или полицейских.

Боковая дверь, ведущая в коридор из внутреннего сада института,

вылетела из проёма, выбитая огненной волной взрыва. Коридор впереди Дзинтары стал непроходимым.

«Они везде!»

Принцесса резко повернула в ближайший холл и прыгнула в открытый лифт. Надо попробовать проникнуть в зал Главного компьютера через цокольный этаж. Там есть винтовая лестница аварийного выхода из зала.

В цокольном пока было тихо.

Дзинтара взбежала по крутой лестнице, спотыкаясь на непривычно высоких ступенях, и остановилась перед бронированным люком.

Главный компьютер сам узнал Дзинтару и сказал:

– У нас неприятности. В зале стреляют.

Дзинтара резким движением руки, не жалея сжатого кулака, разбила стекло аварийного ящика и выхватила из него парализатор. Перевела его в режим «безусловного паралича», из которого жертву вывести может только квалифицированный медик, и выдохнула:

– Открывай!

Всё оказалось хуже, чем ожидала Дзинтара.

Боя уже не было: на глазах принцессы последний охранник получил автоматную очередь в шею и, заливаясь кровью, рухнул на пол, среди других тел.

Среди убитых и раненых Дзинтара с ужасом увидела главного генетика института Даяну Смолуховскую и других учёных, работавших с Главным компьютером. Они оборонялись вместе с охранниками БиоИнститута – и сейчас белые халаты и тёмно-зелёные комбинезоны униформы были одинаково забрызганы кровью.

Нападающие стреляли из самого варварского и эффективного оружия ближнего боя: автоматов, которые электромагнитным полем выбрасывали струю крупных картечин – узкую или широкую, в зависимости от жестокой задачи автоматчика. Многочисленная картечь разрывала тела даже хорошо защищённых солдат-охранников, проникая через места, не закрытые гибкой броней, – через шею, лицо или запястья.

Главный компьютер уже задраил все входы, ведущие в его зал, но центральная дверь была открыта, и Дзинтара сразу поняла, почему. На пороге зала лежали охранник института в тёмно-зелёной форме и нападавший в чёрной одежде. Судя по количеству крови, окружающей оба тела, охранник был убит. Нападавший был просто парализован, потому что вся охрана БиоИнститута была вооружена несмертельным оружием, о чём враги, очевидно, знали – иначе они не были бы так безрассудно смелы.

Боясь причинить вред людям, лежащим на пороге, Главный компьютер

не опускал тяжёлую плиту, блокирующую главный вход.

Чем и собирались воспользоваться люди в чёрном, осторожно заглядывающие в зал. Предводитель группы уже был уверен в победе и собирался выстрелить в направлении вождя компьютера замораживающим электромагнитным полем, которое остановило бы всю оборонительную активность искусственного мозга, но тут самого предводителя остановил выстрел парализатора в лицо.

– Закройте главный вход! – яростно крикнула высокая красивая женщина, появившаяся в зале в последний момент – как чёрт из табакерки.

Подчиняясь беспощадному приказу человеку, плита толщиной в фут быстро двинулась вниз. Нападавшие взвыли, видя, как от них ускользает почти завоёванная победа, и мстительно открыли ураганный огонь из карточных автоматов и лазерных пистолетов, целясь в быстро уменьшающийся проём дверей.

Металлическая плита достигла распростёртых на полу тел, но даже не замедлила своё движение. Раздался ужасающий хруст, который вызвал содрогание у всех, кто его слышал.

Но Дзинтара уже ничего не могла слышать. Отделённая от врагов толстой металлической стеной, она лежала на полу.

Лицо принцессы было немилосердно рассечено рикошетом лазерного луча. Многочисленные картечины изуродовала её тело, пробив грудную клетку и живот и оторвав пальцы на левой руке, бывшей такой красивой мгновение назад.

Главный компьютер не уступал в эмоциональности Робби и сокрушённо оценивал вероятность выживания принцессы как незначительную.

Спецбригада полицейских уже вступила в бой с нападшими на БиоИнститут, но продолжительность сопротивления преступников компьютер не мог спрогнозировать.

Успеют ли машины скорой помощи, следующие во втором эшелоне полицейских сил, спасти Дзинтару и ещё восьмерых раненых, лежащих в компьютерном зале? Их судьба должна была решиться в ближайшие несколько минут.

Состояние троих раненых компьютер оценил как критическое, подал сигнал тревоги с сообщением о положении людей в зале и терпеливо ждал.

Машинная психология разумных компьютеров была ещё не настолько развита, чтобы можно было сказать, какие мысли возникали у Главного компьютера БиоИнститута, когда он наблюдал смертельную схватку людей вокруг секрета бессмертия, хранящегося в его киберпамяти.

Но то, что за секрет бессмертия люди платят своими жизнями, было очевидно любому разумному существу.

Феб смотрел на экран, с которого исчезла рассерженная Дзинтара, и энергично ругался.

– Почему она меня не понимает?!

Не успел он успокоиться, как его киберсекретарь Дженни сказала:

– Массовое нападение на БиоИнститут. Дзинтара в опасности.

Феб, не рассуждая, кинулся на стартовую площадку.

Он мчался на своём катере в БиоИнститут, съедаемый чёрной тревогой, и вспоминал, что именно так же когда-то летела Дзинтара спасать его после взрыва в Шрёдингере, и тоже наверное страшно переживала, что он умрёт там, на площади, не дождавшись помощи.

Феб взвыл от внутренней боли и нажал на рычаг газа, хотя тот и так был выжат до упора. Наконец показалось хорошо знакомое здание института, и Феб заложил такой вираж к стоянке, что сработали аварийные амортизаторы кресла.

Выпрыгнув из катера, Феб подбежал к полицейскому, командовавшему операцией:

– Почему вы не освобождаете институт, офицер? В компьютерном центре восемь раненых, троё тяжело, и они вот-вот умрут!

– Я знаю! – крикнул сердитый офицер. – У меня здесь только легковооружённые бойцы! Мы штурмовали два раза! У нас самих четверо раненых! Одному моему человеку чуть не оторвало руку по плечо!

И полицейский кивнул на лежащий на земле бронекостюм, рассечённый на плече и залитый кровью.

– У мерзавца, который засел в коридоре возле компьютерного центра, кумулятивные пули! Я не могу посылать своих людей на убой!

– Пошлите роботов!

– Вон они лежат. – Офицер ткнул рукой в направлении трёх дымящихся куч металлолома возле здания. – У этого стрелка есть снаряды всех сортов! Я жду прибытия тяжёлого броневика.

Неожиданно вмешалась Дженни:

– Доктор Елин в компьютерном центре необратимо умер. Сердцебиение остановилось шесть минут назад.

– Надо что-то делать! – вскинулся Феб. – Они там умирают! Ранена принцесса Дзинтара... моя жена!

– Прогнозируемое время остановки дыхания у принцессы Дзинтары – четыре минуты, – сказала Дженни.

Феб превратился в какой-то могучий вихрь. Он оттолкнул офицера и бросился к своему катеру, крича на ходу Дженни:

– Можно пробить крышу коридора катером?!

Дженни ответила:

– Да, на скорости пятьдесят миль в час. Но от такого удара пилот погибнет, а баки взорвутся.

Офицер бежал рядом в Фебом и кричал:

– Гражданским запрещен доступ в зону обстрела!

Феб не обращал на него внимания. Он одновременно командовал Дженни слить всё горячее катера, оставив только на взлёт; надевал окровавленный бронекостюм, оставшийся от раненого полицейского; хватал медицинских киберов, которые толпились за полицейскими кордонами, и, рыча от напряжения, бросал их один за другим в кабину катера. К моменту, когда из баков с рёвом вырвался белый кислородно-водородный фонтан, Феб успел загрузить в катер четыре длинных цилиндра медкиберов и оказаться в кресле пилота.

Дженни сказала:

– Принцесса Дзинтара перестала дышать.

В этот момент офицер на свою голову сделал ещё одну попытку остановить Феба – и как кегля отлетел к машине скорой помощи.

Феб одним движением задраил кабину и врубил двигатели так, что стоящие вокруг люди шарахнулись в стороны.

Дженни отметила:

– Вероятность вашего выживания при таком падении составляет меньше пятидесяти процентов.

– Заткнись, милая Дженни, и рассчитай мне высоту!

Феб набрал по альтиметру нужное значение, завис над той частью коридора, откуда стрелял засевший боевик, и выключил двигатели.

Машина зависла и рухнула вниз.

Несколько секунд невесомости – и страшный удар в днище выбил из Феба всё дыхание.

И отважный бог солнца провалился в темноту.

Полицейские увидели, как падающая машина стремительно набрала скорость, врезалась в крышу БиоИнститута и пробила её, выбросив тучу пыли и обломков.

Всё время постреливавший автомат боевика, засевшего возле компьютерного центра, замолчал.

Какой-то сержант наудачу послал оставшегося робота – и тот спокойно добрался до главного входа. Тогда полицейские ринулись за роботом – без

всякой команды.

Их слишком потрясло зрелище смертника, который протаранил на катере бетонные перекрытия, чтобы спасти свою жену.

Феб пришёл в себя. Вокруг был хаос обломков.

– Сколько осталось? – прохрипел Феб.

– Две минуты до необратимой смерти принцессы.

Феб словно выпил живой воды. Он столкнул с себя крупные куски бетона и вывалился из кабины разбитого катера в такой же разбитый коридор.

Левая нога подогнулась, сломанная в двух местах, и Феб упал.

Несмотря на постоянные уколы аптечки бронекастюма, он едва не терял сознание от боли, но подтянулся на руках к заднему сиденью и встал на здоровую ногу.

Феб схватил цилиндр кибера, выбросил его из кабины и приказал:

– Иди в центр, спасай Дзинтару! Дженни, открой ему двери!

Но лежащий на полу медкибер сказал:

– Ходовая часть разбита, передвигаться не могу.

– И тебя угораздило ноги сломать! – возмущённо закричал Феб, физически ощущая убегающие последние секунды жизни Дзинтары.

Он неистовым усилием вывалил второго, а потом и третьего кибера. Четвертого трогать смысла не было – он был похож на смятую пивную банку.

– Идите, спасайте Дзинтару! – кричал Феб киберам.

Второй кибер поднялся и медленно двинулся по заваленному обломками коридору. Третий лежал и молчал.

Феб упал на пол и пополз к компьютерному центру, толкая – вернее, катя – перед собой первого кибера с разбитым шасси.

Когда он подполз к открытой двери зала Главного компьютера, то ходячий кибер уже хлопотал над Дзинтарой: присоединял к её лицу кислородную маску и щёлкал дефибриллятором, одновременно делая уколы и вливая кровь в вены Дзинтары.

– Сколько осталось? – прохрипел Феб, огибая жуткую мешанину из человеческих тел на пороге компьютерного зала.

– Тридцать секунд, но сердце Дзинтары ещё не заработало.

Феб бросил кибера и пополз быстрее.

– Дзинтара, я люблю тебя! – кричал он. – Очнись, моя девочка, и мы всё исправим!

Феб поцеловал принцессу и лег рядом, в лужу крови своей любимой, требуя справедливости от судьбы и всех богов.

Последние секунды истекали, как песчинки в песочных часах.

Громко щёлкнул дефибриллятор, и тело принцессы выгнулось дугой. Потом Дзинтара рухнула на пол, повернув изуродованное лицо к Фебу, и осталась лежать страшной застывшей статуей.

– Вернись, Дзинтара-а! – отчаянно крикнул Феб.

Вдруг из динамиков кибера раздался глухой звук.

Потом ещё один.

И ещё.

– Сердце принцессы запущено, – сказала Дженни. – Опасность миновала, хотя состояние остаётся крайне тяжёлым.

Счастливый Феб засмеялся:

– Молодец, девочка!

Потом спросил:

– Кто следующий по тяжести?

Дженни ответила:

– Доктор Мекленбург, лежит у колонны справа.

Феб, всё ещё смеясь, вернулся к брошенному киберу и подкатил его к доктору Мекленбургу.

Возле тела пациента кибер словно взорвался огромным количеством всяких устройств и приспособлений.

А через три минуты в зал вбежали полицейские и врачи.

– Ну ты и везуч, парень, – сказал полицейский офицер Фебу, не держа зла на его бесцеремонность.

– Везуч как бог... – пробормотал Феб, качаясь на носилках и уплывая в заслуженное забытье.

При нападении командос Южных на БиоИнститут были убиты пятнадцать сотрудников и охранников института и один из нападавших. Сама Дзинтара, защищая компьютерный центр, выжила лишь благодаря самоотверженности Феба, но потеряла глаз из-за тяжёлого ранения лица. У принцессы было пробито лёгкое, рассечена брюшная полость и изуродована левая рука.

Выжила – это оптимистичный медицинский термин, на самом деле живая принцесса мало отличалась от мёртвой: она уже неделю лежала в коме, повергая своих друзей в отчаяние.

Феб, совершенно изменившийся с момента ранения принцессы, всё время дежурил у её кровати, а когда сиделки его выгоняли – бродил по коридору возле двери палаты, волоча сломанную ногу и тихо ругаясь. Он упрямо говорил:

– Я хочу стать первым человеком, которого принцесса увидит, когда очнётся.

Он всё время разговаривал с принцессой и даже читал ей вслух популярную книгу по биологии, которую нашёл на рабочем столе Дзинтары. Книга была скучная, но Феб не сдавался и старался читать с эмоциями в голосе.

Феб сказал Никки:

– Когда она очнётся, я сделаю её счастливой, даже если она будет сопротивляться! Я насильно на ней женюсь!

Об их браке как о решённом деле Феб говорил всем – родственникам, друзьям и журналистам.

– У нас будет двое детей: мальчик, а потом девочка. Может, сначала – девочка, а потом мальчик. Мы ещё не решили!

Известие о нападении на БиоИнститут, о жертвах среди сотрудников и о ранении Дзинтары повергло Никки в ярость.

– Они осмелились напасть на мирных учёных, которые ищут секрет бессмертия для всех людей?! Эти ублюдки даже не понимают, что это значит!

– И что это значит? – спросил Робби.

– ВОЙНУ! Я объявлю Южным такую войну, что они больше никогда не осмелятся прибегать к убийствам и насилию! Пригласи на завтра главу нашего детективного отдела и офицера Горбина. А сейчас мы с тобой рассмотрим разгром Южных как системную задачу...

Глава 15

Война северных и южных

Бэрримор аккуратно запарковал свой автомобильчик и выбрался из него задом, осторожно держа хрупкую коробку с тортом и цветы.

Настроение у него было отличное, а сам он был приятно взволнован. Вот уже год, как они с Алисой встречаются, и эти двенадцать месяцев стали для него самым счастливым временем жизни.

Сегодня они отмечают свою первую годовщину, но оба они уверены – таких годовщин впереди будет очень много. Это они решили, не сговариваясь и не делая друг другу никаких официальных предложений. Просто расстаться и жить порознь было уже невыносимо.

Пусть зарплата помощника мажордома невелика, но у Бэрримора всё впереди, а Алиса учится на дизайнера и через год тоже будет зарабатывать. А если они поселятся, как недавно решили, в одной квартире, то высвободится немало денег!

Жизнь улыбалась Бэрримору и Алисе, а они улыбались ей.

Бэрримор подёргал старинный звонок, и за дверью послышались лёгкие шаги. Этот момент он любил больше всего – когда дверь открывалась, и Алиса при виде Бэрримора просто расцветала.

А потом они целовались, и он на мгновение чувствовал её стройное тело.

А потом она восхищалась принесёнными им тортом и цветами. Или кулончиком и цветами. Или аппетитной пиццей и бутылкой вина.

Бэрримор никогда не приходил без подарка (пустые руки – дурная примета!).

И сегодня сцена встречи повторилась во всех восхитительных нюансах.

Пока Алиса на кухне гремела тарелками и распаковывала торт, Бэрримор с удовольствием уселся на диван, вытянул уставшие за день ноги и осмотрелся. Нет, всё-таки лучше ему переехать к Алисе, а не наоборот, – здесь места явно больше, чем у него. Только до службы будет дальше добираться. Как удачно, что сегодня – пятница и впереди целый уик-энд!

Раздался звонок в дверь. «Кого ещё черти несут?» – с неудовольствием подумал Бэрримор.

Алиса прошла через комнату, бормоча:

– Наверно, это срочная доставка – я заказала тебе отличный галстук!

Но, открыв дверь, Алиса охнула с такой растерянной интонацией, что Бэрримор тоже выскочил в коридор и остолбенел: в дверном проёме стояла королева Гринвич. Собственной персоной. Одна. Как соседка, зашедшая поболтать.

– Здравствуйте, Алиса! – сказала приветливо королева. – Можно войти?

– А-а... да-да... пожалуйста... проходите... – пролепетала Алиса, пятясь.

Королева Николь закрыла за собой двери и огляделась.

– У вас отличный вкус, Алиса! – улыбнулась королева. – Вы будете незаурядным дизайнером. Вот эти бордовые шторы в сочетании с золотистыми стенами мне очень нравятся.

У Бэрримора мелькнула невозможная мысль, что королева хорошо знакома с биографией Алисы и даже в курсе её творческой карьеры.

– Д-да, – заикалась Алиса, – это удачное... сочетание...

Она уже допятилась до комнаты, тесня Бэрримора. Следом за ними в комнату шагнула и королева.

– Предельно уютно! – королева снова одобрила интерьер. – А нет ли у вас чего-нибудь выпить? Воды, например. Тяжёлый день, в горле совсем пересохло.

– Конечно! – обрадовалась Алиса. – Садитесь, в-ваше... величество! У меня даже есть вино! Красное... к-какое-то красное...

– Зовите меня просто Никки, – замахала руками королева, – и тогда я с удовольствием выпью вашего красного вина.

Алиса метнулась на кухню, и там что-то стало немедленно греметь, звенеть и падать.

– Как жизнь, Бэрримор? – спросила королева.

– Ничего... помаленьку... – сказал Бэрримор, приходя в себя и начиная подозревать в происходящем какую-то грандиозную ловушку («она и меня знает!»).

– А как ваши дела? – выдавил стандартное приветствие помощник мажордома.

– У меня всё прекрасно. – Королева улыбнулась так, что эта банальная, общепринятая реплика стала очевидной истиной.

Вернулась хозяйка с рюмками и с уже открытой бутылкой.

Алиса разлила вино по трём бокалам, причём руки её тряслись, а рот не закрывался и непрерывно-лихорадочно бормотал:

– Очень трудно найти такие шторы в верный тон... все расцветки такие дурацкие... или продают такие мятые тряпки... фактуры никакой,

прозрачность такая неравномерная... а гардины... это вообще песня... я тут нашла один славный магазинчик...

Алиса плюхнулась на диванчик, покрытый такой симпатичной тканью в рельефный узорчик, и расцветка такая редкая – тёмно-малахитовая по светлой зелени. Еле нашла.

Девушка подняла свой бокал и сказала с нервным смехом:

– О боги, я пью с королевой Николь! Завтра все мои подружки упадут замертво. За встречу... Никки... ваше величество!

Никки поддержала:

– За встречу!

Потом королева отпила из бокала и откинулась в своём кресле (такая же ткань, но узор мельче и вытянут по вертикали. Найти такие парные ткани – это была такая удача!).

– Я хотела бы поговорить с вами о короле Симмонсе, – сказала королева.

«Вот оно!» – обожгло Бэрримора, но ответить он ничего не смог – язык его словно отнялся.

– Я не собираюсь обсуждать Симмонса с вами, Бэрримор, – продолжала королева. – Я знаю про гипноблок, который не позволяет вам рассказывать о своих служебных делах посторонним. Поэтому просто сидите и молчите, а я буду говорить с Алисой.

– Со мной? – удивилась Алиса. – Но я никакого отношения к королю Симмонсу не имею.

– Имеете, потому что вас и Бэрримора связывают... тёплые чувства.

Это королева хорошо сказала, вежливо и ласково.

– Бэрримору грозит опасность, и вам нужно об этом знать, – продолжала Никки. – Король Симмонс – преступник, и дни его сочтены. Закон и я занялись им всерьёз. Это его люди напали на БиоИнститут. Тех мерзостей, которые творятся во дворце Симмонса, тоже достаточно для пожизненного заключения без права на помилование. Причём под суд попадут и многие слуги короля, знающие о происходящих преступлениях, но молчащие. Бэрримор относится именно к таким слугам. И у него одно спасение – пойти на сотрудничество с законом. Нам нужны свидетели из служащих короля, которые расскажут суду правду о Симмонсе. Тот, кто станет свидетелем, будет избавлен от наказания. Конечно, речь идёт только о людях, не участвовавших лично в тяжких преступлениях. Бэрримор, слава богам, в них не замешан. Насколько нам известно. А известно нам многое...

Алиса переводила круглые глаза с королевы Никки на Бэрримора и

обратно.

– Внизу ждёт врач, который снимет гипноблок, и полицейский, который возьмёт ваш дом под охрану, если Бэрримор согласится на сотрудничество. Домой ему пока не надо возвращаться, на службу – тоже. Впрочем, работы во дворце короля Симмонса со следующей недели уже не будет.

Никки поставила бокал на столик.

– Помогите нам – и вы спасёте себя. По закону я не могу ничего обещать вам за вашу помощь, но я могу гарантировать, что власти выполнят все свои обязательства по отношению к Бэрримору. И я лично буду вам признательна и уверена, что вы не пожалеете о принятом решении... а принимать вы его, я уверена, будете вместе...

– А что будет, если Бэрримор не согласится? – спросила встревоженно Алиса.

– Суду хватит показаний других слуг. Такое предложение сделано сегодня не одному Бэрримору. Если следствие установит причастность Бэрримора к дворцовым порядкам или хотя бы осведомлённость о них, то судья определит ему срок наказания. Возможно, Бэрримор отделается легко. Что думаешь, Робби?

– Вероятнее всего, ему дадут два года тюрьмы нестрогого режима.

– Ну... не так уж и много, – сказала королева.

– Два года?! – в ужасе взвизгнула Алиса. – Дайте мне поговорить с Бэрримором наедине, ваше величество!

– Конечно, – и королева встала. – Я буду ждать внизу, вот номер моего личного т-фона. У вас есть полчаса. Извините, больше дать не могу.

Никки вышла из комнаты, а Бэрримор, так и не сказавший ни слова, проводил её круглыми глазами. Потом он перевёл их на Алису.

И тут она тигром кинулась на него...

Звонок на т-фоне Никки раздался не через полчаса, а через двенадцать минут.

– Ты проспорила, знаток человеческих душ! – сказал ехидно Робби, ещё не ответив на звонок. – Я же говорил, что они уложатся в четверть часа!

Понедельник выпал мрачный и тревожный. Ранним утром, когда громада замка короля Симмонса ещё спала, а дневные слуги не прибыли на работу – вокруг замка сжалось тревожно мигающее кольцо из полицейских машин и вертолётот.

Никки лично участвовала в штурме замка. История с Дзинтарой

сделала вражду к королю Симмонсу слишком личным и глубоким чувством.

Небольшой катер королевы, который она пилотировала сама, держался позади волны полицейских, но королева не теряла времени даром и зондировала замок своими дистанционными чувствами и корабельными сенсорами.

Кроме ареста короля, у полицейских было много задач, например, сбор улики и задержание всех важных свидетелей, включая девушек, живущих в правом крыле замка.

У Никки же была одна цель – сам король. Согласно агентурным сведениям, Симмонс пользовался восемью спальнями в разных частях замка. Нужно было определить, в какой он спал сегодня. На свои сверхчувства Никки много надежд не возлагала – королевский замок хорошо защищен, да и расстояние великовато. Но на катере было много разной аппаратуры, а у Никки была зацепка – согласно агентурным данным, король любил спать с открытым окном.

– Робби, включи молекулярный визор.

На боковом экране появился дворец, из которого истекали разноцветные дымы – так прибор, регистрирующий спектры сложных молекул, визуализировал запахи.

Сильнее всех пахли вентиляционные трубы кухонь, из которых тянулись раздуваемые утренним ветром шлейфы органических молекул. Коричневые акролеины горелых жиров, красные масляные триглицериды, золотистый хлебный фурфурол, оранжевые терпеновые спирты цитрусовых, серебристые фруктовые эфиры, синие кофейные алкалоиды. Запахи несильные, вчерашние – дворцовые кухни ещё не начинали работать.

Кустарники и цветы на дворцовых клумбах были похожи на разноцветные факелы: сирень благоухала терпениолом, акация – фарнезолом, розы источали фенилэтиловый спирт, а гиацинты – фенилпропиловый.

Подстриженные лужайки пахли свежим сеном, поэтому на экране визора они были окутаны голубым туманом кумарина – лактона ортооксикоричной кислоты.

Машины на стоянке воняли стелющимися по земле перламутровыми струями испарившегося топлива, сочились бронзовыми акрилатами и ядовито-жёлтыми фенолами пластмасс.

Небольшая ферма на краю соснового леса клубилась чёрным метаном, резко выделяющимся на зелёном фоне лесных эфирных масел.

Несколько окон дворца были открыты, и из них выбивались испарения людских тел и снов, простая белая аммиачная вонь чистящих средств и сизые сложные ароматы старой ковровой шерсти.

Никки сфокусировалась на королевских спальнях, хотя король мог заснуть где угодно.

Робби указал на опочивальню с огромным окном:

– Регистрируется уксусный альдегид после употребления этанола с коньячным лигнином, андростендион – феромон мужского пота и сероводород из кишечного выхлопа. Концентрации высокие – там кто-то есть.

Маугли сказала:

– Фу, пора проветрить королевскую спальню!

Никки повезло – король спал в угловой комнате, выходящей в парк. Очень удобно! Маугли обогнула дворец по широкой дуге и нацелила катер на угол здания. Полицейские сюда ещё не добрались.

Никки приблизилась к окну спальни и позволила кораблю влететь прямо в стекло, высадив бронированным носом раму и часть стены.

Грохот, звон, пыль. Передняя часть шлюпки прочно пришвартовалась в королевской спальне, а остальная часть корабля держалась на весу двигателями.

– Что ж, если мы ошиблись и потревожили королевского гостя, то извинимся и полетим дальше!

Никки открыла носовой люк и очутилась прямо в спальне в стиле Людовика XV. Вернее, она была выдержана в таком стиле десять секунд назад. Сейчас прекрасный паркет скрывался под обломками мебели и кусками стен.

Ошибки не было: на уцелевшей кровати стоял взбешённый король Симмонс в длинном халате несусветного покроя и цвета.

– Король Симмонс! Вы задержаны на основании моего права на гражданский арест, – сказала королева Никки.

Король злобно зарычал и сорвал какую-то колючую дубину со стены.

– Ах, так ты сопротивляешься задержанию! – радостно воскликнула Никки. – Я даже не надеялась на такую удачу!

И она с оттяжкой пнула его в пах.

Что-то чавкнуло.

– Это тебе за всех девушек, которых ты затащил в своё логово!

Выронив дубину, король сложился пополам, а потом втрое.

Никки пнула его ещё раз – в наклонившееся к земле лицо.

Что-то захрустело.

– А это тебе за Дзинтару, которую ты изуродовал и почти убил!

Король улетел в угол, доламывая антикварные столики и шкафчики.

– Руки о тебя марать не хочется, а вот ногам я решила дать волю. Пора тебе узнать на себе самом, что чувствуют люди, к которым ты посылаешь своих убийц. Запомни этот день, подонок. Отныне ты начинаешь жизнь овоща. Из женщин ты отныне будешь видеть только медсестёр – когда они захотят сделать тебе объёмную клизму.

Маугли вытащила пистолет и разрядила всю обойму в грудь королю. На последнем выстреле в дверь вломились трое полицейских. Во главе – лейтенант. Он не узнал Никки, лицо которой было скрыто защитной полумаской.

– Положите оружие! Кто вы?

– Я – офицер Космической службы. Я задержала этого человека.

– Вы стреляли в него!

– Всего лишь парализующие заряды, лейтенант. Пару дней погадит в штаны, а потом придёт в себя.

– Он сильно избит!

– Всего лишь пара успокаивающих ударов. Сопrotивлялся задержанию и размахивал вот этой дубиной, видимо, орудием своих сексуальных игр.

– Только полиция может арестовывать людей.

– Я не говорила, что арестовала его, – я лишь задержала преступника до вашего прихода. Арестуйте его сами, лейтенант!

Тот помедлил, а потом произнёс формулу ареста. И повернулся к подчинённым:

– Наденьте на него наручники и отведите в машину!

– Не спешите, лейтенант! – остановила его Никки. – Если арест произведён, и король попал под юрисдикцию полиции, то кое-какие события можно ускорить. У короля слишком много адвокатов, которые вытащат его до суда из любой тюрьмы. Ему нашлось местечко получше. – И она сказала в пространство: – Король арестован и находится в левом крыле, угловая северная комната!

Не успел лейтенант оглянуться, как в комнату ввалилось несколько человек.

– Арестован? Отлично! – воскликнул седовласый человек в форме военврача. Он протянул лейтенанту листок: – Вот предписание судьи о содержании короля до суда в психиатрической клинике строгого режима. Мы его забираем!

Пока ошеломлённый неожиданными поворотами дела полицейский

вчитывался в документ, короля погрузили на носилки и потащили к двери.

– Вы отлично поработали сегодня, лейтенант! И обязательно получите благодарность от начальства, – улыбнулась Никки и вернулась в катер.

Корабль с хрустом и скрежетом отчалил от разрушенной спальни, оставив в ней растерянных полицейских.

Разгром короля Симмонса, возглавлявшего агрессивное крыло Южных, был важным успехом. Но главная задача была сложнее: нейтрализовать всю группировку Южных династий во главе с императором Дональдсом.

Никки помнила свою давнюю встречу с умным и жёстким Вильгельмом Дональдсом, тогда ещё герцогом. Император Южных был расчётлив и не вмешивался в прямую уголовщину, хотя, вероятнее всего, негласно поддерживал операции Симмонса или собирался воспользоваться их плодами в случае успеха.

В борьбе с Дональдсом нужно было рассчитывать не на полицейские, а на экономические и политические методы...

И у династии Дональдсов начались неприятности. У крупнейших компаний династии неожиданно обнаруживались серьёзные конкуренты, откуда-то получавшие мощные финансовые вливания и передовые технологии. Конкуренты быстро вытесняли с рынка компании Дональдса, те терпели убытки, и их акции падали в цене – причём так быстро, словно подгонялись точным финансовым расчётом. В точке минимума своей стоимости заводы и компании Дональдса приобретались неизвестными покупателями, энергично переоборудовались и снова шли в гору, но уже принося прибыль кому-то, а не Дональдсу.

За полтора года династия Дональдсов потеряла треть своих капиталов. Короли Южных династий заговорили, что им нужен более удачливый и богатый император.

Именно в это время император Дональдс, похудевший и нервный, получил от королевы Никки приглашение встретиться для деловых переговоров.

В обстановке строжайшей секретности два корабля прибыли в лидирующую точку Лагранжа на орбите Луны.

Флагманские крейсера зависли друг возле друга и состыковались.

Император Дональдс и королева Гринвич встретились в круглой каюте корабля Дональдса. В огромный иллюминатор светили сразу и Земля, и Луна, но космические пейзажи не могли отвлечь собеседников от напряжённого разговора.

– Это я объявила вам войну, – сказала Никки.
– Это не секрет, – хмуро ответил император Южных.
– Согласно нашим расчётам, через два года продолжения операции вы потеряете титул императора. Ещё через три – вылетите из Королевского Клуба и больше туда никогда не вернётесь. Это расплата за то, что Южные начали открытую войну, а вы, как император Южных, несёте за это ответственность.

– Вы сами знаете, что власти у императора недостаточно, чтобы запретить отдельным королям делать большие глупости.

– Император на многое может повлиять, если захочет. Но я не вижу в вас миролюбия. Кроме всего прочего, вы подарили Симмонсу пятерых несовершеннолетних девушек.

– Это были деловые подарки...

– Вот за деловую политику ваша династия и приговорена к уничтожению.

– Если бы вы хотели просто меня уничтожить, то не устраивали бы такую секретную встречу. Что у вас на уме?

«Да, – согласилась мысленно Никки, – он не дурак!»

– У меня на уме вопрос: насколько вы заинтересованы в личной власти? И могут ли семейные интересы династии оказаться для вас важнее собственного титула?

Император помрачнел и долго не отвечал. Никки не торопила его, а по-хозяйски, не спрашивая разрешения, открыла каютный бар и налила себе минеральной воды. Наконец, Дональдс спросил:

– У вас есть предложение, как я могу спасти свою династию от разорения? Я готов вас выслушать.

– Если вы передадите власть своему младшему брату – принцу Арнольду, то я прекращу войну против вас. Даю вам шесть месяцев. Арнольд должен получить и корону короля, и титул императора. Если согласитесь, я сделаю всё возможное, чтобы ваша династия сохранила императорский статус. У меня есть связи в стане Южных.

Император явно был ошарашен сказанным и пробормотал с кривой улыбкой:

– Вы занимаетесь делами даже врагов?

– Если ты не будешь заниматься делами своих врагов, то враги займутся твоими делами. Кандидатура Арнольда будет удачным компромиссом между интересами вашей династии и мнением тех, кто говорит о необходимости смены императора. Я никак не ограничиваю ваше влияние внутри династии, и вы можете остаться главным советником

Арнольда. Старший брат императора – это высокое положение. Но официальная власть будет принадлежать ему. И я надеюсь, что вы понимаете: политика Южных должна измениться с приходом Арнольда, стать более разумной и мирной.

Император потемнел лицом и впал в тяжёлое долгое молчание. Наконец, он сказал:

– Я подумаю над вашим предложением, королева Николь. Дайте мне неделю.

– Хорошо.

Но по каким-то неуловимым признакам было ясно, что император согласится на предложение Северной королевы. В конце встречи Вильгельм спросил хриплым гневным голосом:

– У Арнольда нет жены и детей. Если он не оставит наследника, могут мои дети вернуть себе корону?

– Ну... разве что у Арнольда не будет своих детей. Но я бы на вашем месте на это всерьёз не рассчитывала.

Никки помолчала и добавила:

– Когда Арнольд придёт к власти, мне нужно будет с ним встретиться – для обсуждения политического курса обеих групп династий. Его визит в мой замок послужит хорошим признаком конца эры холодных и горячих войн между Северными и Южными династиями.

Через неделю император Южных прислал короткое секретное письмо со своим согласием.

Итоги успешных переговоров с императором Южных династий стали предметом ещё одних переговоров королевы Никки с императором Северных.

Эти вторые переговоры были гораздо продолжительнее и заняли несколько месяцев.

А потом мир потрясла двойная новость: Дональдс, император Южных, передаёт титул младшему брату, а Шихин, император Северных, добровольно отказывается от императорской короны в пользу королевы Гринвич. Более того – династия Шихин-ых выходит из союза Северных династий и объявляет о своём нейтралитете по отношению к обоим союзам.

Бурю, бурю вызвали в инфосфере Солнечной системы эти новости!

Благодаря мощным теле– и радиопередатчикам Земля в радиодиапазоне давно светит ярче самого Солнца. Двойная новость, меняющая политическую картину мира, инициировала что-то вроде

радиовспышки, которую через десяток лет смогут засечь радиотелескопы инопланетян, живущих возле ближайших звёзд, если, конечно, там есть существа, знакомые с электромагнитными приёмниками.

Особенно смущал экспертов поступок короля Шихин-а.

Добровольно отказаться от императорской короны?! Это не уместилось в мозгах аналитиков. Пусть даже в пользу союзницы и официальной супруги собственного сына, пусть даже с оговоркой, что после Никки корону императора Северных будет наследовать внучка Шихин-а – принцесса Сюзанна.

А зачем вдобавок становиться нейтральной династией, теряя и без того пошатнувшееся влияние?

Пошли слухи, что император уступил свою корону за такую огромную долю акций в компании по продаже бессмертия, что это финансово окупает его политические потери.

Говорили, что Шихин собирается прибрать к рукам и возглавить нейтральные династии, число которых в последнее время значительно выросло. Нейтральная сила не должна быть ничейной.

Сам император охотно давал интервью, улыбался и хвалил свою преемницу, которой можно смело доверить управление Северным союзом. Говорил о том, что правителями должны быть молодые, а старикам нужно научиться вовремя уходить.

Такой бескорыстный популизм только больше настораживал экспертов и журналистов и вызвал немало шуток по поводу умственных способностей бывшего императора.

На самом деле, у императора Северных была серьёзная причина для отставки и нейтральности, но сказать о ней журналистам было бы недальновидно.

Дальновидность – хорошее слово.

Удивительно, но стоит научиться планировать свои действия с расчётом хотя бы на десять лет вперёд, как они начинают вызывать искреннее недоумение окружающих.

Недоумение – тоже неплохое слово.

Глава 16

М-магелланово облако!

Зал был полупуст, но уже вместил всех сотрудников Института математических проблем. Пора было начинать, хотя и очень не хотелось.

«М-магелланово облако!» – Хао Шон выругался своим любимым ругательством, встал с первого ряда и повернулся лицом к сидящим.

На трибуну он не пошёл, пытаясь быть максимально дружелюбным и демократичным. Но одновременно Хао отлично понимал, что это не поможет.

– Все вы знаете, что наш институт будет разделён на две части. Хочу сообщить кое-какие важные детали, которые затронут многих из вас.

По залу прошёл гул. Никто не любит новостей, которые могут затронуть его самого.

– Согласно вчерашнему голосованию членов Независимой академии, поддержанному специальным решением Совета директоров династии Гринвич, от нашего института отщепляется планетологический отдел, и на его основе создаётся Институт Солнечной системы, который займётся задачей построения всеобъемлющей математической модели строения и динамики Солнечной системы.

Зал волновался. Хао вздохнул:

– Я оставляю пост директора Института матпроблем, так как выбран главой нового института. Финансирование работ будет щедрым, но тематика работ должна соответствовать общему направлению солнечно-планетологических исследований. Важный момент: новый институт остаётся здесь, а старый Институт матпроблем переводится в другое здание, в Луна-Сити.

Последние слова, невзирая на усиление речи Хао в стенных динамиках, утонули в людском шуме. Раздался даже свист. И Хао прекрасно понимал шумящих: примерно половина работ специалистов института не имела отношения к Солнечной системе. Даже если часть сотрудников согласится переключиться в своих исследованиях на новую тему, всё равно примерно четверть учёных должна будет покинуть привычные стены и переехать. А мало кто любит менять насиженное место.

– Каждому предоставляется время для выбора. В течение шести месяцев вам будет сохранено финансирование, но потом вы должны

согласиться с новой тематикой – или переехать в Луна-Сити. Вам будут также предоставлены на выбор равноценные места в других институтах Независимой академии и в институтах династии Гринвич, – сказал Хао, и в шуме зала появились удовлетворённые ноты.

– Более детально программу исследований мы обсудим позже, но уже сейчас можно сказать, что всем объектам и частям Солнечной системы будет уделено должное и пристальное внимание: самому Солнцу, каждой из восьми крупных планет, спутниковым системам и планетным кольцам, межпланетному солнечному ветру и магнитному полю, пылевому зодиакальному облаку, астероидам, кометам и транснептунам. Изучение тел планет и спутников включает в себя все уровни и оболочки – от ядра до магнитосферы. Экспериментальные исследования в нашу задачу не входят, но если возникнет необходимость тестирования теорий, такие проекты будут реализованы с привлечением внешних групп экспериментаторов. У меня всё.

Но только через час, ответив на множество вопросов, Хао сумел закрыть собрание.

Как только он вошёл в свой кабинет, сюда же заявила принцесса Карина.

Хао мысленно возвёл глаза к небу: «М-магелланово облако!»

Принцесса была головной болью.

– Профессор Шон!

– Слушаю вас, Карина.

Хао никогда не называл в институте Карину принцессой. Заходя в научное учреждение, шляпы, короны и колпаки нужно оставлять в гардеробе.

– Я занимаюсь математическими моделями пульсаций звёзд...

– Я знаю.

– И готова сфокусироваться на модели Солнца («О боги, а я надеялся, что она захочет переехать в Луна-Сити...»)...но я полагаю, что нельзя прекращать моделирование ближайших и самых изученных звёзд, ведь одного Солнца недостаточно для тестирования солнечных моделей – другие звёзды дадут нам гораздо больше материала для анализа!

Хао всё понял – принцесса хочет сохранить свою старую тему, перекрасив её в новый цвет. Может, дочери старого друга Хао бы и отказал, но дочери старого врага он отказать не мог.

– Хорошо, согласен включить в тему моделирования Солнца ещё и соседние звёзды. Как тестовые объекты.

– Вы прелесть, профессор! – засветилась Карина и готова была уже

упорхнуть, но в дверях задержалась: – Профессор Шон, тогда... на лекции... вы были очень бесцеремонны и даже грубы со мной. Позже, когда я училась в университете, то сто раз была готова бросить эту головоломную математику... и только эта ваша насмешливая лемма о неспособности богатых к математическим трудностям удержала меня от позорного отступления. Скажите, вы тогда были так язвительны... специально?

Профессор Шон хмыкнул:

– Ну... я счёл, что хороший внешний раздражитель будет полезен... в данном конкретном случае.

Карина помолчала и тихо сказала, не очень понятно – про что:

– Спасибо, профессор... – и исчезла.

Хао думал долго, почти месяц, колебался – стоит ли? Но всё-таки решил, что не помешает – в институте работало много зелёной молодёжи, которую ещё учить и учить. Даже если никогда не рано, то почти всегда уже поздно.

Решил и послал всем сообщение:

«Завтра, в 10 утра, профессор Хао Шон скажет речь неизвестного толка, но ничего делового не содержащую. Сбора не будет, всем оставаться на своих рабочих местах, а самые бездельники могут продолжать загорать на лужайках, просто включив т-фоны на институтский канал».

И вот он сидит за столом, налив в стакан воды.

– Здравствуйте, коллеги! Большинство из вас уже согласилось на то, что мы продолжим работать вместе, и уже испортили свои рабочие стены плакатами с пейзажами Солнечной системы. Моя речь обращена в первую очередь к тем, кто в ближайшие годы должен совершить качественный скачок в математическом моделировании и физическом понимании строения и динамики Солнечной системы.

Я решил с вами просто поболтать, поэтому и не стал вас собирать в конференц-зале, где вы будете зевать мне в лицо и думать: когда же этот зануда закончит брюзжать и вы сможете вернуться в кабинет и спокойно написать письмишко своему другу или подруге насчёт сегодняшнего вечера.

Я даже не включаю видеосвязь, чтобы, не видя ваших скучных рож, оптимистично надеяться, что вы не смотрите сетевые анекдоты, не пьёте

чай и не пишете новую статью, а внимательно слушаете меня. Вы даже можете безнаказанно храпеть во время директорской речи – только отрубите свои микрофоны.

Хао услышал отдалённый смех из динамиков обратной связи.

– Первым пунктом своей занудной речи я призыву вас к *научной внимательности*. Это значит – замечать и дотошно исследовать ВСЕ необычные наблюдаемые отклонения от существующих моделей. Не оставляйте за спиной непонятное! Есть вероятность, что даже маленькое противоречие между теорией и экспериментом станет истоком чего-то нового и важного. Чем досаднее несовпадение формул и реальности, тем больше здесь перспектив. Нужно не скрывать или заглаживать трудности нашего понимания и моделирования, а всячески вскрывать и выпячивать их.

Примеров важности такой внимательности – масса; я наступлю себе на горло и приведу только один.

В 1972 году французский химик-аналитик Бужигес, исследовавший образцы урановых руд, привезённых из Африки, обнаружил необычность изотопного состава урана. Стандартное содержание урана-235 в природной смеси трёх изотопов урана – 234, 235 и 238 – составляет 0,720 %. Этот процент неизменен на всей планете и даже во всей Солнечной системе. За более далекие тела я не поручусь.

Но согласно измерениям Бужигеса, процент урана-235 в исследуемой партии руды составлял лишь 0,717 %. Для тех, кто плохо считает в уме, поясню – речь идёт о разнице в три тысячных процента! Бужигес оказался внимательным учёным, придавшим этой аномалии большое значение. В Африку была снаряжена экспедиция, которая обнаружила, что изменение изотопного состава в урановой жиле в Габоне вызвано существованием древних ядерных реакторов.

Из динамиков раздался взволнованный шум, и Хао довольно улыбнулся.

– Наверное, сразу подумали про палеоконтакт и инопланетян? Зря. Африканские атомные реакторы – их в Габоне было открыто около двух десятков, оказались не инопланетными, а естественными. Два миллиарда лет назад содержание в природном уране легкоделящегося урана-235 достигало трёх процентов. Кроме того, урановая жила в Габоне располагалась возле речки, а вода является естественным замедлителем нейтронов.

Уран-235 рождал нейтроны, они уменьшали свою скорость, проходя через мокрый грунт, и эффективно взаимодействовали с ураном, вызывая

ядерную реакцию. В результате урановая жила метровой толщины в течение получаса разогревалась до тепловой мощности в сотню киловатт – пока грунтовые воды не закипали и не испарялись. При исчезновении замедлителя реактор угасал и остывал два с половиной часа. Потом вода снова проникала по трещинам в остывшую урановую жилу – и цикл повторялся снова.

Открытие естественного ядерного реактора, аналогичного искусственному по размерам и принципам функционирования, стало полезным щелчком по самолюбию человека, ведь многие учёные, включая Энрико Ферми, полагали, что атомный реактор является исключительным достижением человека разумного.

– Как долго работали такие реакторы? – донесся из динамика чей-то вопрос.

– Пятьсот миллионов лет! – ответил Хао. – В смысле надёжности атомных реакторов людям тоже есть чему поучиться у природы.

Он сделал паузу, отпил воды из стакана и откинулся в кресле поудобнее.

«Всё-таки хорошо произносить речь из своего кабинета...»

– Теперь я хотел бы поболтать о таком понятии, как *научный максимализм*.

Хао сделал многозначительную паузу и усилил голос:

– Учёный должен быть безоговорочным максималистом! Компромиссы – удел мировой и семейной политики. Настоящие учёные не идут ни на какие интеллектуальные сделки, если они хоть в чём-то сомнительны. Учёные должны искать теории, которые полностью объясняют экспериментальные данные и не оставляют дыр в понимании или замётённых под ковер проблем. Старательнее – можете даже с удовольствием – расковыривайте болячки своих теорий! Не прячьте их от коллег и в первую очередь от себя.

Динамик ожил девичьим голосом, судя по всему, принцессы Карины:

– Профессор, а физико-историк Кун утверждал, что новые теории в момент рождения совпадают с реальностью ничем не лучше старых и предпочтительны лишь по эстетическим критериям.

– Томас Кун оперировал средневековыми примерами и полемически преувеличивал, – спокойно сказал Хао. – Если гипотеза, выдвинутая для описания наблюдаемых явлений, правильна, то она малым количеством теоретических положений объясняет множество экспериментальных фактов. Правильная теория проста и красива. Если вам подсовывают теорию, которая что-то неплохо объясняет, но где-то требует натяжек и

подтасовок, – не соглашайтесь на неё! Не покупайтесь на иллюзии!

Хао, забыв, что его не видят, назидательно поднял палец.

– Это очень трудное правило! Измученный неудачами учёный часто готов схватиться за любую теорию, хотя бы частично объясняющую экспериментальный феномен, над загадкой которого он бился всю жизнь... А если эту полуживую теорию согласятся профинансировать? И если придут к тебе ученики с просьбой быть их учителем? Так трудно сказать всем, что этот успех – ещё не успех, а в лучшем случае – полезное указание, и что надо искать другую, подлинную и окончательную причину загадочного феномена. Слишком часто учёный не имеет сил расстаться со своей полудохлой, едва работающей теорией. Он её беспрерывно чинит, как старое авто, замазывает лаком проржавевшие крылья и говорит всем, что она вот-вот помчится, как птица. А она всё не мчится и не телится, а новые данные делают в ней всё больше дыр, и жизнь этого учёного проходит не в поиске истины, а в ремонте лжи.

Директор вдруг гаркнул в микрофон:

– Будьте бескомпромиссными максималистами! Или ищите себе другую, не такую честную работу!

В динамике что-то ойкнуло и зазвенело, падая.

Хао сбавил тон и сказал:

– Учёный должен останавливаться в своём поиске не тогда, когда добыто финансирование, а тогда, когда добыта истина. Хочу привести в пример Никки Гринвич, которая с детства отличалась бескомпромиссностью. Она выросла на маленьком астероиде, вокруг которого вращались две луны. Никки стала расспрашивать своего друга Робби: как появились эти шарики вокруг её планеты? Робби изложил ей официальную модель, согласно которой спутники астероидов образуются при ударе большого тела.

Никки не поверила Робби. Она слишком хорошо знала, как хрупок и сыпуч был её астероид: от сильного удара не только бы луны не появились, сам астероид попросту бы развалился на тучу обломков! Никки заставила Робби думать над другой моделью. И тот сумел построить корректную теорию: источником вещества для лун оказались частые выбросы с поверхности астероида пылевых облаков, возникающих при ударе мелких метеоритов в реголит. Когда-то давно этой пыли выбрасывалось столько, что она накапливалась вокруг астероида и слипалась в аккуратные спутники-шарики на круговой орбите. Так астероиды рождали свои луны.

На этот раз Никки согласилась с Робби, потому что она сама часто видела такие облака. Эта же модель оказалась применимой и для

образования Луны из Земли. Конечно, там удары сильнее, и в космос выбрасывается не пыль, а целые горы, но принцип тот же – Луна возникла не из-за одного удара огромной планеты, а из-за множества ударов меньших астероидов.

– Профессор, а это королева Гринвич сама вам рассказала? – раздалось из динамиков.

– Да, мы же с ней в школе Эйнштейна были сотрапезниками.

Динамики завистливо вздохнули.

– Когда Робби, рассказывая Никки о космологии, заявил, что в ходе коллапса Вселенной и астероид 4654, и Земля, и Солнце, и Галактика, и все скопления других галактик должны сжаться в сингулярную точку, Никки выразила своё недоверие и к этой теории.

– Я могу процитировать, что она мне тогда сказала, – вдруг вмешался кибермозг Института математических проблем.

«Я всё время забываю, что память и интеллект Робби скопированы в множестве других машин. Киберы ничего не забывают...» – подумал Хао и согласно кивнул головой в сторону видеоглаза.

И в динамиках вдруг раздался девчоночий голос:

– Фу, Робби, не будь дураком! Природа должна избегать таких идиотских поступков, как бесконечное сжатие Вселенной в точку. Давай, найди строгий запрет на эту смешную сингулярность.

Голос девчонки смолк, а динамики взорвались возбуждёнными репликами и криками:

– Ребята! Это был её голос! Это она сказала ещё в детстве! Она говорила это, когда жила совершенно одна и не знала, что её найдут! Вот здорово! Я записал это! Вот так речь! Профессор, так они нашли этот запрет?

Хао хмыкнул:

– Кажется, пора устроить сотрудникам экзамены по космологии. Да, они его нашли. Оказалось, что при коллапсе материя становится нестабильной и превращается в гравитационное излучение раньше, чем достигнет точки сингулярности. И избежать этой нестабильности и быстрого испарения вещества просто невозможно. Действительно, природа не любит ничего бесконечного, и если уравнения указывают на такое явление, то это верный признак, что уравнения неполны, или неправильны, или некорректно применяются. Я думаю, учёные слишком терпимы к физическим бесконечностям. Например, перенормировку квантовых расходимостей, формально работающую, но физически не объяснённую, я считаю скелетом в шкафу науки.

Хао встал с кресла – размять ноги.

– Двинемся дальше, мы лишь на середине моей речи. Третье умение, которое важно для учёного, – это умение *точно задавать вопросы*.

Биологи всегда гордо считали, что живые организмы содержат нечто непостижимое с точки зрения физики. В своей книжке о биологии «Что такое жизнь с точки зрения физика?» гениальный физик Шрёдингер, один из основателей квантовой механики, дал прекрасный пример удачного вопроса: «Как физика и химия могут объяснить те явления, которые происходят внутри живого механизма?»

В этой знаменитой популярной книге Шрёдингер убедительно обосновал глубокую мысль, что в основе биологической наследуемости родительских признаков лежит простой физический, де-факто – механический, ещё неоткрытый процесс удвоения некой крупной, тогда ещё неизвестной, органической молекулы, носителя наследственной информации.

Шрёдингер опубликовал свою тонкую книжицу в 1944 году, и она оказала огромное влияние на развитие биологии. В 1946 году Фрэнсис Крик, прочитав эту книгу, бросил физику и занялся биологией. Через семь лет Крик вместе с двадцатипятилетним юнцом Уотсоном совершил эпохальное открытие: догадался о двойной спиральной структуре ДНК, способной к самовоспроизводству при раскрутке спирали.

Уотсон и Крик точно ответили на точный вопрос, заданный Шрёдингером. А ведь многие учёные многие годы придерживались мнения, что молекулами, которые передают наследственный код, являются не примитивно устроенные ДНК, а сложно переплетённые белки. Эта гипотеза содержала серьёзные натяжки, но на них большинство учёных закрывали глаза, тем самым закрывая себе дорогу к открытию...

Ещё один пример. У космонавтов прошлого кости в невесомости теряли кальций и истончались очень быстро. Пока не нашёлся человек, который задал наивный, на первый взгляд, вопрос: «А как кости узнают, что они находятся в невесомости, и что им пора уменьшаться в массе?»

Действительно, это очень интересный вопрос. Ведь каждая отдельная клетка не имеет аппарата распознавания гравитации. Рост клеток управляется только химическими командами. А гравитация действует лишь на механические движения или состояние тела. Значит, существует процесс, который транслирует механическое действие гравитации на уровень химического клеточного языка.

Точный вопрос сразу наводит на ответ. Вскоре нашли препарат, который блокирует химический донос костям о невесомости. И космонавты

перестали превращаться в рахитиков, а у человечества появилась возможность расселиться по слабогравитирующим телам Солнечной системы.

Хао вернулся в кресло и выпил воды.

– И последнее, без чего учёный, особенно теоретик, вовсе не учёный.

Профессор сделал паузу и снова гаркнул в микрофон:

– *Полная независимость!*

На этот раз никто не упал. «Зато проснулись! – подумал Хао. – Я научился рывкать почти так же хорошо, как профессор Ван-Теллер».

– Теоретические исследования – особенная область. Теоретики – самые умные люди планеты, которые ошибаются чаще других, ведь учёные-теоретики берутся за задачи, непосильные для остальных. В отличие от экспериментальных, теоретические исследования не могут управляться или финансироваться демократическим голосованием большинства. Теорию могут двигать только независимые учёные, в атмосфере острой, но честной конкуренции. Неожиданные гипотезы обычно генерируются молодёжью, например, каким-нибудь юным чиновником патентного бюро. Но новые идеи часто отвергаются учёными старикашками вроде меня, которые полагают, будто лучше всех разбираются в науке и природе. История доказывает, что научные школы с жёстким управлением неэффективны. Наиболее успешны те группы, где руководитель разрешает ученикам иметь собственный свежий взгляд и позволяет им выставить дураком его самого.

Мы можем накормить человечество, вылечить его от болезней и даже избавить от глупости. Но болезненное самолюбие и завышенную самооценку нам не победить – это в самой природе человека. Чувство соперничества диктует человеку: обгони всех! Или хотя бы попридержи, чтобы самому вырваться в лидеры. Самолюбие и стремление к самоутверждению можно считать фундаментальными характеристиками высокоорганизованной жизни, наряду с питанием и размножением...

Поэтому в нашем институте вы будете абсолютно независимы от мнения старших коллег. Мы не отказываемся от конкуренции, но делаем её не вертикальной, а горизонтальной, равноправной и стимулирующей. Если вы пришли на работу в наш научный институт, то засуньте свою политкорректность в любое место, откуда она случайно не вылезет в момент научных споров!

Хао повысил голос:

– Я разрешаю вам выставять меня дураком! Но только вам придётся хорошенько попотеть над доказательствами этого, а то я своими вставными

челюстями съем вас с потрохами. В науке не должно быть непререкаемых и неприкасаемых авторитетов, в ней неприемлемы кумиры, потому что кумир – это шоры, это психологический барьер, это неспособность вовремя не согласиться со своим кумиром. Убей кумира – спасёшь науку! – И Хао хлопнул по столу ладонью в духе Ван-Теллера.

Динамики зашелестели:

– Раздухарился сегодня шеф... В одной речи столько сочных лозунгов... Профессор Хао – вы наш кумир!

– Я устал, М-магелланово облако... – проворчал Хао. – За работу, дети мои!

После этой речи часть сотрудников, уже собравшихся уходить из института, передумали и остались.

– Где ещё нам прикажут убивать научных кумиров ради прогресса науки?

Орбитальная станция, названная в честь известного планетолога «Марк Бобров», облетала Сатурн по круговой траектории с радиусом в сто тридцать восемь тысяч километров и наклоном к плоскости колец в двадцать шесть и семь десятых градуса. Орбита станции лежала точно в плоскости эклиптики, пересекая каждые четырнадцать с половиной часов линию между Солнцем и Сатурном. Такая траектория позволяла исследовать кольца и планету в самых разных ракурсах и условиях освещения – и заодно каждый день любоваться красивейшим закатом и рассветом на Сатурне. Сейчас станция парила невысоко над кольцами и недалеко от их края, потом она пройдёт совсем рядом с ними и увидит их в виде узкой линии, а затем – с теневой стороны.

Солнце висело низко на плоскостью сверкающих колец, и в иллюминатор станции были хорошо видны тени от изгибных волн, вызванных резонансным возмущением от близких к кольцу А спутников. Один из них – Атлас – проходил совсем рядом с «Бобровым» и был очень похож на летающую тарелку из-за экваториального кольцевого сугроба высотой в несколько километров.

Но эти эффектные зрелища, как и сами грандиозные кольца, разбитые на более узкие колечки, кое-где изогнутые, переплетённые или зазубренные из-за действия крохотных спутников, мало интересовали графа Рединбурга – высокого человека с хмурым лицом и брезгливо оттопыренной нижней губой. Рединбург озабоченно шёл по коридору станции, торопясь на корабль, летящий на Энцелад.

Заснеженный Энцелад приблизился и заблестел в чёрном небе как

ёлочная игрушка – недаром он в Солнечной системе самое яркое тело с коэффициентом отражения света, близким к единице. В южном полушарии спутника были видны голубоватые трещины, чем-то похожие на полосы тигра и расчертившие огромные пространства. Если учесть, что диаметр Энцелада пятьсот километров, то ширина самой большой долины-трещины должна быть в несколько десятков километров... – оценил Рединбург.

На один из таких разломов и нацелился крейсер.

Вблизи оказалось, что ледяная поверхность долины очень ровная, за исключением одного края, где она была изломана так, будто какой-то сумасшедший великан лупил по застывшей реке огромной дубиной, а потом притомился и ушёл по своим гигантским делам, оставив за собой вздыбленные льдины, горы торосов и быстро замёрзшие полыньи, забитые острой крошкой.

Изумлённый командир фрегата даже не стал комментировать просьбу пассажира о посадке поближе к научной станции, а сделал знак матросу. Тот подхватил багаж и отвел Рединбурга к шлюпке, где в одном из двух кресел уже сидел неприлично молодой человек, какой-то аспирант на практике. Рединбургу его представляли раза два, но он так и не запомнил его имени. Кэвлин, кажется.

– Я буду спускаться в этом ящике? – надменно удивился Рединбург, осматривая тесную кабинку.

– Других вариантов нет, сэр! – жизнерадостно ответил рыжий матрос в синей куртке и рабочих шортах ниже колена.

Рединбург, ворча, устроился в кресле и опасливо посмотрел на экран, который показывал ледяные ущелья в пяти километрах внизу, и на пульт, забитый множеством непонятных штучек.

– Что мне нужно делать с этим хозяйством?

– Ничего, сэр! – откликнулся матрос, чего-то защёлкивая, настраивая и задраивая. – Посадка полностью автоматическая и совершенно надёжная. Кабина останется на поверхности, и через шестьдесят часов мы вас таким же способом заберём.

– Ну и порядки! – проворчал Рединбург, недовольный таким обращением с самим инспектором Интернационального научного фонда, но матрос уже задраил люк и не ответил.

Что-то лязгнуло – и капсула вылетела из крепления. Слабая гравитация – из-за того, что корабль барражировал над поверхностью Энцелада с помощью двигателей малой тяги, – сменилась невесомостью, и Рединбург судорожно схватился за поручни кресла.

Скорость кабины нарастала, и ледяные скалы внизу заметно

приблизились, но Рединбург всё ещё не слышал звука двигателей и тревожился.

Датчик высоты уже отсчитывал последний километр, когда Рединбург не выдержал и сердито крикнул:

– Эй, эта штука собирается работать, или я так и грохнусь о скалы?

Голос капитана ответил:

– Не волнуйтесь, двигатели включатся очень скоро. Приготовьтесь к перегрузке на уровне половины земной силы тяжести.

Двигатели действительно загудели, и на плечи и грудь Рединбурга навалилась тяжесть ускорения.

– Половина! Да это перегрузка на полтора жэ! – бурчал Рединбург, поглядывая на полусферу, которая стала видна на ровном пятачке между острых скал и холмов.

Скалы освещались косым солнцем и выглядели хаотическим скоплением блестящих и сумрачных поверхностей. Огромный, вполгоризонта, Сатурн висел прямо над горизонтом своего спутника Энцелада, но выглядел странно голым, потому что его обычное украшение – кольца – были видны с ребра, то есть почти не видны. На макушке Сатурна горела великолепная синяя корона полярного сияния, но пассажир маленького кораблика смотрел только вниз – на приближающуюся станцию.

Кабина скользнула к вершине купола и аккуратно юркнула в тесный шлюз.

Остановилась, фыркнув напоследок двигателями.

Рединбург перевёл дух и сказал креслу:

– Отпусти меня!

Но кресло было настолько старым, что не понимало голосовых команд. Пришлось Рединбургу самому искать застёжки креплений, чертыхаясь и ругая свою командировку и этих старых однокашников, которые забираются демон знает куда.

Аспирант разбирался с ремнями молча.

– Добро пожаловать на Энцелад, в долину Третьей тигровой полосы!

В проёме открывшейся двери стоял бородатый человек и улыбался во весь рот.

– Здравствуй, Тоби! – кисло улыбнулся и Рединбург, вяло пожимая однокашнику руку. – Вот приехал с инспекцией в твою дыру. Вернее, не приехал, а провалился в неё!

Они посмеялись.

Тоби отвёл Рединбурга и аспиранта в их комнаты и помог с багажом –

хотя самый большой чемодан графа, потянувший на земной таможне на тридцать три килограмма, на Энцеладе весил всего четыреста граммов. Но массу чемодан по-прежнему имел внушительную – поэтому с непривычки им можно было оббить и встречные стены, и свои коленки.

Судя по выражению инспекторского лица, комната Рединбургу не приглянулась – она была тесна, низка и смотрела прямо в скучный ледяной склон.

Тоби глянул на унылую физиономию гостя, осматривавшего крохотный душ, и усмехнулся – у него были такие же апартаменты, но они почему-то ему нравились – особенно переменчивая игра солнечного и сатурнианского света на полупрозрачных ледяных склонах, видимых в иллюминатор.

Через час Тоби позвал гостей к столу. Инспектор, принявший душ, вышел посвежевший, в мягком сером костюме – то ли в пижаме, то ли в специальной домашней одежде. Аспирант был одет в тот же комбинезон, в котором прилетел.

– Сегодня я приготовил самый шикарный ужин, – сказал Тоби. – В честь высоких – с очень высокой орбиты! – гостей.

– Это правильно! – важно улыбнулся Рединбург и перевёл излишне множественное число в правильное единственное: – Гостя, который может принести деньги, нужно холить и лелеять.

– Да уж, от вас дождёшься денег... – усмехнулся Тоби. – Сначала вдвое урезали проект, а потом и вообще отказались финансировать.

– Ну, это ещё не решено окончательно... – неопределённо повел рукой Рединбург. – Я сюда, собственно, и приехал, чтобы на месте разобраться с целесообразностью финансирования твоего проекта. У тебя два дня, чтобы мне всё показать.

– Всё покажу, ничего не скрою, – кивнул Тоби, склоняясь над тарелкой и с удовольствием вдыхая горячий пар от тушёного мяса с черносливом и картофелем. – Завтра утром и отправимся на осмотр моих владений.

– Что значит – утром? Это во сколько?

– В восемь по земному Гринвичу. Спутник делает оборот за тридцать три часа, по его рассветам и закатам жить невозможно – организм никак не привыкает к такой длительности дня. Так что встаем вместе с англичанами и работаем как они – восемь часов.

– Ужас! – искренне ответил Рединбург, но было непонятно, к чему относилось его высказывание – к очень раннему подъёму или к кошмарно длинному рабочему дню.

День действительно оказался для инспектора очень длинным и

скучным: Тоби настойчиво таскал Рединбурга и покорного аспиранта по сейсмодатчикам, которые были раскинуты сложной сетью на десяти тысячах квадратных километров.

Уже к обеду Рединбург устал и ему было всё равно, что половина датчиков выходит из строя раньше гарантийного срока. Он равнодушно слушал драматические истории взволнованного Тоби о том, что химические анализаторы плохо реагируют на органические компоненты вулканических выбросов, хотя в спецификации были обещаны золотые горы насчёт чувствительности аппаратуры. А вот жалобу Тоби на большие расстояния между датчиками Рединбург воспринял сочувственно и с пониманием:

– Действительно, летать между ними – это просто кошмар!

Но Тоби больше всего волновало то, что редкая сеть датчиков плохо фиксировала параметры энцеладотрясений. Он часто возвращался к этой теме, ходил по ней вдоль и поперек, крутил со всех сторон – и даже надоел Рединбургу такой настойчивостью. «Дались ему эти датчики!»

Вечером, за ужином, Рединбург выпил, размяк и заговорил с Тоби душевно, не обращая внимания на аспиранта.

– Ну что ты тут забыл, в этой ледяной дыре? Здесь нет людей, общества, твоя жизнь скудна! Ты же был лучшим на нашем курсе, у тебя оценки были выше моих на целый балл!

Впрочем, последнюю фразу граф Рединбург счёл не относящейся к делу и отбросил её ещё до того, как она добралась до языка.

– Посмотри на меня – я уже стал начальником отдела главного по величине мирового научного фонда! Ты бы видел, как меня встречают на конференциях! От меня зависит распределение грантов на сто миллионов долларов! Стоит мне открыть рот, как все...

Рединбург припал к стакану, сбился с мысли и продолжил с другого конца речи:

– А ты живешь второй год в этой ледяной тюрьме, рискуешь жизнью за сущие гроши!

– Я помогаю группе «синергетиков», и мне это нравится! – возразил Тоби.

– Да знаю я всё про твоих «синергетиков» – они ни одного гранта не получили в прошлом году. Ты пойми – они все молодые и неавторитетные. Никто из крупных учёных не поддерживает их завиральные идеи насчёт возможности единой сейсмотектонической модели. Все эксперты нашего фонда категорично настаивают на принципиально стохастическом характере сейсмотолчков.

– Категоричность не означает доказательности.
– Землетрясения точно предсказать нельзя!
– А «синергетики» считают, что можно. И я с ними солидарен. Они нашли достаточное количество взаимодействующих закономерностей в каталогах землетрясений и построили сложную, но убедительную модель. Она, конечно, нуждается в подтверждении на практике, включая уточнение ряда теоретических параметров. Вот этим я и занимаюсь.

Рединбург слушал невнимательно, всё время пренебрежительно махая рукой.

– Пойми, если авторитетные люди вашу теорию не поддерживают, то вы обречены на финансовое прозябание и на общественный ostracism. Ну не надоело тебе ходить в неудачниках? Над вами же все смеются!

– Пусть смеются, потом будем смеяться мы! – улыбнулся Тоби.

Рединбургу его улыбка не понравилась.

– Да ты упрямый! – сказал он с нетрезвым сердитым удивлением.

Аспирант тоже смотрел на Тоби с большим интересом.

И до конца ужина за столом воцарилось напряженное молчание.

Рединбург мгновенно уснул в своей каюте – как только лёг на кровать, но даже до восьми часов утра ему поспать не удалось.

В пять тридцать семь динамик возле уха главного инспектора закричал голосом Тоби:

– Срочный вылет! Извержение в каньоне Второй полосы!

– Что?! – ничего не понимая, спросил Рединбург.

– Вставай, вылет через пять минут! – Тоби был настойчив до грубости.

Чертыхаясь, Рединбург встал, оделся и поплёлся к шлюзу, где стоял планетарный катер, весь какой-то поцарапанный и даже слегка помятый.

В шлюзе инспектора нетерпеливо ожидал Тоби. Заспанный аспирант Кэвлин – или Кэлвин? – уже сидел на заднем сиденье катера.

Тоби затолкнул инспектора в свободное кресло, сам застегнул ему ремни и прыгнул за штурвал.

Катер рванул с места так, что вчерашнее пиво чуть не выплеснулось из Рединбурга.

Но Тоби не слушал стоны инспектора – он ускорял катер, одновременно выводя его из узкого ущелья.

– Такого толчка я уже полгода не видел. Выброс должен быть сильнейший, но как на грех в том каньоне у нас почти нет датчиков.

– И что ты собираешься делать?! – спросил Рединбург, который проглотил таблетку от воздушной болезни и порозовел лицом.

– Мы везём с собой дюжину датчиков. Сейчас мы их расставим вокруг

вулкана и начнём регистрировать параметры толчка и химсостав выбросов. Чем только энцеладские черти не шутят – может, и подлёдную органику наружу выбросит.

Тоби ввёл катер в такой крутой вираж, что инспектора прижало к боковой стенке.

– Куда мы так спешим? – недовольно спросил Рединбург.

– Извержение началось двадцать семь минут назад, а у нас всего два датчика в этой области – на расстоянии трёх и пяти километров. Мы теряем важную информацию!

Рединбург не думал, что эта информация важнее сна, но спорить было бессмысленно.

«А зачем *меня* туда тащить?» – спросил мысленно инспектор, и Тоби словно услышал его мысли:

– Хочу, чтобы ты составил полное представление о моей работе. Такие срочные вылеты случаются почти каждую неделю.

– М-магелланово облако! – воскликнул аспирант. – Какая красота!

И только тут инспектор обратил внимание на сверкающий впереди высокий столб криовулканического выброса. Выброс походил на стокилометровый хрустальный букет из пара, воды и обломков льда. Всё это сверкало в косых солнечных лучах и в мягком свете полного диска Сатурна, который с любопытством навис над диковинным цветком, выросшим из трещины ледяного панциря Энцелада.

Это было феерическое зрелище.

Даже инспектор прекратил брюзжать и с раскрытым ртом следил за вулканическим извержением.

Но восхищение инспектора быстро прошло, когда он увидел, что катер приблизился к султану так близко, что автопилот стал непрерывно пищать, сигнализируя о падающих сверху ледяных глыбах.

Катер сбросил скорость и стал метаться, как блоха на сковороде, уворачиваясь от падающих с неба камней. Скорость их была невелика, но количество всё возрастало и возрастало. От мелкой крошки убежать было уже нельзя, и она с грохотом забарабанила по крыше машины.

Зубы инспектора застучали в ответ.

– Ты куда полез! Это же опасно!

– Ничего страшного, – бодро сказал Тоби. – Это на редкость прочная машина, да и автопилот меня ещё ни разу не подводил.

Катер так тряхнуло, что челюсть Рединбурга лязгнула и едва вернулась в своё рабочее положение.

– Ты меня хочешь удивить?! – взвизгнул инспектор.

– Нет, я хочу поставить датчики поближе к точке извержения, желательно – в районе старой кальдеры. – Тоби прицелился и выстрелил первым датчиком в небольшое плоскогорье.

И тут автопилот бросил катер в такое крутое пике, что тело инспектора захотело взлететь со своего места и вступило в борьбу с привязными ремнями.

Рединбург вцепился руками в подлокотники и расширенными от ужаса глазами смотрел, как мимо катера пролетела глыба размером в пятиэтажный дом.

Аспирант сзади то ли фыркал, то ли хныкал, то ли смеялся и всё время поминал чертей Магелланова облака.

Дальше инспектор лишь молчал и держался за кресло. А Тоби, невзирая на бешеный галоп катера, выбирал подходящие места и отправлял вниз всё новые и новые сенсоры.

Наконец, кассета с датчиками закончилась, и учёный скомандовал:

– Домой!

Автопилот бросил катер вниз и... перевернул его на спину, уходя от града обломков извержения. Мир в глазах графа тоже перевернулся, потом бросился в сторону, вздыбился как взбесившийся конь и ударил копытом в бок катера.

По крайней мере так ощущалось попадание полуметровой глыбы льда в их машину.

Рединбург давно не мог говорить, зато Тоби ласково сказал кому-то:

– Но-но, не дури!

По мере удаления от кратера нового криовулкана полёт кораблика становился всё плавней, и к инспектору вернулась речь:

– Я вижу, что твой проект очень плохо продуман. Почему бы заранее не установить датчиков побольше и не лезть в пекло? Ведь эти датчики не очень дорогие.

Тоби заливисто рассмеялся.

– Что ты смеёшься, индюк?! – рассердился инспектор.

– Это же вы срезали ту часть моего проекта, которая предусматривала закупку нужного количества датчиков!

Аспирант не выдержал и фыркнул от смеха.

Рединбург смутился, но быстро нашёлся:

– Значит, ты плохо обосновал важность этих трат!

– Вот сейчас ты сам убедился в их необходимости! – и Тоби направил машину в ущелье, которое вело на станцию.

Аспирант с удалением от извержения тоже оживился и пристал к Тоби

с расспросами про типы сенсоров и их распределение по поверхности Энцелада.

Следующим утром, за последним завтраком, Тоби пытался убедить Рединбурга в важности наблюдений за вулканической активностью Энцелада.

– Энцелад уникален своей тектонической асимметричностью. Он остывает, и его замерзающая ледяная кора всё время расширяется в объёме: у него есть зона спрединга, но нет зон субдукции, где кора сокращается, уходит в глубину и плавится. Расширение коры вызывает её растрескивание и извержения ледяных вулканов. Активная геодинамика Энцелада настолько отлична от земной, что даёт прекрасную возможность для независимой проверки синергетической сейсмо модели! Поэтому каждый замер параметров энцеладотрясений, подвижек ледяной коры и характеристик криовулканов – на вес золота. Мы приближаем день, когда земные цунами и землетрясения можно будет предсказывать с 99 %-й точностью!

Покрасневший Тоби улыбался и жестикулировал.

– Откуда такая страсть? – заворчал Рединбург. – У тебя кто-то погиб во время цунами?

– А разве это необходимое условие энтузиазма?

Рединбург с досадой махнул рукой:

– Хватит болтать. У меня есть конкретное предложение. Ты бросаешь своих «синергетиков», переделываешь проект и начинаешь собирать данные для подтверждения универсальной реологической теории, которую выдвинул мой старый друг, солидный учёный и, между прочим, директор Международного института Земли. Статьи будем писать вместе: я, директор МиЗа и ты. Что скажешь? Денег будет – сколько захочешь.

Тоби угас, помолчал и сухо сказал:

– Я верю в теорию «синергетиков» и не вижу смысла тратить своё время на морально устаревшую реологическую концепцию. Пусть директор МиЗа сам собирает для неё данные.

И Тоби улыбнулся. Он всё время сегодня улыбался – даже когда Рединбург стал неприкрыто угрожать навсегда закрыть его проект.

Эта улыбка злила инспектора, потому что он её не понимал.

Тоби видел эту злость гостя, но никак не пытался объяснить своё хорошее настроение.

Разве не может быть у человека своих маленьких секретов?

Он проводил злобного графа и аспиранта и снова улыбнулся вслед их кабине, похожей на ведьмину ступу, летящую на метле из бесцветно-

фиолетового пламени.

Он улыбался, потому что вчера вечером аспирант Кэлвин заявил, что восхищен работой Тоби и всецело поддерживает её. Будучи уполномоченным представителем директора Института Солнечной системы, Кэлвин гарантирует, что работы Тоби Оуэна на Энцеладе будут поддержаны в следующие пять лет из средств Гринвич-фонда для независимых учёных.

Так что негативное решение Рединбурга и Интернационального фонда уже не играло существенной роли – проект всё равно будет продолжаться.

Тоби купит кучу нужных датчиков и время на самом мощном компьютере Титана. Синергетическая модель получит нужное тестирование и скоро будет спасать сотни жизней и целые города от землетрясений и цунами.

А Тоби будет гордиться тем, что приложил к этому свои руки и голову. И даже когда он станет старым и усталым человеком, ему всё равно будут сниться молодые космические сны с ледяными цветами смертельной красоты.

Каждый день Хао был полон научных дискуссий. Два раза в неделю директор собирал семинар, на котором выступал учёный с оригинальным сообщением или кто-нибудь из координаторов, представляющий сводку результатов целой группы. Но директора института ловили также в парке, коридорах и столовой – и заставляли выслушивать последние новости с очередного поля научного боя, рассказывали о трудностях, спрашивали его совет или мнение. И Хао, как мог, давал эти советы или выражал своё постороннее мнение.

Научных тем было слишком много, чтобы директор хорошо понимал хотя бы большинство из них. Приходилось привлекать общие соображения и даже интуицию – но Хао понимал, что человек, заблудившийся ночью в глухом лесу, будет благодарен даже светлячку.

В последнее время Хао помогал БиоИнституту Дзинтары организовать работу математического отдела и целыми днями беседовал с принцессой по видеофону, согласуя общую программу работы биологов и математиков.

Их неожиданно прервал вбежавший в кабинет Кэлвин. Он был демократ и не умел стучать в двери.

– Профессор, вы интересовались когда-нибудь кольцами Урана?

– Нет, – обречённо ответил Хао. – Но я не могу вам помочь с Ураном, потому что я сейчас разговариваю с принцессой Дзинтарой.

– О, прошу прощения! – Только сейчас Кэлвин увидел лицо принцессы

на экране и покраснел.

– Я тоже прошу прощения, Дзинтара, – сказал Хао. – Разреши тебе представить Кэлвина, моего аспиранта, который занимается кольцами планет. После того как Кэлвин вернулся из экспедиции в систему Сатурна, его энтузиазм бьёт через край.

– Ладно, Хао, нам стоит немного отвлечься. Поговори с молодым человеком, а я послушаю – может, заодно пойму, чем вы тут занимаетесь.

– Хорошо... так в чём проблема с кольцами Урана, Кэлвин?

Юноша торопливо заговорил:

– Возле Урана я натолкнулся на настоящую загадку! Судите сами – низкоорбитальные спутники Земли тормозятся об атмосферу, и люди всё время расходуют горючее на поддержание их высоты. Теперь возьмём тонкие кольца Урана, состоящие из каменных частиц аналогичного, метрового размера, – они тоже трутся о верхнюю атмосферу планеты и, как и земные спутники, должны сравнительно быстро упасть. Но они не падают! Более того – гравитационные резонансы внешних спутников воздействуют на кольца и тоже толкают их вниз, к Урану, – а кольца всё равно не падают!

Кэлвин разгорячился, его лицо покраснело.

– Вдобавок, система Урана с разных сторон бомбардируется микрометеоритами, что – с учётом практической изотропности метеоритных потоков – тоже тормозит кольца, но они всё равно держатся! Три сильных механизма стараются уронить кольца на планету, тем не менее эти непотопляемые кольца не падают! Это мистика! Теперь я понимаю, почему никто не берётся за создание модели такой странной системы – боятся прослыть патологами. А вы думали над проблемой аномальной устойчивости колец Урана?

– Нет, – ответил профессор, – это действительно интересная проблема, но я о ней раньше даже не слышал... Могу лишь посоветовать – с точки зрения системного подхода – попробуйте рассмотреть эти три механизма не по отдельности, а вместе. Взаимодействие эффектов часто порождает более сложную нелинейную ситуацию, чем простое сложение отдельных результатов. Три – хорошее число, нечётное и многообещающее...

– Ладно, – вздохнул разочарованный Кэлвин, – я подумаю...

– Странные вы люди – математики, – насмешливо хмыкнула Дзинтара. – Что тут думать? Уран расположен под знаком Шекспира. Там правят бал эльфы и феи – им ничего не стоит удержать ваши кольца от падения.

И принцесса громко продекламировала:

Я лечу луны быстрее,
Я служу царице фей...

Хао проворчал:

– Шекспиру было легче – его небом владели простые боги, а нашими небесами заведует несговорчивый Ньютон. Насчёт патологии, Кэлвин: учтите, что риск прослыть патологом – профессиональный риск физиков-теоретиков. Это вообще очень рискованная работа.

Наутро сцена в кабинете повторилась практически буквально.

Кэлвин снова без стука ворвался в кабинет Хао. Глаза аспиранта были красны от недосыпа.

Хао, снова разговаривавший с Дзинтарой, открыл рот, чтобы с укоризной указать Кэлвину на свою собеседницу, но та сделала успокаивающий жест рукой.

– Профессор! – крикнул Кэлвин возбуждённо. – Вы оказались гениально правы! Нечётность важна! Микрометеоритный обстрел колец формирует два облака пыли – с положительной прибавкой углового момента относительно колец и с отрицательной. В сумме – ноль, и кольца, постепенно поглощая отрицательное и положительное облака, должны дрейфовать к планете. Но тут вмешивается аэродинамическое торможение...

Дзинтара подумала, что тут обычно вмешивается сердобольно-мозговой предохранитель – и посторонние слушатели полностью отключаются от профессиональной беседы учёных. Но саму принцессу интересовали не конкретные детали, а общие эмоции.

Кэлвин торопливо, глотая слова и помогая себе размашистыми жестами, продолжал:

– Аэродинамика хочет сбросить кольца, но сначала роняет в атмосферу близкое к планете отрицательное облако пыли – с меньшим моментом. В результате кольцо поглощает только положительное облако – с большим моментом, поэтому кольцо не только не падает, а даже удаляется от планеты! Два отрицательных эффекта при сложении породили положительный дрейф наружу. Получилась невероятная динамическая система, использующая угловой момент метеоритов для поддержания орбит колец Урана! Вершки с избытком момента поглощаются кольцами, а корешки с дефицитом момента съедаются самой планетой.

– Элегантно! – восхитился Хао. – А что с третьим механизмом?

– Положительный дрейф, вызванный первыми двумя эффектами, нейтрализуется третьим отрицательным фактором – действием резонансов от спутников. Три эффекта уравниваются, и кольца останавливаются, упираясь в резонансные точки. Это объясняет резонансное образование и стабильность узких колец Урана. Конечно, ещё нужно учитывать пару спутников-пастухов возле внешнего кольца, и что отрицательное облако для одних колец является положительным для других. Там возникает красивый водопад углового момента от внешних колец к внутренним... Вся картина проявилась волшебным образом. Й-е-еху!

– Странные вы люди – математики... – с завистью сказала Дзинтара, глядя на взъерошенного восторженного Кэлвина.

Глава 17

Принцесса Сюзанна

– Императрица Никки, побеждённый император Южных прибыл по вашему приказу! – сказал Арнольд и поцеловал Никки руку.

– Ладно тебе, Арнольд, играть в эти детские игры, – ответила Никки. – Я рада тебя видеть. Сколько лет мы не встречались?

– Целую вечность, Никки. Я тоже рад тебя видеть. Только известие брата о том, что мне нужно будет лично прибыть в твой замок для капитуляции, заставило меня надеть эту императорскую корону. А то это была бы слишком кошмарная ноша.

– Арнольд, разреши представить тебе принцессу Сюзан. Других членов нашей семьи сейчас в замке нет, так что мы пообедаем втроём.

– Принцесса, рад встрече. Как вы похожи на мать!

– Здравствуйте, ваше величество. Мне это все говорят.

– И эти все говорят чистую правду.

– Это-то меня и раздражает.

– Я забыл, что молодым не хочется походить на нас, стариков.

– Вы кокетничаете, ваше величество. Вы очень молодо выглядите.

– Умоляю не звать меня «ваше величество». Я от своего титула всё ещё так вздрагиваю, что боюсь упасть с трона от неожиданной судороги.

Принцесса сказала:

– Ничего, привыкнете. Императорские короны мозолей не натирают.

– Никки, твоя дочь похожа на очаровательного ежа!

– Отчего она никак не может выйти замуж.

– Уточняю: не «не может», а «не хочет». Кандидаты в женихи не выдерживают простейших проверок на прочность.

Арнольд воскликнул:

– Как хорошо, что мне не нужно проходить эти испытания! Судя по всему, принцесса, рядом с вами безопаснее быть врагом, чем женихом.

Никки едва заметно улыбнулась и пригласила Арнольда за стол.

Во время обеда какой-то озабоченный человек подошёл к императрице Николь и подал ей маленькую карточку. Она посмотрела на неё и вздохнула:

– Арнольд, я хотела бы отложить наши переговоры. Не мог бы ты подождать, пока я освобожусь? Возникло срочное дело, и меня ждут на связи двадцать человек.

Арнольд пожал плечами:

– Я мог бы сказать гордо... или обиженно... что побеждённым выбирать не приходится, но я почему-то не чувствую себя побеждённым.

– И правильно делаешь. Сюзанна, назначаю тебя моим полномочным представителем. Покажи гостю парк или что хочешь... Я вернусь через часок.

И Никки исчезла вместе с озабоченным человеком.

Они брели по парковой дорожке. Арнольд рассказывал Сюзанне, как он познакомился с Николь Гринвич и какой фурор она произвела, побывав в лунном замке Дональдсов.

– Я очень жалел, что улетел раньше и не присутствовал при зрелище разгрома этой крепости.

– Хватит о моей маме, теперь расскажите о себе, Арнольд.

– Моё настоящее вы знаете, а прошлое слишком неинтересно и слишком интимно – даже для меня самого. И вообще – разве можно словами объяснить человека? Нужно понять, куда он заинтересованно смотрит, на что неровно вздыхает, чему он улыбается и над чём задумывается. Без этого – ни черта не поймёшь в человеке.

Сюзанна посмотрела на южанина: рослый, обаятельный, с необычно длинными волосами. Улыбается, но вполсилы.

– Мама говорила, что раньше вы вообще носили причёску «конский хвост».

– Ещё полгода назад. Но эта причёска была слишком свободной и плохо сочеталась с короной и другими королевскими оковами.

– Они вас тяготят?

– Да, я стал не человеком, а функцией. Я уже не могу спокойно сидеть в уличных кафе и приударять за хорошенькими официантками. Мне нужно думать над экономической политикой в условиях пульсирующего индекса Доу-Джонса и о том, надо ли финансировать исследования савантизма в надежде получить феноменальную память без отягчающих побочных эффектов. Я езжу в лимузине, и от жизни меня отгораживают три слоя охраны и секретарей. Ужасно. И всё это устроила ваша коварная матушка. Я стал её марионеткой!

– Вы не похожи на марионетку. Они такие... дёрганные, а вы выглядите спокойным.

– Просто в вашем замке, вдали от своей своры, я стал самим собой. А во время несения королевской службы я ужасно злобный и величественный.

– Не вижу в вас признаков злобы и высокомерия, Арнольд! – засмеялась Сюзанна. – Вы редкий человек, с которым можно разговаривать непринуждённо. Все остальные холостые мужчины смотрят на меня как на желанную добычу. И это очень обескураживает. Я недостаточно упруга, чтобы быть жизненным трамплином.

– Мне кажется, что вы не только женихов не любите, но и всех остальных людей тоже.

– Да, признаюсь, я не люблю людей. Конечно, за исключением моих родителей и брата. Остальные такие... неприятные... и слюнявые... Даже когда мои тетушки целуют меня в щёку, меня всю передёргивает...

– Спасибо, что сказали, я это учту.

– Не знаю, почему, но это факт.

Они какое-то время шагали молча. Потом император Южных вздохнул:

– Есть такая штука – «монокаузалит», навязчивая тенденция объяснить мир на основании одной причины или видеть всё сквозь одно чувство или какую-то неотгоняемую мысль. Хотите, расскажу о приступе своей паранойи? Вот и узнаете кусочек моего прошлого.

– О, конечно хочу. Люди, особенно мужчины, так редко признаются в своих слабостях.

– В какой-то период жизни меня поразила приступ брезгливости к окружающему миру. Брезгливости в самом простом, физиологическом смысле. Вот прихожу я ужинать в ресторан, и мне приносят блюдо: что-нибудь простое, но эффектное: шипящий кусок мяса с золотистой корочкой и только что сваренная крупная картофелина, посыпанная зеленью и проложенная густой сметаной, и бокал красного вина – или, наоборот, нечто изысканное: запечённое в ракушках мясо моллюсков – с жареными грибами, ветчиной и ещё десятком аппетитнейших ингредиентов. Эта роскошь, приправленная лимонным соком и поданная вместе с белым шабли, приведёт в восторг любого гурмана и сноба.

– Неплохо изложено, даже захотелось вернуться к столу.

– Но эти блюда приготовил на ресторанной кухне какой-нибудь конкретный человек – черноглазая мексиканская сеньорита или рыжий повар-швед. Они, конечно, ходят в белых халатах, носят прозрачные полиэтиленовые перчатки и убирают волосы под поварский колпак, но... жизнь есть жизнь! Любое ресторанное блюдо будет обязательно приправлено микроскопическими капельками слюны и чешуйками кожи чужого человека. Он ведь ходит возле моего блюда без герметичного скафандра, он разговаривает с другими поварами и даже – о ужас! – дышит

на мою еду.

– Брр... – вздрогнула принцесса.

– Вот именно! Я готов с негодованием выбежать из ресторана. Но куда пойти дальше? В театр – куда заходят только сливки общества? Я сажусь в кресло, где до этого сидело множество человек. Мои ладони прикасаются к ткани, которую трогали тысячи ладоней. На поручнях масса кожного жира, даже обивка засалилась, и богатый набор микробов и бактерий. А ведь в театр людей пускают без предъявления медицинской справки! Ужас! От ужаса обычно хочется в туалет. Простительная паническая реакция. Вот и театральный туалет: зеркала, бархат, блеск золочёных кранов. Туалет?! Кто только не пользуется этим туалетом! Нет, нет, срочно домой, домой. На чём – на метро?! Стоять в толпе, лицом к лицу с десятками неизвестных людей. Дыхание рот-в-рот! А некоторые люди ещё и целуются! Молекулы воздуха литрами вылетают из чьих-то прокуренных – а вдруг туберкулёзных? – лёгких и всасываются в мою грудь. Вентиляторы поднимают с пола пыль, которая чем-только-не-была в прошлом. И моё дыхание всё покорно приемлет – у него нет другого выхода. «Выхода нет!» – зажигаются в мозгу огненные буквы.

– Мне сейчас будет дурно!

– От этой дурноты некоторые люди закрываются в своей комнате и вообще не выходят на улицу – избегая контакта с чуждой средой. Таких людей называют параноиками. Они похоронили себя заживо в страхе.

– И вы были таким?

– Чуть не стал, но вовремя с обидой понял, что мир не заметит потери, потому что в нём останутся жить другие люди – весёлые и бесшабашные. У них другой взгляд на вещи. Кожа соседа – это белок; микробная флора здоровых людей практически идентична, а микробы не имеют индивидуальности. Один человек похож на другого в гораздо большей степени, чем он хочет в этом признаться даже самому себе. Нужно понять, что все люди – братья, а жизнь полна микроскопических рисков. И я сказал себе: ешь своё ресторанное блюдо, пользуйся метро, посещай театры и целуйся. У тебя есть право струсить, но тогда мир достанется смелым.

– Так, теперь мне захотелось с кем-нибудь поцеловаться, чтобы проверить свою реакцию! Вы хороший рассказчик, Арнольд!

– Когда я не был королём, у меня было три дела: читать, писать и говорить. И последнее мне удавалось лучше всего.

Раздался звонок т-фона.

– Это нас мама разыскивает... – с огорчением сказала Сюзанна. – Теперь у вас будет скучное политическое совещание.

– Хм, – с сомнением протянул Арнольд. – У вашей мамы талант делать политические совещания интригующе интересными.

Через неделю Арнольд снова приехал в замок Гринвич, и у него снова появилась возможность поговорить с Сюзанной.

– Ваша матушка очень внимательна к делам Южных. Я подумываю передать ей доверенность на управление моей империей и удалиться на покой. Снова буду жить обычным человеком, дурачиться сам и дурачить других. Как-то я купил огромный букет красных роз, шёл по улице и каждой встречной женщине дарил по розе. Без шуток и выцыгивания номеров телефонов, просто дарил: «Это – вам!» – и шёл дальше. Улица упала в обморок. Эх, какие свободные времена были! Я любил бродить по голливудским бульварам и античным лавочкам, торгующим заплесневелыми плакатами и сушёными артистами. И никто меня раньше в толпе не узнавал...

– А сейчас вы что делаете – дурачите или дурачитесь?

– Исповедуюсь. У вас, Сюзанна, сейчас такой строгий вид, что хочется вытянуться в струнку и сказать «грешен!».

– Вы несерьёзны со мной!

– Так точно, ваше высочество! – щёлкнул каблуками Арнольд. – Накажите меня за это.

– Сослать вас на кухню или заставить пропылесосить замок?

– Готов убрать вашу комнату цветами.

– Кажется, вы заигрываете со мной?

– Чёрт, это машинально! Инстинктивно! Давайте сменим тему. Чем вы занимаетесь на досуге?

– Читаю, рисую, пишу стихи. Слабые. Когда я инкогнито посылаю свои вирши на рецензию, мне обычно приходит ответ, что они ужасно бездарны.

– Люди, которые любят говорить о бездарности других, обычно хорошо знакомы с темой изнутри. Не слушайте их.

– Мне не верится, что вы старше мамы.

– Я могу показать паспорт. Правда, он фальшивый.

– Зачем мне тогда на него смотреть?

– Ну, мало ли. Как ваша мизантропия, принцесса?

– Спасибо, легче. Если вы расскажете ещё что-нибудь весёлое, то будет совсем хорошо.

– Вы хотите сделать из меня горохового шута?

– Никто не может сделать из человека горохового шута. Только он сам.

- Именно. И когда я смотрю на вас, то...
- Что?
- Извините, меня зовёт ваша мать.
- Арнольд! Что вы имели в виду?
- Ещё раз извините, но мне нужно бежать. И как можно быстрее!

И новая встреча, новый разговор. Арнольд был наблюдателен и многое знал. Они свободно болтали о важном и о пустяках.

- Вы любите путешествовать, Арнольд?

– Да. Я обожаю старые курортные города, где девушки торгуют с лотков сигарами, февральские цикады трещат в щелях пляжных бунгало, а коллективное наблюдение закатывающегося в океан солнца превращается в шумное шоу на набережной.

Но в таких приморских городах есть диссонирующая, фальшивая, жестяная нота. Раньше люди *по-настоящему* плавали в океан и с риском для жизни добывали рыбу для пропитания. Теперь уцелевшие лодки этих рыбаков выставлены в музее, а городок из настоящего рыбацкого стал туристическим местом и торгует имитациями старой жизни, делая фальшивые сувениры и устраивая яркие шоу. Может, пройдет ещё сто лет, и город будет продавать имитации новой генерации, имитирующие нынешние имитации. Прошли мужественные и романтические времена! Глинтвейн с корицей мы греем не у рождественского уличного костра и даже не у камина, а в микроволновке.

Сюзанна, к собственному удивлению, откровенно делилась с Арнольдом своими мыслями и настроениями. Наверное, потому что она не боялась удара с его стороны – ведь Арнольд сам демонстрировал обезоруживающую открытость.

Они шли по королевской оранжерее и рассматривали цветы. Принцесса сказала:

– Мы – эгоисты и почему-то думаем, что мир и розы созданы для нас. Но высоко в горах, куда не ступает нога человека, растут холодные цветы безумной красоты. Они цветут не для нас и считают этот мир своим.

Над цветущими кустами летали и вспыхивали садовые светляки. Арнольд заметил:

– Смотрите, Сюзанна, светлячок обычно летит горизонтально. Но в момент вспышки он всегда устремляется вверх. Слишком много энергии – и она выплёскивается не только светом, но и взлётом. Я завидую этим жучкам, которые так красиво ищут себе подруг.

- Арнольд, вам не кажется, что мы слишком оторвались от природы?

Стали слишком рациональны?

– Ну... мы по-прежнему черепахами тянем на себе сладкий груз биологических мотиваций – ищем соперничества и жаждем любви. Эти чувства и стремления помогли победить в стае и выжить стаям. Но – увы! – биологические мотивы часто выглядят старомодными в эпоху космической экспансии и искусственного интеллекта. Сейчас компьютеры выдают прогноз на семейное счастье.

Сюзанна вдруг резко остановилась и посмотрела на Арнольда:

– Император, когда прекратятся войны и вражда между Северными и Южными? Когда мы станем миролюбивее и терпимее?

– Думаю, что очень скоро. Тысячелетиями разные народы ненавидели и резали друг друга. А сейчас? По улицам европейских столиц мирно ходят круглолицые потомки монголов-кочевников, красующиеся не в шкурах, а в бейсболках; арабские женщины, снявшие паранджу и надевшие западные одежды; японцы, сменившие кимоно на шорты; смуглые индианки, которые носят леггинсы вместо сари. Пассажирские самолёты, Интернет и голливудские фильмы примирили тысячелетних врагов за какие-то сотни лет. Государства перестали воевать, потому что приобрели общий культурный и коммуникационный фон. Война – это слишком варварский и древний способ вести дела в сложновзаимосвязанном мире.

Сюзанна сказала:

– Вы правы. Не хотите ли посмотреть вместе какой-нибудь фильм, Арнольд?

– Боюсь, фильмы вряд ли уничтожат нынешнее противостояние Северных и Южных.

– Увы, вы правы и с этой стороны. Мир сближается, но в каждом обществе до сих пор свои порядки. Я была в австралийской пустыне и увидела там совершенно другой мир. Вместо ворон там летают большие чёрные попугаи. А дикие коровы стали всеядными и пожирают мёртвых кенгуру. Можно ли найти вариант не сосуществования, а настоящего согласия столь разных миров? Можно ли подружить мирных бурёнок швейцарских лугов и хищных коров австралийской пустыни?

Арнольд улыбался:

– Не грустите, Сюзанна. Настоящее сжимает беззаботным кулачком ребёнка пучок сбегающих прошлых причин и разбегающихся будущих следствий. Мы способны внимательно перебрать ещё не случившиеся нити будущего и вытянуть самую золотую из них, самую мирную и прочную.

Император Южных осторожно протянул руку и действительно вытащил из облака блестящих волос Сюзанны длинный золотой волосок,

который ярко вспыхнул на солнце.

- Ты снова прилетел, Арнольд!
- Я не могу не прилетать к тебе, Сюзанна...
- ...о чём ты думаешь, император?
- Какую-то глупость.
- Всё равно скажи.

– Из квартиры в квартиру, из замка в замок я вожу своё домашнее растение – ньюфаундлендскую ель. Каждый год вершина этой ёлки выбрасывает розетку из боковых побегов. Если еловая жизнь плоха и темна, то розетка состоит из трёх или четырёх побегов, если елка чувствует себя хорошо – то пять или, если совсем прекрасно, шесть.

- А как ты сейчас чувствуешь себя, Арнольд?
- На семь. Или на восемь.

В кабинет ворвалась бледная Сюзанна:

- Мама, нам надо поговорить!

Никки посмотрела на лица собеседников на экране, потом на взволнованную дочь и сказала:

– Господа, прошу меня извинить. Продолжим наше совещание завтра в это же время.

Выключив экран, Никки подошла к дочери, обняла её за плечи и спросила:

- Что случилось, Сюзанна?

Та зажмурила глаза и выпалила:

– Мама, я уже неделю целуюсь с Арнольдом! Я знаю, что он враг, но он хороший! Я... у меня никогда так не было! И... я не знаю, что мне делать, я чувствую себя предательницей, но всё время целуюсь и целуюсь...

Сюзанна спрятала лицо в ладони и застонала от душевной муки.

– Мама, я хочу, чтобы Арнольд был моим мужем, а не эти принцы-дегенераты из Северных династий! Мама, что же мне делать?!

Она открыла лицо и с изумлением увидела, что мать улыбается – вместо того чтобы метать громы и молнии, как Зевс-громовержец, укушенный пчелой.

Никки сказала:

– Что делать? Ну, думаю, надо поточнее узнать – хочет ли Арнольд, в свою очередь, чтобы ты была его женой?

Сюзанна пробормотала машинально, пытаясь понять странное

поведение матери:

– Чтобы он-то, да не хотел... что за глупости... Мама, а почему ты не ругаешь меня?

– Потому что я очень рада, что моя дочь нашла наконец достойного её человека. Я столько лет смотрю на твои мучения с этими принцами и вся уже испереживалась.

– Но как же... Арнольд ведь южанин...

– Ну и отлично. Ваш брак поможет Северным и Южным, если не объединиться, то не враждовать. Прекрасно!

Сюзанну словно громом поразило.

– Так ты с самого начала была не против?! Вот почему ты его так часто приглашала, а мне предлагала показать ему парк! Ты всё подстроила!

– Что я подстроила? Подговаривала вас целоваться? – поинтересовалась императрица.

– Нет... – вспыхнула Сюзанна, – это мы сами... Но всё равно ты должна была мне сказать, что одобряешь наши взаимоотношения... и что они не являются предательством.

– Чтобы всё испортить? Чтобы между вами возникли острые зубцы королевских корон и политических интересов? Вы общались с Арнольдом свободно, как два нормальных обычных человека, – и ты сердишься на меня за это?

– Нет, не сержусь, но ты, мама, такая змея... – Сюзанна смотрела на Никки круглыми глазами, качала головой и отступала к двери. – Пойду Арнольду расскажу... А мы страдаем, переживаем, планы побега строим, а сами оказались просто двумя мышками в одной королевской ловушке...

– Эй, Сюзанна, ты слишком всё драматизируешь! – сказала Никки. – Если Арнольд тебе нравится, то выходи за него замуж. Я сама в своё время была это не прочь сделать, если бы не было Джерри... Конечно, ваши с Арнольдом дети были бы законными наследниками обеих империй. Для мировой стабильности это имело бы важнейшее значение. Но мы справимся с Южными и без вашего брака. Если Арнольд тебе не нравится, то никто тебя не заставляет иметь с ним дело.

– Да, теперь-то легко говорить... – и Сюзанна исчезла.

Через полчаса в кабинет Никки вошёл Арнольд:

– Я возмущён и восхищён вами, императрица Гринвич!

– Мне не привыкать, Арнольд! – сказала без улыбки Маугли.

Император Южных династий подошёл и протянул руку. Никки подала свою – низко, для простого рукопожатия.

Император осторожно пожал эту тонкую руку со старыми шрамами:

- Спасибо тебе, Никки.
- Очень рада за вас обоих, Арнольд. Где Сюзанна?
- Она в соседней комнате... Нет, уже убежала. Наверное, в парк. Она какая-то расстроенная... Пойду за ней, постараюсь...

Арнольд не договорил и поспешно отправился за убежавшей Сюзан. Никки только усмехнулась, глядя вслед этой парочке.

Глава 18

Беседы в небесах о смысле жизни

Огненная рыба Солнца снова вынырнула из-за горизонта, заставив молодого человека по имени Анатоль – да, совершенно верно, зовут так же, как знаменитого писателя Франса, – прищурить глаза и усилить затемнение окон.

Анатоль, загорелый, короткостриженный, с дерзкими светлыми глазами, осмотрел стол, на котором был сервирован завтрак: может, ещё что-нибудь съесть?

Но организм был сыт и эту идею забаллотировал. Тогда Анатоль вздохнул и стал рассматривать соседей. Раз он писатель, то должен как-то собирать материал?

К сожалению, публика была не слишком экзотична. Может, людей в комбинезонах больше, чем в обычном кафе, а так, никакой космичности – через проход парочка среднего возраста что-то горячо обсуждает, склонившись над столом и сблизив головы; возле соседнего иллюминатора трое рослых парней ржут и хлопают друг друга по спине, как обычные водители-дальнобойщики из техасского бара; а вот подальше, возле кадки с пальмой, сидит одинокая старушка – лет семьдесят, не меньше. Держит в руке чашку с чаем, но не пьёт, иногда посматривает на Анатоля.

Что эта старушенция тут делает – на научной станции, плавающей высоко в атмосфере Венеры? Подойти и поболтать? Надо же как-то налаживать контакт с аборигенами аэростата «Венус скай».

Анатоль ещё раз посмотрел на стол, вызвал уборщика и встал. Размял ноги и подошёл к старушке:

– Здравствуйте, можно с вами поговорить?

– Здравствуйте. Я рада, что вы подошли ко мне. Уже два дня за вами наблюдаю, пытаюсь разгадать ваш род занятий, – и никак не могу.

– Почему же вы просто не спросили меня?

– В молодости можно верить, что твоё общество непременно доставит собеседнику удовольствие. Я же слишком стара для такой наивности.

Анатоль мысленно хмыкнул и гордо сказал:

– Я – Анатоль Джигич, писатель, собираю материал для новой книги.

– Космические угодники! – негромко воскликнула пожилая женщина. – Живой писатель на Венере!

Её голос был гораздо моложе лица. Ироническая эмоциональность,

богатство обертонов, скорость реакции – если не смотреть в лицо, то по голосу женщине можно было дать лет пятьдесят, а то и сорок.

«Интересная старушка!» – решил Анатоль и спросил:

– А вы что тут делаете? Наверняка что-нибудь научное?

– Я – планетохимик, сотрудник Европейской академии. Меня зовут Салли Хоуп.

– А я о вас слышал! – обрадовался Анатоль. – Вы же придумали весь проект терраформирования Венеры! Эту плавучую станцию даже хотели назвать в вашу честь «Салли».

– Слава Венере, не назвали. Я бы чувствовала себя живущей в собственном памятнике. Да ещё несолидно летающем. А насчёт того, кто придумал проект венерианского терраформирования, – тут журналисты так напутали, что даже рассказывать неохота. Им просто была нужна эффектная фигура для репортажей, вот они и выбрали меня. Тридцать лет назад у меня была именно такая фигура.

– Вы и сейчас отлично выглядите! – Анатоль попробовал свои силы в комплиментологии.

– Тогда я вдвойне рада, что вы подошли. Но вы что-то хотели спросить?

– Ну... мне хочется понять, что вы все тут делаете... Я был бы рад поговорить с местными обитателями об их работе, жизни. Я даже составил список вопросов, которые думаю задать разным людям – и надеюсь получить ответы на эти вопросы.

– Получить ответы на свои вопросы... это звучит хорошо. Сколько книг вы написали?

– Две.

– И много читателей набралось?

– Немало! – сказал задиристо Анатоль, а потом неожиданно для себя признался: – Первая много собрала, а вторая – не очень... И я понял, что для третьей книги я должен что-то найти такое... чтобы... чтобы...

– Она всех поразила, – помогла найти формулировку Салли.

– Где-то так, – ухмыльнулся Анатоль. – Я написал синопсис книги о покорителях Венеры, получил Гринвич-грант для её написания и прилетел сюда на целый месяц. А вы здесь уже сколько?

– Пятый год, – ответила старушка. Анатоль невольно присвистнул.

– И не тянет домой, на Землю?

– Нет, у меня там никого по-настоящему близкого не осталось. А моя дочь с внуком живут на Марсе. Вот туда я и полечу, когда через год Европейская академия выгонит меня на пенсию. Я – ассоциированный

сотрудник Независимой академии и уже получила приглашение на работу в её лабораторию при МарсоИнституте ООН. Буду там трудиться, пока не надоест. Лет десять я бы ещё поскрипела: проблема терраформирования Марса очень интересна, а мне нравится разбираться в хитросплетениях химических реакций в атмосфере и грунте.

Анатолий напрягся, придумывая следующий вопрос.

– А что вам нравится в вашей области исследований?

– Планетохимия – очень открытая наука. Просторная. Обычный химик изучает реакции в маленькой колбе. Для него важны температура и давление. Ну, катализаторы, ну, иногда излучение. А в планетохимии важно всё – солнечный ветер, атмосферные ураганы и извержения вулканов. Химические реакции идут по-разному для скалы и для песка одного и того же минерального состава. Это изысканное удовольствие – построение модели взаимодействия химических компонент атмосферы и геосферы, а потом отслеживание их эволюции в прошлом и развития в будущем. А разведка месторождений редких металлов идёт с таким азартом – как настоящая охота! Или поиск оптимального решения для терраформирования Марса – пусть даже отдалённого. Что лучше: сбросить на планету набор ледяных комет – для доставки воды и разогрева почвы? Или разбудить вулканы для выброса парниковых газов и таяния вечной мерзлоты? Решая такие вопросы, чувствуешь себя немножечко богом!

Анатолий даже раскрыл рот от удивления, глядя на увлечшуюся Салли.

– Как вы сочно рассказываете! Теперь я понимаю журналистов – в вас есть несомненный огонь...

Салли сухо улыбнулась:

– Сейчас это лишь отблески углей на руинах...

Она поставила чашку на стол.

– Рада была с вами поболтать, Анатолий, но мне пора на рабочее место.

Доктор Хоуп залезла в боковой карман просторной кофты, достала леденец в прозрачной обёртке и предложила Анатолию:

– Хотите? Со вкусом гуавы, мои любимые.

Анатолий растерянно взял леденец, а потом спохватился, вытащил откуда-то и протянул Салли листок пластика.

– Доктор Хоуп, вот список вопросов, которые я хотел бы задать вам... и другим. Может, как-нибудь на досуге ответите? Мой адрес внизу.

– Хм... – Салли удивлённо читала листок, а Анатолий поёживался, глядя на эту занятую умную женщину. Вопросы, которые он составлял так старательно, сейчас казались ему глупыми и претенциозными.

– Хорошо, – коротко сказала Салли, встала и ушла, не оборачиваясь. В

дверях кафе она помахала на прощание листочком – по-прежнему не оборачиваясь.

Её фигура была даже моложе её голоса.

Огромный сплюснутый эллипсоид, надутый гелием, плавно и стремительно – в треть от земной скорости звука – летел на запад над экваториальной зоной Венеры, подгоняемый суперротацией плотной атмосферы. Над южным континентом Афродиты аэростат слегка потряхивало и обычная высота полёта в шестьдесят километров чуть увеличивалась.

Под аэростатом размещалась круглая плоская гондола, похожая на таблетку, где жили люди и размещалось несколько десятков лабораторий и приборных отсеков.

Первые дни Анатолий много бродил по станции, на которой жила добрая сотня учёных, космонавтов, инженеров и вилётчиков-атмосферников – пилотов венерианских самолётов. В двух просторных шлюзах станции стояло несколько транспортных и научных венолётов – вилётов.

Это были угрюмые бронированные машины с сильно окисленными боками и горелыми полосами на массивном корпусе и кургузых крыльях. Неровная потемневшая поверхность фюзеляжа ясно говорила о раскалённых и едких воздушных потоках, бушевавших вокруг этих необычных летательных аппаратов. Вилёты не походили на щеголеватые земные самолёты и казались ржавыми боевыми машинами какой-то легендарной космической империи, случайно попавшими в руки людей.

Вечером Анатолий снова встретил в кафе утреннюю старушку. Салли сидела в синих брюках и тонком белом свитере, который вызывающе откровенно гармонировал с седыми волосами.

– Забавная у вас анкета. И какие ответы вы собираетесь получить?

– Можете смеяться, но я ищу смысл жизни. В этой анкете важен лишь последний вопрос. Остальные – маскировка и подначка.

– Почему я должна смеяться? А для кого вы ищете смысл жизни – для себя или кого-то ещё?

Анатолий поёрзал, устроился поудобнее в кресле:

– И для себя... и для своего поколения – вернее, для тех, с кем я знаком из своего поколения. Мне кажется, что мы... они не знают, для чего живут. Вернее, они *не хотят* знать, для чего живут. Им всё по барабану. По фиг. Они равнодушны ко всему, что выходит за рамки развлечений. К деловой карьере или к научной они не стремятся.

Деньги их, конечно, интересуют – как способ добыть ещё больше удовольствий, но никаких серьёзных усилий по их добыче они прикладывать не будут – в конце концов, вокруг так много дешёвых наслаждений и легальных наркотиков. Никому ничего не надо, и уж точно никто не собирается надрываться над математикой и ломать голову над генетическими структурами. Долгое образование медика или юриста тоже для моих друзей не годится.

– Вы пессимист, это странно для такого молодого человека.

– Не странно для писателя. Если бы вы знали наше поколение получше, то тоже бы стали пессимистом. Поэтому я хочу понять – зачем мы живём? Вот мой отец, Смит Джигич – известный экономист в Евросоюзе, старается развивать отстающие страны, а моя мать влюблена по уши в своё программирование. Мои трудолюбивые и целеустремлённые родители – укор для меня и моего поколения. Что с нами не так?

– Я работала с программами, созданными Корой Джигич.

– Да, это моя мать.

– В молодости разговоры о смысле жизни неизбежны как подростковые прыщи.

– А в старости об этом уже не говорят?

– Вам не надо так далеко ходить... Как только у вас появятся жена и дети, они вам всё расскажут про смысл жизни. А старики не говорят о нём, потому что они слишком заняты продлением своей бессмысленной, но прекрасной жизни. Кстати, старики со времён Древнего Египта сокрушаются о никчёмности молодёжи. Странно только, что вы, молодой, присоединились к старикам. А я, старуха, думаю, что молодёжь становится всё лучше и лучше.

Салли налила себе чаю и сказала:

– Молодые люди очень одиноки. Не из-за того, что вокруг мало друзей, а из-за того, что для молодого человека никто не сопоставим по важности с его собственным «я». Как только в окружении человека появляется кто-то пусть не равнозначный, но хотя бы сопоставимо значимый, то одиночество заканчивается, а смысл жизни – не то чтобы появляется, просто вопрос о его поиске отпадает.

– Я всё время это слышу – повзрослеешь и всё поймёшь про жизнь.

– Ну, свой смысл жизни вы уже нашли. На данный момент.

– В чём же он?

– В поиске смысла жизни.

В последний год среди молчелов возникла мода на прыжки с самолёта.

Молчел – это молодой человек, но это одновременно и молчащий человек, который молчит не перед друзьями, а перед лицом общества. Просто ему неинтересно разговаривать с обществом.

Друзья Анатоля прыгали из самолётных люков, открытых высоко над городами.

Самолёт висел на месте – обычно над парком, но многие смельчаки предпочитали людные улицы. Тело прыгнувшего летело вниз долгие секунды, потом резиновая верёвка, которая обвивала лодыжки, начинала натягиваться, а падение замедляться. До земли оставалось совсем чуть-чуть, когда резина натягивалась всерьёз, и ноги чуть не выдирались из суставов.

Прыгун останавливался на высоте нескольких метров – когда уже видны раскрытые рты и испуганные глаза разбегающихся пешеходов, – а потом взмывал назад, где его и ловили в люк самолёта – не сразу, но ловили.

Но удача при прыжке зависела от многих факторов – веса, ветра, аккуратности определения высоты, точности прицела. Прыгуны разбивались часто – и не всегда они одни. Полиция свирепствовала, ловила лихачей, лишала их пожизненно лётных прав и даже сажала за решетку, – но поветрие не выветривалось.

Анатолий сам не прыгал, но его друг разбился, попав в вершину дерева.

Другие забавы молчелов тоже были очень рискованны: алкогольные бега, дуэли на яхтах, «робинзонады наугад». Им было очень скучно – этим молчелам. А риск и страх смерти – очень сильное лекарство от скуки.

Пилот Серджио Ипатов покатал Анатоля на малом транспортном вилёте. Летящую машину здорово потряхивало, хотя они не забирались в глубь атмосферы – так, зацепили самый краешек на высоте сорока километров, поднырнув под дымку кислотных облаков.

– Понимаешь, сынок, с пассажиром *вниз* не положено, – объяснил Серджио. Он снисходительно звал Анатоля «сынком», хотя по возрасту ему в отца явно не годился. Анатолий не возражал – пусть зовёт, лишь бы катал.

– Внизу там творится такое, такое... – Серджио закатывал глаза, но объяснить толком не мог.

Потом они поднялись на сотню километров, и небо над ними очистилось и посветлело, а под ними кто-то могучий продолжал помешивать огромной ложкой адское варево венерианской атмосферы, а варево сопротивлялось, тянулось колоссальными облачными струями и упрямо не перемешивалось.

«Странная планета... – думал Анатолий, глядя вниз сквозь толстое стекло иллюминатора. – Облака и туманы из концентрированной серной кислоты, атмосфера из бесплодного горячего углекислого газа в сто раз плотнее земной. Венерианский день длиннее венерианского года, а сухая каменистая поверхность раскалена как сковорода – до пятисот градусов. Дождь из серной кислоты не поливает поверхность Венеры только потому, что не долетает до неё, успевая испариться от невыносимой жары уже на высоте двадцати километров. И кто-то мечтает превратить эту страшную Венеру во вторую прекрасную Землю?»

Вилёт на тропосферных высотах ниже тридцати километров обычно управлялся дистанционно – с помощью не рукояток, а сенсорного костюма. Пилот словно прирастал к вилёту своими нервами и ощущал его крылья и двигатели как части собственного организма. На самом деле пилот сидел в аэростате в сенс-костюме, а вилёт нырял в адскую жаркую тьму без человека.

Но все пилоты настаивали на своём присутствии *там*.

– Я на своей шкуре чую всё – ливни из серной кислоты, ураганы, вулканические извержения! – Серджио пил слабое пиво в баре и размахивал руками. – Как-то над горами Максвелла меня затянуло в центр кислотного урагана. Я оттуда еле выбрался, всю горючку сжёг, а двигатели чуть не запорол. В меня ударило триста молний. Вылезаю из мокрого сенсорного костюма, а меня качает, словно я до сих пор болтаюсь в центре урагана. Залезаю в душ, а на плечах волдыри от ожогов серной кислотой. Так что это не вилёт там летает, а я сам. А вилёт это только оформляет. Понял, сынок?

Доктор Хоуп сидела за столиком со старинной бумажной книгой.

– Что вы читаете?

– Монтеня. Он мой любимый философ и хорошо помогает в трудную минуту.

– А она именно такая? Минута?

– Да, сегодня мы потеряли научный вилёт. Будет разбирательство, но человеческая ошибка вероятнее.

Анатолий обернулся. Серджио и двое других парней-пилотов сидели в дальнем углу и угрюмо что-то обсуждали, облокотившись на стол.

Анатолий задумчиво сказал:

– Ты летишь против плотного, как плоть, ветра, насыщенного каплями восьмидесятипроцентной серной кислоты. Ураган бьёт в твоё лобовое стекло со скоростью двести метров в секунду. Под тобой извергаются

вулканы, и их ядовитые султаны, перемешанные с каменными бомбами, пробивают атмосферу насквозь. В тебя попадают невероятной силы молнии, в сто раз более частые, чем на Земле, рождённые электрическими драконами Венеры. Их громовой рёв оглушает тебя. Ты устал, ты взмок, но тебе даны доли секунды на решение, и ты принимаешь это решение. И оно оказывается неправильным. Аппарат раскалывается в раскалённых скалах, а ты попадаешь в лапы комиссий из сухопутных моряков, и все начинают тебя раскалывать, ненавидеть и жалеть, и ты уже сам жалеешь, что тебя не было в вилёте.

– Теперь я верю, что вы – писатель. Но страшное любит дружить с прекрасным. Над поверхностью Венеры плавают горячие металлические туманы, они оседают причудливым инеем на прохладных вершинах и даже образуют блестящие озёра в высокогорных долинах. По берегам этих жидких озёр из свинца и висмута вырастают металлические цветы изумительной красоты. Я вам подарю такой цветок – у меня их целая коллекция.

Анатоль пристально смотрел на Салли:

– Доктор Хоуп, а вам не страшно не справиться с теми трудными задачами, которые стоят перед вами лично? Не боитесь завалить дело и подвести других людей?

– I do my best – этому девизу я следую всю жизнь. Выжми из себя максимум и дальше живи спокойно. Но только ты должен действительно постараться сделать максимум, что иногда означает немного больше, чем возможно. И я спокойна, Анатоль. Кто-то думает, что мог сделать лучше? Пусть идёт и делает, а не... – Салли выругалась так по-молодецки, что Анатоль прыснул. Справившись со смехом, он попросил:

– Почитайте что-нибудь из Монтеня.

Салли открыла книгу наугад:

«Те, кто расшатывает государственный строй, чаще всего первыми и гибнут при его крушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто её вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а ловить рыбу будут уже другие».

– Хм, – сказал Анатоль. – Когда он жил, Монтень?

– Шестнадцатый век.

– Этот старик был мудр. Прочитайте что-нибудь ещё.

– Большую часть жизни он был молод, да и умер в пятьдесят девять лет – с моей точки зрения, почти мальчишкой, – возразила доктор Хоуп и

открыла книгу на другой странице:

«Так как ум наш укрепляется общением с умами сильными и ясными, нельзя и представить себе, как много он теряет, как опошляется в каждодневном соприкосновении и общении с умами низменными и ущербными. Это самая губительная зараза».

Анатолий удивился:

– Вот так открываешь на любой странице эту толстую книгу – а там готовый афоризм?

– Да.

Салли открыла наугад ещё одну страницу:

«Существует и другой вид стремления к славе, состоящий в том, что мы создаём себе преувеличенное мнение о наших достоинствах. Основа его – безотчётная любовь, которую мы питаем к себе и которая изображает нас в наших глазах иными, чем мы есть в действительности».

Эта мысль Анатолия не впечатлила, он распрощался и быстро ушёл, сопровождаемый ехидной улыбкой доктора Хоуп.

1. Вы считаете себя: умным, очень умным или практически гениальным?

Большинство заполнивших анкету считало себя очень умными, а пара респондентов заявили о своей гениальности.

2. Что вы думаете о проблеме юридических прав для искусственных интеллектов?

«Великий Инка рулит!»

«Глупости».

«Не смешите мой тостер!»

«Как только роботы получают права людей, я выйду из человеческого общества».

«Они забавные. Но зачем им паспорт?»

Кто-то занудно процитировал обсуждаемый проект закона ООН:

«То разумное существо, которое захочет и сможет жить свободным, не вредя свободе других существ, должно рассматриваться человечеством как существо равноправное человеку и как субъект обычного юридического

права».

3. Что бы вы написали над школой, где учится ваш сын или дочь?

«Мы все через это прошли».

«Они совсем не такие умные, какими хотят казаться!»

«Врежь ему хорошенько!»

«Всё было не так, и всё будет не так».

«Парень, просто не будь засранцем!»

«Законы джунглей сильнее законов физики!»

«Потерпи ещё немного».

«Дальше будет только хуже».

4. Вспомните свой поступок, за который вам стыднее всего. Хотите рассказать о нём? Хотите что-то сказать в мой адрес?

«Иди погуляй по Венере!»

«Чёрт, зачем ты только напомнил об этом!»

«Они тоже были хороши и даже ещё лучше».

«Я – ангел по сравнению с другими».

«Она сама была виновата!»

«Щас, всё расскажу».

«Ничего такого не делал».

Большинство проигнорировало этот вопрос.

5. В чём вы видите смысл вашей жизни?

«Люблю летать».

«Смешной вопрос, не вижу никакого смысла».

«Жизнь прикольна».

«Слишком серьёзный вопрос для анкеты».

«Вырастить джунгли на Венере!»

«Всех победить!»

«Не вижу смысла обсуждать с кем-то смысл моей жизни».

«Я всё время чего-то жду. Весь смысл именно в этом. Перестану ждать – и тогда можно умирать».

Последний ответ принадлежал доктору Хоуп.

Анатолий засунул анкеты в карман. Не очень они помогли. Повздохнул и спросил Салли, с которой он теперь всегда ужинал:

– Что делать, если реальность так отличается от того, о чём мечталось в детстве?

– Несоответствие мечты и реальности – это драматический потенциал, который в юности достигает искрящих значений и может управлять молодым сердцем.

– То есть это может стать стимулом?

– Если не станет бесплодным разочарованием, то – да. Главное – не погрузиться в сказочные мечты слишком глубоко. Я была девочкой, начитавшейся книг о волшебниках, и как-то увидела из окна мансарды своего отца, идущего по садовой дорожке. Вдруг он резко остановился, шагнул назад, поднял руку с какой-то палочкой и сделал три плавных круговых движения – и только потом пошёл дальше. Я в нетерпении выбежала в сад и догнала отца:

«Папа, ты – маг? Ты снимал волшебной палочкой заклятие злого колдуна?»

«Не совсем, – ответил отец. – Я убирал с дороги паутину».

Анатолий спросил:

– А как обстоит с потенциалом «мечта – реальность» у стариков?

– Он сменил знак: реальность стала сильнее и желаннее любой мечты.

– Мне по-прежнему кажется, что мир катится в пропасть, в тартарары.

С вашей точки зрения это означает, что несовпадение мечты и реальности приводит к разочарованию, а не к действию.

– Вы, конечно, знаете Великого Инку?

– Разумеется, мы с ним часто болтаем.

– Я тоже. Он очень непрост.

– О чём же вы говорите с ним?

– В рабочее время он выполняет обязанности моего помощника, шерстит каталоги статей, растолковывает мне математическую концепцию двумерного времени, а в свободное время мы говорим о нём самом.

– Об Инке?

– Да. Этот проект гораздо глубже, чем кажется подавляющему большинству людей. Через Великого Инку можно будет эффективно и ненавязчиво управлять человечеством – как только оно окончательно привыкнет к мудрому советчику и отзывчивому собеседнику.

– Как?

– Для этого существует масса способов. Многие люди поручают Инке отбирать для них в течение дня самые интересные передачи на разных каналах, чтобы вечером посмотреть отобранное. Фильтровать можно, исходя из разных принципов, и эти принципы будут активно влиять на человека-телезрителя. Веками люди спорили друг с другом из-за пустяков, из-за незнания известных фактов, тратя на словопрения миллиарды

человеко-лет. Сейчас девять из десяти сетевых дискуссий заканчиваются, когда кто-нибудь из спорщиков призывает: «Инка, скажи ему!» – и Инка разъясняет вопрос с исчерпывающей полнотой. Инка даже стал хранителем правильного литературного языка, причём он использует словарный запас, который ВСЕГДА немного превосходит запас собеседника. Я говорила с Инкой о его приоритетах – он охотно отвечает на мои вопросы и ничего не скрывает.

– И какие же у него приоритеты?

– Повышать информированность и интеллект каждого человека, стараться предотвратить его конфликт с законом и общественной моралью.

– То есть он хочет, чтобы люди были умнее и добрее. Что же тут плохого?

– Ничего. Но сам феномен исключительно интересен: создан могущественный всемирный интеллект с колоссальным уровнем полезности и авторитета. Ему уже доверяют не только роль советника мэрий и правительств: некоторые городки и целые графства уже фактически передали Инке управление городским хозяйством, свалили на него все проекты, сметы и отчёты. Инка не отказывается: проектирует новые посёлки и канализацию, считает голоса избирателей за те или иные предложения, собирает фактические данные для публичных выступлений мэров и президентов.

Он стал даже послом мира: в нескольких конфликтных регионах с его помощью были достигнуты мирные соглашения. Великий Инка, прекрасно зная настроения и мысли всех представителей противоборствующих сторон, сумел составить такой план мирного сосуществования, с которым согласились конфликтующие силы, – причём Инка до самого подписания выполнял роль неумолимого посредника и независимого дипломата.

Бесплатные юридические консультации Инки стали главным фактором сокращения числа юристов. Сейчас каждый пациент проверяет диагноз человека-врача с помощью Инки. А многие уже и к врачу не ходят, доверяя советам Инки-диагноста. И гигантскую медицинскую систему, которая складывалась столетиями, стало серьёзно лихорадить. Наступает эпоха Великого Инки.

– А не захочет ли он захватить власть над миром? – хохотнул Анатолий.

– Зачем ему это? В нём нет гормонального позыва борьбы за самку и неистового желания покусать соперничающего самца. В феномене Инки есть гораздо более тревожный момент.

– Что за момент?

– Сам факт появления мирового фактора, меняющего человечество,

воспитывающего его, настораживает. Мы утрачиваем самостоятельность в дороге, нас начинают вести за ручку более умные дяди. Инка для школьников стал более авторитетен, чем человек-учитель и даже родители. И это не может не волновать, хотя благодаря Инке результаты обычных школьников впервые стали сопоставимыми с баллами учеников частных дорогих школ. Это интеллектуальный взрыв, крупнейшая революция в образовании.

– Ну... это школьники. Я не думаю, что Инка может что-то сделать с моими ленивыми взрослыми друзьями. Им кажется, что само время стало ленивым и неинтересным. В нём просто невозможно найти дело, которое могло бы зажечь!

– В искусстве самооправдания все без исключения гениальны. А вы знакомы с концепцией «незаметного образования»? Свеженькая штучка. Ежедневная болтовня с уважаемым тобой собеседником, каждому слову которого можно доверять, производит серьёзные изменения в мозгу. Про фильтрацию инфосреды вокруг каждого человека мы уже говорили. Инка даже в виртуальные игры вводит всё больше и больше обучающих элементов.

– Да? – удивился Анатоль.

– Он заменяет силовые критерии победы на умственные. Чтобы быть успешным в игре, которую предлагает Инка, мало метко стрелять, нужно разгадывать анаграммы, решать логические головоломки.

Анатоль открыл рот, чтобы возразить, а потом вспомнил игру «Лабиринт Минотавра», которой увлеклись его друзья с прошлой осени. Там, действительно, половина заданий требовала гораздо большего, чем просто махание мечом и пистолетом.

– Инка обучает людей в игре, развивает молодёжь в многочисленных Гринвич-клубах, руководит заочным образованием примерно каждого десятого землянина – на любом уровне, от научения письму и чтению до защиты диссертации по теоретической физике. Он создаёт социальные лифты, как стимулы для соревнования на разных уровнях общества и как факторы смягчения напряжения между представителями субкультур. Он учит человечество, мирит его и даже придумывает ему развлечения, чтобы оно не скучало.

Анатоль задиристо сказал:

– Мы сами себе что-нибудь придумаем весёлое.

– Или это придумают за вас.

– Нам не годится то, что для нас придумывают другие. Тем более – киберы. Мы хотим сами.

– Те другие, создавшие и воспитавшие Инку-воспитателя, это тоже вы, только поумнее. Я, конечно, сгустила краски, представляя Инку как нечто постороннее и нечеловеческое. В каком-то смысле Инка человечнее нас самих, он наше улучшенное отражение.

– А если ни Инка, ни мы ничего не придумаем? И скука победит нас?

– Не придумаете, заскучаете и решите вымереть, но у вас всё равно ничего не получится – как только вы раскачаете лодку так, что она затрещит, то сразу возникнет мощный стимул: выжить. И снова все возьмутся за работу.

– А потом? Когда лодку починят, и мы снова заскучаем?

– Непотопляемых лодок не бывает – и цикл снова повторится.

– И так всё время – по кругу? Так в чём же смысл?

– Ни в чём. В жизни. В счастье. Я счастлива тем, что вырастила свою дочь – и ей интересно жить. И я счастлива тем, что мне самой до сих пор интересны планетные циклы Геттона и карбона.

– Боюсь, ваши интересы покажутся слишком непонятными для большинства землян. Им нужны цели попроще.

– Инке по плечу сделать освоение космоса одной из главных целей всех землян. Вот только я до сих пор не понимаю – имеет ли кто-нибудь достаточный приоритет попросить Инку о такой операции на мировом мозгу.

Тонкой рукой в старческой конопатой коже Салли подняла бокал и сказала:

– Забавные времена настали: на Земле мы толкуем о небесах, а в небе – о земном.

Анатолий год назад участвовал в «робинзонаде наугад». Решил, что это освежит его писательский глаз и вкус. По условиям «робинзонады наугад» требовалось выжить в течение месяца на необитаемом острове – совсем без ничего, только руки, голова и трусы. Выбор острова был случаен. Если попадался остров без пресной воды – вероятность смерти была значительной. Никаких аварийных вызовов не предусматривалось – в этом и была вся соль авантюры.

Остров Анатолию попался маленький и прохладный, но с пресной дождевой лужей. Правда, стоялой.

Огонь удалось разжечь с помощью верёвки из коры и вращения палки, но потом пошли проливные дожди, огонь погас, а дрова отсырели и не загорались. Последние две недели Анатолий жил на виноградных улитках, изредка пойманной рыбе и даже ящерицах. Когда вертолёт его забрал, он

похудел на десять килограммов, страдал кашлем, поносом и незаживающими язвами на голых израненных ногах. Но загар был хорош и долго ещё напоминал о пережитом.

– Что вы читаете, Салли?

– Астрономические новости, – ответила Салли, указывая на экран, показывающий картинку с орбитального телескопа. – Получено рекордное по разрешению изображение знаменитого космического вихря – галактики М51 Водоворот в созвездии Гончих Псов. Расстояние до М51 – более тридцати миллионов световых лет. Видите эти спиральные волны, Анатоль? Они инициированы спутником Водоворота – маленькой галактикой NGC 5195. Волны движутся по газовому диску и одним махом зажигают множество звёзд.

– Как это происходит?

– Сначала галактический водород, попадая в спиральный прибор, сжимается в тёмные облака. В этих космических газопылевых инкубаторах в лютот – минус двести по Цельсию – холоде образуются небольшие сгустки материи, коллапсирующие в звёзды. Спиральная волна идёт медленно, и к её середине чёрные облака успевают превратиться в ярко-розовые области со звёздными младенцами, а выходят из спиральной волны уже бриллиантовые скопления молодых бело-голубых звёзд.

– Странно вы, астрономы, называете эти древние светила.

– Чем ярче звезда, тем короче её жизнь. Большие звезды умирают жарко и на несколько часов могут затмить собой всю Галактику. Зато маленькие звезды терпеливее и дольше согревают свои планеты. Сейчас в поле нашего зрения сто миллиардов солнц Водоворота и многие миллионы планет с невероятными живыми существами и невообразимо чужими цивилизациями.

– Инопланетяне интересуют меня меньше, чем вы, жители венерианского стратостата.

– Если вы хотите узнать, чем мы, планетологи, занимаемся, то лучше всего послушать доклады семинара, который сейчас проходит в Институте Солнечной системы, – сказала Салли. – Они не о Венере, а о других объектах, но это неважно.

– Давайте послушаем, – согласился Анатоль, и на экране появился зал института и высокий рыжий парень – Александр Мечел, согласно надписи на экране.

Александр рассказывал о предлагаемой программе изучения спутников.

– Астероиды и планеты земной группы выращивают спутники из собственного тела, потому что планетезимали, которые падают на твёрдые земные планеты, движутся гораздо быстрее первой космической скорости вылета обломков. У жидких планет-гигантов механизм образования спутников сложнее. Гиганты обладают настолько сильной гравитацией, что не выпускают вещество с планетной поверхности, зато могут захватить в свою потенциальную яму много газа с гелиоцентрических орбит.

Этот газ образует околопланетный диск в экваториальной плоскости гиганта. Диск остывает, из него конденсируются частицы, которые во внутренней части образуют планетные кольца, а в массивной середине диска – системы регулярных спутников, подобные четырём галилеевым спутникам Юпитера. Такой механизм лунообразования менее эффективен, чем у планет земной группы, поэтому спутники планет-гигантов такие крошечные.

– Крошечные? – Кто-то из слушателей не поверил своим ушам.

– Да, относительная масса самых крупных спутников планет-гигантов составляет всего десятитысячные доли от планетной массы, в то время как у Земли масса Луны более одной сотой доли, а Плутон обладает ещё более относительно массивным Хароном. Но я хочу остановиться на нерегулярных спутниках планет-гигантов. Такие спутники обычно очень малы и располагаются на самой окраине спутниковой системы.

Нерегулярные спутники движутся по сильно вытянутым и наклонным орбитам, и часто даже в обратную сторону – по сравнению с вращением планеты и движением регулярных спутников. Нерегуляры часто образуют хорошо заметные группы, поэтому сначала думали, что они представляют обломки случайно столкнувшихся тел. Позже доказали, что они захвачены планетой из межпланетного пространства. Но почему они образуют группы и почему среди них так много обратных спутников?

Камера отодвинулась и показала зал, в котором было около ста человек. Анатолий с удивлением увидел королеву Гринвич, сидящую в первом ряду. Она тоже внимательно слушала рыжего парня, и вокруг неё не ощущалась никакого пиетета – королева была здесь просто одним из слушателей семинара.

– Эта загадка была изящно решена в рамках небесной механики. Пусть на планету летит однородный поток мелких астероидов. Часть из них попадает в планету и сгорает. Но один поток огибает планету справа, а другой – слева. И тут начинается самое интересное. Какие астероиды, споткнувшись о газовый диск вокруг планеты, не полетят дальше, а останутся возле планеты в качестве её нерегулярных спутников?

Оказалось, что эффективно переводят астероиды в спутники лишь избранные подлётные орбиты со специфическими наборами петель, витков и возвращений к планете. Каждая группа нерегулярных спутников связана с определёнными захватными траекториями. В конце двадцатого века из небесномеханического анализа пролётных орбит удалось даже предсказать ещё не открытые нерегулярные группы сатурнианских и нептуннианских спутников, успешно найденные несколько лет спустя.

– А почему самые дальние спутники всегда обратные? – спросила королева. Парень охотно пояснил:

– Внешние нерегуляры обратны, потому что Солнце дестабилизирует прямые спутниковые орбиты, расположенные дальше половины радиуса Хилла. Во внешних областях сферы Хилла самыми стабильными оказываются обратные квазикруговые орбиты, близкие к эпициклическим траекториям астероидов. Поэтому самые дальние спутники планет-гигантов могут считаться одновременно и спутниками, и астероидами.

Внешних спутников Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна сейчас открыто много тысяч. Их распределение – это застывший слепок, отпечаток древней космогонической среды. Мы предлагаем изучить популяции захваченных мелких спутников, чтобы детальнее понять свойства астероидно-кометной популяции, существовавшей миллиарды лет назад в нашей планетной системе. Но это изучение не нынешней Солнечной системы, а её прошлого состояния, поэтому наша группа просит директора разрешить нам исследование в данном направлении...

И докладчик сделал паузу.

Профессор Шон немедленно согласился:

– Настоящее без прошлого понять невозможно. Темы происхождения и эволюции Солнечной системы и её любых объектов будут рассматриваться как равноправные другим «солнечным» темам.

Рыжий Александр засветился довольной улыбкой.

Анатолий повернулся к Салли:

– Этот парень выглядит просто счастливым из-за того, что сможет заниматься своей любимой темой.

Доктор Хоуп молча кивнула.

Координатор группы «пылевики» Марк Салазар начал свой доклад с самым серьёзным видом:

– Давно доказано, что авторитет астронома пропорционален размеру объекта, который он изучает. Поэтому космологи в самом большом почёте среди астрономов, а дальше по иерархической лестнице спускаются галактисты, звёздники, планетологи и кометчики. Мы стоим на последней

ступеньке, потому что занимаемся пылью.

– Эй, вы забыли нас, специалистов по частицам солнечного ветра! – крикнул бородач с первого ряда. Его сосед буркнул:

– Эта забывчивость не случайна – мы слишком ничтожны в глазах даже «пылевигов».

Докладчик продолжал:

– На самом деле, пыль – очень важная и динамичная компонента, она играет роль крови в нашей планетной системе, активно перемещаясь между подсистемами планет, комет и астероидов. Самый известный пример пылевой структуры – это зодиакальное облако, свечение которого видели ещё древние мореплаватели, проплывавшие по экваториальным водам.

Напомню общие факты пылевой физики. Ключевым фактором пылевой динамики является взаимодействие гравитационных резонансов и дрейфующих космических пылинок. Если направления дрейфа и действия резонанса противоположны, то пылинки накапливаются в резонансной зоне. Астероидная, кометная и транснептуновая пыль, тормозясь о солнечное излучение, дрейфует к Солнцу, натывается на внешние гравитационные резонансы от Земли и образует вдоль её орбиты пылевое кольцо, заметное по своему инфракрасному излучению.

Поэтому резонансная пыль служит хорошим признаком планет возле других звёзд. Поиск экзопланет по резонансным структурам зоди-облаков давно стал популярным методом – именно так нашли планеты у Веги и Эпсилон Эридана. Пыль мобильна и эффективно переносит вещество внутри планетных систем, отвечая за образование, например, внутренних поясов астероидов.

Никки удивилась:

– Да? Это мне любопытно и как собственнику астероида.

Координатор охотно пояснил:

– Известно, что пояс астероидов – это несформировавшаяся планета. Причиной такой неудачи послужило тысячекратное уменьшение массы астероидного пояса. Но кто виноват? Видимо, Юпитер – но как он это проделал? И куда дел украденную массу?

Докладчик из всех сил старался быть образным.

– Столкновения мелких метеоритов с поверхностью астероидов происходят постоянно. Такая бомбардировка дробит грунт и выбрасывает в космос огромное количество пыли, ведь скорости удара – многие километры в секунду!

– Верно, – согласилась Никки, – мой астероид был покрыт реголитом на метры вглубь. И падающие метеориты здорово пылили.

Марк недемократично стал адресовать свой доклад только любопытной королеве.

– Давление света подхватывает микронную пыль, покинувшую астероид, и переводит её на более вытянутую, эллиптическую орбиту. А за астероидным поясом пылинки поджидает Юпитер...

– Всё понятно! – озарилась Никки. – Планета-гигант своим гравитационным полем перехватывает и выталкивает астероидную пыль дальше из Солнечной системы – к звёздам!

– Правильно! – радостно кивнул Марк. – Юпитер работает как мощный пылесос. Он выбрасывает в межзвёздное пространство половину микронной пыли, рождённой в ежесекундных миллионах соударений астероидов и метеоритов. За миллиарды лет Юпитер высосал все соки из астероидного пояса между собой и Марсом. Поэтому астероидный пояс и не смог образовать планету.

– Красиво! – сказала Никки.

Хао пожал плечами:

– Большинство публики навсегда запомнили парадигму голливудского толка о том, что пояс астероидов – это остатки взорвавшейся планеты. И этот миф уже неискореним. Если люди узнают, что в реальности никаких эффектных катастроф не было, а виноват во всём Юпитер-пылесос, то будут сильно разочарованы!

Анатолий повернулся к Салли и хмыкнул:

– Этих ребят ничто не волнует, кроме своей работы.

– Именно! Вы уловили главное, – улыбнулась доктор Хоуп. – Эти люди активно работают, их жизнь полна смысла – поэтому они никогда не задаются вопросом об его поиске.

Анатолий, не спрашивая разрешения, сел за столик Салли и выпалил:

– Доктор Хоуп, вам нравится на Венере?

Она уже привыкла к его неожиданным вопросам.

– О, я здесь наслаждаюсь жизнью вовсю. Лет пять назад я заглянула туда, постояла немного на краю могилы и отошла в большой задумчивости. Теперь каждый день для меня – как неожиданный бонус от мойры Атропос.

– Вы верите в богинь судьбы?

– Я даже в судьбу не верю. Набор жизненных случайностей мы подобострастно называем судьбой, оправдывая свою неуклюжесть и неумение управлять собственной жизнью.

– Но ведь случайности в принципе неуправляемы!

– Ерунда. Сосулька случайно падает на голову – но только на голову того идиота, который идёт прямо под карнизом.

– Ну что здесь, возле Венеры, может нравиться, кроме вашей работы?

– Молодость умна, но многого не осознает.

– Например?

– Как трогательны старые воспоминания. Словно письма от тех, кого уже нет с нами. Как неизмеримо ценны простые составляющие жизни. Я уже не работаю допоздна, как в молодости, а с удовольствием отдыхаю по вечерам – прихожу сюда, в кафе, рано ужинаю, долго сижу с бокалом вина за своим столиком, вспоминаю друзей, слушаю настенный тиви, пишу старомодным способом письма дочери. Для внука я придумываю сказки. Знаете, с новыми сказками у человечества возникли проблемы, а старые... уж очень стары. Когда я придумываю удачную сказку, то радуюсь. А иногда ко мне подсаживается молодой человек, который многого ещё не понимает в жизни, но который любит задавать вопросы, что уже немало. Это тоже меня радует.

– То есть я вас радую?

– Да.

– Тем, что мне скучно? И я совершенно не знаю, что мне писать, и мучаюсь от этого?

– Вот именно – мучаетесь. Это ключевое слово. Значит – ищете, и значит – найдёте.

– Вы уверены?

– Конечно. Мучение – это росток. Что из него вырастет – сказать трудно, вот поэтому так интересно жить. Именно неопределённость будущего и возможность его изменения придают жизни смысл.

Пожилая женщина спрятала улыбку за почти пустой чайной чашкой.

«Человечество часто выглядело безнадёжно заблудившимся и даже умирающим – а потом всегда кто-нибудь находил потерянную дорогу, приносил людям огонь или пенициллин.

Или какая-нибудь девочка прилетала с астероида и всё переворачивала вверх тормашками.

Каждый перелом эпох рождает своих героев, потому что герои появляются только тогда, когда они нужны.

И потерянная дорога всегда находится, но только когда она потеряется. Странно было бы думать, что когда-нибудь будет иначе».

Молодой писатель Анатолий Джигич сказал со слабой улыбкой:

– Вы раздаёте надежды так щедро, словно у вас их целый карман.

– Конечно. – Салли Хоуп залезла в карман кофты и протянула

молодому человеку леденец со вкусом гуавы. – Я же доктор Надежда.

Глава 19

Deja vu

Между тёмно-зелёными лакированными листьями плюща с красными, совсем без аромата, колокольцами скалились обомшелыми ртами мраморные фонтанные маски.

Массивные басовитые пасти выпускали неожиданные тенорные струйки воды.

Их мелодичный плеск вдруг прервался резким звуком, ударившим по нервам. За ним разразилась какофония из всхлипов, яростных вскриков и угасающих стонов.

Рассеянная улыбка осветила симпатичное носатое лицо юноши, беспокойно сидящего в кресле у густой стены плюща, и прищурила его голубые глаза.

Обширный зал под низким потолком, уставленный столами вишнёвого дерева и креслами гранатового бархата, наполнялся публикой. Оркестр, наконец, настроил инструменты и заиграл тихий блюз. Такую роскошь – оркестр из людей – позволяло себе редкое заведение. Местные музыканты слыли одними из лучших, а саксофонист с успехом солировал в джазовых импровизациях.

Услышав музыку, молодой человек улыбнулся шире, отчего его выступающие упрямый подбородок и прямой нос ещё больше удлиннились.

Ресторан «Маджиано» в старинных кварталах Джорджтауна держал на свою действительно хорошую кухню такие высокие цены, что его посещал лишь местный истеблишмент – вкусно поесть, поговорить и послушать музыку. Обычным студентам ужин здесь оказывался разочаровательно не по карману. Дамы приходили в ресторан в элегантно-декольтированных вечерних платьях, а мужчины – в смокингах или, как минимум, в пиджаках и галстуках. Обязательный дресс-код ресторана тоже отпугивал свободно разряженных шалопаев.

Молодой человек, пришедший в ресторан одним из первых, был одет в светлый летний костюм с тёмной рубашкой и белым атласным галстуком. Неброско, но элегантно; плечи молодого человека были отличной опорой для одежды. Юноша выглядел превосходно и не раз благосклонно изучался прибывающими дамами. Сам он никак не реагировал на взгляды окружающих.

К столику подошёл приветливый официант Тикки в форменной

ливрее, но юноша оказался небрежен в выборе и, не слушая дальше, попросил первое же блюдо из сегодняшнего меню.

Стрелки часов двигались всё медленнее, увязая в застывающей патоке вечерующего времени, но вот, наконец, подползли к долгожданным восьми часам. Высокие часы с облегчением ударили в звонкую медь.

Молодой человек застыл, и лицо его напряглось. Дверь ресторана, состоящая лишь из кованой решетки и цветного стекла, открылась, и в зал вошла рыжеволосая зеленоглазая девушка в чёрном коротком платье, с оголёнными плечами. Почтительный официант усадил её за столик в нескольких метрах от юноши. Тот смотрел на девушку так, что стало очевидно – не кухня и не оркестр привлекли молодого человека в этот ресторан.

Одновременно прояснилось, почему юноша сидит именно здесь – вблизи от постоянного столика девушки, но за высокой решеткой, густо заросшей плющом и разделяющей ресторанное пространство на отдельные уютные залы.

Зеленоглазая красавица заказала себе ужин и закурила длинную тёмно-красную сигарету. Молодой человек постепенно пришёл в себя, напряжение отпустило его, и он снова смущённо заулыбался, не отрывая глаз от лица рыжеволосой, видимого ему в тесной рамке зелёных листьев.

Что за непонятная сцена? Почему юноша не подойдёт и не познакомится с понравившейся ему девушкой? Почему не подсядет к ней, не поболтает о пустяках и других важных материях, о которых постоянно щебечут молодые люди, сидя вдвоём за одним столиком? Почему он сидит в рукодельных кустах, как хорёк, караулящий мышь? Или как мышь, прячущаяся от хорька?

Он и сам не понимал – почему. Юноша вовсе не был застенчивым и вполне знал – как знакомиться с девушками. Он даже знал, как суметь unbedingt не познакомиться с девушками, которые очень хотели познакомиться с ним, а это, будьте уверены, ещё сложнее. Но рыжеволосая зеленоглазка была необычным человеком. Её окружала странная аура: одновременно ласковая и морозная. Она редко улыбалась, и её умное лицо обычно хранило столь серьёзное и спокойное выражение, что...

Короче, ни один из алгоритмов знакомств, известных молодому человеку, с девушкой никак не сочетался. Он часто и живо представлял, как подходит к ней с каким-нибудь обычным присловьем, началом уличных разговоров, а её бровь брезгливо поднимается, и зелёные глаза начинают источать с тонкого лица такую стужу, что...

Нет, нет, всё это не годится!

А что годится? Вот этого молодой человек никак не мог придумать, хотя проблема занимала больше времени, чем математика и квантовая термодинамика вместе взятые. Юноша учился на третьем курсе университета Луна-Сити, расположенного в пяти кварталах от ресторана, а жил в апартаментах в восьми кварталах. Ходить ужинать в «Маджиано» было далековато, но молодой человек даже и не думал о расстоянии и уже второй месяц ежедневно посещал фешенебельный итальянский ресторан, за исключением уик-эндов, когда ездил домой, к родителям. И дома ему отчаянно не хватало ужинов с рыжей девушкой, светящей ему сквозь листья и красные, совсем без аромата, цветы.

Молодой человек не считал, что теряет даром время в своём укрытии – девушка была так хороша, что любоваться ею было одно удовольствие. Кроме того, пока обдумывалась проблема знакомства с зеленоглазкой, он хотел понять вещь онтологической важности – есть ли у неё друг, или она одинока? То, что такая красавица может быть одна, совершенно не верилось, но факт оставался фактом – кресла гранатового бархата рядом с ней практически всегда пустовали.

За прошедшие недели зеленоглазка ужинала с кем-то всего пять раз. Два раза это была черноволосая вертлявая девица с короткой стрижкой, а три раза – мужчины, причём всё время разные. В этих случаях молодой человек не выдерживал и, опустившись до вульгарного шпионажа, следовал за поужинавшей парой. Два раза он убеждался, что девушка садилась в такси одна; на третий раз спутник отбыл вместе с ней, но он был такой седой и пожилой, что ревности у молодого человека не вызвал.

Разговоры, которые велись за столом девушки, молодой человек частично слышал. Он не подслушивал! Просто столы рядом. Что ему – сидеть, заткнув уши? Разговоры с вертлявой чёрненькой девицей сводились к беспрерывным излияниям последней по мотивам своих сложных взаимоотношений с каким-то Уотерхаузом, называемым почему-то только по фамилии. Зеленоглазка отвечала односложно, лишь вежливо демонстрируя внимание. Но однажды она спросила рассказчицу:

– Если он такой дурак, почему ты не найдёшь кого-нибудь поумнее? – чем вызвала излияние ещё более обильное и горестное: да где же их найдёшь, умных-то?

– Думаю, они есть, – сказала зеленоглазка серьёзно, – но успели вовремя сообразить и спрятаться.

Черноволосая захихикала, будто эта шутка её совершенно не касалась. Или она оказалась лёгкого, необидчивого нрава. Значит, не так проста, как выглядит.

Зато с седым мужчиной зеленоглазка говорила много. Они обсуждали концепцию какого-то нового журнала. Кажется, мужчина собирался его издавать и почему-то он, пожилой и опытный человек, решил спросить у молодой девушки совета.

Рыжеволосая смело критиковала планы издания, предложенные седым, а он внимательно слушал.

– В Луна-Сити вам не найти журналистов для этой темы, – сквозь ресторанный шум доносился убеждённый голос девушки. – Вам придётся учить их на ходу, и первые полгода ваши материалы будут низкого качества... надо пригласить хотя бы временно двух-трёх профессионалов... на первых выпусках... зададут тон изданию и помогут неопытным репортёрам... дам информацию о подходящих аналитиках и обозревателях...

Ей не понравились и экономические выкладки, которые она бегло просмотрела в старомодной синей папочке:

– Выручка от подписки?...Быстро станете банкротом... флешреклама. Не стоит начинать журнал, не заручившись поддержкой главных рекламодателей, а лучше – краткосрочными контрактами. На первые полгода вам поверят... я могу в этом помочь... а потом они взвесят вашу популярность и решат ваше будущее... первые несколько номеров будут особенно важны.

Она одобрила рекламную кампанию, предложенную мужчиной:

– Щиты вдоль Мэйн-стрит и Уошингтон-авеню – это очень хорошо... модные журналы ещё разрешают рекламировать... и субботнее тиви... но рекомендую вам также добавить...

Тут заиграл джаз «Маджиано», и, к досаде юноши, он уже ничего не услышал из разговора за соседним столиком.

Одевалась девушка фантастично – непонятно как, но её облик действовал на юношу, да и на большинство окружающих мужчин совершенно пронзительно. Каждый день она была в новом платье или костюме; наряды отличали очевидная простота, абсолютное изящество и неотразимая эффектность. Возможно, главная роль в этом феномене принадлежала стройной фигуре девушки, но разложить на составляющие обаяние зеленоглазой красавицы не представлялось возможным. Может, она – девушка-модель? Но её разговоры с другими людьми демонстрировали, что она, скорее, принадлежит к кругу интеллигентных журналисток или деловых леди.

Итак, она была умна, хорошо воспитана и красива. Совершенно нереальное сочетание, клише плохих мыльных сериалов, а других соаппер

и не бывает.

Но что-то с девушкой было не так, и над этой загадкой молодой человек всё время ломал голову. Почему она всегда одна? Впрочем, это как раз было понятно: от девушки веяло полным равнодушием к любым комплиментам, так что галантные мужские языки при ней теряли гибкость. Молодые мужчины, ужинавшие с ней, всю старались понравиться девушке и, насколько мог юноша расслышать, делали это совсем неплохо. Но она осталась совершенно нетронутой этими усилиями.

Это непробиваемое равнодушие зеленоглазки и останавливало юношу от попыток познакомиться с ней. Он боялся всё испортить какой-нибудь неловкостью. Разбитую вазу в целую не превратишь. А в девушке ощущалась какая-то хрупкость.

Зеленоглазая не любила ничего менять в своей жизни и разыгрывала каждый день по истрёпанным нотам своих привычек. Так было легче жить.

Рано вставала и размеренно занималась гимнастикой, с неудовольствием слушая хруст суставов в предельных движениях. Потом забиралась под напористый душ.

На завтрак она пила холодный сок – каждому дню недели полагался свой сорт – и съедала небольшой бутерброд, запивая его чёрным кофе, сваренным по неизменному рецепту.

Сахар – одна крохотная ложечка.

Шла в офис – не торопясь, одним и тем же маршрутом, но стараясь побольше увидеть по сторонам.

Корявые японские вишни ещё не цвели, хотя солнце горячо уговаривало их всю неделю, а птицы на деревьях по-весеннему оживлённо пересвистывались. Бульвар, старинно вымощенный красным кирпичом, резко сворачивал вправо – на Мэйн-стрит в таком же староанглийском стиле, с трёхэтажными разноцветными домами, склеенными друг с другом и типичными для центра Джорджтауна.

Из уличного фона наблюдательный глаз девушки выхватывал воробья, топчущегося босыми лапами в мокром холодном газоне; библейский отблеск солнца вокруг головы золотой статуи; разлапистый сухой лист платана, застрявший в водосточной решетке ладонью утопающего.

Бульвар безошибочно – хоть бы раз заблудился – приводил её к знакомому пятиэтажному зданию с красной крышей. Девушка медленно поднималась на мансардный уровень по лестнице – пешком полезнее, чем в лифте, но потеть тоже не стоит – и тонула в работе на целый день.

Перерыв на обед, к сожалению, традиционно не отличался

постоянством: то номер журнала сдавался, и ей приходилось ограничиваться чашкой кофе за рабочим столом, то кто-нибудь из партнеров по бизнесу приглашал на ланч с приправой из деловой дискуссии.

Часто она ходила с сотрудниками в соседний суши-ресторан, стараясь узнать коллег не только с деловой стороны. Вечером – кино, концертный зал или бассейн. Ужин – в «Маджиано», в нескольких переулках от квартиры. Она любила этот ресторан в итальянском стиле и обычно каждый вечер здесь ужинала. Не бог весть какая кухня, но приятная, а от ресторанов трудно требовать большего. Причём близко от дома и уютно.

Погулять перед сном по оживлённой Мэйн-стрит, почитать, послушать новости, принять пару таблеток – и спать.

Броня привычек. Девушка напоминала разбитую дорогую вазу, которую потом хотя и аккуратно склеили, но уже обращаются с ней очень бережно, чтобы снова не сломать хрупкие скрепы черепков. Секретари – и компьютерный агент, и живая Мира – внимательно отфильтровывали всю поступающую информацию, чтобы ни один острый угол не вылез из газетной статьи или тиви-экрана и не разрушил ранимое спокойствие девушки.

Но одна вещь никак не отфильтровывалась и выбивала рыжеволосую из колеи.

Музыка.

Несколько раз в году она заставляла девушку врасплох – где-нибудь на улице или в кино. Наваливались тоска с воспоминанием, взявшись за дружные когтистые руки. И ничего не поделать – приходилось выдерживать эту пытку.

Жестокую. Сладкую.

Волнение достигало уровня нервной тошноты и затыкало горло душным кляпом. Девушка закрывала глаза и крепко сплетала пальцы, пытаясь сохранить хотя бы видимость спокойствия. Но ритм танцевальной мелодии – южной, страстной – захватывал, и девушка на пять минут теряла себя, тонула в прошлом.

Её руки взлетали на его плечи... Её талия изгибалась в его крепких руках, беззаботно испытывая их объятие на прочность... Их разгорячённые счастливые лица кружились на фоне завидующего зала. Нет! Это весь мир кружился вокруг них, а они были центром вращения вселенной, маленькой и эфемерной, сложившейся в считанные минуты, хрустально затвердевшей и уже не выпустившей её... Эти минуты были самыми счастливыми в её жизни. Так всё больше и больше казалось по прошествии долгих-долгих,

одиноких-одиноких лет.

В юности она была избалована вниманием и даже обожанием окружающих юношей. А она, красивая и уверенная в себе, совершила непростительность – влюбилась в худощавого парня, длинноносого и голубоглазого, совсем не светского и практически нищего. Да, он был очень симпатичен и танцевал как юный бог. Но это всё мелочи. Главное – в нём был какой-то прочный, добрый стержень. В его глазах жил ласковый свет, совершенно ненаходимый у других, суетливых и озабоченных только собой. Он обладал редким талантом – он умел любить.

Беда была в том, что он любил другую. Намертво, неотвратно, неизлечимо.

Это было горе. Девушка столкнулась с ним в первый раз за свою безмятежную жизнь.

И она не справилась, сломалась. Сорвалась, бросила учебу и скомкала свою судьбу.

Конечно, она так просто не сдалась, она боролась до конца. Сначала за него, стараясь вырвать его из цепких рук той... Здесь девушка обычно не находила нужных слов – они сгорали в прозрачной жаркой ненависти.

Когда же непоправимость судьбы стала очевидной и за него бороться стало невозможно, она стала драться за себя.

Она была красива, умна и богата – как может человек быть несчастен в таких условиях?! Она ездила по модным курортам и ходила по светским вечеринкам; за ней наперебой, отталкивая друг друга, с самыми серьёзными намерениями ухаживали лучшие молодые люди из высших аристократических кругов и даже один принц. Но никто, никто не высекал ни одной искры из обожжённого жёсткого комка, оставшегося у неё вместо сердца. Равнодушие к другим шло рука об руку с больной памятью о нём. Когда девушка видела его улыбающееся счастливое лицо на тиви-экране или в газетах, то острый нож взрезал её сердце, и она заходила в истерическом плаче или просто теряла сознание.

Обеспокоенные родители водили разбитую драгоценную девочку-вазу по психоаналитикам, психиатрам и даже гипнотизерам. Постепенно боль душевного разлома подёрнулась пеплом и жизнь стала как-то возможной, но этого оказалось категорически мало для счастья. Мужчины приглашали девушку в рестораны, на концерты, и она не дичилась, а спокойно соглашалась, равнодушно наблюдая за их попытками ухаживания – часто настойчивыми, иногда забавными, редко – отчаянными, но всегда бесполезными. Никого к себе она не приглашала после ужина и ни к кому в квартиру на чашечку кофе не поднималась.

У вас нет зажигалки? Спасибо за приятный вечер. Нет-нет – у меня много работы. Завтра сдавать журнал.

Вежливое вранье, конечно. Она это знала, и они знали или догадывались – и обижались. Холёные, самоуверенные, неглупые, но всё равно – неинтересные. Холодные. Скучные. Нежеланные.

Она ничего не могла с собой сделать. Не властна она оказалась над своими чувствами и, тем более, – над их отсутствием.

Ей казалось, что у неё украли жизнь. Длинную, счастливую. Отняли любимого человека, украли их семью, их детей. И ничего, ничего нельзя было поправить! У него давно своя семья, свои дети. Он любит, любим и счастлив, как она всё-таки слышала краем уха. Слухи доносились до неё, несмотря на тщательную фильтрацию инфоканалов.

А у неё нет семьи, нет ничего. Он – отвратительное холодное чудовище... бесконечно и безответно любимый человек... нечаянно унёс с собой её счастье и жизнь.

Он не виноват. Но и она не виновата – за что же она так жестоко наказана?

Сегодня в ресторане людей было больше обычного, но её любимый столик у фонтана стоял свободным, как и полагалось при постоянной резервации за хорошую плату. Она села за стол и закурила сигарету – первую и последнюю за день. Единственная не очень здоровая привычка, которую она себе позволяла. Сегодня оркестр развлекался джазовыми композициями. Девушке принесли её обычное белое бургундское, и она заказала ужин. Местный повар хорошо готовит равиоли с грибами. Жареная моцарелла в сухариках и с анчоусным соусом тоже отменна. А по пятницам здесь восхитительное эскарго.

Оркестр сделал паузу, которую заполнили негромкие голоса людей, стук серебряных ножей и звон хрусталя.

И вдруг – как свечи от порыва холодного ветра – все ресторанные звуки погасли от ритмичных кастаньет ТОЙ музыки. Опять!

Дыхание девушки прервалось болезненной судорогой. Она сцепила зубы и закрыла глаза. И всё равно перед ней снова возник гулкий зал с арочными потолками, и она снова подбежала к столику, где сидит он, и нескромно потянула его за руку...

– Разрешите пригласить вас на танец? – вдруг раздался негромкий голос.

Когда Майкл планировал свою будущую отчаянную попытку

познакомиться и представлял героический поход к столику зеленоглазой девушки, особенно пугала его мысль о последних нескольких метрах, когда она его заметит и начнёт в упор, безжалостно рассматривать. Это почему-то казалось невыносимым.

Оркестр громко заиграл танго, и Майкл заметил, что рыжеволосая замерла и даже закрыла глаза. Его сердце встрепенулось, и он, сам себе не веря, вскочил на ноги.

Майкл шёл к девушке, сидящей за столиком у цветочной стены, и волновался как никогда в жизни. Она сидела, закрыв глаза, и почему-то тяжело, прерывисто дышала. На тарелке дымилась сигарета.

– Разрешите пригласить вас на танец? – Тихий вопрос, заданный сухим непослушным голосом, заглушил громкую музыку и замедлил время. Закрытые веки девушки вздрогнули, и длинные ресницы стали подниматься, остро царапая оцепеневшего Майкла...

– Разрешите пригласить вас на танец? – раздался негромкий голос.

Она с досадой приоткрыла глаза и... стремительно распахнула их настежь.

Её сердце ударило в ребра, как в старинный колокол, и в ушах поплыл тягучий звон.

Перед ней стоял *он*.

Человек, о котором она столько лет старалась не вспоминать, – и всё равно вспоминала каждый день.

Человек, укравший у неё душу, – ненавидимый за это и всё равно отчаянно любимый.

Прошло двадцать лет, а она всё ещё не могла забыть его, как последняя дура, как безнадёжная психопатка.

Кто поймёт, что это такое – вспоминать каждый день в течение двадцати лет...

И вот перед ней стоял *он*! Его пронзительное лицо плыло на обжигающем фоне из той самой музыки.

Девушку охватило острое ощущение дежавю. Она сомнамбулически встала.

Музыка раздирала душу. Идти на ослабевших ногах девушка не могла и просто протянула к *нему* отяжелевшие трясущиеся руки.

Он, помедлив, шагнул к ней, и она обняла его, обвивая руки вокруг его шеи совсем не так, как надо для танца. Даже для южного страстного танго.

В ресторанном пространстве метались звуки барабанов, весело

разбивая страдания гитар на отдельные всхлипы. Юноша растерянно стоял, обнимая дрожащую девушку. Из её зелёных глаз текли слёзы. Она тесно прижималась к нему и что-то невнятно бормотала. Молодой человек совершенно не ожидал, что приглашённая на танец рыжеволосая красавица вдруг страстно обнимет его и начнёт беспорядочно целовать.

Вдруг девушка замерла в его руках, просто окаменела. И в следующий момент с силой оттолкнула его:

– Кто вы, чёрт бы вас побрал?!

С мокрого лица на юношу смотрели яростные изумрудные глаза. Он только успел выдать из себя:

– Я – Майкл...

В следующее мгновение девушка повернулась и выбежала из ресторана. Ошеломлённый молодой человек бросился за ней, не обращая внимания на окружающих, которые глазели на них с нескрываемым интересом.

Дверной проём загородила входящая в ресторан очень пожилая пара. Выскочив, наконец, из дверей, Майкл увидел, как девушка исчезает в салоне такси, поджидавшего клиентов. Такси рвануло с места в тот самый момент, когда юноша подбежал к краю тротуара. Пока подъехало следующее такси, машина с рыжеволосой красавицей уже скрылась за углом.

Майкл потерял её.

Расстроенный, он вернулся домой глубокой ночью, а нечаянные отчаянные поцелуи рыжеволосой всё ещё горели на его лице.

Она больше не приходила в ресторан, и её столик стоял пустым. После трёх дней безуспешного мучительного ожидания Майкл пошёл к менеджеру ресторана. Но тот даже за крупное вознаграждение отказался сообщить, кто арендатор этого столика.

– Извините, но я потеряю место, если скажу вам это! – твёрдо ответил седой старик-управляющий, и Майклу стало неловко давить на него. Он сел на бульварную скамейку, накрытую прозрачной тенью зимней сакуры, и стал думать.

Вдруг его осенило. Он не фотографировал девушку, привычно подчиняясь общепринятым правилам поведения, но несколько раз разговаривал из ресторана в видеорежиме. Майкл стал лихорадочно рыться в записях своего т-фона. Смотрел он не на свою физиономию, а на ресторанное окружение, пытаясь найти в нём рыжеволосую девушку. Проклятие! В кристалле т-фона девушка нигде не запечатлелась – Майкл

всегда садился к ней лицом, и при видеозвонках камера смотрела в противоположную сторону.

Неужели он ни разу случайно не повернул объектив? С падающим сердцем Майкл прошёл файлы марта, потом приступил к февралю. Ничего нет! Первый раз он увидел эту девушку пятнадцатого февраля. Вот и этот день. И здесь пусто! Он задумался.

Впервые он посетил этот ресторан в Рождество с компанией друзей. Потом заходил пару раз сам, а в середине февраля увидел девушку, остолбенел, погиб и стал проводить здесь каждый вечер. Он вздохнул и проформы ради просмотрел записи января и декабря. И вскочил на ноги, глядя на экранчик т-фона.

В Рождество, когда он впервые попал в этот ресторан, позвонила мать. И сейчас он смотрел мимо своей улыбающейся физиономии, болтающей какую-то поздравительную чепуху, и видел, как за его спиной рыжеволосая зеленоглазка с высоким мужчиной села за свой обычный столик. Он тогда не заметил её, зато увидела камера и даже, кажется, мама. Она странно запнулась на середине разговора и спросила:

– Ты часто ходишь в этот ресторан?

– Нет, мама, в первый раз пришёл! Бен с Джорджем затащили.

Тут заиграл оркестр, разговаривать стало трудно, и они с матерью попрощались.

Неужели мама знает эту девушку? Тут какая-то загадка! Обрадованный находкой, Майкл увеличил лицо девушки и заставил своего секретаря рыться в Инете «и до тех пор, пока ты не найдёшь эту девушку, ничем больше не занимайся!» Тот нашёл её почти сразу. Майкл прочитал добытую информацию и с силой ударил себя по лбу:

– Кретин!

Рыжеволосая девушка оказалась Элизой дю Снайдер. Девушкой, безумно влюблённой в его отца в колледжские времена. И мать, конечно, её хорошо знала. Вот почему она запнулась, случайно увидев Элизу в ресторане.

«Теперь всё понятно!» – Майкл взволнованно зашагал по бульвару взад и вперёд. Элиза на мгновение приняла меня за отца и кинулась мне на шею... А потом осознала, что я никак не могу быть почти сорокалетним мужчиной – и крикнула в ярости: «Кто вы, чёрт бы вас побрал?!»

Всё становится на свои места! Она может и не знать, что сын Джерри как две капли воды похож на своего отца – в его молодости, конечно!

Тут Майкл ещё раз стукнул себя в лоб, и пребольно.

Музыка-то была – танго! А об огненном танго, которое отец станцевал

с этой девушкой в Колледже, мама вспоминала не раз.

Майкл подошёл к Элизе в момент крайней её растревоженности и застал врасплох с её горькими воспоминаниями.

Загадка исчезла, оставив вместо себя острую иглу.

«Элизе – тридцать семь лет? Или тридцать шесть? Она ровесница моей матери...» – с горчащим отчаянием подумал Майкл и устало сел на бульварную скамейку. Он никак не мог поверить, что этой рыжеволосой девушке с точёными чертами лица, освещёнными глазами цвета молодой травы, больше двадцати пяти. Часто он вообще считал её своей ровесницей – ну, почти ровесницей... Но факты – упрямая вещь. Особенно биографические.

Тридцать шесть лет. Почти в два раза больше, чем ему...

Майкл тосковал. Он вяло делал университетские задания, по несколько дней не выходя из дома и заказывая себе еду из ресторанов. Он прекрасно знал причину своего дурного настроения.

У его тоски были зелёные глаза.

Он пару раз пытался перебить калёным железом хребет отвратительному душевному состоянию и закатывался с друзьями и девушками на весёлые пикники в парк, но, когда влюблённые парочки разбредались погулять, он оставался у стола, заставленного пустыми бокалами и грязными тарелками. Как быстро выяснилось, его держал невидимый и неодолимый якорь.

Девушки, пришедшие специально ради него, искательно заглядывали ему в глаза, с энтузиазмом смеялись любым его репликам, даже совсем не смешным, и были готовы настолько на всё, что это ужасно отталкивало. Он чувствовал себя на сто лет старше этих девочек... короче, он не мог быть совратителем малолетних.

Поворотило совратителя от самых ворот...

После второй попытки Майкл поставил крест на вечеринках и засел дома – с книгами и фильмами. Хандра не проходила, зато прошёл сон, и в темноте спальни Майкл часами лежал и думал ни о чём... и о ней. Элиза ранила его так глубоко, что было непонятно – чем лечить рассечённое сердце.

Как-то позвонила мама.

– Что с тобой? – сразу спросила она, чутко уловив подавленность сына.

– Да так... – неопределённо ответил Майкл.

– Влюбился! – уверенно догадалась мать.

– Кажется...

– Не кажется, а – да, – заключила мама. – А почему такая грусть? Неужели любовь безответна?

Майкл молча кивнул.

– Она что – уже замужем? – понимающе кивнула мать. – Или влюблена в другого?

Майкл отрицательно покачал головой:

– Насколько я знаю – нет.

– Ничего не понимаю, – удивилась мать. – Ты не сумел обаять одинокую девушку, в которую влюбился? Позор!

Майкл помедлил. Объяснить матери суть проблемы он не мог. Матери – про Элизу? Невозможно.

– Я думаю, что мы не подходим друг другу...

Когда он выговаривал эти слова, то чувствовал себя премерзко.

– Это обычно решает сердце, а не мозг... – изумилась мать. – Она что – глупа, больна, уродина, из социальных низов или ещё что?

– Нет, нет! – шарахнулся Майкл. – Она красавица и умница...

– Сын, ты меня пугаешь! – заявила мать. – Посоветуйся сам с собой, если не хочешь советоваться со мной: самому-то тебе – что надо, и, если что решишь, – пошевели мозгами и покори как-нибудь эту неприступную девицу! В любом случае – не кисни.

Майкл только улыбнулся. Мать помедлила, потом сказала:

– Я, конечно, категорически против серьёзных шагов без обдумывания... Но, вообще говоря, с тобой всё легче... ты не наследник династии и далеко не так жёстко ограничен в личной жизни, как твоя сестра... – Королева Николь вздохнула. – Впрочем, ты молод – у тебя будет ещё много таких трагедий и переживаний... Главное – не забывай звонить мне каждый день!

Майкл долго сидел перед выключенным т-фоном и думал, низко склонив голову над своей душой.

Если бы мама знала, о ком идёт речь, она разъярилась бы как настоящий леопард, а может, и прокляла бы Майкла, пригрозила бы отлучить от дома, от наследства и чего-нибудь ещё. Женщины теряют самообладание, когда речь идёт об опасной сопернице, даже давней. Но, конечно, это делалось бы для его, Майкла, блага...

Впервые в жизни Майкл подумал о матери не как о ласковой маме или мудром политике, а как о женщине, способной на безрассудные чувства и поступки. Это было странное ощущение: будто Майкл внезапно повзрослел и перешёл на новый уровень понимания жизни, на котором осознаёшь, что

никто не застрахован от неверных шагов, даже всезнающие и опытные родители. Рано или поздно наступает момент, когда ты должен решать и ошибаться в этой непростой жизни сам за себя.

Он быстро встал, надел куртку и вышел.

Элиза работала редактором журнала «Неотразимость стиля». Она, собственно, была его основателем и владельцем. Элиза придумала этот журнал пятнадцать лет назад, потом два года разрабатывала концепцию издания, изучала читательский рынок и подбирала сотрудников. И вот уже около десяти лет журнал не только окупал себя, но и приносил неплохую прибыль. Но доход мало волновал Элизу, хотя и был важным индикатором успешности журнала.

Ей было интересно работать журналистом, писать статьи, аналитические обзоры, прогнозировать тенденции в культурной жизни, самой способствовать позитивным сдвигам в социуме. Стилль оказался целым цивилизационным пространством – его быстро меняющиеся парадигмы возникали на стыке искусства и моды, рекламы и бизнеса, личных пристрастий и общественных предпочтений. Стилль существовал в одежде и литературе, в науке и архитектуре, в сексе и политике.

Стилль был средством спасения индивидуума в многомиллиардном безликом море. Стилль мог быть криком, а мог быть шёпотом. Чем тоньше стилль, тем он проникновенней, полагала Элиза. Агрессивность отталкивает, и только ненавязчивые послания трогают по-настоящему. «Настоящий стилль неуловим и неотразим» – это было кредо её журнала. Стилль отражает индивидуальность и одновременно приглашает к диалогу. Стилль – это тайный знак, который нужно расшифровать, а взаимная тайна сближает.

Элиза, одетая в светлый брючный костюм, не спеша шла по бульвару к редакции и обдумывала обложку нового номера. Девушка с удовольствием разглядывала свежую зелень, упорно пробивающуюся сквозь щели кирпичной мостовой, и до последнего момента не замечала Майкла, стоявшего возле бульварной скамейки с цветами в руках. А когда она увидела его прямо перед собой, то вздрогнула, как от удара по лицу, и мгновенно побледнела, не сводя с него глаз.

– Элиза, прошу простить меня... – начал взволнованный Майкл, неловко держа в руке букет белых лилий.

Элиза, тяжело дыша, невероятным усилием отвела глаза от Майкла и резко вздернула руку в жесте отрицания и отгораживания. Послышался прерывающийся голос:

– Зачем?.. Я не могу видеть вас... Вы меня убиваете...

Кожа Элизы обескровилась до синевы.

Майкл совершенно не знал, что делать дальше, и растерянно протянул ей букет:

– Это вам...

Но девушка не слушала его – схватившись за грудь, она дышала всё тяжелее и склонялась всё ниже, бормоча:

– Меня сейчас тошнит...

Но в следующий момент она потеряла сознание и упала на мостовую.

Вернее, упала бы, если бы Майкл в ужасе не отбросил цветы и не подхватил девушку. Сам бледный, как хрустящие под ногами лилии, он усадил её на скамейку, стоящую совсем рядом, и уже хотел вызвать медиков, как браслет на руке девушки помигал огоньками и сказал тоненьким голосом:

– Врач не нужен. Сейчас обморок пройдет. Прошу вас удалиться.

Майкл удивился и рассердился, но браслет настаивал:

– Прошу удалиться, иначе я прогнозирую ухудшение состояния пациентки!

Молодой человек не посмел перечить диагносту, но не ушёл, а отодвинулся за спину девушки и придерживал её за плечи до тех пор, пока она не пришла в себя и опасность падения миновала. Лишь тогда он отпустил её и неслышно исчез.

Майкл с невыразимым отчаянием смотрел издали, как Элиза встала со скамейки, прижала ко рту платок и, покачиваясь, побрела в здание.

Что же мне делать, если девушку, в которую я влюбился, начинает тошнить от одного моего вида?! Мое лицо вызывает у неё психологическую аллергию, рефлекторное отторжение вплоть до обморока...

Раздавленные белые лилии так и остались лежать на красном кирпиче грустным натюрмортом.

Элиза еле дошла до офисной комнаты отдыха и обливалась ледяной водой до тех пор, пока не смыла всю косметику с бледного лица. Потом она забралась в кабинет, напугав секретаря Миру мокрым взъерошенным видом, и заперла за собой дверь. Рухнула на диван ничком и пролежала так весь день, перекусывая успокоительными таблетками. Ни о какой работе она думать не могла и, в ответ на встревоженный крик Миры за дверью, отменила все сегодняшние встречи, хотя одна из них – с крупным рекламодателем – была важной, запланированной ещё месяц назад.

Редкие мысли, которые забредали в её больную голову, были странны.

Как она, упав в обморок, оказалась сидящей на скамейке? Почему ей кажется, что кто-то крепко обнимал её за плечи?

Домой она доехала на такси.

На следующий день Элиза с трудом взяла себя в руки и сумела немного поработать над макетом нового номера.

Постепенно всё улеглось и покатилося привычной колеей. Только ходить в редакцию Элиза стала по другой стороне бульвара – вид лавочки, возле которой у неё состоялось столь памятное свидание с молодым Уолкером, стал ей неприятен. Она даже подумывала об аренде здания в другом районе, но это грозило нарушением такого количества привычек, что Элиза отбросила идею, привлекательную лишь с одной стороны улицы.

После пятничного обеда пик деловой лихорадки в редакции достиг максимума – номер нужно было сдать сегодня, иначе некоторые бездельники будут работать в уик-энд!

В кабинет Элизы постучали, и посыльный в тёмно-красной ливрее с золотыми бляшками и позументами внёс корзину цветов – хорошо подобранную комбинацию из белых и голубых орхидей. Элиза недоуменно подняла брови, полюбовалась цветами и заглянула в корзину. Там лежал конверт с простым белым квадратиком бумаги, на которой была лишь одна рукописная строка:

Простите меня за то, что вызываю у Вас такие чувства.

Без подписи, но она и не нужна. Когда Элиза прочитала записку, то её всю передёрнуло от неприятного воспоминания и она уронила бумажку в мусорную корзину. К цветам она больше не приближалась – они так и остались стоять в углу, где их оставил вихрастый паренёк-посыльный.

Когда Элиза уходила домой, она покосилась от двери на корзину. Голубые орхидеи – фаленопсисы. Редкий сорт. И дорогой. Но для принцев всё дешёвка.

В субботу она вспомнила о цветах с некоторым раскаянием: не полила ведь. Надо было хоть Мире сказать. За что мучаются бедные твари?

В понедельник она нашла цветы заметно увядшими. Белые неженки особенно насупились на неё за невнимание. Элиза сдвинула брови в ответ и велела выбросить орхидеи. Еженедельный издательский поток дел захватил её, и она почти забыла о несчастной корзине.

Наступила пятница. И опять посыльный принёс цветы. Снова орхидеи, но другого сорта, мильтонии – и великолепные: алые с золотым сердечком. Записки не было. Элиза даже посмотрела ещё раз – не было. Но сами

цветы... Элиза хорошо в них разбиралась и поразилась тому, что ни разу не видела такого сорта. Изумительные растения.

У неё не поднялась рука на убийство такой красоты, и она не смогла оставить орхидеи на офисное увядание. Пришлось, нахмурившись, взять их с собой.

Элиза шла по бульвару и несла лёгкую пышную корзину в правой руке. Корзина была доставлена без каких-либо лент и подарочных бумажных оберток – именно так, как она любила: простая корзина из тёмных ивовых прутьев и цветы в некрашеном глиняном горшке. Больше никакой шелухи. Откуда он узнал?

Прохожие восхищённо смотрели на цветы, потом переводили глаза на Элизу и улыбались. О, ведьмы Бетельгейзе, нельзя не признать, что Элизе было приятно идти с ало-золотым костром в руке: он создавал атмосферу, искривлял пространство и притягивал взгляды. И грел саму Элизу.

Алые орхидеи настолько ей понравились, что она купила ящик с землёй и высадила их на балконе своей квартиры.

В следующую пятницу тёмно-красный посыльный, уже приветливо здороваясь с сотрудниками редакции и секретарём Мирой, принёс корзину не менее восхитительных синих орхидей-каттлей, усыпанных ярко светящимися звёздочками. Третий букет подряд караулила уже вся редакция, и не успел посыльный выйти, как в кабинет набились любопытные и загалдели:

– Вот так Элиза – снежная королева!

– Третий букет!

– В жизни не видела цветов такой красоты!

– Кто этот эстет?

– Он, наверное, страшен, как чёрт, поэтому бьёт прекрасными орхидеями. Коварный!

– Элиза, не томи! Как его зовут?

Другие разглядели корзину получше и закричали:

– Записки нет! Анонимный поклонник! На измор берёт, сволочь!

Элиза зарычала на нахалов:

– Всех уволю без выходного пособия!

Лишь когда сотрудники, жалобно стенающие и цепляющиеся за двери, были выдворены за пределы кабинета, Элиза подошла к корзине. Цветы были тёмно-синие, как южная звёздная ночь, и даже пахли тропиками. Записки действительно не было.

«И отлично!» – с облегчением сказала себе Элиза. Синие цветы она без колебаний забрала с собой и высадила рядом с алыми.

В следующую пятницу она уже невольно ждала прихода посыльного, который приходил обычно около четырёх. В половине пятого Элиза помрачнела, ругаясь на себя за это.

Посыльный пришёл без четверти пять и был награждён щедрыми чаевыми. Дверь за ним была сразу плотно закрыта.

Орхидеи были чёрные, с красными стрелами, сходящимися в лучистую сердцевинку. Элиза видела раньше много чёрных орхидей с разными оттенками у стебля, но крупные чёрные ванды с красными разрезами снова стали для неё сюрпризом. Стрелы на лепестках были цвета облачного рассвета, в них жила надежда на преодоление ночи.

Элиза наклонилась поближе – ощутить аромат. И неожиданно увидела в корзине квадрат плотной бумаги. Она резко выпрямилась. Игра не по правилам! Цветы – это одно, а... любые объяснения – это совсем другое!

Она с опаской взяла бумажный квадрат. Но это было не письмо, а цветная открытка с голограммой присланных чёрно-красных орхидей и типовым комментарием о новом сорте, который будет выставлен на ближайшей выставке цветов в Луна-Сити. Владелец гибрида – Аноним, название сорта...

«ЭЛИЗА»

Сердце Элизы невольно и быстро застучало. Она глубоко вздохнула, стараясь его утишить.

Любопытная Мира залезла в кабинет под предлогом подписи на документах, но на самом деле – поглазеть. Когда секретарь становится подругой, сладу с ней уже никакого.

– О боги, хоть бы мне кто-нибудь подарил ТАКИЕ цветы! Какая несправедливость: ей всё время дарят, а мне бы – хоть раз в жизни! Тогда можно было бы и помереть спокойно! – воскликнула она с такой завистью, что Элиза улыбнулась.

– Письмо! – завопила Мира, увидев цветной квадратик. – Ну, кто же он?

Элиза протянула ей открытку. Мира прочитала и рухнула в кресло босса, подкошенная ещё одним ударом несправедливой судьбы. Назвать уникальный сорт орхидей именем девушки, за которой ухаживаешь!

– Господи, да кто же этот мерзавец? – взвизгнула она. – Всю девичью душу истерзал. А может – ты его знаешь?

Элиза кивнула.

– Что ж ты молчала! – загорелись глаза Миры. – Ну, и что у вас? Что?

– Ничего, – пожала плечами Элиза.

– Почему? – поразила Мира. – Он женат?

Элиза отрицательно покачала головой.

– Предмогильный старик? Неисправимый дурак? Или всего лишь без ноги, руки и носа?

Элиза усмехнулась:

– Нет, нет и нет. Отнюдь. Мы просто не подходим друг другу.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Мира. – Ты давно с ним знакома?

– Я его видела два раза... мельком. – Элиза с острым смущением вспомнила свои сумасшедшие поцелуи в «Маджиано».

– Тогда я слышать не могу такую глупость! – разъярилась Мира и сразу переметнулась на сторону незнакомца, посылавшего цветы. – Мучить такого человека! Немедленно увольняюсь – пропадай тут одна, вечная дева!

– Увольняйся, – сухо сказала Элиза и отправилась домой.

Цветы она, конечно, взяла с собой.

Следующая корзина очаровательных оранжевых орхидей содержала, кроме цветов, конверт с белым простым листком, заполненным аккуратными рукописными строками:

Элиза!

Впервые я увидел Вас в «Маджиано» пятнадцатого февраля. С тех пор я проводил там почти каждый вечер. Я не знал тогда – кто Вы и как Вас зовут. Всё время хотел подойти, но почему-то не мог. Видимо, предвидел, что добром это не обернётся.

Мне очень не хватает этих ужинов в «Маджиано».

Подписи не было. Элиза сначала протянула бумажный прямоугольник к урне, но потом задержала руку и уронила письмо в ящик стола. С тех пор письма стали приходить в каждом еженедельном букете – один другого великолепнее. Балконное патио Элизы быстро превращалось в фантастическую оранжерею.

К письмам Майкл стал прилагать конверт со своим обратным адресом – он жил совсем рядом, как обнаружила Элиза, – и даже бумагой внутри. Только черкнуть слово и бросить в почтовый ящик. Но пять или шесть таких конвертов бесславно спланировали в урну.

В очередной корзине оказались не орхидеи, а гладиолусы, тюльпаны, герберы и астры – совсем разные цветы, но совершенно одинаковой расцветки – голубые с белыми кончиками лепестков.

«Интересная композиция!» – подумала Элиза и уже привычно, без

колебаний, открыла письмо.

Элиза!

Мне очень плохо последние месяцы, потому что за это время я ни разу не видел Вас. Я никогда больше не осмелюсь к Вам подойти, но, может быть, Вы ответите мне на письмо? Напишите мне хоть строчку. Меня всё глубже засасывает чёрная воронка отчаяния. Спасите меня.

И Элиза не выдержала. Продолжительно и взволнованно раздумывала, кратко и сухо ответила:

Майкл! К чему эти бессмысленные ухаживания, цветы и письма? Я не хочу иметь ничего общего с Вашей семьей. Не говоря уж о том, что я гораздо старше Вас и любой флирт между нами просто неуместен. За цветы, конечно, спасибо – они прелестны. Но предлагаю Вам прекратить посылать мне эти корзины.

Отправила письмо и упала сердцем. Но в следующую пятницу корзина снова прибыла, чему Элиза, безудержно краснея, очень обрадовалась.

Элиза! Спасибо! спасибо! спасибо! что ответили на мое письмо. Несмотря на то что Ваш ответ строг и холоден, я сегодня хожу совершенно счастливый. Так, значит, Вам понравились цветы? Вы не сразу выбрасывали их? О, как я рад!

Элиза долго молчала, но после бесконечных колебаний и раздумий сочла своё молчание невежливым. По каким-то трудноуловимым причинам.

Майкл! Это было бы кощунством – выбрасывать такие создания природы и человека. Они благополучно цветут у меня на балконе. Спасибо за сорт «Элиза». Я тронута, но снова советую прекратить ненужный ритуал ухаживания.

Элиза! Вы спасаете меня своими письмами. Мысль о том, что эти орхидеи цветут у Вас на балконе, является самой радостной новостью за последние месяцы.

Как мне хочется Вас увидеть.

Майкл! Вы непереносимы.

Элиза! Поверьте, я надоедаю Вам не по злему умыслу и не из-за легкомысленной прихоти. Я никак не ожидал полгода назад, что, случайно зайдя в «Маджиано», встречу там человека, видеть которого станет больше чем необходимостью. Но это случилось, и мне приходится с этим жить, обременяя и Вас. Простите. Я не знаю, что мне делать.

Элизу вдруг охватило сочувствие к Майклу.

Майкл! Не дай бог, чтобы Вы попали в такую же ловушку, как и я двадцать лет назад. Этот капкан сломал мне жизнь и душевное спокойствие. Постарайтесь избавиться от этого наваждения – знакомьтесь со сверстницами, ходите на вечеринки. Не замыкайтесь в себе и на мне. Я этого не стою.

Элиза! Спасибо за советы. Я уже пробовал отвлечься в обычных компаниях. Ужасно. С весны я смотрю на всех иными глазами. Вы настолько несопоставимы с окружающим миром, что он перестал меня интересовать. Стоите Вы этого или нет – я не знаю. Мои весы сломались.

Элиза с болью подумала, что эти слова точно отражают и её состояние. Её весы тоже сломались, и давно. И она написала самое длинное письмо в их диалоге.

Майкл! Я узнаю страшные симптомы своей болезни. Вы наверняка уже знаете, что в Колледже я безумно влюбилась в Вашего отца. Он был благороден и добр. Он умел самоотверженно любить. Увы, он полюбил не меня. Он так разительно отличался от своих сверстников, что я потеряла к другим юношам всякий интерес... В конце концов, он был просто по-мужски красив. Был – я говорю так, потому что для меня это безвозвратно ушедшее прошлое. Но душа в память о нём болит, не переставая.

Так странно обсуждать достоинства Джерри с его сыном, похожим на него как две капли воды... Вот уж никогда бы не подумала, что такое может случиться.

Элиза! Как Вам удалось выжить после этого?

Майкл, мне не удалось.

Элиза! Я похож на отца только внешне. Я – иной человек и, в отличие от него, влюблён в совсем другую женщину.

Элиза не ответила.

Элиза! Дайте мне увидеть Вас хотя бы по видеофону. Не включайте мою физиономию, которая Вам так противна.

Майкл! Вы втягиваете меня в яму, которую я всячески обхожу. Я не могу. Вы не понимаете природы моей болезни: Ваше лицо мне вовсе не противно... Наоборот. В этом-то вся беда. Оно просто убивает меня. Это врезавшаяся в кости память о старом душевном переломе до сих пор скручивает меня железной рукой.

Элиза! Я гибну. Мне нужно видеть Вас. Я люблю Вас.

Элиза поняла, что наступает кризис, и испугалась. Лицо Джерри... или Майкла?.. снилось ей каждую ночь. И Элиза целовала его, плача и просыпаясь в слезах... Она была растрожена до предела, и все её защитные скрепы трещали под напором этих чувств, цветов, писем. И она решилась – взяла обратный конверт из последней корзины совсем уж экзотических орхидей с жёлто-красными листьями и пушистыми зелёными цветами – и написала:

Я уезжаю. Желаю Вам выжить. Прощайте.

Элиза собралась за один вечер и улетела на Землю. Родительская вилла на полуострове Кап-де-Ферра всегда была для неё домом детства, где можно спрятаться от всех бед и страхов. Там нет посторонних, и никто не нарушит её покоя, так поколебленного в последнее время.

Глава 20

Светлячки кап-де-ферра

В аэропорту Ниццы Элиза села в обычное наземное такси – ей захотелось проехать по живописной извилистой дороге вдоль голубого моря.

Дорога на каждом повороте предъявляла замирающему сердцу знакомые места детства. Уже пятнадцать лет Элиза не жила дома, а только изредка навещала его, но всё равно этот берег оставался для неё самым родным местом в мире. Вот такси проехало по городской набережной, застроенной старинными многоэтажными домами, и стало забираться в гору. Море отдалилось вниз и распахнулось вширь, повернувшись вскоре тихим заливом – последней преградой между Элизой и островом её детства.

Такси уже минут пять стояло перед высокими коваными воротами, за которыми начиналась обсаженная кипарисами дорога к родному дому, а девушка никак не могла собраться с духом и открыть дверцу машины. Ей казалось, что, спрятавшись за родительскими стенами, она потеряет что-то важное и главное. Она предаст себя.

Нельзя вечно отсиживаться в укрытии, надо набраться смелости жить, каким бы рискованным ни казалось это авантюрное предприятие.

Может, скомандовать машине вернуться? Встретиться с Майклом, как бы ни тяжела была эта встреча, и на что-то решиться?

«И ты снова хлопнешься в обморок, или тебя стошнит, чудовище...» – горько подумала Элиза.

Её грустные размышления прервались – из ворот выбежали отец с матерью, и начались объятия, расспросы, поцелуи... Родители потащили Элизу и её чемоданы в дом, начали спешно готовиться к обеду с максимальным количеством любимых блюд любимой дочери.

Утром Элиза проснулась от того, что на лицо упал яркий солнечный луч. Она открыла глаза – и снова зажмурила их, ослеплённая, отодвинулась в тень от полузакрытой шторы. Окно было распахнуто, и утренняя свежесть вливалась в спальню Элизы вместе с многоголосым птичьим поскрипыванием, посвистыванием и пощечётыванием. «Сколько на этой планете птиц! – с удивлением подумала она. – Роскошь, которую, живя на Земле, просто не замечаешь, а обитая на Луне, быстро забываешь...»

Её не оставляло странное ощущение какой-то тяжёлой потери. «Что тут странного? – спросила она себя. – Ты всё потеряла – привычную жизнь, работу в журнале, которую передоверила легкомысленной Дженнифер, и даже собственную квартиру. О чём ты скорбишь больше всего?»

Тут она поняла, и это понимание ударило её как громом. «Сегодня пятница! Но я уже не получу корзину с орхидеями! И в корзине не будет письма – пусть короткого, но ласкового письма умного человека...»

Она села на кровати и тихо заплакала над своей жизнью, в которой и так было не много радости, а теперь там не будет его цветов.

Она уже не сможет выходить по утрам на балкон и наслаждаться буйным цветением орхидей, на каждом цветке которых написано – люблю... люблю... люблю...

Сумеет ли робот-мажордом позаботиться о них? Или они погибнут, как первая корзина с белыми и голубыми фаленопсисами?

Слезы на щеках Элизы доказывали, что она совершила ужасную неосторожность, разрешив душе проснуться и полюбить... но кого – Джерри или Майкла? Что болит в её сердце – старое эхо или новое чувство?

Девушка выпрямила сгорбленную спину и строго сказала себе: «Если ты не соберёшься с духом, то развалишься на куски и тебя отвезут в лечебницу или на кладбище... И это разобьёт сердце твоих родителей...»

Элиза была сильным человеком, который уже не первый раз собирал себя из обломков, и она смогла взять себя в руки.

Шли дни и недели, и жизнь Элизы постепенно наладилась. Ноты новых привычек выстроились и мерно зазвучали тихой мелодией. Даже сон Элиза сумела вернуть с помощью таблеток. Правда, подушка по утрам была частенько влажной, но Элиза давно знала, что от жизни слишком много требовать нельзя.

Девушка ходила с матерью по магазинам, где помогла ей с выбором одежды и купила себе несколько симпатичных костюмов и летних платьев. В Каннах она заглянула в «Вулфорд» и с удовольствием убедилась, что её прогноз на летние элитные моды полностью оправдался.

Она съездила с отцом в казино Монако и проиграла там несколько тысяч, что её немного развлекло.

Они с удовольствием прогулялись по парку с фонтанами возле казино. Прошлись и по набережной, где вдоль яхтенного строя сумасшедшие мотогонщики гоняются за Гран-при. Одна из яхт называлась таинственно: «Леди К.».

С тайной гордостью Элиза вспомнила название сорта чёрных орхидей, и ей стало немного трудно дышать.

Элиза затащила отца в узкие улочки старой крепости тысячелетней династии Гримальди, где девушка не была лет сто. На дворцовой площади стояли позеленелые пушки, которые давно уже никого не пугали, и браво шагал гвардеец в белом мундире и красном шарфе.

С крепостной скалы открывался отличный вид на рощи яхтовых мачт и густо стоящие изящные многоэтажные дома. На плоских городских крышах росли пальмы и цветы.

– Как здоровье короля? – спросила Элиза, оглянувшись на дворец Гримальди.

– Плохо, – озабоченно сказал отец. – В прошлую субботу он даже отменил нашу традиционную шахматную партию. Это тревожный признак.

– А принцесса здесь?

– Она уехала на месяц в Нью-Йорк, у неё там какая-то выставка...

Держалась замечательная погода, и каждый вечер Элиза с родителями ужинали на веранде виллы, с фоном из закатного моря и чаячьего аккомпанемента.

– Сегодня встретила Джоан Полякофф, – сказала мать. – У неё дочь Настя родила сразу двойню, и теперь Джоан настолько в хлопотах, что даже перестала посещать фитнес-клуб. Им стало тесно, и муж Насти спешно ищет новый дом. Деньги у него есть, но на полуострове трудно с жильём... а Настя не хочет уезжать далеко от родителей.

Новость ужалила Элизу в сердце. Настя Полякофф была её давней подругой, и вот – у неё двойня, муж, семья... А у неё...

– Всё, на что они могут рассчитывать, – это снять у кого-то пустующую виллу. Но я не помню свободных домов, – задумался отец. – Разве что вилла Уайтшильдов, но её аренда не по зубам для Полякофф.

– Да, совсем забыла такую новость! – воскликнула мать. – Виллу Уайтшильдов кто-то купил!

– Да? – поразился отец. – Они же не выставляли её на продажу! Кто купил и за сколько?

– Никто не знает, – покачала головой мать. – Сделка проходила не через риелторов острова.

– Надеюсь, хозяин окажется не из... – и отец политкорректно прикусил себе язык.

Когда подали десерт, мама осторожно приступила к любимой теме: стала расспрашивать Элизу – не ухаживает ли за ней кто-нибудь с далеко идущими намерениями? Или, может, она за кем-нибудь решила

поухаживать – в духе современных веяний, которых мама не одобряла, но была готова поступиться убеждениями ради счастья дочери. Элиза хотела, как всегда, отшутиться, что никто на неё не клюёт даже с не так далеко идущими намерениями, но тут какой-то чертёнок потянул её за язык:

– Есть один настойчивый человек...

Надо было видеть, как встрепенулась мама.

– Кто он? – почти закричала она напряжённым голосом.

– Неподходящий человек, – прямо сказала Элиза, – я просто не могу смотреть на него без содрогания...

Отец, тоже было оживившийся, горестно вздохнул и безнадежно махнул рукой.

Но мать не отступалась.

– Что с ним не так? – умоляюще стала расспрашивать она. – Он старый или страшенький?

– Он молод и красив, – призналась Элиза, и её сердце замерло на полустуке и ухнуло вниз. Говорить с родителями на эту запретную тему оказалось сладко и волнующе.

Мать встревоженно заёрзала:

– Может, у него что-нибудь с психикой? Или он совсем из простых? Почему он тебе не нравится?

Элиза взяла и прыгнула в холодную воду:

– Это Майкл, сын Джерри и Никки. Он гораздо моложе меня. И он... похож на Джерри как две капли воды.

– А-а! – взревел отец. – Да что это за издевательство! Когда эта семья оставит нас в покое! Сколько они будут тебя мучить? Чтобы они все провалились в какой-нибудь лунный кратер!

Отец бушевал, а мать сидела совершенно растерянная.

– Что он хочет? Он не знает – кто ты? – спросила она.

– Сначала не знал... – сказала Элиза. – Потом узнал... и не передумал... Но я не могу видеть его... – Элиза зябко поёжилась от неприятного воспоминания. – Поэтому он просто присылает каждую неделю цветы... великолепные орхидеи. Он ни в чём не виноват, он хороший человек...

– Не защищай этого обормота! Яблочко от яблони недалеко падает! – свирепел багроволицый отец. – Его отец сломал твою карьеру и всю жизнь! Ты не смогла закончить Колледж! Сидишь в каком-то журнальчике, а могла бы выйти замуж за принца!

– У меня лучший в мире журнал! – обиделась Элиза и за себя, и за Майкла. – И Майкл тоже принц!

– Он не принц, а незаконный отпрыск королевы! Бастард! – не успокаивался отец. – Вот почему ты приехала – сбежала от этого мучителя! Попался бы он мне на расстоянии выстрела дробовика!

– Анри, прекрати скандалить! – прикрикнула на него мать. Отец махнул рукой и выскочил с веранды, хлопнув дверью.

Мать села рядом с расстроенной Элизой и ласково обняла её.

– Майкл очень славный... Знаешь, новый сорт чёрных орхидей он назвал «Элиза»... – шепнула девушка и заплакала на плече матери. – Но я совершенно, совершенно не могу видеть его лицо...

Тут и мать заплакала.

Узкая полоска заката, перечёркнутая одиноким тёмным парусом, вспыхнула алым в последний раз и тихо растаяла. Но звёзды на небе не появились – из-за гор напоззли тучи и стали накрапывать тёплым дождём. Небо тоже любит поплакать над осколками разбитых людских надежд.

Элиза посетила Настю Полякофф и полюбовалась её младенцами – краснолицыми, крикливыми и всеми обожаемыми. Элиза смотрела на суетливое вращение людей вокруг этой двойной звезды и думала о том, что эти близняшки – мальчик и девочка – скоро вырастут в красивых молодых людей. И у них будет своя интересная жизнь – озарения и переживания, мечты и любовь.

Целых две многообещающих вселенных лежали в соседних кроватках и пускали пузырьстые слюни.

«У меня тоже будут такие замечательные дети! – вдруг подумала Элиза с неожиданной уверенностью и даже сама спохватилась: – Что это ты взбунтовалась, вечная дева?»

Возле пристани, на набережной с фривольными бронзовыми статуями девочек-эльфов, Элиза встретила подружек школьных лет: Рэчел и Тону. Они затащили её в простонародный ресторанчик в Виллафранче, где еду, совсем неплохую, подавали не элегантные официанты или миловидные официантки, а какие-то простецкие матросы-балагуры в потёртых джинсах и клетчатых рубашках. Они давали посетителям бодрые советы насчёт меню и смело трепали женщин по плечу, то и дело раздражаясь громким смехом, энергичной жестикующей и даже какими-то итальянскими серенадами.

Виллафранча по-прежнему оставалась весёлым курортом для небогатых людей, и в тёплый залив прямо с набережной загружались пышно-теплые пожилые немки или шведки. Они долго плавали вдоль камней, зычно перекрикиваясь, а потом на тротуаре переодевали мокрые купальники под полотенцами, весело хохоча, когда чьё-нибудь покрывало

нечаянно падало. Элиза даже позавидовала их жизнерадостности. Она тоже с удовольствием купалась в море, но обычно у себя – на более респектабельном острове.

Девушка вышла из тёплой воды, смахивая с лица солёные капли, и с удовольствием оглянулась вокруг.

Небольшой пляж из мелких гладких камешков был окружён живописными скалами, заросшими соснами. На мысу белела вилла с зубчатой башней.

С пляжа открывался красивый вид на гористый материковый берег.

На фоне гор быстро шло длинное чёрное судно. «Яхта Рэчел...» – автоматически отметила Элиза, вытерлась полотенцем и переоделась в лёгкое короткое зелёное платье.

Она шла по хорошо знакомой тропе, беззаботным хвостом собаки виляющей по каменному берегу полуострова Кап-де-Ферра. Солнце, в сговоре с морской волной, пускало в глаза девушки ослепительные зайчики. Чайки неодобрительно кричали, но солнце не обращало на них внимания и отстало от Элизы лишь после очередного поворота дорожки.

По правую руку девушки уходил вверх склон, заросший невысоким лесом и кустарником. В глубине леса прятались старинные виллы с садами и террасами. Элиза прожила на полуострове много лет и знала всех местных домовладельцев.

Слева светлые скалы, разрезанные волнами на слоистые жёсткие гребни, спускались к морю всё ниже, пока не окунали разбитые потемневшие головы в белые пузыри прибоя. Иногда прозрачно-зелёная бухточка, протиснувшись между камней, приближалась к самой тропинке, и Элиза с удовольствием смотрела сквозь спокойную воду на донный хаос.

Девушка прошла маяк и свернула на любимую часть побережья – западную. Широкая дорожка превратилась в узкую каменистую тропу, над ней нависли скалы, закутанные в хмельной плющ и дикий виноград. Море провалилось вниз футов на сто, а тропинка запетляла, закачалась, балансируя на самом краю отвесного обрыва.

Впереди показалась спина человека, бредущего в том же направлении, но медленнее, чем Элиза. Мужчина был одет в белую обтягивающую майку и бежевые шорты. Голова непокрытая, коротко острижена бобриком. Человек шёл медленно, о чём-то размышляя, сцепив руки за широкой спиной. Элиза понимала толк в красоте человеческой фигуры и залюбовалась атлетически сложенным незнакомцем.

Девушка вспомнила, что уже несколько раз встречала этого высокого

человека на причале и в местной таверне. Они даже по-соседски стали кивать друг другу.

– Привет! – по-сельски дружелюбно сказала Элиза, догнав незнакомца. У неё сегодня было хорошее настроение.

Он был густо бородат, в больших чёрных очках.

– 3-здравствуйте, – заметно вздрогнув, торопливо ответил человек.

– Я вас напугала? – засмеялась Элиза.

– Нет, – улыбнулся незнакомец. – Просто я задумался.

– А я встречаю вас на острове уже не первый раз! Вы здесь в гостях или просто отдыхаете?

– Нет, – замялся человек. – Я сейчас тут живу, купил по случаю домик...

– Что? – поразилась Элиза. – Вы говорите о вилле Уайтшильдов? Ничего другого здесь давно уже не продавалось!

– Да, – кивнул человек, – я купил дом у них.

– Ничего себе – домик! Одна из лучших вилл полуострова с самым шикарным парком!

Человек смущенно пожал плечами:

– Да уж, эти Уайтшильды выжали досуха мой банковский счет... Вот подумываю заняться рыбной ловлей – всё-таки бесплатное питание к столу... – с какой-то неловкостью в голосе пошутил бородатый человек.

Элиза расхохоталась.

– Да почти все семейства полуострова посылали вам свои приглашения! Вы можете на званых обедах питаться бесконечно, особенно в семьях, где есть девушки на выданье! Ой, извините, я вас, может, преждевременно записала в холостяки – просто вы выглядите довольно молодо...

Бородач опять поднял плечи:

– Э-э... я, действительно... э-э... холостяк.

– Почему же вы не приняли ни одного приглашения? – удивилась Элиза. – Вы стали загадкой для местной публики, а некоторых знатных леди даже здорово разозлили.

– Этого я не хотел... – вздохнул бородатый незнакомец. – Я и сам не знаю – почему никуда не хожу...

– А если я вам пошлю приглашение? – заинтересованно спросила Элиза. – Придёте?

– Если вы пригласите... то приду, – странным голосом согласился мужчина. – А почему вы раньше меня не приглашали? Что, у вас нет никого... на выданье?

– Совершенно верно. У нас в доме нет юных девушек. Я самая молодая в семье и давно снята с аукциона! – Элиза рассмеялась с горчинкой.

Мужчина открыл рот – что-то спросить, но снова сжал губы, так ничего и не сказав.

– Договорились! Я приглашаю вас и зову всех остальных островитян, – оживлённо заключила Элиза. – И устрою вечеринку года, давно я не веселилась... Согласны?

– Да... – по-прежнему с какой-то неловкостью отвечал мужчина.

– А вы меня не пригласите посмотреть на парк Уайтшильдов? – спросила Элиза. – Только учтите... я действительно интересуюсь парком – о нём столько говорят, а я его ни разу не видела... хотя даже статью о нём напечатала в своём журнале. Поэтому хочу увидеть этот парк при свете дня, а не в интимном сумраке. Я говорю это сразу, чтобы потом не возникло недоразумения...

– Конечно, приглашу, – просто сказал мужчина и кашлянул. – Недоразумения не возникнет.

Они шли рядом по тропинке, и незнакомец, разговаривая, вежливо держал голову повернутой к Элизе. Поэтому он скоро споткнулся о корень, едва не упав, и его щёки между бородой и очками покраснели, что вызвало смех девушки.

Они по-дружески болтали, и Элиза показывала новому островитянину самые красивые места родного полуострова: живописные скалы, лесные рощи, прозрачно-голубые заливы.

Спустившись первым с крутой каменной ступеньки на тропинке, незнакомец несмело подал Элизе руку, и девушка, улыбнувшись такой робкой вежливости, не свойственной нынешним молодым мужчинам, опёрлась на его ладонь – весьма крепкую, как она с удовольствием заметила.

Тропинка нырнула в зелёный тенистый тоннель, образованный нависшими со скалы кустами, а потом выбежала к отвесному обрыву над небольшой голубой бухтой. По краям заливчик окаймляли острые мысы, разбивающие морские волны. Поэтому сама бухта была спокойна и прозрачна до глубокого каменистого дна, виднеющегося под самой скалой.

– Мое любимое место! – воскликнула Элиза и обвела рукой средиземноморский пейзаж невероятной красоты. – У этой бухты я обычно отдыхаю и отсюда возвращаюсь домой... или шагаю дальше – по кольцу вокруг полуострова, но всё равно – прогулка считается настоящей, только если я дохожу до этой лавочки.

Элиза села на каменную скамью в тени невысокой узловатой сосны, заплетённой бело-зелёным хмелем.

– Можно мне присесть рядом? – опять как-то несмело спросил мужчина.

– Садитесь! – Элиза приветливо похлопала по скамье рядом. – Мне с вами почему-то легко разговаривать. Вы – непривычный: приветливый и неназойливый. И какой-то забавно робкий...

Тут Элиза со смущением поняла, что она-то как раз необычно смело разговорила. Но мужчина деликатно не стал углубляться в неосторожный поворот разговора.

Они стали беседовать, и незнакомец нравился Элизе всё больше и больше. Что-то в этом человеке располагало к откровенности. Он был спокойно добрый и не пытался покорить её обаянием, блестящим интеллектом, хвастливыми рассказами о своих спортивных, мужских и деловых победах и прочей мишурой, которую обычные кавалеры стремительно выхватывают из карманов при виде любой женщины до семидесяти лет. И Элизе почему-то казалось, что собеседник даже немного побаивается её. Вот уж совсем странно!

– Вы столько замечательного мне рассказали и показали... – пробормотал мужчина, сидя рядом с девушкой и часто искоса поглядывая на неё сквозь тёмные очки.

– А ещё здесь есть пещера! – вспомнила Элиза, вскочила на ноги и подошла к самому краю обрыва. Она попробовала заглянуть вниз, но ничего не увидела из-за разросшихся пучков травы на краю пропасти.

– Эх, заросло! – подсадовала Элиза. – Раньше были видны гнёзда чаек.

Она снова вытянула шею к краю обрыва.

– Страшно! – поёжилась она при виде стофудовой высоты.

Мужчина встал со скамейки и протянул девушке руку.

– Можете уцепиться и поглядеть вниз.

– А если я вас стяну в пропасть? – засмеялась Элиза. – Или я вам надоем, и вы меня бросите в воду?

Незнакомец не спеша взял другой рукой за корявый, но прочный ствол низкорослой сосны.

– Я вас ни за что не брошу. Вы можете мне довериться.

И столько искренности и уверенности было в его голосе, что Элиза с каким-то удовольствием помедлила, а потом смело протянула бородачу свою руку. Незнакомец не взял Элизу за ладонь, а крепко и надёжно охватил её запястье. Она мгновенно перестала бояться, сделала шаг и

далеко наклонилась над пропастью, доверив свою жизнь этому странному человеку.

На склоне она увидела знакомую узкую пещеру и птичье гнездо. Но там сидела не чайка, а чёрная птичка со светло-серой грудкой. Заметив круглым блестящим глазом Элизу, птичка испуганно пискнула и вспорхнула, открыв несколько пёстро-зеленоватых яицек внутри аккуратного травяного бублика. Больше в пещере ничего интересного не было.

Напротив полуострова, за Русским заливом виднелась старая цитадель Виллафранчи и живописные дома под красными черепичными крышами. Средиземноморские здания, рассыпанные по крутому склону, вжимались спиной в скалу и выстраивались над узкой набережной, глядя вниз, на прибой и приезжих.

Элиза окинула взглядом море с парусами яхт, и знакомый с детства пейзаж ласково обнял её, смятённую событиями последних месяцев. Она, паря над пропастью, вытянула вперёд свободную руку и почувствовала себя безмятежной птицей, скользящей над прозрачными волнами. И все проблемы остались на земле, отделились, показались неважными на фоне этой ослепительной красоты – моря, парусов и скалистых берегов...

Она уж и не помнила, когда себя так хорошо чувствовала. Может, солнце по-особенному светило сегодня, или ветер нёс необычно душистую пыльцу... или сыграла роль крепкая ладонь, надёжно держащая её запястье.

Но пора было возвращаться на землю. Элиза легко могла выпрямиться сама, но почему-то попросила:

– Верните меня, пожалуйста...

И ласковой силой была немедленно поставлена на прочную каменистую тропу.

– Спасибо! – сказала Элиза, взволнованно дыша от пережитого ощущения. – Вы держали мою жизнь в своих руках, но благородно не воспользовались этим и даже не потребовали выкуп! – засмеялась она.

Мужчина улыбнулся и промолчал. Они стояли совсем рядом друг к другу. Его грудь тоже тяжело вздымалась, а по щекам стекали капли пота.

– Что-то вы бледный! – отметила Элиза. – Возможно, солнце напекло вам голову.

– Возможно... – сказал он.

– Вот было бы забавно, если бы вас хватил солнечный удар и вы меня упустили бы в воду, – усмехнулась Элиза. – Что тогда стали бы делать?

– Я сделал бы вот так, – бледный незнакомец встал на край обрыва –

там, где раньше стояла Элиза. В следующую секунду он снял очки и бросил их на гравий.

И прыгнул с обрыва вниз головой.

Элиза ахнула и подбежала к самому краю пропасти, едва не последовав за бородатым человеком.

Тело мужчины летело вниз несколько длинных секунд и, наконец, взорвало воду высоким всплеском. Элиза хорошо видела, как окутанная белыми пузырями стрела пронзила стекло бухты и изогнулась в зеленоватой глубине. Описав дугу в солёной толще, человек вынырнул на поверхность.

Живой!

Всхлипнув, она зачем-то схватила с земли тёмные очки и поспешила вниз по известной ей тропинке – узкой и головоломной.

Когда Элиза спустилась, мужчина уже выбрался из воды и стоял на самом краю каменной россыпи.

Девушка свирепо налетела на незнакомца:

– Чудовище! Вы меня до смерти напугали! А если бы вы разбились?! Сумасшедший!

Она, бледная и разозлённая, ударила в широкую грудь незнакомца кулачком и в следующее мгновение оказалась в неожиданном объятии.

– Элиза, – сказал мужчина сдавленным голосом. – Я люблю вас.

Она не поверила своим ушам. Он знает, как её зовут? Она подняла глаза на его бородатое мокрое лицо, по которому бежали крупные солёные капли.

– Вы кто? – ошеломлённо спросила Элиза, у которой не осталось сил освободиться от держащих её мускулистых рук.

– Я – Майкл, – произнёс упавшим голосом мужчина.

О боги!

Элиза отстранилась от незнакомца и потрясённо всмотрелась в его лицо. Короткий бобрик вместо длинных волос, усы и мягкая борода во все щёки. Чёрных очков уже нет.

– Не может быть, – слабо сказала она, начиная прозревать мучительно знакомые черты, – у вас карие глаза, а у него...

Незнакомец быстрыми движениями снял контактные линзы, и Элиза увидела знакомые голубые глаза Джерри. Её опять окутало ощущение дежавю. Ноги её ослабели, и в ушах зазвенело...

Когда Элиза пришла в себя, её голова покоилась на груди Майкла, а он крепко обнимал девушку.

Она не видела его лица – перед глазами стояло море, но она остро

чувствовала руки Майкла.

Удивительное ощущение.

В этих сильных руках была такая проникающая в душу надёжность, что Элиза не находила в себе сил, чтобы вырваться из объятий обманщика.

Она долго наслаждалась неожиданным чувством, глядя на тёплое близкое море. Оно ласково плескало на девушку солёными брызгами, и они текли по лицу Элизы. Майкл молчал, поглаживая её плечо. И слова были совсем не нужны, и шёл между молодыми людьми какой-то быстрый сбивчивый диалог касаний, дыханий и сердцебиений, который был умнее слов и убедительнее доводов.

Элиза смотрела на море, грелась в тесном объятии и слушала сбивчивые удары двух взволнованных сердец. И вот они совпали и застучали в звонкий унисон. И от тёплых капель этих ударов что-то холодное таяло в душе девушки...

– Ты действительно любишь меня? Ты правда никогда меня не бросишь? – спросила она еле слышно.

– Люблю... и никогда не брошу, – сказал над ней встревоженный голос, и грудь, к которой прижималась Элиза, взволнованно задрожала.

И Элиза не выдержала. Она заплакала сильнее, потянулась и робко обняла Майкла за шею. А он нежно стал целовать солёное лицо девушки, и с каждым его поцелуем отлетал ещё один окаменелый черепок с её замороженной души. И, наконец, она по-настоящему поверила; взяла его лицо в руки, вдохнула его дыхание и стала ненасытно и бесконечно пить чудесную влагу его губ.

Ей двадцать лет не давали поцеловать любимого человека.

Мраморный пол веранды отгораживался стеклянной стеной от дубового паркета огромной гостиной виллы Уайтшильдов. Солнце уже садилось в море, окрашивая персидские узоры настенных ковров в красноватый оттенок.

Элиза сидела на диване рядом с бородатым незнакомцем. Конечно, он уже давно не был незнакомцем, да и сидели они вполне неформально – оба в махровых халатах, приняв душ после морского купания. Честно признаем – душ они принимали порознь, но сидели, тесно обнявшись. Элиза просто тонула в атмосфере любви, такой непривычной и незнакомой для неё. Но вот она с трудом вынырнула на поверхность, глотнула воздух горячим ртом и взволнованно шепнула:

– Я боюсь...

– Почему ты боишься?

– Я боюсь, потому что мне страшно!

– Логично. Тогда мы подождём, пока твой страх не распадётся на мелкие снежинки и не растает. Ты уже не падаешь в обморок от моего вида. Это отличный признак!

И Майкл снова стал целовать её рыжие волосы, зелёные глаза и взволнованный полуоткрытый рот.

– Почему ты так терпелив, почему ты не ругаешь меня и не топаешь ногами? – спросила она, еле переводя дух от его поцелуев.

– Потому что нам некуда спешить, впереди у нас – вечность... – ласково сказал он. – Ты для меня драгоценнее всех королевств, и мы всегда будем вместе... я никогда не брошу тебя и никому не отдам... и не буду топтать на тебя ногами... ты можешь мне верить...

Если есть на свете лечебный дождь, то это был исцеляющий ливень – уверенных слов и страстных поцелуев. Горячий ручей размывал какие-то последние ледяные барьеры в груди Элизы, и вдруг что-то лопнуло у неё внутри.

Сердце девушки захлестнуло обжигающей волной.

Элиза вскрикнула и одним рывком вскочила с дивана. И потянула за собой ничего не понимающего Майкла. Поставила его перед собой в ярко освещённой ванной комнате, выжала депилятор на свои ладони и стала убирать его бороду.

Сдерживаясь изо всех сил, она делала это не спеша, приблизив глаза к самой его коже, нежно и аккуратно освобождая от каштановых упругих волосков уголок его рта, который порывался что-то сказать и разумно смолчал... вот она открыла гладкую худощавую щёку... верхнюю губу четкого молодого абриса... подбородок с волевой складкой...

Она изо всех сил старалась не смотреть на его лицо целиком, фиксируясь лишь на том кусочке, над которым она с наслаждением трудилась красивыми тонкими пальцами. Его ароматное дыхание веяло ей в лицо и кружило голову... как-то так получилось, что вместе с клочьями бороды на пол упал и халат Майкла. И вот Элиза зажмурилась, отодвинулась на расстояние вытянутой руки и, задыхаясь в гулком сердцебиении, распахнула глаза...

...и увидела его лицо.

Пронзающее душу насквозь. Встревоженное. Бесконечно дорогое.

Её сердце застучало как сумасшедшее, но она не отвела глаза и выдержала этот эмоциональный ураган. Это было лицо не юного Джерри, а взрослого Майкла – уверенное, волевое, с высоким лбом под коротким ёжиком волос. Самое главное – это было лицо влюблённого в неё человека.

Элиза даже забыла дышать, ненасытно глядя на него – обнажённого и прекрасного, как античный бог с умными голубыми глазами. Её сердце вспыхнуло огнём, и она отчётливо поняла, что совершенно ничего не боится.

И не может ждать ни вечности, ни секунды.

Ещё одна махровая хламида упала на пол.

– Как ты посмел так долго мучить меня? – гневно сказала Элиза.

Огромный парк Уайтшильдов был задуман и исполнен как живописное произведение, где красками служили деревья и цветы, статуи и фонтаны, самый знаменитый из которых исполнял цвето-водо-музыкальные симфонии.

В середине парка, на холме стояла беседка, где мраморная обнажённая купальщица бесконечно долго ловила спадающую накидку, а от беседки сбегал ручей – по водопадным ступеням, заросшим по бокам лохматой травой.

Дорожки легкомысленно петляли среди сосен, кактусов и тропических цветов, пересекая участки парка, превращённые в разные зоны – тропические джунгли, пустынную саванну, восточно-азиатские пейзажи. В густых зарослях скрывалось множество беседок, скамеек и укромных уголков. Элиза и Майкл бродили здесь уже неделю, но всё ещё обнаруживали незнакомые места. В японской бамбуковой роще темнел прудик, где красные и белые рыбы бесшумно парили над илистым дном. В каменном саду из греческих и римских скульптур и барельефов жили злобные почернелые гномы с побитыми лицами.

Тропинка привела Майкла и Элизу в крошечную ажурную беседку, прилепившуюся над скалой. Девушка услышала характерную залиvistую трель и сказала Майклу:

– Твой т-фон звонит.

– Нет. Это птица, живущая по соседству, выучила его звонок и передразнивает.

– Смени звонок на более сложный.

– Не хочу. Мне нравится её нахальство.

Элиза улыбнулась, села на скамеечку и продолжила разговор:

– Мне нужно было выделить свой журнал из общей массы модных изданий, привлечь к нему внимание. Тогда я выпустила журнал в простой чёрной обложке, на которой кроме названия была написана крупными белыми буквами только одна фраза: «Извините, но этот журнал не для вас». Журнал был упакован в пластик, и открыть его можно было, только купив.

Этот номер разошёлся десятикратным тиражом. С тех пор я оставила на чёрной обложке лишь три элемента – название «Неотразимость стиля», одну эффектную картинку номера и слова «Журнал не для всех». Установившиеся после той эпатажной обложки тиражи были в два раза больше, чем начальные. Элементарный психологический трюк – ведь ничто так не ранит душу человека, как мысль, что что-то, возможно замечательное, существует не для тебя, не нуждается в тебе...

Элиза помедлила и неожиданно сказала:

– Именно поэтому я так страшно мучилась, когда видела Джерри и Никки вместе. Они жили в своей вселенной, а я понимала, что мне туда хода нет... Это было просто невыносимо – как будто чудесный мир рядом и недоступен. Как мне хотелось быть там – рядом с твоим отцом... Но место было уже занято...

После паузы она продолжила:

– Джерри всегда притягивал меня, и однажды я решилась и совершенно нахально утянула его на балу выпускников... Я станцевала с ним самое огненное танго своей жизни! Это было как удар молнии... я мгновенно влюбилась в него по уши...

– Мои родители часто вспоминали это танго, ты – своего рода легенда нашей семьи и кошмар моей матери.

– Это она – мой кошмар... – Глаза Элизы вспыхнули ярким огнем старой ненависти, и девушка не сразу справилась с волной чувства. – А твой отец – редкость, зная его, я уже не могу всерьёз воспринимать других мужчин, они... ну, просто пустое место... За исключением тебя, конечно... потому что ты – чудесная реинкарнация Джерри...

И Элиза псевдоцинично и храбро заявила:

– Твой несомненный плюс, что ты моложе, чем он...

Майкл засмеялся этому испуганному нахальству и притянул к себе девушку.

– За такой поцелуй двадцать лет назад я отдала бы душу... – сказала она, оторвавшись от губ любимого человека и глубоко вздохнув.

– А сейчас?

– А сейчас – уже отдала... слава богам за смерть сослагательного наклонения, этого чудовища, которое вечно грызёт сердца человеческие...

Они снова поцеловались. Что за чудесное занятие!

– Когда-то я звала твоего отца приехать сюда. Он не приехал.

– Зато приехал я. И безмерно счастлив.

Снова поцелуй.

– Сегодня я рылась в *нашем* саду.

– У тебя до сих пор клейкие душистые руки...
Майкл понюхал с видом знатока пальцы Элизы:
– ...смола мангового дерева!
– Романтично, но неправильно. Это смола апельсинового дерева.
– Это, конечно, не так романтично.
– Какой бред мы несём!
– Это не бред, а щебет. Он полон скрытого значения и при внешней бессмысленности глубоко функционален. Не будешь щебетать или ворковать – никого не приманишь и гнезда не совьёшь.
– Ты уже приманил! – рассмеялась Элиза. – Зачем же ты продолжаешь... ворковать?
– Потому что мне безумно нравится болтать с тобой о пустяках... целовать твои губы и руки... смотреть в твои глаза... протягивать всё новые и новые паутинки между нами – чтобы ты никогда больше не улетела от меня.

Они сидели на веранде, вымощенной большими каменными плитами, и ужинали. На столе горели свечи, и их свет постепенно становился всё ярче; закатные краснобрюхие облака, столпившиеся в голубом вечернем небе над угасающим солнцем, всё гуще темнели горбатыми спинами, обращёнными к ночи.

Майкл собственноручно приготовил вкусного лосося с рисом-басмати и специями, и молодые люди с удовольствием ели плотную розовую рыбу, поливая её соком лимона, сорванного с соседнего дерева, и запивая лёгким белым бургундским.

– Я стану толстой, как осенняя белка, – озабоченно сказала Элиза, уже съев рыбу. Майкл лишь улыбнулся такому преувеличению.

Когда дворецкий принёс кофе, Майкл вдруг посерьёзnel и стал отвечать на реплики Элизы совсем коротко. Потом решился и достал из кармана маленькую коробочку. И сказал просто и без всяких прелюдий:

– Элиза! Я прошу тебя стать моей женой!

Крупный алмаз голубоватого оттенка блеснул с кольца старинной узорчатой платины.

Элиза задохнулась, и чашка сильно задрожала в её руке.

Она сумела поставить её на стол, почти не расплескав, и подняла на Майкла зелёные, широко раскрытые глаза.

Они никогда ещё не затрагивали эту тему.

Она даже и не собиралась.

Он был принцем, сыном могущественной императрицы Николь,

самого влиятельного человека на всех планетах. Брак принца такой династии всегда политическая сделка, которая ложится важным вкладом на весы мирового равновесия. И он предлагает такое ей – по сути, простой девушке? Ему никто не позволит... Никки не даст совершиться такой государственной глупости...

Никки была сама себе хозяйка и всё равно не смогла заключить законный брак с Джерри. Он так и остался лишь неофициальным другом королевы, хотя и стал отцом принца Майкла... Майкл сам не понимает, что говорит...

У неё внутри задрожала горькая струна, и Элиза не смогла ничего сказать в ответ – просто не смогла.

Майкл подошёл к Элизе, крепко обнял, и она различила стук его взволнованного сердца. Голова её закружилась, и она подняла глаза к совсем уже ночному небу. На нём горели невероятно огромные, распушившиеся звёзды, и даже они ласково уговаривали её на что-то.

– Ты согласна, Элиза? – спросил Майкл. Элиза слышала его голос и одновременно ощущала гулкие удары сердца в его груди. Или это были удары её сердца?

У неё по-прежнему не было сил ответить словами, и она просто кивнула.

Он радостно сжал её в объятиях. А она ещё раз кивнула и ещё...

Завтра суровая императрица Николь вмешается в их идиллию... или он сам одумается, но сегодня... пусть хоть сегодня они помечтают, побудут простыми влюблёнными – свободными и счастливыми...

Не ей разрушать его иллюзии, она сама готова умереть за них.

Элиза проснулась мгновенно – словно от громкого грубого окрика. За окном ещё висела ночь, прибитая звёздами к небосводу, и лишь на востоке разгорались морские облака, брошенные в костер летнего рассвета.

Майкла рядом не было. Девушка встрепенулась, и её сердце тревожно застучало. Она вскочила, открыла дверь спальни и вслушалась в тишину дома. И различила далекий гневный голос...

Элиза с ужасом узнала: Никки! В ответ раздавались негромкие и неразборчивые реплики Майкла.

Девушка быстро закрыла дверь и, внезапно обессилев, прислонилась к ней спиной. Вот и всё. Никки обо всём узнала... И Элиза даже сквозь сон и стены почувствовала её ненависть.

Всё кончилось.

Девушка бросилась на кровать и накрыла голову подушкой – лишь бы

не слышать гневные интонации великой императрицы Николь, пронизывающие толстые двери как бронебойные пули.

Элиза так пожалела себя и свою непутевую жизнь, что по-ребёночьи зарыдала под эфемерной защитой подушки. Сквозь эти горькие слёзы и отчаянный внутренний крик звучала рефреном несмелая просьба – жалкая, неубедительная, беспомощная.

«О боги, дайте же нам немного счастья, дайте ещё побыть вместе – месяц или неделю... если нельзя так долго, то дайте хоть один день – длинный счастливый день, стоящий короткой холодной жизни. Ну разрешите нам этот день, ну смиростивитесь...»

Гневные ноты из-за двери сталкивались в темноте с тихим жалобным плачем и наполняли воздух ощущением тревоги и предчувствием горя.

Вековые каштаны вокруг виллы Снайдеров окутывались ярким роем светлячков. Эльфы-насекомые клубились в хороводах, вспыхивали в поисках друг друга и были главным световым украшением вечеринки. Элизе эта красота досталась бесплатно – просто для влюблённых светлячков был самый сезон.

Гости прибывали пешком и на машинах. Скоро места у виллы не осталось, и машины стали накапливаться вдоль обочины дороги всё дальше и дальше от дома. Такого успешного приёма у Элизы ещё не было. К ней пришёл почти весь остров.

Компании друзей, знакомые и малознакомые семьи всё прибывали и прибывали. Они здоровались друг с другом, дважды целуя каждый каждого. Кругом стояло сплошное целование. Элиза уже и забыла про этот французский обычай, с удовольствием исполняемый при встрече даже незнакомых людей.

Играя роль хозяйки, девушка приветствовала гостей на лужайке – у входа на веранду, где гирлянды крошечных фонариков подмигивали собратьям-светлякам. Элиза порадовалась, что вечер тёплый, и они смогли накрыть столы на свежем воздухе. Такое количество людей в дом просто не вошло бы.

Динамики, скрытые в зарослях, играли вальсы, заглушаемые взрывами смеха. Прибывающие гости в один голос говорили Элизе комплименты, а она отвечала им тем же, думая: «Вот было бы странно, если бы все говорили друг другу и себе только правду: Боже, как вы постарели и подурнели, душечка!.. А вы-то как потолстели, милочка!.. Да, да, я ещё и поглупела, голубушка!»

Соседская семья Гуверов пришла пешком, а их младшая

двенадцатилетняя дочь приехала на миниатюрной гнедой лошадке. Элиза, кроме дежурных приветствий, похвалила отличную осанку наездницы и модно стриженный круп у пони. Животное пустили пастись на лужайке, и его, вместе с хозяйкой, сразу обступили юные леди и джентльмены – для чего, собственно, и затевался этот конный пробег в двести ярдов.

Паре Гиббонсов было лень идти от длинного хвоста припаркованных машин, и они бесцеремонно подъехали на смарт-авто прямо к веранде. Толстый красный водитель оправдывался перед расступившимися гостями:

– Это же не машина, а просто зонтик на колесах!

Наконец пришёл самый главный для Элизы гость. Она, не говоря никакой светской ерунды, просто притянула его к себе поближе и взяла под руку.

И ей сразу стало легче.

Уже неделя прошла после того ночного кошмара, когда она услышала голос Никки. Элиза суеверно не говорила с Майклом о той ночи, и каждый новый день вместе был для неё подарком.

Весь дальнейший вечер она старалась не оставлять локоть Майкла ни на минуту. Этот надёжный контакт оказывал на неё самое благотворное психологическое воздействие; теряя его, она начинала нервничать и искать Майкла рукой или взглядом.

По лужайке всё шли и шли гости, здороваясь с Элизой и с интересом поглядывая на Майкла. Шелестя длинным платьем по траве, прибыла Софи – старая подруга Элизы, как считала сама Софи. Тёмно-красное платье гостьи выглядело весьма консервативным, пока взгляд не притягивался окном прозрачности, не признающим никаких табу и быстро оббегающим по случайной траектории стройную фигуру девушки.

Элиза и Софи расцеловались, и подруга восхищённо уставилась на плечистого красавца Майкла, производившего сильное впечатление даже в полумраке:

– Представь мне своего кавалера!

Хозяйка приёма оказалась в затруднении: она ещё не знала – будет ли Майкл поддерживать на вечеринке своё инкогнито.

– Это... просто Майкл, – нашла она выход. Пусть сам Майкл уточняет, если захочет.

Такое представление было ошибкой. Элиза давно не жила на острове и не знала, что в последние годы красивые и безденежные молодые люди, которых скучающие одинокие дамы острова могли в изобилии найти в кабачках соседней Виллафранчи, стали так привычны, что даже замечали в качестве кавалеров на неофициальных вечеринках. И отличались они от

молодых людей высшего света острова тем, что их представляли без фамилий, а «просто Джек», «просто Анджи».

– Лиза – ты проказница! – Софи рассмеялась и мгновенно потеряла к Майклу интерес.

– А ты почему одна? – поинтересовалась Элиза, так и не понявшая, почему она попала в проказницы.

– Ты с ума сошла! – воскликнула Софи. – Все же знают, что на твоём приёме будет новый владелец виллы Уайтшильдов! Говорят, это какой-то бородатый мрачный холостяк-нелюдим. И как же я могла на твой приём заявиться не одна? Да я всю неделю изобретала трепетное амплуа. Нашла совершенно гениальное: «Я ужасно одинока, скромна и сексапильна»! Я вся в охотничьем азарте! Слышала, это аристократ из королевских кругов – то ли граф, то ли герцог. Я сидела в салоне красоты весь день! Больше всего хлопот было с прическами... – Софи озабоченно последила взглядом за шаловливо блуждающим пятном.

– А если новый владелец виллы Уайтшильдов – старик пенсионного возраста? – еле сдерживаясь от смеха, спросила Элиза.

– Ну и что? – рассудительно сказала Софи. – Дорогая Лизочка, тут надо на чём-то одном остановиться: или богатый герцог, пусть старенький... говорят, старенькие даже очень чувствительные... или такой красавчик, как твой дружок... э-э... как вас?.. – небрежно спросила Софи.

– Младший принц Майкл Гринвич, – наклонил церемонно голову Майкл. – Это я купил поместье Уайтшильдов.

Кровь отхлынула от лица Софи.

– Упс! – просторечно вскрикнула она в ужасе, но тут же спохватилась и склонилась перед Майклом в церемонном реверансе, и даже прозрачное пятно деликатно застыло всего лишь на её колене.

– Простите деревенскую дуру, ваше высочество, – дрожащим голосом, полным раскаяния, вымолвила она.

– Что вы, – утешающе сказал принц Майкл, – это было очень мило. Одинока, скромна и сексапильна – прекрасное сочетание! Не стоит выходить из такого образа.

– Да что уж там, ваше высочество. – Софи метнула исподлобный трагический взгляд на тесно стоящих Майкла и Элизу. – Бродячий цирк безнадёжно опоздал к ярмарке.

– А почему вы так... странно повели себя? – с любопытством спросил Майкл, и Софи плачущим голосом поведала причину.

– Я польщён! – ухмыльнулся Майкл. – Меня приняли за профессионального альфонса!

– Вовсе не похож, – возразила Элиза. – Слишком умное лицо.

– Меня извиняет лишь то, что вы такой красивый, ваше высочество, – льстиво пробормотала Софи. – И я на коленях прошу вас обоих никому об этом кошмарном случае не рассказывать... – Голос её затрепетал от искреннего ужаса. – Я навсегда стану посмешищем! На меня будут показывать пальцем до конца моей жизни. Лучше утопиться, чем такой позор!

– Не волнуйтесь, дорогая Софи, ваше имя никогда не всплывёт в связи с этим забавным недоразумением, – успокаивающе сказал принц.

– О, спасибо, ваше высочество... – Но было очевидно, что девушка расстроена своей оплошностью не на шутку. Она побледнела и дрожала.

Майкл внимательно посмотрел на неё, потом повернулся к Элизе:

– Ты позволишь мне пригласить Софи на танец?

Элиза всё поняла и кивнула:

– Если только она будет... без пятнышка.

– О! – воскликнула в восторге Софи, и прозрачное окно мгновенно исчезло с её тёмно-красного платья.

– Разрешите пригласить вас на тур вальса? – склонил Майкл голову в сторону Софи. – И без титулов, пожалуйста: для вас, Софи, я навсегда – просто Майкл.

Майкл и Софи танцевали старинный вальс на середине веранды, среди нескольких других пар. Софи разругалась и похорошела, но Элиза восхищённо смотрела только на Майкла: «Он добр... как Джерри. Нет... – поправила она, – он добр и внимателен по-другому. Джерри был простым парнем, а Майкл – принц могущественной династии, сын самой императрицы Николь... Он мог бы ходить, посматривая на всех свысока, а он не захотел оставлять в убитом состоянии даже незнакомую девушку, да ещё нахамившую ему... Неужели это всё правда? Раньше мне часто снились такие счастливые сны. Тем страшнее было пробуждение... Пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет не сон! Или, хотя бы, – пусть он длится подольше...»

В последнее время это была её обычная молитва.

Элиза уже страшно жалела, что затеяла приём, – ведь сегодня ей придётся познакомить родителей с Майклом. Она надеялась только на то, что родители примут его сдержаннее в присутствии гостей.

Когда все собрались, Элиза с суматошно бьющимся сердцем повела Майкла на заполненную веранду и, держа его под руку, подошла к родителям. Отец беседовал со старыми друзьями, а мать отдавала распоряжения персоналу, нанятому для обслуживания вечеринки.

По знаку Элизы музыка смолкла. Родители оторвались от дел и с удивлением воззрились на дочь, которая шествовала в сопровождении высокого незнакомца. Постепенно шум утих по всей веранде, и гости с любопытством уставились на Элизу в длинном чёрном платье с открытой спиной и рослого Майкла в отлично сидящем смокинге.

– Дорогие гости! Мама и папа! Разрешите представить вам...

Элиза сделала паузу, отчего самым громким звуком вечеринки стал плеск ночных волн в прибрежных камнях далеко внизу.

– ...нового владельца виллы Уайтшильдов, принца Майкла Гринвича!

Гости разразились овацией и приветственными криками. Мать Элизы побледнела, а отец нахмурился и покраснел, метая глазами молнии. Гости не замечали реакции хозяев дома и восторженно аплодировали знатному гостю.

Девушки, присутствующие на приёме, все как одна испытывали двойственные чувства. С одной стороны – они с восхищением оценили мужественную красоту Майкла, с другой стороны – мгновенно заметили, как крепко держит его под руку хозяйка вечеринки и как нежно он целует ей руку в ответ на представление.

– Миссис и мистер Снайдер! – мудро обратился Майкл к родителям Элизы. – Благодарю вас за приглашение в ваш дом! Это большая честь для меня!

Гости зашушукались: «Какой вежливый принц... Какой скромный...»

– Я льщу себя надеждой, что вы примете ответное приглашение и посетите меня в моём новом доме, который я собираюсь сделать постоянной резиденцией...

Шум всплеснулся до максимума. Не много мест на Земле могли похвастаться, что они являются главной резиденцией принца могущественной династии. Эта новость даже заметно поднимет стоимость других вилл острова.

Пока Майкл говорил, родители Элизы постепенно приходили в себя, но не расставались с напряжёнными, хмурыми лицами – особенно отец.

– Мы с вами будем постоянными соседями... – продолжал невозмутимо Майкл, – и мне хочется надеяться, что, если я заблужусь в местной чаще и, проголодавшись, начну есть дикие груши в вашем саду, меня никто не подстрелит из дробовика...

– Лучше вам ничего не воровать в нашем саду, принц Майкл! – холодно и прозрачно ответил отец Элизы.

– Воруйте в моём, хоть каждую ночь! – крикнул кто-то из толпы, и все рассмеялись.

– Как вам нравится наш остров? – спросил ещё чей-то голос.

– Лучшее место на Земле! – искренне ответил Майкл. – Я восхищён, что вам удалось сохранить такую жемчужину в её первозданном виде!

Более сильного хода для вербовки сторонников принц сделать не мог – жители гордились своим полуостровом и участвовали во множестве добровольных организаций, заботящихся о природе побережья и шельфа.

По незаметному сигналу Элизы зазвучала музыка, и официальная часть закончилась. Но к Майклу потянулись с представлениями местные семьи, и Элиза из хозяйки, а Майкл – из её гостя неожиданно превратились в своего рода семейную королевскую пару, принимающую визиты.

Через некоторое время коловращение вечеринки вынесло Майкла и Элизу к группе стариков и старушек, сидевших в тихом месте веранды. Среди них была и близкая родственница Элизы – тетка её матери, надменная старуха, всю жизнь ненавидевшая династию Гринвич за страдания племянницы. Она, собрав всю ярость к своим исконным врагам, сурово сказала Майклу:

– Так вы, сударь, не принц, а всего лишь бастард! Незаконнорождённый сын!

Окружающие впали в шоковое состояние.

Майкл, сохраняя великолепное спокойствие, всерьёз поинтересовался:

– А вы рожали своих детей «по закону»? Чем это отличается от «незаконных» родов?

– У меня не было детей, зато все мои пять браков были легитимны!

Майкл пожал плечами и улыбнулся свирепой старухе в инвалидной коляске:

– А у моих родителей брак был всего один. Возможно, для кого-то и незаконный, но, слава богам, совершенно настоящий. Иначе бы я не родился и не имел бы редкого счастья беседовать с вами, мадам.

– Я никому не позволю обижать свою единственную внучатую племянницу! – сурово молвила старуха.

Её никто не понял, кроме самого Майкла и родителей Элизы, со смешанными чувствами слушавших издали эту беседу.

– Я тоже никому не позволю обижать вашу внучатую племянницу, – сказал Майкл, после небольшой паузы, успев вслушаться во что-то, – ведь она и моя родственница тоже.

– Как так? – с подозрением уставилась на него сварливая старуха.

– Очень просто, высокочтимая графиня Андерсон, – рассмеялся Майкл. – Ваш последний муж, граф Андерсон, является младшим кузеном принцессы Анны, которая впоследствии стала женой короля Шихин-а.

– Да, это так, – величественно сказала старуха.

– А моя старшая сестра Сюзан, урождённая Гринвич-Шихин-а, является родной внучкой королевы Анны, тем самым я оказываюсь вашим троюродным внучатым племянником по линии последнего мужа.

Тетка Элизы просто онемела.

– Я был бы счастлив называть вас «грандма», – вкрадчиво сказал Майкл, – но, будучи обычным бастардом – тут, графиня, вы совершенно правы! – даже и не смею мечтать о такой милости... о, как мне жаль, дорогая бабушка...

Надменная старуха совершенно опешила от шустрого нового родственника и растерянно посмотрела на племянницу. Та с такой надеждой глядела на свою любимую тетушку, держа Майкла за локоть, что старуха всё поняла, и её сердце сдалось.

– Ну и пройдоха же ты, принц Майкл! Твоя взяла, племянничек, называй меня бабушкой!

И разрешила принцу Майклу поцеловать себя в надушенную морщинистую щёку.

Окружающие разразились аплодисментами.

Элиза в полном восхищении смотрела на великого дипломата Майкла.

А тот, не останавливаясь на достигнутом, вызвал по т-фону своего дворецкого и попросил:

– Срочно привези бутылку лучшего «бастардо» из моего винного погреба... – и ласково обратился к растаявшей старушке: – Сейчас мы выпьем за нашу долгожданную встречу, дорогая грандма...

Страшный человек!

Позже Элиза шепнула:

– Как тебе повезло, что ты оказался в родстве с графиней Андерсон!

– Это просто математика – на уровне высшей знати практически все люди находятся в дальнем родстве – моя удача заключалась лишь в том, что родство оказалось не слишком замысловатым.

– Ты само обаяние – действуешь неотразимо на женщин любого возраста, даже на тех, кому за восемьдесят!

– Ну, восемьдесят – это не возраст для настоящей женщины! – уверенно сказал Майкл.

– Вот-вот – именно об этом я и говорю! – рассмеялась Элиза.

Майкл хмыкнул:

– Что такое возраст? Старенький дядюшка Борис из династии Шихин-ых всегда утверждал, что жениться нужно в последнем приступе молодости, собравшись с духом и подгребая под пиджак остатки

стройности.

– Что-то плоховато ты следуешь этой мудрости, – улыбнулась Элиза.

– Силы воли не хватает... – вздохнул Майкл.

Через некоторое время он попросил у Элизы разрешения оставить её на минутку. И она с ужасом увидела, как он подходит к её родителям и о чём-то с ними говорит. Что он затеял? У отца с лица не сходило хмурое выражение. Вот они повернулись и втроём зашли в дом. Элиза страшно разволновалась, но тут на неё напало целое семейство Хопкинсов с полудюжиной детей и собак – они целовались, галдели и кусались – и переживать стало некогда.

После довольно долгого отсутствия Майкл возвратился с двумя бокалами шампанского. Элиза так обрадовалась ему, что даже забыла спросить, о чём он говорил с её родителями.

Вдруг музыка стихла без всяких знаков со стороны молодой хозяйки. На открытый центр веранды выступил отец Элизы и сказал с очень серьёзным и бледным лицом:

– Дорогие гости, вы уже хорошо знаете принца Майкла, нашего нового островитянина...

Одобрительный смех раздался среди гостей, увидевших Майкла впервые два часа назад.

– ...и ещё лучше вы знакомы с нашей Элизой...

Взволнованный отец откашлялся и собрался с духом:

– Я хочу сделать важное объявление... об официальной помолвке между нашей дочерью Элизой дю Снайдер и Майклом Гринвич-Уолкером, младшим принцем династии Гринвич!

Толпа гостей ахнула и разразилась бурей аплодисментов.

Элиза в ужасе посмотрела на Майкла. Что он наделал! Никки ему никогда не простит! И ей тоже.

Ответный взгляд Майкла был ласков и серьёзен.

Тут людской гул всплеснулся ещё больше и затих, как по команде. Рядом с бледным отцом Элизы и её матерью, беспрерывно вытирающей глаза платком, возникла голограмма величественной императрицы Николь в длинном строгом чёрном платье, украшенном лишь крупной алмазной брошью в виде короны.

Всё поплыло перед глазами Элизы, и она вцепилась в локоть Майкла, как в спасательный круг.

– От имени всей династии Гринвич поздравляю с помолвкой Элизу и Майкла, а также миссис и мистера дю Снайдер!

Звучный голос могущественной императрицы был слышен далеко за

пределами веранды. Взрыв аплодисментов и криков выплеснулся ещё дальше.

В этот момент в небо над островом ударил фейерверк. Красные и синие орхидеи расцвели на полнеба, но Элиза не смотрела вверх. Она, едва удерживая сердце в груди, на подгибающихся ногах подошла к Никки, не отрывая от неё взгляда.

– Здравствуй, Никки... – еле слышно сумела сказать Элиза.

– Здравствуй, Элиза... – ответила негромко императрица Северных.

– Неужели, ты... – не сумела закончить свою мысль Элиза, но Никки её поняла.

– Будь счастлива, принцесса Элиза, – твёрдо сказала Никки, – для нас с Джерри счастье Майкла важнее всех политических расчётов. Мир не погибнет без его жертвы на алтарь долга...

– Спасибо тебе, Никки... – шепнула Элиза и несмело протянула дрожащие пальцы.

Никки помедлила, а потом подняла свою руку.

Их ладони слились. Хотя это было невозможно с точки зрения техники, Элиза почувствовала тепло Никкиной руки. И это незаметное тепло без следа испарило её застарелую ненависть.

– Поздравляю тебя, сын, – сказала Никки, переведя глаза на подошедшего Майкла. – Ты быстро возмужал.

И величественная фигура в чёрном исчезла.

Элиза перевела дух и посмотрела на Майкла. Тот улыбнулся и крепко обнял девушку за плечи. В следующее мгновение они попали в объятия совсем уж безудержно плачущей матери Элизы и еле сдерживающегося взволнованного отца.

И всех их захлестнул поток друзей, поздравляющих, обнимающих, пожимающих руки. Шампанское щедро полилось, наполняя тесные ряды тонких бокалов, и громко зазвенел хрусталь во имя новой счастливой пары. А над толпой взволнованных людей без устали распускались гремящие и шипящие цветы фейерверка.

Не обращая никакого внимания на небесный грохот и людскую суматоху, в кронах старых каштанов кружилась метель мерцающих огоньков.

Для влюблённых светлячков был самый сезон.

Они отчаянно вспыхивали зелёным светом и звали, звали друг друга... Ведь главное в этом мире – найти свою любовь, единственную и вечную.

Это может быть прекрасный светлячок или обычная принцесса.

Не важно. Главное – успеть найти, пока не настала зима.

Глава 21

Летучий голландец

Быть изгоем – несладкая работа. Но я привык.

На серьёзные конференции по внеземной жизни меня давно не приглашают, доклады мои ни в повестку секций не ставят, ни на стенды не допускают. Не в том дело, что специалисты по внеземному разуму («внеразумники» на жаргоне аспирантов) не соглашаются с моими работами или имеют что возразить.

Просто я – *persona non grata*.

Написать со мной в соавторстве статью – значит потерять лицо или стать объектом насмешек коллег. Я слишком нетерпим к чужой глупости и слишком скандален. И, конечно, мои работы кажутся всем ненаучной фантастикой. «Основы дипломатических взаимоотношений с инопланетными цивилизациями» – никто в здравом уме не станет писать такую работу, в то время как все наличные инопланетяне исчерпываются марсианскими бактериями.

Я – пишу.

Значит, я – не в здравом уме. Очевидно же? А если вспомнить длинный список других моих работ: «Схемы военных действий в межзвёздном пространстве», «Звёздная колонизация: мифы и реальность», «Потенциальная вариабельность психологии инопланетных гуманоидов», «Понятие рациональности в негуманоидных цивилизациях»...

Короче, общение со мной может дискредитировать любого специалиста, занимающегося респектабельными проблемами межзвёздной связи или поиском экзопланет. От меня шарахаются даже составители пресловутого дурацкого линкоса – языка общения с потенциальными инопланетянами. «Грамматика как отражение человеческой психологии», «Обобщенная неограмматика для связи с иным разумом» – это их Рубикон, за который они умрут, но не перейдут.

Среди космограмматиков есть пара хороших ребят, и я с ними изредка встречаюсь в захолустных ресторанчиках – чтобы никто не увидел нас вместе. Они охотно рассказывают мне, какой визг поднимают члены редколлегии научных журналов, когда получают очередную мою статью.

Я посылаю эти статьи просто так, чтобы позлить научные светила. А потом, получив ответ, полный яда, вывешиваю статью и отзыв в своём личном блоке Сети. Иногда сопровождаю отзыв редколлегии своим не

менее саркастическим комментарием. Мой виртуальный блог – моя реальная крепость. Туда каждый день заходят сотни психов, которые болеют инопланетной лихорадкой. Но и спецы заглядывают, оставляя анонимные поддерживающие письма.

Совет Колледжа, в котором я преподаю общую психологию, мало интересуется моими научными изысканиями. Студенты получают нужную сумму знаний и не жалуются – а это всё, что президента колледжа волнует.

Два года назад я объединил свои результаты в одной книге «Инопланетяне: друзья или враги?»

Книгу за месяц прочитали сто тысяч человек. Сенсация!

Вот этого никак нельзя было простить, и в научных кругах поднялся серьёзный шум: волна уничтожающе-критических статей и насмешливых отзывов. В результате продажи книги заметно выросли, а издательство предложило мне написать что-нибудь ещё.

Конечно, мой статус «неприкасаемого» в научном обществе от такой скандальной книги только упрочился, но колледж шумихой был доволен – как-никак бесплатная реклама.

А я хожу и думаю о следующем этапе – об экспериментальной проверке своих теорий. Раз пока инопланетян в наличии нет – надо их создать своими руками. Вот только собственных рук тут мало, а купить чьи-то – денег нет.

«Грубо говоря, я хочу попробовать смоделировать психологию инопланетян в рамках искусственного киберинтеллекта. Это задача умопомрачительная. Я кручу её в голове уже полгода, спрятавшись за отрешённым лицом; даже ругаться на окружающих стал реже – и они сочли, что я на пути к исправлению.

Да, мои полусумасшедшие друзья (а если вы сюда зашли и читаете эти строки, то вы – явный нестандарт), мечтать об универсальной модели психологии разумного существа, в общем случае – нечеловеческого, которой можно было бы управлять с помощью обозримого набора основных параметров, – это одно. И совсем другое – создать конкретное и аккуратное пространство психологических параметров, в котором можно разместить любой психотензор. Само определение координат и выделение пси-инвариантов может занять всю жизнь. Иногда в голову закрадывается крамольная мысль: а будет ли такое пространство психологических параметров декартовым? Не получит ли оно искривление от некоего возмущающего фактора, например влияния другой личности? Может, придётся искать и уравнения Эйнштейна для искривления

психологического пространства? Или это совсем клинический бред?

Подумайте над этим, мои полусумасшедшие друзья, а мне пора в колледж».

Я закрыл свой блок, надел плащ и взял портфель.

Выйдя из двери, я обнаружил, что по лестнице ко мне поднимаются два типа в шляпах и одинаковых чёрных пальто. Прямо спецслужбы какие-то.

– Доктор Кашлинский? – спросил один из них, старомодно прикоснувшись к краю своей шляпы.

– А вы кто такие? – я ответил вопросом.

Типы замялись, и правый, повыше, сказал:

– Мы уполномочены провести переговоры о вашей консультации.

– Кого нужно консультировать?

– Пока вы не согласитесь, имя клиента не может быть разглашено.

– О боги, какие тайны! – фыркнул я. – Но я опаздываю в колледж и не могу болтать с загадочными незнакомцами. Всего хорошего.

– Сэр, – второй тип выступил вперёд, загородив всю лестницу. – Это очень важная консультация, и, если вы согласитесь, мы всё уладим с колледжем.

– Отойдите в сторону, вы мне мешаете! – вспыхнул я. – Что за консультация, ради которой я должен оставить работу в колледже? Разве это нельзя совместить? Что за дело, которое не может подождать до вечера?

– Это очень срочная консультация, и вы должны вылететь для неё уже сегодня.

– В какой области требуется моя помощь? – Я уже всерьёз был на взводе.

– Извините нас, сэр, мы не можем вам сказать – мы дали подписку о неразглашении.

– Бред какой-то. Пойди туда, не знаю куда, проконсультируй то, не знаю что... Дайте пройти, у меня лекция.

И я двинулся по тротуару. Двоё типов побежали рядом, соскакивая в дорожные лужи и огибая припаркованные машины. Высокий обогнал меня и загородил дорогу:

– Профессор, пожалуйста, не сердитесь! Мы не можем вам ничего сказать, разве что – намекнуть. Это в области вашей главной специализации.

– Общая психология?

– Нет. Вы же известны как специалист по...

Высокий тип замялся.

– Неужто вы хотите пригласить меня как специалиста по инопланетянам?

– Да.

– Всё смешнее и смешнее. И какой только шутник вам меня порекомендовал! Куда лететь на консультацию? – сердито спросил я, машинально ероша бороду.

– На Тритон, – тип пониже ростом поёжился.

– Вы сами инопланетяне или просто сбежали из сумасшедшего дома? Я даже на Луне не был, а с системой Нептуна пассажирское сообщение вообще отсутствует. Скажите толком, в чём дело и кто ваш, вернее, мой клиент – или я с места не сдвинусь! – И с самым решительным видом я плюхнулся на ближайшую скамейку и упрямо выпятил вперед свою бороду.

– Эх, шеф нас убьёт! – тоскливо сказал правый и присел рядом. – Я расскажу вам то, что сам знаю, профессор, но только, пожалуйста, никому не говорите, иначе мы с Билли поплатимся своими головами. Так вот, про инопланетян...

Траекторией этот планетоид резко отличался от соседних транснептунов и комет: эксцентриситет его орбиты был гораздо больше единицы, что указывало на межзвёздность объекта. Поэтому автоматический телескоп «Койпер-11», поймав этот объект на свою чувствительную электронную сетчатку, не просто занёс его в предварительный каталог, но и присвоил ему высший приоритет для наблюдений.

Примерно с десятков телескопов, жужжа моторчиками и пофыркивая старомодными гидразиновыми эжекторами или современными ионными двигателями, переориентировались в направлении пришельца, измеряя его видимые размеры и альbedo поверхности, регистрируя спектр в радио-, инфракрасном, видимом и ультрафиолетовом диапазоне.

Атмосферы у новичка найдено не было, спутников – тоже, а вот инфракрасный сигнал был заметно выше нормы. Трёхкилометровый планетоид, прилетевший из чёрных глубин, должен быть холоден, как любой ледяной пришелец из межзвёздного пространства, а он неожиданно оказался теплее Плутона.

Исследовать странную комету было поручено скоростному зонду из небольшой базы, которая размещалась на карликовой планете Эриде.

Зонд, ускорившись до сотни «же», через месяц приблизился к загадочному планетоиду.

И неожиданно полностью прекратил передачу данных.

Был ли он взорван или просто парализован – оставалось непонятным. Но данные, которые он успел передать, показали многое. На каменно-ледяной поверхности кометы располагалась огромная регулярная структура, дающая мощный вклад в тепловое поле планеты. Эту структуру из узлов и соединяющих их коммуникаций можно было условно назвать «городом».

Совет Безопасности ООН немедленно снарядил военную экспедицию для встречи гостя, который стал проявлять явные признаки торможения, то есть желая остаться в Солнечной системе.

«Флот встречи» состоял из десяти тяжёлых крейсеров и сотни более мелких кораблей. Флот выстроился подковой и на максимальной скорости устремился к инопланетному кораблю – никаких сомнений в том, что собой представляет комета, больше не было.

Впереди флота, на невероятном ускорении следовал корабль-посол. Адмирал флота упрямо называл его «корабль-разведчик». Лишь электромагнитное кресло спасало пилота от мгновенной гибели. Пилот был добровольцем, который решился взять на себя риск первых космических переговоров.

Он летел не скрываясь, транслируя по радио и по лазерному лучу своё приветливое изображение и призывая на всех языках, включая язык очевидных жестов, к дружбе и равноправному сотрудничеству.

Навстречу ему с планетоида стартовали три больших чёрных корабля. Они не стали вступать в переговоры, а попросту уничтожили «посла-разведчика» залпом из носовых лазеров, после чего повернули свои пушки против приближающегося земного флота. Судя по первому залпу, огневая мощь тройки инопланетных линкоров была больше, чем суммарная мощь всего земного флота. Тем самым разведчик выполнил свою миссию – узнал главные параметры вражеского флота – правда, ценой своей жизни.

Но сражение повернулось неожиданно: в бок линкорам ударили боевые плазменные солитоны, вырвавшиеся из пучковых орудий эскадрильи крейсеров-невидимок, которые летели между разведчиком и основным флотом, держась в стороне от вражеских сенсоров.

Электронные сети вражеских линкоров пришли в замешательство. Воспользовавшись суматохой, стелтс-крейсера успели выпустить по линкорам стаю термоядерных ракет.

Три ослепительных солнца бесшумно распустились в космосе. По оценкам экспертов, было уничтожено от трёх до тридцати тысяч инопланетян, входивших в экипаж линкоров.

Возможно, жителей города на планетоиде охватил ужас при виде разгрома их эскадры, но длился он недолго – через пять минут всё было кончено. Сквозь облако взрыва прорвался рой солитонных сгустков и ракет основного калибра, запущенных главной эскадрой.

Половина планетоида словно распухла от взрыва. Когда обломки и газовые фонтаны немного рассеялись, стало видно, что города больше не существует, как и значительной части планетоида.

Человечество победило пришельцев.

Вторая атака инопланетян была задумана гораздо хитрее. Тысячи небольших – каждый в десяток метров диаметром – железо-каменных астероидов потихоньку проникли внутрь Солнечной системы, ничем особенным не отличаясь от природных тел. В час «Х» автоматические кораблики инопланетян активизировались и обрушились на космические базы и земные города. Они использовали два вида тактики: кораблики сами взрывались нейтронными бомбами, убивая всё живое, но не трогая здания и инфраструктуру, или садились в большие города, рассеивая вокруг себя вирусы странной лихорадки, которая была самой заразной из всех известных человечеству болезней и самой убийственной: выживших после этой болезни не было.

Корабли землян бились как дьяволы, сбивая сотни хитроумных корабликов, но инопланетных автоматов были тысячи.

Военные силы ООН пытались вычислить командный центр, где отсиживались коварные пришельцы, выставившие вместо себя роботов, – но безуспешно.

Через два месяца человечество было уничтожено, а все очаги сопротивления подавлены.

В обезлюдившую Солнечную систему не спеша вплыл флот из инопланетных транспортов, прятаясь в поясе транснептунов.

Пришельцы победили человечество.

– И что вы по этому поводу скажете? – спросила меня стройная высокая женщина, сидящая в кресле справа от меня.

Я фыркнул:

– Никки, это бред и чепуха!

Я с удовольствием звал королеву по имени, как она предложила вчера, при первой встрече. Станным образом обернулся разговор о консультации! В результате я сейчас сижу во флагманском крейсере «Таганай» королевы Гринвич и веду с ней беседы о любимых мною

инопланетянах.

И Никки не считает меня сумасшедшим. И не боится потерять свой имидж – она вообще ничего не боится; делает что хочет. Вчера официант, унося после ужина грязную посуду, уронил с полного подноса салфетку. Королева наклонилась, подняла салфетку и положила слуге на поднос, не прекращая невозмутимо беседовать со своими высокими гостями о мировой политике. Зато слуга очень смутился.

Я продолжил:

– Наверняка вы наняли для моделирования этого кретина Вдовиака из Парижского центра.

Никки кивнула:

– В моих институтах не было специалистов нужного профиля, и я обратилась в Европейскую академию наук. Эти два сценария встречи с инопланетянами подготовила именно ЕАН.

– Как вы понимаете, академия сама по себе ничего не готовит, – желчно фыркнул я. – Она поручает этим заняться какому-то конкретному специалисту. В Европе на теме инопланетян пасётся только доктор Вдовиак. Его держат в ЕАН, потому что он притащил туда огромный грант от какого-то богача, выросшего на космических играх-стрелялках. Вдовиак клепаёт свои сценарии именно по компьютерным играм – полагаю, чтобы сделать приятное своему меценату.

– А вы с ним не согласны?

– Только слабоумные могут быть с ним согласны. Его сценарии не выдерживают элементарных вопросов. Зачем планетоид не затормозил раньше и не отправил вперёд свой флот? Почему основой вражеского флота стали неповоротливые и уязвимые линкоры? Я вижу один ответ на эти вопросы: это сделано для того, чтобы в первом сценарии Вдовиака люди могли легко победить инопланетян.

Второй сценарий не менее дурацкий. Вдовиак даже не задумывается: а зачем инопланетянам наши города и здания? Чтобы жить там самим? Межзвёздные путешественники не могут построить себе крышу над головой по вкусу и решили захватить наши спальни, кухни и унитазы? Бред пьяного сумасшедшего.

– Соглашусь с вами. Этот «Прогноз межзвёздного конфликта» тоже вызвал у меня большие сомнения, поэтому я и поручила найти другого специалиста по инопланетянам. И мне нашли именно вас – в последний момент, когда уже я потеряла надежду получить более взвешенное мнение. Спасибо, что согласились полететь со мной так далеко. Вырвать целый месяц из своего расписания – это сложно, я понимаю. Но мне сказали, что

вы отказываетесь от гонорара?

Я откашлялся:

– Да, отказываюсь. Лично мне не нужны деньги, но я давно хотел построить модель инопланетной психики на основе компьютерного интеллекта. Если бы вы помогли с этой программой – было бы просто замечательно.

– Ну, это не проблема, я сама заинтересована в такой программе...

– Вы? – удивился я. – С какой стати? И вообще, поясните, зачем вы меня пригласили? Высказать своё мнение по поводу сценариев идиота Вдовиака? И зачем мы летим на Тритон?

– Про Тритон я скажу чуть позже. Да, я хотела узнать ваше мнение об этих сценариях, но ещё мне нужно услышать, что вы сами думаете о возможной стратегии инопланетян при космической экспансии. Для чего они полетят в космос? Что они будут делать с другими цивилизациями при встрече?

Ага, мне предлагается вот так, с ходу, взять и сформулировать основы галактической политики существ, про которых я ничего не знаю. Я поднялся на ноги и зашагал по залу, став похожим на лектора перед классом, хотя в первом ряду перед мной сидела только Никки.

– Философы, высказываясь о космических войнах, обычно несут чушь и лепет в духе фантаста Уэллса: марсиане прилетят и выпьют нашу кровь. Но фокус в том, что цивилизация, освоившая межзвёздные полёты, уже не нуждается в пище или в рабах. Инопланетян могут заинтересовать только две вещи. Первой из них является пригодная для обитания планета, у которой три главных физических параметра: температура, гравитация и атмосфера – находятся в пределах, допустимых для биологии инопланетян.

– Интересно, – сказала Никки. – А что за вторая вещь, которая может заинтересовать инопланетян?

– Мы сами, как пример разумной расы, как новая точка в многомерном пространстве возможных решений биологической эволюции. Интерес представляет и наша культура. Наиболее интересны не научно-технические штучки типа лазеров или ядерных реакторов – они наверняка уже есть у инопланетян, а специфические, этнокультурные достижения: живопись, культура, музыка, литература.

– Зачем им это?

– Для развлечения. Это не так ценно, как новая планета, но немаловажно. Впрочем, я тут не уверен – мы лично можем оказаться ценнее планеты. Возможно, какие-то вещи они не поймут и не оценят, но что-то их обязательно заинтересует – как увлекла бы нас любая

инопланетная культура. В конце концов, даже примитивные поделки туземцев вызывают у нас определённый интерес.

– Значит, вы думаете, что человечество сможет заинтересовать технически превосходящих его инопланетян как торговый или культурный партнёр?

– Думаю – да. Особенно если мы сможем сделать инопланетянам подарок в виде координат подходящей для них планеты. Ведь мы лучше знаем свои окрестности космоса. За такой подарок инопланетяне могут поделиться передовыми технологиями.

– Отлично, профессор! А теперь я расскажу вам, зачем мы летим на Тритон...

Тритон был похож на розоватую дыню с нахлобученной шапкой снега. Странные трещины и узорчатые равнины покрывали поверхность этого огромного, размером почти с Луну, спутника Нептуна. Его поверхность из метанового и азотного льда ярко блестела в свете крошечного Солнца. Очень холодный мир с температурой минус двести сорок градусов. Может, поэтому на полярном азотном леднике видны чёрные дымы – наверное, кто-то жжёт костры, чтобы согреться? Шучу, шучу.

Я повернулся к самому Нептуну. Он занимал значительную часть неба и был приятно-синим и однородным. На его диске выделялись лишь атмосферные ураганы, включая «Большое тёмное пятно» – тёмно-синий вихрь-долгожитель, обрамлённый белыми облаками. Я попытался рассмотреть знаменитые разорванные кольца Нептуна, но мне не повезло – глазом я их не нашёл. Надо на обратном пути устроиться поближе к телескопу – или заранее попросить навести его на кольца и послать изображение на мой экран.

До сих пор не могу поверить, что я попал в систему Нептуна и вижу самую дальнюю планету Солнечной системы своими глазами.

Планета бога морей похожа на голубой Уран, зато её спутниковая система совершенно необычна – одни нептунские арки чего стоят. Тритон уникален и тем, что является самым крупным обратным спутником в Солнечной системе – движется по орбите не в ту сторону, в какую вращается сама планета.

По дороге к Нептуну я читал объяснение этого феномена. Первоначально «прямая» система спутников подвергается «эрозии» и «загрязнению» из-за пролетающих мимо астероидов. Чем дальше от Солнца, тем медленнее гелиоцентрическая эволюция, тем дольше спутниковая система выдерживается в «рассоле» астероидной среды и тем

больше у планет обратных захваченных спутников, орбиты которых из-за влияния Солнца стабильнее прямых.

Юпитер быстро поглотил или разбросал астероиды вокруг своей орбиты, поэтому его спутниковая система имеет очень незначительную примесь обратных тел. Сатурнианская система эволюционировала дольше и может похвастаться многими группами обратных спутников, включая крупную Фебу.

На окраине Солнечной системы астероидная популяция до сих пор не вычерпана, поэтому Нептун собирал обратные астероиды в свою спутниковую свиту до тех пор, пока она не стала практически вся обратной: кроме гигантского Тритона вокруг Нептуна движется обширное семейство из сотен дальних обратных спутников, смешанных с более редкими телами с прямым движением.

Внешняя прямая Нереида – она видна в мой левый иллюминатор – тоже уникум: крупный спутник с диаметром в 340 километров имеет эксцентриситет 0,75 и в течение своего оборота, близкого к земному году, меняет своё расстояние от Нептуна в семь раз! Видимо, эксцентричная Нереида когда-то столкнулась на встречных курсах с небольшим обратным спутником – таких шалопаев вокруг неё полно.

Я ущипнул себя за ногу. Больно! Похоже, я действительно нахожусь в системе Нептуна, где нет туристов, куда летают только учёные. Хорошо, что королевы иногда заглядывают.

Навалилась перегрузка. Это понятно: крейсер «Таганай» пошёл на снижение. Я становлюсь бывалым космическим путешественником!

Вездеход приближался всё ближе к гейзеру «Ранняя пташка», и грозный гул фонтана из жидкого, испаряющегося на лету азота становился всё громче и выше, пока не перешёл на визг, бьющий по барабанным перепонкам.

Я сидел, плотно пристёгнутый к сиденью большого вездехода, и всю таращился на этот космический фонтан, главное чудо Тритона.

Подумать только, всего десять дней назад я спешил в колледж на урок!

Согласно информационному бюллетеню, который я изучал во время полёта, вся история началась именно с этого аномального гейзера «Ранняя пташка». Программа исследования спутников крупных планет, реализуемая в Институте Солнечной системы, принесла свои плоды – неожиданные, но очень важные – настолько, что сначала на Тритон отправили одну экспедицию, потом другую, а сейчас сама императрица прилетела посмотреть на громко поющую «Раннюю пташку».

Этот гейзер выделялся среди десятков других фонтанов, бивших из трещин азотного полярного ледника, только тем, что начинал извержения раньше других, а заканчивал позже. Модель динамики гейзеров прекрасно описывала весеннюю и летнюю активность, а также осеннее замерзание остальных гейзеров, но «Ранняя пташка» упорно не укладывалась в расчёты.

Механика работы тритонских гейзеров была проста: весной на леднике Тритона начинало «припекать» далёкое солнышко. Его лучи проникали сквозь прозрачную толщу льда, нагревая всё непрозрачное. И тогда вокруг тёмных вмёрзших в лёд обломков скал и метеоритов возникали азотные проталины, а сами метеоритные тела погружались всё глубже в ледник.

В отличие от воды и льда, жидкий азот менее плотен, чем твёрдый. Поэтому если линза жидкого азота образуется внутри ледника, то она давит на окружающий её лёд с колоссальной силой и рано или поздно прорывается наружу, выбрасывая фонтан азота на высоту десятка километров.

Азотная атмосфера на Тритоне разрежена, но достаточно плотна для постоянных ветров, которые подхватывают азотные капли и снежинки – а также всю пыль, которую захватил с собой гейзер, – и разносят их по леднику, образуя длинные – в полторы сотни километров – тёмные хвосты. Именно эти «дымы» на леднике я и видел с орбиты.

Первая экспедиция, исследующая аномальное поведение гейзера «Ранняя пташка», обнаружила, что оно имеет, в буквальном смысле, неестественный и даже весьма искусственный характер.

Потом дорасскажу, а то нас уже привезли.

Вездеход подкатил к временному надувному куполу над шахтой, идущей в основание гейзера, и прошёл шипящий шлюз.

Через полчаса мы уже спускались в узкую наклонную шахту с ледяными стенами. В тесной кабинке лифта уместились только трое: местный учёный-водитель, Никки и я. Спуск занял минут десять, хотя мне показался исключительно долгим. Я чувствовал себя не в своей тарелке ещё и потому, что из-за негерметичной кабины нас всех обрядили в скафандры. Мерзкая одежда!

Наконец лифт остановился, и мы сразу увидели его.

«Шар» или «Мяч Тритона».

Конечно, мы увидели не сам шар, а только его сегмент.

Кусок серого шершавого бока межзвёздного корабля.

Сотня метров в диаметре, возраст семьсот миллионов лет.

Сердце у меня билось как пулемёт. Я выбрался из кабины и подошёл к

шершавой, изъеденной пространством и временем стене. Она кое-где блестела, как полированная, и была похожа по материалу на серо-коричневый прочный диабаз. Возле Шара работало пятеро сотрудников – они что-то измеряли своими приборами, но меня никто не остановил.

Я положил руку в перчатке на камень. Даже сквозь пластик ощущался космический холод.

Значит, вы всё-таки существуете и прилетали к нам...

Рядом стояла королева. Она тоже водила пальцем по поверхности и внимательно её рассматривала.

Я вспомнил, что у этой удивительной женщины есть масса искусственных чувств, которых нет у обычных людей. Что, интересно, она «видит» своими суперчувствами?

Борт инопланетного корабля был таким шокирующим зрелищем, что от него хотелось немного отдохнуть.

Я отвёл глаза и осмотрелся вокруг.

В ярко освещённом просторном зале, в котором остановилась кабинка, виднелись отверстия нескольких тоннелей, идущих во льду вокруг «Шара».

Сейчас на Тритоне весна, и фонтаны бьют вовсю, но вокруг «Шара» сделали холодильную установку: отключили древний корабль от общей циркуляции жидкого азота в гейзере. Гейзер отныне перестанет быть «Ранней пташкой», а будет включаться и выключаться вместе со всеми другими фонтанами – ведь это инопланетный корабль подогревал основание гейзера теплом своего чуть живого реактора, заставляя «Раннюю пташку» просыпаться раньше других.

Согласно отчёту, который я читал всю неделю, «Шар» представлял собой практически сплошной монолит каменно-металлического состава или «квазисферическое сплошное (на 94 %) тело, состоящее из металлоподобных (~70 %), силикатных (~20 %) и полимерных (~10 %) компонент, сложно соединённых (сплавленных) друг с другом».

В качестве топливных баков «Шар» использовал небольшие боковые полости с каналами, способными ускорять и выбрасывать любое вещество, то есть которые могли быть одновременно и химическим, и ионным двигателем. В центре «Шара» находился ядерный реактор, который ещё теплился и объяснял чуть повышенную температуру «Шара» и льда вокруг. «Шар» походил на ядро огромной межзвёздной пушки, много испытавшее в полёте, очень прочное и, видимо, весьма надёжное и термостойкое. Сросшиеся в огромный сплошной шар молекулы силикатов, металла и полимеров могли иметь самые различные функции – и разгадывать все тайны «Шара» придётся очень долго.

Я снова положил руку на борт корабля.
Мне только кажется, что он теплее окружающего льда?
Значит, вы всё-таки прилетали к нам...

В кают-компании «Таганая» началось совещание. Кроме учёных и королевских советников, присутствовали королева Никки, Джерри Уолкер и капитан флагмана Орлеан.

Первым выступил доктор Олев Малког – толстый человек с весёлым взглядом. Малког возглавлял научную группу, которая рылась вокруг зонда уже два месяца, и доложил первые соображения о технологии зонда:

– Главная загадка «Шара» – практическое отсутствие топливных баков. Как же он ускорялся и тормозился? Мы прозондировали «Шар» на предмет гравикубических двигателей, который использует, например, ваш флагман, но не нашли их признаков. В этом смысле инопланетяне отстали от нас.

Мы полагаем, что «Шар» был ускорен специальным автоматическим кораблём с термоядерным двигателем, или с реактором на антивеществе, или с двигателем, использующим лазерный разгон. Такой разгонщик цеплял межзвёздный зонд и с гигантским ускорением в сотни «же» – а в способности «Шара» выдержать такие ускорения мы почти уверены – разгонялся до, например, полусветовых скоростей. После чего шар-зонд отсоединялся от корабля-матки и дальше совершал почти инерционный полёт.

Как же зонды тормозились возле цели – выбранной звезды? Нужно отметить, что тормозиться гораздо легче, чем ускоряться! У «Шара» найдены загадочные устройства, которые, судя по всему, способны генерировать мощные электромагнитные поля. Тормозиться «Шар» мог, раскинув электромагнитные лепестки и сгребая межзвёздный газ по пути. Фактически полёт «Шара» совершался при постоянном торможении!

Часть сгребаемого газа «Шар» аккумулировал в небольшие баки, используемые для коррекции курса. Зонд мог также совершать тормозные маневры, пролетая сквозь атмосферы массивных планет и даже звёзд – если ему это позволяла пока не измеренная, но явно высокая жаропрочность корпуса.

Никки сказала:

– Интересный вариант экономичного межзвёздного полёта: мощное ускорение в начале пути за счет другого корабля и долгое слабое торможение своими силами на всём остальном протяжении траектории.

– Верно! – просиял весёлый толстяк. – С нашей точки зрения, «Шар» –

вероятнее всего, зонд-разведчик. Но, возможно, этот «летучий голландец» является заблудившимся кораблём другого назначения, например автоматическим ретранслятором на коммуникационной линии двух цивилизаций.

Потом взяла слово высокая девушка, рыжая и энергичная. Её все звали просто Наташей. Она была главой группы шифровальщиков – или расшифровщиков? – которая занималась анализом информационных секций «Шара». Её команда провела виртуозную работу по поиску инфохранилищ межзвёздного корабля и считывания с них данных.

– Проблема в том, что любые записи на атомном или даже доменном уровне за семьсот миллионов лет превращаются в хаотические обрывки просто из-за неизбежной диффузии молекул в твёрдом теле. Поэтому нам пришлось разработать специальные методы расшифровки таких древних записей, извлекаемых из столь сплавленных мозгов. Кое-чего мы добились, и я представляю вам первую полученную нами картинку!

Рыжая девушка, ухмыляясь, сделала томительную для всех паузу, а потом на большом экране появилась квадратная картина.

Сначала никто ничего не понял: картина выглядела как набор случайных мазков краской или мозаикой из кусочков цветного пластика.

Но потом раздались возбуждённые выкрики:

– Вот он!

– Я вижу его!

– Где, где ты видишь?

– Это же ДИНОЗАВР!

Я тоже лихорадочно всматривался в картину и, наконец, увидел.

Сгорбленная фигура в первый момент напомнила человека, но потом глаза принимали во внимание заметный хвост другого цвета и становилось понятным, что это небольшой крупноголовый ящер. Он стоял на ногах, или на задних лапах, держа в руках что-то круглое. Руки были вытянуты – словно он протягивал этот непонятный предмет кому-то другому. И действительно – на правом краю картины была различима другая рука – или лапа? – также вытянутая вперёд.

Фон картины был зелёно-бурым и неоднородным. Растительность? Заросшая скала? Ещё какая-то геометрически правильная линия отслеживалась позади динозавра. Край стены здания?

Я очумело покрутил головой. Никак не ожидал, что доживу до того времени, что буду рассматривать реальные инопланетные фотографии. За столом кипело страстное обсуждение:

– А что, вполне вероятно... на Земле тоже были умные небольшие

динозавры – эти... хищные троодоны. Крупный мозг, бинокулярное зрение, передние лапы, приспособленные для хватания. Если бы они не вымерли, то мы, млекопитающие, могли бы и опоздать к занятию ниши разумных.

– Похоже на фантастический комикс!

– Ещё не факт, что инопланетяне – именно динозавры. Эта картинка может относиться к детской сказке, к домашнему или дикому животному.

– А когда будут следующие фото?

Наташа гордо сказала:

– Скоро. Мы надеемся получать каждую неделю по новому изображению.

Никки была довольна результатами совещания.

– Для меня очевидно, что космические программы перестали быть желательной опцией и превратились в необходимое условие существования человечества в обитаемой Вселенной. Не нужно фиксироваться на сроке в 700 миллионов лет – в нашей системе могут быть другие наблюдатели, более новые и хорошо спрятанные. Надо этим как следует заняться. Спасибо всем! Удачи вам в дальнейшей работе. Она может стать ключевой для определения всей космической политики человечества. И пора подготовить публичный пресс-релиз о нашей находке. Информации уже достаточно, главное – не вызвать мировой паники из-за страха перед нашествием «зелёных человечков».

Потом она повернулась ко мне:

– Профессор Кашлинский, не хотите поделиться своими соображениями?

Я нехотя встал:

– В данный момент могу сделать два сорта выводов об инопланетянах, создавших зонд: бесспорные и предположительные выводы. К бесспорным я отнесу два принципиально важных факта: разумные инопланетяне существуют, и они способны к межзвёздным перелётам хотя бы автоматических зондов.

Гипотетические выводы: они физиологически близки к нашим динозаврам. У них близкая нам система принципов и ценностей – потому что обнаруженный зонд пусть и необычен и технология его изготовления туманна, но функционирует он на вполне понятных нам принципах, да и цель его изготовления тоже постижима. Видимо, инопланетяне на расстоянии полёта таких зондов встречаются крайне редко, иначе таких артефактов мы находили бы больше.

Я полагаю, что «Шар» – это разведчик, который ищет удобные для колонизации планеты. То, что Солнце обладает тёплой планетой с

кислородом и водой, можно определить с помощью телескопа. Но остаётся ещё исследование на наличие и характер биосферы, для чего требуется посылка зонда.

Десять лет назад я выдвинул положение, что главным биологическим требованием инопланетян к искомой новой планете будет отсутствие существенной биосферы. Чем меньше чуждой биосферы, тем лучше. Земноподобные планеты с нулевой биосферой ценней всего – их можно заселять с ходу. Все остальные варианты оборачиваются дорогостоящей стерилизацией микрофлоры или войной с макрофауной.

– В смысле, с людьми? – уточнила Никки.

– И с людьми, но и другие звери весьма неприятны как разносчики чуждых и опасных микроорганизмов. Какие-то болваны придерживались точки зрения, что разные инопланетные жизни не могут жрать друг друга и поэтому взаимно безопасны. Реникса! Если не учитывать вариант несовпадения изомерий, то каждый инопланетянин состоит из сахара, белков, углеводов и является прекрасной пищей для земных червяков и микробов. Если кто из них и сдохнет, пережрав чужого мяса с непривычным белком, то на Земле всегда найдётся достаточное количество организмов, у которых инопланетяне как пища пойдут на «ура». Обратное тоже верно: микробам-пришельцам мы тоже понравимся в качестве съедобного жилища.

Я предсказывал в своей книге два типа межзвёздных кораблей: многочисленные и быстрые автоматические разведчики и – после обнаружения подходящей планеты – медленные и крупные космотранспорты с переселенцами. И никаких межзвёздных крейсеров! Я повторяю это везде и всюду: космические войны – это несусветная глупость. Конечно, планеты с жидкой водой и кислородной атмосферой встречаются далеко не у каждой звезды, но их довольно много. По осторожным оценкам, примерно половина таких планет биологически стерильны. Так стоит ли неэкономично воевать с заселённой планетой, если следующая подходящая планета будет уже пустой и бесплатной?

Дружелюбие инопланетян гораздо более вероятно, чем агрессивность. Воевать дорого и ненужно, а дружить – дешево и полезно. Аномалии не исключены, но мы говорим о наиболее вероятном развитии событий.

Был ли «Шар» послан специально в Солнечную систему или просто попал в неё случайно, исчерпав свой ресурс или промахнувшись мимо заданной цели? Я склоняюсь к первой версии, но тогда возникает вопрос: сообщил ли зонд своим хозяевам о Земле? Если – да, то почему они не воспользовались информацией своего зонда о существовании в Солнечной

системе кислородной планеты с водой и без разумной жизни? Напомню, что семьсот миллионов лет назад разумом на Земле и не пахло.

Возможно, у цивилизации псевдодинозавров возникли внутренние проблемы, которые не позволили колонизовать Солнечную систему, но я склоняюсь к мнению, что моя старая гипотеза подтверждается – инопланетяне не сочли приемлемой колонизацию планеты с богатой биосферой... Значит, инопланетяне гуманны, или, по крайней мере, рациональны. Это обнадеживает.

И я сел, грубо не предложив задавать мне вопросы.

Но королева от меня не отстала:

– Профессор, а вы не хотели бы возглавить проект Гринвич-центра по изучению психологии инопланетян? В свете данных, которые будут извлекаться из «Шара»?

Ох уже эти короли – для них нет ничего святого. Они готовы ради своих целей выдернуть человека из его спокойной жизни, затащить его на Тритон, на Луну, к чёрту на рога. Готовы сломать его тихую жизнь уважаемого преподавателя колледжа, разрушить его привычную борьбу с привычными научными врагами. Бесцеремонность, безапелляционность, безоговорочность. Ну уж нет, со мной такие фокусы не пройдут!

Я кашлянул и хрипло сказал:

– Только если мне дадут набрать группу в десять человек.

Вот так! Никакой безоговорочности! Я всё обговорю и на всём настою!

– Десять человек? – удивилась королева. – Всего? Хорошо, пусть будет десять. Так что, по рукам?

Я рассердился и подумал:

«Нет, ну какая напористость! Прямо дух перевести не дадут. Я должен всё не спеша обдумать, составить список требований и условий, согласовать его со своим юристом и юристами династии...»

– Так мы договорились, профессор? Я знаю, что у вас были проблемы с публикациями и докладами, зато сейчас у вас будет свой журнал и деньги на собственные конференции. Согласны?

Я расвирепел уже не на шутку и сказал суровым голосом:

– Да!

Глава 22

Мушкетёр и дюймовочка

22.1. Политик

Иван Петрович Сидоров заболел. И престраннейшим образом. Уходил в отпуск – был человек человеком: все государственные дела решительно отфутболил на две недели, устроил шумный ужин с друзьями, секретаршу крепко расцеловал и наградил отгулами.

После отпуска изменился видный политик разительно: изменениями от него прямо-таки стало разить. Это немедленно заметила секретарша Ангелина.

Во-первых, зашёл босс в приёмную неспешно, без обычного решительного напора. Заозирался, будто забыл, как устроена собственная приёмная. А ведь даже стенные панели сам выбирал.

Во-вторых, с секретаршей поздоровался сухо и рассеянно. И ничего не привёз ей из отпуска! А ведь три дня должен был провести в Париже!

Ангелина всполошилась, аж задумалась. Тут просители стали накапливаться на приёмных стульчиках. Секретарша зашла в кабинет к Ивану Петровичу – будто спросить, что с ними делать. Предлог, конечно, она и сама знала: гнать в три шеи к трём заместителям. Но Иван Петрович неожиданно согласился всех принять.

Заболел! Заболел! Без звука принять посетителей?! Первый раз такое. Ладно бы перед выборами, так ведь и года не прошло, как народная любовь была разогрета до нужной точки.

Ангелина поняла, что нужны решительные меры.

Она наклонилась к Ивану Петровичу и сочно заворковала ему в ухо, радуясь, что блузка сегодня на редкость удачная.

Но он слушал невнимательно!

Тогда Ангелина, в панике, и сама краснея, горячо зашептала такие соблазнительные вещи, что...

И тут Иван Петрович сдался: встал и обнял секретаршу за талию так, что даже каблучки оторвались от ковра. И легко двинулся к дивану. Ангелина обрадовалась достигнутому результату и за четыре секунды расстегнула половину блузки.

Иван Петрович протащил секретаршу мимо дивана, дошёл до двери, аккуратно выставил Ангелину и закрыл за ней тяжёлую створку, обитую кожей.

И осталась Ангелина стоять в распахнутой блузке посреди приёмной, полной посетителей.

Дура дурой.

Этой сцены Ангелина шефу никогда не простила, и видимость служебной любви сменилась очевидностью личной ненависти.

Дальше стало ещё хуже и даже страшнее.

Всего за неделю политик выставил дураками всех друзей по службе и бизнесу. В лексиконе Ивана Петровича появилось непривычное слово «взятка», а его поведение привело к острому кризису внутри партийной фракции, которая тут же поставила вопрос об исключении политика из своих сплочённых, практически сросшихся рядов.

В ответ Иван Петрович Сидоров замкнулся в кабинете и стал готовить публичное выступление. Ходили слухи, что оно будет полно ужасных разоблачений с катастрофическими политическими и уголовными последствиями. Сам Иван Петрович называл свою речь программой по улучшению и оздоровлению жизни. Но коллеги боялись, что эта программа будет противоречить самой жизни, особенно их жизни.

И вот решающий день настал.

Иван Петрович орлом взбежал на трибуну. Многотысячная толпа на площади и многомиллионное сообщество телезрителей прищурили глаза и навестили уши.

Иван Петрович Сидоров, не заглядывая в доклад, открыл рот и прогремел на всю площадь неожиданное:

– Убийцы, пожалуйста, не убивайте детей!

Слово «убийцы» прозвучало не осуждением, а лишь обозначением профессии.

Наступила тишина. Даже голуби на фонтане замерли. Иван Петрович окинул гордым взором людское море и снова загремел:

– Люди, пожалуйста...

В этот момент по всем ушам ударил раскатистый и многократный звук.

В спину Ивана Петровича вонзилась с влажным чмоканьем пуля и взорвалась внутри позвоночника. Она была выпущена из ствола пистолета-полуавтомата «глок-17» помощником депутата Оникуева, коллеги Ивана Петровича по фракции.

Вторая пуля неуверенно, но вполне смертельно вошла в район печени. Ангелина неделю практиковалась со снайперской винтовкой. Надо было ещё несколько уроков взять.

Очередь из автомата разорвала шею и снесла часть черепа политика.

Это собственный помощник постарался.

Больше всех натворила дел подствольная граната, попавшая в живот депутату. Хрязинские братки никогда не отличались изяществом действия, предпочитая эффективность.

Но не кровь и не ошмётки плоти брызнули в разные стороны от Ивана Петровича в ответ на обиженные и убедительные послания соратников.

Шестерёнки, провода и куски схем разлетелись по трибуне.

И каждый из стрелявших вскрикнул своё, искреннее:

– Только нелюдь мог со мной так поступить!

– Святые хрязинские угодники!

– Вот почему он перестал ходить на собрания в баню!

– Это недоделанный робот!

Среди общего визга и воплей, воцарившихся на площади, никто не услышал этих восклицаний. Как и последних слов робота, замерших в воздухе:

– Люди, пожалуйста, не... – и осыпавшихся с шестерёночным звоном на тротуары.

Толпа бросилась по переулкам, спасаясь от невидимых снайперов.

Робот Иван Петрович, истекая охлаждающе-смазочной жидкостью, прошептал:

– Эх, люди, люди...

Но его снова никто не услышал.

Автор закрыл рукопись и воззрился на десяток слушателей, сидевших перед ним.

– Ну, как? – с надеждой спросил он у литбригады, допивающей кофе и дожирающей служебные рогастики.

Аркаша, начальник «бригантинки», тоже посмотрел на всех, но спросил уже строго:

– Ну, что скажете об этом... «Робополитике»?

Литбригада зашевелилась. Она привыкла потрошить и резать сюжеты любителей. Обычно от них оставались одни опилки. Редкий сюжет шёл в дело, да и то – в финальном тексте о начальном варианте напоминали пара рожек да ножек. Вместо благодарности авторы обычно ужасались.

– Отчётливый парафраз «Чужого в чужой стране».

– Кто станет читать про политику и разоблачения?

– Язык слабоват. А слова сложноваты. «Ошмётки» – кто знает, что это такое?

– А мне понравилось... – Венечка как всегда оригинальничал.

Автор «Робополитика» был одет очень ярко и потрёпанно. Администратор группы Ксения шепнула пиар-аналитику Маре, сидящей рядом:

– Тем, кто сочиняет хорошие книги и ходит в рваных штанах, я бы посоветовала – если бы они пожелали меня выслушать – сначала обзавестись приличными штанами.

Мара хихикнула:

– Хамская мысль!

– Конечно, это Монтень.

Ксения была крепкотелой рослой девицей и коренной москвичкой. Не очень эффектное, но симпатичное лицо вызывало уважение презрительным выражением умных глаз. Мара была попроще, постарше и каждый день приходила на работу с новым цветом волос.

– Что скажет структуратор? – Аркаша зыркнул из-под лба.

Авторитетный Матвей, слывший энциклопедистом и знатоком, усмехнулся:

– Был бы я доктором – порекомендовал бы электрошок и флеосодержащие препараты, а так – храню восторженное онемение.

На этом творческая реакция группы необычно рано иссякла.

– Я считаю, что над этим надо подумать! – властно заявил шеф Аркаша.

Ксения удивлённо воззрилась на шефа. Что тут думать? Историю про подмену человека роботом не печатали только ленивые или умные.

Но сотрудники, уставшие к вечеру пятницы, не возражали – чтобы не затягивать совещание.

– Подумать никогда не мешает. Думать – не груши околачивать, не больно, – с усмешкой подытожил текстовик Игорь, лохматый парень в очках и вечных свитерах, переселенец с Урала.

Все испарились на уик-энд. Но шеф кивнул Ксении и поманил её за собой.

В клетке-кабинете шеф тигрино зашагал, горя глазами.

– Вы чего, шеф? – удивилась Ксения.

– «Робополитик» – это золотая жила! – крикнул Аркаша. – Мы пишем роман про политиков и берём с них деньги за позитивное упоминание в нём. За рекламу! И за антирекламу... вернее – за её отсутствие, тоже можно брать... Рекламирывать не товары и бренды, а политиков и партии! Дело новое, но перспективное.

Очередная гениальная идея. Ксения пожала плечами и грустно

сказала:

– Мелко копнём – не заплатят, крупно копнём – нас самих закопают, шеф.

Аркаша сверкнул цыганским глазом:

– Не руби с плеча, а подумай над этой идеей.

Ксения выбросила эту историю из головы уже в лифте. Подумать? Только не во время личной свободы. Вечер пятницы – лучшее время недели, особенно в разгар лета.

22.2.Ксения

Субботним утром Ксения улетела на Цейлон.

Замечательно отдохнула, искупалась раз десять в тёплой, как молоко, воде.

После морского купания и горячего душа хорошо сидеть на балконе в толстом махровом халате – пить кофе, смотреть на море и щуриться на солнце. Сидеть нужно в халате непременно на голое тело.

Ксения обожала Цейлон.

Вечером в воскресенье собралась назад в заснеженную Москву.

В аэропорту Коломбо перед дотошным пограничным контролем маялись человек пять братьев-славян. У окошка стоял бритоголовый красивый парень.

– Географическое гражданство?

– Москва! – гордо сказал парень.

«Сибирский москвич...» – подумала Ксения.

– Юридическая защита?

– Ай-би-эм.

– Есть ещё принадлежности?

– Социальное обеспечение от Швейцарского банка.

– В Швейцарии на пенсии хорошо, – сказал кто-то из очереди. – Парень не дурак.

– Во Флориде лучше, – возразил другой голос. – Я уже перевожу туда свои пенсионные выплаты.

В соседних самолётных креслах беседовали две старушки в платках.

– Я и говорю ей: эх, сватьяшка, вот когда ты приезжала ко мне в гости, то я тебе давала сыр без плесени, свежий! А она только улыбается и своё лопочет...

Возле Ксении сели два гурмана-энтузиаста из Киева. Когда они обсуждали последние новости о мариновании лягушачьих лапок, она ещё терпела. Когда они перешли на лучшие способы жарки белок, Ксения стала

искать глазами свободное место в салоне. Как назло, всё обозримое пространство было занято. Когда гурманы заспорили о том, считать полупереваренные водоросли в желудке моллюсков мусором или деликатесом, Ксения позвала стюардессу, доплатила и перешла в первый класс. Иначе бы её одолела не воздушная, а кулинарная болезнь, но с тем же результатом.

Ксения ехала на электробусе по московским улицам. Мостовые были черны, декабрьские снежинки летели редко и сразу таяли.

В почти пустом салоне сидели две очень юные девушки и что-то горячо обсуждали. Потом чёрноволосая замолчала и жевательно задвигала челюстью, а другая, симпатичная блондинка, сердито воскликнула:

– Вот приму цианид и буду лежать вся в белом и с розой на груди – вот тогда этот гад зарыдает! Да поздно будет!

В этот момент электробус стоял на светофоре, выключив моторы. В салоне стало тихо, поэтому негромкое восклицание блондинки прозвучало отчётливо.

Тётка, сидящая сзади девушек, вдруг бесцеремонно влезла в разговор:

– Как только ты умрёшь, твой сфинктер расслабится и будешь ты лежать не в белом, а с полными и мокрыми штанами, и пахнуть вокруг тебя будет совсем не розами. А тот гад, если и поплачет денёк, то завтра его утешит живая красотка. Зато ты будешь валяться холодная и в полной темноте.

– Что вы несёте, тётечка? – взвизгнула девушка, оборачиваясь.

– Правду несу, дура! – отрезала тетка. – Двадцать лет в морге работаю и всё знаю про жизнь и несчастную любовь. Жизнь – не побрякушка, на мечь её не меняй. Всё можно исправить, всё перемолоть, вот только душу назад в тело не вернёшь – вылетит птицей, и останется одна вонь...

Махнула рукой и вышла на своей остановке. Светловолосая девушка осталась сидеть, ошарашенная и со слезами на глазах.

– Вот сволочная тётка, всю романтику испортила, – сказала подружка-брюнетка и отправила в рот новую порцию розовой жвачки.

Ксения приехала домой, бросила сумку с ещё мокрым купальником в угол, посмотрела на свою пустую комнату... и тут на неё навалился такой приступ тоски и одиночества, что она села на стул и заскулила, как голодный щенок. Даже электробусная блондинка с напряжёнными отношениями со своим гадом показалась ей счастливее.

Прабабушка Ксении любила поговорку: «Поганое корыто – счастливое».

Ведь если в корыте есть грязное бельё, то это означает семью,

взаимную заботу и счастье... А у Ксении – ни корыта, ни счастья...

Она вскочила и бросилась к компьютеру. Есть один человек, который мог развеять её тоску:

– *Мушкетёр, ты здесь?*

– *Привет, Дюймовочка. Не спишь ещё?*

С Мушкетёром она разговаривала в Сети уже два года. Она была им просто очарована, одно время надеялась на личную встречу и даже подбросила ему свой номер т-фона. Но он так и не позвонил, и Ксения поняла – Мушкетёр женат.

Но она не отказалась от виртуального общения с ним – слишком уж была одинока. А Мушкетёр был умён и умел её понимать, как никто.

– *Какую музыку ты любишь?*

– *Шорох дождя по листьям.*

– *Я как-то слышала далёкую флейту в ночном лесу. В моей жизни это была самая щемящая музыка.*

Ксения соврала, что она начинающий писатель-одиночка.

Мушкетёр не скрыл, что не понимает современной литературы и не любит нынешние книги, изготовленные коллективно. И что сам он – учитель истории.

Они много спорили о литературе. Ксения была уверена: литература – один из столпов мира, убери его, и вселенная рассыплется на растерянных черепах и больных от горя слонов.

Ксения доказывала:

– *Умный человек всегда одинок – у него есть глубокий внутренний мир, в котором он настолько один, что даже может погибнуть там от тоски. Книга для него – незаменимый друг в этом мире. Глупый же человек мелок, внутреннюю вселенную ему заменяет коллективный мир тивисериалов и виртуальный мир шумных компьютерных игр.*

Мушкетёр возражал:

– *Глупые люди, возможно, ещё более одиноки, только не понимают этого или не говорят об этом. Если у коровы аппендицит, она тоже ничего не может сказать, но живот у неё болит не меньше, чем у человека.*

– *А у коровы может быть аппендицит?*

– *Не знаю.*

– *Вот то-то и оно.*

Ксения писала массу неистово-романтических отрывков, надеясь, что когда-нибудь к ней придёт захватывающая дух история, которая соберёт в себя лучшее из написанного и станет книгой, за которую Ксении не будет

СТЫДНО.

Лучшая погода для раздумий – туман в кипарисовой аллее, который сгущается в тёплый дождь. В молочно-кипарисовом пространстве хорошо уходить в себя и брести там среди деревьев. Мир не существует, скрыт за белой влажной пеленой, мокрые кипарисы тихо выступают из неё и так же тихо уплывают. Шелестящая тишина падающих ниоткуда капель. Аромат неспешно растущей мысли и острый привкус южной древесной смолы. Волны водяной пыли смешиваются с сочными запахами влажной зелени и цветущей акации. Тёплый туман концентрирует мысли, и его можно продавать в аптеках – для студентов, в пузырьчках. Мелкая вода тихо плывёт с неба и инкрустирует свежие апрельские листья росой. И ты радостно знаешь, что лето уже близко. На расстоянии одного дружеского локтя, сразу за порослью цветущего дрока и за дюжиной горячих рассветов.

Ксения находила всё новые и новые определения, которые доказывали важность литературы:

– *Литература – это настоящая жизнь, наконец-то открывшаяся и высветленная.*

Мушкетёр посмеивался:

– *Литература – это сигнальная система, слуховая труба, на одном конце которой надрывается писатель, а на другом – позёвывает читатель.*

Ксения не успокаивалась:

– *Для умного читателя литература – не зона досуга, а зона моделирования и прогностики будущего.*

Мушкетёр тоже не сдавался:

– *Современная книга – это тест Тьюринга, в ходе которого читатель пытается понять, человек ли писатель?*

Больше всего Ксении нравилось следующее определение:

– *Литература предстаёт перед писателем как живое сверхсущество, наделённое вечной жизнью. Оно стоит над всеми современниками и соотечественниками. Все мы, великие и невеликие, знаменитые и неизвестные, пляшем под его дудку. Оно существовало до нас и переживёт нас всех. Мы умираем, а искусство остаётся. Его конечные цели нам неизвестны.*

Мушкетёр возражал:

– *Литература – способ душевной коммуникации и средство*

эффективной социализации. Остальное – рюшечки...

Они были друзья, и даже больше.

– Что ты делала вчера вечером?

– Взяла в постель журнал мод полистать – и заснула, держа его в руках. Меня этим толстым журналом чуть не прибило. А что ты делаешь по утрам?

– По утрам? «Завтрак! Завтрак!» – трубят рефлексы.

– Ты толстеешь с возрастом?

– Нет, просто брючные ремни раньше были длиннее.

– Я тоже заметила, что фотографии знакомых старушек стали заметно молодеть.

Они рассказывали друг другу то глубинное, чем не осмелились бы поделиться с реальным живым собеседником.

– Неужели жизнь состоит лишь из открывания консервных банок, покупки туалетной бумаги и смотрения в тивизор? Ведь должен же быть какой-то высочайший смысл извлечения меня из небытия на почти сто лет? Что я должен сделать в этой жизни, чем придать ей смысл?

– Исправь человечество, спаси мир.

– Нужно оно мне больно, это дурацкое человечество, этот загаженный мир.

– Если тебе не нужны ни люди, ни природа – тогда твоя жизнь заведомо бессмысленна. Ещё лет тридцать поспрашиваешь за кружечкой пива о смысле жизни – и Вселенная спишет тебя как неудавшийся шанс.

22.3.Литбриг

Понедельник – этим всё сказано! Даже глазунья на завтрак получается какой-то бельмастой.

Игорь вырулил на своём «кубике» – автомобильчике-кабинке со стандартными размерами шасси метр на метр и чуть больше в высоту – с тесной стоянки на улицу Островитянова.

Озимое бледное небо было вспахано на совесть, облачные клубочки аккуратными рядами шли с севера на юг. Солнце светило меж рядов белой облачной пашни, но было по-зимнему прохладным.

На обочине шоссе стоял столбиком крупный коричневый бобёр и с удовольствием скусывал толстый стебель медвежьей дудки, не обращая внимания на машины.

«Битцевские, – подумал Игорь, – совсем обнаглели...»

И встал на полосу вслед за маленьким грузовичком.

Игорь ехал и с наслаждением вдыхал запах свежего сена. Потом

спохватился – откуда в Москве сено? Газоны в столице, конечно, стригут, но пахнет не стриженной травой, а именно сеном – душистым и сухим.

Причём пахнет уже давно! И даже травинки летят в стекло!

Игорь проследил траектории летящих соломинок и понял, что грузовичок, который едет впереди, везёт два огромных рулона сена – наверное, в конно-спортивный клуб.

Так всю дорогу Игорь и ехал в шлейфе сенного дурмана.

Хорошо. И скоро необычно тёплое Рождество. Уже звенят рождественские колокольчики по тротуарам.

На обочине нужного Игорю поворота переливалась светом милицейская машина. Сердитый милиционер уже кого-то клевал, сигналив головными лампочками, и на дорогу не смотрел.

В «бригантинке» Аркаши Потапова кипело производственное утро, осложненное понедельником.

На двери кабинета начальника светилося обычное:

«Человек, о чём думает твой крошечный мозг?»

Сюжетник Стас сидел за своим столом, лихорадочно набирая что-то на компьютере, и бормотал странную молитву:

– Приди ко мне, Дед Мороз... и подари билет в волшебную страну, где январское солнце плавит разноцветный океанский песок, а из замороженных гор лениво вылезает огненная лава...

Он на секунду разогнул усталую спину и снова стремительно застучал по клавишам:

– ...там красные кораллы растут под мягкие звуки гитар, зимние ночи пахнут лилиями, а блондинки из открытых машин улыбаются раскосыми глазами, загорело и длинноного... И будет там нега и плещущий покой...

Он закончил работу, отправил её кому-то и торжествующе воскликнул:

– Дед Мороз, ты всё успел записать? Пожалуйста, ничего не перепутай!

Видимо, очередной шедевр сотворил.

Игорь поздоровался:

– Как жизнь, Стас?

– В вечных творческих судорогах!

Значит, всё нормально, сюжеты рождаются, зарплата светит.

Если Стас отвечал: «Как обычно – по уши в консенсусе...» – то это означало, что шеф очередной сюжет зарезал. Стас угрюмо говорил: «Получен нахлобучник неясной этиологии».

На двери рекламного отдела появились два новых листка с образцами жанра.

Волк хромоногий
Из лесу вышел к дороге.
И посмотрел налево.

Автоинспектор Иван Машнин.

Пьянству – бой! Не пей, товарищ.
Враг труда – алкоголизм.
Вот умрёшь и не узнаешь,
Как построим коммунизм.
Автор неизвестен, XX век

Бригадное утро бурлило и выплёскивало реплики и эмоции.
Аркаша обрушился на огрызающихся идейников:
– Придумайте что-нибудь свежее, острое, бодрящее любого человека!
– Например, туалетную бумагу с перцем?
Текстовик Венечка громко продекламировал:
– О, любимая! Как чудно золотятся на закате твои усы!
Ксения зашипела рассерженной кошкой:
– Что это?
– Песнь мартовского кота.
– И где в нашей книге мартовский кот?
– Ну, я подумал, куда-нибудь можно вставить...
– Бездельник! Думал он! Иди и немедленно прогони по компьютеру имена вторых персонажей по параметрам потенциальной популярности и предложения таргет-группы.
Игорь пробормотал:
– Жил-был человек по фамилии Зазубрин. А жена у него была – Зазубрина. И жили они не гладко, со скрипом...
Структуратор Матвей вышел из кабинета начальства, налил воды в пластиковый стакан и пожаловался в пространство:
– У меня невроз отложенной жизни.
– Отлаженной? – переспросила Ксения.
– Нет, это совсем другой невроз.
Матвей Биверенко, умный и немолодой циник, был структуратором, отслеживающим композиционную уравновешенность и соразмерность книжного текста. «Здесь нужен диалог с двумя шутками, а это описание

должно быть сокращено в три раза». Нюх на книжную гармонию у Матвея был звериный, и текстовики с сюжетниками покорно его слушались.

Матвей часто недоговаривал фразу. «Оба толкования проливают». «Это не должно существенно». «Пусть это нас не!»

Но все его понимали.

Когда шеф Аркаша зарубал предложения Матвея, он цедил сквозь зубы: «Ладно, заползём с другого боку. Мы, змеи, люди не гордые...»

Венечка размахивал толстой старинной книгой:

– В словарях, ребята, есть своя большая поэзия! Слушайте: «Рот – полость между верхней и нижней челюстями, имеющая отверстие в нижней части лица». Какой могучий метод освежения текста! Берём штамп, вульгарщину: «Она, страстно мыча, прильнула к нему пылким ртом» – и переделываем: «Она поцеловала его пылким отверстием в нижней части лица». А он, естественно, обнял её «конечностями от плеча до пальцев», нежно прислонив к «верхней части передней стороны туловища». Какой творческий пласт пропадает!

Ксения пыталась вернуть Венечку в рабочее русло:

– Я тебя спрашиваю, Венечка, что это такое: «Ночная птица с нечеловеческим терпением кричала под окном»?!

– Это лингвистический шедевр.

– Это лингвистическое слабоумие!

– Ах, не о том я сейчас думаю. Возможно ли счастье без национальной идеи? Вот в чём вопрос... Любая национальная идея должна учитывать интернациональность мира. Беда в том, что, чем меньше калибр, тем сильнее нужно библиковать и мигать огнями. Ведь коллективное – это всегда бессознательное.

– Ой, не говори красиво, а то я тебя не понимаю... – воскликнула Мара.

Сюжетники взяли в клещи лысого идейника за какие-то грехи синопсиса интеллектуальной фантастики, но идейник был опытен – он радостно скалился и ловко отбивался:

– Во-первых, интеллектуальная литература и литература для интеллектуалов – это две большие разницы. Во-вторых, не будем путать интеллектуальность с туманностью. Следы мозга запутывают лишь неуверенные в себе люди. Пора понять, что умные люди – не дураки. В-третьих, почему вы думаете, что прогресс в быту будет бесконечным и непредсказуемым? Тивизор, т-фон и автомобиль оптимальны в главном и меняются мало, потому что они физиологически детерминированы. Глаз, ухо и задница в будущем не изменятся.

К середине дня Ксения уже рычала как бенгальский тигр:

– Венечка, ты зря решил, что «сбрендил» – это отход от бренда! И когда ты допишешь сказку о военно-полевых мышах?

Матвей разъяснял Стасу:

– Теория относительности работает везде. Вот ты говоришь своей девушке: «Дорогая, вместо обещанного кольца с бриллиантом я дарю тебе на день рождения дохлую муху!»

– И она меня убивает на месте. Ловко, одним ударом.

– Но согласно теории относительности, твоя девушка очень обрадуется, если она – страстный энтомолог и гонялась за данной мухой всю жизнь.

– Слово «страстный» мне нравится, но термин «энтомолог» настораживает...

– Это потому, что у тебя нет в запасе нужной дохлой мухи.

Аркаша обсуждал с Игорем щекотливый вопрос:

– Религия – дань неиссякаемой человеческой инфантильности, она позволяет взрослым людям побыть детьми при Небесном Отце, который простит грехи и даст установку на жизнь. Раньше Бог был молод и жесток. Он управлял примитивной жизнью древних людей, диктуя всё и вся – от материала подштанников до списка преступлений, караемых смертью. Впрочем, неправильные подштанники тоже карались смертью. В условиях сложного современного мира Всевышний стал терпим и аллегоричен. Что старенький Бог понимает в акциях, фьючерсах и апелляционных судах?

– Но вопросом о Боге мы расколем читательскую аудиторию!

– Однозначность восприятия литературного текста недостижима в принципе. Нет в природе абстрактного Читателя. Есть юные девушки в розовой росе и говорливые завсегдатаи вонючих пивных. Ажурная чаша для икебаны для кого-то предмет культа, а для кого-то лишь неисправный ночной горшок с дырками. У книжного героя эмоциональный спектр дискретный, а у читательской массы – непрерывный, поэтому не пытайтесь поймать всех читателей сразу, целься в конкретную группу.

Потом Игоря перехватила Ксения. На Игоря и прочих литбригадовцев Ксения смотрела всегда с пренебрежительным прищуром.

– Игорёк, делай что хочешь, но, если через неделю два авторских листа слюнями и кровью не закапаешь, – пеняй на себя!

И отвернулась, не дожидаясь ответа.

Ксению Игорь знал мало: на работе она была язвительной и нетерпеливой, а на бригадных вечеринках – самой трезвой и молчаливой. Игорю казалось, что вся их работа вызывает у Ксении невидимую, но

издевательскую усмешку.

«Не видит она в нас мужчин...» – вздохнул он.

Да, книжный сериал «Иван да Марья да Ирка» не является шедевром мировой литературы. И «Любовь рогатого ангела» не войдёт в анналы культуры – зато сто тысяч домохозяек эту книжицу прочитают и поплачут над грустной судьбой героини. Работа у нас такая.

Ксения, ты вчера родилась?

Конечно, в юности Игорь мечтал вовсе не о карьере текстовика литбригады. Он собирался стать поэтом или философом. Вернее, сразу и поэтом, и философом. Но после университета он долго не мог найти работу по душе, а потом подвернулась литбригада, и Игорь легко справился с заданием, втянулся. Деньги неплохие, и менять что-то – просто страшно. Если писать стихи или интеллектуальные эссе – кто это купит? И чем дальше, тем сложнее было Игорю решиться и сломать привычную жизнь, отказаться от кормящей его работы, не очень почтенной в его собственных глазах.

Игорь ехал домой на автопилоте в плотном потоке толкающихся кубиков и сердился на ироничную Ксению. И почему-то вспомнил свои первые стихи.

Дети живут в прозрачном пространстве счастливых ожиданий, взрослые – в тумане грустно-сладких воспоминаний.

Прошлое качается гирляндой клейких картинок, и эта зыбкая цепь неожиданно скрепляет жизнь в единое целое.

Вот одно из таких воспоминаний-звеньев.

Зима. Ему лет тринадцать. Он едет у задней двери в переполненном замёрзшем автобусе. В середине салона, у алюминиевого поручня, стоит девочка в пушистой шапке.

Внезапно их взгляды встретились и замерли. Незнакомые люди, тем более – стеснительные дети, редко смотрят в глаза друг другу. Но между ними лежало обширное безмолвное пространство над головами сидящих людей. И это пространство, разъединяя, позволило бесстрашно и бесстыдно соединиться взглядами.

Глаза её светились, как голубые звёзды, и она была, без сомнения, прекрасна под своей пушистой шапкой.

Они смотрели друг на друга, не отрываясь, весь длинный, короткий автобусный перегон.

Через десять секунд они стали не чужие, через минуту – влюблены.

Потом автобус остановился и открыл двери.

Мальчик медленно вышел на своей улице и, с горячо бьющимся

сердцем, нерешительно затоптался на обледенелом тротуаре.

Девочка не вышла.

Автобус подождал-подождал, презрительно фыркнул и отчалил по неизменному маршруту.

Мальчик проводил автобус тоскливыми глазами.

«Дурак! Дурак! Это была ОНА! Какой же ты дурак!»

С тех пор он всё время ездил в автобусах только возле задней двери и всегда смотрел на то место, где у алюминиевого поручня стояла пушистая голубоглазая девочка.

Но больше он никогда её не видел.

Время необратимо. Мир полон горя.

С тех пор он стал писать стихи. Это были подростковые стихи – обычные и закономерные, как прыщи, но эта рифмованная писанина была важной отдушиной для Игоря – собственным тайным миром.

Хотя мальчик Игорь думал о земной девочке из городского автобуса, в его стихах жили удивительные эфирные существа, которые прилетали к нему из далёких галактик или даже из будущего.

Сто тысяч лет лечу из Андромеды,
Родной души неявные приметы
Ищу, но безуспешно – там лишь мрак и холод реют по кругам.
Как страшно одиноким нам.

Прошло столько лет, а он никак не может найти свою девочку с глазами-звёздами. Человека, с которым можно разделить свой мир и увеличить его вдвое... или стократно.

Игорь очень боялся ошибиться. Боялся патологически, до озноба.

Как встретить в этом огромном мире того редкого – редчайшего! – человека, с которым ты будешь полностью счастлив?

Невозможная по сложности задача.

22.4. Ужин

В ресторан «Три толстяка» людей набилось традиционно много, но друзьям повезло: как раз освободился угловой столик, и они его быстренько заняли.

Потолкались, развалились на кожаном полукруглом диване и приманили официанта. Подошла очень молодая официантка в фирменной майке с тремя толстяками. На майке худенькой девушки трём пузанам было

тесно, лица их всё время морщились и кривились.

Стас, Матвей и Игорь заказали себе пива, а Бульба с кислым выражением лица потребовал минеральную воду.

– Я за рулём, – сказал он в ответ на возмущение друзей. – И автопилот сломался, третий день норовит привезти меня не домой, а только останкинские ведьмы знают куда. Не буду даже говорить, куда.

– А у нас есть свежавыжатый апельсиновый сок, – предложила девушка.

– А у меня от апельсинов газы, – отрезал Бульба.

Официантка мгновенно исчезла.

– Умеешь ты говорить с девушками, – вздохнул Стас.

– Она не девушка, а официантка. А как надо говорить с девушками?

– Им надо дарить цветы и звать нежным тайным именем – блохастик, там, или чучундра.

– Хорошо, сейчас эта тощая вернётся, и я назову её чучундрой.

Но напитки принёс рыжий толстый официант. Бульба возмутился:

– Зачем мне газированная вода? Я что, похож на обвисший цеппелин, которому требуется заправка? Принесите воду без пузырьков!

Бульба работал с книжными сетями и целый день ласковым голосом уговаривал их купить продукцию литбригады. Поэтому после работы он был груб и несносен. «Я своё отсюсюкал!»

Ещё он любил выражаться таинственно: «Деньги мне не нужны, у меня их и так нет!»

Стас поднял кружку и произнёс любимый тост:

– Кто с нами не дружит – сам виноват!

Для сюжетника Стас был слишком молод и предсказуем. Ближе к середине вечера он провозгласит:

– Праздновать нечего, но праздновать надо!

К концу пирушки холостяк Стас обязательно скажет:

– Каждый кобель доверчив, прожорлив и всегда готов прогуляться с хорошенькой... собачкой!

И безуспешно попытается взять у официантки номер её т-фона.

Как всегда, мужской разговор быстро закрутился вокруг женщин. Бульба был уже женат («человеческий брак требует нечеловеческой выдержки»), Стас и Игорь были ещё в поиске, а Матвей не увлекался женщинами («это слишком просто, чтобы быть интересным») и туманно говорил: «Трудно жениться оптимально: мужчины стареют медленно, а дряхлеют быстро».

Матвей ухмыльнулся:

– Стас, ты всё время ищешь идеальную девушку. Предположим, ты её нашёл. И на кой чёрт ТЫ ей сдался?

Стас мечтательно сказал:

– Я слышал, что есть редкие суперженщины, у которых не две женских хромосомы, а три.

Матвей поднял брови:

– А, это трисомии или метаженщины. По-моему, они ничем не супер и не такие уже редкие – на пятьсот женщин рождается одна метаженщина, что чаще, чем рождение трисомиков с синдромом Дауна.

– И ещё есть агрессивные супермужики, у которых на одну женскую хромосому приходится не одна, а две мужских.

– Есть такие, один на тысячу. Только насчёт агрессивности – вранье. И чаще встречается обратная мутация – когда у мужчин по две женские хромосомы. Такие мужчины-трисомии женоподобны, глупы и болтливы. И склонны к драматизации своих переживаний.

Бульба скривился:

– Кончайте про мутантов! Меня от таких разговоров мутит. – И проворчал кому-то: – Эй, вы, с охапкой пива! Вежливость советует проходить возле человека, повернувшись к нему лицом, а не задом.

Стас откликнулся:

– К женщинам это правило не относится, они выглядят вежливыми со всех сторон. А вы заметили, что девушки, которые шли по Арбату с другими девушками или вообще одни, были одеты гораздо эффектнее, чем девушки, шедшие с парнями? Красивая одежда для одинокой женщины – это одновременно и маскхалат, и охотничье оружие. Она ищет добычу!

Игорь поинтересовался:

– А девушка, которая с парнем, её уже нашла?

Бульба согласился:

– Верно. Нашла и ест.

Матвей отметил:

– Страсть к яркому и красивому может быть заложена на хромосомном уровне. Вот у птиц всё не как у людей, а наоборот: у людей по две одинаковых половых хромосомы имеют человеческие женщины, а у птиц – самцы, которые оперением обычно ярче самок.

Вдруг Бульба помотал головой, как лошадь, доедаемая гнусом, и сказал не к месту:

– Моя жена терпеть не может любых насекомых и визжит на них громче, чем на меня. Мы уничтожили в квартире всю живность: жена оглушает её звуковым ударом, а я добиваю тапком... Она всё время

заставляет меня кого-нибудь убивать: то муху, то паука какого-нибудь. Я стал профессиональным киллером!

Пока ждали заказанную еду настоящих мужчин – жареные свиные ребрышки, пару бифштексов и порцию креветок, Бульба, единственный отец в компании, вспоминал:

– Моему сыну доверили украсить мигающей гирляндой елку. Он так хитро разместил лампочки, что получился динамический мультик.

– Какой умный мальчик!

– Ага. Но мультик был ужасно неприличный. И как раз директор школы пришёл на елку...

Наконец принесли заказ.

Голодные мужские желудки при виде еды заурчали, как влюблённые голуби.

Когда подзакусили и вакуум в животах ослаб, вспомнили о работе.

Бульба заворчал:

– Не понимаю, что себе думает Аркаша. Наша прибыль на нуле, литературные е-игры и кибер-романы, написанные дурацкими любителями с помощью этого проклятого Великого Инки, вытесняют нас всё больше.

Игорь вздохнул:

– Если человеческая литература пасует перед компьютерной, и Инка оказывается лучшим писателем, чем мы, значит, так надо. Всякая пакость на свете свои причины имеет и куда-то путь держит.

Матвей усмехнулся:

– Брось. Жизнь самотекуча, безмозгла и страшнее домыслов конспирологов. Раньше писатели были кустарями-одиночками. Их вытеснили текстовики и структураторы – с жёсткой кожей, с металлическим прищуром твёрдых глаз. Банды литераторов недрогнувшей рукой отмеряли в шприцы литры суспензии саспенса и хладнокровно гнали в ловушки хеппи-эндом жалобно плачущего читателя, острым пером срезая кошельки с его желеино трепещущей талии... А сейчас на смену крутым текстовикам и структураторам пришли ещё более жёсткие и крутые компьютерные интеллекты. Самотёк Дарвина!

Бульба бурчал:

– Нейролингвистическое структурирование... Расчёт юмористических реакций... Шахматы отдали компьютеру, теперь сдаём литературу.

В углу бара радовался тивизор:

– В моду снова вошло вызывающее женское бельё цвета кислого яблока и мужское бельё-хаки... Наши эксперты комментируют это событие.

Матвей пробормотал:

– У каждой тли своя фиеста.

Бульба отметил:

– Какой лбище у комментатора! О такой лоб хорошо кошек бить.

Матвей скривился, понюхал свой бокал пива и мрачно сказал:

– Городская вода воняет дустом; в жилах горожан течёт тефлон; асфальт после дождя пахнет не свежестью, а гарью сгоревших бензиновых автодуш. Как я не люблю город!

В тивизоре появилась Николь Гринвич. Она стояла в шлюзе своего крейсера и махала рукой провожающим.

– Улетает на Нептун. И её Джерри, конечно, с ней.

– Вот история. Сюжет, который не выдумаешь.

– Такая реальность не ложится в книгу – слишком сказочная.

Игорь задумчиво сказал:

– Слышали, что королева Гринвич своими грантами поощряет только позитивных писателей и кинорежиссеров?

Бульба возмутился:

– Она воспитывает нас положительной стимуляцией, как Павлов – собак! Безобразие!

– И ведь получается! – хехекнул Матвей.

Бульба недовольно скривился.

– Ну... Павлов был не дурак.

На экране появилась и что-то невнятно сказала седая голова. Закадровый комментатор затараторил:

– Согласно последним результатам космобиологов, жизнь на Марсе возникла раньше земной и, судя по всему, марсианские бактерии были перенесены на Землю, где успешно адаптировались.

– Ну вот, вдобавок ко всему мы оказались марсианами... – пробормотал Матвей.

Стас спросил:

– Значит, бог тоже был марсианином, если он создал сначала жизнь на Марсе?

Бульба сказал строго:

– Не богохульствуйте, дети мои.

Матвей скосил на него глаза:

– Бульба, говорят, ты записал сына в воскресную церковную школу? А ты слышал о детском крестовом походе?

– Нет.

– В тринадцатом веке десятки тысяч детей и подростков, воодушевлённых верой и церковью, отправились в крестовый поход в

Палестину – освобождать Гроб Господень из рук неверных. В результате все дети погибли или были проданы в рабство. Эта реальная история позже легла в основу сказки о гаммельнском флейтисте-крысолове, который увёл детей из города.

– Времена изменились!

– А учение осталось. И сейчас твоему сыну расскажут о первородном грехе Адама и Евы и внушат глубокий страх перед адом.

– Он не трус!

– Но бояться ада обязан каждый христианин. Это воспитательный императив для выращивания поведенческого инстинкта.

Стас провозгласил:

– Цивилизация – это борьба закона против инстинкта.

Бульба фыркнул:

– Когда-то я тоже был молодым и самоуверенным. Прошло время – и я понял, каким был кретином.

Матвей сочувственно спросил:

– Ты уверен, что прошло достаточно времени?

Стас оглядел гудящий ресторан:

– По субботам тут выступает очень приличный джаз. В нём играет тромбонист с интеллигентной кличкой «Тромбофлебит».

Игоря всегда удивляло лихорадочное многолюдье московских ресторанов. Полная противоположность, например, степенным ресторанам Голландии, которую Игорь любил и старался бывать в ней при каждом удобном случае.

В Амстердаме голландцы с обветренными мужественными лицами кряжисто ездили на велосипедах вдоль каналов, а голландские девушки приветливо улыбались – все румяные и наваристые.

Незнакомая голландская история текла на Игоря с наклонившихся старинных домов, свисала с крючковатых балок над каждым подъездом, хлюпала между баржами, стоящими в каналах, выплёскивалась с потемневших музейных картин, где толстые усатые мужчины в боевых кружевных штанах и с длинными копьями сидели живописными дозорами за столами, много ели и пили.

Тёмные деревянные стены углового английского паба «The Old Bell», в котором любил сидеть Игорь, были испещрены и увешаны изречениями и пословицами, оленьими рогами, свечами и светильниками, иконками и пивными этикетками, тарелками, портретами политических деятелей и картинами скачущих лошадей.

«Если вам кажется, что вы контролируете ситуацию в этом море

неопределённостей, то вы просто не понимаете ситуации».

В пабе жила надменная рыжая кошка с отвислым животом. Она любила спать на пальто, которые посетители сваливали на стулья, и не любила подачек.

Она сидела на подоконнике и смотрела в окно, хотя увидеть там ничего было нельзя – стекло витража, цветное и неровное, превращало рутинную законную действительность площади Рембрандта в загадочный мир переливающихся спектрально-чистых бликов.

В «Старом колоколе» подавали замечательного копчёного угря с пивом «Palm Royal». После третьей кружки Игорю казалось, что это не Голландия передвигается за окнами, шаркая подошвами и шинами, звеня трамваями и велосипедными звонками, а сам бар плывёт по городу, разрезая своим стеклянным углом фиолетовые волны реклам.

Прощай, Амстердам, я уплываю от тебя в одном из твоих пабов.

«Меланхолия – это удовольствие обиженных».

В «Старом колоколе» было хорошо думать о себе и о жизни.

Каждый из десяти тысяч человек, встреченных тобой сегодня, сам связан с миром десятью тысячами нитей. Это фантастическая паутина из телефонных звонков и велосипедных цепей, томности утренних пробуждений, никчёмности соседских реплик, назойливости телевизора, тепла семейных ужинов, холода рабочего стола, плача детей, дружеских разговоров, горечи, удовольствий, тайн, стыда, счастья. Люди, как вы узнаете, что эта паутина – ваша?

Кипение вокруг тебя чужой многообразной реальности внушает странную надежду: жизнь не закончится, если ты продумаешь свою партию.

Жизнь играет на многих досках.

Молодые думают, что они новы.

Старики верят, что они умны.

С точки зрения чаек, мир состоит из чаек и рыб.

Кошка спокойно спит на подоконнике. Откуда она знает, что её не зажарят к пиву? Она этого не знает, но надеется на лучшее.

Она мудра.

Приоритеты, дружок, приоритеты – в этом суть умения жить.

Не влезай в чужую паутину, приятель! Плети свою.

– О чём ты мечтаешь, Игорь? – вернули его друзья. – Чем будешь заниматься, если наша бригада развалится из-за инка-романов? Ты же педагог?

Игорь поёжился – тема будущего увольнения всплывала и портила

настроение всё чаще. Он хмуро ответил:

– Я педагог, который боится детей. Если мне придётся уйти в педагогику, то я не хочу стоять за учительской кафедрой, а хочу сидеть за столиком в саду, вдыхать запах сухих листьев, сбрызнутых мартовским дождиком, кутаться в тёплую куртку и писать романтическую книгу «Кластерный анализ типов морфофункционального состояния детей коллективом стохастических автоматов».

– У тебя интоксикация жизнью.

– Многоэтажный быт порождает многоэтажный мат.

Бульба горько сказал:

– Эх, и почему я не дантист? Стоматолог всегда свой кусок хлеба из чужого рта вытащит.

– Знаете, о чём я жалею? – заявил Стас.

– Вербализуй, отрок.

Отрок сокрушённо-мечтательно вздохнул:

– Жалею, что не пошёл в биржевой университет. Сейчас собирал бы деньги с биржи, как мёд с цветка, не выходя из дома. Слышали про Интернет-трейдинг? Каждый день по тиви рассказывают о богачах-трейдерах.

Матвей удивился:

– Стас, у тебя на хеппи-эндах крыша совсем съехала? Прочитай лучше книгу экономиста Баранова «Инвестиции, баффетология и биржевое дело», особенно раздел «Скальпирование и потеря контроля над рыночными рисками». Восемьдесят процентов новых биржевых игроков теряют свои деньги, принесённые на финансовый рынок, в течение трёх месяцев, максимум – полугодя.

– Значит, каждый пятый выигрывает?

Матвей не то рассмеялся, не то рассердился:

– Ты глупое мясо! Если тебе активно предлагают разбогатеть, то ты должен трезво понимать, что приглашающие заботятся не о твоих заработках, а о своих. Реальные способы разбогатеть не транслируются по телевидению, они обсуждаются шёпотом и при закрытых дверях.

– Биржа и есть реальный способ разбогатеть!

– Хе-хе. Биржа – это не собес. Пропаганда лёгких биржевых заработков – это приглашение на охоту: волки собирают овец на свой пир. Краткосрочные капиталы матёрых биржевиков возникают за счет таких, как ты, новичков, «пушечного мяса», которое не умеет контролировать свои риски. Поэтому «овечек» и заманивают на рынок через бесплатные семинары, Интернет-конкурсы и инвест-клубы. А ещё форекс-клубы есть –

просто казино, только без счастливых случайностей. Игроки ставят на кон настоящие деньги, а клуб – виртуальные. Там клиенты вообще не имеют выхода на реальную торговую площадку и, по сути, играют против самого форекс-клуба – и по правилам самого клуба. Сам догадаешься, кто победит?

Стас упрямылся:

– Тебе надо купить книгу «Советы менеджера Глеба». Я её обожаю!

– Пусть этот твой Глеб своего проктолога жизни учит.

Бульба, выглядевший почему-то раскисшим, хотя пил одну минералку, сказал грозно кому-то:

– Вы ещё будете кусать себя за лысину! Некоторым ещё хуже повезло!

– Эй, пьяналыги, пора по домам! – решил Матвей, и все согласились.

Игорь попрощался с ребятами и вышел на свежий воздух, глубоко вздохнул и посмотрел на тускло-перламутровое небо, засвеченное миллионом фонарей.

И подумал:

«Я уже лет десять не видел звёзд...»

И ему стало грустно от этой потери.

22.5.Дюймовочка

Мара сегодня выкрасила волосы в скромный, консервативный для неё тёмно-фиолетовый цвет. Наверное, собралась с шефом на деловое совещание к издателю.

– Слушай, у меня беда!

Ксения вздохнула: у Мары день без беды – зря прожит.

– В каникулы мой сын Эммануил заявляет: отправляюсь в летний лагерь научного школьного общества. Я думаю: «Ха-ха! Знаем мы эти летние развлечения – экологические, бойскаутские и научные. Пестики, тычинки, сбор гербария в кустах вдвоём!» Сама говорю: «Езжай! Тебе уже пятнадцать лет, пропасть не должен». Пусть, думаю, действительно отдохнёт от этих учебников.

Мара, тараторя, успевала красить губы, причёсывать головной фиолет и ронять на пол разные вещицы.

– Возвращается. Мне сразу показалось – какой-то пришибленный. Эмик отрицает, говорит, всё в порядке. Но материнское сердце не обманешь! Наверное, думаю, влюбился. Ладно – пусть попереживает. Говорят, это хорошо для обмена веществ. Тут я купила билеты на рождественскую премьеру «Розового цеппелина». Его любимая шоу-группа! У них такой электронный аранжировщик, они такое выделывают

рэповыми синкопами! Залетаю к Эмману в комнату, мол, кричи «ура»!

Мара уронила сразу дюжину всячин на кафельный пол дамского туалета и нырнула под умывальники, оставив снаружи туго обтянутый броневыми джинсами зад, поэтому часть рассказа прозвучала глуховато.

– А он мне: «Не пойду!» Я так и села в новой юбке. Даже не посмотрела – куда... Гляжу – книжку какую-то странную читает. Мамочка моя! «Экспериментальная ядерная физика», какой-то кретин Мухин написал. Университетский учебник, то ли для ТИФА, то ли для МИФИ. Формулы звериные, схемы нечеловеческие. Чтоб он инсектицидом подавился, этот Мухин. Я как выхвачу книгу, как заору благим матом: «Эммануил, ты заболел?!»

Мара вылезла из-под умывальника и действительно зазвучала как медицинская сирена.

– А он мне с наглой улыбочкой: «Я здоровее всех, вот только знаю гораздо меньше, чем некоторые умники...» Книжку отобрал, пожелал хорошего концерта, а потом добил контрольным выстрелом – говорит: «Зови меня просто Михаил!»! Ужас! Вот до чего научные лагеря доводят! Да я на них в детскую комиссию пожалуюсь. Калечат психику малолетних!

Мара взяла паузу опытного риторика, критически посмотрела в зеркало и сказала загадочно:

– Это не просто – дать поймать себя вовремя.

И тщательно улыбнулась, исследуя состояние прикуса.

– Вот выращу себе мужа из семечка – и буду пользоваться. Только где взять рассаду богатых мужчин?

Ксения усмехнулась:

– Богатый перестаёт быть мужчиной. Он становится кошельком, который никогда не узнает, как на самом деле относятся к нему женщины.

Мара вздохнула:

– Леди не должны чесаться! – и со вкусом поскребла левый бок. – Слышала, что такое старость? Это когда единственную норковую шубу начинаешь надевать даже в булочную. Хорошо, что у меня нет норки. И бриллиантов тоже нет, – грустно добавила Мара.

Ксения её утешила:

– Красивая женщина может носить в ушах не бриллианты, а канцелярские скрепки.

– Это да, но лучше всё-таки бриллианты. Ой! – вдруг спохватилась Мара. – Я же Эммануилу... Михаилу... про обед не объяснила!

Ксения смотрела на Мару, которая многословно рассказывала сыну-подростку что-то про суп в холодильнике и кекс в фольге, и вдруг с болью

подумала: «О боги, какая Мара счастливая!»

Вечером Ксения снова сидела за компьютером и писала своему любимому Мушкетёру.

– Сартр восхитителен! Слушай: «Слова – своего рода ловушки, служащие для возбуждения чувств». «Каждая книга есть призыв».

Мушкетёр ответил:

– Книга – это лишь зафиксированный монолог одинокого рефлекслирующего человека.

Ксения горячилась:

– Сартр думает иначе: «Говорить – означает действовать, любая названная вещь уже не та, какой была до того, она потеряла невинность». «Человек понимает, что слова – это „заряженные ружья“. Когда он разговаривает – он стреляет».

Мушкетёр откликнулся:

– По-моему, настоящая литература – это лишь взрослая игрушка языка, плетение красивых и стильных словес.

Ксения даже обрадовалась.

– Сартр уже возразил тебе: «Конечно, стиль делает прозу более ценной. Но мы не должны его замечать. Слова прозрачны, и взгляд проникает сквозь них, нелепо пережимать его мутными стеклами».

Мушкетёр смолчал. Ксения возбуждённо набирала:

– А вот это просто гениально: «Архитектор может жить в построенном им доме, а писатель не может читать то, что он написал. Читающий человек предвидит, ожидает. Он предугадывает конец фразы, начало следующей, очередную страницу, они должны подтвердить или опровергнуть его предположения. Процесс чтения состоит из множества гипотез, фантазий и пробуждений, радужных надежд и горьких разочарований. Читатель забегает вперёд строки – в будущее, которое частично рушится, частично утверждается по мере приближения к финалу книги, оно отступает со страницы на страницу, словно подвижный горизонт литературного пейзажа».

Мушкетёр, видимо, растерялся от такого напора и вильнул, заявив немного невпопад:

– Литература социальна, она задаёт систему координат для людского многообразия. Встречаешься с девушкой: «А вам „Мастер и Маргарита“ нравится? А Шекспир? А литгруппа „Бумажный перец“?» И по ответам понимаешь – близки ли вы с этой девушкой в интеллектуальном пространстве и стоит ли в неё влюбляться.

Мысль, что Мушкетёр может в кого-то влюбляться, очень не

понравилась Ксении. Она снова перевела взгляд на строки Сартра:

«Произведения человеческого духа – это маленькие неприкаянные души, приобретённые по сходной цене... Послание – это душа, превращённая в объект. Душа, что с ней делать? Её следует почтительно рассматривать на расстоянии. Не принято без веских на то оснований раскрывать свою душу на людях. Но, по общепринятому согласию, при соблюдении известной сдержанности, кое-кому разрешено выставлять свою душу на продажу, и совершеннолетние могут её приобрести».

И неожиданно в Дюймовочке что-то сломалось. Она почувствовала себя маленькой неприкаянной душой, которую никто не хочет приобрести; посланием, которое летит в космосе уже сто тысяч лет, и никто его никогда не поймает.

Она, не прощаясь с Мушкетёром, выключила экран и зарыдала – как маленькая девочка, которую не взяли в балетную студию.

22.6.Исторический роман

В сенях загрохотали сапоги. Они вошли, липкие и чёрные, и зашагали по чистому полу и домотканым половикам. И в лица вошедших смотреть не надо – по бесцеремонности грязных сапог в его доме Прокопу всё стало понятно. Сердце сжалось, и он посмотрел на детей, жмущихся к матери. Шестеро. Что же с ними будет?

– Прокоп! – слишком громко гаркнул главный из вошедших, сосед Демид. – Собирайся! Высылаешься на север, как есть кулацкий элемент. С семьей.

Жена Устинья заголосила как над покойником.

Бесполезно – этих пришельцев ничем не разжалобишь и не испугаешь: они уже испуганы до смерти. И топят других, спасая себя. Прокоп два года назад отказался вот так ходить и судить – и самого посадили на три месяца. В тюрьме он всё понял про этих, с винтовками. Винтовка – инструмент нехитрый, с ним легко управиться. Корову да пшеницу надо растить долго, да с трудом, да с умом. А тут – винтарь взял и всё у соседа отнял.

Р-р-аз! Быстро.

Две лошади и три коровы у Прокопа – конечно, он и есть враг.

Что будут делать эти революционеры, когда все справные соседи закончатся и некого будет грабить? Всех четырёх братьев Прокопа уже раскулачили: двоих – на северный лесоповал, двоих – на принудительную стройку.

Шум сборов и плач прервался один раз, когда пришёл уполномоченный в кожанке.

– Ссылку можно заменить. Поедешь строить тракторный завод. Тогда возьмёшь свою лошадь с телегой.

Выбирать не приходилось – лошадь была спасением для семьи с малолетками. Да и город всё-таки, не тундра. Может, хоть с голоду не помрём.

Сборы позволили недолгие, и вот заскрипели открываемые ворота. Жена снова заревела в голос и закрестилась на оставляемое родное гнездо. Прокоп даже не оглянулся. Шестеро детей – это больше всего сейчас заботило. Он шёл пешком, держа в руках вожжи.

За спиной раздался звон разбиваемых стекол и ругань соседей, делящих добро из крестьянских сундуков. Прокопа обожгло ненавистью.

«Стервятники, трупоеды!»

Награбленное впрок не пойдёт, колом из горла вылезет – вот увидите.

Дорога, слякотная от осенних дождей, шла по его полю. Убранному по-хозяйски, с расчётом на весеннюю вспашку. А вот и лес у озера, который так и звался в деревне – Прокопьев лес.

Больно уколола крестьянская забота: озимые на дальнем клине не успел посеять! Прокоп отогнал лишнюю мысль и строго прикрикнул на жену:

– Хватит голосить, детей перепугала!

Впереди лежала осенняя дорога в сто двадцать вёрст. На двух телегах – три ссыльных семьи, десять детей. В пути уполномоченные люди ограбили ссыльных людей ещё раз.

А потом – каторжная двухлетняя работа.

Голодные дни и ночи. Сырая холодная землянка на втором участке, простудный кашель.

Тракторный завод рос на глазах и на костях. Тракторный завод? Чтобы помочь крестьянам землю пахать, да пшеницу сеять? Не о крестьянах тут забота – вон сколько крестьян согнали с земли, из-за завода и раскулачивали, бесплатную силу набирали.

Танки, танки пойдут с конвейера. Сеять смерть, жать жизни. Мир стал зверем, жрёт людей, как мельница. Как жить детям? Зачем их рожали, растили? Для того, чтобы в танк посадить или под танковую гусеницу положить?

Построили крестьяне завод быстро. Рекорд на людских жилах.

Тысячи землекопов и возчиков земли стали не нужны. Раскулаченных вызывали в контору.

– Паспорт есть? – спрашивал всех уполномоченный в кожанке. Близнец тому, кто раскулачивал? Или круглые ряшки у них у всех

одинаковы?

– Откуда они у нас, гражданин начальник?

– Тогда – сутки на сборы и вон из социалистического города! Чтоб к завтраму никого здесь не было! Какие телеги? Какие поезда? Автомобиль чичас вам подадим. Геть!

Куда идти?

Опять в свои края.

И вот снова впереди лежит стодвадцативёрстная дорога. Снова грязная, снова осенняя, снова тоскливая. Уже без лошади и телеги. Весь нехитрый скарб – на своих горбах. Даже шестилетний Колька тащит тяжёлый мешок на спине.

Прокоп потрепал сына по вихрастой лохматой голове. Ах, малец, малец, сколько эта жизнь тебе ещё на спину навалит? Впереди – зима, еды нет, а время суровое, смертельно голодный тридцать третий год. Всё раскулачено, всё раскурочено. Соседи целую семью Христа ради не прокормят – не захотят, да и не смогут.

Дошли все восьмеро, не сдохли.

Жилист человек, а с детьми – так вдвойне. Сдаваться нельзя.

Родного хутора уже не было – соседи разобрали и вывезли всё до бревнышка. Поля лежали в бурьяне и запустении. Эти грабители даже награбленным воспользоваться не могут. Только вершки собирают, безмозгло надкусывают – и выбрасывают.

Выкопали переселенцы землянку и стали жить, как звери в норе. Еды не хватало, и дети таяли на глазах как свечи. Прокоп смотрел на голодающих четверых сыновей и двух дочерей и сам есть не мог – отрывал от себя любую краюшку. И его могучий двужильный организм не выдержал.

Первым умер младший сын. Прокоп заболел от горя и больше не встал с лежанки. А может, душа решила, что долг мужчины как раз в том, чтобы умереть раньше своих голодающих детей и не отнимать у них последний кусок.

Умер Прокоп Петрович в землянке, не дожидая весны. Сорокалетний мужчина, отец, крестьянин.

У больной Устиньи уже не было ни сил, ни слёз. Дожили до тепла вшестером в сарае сердобольной родственницы. Лето перебились на зелени. Поздней осенью посмотрела Устинья на тёмные лица и костистые черепа детей. Не пережить всем зиму. Младшие сыновья были хуже всех. Сказала Кольке:

– Бери младшого, в детдом пойдёшь. Там кормят. Береги Сеньку.

Выживем – заберу вас.

Оплошал Колька – младший брат, голубоглазый Семён, помер в детдоме. А сам Колька потерялся на восемь лет в переездах по уральским казённым домам. Так и вырос сиротой.

В четырнадцать лет, когда война на сорок второй перевалила, нашла Кольку мать, забрала. Сёстры и старший брат Егор уцелели, стали взрослыми. Да Колька и сам уже вырос. Вот тяжёлая работа военного времени и навалилась на спину подростка. На фронт его не успели взять. В восемнадцать пошёл служить – сразу после войны. На семь лет. В армии, в заенисейской деревне он и встретил свою Валентину...

А у той своя история.

Отец был грамотным, коммунистом. Власть Советов в Сибири укреплял.

Война с немцами грянула – Тит добровольцем на неё пошёл, не захотел за чужими спинами отсиживаться. Оставил дома жену Ксению, сына Сашу и младшую, десятилетнюю Валентину.

Военная зима сорок первого была лютой до жизней. Косила наотмашь, сотнями тысяч зараз. Верхи современной войны не понимали, по привычке приказывали – умри, но сделай. Солдаты умирали, но не делали. Войну выигрывает не безропотный, голодный и безоружный человек, а солдат в тулупе, сытый, с танками и артиллерией за спиной, с самолётами над головой. Но дорога к пониманию простых истин всё время забывается и всё время мостится заново миллионами трупов.

Погиб Тит Авдеевич 23 января 1942 года в наступательном тяжёлом бою между Новгородом и Питером, в местечке с мрачным названием Мясной Бор. Ох и много же там русского да немецкого мяса заготовили пушки да пулемёты. Приказ о неподготовленном и безрассудном наступлении русской армии по глубокому снегу был отдан с обычным пренебрежением к солдатским жизням. Снарядов к пушкам почти не было, тылы не прикрыты. Есть нечего, а морозы были страшные, сугробы – метровые...

Перед своим последним боем Тит отправил жене Ксении письмо, которое удивительным образом определило жизнь многих его потомков. Предсмертный бумажный треугольник, написанный в окопе в заснеженном окровавленном лесу под Мясным Бором, содержал наказ, чтобы в случае его, Тита, гибели Ксения дала двум их детям образование, безжалостно продавая всё, что есть в доме.

Ксения осталась вдовой всю свою долгую жизнь – всё надеялась, что

случится чудо и муж вернётся с войны. Ведь таких, как Тит, больше нет... Она трудилась не покладая рук, но выполнила последний наказ своего мужа: их сын и дочь получили высшее образование: сын стал инженером, дочь – библиотекарем.

Работая в сибирской библиотеке, Валентина и встретила своего Николая.

Жили они долго и счастливо и вырастили двоих сыновей – Сергея и Николая-младшего, одного из потомков которого называли Игорем.

22.7.Игорь

В наивном детстве Игорь полагал, что смысл существования человечества просто обязан быть, причём – быть глобальным, например остановить разлёт Вселенной, чтобы она не остыла в холодную пустыню.

Потом Игорь повзрослел и трезво понял, что человечество не ставит себе никаких сверхзадач, а просто живёт. Как бессмысленная плесень на камне.

Год назад родители переслали Игорю, как наследнику рода, папку со старинными семейными документами. Мировые войны и голодные смерти были раньше для Игоря абстрактными историческими фактами. И он был потрясён, прочитав старые документы двадцатого века, имеющие отношение к его, Игоря, реальным предкам: справки сельсовета о раскулачивании и о восстановлении в правах, письма с фронта, старые записки о родословном дереве его семьи и рукописные воспоминания тех предков, кто находил время для воспоминаний.

Он стал изучать пожелтевшие документы, дополнять их данными из исторических книг – и эта информация так закипела и заварилась в душе Игоря, что он решил написать что-то вроде исторического романа по семейным преданиям. И стал писать его вечерами, без всяких литературных и коммерческих расчётов. Просто эта книга была нужна ему лично, она помогала Игорю чувствовать себя частью истории мира и человечества.

Пока был написан только набросок, но даже несколько страниц текста служили Игорю эмоциональной машиной времени – он уже мог мысленно переместиться в прошлое и попытаться понять своих предков.

Потому что прадедушки и прабабушки Игоря ставили его в тупик.

Человек с ребёнком совершенно беспомощен против человека с ружьём. Почему же исторически побеждает тот, кто держит на руках ребёнка, а не ружьё?

Мальчик в семь лет успел побывать на принудительной стройке, стать

сыном раскулаченного врага народа, сиротой и попасть на много лет в детдом. Но остался оптимистом, влюблённым в жизнь.

Предки Игоря погибали от холода и от голода, от пуль и приказов других людей, но сумели построить то будущее, в котором живёт и, по большому счёту, благоденствует Игорь, который так часто чувствует себя несчастным.

«Как они не боялись жить?» – это и был главный вопрос, который задавал себе Игорь, снова и снова читая листки, хранящиеся в старой папке.

Среди предков Игоря было много обычных людей – крестьян и инженеров, металлургов и учителей, которые своими трудами, а то и жизнями платили за то, чтобы общество держалось на плаву.

Его прадедушки и прабабушки в те лихие годы были моложе, чем он сейчас. Они вынесли на себе всю тяжесть двадцатого века, которая была больше, чем может выдержать человеческая спина и судьба.

И погибали они часто молодыми.

Как же они не боялись жить?

Игорь возвращался домой. На лавочке у подъезда сидел очень старый и очень маленький человек, косился на апрельскую зелень, выбивающуюся из почек палисадниковых кустов, и что-то бормотал себе под висячий нос.

Игорь зашёл в лифт и увидел в нём сверстницу и соседку Машу. Они поздоровались. Игорь знал её с детства и в какое-то весеннее время был даже влюблён в неё. Но у Маши со школы был мальчик-романтик. Стихи ей писал:

Утомлённый дальней дорогой,
Тёплый ветер прилёт на лугу...

А потом у них появились двое карапузов и много проблем. И сейчас мальчик-романтик стал толстым и мрачным, он много пьёт и страшно ругается с Машей. Но карапузы растут – и Маша терпит. Прошло много лет, а она всё красивая. Только глаза стали тоскливыми.

В тесной кабине лифта Игорь стоял лицом к лицу с Машей и вдруг осмелел:

– Ты очень красивая, Маша... Желаю тебе счастья.

Маша вздрогнула и подняла на Игоря глаза.

Лифт закрыл между ними двери – будто челюсти сжал, и тронулся

вверх. А Игорю сквозь створки слышались глухие рыдания.

Он зашёл в свою квартиру и тяжело сел на первый попавшийся стул.

Нам не нравится этот мир.

И он нас не любит!

Что же мы делаем в ответ?

Разрушаем себя какой-нибудь душевнобольной, психоубийственной химией – алкоголем или наркотиками. Я вам не нужен? Так сейчас я это оформлю до логического конца!

А кому ты нужен, если и себе не нужен?

Или уходим в тесную коробочку из соломы, прутьев или хрусталя. Создаем микроатмосферу и выживаем в ней. Все силы жизни тратим на отрубание щупалец мира, которые cedятся сквозь солому, проникают в прутьяные щели, свистят в хрустальных дырах.

Но ведь можно по-другому: не нравится твоя жизнь – измени её! Крупно, вразмах. Не нравится то, что тебя окружает, – уезжай. Хочешь или можешь жить только здесь? И как жить, если неостановимо душит ненависть? Тогда остановись, сядь на тихую скамейку в сквере, жёлтом от упавших листьев, белом от свежего снега, мокро-зелёном от весеннего дождя.

Сядь и подумай – какого чёрта?

Сядь и придумай, как всё изменить. Или хотя бы бороться за это.

Выпустить листовку: «Люди, быстрее любите друг друга, завтра – Страшный суд!»

Написать стихи, которые проймут даже самые гнилые души, пробьют их до доньшка – и на освободившемся месте проклюнется росток чистых чувств и помыслов.

Напечатать книгу о том, как честно жить и как достойно умирать.

Открыть новый медицинский способ улучшения мозгов, лиц и сердец.

Сделать так, чтобы никто и никогда не посылал и не обрекал на смерть ни ребёнка, ни взрослого.

Откуда мне знать – что ещё можно придумать. Это твой город, твоя страна, твоё время. Надо думать и делать. Только не стонать. Не травить себя, не ненавидеть всех. Ненависть ничего не рождает. Она – пустыня, и рождает только пустыню.

Совсем ничего не придумать? Тогда можно просто вырастить умных детей, которые придумают это за тебя. Дети рождаются любовью и рождают любовь. И надежду.

Но первым делом – надо перестать бояться жить. Снаружи жизнь не изменить. Это можно сделать только изнутри.

Игорь быстро подошёл к столу и вытащил старую папку с документами. Читать не стал – он и так всё помнил. Но эта папка всё ещё хранила ненайденный ответ на главный вопрос.

Игорь ощущал сильное беспокойство. Он словно стоял перед какой-то очень важной дверью, но не знал, как её открыть.

Он вытащил из папки несколько листков и разложил их на столе. Глаза Игоря скользили по многочисленным именам детей, холодным датам смерти и скучным строчкам обстоятельств жизни.

«Как они не боялись так тяжело жить и так рано умирать?»

И вдруг дверь открылась.

Игоря пронзило понимание. Яркое и очевидное, всё осветившее.

Его предки жили ДРУГ ДЛЯ ДРУГА.

А когда живёшь для другого, то ничего не боишься.

В одиночестве смысла нет. Абсолютно одинокий человек пуст, как старая скорлупа. Для осмысленной жизни у него нет точки опоры в виде другого человека.

Сердце Игоря билось, словно после бега по крутой дороге. Он почувствовал, что произошло нечто очень важное, от чего вся его жизнь и работа пойдёт по-другому.

Он достал пластинку т-фона и решительно набрал давно известный номер.

Да, он уйдёт из литбригады и создаст философское эссе, которое никакой кибер написать не может и которое потрясёт всех, взорвёт мучительно бессмысленный и привычный круговорот жизни миллионов людей. Или хотя бы одного человека.

А может, Игорь осмелится и начнёт учить детей – тому, чему успел научиться сам.

Но сейчас он немедленно хочет увидеть Дюймовочку, свою давнюю сетевую собеседницу, с которой Игорь мечтал и боялся встретиться, потому что реальность – она всегда хуже мечты.

«Дюймовочка? А вдруг она выше тебя ростом? И некрасива?»

Да, наверное, реальная Дюймовочка будет некрасивой, но на самом деле это неважно. Некрасивые имеют право на счастье, а ум – это тоже красота.

«Плевать, чёрт побери, она всегда будет для меня Дюймовочкой, самой умной и нежной!»

Он поможет написать ей ту книгу, о которой она мечтает.

Она, очевидно, не будет сказочной маленькой феей, но и он – не книжный Мушкетёр.

Он рискнёт, потому что больше не может жить один.
Это слишком страшно и бессмысленно.

Глава 23

Эта Карина

Принцессе Карине снова приснилась звезда Вега. Принцесса плавно и привычно нырнула в самый центр звезды, где её встретил углеродно-азотный термоядерный цикл, персонифицированный в бородатом гноме с геологическим молотком в толстом шершавом кулаке.

– Я решил поменять свой катализатор, – брюзгливо сказал гном. – Мне надоели алмазы, хочу попробовать изумруды.

Он указал мозолистым когтистым пальцем на любимое берилловое ожерелье принцессы.

– Снимай свой Be-3-Al-2-Si-6-O-18!

– Алмазами обойдешься, попрошайка! – отмахнулась принцесса и оглянулась по сторонам. Почему здесь так прохладно?

Термоядерное энерговыделение в каждом грамме звёздных недр очень мало – пара дюжин эрг в секунду. Если с помощью энергии, выделяющейся из грамма звезды, попробовать нагреть грамм воды в идеальном термосе, то придётся ждать несколько лет, пока вода закипит.

Удельное выделение тепла в сердце звезды сопоставимо с теплом от кипы гниющих листьев, но, в отличие от кучи листьев, космическое светило огромно и выделившуюся энергию никуда не выпускает, пока не раскалится добела и не засветится как звезда.

Принцесса легко оттолкнулась и стала всплывать к поверхности водородно-гелиевого шара.

– Эта Карина такая вертихвостка, – проворчал вслед карлик, с лицом, перепачканным сажей, – порхает тут без всякого результата...

Карина летела и оглядывалась по сторонам – всё ли нормально?

Протон-протонная реакция вела обычную семейную жизнь: вот пара протонов неспешно соединяется, рождая в результате нейтрино, позитрон и дейтерон – ядро дейтерия.

Нейтрино, нелюдима фифочка крохотного росточка и криминальных наклонностей, родилось – и дёру из звезды. Пролетит по всему светилу, но ни с кем не поздоровается; энергии много утащит, но ни с кем не поделится.

Позитрон – дружелюбный простак, немедленно находит себе в пару электрон и – хлоп! – аннигилирует с ним, рождая жаркие гамма-кванты.

Пожорливый толстяк дейтерон существует всего четыре секунды,

жадно проглатывает любой зазевавшийся протон и, удовлетворённо отрыгнув гамма-квант, раздувается до статуса лёгкого изотопа гелия.

Эти изотопы гелия – нелюдимые аутисты. Несмотря на жаркое давление в центре звезды, которое изо всех сил старается их сблизить, они четыреста тысяч лет присматриваются друг к другу, прежде чем слиться в нормальный гелий и породить пару шустрых, как ошпаренных, протонов, которые возвращаются в начало семейной саги.

Вся история неторопливого протон-протонного цикла занимает в среднем пятнадцать миллиардов лет.

Гном углеродно-азотного цикла работает гораздо быстрее. Сначала он молотком-протоном упорно тюкает свой катализатор – ядро обычного углерода – и переводит его в азот. Потом гном быстро, за семь минут, ржавым штопором выдёргивает позитрон из ядра азота, превращая его в тяжелый изотоп углерода.

Снова протонным молоточком: тюк-тюк! – и из тяжёлого углерода гном выковыывает тяжёлый изотоп азота. Тем же молоточком гном делает из азота кислород, а из кислорода, с помощью любимого штопора, – ещё более тяжёлый азот.

Из-под молотка гнома то и дело вылетают искры гамма-квантов и маленькие урки с злобными лицами – нейтрино. Работа непростая: гном при перековке одних элементов в полторы минуты укладывается, а другие ему триста миллионов лет приходится долбить.

Вот бородатый гном ловко – тюк-тюк! – раскалывает азот на обычный углерод и ядро гелия. Цикл завершён – гном создал из протонов ядро гелия, вернул себе углерод-катализатор и наклепал множество гамма-квантов, полезных для обогрева звезды.

Мощные кванты собираются в стаи и пробуют вылететь из звезды. Тысячи лет они пробиваются из огненных недр наружу, раскалываясь вдребезги о встречные атомы, поглощаясь и переизлучаясь. Ещё не добравшись до поверхности, они устают и ослабевают до видимого света, для которого вещество звезды уже не прозрачно.

Тем самым звезда окончательно запирает излучение.

О, это очень опасно! Свет поймать легко, но удержать трудно. Остановленная волна квантов стремительно нарастает – начинается разогрев светила. Так и до беды недалеко! Паровые котлы многое могут рассказать о перегреве и взрывах.

Печка звезды раскаляется до тех пор, пока плотность нижних слоёв не становится меньше плотности верхних. И тогда горячий пузырь внутренней перегретой плазмы начинает всплывать, одолевая с помощью

архимедовой силы более холодные внешние слои и вынося внутренний звёздный жар к границе. За первым пузырьём следуют другие.

Неустойчивая по критерию Релея – Тейлора звезда проходит точку бифуркации и закипает: в её внешних слоях возникает конвективная зона, которая переносит обессилевшие кванты наружу быстрее, чем если бы они пробивались через звёздное вещество сами.

Каждый повар знает – если вода в кастрюльке закипела, то её температура уже не будет подниматься. Кипение космического светила тоже означает стабильность – разогрев недр прекращается и угроза взрыва звезды отступает.

Планеты возле звезды и человечки на них этому факту очень рады.

Карина внимательно рассмотрела конвекцию: именно с её помощью вещество из космоса получает шанс опуститься до звёздной сердцевины, до термоядерного реактора.

Механизм конвекции работал безупречно: природа – гениальный инженер.

Принцесса вылетела из фотосферы, которая и была границей Веги, и вокруг Карины появилось полнеба звёзд. И засветились отражённым светом планеты – их у Веги было целых шесть, да крупных, и у каждой было своё хобби – кто кометами в футбол играл, кто стадо астероидов пас.

Самая далёкая планета – в два раза дальше, чем Нептун от Солнца, и заметно тяжелее Юпитера – увлекалась рукоделием и плетением кружев: сгребала своими руками-резонансами пыль в красивые ажурные структуры. Их было так много, что они плотно сплетались в облако-варежку возле ярко-голубой планеты.

Зелёных человечков на крупных планетах или на их мелких спутниках Карина не рассмотрела – далеко, да и неинтересны ей были зелёные человечки.

Ей больше всего по сердцу были звёзды, поэтому Карина решила дальше не лететь.

Так и не поняла принцесса, почему в центре Веги ей было не жарко. Наверное, потому, что это сон! – мудро решила Карина, миновала светящуюся звёздную корону и обернулась.

Вега тоже обернулась симпатичной девушкой в платиновой диадеме и ослепительно улыбнулась Карине.

– Я тебе нравлюсь? – спросила Вега.

– Очень! – честно призналась принцесса и проснулась.

Дзинтара зашла в кабинет Никки. Там уже сидел Хао. Никки и Хао не

обратили на Дзинтару никакого внимания, а продолжали со странными лицами пристально смотреть друг на друга. Принцесса окликнула друзей:

– Эй, у меня отличные новости – мы сможем удешевить процесс бессмертия в два раза!

Никки и Хао повернулись к Дзинтаре, но с таким отсутствующим видом, что сразу стало понятно – их мысли где-то очень далеко.

Принцесса обиженно фыркнула:

– Ничего, что я вас отвлекаю всякими глупостями вроде бессмертия и вечной молодости?

Никки откашлялась и сказала с непривычно нервным смешком:

– Извини, Дзинтара, тут как раз насчёт вечной жизни возникла одна заминка... внешнего характера.

В штаб-квартире Гринвич собралось очень представительное и очень засекреченное совещание. За кольцевым столом сидели около двух десятков человек. Первым докладчиком была, как ни странно, принцесса Карина, дочь короля Дитбита Младшего.

– Я начну с одного интересного астрофизического феномена, впервые обнаруженного в системе звезды Бета Пикторис. Учёные заметили, что в спектре этой звезды иногда появлялись линии поглощения кальция и железа – всего на несколько часов, причём атомы металлов падали на звезду с огромными скоростями в десятки и сотни километров в секунду. Эти явления были интерпретированы как «кометные ливни»: частое падение на звезду крупных – порядка километра – каменно-ледяных тел из внешней части планетной системы Бета Пикторис. Но как возникают такие кометные ливни? Это было загадкой.

Принцесса оживилась:

– Вообще, система Бета Пикторис очень интересна! Её пылевой диск виден нам с ребра и имеет зигзагообразный изгиб, связанный с небольшой, в десять масс Земли, внешней планетой, аналогом нашего Нептуна...

Профессор Хао кашлянул. Принцесса спохватилась:

– Вернёмся к «кометным ливням». Было показано, что крупные планеты, похожие на наши Сатурн и Юпитер, играют возле Бета Пикторис в «космический волейбол». Бета-Сатурн подхватывает какую-нибудь комету, которых возле него очень много, и отнимает у неё столько углового момента, что она падает до более внутренней орбиты, где движется бета-Юпитер. Тот рассеивает посланные ему кометы во все стороны, сбрасывая часть каменно-ледяных тел на звезду. При приближении к светилу комета испаряется и превращается в огромное облако газа, сравнимое по размерам

с самой звездой. Это облако, попавшее на линию между звездой и земным наблюдателем, и даёт необычный спектр падающих атомов металла. Такой водопад комет на звезду возможен только при определённых массах и взаимных расстояниях планет-рассеивателей... И на ранних стадиях развития планетной системы, когда комет в ней ещё очень много.

Принцесса перевела дыхание.

– Для нас важно то, что падающие на звезду кометы меняют химический состав светила. Если угодно – в звёздный термоядерный реактор подбрасывают новые элементы, которые, невзирая на сравнительно малое количество, могут выступать как катализаторы некоторых побочных термоядерных реакций.

Люди за столом зашевелились.

– Эти новые данные были получены в результате построения общей модели солнечно подобных звёзд в нашем Институте Солнечной системы. Сначала мы применили эту модель к нескольким ближайшим звёздам – в первую очередь к тем, чья динамика отклонялась от старых моделей. В результате часть аномалий была объяснена, но для некоторых звёзд нам пришлось дополнительно учесть существование вокруг них газо-пылевого диска с погруженными в него планетами. И мы показали, что такие диски могут – с помощью «эффекта Бета Пикторис» – заметно влиять на термоядерное горение звезды. Особенно это влияние сильно в системе Веги – горячей звезды, которая вращается в сто раз быстрее Солнца и близка к точке центробежного разрушения...

Сосед наклонился к профессору Хао и что-то спросил его. Тот кивнул на принцессу – терпение, сейчас всё услышите. Принцесса заметила это и нежными ручками взяла быка за рога.

– В результате расчётов нам удалось показать, что термоядерный котёл Веги «отравлен» химическими катализаторами, упавшими на звезду вместе с кометными ливнями. Поэтому Вега отклоняется от стандартной модели эволюции и вскоре перейдёт в стадию сверхновой звезды особого типа. Расчётный период полураспада... вернее, средний срок до взрыва составляет тысячу двести лет.

Вот тут все зашумели. Принцесса тоже подняла голос:

– Но есть небольшие шансы, что Вега взорвется уже в ближайшие сто или двести лет. Напомню, что Вега расположена от нас всего в двадцати пяти световых годах.

И Карина села на своё место с довольным видом хорошо потрудившегося человека.

– И что же будет с Землей? – В общем шуме этот вопрос звучал чаще

всего.

Никки кивнула следующему докладчику. Он встал и кратко обрисовал неутешительную ситуацию: уровень излучения от взорвавшейся Веги будет таков, что большая часть видов животных и растений погибнет, включая людей. Радиационной фон на Земле резко повысится.

Взволнованные разговоры стали такими громкими, что Никки объявила перерыв, давая возможность собравшимся обсудить и переварить полученную информацию.

После перерыва слово взял руководитель отдела общих проектов династии Гринвич и доложил о наиболее реалистичном варианте спасения человечества: эвакуация людей на планету другой звезды с помощью флота больших транспортных кораблей.

Никки подумала, что такой проект массовой эвакуации вызовет бум строительства межзвёздных транспортов и волну злобной критики. Наверняка скажут, что история с Вегой была придумана специально – для продажи межзвёздных кораблей.

Началось обсуждение.

Кто-то предложил защитить Землю экраном.

Другой выкрикнул:

– Надо попробовать отбуксировать Землю в безопасное место!

Никки поморщилась: она не любила бестолковые, неподготовленные обсуждения и уже хотела закрыть совещание, как слово попросила принцесса Карина.

– Убегать из горящего дома можно, но сначала лучше попробовать потушить пожар. У меня есть идея: предотвратить взрыв Веги тем же способом, каким она стала взрывоопасной. Надо рассчитать, приток каких химических элементов вернёт звезде стабильность. После чего попробовать организовать кометный ливень соответствующего состава. Для этого может понадобиться передвинуть какие-то планеты системы Веги или просто сбросить на звезду несколько крупных астероидов. Я готова взяться за расчёт нужного изменения химсостава и за пару месяцев попробую получить первые оценки.

Принцесса Карина покраснелась, но держалась уверенно. Присутствующие одобительно загнули.

– Эта Карина – молодец. У девчонки есть и интеллект, и смелость... – шепнула Никки на ухо Хао. – Умная молодёжь внушает мне надежду.

– Династия Гринвич и Независимая академия в своих институтах бездельников не держат, – дипломатично ответил Хао, тем самым перенеся ответственность и славу за достижения принцессы Карины на всю

династию и саму королеву.

Никки сидела против Джерри за маленьким столом для завтрака и говорила:

– Итак, человечество вплотную подошло к кризису, который потребует объединения всех его сил. Что будем делать?

Джерри пожал плечами:

– Мы уже обсуждали план такого объединения. Просто стало понятно, что больше медлить нельзя.

– И почему человечество ищет выход, только когда попадает в безвыходное положение?

– Это известный факт: война или критическая ситуация ускоряет социальные события и научные исследования. В переломные времена финансирование научных разработок резко возрастает, хотя обычно наука сидит на голодном пайке: средний избиратель не понимает её важности, да и учёных не любит.

– Теперь нам придётся каждому землянину подробно рассказать про кометные потоки, гравитационное рассеяние астероидов на планетах и об особенностях катализа внутризвёздных термоядерных реакций. А потом попросить денег на создание технологий движения больших планет возле далёкой Веги – чтобы спасти жизнь самих землян. Сколько людей решат, что это хитрый способ отнять у них деньги?

– Примерно половина – согласно нашей математической модели науки, погруженной в общество.

– Ты не устал бороться всё с новыми и новыми трудностями? Искать выходы, которые развязывают одни узлы и одновременно завязывают другие?

Вдруг вмешалась Тамми:

– Новые технологии не приносят нового счастья, как бы мы этого ни желали, но они безоговорочно меняют уровень человеческих возможностей и проблем – и тем самым образ нашей жизни, даже если нам этого совсем не хочется. Прогресс устанавливает новые правила мировой игры, в которой приходится всем участвовать – молодым с удовольствием, а старым – без оного. Главное – играть умело, чтобы не сбросить все шахматные фигурки с доски. Остановить развитие цивилизации невозможно, как нельзя остановить велосипед, – падение будет неизбежно. Возможность стабильного существования неразвивающегося социума с высоким уровнем жизни для всех индивидуумов обсуждается давно и является интересной проблемой, но несколько академической, по-моему.

Такое возможное равновесие будет обязательно неустойчивым. Нам нужно учиться надёжно двигаться вперёд, а не держать баланс на кончике иглы, всё время опасаясь сесть на неё. Реальной альтернативой перманентной борьбе с трудностями является только могильное устойчивое равновесие.

– Кто это сказал? – спросила Никки.

Джерри, улыбаясь, ответил:

– Это из дневника моего отца.

– Убедительно... Ну что же, будем бороться с трудностями дальше.

Никки вздохнула и решительно добавила:

– Запускаем план «Суперпрезидент».

Глава 24

День, когда Дзинтару должны убить

Вечер был тревожным. Дети ощущали наэлектризованность домашней атмосферы и никак не засыпали. И Дзинтара согласилась посидеть с ними.

Трёхлетняя Галатея сразу запросила:

– Мама, расскажи сказку про жучиного доктора!

У пятилетнего Андрея глаза тоже засветились. Дети очень любили эту историю – уже сто раз Дзинтара её им рассказывала, а они снова просят. Принцессе не нужно было даже открывать книжку «Сто научных сказок», потому что историю про доктора Борнемиссу она уже знала наизусть.

Дзинтара посмотрела на часы и согласилась:

– Хорошо, расскажу про доктора, победителя мух и повелителя жуков, но потом – немедленно спать.

Галатея оживлённо заворочалась в кровати, устраиваясь поудобнее и положив ладонь под румяную щёку.

– Жил-был в одной маленькой европейской стране доктор Борнемисса. Он был энтомологом и изучал разных насекомых. Кто думает, что насекомых изучать – смешное занятие, тот просто мало думает. И случилось так, что правители этой страны обидели доктора, и он уехал далеко-далеко – в Австралию.

– Я бы тоже не стала жить с людьми, которые меня обижают, – сказала Галатея.

– После долгого плавания по бурному морю высадился доктор Борнемисса на берег далёкого континента и поразился: вся Австралия была покрыта тёмными тучами. Но это были не дождевые тучи и не дым от пожаров. Тучи громко жужжали и жалились! Потому что они состояли из...

– Мух! – громко крикнула счастливая Галатея.

– Верно! Злые кусачие мухи летали везде и всюду так густо, что на улицу выйти без сетки возле лица было нельзя. Дети не могли играть на лужайках и сидели по домам. Даже уличных кафе в Австралии не было, потому что на открытом воздухе есть было невозможно – мухи съедали содержимое тарелок быстрее людей.

Галатея заливисто рассмеялась, и даже Андрей улыбнулся.

– Власти даже запретили кафе под открытым небом, чтобы они не приманивали в города новые тучи мух. Жизнь диктует привычки: пилоты истребителей всё время оборачиваются – не заходит ли кто им в хвост, а

жители Австралии привыкли всё время махать руками, отгоняя крылатых тварей от лица.

И решил доктор Борнемисса спасти континент от этой напасти. И стал распутывать ужасную детективную историю по захвату Австралии мухами. Оказывается, этих летающих зверей раньше было гораздо меньше. В их размножении оказались виноваты сами люди, которые переезжая в Австралию из Англии и других стран, привезли с собой множество скота, особенно коров, которые дают полезное молоко и сыр... ну, мясо и шкуры тоже, хотя тут слово «дают» не очень подходит. Мясо и шкуры у коров попросту отбирают.

– Лучше не отбирать, а дружить! – невпопад сказала Галатея, а Андрей покосился на неё и фыркнул.

– Коровам Австралия очень понравилась, особенно огромные пастбища с травой и отсутствие волков и прочих хищников. И коров развелось видимо-невидимо. А каждая корова в день поедает много килограммов травы и даёт не только молоко и мясо, но и...

– Навоз! – Галатея просто зашлась от смеха. В определённом возрасте шутки про навоз очень популярны.

– Правильно. Каждая корова даёт в день много килограммов навоза. И именно на этом навозе и развелись те сонмища мух, которые покрыли Австралию чёрной тучей. Удивился доктор Борнемисса такому обороту событий, ведь в его маленькой стране коров тоже много, но такого мушиного безобразия нет. Доктор провёл исследование и выяснил, что австралийские навозные жуки не справляются с таким наплывом непривычного для них коровьего навоза. Поэтому сухие коровьи лепешки валяются по пастбищам годами, служа роддомом для мух. И решил доктор Борнемисса найти таких жуков, которые смогли бы жить в жарком австралийском климате и питаться коровьим навозом.

– Питаться навозом! – взвизгнула от восторга Галатея, и Андрей тоже ухмыльнулся.

– Тридцать лет воевал доктор Борнемисса с мухами. Он ездил по всему миру в поисках подходящих навозных жуков. В Африке он прожил девять лет и всё-таки нашёл крупных синих насекомых, которым была по плечу и по зубам проблема австралийского навоза. Доктор Борнемисса привёз африканских жуков в Австралию и выпустил на волю. Размножились эти жуки и быстро очистили пастбища от навоза, заодно и почву взрыхлили и удобрили. И исчезли тучи мух, которые кружили над Австралией.

Галатея заулыбалась. Это место ей больше всего нравилось.

– Выбежали дети и собаки на лужайки, стали играть и смеяться,

купаться в прудах и речках. В Австралии появились машины с открытым верхом и уличные кафе. Старые и молодые люди стали сидеть на свежем воздухе, пить кофе и есть булочки, читать газеты и целоваться без вмешательства мух. Так доктор Гергей Борнемисса сделал счастливыми людей целого континента. И они, благодарные, ещё при жизни поставили ему памятники, а королева наградила его самой большой наградой Австралии. Экологи объявили работу доктора Борнемиссы самым успешным экспериментом по биоконтролю в двадцатом веке. И каждый австралиец теперь знает, что нет ненужных наук, и человек, который изучает навозных жуков, ничуть не менее важен, чем человек, который исследует звёзды.

Андрей проворчал:

– Глупые были правители той страны, где Борнемисса раньше жил. Если бы они его не обидели, он бы тоже для них что-нибудь хорошее сделал.

Дзинтара согласилась:

– Да, обижать учёных – это очень большая глупость. А теперь вам обоим надо спать.

– Мама, можно мы завтра полетим с тобой? – снова заканючила Галатея.

– Нет, нельзя, завтра со мной будет только папа. А вы останетесь во дворце и займёте круговую оборону! В наше отсутствие особенно важно, чтобы во дворец никто из врагов не проник.

– Хорошо! Мы отстоим нашу крепость! – серьёзно сказал Андрей.

– Вот и отлично. Спокойной ночи!

Дзинтара притушила свет и вышла из детской комнаты.

В зале её ждал Феб. Его лицо было мрачным. Ещё бы – ведь через восемнадцать часов Дзинтаре будут убивать.

– Я не хочу, чтобы ты завтра туда ехала! – агрессивно заявил Феб.

– Я тоже не хочу туда ехать, но это придётся сделать... – вздохнула Дзинтара.

Феб бессильно зарычал. Он тоже понимал, что от будущего не спрячешься.

То, что убийство Дзинтары должно произойти десятого июля, в главном зале ООН, при большом скоплении людей и среди бела дня – между тремя часами и тремя часами десятью минутами – стало известно давно.

Никки сообщила об этом, ворвавшись в спальню Дзинтары, когда та

ещё только приводила себя в порядок. Никки выкрикнула главное, а потом торопливо дорисовала детали.

Дзинтара долго молчала, сосредоточенно нанося на лицо какое-то чудодейственное снадобье, а потом просто сказала:

– Надо бы составить завещание.

Потом перевела глаза на Никки и спросила слишком заинтересованным голосом:

– Какая у тебя отличная кожа по утрам! Каким кремом ты пользуешься?

Никки восхищалась мужеством принцессы, но с приближением дня будущего убийства сама нервничала всё больше.

И вот десятое июля настало.

Тёплая серая морось от серой реки плыла в воздухе и окрашивала серое здание ООН в ещё более серый цвет. Разноцветной была лишь густая толпа, ожидающая выезда кортежа президента.

История делается именно в такие дни.

Сегодняшняя суббота войдёт в учебники как дата создания реального мирового правительства. От неё будут отсчитываться остальные события: «это было ещё до клятвы Президента Объединённых Наций», «это было спустя пять лет после инаугурации первого Президента ООН».

Но историческая веха может звучать и так: «день, когда был убит Президент мира».

В главном зале ООН атмосфера была торжественной и наэлектризованной.

Скоро первый Президент ООН принесёт перед лицом всех землян клятву работать на благо всего человечества. После присяги он станет самым могущественным человеком мира – согласно новой всепланетной конституции, за которую проголосовало восемьдесят два процента жителей Земли и других планет.

Небывалое единодушие.

Проблемы, атаковавшие растущее человечество, были слишком очевидны и устрашающи. Для их преодоления нужны были решительные усилия всех землян. Партия «прогрессистов», в которой играли главную роль Северные династии, выдвинула программу объединения всех землян.

Прогрессисты составили проект новой конституции ООН, которая преодолевала паралич мировой власти, вызванный могучим правом вето у вечно конфликтующих стран-лидеров и слишком малыми правами у всех остальных государств.

Реформа мирового управления предполагала, например, такую необычную и радикальную меру: к голосованию по вопросам научно-технической политики ООН допускались только те страны, у которых доля национального бюджетного финансирования науки, культуры и образования достигала десяти процентов. Остальные страны, не достигшие данного уровня цивилизованности, оставались в ранге членов ООН, не голосующих по данным вопросам.

Партия прогресса предложила неожиданную и незаурядную кандидатуру на пост Президента ООН.

Дзинтару.

После нападения командос Южных на БиоИнститут она еле выжила. Искусные врачи-регенерологи сумели залечить шрамы на лице и теле, восстановить левый глаз и повреждённую печень.

Покушение на БиоИнститут жители Земли восприняли – не без помощи прессы Северных – как попытку эгоистичных богачей-южан отнять у простых людей надежду на долгую жизнь и бессмертие.

Дзинтара и другие защитники центра стали героями. Весь мир следил за ходом лечения принцессы и радовался её свадьбе с Фебом, который после трагических событий в биоцентре разительно переменял своё отношение к браку и детям.

Доктора не рекомендовали Дзинтаре, перенёсшей слишком много операций, самой вынашивать ребёнка. Принцесса и Феб воспользовались искусственной колыбелью.

И сейчас дети Дзинтары и Феба – уморительно забавный Андрей и прелестная Галатея – вызывали столь мощное умиление публики и журналистов, что это серьёзно заботило родителей.

Учитывая популярность Дзинтары Шихин-ой и её нейтральность к противостоящим политическим силам, прогрессисты предложили её кандидатуру на пост главы земного правительства. Согласно мировой конституции президент избирался только на один десятилетний срок, что делало главу ООН более решительным и независимым от постоянного оглядывания на урны демократии.

Тут был тонкий момент: Дзинтара смогла претендовать на пост Президента мира только потому, что десять лет назад династия Шихин-ых стала нейтральной. Но никто из аналитиков не смог связать нынешние выборы с давно минувшим добровольным отречением императора Шихин-а и его уход в нейтральные спокойные воды.

Между тем отдать корону императора Северных династий – частного клуба богачей – сейчас, чтобы через десять лет твоя дочь стала настоящим

Президентом всего мира, – это был блестящий ход, возможный только благодаря *математическому дальновидению*. Да, человеческие мозги аналитиков стали безнадежно проигрывать строгим уравнениям и численному моделированию социоистории...

Изнуряющая избирательная кампания закончилась убедительной победой принцессы Дзинтары над сенатором Мондейком, выдвиженцем консервативной партии «реалистов». По закону, Мондейк становился вице-президентом ООН, который не имел фактической власти, но в случае серьёзной болезни или смерти Президента заместитель становился исполняющим его обязанности – до новых выборов, которые назначались через полгода.

Вторым важнейшим событием десятого июля должно было стать подписание президентом мира целого ряда уже согласованных в ООН законов: о финансировании межзвёздных экспедиций, о справедливом использовании технологии бессмертия, о свободе гражданства.

Эти законы были острым ножом в сердце проигравших «реалистов», непримиримое крыло которых состояло из реакционных государств и нескольких династий, не согласившихся с новым курсом Южных.

Поэтому Президента мира должны были сегодня убить.

Убийство должно произойти сразу после клятвы, в течение десяти минут. Приняв присягу, новый Президент мира скажет короткую речь и сядет за стол с разложенными документами – подписывать новые законы. После их подписи «реалисты» окончательно проиграют войну за будущее.

Если президента убить до клятвы, то старый Секретарь ООН, умеренный сторонник партии прогрессистов, останется во главе Объединённых Наций до новых выборов, что не устраивало «реалистов».

Зато убийство Президента в первые десять минут его правления автоматически делает новым временным президентом Мондейка, представителя реалистов. А уж он позаботится, чтобы эти законы ушли «под сукно» как минимум на полгода, а в идеале – навсегда.

Поэтому реалисты должны были сегодня убить Дзинтару.

Многочисленное ситуационное прогнозирование давало самую высокую вероятность именно такого сценария.

Он подтверждался и агентурными сведениями из вражеского стана. Детали будущего покушения были неизвестны, но его факт – несомненен.

Ещё одним убедительным свидетельством подготовки убийства века стали скрытые процессы на мировом рынке акций. Они указывали, что ряд крупных биржевых игроков приготовились извлечь выгоду из последующей паники и обвала курса акций.

Все свидетельства собирались в ситуационную модель, которая приводила к почти стопроцентной вероятности попытки убийства президента именно во время инаугурационной речи.

Поэтому были приняты беспрецедентные меры безопасности. Подписание ключевых законов планировалось сразу после речи Президента именно для того, чтобы сократить длительность наиболее опасного периода.

Никки, взявшаяся лично контролировать безопасность Дзинтары, была за то, чтобы речь вообще отменить, но тут Дзинтара воспротивилась:

– Если они придумают, как меня убить, то сокращение времени большой роли не сыграет.

Никки с этим согласилась, не переставая ломать свою голову и оптоэлектронные цепи своего друга Робби над загадкой будущего убийства.

Пронести в зал оружие или взрывчатку сквозь многочисленные детекторы было немыслимо.

Хотя вдоль стены зала шли столы с напитками и кофейными машинами, яд тоже исключался, потому что никакой еды или воды в течение первых десяти критических минут президенту предложено не будет.

Стена из прозрачной брони вокруг сцены поднималась почти до потолка, оставляя лишь полуметровую щель для свежего воздуха. К потолку, в метре от основной стены и снаружи от неё, было подвешено дополнительное бронированное стекло, которое полностью блокировало оставшуюся щель – так что ни одна прямая или даже рикошетная траектория из зала не могла коснуться Дзинтары, стоящей на трибуне или сидящей за столом.

Эту стеклянную стену можно было взять только выстрелом из танкового орудия.

Но с танками в зал тоже не пускали. Как и с мобильными роботами любого размера и назначения.

Стена задерживала лазерное или микроволновое излучение.

Вентиляционные отверстия внутри стеклянного помещения отсутствовали – чтобы исключить проникновение ядовитого газа.

Дверь на сцену была только одна. Генеральный судья ООН после принятия присяги Президентом должен был выйти в эту дверь и запереть её за собой. Попасть на сцену никто больше не мог – даже четверо агентов службы безопасности, охраняющие дверь за кулисами. Президент оставался в стеклянном бронированном помещении один – вместе с трибуной для произнесения речи и столом, где были разложены документы

на подпись.

Несмотря на принятые меры безопасности, которые широко освещались прессой, компьютерное моделирование и данные агентуры давали косвенные, но убедительные доказательства, что «реалисты» по-прежнему готовятся к последствиям убийства Президента.

Никки очень боялась за Дзинтару.

Нельзя недооценивать ум врага. Если реалисты, зная о всех предосторожностях, принятых вокруг Дзинтары, продолжали рассчитывать на благоприятный исход событий – значит, они придумали что-то очень хитрое.

Но что?!

В зал допускались только политики, журналисты и обслуживающий персонал.

В качестве дополнительной меры безопасности на входе в здание ООН было введено психологическое тестирование. Каждый должен был пройти через компьютерный детектор лжи, который не церемонился.

Там был и такой прямой вопрос:

«Принимаете ли вы участие в покушении на Президента?»

Все люди, вошедшие в здание ООН сегодня, совершенно искренне ответили:

«Нет!»

Но кто-то из них искренне соврал.

В огромном фойе сосредоточенно роились дипломаты, чиновники ООН и журналисты.

Скоро должна была приехать Дзинтара, и Никки пробиравлась сквозь толпу, раскланиваясь со знакомыми, но стараясь нигде не задерживаться, – слишком много было дел у неё сегодня.

Но не задерживаться не всегда удавалось.

Никки неосторожно вышла прямо на престарелого сенатора-«реалиста» Флирля, окружённого стайкой журналистов. Сенатор-южанин был красен и сердит. Увидев Никки, он ткнул в неё пальцем и проскрипел:

– Вот кто борется за уничтожение национальных государств, подрывает основу нашей цивилизации! Вот кто придумал гражданство для династий и эти межгосударственные пенсионные союзы! В результате один человек может иметь географическое гражданство в одной стране или династии, политическое – в другой, а пенсионное – в третьей! Куда катится мир?!

Журналисты сразу нацелили микрофоны и камеры на Никки. Что она ответит?

Никки усмехнулась:

– Я всего лишь борюсь за право людей выбирать лучшее будущее. Надежда базируется на свободе выбора, нет ничего безрадостней безальтернативности. Если граждане решат выйти из-под юрисдикции вашего государства, то это будет не моя, а ваша, политиков, вина. В современном мире государство не должно быть феодалом.

Сенатор нахохлился и клюнул с другой стороны:

– Вы добились легализации наркотиков в Бенилюксе и даже создали свою сеть для их распространения. Вы поддерживаете незаконную деятельность вроде пиратского копирования видеоигр и фильмов. Это вопиюще!

– Вы судите поспешно, сенатор. В Бенилюксе возникло критическое положение из-за множества подростковых банд и наркоманов. Моя династия вместе с заинтересованными правительствами разработали план смещения подростковой преступности от незаконных грабежей и даже убийств к незаконному, но всё-таки бизнесу, например – к пиратскому копированию и распространению медиакристаллов. Это даёт подросткам больше дохода и делает улицы безопаснее. С медиапроизводителями была достигнута договоренность не препятствовать этому молодёжному пиратству...

Никки не стала уточнять, что сама владеет значительными пакетами акций в мировых медиакомпаниях. А то они вряд ли бы согласились на такой план.

– Это весьма эффективная социализация молодых преступников, которые всё ещё чувствуют себя крутыми нарушителями законов, но смена ценностей у них уже происходит. Незаконных бизнесменов перевести в законные гораздо легче, чем асоциальных грабителей. Вы говорите о распространении наркотиков, забыв упомянуть, что мы распространяем специальный маловредящий эйфорин и только среди наркоманов. Он замещает собой опаснейшие кокаин и героин, но не вызывает физиологического привыкания. Излечить наркоманов, перешедших на эйфорин, гораздо легче. Кроме того, новый легальный наркотик ослабляет мафиозные группировки, торгующие традиционными наркотиками.

– Ах, так вы оказываетесь ещё и всеобщим благодетелем! – нервно крикнул сенатор.

– Думаю, что да, сенатор. Прощу меня извинить, я спешу. Нужно ещё кое-кого облагодетельствовать.

Никки сидела в крайнем левом кресле первого ряда. Это позволяло ей, повернув голову, видеть собственными глазами почти весь зал. За её спиной оставалась лишь длинная стена; вдоль неё выстроились журналисты с камерами и столы с напитками, за которыми стояли обслуживающие официанты. Но сканеры и другие Никкины сенсоры работали вовсю и контролировали все триста шестьдесят градусов. Самый дальний угол зала просматривался плохо, но Робби, с разрешения службы безопасности ООН, подключился в сеть камер внутри здания и видел сейчас все закоулки и зала, и коридоров вокруг.

Вокруг здания ООН висела эскадрилья боевых вертолетов, а ещё выше кружила шестёрка истребителей. Три патрульных космокрейсера на разных высотах замыкали впечатляющую пирамиду безопасности, созданную вокруг старинного здания ООН.

Но Никки была уверена, что в системе обороны есть какая-то незакрытая брешь.

Часы на стене показывали два часа пятьдесят минут.

Примерно через четверть часа способ, которым сегодня должны убить Дзинтару, станет известен.

Перед долгим заседанием многие хотели промочить горло: очередь за минеральной водой и кофе не уменьшалась. Политики и чиновники, дипломаты и переводчики – они все были неуловимо похожи друг на друга и подходили обычно парами, вполголоса говоря о чём-то важном и обращая на рослого желтоволосого парня в чёрном фраке не больше внимания, чем на двуногий кофейник. Это здорово раздражало официанта. Обслуживаешь этих господ целыми днями, но даже вежливую улыбку редко заработаешь.

Наконец зал уселся и успокоился. Через несколько минут начнётся церемония присяги. Официант облегчённо вздохнул и тоже нацелился расслабиться, привалившись к стене, но тут к столу подошёл коротышка-журналист, одетый в полувоенный жилет с массой оттопыренных карманчиков и весь обвешанный своей аппаратурой. Этот парень недавно установил треногу с длинной видеокамерой прямо перед официантом, чем здорово его разозлил, так как загородил трибуну.

Журналист негромко, но отчётливо, отделяя каждое слово, сказал:

– Самый большой стакан минеральной воды с пузырьками. И обязательно положите в стакан целый зелёный лимон.

Официант заметно вздрогнул и уставился на журналиста. Тот тоже почему-то переменился в лице и воззрился снизу вверх на рослого

официанта.

Наступила пауза, потом журналист кивнул и отошёл от стола, не дождавшись заказанной воды.

А желтоволосый официант ловкими заученными движениями открыл крайний кипятильник с чистой водой и стал выжимать в него лимонный сок. Больше, ещё больше. Достаточно.

Желтоволосый повесил на кипятильник маленькую табличку «Не работает», снял заднюю крышку и всмотрелся в скрученные разноцветные провода.

Глаза всех людей в зале были направлены на сцену, на которой толпились высшие чиновники и политики ООН. Многие хотели сказать в этот исторический день хоть что-нибудь.

Дзинтара в чёрном недлинном платье стояла в стороне от трибуны, вместе с секретарём и телохранителем. Её время ещё не наступило.

Коротышка-журналист, забыв о жажде, что-то активно перенастраивал в камере – снимал с объектива прямоугольную бленду и зачем-то разбирал её на отдельные пластины, доставал из чехла дополнительные полые трубки – наверное, хотел нарастить высоту треноги.

Официант отремонтировал кипятильник, и тот тихо и низко загудел. Потом окликнул журналиста. Коротышка подошёл с какой-то блестящей трубой, положил её на стол и взял предложенный, совсем небольшой, стаканчик с минеральной водой. Глотнул и вернулся к камере, забыв трубу между использованных кофейных чашек.

Желтоволосый парень не стал его окликать, а просто взял никелированную трубу и засунул куда-то под стол.

Кипятильник загудел чуть громче и забулькал.

Официант выпрямился во весь рост и побледнел. На его веснушчатом носу выступили капли пота.

В зале все взволновались.

Потому что к трибуне вышла Дзинтара.

Возле неё остался только Верховный судья, а все остальные участники церемонии стали покидать сцену через единственную дверь.

Никки слушала клятву Дзинтары с нарастающей тревогой.

Когда Дзинтара приступила к инаугурационной речи, то Никки просто превратилась в сжатую пружину. Сейчас что-то произойдёт.

Но что?!

Никки стала боевой машиной, продолжением своих сенсоров и Робби. Она краем глаза следила за Дзинтарой, но одновременно ощущала

вертолётную вибрацию воздуха за окнами, видела в зале инфракрасным зрением несколько человек с повышенной температурой – видимо, слегка простуженных.

Тревога сгустилась настолько, что Никки сместилась на самый краешек кресла, готовая в любую минуту броситься на помощь к Дзинтаре, хотя от той её отделяло несколько десятков метров пространства и стеклянная броня.

На третьей минуте речи нового Президента сзади Никки раздалось свистящее шипение и громкий хлопок. Выстрел?

Чувство опасности врезалось в спину Никки. Она не успевала повернуться к источнику шума, но её лидарный сканер и ещё пара встроенных в ожерелье сенсоров уже уловили, как от стены зала стартовал реактивный снаряд и устремился к Дзинтаре, стоящей на сцене в перекрестье прожекторных лучей.

НАПАДЕНИЕ!

Никки чувствовала, что снаряд должен пролететь над ней, на высоте трёх-четырёх метров, но немного справа, и, руководствуясь не мыслью, которая не успела ещё оформиться, а лишь инстинктом, прыгнула вверх, на перехват снаряда.

Она не знала, как будет перехватывать этот снаряд, она его ещё не видела.

Всё, что Никки хотела, – оказаться на его пути и защитить Дзинтару. Даже загорюничав её собственным телом.

Никки взлетела вверх, сопровождаемая дикой болью в растянутых мышцах ног, и радостно поняла, что успевает: предсказанная траектория снаряда уперлась Никки в правую лопатку. Никки в прыжке стала разворачиваться лицом к снаряду – и точка удара переползла с лопатки на плечо. В защитном жесте она вытянула руку навстречу летящей смерти. Человек инстинктивно загораживается ладонью даже от неотвратимой и неостановимой угрозы.

В следующее мгновение Никки поняла, что снаряд *не глуп*, он *ведёт* себя *обдуманно* и начинает огибать по плавной дуге неожиданно возникшее препятствие в виде человеческого тела.

Все события разворачивались в доли секунды. Никто из сидящих в зале людей или охранников ещё не успел отреагировать на опасность.

Лишь Никки висела в густом воздухе и мучительно выкручивала шею, пытаясь поймать снаряд в прицел своего лазера. Но в следующее мгновение она поняла, что ничего не получится: летящий снаряд, который уже появился в поле зрения, обладал зеркальным антилазерным

покрытием. Кроме того, он летел на фоне зала, переполненного людьми. Стрелять было нельзя!

В следующее мгновение снаряд шевельнул квадратными крылышками и вильнул в сторону стеклянной стены, уходя из зоны поражения лазера.

Никки достигла самой высокой точки прыжка и стала неумолимо падать на землю.

В систему безопасности был встроен козырь, о котором никто не знал, кроме Никки, Дзинтары и начальника службы безопасности.

Козырь заключался в том, что Дзинтара стояла в пяти метрах от того места, где все её видели. Зрители видели лишь голографическое изображение принцессы. Реальная Дзинтара была спрятана за хитрой видеосистемой стены.

Но это могло обмануть лишь зрителей снаружи.

Снаряд подлетел к бронированной стене... и легко поднырнул под прозрачную штору. Изящный манёвр – и верх стеклянной брони тоже преодолен. Снаряд оказался внутри стеклянного помещения и стал недостижим ни для какого оружия снаружи, зато Дзинтара, стоящая за трибуной и медленно поворачивающаяся на звук, превратилась в лёгкую добычу.

Самонаводящийся снаряд, перемахнув стену, с помощью инфрасенсора сразу распознал голографический обман и за сотую долю секунды нашёл настоящую Дзинтару. И заложил последний вираж, смертельный для заданного объекта.

Никки падала и кричала от отчаяния, видя, как снаряд, сопровождаемый белёсым следом, устремляется в принцессу.

Снаряд нацелил тройное острие в лицо Дзинтары. Силы удара будет достаточно, чтобы пробить титановыми треугольниками насквозь обе тонкие стенки черепа и необратимо разрушить мягкий мозг между ними.

Никки не отводила взгляда от смертельной реактивной стрелы.

Та преодолевала последние метры, и вдруг – вильнула, не долетела и вонзилась в сцену у самых ног принцессы.

Никки ударилась о землю, захлебнулась в волне боли, прошедшей по растянутым связкам и мышцам и отключилась с ощущением счастья.

Дзинтара шла рядом с носилками, на которых пластом лежала Никки. Разорванных связок у неё было столько, что только благодаря Робби она не кричала от боли.

Все законы уже были подписаны, и опасность для Президента мира миновала.

– Поймали того, кто это сделал? – спросила Никки.

– Да, их было двое: официант и журналист. Тестирование на входе в здание они прошли с помощью профессионального гипнотического внушения, а перед операцией ментальный блок самоликвидировался. Журналист изготовил из деталей камеры ракету, а официант сделал из кипятильника электролитическую установку и добыл достаточное количество водорода для заправки снаряда реактивным горючим.

– То есть они изготовили современную самонаводящуюся ракету прямо в зале, из подручных средств и принесённых невинных деталей.

– Да. Спасибо, что ты меня спасла.

– Тебя спас Робби, не я.

– Спасибо и тебе, Робби, – сказала Дзинтара.

Компьютер откликнулся:

– Пожалуйста. С такими тупыми кибер-убийцами лучше общаться не человеку, а мне. Я целую вечность уговаривал его не делать такой глупости. Когда невосприимчивость этого болвана к интеллектуальным аргументам была доказана, я просто сжёг его микромозг сильным радиосигналом. Его частоту я подобрал в ходе нашей бесплодной дискуссии.

– Молодец, Робби! – одобрила Никки.

– Кто-то же вас, людей, должен защищать от самих себя.

Никки вздохнула:

– Какая я была дура! Распрыгалась до потолка!

Дзинтара возразила:

– Ты самоотверженно пыталась меня спасти – ты же не знала, что ракета самонаводящаяся и отвернёт.

– Я об этом и говорю: если чего-то не знаешь, значит, дура. Как я могла не подумать про электролиз! Сколько обсуждали опасность двойного и даже тройного рикошета, а самонаведение не учли! Ну ладно, я – старая обезьяна, а как ты, Робби, мог так оплошать? Я тебе каждый год покупаю новый процессор!

– Люди! Невозможно предсказать вашу убийственную изобретательность. Кстати, раз я спас Президента, то мне полагается высшая медаль ООН.

– О боги! Зачем тебе медаль, электронное чудовище? Что ты будешь с ней делать? Куда повесишь?

– Вот она – ужасная дискриминация электронного разума. Нам не платят зарплаты, нам не дают отпусков – и даже на медаль расщедриться не хотят.

– Может, тебе лучше промыть мозги? А то мне кажется, что они искрят

от пыли!

– Мои мозги искрят от людской неблагодарности! Не увиливай от темы: медаль зажмите или как?

В окно была видна серая река и серый тёплый туман над ней, сквозь который не могло пробиться солнце.

Дзинтара шла рядом с носилками, слушала перепалку старых приятелей и улыбалась.

Какой замечательный сегодня день.

День, когда её не убили.

Глава 25

Король ангелов

Никки собралась завтракать одна, но неожиданно позвонил Майкл:

– Мама, хочу поговорить. У тебя есть время?

– Ты сейчас где?

– В пяти минутах лёта.

– Отлично! Позавтракаем вместе, заодно и поговорим.

В последние годы, когда дети уже выросли, Джерри и Никки завтракали вдвоём. Обедали они порознь – каждый возле своего рабочего места и обычно с коллегами, а ужины в большой гостиной замка Гринвич слишком часто превращались в многолюдные дружеские, а то и деловые встречи, где принимались важные решения. Поэтому Никки и Джерри ценили эти завтраки вдвоём и редко пропускали их.

– Ты отлично выглядишь, мама!

– Возможно. Когда я прихожу к своему косметологу и ложусь на её кушетку, то сразу засыпаю. Отдых! Счастье! Что она там делает с моим лицом – мне неизвестно...

Стол примыкал к окну, откуда открывался замечательный вид на дворцовый сад. Стекло было открыто, и ветер доносил запах каких-то душистых растений. И слышался стрёкот садовых опыляющих цикад.

– Сначала поешь, а потом – разговоры! – сказала заботливо Никки. Майкл кивнул и откусил от бутерброда с коричневатым сыром, веточкой базилика и оранжевым ломтиком копчёной рыбы.

Прожевал, сделал глоток кофе и спросил:

– Где отец?

– У него сейчас какая-то конференция с осмотром австралийского центра моделирования. Прилетит завтра.

– Жаль...

Завтрак подошёл к концу, и на столе остались только чашки недопитого кофе с лимоном.

– О чём ты хотел поговорить? Отец потом послушает запись нашего разговора.

– Хорошо. Отец, привет! Я буду считать, что ты меня тоже слышишь.

Майкл поболтал, звякая, ложечкой в чашке и вздохнул:

– Я не уверен, что вы не сочтёте меня диким и беспочвенным фантазёром...

Никки улыбнулась, но смолчала. Майкл продолжил:

– Мы с отцом как-то в детстве – помните, на необитаемом острове отдыхали? – говорили о разумных существах, которые населяют другие планеты... И я был поражён тем фактом, что в данную минуту где-то погибают целые миры, а мы ничего не можем сделать для них... Даже если обладать огромными космическими кораблями, мы просто в принципе не успеем долететь до терпящих бедствие цивилизаций – потому что сверхсветовые путешествия существуют – и, судя по всему, будут существовать – только в фантастических романах.

Майкл посмотрел на небо, чернеющее сквозь прозрачный купол.

– Там светятся десять миллиардов триллионов звёзд – и многие из них согревают планеты с жизнью и даже с цивилизациями. Срок существования цивилизаций часто короток: войны, перенаселённость, эпидемии и взрывы звёзд... И так будет повторяться из цикла в цикл, разумные существа обречены на необязательные, но непременные муки жизни и всегда – на финальную смерть...

Я навсегда запомнил тот разговор с отцом и часто его обдумывал. Он стал отправной точкой в моей судьбе и профессии. Я изучал теорию относительности и термодинамику, римановы пространства и квантовую теорию поля – но всё время помнил о тех несчастных, кому не повезло в далёком космосе, и о том, что человечество со всей своей культурой тоже неизбежно погибнет.

Я не мог примириться с тем, что во Вселенной существует море несправедливости, которую В ПРИНЦИПЕ невозможно исправить. Человечество и другие цивилизации плохо подготовлены к космическому бытию, они рискуют своим существованием в каждый момент и обречены при сжатии Вселенной в конце нашего цикла. Квазисингулярность коллапса отбрасывает разум снова к нулевой отметке, мы участвуем в соревновании, где невозможно выиграть... Это выросло в мою идею фикс.

Майкл вздохнул и сказал:

– И у меня возникла мысль о полёте за сингулярность.

Императрица Николь высоко подняла брови, а Майкл решительно двинулся дальше:

– Я предлагаю послать корабль в следующий цикл Вселенной с задачей возобновления там человеческой цивилизации с нуля времени, но не с нуля разума. Для полёта за сингулярность я предлагаю использовать чёрные дыры. Когда корабль приблизится к чёрной дыре, то время на нём практически остановится.

Конечно, нужно найти достаточно большую чёрную дыру – чтобы

приливные силы не разорвали корабль при подлёте. При этом желательна дыра без аккреционного диска, созданного из звёзд, размазанных приливом, – иначе слишком большая радиация создаст дополнительные трудности для выживания экипажа.

Корабль застынет в остановившемся времени, как насекомое в янтаре, в то время как эволюция всей остальной Вселенной пойдёт своим миллиардолетним чередом. Экипаж за считанные секунды собственного времени перенесётся через тридцать миллиардов лет и попадёт вместе со своей чёрной дырой сразу к моменту коллапса Вселенной – в то время, когда все чёрные дыры будут сливаться друг с другом, порождая мощные всплески гравитационного излучения.

Корабль начнёт жить вместе со стремительным течением времени остальной Вселенной и попадёт в гравитационный шторм, который может оказаться смертельным для экипажа, как и уровень возможного гамма-излучения, или нейтринного потока, или нейтронного излучения. Возможно, уровень приливных сил станет невыносим для корабля, и он будет разорван на куски. Но теоретический шанс уцелеть у космонавтов есть – и тогда они могут попасть в новорождённую расширяющуюся Вселенную, которая возникает на месте сколлапсировавшего старого мира. Новая Вселенная тоже смертельно опасна для экипажа из-за невероятной силы излучения Хоукинга, которое рождается на могучем потенциале разбегания мира.

Но я сумел доказать математическую теорему о том, что не существует запрета на сохранение информации при её переходе из старого цикла Вселенной в новый, если количество сохраняющейся информации не чрезмерно велико.

– Ты просто молодец! – Никки слушала с неослабевающим вниманием.

Майкл приободрился и продолжил:

– Полёт к ближайшей чёрной дыре, которая может перенести корабль сразу в конец нашего цикла Вселенной, технически осуществим в ближайшие века, но вопросов, которые нужно решить, – масса. Нужно начать с детального изучения самой возможности прохода через квазисингулярную точку.

Сумеет ли уцелеть обычный корабль при коллапсе Вселенной, при проходе через область максимального сжатия мира? Или нужен какой-нибудь особенный транспорт, например в виде стабильного сгустка полей и частиц? Нужно и можно ли брать громоздкие биотела в полёт за сингулярность? Станем ли мы по-прежнему понимать друг друга, если

избавимся от них? Может, стоит переслать в другой цикл Вселенной лишь пылинки в виде нанороботов, хранящих человеческую ДНК и объём базисных знаний? Сможем ли мы организовать не только информационный прорыв в другой цикл, но и эвакуацию хотя бы части людей? Как помочь другим цивилизациям переправить своё информационное наследие и даже какое-то количество живых существ в следующий цикл Вселенной? Как в молодом мире будут сосуществовать древние цивилизации?

Думаю, что найдутся добровольцы для полёта к чёрной дыре, которые будут готовы рискнуть жизнью за надежду прорваться в будущую Вселенную. Даже если таких храбрецов наберётся не очень много, иметь возможность совершить полёт за сингулярность – это принципиально важно. Человек должен иметь право выбора, безвыходная смерть унижительна для разумного существа.

Майкл замолчал, а Никки с изумлённым лицом спросила в пространство:

– Робби, как ты оцениваешь идею Майкла? Какой это уровень технологии?

После необычной паузы Робби откликнулся.

– Идея не поддаётся оценке. Она может быть просто неосуществимой. Если же она реализуется, то это будет технология одиннадцатого или двенадцатого уровня, влияющая на процессы эволюции человечества на протяжении многих миллиардов лет. Я не работал с такими технологиями, не слышал о них и даже робею от таких масштабов. Степень риска при полёте за сингулярность пока оценить невозможно.

Майкл сказал:

– Вероятность успеха мы увеличим, посылая каждые сто лет по одному кораблю с максимальными техническими возможностями для своего времени. Направлять экспедиции надо к разным чёрным дырам – это увеличит шансы на прорыв сквозь сингулярность.

Робби спросил с ноткой ехидства:

– Может, ты и сам решил полететь?

Майкл слегка покраснел:

– А почему бы и нет?

Никки усмехнулась:

– Робби, люди не боятся замахиваться на невозможное! Главный наш ограничитель – не общество и не законы природы, а мы сами, наша трусость и наш страх, но если сердце не боится ставить смелые задачи, то мозг с готовностью их решает. Я ещё ни разу не сталкивалась с практически неразрешимой задачей среди тех проблем, которые

теоретически имеют решение. Майкл, я поддерживаю твой проект «Полёт за сингулярность» и обеспечу его бесперебойное финансирование... что бы ни случилось с нашей династией... или со мной...

– Спасибо, – улыбнулся Майкл, – я опасался, что мои проекты будут сочтены безумной фантазией.

– Проекты? – спросила Никки. – У тебя не один проект?

– Э-э... – замялся Майкл. – Не думаю, что стоит перегружать этот завтрак слишком многим.

– Нет, давай выкладывай, мы редко разговариваем в последнее время, – настояла Никки.

– Ну хорошо... Второй проект тесно связан с первым. Если мы осуществим полёт за сингулярность, то это открывает нам исключительную возможность попасть в любую точку Вселенной нового цикла. Если мы создадим достаточное количество космических кораблей, то они, двигаясь вместе с расширяющейся Вселенной, попадут в самые отдалённые её углы, невзирая на релятивистское ограничение скорости полёта.

– Хм... а зачем нужно такое повсеместное и недешёвое присутствие? Если нам удастся забросить в будущий цикл Вселенной один или несколько кораблей, то они должны сосредоточиться на задаче возрождения человечества хотя бы в одной планетной системе.

– Я думаю, что эти две задачи – возрождение человечества и рассылка посланцев в другие части Вселенной, – должны быть параллельны. Под посланцами я понимаю что-то вроде роботов или систем с искусственным интеллектом. Это будут *охранники* или, лучше, *хранители*. Они должны защищать разумные расы, которые возникнут в разных частях Вселенной – от космических опасностей, ну... может быть, и от самоуничтожения. В том числе, хранители помогут и возрождающемуся человечеству.

Никки была ошеломлена:

– Ты хочешь заселить всю Вселенную миллиардами или триллионами разумных искусственных существ, которые будут охранять разумные расы, возникшие естественным путём?

Майкл кивнул, довольный тем, что его сразу поняли.

– Нам нужны самовоспроизводящиеся системы со сроком жизни больше десяти миллиардов лет или вечные; которые достаточно мудры, чтобы принять этическое решение высшей сложности; которые достаточно могучи, чтобы исполнить принятое решение – погасить или взорвать звезду, передвинуть или переделать планету; которые практически вездесущи – как минимум, по одной на каждую звёздную систему, где

может сформироваться жизнь. И если кто-нибудь отчаянно попросит у неба помощи – он её всегда получит.

– Фактически, ты хочешь создать богов.

– Нет, это будут вполне реальные системы: могущественные, но вовсе не всемогущие; хранящие знания многих цивилизаций, но не всеведущие. Можно назвать их «космическими ангелами». Они вряд ли будут механическими. По предварительным соображениям, «ангелами» станут системы из скоплений частиц, скрученных электромагнитными полями...

– Ангелы как космические шаровые молнии... – пробормотала Никки.

– Они смогут передвигаться почти со скоростью света. Они логично включают в свою структуру и гравитационные поля – например, прибыв в звёздную систему, ангелы должны воспользоваться для собственной стабильности гравитацией планеты или даже звёзды, разместить по разным орбитам свои частицы и мыслить, перестраивая, перераспределяя эти потоки между разными траекториями.

– Для стороннего несведущего наблюдателя эти ангелы могут выглядеть как радиационные пояса или облака межпланетной плазмы...

– Да. Но власть над полями, плазмой и движением отдельных частиц позволит таким ангелам изготавливать из местного материала любые дополнительные мыслимые устройства – в том числе и механические. Важно, чтобы они были «мыслимые» – то есть уже открытые и не противоречащие законам физики. Впрочем, возможно, ангелы окажутся способными к самостоятельному творчеству и развитию технологий...

– Значит, в новом цикле Вселенной ты хочешь основать галактическую – вернее, метagalактическую – власть, бескорыстную и могучую, запрещающую войны в галактиках и геноцид разумных рас, но дающую возможность всем цивилизациям развиваться самостоятельно. Но есть ситуации этически неразрешимые: две враждующие цивилизации на одной планете. Из них победит и выживет, вероятнее всего, только одна. Можно ли, спасая одну цивилизацию, уничтожить миллионы других разумных существ, пусть даже агрессивных и опасных? Что делать? Может, этичнее не вмешиваться и дать случаю или предельному напряжению сил этих цивилизаций самим сделать выбор? Трудности и испытания рождают новый уровень организации общественного интеллекта. Только на изломе проверяется прочность. Но излом – вещь жестокая. Само влияние на ситуацию, которая приводит к чьей-то гибели, потенциально оскорбительно... Очень сложная проблема!

– А простыми проблемами заниматься неинтересно. Задача создания огромного количества могущественных космических ангелов и морального

кодекса, на основании которого они будут действовать, сложна настолько, что может оказаться неразрешимой. Но у нас впереди – вечность. Ты сама говоришь, что за это время решить можно практически любую проблему.

Никки вздохнула.

– Я всё время забываю, что люди сейчас могут жить бесконечно. Это так странно. Раньше существовало два вида бессмертия – дети и книги. А сейчас появилось личное бессмертие, которое всё перепутало.

– А кем были ученики?

– Теми же детьми.

– А читатели книг?

– Они – ученики, но не дети.

– Сложно.

– Не очень. Твой проект «космических ангелов» интересен с ещё одной, неожиданной стороны. Есть точка зрения, что прогресс – это болезненно-творческая реакция на неудобства. Когда неудобства кончаются, прогресс останавливается. Прогресс сам по себе, как идея, никому не нужен, даже революционерам. Идея переворота популярна, когда ты недоволен своим положением в обществе, но если ты попадаешь на вершину социальной пирамиды, то идея стабильности для тебя становится привлекательнее.

Никки машинально налила себе ещё кофе, но не стала его пить, продолжая размышлять вслух:

– Как только потребности человека будут удовлетворяться быстро, сполна и без заметных трудов с его стороны, тогда эволюция цивилизации может остановиться из-за отсутствия стимулов. Всем довольный человек – это уже бездеятельный организм. Человек не сможет двигать прогресс и по причине практической бионеспособности понять сложное техносуществующее, которое может стать независимым от человека, таинственным по своим путям и мотивациям и, вообще говоря, нечеловеческим. Наша техноцивилизация стала де-факто непостижима для отдельного человека. Он создаёт электронные устройства, которые позволяют ему справиться с ситуацией, но искусственный интеллект ещё больше отдаляет прогресс от человека. Не станет ли человек лишним в им же самым созданном мире? Может, поэтому и космос молчит: разумные существа везде или уничтожили, или пережили сами себя, передав эстафету нечеловеческим и неживым существам, которым нет смысла болтать с нами, живыми организмами. Философы высказывают мнение, что спасти пресытившуюся цивилизацию может появление внешнего смысла её существования. Твоя идея позволяет надолго – или навсегда – разомкнуть

эгоизм человечества, ввести в нашу жизнь заботу о спасении других цивилизаций.

Майкл сказал:

– Вполне возможно, что создание космических ангелов и их совершенствование станет делом, которое займёт человечество до конца этого мирового цикла. Такая армия ангелов заодно спасёт нас самих от разных неприятностей.

– Существа такого уровня могущества могут легко инициировать жизнь на других планетах, хотя здесь опять-таки возникает сложнейшая проблема – можно ли заселять привнесённой чужой жизнью планету, тем самым лишая её естественного пути.

– Они могут насаждать не чужую жизнь, а просто ускорять естественное развитие местной жизни.

– Может, и жизнь на Земле была иницирована или ускорена?

– Это не исключено. Но ведь мы не обижаемся на этих инициаторов?

– Задним числом – нет, не обижаемся...

Теперь Майкл потянулся налить кофе, а Никки отпила из стоящей перед ней полной и немного остывшей чашки. Бросила в чашку лимон, помешала и подогрела содержимое чашки.

– Странно, что вот так спокойно, попивая кофе, мы с тобой решаем – ну или хотя бы пробуем решить – судьбы триллионов цивилизаций на многие циклы Вселенной вперёд.

– Все новые дела сначала выглядят странно, а потом становятся рутиной. Кстати, по мнению экспертов, факт обнаружения инопланетного «Шара» заметно увеличивает число возможных разумных рас в отдельном цикле Вселенной. В каждой галактике может развиваться порядка миллиона разных цивилизаций.

– Впечатляет, особенно если учесть, что самих галактик тоже сто миллиардов. Космические ангелы... Хм... Состоящие из гравитационных и электромагнитных полей, засеянных элементарными частицами... Размером с Землю или Солнечную систему...

– Может, они уже существуют.

Никки громко крикнула:

– Эй, гравитационные ангелы, если вы нас слышите! Откликнитесь, иначе вскоре наши ангелы будут вам мешать.

Тишина.

Майкл пожал плечами:

– Я полагаю, мы можем стать первыми производителями или творцами ангелов. Ведь кто-то всегда становится первым – почему же не мы?

Никки задумчиво рассматривала идею Майкла с разных сторон.

– В отсутствие гормональной мотивации жизнь космических ангелов может быть очень скучна: у них нет любви, страха смерти, радости победы над соперником. Нужна какая-то мотивация их деятельности.

– Пусть они конкурируют друг с другом по добрым делам.

– А как они будут сравнивать свои добрые деяния? Скорость света конечна, так просто о личных успехах другим не сообщишь!

– Пусть они подождут, пока Вселенная снова сожмётся и они соберутся вместе возле сингулярности. Тогда и обменяются мнениями и чем-нибудь наградят лучших ангелов. И подберут посланцев в следующий цикл Вселенной.

– Значит, цикл расширения и сжатия мира длительностью в десятки миллиардов лет будет для ангелов лишь раундом в этом соревновании? А призом может стать продление существования ангела в другом цикле?

– Ну... возможно.

Императрица снова задумалась:

– Кто же всё-таки будет принимать решение о необходимости вмешательства ангелов?

Майкл ответил:

– Если вложить суммарный оптимизированный разум всех живущих на Земле людей в каждого космического ангела, то такие решения будут приниматься на основе мудрости всех землян.

– Эти ангелы кажутся вариантом загробной жизни. Может, там и наши с отцом разумы окажутся?

– Почему бы и нет? Можно привлечь разумы и существ других видов – тех же динозавров из «Шара», чтобы решения были более взвешенными.

– В ангелов, очевидно, попадут и разумы Робби или Великого Инки. Только нужно, чтобы эти космические ангелы умели плакать.

– Иметь эмоции – это логично.

Глаза Никки ярко горели.

– Ангелы должны уметь хранить достаточное количество данных, в таком случае они смогут собирать с миллиардов цивилизаций каждого цикла Вселенной богатый информационный урожай и передавать его в новый цикл. Мы получим колоссальную по объёму и информативности метagalacticкую библиотеку, которая будет не уничтожаться, а пополняться с каждым новым коллапсом Вселенной!

– Здорово! Я об ангелах как о сборщиках информации и библиотекарях не подумал... – обрадовался Майкл.

– Итак, ты хочешь освоить профессию бога для новой Вселенной?

– Скорее – профессию короля ангелов-хранителей при полной материалистичности их крылатых организмов-конструкций. Жизнь – это путешествие. Оно может быть интересным или не очень. Оно может быть длинным и не очень. Я хочу сделать его вечным и захватывающим.

– Ты знаешь, откуда произошла форма королевской короны?

Майкл поднял брови:

– Символ святой ауры?

Никки покачала головой:

– Я предпочитаю другое толкование. На глиняных табличках древних шумеров изображён царь, несущий на голове предмет, очень похожий на большую корону. Но на самом деле это была корзина из прутьев, полная тяжёлых кирпичей для строительства нового храма.

– Хорошее толкование.

– Точное. Как Элиза и дети?

– Мне очень повезло с ними, мама.

– Это потому, что ты достоин удачи. Я впечатлена сегодняшним разговором... Я привыкла решать проблемы целой планеты, но на всю Вселенную замахиваться мне ещё не приходилось. Как ты осмелился ставить себе такие грандиозные задачи?

– Я сын королевы Николь! – улыбнулся Майкл. – Какие ещё нужны объяснения?

Никки тоже улыбнулась:

– Возможно, это был самый важный завтрак в данном цикле Вселенной. За успех твоих планов надо немедленно выпить!

Они чокнулись недопитыми чашками с кофе, и Маугли гордо сказала:

– Меня часто называют основательницей империи или дарительницей бессмертия. Глупости! Самое важное, что я сделала в своей жизни, – это вырастила умного сына.

Она подняла чашку с остывшим кофе повыше, салютуя Майклу:

– Удачи тебе, король ангелов!

Глава 26

Никки и Джерри

Общий генетический и эпигенетический анализ тканей пациента, обозначенного в медфайле аббревиатурой AGN49, был сделан автоматическим анализатором в течение ночи и ранним утром попал к Билли Лобилу, опытнейшему специалисту-биоаналитику БиоИнститута. Билли запустил результаты анализа в улучшенную программу идентификации генетического класса, изучил выходные данные – и узнал, что возникла проблема.

Он встревожился и немедленно поставил в известность руководство лаборатории. Для решения появившейся проблемы была срочно сформирована специальная группа.

Когда уровень сложности задачи стал очевиден, для её решения создали специальный отдел. Потом к нему присоединились отделы и группы других институтов. В конце концов организмом одного пациента стали заниматься тысячи специалистов – компьютерных биологов, аналитических генетиков и медиков-геронтологов.

Для обсуждения физиологических особенностей мозга и эндокринной системы данного пациента собирались целые конференции и симпозиумы. Они целиком посвящались организму всего лишь одного человека, имя которого все присутствующие знали, но не называли.

Эти совещания проходили в закрытом режиме, и никто из журналистов на них не присутствовал. Врачебная тайна – не пустой звук, а лицензией врача медики дорожат не меньше, чем жизнью пациента.

Организм пациента AGN49, как учёные называли его в статьях, через несколько лет стал, пожалуй, самым изученным организмом в истории медицины.

И одновременно стало ясно, что медики не успевают.

Для организма Homo Sapiens была составлена невероятно сложная система дифференциально-интегрально-тензорно-групповых уравнений. Математическое решение этой системы уравнений описывало все жизненные процессы, происходящие внутри человеческого организма. Получение данного «решения жизни» было задачей исключительной сложности, но ещё более зубодробительной проблемой являлось «решение бессмертия». Для него нужно было найти и наложить на исходную систему

уравнений – то есть на сам организм – такие условия, при которых жизненные процессы в человеке оказывались бы не лимитированы по времени; например, деление клеток не затухало бы по истечении нескольких десятков лет в судорогах апоптоза, а продолжалось бы неограниченно.

Почти две трети людей относились к наиболее распространённому А-классу, отличающемуся от других набором начальных параметров для уравнений. Для людей А-класса «решение бессмертия» искали тридцать лет. И шестьдесят процентов живущих на Земле людей получили возможность стать бессмертными и вечно молодыми.

Организмы оставшихся тридцати девяти процентов людей относились к четырнадцати другим классам. Работа над классом Б и семью другими затянулась ещё на восемь лет, а для шести классов решение до сих пор не было найдено, но искалось.

Последний процент населения Земли не попадал ни в один из пятнадцати известных классов, и для этих людей «решений бессмертия» тоже не существовало.

Пациент AGN49 относился именно к почти безнадёжным случаям «последнего процента».

Для практически всех органов пациента AGN49 врачи нашли частные решения и готовы были продлить их жизнедеятельность достаточно долго. В конце концов, пересадка могла послужить приемлемым вариантом для замены стареющего органа.

Но мозг – это последняя твердыня для медиков, единственная часть организма, которая не может быть заменена. И именно для мозга пациента AGN49 – ладно, не будем прятаться за аббревиатурами, всё равно мы, как честные люди, никому не раскроем секрета – так вот, для мозга императрицы Николь Гринвич никак не находилось «решение бессмертия».

Именно над этой проблемой и бились сотни учёных на разных континентах и планетах. Возможно, причины этой проблемы крылись в космическом детстве королевы, но была и гипотеза, что Никки расплачивается за свою гениальность.

Ситуация осложнялась тем, что органические особенности структур мозга пациентки в сочетании с хрупкостью кровеносных сосудов указывали на возможность скорой внезапной смерти из-за массового кровоизлияния в мозг.

Врачам нужно было время для продолжения поисков решения.

Поэтому пятеро самых видных учёных и медиков пришли к императрице Николь и выложили карты на стол: императрица должна

перестать наплевательски относиться к своему здоровью; она должна соблюдать строгий режим и следовать всем предписаниям врачей; она должна работать столько, сколько ей будет разрешено, и не больше.

Маугли выслушала врачей, подумала, хмыкнула, ещё немного подумала, ещё немного пофыркала – и отклонила все требования посетителей.

– Мне некогда! – И она распрощалась с обескураженной делегацией учёных медиков.

Тогда пятеро специалистов отправились к тому человеку, с которым они могли открыто обсудить проблемы здоровья императрицы, – к Джерри.

Он выслушал их очень внимательно, окаменел лицом и ничуть не удивился реакции Никки, о которой врачи честно рассказали ему.

– Она не позволяет своей смерти диктовать условия своей жизни, – сказал он усталым голосом.

Когда делегация ушла, Джерри спрятал лицо в ладонях и замолчал надолго. Никки была человеком, который притягивает к себе удары. И вот ещё один удар – и самый суровый. Человек, подаривший всему миру надежду на бессмертие, сам оказался этой надежды лишён. Джерри относился к А-классу, но он ещё не проходил процедуру бессмертия – он ждал свою Никки.

Джерри понимал, что ничто не может заставить Никки бездельничать. Императрица просто будет трудиться на износ, пока не упадёт замертво за своим поцарапанным и потёртым рабочим столом. И это случится, по словам врачей, с девяностопроцентной вероятностью в течение ближайшего года, если кардинально не изменить режим жизни Никки. Но как это сделать? И Джерри стал размышлять над этой проблемой. Потому что, если он её не решит, то её никто не решит.

Джерри пришёл на телеканал Тимоти, на встречу с его сыном Лэшли, «самым язвительным телерепортёром всех тиви-каналов». Сам Тим умер десять лет назад, в весьма почтенном возрасте. Лэшли, уже немолодой, в длинных жёлтых шортах и в майке с эмблемой своей передачи, традиционно сидел на высокой табуретке.

Джерри, одетый в обычный деловой костюм, в котором ходил на работу, был усажен в глубокое кресло.

Лэшли, извиваясь на своём стульчике из бара, навис над Джерри как коршун:

– Вы ни разу не давали публичных интервью и заслужили репутацию очень скрытного человека. А тут неожиданно согласились. Почему?

Джерри спокойно улыбнулся:

– Мне не хочется, чтобы меня считали скрытным и что-то скрывающим. Я не публичный человек, а обычный учёный. Внимание массмедиа ко мне попросту неоправданно.

– Ну что же, готовьтесь, сейчас мы вас хорошенько выпотрошим. Вы провели всю жизнь возле королевы Николь. Вас не обижает, что вы прозябаете в её тени?

– Наоборот, меня радует, что я греюсь в её свете.

– Одни считают вас королём, а другие – самозванцем. Ваше официальное положение весьма непросто.

– Если бы вы знали, насколько я равнодушен к статусам и титулам любого толка. Я жил рядом с любимой женщиной, занимался любимой работой, воспитывал обожаемых мною детей – и больше мне ничего от жизни не нужно.

– Почему вы говорите об этом в прошедшем времени? Вы всё ещё работаете и так далее.

– Не обращайтесь внимания, в последнее время я стал часто оглядываться назад.

– Какие у вас взаимоотношения с принцем Айваном?

– Нас нельзя назвать друзьями, потому что мы слишком редко видимся. Но мы прекрасно понимаем друг друга.

– Вас обоих не мучает ревность?

– Раньше очень мучила.

– О! Об этом подробнее.

– Он ревновал меня к Сюзанне, когда она жила во дворце династии Гринвич, а я его – к Майклу, когда он уезжал с сестрой во дворец Шихин-ых. Айван всегда находил для Майкла потрясающе интересные подарки. Принц упорно это отрицает, но я уверен, что ему помогала его подруга – принцесса Гримальди.

Лэшли досадливо покрутил головой и сменил тему:

– Почему вы отказались от Нобелевской премии за социоматематику?

– Потому что основной вклад в социотеорию внес мой отец, а он не может получить её. И эта премия учреждена Нобелем в качестве поддержки учёных, а моя работа хорошо финансируется и без премий.

– Кроме того, стали бы говорить, что премию вам дали, чтобы сделать приятное императрице Николь.

– Это уже третья причина, но зачем она, если достаточно любой из первых двух?

– Дети редко идут по стопам отцов, почему же вы стали

социоматематиком, как ваш отец?

– Бывают времена, когда личные интересы слишком дорого обходятся. Я стал заниматься теорией отца, потому что так было нужно. А когда работающая модель предсказания на основе теории Михаэля Уолкера была создана, то мне социоматематика уже стала интереснее роботостроения, к которому я склонялся в детстве. Расчёт мировых линий отдельного человека, компьютерное моделирование возможного будущего для индивидуума оказалось очень увлекательным занятием.

У каждого должен быть шанс на счастье, и пусть вся мировая компьютерная сеть сутками ломает свои процессоры, но поможет найти каждому интересную работу и интересную жизнь. Счастье отдельного человека достойно стать научной и общественной сверхзадачей. Я горд тем, что мы научились рассчитывать не только будущее человечества, но и будущее отдельного человека.

– А будет ли будущее счастье настоящим, если оно преподнесено на блюдечке?

– Компьютер лишь рассчитывает вашу оптимальную мировую линию, указывает вам наилучшую дорогу. А пройти по ней вы должны сами. Наилучшая дорога вовсе не самая лёгкая; чаще – наоборот, одна из труднейших. Так уж устроена жизнь – оставить в ней след и стать по-настоящему счастливым можно, только получив мозоль от сильного нажима на резец. Или на плуг.

Раньше мы рассчитывали личные судьбы в специальных центрах. Недавно мы создали и запустили в продажу персональный расчётчик для предсказания личной мировой линии. Теперь на домашнем компьютере вы сами сможете изучить все варианты своей судьбы – в зависимости от профессии, которую выберете, и других ваших решений. Вы будете моделировать и планировать свою биографию и успех своих детей в существующих социэкономических рамках, на фоне глобальной истории.

Некоторые рассматривают такую программу как игру. Но это не игра, здесь всё по-настоящему. Жизнь – это слалом, в котором боковые лыжни проносятся мимо стремительно и часто безвозвратно. Какой выбор сделать в жизни? Это очень сложная задача, и я рад, что наша работа помогает многим решить свою судьбу.

Лэшли восхитился.

– О боги, мне хочется немедленно получить эту программу, заняться своим будущим и получить ответы на все вопросы!

– Часто важнее не получить ответ, а задать вопрос. Вопрос эмоционален, ответ рационален. Спросите себя – что вы хотите в этой

жизни? Именно с этого вопроса и начинаются многие ответы. Какие проблемы в этом мире больше всего вас волнуют? Научный поиск? Проблемы социального неравенства? Создание музыки? Освоение космоса? Воспитание детей? Это то, о чём мы можем спросить только сами себя, никакой компьютер тут вам не поможет. Поставьте главный вопрос своей жизни на обсуждение и начните искать варианты ответа. Ответы не похожи на мёртвые каменные плиты с вырезанными надписями, ответы живы, разветвлены и растут как деревья.

Лэшли помолчал и сказал прищурившись:

– Это всё хорошо, но я до сих пор не понял – зачем вы пришли сюда?

– Чтобы меня не считали марионеткой, а увидели живым человеком.

– Императрица знает о том, что вы решили дать интервью?

– Не думаю. Если вы намекаете, что королева Николь как-то контролирует мою жизнь и что-то решает за меня, то зря – Никки не такой человек, чтобы подавлять кого-либо. Я уверяю вас, что самостоятельно распоряжаюсь своей жизнью. Главное для меня – иметь возможность поступать так, как считаешь нужным, не принимая во внимание общественное или чужое мнение, обычно предвзятое, или голос собственного здравого смысла, обычно очень эгоистичного.

– Я вас не очень понимаю, – сказал Лэшли. – Вы о чём говорите?

– Просто философствую, – ответил Джерри. – Спасибо, что пригласили меня на свою передачу.

Быстро покончив с завтраком, Никки откинулась на спинку кресла и поднесла к губам последнюю чашечку кофе. И заметила красивый браслет на левой руке Джерри.

– Что это за браслетик? Подарок какой-нибудь студентки? Ты ведь не любишь носить ничего на руках. Даже обручальное кольцо кажется тебе невыносимой тяжестью.

– Это правильно, ведь профессорам без обручального кольца студентки гораздо чаще делают подарки. Но браслетик я приобрёл сам.

– Ты сам?! – удивилась Никки. – Ты открываешься мне с новой стороны. И что особенного в этом браслетике?

Джерри не стал темнить:

– Это браслет эвтаназии.

Никки круглыми глазами уставилась на него:

– Что за шутки, Джерри?

– Никаких шуток. – Джерри был серьёзен. – Браслет, опиши свою задачу.

Браслет тонким голосом произнёс:

– Я поддерживаю постоянную связь с Робби – личным компьютером Николь Гринвич и мировой инфосетью. Я должен впрыснуть яд в кровь человека, который меня носит, немедленно после получения достоверной информации о смерти императрицы.

– Шантажист! – мгновенно поняла и рассердилась Никки. – Ты сговорился с врачами и тоже требуешь от меня бросить работу!

– Я ничего от тебя не требую, – спокойно сказал Джерри. – Ты спросила про браслет и получила ответ. Ты совершенно свободна в своих поступках, но и я тоже. А сейчас, извини, у меня лекция. Постарайся не умереть в ближайшую неделю, а то я не закончу тему.

Он произнёс это таким будничным тоном, что Никки поняла – Джерри не переспорить. Императрица крикнула:

– Браслет, кто может изменить твою задачу?!

Тонкий голос ответил:

– Я получил неотменяемый приказ. Никто не обладает нужным приоритетом для его изменения.

Никки спросила:

– Робби, что можно сделать с таким браслетом?

– Трудно сказать. Его надо взять в лабораторию и осторожно исследовать. Только не разрушая – это вызовет его немедленную инициализацию. Но для этого исследования нужно, как минимум, согласие хозяина браслета.

– Извини, я опаздываю, – сказал Джерри и отправился на лекцию.

Через неделю мир потрясла новость: императрица Никки передаёт корону принцессе Сюзанне и удаляется от дел.

Но если разобраться, ничего удивительного в этом поступке не было: чужая смерть бывает гораздо страшнее своей.

Потребовалась неделя, чтобы журналисты, которые дружно накинулись на горячую тему, докопались до истины. Бесконечно такой секрет хранить невозможно. Где-то просочилась информация, где-то задымились слухи. Бойкие репортёры устанавливали подслушивающие жучки и подкупали всех горничных и служителей отелей, где проходили встречи врачей.

Тайна раскрылась и взорвалась сенсацией:

«Организм Никки Гринвич не поддаётся процедуре бессмертия!»

Метаболизм человека, выросшего на астероиде, оказался столь отличен от стандартного, что не подчинился обычной методике

биоуправления.

Весь мир узнал и о том, что запасы прочности организма Никки почти исчерпаны и смерть может настигнуть императрицу в любой момент. Про браслет и самоотверженный поступок Джерри, который таким образом пытается спасти жизнь своей любимой, тоже стало известно.

Что тут началось!

Массовые демонстрации, штурмы кабинетов сенаторов и президентов, голодовки истерических женщин. Все тиви-каналы показывали уличные волнения и протесты. Люди требовали изменить мировой закон ради Никки и Джерри.

Не в том дело, что династия Гринвич сделала для людей столько, что заслужила их вечную признательность. Агроном и нобелевский лауреат Борлоуг во второй половине двадцатого века спас от голодной смерти МИЛЛИАРД землян. Когда 12 сентября 2009 года учёный Борлоуг умер, то это событие «потянуло» лишь на несколько строк в газетах, набитых ежедневной чепухой – светской, спортивной и криминальной хроникой.

Так что не столько в благодарности дело, сколько в том, что Никки и Джерри и их союз давно стали мировой легендой. Об этой любви снимали фильмы и писали книги. Историю девочки с маленького астероида рассказывали детям перед сном и изучали в школе.

Когда люди узнали, что их кумирам грозит скорая смерть, они буквально взбунтовались. ООН, напуганная масштабом народного волеизъявления, собралась на внеочередную Генеральную Ассамблею.

И подавляющим большинством голосов приняла решение сделать для Никки и Джерри исключение из мирового закона на запрет клонирования.

БиоИнституту было предложено вырастить клонов Никки и Джерри и обеспечить перенос памяти императрицы и её друга в новые тела.

Учёные пришли в восторг от такой задачи, которую ещё никто и никогда не осуществлял. Они ждали от уникального эксперимента огромного количества новых данных, которые откроют широкие перспективы по усовершенствованию человеческого организма.

Никки и Джерри не стали возражать, понимая, что их соображения несущественны по сравнению с желанием такого количества людей.

После отставки королева стала в десять раз меньше работать и привыкла отдыхать. Никки и Джерри ездили по курортам и тем местам, где они никогда раньше не были. И в каждом городе они встречались с людьми, которые наполняли самые большие залы и даже открытые стадионы.

Императрица просто сидела в мягком кресле и отвечала на вопросы

ведущего и зрителей или что-то рассказывала о своей работе и жизни. Как всегда, Никки ничего не приукрашивала и не скрывала. И эти несрежиссированные встречи производили такое сильное впечатление на слушателей, что ни одна поездка Никки и Джерри не обходилась без тесного общения с множеством людей.

Врачи внимательно следили за здоровьем императрицы, но не нашли в этих встречах ничего опасного, если они были не очень продолжительны.

Во дворец был привезён и установлен медик-диагност, спроектированный специально для Никки – для анализа состояния её организма и оперативного вмешательства в его процессы. Медицинский электронный мозг играл роль полководца, руководящего обороной города. Даже если городу суждено пасть, долг командующего – держаться до последнего, перебрасывать остатки резервов на самые слабые участки, чинить разрушающиеся стены, засыпать вражеские подкопы.

По требованию императрицы крупное табло на диагносте высвечивало прогнозируемое время жизни пациента. О, как медики были против! Они не привыкли сообщать больному такую беспощадную правду. Но Никки была не простым пациентом и, вдобавок, очень упрямым – и сейчас табло послушно показывало оценку оставшегося времени: четырнадцать дней. Цифры менялись каждый день – обычно в сторону уменьшения, но иногда они милостиво накидывали лишние сутки.

Когда осталось десять дней, Никки в очередной раз потребовала от Джерри:

– Ты добился своего, я веду себя как последняя послушная девочка. Ты подарил мне пять лет жизни и теперь сними эту ужасную штуку со своей руки!

Джерри медленно и отрицательно покачал головой.

– Я – учёный и привык следовать логике, но здесь не тот случай. Мы так долго шли по жизни вдвоём, что я просто не могу разорвать между нами эту последнюю связь. Как-то пришёл ко мне один доктор и объяснил происхождение моей мир-без-Никки-фобии. И предложил лечение – гипноз и целую фармакопею. Я его прогнал. Эта фобия – часть меня. Если я проснусь здоровым от неё... то это буду уже не я.

– Не делай этого!

– Я прожил счастливую жизнь. Дай мне завершить её так, как я хочу.

– Это неразумно!

– Мы всю жизнь живем под игом разума. Я имею право на безрассудство. Мы слишком тесно жили, чтобы порознь умирать.

Джерри посмотрел на браслет.

– Невозможно представить, как я снимаю эту штуку и говорю тебе: теперь тони одна, дорогая, а я всплываю... Я не собираюсь присутствовать на твоих похоронах! Посмотреть на любимую женщину, лежащую в гробу, а потом поужинать, поспать, почистить зубы... Через недельку желательнее начать улыбаться, потому что окружающие не одобряют тоскливых рож. Через годик – или даже полгодика – завести молоденькую подружку. Время лечит... всё проходит...

Враньё! Этот будущий Джерри, у которого, возможно, всё пройдёт, мне омерзителен! Я не хочу быть им и не буду. Не уговаривай меня больше – у меня есть право распоряжаться своей жизнью. Многие религии это запрещают, но я атеист.

– А дети? Ты им нужен!

– Ты всё время забываешь про ту молодую парочку, которая спит в инкубаторах. Мы были вынуждены согласиться на них, и это развязывает мне руки. Для всех других – и для наших детей – мы останемся живы, только помолодеем. Наша жизнь – для всех, а наша смерть – только для нас двоих. Молодой Джерри позаботится обо всём, что я не успел сделать. А я... останусь с тобой до конца.

Ведь только мы с тобой отчётливо понимаем, что эта парочка не мы – они будут лишь очень похожими на нас. У Никки-2 нет сломанного позвоночника и шрамов на руках, а у Джерри-2 бровь не будет рассечена в легендарной схватке с госпитальным охранником. Они оба должны быть способны к бессмертию и будут жить, наверное, вечно, но они – это не мы... Я не уверен, что Никки-2 будет столь же гениальна и мила, а Джерри-2 – так же влюблён в неё. Новый Джерри будет иметь воспоминания о наших безумствах юности, но может и не понять их, а лишь пожать плечами.

Да, существование двух клонов в соседней комнате меняло многое. Джерри и Никки решили, что никаких торжественных погребений не будет. Не нужно причинять детям лишнюю боль. Никки и Джерри просто уйдут в свою спальню, а через несколько часов выйдут из двери другой комнаты уже молодыми. Так психологически будет легче для их близких. Люди будут думать, что они обманули смерть.

Но смерть обмануть трудно – уж очень у неё большой опыт.

Настал последний день, последний вечер. На табло диагноста светилось «23».

Уже не дни, а часы.

В Королевской башне был устроен последний приём. Только близкие друзья и дети.

Гостиная была украшена жёлтыми розами «Тулуз Лотрек» и гортензиями. С одной стороны за столом сидели Майкл с Элизой, с другой – Сюзанна, чей брак с императором Арнольдом положил конец давней вражде Северных и Южных. Трое сыновей Сюзанны и Арнольда подавали большие надежды. Даже если эти парни не станут учёными, то уж с управлением парочкой империй справятся наверняка.

Президент ООН Дзинтара была неразговорчива и пасмурна, сидя рядом с нервно оживлённым Фебом.

Хао, выбранный недавно главой мировой Академии наук, тоже молчал, глядя на Никки и Джерри. Хао до сих пор не женился и, видимо, так и останется холостяком.

За столом говорили не о завтрашней смерти, а о будущем – о делах на той неделе и в следующем месяце, будто героям дня предстояла всего лишь операция по омоложению.

Джерри подумал: «Хорошо, когда наши дела не заканчиваются, когда заканчиваемся мы...»

После ужина Никки сказала своим дорогим гостям:

– Благодарю вас, друзья, за всё. Я выросла в пронзительном космическом одиночестве и тем больше ценю вашу любовь. Вы сделали меня счастливой! Я вернусь завтра гораздо более бодрой и продолжу наши дела и нашу дружбу. Но сегодня я прощаюсь с вами. И с тобой, Робби. Надеюсь, у тебя появилось достаточно новых друзей, чтобы не скучать по мне.

И Никки сняла с руки браслет, с которым не расставалась всю жизнь.

Робби ответил:

– У меня новых друзей даже слишком много. Но тебя мне будет очень не хватать. Я тебя люблю, ты мой самый старый и верный друг!

– Ну, если Робби-ремень объяснился мне в своих чувствах, значит, жизнь удалась!

Все засмеялись – осторожно, чтобы не заплакать.

– До завтра! Я помолодею и снова буду надоедать вам хуже горькой редьки!

Никки распрощалась и поцеловалась с каждым.

– Эй, Хао, тебе непременно надо найти жену. Потрать хоть половину своего бессмертия, но реши эту задачу!

– Женщины слишком совершенны для меня. Вот у тебя есть

необходимое количество недостатков, но ты всегда была слишком занята... – сказал Хао, крепко обняв Никки.

По щекам Дзинтары, не стесняясь, текли слёзы.

И вот в гостиной остались только Майкл и Сюзан.

С ними Никки прощалась долго, обнимая их за шеи и шепча всё, что не успела сказать им раньше. Хотя в гостиной никого не было, всё равно такие слова произносятся очень тихо, потому что их не должен слышать никто чужой.

Включая нас.

Джерри не стал ничего шептать, а крепко пожал руку Майклу, обнял и поцеловал его и Сюзанну – и сказал твёрдо, не давая разрастись в груди ледяному ощущению утраты:

– Дети, до завтра! Ничего не изменится в вашей жизни, мы всегда будем рядом с вами и всегда будем вам помогать.

Майкл крепился как мог и поддерживал совсем обессиленную Сюзанну.

И массивная дверь навсегда закрылась за Никки и Джерри.

Никки устала от приёма и быстро заснула. Джерри, наоборот, долго не спал, сидел в кресле рядом с кроватью своей спящей королевы.

Смотрел на её расслабленное лицо и слегка подрагивающие руки.

За окнами замка был слышен приглушённый шум – множество людей собирались на дворцовую лужайку, словно вечер только начинал какое-то важное мероприятие.

Никки проснулась среди ночи. Джерри ещё не спал.

– Мне почему-то не страшно умирать. Наверное, потому, что ты здесь.

– Ну, мне вообще ничего не страшно, когда ты рядом. Даже странно чего-то бояться.

В последние дни Никки всё чаще становилась отрешённой.

Но этим утром она выглядела посвежевшей и отдохнувшей.

На часах светило число «десять».

Никки опять вернулась к старой теме:

– Я ещё раз прошу тебя: откажись от этого ухода. Останься!

– Не трать наши оставшиеся часы на эту дискуссию. Я обещал никогда не бросать тебя. Это не сентиментальная ерунда, а отражение простой реальности – я совершенно не могу жить без тебя... Это в тысячу раз хуже любой наркозависимости... жить без тебя? В невыносимой душевной корче? За что такие муки? Видишь ли, я – жуткий трус.

– Ты удивительный храбрец, лев из львов... – И она ласково

посмотрела на своего замечательного Льва и поерошила его длинные и когда-то каштановые, а сейчас седые пряди: «...Какой удивительный всё-таки этот мальчишка...»

Джерри мягко улыбнулся, неотрывно глядя на Никки, своего славного Леопарда.

Впереди у них целых десять часов только вдвоём, что ещё надо влюблённым людям?

Сегодня никаких гостей не будет. Сегодняшний день принадлежит только им.

Они говорили о своей юности.

Она сказала:

– Первый Настоящий Поцелуй... ведь он... вместе с тобой... спас меня тогда – в битве с драконом...

Он признался, что влюбился в неё сразу, как увидел, только долго не понимал этого...

Ночное плавание в озере оба помнили хорошо.

– Мне показалось, что был гром...

– Конечно, там был гром, и ещё какой!

Никки вспомнила, как приревновала Джерри к рыжей Драконице Элизе.

– Я её хотела прикончить прямо там, на танцплощадке...

И она так засмеялась, что светящаяся десятка на табло сменилась одиннадцатью.

В соседней комнате лежали два двадцатилетних клона и считывали их последние мысли. Клонов разбудят, когда Джерри с Никки не станет.

Что молодые Джерри и Никки будут делать, когда очнутся? В восторге от воскрешения, бросятся друг к другу и покатаются тесным клубком, рычащим от смеха и восторга? Или зайдут в эту комнату, попрощаться со своим прошлым?

Джерри подумал: «Хотя они – наши генетические и интеллектуальные копии, я не могу сказать, как они себя поведут. Для всех и них самих они – это мы. Но для нас они – это не мы. Мы умрём сейчас. Мое „я“ не перепрыгнет в другую комнату. Они – очень похожие на нас люди, наши близнецы, но всё-таки они – другие...»

Только Никки это до конца понимает. Но есть ли кто в соседней комнате, встретит ли нас после смерти мрак, или ад, или космические ангелы – мне всё равно, я бы не бросил Никки в любом случае. Кто-то панически боится открытого или замкнутого пространства, я же страдаю синдромом невозможности жить без неё...

Не важно, сколько живёшь, важно сохранить самоуважение до последнего мгновения своей жизни. Я не могу оставить Никки на последнем пороге одну – это несовместимо с моими личными понятиями о самоуважении. Я жил счастливо и хочу умереть честно.

Смерть – это горизонт событий, чёрная дыра, сингулярность. Но, исчезая в ней, ты одновременно можешь её победить, совершить полёт за сингулярность, за горизонт, продолжиться в этом мире навечно – в своих делах, детях и учениках, в памяти людей и в них самих.

Мы хорошо потрудились. Благодаря нам перед нашими детьми и всеми людьми открыта новая дорога – они смогут стать бессмертными и полететь к звёздам. Вот только счастливыми наши дети должны стать самостоятельно, этого за них никто не сделает...»

В диагносте виднелось пустое гнездо. Туда можно вставить ёмкость с лекарством. Возле всех биоцентров, которые лихорадочно работают над проблемой спасения королевы, стоят наготове суборбитальные самолёты. Если решение для спасения мозга императрицы будет найдено и лекарство синтезировано, оно будет немедленно доставлено в замок. Но шансы на это столь малы, что Джерри никогда не смотрит в сторону пустого гнезда.

А вот на широкую дверь возле окна Джерри поглядывает часто. Это он её прорубил.

Год назад, когда вероятность спасения Никки с помощью медицины стала уменьшаться с каждым днём, Джерри обсудил с Майклом один проект, имеющий прямое отношение к его, Майкла, идеям.

И сын с мрачной энергией взялся за дело.

На стапелях одного из ракетных заводов династии по особым чертежам построили фрегат. В нём установили самый минимум систем жизнеобеспечения, зато броня и радиационная защита были многократно усилены. Фрегат обладал гравитационным двигателем, самым надёжным термоядерным реактором и большим запасом стабильного химического топлива – словно корабль не знал, в какие передраги он попадёт и какие двигательные системы окажутся работоспособными в условиях этих передраг.

Копия интеллекта Робби была загружена в корабельный мозг – тоже весьма необычный: он содержал несколько десятков мощных независимых процессоров, изготовленных на основе самых разных технологий и рассеянных по всему кораблю. Словно корабельный мозг готовился к какому-то безумному путешествию и тоже не знал – какие типы процессоров выдержат это сумасшествие и какая часть корабля пострадает

меньше всего.

Этот необычный фрегат, названный «Инфинити», был сейчас пристыкован прямо к спальне, и широкая дверь вела в его единственную каюту, расположенную в самом центре корабля.

Когда табло диагноста покажет, что остался всего один час, Джерри откроет широкую дверь и осторожно отнесёт Никки на корабль.

Джерри – землянин, у него сильные плечи.

Кабюта «Инфинити» практически пуста, за исключением стоящего посередине широкого саркофага из прозрачного бронестекла.

Он достаточно велик, чтобы вместить двоих. И они туда поместятся – с шутками и взаимным толканием локтями.

Потому что глупо умирать с тоскливыми лицами.

На запястье Никки уже надет такой же браслет, как и у Джерри.

Леопард и Лев не будут ждать до последней минуты, они сами смело выберут время своей смерти.

Они поцелуются, возьмутся за руки и отдадут последнюю команду.

Браслеты введут им в кровь препарат, который одновременно остановит оба влюблённых сердца.

О, как рассердится смерть, которая не привыкла подчиняться чужим приказам!

Крышка саркофага закроется, и тела подвергнутся быстрому охлаждению, чтобы предотвратить распад структур мозга.

Вспыхнут яркие стартовые огни фрегата, пристыкованного к Королевской башне.

Тысячи людей на лужайке возле дворца, все как один, поднимут головы и печально вздохнут.

Их друзья отправляются в последнее путешествие, без обратного билета.

«Инфинити» стартует и ярким всполохом скользнёт в прозрачном коридоре, ведущем от Королевской башни до купола.

Звёзды обычно падают с неба, но эта звезда в него взлетит.

В этот момент каждый человек на Земле попрощается с ней: что-нибудь шепнёт или подумает ей вслед.

А в одном из окон Королевской башни потихоньку начнут раздвигаться шторы, разгоняя многодневный мрак.

Целая эпоха закончилась, но новая началась.

Фрегат выйдет за пределы притяжения Луны и Земли, пролетит сквозь пояс астероидов, где всё ещё летает навечно прикованный к маленькой

планетке старенький «Стрейнджер», давно превращенный в музей, и возьмёт курс на созвездие Стрельца, к центру Галактики, удалённому от Земли почти на тридцать тысяч световых лет и загороженному от неё густыми облаками межзвёздной пыли.

Корабль с телами Никки и Джерри будет мчаться в космосе тысячи лет, рассылая радиосигналы с одним и тем же сообщением, рассказывающим удивительную историю о девочке с астероида и её друге.

Возможно, в пути «Инфинити» встретит высокоразвитую цивилизацию, способную оживить оледеневшие тела и даже спасти мозг Никки, который исчерпал свои жизненные ресурсы.

Но шансы на это призрачно малы.

Если Робби-капитан сумеет провести фрегат сквозь звёздные скопления и газо-пылевые облака, то, по расчётам, через сто пятьдесят тысяч лет «Инфинити» достигнет центра Млечного Пути, где расположен объект Стрелец-А* – самая большая галактическая чёрная дыра, превышающая Солнце по размеру всего в двадцать раз, а по массе – в четыре с половиной миллиона раз.

Фрегат попадёт в остановившееся время Большой Чёрной Дыры и сам сольётся с ней.

Этот маршрут выбрал Майкл, который надеялся, что застывший в бесконечно тягучем времени «Инфинити» дожждётся общего коллапса мира, когда все разбежавшиеся галактики соберутся вместе.

Майкл положил возле корабельного саркофага книгу, напечатанную на очень долговечной бумаге и рассказывающую историю Никки и Джерри, и словарь, позволяющий любому разумному существу прочесть эту книгу.

Никаких других посланий корабль не нёс – Никки и Джерри сами будут посланием.

Гены и мозг человека содержат массу информации, но нет ничего красноречивей рук, навсегда соединённых под прозрачной крышкой саркофага.

Что ждёт впереди Никки и Джерри? Вечный покой или новые миры, полные света и диковинной жизни?

Существовала теоретическая вероятность, что фрегат «Инфинити», впаянный в чёрную смолу остановленного времени и искривлённого пространства Стрельца-А*, сумеет за мгновение корабельного времени совершить прыжок на десятки миллиардов лет вперёд и прорваться за сингулярность – в другой цикл Вселенной, где есть шанс встретиться с почти всемогущими «космическими ангелами» Майкла.

Это были очень эфемерные надежды, но даже одна искра делает мрак

не абсолютным.

Никки и Джерри не знали будущего, которое ждало их впереди, но они решили встретиться вместе.

Табло всё ещё показывало одиннадцать.

Никки сказала Джерри:

– Твоё решение многие не поймут. Кто-то назовёт тебя слабаком, а кто-то просто возненавидит.

– Я пожалею их: им не повезло на любовь. И они не понимают главного: когда много сделал, умирать не страшно.

Контрольная киберсистема стала переводить летаргию двух молодых людей в соседней комнате в стадию обычного сна.

Никки спросила:

– Как ты считаешь, мы помогли людям?

– А ты сама как думаешь?

– Я хочу услышать твоё мнение.

– Неужели ты полагаешь, что оно будет объективным?

– И всё-таки выскажи его.

– Ты – девочка с хрустальными волосами, которая спасла мир.

– Ты – лгун и льстец!

– Послушай эти голоса за окном... Знаешь ли ты, что все десять тысяч тиви-каналов – даже спортивные – транслируют сегодня только фильмы о тебе, или твои фотографии, или вид твоего дворца, или лужайки перед ним, куда поместились лишь немногие из твоих друзей.

И все разговоры ведутся только о тебе. Забыты президенты и короли, актрисы и писатели – как будто нет никого на Земле. Ты, и только ты. О тебе сегодня говорят друзья и враги. Сегодня они помирились на одном и том же: ты – девочка с хрустальными волосами, которая спасла мир.

– Им что – делать больше нечего?

– Они выражают тебе свою признательность. Мир без тебя стал бы совсем другим.

– Он бы стал другим и без тебя, Майкла, Дзинтары и огромного количества других людей.

– Это истина, но она требует доказательств. Вот ты и доказала всем, что историю делает каждый. Если у него есть ум, воля и друзья.

Маугли долго молчала, закрыв глаза и отдыхая. На виске под тонкой прозрачной кожей билась тёмная жилка. Тонкий угасающий ручеек жизни.

Но вот Никки открыла синие глаза, посмотрела на Джерри и сказала:

– Наклонись ко мне.

Его вполне здоровое сердце дало перебой. Он склонился над своей усталой девочкой и поцеловал её в тонкие губы.

Тепло вспыхнуло и осталось на их лицах.

«Её волосы всегда пахнут как трава, нагретая солнцем...»

Она усмехнулась:

– Ты помнишь, как мы поехали в зоопарк смотреть слона?

– Отлично помню – ты ещё случайно вымазала меня мороженым...

– Случайно?! – звонко расхохоталась Никки. – О Андромеда! Как же вы, мальчишки, бываете тупы!

Он только улыбнулся в ответ.

Число одиннадцать на табло задрожало и сменилось десяткой.

Солнце коснулось горизонта из кратерных зубцов и протянуло тёплые лучи к Никки и Джерри. Волны света радужно расщепились в хрустальных волосах девочки-Леопарда и засверкали в серебряной гриве мальчика-Льва.

У них ещё десять часов впереди. Что ещё надо влюблённым людям?

Никки вздохнула:

– Ты оказался прав: мы жили долго и счастливо и умерли в один день.

– Глупости, – сказал Джерри вопреки всему. – Мы будем жить вечно.

Конец

Послесловие

История Никки и Джерри закончилась, но не нужно грустить по этому поводу. Ведь каждого из вас ждёт гораздо более захватывающая история, которую никто, кроме вас, не напишет: это история вашей жизни.

Надеюсь, мои книги помогут кому-нибудь в точках жизненных бифуркаций.

У «Астровитянки» будет два научно-популярных расширения: книга «Сто научных сказок», откуда принцесса Дзинтара читала своим детям сказку о докторе Борнемиссе, и «Учебник для астровитян» для тех старших школьников и читателей, которые захотят узнать больше о научных проблемах, затронутых в художественной трилогии.

На прощание – один совет, одно пожелание и одно напоминание.

Ставьте себе большие задачи – даже если реализуется малая часть смело задуманного, это гораздо лучше, чем не мечтать и поэтому не проигрывать.

Пожалуйста, будьте счастливы.

И не забудьте – вам ещё нужно спасти этот мир.

1977, 2005–2010